

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

11933

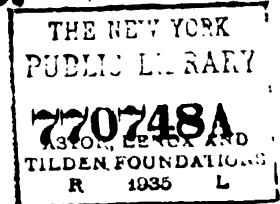
МОСКВИТЯНИНЪ.

11933

1850.

№ 17.

Сентябрь.

Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ОДАРБА-БВОЧБА.

ПОВѢСТЬ.

I.

Это было очень давно, а какъ давно — не помню.

У воротъ совершенно-новаго и довольно-красиваго домика стоялъ худощавый, высокаго роста, мужчина, въ блонъ канифасномъ сертукъ, падавшемъ складками до пятокъ. Матовая близна этого наряда рѣзко противорѣчила сумраку, его окружавшему. Во рту у него дымился коротенькій чубукъ. Долго стоялъ онъ не измѣняя своего положенія ни малѣйшимъ движеніемъ, и только рѣдкіе пуфы обозначали жизнь его верхней губы. Въ тихомъ забытїи, онъ машинально поглядывалъ то на чистое, безоблачное небо, начинавшее зарумяниваться съ востока, то на тонкія струи табачнаго дыма, исчезающія въ воздухъ.

* Квочка — насѣдка.

Отд. I.

1

PERL, JAN 21 1935

Было очень рано. День наступалъ праздничный , и , казалось , сама природа , следуя календарнымъ указаніямъ , собиралась , за-одно съ людьми , пришарядиться на славу лучемъ весенняго солнышка.

— Какъ они любятъ долго спать , — сказалъ Иванъ Ивановичъ , принимая на себя озабоченный видъ.

Онъ сѣлъ на дощечку , прибитую у воротъ вмѣсто скамейки , и , зѣвнувъ протяжно , началъ снова набивать фарфоровую голову турчанки , съ мѣднымъ ободочкомъ на лбу.

Иванъ Ивановичъ Шпакъ , котораго , при сей вѣрной okazji , имѣемъ честь представить читателямъ , вполне заслуживаетъ ихъ вниманіе ; мы не рѣшаемся рекомендовать его нежнымъ читательницамъ , потому-что Иванъ Ивановичъ давно уже отпраздновалъ свою сороковую годовщину ; сверхъ того , Иванъ Ивановичъ какъ-то шероховато выражалъ завѣтное мнѣніе свое о женскомъ полѣ вообще , не смотря на то , что старался иногда оказывать особенное уваженіе и самую деликатную *attention* любезной супругѣ своей , Аннѣ Прохоровнѣ , которал , доживая съ нимъ другой десятокъ , постоянно напрягала всѣ имѣвшіяся у нея способности женскаго ума и сердца , къ достиженію возможно-большаго спокойствія семейной жизни , и , нужно сказать , нерѣдко добивалась цѣли своего постоянного стремленія ; до того , что самъ Иванъ Ивановичъ , въ минуты нежнаго изліянія чувствъ , говаривалъ : «разумѣется , не всякій можетъ понимать , отчего моя Ганнуся не то , что другія ; оно , конечно , бываетъ иногда , такъ... однако-жь , терпѣніе , патіенція , душа моя , Павелъ Павловичъ , — добродѣтель , сударь , да!» Это значило , что Анна Прохоровна обладала высокимъ даромъ терпѣнія.

Трудно изъ этого вывести какое-нибудь заключеніе о характерѣ и свойствахъ Ивана Ивановича , а потому , пользуясь минутою его раздумья и упонтельнаго созерцанія природы , скажемъ о немъ нѣсколько словъ отдѣльно.

Иванъ Ивановичъ Шпакъ , или , какъ незывали его иные , «голубой Шпакъ» , считалъ себя потомкомъ какого-то майданнаго шляхтича , въ сущности-же былъ не что иное , какъ отставной депутатъ городской Думы , приписанный къ сосло-

вію мѣщанъ города ***а, въ Малороссіи. Иванъ Ивановичъ былъ мужчиною високаго роста. Рѣдкіе съ просѣдію волосы свои онъ зачесывалъ назадъ, отчего сильно выдвигался наружу его высокій, узкій лобъ овальной формы; нѣсколько тонкихъ морщинъ обозначались на немъ при малѣйшемъ движеніи густыхъ бровей, изъ-подъ которыхъ, временами, выглядывали свѣтлоголубые глаза. Выраженіе взгляда Ивана Ивановича надолго-бы осталось неумовимымъ для самаго опытнаго фізіономиста, потому-что онъ, по указанію-ли природы, или по привычкѣ, любилъ больше смотрѣть на кончикъ своего немного-вздернутого носа. Отъ этого носа тянулась тонкая верхняя губа, покрывавшая такую-жь нижнюю; плоскій и угловатый подбородокъ отдѣлялся двумя глубокими морщинами отъ блѣдныхъ щекъ и широкаго рта, составлявшаго какъ-бы особенную, вставочную часть длиннаго, плосковатаго съ боковъ и выбѣжавшаго впередъ лица.

Медленная походка Ивана Ивановича заключала въ себя какую-то особенную, неподражаемую пловучесть, которая очень шла къ его горделивой поступи; никто такъ вѣрно не представлялъ изъ себя профессора элоквенціи, вступающаго на кафедру, какъ Иванъ Ивановичъ на ходу, съ его степенными движеніями и образцовою миною. Держась всегда прямо, длинная и тощая фигура Ивана Ивановича безъ вѣтра и паруса подавалась впередъ, не измѣняя ни малѣйшимъ тѣлодвиженіемъ всей значительности докторальной позы. Нужно было очень пристально смотрѣть на идущаго Ивана Ивановича, чтобы замѣтить, какъ онъ покачивался только одною серединою своего корпуса, которая была у него какъ-будто на шарньерахъ, и, какъ-то странно, при каждомъ шагѣ, выдавалась впередъ, отъ чего длинныя полы его сюртука, подобно маятнику, мѣрцо хлопали по пяткамъ.

Со дня женитьбы на Аннѣ Прохоровнѣ, въ торжественные и праздничные дни, зимою и лѣтомъ, Иванъ Ивановичъ постоянно наряжался въ голубой суконный сюртукъ и штаны такого-же цвѣта. Зимою онъ обыкновенно застегивался на всѣ пуговицы, а лѣтомъ ходилъ на-распашку. Желтый однобортный жилетъ несотъемлемо принадлежалъ къ этой парадной

парѣ. Шею свою туго-нѣтуго въ три оборота повязывалъ онѣ бѣлымъ коленкоровымъ платкомъ и такъ тщательно пряталъ концы его, что издали повязка эта походила на гипсовый ошейникъ, по-видимому, давившій, сухую шею Ивана Ивановича. Странная форма отложнаго воротника никогда-бы не позволила Ивану Ивановичу надѣть на голову шляпу съ полями, потому-что воротникъ этотъ исполнялъ должность суконнаго футляра, въ которомъ, прильнувъ плотно, покоилась вся задняя половина головы; отъ верхушки затылка начинался загибъ воротника, и, оттопырясь, показывалъ весь нижній шовъ и внутреннюю стежку. Воротникъ этотъ вверху былъ такъ узокъ, что оба уха и передняя половина шеи въ разрѣзъ оставались на виду, по причинѣ косой выемки отъ затылка къ бортамъ. Всего явственнѣе въ этомъ нарядѣ бросалась въ глаза ошибка портнаго, который скроилъ такъ низко талию, что Иванъ Ивановичъ, садясь на что-нибудь жесткое, получалъ самое неприятное ощущеніе отъ двухъ мѣдныхъ пуговицъ, пристегнутыхъ къ поперечному шву его длиннаго лифа; плоскія пуговицы эти были такой величины, что каждая изъ нихъ, при нуждѣ, могла-бы служить крышкою иному чайнику. Сертукъ весь сидѣлъ такъ мѣшковато, что гибкій и сухощавый корпусъ Ивана Ивановича представлялъ изъ себя что-то въ родѣ въшалки на двухъ тоненькихъ подпоркахъ, вставленныхъ въ козловые сапоги, до-пелъзя напѣтанные смальцемъ.

Жизнь Ивана Ивановича текла подѣ вліяніемъ постояннаго стремленія — казаться какъ-можно болѣе оригинальнымъ. И онѣ въ высшей степени обладалъ способностью — дать себя замѣтить. Въ какое-бы время и на какомъ-бы-то мѣстѣ ни было, Иванъ Ивановичъ всеми силами старался стать на первомъ планѣ. Многіе, не знаю почему, называли это слабостью и даже приводили рѣзкія на то доказательства, указывая на нѣсколько случаевъ, гдѣ Ивану Ивановичу было очень, очень плохо.... Какъ-бы это тамъ себѣ ни было, однакожь Иванъ Ивановичъ часто повторялъ: «оно, конечно, на свѣтѣ есть много умныхъ людей, что и говорить! а все-таки, придуть, да и спросять: Иванъ Ивано-

вичь, какъ вы объ этомъ думаете?». Ну, и скажешь.... Разумѣется, не всякій можетъ понимать....

Одаренный отъ природы удивительной памятью и подстрекаемый немощною страстью къ спорамъ и возраженіямъ, Иванъ Ивановичъ сохранилъ цѣлостно все свѣдѣнія, накопленныя имъ въ малолѣтствѣ, ничуть не измѣняя первобытной ихъ формы и сохраняя ихъ въ умѣ своемъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ находились онъ при полученіи отъ разныхъ особъ. Къ тому-же, на бѣду слушателей, онъ нѣкогда учился въ латинскихъ школахъ, существовавшихъ во времена Императрицы Елисаветы, и весь матеріалъ, почерпнутый имъ изъ этаго богатаго рудника со всею жаждою юношеской любознательности, сохранилъ, какъ святыню, дарованную ему учителемъ латинской грамматики, которому въ особенности считалъ себя обязаннымъ за вспомогательный глаголъ *Sunt*.

Нужно отдать полную справедливость Ивану Ивановичу въ томъ, что онъ умѣлъ снискать отъ многихъ знаки истиннаго уваженія; нѣкоторые даже признавали въ немъ чело-вѣка съ необыкновеннымъ умомъ и самыми разнородными познаніями; были и такіе, которые постоянно удивлялись высокому его разуму и выражались о томъ не иначе, какъ въ слухъ и въ его присутствіи. Главною причиною такого полнаго успѣха, усвоившаго Ивану Ивановичу всю законность права почти на всеобщее уваженіе и рѣдкую предпочтительность, которыми онъ, какъ выражались иныя злые языки, пользовался незаслуженно, было одно внѣшнее обстоятельство, не имѣвшее никакой видимой связи съ внутренними достоинствами Ивана Ивановича.

Мирный житель города ***, Иванъ Ивановичъ Шпакъ, считался владельцемъ единственнаго, довольно-ветхаго, деревяннаго дома и двухъ-сотъ квадратныхъ саженой земли, на которой торчали смазанныя глиною старыя яблони и груши, въ совокупности своей носившія громкое названіе Фруктоваго сада. Все это сокровище, безъ раздробленія, перешло къ нему отъ покойнаго родителя его Ивана Артемовича Шпака. Кромѣ видимой и всѣмъ известной собственности.

Иванъ Ивановичъ никакой другой не имѣлъ и имѣть не могъ, потому-что ни воспитаніе, ни горькій опытъ жизни не втѣснили въ его высокопарную голову черствой мысли—заняться исключительно какимъ-нибудь ремесломъ, или посвятить себя на промыселъ, для прокормленія семейства, которымъ Иванъ Ивановичъ не замедлилъ обзавестись при первой открывшейся возможности шить себѣ голубой сертукъ. Конечно, въ то счастливое время, когда появилось свѣтлое лицо младенца Ивана Ивановича, пришедшаго въ міръ съ такимъ исключительнымъ назначеніемъ, еще не многіе рѣшались пугать свое воображеніе грустными картинами дѣйствительности, однакожь, нѣкоторые, видя пятнадцатилѣтняго юношу, разгуливавшаго по городскимъ улицамъ въ пестрядинномъ халатѣ, съ поднятѣмъ кверху носомъ, и обращая потомъ тоскливые взгляды на ветхую крышку дома Ивана Артемовича, не много радостнаго сулили въ будущемъ его первенцу. Толки и соображенія, какъ водится, росли, плодились, увеличивались и наконецъ достигли окончательнаго опредѣленія въ радостный день женитьбы Ивана Ивановича, на избранницѣ его сердца. Анна Прохоровна, въ свою очередь, кромѣ любви, двухъ подушекъ и дойной коровы, ничего не могла присовокупить къ скудному достоянію супруга, въ которомъ, къ несказанному удивленію, вмѣстѣ съ высокимъ даромъ краснорѣчія, открыла и рѣшительную неспособность вколотить даже заостренный колъ въ землю, для отвращенія опустошительныхъ набѣговъ сосѣдней свиньи съ поросятами на тощія гряды ея небольшого огорода.

Иванъ Ивановичъ, по эпикурейской натурѣ своей, смотрѣлъ на подобныя маленькія неудобства какъ-то вскользь, свысока, и всегда выражался о нихъ съ ненарушимымъ хладнокровіемъ. Бывали, конечно, минуты, въ которыя онъ невольно измѣнялъ свою любимую манеру выраженія: «разумѣется», — говаривалъ онъ, собираясь уснуть послѣ незатѣливаго ужина, — «оно, и съ умомъ, а все-таки нужно воздержаніе;.... Однако-же, досадно, чортъ возьми; хоть бы этотъ ... ну, что за человекъ.... А туда-же курица и лапша, тово.... поросенокъ жареный ... вкусно! корка хруститъ ... дуррракъ!»

Съ этимъ послѣднимъ словомъ Иванъ Ивановичъ громко откашливался, поворачивался на другой бокъ и засыпалъ.

Вскорѣ кругъ дѣйствій Анны Прохоровны началъ расширяться, а вмѣстѣ съ нимъ и домашній бытъ Ивана Ивановича примѣтно улучшился. Самъ онъ еще съ большимъ достоинствомъ и самоувѣренностію повторялъ свои сентенціи, которыхъ единственная тема была та, что умный человѣкъ нигдѣ не пропадаетъ. Изумленіе сосѣдей по поводу видимыхъ измѣненій этихъ, возрастало съ каждымъ днемъ больше и больше, и наконецъ переступило границу всякаго вѣроятія, когда вслѣдъ за новою крышею на домъ и досчатимъ заборомъ, явившимся вмѣсто стараго плетня, они, собственными глазами, увидѣли въ рукахъ Ивана Ивановича готовый планъ для построенія новаго, довольно-цѣннаго дома, на землѣ, купленной имъ у сосѣда, за которую онъ, не поморщась, отсчиталъ десять полновѣсныхъ карбованцевъ.

— Откуда-же взялись въ карманахъ Ивана Ивановича эти десятки карбованцевъ? — говорили одни. — А все-таки при нуждѣ никогда не откажетъ, спасибо ему; такой добрый, — повторяли другіе. — Правда, какъ придешь къ нему, да попросишь карбованцевъ пять на подмогу, такъ ужъ чего уши не натерпятся, а все-таки дасть! Да и говорить какъ-то не просто, все латынь: «вашъ братецъ, говорить, извините, *стулыпусъ*». Что тутъ поймешь? только — какъ скажетъ: «да посидите еще, Павелъ Павловичъ, заразъ гроши дамъ, только посидите»; а тамъ и пойдетъ опять по своему. Умная голова! оттого и деньги ... самъ говорить, чего тутъ....

Причиною этой, тожительной для всѣхъ, загадки было слѣдующее обстоятельство.

У Ивана Артемовича были два брата. Изъ нихъ старшій посвятилъ себя духовному званію и пошелъ въ монахи; младшій оказывалъ больше наклонности къ кулачнымъ боямъ и далекимъ странствованіямъ. Наскучивъ отцу безпрестанными проказами, и соскучась, въ свою очередь, пустотой и бездѣльемъ въ домъ родительскомъ, онъ, какъ-то, въ одно прекрасное утро, обезпечивъ себя ниткой дукатовъ, которые мать его по праздникамъ надѣвала себѣ на шею, вышелъ изъ

дома и, поклонясь на всѣ четыре стороны, простился съ родиною, да и пошелъ путемъ-дорогой.

Нѣсколько лѣтъ спустя, какой-то польскій Жидъ-торгашъ разсказалъ старику-отцу, что его милый Яся носитъ конфедератку на головѣ, саблю у бока, червонцы во всѣхъ карманахъ, и ловко пляшетъ съ пайнами мазуречку. Вскорѣ за тѣмъ, Артемій Шпакъ, отходя къ другимъ Артеміямъ и не Артеміямъ Шпакамъ, благословилъ, заочно, въ числѣ другихъ дѣтей, и танцующаго конфедерата. Ивана Ивановича тогда еще не было на свѣтъ, а впоследствии, когда онъ родился, онъ имѣлъ какое-то странное понятіе о конфедератахъ вообще, и никакого о своемъ родственникѣ въ особенности.

Спустя четыре года послѣ женитьбы Ивана Ивановича, въ день рожденія старшей его дочери, часу въ десятомъ вечера, кто-то сильно постучался въ дверь. Поднеся сальную свѣчу къ носу вошедшаго, Иванъ Ивановичъ быстро попятился назадъ, озадаченный фізіономією гостя. Передъ нимъ стоялъ широкоплечій мужчина, въ синемъ кунтушѣ, съ значительною осанкою и длиннѣйшими усами. Безъ церемоній, брося въ сторону шапку, незнакомецъ прошелся одинъ разъ по комнатѣ, потомъ остановился передъ Иваномъ Ивановичемъ, посмотрѣлъ пристально ему въ глаза и, покручивая свой съ просьбью усъ, сказалъ:

— Вы Иванъ Ивановичъ Шпакъ?

— Разумѣется, можетъ-быть кто-нибудь и другой тоже Шпакъ; но Иванъ Ивановичъ — именно я; я Иванъ Ивановичъ Шпакъ.

Иванъ Ивановичъ подвинулся къ столу, чтобы поставить свѣчу; незнакомецъ пронизывалъ его вопрошающимъ взглядомъ.

— А, такъ вы.... Какъ звали вашего отца?

— Оно, конечно, всякій отецъ имѣетъ свое названіе, однако-жь мой отецъ былъ Иванъ Артемовичъ! разумѣется....

— Хорошо. Это мнѣ и нужно.... Я здѣсь ночую.

Онъ сѣлъ на узкую скамью, стоявшую подъ окномъ, и, опершись локтемъ на кончикъ стола, внимательно осматривалъ комнату отъ пола до потолка; потомъ, склонясь всѣмъ корпусомъ въ углубленіе окна, съ тѣмъ-же вниманіемъ

посмотрѣть на внутренность двора, освѣщенного тусклымъ отблескомъ луны, и принявъ первоначальную позу, сказалъ про себя: «тамъ въ углу былъ сарай сломанъ....»

Во время ужина, поданнаго Иваномъ Ивановичемъ, господинъ-длиннѣйшіе усы, проглотивъ нѣсколько ложекъ картофельной юшки, снова закидалъ словоохотнаго хозяина отрывочными вопросами, большею частію относившимися къ собственной его персонѣ.

Иванъ Ивановичъ, видя, что его слушаютъ со вниманіемъ, пустился въ объясненія и не прерывалъ себя до той минуты, пока незванный гость, выслушавъ только то, что, по видимому, занимало его особенно, легъ на постланную ему постель и уснулъ сномъ богатырскимъ.

Иванъ Ивановичъ не смыкалъ глазъ ни на минуту; мучительныя соображенія волновали въ немъ кровь; онъ крайне досадовалъ на самого себя. Владылецъ усовъ, не смотря на всю тонкость приступа къ нему, остался такъ-же загадоченъ для него, какъ и непомятна была самая цѣль его неожиданнаго появленія. И кто онъ такой? Чудное вліяніе незнакомаго тяжелымъ гнетомъ налегло на всю природу Ивана Ивановича.... И онъ, мудрый, тонкій, проницательный, сердцевъдъ, поникъ, съежился, вросъ въ землю, передъ магнитическимъ взглядомъ выпученныхъ глазъ этой усатой загадки, которая, тамъ за стѣной, зарывшись въ мягкія подушки, густымъ сапомъ своимъ, какъ острою пилой, двоила уха Ивана Ивановича.

Съ первымъ крикомъ пѣтуха Иванъ Ивановичъ вскочилъ съ постели и, шагая изъ угла въ уголъ, продолжалъ мучиться нетерпѣливымъ ожиданіемъ конца этой продѣлки.

По утру «усы» изъявили желаніе быть воспріемникомъ новорожденнаго младенца. Анна Прохоровна приняла предложеніе съ суевѣрной радостью. На всѣ приступы и тонкія освѣдомленія Ивана Ивановича, угрюмый гость отвѣчалъ постояннымъ и однозвучнымъ *посль*. И опять, молча и съ какимъ-то грустнымъ любопытствомъ, осмотрѣвъ онъ домъ и всѣ надворныя строенія, прошелся по саду, и, наконецъ, сѣвъ на скамейку подъ старой яблонью, написалъ карандашемъ нѣсколько строкъ на лоскуткѣ бумажки, которую по-

ложилъ обратно въ свой широкій карманъ. По окончаніи обряда, онъ посѣтилъ родильницу; переступя порогъ ея комнаты, онъ обернулся и захопнулъ дверь передъ самымъ носомъ Ивана Ивановича. Оставшись наединѣ съ Анной Прохоровной, онъ усѣлся на стулъ близъ ея изголовья и завелъ довольно-продолжительный разговоръ; потомъ сунулъ что-то, завернутое въ красномъ платкѣ, подъ подушку родильницы, и, прежде чѣмъ та успѣла проговорить пять или шесть несвязныхъ словъ, поцѣловалъ ее и, прѣстясь, вышелъ изъ комнаты. Встрѣтивъ Ивана Ивановича въ соседнемъ покоѣ, онъ положилъ жилистую кисть руки своей къ нему на плечо, и сказалъ:

— Ну, любезный кумъ, пора сказать тебѣ, кто я таковъ. Слушай: я тотъ самый, кто желаетъ искренно, чтобъ ты бросилъ свою глупую привычку врать все пустяки. Прощай!

Иванъ Ивановичъ съ разинутымъ ртомъ стоялъ посреди комнаты до тѣхъ поръ, пока ударъ сильно хлопнувшей калитки не вывелъ его изъ самозабвенія; потомъ опрометью кинулся къ женѣ, но тутъ опять на него нашелъ столбнякъ.

Анна Прохорова, лежа на постели, раздѣривала поочередно нѣсколько пачекъ золотыхъ монетъ и складывала ихъ въ одну кучку на красный шелковый платокъ; подлѣ нея лежала продолговатая сафьянная коробочка. Открывъ ее, Анна Прохорова вынула исписанный лоскутокъ бумаги; подлѣ нимъ лежали осыпанныя камнями серьги и нитка крупнаго жемчуга.

Иванъ Ивановичъ въ отѣмънн смотрѣлъ на занятіе супруги, которая, налюбовавшись всѣмъ, подала записку мужу:

— Ну, грамотникъ, читай, что тамъ написано.

Дрожащимъ отъ волненія голосомъ началъ Иванъ Ивановичъ читать, едва разбирая довольно-крючковатую скоропись. Записка была слѣдующаго содержанія:

«Любезная племянница! по нѣкоторымъ причинамъ, я не могу здѣсь долѣе оставаться. Всѣ родичи мои примерли, а старое гнѣздо рушится и падаетъ. Домъ вашъ ветхъ, а справа плоха. Твой мужъ, а мой племянникъ, и глупъ и кро-

потливъ, какъ барсукъ. Сбереги для моей крестницы эту коробочку, а двѣсти червонцевъ употреби на поправку вашего плохого хозяйства. У васъ есть еще родственникъ, мой старшій братъ; при нуждѣ, пошли къ нему своего краснбая; пусть спросить въ К.... іеромонаха Гедеона, въ*** монастырь.»

«Яковъ Шпакъ.»

Съ растопыренными руками, искривленнымъ лицомъ, глупо мигая въками, судорожно пошевеливая ртомъ, Иванъ Ивановичъ поворачивался на одномъ мѣстѣ, какъ одурѣлый дервишъ; Анна Прохоровна лежала въ нѣмомъ забытїи, вспривъ заплаканные глаза на пеленки, висѣвшїя на снуркѣ вдоль печки. Спеленанный ребенокъ коробился и пицаль въ холщевой люлькѣ, поматывая головой въ стороны; сѣрый котъ протягивался на лежанкѣ; чижъ, надувшись, сидѣлъ на тонкой перекладинѣ въ клеткѣ; черный тараканъ, остановясь на загибѣ карниза, медленно водилъ по сторонамъ длинными усамп.... Все это населенїе, собранное въ одинъ тѣсный покой, казалось пришибеннымъ сильной струей электрическаго тока.

Анну Прохоровну первую посетилъ приливъ правильнаго мышленїя. — Куда-жъ дѣвался онъ? — произнесла она болѣзненно, полуподнявшись на постели. Съ этимъ возгласомъ Иванъ Ивановичъ пробудился. Схвативъ на лету шапку, безъ оглядки шмыгнулъ онъ за ворота. Выпучивъ глаза, бормоча что-то про себя, онъ шагаль по грязнымъ переулкамъ, дико всматриваясь въ даль; наконецъ, при одномъ поворотѣ въ улицу, ведущую къ выѣзду, увидѣлъ польскую плетеную бричку. Узкобородый Еврей правилъ четвернею топихъ клячъ. Въ бричкѣ сидѣли двое мужчинъ съ вопнственными физиономїями; одинъ изъ нихъ былъ Яковъ Артемовичъ Шпакъ. Замѣтивъ племянника, бѣжавшаго къ нему черезъ улицу, онъ нетерпѣливо махнулъ рукой и обратился лицомъ къ товарищу. Иванъ Ивановичъ остался посреди грязи, держа въ рукѣ шапку и машинально кланяясь.... бричкѣ. Возвращаясь домой, онъ безпрестанно повторялъ: Шпакъ — усы — племянникъ — червонцы — Гедеонъ — барсукъ. Дня

три ходилъ по городу слухъ , будто Иванъ Ивановичъ рхнулся , но это было несправедливо , и первымъ доказательствомъ присутствія въ немъ здраваго разсудка было то , что онъ , не дожидая появленія новой нужды , не замедлилъ отъправиться , по маршруту дяди Якова , въ К...., и , поселясь въ скромной кельѣ инока Гедеона на одну седмицу строгаго искуса , возвратился къ Аннѣ Прохоровнѣ и привезъ съ собой , вмѣстѣ съ благословеніемъ набожнаго старца , полную тельгу , набитую разнообразными благами , начиная съ паусной икры до цинковыхъ тарелокъ .

Такой благопріятный переломъ въ положеніи Ивана Ивановича , доставилъ обоимъ супругамъ возможность дѣйствовать сообразно съ природными наклонностями каждаго . Анна Прохоровна , со всею энергіею воли , отдала себя на жертву хлопотливой заботливости по управленію домоу . Вся обязанности мужскаго и женскаго хозяйства лежали исключительно на ней , съ придачею къ тому и трудной должности няньки . Слѣдствіемъ этого самопожертвованія были необыкновенная чистота , порядокъ и довольство во всемъ . Иначе , конечно , и быть не могло , потому-что Иванъ Ивановичъ , взявшись за трудное дѣло курить и мыслить , мало по малу приучилъ себя и къ скучному занятію ворчать каждую минуту за мнимые безпорядки и упущенія , и , если польза , истекавшая изъ усилій Анны Прохоровны , была достойна похвалы , какую-же дань удивленія заслуживала , въ свою очередь , подобная назидательность ! Тамъ себѣ кто какъ ни разсуждай , а мужъ въ домъ все-таки голова !

Никто до сихъ поръ не дѣлалъ такого ложнаго вывода на-счетъ высокаго дара краснорѣчія , которымъ природа за-видно надѣлила Ивана Ивановича , какъ Яковъ Артемовичъ Шпакъ . Во-первыхъ , онъ некстати подлетѣлъ къ племяннику , съ неумѣстнымъ совѣтомъ укоротить языкъ , потому-что , еслибъ Иванъ Ивановичъ и рѣшился на такой великій подвигъ , то представилъ-бы тѣмъ изъ себя смѣшную фигуру ребенка , сляпагагося удержатъ невзнузданную дикую лошадь ; во-вторыхъ : онъ взялъ на себя слишкомъ дерзкое право оцѣнять высоту ума и достоинство рѣчей Ивана Ива-

новича, потому-что племянникъ его впоследствии пріобрѣлъ такое множество усердныхъ поклонниковъ и почитателей этихъ двухъ его отличныхъ свойствъ, что Якову Артемовичу, еслибы онъ вздумалъ публично доказывать противное, пришлось-бы спорить не иначе, какъ съ ножемъ въ рукахъ. Уваженіе, оказываемое Ивану Ивановичу собирательно, всѣмъ обществомъ, простиралось до того, что даже Анну Прохоровну всѣ какъ-то совѣстились называть по имени; увидѣвъ ее, обыкновенно говаривали: «вотъ идетъ супруга Ивана Ивановича, а это дочка Ивана Ивановича; а вотъ карабкается по крышѣ Яся, умный мальчикъ, весь въ отца, и проч....» И находились-же люди, которые, послѣ всего этого, рѣшались величать Ивана Ивановича — голубымъ Шпакомъ и другими неуважительными прозвищами.... Впрочемъ, что-жъ: иной какъ-то созданъ на дерзкія выраженія!

У Анны Прохоровны, по свойству своему неотъемлемо принадлежавшей къ разряду тѣхъ особъ женскаго пола, которымъ именно предназначено быть не другимъ чѣмъ, а только супругами всѣхъ возможныхъ Ивановъ Ивановичей, у Анны Прохоровны не было одного передняго зуба. Не смотря на этотъ, важный впрочемъ, недостатокъ, тѣ голворѣзы, которые называли Ивана Ивановича голубымъ Шпакомъ, кричали во всеуслышаніе, будто Анна Прохоровна въ десять разъ умнѣ своего долговязаго говоруна. Въ характеръ Анны Прохоровны больше всего проявлялись двѣ черты: страсть къ порядку и чистотѣ въ домѣ, и безграничная любовь къ единственной шестнадцатилѣтней дочери. Последнее чувство, свойственное всѣмъ матерямъ, поддерживалось въ ней слѣпымъ вѣрованіемъ въ неизмѣнность благъ, которыхъ провозвѣстникомъ, въ глазахъ ея, было появленіе на свѣтъ ея милаго ребенка.

Въ обращеніи съ Иваномъ Ивановичемъ она наблюдала самую тонкую деликатность, и сверхъ того пользовалась съ большимъ успѣхомъ рѣдкимъ даромъ предусмотрительности, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ нему: это приносило ей ощутительную пользу, которой важность постигала одна Анна Прохоровна; сгоня курцу сосѣда съ огородной гряды,

она не столько думала о вредных послѣдствіяхъ ея нашествія, сколько о томъ, какъ приметъ это посвященіе Иванъ Ивановичъ, потому-что гнѣвъ его, въ такихъ важныхъ случаяхъ, каралъ въ началѣ Гапку, потомъ курицу.

Гапка, «наймочка» Ивана Ивановича, была довольно-толстое, румяное, круглолицое, вѣчно-хлопотливое и говорливое тридцатипятилѣтнее существо женскаго рода, поселившаяся лѣтъ двѣнадцать назадъ въ домъ Ивана Ивановича. — Она такъ обжилаась и освоилась со всѣми условіями домашней жизни и характерами старыхъ и молодыхъ Шпаковъ, что и мысль о разставаньи съ ними не залетала въ ея сонную голову. На это были два основанія: первое—то, что Анна Прохоровна была добрая пани, а второе и главное — привязанность Гапки къ дочери Анны Прохоровны, которая, попавъ къ ней на руки трехлѣтнимъ ребенкомъ, своими дѣтскими ласками съ каждымъ днемъ увеличивала преданность къ себѣ любимой няньки. Въ силу этого, постепенно возраставшаго чувства къ дитяти, Гапка называла любимицу свою не иначе, какъ: моя Одарка, моя гарна панночка.

Послѣднимъ названіемъ Одарка пользовалась не отъ одной своей няньки: такъ называли ее даже и враги ея семейства. Въ тонкихъ чертахъ продолговатаго лица Одарки была полная гармонія его частей; но всего замѣчательнѣе въ этой дѣвушкѣ было особенное выраженіе ея томнаго, мыслящаго, вопрошающаго взгляда.

Брошенная въ дѣтскомъ одиночествѣ своемъ, между двухъ существъ, различныхъ съ нею по возрасту и столько противорѣчившихъ одно другому ни въ чемъ несходными чертами, она, съ первымъ толчкомъ проявившейся потребности мышленія, съ разу очутилась подъ натискомъ двухъ разнокачественныхъ вліяній: съ одной стороны—безграничная любовь и неопытенная предупредительность матери растила и развивала въ ней не по днямъ, а по часамъ, природную склонность сочувствовать всему, что могло питать ея нѣжную чувствительность; съ другой, рано пробудившаяся способность необыкновенной понятливости болѣе и болѣе затемнялась безтолковыми мудрованіями родителя и неза-

мѣтно вводила характеръ тихаго и наивнаго отъ природы ребенка въ тотъ закодированный кругъ, изъ котораго всѣ, надѣленные воспріимчивою организаціею, выходятъ на поприще жизни не иначе, какъ заклѣпанные печатью особенной меланхоліи.

Въ кроткомъ характерѣ дочери Ивана Ивановича всего рѣзче выразалось ея непритворное простодушіе. Не лѣзя было не любоваться на нее, когда она съ какимъ-то безза-
стычивымъ довѣріемъ передавала свои завѣтныя мысли и живыя впечатлѣнія, или внимательно выслушивала все то, что было для нея ново, впиваясь свѣжими силами въ незнакомый складъ рѣчи, живо ее затрогивавшей, и, по временамъ съ задумчивостью опуская длинныя рѣсницы, молча, казалось, уловляла медленною мыслію весь смыслъ того, что говорилось.

Постоянная кропотливость, сухой и горделивый оборотъ рѣчей Ивана Ивановича, пропитывали всю природу Одарки какимъ-то болезненнымъ чадомъ. Не смотря на оказываемыя имъ подѣ часъ ласки и нѣжную внимательность, она постоянно держала себя въ почтительномъ отдаленіи отъ него. Въ годы ребячества, послѣ одинокихъ игръ своихъ, она часто садилась подлѣ матери, и, положивъ свою хорошенькую головку къ ней на плечо, говаривала: «мнѣ-бы хотѣлось такъ любить и батюшку, какъ тебѣ, родная, да не знаю, отчего я какъ-то робѣю, когда подойду къ нему.»

Изъ этого не трудно усмотрѣть, какое привольное житіе было Ивану Ивановичу въ обществѣ трехъ женщинъ, которыхъ дѣйствія находились подѣ его непосредственнымъ началомъ, и чѣмъ больше встрѣчалъ онъ молчаливой покорности и безусловнаго повиновенія своимъ требованіямъ, тѣмъ чаще и сильнѣе опирался онъ на право своего первенства. Въ слѣдствіе этой настроенности и видимаго отчужденія главы семейства отъ прочихъ членовъ, материнскія чувства Анны Прохоровны, питаемая взаимностью любимой дочери, съ лѣт-
тами, мало по малу, обратились въ самую искреннюю и до-
вѣрчивую дружбу; настала наконецъ пора, когда и сама Одарка, понявъ отношенія своихъ родителей, безусловно переда-

лась на сторону матери; подкрѣпясь, вдобавокъ, Гапкою, онъ, такимъ образомъ, составили тройственный союзъ. На долю бѣднаго Ивана Ивановича осталась одна подпора и единое утѣшеніе: его любимый сынокъ Яся.

На эту десятилѣтнюю курносую отраду дней Ивана Ивановича, съ головы и до пятокъ во всемъ походившую на него, расточалась вся его отеческая любовь. Иванъ Ивановичъ только тогда и казался несовершеннымъ, въ глазахъ каждаго, когда находился вмѣстѣ съ своимъ любимымъ дѣтищемъ. Ничто такъ ясно не представляло въ лицахъ неоконченное твореніе, какъ Иванъ Ивановичъ, идущій по улицѣ съ своимъ первенцемъ. Отецъ при сынѣ казался какъ-бы недочитаннымъ; Яся, при немъ, былъ не иное что, какъ олицетворенное «Продолженіе впредь» всего Ивана Ивановича....

Яся росъ, развивался, твердилъ со словъ Ивана Ивановича окончанія латинскихъ падежей и продолжалъ безнаказанно царапать лицо сестры, выдѣлывать гримасы передъ матерью и длиннымъ кнутомъ стегать Гапку по пяткамъ. Отецъ нерѣдко бывалъ свидѣтелемъ проказъ невиннаго дитяти, и въ его же присутствіи, краснорѣчиво доказывалъ, что мужчина рождается на свѣтъ съ правомъ владычества надъ женщинами. За то, ни одно сорочье гнѣздо не избѣгало опустошительнаго осмотра Ясна и ни одинъ котенокъ въ домѣ не выросталъ съ цѣлыми ушами и длиннымъ хвостомъ.

Теперь мы обратимся къ началу нашего разсказа.

...Ужъ со всѣмъ разсвѣло. Честный людъ поднялся на ноги, и улицы города мало-по-малу начали пестрѣть и оживляться. Рѣдкій человекъ проходилъ мимо, чтобъ не поклониться Ивану Ивановичу, который довольно-разсѣянно отвѣчалъ на поклонны, потому-что былъ занятъ дѣломъ гораздо болѣе важнымъ.

— Какъ-же вы думаете объ этомъ, Гаврило Прохоровичъ? — спросилъ Иванъ Ивановичъ своего собесѣдника, который, не за-долго до этого, подошелъ къ нему и затѣялъ съ нимъ разговоръ, судя по жестамъ и одушевленію обоихъ лицъ, чрезвычайно для нихъ интересный.

— Я то-же думаю, что и вы, Иванъ Ивановичъ, и насколько не сомнѣваюсь въ томъ, что вы послушаетесь на этотъ

разъ своего благоразумія и поѣдете.... Пожалуй, и я съ вами.... а? Ну, что-жь вы призадумались? говорите-же, ну, рѣшайтесь. Сами-же вы сказали сейчасъ, что обидѣли его, назвавши какъ-то тамъ, по своему... Велика бѣда, что васъ телушка понюхала, или тамъ какъ нинаестъ; посудите-же, то телушка, а то человѣкъ! Вы-же всегда были друзьями! а? Шутка-ли: цѣлый годъ во враждѣ.... а люди умные.... Рѣшайтесь Мы васъ сведемъ; а тамъ поцѣлуется; подумайте, какъ хорошо. Вы человѣкъ не то, что.... вамъ можно знать.

Все это безъ заминки, скороговоркой, изрекалъ приземистый человѣчекъ, стоя противъ Ивана Ивановича и окидывая его съ головы до ногъ самыми пронизательными и довольно-насмѣшливыми взглядами. Это былъ родной братъ супруги Ивана Ивановича, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ; пользовавшійся исключительнымъ на послѣдняго вліяніемъ.

— Разумѣется, я и самъ такъ думаю; однако-жь, знаете-ли.... кругъ дворянскій, и почета много, конечно.... да все тамъ этотъ Созонтъ Созонтовичъ, точно муха: досадно, такъ и липнетъ. Помните, при васъ-же, чортъ возьми, просто никакой деликатности.... а еще вашъ пріятель!

— Вотъ вы и опять за свое.... Ну, что вамъ Малявка; ну что тамъ такое?.... онъ самъ по себѣ, а вы таки сами по себѣ.... Да, при томъ-же, я вамъ скажу, Иванъ Ивановичъ, что ему такого почета не дождаться, даромъ что Возный. Помните, сама, бывало, подойдетъ къ вамъ, да и скажетъ: «прошу васъ покорно, Иванъ Ивановичъ, сдѣайте милость, хоть прикушайте; для васъ, сама стряпала, вы у насъ гость дорогой!» Согласитесь-же, не всѣмъ такое уваженіе.... а? Такъ, на что вамъ тутъ Созонтъ Созонтовичъ? Вы, тамъ, говорите себѣ, что вашему благоразумію потребно, а онъ себѣ какъ знаетъ. Что дѣлать, ужъ такой характеръ!

— А вы съ нами поѣдете?

— Помилуйте, какъ-же.

— Разумѣется, не нужно обращать вниманія....

— Вотъ, видите, сами-же говорите!

— Я, признаться вамъ, и самъ-было хотѣлъ да, такъ какъ-то все, знаете....

— Ну, что-жь, давно-бы.... Эхъ, Иванъ Ивановичъ, съ вашимъ умомъ; да притомъ-же такое между вами дружество выходитъ. Подумайте.... а? У васъ дѣти.... Дворянское словіе, какъ ни разсуждай, а все не то, что наше. Почему знать! а? Закуривайте-жь скорѣй, да и за дѣло.... А вотъ, кстати, и Павелъ Павловичъ. Здравствуйте, Павелъ Павловичъ! Что, уже на мази?

— Здравствуйте, Павелъ Павловичъ; вы уже на пути? День добрый, Меланія Карповна. Раненько собрались. Не проѣзжайте: милости просимъ, на минуту, закусить на дорожку покуда. Двѣнадцать верстъ не близко. А тамъ и мы за вами.... пожалуйста, прошу покорно; слѣзайте-ка....

— Все-ли въ добромъ здоровьи, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ; здравствуйте, Гаврило Прохоровичъ! Такъ и вы собрались? Очень радъ. Мое вамъ почт....

— Какъ-же, у насъ все готово. Иванъ Ивановичъ самъ хотѣлъ ѣхать, а я къ нему прихожу, да и говорю: поѣдте вмѣстѣ, возьмите и меня съ собой. Добрый день вамъ, Меланія Карповна. На чемъ-же это вы?

— За нами прислали. А вы на чемъ?

— Э, помилюйте, у меня на дворъ цѣлая тройка. Ивана Ивановича съ сестрою да съ племянницею усажу, а самъ хоть на облучокъ. Пожалуйста-жь, пора.

— Много довольны.

— А я, покуда, забѣгу къ сестрѣ, да скажу, чтобъ собирались.

Гаврило Прохоровичъ юркнулъ на дворъ; за нимъ поплелась и вся честная компанія.

Яся сидѣлъ верхомъ на тесовой крышѣ сарая, съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ и, подсвистывая, гонялъ голубей. Гапка, помѣстясь противу солнушка, вытирала мокрою ветошкою деревянныя ночвы. Въ первой комнатѣ, которая называлась пекарнею, Анна Прохоровна устанавливала мытую посуду на полки. Одарка, стоя противу маленькаго, вмазаннаго въ стѣну осколка зеркала, влетала голубую ленту въ конецъ длинной косы. Сѣрый котъ, мурлыча, ходилъ около нее съ поднятымъ хвостомъ и терся обоими боками о ея ноги.

Она часто оборачивалась къ окну, и внимательный взглядъ ея останавливался на желѣзной скобкѣ полурастворенной калитки, изъ которой временами мелькалъ одинъ только бѣлый рукавъ ея родителя. Въ комнатѣ было душно, и сверхъ того атмосфера ея напиталась запахомъ жирныхъ обѣденныхъ припасовъ. Въ жарко-истопленной и плотно-закупоренной печкѣ клокотали горшки; неопредѣлимый звукъ этотъ прерывался иногда визгливымъ шипѣньемъ сковороды, на которой жарилась четверть баранины. Обѣ женщины молчали. На задумчивомъ лицѣ каждой изъ нихъ пробивалось чувство нетерпѣливаго ожиданія. Наконецъ, Одарка живо обернулась къ матери и какимъ-то дребезжащимъ и робкимъ голосомъ сказала:

— Идетъ.

— Одинъ?

— Одинъ.

Обѣ женщины обратились къ двери.

Гаврило Прохоровичъ вскочилъ въ комнату съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, какъ будто-бы хотѣлъ обрадовать вѣстью о пожарѣ.

— Ну, сестра, пробила закладъ.... А ты, спорщица, давай сюда ушко.... что? сказалъ, что умоаю! — Онъ подошелъ къ племянницѣ и тихо схватилъ ее за ссѣргу. — Слушайте-жь. Шмоньки тутъ; ставьте имъ снѣданье; а я побѣгу искать подводу. Сказалъ, что тройка на дворѣ, а у меня и кошка куда-то сбѣжала.... Вотъ они, любятъ на своего голубятника. Смотрите-жь, будьте готовы; а я какъ разъ....

И онъ, другою дверью, поспѣшно вышелъ въ садъ.

Домъ Гаврила Прохоровича стоялъ окнами на улицу. Улица эта была параллельна съ тою, на которой жилъ Иванъ Ивановичъ, а потому часть надворнаго строенія и сады ихъ были смежны. Для большаго удобства въ сообщеніяхъ, посреди частокола, раздѣлявшаго два владѣнія, былъ устроенъ перелазъ.

Иванъ Ивановичъ выстроилъ себѣ новый домъ, въ которомъ, однакожь, никто еще не жилъ. Самъ онъ съ се-

мѣствомъ жилъ въ старомъ, довольно-помѣстительномъ и тепломъ домѣ. На право изъ сѣней была пекарня; за нею, двѣ просторныя и чистыя комнаты: въ одной изъ нихъ стояло парадное ложе, съ пологомъ. На лѣво изъ сѣней были покои, гдѣ помѣщались Одарка съ Гапкою, а часть изъ нихъ отдавалась въ наймы. — Садъ Ивана Ивановича былъ просто полдесятины чернозема, на которомъ, безъ порядка, отдѣльно и группами, росли яблони, груши, сливы и прочее, а въ лѣтнюю пору засыдала такая густая трава, что по ней не было бы способа пройти даже на ходуляхъ, еслибъ это неудобство не устраняла узенькая, сильно-утоптанная, извилистая дорожка, бѣжавшая отъ крылечка, мимо грядъ, къ извѣстному перелазу.

Иванъ Ивановичъ былъ сбитъ чисто-дипломатическимъ напоромъ своего шурина. Не смотря на видимое доказательство своего пораженія, онъ находился въ наилучшемъ расположеніи духа. Онъ весело поздоровался съ женой и, поцѣловавъ Одарку, приказалъ ей готовиться къ отправленію на бѣнокетъ. Въ суетливыхъ разговорахъ и движеніяхъ его выражалось сильное желаніе отправиться скорѣе въ путь. Онъ торопилъ всѣхъ домочадцевъ и безъ умолка отдавалъ каждому отдѣльныя приказанія:

— Павелъ Павловичъ, прошу присѣсть. Анна Прохорова, велите подавать. Дасю, что-жь ты надѣнешь?

— Что прикажете, батюшка.

— Ну, хоть бахтовое. Тамъ, знаешь, необходимо всякое приличіе соблюдать.... Что-жь это Гаврило Прохоровичъ? И что у васъ тамъ за длинные сборы такіе.... какъ будто въ Кіевъ на богомолье! Ну, что тамъ; ну, кнышь, такъ кнышь; давай его сюда.... Гапко! подай-же сметану.... да поправь-же очипокъ — точно кудла какая, прости Господи, для праздника. Меланія Карповна, отвѣдайте, милости просимъ: закусить на дорожку не мѣшаетъ; а тамъ и мы за вами. Прошу покорно, Павелъ Павловичъ! А вотъ и Гаврило Прохоровичъ.

II.

Выехавши изъ городской заставы, надобно оставитъ въ сторонѣ великій шляхъ (большую дорогу) и пуститься проселочнымъ, по крутому скату горы, обрамляющей правый берегъ Десны, которая отдѣляется отъ нее зеленымъ монастырскимъ лугомъ. Узкая проселочная дорожка долго льпится по холмистому склону и, поднявшись на самое темя возвышенія, образовавшаго отдѣльно-выпятившійся утесистый курганъ, круто сворачиваетъ вправо и, сбѣжавъ къ низу на ровное поле, терется между нивами, на которыхъ волнообразно зыблются золотые колосья посѣвовъ.

Съ этого высокаго и утесистаго кургана представляется глазу неизмѣримый горизонтъ, охватывающій собою окрестность на далекое разстояніе. На лѣво, вдалекѣ, подъ самымъ загибомъ небосвода, раскинувшись по уступамъ крутой, обрывистой горы, пышнымъ амфитеатромъ, красуется городъ ***ъ, съ своими бѣлыми оградами, высокими шпицами и золоченными крестами, какъ плющемъ увитый сверху до низу зеленой тканью садовъ, въ промежуткахъ которой альпийскими точками пробиваются наружу крыши зданій. Занимъ, темно-голубое украинское небо, склонившись къ землѣ, упирается въ светло-розовую полосу мѣловыхъ горъ, о которыхъ преломляются яркіе лучи лѣтняго солнца. Отсюда, едва-замѣтная вдали, вырвавшись изъ подъ тонкой дымки сѣраго облачка, блестящая золотистою чешуей, бѣжитъ широкая рѣка, извиваясь между зеленою луговъ и песчаными холмами, поросшими мелкимъ кустарникомъ; лавою разстилается она у самой подошвы кургана, а тамъ несется вдали и, похожая на голубую ленточку, прячется подъ неопредѣленной окранный свода, задержанной черною полосой нескончаемаго сосноваго бора.

Прѣзжая въ Талалаевку, Иванъ Ивановичъ постоянно останавливался на мѣстѣ, откуда набрасывали мы этотъ очеркъ, и, любуясь видами, въ пылу восторга, говаривалъ: «разумѣется, не всякій можетъ понимать. Чего тутъ нѣтъ? И лѣсъ, и вода, и земля, и травы множество.... отъ того и сѣно дешево! Вотъ

и Талалаевка; скажите, какъ близко! А тамъ, посмотрите, Павелъ Павловичъ, шутка-ли, семь верстъ — и монастырь виднѣтъ.... Какъ хорошо.... и нашъ приходъ ... крыша видна.... непременно выкрашу и трубы обьлю.... проклятые плотники.... Яся мой голубчикъ! шельма Гапка, вѣрно спитъ!»

Умолкнувъ наконецъ, Иванъ Ивановичъ углублялся въ отдельное разсматриваніе картинъ, изъ которыхъ каждая откликается такимъ внятнымъ языкомъ пылкому его воображенію.

За рѣкой, примкнувъ къ самой опушкѣ синяго ельника, на плоской вершинѣ песчанаго кургана, рыжѣютъ и сохнутъ на солнцѣ развалины раскольничьяго скита; четыре пирамидальные тополя молча стерегутъ высокія груды камней и мусора.... Все тутъ и дико и пустынно. Одинокое сидитъ старый филинъ на безлистной вѣткѣ высокаго дуба; надъ нимъ выются двѣ бѣлыя чайки.... У подошвы кургана стелется длинное озеро; голубой очеретъ, аеръ и лопушникъ, широкой рамой, охватили его берега; надъ нимъ, съ пронзительнымъ свистомъ, носятся стада дикихъ гусей и утокъ. У самой оконечности его, на перекресткѣ двухъ дорогъ, подъ сѣнью густой ольхи, стоитъ красивая капличка, съ крестомъ и образомъ; изъ-подъ нея бьетъ живой ключъ студеной воды и тонкой струйкой бѣжитъ по лужайкѣ, гдѣ медленно бродятъ упряжные волы и щиплютъ сочную траву; нѣсколько возовъ съ пустыми ярмами разброшены въ безпорядкѣ. Подъ тѣнью развѣсистаго ясѹкора лежатъ чумаки; подлѣ нихъ, на тонкой перекладнѣ, надъ жаркими углями, кипитъ дорожный котелокъ; бѣловатый дымъ лѣниво поднимается, а надъ головой, трепетной точкой виситъ въ воздухѣ неутомимый жаворонокъ и зазывной пѣсенкой будитъ молчаливую окрестность. Неугомонный дергачъ трещитъ въ густой травѣ подъ самымъ ухомъ. Сердитые перепела разыгрываютъ во все горло свою полуденную серенаду.... Длинными вереницами кружатся журавли и перекликаются въ поднебесьи. Томная иволга перепѣвается съ хитрою своею соседкою, сѣрою зозулею, подъ наметомъ липовой рошницы.... Всему свой чередъ, своя задача.... Все это такъ чинно и ладно, такъ приветливо и радостно глядитъ прямо въ свѣтлыя очи своего

гордаго владыки—человѣка; а ему все какъ-то не по себѣ.... и тѣсно, вишь, тутъ ему, и мало, и неудобно....

Какой хорошенькій этотъ хуторокъ Талалаевка! Выбравшись изъ-подъ густыхъ хлбовъ, проселочная дорожка долго тянется по ровной луговинѣ и, оставя въ сторонѣ большое село Плавлище, спускается по отлогому скату холма и исчезаетъ въ опушкѣ кленовой рощи, которую называютъ медяницею. Изъ-за нея выглядываетъ маленькій хуторокъ. Смотрите, вдаль, какими яркими полосками отдѣляются четыре бѣлыя хатки отъ свѣтлой, окружающей ихъ зелени; кусты черной бузины и черемухи, грабина, бузокъ, черешни и шелковица такъ и лѣпятся къ стѣнамъ; подлѣ нихъ блеститъ маленькое озеро; а тамъ, наискосокъ прорѣзываются сквозь сплошную сѣнь липовыхъ макушекъ двѣ бѣлыя трубы; изъ-подъ нависшихъ вѣтвей едва замѣтна верхушка чесаной соломенной крыши панскаго домика, который весь утонулъ въ волнистой зелени. Дальше за хуторомъ ничего не видно, кромѣ продолговатаго гребня плоскихъ полей, законченнаго на югъ синеватой полосой лѣса, да рѣки, которая кой-гдѣ мелькаетъ когда-когда изъ-подъ высокой рамки праваго берега.

Особенно пріятно смотреть на Талалаевку въ ту пору дня, когда солнце, склонясь къ западу, ударитъ прямо въ чистыя окошки чопорныхъ хатокъ и тѣнь отъ деревьевъ начнетъ растягиваться по зелени длинными полосами.

Во всю длину широкаго двора, за низенькимъ торцовымъ плетешкомъ, раскинулся большой старинный садъ. Въ срединѣ, подъ сплошнымъ навѣсомъ высокихъ липъ, стоятъ низенькіе панскіе хоромы, подъ тонкою соломенною крышей, съ ровными, вычурно-подстриженными застрѣщинами; три окна въ стѣнѣ на-право и два на-лѣво; по срединѣ широка ганочки (крылечко) и дверь въ просторныя сѣни. Домикъ, снаружи, такъ тщательно обѣленъ самою бѣлой крейдою, что въ десяти шагахъ можно ясно рассмотреть свѣшную на него муху; прызьба (завалина) и подоконья подведены красной глиной; всѣ углы и откосы отъ частой смазки и притиранья приняли овальную форму; на прызьбѣ такъ чисто, что можно, сидя на ней, низать самый мелкій бисеръ.

Окна и двери въ домъ отворены настежь. Направо изъ сѣней большая комната ; глиняный , ровно смазанный полъ , усыпанный аеромъ и травой ; у простѣнка между двухъ оконъ простой липовый столъ , на немъ бѣлая камчатная скатерть подъ слоемъ цвѣтовъ и зелени. Надъ столомъ маленькое зеркало ; на немъ большой вѣнокъ изъ чабра , руты и васильковъ , переплетенныхъ душистымъ кануперомъ ; за образами желтыя квитки и пахучій барвинокъ. По угламъ густое клеченье : шавлій , мята , рута , душистый горошекъ и множество другихъ травъ и цвѣтовъ , щедрою рукою разсыпаны по деревянному канапе , стульцамъ и ослончикамъ. Вторая за этимъ комната исполняетъ , какъ видно , должность гостиной. Въ одномъ углу множество образовъ въ кіотѣ ; въ другомъ голубой , покрытый скатертью , столикъ ; шесть деревянныхъ , крашенныхъ стульевъ стоятъ вдоль внутренней стѣны подлѣ маленькаго деревяннаго , покрытаго простымъ коврикомъ , канапе ; надъ столикомъ виситъ портретъ какого-то Митрополита , а надъ канапе противу двери , въ широкой , засиженной мухами , рамѣ , изображеніе Богдана Хмельницкаго , въ синемъ польскомъ кунтушѣ , съ оселдцемъ и длинными усами ; въ трехъ свободныхъ углахъ тоже высокое , широколистное клеченье. Въ сосѣдней комнатѣ , гдѣ окна и дверь въ садъ , на-лѣво , широкая лежанка , съ ведерною сулею , налитою эстрагономъ ; подлѣ нея простой стеклянный шкафъ съ мелкой посудой ; на право , въ углу , подлѣ внутренней двери , высокая скрыня на колесцахъ , обитая желѣзомъ и густо-окрашенная темной масляной краской. Сквозь открытыя окны пробиваются внутрь вѣтки пахучаго бузка , а изъ отворенныхъ дверей видны толстыя стволы липъ , между которыми подѣланы дерновыя скамейки.

На-лѣво изъ стѣней , просторная пекарня. Варистая печь сверху чисто выбѣлена , а снизу ровно смазана красной глиной ; такой-же полъ ; вдоль бѣлыхъ стѣнъ , полица съ опрокинутыми вверхъ-дномъ горшками , множествомъ деревянной посуды и оловянными тарелками въ стопкахъ. Въ углу — бѣлый липовый столъ ; вокругъ стѣнъ широкія чистыя лавки ; въ переднемъ углу образъ ; на простѣнкѣ висятъ два рѣ-

шета и волосяное сито. Нигдѣ ни пылинки, даже подѣ печью все ровно и гладко примазано клейкимъ растворомъ глины. Все тихо тутъ; ни души живой.... только пестрый котенокъ, поджавъ подѣ себя лапки, дремлетъ на краю припечка, да черная большая муха съ разлету колотитъ свой затылокъ о бѣлый потолокъ. Изъ этой приспѣшной маленькая дверь, позади печи, ведетъ во внутренніе два жилые покойчика, гдѣ въ зимнее время помѣщаются панъ и пани, съ своей двухспальной постелью, днщцами, гребнями, веретенами, мычками и прочими принадлежностями неприхотливаго полупанскаго быта. Густой ароматъ носится по всему дому отъ множества душистыхъ травъ и цвѣтовъ.

Все это, по праву законнаго наслѣдія, досталось потомку знаменитаго рода Щербинъ, Семену Ивановичу, единственному обладателю хутора Талалаевки, со всѣми его угодыми, душами, садами, цвѣтами, мухами и журавлями на тучныхъ просяныхъ нивахъ....

Передъ крылечкомъ широкой дворъ. Отъ воротъ къ подъезду прокошена дорожка; по обимъ сторонамъ ея растеть густая трава. На-право двѣ рубленныя коморы, погребъ, сарайчикъ и ліохъ подѣ земляной насыпью, заросшей девясиломъ и чернобыльникомъ. Напротивъ, черезъ выгонъ, видны бѣлыя крестьянскія хатки съ хижамы, клунямы и садиками; за ними кое-гдѣ проблескиваетъ маленькое озерко. На-лѣво стоитъ одинокая плакучая береза, на краю глубокой канавы; за канавой насыпаны четыре селитрянныя бурты, а тамъ, большая левада упирается въ край кленовой рощи; еще далѣе, за медяницей, все поле, да луга, да Плавинище на косогорѣ, съ бѣлой церковью и крылатыми млеснами; за ними, подпираетъ небо своей макушкой знакомый намъ утесъ, изъ подѣ него косою струйкой сочится тонкая рѣка.... а тамъ все синева, да просторъ....

Пойдемте въ садъ.

А вотъ кстати и самъ Семень Ивановичъ. Посмотрите, съ какимъ привѣтливымъ выраженіемъ на лицѣ, завидя насъ, всматривается онъ въ незнакомыя фізіономіи, кивая издали кругленькой головкой, и какъ торопится онъ, припадая на

лввую ногу, скорѣе обнять дорогихъ гостей. Вотъ онъ приподнялъ обѣ руки; въ одной изъ нихъ рожокъ, съ мѣдной цѣпочкой у затычки: вѣрно будетъ потчивать табакомъ. Ну; Здравствуйте Семень Ивановичъ! «Извините, говоритъ онъ, я по хуторному.»

Дома, лѣтомъ, постоянный нарядъ Семена Ивановича бѣлая, чистая сорочка и широкіе нанковые шаровары, запущенные въ сапоги. Семень Ивановичъ ростъ имѣетъ ниже средняго, но сложеніе его показываетъ крѣпость и силу. Нельзя опредѣлить цвѣтъ лица Семена Ивановича: лѣтомъ онъ очень загараетъ; сѣднскіе уже, свѣтлорусые волосы свои онъ стрижетъ очень коротко подъ гребенку. Всего труднѣе описать форму и выраженіе лица Семена Ивановича; впрочемъ, Иванъ Ивановичъ Шпакъ, касаясь этого предмета, говоритъ, что у него лице «съ особенностію, располагающее». Въ характеръ Семена Ивановича всего замѣчательнѣе то, что онъ во всю жизнь свою ни съ кѣмъ не ссорился и рѣшительно не имѣлъ враговъ; если и бывали кое-какія перемолвки, это случилось большею частію «такъ, — говоритъ Семень Ивановичъ, — отъ недоразумѣній, отъ независимости человѣческой: всего-же пригоднѣе человѣку въ жизни братолюбіе, тишина и всякое благоугожденіе ближнему!»

Семень Ивановичъ бываетъ необыкновенно-ласковъ къ тому, кто прибудетъ къ нему неожиданный, особенно, если этотъ новоприбывшій окажется съ наклоностью къ занятіямъ по хозяйству и, преимущественно, любителемъ пчеловодства и садовъ. Вообще-же всѣмъ гостямъ своимъ Семень Ивановичъ говоритъ: «цѣтъ ужъ, мій голубе, прошу васъ не жаловать ко мнѣ на одинъ денекъ; помилуйте, гдѣ это водится! Такъ-таки, позвольте, я васъ и не пушу сегодня. А завтра покажу еще новыя прививочки. Безподобный сортъ и не тутошній.»

Семень Ивановичъ, съ примѣтнымъ наслажденіемъ, водить гостей своихъ по саду и объясняетъ имъ малѣйшія подробности:

— А вотъ, еще прошу пожаловать и сюда—говоритъ онъ, суетливо забѣгая впередъ и отклоняя низкія вѣтви де-

ревъ. — Остерегитесь, чтобъ не ударило. Тутъ у меня все новые сорта. Вотъ, видите ли? они живутъ себѣ все семейками. Это простыя, курскія, не смотрите. А это склянковыя, такъ, для мочки, обыкновенныя.... А вотъ, не угодно-ли взглянуть: зимница краковская; ужъ, скажу вамъ, точно что.... и на видъ, не правда-ли? У меня, однакожь, ихъ немного, трудно разводятся. Эти вотъ, посмотрите, въ срединѣ, точно масло налито: такъ и свѣтятся. Отвѣдайте, и вкусъ съ особенностію. Ихъ пять сортовъ. Вотъ и фунтовыя; когда созреютъ, такъ бываютъ съ дитячью голову. Если угодно, такъ и прививочковъ для васъ припасу. Нѣтъ, не ходите туда, далеко; тамъ все зимніе сорта. Пожалуйста, вотъ здѣсь начинаются груши; ихъ у меня довольно-таки; французскія все хирѣютъ; однакожь, которыя обживутся, такъ и на зиму не окутываю. Нѣтъ, эти не изъ лучшихъ, не совѣтую; ихъ и зовутъ какъ-то не по-нашему: бункрутья.... Вотъ, не угодно-ли, маленькія, краснобокія, вѣискія; это батюшкины, покойника.... необыкновенный вкусъ; а если этакъ нечаянно раздавишь, такъ и благоуханіе удивительное. Ихъ много у меня. Прошу васъ, наберите въ платокъ. Кушайте. А завтра и дѣткамъ въ коробочку, гостинца.... Не правда-ли, что лучше? Вотъ, молдаванскія черешни — у насъ онѣ какъ-то туго идутъ; а посмотрите, противъ нашей, какое отличеніе! и дерево другое! Вотъ, ужъ сливами, такъ я богатъ! и сортовъ до восьми найдется. Это костянка. Моя Палагея Павловна особенно заботится о нихъ; для наливокъ сортъ наиполезнѣйшій. Это кіевскія. Кушайте. А за бергамотами самъ Генеральный судья присылалъ ко мнѣ. Послѣ бѣлыхъ сливъ вамъ эта не покажется: очень приторна, точно сахаръ, безъ особенной кислоты; эти сорта еще не дозрѣли; бываютъ очень вкусны; а вотъ извольте отвѣдать: раннія, большія. Прикушайте. Какая мягкость и сочность! не правда-ли? Это еще покойнаго дѣдушки.

— Однакожь, у васъ садъ довольно великъ, Семень Ивановичъ, и половины не исходишь въ разъ.

— Нѣтъ, ничего, извините, пожалуйста. Я, съ особенною пріятностію обхожу его каждый разъ кругомъ. Еще

попрошу васъ, потрудитесь немножко. Я только покажу вамъ, какую хитростную штуку придумалъ покойникъ батюшка. Изволите видѣть! Какъ вы это уразумѣваете? Не правда-ли, вещь характерная! Аллея, и довольно-продолжительная. Тутъ, съ одной стороны начинаются все лѣсныя; вотъ считайте: дубъ, ольха, кленъ, береза, ясень, чернокленъ, сосна, ель, берестъ и верба; а тамъ и осокоръ, и осина, и вязъ, и такъ далье, пойдутъ до самаго конца, и тополи разныхъ сортовъ, и кедръ, и пихта, и лиственница, даже и букъ есть и чинаръ; а какое наикрѣпчайшее дерево! А съ этого боку, фруктовый: дудя, шелковица, глива, яблони, груши, сливы, бергамоты, черешни, вишни... и все такъ, по сортамъ... А тамъ, смотрите, на самомъ концѣ, онъ-же посадилъ, какъ у великихъ пановъ бываетъ, и бесѣдку изъ молдавскихъ черешень. Многіе тутъ съ наибольшою пріятностію прохаживаются и разное времяпровожденіе себѣ отыскиваютъ; и въ бесѣдкѣ сидя можно заняться для развлеченія: тамъ, и малина разная, и агрусъ многихъ сортовъ, смородина черная и порнички красныя, и все этакое ужъ, знаете, мелкое, кустовое растеть въ изобиліи... А за бесѣдкой, дорожка подъ липки, прямо къ дому. А вотъ это ужъ мое! — говоритъ Семень Ивановичъ подъ конецъ, умильно взглядывая въ противоположную сторону сада. — Я тутъ и живу все лѣто безвыходно. Нельзя-же отлучиться. И охота-таки, признаюсь, побуждаетъ, да и занятія множество; особенно, когда, съ помощію Божіею, начнетъ успѣшно роиться.

Тутъ онъ, съ размѣреннымъ наслажденіемъ, насыпаетъ щепотку нюхательнаго табаку на широкій ноготь большаго пальца, обнявъ его указательнымъ, и, подавая гостю рожокъ, спрашиваетъ:

— А вы вживаете?

— Какъ-же, нюхаю.

— Ну, такъ и одолжайтесь. И если не въ трудъ, то прошу пожаловать ко мнѣ и на пасеку; тамъ мы можемъ учинить и отдохновеніе послѣ проходки.

Въ концѣ левады, подъ опушкою кленовъ, на ровной, немного покатою, луговинѣ, видѣется просторная изгородь, заключающая въ себѣ пчельникъ Семена Ивановича.

На лицевой сторонѣ, къ саду, посреди изгороди, подъ тонкой соломенной крышей стоитъ бѣлая просторная ма-занка, съ дверью посрединѣ и двумя маленькими окнами. Къ обѣимъ бокамъ ея пригорожены, подъ одну съ ней крышу, плетневые сарайчики, отступившіе немного внутрь. Надъ дверью, почти во всю длину лицевой стѣны, на четырехъ березовыхъ столбикахъ накинута тонкій очеретовый наметъ. Гладко-смазанная и чисто-объеленная внутри и снаружи, хатка эта, въ лѣтнее время, исправляетъ должность и спальни, и столовой и кабинета своего хозяина. Здѣсь все приспособлено къ жизни челоуѣка, посвятившаго себя скромному занятію пчеловодствомъ. На-право, въ заднемъ углу, образъ, надъ изголовьемъ кровати, завѣшенной бѣлымъ пологомъ; подлѣ нея простой дубовый столъ; на немъ нѣсколько маточниковъ, садовая пила, ножикъ, кусокъ простаго мыла въ помадной баночкѣ, чернильница съ перомъ, тетрадь разграфлен-ной бумаги, щеты, да затасканный, въ черномъ кожаномъ переплетѣ, полуободранный славянскій мѣсяцословъ; возлѣ стола скамейка; по бокамъ, два крашенные стула съ высокими неуклюжими спинками. Противъ кровати, подъ окномъ, другою столъ, съ разной посудой. Подъ другимъ окномъ широкая липовая скамья, съ загибомъ, въ родѣ кушетки; надъ ней полка; подъ полкой, на деревянныхъ гвоздяхъ висятъ двѣ волосяныя роевни, да перепелиная сѣть съ юфтовой дудочкой. На-лѣво въ углу, низенькій створчатый шкапъ, а подлѣ него внутренняя дверь въ темный чуланчикъ; оттуда выходъ на пасеку. Тутъ ужъ есть на чемъ развести глаза любому пчеловоду.

На обширной и ровной плоскости, огороженной вокругъ высокимъ тыномъ, подъ тѣнью малороссійскихъ черешень, стоятъ около двухъсотъ толстыхъ колодъ съ пчелами. Посреди пчельника, на просторной площадкѣ, доживаетъ дол-гій вѣкъ своей старая коренастая липа; отъ нея начинаются прямыя и поперечныя дорожки, между рядами ульевъ, надъ которыми, съ оглушительнымъ зыкомъ, кружится въ воз-духъ безконечная масса пчелъ.

— Вот и мое любезное войско! — говорит Семень Ивановичъ, смѣло расхаживая по всемъ направленіямъ, съ открытой головою и грудью, окруженный съ головы до ногъ цѣлымъ роемъ. — Стойте тутъ, только не отмахивайтесь, — продолжаетъ онъ, поворачивая между тѣмъ одинъ изъ ульевъ для освидѣтельствованія. — Даромъ, что муха кажется, а какъ любить во всемъ чистоту и опрятность; за то я ей и оказываю всякое угожденіе. Взгляните вотъ тамъ, даже вокругъ тына, вмѣсто крапивы да будяковъ, какъ это у многихъ пасичниковъ бываетъ, у меня растутъ во всемъ призоръ и рута, и шавлій, и любыстокъ, и прочія пригодныя на сей случай и для пчелокъ полезныя насажденія... И мѣстечко, могу похвалиться, выбралъ удачно, и съ большою способностію подходящее къ моему занятію. У покойнаго батюшки пасека была за глазами; отъ того и не спорилось. Я-же, напротивъ, мѣсто сіе нашелъ благопріятнѣйшимъ, и, могу сказать, вполне удовольствованнымъ себя считаю.... Тутъ вотъ, видите-ли, левада, и на ней множество пригодныхъ злаковъ растутъ; а тамъ, садъ, со всей своей обширностію, во время цвѣта, наилучшую пищу для пчелокъ доставляетъ: надобно видѣть, когда деревья въ цвѣту и издали садъ представить изъ себя какъ-будто снѣговую гору, съ какой стремительностію пчелки обращаются туда и съ наивеличайшимъ успѣхомъ несутъ колошку; а тутъ, всего пригоднѣе для нихъ, рошча, оттого и называю се, голубушку, медяницей. Тамъ, знаете, между кленомъ находится множество старыхъ липъ, и когда расцвѣтутъ и пчелка кинется туда, такъ вы не можете себя представить, какимъ благоухающимъ, можно сказать, паромъ, наполняется окрестный воздухъ! За то у меня и липца бываетъ много: медокъ самый дорогой и даже лекарственнѣй, помощью служащій для груди.

Подъ наметомъ поставлены широкія скамейки съ спинками; надъ дверью виситъ въ клеткѣ перепелъ, любимая пѣвчая птица Семена Ивановича; вдоль мазанки и сараевъ мѣсто проскоблено и усыпано тонкимъ слоемъ благаго песка. Отсюда начинаются три узкія тропинки. Одна бѣжитъ vro-

вень съ левадой, по баштану, прямо въ садъ и къ дому; другая круто сворачиваетъ вправо, вдоль южной стѣны, и тянется въ рощу; средняя спускается внизъ, между грядами, засѣянными дынями, кавунами и прочими бакчевыми овощами, подъ сънь ивняка и двухъ серебристыхъ тополей. Тутъ искрится живымъ, студенымъ ключемъ чистая криница. Это любимое мѣстечко Семена Ивановича. Каждый день, на утренней зарѣ, появляется онъ здѣсь съ глинянымъ кувшиномъ въ рукѣ, и, крестясь, обдаетъ голову студеной водой, почерпнутой прямо изъ родника.

Въ одномъ изъ сараевъ хранятся новыя, приготовленные къ потребленію ульи, другой загроможденъ множествомъ липовыхъ колодь, дубовыхъ клепокъ, сырыхъ, неструганыхъ обручей и прочихъ подобныхъ запасовъ; въ стѣнахъ кое-гдѣ торчатъ долоты, струги и другія принадлежности бочарнаго ремесла; посреди сарая стоитъ шаткій станокъ съ правиломъ для обручей, да круглый точильный камень съ жолобомъ, наполненнымъ мутной водой.

Къ числу живыхъ существъ, постоянно живущихъ на пасекѣ, кромѣ пчелъ, перепела, стараго кота и самаго Семена Ивановича, слѣдуетъ присовокупить и двухъ неизмѣнныхъ сотрудниковъ послѣдняго по части внутренняго и вѣшняго управленія пасекою. Одинъ изъ нихъ — сорокапятилѣтній, широкоплечій, мускулистый, скудовласый, со множествомъ тонкихъ морщинъ на лбу, живыми глазами и подвижной смуглой физиономіей, нѣмой отъ природы Онысько, бондарь. Сметливый и понятливый на все Онысько, любящій по праздникамъ лишнюю чарку горьлки, а по буднямъ своего пана, двадцать лѣтъ уже сидитъ верхомъ на своемъ шаткомъ станкѣ и молча набиваетъ обручи на кадушки, да долбитъ прочныя ульи на потребу панскую. Семень Ивановичъ любить своего Оныска и доказываетъ это ласковымъ съ нимъ обращеніемъ; Онысько отвѣчаетъ ему полною преданностью. Лѣтъ пять тому назадъ, когда Семень Ивановичъ лежалъ больной въ постели, Онысько двѣ недѣли постился и мычалъ; во время-же соборованія больнаго, онъ съ отчаяніемъ махнулъ себя пальцемъ по горлу, показавъ

потомъ на кухонный ножъ, лежавшій въ ту пору на столѣ. Грустная операція не осуществилась, потому-что Семень Ивановичъ вскорѣ очутился на пасекѣ, въ тонкой бѣлой сорочкѣ и вождельномъ здравіи.

Для прислуги, скобленія дорожекъ и прочихъ потребностей состоитъ при пасекѣ и Семень Ивановичъ тринадцатилѣтній мальчикъ съ цыганской образиной и живыми ухватками. Черные, блестящіе глаза, курчавые въ завиткахъ волосы, прямой носъ, острое кънизу, живое лицо, широкій смѣющийся ротъ и мѣдная серьга въ лѣвомъ ухѣ — главныя примѣты Приблуды.

Крестьянская баба пошла какъ-то съ лукошкомъ въ лѣсъ и вмѣсто грибовъ принесла домой годовалаго ребенка. За день до того ночевали тутъ плащеватые Цыгане. Не долго думая, мальчика помѣстили на хуторѣ, откормили паленницами, потомъ, лѣтъ черезъ десять, умыли, причесали, надѣли на него новую сорочку, да и отвели къ пану на пчельникъ. Это вся біографія Приблуды....

III.

Семень Ивановичъ такъ-вотъ тутъ и живетъ себѣ все лѣто! Нельзя-же: «и занятіе, вотъ видите, и охота его побуждаетъ!»

Настанетъ-ли новый теплый денекъ въ замѣнъ стараго, и утренняя роса серебристой мылью заискрится на тонкихъ листикахъ травы, Семень Ивановичъ давно уже подлѣ любимой своей криницы, съ полотенцемъ подъ мышкой и желтымъ кувшиномъ въ рукѣ: «Господи Инсусе! Какое прохладительное и освѣжающее вдр....у.. ухъ! Все на потребу человѣкъ....а....ай! Славно!» — Такъ говоритъ онъ, обливаясь.

Вытеревъ до суха голову, онъ спѣшитъ въ обратный путь, и, устроивъ по мѣстамъ доспѣхи своего омовенія, не мешкая отправляется на пасеку. Съ кроткой и довольной миной обходить онъ вокругъ пчельника, внимательно наблюдая, въ которую сторону пчелы направляютъ свой полетъ; потомъ, обратясь къ каждому изъ тѣхъ ульевъ, которые наготовѣ выпустить рой, тщательно осматриваетъ ихъ со сто-

ровны летка, или, приложивъ ухо, тихо стучить по улью кулакомъ. — «А, и ты видно не задолжишься, моя упрямая Малявочка», говоритъ онъ про себя, освидѣтельствовавъ послѣдній изъ ульевъ. Каждый повопоставленный улей Семень Ивановичъ отмѣчаетъ въ книгъ, за номеромъ, и даетъ ему названіе какого-нибудь извѣстнаго ему города или-же фамилію одного изъ своихъ знакомыхъ, надписывая ее черною краскою на лицевой сторонѣ улья. Тутъ стоятъ у него рядкомъ: Лондонъ, Ахтырка, Вологда, Парижъ; Кострома; тамъ начинается новый рядъ, съ надписями: Ладысь, Курченко, Шмонька, Омельяненко, Шпакъ, Малявка и т. д.

Утромъ, наканунъ того радостнаго дня, въ который мы познакомились съ Иваномъ Ивановичемъ Шпакомъ, панъ Щербина, возвратясь въ мазанку, послѣ обычнаго омовенія, тотчасъ кликнулъ къ себѣ полусоннаго Приблуду:

— Теперь, мій голубе, летай въ хоромы, къ пань, за свиданьемъ, да и скажи: панъ-моль прислалъ вамъ добрый-день; хорошо-ли-моль почивали? А послѣ вашего отбытія мы еще два ройка посадили! Такъ и скажи, мій голубе.... Да чтобъ Палажка медку припасла. День предполагается знойный.... Пстой, куда-жь ты? возьми съ собой посудинку..

Отправя Приблуду, Семень Ивановичъ вышелъ подъ наметъ и, пониолавъ табаку, съ спокойнымъ и довольнымъ видомъ посматривалъ вдаль, ожидая прибытія Омельки, хуторнаго старосты, являвшагося къ нему по утрамъ за приказаніями.

Прохладный вѣтерокъ едва шевелитъ листьями курчавыхъ тополей; свѣжесть воздуха, пропитаннаго легкимъ запахомъ руты и канупера, цѣлебной струей вливается въ грудь и съ нѣгой охватываетъ члены Семена Ивановича. Передъ глазами его разстилается знакомая картина полей и луговъ.... Восходящее солнце, бросая ввѣрхъ блѣдныя лучи, еще не успѣло выбратся изъ-за темной рамы сада, отъ котораго къ ручью стелются длинныя тѣни по баштану. Все тихо вокругъ Семена Ивановича, только жаворонки да соловьи поютъ свои неумолкаемыя пѣсни, да изрѣдка доле-таетъ до его слуха начинающійся гомонъ на хуторъ, бляенье

овець , да скрипъ колодезнаго журавля, дополняемый звучными голосами бабъ, выгоняющихъ скотину, и ихъ звонкое, переливистое: вацю , вацю! Все это; по временамъ, заглушаетъ мърный стукъ въ сараѣ , гдѣ Онысько давно уже прилаживаетъ клепки къ новому дну панской кадушки.

Вотъ Семень Ивановичъ пристальнѣе взглянулъ въ конецъ сада: изъ-подъ бугра , отъ клуни показался сѣрый брыль, подъ нимъ круглая голова ныряетъ вдали, всплывая надъ верхушками густаго конопляника; потомъ выдвигаются наружу плечи , къ нимъ постепенно придыбливаются руки , грудь, наконецъ виднѣтъ и весь Омелько. Увидѣвъ пана, онъ еще издалека снимаетъ съ головы брыль и тихо приближается къ пасекъ. На Омелькѣ бѣлая хохлацкая сорочка и просторные казацкіе шировары , запущенные въ широкія ссѣвшіяся голенища юфтовыхъ чоботовъ.

— Добрыдень вамъ , добродію!

— Здоровъ бувъ , мій голубе. Что скажешь хорошаго?

— Да ничего. Такъ. Пришолъ до вашего приказа. Что будемъ робить сегодня?

— А ничего, мій голубе. Завтра праздникъ наступаетъ, такъ пусть и около себя займутся. Нужно-же и хатку прибрать, да и такъ по домашнему устроению наблюсти всякій порядокъ , чтобъ по-людски встрѣтить день торжества; а тамъ и къ церкви Божіей отправиться всѣмъ въ спокойствіи духа и чисто въ плотской. Только вели дворовымъ въ гаю клеченья нарубить и натыкать, вездѣ, какъ слѣдуетъ и какъ обрядъ повелѣваетъ. Да еще нужно нарядить пароконную подводу , въ городъ, за Павломъ Павловичемъ. Скажи хоть Нечипору , пусть съѣздитъ пораньше на панскихъ конникахъ, да и скажетъ: панъ-молъ и пани прислали за вами. Пожалуйте-молъ къ престольному празднику къ намъ въ Талалаевку. Васъ ожидаютъ-молъ , и съ Меланьею Карповною. А кто это еще идетъ сюда?

— Грицко съ Мелашкою, до вашего здоровья.

Въ это время мужикъ съ бабой, подойдя поспѣшно къ Семёну Ивановичу, молча падаютъ къ его ногамъ.

— Здравствуйте, здравствуйте! Не нужно этого. Встаньте, — говоритъ онъ наскоро, обратясь къ новопривыбшимъ: — За чѣмъ? что вамъ нужно?

— Да пришли до вашей рады, пане. Хотемъ позываться, — отвѣчаетъ Грицко, вставая.

— Да все чоловікъ надо мною глумится, пане, — произноситъ въ то-же время Мелашка, перебивая Грицка.

— Какъ? Что тамъ у васъ? Чего не разъѣли? Говорите одинъ кто-нибудь!

— Ужь какъ онъ меня вчера пугою отхвысыскалъ: вездѣ синяки.... Самъ не знаетъ за что; только моей и винны, что сказала: пойду пану пожалуюсь — продолжаетъ Мелашка, не давая сказать мужу ни слова.

— Отчего-же это у васъ такая неприятность случилась?

— Я вотъ и пошла къ вашему здоровью; а онъ идетъ вслѣдъ за мной, да и говоритъ еще: хотъ и панъ тебѣ станетъ потурать, а я все-таки буду пугой хлестать, коли не уймешься. На то ты и жинкой стала, чтобъ научиться порядку да покору.

— За что-жь ты такое неумѣстное нравоученіе употребляешь?

— Власть ваша, добродію, а между нами ладу не будетъ, коли вы не разсудите насъ и не повелите жить согласно. У другихъ, посмотришь, жинка какъ жинка; а моя все: гаръ, гаръ, гаръ! Вчера и обѣдать въ поле не вынесла; а я пріѣхалъ до дому, да сталъ говорить, а она свое, а я ей еще сказалъ, а она опять стала лаяться; а я не вытерпѣлъ, да пугой, а она пуце: такъ и пошло у насъ....

— Не хорошо, мій голубе! вы этимъ и мнѣ огорченіе доставляете и другихъ несогласіемъ своимъ въ соблазнъ приводите. А чрезъ что у васъ все сіе выходитъ, сами объясните того не умѣете. Хорошо-ли это?

— Такъ, добродію, я и сама....

— Постой, постой, тонкоголосая. Ты-то неповиновеніемъ своимъ и побудила мужа на дерзкое обращеніе съ собой и на дѣлю срамное и грѣховное; а того не понимаешь: гдѣ миръ

да любовь, тамъ и благодать всякая съ человѣкомъ; а тѣмъ болѣе въ супружеской жизни должно наблюдать тишину.

— Вѣстимо такъ, пане; бачишь, жинко! А у насъ чужія свинья весь огородъ изрыли, а въ хатѣ сору по колѣни, а сама все спишь да маешься! Сталъ говорить, а она и вскинулась: и пьяницей, и бусурманомъ, и людоедомъ; а я и пошолъ ее пугой гомозить. Вчера вырвалась, да къ пань; а пани, дай Богъ здоровье, и говорить: «мало еще; сама виновата!» Такъ, вотъ, и до вашего здоровья прильзла. Разсудите насъ, добродію.

— И ты, мій голубе, неразумительность явную оказываешь. И мужу строптивость неумѣстную употреблять не слѣдуетъ. Всякое благоуваженіе къ себѣ пригодно достигать мѣрами кроткими и дружелюбными увѣщаніями, а не буйственностію.... Жена-бо есть помощница, а не раба,—такъ и въ законъ сказано. Вотъ, когда-бъ вы это помнили, такъ и не утруждали-бы вчера панью, и ко мнѣ-бы ходить не по что! Чего-жь вы хотите теперь отъ меня?

— Да и сами не разумѣемъ. Что повелите, добродію, то и станемъ робить.

— Ну, такъ и оставьте всякое зломысліе; покоритесь другъ другу и воспріимите снова связь дружественную.

— Виноваты, добродію. Теперь дружка дружку станемъ чествовать да поважать.

— Вотъ и хорошо. Смотрите-жь, слушайте моего приказа и впредь не покушайтесь ни на какое посрамленіе, не поддавайтесь вражескому искушенію, да и отцу духовному покайтесь; не забудьте. Ну, теперь поцѣлуйтесь. Вотъ такъ. Ступайте-жь до дѣду, да и встрѣчайте праздникъ Господень въ братолюбіи и тишинѣ.

— И ты, съ своей стороны, сдѣлай имъ надлежащее увѣщаніе, какъ начальникъ и старшина,—продолжалъ Семень Ивановичъ, обратясь къ Омелькѣ, когда ушли супруги.—А если и впредь что замѣтишь клонящеся къ раздору, пригрози имъ, да скажи: пань-молъ узнаетъ, такъ тогда ужъ не пеняйте; онъ васъ.... Онъ-молъ очень сердитъ; а какъ кто попадется къ нему на расправу, такъ.... Ну ужъ ты

самъ знаешь, какъ тамъ поужаснѣе сказать. А все-таки сначала нужно не очень гнѣвно, и ласку употребить. Что дѣлать! человекъ, не безъ слабостей.... Ну, теперь, ступай, съ Богомъ, да не забудь все, что я приказывалъ; не худо-бы и песочку сюда: завтра гости порадуютъ, такъ и нужно....

Въ это время Приблуда явился съ кошникомъ, наполненнымъ съѣстными припасами.

— Паши прислала вамъ добрый-день, — сказалъ онъ, устанавливая на столѣ завтракъ Семена Ивановича. — Хорошо-ли-моль почивали. Завтра-моль будутъ къ вамъ гости изъ города, и Гаврилю Прохоровичъ, и еще общалъ кого-то привезти съ собой, да не скажу: сами-моль догадайтесь.

Вслѣдъ за тѣмъ вышелъ изъ сарайчика Онысько и, приставя палецъ къ уху, указалъ на пчельникъ, давая знать Семену Ивановичу, что рой на-готовѣ подняться.

— А, да ты чутокъ, моя старая клепка — сказалъ Семень Ивановичъ, вслушиваясь въ гудѣнье пчелъ. — Да нѣтъ, еще рано.

— Ме.... ме.... еме!

— Да, да, скоро поднимется, — отвѣчалъ Семень Ивановичъ, кивая головой, въ знакъ согласія. — А теперь, покуда, не мѣшаетъ и силы подкрѣпить. А? правда?

— Ме....е....е....

— То-то, пехудо.

Отворивъ шкафъ, онъ налилъ чарку пастойки и, отдѣливъ половину своего завтрака, подаль ее Оныську.

Солнце давно ужъ склонилось за полдень, когда Семень Ивановичъ, усталый и измученный продолжительными хлопотами на пчельникѣ, съѣлъ наконецъ за письменный столъ и принялся отмѣчать подъ померами въ книгѣ новые улы. Не прошло и двухъ минутъ, въ дверяхъ мазанки появились двѣ женскія фигуры.

Одна изъ нихъ была низенькая, молоденькая, пухленькая бѣлокурая дѣвушка, съ длинной косою и множествомъ монистъ на шеѣ, босая, въ бѣлой сорочкѣ съ широкими рукавами и полосатой затрапезной исподницѣ, перехваченной узкимъ поясомъ. Она держала въ обѣихъ рукахъ узлы съ оловянными

судками и тарелками, завернутыми въ бѣлыя салфетки. За ней плавно переступила порогъ сама Палагея Павловна, въ широкой коричневой исподницѣ съ густыми складками, собранными у пояса, на которомъ висѣлъ большой стеганый карманъ, наполненный ключами. Голова ея была повязана темнымъ бумажнымъ платкомъ; на плечахъ—бѣлая кофта, въ родѣ мѣщанской юбки, со спинкой и воротникомъ; на шеѣ—пестрый бумажный платокъ. Палагея Павловна была очень высокаго роста и соразмѣрной съ нимъ полноты; атлетическія формы ея и мускулистыя, хотя бѣлыя и пріятнаго овала, руки, свидѣтельствовали о присутствіи физической силы. Бѣлое, полное и свѣжее лицо являло остатки прежней красоты. Изъ-подъ темной головной повязки выбѣгали двѣ пряди темно-русыхъ волосъ, еще пріятно лоснившихся, а подъ тонкими бровями блестяли черные глаза, съ живымъ и мыслящимъ выраженіемъ. Не смотря на то, что доживала четвертый десятокъ, Палагея Павловна могла-бы казаться двадцатипятилѣтней, еслибъ не излишняя полнота ея, не имѣвшая, впрочемъ, ничего обвислаго и тучнаго.

— Здравствуйте, моя крошечка. Вы таки не утерпѣли: пришли и сегодня меня навѣстить — сказалъ Семень Ивановичъ, подходя къ женѣ. Для того, чтобъ поцѣловать Палагею Павловну, онъ долженъ былъ стать на цыпочки.

— Еслибъ я не знала до точности, что вы тутъ умираете отъ голода, такъ и не пришла-бъ; у меня тоже много хлопотъ.

— А я было только хотѣлъ идти къ вамъ и освѣδο- миться, что есть отъ Викторушки.

— Будто вы и не знаете?

— Почему-жъ мнѣ знать....

— Будто?....

— Что-жъ васъ такое въ сумнительность приводитъ? Я потому и спросилъ, что ему пора-бы уже быть дома. По субботамъ, вы знаете, онъ пріѣзжаетъ рано.

— А теперъ и опоздалъ?

— Что-жъ тутъ?.... вы видите....

— Какая жалость! А батюшка и не знаетъ, отчего сыръ сталъ оназдывать. Садитесь-же скорѣй. Вамъ всегда приходится кушать холодное: покуда донесутъ, все простынетъ. Палашка, принимай—продолжала Палагея Павловна, наливъ мужу полную тарелку горячаго борща, — да клики Приблуду: пусть обѣдаетъ.

— Да, да. Давай ему все, что останется; вотъ и пирожокъ еще. Онъ такъ сегодня оказывалъ большую старательность и усердіе. Что-жь вы мнѣ не объясните, кого еще Гаврило Прохоровичъ хочетъ привезти сюда съ собой?

— А вы будто и не догадываетесь?

— Право-же нѣтъ. Что это вы мнѣ не доверяете? Кажется я....

— И вамъ объ этомъ никто не писалъ?

— А, такъ вотъ вы на что намекаете. Ха, ха, ха.... А я было и въ самомъ дѣлѣ подумалъ....

— Я вамъ не намекаю, а говорю прямо.

— Отъ кого-жь вы узнали, что я получилъ письмо?

— Отъ того, кто вамъ его привезъ. И даже знаю до точности, что въ немъ прописано; только не знаю, какъ вы начнете это дѣло?

— А если я уже привелъ его къ окончанію?

— Какъ?

— Да такъ. А что, мое серденько, какъ вы заключаете теперь объ насъ съ Викторущкой? Оттого и не сказывалъ, чтобъ удивить васъ пріятной неожиданностью!

— Какъ-же это случилось?

На лицѣ Палагеи Павловны показалось крайнее удивленіе, и можно было догадаться, что неожиданное извѣстіе ей не очень нравилось.

— Я и самъ съ надлежащей ясностью рассказать вамъ не могу. Знаете: гдѣ окажется любовное влеченіе, такъ ужъ навѣрное тамъ отыщутся всякіе благопріятствующіе случаи. Вотъ сегодня узнаемъ, какъ это у нихъ тамъ идетъ. А вотъ.... (тутъ Семень Ивановичъ, пошаривъ въ обоихъ карманахъ, вынулъ небольшое письмецо) слушайте, что пишетъ (онъ осмотрѣлся кругомъ и началъ читать въ полголоса): «такихъ,

какъ вы писали нѣтъ, а гвоздей посылаю».... Нѣтъ, это не то! Вотъ: «пачетъ-же извѣстнаго дѣла скажу вамъ, что съ помощью Гаврила Прохоровича, я уже привелъ его къ окончанію, благопріятному для всѣхъ насъ. Самъ Иванъ Ивановичъ намекалъ, что желаетъ видѣться съ вами; а пачетъ его согласія мы остаемся покойны. Нужно только какъ-нибудь привезти его въ Талалаевку, а тамъ уже буду просить васъ и матушку покончить все лично. При свиданіи расскажу вамъ все подробно. Цѣлую.... вашъ сынъ».... Ну, тутъ ужъ подпись. А что, моя крошечка! видите: съ помощью Божіею и добрыхъ людей, и желаніе наше совершается, и всѣ опасенія наши, къ удовольствію, приходятъ въ уничтоженіе. Признаюсь вамъ: я съ полученіемъ этого извѣстія почувствовалъ вдругъ себя въ наилучшемъ состояніи и какъ будто вновь народившимся на свѣтъ себя считаю. А вы какъ?

— Ну, я... довольна ужъ и тѣмъ, что онъ забудетъ желанье записаться въ полковую службу.

— Охъ, не договаривайте, моя крошечка. Его необычайная стремительность къ воинской службѣ, при всей его ласковости и благонавіи, всегда наводила меня на размышленія. Даже и теперь съ надлежащею ровностію духа не могу вообразить этого. Посудите: еслибъ онъ хоть не одинъ былъ у насъ, такъ тогда-бы все-таки можно было ему на время посвятить себя воинскимъ занятіямъ—и то, чтобъ на войну не ходить; а то вѣдь окальченный можетъ возвратиться въ домъ родительскій, чего Боже храни.... что тогда? Ну, теперь не то! И вообразите себя, душа моя! Я тогда могу даже и печурку маленькую сложить тутъ, сдѣлавъ пристроечку пачетъ зимняго времени.... А вы тамъ себя.... Не правда-ли?.... Такъ завтра, если Иванъ Ивановичъ съ Анной Прохоровной порадуютъ насъ своимъ посещеніемъ, какъ вы разрѣшите? Приступитъ? а?

— Что-жь, какъ знаете. Я вѣдь вамъ сказала уже, что не буду вамъ ни препятствовать, ни давать совѣты. Ну, теперь отдохните, а мнѣ пора....

И она начала сбираться въ обратный путь, съ тѣмъ-же холоднымъ и степеннымъ выраженіемъ, съ какимъ и вошла.

Простясь съ своей крошечкой и отдавъ кое-какія приказанія Приблудѣ насчетъ пасеки, Семень Ивановичь, съ сладкой надеждой на возможность устроить со временемъ пещурку въ мазанкѣ, сомкнулъ вѣжды и разстался на полчаса съ своими пчелками и мечтами.

Дня оставалось не много, когда Семень Ивановичь, послѣ обычнаго посѣщенія криницы, пустился вдоль выгона и очутился на краю роши, на томъ мѣстѣ, откуда видна вся окрестность на далекое разстояніе. По дорогѣ отъ Плавинищъ, мимо мельницъ, катилась небольшая волна пыли; отъ нея отдѣлялась фигура всадника, быстро подвигавшагося. Семень Ивановичь нюхалъ табакъ, протиралъ глаза, шурился и пристально всматривался. Верховой, подъехавъ на такое разстояніе, съ котораго можно было узнать Семена Ивановича, прибавилъ ходу и черезъ минуту очутился въ его объятіяхъ. Это былъ давно-ожидаемый, единственный его сынокъ.

Съ одного взгляда на Виктора Семеновича Щербину, тотчасъ можно было узнать въ немъ сына Палагеи Павловны. При высококомъ ростѣ, онъ былъ очень строенъ и непринужденно-ловокъ во всѣхъ движеніяхъ. Въ красивомъ лицѣ его было много пріятнаго; взглядъ былъ оживленъ гордой, юношеской смѣлостію; ровная и твердая поступь выражала сознание своего достоинства.

Сначала, стоя на одномъ мѣстѣ, отецъ съ сыномъ долго мѣнялись отрывистыми вопросами; потомъ, Семень Ивановичь, снова обнявъ Виктора, потихоньку тронулся, ведя непрерывный и самый оживленный разговоръ; такъ они вскорѣ очутились передъ воротами. На дворѣ встрѣтила ихъ Палагея Павловна: Викторъ кинулся къ матери; Семень Ивановичь не отставалъ отъ него ни на шагъ. Брошенная на произволъ лошадь начала щипать сочную траву. Въ эту пору западавшее солнце кануло за горизонтъ. Стало темно, прохладно и тихо.... только соловьи щелкали въ липовой кущѣ, да стаи толкачиковъ вертѣлись передъ глазами въ мутномъ отблескѣ вечерней зари....

IV.

Быль часъ одиннадцатый утра. На столъ подь зеркаломъ, вмѣсто цвѣтовъ, красовалась огромная фляга въ видѣ медвѣдя на заднихъ лапахъ, съ высокой пробкой въ затылкѣ; утроба медвѣдя была налита запеканкой, блестящей яркомалиновымъ отливомъ; у ногъ его стояли двѣ серебряныя чарки. Передъ подносомъ, на двухъ оловянныхъ тарелкахъ, лежали куски мелко-нарезанной паляницы и жареной колбасы.

Въ комнату сидѣло человекъ десять гостей, разныхъ половъ и возрастовъ, размѣстившихся по стульямъ, ослончикамъ и на деревянномъ канапѣ, на которомъ рядкомъ, плотно прижавшись одна къ другой, вытягивались въ струнку четыре дочери Саввы Тимофѣевича Курченка. Старшей изъ нихъ было лѣтъ шестнадцать, хотя по болѣзненной худобѣ лица и размѣрамъ всего ея склада она казалась и того моложе. Волосы она имѣла рыжеватаго отлива, а сухое и острое лицо ея было осыпано веснушками. Меньшя ея сестры были еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Подлѣ нихъ, на крашеномъ стулѣ, сидѣла ихъ маменька, въ пестромъ тифтиковомъ платьѣ, неуклюже-выкроенномъ изъ матеріи, въ остатки которой были одѣты всѣ четыре дочери. Она тихо разговаривала, наклонясь къ супругъ Созонта Созонтовича Малявки, дюжей, плотной и красивой тридцатилѣтней женщинѣ, съ веселымъ выраженіемъ лица. По другую сторону дивана помѣщалась плавиницкая попадья съ длиннымъ краснымъ носомъ и бѣлымъ платкомъ въ рукахъ. Она смотрѣла въ сторону, молчала и слушала въ оба уха. Возлѣ стола съ закуской, прислонясь спиной къ косяку окна, стоялъ Викторъ, одѣтый въ синюю тонкаго сукна чемерку, туго-перехваченную изнутри. Скрестивъ на груди руки, онъ съ примѣтной развязностью слушалъ одушевленный разговоръ своего собесѣдника, отставнаго семидесятилѣтняго секундъ-маіора, своего дальняго родственника. Григорій Карповичъ Ладысь, онъ-же и секундъ-маіоръ, былъ не иное что, какъ живая хроника всѣхъ войнъ и походовъ временъ Румянцева, Потемкина и Суворова; служивъ поочередно подь командой cadaго изъ этихъ героевъ,

Григорій Карповичъ, подстрѣленный, наконецъ, въ правый бокъ, явился на родину съ чиномъ маіора и съ твердымъ убѣжденіемъ, что всякій человекъ необходимо долженъ срубить по крайней мѣрѣ десятокъ турецкихъ головъ для того, чтобъ умереть съ честью и добрымъ именемъ. Эта философія, подкрѣпляемая нескончаемыми описаніями славныхъ побѣдъ Суворова, подъ-часъ восхищала Виктора и приводила въ отчаяніе Семена Ивановича.

Въ другой комнатѣ, противъ двери, подъ портретомъ Богдана Хмѣльницкаго, сидѣлъ Савва Тимофѣевичъ Курченко. Кто видѣлъ въ первый разъ Савву Тимофѣевича, тотъ принималъ его за Нѣмца. Передъ нимъ топтался и вертѣлся на тоненькихъ ножкахъ Созонтъ Созонтовичъ Малявка, рассказывавшій что-то смѣшное. Созонтъ Созонтовичъ былъ человекъ необыкновенно-малаго роста; въ вознагражденіе заботливая природа надѣлила Созонта Созонтовича такой головой, которая годилась къ туловищу трехъ-аршиннаго великана. Смуглое отъ природы и отъ загара, длинное, крупныхъ чертъ, лицо Малявки, оживлялось игрой большихъ сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ свѣтилась бѣглая мысль; широкій, ротъ его постоянно былъ открытъ, отъ чего торчали наружу два ряда большихъ бѣлыхъ зубовъ; былокुरые волосы его походили на чесаный лезъ. Во всѣхъ приѣмахъ и ухваткахъ Малявка проявлялъ необыкновенную живость и проворство. Онъ стоялъ не иначе, какъ подпершись руками въ бока.

Не смотря на такое пріятное стеченіе лицъ, въ обществѣ замѣтна была кака-то церемонная принужденность. Всякій говорилъ въ полголоса; вопросы и отвѣты возобновлялись и прекращались, не затрогивая особенно ничего вниманія. Семень Ивановичъ, въ плисовомъ жупанѣ фіолетоваго цвѣта, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, съ озбоченнымъ и разсѣяннымъ видомъ; его тревожила неотвязная мысль объ ожидаемомъ прибытіи Ивана Ивановича. Всячески стараясь быть внимательнымъ къ гостямъ, онъ пытался подходить къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ различными вопросами, и послѣ нѣсколькихъ сухихъ и вялыхъ словъ, снова возвращался къ

своимъ тревожнымъ думамъ. Наконецъ и Малюка, подперши бока, началъ молча разсматривать длинные усы на портретъ Хмѣльницкаго, примолвивъ: «ого, какіс: точно у сома!» Одинъ только Григорій Карповичъ не уставалъ расписывать кагульскую битву. Среди всеобщей тишины, онъ, съ примѣтнымъ увлеченіемъ, объяснялъ послѣднюю катастрофу удачею разсчитаннаго и гибельнаго для Турковъ удара: — вотъ, мы, этакъ, построились, братецъ, да и пошли, все кареями; а они, какъ галки, разсыпались по всему полю; видишь, братецъ, тысячь полтораста ихъ было.... пули такъ и.... Ого! нашего полку прибыло, — продолжалъ онъ, наклонясь впередъ.—Кто это?

Семень Ивановичъ въ два прыжка очутился подлѣ окошка.

На дворъ въѣхала телѣга, запряженная парой пѣгихъ коняковъ. Послушные кнуту и гóлосу Нечипора, они трусдой плелись къ крылечку дома, поматывая головами. На соломенной постилкѣ, покрытой пестрой попоной, сидѣла, сгорбась, уже нѣсколько знакомая намъ чета: Павелъ Павловичъ съ супругою.

Встрѣченные хозяиномъ и перецѣлованные на крыльцѣ, супруги, стряхнувъ съ себя тонкій слой пыли, вступили въ комнату, сопровождаемые Семеномъ Ивановичемъ, на лицѣ котораго въ высшей степени просвѣчивало желаніе поговорить скорѣе съ Павломъ Павловичемъ.

Послѣдній, какъ на зло, съ медлительнымъ и степеннымъ видомъ, началъ подходить поочередно къ гостямъ и, послѣ обычнаго обниманія и чмоканья, поздравлялъ съ праздникомъ и освѣдомлялся о здоровьи каждаго. Наконецъ, поцѣловавъ послѣднюю изъ дочерей Курченка, онъ обратился къ попадѣ, съ отвѣтомъ на ея вопросъ.

Семень Ивановичъ стоялъ уже за ея стуломъ.

— Какъ-же вы это, мій голубе....?—повторилъ онъ нѣсколько разъ прерванный вопросъ свой.

— Я, вотъ видите, не могъ видѣться съ отцомъ Петрою потому, что.... Здравствуйте, Савва Тимофѣевичъ. Все-ли въ добромъ здоровьи?

Семень Ивановичъ мигомъ очутился подлѣ Курченка.

— Съ праздникомъ васъ....

— Благодарствую.

— Что-жь это вы , мій голубе, не скажете мнѣ...

— Еще разъ здравствуйте, Семень Ивановичъ; поздравляю васъ....

И Павелъ Павловичъ вмѣсто отвѣта началъ цѣловать Семена Ивановича.

— Что-жь это вы такъ поздно, мій голубе?

— Благодарю васъ за кониковъ, Семень Ивановичъ. Пылъ страшная.

— Развѣ вы поздно вѣгхали?

— Нѣтъ. Знаете, заѣхалъ къ Ивану Ивановичу; онъ дома, такъ у него съ полчаса.

— Развѣ Иванъ Ивановичъ дома?

— Нѣтъ, не оттого; а такъ, въ суетахъ: тара-бара, о томъ, о семъ; закусить подали: ужъ знаете....

— Такъ вы заѣзжали къ нему?

— Какъ-же. Стоитъ у воротъ въ бѣломъ сертукъ, такъ ужъ нельзя миновать.

— Выходитъ онъ, тово.... не располагаетъ.... — Семень Ивановичъ боялся кончить.

— Заѣзжайте, говорить; а тамъ и мы.... Здравствуйте, Викторъ Семеновичъ. Извините, заговорился. — Павелъ Павловичъ пошелъ къ Виктору цѣловаться.

Кончивъ тройственное лобызаніе съ Павломъ Павловичемъ, Викторъ не медля спросилъ:

— А Гаврило Прохоровичъ ѣдетъ?

— Какъ-же. Я ихъ оставилъ за Плавинищами. Лошади попались прескверныя; и за тѣми было много хлопотъ. Жиды наняли.

— Такъ онъ не одинъ, мій голуб....

— Смотрите, смотрите, — кричалъ Малявка, выбѣгая изъ другой комнаты и хохоча во все горло, — голубой Шпакъ сейчасъ вылетитъ изъ кѣтки. Вотъ ужъ одно крыло наружу.

— Нѣтъ, ужъ насчетъ Ивана Ивановича, усерднѣе прошу васъ, мій голубе, хоть на нынѣшній день отстраните всякое съ вашей стороны покушеніе....

— Ха, ха, ха. Хоть зарѣжь, не-идеть! — прокричалъ Григорій Карповичъ.

Всѣ обратились къ окошкамъ.

У царины остановилась небольшая жидовская бричка, запряженная тройкой разнокалиберныхъ лошадей. Жидокъ, сидя на козлахъ, размахивалъ по сторонамъ возжами и сердито колотилъ пятками въ кузовъ. Гаврило Прохоровичъ, вооружась длиннымъ кнутомъ, безъ пощады хлесталъ рыжую дышловою лошадью, которая злилась, взвивалась на дыбы и металась въ стороны, сбивая съ мѣста двухъ другихъ клячъ. Изъ брички виднѣлся голубой рукавъ Ивана Ивановича, протянутый параллельно съ кузовомъ.

Семень Ивановичъ засуетился-было въ намѣреніи подать помощь сѣдокамъ, но былъ остановленъ переменной дѣйствія.

Злая лошадь метнулась еще разъ на-право, потомъ на-лѣво, наконецъ, сдѣлавъ отчаянный прыжокъ впередъ, сорвала экипажъ съ мѣста, и бричка тихо покатила по выгону. Побуждаемые всѣми неестественными способами, изобрѣтенными на сей случай жидовскимъ воображеніемъ, лошади повернули наконецъ къ воротамъ. Въѣхавши на панскій дворъ, жидокъ поспѣшно снялъ шляпу и остался въ одной ярмошкѣ. Рядомъ съ нимъ на козлахъ сидѣлъ Гаврило Прохоровичъ, по обыкновенію надѣвъ картузь козырькомъ назадъ. Весь голубой, въ зеленомъ сафьянномъ поношенномъ картузѣ, нахлобученномъ на глаза, свернувшись въ три яруса, схватясь руками за колѣни и наклоня голову во избѣжаніе толчковъ, тресся съ правой стороны Иванъ Ивановичъ, на высокой подстилкѣ, покрытой малиновымъ коврикомъ. Подъ него сидѣла Анна Прохоровна въ желтомъ шерстяномъ платкѣ съ густой бахромой, а въ ногахъ помещалась Одарка, накрывшись отъ пыли бѣлымъ платкомъ.

При поворотѣ экипажа на дворъ, Семень Ивановичъ суетливо забѣгалъ по комнатамъ, бормоча про себя какія-то несвязныя слова.

— Насчетъ закусочки, душа моя, прибавьте еще чего-нибудь — проговорилъ онъ на-скоро, выбѣгая въ сѣни.

Одарка первая очутилась въ объятіяхъ Семена Ивановича.

— Дитя мое.... какъ я давно.... этакую вы мнѣ радость.... подлинно что.... отряхнитесь, моя галочко! — произносилъ старикъ, сжимая ее въ объятіяхъ.

Псцѣлованная нѣсколько разъ, дѣвушка, откинувъ назадъ длинную, съ пукомъ широкихъ лентъ, косу, остановилась въ углубленіи крыльца, уступая прочимъ дорогу въ отверзтыя объятія Семена Ивановича.

Коричневая гарнитуровая юбка, съ пунцовой оторочкою, откосымъ мезенемъ и круглымъ воротникомъ, туго охватывала ея стройный станъ, отъ котораго густыми складками падала бахтовая исподница, окаймленная снизу малиновой съ зубчиками прошивкою: изъ-подъ нея выказывались диковинныя ножки въ стачныхъ черевичкахъ съ красными корками. На шеѣ, вмѣсто безобразныхъ монистъ, была надѣта нитка крупнаго жемчуга.

Иванъ Ивановичъ вышелъ изъ брички послѣдній и вступилъ на крыльцо въ то время, когда Семень Ивановичъ, перецѣловавъ поочередно Анну Прохоровну и ея брата, остановился передъ нимъ съ разверзтыми руками.

— Иванъ Ивановичъ!

— Семень Ивановичъ!

— Скажу вамъ, что я съ необычайною радостію....

— Разумѣется, не насчетъ праздника, а по собственному....

— И могу увѣрить васъ, что я вполне удовольствованнымъ теперь себя....

— Мое желаніе.... давно намѣревался....

— Шутка-ли, съ тѣхъ поръ, какъ медокъ ломали вмѣстѣ!....

— Оно, конечно, по поводу долгаго отсутствія только.... но, скажу вамъ, почтеннѣйшій Семень Ивановичъ, насчетъ случаевъ отстраняющихъ, могу побожиться даже, что я такъ.... и кромѣ стеченія обстоятельствъ, ничего болѣе.... не думайте, чтобы разстроенность какая-нибудь. Разумѣется, не

всякому известно, отчего иногда приходитъ въ голову и то и сѣ; но, повѣрьте, право, не насчетъ телушки, а такъ, одно невозддержаніе мыслей и только.... Съ праздникомъ васъ ...

Семенъ Ивановичъ въ шестой разъ обнялъ Ивана Ивановича.

Гаврило Прохоровичъ давно ужъ былъ въ комнатѣ. Иванъ Ивановичъ пошелъ впереди всѣхъ; за нимъ слѣдовали жена и дочь. Семенъ Ивановичъ замыкалъ шествіе.

Когда вошелъ въ комнату Иванъ Ивановичъ, по лицу Виктора пробѣжалъ легкій румянецъ.

Съ опущенными глазками, робко вошла Одарка. Неопредѣленно, неясвенно вставали передъ ней какія-то тѣни, слышался шелестъ и голоса; все вокругъ нея было въ движеніи.... Тихо и медленно подавалась она впередъ: передъ ней мелькалъ одинъ только жолтый уголь шейнаго платка ея матери, да густѣла и безконечно ширилась зеленая травяная настилка на полу, съ человѣческими ногами; машинально переступая и неуклонно слѣдя за своимъ вожатымъ, она вскорѣ очутилась вблизи того мѣста, на которое опустилась желтая бахрама.... И какая-то смутная, темная греза волновала всю ее. Ей казалось только одно то внятнѣе и осязаемѣе, что вся правая сторона ея тѣла словно горѣла: ей видѣлось что-то подъ окномъ, что-то въ родѣ челоуѣка, который, взявшись одной рукой за спинку стула, стоитъ и смотритъ.... хорошо, что не на нее! а то, пожалуй.... Но вотъ она почувствовала сильный шелестъ на шелковыхъ рукавахъ; знакомый голосъ говорить ей: «скажу вамъ, мое серденько, какою необычайной радостью вашъ прїездъ.... садитесь тутъ!».... Двѣ знакомыя руки торопливо подали Семену Ивановичу стулъ. Онъ сажаетъ ее подлѣ матери. Онъ цѣлуетъ ее въ другой разъ, жметъ ей руку.... Что-жъ это Семенъ Ивановичъ, добрый, ласковый.... а вотъ и Палагея Павловна цѣлуется съ ея матерью.... Наконецъ, какъ-будто какая-то глухая волна откатилась отъ окна; и въ комнатѣ оттого стало свободно и свѣтло, даже ей какъ-то сдѣлалось легче.... Она можетъ теперь взглянуть на все, на всѣхъ: его тутъ нѣтъ, ушелъ! Одарка подняла длинныя

рвсницы. Первый предметъ, явственно отразившійся въ ея зрѣніи, былъ отецъ.

Слегка покрасѣвшій и сильно взволнованный, Иванъ Ивановичъ, подавшійся туловищемъ впередъ и протянувъ назадъ руки, обходилъ кружокъ и, цѣлуя cadaго, повторялъ одну и ту-же фразу, придѣлывая къ ней различныя окончанія, отчего слышалось смѣшеніе однихъ и тѣхъ-же словъ: все-ли вы—слава Богу—здоровы—въ добромъ—съ праздникомъ — здоровы, и проч. Каждая изъ этихъ полуфразъ замыкалась звучнымъ и отрывистымъ чмоканьемъ съ мужчинами: въ отношеніи къ дамамъ, знакомымъ и незнакомымъ, Иванъ Ивановичъ довольствовался однимъ тихимъ прикосновеніемъ сжатыхъ губъ; послѣ cadaго изъ этихъ лобызаній, онъ осторожно пятился шагъ назадъ, кланялся поцѣлованной дамѣ и приступалъ къ слѣдующей. По окончаніи церемоніи, онъ усѣлся на первое попавшееся мѣсто и, обтеревъ потный лобъ пестрымъ, туго-скомканнымъ платкомъ, съ приличнымъ видомъ сталъ разсматривать всѣ перецѣлованныя имъ лица.

Съ появленіемъ Ивана Ивановича всѣ сдѣлались какъ-то развязнѣе, а съ пріездомъ Онисима Павловича, старшаго брата Палагеи Павловны, прибывшаго на двухъ экипажахъ въ сообществѣ жены, двухъ взрослыхъ дочерей и сына, мальчика лѣтъ тринадцати, сдѣлалось и тѣсно въ комнатѣ. Послѣ обычныхъ цѣлованій и поздравленій, мужчины, подъ предводительствомъ Семена Ивановича, гурьбой отправились подъ липки; вскорѣ и остальное общество вышло въ садъ; въ домѣ осталась одна только прислуга, и, подъ управленіемъ Палагеи Павловны, начали собирать на столъ.

Усадивъ гостей подъ липками, Семень Ивановичъ вскорѣ возвратился въ домъ, таинственно разговаривая съ Гавриломъ Прохоровичемъ:

— А касательно моего желанія и расположенія Викторушки вы, конечно, уже извѣстны—сказалъ онъ, оставаясь въ угольной комнатѣ.

— Да, я слышалъ отъ Виктора Семеновича....

— Такъ я и хотѣлъ сначала поговорить съ вами и просить вашего совѣта. И насчетъ содѣйствія съ вашей стороны остаюсь въ надеждѣ, что не откажете пособить мнѣ.

— Ну, тутъ мнѣ не съ какой стати мѣшаться, потому-что я въ свойствѣ нахожусь; да и кромѣ васъ кто-же рѣшится! все-таки отъ васъ зависить....

— Нѣтъ, мій голубе, прошу васъ, насчетъ первоначальнаго приступа только, ужь не оставьте, потому-что, знаете, дѣло особенную значительность совмѣщающее: тутъ и сердце родительское, тово....и надлежащее теченіе мыслей относительно должной выразительности иногда нарушиться можетъ; такъ усерднѣйше прошу не отказать мнѣ въ участіи, и, въ случаѣ я, съ помощью Божіею, начну приступать, вы, съ своей стороны, со всею свойственной вамъ веселостію, и можете, этакъ, словцо-другое....

— Что-жь, это можно. Только нужно Созонта Созонтовича поудержать; а то они какъ затѣютъ дѣло объ греческой исторіи, такъ и сведутъ на свою собственную. Тогда, знаете, трудно будетъ говорить о чемъ-нибудь.

— Да, нужно постараться. А насчетъ согласія, какъ вы уразумѣваете? Кажется, предложеніе мое....

— Еще-бы! Помилуйте. Голубой Шпакъ не совсѣмъ дуракъ. Онъ по пальчикамъ разочтетъ; а насчетъ сестры и говорить нечего.

— Такъ намъ остается только Ивану Ивановичу.... Прошу-же васъ, мій голубе, не оставьте вашимъ содѣйствіемъ: ужь такъ и старайтесь не отходить отъ насъ, и какъ только запримѣтите, что я началъ, такъ вы тутъ со всею резонабельностію и присоединитесь ко мнѣ насчетъ надлежащаго пособія; а тамъ....

— Что это вы, Семенъ Ивановичъ! Гостей оставили, а сами тутъ прохлаждаетесь. Видите, что я занята, такъ вы-бы и старались тутъ около общества — сказала Палагея Павловна, выглядывая изъ-за двери.

— Ничего, моя крошечка, я такъ только словечка два съ Гавриломъ Прохоровичемъ. Вотъ мы и кончили.

— Ступайте-жь, да просите къ обѣду. Сейчасъ подають.

Между-тѣмъ мужчины, собравшись подъ липками, находились въ самомъ веселомъ расположеніи; все хохотали; нѣкоторые повторяли: — Ай-да Иванъ Ивановичъ! Сбилъ-таки; поставилъ на своемъ!

Иванъ Ивановичъ, съ выраженіемъ самодовольствія, стоялъ противу Малявки, съ трубкой въ зубахъ.

— Хмъ! Что касается до этого, такъ не угодно-ли къ намъ насчетъ всякихъ поясненій — сказалъ онъ, гордо глядя въ сторону.

— Хорошо. Покорлюсь. Быть по вашему. Пусть тамъ и земля вертится, а солнце стоитъ! Какъ-же вода-то удержится въ берегахъ, когда земля станетъ на боку? Налейте-ка рюмку, да поверните хорошенько: анъ и прольется! Вотъ этого вы намъ и не объяснили — сказалъ Малявка, хитро подмигнувъ глазомъ.

— Конечно, въ разсужденіи пролитія только.... Это до земли не касается. Тамъ сказано, что земля обращается вкругъ: я такъ и объяснилъ вамъ. Разумѣется, насчетъ воды есть другія книги; а тутъ, астрономія и Коперникъ тово.... все о звѣздахъ и планиды разные; какъ-бы вы думали? А чуть до затмѣнія относительность какая встрѣтится, такъ и скажутъ вамъ все впередъ. Умъ человѣческой но то что.... надо знать! Хмъ! Иной, пожалуй.... анъ-нетакъ! Ученіе, сударь, нужно! Оттого и доктусы разные выходятъ.... А-то вода! что тамъ вода? Что до воды касается, такъ тамъ уже все свое пойдетъ: мореплаваніе и Финикіянне.... такъ ужъ для этого и родятся.... Увѣрю васъ, что такъ. На все описаніе есть. Книги, сударь, да! Нужно читать. Разумѣется, не всякій можетъ понимать!

— Ну-съ. А насчетъ греческаго огня.

— Нѣтъ, ужъ насчетъ огня, Созонтъ Созонтовичъ, прошу васъ, мій голубе, поудержитесь. Послѣ какъ-нибудь, теперь не время, — сказалъ Семенъ Ивановичъ, торопливо становясь между Малявкою и Иваномъ Ивановичемъ. — Пожалуйте, милости просимъ: пора!

И мужчины, вслѣдъ за нимъ, двинулись въ хоромы. Викторъ съ дамскою компаніей присоединился къ обществу.

Комнату перегораживалъ длинный столъ, накрытый бѣлою скатертью и уставленный чистыми оловянными тарелками. Въмѣсто салфетокъ по обоимъ концамъ его былъ простланъ длинный ручникъ. На другомъ столѣ, подъ зеркаломъ, возвышалась батарея наливкокъ разныхъ сортовъ.

Двери изъ комнаты и пекарни были отворены настежъ. Тамъ Палагея Павловна съ двумя прислужницами суетливо распределяла кушанье, назначая чередъ каждому блюду.

— Ты, Палажка, съ Приблудой будешь носить къ столу, — говорила она — а ты, Орышко, тутъ распоряджайся выдачей; да прошу не перемѣшать стравы: наблюдай до точности, что за чѣмъ идетъ. Сперва куры до соку, а тамъ голова до хрину, борщъ до подсолонины; а за нимъ, не забудь, колдуны съдуютъ; а тамъ, индыкъ до подлевы, за индыкомъ хрусти, а за ними ужъ заѣдки подавайте.

При вступленіи въ столовую гостей, она поспѣшила ихъ встрѣтить.

— Милости прошу, гости дорогіе. Прошу откушать. Пора. Семень Ивановичъ, что-жь не приглашаете, передъ обѣдомъ, непрошеную.

Палажка подошла съ флягою къ первому Ивану Ивановичу.

Наливъ передобѣденную *непрошеную*, онъ торжественно приподнялъ чарку. Иванъ Ивановичъ былъ всѣхъ выше ростомъ, и оттого къ нему на этотъ разъ очень кстати шла роль распорядителя; мужчины образовали около него кружокъ и по знаку его подхватили разомъ:

Многая, многая, многая лита!

Да насѣемъ жита,

Многая лита!

Да поставимъ снопки,

Многая лита!

Да ударимъ гопки!

За послѣднимъ стихомъ всѣ въ-ладъ и громко оттопнули ногами.

— Съ праздникомъ васъ , почтеннѣйшій Семень Ивановичъ , и васъ....

Иванъ Ивановичъ, описавъ полукругъ наклоненною головою, мигомъ опорожнилъ непрошеную.

— Могу сказать , что вы своей веселостью меня въ необычайную радость приводите, мій голубе! Садитесь вотъ тутъ. Прошу покорно.

Иванъ Ивановичъ сѣлъ на указанное хозяиномъ мѣсто. Гаврило Прохоровичъ, по знаку Семена Ивановича, завладѣлъ Малявкой и усѣлся съ нимъ на другомъ концѣ стола. Одарка помѣстилась между двумя племянницами Палагеи Павловны, дружески разговаривая съ ними. У обѣихъ сестеръ былъ самый игривый характеръ и привлекательныя личики. Одарка подружилась съ ними еще въ дѣтствѣ: меньшая была однихъ съ нею лѣтъ. Возвратясь съ прогулки, дѣвушки были очень веселы , особенно дѣв сестры держали себя непринужденно , не смотря на то , что , по правиламъ тогдашняго этикета, дѣвицамъ строго воспрещалось *зубоскалить*. Всякое живое слово и веселое выраженіе называлось въ ту пору вѣтренностию и неуваженіемъ къ старшимъ; даже теперь Курченчиха, толкнувъ подъ бокъ свою рыжеватую дочку , значительно и строго повела глазами въ тотъ конецъ стола, гдѣ сидѣла Одарка съ подругами.

Шумное и веселое пиршество пошло своимъ чередомъ. Въ началѣ , гости , усѣвшись за столъ , усердно принялись за истребленіе перваго поданнаго кушанья, мало развлекаясь разговорами , и жирныя каплуны , залитые лимоннымъ сокомъ, къ великому удовольствію Палагеи Павловны , въ ея глазахъ , быстро исчезали , оставляя за собой однѣ обглоданныя кости. За ними слѣдомъ пошла въ ходъ густая сливянка. За каждымъ изъ множества другихъ блюдъ Палагея Павловна съ гигиеническою прозорливостью подавала необходимые и приличные сорта разнокачественныхъ споспѣшествователей пищеваренія , наблюдала до точности за послѣдовательностью и исправнымъ ихъ употребленіемъ на пользу и здравіе дорогихъ гостей. Сливянку смѣнили: грушевка, калиновка , терновка , рябиновка , вишневка, и нако-

нецъ, когда хозяйка увѣрилась, что гости, вмѣсто губъ, начали цѣловать другъ друга въ носъ и въ бороду, въ рукахъ ея явился заздравный кубокъ, въ которомъ зашипѣлъ ликтарными искрами старичекъ медокъ-спотыкачъ.

Ивану Ивановичу послѣднему пришелъ чередъ взять кубокъ и поздравить съ праздникомъ хозяевъ и общество гостей. Онъ торжественно поднялъ чару и, среди всеобщей тишины, произнесъ важно и съ разстановкой:

— Конечно, по поводу настоящаго торжества необходимо учинить то-есть надлежащее поздравленіе; однакожъ, я нахожу, что, вслѣдствіе оконченнаго уже мною должнаго разсужденія, не худо-бы даже и экскламаре! и потому недостаточнымъ считаю на сей разъ выразить мое достодолжное признаніе насчетъ всякаго... и васъ, и васъ, и васъ равномерно, и скажу, при сей вѣрной оказіи, что я, хотя и не принадлежу еще къ почтеннѣйшему обществу, то-есть, какъ-бы вы думали? однакожъ предки мои не то, чтобы, знаете, ужъ были просто плебсъ, то-есть, разумется, это не всякому извѣстно! и потому, на сей случай, самъ тоже имѣю сына, который можетъ быть даже, — какъ-бы вы это полагали? — не то, чтобы просто, такъ себѣ, человекъ да и только....

А раба Божія Іоаяна полюбите
И поздравленье отъ него почтеннѣйше примите!

— Молодецъ, молодецъ! Ай да Иванъ Ивановичъ! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Вскорѣ за тѣмъ гости встали изъ-за стола и по приглашенію Семена Ивановича отправились на пасеку. Женская компанія шла впереди, мужчины послѣдовали за нею. Семень Ивановичъ всячески юлилъ, забѣгая то впередъ, то съ боку, побуждаемый рѣшительнымъ памтрениемъ завладѣть драгоценною особою Ивана Ивановича; наконецъ ему пришла на умъ счастливая мысль: онъ тотчасъ схватилъ Ивана Ивановича за рукавъ.

— Не угодно-ли вамъ, мій голубе, взглянуть и увѣриться самолично въ томъ, о чемъ вы такъ сильно мнѣ

противорѣчили, помните? Поотклонитесь на минутку, тутъ недалеко.

Отходя немного въ сторону, они остановились передъ низенькимъ деревцомъ изъ породы венгерскихъ сливъ.

— Изволите видѣть, мій голубе! Я и тогда увѣрялъ васъ, что примутся, а вы все-таки мнѣ не вѣрили! Взгляните, не правда-ли: вещь казусная?

— Дѣйствительно такъ, почтеннѣйшій Семенъ Ивановичъ. Хмъ! Однакожь я до сихъ поръ не повѣрилъ-бы никому.

— Ага, мій голубе! Такъ вотъ и извольте теперь смотрѣть и любоваться. Скажу вамъ, что я узналъ по опыту: всякіе фруктовые побѣги удачнѣе всего можно прививать къ венгерскимъ сортамъ. Вотъ вамъ вишня и груша, а съ того бока слива и яблоня: сортъ, хоть не изъ лучшихъ, а такъ, для необыкновенности одной только; и надѣюсь, что будутъ съ плодомъ: видите, завязь какая!

— Вижу. И, разумѣется, не то, чтобы по случаю незнанія, или неповѣрности какая со стороны подлежащаго умозаключенія, а такъ, просто, вслѣдствіе здраваго сужденія умъ человѣческой иногда ошибиться можетъ. Но, все-таки, виноваты; признаюсь, никакъ не полагалъ....

— Нѣтъ ужъ, Иванъ Ивановичъ, вы, то-есть, ни въ чемъ не виноваты, увѣряю васъ, мій голубе! Ваше благо-разуміе на-всегда при васъ, тово, ужъ такъ ненарушимо и будетъ присутствовать.... Только теперь вотъ, когда мы одни съ вами, я-бы усерднѣе попросилъ васъ объ одномъ.... Касательно одного только, желалъ-бы съ вами, знаете?

— Извольте, почтеннѣйшій Семенъ Ивановичъ, готовъ.

— Да, относительно.... охъ! Впрочемъ, я не то, чтобы ужъ со-всѣмъ, то-есть, хотѣлъ-было сказать вамъ насчетъ одного только.... Боже мой, гдѣ-же это Гаврило Прохоровичъ!

— Онъ съ ними, тамъ. Что вамъ? я могу....

— Позвольте. Я намѣревался-было съ вами.... Иванъ Ивановичъ! Позвольте васъ поцѣловать!

Семенъ Ивановичъ, съ примѣтной разсѣянностью, обнялъ Ивана Ивановича.

— Вы, вѣрно, желали что-нибудь этакъ.... Скажите, что вамъ угодно? Все могу для васъ.

Семень Ивановичъ съ неизъяснимой грустью посмотрѣвъ въ тотъ конецъ сада, куда удалились гости.

— Скажите-жь, что такое? Для васъ готовъ всѣмъ служить!

— Позвольте васъ просить, мій голубе....охъ!.... Пожалуйте туда.

— Только объ этомъ желали вы?

— Нѣтъ.... пойдете!

Иванъ Ивановичъ, недоумѣвающий, пошелъ сзади.

Пройдя немного впередъ, Семень Ивановичъ вдругъ остановился; замѣтно было, что онъ въ эту минуту находился подъ вліяніемъ внезапно-родившейся мысли.

— Позвольте, мій голубе — сказалъ онъ тономъ, выражавшимъ болѣе самоувѣренности: — теперь, покуда, объ одномъ только намѣренъ сообщить вамъ.

— Извольте, почтеннѣйшій Семень Ивановичъ. Съ великою радостью готовъ.

— Такъ я усерднѣйше прошу васъ: сегодня, то-есть, для меня одного посвятите вашъ денекъ! Они тамъ себѣ касательно веселія всякаго могутъ расположиться, какъ хотятъ; а мы съ вами сядемъ, да и будемъ продолжать разговоръ въ тишинѣ и спокойствіи духа. Согласны? Я, признаюсь, очень радъ, что вижу васъ, мій голубе!

— Извольте. Разумѣется, въ случаѣ общаго сужденія только....

— Нѣтъ, ужъ мы съ вами особенно; что тамъ? пусть они себѣ веселятся на здоровье, а мы насчетъ компаніи можемъ присоединить Гаврила Прохоровича. Не правда-ли?

— Разумѣется, мы съ вами тово.... — Иванъ Ивановичъ чихнулъ.

— Желаю вамъ всякаго благополучія! Вотъ и прекрасно. Такъ ужъ вы насчетъ меня такъ и располагайте вашимъ временемъ, и въ случаѣ тамъ даже развлеченіе какое встрѣтится, я подлѣ васъ ужъ такъ и буду находиться, равномерно и вы съ своей стороны.... Согласны?

— Помилуйте. Что это вы; для меня очень прилично.

— Ну-такъ и пойдѣте. Слышите, какое у нихъ тамъ пѣніе происходитъ? Что-жь, пусть себѣ... а мы съ вами.

Семень Ивановичъ, потирая отъ удовольствія руки, пошелъ опять впереди.

Гости, собравшись на площадкѣ передъ мазанкой и схватясь за руки, бойко выплывали журавля. Гаврило Прохоровичъ былъ въ числѣ танцующихъ. Надѣвъ, по обыкновенію, картузь козырькомъ назадь, онъ уродливо семенилъ ногами, стараясь какъ можно громче подпѣвать басомъ. Малявка тоже хлопоталъ выдѣлывать самыя трудныя па, и, кривляясь, вывертывалъ ножками пресмѣшныя фигуры. Посреди круга стоялъ Викторъ, олицетворяя на этотъ разъ, по смыслу пѣсни, особу журавля; прочіе весело прыгали около него и пѣли въ тактъ:

Ой бувъ собѣ журавель, и проч.

Пляска была въ полномъ разгарѣ, когда Семень Ивановичъ остановился подлѣ танцующихъ. Молча и внимательно прослѣдилъ онъ волнующійся кругъ, и взоры его съ жадностью устремились въ ту сторону, гдѣ усердно ревелъ и топалъ вспотѣвшій и запыхавшійся отъ чрезвычайныхъ усилій Гаврило Прохоровичъ

— Что-жь это вы хотѣли со мной.... — проговорилъ Семень Ивановичъ, когда послѣдній проплясывалъ мимо его.

— Ничего, сейчасъ.... И онъ продолжалъ басомъ:

Да внадывся журавель,
Журавель —
Да до бабьихъ конопель,
Конопель.

— Когда-жь вы кончите, мій голубе?—спросилъ снова Семень Ивановичъ, прождавъ кругъ.

— Еще чаечку. Погодите, нельзя...

Ой я тому журавлю
Журавлю —
Руки, ноги перебью,
Перебью.

Въ это время Палажка остановилась передъ Иваномъ Ивановичемъ, съ подносомъ въ рукахъ.

— Прощу васъ, мій голубе, выкушайте. И я съ вами чашечку.

Они взяли по чашкѣ варенухи и отправились подъ наметъ.

Усѣвшись на лавочкѣ, Семень Ивановичъ снова почувствовалъ себя въ самомъ затруднительномъ положеніи. Чѣмъ сильнѣе и настойчивѣе пробуждалось въ немъ желаніе поговорить скорѣе о дѣлѣ, особенную значительность совмѣщающемъ, тѣмъ труднѣе казался ему приступъ къ объясненію. Онъ машинально подносилъ чашку къ губамъ, умильно взглядывалъ на Ивана Ивановича, но отъ этого только пуще еще стало его подергивать. «Ктому же, думалъ онъ, какъ на зло, время выходитъ самое благопріятное. Вотъ только-бы начать, кажется; чтѣ-бы тутъ такое? взять, да и сказать: Иванъ Ивановичъ, то-есть, я, съ своей стороны, тово.... и если ваше соизволеніе на этотъ разъ, или, тамъ, насчетъ родительскаго благословенія даже.... такъ не угодно-ли-молъ вамъ выразить свое мнѣніе! И только-бы. А тамъ ужъ все-бы такъ и пошло своимъ чередомъ.... Такъ нѣтъ-же, заколодило! Досадный этотъ Гаврило Прохоровичъ, реветъ себя во всю глотку и, какъ видно, нисколько не помышляетъ насчетъ надлежащаго пособія въ дѣлѣ, гдѣ, вотъ видите, и сердце родительское и надлежащее теченіе мыслей... какъ-бы вы думали? А между-тѣмъ, насчетъ одного только слѣдовало-бы вотъ взять, да и выразиться съ надлежащею ровностію духа, больше-бы и не сталъ говорить; что тамъ, пусть себя веселятся.... Только-бы начать!»

«Вотъ этотъ крикливый журавель кончился; руки врозь; хотятъ расходиться; устали; пора».

— Гаврило Прохоровичъ! Гаврило Прохоровичъ!

«Ну! никакъ опять? да! Несносная эта супруга Созонта Созонтовича выводитъ Одарку на середину.... Опять за руки.... пошли.... запяли! Козырекъ назадъ.... басомъ.... этакой! И чтѣ-бы на минутку, хоть насчетъ первоначальнаго приступа»...

Семень Ивановичъ рѣшительно взглянулъ въ глаза Ивану Ивановичу, но послѣднему было не до объясненій. Онисимъ Павловичъ, въ разговоръ съ мужчинами, коснулся такого предмета, отъ котораго Ивану Ивановичу стало вдругъ и жарко и холодно; онъ жадно вслушивался; Онисимъ Павловичъ продолжалъ съ увлеченіемъ:

— Представьте—сказалъ онъ,—какое вдругъ сладкокрѣіе является, подлинно, на удивленіе. И гдѣ этикіе люди родятся на свѣтъ, подумаешь!

— Гдѣ-жь вы взяли эту книгу?—спросилъ Савва Тимофѣевичъ.

— Андрюша мой, говорю вамъ, привезъ изъ города. Я и ну читать. Ктому же все до божественности относится! въ самомъ началѣ написано: Ода, а тамъ: Богъ, а тамъ уже стихи пойдутъ. Вся знаю: — О ты... о ты... пространность безконечная... какъ-бишь?... Ну, тамъ уже, что ни дальше, то лучше!

— Разумѣется, вы насчетъ Державина изволите; скажу вамъ, однако-жь, что вы....

— Нѣтъ ужъ, мій голубе, прошу васъ усерднѣйше, останьтесь тутъ, — проговорилъ Семень Ивановичъ, вцѣпившись въ голубой рукавъ.—Садитесь. Я желаю съ вами насчетъ одного самонужнѣйшаго обстоятельства.... пусть они себѣ!

— Я ничего: извольте.

— Вотъ видите-ли, Иванъ Ивановичъ, я съ вами относительно тово.... выкушайте еще чашечку.

— Нѣтъ, довольно, кажется.

— Сдѣлайте милость, поневольтесь. И я съ вами.

— Такъ насчетъ какого обстоятельства желали вы, Семень Ивановичъ?

— Я, то-есть, насчетъ родительскаго расположенія вашего желалъ-бы... Только, вотъ видите, нужно особенно какъ-нибудь, и время избрать такое; а тамъ уже съ благословеніемъ Божиимъ и приступать къ надлежащему объясненію. Оно-бы и теперь, конечно.... только, позвольте, вы ужъ, пожалуйста, не смотрите на нихъ, а я, съ моей стороны, и могу такъ насчетъ моего намѣренія.

— Извольте. Только скажите, чего вы желаете?

— Боже мой! Касательно семейнаго, тово.... Сейчас! только вотъ насчетъ первоначальнаго приступа. Позвольте.... Гаврило Прохоровичъ! Гаврило Прохоровичъ!

Гаврило Прохоровичъ въ отвѣтъ кивнулъ головой и запѣлъ басомъ:

А у чашки да головка болить,
Книгъ! книгъ!

Семень Ивановичъ укоризненно посмотрѣлъ на танцующихъ.

— На что онъ вамъ. Извольте сами, и повѣрьте, что я съ своей стороны готовъ....

— Насчетъ дѣтей нашихъ, Иванъ Ивановичъ! Я, то-есть, какъ видите.... и касательно Палагеи Павловны.... одно желаніе, повѣрьте! только, вотъ, какъ ваша расположенность?

— Разумѣется, насчетъ этого бываетъ и относительность разная; а потому, прошу васъ, объясните.

— Объясню, все объясню, теперь-же. Только, знаете, сначала.... Иванъ Ивановичъ позвольте васъ поцѣловать.

Семень Ивановичъ довольно-долго продержалъ Ивана Ивановича въ объятіяхъ, бормоча какія-то несвязныя слова; наконецъ онъ опустилъ руки и, какъ видно, собирался сѣсть на прежнее мѣсто, съ желаніемъ дожидаться надлежащей ровности духа, какъ вдругъ, къ несказанному удовольствію, увидѣлъ передъ собой Гаврила Прохоровича.

Последній, слегка улыбнувшись, весело и внимательно взглянулъ обомъ въ глаза, потомъ махнулъ рукой, откашлянулъ и запѣлъ:

Ишовъ перейшовъ мѣсяць по небу;
Да стрѣвоя мѣсяць съ яснымъ зорѣю.
Ой зоря, зоря! Де въ Бога була?
Де въ Бога була, де маснь стати?

— Хорошо?

— Скажу вамъ, мій голубе, вы то-есть меня въ необычайную....

Гаврило Прохоровичъ махнулъ рукой, крикнулъ и запѣлъ снова:

Де маю стати? У пана Ивана,
У пана Ивана — да на ёго дворѣ,
Да на ёго дворѣ, да у ёго хатѣ....

— Могу вамъ сказать, мій голубе....

Гаврило Прохоровичъ нетерпѣливо замоталъ головой.

А у ёго хатѣ да двѣ радости:
Перша радость — сына женити,
А друга радость — дочку отдавати;
Сына женити — разумника Ясю,
Дочку отдавати — молодую Дасю!

— Слышите, Иванъ Ивановичъ, тово....

— Стойте, сказалъ Гаврило Прохоровичъ, и запѣлъ, прищелкивая:

Дочку станемъ отдавать
За королевича,
За Виктора молодца,
За Семеновича!

Онъ притопнулъ, повернулся на каблукъ и исчезъ въ кругу танцующихъ. Щербина и Шпакъ обратились другъ къ другу.

— Иванъ Ивановичъ!

— Семень Ивановичъ!

— Я, то-есть, насчетъ одного только: дочка у васъ, Иванъ Ивановичъ! Касательно Викторущки, тово....

— Разумьется, если съ вашей стороны, почтеннѣйшій Семень Ивановичъ, возымѣли какое-либо относительное намѣреніе; отчего-жь, съ радостію готовъ....

— Такъ вы то-есть.... — Семень Ивановичъ заикнулся и вынучалъ съ умиленіемъ глаза на Ивана Ивановича. Гаврило Прохоровичъ снова появился передъ ними, держа Виктора и Одарку за руки.

— Что-жь, кончайте! — сказалъ онъ настоячиво.

Семенъ Ивановичъ стремительно схватилъ руку Ивана Ивановича.

— Такъ отдаете ?

— Отдаю.

— Моя! Беремъ! — вскричалъ панъ Щербина, заключивъ Одарку въ свои объятія. — Палагея Павловна! Тутъ! наша! а? Насчетъ Викторушки тово.... мое серденько.... Палагея Павловна! вотъ она!

Всѣ бывшія въ мазанкѣ женщины прибѣжали на зовъ Семена Ивановича. Палагея Павловна приняла изъ рукъ мужа будущую невестку. Анна Прохоровна, въ трепетномъ изумленіи, остановилась передъ Иваномъ Ивановичемъ.

— Что? — прошептала она едва слышно.

— Разумѣется, что! Просваталъ Дасю. Теперь, тово, и ваше благословеніе не мѣшаетъ.

— Анна Прохоровна съ рыданіемъ упала въ объятія дочери.

Наконецъ, среди всеобщей суеты и восклицаній, родители благословили дѣтей своихъ и посадили рядкомъ на лавочку. Привѣтствіямъ и поздравленіямъ не было конца. Гости принялись пить за здоровье обрученныхъ, и всѣ, какъ это водится, не переставали вслухъ хвалить жениха и невесту, приписывая обоимъ разныя и небывалыя достоинства.

— Ага! Палагея Павловна! Дѣтки! Какъ вы это разумѣваете? — повторялъ Семенъ Ивановичъ, умильно засматривая обрученнымъ въ глаза.

Въ это время изъ-за угла плетневаго сарайчика появился Приблуда; слѣдомъ за нимъ шелъ сгорбясь старикъ въ бѣлой суконной, накинутой на опашку, свиткѣ и пестровыхъ казацкихъ широварахъ. Малорослый, сутуловатый, съ однимъ выколотымъ и другимъ совершенно-впалымъ глазомъ, едва видимымъ изъ-подъ густой нависшей брови, плѣшивый, съ небольшою прядью бѣлыхъ волосъ, бѣжавшихъ отъ затылка къ вискамъ, Дидусь-музыка — такъ называла его плавиницкая молодежь — держалъ въ одной

рукъ подѣ полою скрипку со смычкомъ , а въ другой круглую овчинную шапку.

Постоянною резиденціею Дидуса и его скрипки былъ плавиницскій шинокъ. Лѣтомъ онъ и его инструментъ помещались на завалинѣ подлѣ шиночной двери, а зимой — на покутѣ, внутри шинка. Въ нужныхъ случаяхъ Семень Ивановичъ посылалъ гонца за старымъ музыкаю , и, готовые всегда къ услугамъ талалаевскаго пана, Дидусъ и скрипка являлись вмѣстѣ съ посланнымъ. За такую исправность и усердное пиликанье , продолжавшееся иногда за полночь, музыку награждали мѣркой гречихи, а самолюбіе его сверхъ того вдоволь насыщалось шумной пляской пановъ и паночекъ, подѣ пискотню его незатѣдливаго оркестра.

Съ первымъ взвизгомъ бѣлаго смычка , супруга Созонта Созонтовича , подхватя Гаврилу Прохоровича, пошла съ нимъ метелицу. Притопывая и припѣвая , они быстро описывали круги, схватываясь руками и ломаясь другъ передъ другомъ. Мало-по-малу пляска оживилась; къ первой парѣ присоединилась другая, за нею третья. Старый музыка ловко работалъ смычкомъ и пошевеливалъ бровями, для того , въ особенности, чтобы согнать сидѣвшую на лбу муху; наконецъ среди танцующихъ появился Иванъ Ивановичъ.

Нахлобучивъ картузъ на глаза, онъ плавно выступилъ на средину , держа за руку Одарку. Последняя, стыдливо улыбаясь, прошла нѣсколько туровъ подѣ музыку, и скрылась. Потерявъ изъ вида свюю даму, Иванъ Ивановичъ, притопывая, пустился въ плясъ, съ трубкой во рту: на помощь къ нему явилась Палагея Павловна. Прочіе плясуны остановились и смѣшались съ зрителями. Посреди арены остались два состязатели въ искусствѣ плясать метелицу: Иванъ Ивановичъ и его дама. Палагея Павловна, дюжал , ловкая, почти - ровная съ нимъ ростомъ, понеслась кругомъ , прищелкивая въ ладъ корками, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ живаго и стремительнаго танца ; равнялась съ Иваномъ

Ивановичемъ, она схватывала его за руку, и живо повернувъ вокругъ себя, какъ воланъ отшвыривала въ другой конецъ площадки, потомъ подравнивалась къ нему снова и повторяла это безъ всякаго усилія, такъ ловко и проворно, что при третьемъ разѣ слетѣла съ него шапка. Ошеломленный Иванъ Ивановичъ остановился: Палагея Павловна ударила трепака и, идя къ нему въ отбой лѣвой ноги, заплѣла:

Дѣ-жь ты мене поведешъ
 Такою малѣньку;
 Мене мѣти сгодовала
 Якъ курку рабенъку!

Иванъ Ивановичъ стоялъ противъ нея, подергивался и сгибалъ въ тактъ колыни. Наконецъ, по правиламъ танца, пришелъ и ему чередъ выдѣлывать соло; онъ снова нахлобучилъ на глаза поданную шапку, и пошелъ отплясывать: покачиваясь въ стороны и отъметывая то ту, то другую ногу, степенно и важно прошелъ онъ взадъ и впередъ; наконецъ, потопавъ на одномъ мѣствѣ, заплѣлъ:

Дѣ-жь ты мене поведешъ
 Таку невелѣчку;
 Мене мати сгодовала
 Якъ перепеличку!

Последній стихъ, при общемъ рукоплесканіи, онъ протянулъ довольно-долго, и, прищелкивая, началъ снова подгибать колыни: вокругъ него заплесали новыя лица.

Между-тѣмъ остальныхъ гостей поминутно потчивали заѣдками, наливками и варенухою. Семенъ Ивановичъ ходилъ слѣдомъ за Палажкой и неотступно упрашивалъ каждого выкушать за здоровье обрученныхъ; отказа не было, и веселая компанія часъ-отъ-часу дѣлалась шумнѣе и разговорчивѣе. Жгучая и прылая варенуха съ примѣтнымъ успѣхомъ дѣйствовала на усердныхъ питуховъ. Охмѣлѣвшіе гости, спотыкаясь и пошатываясь, бродили вокругъ танцующихъ съ чашками въ рукахъ. Вскорѣ молодежь начала

отдвѣляться отъ пирующихъ и, составя изъ себя отдѣльныя группы, разошлась по разнымъ направленіямъ. Одарка, съ двумя дочерьми Онисима Павловича, отправилась по дорожкѣ въ садъ. По мѣрѣ удаленія ихъ отъ остальнаго общества, отдѣльныя восклицанія и разговоры пирующихъ стали постепенно сливаться въ одинъ непрерывный гомонъ....

Вечерьющій день мало-по-малу близился къ концу; теплое весеннее солнце, скатившись на край горизонта, ширилось, пламенѣло и бросало лучи свои въ даль, разсыпая росную пыль по мягкому коврау зелени. Тонкій, прозрачный паръ началъ отдвѣляться отъ земли. Еще голубое небо алѣло на западъ, склоняясь надъ верхушкой темной медяницы, а полная луна уже всплыла на противоположномъ краю и, блѣдная, подкатилась подъ дымку облачка, застигнутаго на небѣ вечернимъ безвѣтріемъ. Сумерки тѣснили исчезающій день, и длинныя тѣни незамѣтно сливались въ одну прозрачную мглу, среди которой отпечатывались черными формами сплошныя группы деревьевъ.

Отдвѣлясь отъ рѣзвыхъ подругъ своихъ, Одарка молча шла по узкой тропинкѣ, углубляясь въ густую сѣнь сада. Обогнувъ кусты черемухи, она повернула въ-право и пошла вдоль темной аллеи между рядами высокихъ деревьевъ, сквозь которыя мѣстами блестѣлъ дрожащій свѣтъ луны, пересиливавшій чуть-брежливщій отблескъ потухавшей зари. Прохлада вечерняго воздуха и ничѣмъ не возмутимая тишина успокоительно дѣйствовали на ея взволнованныя чувства. Въ раздумьи, она, сама не замѣчая, очутилась посреди бесѣдки, обведенной густой шпалерой черешень, и уже хотѣла идти назадъ, какъ послышался въ сторонѣ сильный шорохъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, Викторъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, остановился передъ ней. Ласково и внимательно взглянулъ онъ въ лицо дѣвушки, положивъ обѣ руки къ ней на плеча.

— Ты здѣсь одна, Одарка?

— Да. Я такъ утомилась.... Сегодня.... вышелъ такой день....

— Что-жь? теперь все прошло; пора и повеселеть.

— Да.... я какъ-то не знаю.... не сберусь съ мыслями; трудно успокоиться....

— Значить, ты нисколько не рада тому, что случилось — сказалъ Викторъ, стараясь придать словамъ своимъ значеніе увѣренности.

Не отвѣчая на нихъ, Одарка слегка улыбнулась. Въ эту минуту серебристый лучъ полнаго мѣсяца, пробившись сквозь густую сѣнь листьевъ, скользнулъ по ея выразительному лицу; томные, блестящіе глаза дѣвушки смотрѣли прямо на Виктора; взглядъ этотъ выражалъ такой ласковый упрекъ, что онъ разсѣялъ-бы самыя сильныя сомнѣнія, самую отъявленную недовѣрчивость. Счастливый юноша охватилъ одной рукой прекрасный станъ Одарки; слышался тихій, медленный поцѣлуй.... Во всей окружавшей ихъ природѣ было такое невозмутимое спокойствіе; въ свѣжемъ воздухѣ носились тонкія душистыя испаренія! Они съѣли подъ шатромъ каштановаго дерева; надъ головой у нихъ громко пѣлъ соловей, и въ промежуткахъ его трелей по временамъ взвизгивала, едва слышная вдали, шолковая квинта скрипки Дидуса, и снова замирала, теряясь въ шумныхъ окрикахъ пирующихъ....

(До слѣд. кнѣт.)

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

ГЛАВА X.

ОТСУТСТВІЕ.

..... Oh! could'st thou but know
With what a deep devotedness of woe
I wept thy absence!.... o'er and o'er again
Thinking of thee,.... still thee,.... till thought grew pain,
And memory, — like a drop, that night and day
Falls cold and ceaseless, — wore my heart a way!....
Did'st thou but know how pale I sat at home,
Mine eyes still turn'd the way thou wert to come,....
Thou pitiest me,.... I know thou would'st,.... that sky
Hath nought beneath it half so lorn as I!

Thomas Moore, *Lalla-Rookh*.

..... mon amour
Redemande en vain sa présence.

Milleroye, *Élégies*.

I.

*Прости, безумная тоска,
Сегодня жизнь моя сладка,*

.....
*И день еще, и статья можетъ,
Я до разлуки роковой
Не доживу.... Господь поможетъ!....*

Братыинскій, Эда.

25-е Юля 18.... въ Новгородъ.

Мы здѣсь съ утра; — доѣхали покуда,
Какъ говорятъ, благополучно....Завтра
Съ Владимиромъ простимся мы совсѣмъ, —
Онъ далѣе отправится, — а мы
Вернемся тотчасъ въ Стрѣльну Завтра, завтра,
Черезъ нѣсколько часовъ, всему конецъ !!....
Теперь, теперь еще весь этотъ вечеръ,
И ночь безъ сна, мучительная ночь,
Остались мнѣ до роковой разлуки,
Какъ осужденному на смерть, предъ казнью
Одна заря на свѣтъ остается

● За то, какъ жадно я ловлю душой
Последнія мгновенья дорогія!
Какъ я спѣшу послушаться *его*,
Какъ на него спѣшу я цаглядѣться.....
Какъ я желала-бы, чтобъ этотъ вечеръ,
Чтобы *его* летучія мгновенья
Замедлились, и стали-бы годами!....
А годы предстоящія, а дни,
Безрадостные дни мои всѣ вмѣстѣ
Я даромъ-бы могилѣ отдала !....
Я не могу,.... увы!.. я не умѣю
Привыкнуть къ этой мысли непонятной
Отъѣзда и отсутствія *его*.....
Вообразить себѣ не въ силахъ я,
Что солнце безъ него взойдетъ и ляжетъ,

Что миръ пойдетъ обычной чередой,—
 Что безъ него весна не прекратится,
 И будутъ цвѣсть цвѣты и птицы пѣть,
 Когда межъ *имъ* и мной пространство, даль,
 Разстелются непроходимой бездной,
 И тяжкая разлука встанетъ грозно
 Запретною желзною стѣной.....

Но прочь теперь заранее страданье,
 Прочь, мрачныя мечты!.... Сегодня должно
 Еще счастливой быть и улыбаться:
 Сегодня съ нимъ еще пробуду я!
 И онъ ко мнѣ такъ миль, такъ ласковъ сталь!
 Приветливый, нѣжнѣе во сто разъ,
 Чѣмъ въ лучшія бывалыя минуты. —
 Онъ говоритъ о суетности женской,
 О шаткости измѣнчивыхъ мечтаній
 Неопытной и молодой души,
 Онъ говоритъ, что страшно уѣзжать,
 Не зная, какъ и для чего вернешься....

Въ тотъ-же день, вечеромъ.

У всенощной всѣ трое были мы
 Въ старинномъ и величественномъ храмѣ
 Святой Софій. Тамъ усердно я
 Молилась — за *него* и за себя, —
 Когда *онъ* вдругъ мнѣ на ухо шепнулъ:
 «Вотъ образокъ вамъ отъ святой иконы, —
 «А вашъ отдайте мнѣ!» — Я отдала!

.... А еслибъ

Онъ и кольца просилъ-бы у меня, —
 Могла-ли-бъ отказать я, въ этотъ день
 И въ этотъ часъ послѣдняго прощанья?....

Когда мы изъ собора шли домой,
 Елена что-то тихо говорила

Ему, — и оба на меня взглянули
 Съ участіемъ и тайнымъ любопытствомъ.
 Мнѣ стыдно стало : чувствовала я ,
 Что слезы у меня еще въ глазахъ
 Упорныя стояли, какъ улика....
 Я отвернулась.... Вдругъ ко мнѣ Елена
 Поспѣшно подошла и въ лобъ меня
 Поцѣловала нѣжно и безмолвно. —
 А онъ меня взялъ за руку, — и странно ,
 И долго такъ глядѣлъ онъ на меня, —
 И покраснѣла я еще жарче.....

II.

*Il est parti, celui que tant aimer !
 Cessez clameurs et poignantes souffrances !
 Romance chevaleresque.*

27-е Июля 18... Въ Стрѣльцѣ.

Мы здѣсь опять съ Еленой, — онъ поѣхалъ....
 Дорогою такъ утомилась я,
 Что жаръ и бредъ всю ночь меня держали, —
 И нынче я въ постель. — Но за то
 Меня не отпускаютъ Мѣховскіе,
 Покуда не оправлюсь я совсѣмъ....

III.*

Et tam.... et ging '.....

Goethe, Wilhelm Meister.

9-е Августа 18... На Каменномъ-Островѣ.

Уѣхалъ онъ.... и радость миновалась ,
 И счастье рассыпалось мое!....
 Лишь имъ однимъ всё въ жизни оживлялось ,
 Уѣхалъ онъ, — ничтожнымъ стало всё !....

* Опять приходится сокращать этотъ дневникъ, въ которомъ никакимъ особенныхъ случаевъ не разсказывается; избираемъ изъ него только тѣ страницы, гдѣ болѣе видно состояніе души и сердца пишущей.

У́ехалъ онъ : всё пусто и уныло ,
 Всё замерло и спить вокругъ меня ,
 Ужь болѣе не слышу голосъ милый ,
 Ужь болѣе его не вижу я !

У́ехалъ онъ ! его лядяную руку
 Пожала я трепещущей рукой ,
 И въ мигъ одинъ постигнувъ всю разлуку ,
 Я думала , что расстаюсь съ душой.

Едва въ глазахъ я слёзы удержала ,
 Едва мой взоръ всего не рассказалъ ;
 Ему *прости* чуть внятно дошептала
 Въ полголоса,.... и голосъ мой дрожалъ.

У́ехалъ онъ ! Его я проводила
 Съ отчаяньемъ , съ напутною мольбой ,....
 И отъ него , отъ счастья , сохранила
 Однѣ мечты , да грусть въ душѣ больной.

Зачѣмъ , скажи , зачѣмъ ты мнѣ являлся ,
 Когда нельзя мнѣ вѣчно быть съ тобой ?....
 Зачѣмъ , зачѣмъ твой образъ въ сердце вкрался ,
 Когда тебѣ не спутникъ образъ мой ?....

Зачѣмъ меня очаровать умѣлъ ты ,
 Когда тебя опасно мнѣ любить ?
 Зачѣмъ внушить надежду мнѣ хотѣлъ-ты,
 Когда ее мнѣ суждено забыть !

Я до тебя томила и страдала
 Лишь скукою, лишь жизни пустотой ;
 Безстрастная душа охолодала ,
 Оковывалъ мнѣ сердце лёдъ тройной :

Но ты предсталъ,....и всё перемѣнилось,
 И закипѣлъ духъ юности во мнѣ:
 Какъ пышный цвѣтъ, душа вдругъ распустилась
 И зацвѣла , возрадуясь веснѣ.

И сердце вмгъ любовію забилось ,
 И міръ предъ нимъ украсился тобой ,
 И жизнь моя волшебнo озарилась ,
 И я прихождь благословляла твой.

Но долго-ли ?... Всё снова опустѣло ,
 Съ тѣхъ поръ , какъ ты опять сокрылся вдалѣ....
 Я здѣсь одна , съ мечтой осиротѣлой ,
 И вдвое мнѣ ужаснѣе печаль.

Я остаюсь безъ думъ , безъ вдохновенья ,
 Безъ радости, безъ солнца, безъ весны ,
 И только мнѣ пустыя сожалѣнья
 Да тщетныя роптанья суждены !

IV.

The beam of night came down.

Ossian.

*Vas-tu, comme Ossian, plaintive et languissante,
 Dans l'asile de la douleur ?...*

Baour-Lormian.

25-е Августа 18.... На Каменномъ-Островѣ.

Сіяй , полночная красавица вѣтра ,
 Луна сребристая и блѣдная , сіяй !
 И зыбкимъ блескомъ озаряй
 Обитель горести и мира....
 Я знаю , ты робка ! Ты , грустная , боишься
 Толпы веселой слышать крикъ и шумъ ;
 Но ты несчастныхъ не дичишься ,
 Ты вѣрная наперсница ихъ думъ :

Приди !.... Вокругъ меня всё тихо и безмолвно ,
 Приди !.... я здѣсь одна , одна съ тоской моею ;
 Тебя не оскорблять привѣтъ и взоръ мой томный ,
 Вѣдь мы друзья съ давнишнихъ дней !

Въ годахъ младенческихъ ужь я тебя любила ,
 Мнѣ дорогъ былъ восходъ вечерній твой ,
 И часто я украдкой приходила
 Тебя смотрѣть ночной порой ,
 Тобою вдоволь любоваться ,
 И наглядѣться на тебѣ!
 Я при тебѣ мечтамъ любила предаваться ,
 Твой блескъ былъ чарою всеильной для меня .

Они прошли , тѣ дни живыхъ мечтаній ,
 Они прошли невѣрнымъ , легкимъ сномъ ;
 Томлюся я теперь подъ роковымъ крестомъ
 Сердечныхъ мукъ и испытаній....
 Сама себѣ кажуся я другой ,....
 Существенность и жизнь тому виной....
 Не съ ясною душой , не съ полнымъ жизни взоромъ ,
 Не съ дѣтскою улыбкою къ тебѣ
 Иду теперь , — о нѣтъ!.... покорствуя судьбѣ ,
 Главу склоняю я подъ строгимъ приговоромъ ;
 И сумраченъ мой взоръ , и я , какъ смерть , блѣдая ,
 И крадуся , какъ тѣнь , неровными шагами ,
 Чтобъ встрѣтить мутными , потухшими глазами
 Тебя , моя любимая луна !

Недавно , помню я , въ лазури ты сіяла ,
 Лучиста , какъ алмазь , какъ перлъ морской кругла ,
 А я , задумавшись , безмолвно наблюдала ,
 Какъ величаво ты межъ звѣздъ по небу шла ,
 Какъ съ дымкой облаковъ прозрачныхъ ты играла :
 Но не тобой тогда я занята была , —
 Но не къ тебѣ мои стремились думы!....
 Ихъ волновалъ кумиръ другой ,
 Кумиръ души моей , очарователь мой ,
 Виножникъ горести мучительно-угрюмой .
 Гостилъ въ ту пору гдѣ-то онъ ,
 Веселыми веселый окруженъ ,
 А я ждала его , ждала нетерпѣливо ,....
 Ждала , какъ ждутъ , съ надеждой и тоской .
 Ужь ночь была ; твой лучъ таинственно-игривый

Одинъ блисталь во мглахъ сырой;
 И ночь свѣтла была тобою,
 И путь его былъ ярко озаренъ;
 И я по дальнему пути неслась мечтою,
 И думала: вотъ ѣдетъ онъ!....
 И всё ждала, и всё смотрѣла,
 И всё обманута была,
 И вечеръ цѣлый просидѣла
 Въ слезахъ и скукѣ у окна....

Но не пріѣхаль онъ!.... День кончился печальный,
 Мой даромъ день пропаль.
 Покоя часъ безвременно насталь,
 Покой — не для меня!.... Какъ камень погребальный,
 На сердцѣ тяжкій грузъ отчаянья лежалъ,
 И съ жаркихъ вѣждъ моихъ сонъ тихій отгонялъ!....
 О! сколько горькихъ слѣзъ тогда передъ тобою
 Я пролила, небесная луна!
 Какой убійственной тоскою
 Душа моя была полна!....
 До утра яснаго въ безсонницѣ, въ мечтамъ,
 Я не сводила глазъ съ тебя,
 И взоромъ, тусклымъ отъ страданья,
 Слѣдила за тобой, пока взошла заря.
 И что-же?.... я-бъ теперь возобновить желала
 Тѣ длинные часы страданья моего:
 Хоть было грустно мнѣ, но всё-же сердце знало,
 Что слѣдующій день обрадуетъ его,
 Но я надѣялась, любила, ожидала....
 Теперь, не жду ужъ ничего!....

Сіяй-же ты, сіяй, красавица зенитра,
 Луна сребристая и блѣдная, сіяй!
 Тотъ край, гдѣ дышетъ онъ, роскошно озаряй,
 А для меня уныло освѣщай
 Обитель горести и мира!....

—

V.

*Comme une erreur mensongère ...**Romanes célèbre.**28-го Августа 18... В Стрельцы, у Милосердия.*

Какъ блестящая комета,
 Какъ огнистый метеоръ,
 Какъ румяный лучъ разсвѣта,
 Какъ запретной страсти взоръ,
 Онъ очамъ моимъ явился,
 Вдохновенный, неземной,
 Онъ мелькнулъ, и мигомъ скрылся,
 Овладевъ моею душой.

Какъ гласъ лебедя прощальный,
 Какъ воздушной арфы звонъ,
 Какъ звукъ пѣсни погребальной,
 Какъ страдальца слабый стонъ,
 Онъ навелъ на молодое
 Сердце грустную мечту;
 Онъ лишилъ его покоя,
 Въ немъ посвятилъ пустоту.

Какъ улыбка упованья,
 Какъ сибирская весна,
 Какъ слеза воспоминанья,
 Какъ полночная луна, —
 Онъ чудесно, непонятно,
 Всю мнѣ душу озарилъ,
 И умчался невозвратно,
 И недолго погостилъ!

VI.

*... Dass ich nur immer wissen möge, wo er ist und
wie es ihm geht, wenn ich ihn nicht sehen kann!*

Cecil, Gräfin Hahn-Hahn.

15-е Сентября 18... В Петербургъ.

Мы снова въ городъ. — Настала осень
Угрюмая; — и стужа и дожди
Насъ выгнали изъ лѣтняго жилища; —
И я одна межъ всѣхъ домашнихъ нашихъ
Объ этомъ неприютномъ кочевьѣ
Не пожалѣла. — Имъ тамъ шумно было,
А шумъ они вѣдь любятъ, какъ потребность,
Какъ первое условіе ихъ жизни! —
Мнѣ лучше здѣсь; я здѣсь отъ всѣхъ подальше,
Свободнѣ.... могу всегда одною
Спокойно оставаться. — Мѣховскіе
Не скоро будутъ въ городъ. Но теперь
Я и объ нихъ не очень сокрушаюсь:
Бывать у нихъ мнѣ стало тяжело, грустно...
Елена это видитъ, — и сама
Ужъ не зоветъ меня и не увозить
Такъ часто, такъ настойчиво, какъ прежде.
Ахъ! какъ она добра!... и какъ умна!
Мнѣ никогда она не намекала
О томъ, что я открытъ ей не могу,
Не смѣю, — но она все поняла, —
Она меня безмолвно утѣшаетъ
Двойною дружбою своею. Она твердитъ,
Что скоро братья ея покинутъ службу,
Вернутся навсегда.... Когда есть письма,
Она ихъ сообщаетъ тотчасъ мнѣ; —
И комната Владимира была,
Съ его отъѣзда, чайнымъ кабинетомъ,

Гдѣ собирались мы читать, мечтать
 И толковать о немъ, объ улетѣвшемъ
 Ея жильцѣ.... Я поняла, какъ мило
 Придуманно все это для меня, —
 Но не словами я благодарила
 Мою Елену: что въ словахъ пустыхъ? —
 Я только всё и болѣй и нѣжнѣе
 Люблю ее, цѣню въ ней умъ и душу, —
 И близки мы по прежнему другъ другу,
 Хотя по прежнему сходятся намъ
 Мѣшаетъ тайна грустная моя
 И снисходительность ея молчанья! —

VII.

I had a dream...

(Вугол.)

20-е Сентября 18....

То былъ лишь сонъ!.... то былъ обманъ мгновенный,
 Одинъ, одинъ обманъ,.... и больше ничего!....
 И всё прошло на вѣкъ, и въ памяти смятенной
 Остался только слѣдъ блаженства моего.
 Какъ мимолетное, зѣрное видѣнье,
 Блеснуло счастье.... и сердце мнѣ зажгло:
 Оно рассыпалось.... и на душу легло
 О миломъ снѣ живое сожалѣнье!

—
 Всё было сонъ: любовь, очарованье,
 Восторги, радости, веселыя мечты,
 Всё, чѣмъ былъ красенъ міръ, чѣмъ льстило упозанье,
 Чему я вѣрила....
 Что рано сердце мнѣ такъ сильно взволновало,
 Что закипѣло въ немъ мятежною грозой,
 Что изсушило вдругъ цвѣтъ жизни молодой,....
 Всё было сонъ,.... все сгнило, пропало!

Всё было сонъ : и дань еѳо привѣта ,
 И упоеніе присутствія еѳо ,
 И сладость чистыхъ встрѣчъ , взаимности примѣта ,
 И рѣчи нѣжныя кумира моего ,
 И жаркій разговоръ , и взоровъ выраженье ,
 И недосказанный , но понятой объѣтъ ,....
 Чтѣ было нѣкогда , чего теперь ужъ нѣтъ ,....
 То былъ лишь сонъ ! Какъ страшно пробужденъе!!....

VIII.

*Et quand ils demanderont l'heure qu'il
 est , on leur répondra: toujours !....*

L'Enfer du Diable.

Въ началѣ Октября 18....

Однообразно и уныло
 За днями дни холодные идутъ ,....
 Не грѣеть , не живить ихъ радости свѣтало ,
 Они отрадь мнѣ не несутъ.
 Мертвящей скуки сонъ надъ жизнью тяготѣеть ,
 И жизнь подъ бременемъ его изнемогла ,
 Въ тоскующей душѣ жаръ чувства леденѣеть ,
 Вся прелесть бытія , какъ вѣшній цвѣтъ , прошла.
 Ко всѣмъ и ко всему печально-равнодушна ,
 Не слыша слушаю , не вида я глажу ;
 Привычкѣ , случаю разсѣянно-послушна ,
 Безъ воли , безъ надеждъ , безъ цѣли я брожу ,
 Ужъ я ни чувствовать , ни мыслить неспособна
 Уже меня ничто не веселить ,
 Уже меня и горе не крушить ;....
 Мое спокойствіе могильному подобно !
 Но прахъ усопшаго въ своей могилѣ спитъ ;....
 А я !.... тоска въ душѣ взволнованной кипитъ !!....
 Когда взойдетъ заря , я съ страхомъ помышляю ,
 Что сутки цѣлые мнѣ суждено прожить , —
 Промаяться , и время провлачить ,
 И къ этой карѣ я себя приготавлию.
 Покуда длится день , стараюсь я слѣдить
 За стрѣлкой часовой ; ловлю ея движенья ,

И мѣрныя считая ударенья,
 Я жду, чтобы настала скорѣе часъ ночной.
 Пробилъ-ли онъ? — прикинувъ къ изголовью
 Измученной, больною головою,
 Мечтаю о быломъ съ восторгомъ и любовью,
 Или зову къ себѣ грѣзъ благотворныхъ рой,
 И ихъ волшебное вліянье умоляю
 Виднѣй зеркало глазамъ моимъ открыть,
 И, хоть на мигъ одинъ, видѣ милый мнѣ явить....
 Потомъ, съ молитвою о немъ, я засыпаю,
 Съ надеждою во снѣ имъ посѣщенной быть.

Вотъ жизнь моя, съ тѣхъ поръ, какъ вдалѣ я проводила
 Того, къмъ свѣтъ былъ милъ, того, къмъ сердце жило....
 Вотъ какъ безсмысленно я тоскую и томлюсь.
 Его присутствіе мнѣ-бъ счастье возвратило....
 Его присутствія уже-ли не дождусь?

IX.

*Du bonheur ce que j'ai en comprendre,
 C'est qu' on en meurt par le regret.*

M-me Desbordes-Falmore.

Октября 18....

Душою пылкой, ненасытной,
 Бывало, счастье я звала,....
 Его просила и ждала
 Въ порывахъ думы любопытной.
 И тосковало по любви,
 И билось сердце молодое,....
 И было насъ когда-то двое,....
 И рай предсталъ мнѣ на земли!....
 Загадка жизни объяснилось,
 Очарованье совершилось,
 И я доврчивой душой
 Благословляла жребій свой,
 Но ахъ!.... недолго!! На поминѣ, —
 Когда молюсь о счастьѣ нынѣ, —
 Я говорю: «за-упокой!»

Гр. Евд. Ростопчина.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 18.

Сентябрь.

Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ОДАРКА-БВОЧКА.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

V.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ тотъ самый день, когда Иванъ Ивановичъ, съ супругою и добрыми пріятелями, праздновалъ въ семнадцатый разъ рожденіе своей любимой дочери, замѣчено было, что она часто впадала въ сильную забывчивость: разговоръ гостей оставался безъ ея участія, предметъ ихъ шумнаго веселья и хохота не вызывалъ и легкой улыбки на молчаливыя уста дѣвушки, а на блѣдномъ лицѣ ея по временамъ просвѣчивало чувство тайной грусти. Это печальное настроеніе съ того дня не покидало ея. Заботливый глазъ матери день-ото-дня становился зорче и слѣдилъ пристальнѣе за всѣми движеніями и дѣйствіями своего единственнаго сокровища; вскорѣ за тѣмъ и этотъ свѣтлый, полный заботы и сочувствія взоръ стала туманить неожиданная-непрощеная слеза: живое участіе въ горестяхъ друга —

Отд. I.

6

ближайшій проводникъ его тоски въ наше собственное сердце, а чѣмъ тяжелѣе и безнадежнѣе горе одного, тѣмъ становится слабѣе и безотраднѣе совѣтъ и утѣшеніе въ устахъ другаго....

— Что съ тобою, моя ясочко?—спрашивала часто Анна Прохоровна, сжимая дочь въ своихъ объятіяхъ.

— Ничего, родная. Право-же, ничего: это такъ....

— Ты прежде бывала такая веселенькая: смотри, и личико твое совсѣмъ измѣнилось!

— Нѣтъ, это ничего, такъ....

Это короткое и многозначительное «такъ» было хорошо только на словахъ; на дѣлѣ выходило иначе. Часъ-отъ-часу, день-ото-дня дѣвушка становилась все молчаливѣй и грустнѣй, и эта тайная, безотрадная грусть невидимкою закрадывалась въ сердце самой матери.

На дворѣ стояла осень: дни были сыры и туманны; вечера скучны и длинны.... Пройдетъ-ли, бывало, одинъ изъ этихъ дней, настанетъ вечеръ — заботливая рука матери освѣтитъ крестомъ любимое свое дитя и сама приложитъ горячую ея головку къ пуховой подушкѣ; въ домъ все притихнетъ и смолкнетъ, и только позднимъ утромъ Анна Прохоровна прокрадется на цыпочкахъ мимо ея постельки, а въ слѣдъ ей глядятъ давно-открытые два томные глаза Одарки, и въ мутномъ взглядѣ ихъ виднѣются слѣды томительной бессонницы.... Настала и зима. Бывало, дѣвочка, накинетъ на плечи легкую шубейку, выбѣжитъ за ворота, посмотреть въ тотъ, въ другой конецъ широкой улицы, топнетъ нетерпѣливо маленькой ножкой по мерзлой кирпичной настилкѣ, потомъ, съ румяными щечками, вскочитъ опять на дворъ, прыгнетъ черезъ порогъ свѣтлицы, и подъ-часъ запоетъ такую веселую пѣсню.... Теперь она сидитъ молча, да съ утра до ночи корпится за скучной работой, а дѣло все не спорится: то рука ея торопливо замечется съ иглой по тонкому рубчику шелковой стѣжки, то вдругъ остановится, полуподнятая, а глаза вопьются въ рѣзной уголъ стола, а на лицѣ переливается такая скорбная дума....

Напрасно-бы въ такую пору кто сталъ доискиваться причины этого нѣмага, безотвѣтнаго горя; нельзя сказать,

чтобъ ея не было, но она ускользала отъ всѣхъ соображеній. Въ цѣлой жизни дѣвушки не находили ни одного случая, который-бы способенъ былъ такъ сильно потрясти ея нѣжную душу. Глядя на дочь, Иванъ Ивановичъ мудрствовалъ; мать плакала и утѣшала ее въ горѣ, котораго настоящей причины не въ состояніи была ни постигнуть, ни оцѣнить. Гапка знала все — и молчала.

Для поясненія всего этого необходимо упомянуть о тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ былъ Семень Ивановичъ къ Ивану Ивановичу, до появленія послѣдняго на праздникъ, о которомъ читатели ужъ знаютъ. Мы должны, поэтому, воротиться еще назадъ.

Семень Ивановичъ, прїѣзжая въ городъ по дѣламъ, издавна и постоянно останавливался у деверя. Павелъ Павловичъ принималъ къ себѣ въ домъ Ивана Ивановича, не переставалъ твердить о немъ, какъ о чловѣкѣ достойномъ уваженія, и старался всячески сблизить его съ Семеномъ Ивановичемъ. Вскорѣ представился особенно-благопріятный случай. Старикъ Щербина былъ сильно озабоченъ присканіемъ удобной квартиры для сына, который въ то время долженъ былъ поступить на службу въ одно изъ присутственныхъ мѣстъ. Павелъ Павловичъ жилъ почти на концѣ города, и помещеніе у него Викторушки было вовсе неудобно, а потому готовность, съ какою самъ Иванъ Ивановичъ вызвался быть полезнымъ Семену Ивановичу, оказалась весьма умѣстной. Въ то время еще не такъ сильно разсчитывали на доходъ съ квартиръ, и, потому, Викторъ поселился въ домъ Ивана Ивановича въ качествѣ гостя и вскорѣ зажилъ въ немъ какъ въ собственномъ. Семень Ивановичъ въ началѣ часто навѣщалъ сына и, видя материнскую о немъ заботливость Анны Прохоровны, считалъ «на сей случай исполнѣ себя удовольствованнымъ». Сверхъ того, не проходило ни одного праздника, чтобы Иванъ Ивановичъ, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ старика Щерины, не являлся въ Талалаевку, и тутъ уже безвозбранно и безостановочно давалъ онъ волю своей природной склонности къ мудрованію. Постоянно-привѣтливый и снисходительный во всемъ, панъ Щербина сталъ для него

лицомъ необходимымъ; онъ не только выслушивалъ Ивана Ивановича съ полнымъ вниманіемъ и явнымъ подобострастіемъ, но даже старался удерживать другихъ во время возникавшихъ споровъ. Вскорь частыя, почти ежедневныя сношенія и множество другихъ неизбежныхъ обоюдныхъ интересовъ сблизили оба дома такъ, что они составили изъ себя почти одно семейство. Изъ стада Семена Ивановича выбирали лучшаго барана, изъ сѣжа самую жирную свинью, изъ подваловъ вытаскивали цѣлые боченки превосходныхъ наливокъ, и все это, уложенное и увязанное на счетъ Викторупки, съ визгомъ и крикомъ въѣзжало на дворъ къ Ивану Ивановичу. Когда въ семействѣ Ивана Ивановича случилось неожиданное приращеніе въ лицѣ Виктора, Одаркъ былъ четырнадцатый годъ; новоприбывшій не замедлилъ выразить свое вліяніе на нѣкоторыхъ членовъ новаго ему семейства.

Какъ и другіе въ его время, Викторъ, конечно, не могъ получить образованія блестящаго, на которое, по-тогдашнему, имѣли право одни богачи и дѣти людей большоименныхъ, чѣмъ Семенъ Ивановичъ. Но здоровый, природный умъ и познанія, пріобрѣтенныя имъ отъ домашнихъ наставниковъ, все-таки ставили его выше и много выше понятій того кружка, въ которомъ суждено ему было развиваться. Окруженный отовсюду людьми отсталыми, загрубѣлыми въ привычкахъ и постоянно-спящими, онъ незамѣтно выросталъ и отдѣлялся отъ ихъ допотопныхъ идей и китайскихъ понятій. Порою язвительный и насмѣшливый насчетъ всего, что резко выступало изъ предѣловъ естественнаго хода своего, онъ легко примирялся со всѣми пошлостями въ человѣкѣ, если видѣлъ, что онъ истекали изъ его натурального склада, за то выражалъ явнѣе презрѣніе къ увертливымъ и намереннымъ простакамъ. Слушая Ивана Ивановича, онъ постоянно улыбался и внутренно отдавалъ ему преимущество передъ цѣлою ватагой доброхотныхъ читателей его безтолковыхъ импровизаций.

Потерявъ и послѣднюю вѣру въ задушевныя убѣжденія окружавшаго его общества, онъ мало-по-малу началъ поддаваться собственнымъ внушеніямъ, считая себя въ правѣ

ратовать противу всѣхъ и каждаго за свѣтлую законность своихъ убѣжденій, и первый предметъ, на который Викторъ сдѣлалъ умышленно самую злую вылазку, была новая для всѣхъ и страшная для Семена Ивановича мысль, что каждый человекъ долженъ принадлежать въ началѣ себя, потомъ обществу, нуждающемуся въ немъ, какъ цѣлое въ единицахъ. Вся кровь застыла въ жилахъ Семена Ивановича: онъ сразу угадалъ, къ чему клонилось это дѣло и, едва собравшись съ духомъ, возражалъ, что «каждый покорный сынъ обязанъ въ началѣ научить себя братолюбію и тишинѣ, потомъ жениться и находиться неотлучно при семействѣ для того, чтобъ, получа наслѣдіе отъ родителя, заранее приспособить себя къ трудамъ и заботамъ по управленію отеческимъ достояніемъ.» «Такъ, мій голубе — повторилъ онъ наконецъ, съ умиленіемъ утирая дрожащею рукой вспотѣвшій отъ испуга лобъ, — если отецъ состоитъ по части ремесленной, такъ и сыну слѣдуетъ преуспѣвать и въ должномъ порядкѣ продолжать начатое родителемъ; и ты, съ Божіею помощію, будешь добрымъ паномъ; не глумляйся, сынку; такъ и покойный дѣдушка твой наказывалъ; и ужъ если хочешь явить собою какую-либо услугу этому обществу, такъ и можно на время посвятить себя письменнымъ занятіямъ, а отнюдь не поддаваться вражескому искушенію — проливать безвинно кровь человѣческую; а тамъ, съ помощію Божіею, и насчетъ приращенія семейства....»

— Такъ, по вашему, чтобъ заслужить почетный титулъ пана, я долженъ обречь себя на съѣденіе пчеламъ, — возразилъ Викторъ послѣ перваго неудачнаго приступа и, раздосадованный, вышелъ изъ комнаты.

Второй и слѣдующіе за тѣмъ приступы продолжались съ той-же настойчивостію; твердымъ, рѣшительнымъ тономъ объявилъ Викторъ, что желаніе его останется съ нимъ навсегда и что никакія блага жизни не вынудятъ его измѣнить давно начертанному плану. Только вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ и заклинаній рѣшился онъ посвятить себя въ началѣ на переписку дѣловыхъ бумагъ, и то съ условіемъ, что, если это занятіе покажется ему невыносимымъ.

онъ имѣеть полное право сейчасъ-же переменить статскую службу на военную. Съ такими-то началами, переселенный необходимостью, полный надеждъ и славолюбивый юноша перешагнулъ порогъ дома Ивана Ивановича, съ твердымъ намѣреніемъ за покорность волю отца годичнымъ искусомъ выстрадать себѣ право требовать окончательнаго исполненія своего задушевнаго желанія.

Глядя на Одарку, нельзя было не любоваться этимъ тринадцатилѣтнимъ ребенкомъ: такъ далеко выдвигалась она изъ среды всего обыкновеннаго, такъ рѣзко дары природы отдѣляли ее отъ того, что носило на себѣ печать посредственности. Въ свѣтломъ, доверчивомъ взглядѣ этихъ томныхъ глазъ теплилась такая чистая душа, въ каждомъ простомъ словѣ исполненный мелодіи голосъ ея выражалъ столько доброты и наивнаго простосердечія!.... Конечно, Виктору, по свойству его природы, трудно было сразу остановиться на Одаркѣ удивленные взоры, за то сама Одарка была вся трепетное, напряженное вниманіе; едва-ли-бы что-нибудь могло разбудить въ ней столько женскаго любопытства, и произвестъ то неслыханное еще сотрясеніе, какое разразилось во всемъ ея существѣ, при взглядѣ на юношу съ граціознымъ складомъ, съ лицомъ, такъ далеко не похожимъ на всѣ видѣнныя ею лица, съ его простою стройною рѣчью, въ которой зазвучало что-то ей близкое, какъ-будто давно-знакомое, чего такъ жадно и тщетно искала она въ рѣчахъ своего родителя, о-сю-пору единственнаго представителя мужскаго поколѣнія въ семействѣ. Другіе, читатели и посѣтители Ивана Ивановича, всѣ смахивали на одну съ нимъ стать, не исключая даже и Гаврила Прохоровича; и всѣ вмѣстѣ, съ карикатурными лицами, засаленные, безъ страсти, безъ мысли и движенія, безъ пороковъ и добродѣтелей, составляли вокругъ нея эту темную пустыню, въ которой гасло все, и изъ которой, сама себя не понимая, рвалась молодая душа.

Вскорѣ, однакожь, и Викторъ началъ убеждаться, что ближайшей точкой соединенія его съ семействомъ Шпаковъ была Одарка. И, вглядываясь въ нее часть-отъ-часа внимательно, онъ заключилъ, что въ его глазахъ приходится

распуститься и цвѣсть такому цвѣтку, какой не всякому случится встрѣтить на пестрой и просторной нивѣ жизни, и ему вдругъ стало и больно и досадно за уродливое воспитаніе дѣвочки. «Что будетъ, думалъ часто Викторъ, съ ея жаднымъ стремленіемъ ко всему хорошему, съ ея свѣтлой вѣрой въ непогрѣшимость людскихъ мнѣній, съ этимъ незрѣлымъ пониманіемъ предметовъ самыхъ простыхъ, искаженныхъ ея отцомъ, если не проложить для нея прямого и ровнаго пути въ темную даль жизни, гдѣ рано или поздно придется ей затеряться съ этимъ сердцемъ, полнымъ искренняго сочувствія и слѣпаго довѣрія къ людямъ?» — И онъ рѣшился проложить ей этотъ путь. Ошеломленная сразу участіемъ своего добровольнаго вожатаго, проникнутая сочувствіемъ и вѣрою къ каждому его слову, Одарка забѣгала все впередъ и впередъ со всеми вопросами, которые Виктору приходилось разрѣшать и долго, и отчетливо, и основательно. Самъ Иванъ Ивановичъ, не смотря на завѣтное свое мнѣніе о воспитаніи женскаго пола, глядя однажды на дочь, которая изучала по рисункамъ Виктора устройство электрической машины, разсуждалъ такъ: — оно, разумеется, женщинѣ всего пригоднѣе знать насчетъ различныхъ преуспѣлій касательно съдобнаго; и вкусъ и чистота тутъ въ необходимой понудительности къ порядку протекають; однакожь не мѣшаетъ и по части лектрической, потому-что отъ этого вліянія всякіе громоносные перуны происходятъ; касательно перуна, вы ужъ ей этого не объясняйте, Викторъ Семеновичъ, гдѣ ей понять?

Но Одарка всего яснѣе понимала то, что тонкая и немногочисленная улыбка, какую выразили уста Виктора въ отвѣтъ на премудрую выходку, вытекала не изъ внутренней злобы, а была проявленіемъ превосходства ума юности. Всею способностью той рѣдкой симпатіи и силы проникновенія, какую вполнѣ могутъ обладать однѣ только женщины, Одарка ясно вычитывала внутри Виктора силу духа, строгость правилъ и неизмѣнную послѣдовательность однажды принятому убѣжденію. За то, не прошло мгновенія, когда-бы милый образъ наставника-преобразователя

не мерещился въ ея глазахъ; рассматривая пучъ цвѣтовъ, она такъ заботливо отдѣляла самый красивый цвѣтокъ, и въ умѣ ея рождалась мысль: «это мой Викторъ между другими людьми»; она вплетала въ свою косу только тѣ ленты, которыхъ цвѣтъ нравился Виктору; изъ десяти ударовъ сильно хлопнувшей калитки Одарка легко отличала тотъ, который былъ сдѣланъ его рукою, и Викторъ, входя въ комнату, могъ безошибочно сказать, чей свѣтлый съ поволокою взглядъ встрѣтитъ его самымъ ласковымъ привѣтомъ. Видно было по всему, что наука пошла въ прокъ!

По прошествіи года, Семень Ивановичъ съ необычайною радостью увидѣлъ, что его милый Викторушка оказался съ надлежащею склонностью къ письменнымъ занятіямъ, и день, въ который слѣдовало рѣшить общую ихъ участь, провелъ въ суетливыхъ сборахъ, спѣша скорѣе изъ Таламаевки въ городъ; Иванъ Ивановичъ съ семействомъ въ тотъ день оставался дома, и ретивый протоколистъ увѣрялъ отца, что ночь ему пригоднѣе провести въ своей квартирѣ, потому-что рано утромъ онъ долженъ будетъ явиться на службу.

День проходилъ за днемъ; протекло безъ малаго три года съ той поры, когда Викторъ поселился у Ивана Ивановича; намѣреніе Виктора по видимому не измѣнялось, а все не приводилось въ исполненіе. Наконецъ Викторъ назначилъ послѣднимъ срокомъ радостный для семейства Шпаковъ день, въ который приходилось въ шестнадцатый разъ праздновать рожденіе Одарки. На канунъ этого, съ примѣтною борьбою ожидаемаго, дня, Викторъ обратился къ Гапкѣ, съ просьбой: положить поутру на столъ, возлѣ Одаркиной постели, маленькій, красиво-отдѣланный переплетъ, съ тремя тетрадами любимыхъ Одаркою стиховъ, тщательно-переписанныхъ его рукою.

Утро Одаркина рожденія прошло въ суетливыхъ приготовленияхъ къ предстоявшему пиршеству. Когда собрались гости, нельзя было безъ особеннаго увлеченія слушать непрерывавшійся потокъ похвалъ и чистосердечнаго удивленія, какими всѣ осыпали новорожденную; Викторъ молчалъ и любовался на стройныя формы, на лицо дѣвушки, которому

подобныхъ онъ не зналъ. Съ утра разгаравшійся пиръ къ вечеру пришелъ въ настоящую силу: гости, въ числѣ которыхъ былъ и Семень Ивановичъ съ супругою, громко толковали. Анна Прохоровна съ Гапкой были въ суетахъ; Одарка, раздвѣлявшаяся заботы матери въ продолженіе всего дня, вечеромъ рѣшилась ее оставить. Викторъ, чуждый исселія и покорный одному внутреннему своему настроенію, ходилъ изъ комнаты въ комнату и незамѣтно очутился на порогѣ Одаркиной свѣтлицы. Тамъ было почти темно; едва мерцавшій огонекъ дрожащимъ блескомъ разливалъ неровный свѣтъ по всему покою, до половины заслоненному тѣнью, падавшею вдоль стѣнъ отъ человѣческой фигуры. Подлѣ стола стояла Одарка; она прижимала къ груди подарокъ Виктора, и крупныя слезы падали съ ея долгихъ рѣсницъ; дѣвушка была такъ хороша въ эту минуту, что Викторъ не въ силахъ былъ долѣе удержать себя въ предѣлахъ одного созерцанія; тихо приклонилъ онъ задумчивую голову Одарки и.... уста ихъ слились въ первомъ поцѣлуѣ.

— Еще отсрочка! — шепталъ Викторъ, снимая съ груди пылающую голову Одарки.

Странное созданіе чловѣкъ! Возможное и доступное счастье всегда ему кажется ниже далекихъ и часто несбыточныхъ причудъ воображенія!

Послѣ одной минуты сладостнаго увлеченія, Викторъ вдругъ измѣнился. Никто изъ окружавшихъ не могъ, конечно, разгадать, какая буря закипѣла въ немъ. Мрачно становилось лицо юноши; онъ избѣгалъ всякаго сближенія съ людьми, и если случалось ему встрѣтиться наединѣ съ Одаркою, онъ дѣлался угрюмѣе и молчаливѣе прежняго. Оба они потушляли взоры и въ томительномъ молчаньи чувствовали такъ много и такъ различно: Одарка знала, что разыгрывалось внутри Виктора; она готова была жертвовать для него всѣмъ, даже своею любовью къ нему. Но въ тотъ самый день, когда, наконецъ, уже совсѣмъ рѣшено было, что Викторъ отправится на службу, изъ Талалаевки прискакалъ гонецъ и звалъ Ивана Ивановича на ломку пчель. А тутъ суждено было встрѣтиться одному

обстоятельству, которое неожиданно изменило отношенія между лицами этой исторіи.

Семень Ивановичъ не могъ существовать безъ того, чтобъ имѣть у себя въ фаворѣ какого-нибудь изъ домашнихъ звѣрковъ или животныхъ, и по мѣрѣ исчезновенія одного изъ нихъ, тотчасъ замѣщаль упразднившуюся вакансію новымъ кліентомъ; такъ, ученую бѣдку замѣнилъ у него ручной зайцъ, который не оставилъ своего благодѣтеля ни на шагъ и спалъ съ нимъ на одной постели до тѣхъ поръ, пока дворная собака не лишила его этаго друга. Для утѣшенія въ потерѣ этого любимца былъ взятъ молодой барашекъ, который продолжалъ въ сласть свою овечью жизнь, пока Палагея Павловна не вступилась за огуречныя гряды, и истребители изгнали. Неутѣшный Семень Ивановичъ въ сиротствѣ своемъ сталъ довольствоваться любовью телушки, которая не замедлила отвѣчать ему взаимностью за лакомые кусочки, и за полученіемъ ихъ часто убѣгала изъ стада къ пану на пчельникъ.

Иванъ Ивановичъ, получивъ приглашеніе на ломку пчелъ, явился въ Тамалаевку вслѣдъ за посланнымъ. Не нужно повторять, съ какимъ радушіемъ онъ былъ встрѣченъ постоянно-привѣтливымъ хозяиномъ; дѣлю въ томъ, что, послѣ сытнаго и обильнаго обѣда, они, по обыкновенію, расположились отдохнуть въ мазанкѣ. Выгнавъ мухъ, завѣсивъ окна и притворивъ дверь, Семень Ивановичъ легъ подъ пологомъ кровати, а гостю предоставилъ мѣсто постольнаго своего послѣобѣденнаго опочиванья на извѣстной уже намъ деревянной скамьѣ. Зарывшись въ подушки, Иванъ Ивановичъ почувствовалъ себя въ самомъ сладостномъ расположеніи духа: онъ сначала крикнулъ, потомъ зѣвнулъ, потомъ забормоталъ что-то и вслѣдъ за тѣмъ захрапѣлъ, пошевеливая по временамъ губами, на которыхъ всячески прилаживалась усѣсться муха. Чтобъ поучиться, какъ нужно спать человеку послѣ обѣда, нужно было взглянуть на Ивана Ивановича: видно было, что всѣ косточки его покоились въ это время.... Вдругъ послышалось тихое сиповатое мычанье; вслѣдъ за тѣмъ дверь глухо поѣхала на петляхъ внутрь мазанки, и бурая телушка, переступя порогъ и по-

матывая Мордой, обльщенной цѣлымъ роємъ мошкары, степенно отправилась къ спавшему Ивану Ивановичу. Сонъ его былъ въ самомъ сильномъ разгарѣ; сладкія грезы витали надъ его головой; и вдругъ все измѣнилось: какія-то фуріи внезапно окружили ложе мудреца и изъ кузнечныхъ мѣховъ начали вдувать ему въ уши холодный воздухъ, съ самымъ пронзительнымъ и неприятнымъ свистомъ; потомъ, что-то мокрое и холодное прильнуло къ его благородному челу и, какъ хрѣновою теркой, мазнуло его по губамъ и бородѣ.... Съ неизьяснымъ бѣшенствомъ вскочилъ Иванъ Ивановичъ на ноги и, схвативъ палку, началъ безъ пощады колотить смиренную телушку, которая нестово мычала и за каждымъ ударомъ пятилась къ кровати своего господина; наконецъ, не видя для себя въ отступленіи никакой пользы, она быстро бросилась впередъ, смяла Ивана Ивановича и, поднявши хвостъ, съ ревомъ выскочила изъ своей засады. Вслѣдъ за тѣмъ послышался прерывистый и удушливый хохотъ Семена Ивановича.

— Что это вы, мій голубе, такую картель затѣяли; добро-бы съ кѣмъ, а то съ телушкою! — сказалъ онъ, надрываясь отъ смѣха.

Иванъ Ивановичъ, почти нагой, съ растрепанными волосами, лежалъ посреди мазанки, схвативъ въ отчаяніи и досадѣ полныя горсти песка. Гордость, смѣхъ, досада и униженіе поочередно переливались на его лицѣ. Съ минуту пролежалъ онъ въ какомъ-то странномъ забытіи, потомъ, брося песокъ, вскочилъ поспѣшно и началъ одѣваться.

— Что-жь вы не скажете мнѣ, какъ это у васъ случилось: не ушибла-ли она васъ? — спросилъ снова Семень Ивановичъ, стараясь удержаться отъ смѣха.

— На что вамъ тутъ, ушибла? еще случилось! Что тамъ ушибла.... случилось! Что вамъ за дѣло! Разумѣется, на счетъ всякаго насилія я могу такъ-же, какъ и другой, имѣть свои законныя требованія, и скажу вамъ, что я такого афронта не потерплю, и послѣдній разъ нога моя у васъ.... Этакой мерзкой твари вы позволяете нюхать и лизать человѣка! Скажу вамъ, что я однакожь могу на всякій случай имѣть

надлежащее сопротивленіе, а касательно довѣющаго благоуваженія, такъ это не потому, чтобы я былъ такъ себѣ, человѣкъ да и только! И въ противномъ дѣлѣ, извините, никакой обиды на себя не поущу — продолжалъ онъ, уже одѣтый и выходя поспѣшно изъ мазанки; — а на всякаго людоеда плевать я хочу!

Иванъ Ивановичъ обернулся, плюнулъ черезъ порогъ и пошелъ по тропинкѣ въ рощу.

Все это произошло такъ неожиданно и скоро, что Семень Ивановичъ не успѣлъ еще дойти до дома и передать эту новость Виктору, который на этотъ разъ случился въ Тала-лаевкѣ, какъ бѣлый сертукъ Ивана Ивановича уже мелькалъ между плавиницскими мельницами.

Возвратясь домой, Иванъ Ивановичъ не счелъ за нужное объяснять причину своего неожиданнаго появленія пѣшкомъ почти въ полночь и на всѣ разспросы Анны Прохоровны отвѣчалъ вскользь, сбивчиво и отрывисто. Дѣло, однакожь, скоро начало выходить на чистоту. На разсвѣтъ на дворъ къ нему въѣхали двѣ подводы, и люди принялись укладывать пожитки Виктора. Иванъ Ивановичъ курилъ, молчалъ и съ крайнимъ смущеніемъ посматривалъ на это.

— Да изъ-за чего все это стало? — спрашивала крайне-огорченная Анна Прохоровна у мужа. — Вы вчера вернулись въ ночи, одни, пѣшкомъ; сегодня все увозятъ; вѣрно что-нибудь случилось?

— Оно, разумеется, съ человѣкомъ можетъ все случиться; только я, ничего, право-же ничего.... такъ, только насчетъ телушки разговоръ, а касательно другаго чего.... не подумайте, право-же, никакой случайности не могло встрѣтиться.

Иванъ Ивановичъ внутренно разрывалъ на части проклятую телушку.

Какъ-бы-то ни было, а для семьи Шпаковъ выдался черный денекъ. Анна Прохоровна плакала отъ огорченія: она любила Виктора и все его семейство.

Одарка сидѣла за работой, но руки плохо ей повиновались; когда-же увидѣла, что подводы, гремя и раскачиваясь, тронулись со двора, бѣдняжка, словно ужаленная, вско-

чила съ мѣста. Съ опущенными вѣками и неровной поступью кое-какъ добрела она до крылечка въ садъ; чувствуя, что не въ силахъ будетъ устоять на ногахъ, она прислонилась къ притолкъ двери, держась за нее обѣими руками. Безмысленно перебѣгали ея глаза отъ предмета къ предмету, наконецъ они остолбенѣли на одномъ — окнахъ викторовой комнаты: въ ней былъ слышанъ шорохъ вѣника; Гапка выметала соръ. Каждый шелестъ и движеніе ея съ страшною болью приливали къ сердцу Одарки.... Тоска жгучая, невыносимая гнала ее съ мѣста.... Не зная сама какъ, Одарка вошла въ ту комнату, гдѣ суежилась Гапка; кромѣ Гапки были тутъ только: пустая кровать, четыре стула, голыя стѣны, гвозди.... На одномъ изъ этихъ гвоздей висѣло вчера еще его охотничье ружье, тутъ — географическія карты; тутъ, бывало ... но Виктора не было подлѣ Одарки.... Какъ подкошенный стебелѣкъ упала она на грудь няньки: затаенное рыданіе разразилось во всей силѣ. Плача и всхлипывая, Гапка крѣпко стискивала голову Одарки и окутывала ее чѣмъ попало, чтобъ не было слышно ея раздражающихъ душу стонъвъ.

Гапка, конечно, не могла измѣрить своимъ короткимъ аршиномъ ту необъятную любовь и страданіе, въ какихъ томилась Одарка, но все-таки, глядя на свою панночку, она умѣла и сгрустнуть по своему и всплакнуть гдѣ-нибудь за уголкомъ, хотя съ вида казалась постоянно бодрою и веселою. «Нельзя-же, — такъ подѣ-часъ разсуждала Гапка, принимая въ соображеніе всѣ извѣстныя ей событія и характеры любовниковъ, — нельзя, чтобъ Викторъ, съ такою правдивой душой, ни съ того, ни съ сего, такъ себя, взялъ, да и покинулъ ее; тутъ что-нибудь да кроется; дай, попытаюсь!» — И Гапка принялась за дѣло: она въ началѣ узнала, что Викторъ не въ полку, наперекоръ всѣмъ слухамъ, которымъ такъ охотно расположена была вѣрить Одарка; потомъ, освѣдомилась о мѣстѣ его жительства, видѣла его, не давъ себя замѣтить; слѣдила долго за юношей и, наконецъ, нашла случай встрѣтиться и говорить съ нимъ, и со всею энергіею няньки сжумѣла такъ передать ему о состояніи

Одарки, что Викторъ , выслушавъ ее, поклялся , что не переставалъ любить Одарку и не намѣренъ разлучаться съ нею.

Слѣдствіемъ этого было то, что Гапка , въ одинъ зимній вечеръ, спровадивъ стариковъ-Шпаковъ куда-то со двора, подсыла съ веселымъ и бездечнымъ видомъ къ своей печальной панночкѣ и начала рассказывать ей самые забавные случаи изъ походовъ всѣхъ бывшихъ и будущихъ любовниковъ; наконецъ, чтобъ доказать справедливость своихъ доводовъ и увѣщаній , вскочила съ мѣста и распахнула обѣ половинки двери въ сосѣднюю комнату. На порогъ стоялъ Викторъ , съ улыбающимся лицомъ. Ошеломленная этимъ неожиданнымъ явленіемъ , Одарка прижалась къ груди своей няньки, которая передала ее въ объятія юноши.

— Я твой — сказалъ онъ съ чувствомъ. — Хандра прошла , и я вижу , что моя любовь сильнѣе всѣхъ моихъ желаній; и если, въ наказаніе за мое упрямство и холодность, ты не разлюбила меня, Одарка....

— Вѣрю , вѣрю — отвѣчала Одарка сквозь слезы и голосомъ похожимъ на мольбу о пощаду , — знаю я , что ты меня любишь , Викторъ , и горячо и честно; но знаю , Викторъ, что ты любишь свои мысли больше меня, и сегодня-ли, завтра-ли.... не перебивай, дай кончить.... Знаю я и тебя и себя , бѣдную! Для тебя не хватитъ моей любви; не потратишь ты на нее твою жизнь, а мнѣ не сдобровать съ этой напастью: мнѣ надо, я чувствую, вотъ-какъ любить тебя, лучшаго изъ всѣхъ людей на свѣтъ, и рано-ли, поздно-ли, Викторъ, ты увидишь, я не снесу....

— Полно, полно , не говори этого, — возразилъ Викторъ, не давая кончить Одаркѣ. Онъ приподнял голову дѣвушки , и споръ кончился долгимъ поцѣлуемъ....

Вскорѣ Викторъ перебрался на житье къ Гаврилу Прохоровичу, какъ на ближайшій пунктъ къ началу новаго сближенія съ Иваномъ Ивановичемъ; послѣдствія этого удачнаго маневра намъ уже извѣстны, почему, извинившись передъ читателемъ за длинное отступленіе, мы будемъ продолжать нашъ рассказъ....

...Пестрый коверъ посланъ въ саду, подъ яблонью; на немъ полулежить, опершись на лѣвый локоть, Викторъ, склоняясь головой на кожаную подушку у колѣна Одарки, которая, сжавъ свои малиновыя губки, откусываетъ узелокъ нитки: она шьетъ вѣнчальную сорочку жениху; подлѣ нихъ храпитъ Гаврило Прохоровичъ! Вотъ Гапка бѣжитъ къ нимъ съ письмомъ; она приметно потолстѣла съ тѣхъ поръ, какъ Викторъ сдѣлался женихомъ ея панночки; вотъ и Анна Прохоровна, съ ея блѣднымъ, улыбающимся лицомъ, подходитъ, садится на коверъ и проситъ Виктора читать скорѣе интересное посланіе, потому-что надпись на конвертѣ гласитъ: «въ г. *** въ, слѣдуетъ подать оное письмо въ приходъ Благовѣщенія на Песочную улицу, въ домъ бывшаго ратмана и гражданина Іоанна Шпака, а получить оное письмо любезной супругъ моей, Аннѣ Прохоровнѣ Шпакъ, урожденной Коломійцевой, а подателю за доставку онаго письма довлѣетъ получить приличествующе награжденіе.

А вотъ и содержаніе письма:

«Возлюбленной супругъ моей Аннѣ Прохоровнѣ купно съ происходящими отъ нее любезною дочерью нашею и единично сонаслѣднымъ по происхожденію своему сыну моему Іакову! посылаю отеческое благословеніе, со всею ненарушимостію онаго на весь деѣшъ живота нашего присно уповающихъ и продолженіе онаго пути на многія времена благомудріе истекающе!

«А по отпуску письма сего здравъ; и въ невредимости обрѣтаюсь!

«Неукоснительное желаніе возымѣлъ пріѣхать къ двадцатому истекшаго Іуліа; а не пріѣхалъ въ силу того что, сверхъ всякой предположенности впредь не малое; случилось отклоненіе какъ по случаю нѣкоторыхъ препятствующихъ челоуѣку обязанностей почасті употребленія ума нашего на пользу и заступленіе ближняго. Такъ и по совокупности многаго приобрѣтенія по поводу довлѣющаго произойти выхода любезной дочери нашей въ замужственное и брачное сочетаніе съ любезнымъ нашимъ будущимъ зятемъ futurum сыномъ имѣющимъ; свой собственный титулъ! по дворян-

ству предковъ его. А потому; у Мадамусы былъ и двлани-емъ дворянскихъ чепчиковъ облязалъ ее къ будущей средѣ со всѣмъ изготовленіемъ алыми и иными другими лентами украшеніемъ и надлежащею упаковкою а дожидайте меня въ пятокъ на той седмицѣ; прибуду прямо въ Талалаевку въ слѣдствіе чего отнюдь! запрещаю вамъ шить для дочери нашей сподницы ибо по поводу совѣщанія моего со всею резонабельностію съ оною мадамусою природно; изъ голанской Имперіи пронстекающею до уборовъ дворянскаго сословія касающемуся запретительность явную! полагаю, и на сей конецъ гребешокъ для нее везу для головныхъ притыканій; какъ дворянскій обычай указываетъ обращайтесь неукоснительное вниманіе ваше а муку, ссыпайте въ крайнюю заську — у Пресвященнаго быть удостоенъ — и со всего вашею заботливостію; касательно должнаго вперенія нравственнаго воспитанія надъ сыномъ нашимъ неослабно наблюдайте и въ пятокъ въ Талалаевку приѣзжайте а вручителя сего пятакомъ одарите.

Іоаннь Шпакъ.»

Третья и четвертая страницы этого посланія были наполнены тою-же пазидательностію, почему мы и пропустимъ ихъ. Мы лучше посмотримъ, какъ любимый иноходецъ Виктора, раскинувъ свою густую гриву, треплетъ проворными ногами, чуть дотрогиваясь до земли, какъ пристяжная, растянувъ шею, сапя и фыркая, едва уноситъ за нимъ постромки.... Это скачутъ наши молодые въ Талалаевку для встрѣчи тамъ Ивана Ивановича. Смотрите, какъ Одарка, едва переводя духъ, наклонилась и плотно прилегла къ груди Виктора, какъ волнуется тонкое кисейное покрывало ея по воздуху, какъ трепещутъ длинныя концы голубыхъ лентъ по темному рукаву викторовой чемерки; взглядитесь пристальнѣе въ чудное выраженіе этихъ томныхъ глазъ, которые не видятъ ни пыли, ни дороги.... Взгляните наконецъ, какъ машетъ имъ пестрымъ платкомъ Семень Ивановичъ, стоя близъ опушки роши, куда онъ вышелъ встрѣчать дѣтей своихъ; смотрите, какъ бережно и заботливо старикъ высаживаетъ свою будущую невьстку изъ тележки, какъ не даетъ никому до нее дотронуться, какъ онъ цѣлуетъ ее въ оба глаза, какъ вся Талалаевка, радостная и нарядная,

глядитъ на радость своего пана, на наряды своей будущей молодой паньи; слушайте, какъ въ толпѣ молодыхъ и старыхъ жинокъ перебѣгаетъ одно и то-же неумолкаемое: «яка гарна, яка пригожа!» Смотрите-же снова на все: на Семена Ивановича, на его супругу, на его дѣтокъ, на его пчелокъ, и порадайтесь тому, что бываетъ на земли, въ тиши, вдали, въ захолустьи — это молчаливое, не гордое, не хвастливое, а буднишное, простое, человеческое истинное счастье!

VI.

Два дня на славу и безъ усталы пироваль Семень Ивановичъ съ своими дорогими гостями, собравъ ихъ по случаю радостнаго возвращенія любезнаго свата изъ К...., куда тотъ отправлялся «на счетъ совокупности многаго приобрѣтенія приданственнаго достоянїя» для дочери. Попировали такъ, что не многіе изъ опытныхъ и постоянныхъ потребителей хмѣльнаго смогли вынести обильные приемы крѣпкихъ и приманчивыхъ на вкусъ наливокъ, варенухъ и запекапокъ, изготовленныхъ искусною рукою Палаген Павловны: бѣльшая часть гостей отправилась по домамъ, съ разстройствомъ и сильною головою болью, и на третій день, для вкушенія передъ-обѣденной «непрощеной», явились только тѣ, которые были несокрушимы, или воздержны, или вовсе не употребляли хмѣльнаго. Къ послѣднимъ принадлежали двѣ подруги Одарки, завладѣвшія ею на весь день, по случаю отъѣзда Виктора, которій, волею-неволею, долженъ былъ принять на свое попеченіе хмѣльнаго Онисима Павловича, отвезти его домой и сдать своей теткѣ и будущей посаженной матери. Изъ мужчинъ остались Григорій Карповичъ и Малявка, чувствовавшіе себя, вслѣдствіе воздержанія, довольно-исправно, и Гаврило Прохоровичъ съ Павломъ Павловичемъ, для которыхъ вино служило вмѣсто потогоннаго.

Только два человека въ полномъ смыслѣ счумѣли вести себя въ это время съ надлежащею точностью и основательностью: одинъ изъ нихъ былъ устроитель, другой — виновникъ этой отчаянной попойки. Семень Ивановичъ во все время

довольствовался изобрѣтеніемъ тостовъ и приглашеніемъ другихъ къ выкушанію безъ остатка; Иванъ Ивановичъ, возвеличенный и прославленный, держалъ себя въ оба дни ни больше ни меньше, ни выше ни ниже, какъ «въ благомудріе истекающе!»

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не дивиться на доблестнаго Ивана Ивановича; съ какою вѣрною оцѣнкою каждого своего движенія умѣлъ онъ опредѣлять настоящее значеніе тѣхъ предметовъ, которые недосягаемы для умовъ обыкновенныхъ! За то, сколько единодушныхъ восклицаній и поздравленій довелось ему выслушать отъ всѣхъ вообще и каждого порознь, въ продолженіе двухъ радостныхъ сутокъ, которымъ подобныхъ онъ не зналъ въ жизни; сколько разъ ему, гордому, превознесенному, приходилось гнуть шею, раскланиваясь на всѣ стороны, при громъ рукоплесканій, которымъ раздражалось общее вниманіе къ нему! Однакожь, наблюдатель тонкій сразу-бы могъ замѣтить, какъ неохотно Иванъ Ивановичъ оборачивался съ поклономъ въ ту сторону, откуда именно начинались эти рукоплесканія: тамъ сидѣлъ, съ старымъ маіоромъ, Созонтъ Созонтовичъ Малявка. — «Этотъ Созонтъ Созонтовичъ всегда первый застучитъ» думалъ про себя Иванъ Ивановичъ, раскланиваясь съ слушателями, — «какъ будто онъ все можетъ знать!»

Простившись съ каждымъ по нѣскольکو разъ и сдавъ шурива на руки Виктору, Семень Ивановичъ озаботился распредѣленіемъ остальныхъ гостей для отдыха, имѣя въ виду ту благую цѣль, что каждый изъ нихъ, вставши къ обѣду съ обновленными силами, будетъ имѣть наклонность къ «напріятнѣйшему времепровожденію.» Ивана Ивановича онъ уложилъ у себя въ мазанкѣ, принявъ на этотъ разъ всѣ предосторожности къ отвращенію докучнаго посѣщенія телушки; прочіе размѣстились гдѣ кому казалось удобнѣе. Слѣдствіемъ этого мудраго распоряженія было то, что всѣ явились къ обѣду, хотя и съ заспанными, но съ бодрыми и улыбающимися лицами.

Исключительнымъ предметомъ разговоровъ во время стола служили проказы отсутствующихъ гостей во время двухъ

дневной попойки. Каждый вспоминалъ что-нибудь новое и, передавая къ общему свѣдѣнію, поддерживалъ непрерывный и единодушный хохоть: такъ Созонтъ Созоновичъ со всею увлекательностью разсказалъ о невинной продѣлкѣ Саввы Тимофѣевича, который, отыскавъ гдѣ-то ошупью, въ погромахъ, бутылку съ ваксой, употребилъ ее вмѣсто кваса и, на вопросъ Малявки о достоинствѣ напитка, отвѣчалъ: «хорошъ; только хруститъ на зубахъ!»

— На счетъ всего этого, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, съ приметною еухостію, — съ моей стороны не могло быть никакого поползновенія; но Савва Тимофѣевичъ, ни съ того ни съ сего, вздумалъ утромъ приставать ко мнѣ, выражаясь въ збріозномъ состояніи со всею досканальною дерзостію, будто я нарисовалъ ему усы. А все вы, Созонтъ Созонтовичъ....

— Помилуйте, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, могу-ли я выдумать на васъ такую напраслину — отвѣчалъ Малявка, съ лукавымъ простосердечіемъ; — какъ-будто вамъ другаго дѣла нѣтъ, какъ ходить ночью съ помазкомъ да рисовать людямъ ваксою усы.... Притомъ-же всякій знаетъ, что съ вашимъ умомъ всегда можно отыскать занятіе, попристойнѣе малярской должности.

Послѣднія слова Малявка произнесъ на лету, вставая изъ-за стола, и разговоръ больше не возобновлялся. Дѣвушки отправились въ рошу, на встрѣчу Виктору; мужчины пошли на пасеку, обезпечивъ себя запасомъ мусулеса, который несла за ними Палажка. Анна Прохорова съ хозяйкой остались дома, занятія приготовленіемъ дынь, арбузовъ, дуль, бергамотовъ и другихъ фруктовъ, съ которыми намѣревались вскорѣ явиться на пчельникъ.

Въ два мѣсяца со дня бенкета, о которомъ читатели знаютъ изъ предъидущей главы, наружность резиденціи Семена Ивановича много измѣнилась. Вокругъ всей постройки было навалено множество сосновыхъ бревенъ, брусевъ, стоекъ, слѣжинъ и прочаго: нѣсколько кучъ песка, извести и кирпича ясно свидѣтельствовали о томъ, какъ заботливый хозяинъ, не тратя времени, спѣшилъ исполненіемъ давно задуманнаго предпріятія. Нужно было видѣть какимъ привѣтли-

вымъ взглядомъ встрѣчалъ Семень Ивановичъ каждое бревнышко, вѣхавшее на панскихъ воликахъ на пасеку, для того, чтобъ составить изъ себя звено будущей укромной пристройки «на счетъ зимняго времени»....

Оставя общество подъ тѣнью очеретоваго намета, Семень Ивановичъ ушелъ съ Приблудюю внутрь пасеки.

Послѣ жирнаго и сытнаго обѣда, гости казались изнуренными и усталыми; всѣ молчали. Иванъ Ивановичъ то-же находилъ себя не способнымъ къ разглагольствію. Усѣвшись на лавочкѣ, онъ молча курилъ и, прищуривъ одинъ глазъ, смотрѣлъ на коршуна, который медленно и плавно кружилъ надъ криницей.

— Не хотите-ли вы уснуть, Павелъ Павловичъ? — спросилъ Гаврило Прохоровичъ у своего сосѣда.

— Нѣтъ. А вы?

— Нѣтъ. А вы, Созонтъ Созонтовичъ?

— Я выспался утромъ. А вы, Григорій Карповичъ?

— И я спалъ. А вы, Иванъ Ивановичъ?

— Я? — Иванъ Ивановичъ, сначала подумалъ, потомъ пустилъ сѣрую струю дыма, потомъ зѣвнулъ громко и протяжно, выразивъ при этомъ звукъ, похожій на слово: н-ѣ-т-ѣ.

Малаявка и Ладьясь значительно переглянулись.

— Однакожь, вы зѣваете — сказалъ Павелъ Павловичъ, зѣвнувъ самъ во весь ротъ.

— А вы?

— И я.

— Что за пропасть, вотъ и я зѣваю — сказалъ Григорій Карповичъ. — А знаете, это ужъ такъ бываетъ; коли одинъ зѣвнетъ, такъ и другому хочется. Я слышалъ, что у какого-то великаго пана быдъ шутъ, и какъ соберутся къ нему гости, онъ и зѣвнетъ, да такъ сладко и протяжно, что всѣмъ захочется.

— Что это вы, Григорій Карповичъ, — сказалъ Малаявка, обидчивымъ тономъ, подмигнувъ глазкомъ — Иванъ Ивановичъ зѣвнулъ первый, а вы послѣдній; такъ кто-же

по вашему будетъ шутъ? Пожалуй Иванъ Ивановичъ можетъ и обидѣться, потому что онъ, всѣмъ извѣстно, человекъ умный!

Если, по вашему, Иванъ Ивановичъ человекъ умный, такъ онъ и не обидится, потому что умные люди никогда за пустое не сердятся. Притомъ-же, я говорилъ о шутѣ, а не объ Иванѣ Ивановичѣ.

Ну на что такъ легко и скоро не ловится человекъ, какъ на льстивое потворство его суетности и тщеславію. Иванъ Ивановичъ привѣтливо и благодарно взглянулъ прямо въ глаза Малавкѣ, который тотчасъ подсѣлъ къ нему и началъ разговоръ:

— Вотъ видите, Иванъ Ивановичъ, что я не злой человекъ! и, признайтесь, вчера вы таки ругнули меня порядкомъ за этого Курченка, который съ похмѣлья хлѣбнулъ ваксы и вообразилъ, что вы ему сонному нарисовали усы. Не осель-ли онъ послѣ этого? А вы все на меня....

— Нѣтъ, я ничего; право-же. Только вотъ видите....

— Нѣтъ, не говорите; ужъ я знаю, какъ вы меня величаете и живчикомъ и насмѣшникомъ и... чѣмъ блпш тамъ еще? А я вамъ скажу ужъ есть-ли гдѣ на свѣтѣ другой шиканиръ, какъ этотъ губастый Курченко. Даромъ, что молчить! Помните, вчера, какъ вы намъ что-то поясняли на счетъ міротворенія, онъ первый перебилъ вашу рѣчь, а ко мнѣ подошелъ, да и говорить: «какія тамъ тропинки? слушайте, что говорить!» этакой враль! а?

— Хмъ! Гдѣ ему понять — тропинки! Тропинки, сударь; да! а за ними и полярные круги еще слѣдуютъ, скажу вамъ ... вездѣ люди живутъ. А то тропинки! Онъ только и думаетъ, что кромѣ нашего европейскаго государства больше и людей нѣту. Разумѣется, на счетъ Америки ему и говорить нечего.... Что онъ тамъ себѣ ...

— Вы ему и на счетъ Америки то-же?

— Гдѣ ему? вотъ съ вами, другое дѣло.

— Такъ вы говорите, что и въ Америкѣ то-же люди?

— Какъ-же.

— Нѣмцы?

— Нѣтъ, это у насъ; въ другихъ странахъ свѣта, тамъ свои габитантусы различныхъ полюсовъ.

— А!

И экваторъ есть, какъ бы вы думали? а послѣ него такъ-таки, рядомъ, эклиптика располагается; славная страна! а тамъ уже и все міросозданіе слѣдуетъ по порядку.... Все Коперникъ!

— Скажите!

— Да. А вы какъ-бы это полагали?

— Ну-съ. Скажите-же мнѣ: эта эклиптика, государство, что-ли?

— Нѣтъ ужъ извините. На счетъ этого, могу сказать, есть большая разница. Тутъ нужно знать какого рода страна: буди случится окончаніе на *а* или *я*, такъ это уже выходитъ имперія, а не государство; оттото-то, у насъ Россія.... женскаго; и выходитъ имперія, а королевство — невтрумъ. Какъ-бы вы думали? Оно, разумѣется, не всякому извѣстно....

— Такъ вотъ что! Ну, а кто тамъ на эклиптикѣ теперь королемъ?

— Какой тамъ король; что это вы, Созонтъ Созонтовичъ! Всякій король то есть въ разсужденіи королевства надлежащее начальствованіе производнтъ; а тутъ.... да что и говорить! Еще бы ему объяснять это; вамъ можно все: а то, Савва Тимофѣевичъ — толстыя губы.... гдѣ ему понять! Нѣмецъ, да и только! Съ вами, разумѣется, можно....

— Осель! что и говорить. Ну-съ, скажите-ка намъ теперь....

— Нѣтъ, ужъ, Созонтъ Созонтовичъ, прошу васъ усерднѣйше, поудержитесь на сей разъ — сказалъ Семенъ Ивановичъ, торопливо входя подъ наметъ. — Вотъ я своимъ васъ попотчиваю; не угодно-ли?

Вслѣдъ за нимъ, Приблуда, пыхтя, тащилъ огромное блюдо съ медовыми сотами и свѣжіе огурцы въ салфеткѣ.

— А это для васъ, — сказалъ панъ Щербина Ивану Ивановичу, принявъ изъ рукъ Оныска полную чашу съ душистымъ медомъ. — Это лицецъ, на счетъ груди; въ слу-

чаѣ, храни Богъ, этакъ.... а то и такъ во здравіе употребить можно. Велите оставить побережье когда отправитесь.

Никогда для Ивана Ивановича появленіе пана Щербины не казалось такъ не кстати, какъ въ эту минуту; онъ довольно-холодно принялъ подарокъ и отказался отъ употребленія медка съ огурчиками. Раскуривъ свою трубку, онъ усѣлся подлѣ Малявки, въ надеждѣ начать снова прерванный разговоръ.

— Скажи пожалуйста, я давно хотѣлъ спросить, да забываю — къ чему ты припасъ эти двѣ граненныя стойки? — спросилъ Григорій Карповичъ, обратясь къ хозяину.

При вопросѣ этомъ на лицѣ Семена Ивановича выразилось чувство трогательнаго умиленія; онъ весело взглянулъ на Ивана Ивановича и обратился къ вопрошавшему.

— А какъ бы вы полагали; на какое употребленіе?

— Трудно-же угадать.... оттого и спрашиваю.

— Ну, дѣлать нечего, объясню; только сначала, Иванъ Ивановичъ, позвольте васъ обнять со всею моею дружественностію.

Иванъ Ивановичъ какъ-то неохотно согласился.

— Ну говори-же! — сказалъ Григорій Карповичъ.

— Я, вотъ видите, сижу, да и помышляю этакъ, со всею человѣческою расположенностію, все на счетъ будущаго; а вмѣстѣ съ тѣмъ и касательно семейнаго, знаете.... Дай, думаю себѣ, поставлю я заранѣе тутъ маленькую качельку....

— Вотъ вздумалъ чѣмъ утѣшаться!

— И дѣйствительно, мій голубе, съ тѣхъ поръ какъ задумалъ, такъ и утѣшаюсь.

— Куда намъ старикамъ; въ пору молодымъ-бы....

— Ага! вотъ вы и не догадываетесь; а Иванъ Ивановичъ, я знаю, по своему высокому благоразумію, тотчасъ проникнетъ все. — Онъ ласково взглянулъ на Ивана Ивановича, но, встрѣтя его гордое и холодное лицо, снова обратился къ маіору таинственно и умильно.

— Вотъ видите, — сказалъ онъ, прищуривая глаза и измѣняя постепенно голосъ, — если Богъ благословитъ насъ черезъ годикъ-другой, этакая вотъ внучка маленькая: тамъ

себя, по дорожкѣ копь-копь-копь; а у дѣдушки и пчелки ей на утѣшеніе, и птички разныя, и яблочки, и медокъ, а сверхъ того и качелька, не бездѣльную привлекательность касательно дѣтскаго возраста въ себя совмѣщаютъ. А? Догадливъ старѣй хрѣнь! Какъ вы это уразумѣваете?

Всѣ засмѣялись. Семенъ Ивановичъ, не прерывая себя, съ тѣмъ-же добродушнымъ и доврчивымъ видомъ обратился прямо къ Ивану Ивановичу.

— Только тутъ я вамъ скажу, мій голубе, свое непремѣнное желаніе: если, этакъ, Богъ благословитъ на счетъ приращенія, знаете, такъ моя милая невѣстка, а ваша дочка, какъ тамъ себѣ захочетъ, а на первый разъ мнѣ внучку, а себѣ дочку!

— Вишь, чего захотѣлъ, — сказалъ смѣючись Григорій Карповичъ.

— Нѣтъ, извините, на сей разъ скажу вамъ со всею твердою убѣдительностію, Семенъ Ивановичъ, что это невозможно! и вслѣдствіе надлежащей разсчитанности впередъ могу васъ завѣрить, что родитъ сына, потому-что....

— Нѣтъ, ужъ на этотъ разъ, Иванъ Ивановичъ, прошу васъ не вступаться. Вы меня тѣмъ въ явное сокрушеніе приводите; къ чему такъ желать? и я васъ буду всеусерднѣйше просить: ужъ такъ, на первый разъ, позвольте дочку.

— Разумѣется, на счетъ этого слѣдовало-бы.... Только, вотъ видите, почтеннѣйшій Семенъ Ивановичъ, вамъ, конечно, не извѣстно, что значить феминина въ этакомъ случаѣ, а потому, никакъ нельзя, и въ слѣдствіе этого, я знаю, что будетъ сынъ.

— Да, да, не уступать! — заговорилъ было Малявка, но Семенъ Ивановичъ не далъ ему распространиться.

— Нѣтъ ужъ позвольте, Созонтъ Созонтовичъ; вы не мѣшайте намъ; я таки на счетъ дочери могу и самъ, этакъ, со всею настоятельностью касательно моего желанія: чего тутъ, Иванъ Ивановичъ, какъ вамъ знать навѣрное?

— Хмъ! Разум.... Нѣтъ, вы меня не подталкивайте, Созонтъ Созоновичъ, я и безъ васъ знаю, что сынъ!

— Почему-жъ вы это знаете, Иванъ Ивановичъ? униженнѣйше прошу васъ: не препятствуйте на сей разъ; къ чему такъ усиливаться вамъ на счетъ всякаго помышательства моему желанію; вы этимъ меня въ крайнюю огорчительность приводите. Ужъ пусть себѣ такъ будетъ. Что вамъ?

— Нельзя, говорю вамъ. И вслѣдствіе должнаго умозаключенія....

— Иванъ Ивановичъ! Дочку!

— Нѣтъ, сынъ!

— На счетъ этого.... охъ, Господи! ну да ужъ тамъ, какъ хотите, и въ случаѣ дальнѣйшее съ вашей стороны настояніе окажется, такъ готовъ даже съ вами поспорить: тамъ вы себѣ какъ знаете, а сначала, воля ваша, дочку!

— Не будетъ по вашему, и увѣрю васъ, что родить непременно сына!

— По какому-жъ резону вы себя въ такое удостовѣреніе приводите?

— Разумѣется, на счетъ этого могу вамъ доказать даже....

— Нѣтъ ужъ не доказывайте, Иванъ Ивановичъ!

— Да нельзя-же....

— Чтѣ это вы какіе; ужъ и въ этомъ случаѣ не желаете уступить. Прошу васъ усерднѣйше, не прекословьте Покоритесь!

— Хмъ! Оно можно бы, конечно; только, вотъ видите-ли: вслѣдствіе надлежащаго умозаключенія и по крайней неспособности женскаго рода касательно умственнаго дарованія, никакъ нельзя, воля ваша.

— Вы, то есть Иванъ Ивановичъ, добрыйшій человекъ, ужъ повѣрьте мнѣ; и на счетъ вашего благоразумія, позвольте вамъ сказать: считаю васъ въ надлежащемъ совершенствѣ, то есть какъ и должно быть всякому человеку.... ужъ пожалуйте.... только скажу вамъ, мій голубе, на счетъ характеристики вашей, выходитъ тово.... Оно, конечно, и пригодно иногда человеку имѣть надлежащую амбицію, но все-таки, на счетъ своего рожденія не слѣдовало-бы такъ поступать.

— Что у нихъ тутъ? — спросила Палагея Павловна, которая стояла уже подъ наметомъ и окидывала все испытующимъ взглядомъ, съ примѣтнымъ выраженіемъ неудовольствія на лицѣ. — Что у васъ? О чемъ вы его просите?

— Нѣтъ, моя крошечка; вы сюда не вступайтесь, потому что дѣло особенную значительность совмѣщающее.... Позвольте. Такъ согласны вы, Иванъ Ивановичъ?

— Касательно указанія вашего на счетъ характерности, могу подтвердить вамъ, со всею амбиціонною стойкостію, что вслѣдствіе должнаго предположенія моего впредь, нахожу ваше потворство касательно женскаго рода (тутъ онъ позволилъ себѣ мелькомъ взглянуть на Палагею Павловну), а съ онымъ вмѣстѣ и ваше желаніе, невозможнымъ; а потому и согласія своего не изрекаю!

— Охъ, что это вы все спорите; а о сю пору не потщились мнѣ доказать?

— Сказалъ нельзя!

— Такъ-таки по вашему ужъ и нельзя?

— Разумѣется....

— Уступите, Иванъ Ивановичъ!

— Не уступлю.

— Гаврило Прохоровичъ! Созонтъ Созонтовичъ! на счетъ пособія съ вашей стороны, не откажите, мій голубе, прошу васъ. Павелъ Павловичъ!

Семень Ивановичъ торопливымъ и жалобнымъ взглядомъ окинулъ все собраніе; лобъ у него сильно вспотѣлъ, руки дрожали. Иванъ Ивановичъ спокойно стоялъ на мѣстѣ, поглядывая на сусливые движенія своего противника.

— Стойте! — сказалъ Малявка, устанавливаясь между двухъ тяжущихся. — Такъ, я вижу, вы и вѣкъ не разоидетесь, а я васъ тотчасъ разведу. Дѣло ваше — прямая загадка, а потому, его рѣшать нужно загадками-же. Видите-ли: вонъ тамъ стоитъ отдѣльно клень, а подлѣ него береза?

— Вижу, мій голубе; что-жь?

— Дорога прямая? такъ?

— Дѣйствительно....

— Слушайте-жь. Вы оба станьте на четвереньки, а я вамъ завяжу глаза; тогда, слушайте, кто первый стукнется въ кленъ — сынъ будетъ, а въ березу — дочка; если-жь оба мимо, ни того, ни другаго! Согласны?

— Нѣтъ ужъ «мимо» нельзя-ли отстранить, мій голубе, потому-что, если въ случаѣ тамъ какъ-нибудь, такъ ужъ мы, съ общаго согласія, и отдадимъ все на волю Божию.

— Пожалуй, и то ладно! — сказалъ Малявка.

— Такъ лучше, мій голубе, и безобиднѣе. Согласны вы, Иванъ Ивановичъ?

Иванъ Ивановичъ молча пошатнулъ головой.

— Ну такъ желаете? — спросилъ Малявка.

— Я на все готовъ; только-бы знаете, на счетъ моего желанія....

— Разумѣется; однакожь, не будетъ по вашему. Почему знать?....

— А хотите?

— Давайте!

Гости смѣялись. Палагея Павловна сердито поглядывала на все это и, наконецъ, обратилась къ мужу съ вопросомъ:

— Къ чему вы это посмѣшище затѣваете?

— Охъ, моя крошечка, прошу васъ, на сей разъ по-удержитесь. Какъ хотите, не могу! Надо-же знать.

Обоимъ завязали глаза: Семену Ивановичу слегка, а Ивану Ивановичу Малявка такъ скрутилъ переносицу, что тотъ съ трудомъ могъ дышать. Наконецъ, при общемъ смѣхъ, поставили обоихъ на четвереньки, задомъ, по направленію къ ихъ цѣлямъ.

— Вы готовы, Иванъ Ивановичъ? — спросилъ Щербина.

— Готовъ. А вы?

— Готовъ.

— Вы стали?

— Да. А вы?

— И я. Ну, такъ начинайте-же.

— Куда? — спросилъ неволью Иванъ Ивановичъ.

— Какъ знаете. Ужъ тутъ на счастье.

— Ну!

— Ну!

И состязатели тронулись въ путь.

Дѣлая повязки, Малявка умышленно далъ свободу одному глазу Семена Ивановича. Съ этимъ значительнымъ пособіемъ, панъ Щербина принялъ сразу самое надежное направленіе и вскорѣ не осталось никакого сомнѣнія, что онъ достигнетъ желанной цѣли. Вся неудобства оказались на сторонѣ Ивана Ивановича. Первымъ изъ нихъ были длинныя помы голубаго сертука; распахнувшись и упавъ на-передъ, онъ рѣшительно препятствовали ему дѣйствовать руками. Въ самомъ началѣ Иванъ Ивановичъ смѣшался и закружился на одномъ мѣстѣ, какъ раненый медвѣдь, потомъ, собравъ всѣ силы, при общемъ смѣхѣ и восклицаніяхъ, онъ быстро пустился черезъ гряды и бурьянъ, проклиная внутренно свой необдуманнѣйшій поступокъ. Принявъ совершенно фальшивое направленіе, онъ ползъ на удачу и вскорѣ очутился между кустовъ дикаго шиповника и крапивы; долго кружа и барахтаясь посреди этого колючаго и жгучаго лабиринта, онъ, наконецъ, быстро вскочилъ на ноги и сорвалъ съ себя повязку.

Въ это время Семень Ивановичъ, охвативъ съ жаромъ стволъ дерева, радостно воскликнулъ:

— Свидѣтельствуюсь предъ всеми людьми!

Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправился къ своему состязателю, съ тѣмъ, чтобы обнять его со всею дружественностію и ласковымъ упрекомъ за его настойчивость.

Иванъ Ивановичъ встрѣтилъ свата такимъ взглядомъ, отъ котораго мигомъ помрачилась вся счастливая настроенность Семена Ивановича.

— Радуйтесь! — сказалъ Шпакъ, почти шопотомъ.

Дрожа и блѣднѣя отъ предчувствія, Семень Ивановичъ едва могъ назвать его по имени.

— Откоснитесь отъ меня; нехай вамъ чортъ, со всеми внуками и внучками!

— Что это вы, Иванъ Ивановичъ, христіанскими устами произносите такое неподобающее! Успокойтесь! Прошу васъ хоть на счетъ дѣтей.

— Дѣтей!.... бисъ вашему батьку.... всѣхъ! Скорѣй зарѣжу, чѣмъ отдамъ ее за вашего крутоголоваго сына!

— Что это вы, Иванъ Ивановичъ, такую важность на себя напускаете? — сказала Палагея Павловна, подступая къ самому носу Ивана Ивановича съ видомъ, соответствовавшимъ ея настойчивому, и гордому характеру. — Вы, и въ самомъ дѣлѣ, вообразили себѣ, что васъ всѣ должны носить на рукахъ?

— Хмъ! Разумѣется.... Что вы тутъ? Не ваше дѣло!

— Какъ не мое дѣло? Ахъ ты....

— Иванъ Ивановичъ, позвольте.... ужъ не доводите до дальнѣйшаго.... Согласенъ даже на счетъ сына.... только, вотъ видите: будьте по смиреннѣе, уважьте меня на старости, умилосердитесь! Охъ! Прекратите! Палагея Павловна! моя крошечка.... на счетъ Викторушки не забудьте.... Ай! Ай! будетъ! плачу.... Гаврило Прохоровичъ! охъ, всѣ сюда! — вопилъ Семень Ивановичъ, кидаясь къ обоимъ съ развертыми объятіями.

— Подите вы! — произнесла Палагея Павловна, грозно взглянувъ на мужа; — у всякаго дурака готовъ прощенье просить. Хорошъ мужъ! Гдѣ бы за жену вступиться.... Ну, да я съ вами послѣ.... А ты, немазаная мельница, — продолжала она, обратясь къ Ивану Ивановичу, — молчалъ-бы, да радовался, что тебя чествуютъ между хорошими людьми!

— Плевать я желаніе имѣю на ваше чествованье! Тьфу!

— Тьфу! Тьфу! Ахъ, ты проклятый.... Семень Ивановичъ, что-жъ вы хнычете? Вашу жену позорять, а вы.... тюлень! Ну да мы съ вами послѣ....

Анна Прохоровна, испуганная, блѣдная, бѣжала запыхавшись на пасеку; но она поспѣла туда только для того, чтобъ выслушать строгій и кроткій приказъ: тотчасъ садиться и вхвать съ дочерью домой.

По отбытіи Ивана Ивановича, панъ Щербина съ грустнымъ и встревоженнымъ видомъ стоялъ подъ наметомъ, между Ладысемъ и Малявкою, которые старались его успокоить; но онъ не слушалъ ничего и печально смотрѣлъ вдаль, занятый своими мыслями.

— А я со всею расположенностію.... — началъ было говорить Семень Ивановичъ , про себя; но онъ не кончилъ и снова задумался, глядя на сосновыя бревны, лежавшія въ кучахъ подлѣ мазанки.

Черезъ полчаса послѣ неудачнаго поползновенія на четверенькахъ, двѣ жидовскія брички, запряженныя парами, тихо катились по плавиницкому выгону. Въ первой изъ нихъ сидѣли трое мужчинъ: коричневый, съ козырькомъ назалъ, и голубой, съ козырькомъ напередъ, громко кричали и сильно между собой спорили; желтый, въ шапкѣ безъ козырька, сладко вздремывалъ подъ шумокъ, раскачиваясь головой въ стороны. Читатель можетъ быть и не узналъ въ послѣднемъ мирное и незатѣйливое существо — Павла Павловича; два другіе должны быть ему хорошо извѣстны. Во второй бричкѣ сидѣли двѣ женщины: одна изъ нихъ плакала на взрыдъ, склонивъ голову на грудь молодой дѣвушки, которая сидѣла прямо, слегка поддерживая голову старухи и, сдвинувъ брови, смотрѣла на кузовъ передняго экипажа съ выраженіемъ горькаго упрека и нѣмага отчаянія.... Между тѣмъ экипажи двигались все впередъ; жидовскіе недоморыши трусцой вывели ихъ изъ ряда неуклюжихъ млиновъ и шагомъ поплелись по легкому скату холма; еще не опалъ и послѣдній-слои пыли на дорогу, какъ изъ села быстро вынеслась тройка борзыхъ коней и, повернувъ въ-круть, поскакала по тому-же выгону, только въ противоположную сторону; сѣрый вноходець лихо работалъ въ корню; пристяжныя чуть не падали на землю. Тройку эту гналъ Викторъ: онъ не взглянулъ даже на невозвратный слѣдъ двухъ экипажей; онъ торопился, онъ зналъ что его ждуть, онъ такъ пристально смотрѣлъ на опушку кленовой роци....

VII.

Со времени этой, горестной для Семена Ивановича, размовки, четыре мѣсяца протекли въ томительномъ ожиданіи чего-то неизвѣстнаго. По видимому ходу дѣлъ, надежда на вторичное соединеніе съ Иваномъ Ивановичемъ, съ каждымъ

днемъ становилась все труднѣе и несбыточнѣе, а время шло своимъ безостановочнымъ путемъ. Настала наконецъ пора, когда ретивый пчеловодъ, сложа улы на зимовье, тяжкимъ вздохомъ запечатлѣлъ послѣдній мигъ наступившей съ ними разлуки.

Двойное горе щемило сердце Семена Ивановича.... Оставя на попеченіе усерднаго Оныська устройство дубовой яды надъ узкой дверцой омшанника, онъ невольно обратился лицомъ къ мазанкѣ, остановясь на краю канавы. Долго смотрѣлъ старикъ на мѣсто милаго обиталища, перебиралъ въ памяти всѣ протекшія явленія, какія довелось ему прожить за долгое и благодатное украинское лѣто въ обществѣ любимыхъ пчелокъ, въ кругу дорогихъ гостей. Грустно было все вокругъ Семена Ивановича, только порывистый вѣтеръ раздувалъ полы его полукафтаны, да пестрыя синицы свища перспархивали по стеблямъ чернобыльника.

Осень, мокрая, студеная, пахнула своимъ холодомъ на теплую грудь природы и бѣдняжка притаила дыханіе до урочнаго часа новаго, веселаго пробужденія. Уныло глядитъ въ это время человекъ на ея тусклыя краски, на ея могильную наготу; сыпучій дождикъ сквозной дрожью пронизываетъ холодющія кости, сѣрое небо хмурится надъ нимъ: печальная природа гонитъ отъ себя грустнаго скитальца; усталыя ноги его скользятъ и нехотя движутся по липкой грязи, а, вокругъ, такая безпривѣтная пустыня! И покидаетъ онъ свою нескончаемую заботу объ этомъ вѣчномъ завтрашнемъ днѣ, и молча плетется онъ, промокшій и усталый, къ родному очагу. За то, какія иногда легенды слагаетъ ему недремлющее воображеніе подъ жалобный пригвѣвъ осенняго вѣтра, когда захлопаютъ ставни да взвоетъ подъ угломъ промокшая кудлашка; и какъ тогда хочется ему слушать, да вѣрить въ бессмысленный лепетъ покойной мамы и бояться этого змѣя-Горыныча, и поплакать надъ изголовьемъ заключенной царевны, да поглядѣть изъ-за угла на проклятаго Вавулаку, отъ котораго и корчитъ и коробитъ инаго слушателя.

Подумалъ-погадалъ старый Щербина, глядя на свою мазанку, и пришло на память ему все прошлое да бывалое:

позоветь онъ свою Модличку, и сядетъ, бывало, она рядомъ съ паномъ и паньею подлѣ лежанки, и подадутъ чарку запеканки, чтобъ развязать ея старѣй костлявый языкъ, и расхохлится старая Модличка, да учнетъ она разводить умкомъ да сновать языкомъ, какъ тамъ было себѣ при царѣ Ипатіѣ при попѣ Игнатіѣ; какъ ходилъ Людоморъ по бѣлу свѣту, какъ плала царевна Оксана по синію морю.... а Семень Ивановичъ выкушаетъ пятую чашечку бузины съ липцемъ, «на счетъ груди», да прослушаетъ ее «въ братолюбіи и тишинѣ», да и скажетъ ей, зѣвнувъ подлѣ конецъ: «ты, моя голубко, и на счетъ будущихъ вечеровъ припасай у себя на памяти все относительное къ сему случаю.» А тамъ, несуть ему чего-нибудь легонькаго, не то, чтобы совсѣмъ поужинать, — а послѣ и самъ начнетъ выкидывать на памяти, да высчитывать по пальцамъ дни да недѣли, когда опять заблеститъ теплое солнышко надъ соломеннымъ колпакомъ его любезной мазанки.

«А теперь вотъ и не то: всему случилось измѣненіе!» подумалъ про себя Семень Ивановичъ и съ поникшей головой пошелъ по мокрой тропинкѣ, заваленной поблекшимъ листомъ.

Въ семействѣ Щербинъ дѣйствительно случилось не маловажное измѣненіе: всѣ члены его были въ сильномъ томленіи; Викторъ былъ постоянно-угрюмъ и молчаливъ; онъ прекратилъ всѣ сношенія съ городомъ и жилъ въ Талаевкѣ; Семень Ивановичъ нетерпѣливо ждалъ конца этому полудремотному состоянію дорогаго сына и не рѣшался докучать ему никакими вопросами и предложеніями, предоставляя все времени и случаю; послѣдній явился на выручку не ранѣе, какъ по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ.

Это было въ послѣднихъ числахъ ноября.

Колочая изморозь, пополамъ съ крупой, мелкой дробью хлестала въ закрытыя ставни панскихъ хоромъ. Голыя вѣтви липняка, съ неумолкаемымъ гуломъ и какимъ-то враждебнымъ шопотомъ нагибали высокія макушки свои подлѣ сильнымъ давленіемъ сѣвернаго вѣтра; сухой листъ шелестилъ по землѣ и переплясывалъ съ мѣста на мѣсто подлѣ жалоб-

ную разноголосицу звуковъ, выхватываемыхъ цѣтромъ изъ камышевыхъ разщепинъ и соломенныхъ дудочекъ. Косматые тучи бѣжали невѣсть куда, освѣщенные справа блѣднымъ мерцаніемъ луны; разыгрывалась страшная непогода.

Въ одномъ изъ жилыхъ покоевъ талалаевскихъ будинокъ, при тускломъ свѣтѣ каганца, стоявшаго на краю лежанки, сидѣли, на широкихъ днищахъ, двѣ прислужницы Палагеи Павловны, покручивая веретенами. Въ соседней комнатѣ, подлѣ кровати съ пологомъ, помѣщалась сама пани, за тонкой кужелью: воркливое колесо самопрялки, гонимое неравномернымъ напоромъ сильной ея ноги, то сливалось въ одинъ, едва различаемый глазомъ двухполосный шаръ, то погромыхивая валькомъ и пощелкивая, входило въ размѣръ своего обыкновеннаго движенія. По временамъ пряжа допалась, хлестала оборваннымъ концомъ въ воздухъ и наматывалась на зубцы полукруглаго веретена. По всему замѣтно было, что работа шла небрежно и была только предлогомъ для Палагеи Павловны, чтобы утаить настоящее выраженіе ея лица; на нее внимательно поглядывалъ Семень Ивановичъ, сидя въ глубокихъ креслахъ подлѣ стола, на которомъ мерцала сильно-нагорѣвшая свѣча. Вдоль обѣихъ свѣтилицъ шагала Викторъ, постукивая мѣдными подковами охотничьихъ сапоговъ по сухому глиняному полу. По выраженію физиономіи стараго Щербины и неровной походкѣ его сына было замѣтно, что они затѣли разговоръ не объ одной погодѣ.

Наклонясь къ самопрялкѣ, чтобы отыскать упущенный конецъ пряжи, Палагея Павловна слѣдила за выраженіемъ Викторова лица и начала снова прерванный съ умысломъ разговоръ, относясь прямо къ сыну:

— Ужъ коли на то пошло, такъ пускай себѣ дуются, а я на твоемъ мѣстѣ, право, не стала-бы думать, а, на-перекорь, выкинула-бы такую задачу, что эта беззубая перестала-бы сразу похвалиться будто для ея дочери въ запасъ, десять жениховъ!

Викторъ остановился и, прислонясь къ притолкѣ двери, не отвѣчалъ ни слова; Семень Ивановичъ невольно вступилъ въ объясненіе:

— Нѣтъ, не говорите-же такъ, мое серденько. Мало-ли что могутъ сказать вамъ пные; а я все-таки считаю ее за женщину съ крайнимъ добросердечіемъ.

— У васъ все добросердечіе на умъ! и къ чему вы вплетаетесь туда, гдѣ васъ не спрашиваютъ?

— Господи! Что это вы, моя крошечка, не дадите мнѣ и слова сказать въ надлежащемъ порядкѣ?

— Да не слѣдуетъ. Знай-молчите: не вамъ говорить.

— Такъ ужъ на этотъ разъ, я вамъ скажу, что и впередъ не утерплю; и буде случится мнѣ услышать что-либо относившееся на счетъ Анны Прохоровны, съ явнымъ посягательствомъ на ея безславіе, такъ ужъ, воля ваша, не выдержу, какъ хотите; потому-что считаю себя вполнѣ удовольствованнымъ за всѣ ея попеченія объ Викторущкѣ, помните?

— Ужъ что и говорить. Куда какое попеченіе!

— А какъ-бы вы полагали? Притомъ-же, гдѣ вы сыщите другую дѣвушку, которая-бы своимъ рѣдкостнымъ благопріемъ снискала къ себѣ такое расположеніе Викторущки? — возразилъ Семень Ивановичъ, съ намбрениемъ перескочить къ предмету, который интересовалъ его особенно.

— У васъ только и свѣта что въ окнѣ! Захочетъ, такъ и благопріемъ сыщется. Что вы такъ рано отчаялись!

— Однакожъ, назовите хоть одну, которая-бы способна была выразить собою такую благовидность и сердечную теплоту?

— Ну что вы тамъ городите? Мало-ли есть не въ примѣръ лучше. Захочетъ-найдетъ. Онъ не въ васъ! — Палагел Павловна мелькомъ взглянула на Виктора: опустила голову, онъ казался занятъ разсматриваніемъ своего праваго сапога.

— Да тамъ себѣ пожалуй. А въ нашей округѣ укажите-ка?

— Отчего-жъ. На лицо можетъ и уступить, а на счетъ благопріемъ можно поручиться, что будетъ подостойнѣе вашей Одарки.

— Кто-жъ это. Скажите намъ?

— Ну....

Тутъ Палагея Павловна откусила конецъ нитки и снова взглянула на сына: неопредѣленная улыбка мелькнула на его губахъ; заметно было, что въ это мгновеніе вспада на умъ ему самая пригодная мысль:

— Матушка, — сказалъ онъ, ставъ передъ матерью и принявъ видъ ласковый и довѣрчивый— сколько помню, кажется я постоянно старался выполнять вашу волю и угождать вашимъ желаніямъ. Скажите теперь, о сю-пору было-ли это такъ? Вы не сътовали на меня ни разу?

Палагея Павловна вперила пронизательный взглядъ въ лицо Виктора, но юноша не измѣнялъ себѣ. Онъ прямо и открыто смотрѣлъ ей въ глаза.

— Нѣтъ. Къ чему это тебѣ пришлось спросить?

— И не оскорбилъ васъ ни разу своимъ неповиновеніемъ?

— Кажется. Да къ чему-же....

— И, значитъ, въ мнѣнїи вашемъ о сю-пору остаюсь любящимъ и послушнымъ сыномъ?

— Ну да. На чтò это тебѣ?

— А вотъ на чтò. Мпѣ пришла охота, теперь, не мешкая, угодить вамъ выполненіемъ одного изъ вашихъ желаній. Хотите?

— Хочу-ли! Не знаю какъ это тебѣ....

— Безъ обиняковъ, говорите; а то, пожалуй, охота пройдетъ!

— Право-же, не знаю, на что бы тутъ и....

— Я хочу жениться на старшей дочери Курченка. Вамъ это не противно?

Палагея Павловна остолбенѣла при этомъ неожиданномъ извѣстїи.

— Какъ хочешь. Твоя добрая воля. И мой-бы советъ благой: чѣмъ сокрушаться по пустому....

— Безъ советовъ, просто: была-бы охота! А тамъ ужь, надѣюсь, ваше благословеніе не задолжится. Такъ?

— Отчего-жъ; на доброе дѣло всегда можно....

— Только этого не могу сдѣлать по одному случаю.

— Какіе-жъ тутъ могутъ быть для тебя случаи?

— Самый ничтожный; и зависить отъ васъ!

— Что-жь, если я буду въ силахъ, отчего-жь....

— Тутъ требуется не многое, Въ награду за мою покорность одно откровенное слово: да или нѣтъ. Согласны?

— Говори, спрашивай.

— Вопросъ, повѣрьте, самый пустой, ничтожный.

— Ну что-жь!

— И вы мнѣ отвѣтите такъ, какъ укажетъ вамъ чистая совѣсть?

— Какъ-же иначе. Говори-же....

— Какъ если-бы за правду вамъ сулили жизнь, а за ложный отвѣтъ....

— Да что это за оговорка? Что тебѣ хочется знать отъ меня?

— А вотъ что. Мнѣ для перваго приступа къ этому дѣлу нужно знать навѣрное: прежде, чѣмъ дали вы благословеніе на бракъ мой съ Одаркою, имѣли-ль вы намѣреніе женить меня на этой Гапусь?

— Ну тутъ.... я не знаю, однакожь, съ какою цѣлью ты меня объ этомъ спрашиваешь?

— Цѣль вамъ извѣстна. По совѣсти, скажите-ка не думая. Что тутъ!

Викторъ не далъ ей никуда спрятать глазъ.

— Конечно, я часто думала объ этомъ.

— И желали?

— Не безъ того. Однако-жь, когда увидѣла, что вы съ отцомъ занялись другою, такъ и рѣшилась подождать.

— А! какое терпѣніе! — шептала про себя Викторъ; онъ въ сильномъ волненіи прошелъ разъ по комнатѣ. — И вы, о сю-пору, рѣшились терзать себя, глядя на мои сношенія съ Шпаками и у васъ не нашлось даже и столько смѣлости, чтобъ раньше сказать намъ открыто о своемъ благомъ желаніи?

— Что съ тобой! Что ты? Господи! Что это на тебя такое.... Ты на меня такъ смотришь? — проговорила Палагея Павловна, робко вглядываясь въ лицо Викторъ....

Онъ грустно качалъ головой и не спускалъ съ нее глазъ.

— За что-жъ вы такой страшный упрекъ взяли на свою совесть?

— Какъ? Что?

— А вотъ что. Читайте! — Викторъ подалъ ей письмо полученное имъ отъ Григорія Карповича. — Я просилъ Григорія Карповича узнать настоящую причину ссоры, и вышло, что она сдѣлалась не отъ одной ходьбы на четверенькахъ, а подготовила ее эта выдра, Курченчиха, которая довела васъ до того, что еще до ссоры съ Шпакомъ, три дня сряду, вы чуть не кусали добрую его жену! Такъ? Потрудитесь взглянуть.

Лицо Палагеи Павловны зардѣлось; скомкавъ письмо, она сердито швырнула его къ ногамъ Семена Ивановича и обратилась къ Виктору, который, скрестивъ руки на груди, смѣло и рѣшительно смотрѣлъ ей въ глаза.

— Что-жъ это ты вздумалъ принять на себя смѣлость относиться ко мнѣ съ такимъ своевольнымъ видомъ?

— Извините. Я полагалъ, что это невинное извѣстie вамъ очень понравится: оно какъ разъ подь-стать къ женитьбѣ вашего сына... на этой пестрой кукушкѣ.

— О, да ты ужъ слишкомъ много началъ позволять себѣ! Родную мать готовь.... Да что съ тобой? Что ты такъ смотришь.... Семень Ивановичъ! Господи! что съ нимъ? — Палагея Павловна невольно отшатнулась къ спинкѣ своего стула.

Юноша, сквозь слезы, блуждающими глазами смотрѣлъ на мать.

Страннымъ голосомъ продолжалъ онъ:

— И для одной изъ своихъ прихотей вы посягнули на счастье роднаго сына, и, можетъ быть (странно вамъ сказать, матушка) сами того не зная. Смертный грѣхъ! Не снести ей бѣдняжкѣ.... Я знаю это.... Мы заръзали ее — этого ангела, который вносилъ собою въ нашу семью такое полное счастье....

Когда Викторъ кончилъ, никто не возражалъ ему. Позадумчивому лицу Семена Ивановича текли слезы. Палагея.

Павловна едва приподнялась съ мѣста и, отдернувъ пологъ, молча упала на кровать.

— Батюшка — началъ снова Викторъ, обратясь къ отцу — вы видите, что мнѣ долѣе оставаться тутъ нельзя; а, потому, я-бы желалъ выбраться отсюда такъ, чтобъ не унести тяжелой совѣсти.

— Что-жъ ты хочешь, дѣлать съ собою, сынку? — спросилъ уныло Семень Ивановичъ.

— Дѣлать? Я хочу, въ началъ, сдѣлать угодное вамъ. Хочу исполнить ваше и мое желаніе. Чувствую, что любовь къ ней подрезала мои крылья, а, потому, думаю какимъ-нибудь способомъ попытаться стараго Шпака. Самъ не рѣшусь на это, потому что я тутъ человекъ невинно-поруганный; однакожъ, еслибъ кто-нибудь взялся...

— Такъ ты, все-таки, не оставляешь намѣренія на счетъ то-есть соединенія, мій голубе?

— Да. Если удастся, я знаю что мы съ вами найдемъ тихое, истинное и постоянное счастье; а откажетъ, по-крайней-мѣрѣ ускачу отсюда, съ печальной отрадой, что сдѣлался палачемъ по неволѣ.

— Когда-жъ ты думаешь приступить, сынку? а?

— Теперь-же, сейчасъ, не мѣшкай. Только не знаю, къ кому-бы намъ?

— Ну, ужъ на счетъ этого, кому-же ближе, сынку, какъ не мнѣ! — сказалъ Семень Ивановичъ; онъ поднялъ умоляющій взоръ къ образу и, вздохнувъ глубоко, вышелъ вслѣдъ за Викторомъ.

Утро было посвящено приготовленіямъ къ отъезду Семена Ивановича въ городъ. Терешко суетился подлѣ возовни; Приблуда шмыгалъ въ разные концы усадьбы; Палажка бѣгала со связкой ключей и таскала изъ подваловъ и кладовыхъ свинье окорока, копченые палатки и всякіе запасы. Семень Ивановичъ ходилъ по комнатамъ и приказывалъ подать то сухихъ грушъ, то свѣжихъ яблокъ, то нацѣдить въ боченокъ рябиновки на косточкахъ, то безъ косточекъ, «все — на счетъ гостинца, который слѣдовало раздать по принадлежности.»

Наконецъ, гремя и позвякивая , къ крылечку дома подкатились длинныя дроги, съ фартуками и перегородками. На козлахъ сидѣлъ Терешко, въ кучмѣ и синемъ, проточенномъ молью, жупанѣ; въ корню была запряжена любимая Семена Ивановича буланая, страшнаго роста, неимоверной худобы и безчисленнаго количества лѣтъ, за то очень покойной въдылошадъ; на подмогу къ ней пристягнули вороненькаго малыша, толстенькаго кругляка, который, пошаливая съ степеннымъ товарищемъ, могъ укусить его не выше, какъ за переднюю лопатку и, еслибъ не былъ взнузданъ и привязанъ на короткомъ поводу, навѣрное очутилсябы у него подъ брюхомъ. Вынесли все, уложили и оставили на дроги. Приблуда помѣстился на второмъ планѣ экипажа, въ полушубкѣ и въ панскомъ картузѣ, который спалзывалъ ему на носъ и, козырькомъ, имѣвшимъ видъ навѣса, скрывалъ отъ него всю вселенную, исключая окружавшихъ его кульковъ и боченковъ, которые онъ обязанъ былъ придерживать обѣими руками.

Помолясь, Семень Ивановичъ началъ одѣваться, сначала въ теплый казакинъ, потомъ, въ теплую шубейку изъ заячьяго мѣха, потомъ въ теплую шубку изъ мерлушекъ, потомъ въ тулупъ изъ рѣшетиловки и, надѣвъ на голову, сначала стеганную шапочку, а на нее овчинный капелюхъ съ длинными ушами, вышелъ на крылечко, держа головную подушку у себя подъ мышкой.

— Ты, мій голубе, на счетъ спокойствія, держись лучше лугами, — сказалъ онъ своему возницѣ. Усѣвшись и заложа подушку за спину, Семень Ивановичъ возвелъ умиленно глаза къ небу, перекрестилъ себя, потомъ Виктора, домъ, дроги и сказалъ: — ну, теперь, съ Богомъ! — Терешко стегнулъ буланаго коня, и онъ, поватужась, рванулъ дроги, захрипѣлъ и пошелъ съ мѣста шагомъ. Вороненькая, пошевеливая хвостомъ и задирая голову кверху, вложилась въ построжки и, приплясывая и надрываясь отъ натуги, потащила со двора и дроги и буланаго товарища. Вслѣдъ за тѣмъ подвели Виктору верховаго коня. Проводивъ отца за талалаевскій выгонъ, онъ приостановилъ своего скакуна и долго смотрѣлъ на медленное движеніе поѣзда, пока тотъ скрылся.

Задумчивый видъ юноши ясно выражалъ чувства волновавшія его при взглядѣ на эту знакомую дорогу, по которой когда-то, въ одинъ изъ ясныхъ украинскихъ дней, онъ несся на своемъ рьяномъ иноходцѣ, держа на рукѣ невѣсту-красавицу.... Какъ легко и радостно жилось ему въ ту пору, сколько неизъяснимаго наслажденія заключалъ въ себѣ каждый мигъ этого невозвратнаго прошлаго!.... А теперь.... мелкая крупа бьетъ ему въ глаза, земля глухо гудитъ подъ копытами лошади, кругомъ такая смурая, грустная пустыня; впереди его эта загадка-будущее!.... Натянувъ поводья, онъ на всѣ ноги поднялъ злаго черноморца и, не давъ ему перевести духа, черезъ часъ очутился передъ крыльчкомъ дома, гдѣ доживалъ вѣкъ свой Григорій Карповичъ: старшій служака радостно встрѣтилъ своего любимца, похваливая его удалую ѣзду.

VIII.

Свѣрый ненастный день смѣнился морознымъ вечеромъ. Небо прояснилось и блѣдное солнце разсыпало холодныя лучи по грязи, которая все густѣла и покрывалась коркой отъ рѣзкаго сѣвернаго вѣтра. Дѣло шло къ долгой осенней ночи.

По узкой, протоптанной до-суха, тропинкѣ, вдоль одной изъ широкихъ улицъ города, степенно шагаль мужчина высокаго роста, закутанный въ волчью шубу, простеганную сверху, вмѣсто покрышки, рѣдкѣй серпанкой, отъ которой мѣстами висѣли лохмотья. На головѣ его, толкавшейся затылкомъ о поднятый воротникъ, торчала круглая шапочка изъ сѣрыхъ барашковъ, съ краснымъ, вышитымъ снурками доньшкомъ. Рѣдкѣй человекъ проходилъ мимо, чтобъ не раскланяться съ пѣшеходомъ; жидаы издалека еще скидали шапки, а богоявленскій дьяконъ, поравнявщисъ съ нимъ, закричалъ черезъ улицу:

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ! Въ какую весъ и страну изволили направить стопы своя?

Иванъ Ивановичъ молча указалъ на улицу, въ которой жилъ Павелъ Павловичъ.

— Что-жь; обрлы его въ дому своемъ , или-же въ отлучкѣ находящагося застать изволили?

— Ушелъ , говорятъ . И , разумется , на сей разъ считаю его присутствіе у Гаврила Прохоровича — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ и , поднеся руку къ шапкѣ , не счелъ за-нужное распространяться далѣе.

Онъ думалъ . О чемъ думалъ Иванъ Ивановичъ? Нельзя чловѣку не думать про себя о чемъ-нибудь : и посмотрите , какое лицо у Ивана Ивановича! Да и то еще : если Иванъ Ивановичъ начнетъ думать о чемъ-нибудь , такъ у него мысли плывутъ словно по маслу : это вѣдь не то что говорить! тамъ нужно поясненіе на всякій случай , потому-что , разумется , не всякій можетъ понимать : а тутъ , просто , взялъ себя да и думай!

«Настоящая сковорода!» подумалъ Иванъ Ивановичъ , глядя на мѣсяцъ , который глядѣлъ на него изъ-за каланчи.

Это значило , что мысли Ивана Ивановича на сей разъ не прилипали къ небесному , а падали , словно вечерняя роса , прямо на землю.

«Хмъ!» подумалъ снова Ивановичъ , продолжая медленно свой путь . «Морозъ порядочный , а снѣга нѣтъ! Да и къ чему? Взять въ саняхъ.... куда? Бывало въ Талалаевку.... прошлый годъ выпалъ двадцать-третьяго . На другой день были на именинахъ , долго находились въ разсужденіи , все на счетъ Коперника : гдѣ имъ знать! Рѣка стала шестнадцатаго.... А этотъ , хмъ! Умный чловѣкъ! Родили двойни , шутка-ли! Остался одинъ , этотъ повѣса , сынокъ.... ходитъ въ гимназію.... Къ чему повыдумывали эти гимназіи? Умные люди перевелись.... Слѣдующій годъ высокосъ . И къ чему вздумалъ продать корову? дѣти остались безъ молока! Между Жидами есть порядочные люди . Какъ перемѣнился свѣтъ! вотъ , подошли длинные вечера , а не съ кѣмъ перемолвить умнаго словечка.... разумется , не всякій можетъ понимать.... Хмъ! ушелъ! Бывало-таки придетъ; однакожь , съ тѣхъ поръ ни ногой : все къ этому Гаврилу Прохоровичу; вѣрно тамъ; нарочно зайду , какъ-будто-бы этакъ на перелазъ; близко-же.... хоть бы одинъ вечерокъ! Голова , чтѣ и говорить , этотъ

Созонть проклятый; только, ужъ-ну!.... Когда-нибудь нарочно събъзжу: чтò тамъ? Дома хирьютъ; скука!

Иванъ Ивановичъ остановился на томъ мѣстѣ, откуда нужно было или идти домой, или повернуть на право, къ дому Гаврила Прохоровича. Послѣ легкаго раздумья, онъ принялъ послѣднее направленіе.

«Ну что-жъ, скажу, что желалъ съ нимъ видѣться: вотъ и все!.... Этотъ Гаврило Прохоровичъ — прегордая скотина! шутка-ли, съ тѣхъ поръ.... а еще родня! Хоть-бы на счетъ племянницы, съ должнымъ пожеланіемъ касательно примиренія и прочаго, этакъ слово-другое; оно бы и можно конечно: будто-бы по необходимости склоненія себя по поводу родственнаго настоянія и прочаго; а то молчить! Самъ же высваталъ, а теперь.... хоть бы Семену Ивановичу: молъ, какой-же онъ дуракъ! этакая, презлобная; сразу, такъ вотъ при всѣхъ-ну! Чтò тутъ; не я же одинъ виноватъ. Полѣзли: проклятая эта крапива; точно какъ на зло.... Ну что-жъ; ну и разсердился! Оно-бы, конечно, ничего; да нельзя и не разсердиться: этакая нечистота; притомъ же и запахъ; а тутъ еще смѣяться вздумалъ! Дуракъ! Ахъ ты змѣя.... нѣтъ, молъ, Семень Ивановичъ, никакъ не могу.... дураки то есть не тово: знай-же она! Ну а тамъ, послѣ предварительнаго объясненія, этакъ каждому своего неудовольствія за оказанное неуваженіе и прочее: — что, конечно, дескать, на просьбу вашу я бы и готовъ, только на сей разъ считаю обязанностию предъ-лвить мое.... те-те-те.... у! какъ важно! (Иванъ Ивановичъ потеръ отъ удовольствія руки) Только, сразу, безъ надлежащаго вперенія должнаго уваженія никакъ не слѣдуетъ. Нѣтъ! Не поддаваться! Пусть сама обратится: не иначе! Ду-ра-къ!! Ахъ, ты, чортова перечница! этакъ, пожалуй и всѣ чего добраго?»....

Иванъ Ивановичъ сильно хлопнулъ калиткой. Цѣпная собака вскочила на заднія лапы и захрипѣла, повиснувъ на толстомъ ошейникѣ. Въ углубленіи двора, двѣ лошади жевали кормъ. Полная луна катилась по темному небу, усыяному съ одной стороны звездами; въ окнахъ мелькали огоньки.

«Вѣрно тутъ,» подумалъ Иванъ Ивановичъ, и, взойдя на крыльцо, пустился ошущью отыскивать дверь.

Однако-жъ погодите, господинъ Шпакъ! ваша рѣчь впереди. А пока вы тутъ шарите въ потьмахъ, мы займемся другимъ, очень-скупнымъ, но очень-нужнымъ для насъ предметомъ.

Изъ воротъ на право ходъ въ ту половину дома, которую занималъ Гаврило Прохоровичъ. Передняя — просторная, длинная и совершенно-пустая комната, съ однимъ окномъ на дворъ. Въ ней три двери: первая отворяется въ сѣни, вторая, на право, ведетъ въ небольшую комнату съ лежанкой и однимъ окномъ на улицу. Изъ этой комнаты, на лѣво, между шкапомъ и лежанкой, ходъ въ соседній покой съ двумя окнами на улицу. Тутъ нѣсколько стульевъ, столъ, диванчикъ, односпальная кровать и множество образовъ въ кіотѣ, доказываютъ, что комната правитъ безсмѣнную должность и кабинета, и гостиной, и спальней.

Прямо, противу входа изъ сѣней въ переднюю, третья дверь, ведущая въ просторную-же комнату въ родѣ той, какую занимаетъ Гаврило Прохоровичъ, только съ окнами на дворъ. Внутри дверь, соединяющая эту комнату съ спальней хозяина, заколочена на-глухо. Тутъ прежде жилъ Викторъ, а со времени его отъѣзда комната пуста.

Во всѣхъ комнатахъ, исключая бывшей викторовой, горятъ огни. Снаружи, скръпя и хлопая, запираются ставни. Въ передней, на окнѣ, стоитъ сальный огарокъ, воткнутый въ подсвѣчникъ выдолбленный изъ рѣпы, и освѣщаетъ ослонъ и кадушку; въ столовой, на лежанкѣ свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ освѣщаетъ столъ и шкапъ; въ спальней горятъ двѣ свѣчи на столѣ, и, кромѣ графиновъ съ водкой и чашекъ съ пушчемъ, освѣщаютъ три сильно-озабоченныя человѣческія лица.

Гаврило Прохоровичъ ходитъ по комнатамъ въ раздумьи; на него, не сводя глазъ, смотритъ Семень Ивановичъ, сидя на концѣ кровати, подлѣ стѣнныхъ часовъ. Павелъ Павловичъ разсуждаетъ, глядя въ пустую чашку, въ которой испаряются послѣднія капли пушша съ мурашковой.

— Нѣтъ, такъ не слѣдуетъ; моего вамъ нѣтъ совѣта— говоритъ Гаврило Прохоровичъ, обратясь къ Семену Ивановичу. — Такъ вы, пожалуй, сразу дадите ему такой форсъ, что послѣ ни за что не сообразишь. Знай-сидите: какъ-будто вы съ нимъ незнакомы. Пусть самъ сначала, а тамъ мы увидимъ, какъ повести дѣло. Въ случаѣ самъ даже заговорить, то вы все таки смотрите на пасъ; я тогда вамъ подмигну. И вы, Павелъ Павловичъ, съ нимъ не очень-то.... Что-жъ вы не налиivate?

— Много доволенъ. Да и я не очень-то: пусть-же знаетъ: оттого и не хожу къ нему.

— Ну, а въ случаѣ, этакъ, не придетъ, такъ вы потрудитесь, мій голубе, отправиться со мною, знаете на счетъ должнаго поддержанія?

— Зачѣмъ? Придетъ самъ.... Ну что? — Последнія слова относились къ старухѣ, которая, затворивъ ставни, вошла въ комнату.

— Нѣтъ, не приходилъ еще.

— А сказала ты чтобъ тамъ не проболтались на счетъ прибытія сюда Семена Ивановича?

— Какъ-же. Да ужъ онъ знаютъ Гапка такъ и сторожить у калитки.

— Такъ, если-какъ вы говорите на счетъ его расположенія, не лучше-ли намъ, мій голубе, посредствомъ ласковаго обращенія?

— Тсъ! стойте! — прервалъ Гаврило Прохоровичъ, вслушиваясь. — Кажется онъ....

Въ это время послышался ударъ хлопнувшей калитки и вслѣдъ за нимъ раздались шаги по крылечку; Гаврило Прохоровичъ вышелъ. Слышно было, какъ Иванъ Ивановичъ, крехтя, разоблачался.... Павелъ Павловичъ подувалъ на блудечко и прихлебывалъ....

— Я, то-есть, теперь на счетъ Павла Павловича. Онъ у васъ? — заговорилъ голосъ Ивана Ивановича въ передней.— Какъ вы въ своемъ здоровьи?

— Слава Богу. Пожалуйте.

Они вошли.

Вмѣсто указаннаго хозяиномъ стула Иванъ Ивановичъ чуть не присѣлъ на порогъ; ноги у него подкосились. Онъ забылъ о присутствіи Павла Павловича и, кивая головой стѣнямъ и графинамъ, машинально опустился на два стула, потомъ началъ отдуваться и тереть платкомъ лобъ и виски.

— Вотъ вамъ Павелъ Павловичъ — сказалъ Гаврило Прохоровичъ, ставя передъ нимъ налитую чашку. — На что онъ вамъ понадобился?

— Нѣтъ, я не то чтобы, а такъ, пришло на мысли. Притомъ-же и у васъ тамъ былъ....

— Нѣтъ я не очень-то.... Я теперь тутъ! — Павелъ Павловичъ хлебнулъ и посмотрѣлъ на хозяина.

Семень Ивановичъ сновалъ глазами по комнатѣ. Вертясь на краю пуховика, онъ чаще всего взглядывалъ на Гаврила Прохоровича. По всѣмъ жиламъ пана Щербина кровь стучала съ неимоверной силой; пальцы на ногахъ нѣмѣли, въ пяткахъ сдѣлалось колотье. Всего несноснѣе казались ему на этотъ разъ собственные два глаза; онъ рѣшительно не зналъ куда ихъ приютить: все зеленѣе да стаканчики вертѣлись передъ ними. Ужасно тяжело было для Семена Ивановича это всеобщее упорное молчаніе: всѣ только отдувались да прихлебывали! А этотъ досадный Гаврило Прохоровичъ, точно Турокъ! нѣтъ чтобы сразу взять, да и закурить! еще бумажку оторвалъ, да снялъ со свѣчи.... Семень Ивановичъ поспѣшно опустилъ руку въ боковой карманъ и вынулъ оттуда рожокъ. «Ну, хоть этимъ спасусь», думалъ онъ, располагаясь нюхать.

Оставимъ ихъ на минуту въ этомъ затруднительномъ положеніи и взглянемъ въ переднюю.

Щелкнула скоба, дверь открылась, вошла старая наймочка и, прокравшись къ лежанкѣ, таинственно заглянула въ сосѣдній покой; потомъ она отвернулась къ передней двери и подала знакъ рукой: послышались легкіе шаги въ сѣняхъ; одна половина скрипнула; полуотворенная дверь поѣхала на петляхъ; на порогъ упалъ овчинный полушубокъ и Гапка тихо вошла въ комнату, держа за руку Одарку. Остановясь на мгновенье и переглянувшись со старухой, вошедшія, на

цыпочкахъ и тихо отслоня одну половину двери, исчезли въ темной комнатѣ.

Выплеснувъ остатки недопитаго пунша на блюдечко и опрокинувъ чашку, Иванъ Ивановичъ съ легкимъ поклономъ поставилъ ее на столъ, потомъ медленно началъ подниматься, стараясь выразить тѣлодвиженіемъ намѣреніе удалиться.

Видя эти приготовленія, Семень Ивановичъ завертѣлся на пуховикѣ.

— Что-жъ вы, другую? — спросилъ Гаврило Прохоровичъ, сухо.

— Нѣтъ. Довольно. Теперь пора учинить и отправленіе. Я, то-есть, насчетъ сокращенія пути, и по случаю огня завернулъ къ вамъ для того, чтобъ отсюда прямо на перелазъ.

— Ну, какъ хотите!

Гаврило Прохоровичъ пристально глядѣлъ на Семена Ивановича. Иванъ Ивановичъ завертѣлъ головой, ища свою шапку и глаза его поплыли по лицу Семена Ивановича.

Доброхотно и ласково взглянулъ панъ Щербина на бѣднаго, оставленнаго всѣми, Ивана Ивановича, потомъ обратился къ Гаврилу Прохоровичу съ выраженіемъ, которое значило: «помилюйте и пощадите; клянусь, ми въ чемъ не виненъ!»

Иванъ Ивановичъ внутренню проклиналъ шурина за его грубую невнимательность. Это чувство, какъ нельзя явственнѣе, выразилъ онъ легкимъ поклономъ Павлу Павловичу и ласковымъ почтительнымъ поклоненіемъ головы передъ Семеномъ Ивановичемъ.

— Прощайте! — сказалъ онъ наконецъ, направляясь къ двери.

— Прощайте! — отвѣчалъ Гаврило Прохоровичъ на лету, оборачиваясь къ Семену Ивановичу, чтобъ остановить его порывъ; но было уже поздно!

— Позвольте съ вами поздравствоваться! — заговорилъ торопливо Семень Ивановичъ, когда тотъ переступилъ уже порогъ.

Не смотря ни на какіе знаки и жесты Гаврила Прохоровича, панъ Щербина не выдержалъ. Онъ пошелъ къ Ивану Ивановичу съ разверзтыми объятіями. Шпакъ отъ радости рас-

терялся совершенно: гордость и умиленіе столкнулись и перемутили все въ его головѣ. Семень Ивановичъ, въ это время, походилъ на пущенный шлюзъ. Нарушивъ однажды предначертанія своего опытнаго помощника, онъ отдался весь своему порыву.

— Забудьте, мій голубе, — повторялъ онъ сквозь слезы, сжимая Ивана Ивановича въ своихъ объятіяхъ, — и прекратите ваше несогласіе. Самъ Богъ повелѣваетъ намъ, Иванъ Ивановичъ; и вы, вслѣдствіе примѣрнаго великодушія своего, поступите какъ законъ Христовъ указываетъ: творите добро ненавидящимъ; простите насъ!

— На счетъ васъ, повѣрьте, почтеннѣйшій Семень Ивановичъ, я никакого злонамѣренія не умышляю и остаюсь на весь день живота съ должною расположенностью, то есть какъ видите....

— Позвольте, мій голубе; вы ужъ не говорите. И на сей разъ униженнѣйше васъ прошу, запечатлѣйте въ вашемъ благоразуміи то, что я теперь единственно къ вамъ....

При словъ «благоразуміе,» лицо Ивана Ивановича просіяло; онъ началъ поглядывать на всѣхъ свысока. Встрѣтивъ этотъ знакомый взглядъ, Гаврило Прохоровичъ покраснѣлъ отъ досады.

— Ну что-жь. Буде встрѣтилось съ вами что-нибудь до меня касающееся, такъ вы-бы могли прямо ко мнѣ, безъ всякой вспомогательности со стороны руководительныхъ лицъ.

Иванъ Ивановичъ завернулъ шапкой, показывая тѣмъ намѣреніе продолжать путь.

— Нѣтъ, позвольте, Иванъ Ивановичъ, и повѣрьте, мій голубе, что я на сей разъ къ вамъ, право-же къ вамъ, съ должнымъ упованіемъ на милость Божию и на ваше дружеское соизволеніе.... Забудьте, Иванъ Ивановичъ!

Семень Ивановичъ вперилъ умоляющій взглядъ въ лицо Ивана Ивановича; всѣ молчали.

Пользуясь этой удобной минутой, мы посмотримъ опять на другую картину.

Съ первымъ словомъ Семена Ивановича, старая служанка переступила порогъ викторовой комнаты, съ сальнымъ огар-

комъ въ руку. Пустая кровать у внутренней стѣны и нѣсколько стульевъ стояли въ пыли и безпорядкѣ, посреди сулій, боченковъ, корчагъ и банокъ. Между кроватью и угломъ печи, обратясь лицомъ къ заколоченной двери, смотрѣла въ щель Одарка. Чуть дотронувшись рукой до мѣднаго замка, другою она сжимала кисть руки своей няньки; двѣ ровныя морщинки набѣжали между сдвинутыхъ тонкихъ бровей дѣвушки; въ глазахъ отсвѣчивалось чувство тревожнаго ожиданія; блѣдныя губы были полуоткрыты, а перебѣгавшая по шеѣ тѣнь отъ воротника доказывала, что дыханье ея, сильно сдерживаемое, было не ровно и скоро. Прослушавъ рѣчь Семена Ивановича до известной намъ точки, она болезненно подняла свободную руку къ вошедшей старухѣ, и лицо ея выразило мольбу. Служанка тотчасъ прекратила начатый шопотомъ разговоръ съ Гапкой, и удалилась. Въ комнату снова стало темно; въ другой, послышался гомосъ Ивана Ивановича:

— И такъ, объясните мнѣ, Семенъ Ивановичъ, на счетъ какой услуги я долженъ буду расположить себя для вашего удовольствія; разумется, для васъ относительно, я на все готовъ. Повѣрьте....

— Нѣтъ ужъ вы, мій голубе, на счетъ общаго семейнаго блага потщитесь доказать на сей разъ ваше доброе расположение; и если Богъ сподобитъ получить окончательное соглашеніе ваше, такъ мы и можемъ все остальное определить на ваше благоразумное распоряженіе. Повѣрьте, мій голубе, что желанію вашему не окажется никакого прекословія: что тамъ по вашему благому усмотрѣнію ни произойдетъ, такъ ужъ мы и удовольствуемся. Признаюсь, я и теперь терзаюсь ежеминутно при одномъ воспоминаніи о выраженномъ мною желаніи на счетъ дочки. Такъ, мій голубе, будьте надежны, что и сыномъ на первый разъ сочту себя вполне довольствованнымъ!

— Оно, конечно, на счетъ всякаго предположенія впредъ, вы безошибочно можете расположиться на меня....

— Такъ, мій голубе.

— Потому-что я знаю даже навѣрное то, чего можетъ быть другіе и не полагають у себя...

— Дѣйствительно....

— Только скажу вамъ, почтеннѣйшій Семень Ивановичъ, что нахожу себя вполне обиженнымъ экскламаціею Палагеи Павловны, и считаю не заслуженнымъ такое отнесеніе обиды ко мнѣ, а потому и признаю за должную обязанность объявить, что согласительность моя на сей предметъ можетъ произойти только вслѣдствіе совмѣстнаго обращенія вашего съ Палагеей Павловной и личнаго соглашенія съ нею и съ вами. Притомъ-же, я все-таки имѣю намѣреніе выразить предъ нею, со всею амбиціонною способностію, мое крайнее неудовольствіе!

— Охъ, Ивавъ Ивановичъ! Забудьте, прошу васъ. И не обращайтесь своего благоразумнаго вниманія на ея продерзостную относительность къ вамъ, мій голубе! Женщина — ужь знаете?... Она у меня такая: когда, этакъ, начнетъ бранить меня, я и усну. Притомъ-же, и вы, мій голубе, предъ нею явную супротивность оказать изволили.... Такъ, Ивавъ Ивановичъ! Будьте охотны къ воспріятію дружескаго расположенія къ моему семейству; склоните ваше родительское сердце къ вашему собственному рожденію: выразите согласіе, Ивавъ Ивановичъ!

Панъ Щербина раскрылъ объятія, но Ивавъ Ивановичъ на этотъ разъ ловко увернулся.

— Нѣтъ, нельзя. Никакъ немогу. Прощайте!

Ивавъ Ивановичъ гордо и насмѣшливо взглянулъ на Гаврила Прохоровича и продолжалъ, обращаясь къ идущему за нимъ Семену Ивавовичу:

— Развѣ только насчетъ совокупнаго предстательства вашего, совмѣстно съ Палагеей Павловною. Впрочемъ, я вамъ скажу, Семень Ивановичъ прибавилъ онъ, надѣвая шубу — она у меня уже просватана, и въ случаѣ опоздаете.... Прощайте!

Все это сдѣлалось такъ скоро, что Семень Ивановичъ не опомнился и прождалъ нѣсколько мучительныхъ минутъ, не сходя съ мѣста; Гаврило Прохоровичъ съ Павломъ Павловичемъ стояли уже подлѣ него.

— Все испорчено! и теперь трудно.... Ай! что это....
Гаврило Прохоровичъ не кончилъ.

Въ домъ послышался цѣлвственный стонъ и потомъ вопль; звукъ этотъ казался вырваннымъ изъ молодой женской груди и вскорѣ за нимъ что-то тяжелое рухнуло на полъ. Железная заслонка отлетѣла на петляхъ, и, треснувшись о печку, глухо задрожала.

Мужчины вздрогнули и молча переглядывались.

Къ довершенію общаго изумленія, обѣ половинки двери изъ темной комнаты съ трескомъ распахнулись, и оттуда выскочила Гапка, блѣдная и растерянная, и, схвативъ на скоро свѣчу, кликнула за собой старуху. Мужчины пошли вслѣдъ за ними.

На полу лежала Одарка. Кисти ея рукъ судорожно сжались въ пальцахъ; на одной рѣсницѣ, дрожа, висѣла остановившаяся слеза; по правой щекѣ сочилась струйка алой крови: падала, дѣвушка разсыпала себѣ бровь о железную заслонку.

Увидѣвъ все это, всѣ пришли въ совершенное замѣшательство. Гапка, съ огаркомъ въ рукѣ, торопливо осматривала свою любимицу; старуха шептала молитву и крестилась; Семенъ Ивановичъ глухо рыдалъ; Павелъ Павловичъ, глядя на всѣхъ, безумно повторялъ затверженное на-канунъ: «нѣтъ, я не очень-то.... нѣтъ, я теперь тутъ!» — Варварь, душегубъ! — бормоталъ Гаврило Прохоровичъ, бѣгая изъ угла въ уголъ и ломая въ досадѣ свои пальцы. Наконецъ всѣ вскрикнули разомъ: воды! уксусу! — и Гапка вскорѣ явилась съ ковшемъ въ рукѣ. Ставъ на колѣни, старуха вспрыснула лицо больной: дѣвушка открыла глаза, осмотрѣлась кругомъ и попросила пить. Опершись на локоть, она проглотила нѣсколько капель воды; Семенъ Ивановичъ съ Гапкою бережно подняли ее и посадили на кровать. Заботливая нянька размывала и перевязала ея рану, которая къ счастью была не опасна.

— Какъ вы себя чувствуете, милое дитя мое? — спрашивалъ уже третій разъ Семенъ Ивановичъ.

— Я совсѣмъ здорова, — отвѣчала Одарка, собираясь идти домой. — Передайте Виктору Семеновичу мое послѣднее желанье, чтобъ онъ не стѣснялъ себя насчетъ своихъ прежнихъ намѣреній.

— Какъ-же мы-то съ вами, серденько мое?...

— Нѣтъ, Семень Ивановичъ, не усиливаетесь: оставьте все на волю Божию; видите, что кромѣ несогласія батюшки, Палагея Павловна не любитъ меня. Въмѣсто спокойствія, я, можетъ-статься, буду причиной раздора и несогласія въ вашей семьѣ.

Она съ чувствомъ приложила губы къ рукѣ старика. Семень Ивановичъ не препятствовалъ: онъ неутѣшно плакалъ. Простившись съ дядей и Павломъ Павловичемъ, дѣвушка довольно-твердой поступью вышла изъ комнаты.

На другое утро буланая опять захрипѣла, таща длинныя дроги по городскимъ улицамъ и пробираясь трусцой къ заставѣ. Терешко махалъ кнутомъ и подергивалъ возжами. Прибуда, избавленный на этотъ разъ отъ докучной опеки надъ поклажей, свернувъ козырекъ на лѣвое ухо, весело посматривалъ на ученыхъ голубей, которыхъ заставляли вертѣться въ воздухѣ мальчишки, свища и махая длинными шестами; страстно заглядывался онъ на завидное упражненіе, и, въ пылу восторга, посвистывалъ самъ и махалъ рукой при каждомъ удачномъ поворотѣ забористаго турмана. Подлѣ него, согнувшись и опустя голову, сидѣлъ Семень Ивановичъ. Старикъ не видѣлъ ни голубей, ни домовъ, ни людей; передъ его глазами, словно макбетова вѣдьма, плясала его съдая, немощная, одинокая, безотрадная будущность.

IX.

Рано заискрилось осеннее солнышко на краю темнаго неба, и, лъниво поднимаясь, сыпало холодныя лучи свои по мерзлымъ грудамъ взмѣшеннаго чернозема. Безцвѣтно какъ-то скользили эти блѣдныя лучи по крышамъ домовъ, опущенныхъ сверху до низу тонкимъ инеемъ. Сухой, морозный день зачинался какъ-бы безъ вѣдома добрыхъ людей, которые, закрывъ на-глухо ставни и закутавшись въ теплыя одѣялы, покоились въ сладкой утренней дремотѣ. Беззвучно все было и тихо на улицахъ города; лишь кое-гдѣ по дворамъ, словно нехотя, покрякивали пѣтухи, да сонныя галки поодиначкѣ снимались съ деревьевъ и спускались на землю.

Въ одномъ изъ покоевъ одного изъ множества городскихъ домовъ, пробившись сквозь узкую щель заоконницы и

преломляясь на полу, зардвлася длинная полоска съ лучистымъ отсвѣтомъ утренней зари, и прокрадчивый день, смѣшавшись съ мерцаніемъ лампы, розлилъ по комнатѣ дрожащій полусвѣтъ, въ которомъ показались: въ одномъ углу подъ пологомъ кровать, въ сосѣдствѣ съ ней шкафъ, на краю котораго стояла глиняная кружка съ питьемъ, да сальный огарокъ въ мѣдномъ подсвѣчникѣ; вдоль стѣны стулья съ высокими спинками, а на лежанкѣ — гурьбой положенное бѣлье и женская одежда

Въ комнатѣ было такъ-же тихо, какъ на улицѣ; ни одинъ звукъ не давалъ знать о присутствіи жизни: только мышь усердно грызла въ шкапу черствый сухарь. Но вотъ раздался глухой, удушливый кашель за пологомъ, и мышь притаилась; можно было тотчасъ угадать, что кашляла не сонная, а давно не спящая больная женщина.

Вслѣдъ за тѣмъ, тихо шелохнулся миткалевый пологъ и закинулся за спинку кровати. Посреди пуховика сидѣла женщина и костлявой рукой крестила свою полуобнаженную грудь, исхудавшую до того, что при каждомъ приливѣ учащеннаго дыханія, подъ тонкой кожей, кости двигались какъ клавикордные клавиши. Лицо женщины исчезало въ тѣни подъ нависшимъ пологомъ и широкими концами толстой головной повязки, безобразно вскомканной и сбитой напередъ. Больная пошарила, наклонясь къ подушкамъ, и, вынувъ кофту, надѣла ее, застегнула вверху у самой шеи и начала сидя молиться на образъ, передъ которымъ временами поблескивала бѣловатая искорка огня. Она поминутно кашляла. Между тѣмъ зараждавшійся день отсвѣчивался на предметахъ ярче и ярче и обозначалъ ихъ явственнѣе и выразительнѣе; по мѣрѣ этого и всѣ части тѣла больной, бывшія наружи, становились суше, жестче и желтоватѣе. Наконецъ, въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги, и больная тихо окликнула.

— Проснулись? — спросилъ ее грубоватый и твердый женскій голосъ за дверью.

— Да. Я встала.

— Пора открыть законницу?

— Можно. Только въ свѣтелкѣ не надо. Ее-бы намъ не разбудить. Она, моя голубка, вѣрно почиваетъ.

— Я тутъ, матушка, — сказалъ голосъ нѣжнѣе перваго, и Одарка вошла въ комнату.

— Что-жь ты не спишь, моя ясочко? Пора ранняя; кчему это ты вскочила; все ко мнѣ, мое солнышко красное. Не спитса тебѣ; изсушила я тебя, мою красавицу.

— Нѣтъ, я хорошо спала; ночи такъ велики.... Что съ тобой, родная?

— Ничего, лучше. И кашель унимается.

Вслѣдъ за тѣмъ Анна Прохоровна принялась глухо и душливо кашлять.

Пользуясь полусвѣтомъ, Одарка всматривалась въ лицо больной такимъ взглядомъ, который могъ-бы выказать всю степень насильно-подавленнаго въ ней отчаянiя. Въ это время, Гапка распянула снаружи ставень, яркiй свѣтъ охватилъ всѣ предметы вдругъ и засталъ въ-расплохъ этотъ грустный взглядъ.

— Что это у тебя за повязка? Что съ тобою; моя крошечка? И личико твое такое блѣдное?

— Это ничего. Такъ. Вчера, знаешь, родная на перелазѣ подсклизло, а я хотѣла поскорѣй, не удержалась, да прямо бровью о частоколь....

— Не разсѣкла-ли? не повредила-ли глазокъ? — спросила торопливо мать, намѣреваясь взглянуть на ушибенное мѣсто.

— Нѣтъ.... только маленькая опухоль. Дядюшка далъ примочку.... Дня два похожу такъ; пройдетъ. — отвѣчала дѣвушка, не давая снимать повязку. — А я вчера подкралась сюда: слышу, у тебя тихо, такъ и не вошла.

— Я нарочно погасила огонь, чтобъ онъ не входилъ; а то, какъ закурить свой тютюнице, такъ просто, хоть умирай.

— Такъ ты, мамочко, и въ эту ночь тоже не почивала?

— Почему-жь ты такъ думаешь? Я говорю, что мнѣ легче.

Анна Прохоровна опять закашлялась, невольно застонавъ; нужно было вынуть платокъ: она подала знакъ, чтобъ Одарка поискала его на лежанкѣ, а сама поспѣшно выхватила

окровавленное полотенце и, свернувъ его на-скоро, опять сунула подъ подушку.

— Не надо, моя крошечка; не нищи; вѣрно Гапка вчера убрала, — сказала она ласково. — Что-жь ты не расскажешь, моя зозуленько, что тамъ вчера у нихъ было; на чемъ они поръшшии? Что говорилъ Семень Ивановичъ?

— Ничего такого не было.... Мы только что вошли, батюшка собрался ужь домой: мы и подождали, пока онъ выйдетъ, чтобъ не встрѣтиться....

— Какъ-же это.... Семень Ивановичъ и не понималъ насчетъ того, о чемъ писалъ къ тебѣ Викторъ Семеновичъ?

— Не знаю, что было до насъ; а тутъ все разговаривали о постороннемъ, и, ужь какъ дядюшка начнетъ подшучивать.... мы съ Гапкой стояли за перегородкой и все смѣялись.... такъ темно.... а Мотря эта такая причудливая.... Я не знаю, что дядюшка не перемѣнитъ кухарку: эта куда неповоротлива!

— Стало моя грѣшная молитва не дошла къ Богу — сказала вздохнувъ Анна Прохоровна, и лицо ея стало грустно.

— Чѣмъ тебѣ огорчаться! — возразила Одарка какъ можно хладнокровнѣе. — Можетъ у нихъ и былъ разговоръ, Простились они очень дружелюбно. А что, батюшка спрашивалъ обо мнѣ, когда вернулся?

— Какъ-же. Я сказала, что ты почиваешь, мое дитятко, а Гапка ушла за дрожжами. Не сталъ и ужинать; что-то не веселъ былъ.... — Анна Прохоровна начала снова кашлять.

Больная, чѣмъ болѣе говорила, тѣмъ болѣе кашляла, и послѣ, разумѣется, чувствовала себя гораздо хуже. Любящая мать, она была увѣрена, что ея дитя кручинится только о ней одной, и, потому, не смотря на видимые признаки своего быстрого разрушенія, каждое утро говорила, что чувствуетъ себя легче; дочь, въ свою очередь, скрывала отъ нея свое горе.

Но чѣмъ спокойнѣе отъ этого становилась Анна Прохоровна, чѣмъ бодрѣ казалась Одарка, тѣмъ угрюмѣе поглядывала на послѣднюю толстая нянька и, вглядываясь изъ-подъ-тишка въ ея напряженную веселость, грустно и недовѣрчиво покачивала головой.

Черезъ два дня послѣ отъезда Семена Ивановича въ Таламаевку, въ одну изъ минутъ, когда Одарка, напѣвая что-то, ушла къ себѣ въ комнату, Гапка тихо подкралась къ двери и стала смотрѣть на нее въ щелку. Голосъ дѣвушки былъ прерывистъ, слова какъ-будто нехотя срывались съ языка, а подъ конецъ, веселый напѣвъ запылъ въ груди и вырвался уже оттуда съ сокрушительнымъ стenanіемъ; умолкнувъ, она опустила внизъ сомкнутыя руки и склонила хорошенькую головку; лицо ея разомъ отразило на себѣ столько горя, муки, страданія, что у няньки невольно захлопали рѣсницы. Долго пробывъ Одарка въ мучительномъ раздумьи, наконецъ крупныя и обильныя слезы полились съ ея длинныхъ рѣсницъ, и она упала на колѣни передъ образомъ; но молитвы не было на ея устахъ, одни слезы, какъ жемчугъ, капали, капали, а она стояла безгласная, недвижимая...

Всхлипывая и утирая рукавомъ глаза, Гапка вошла въ комнату.

— Такъ-то ты распѣваешь, моя пташечка?—сказала нянька дрожащимъ голосомъ.

Вмѣсто отвѣта, Одарка молча упала къ ней въ объятія: «трудно мнѣ, Гапчочко, трудно» шептала она, скрывая лицо у нее на груди.

Въ комнатѣ слышалось одно рыданіе.

— Плачь, моя галочко, больше плачь, сокровище мое! авось отлепнетъ отъ твоего серденька; выплачешь, полегчаетъ тебѣ, и головка освѣжится, горемычная ты моя — все это Гапка говорила почти шопотомъ, заикаясь и утирая рукавомъ глаза.

— Пригляди, Гапчочко, за нею; я за-разъ приду,—сказала Одарка и упала на свою кровать.

Черезъ полчаса Одарка пришла къ матери съ такимъ спокойнымъ лицомъ, что самый опытный глазъ не открылъ-бы на немъ слѣдовъ прежняго волненія.

Вечеромъ того-же дня, Гапка сунула въ руку Одарки скомканное письмо. Простясь съ отцомъ и оставя мать на жертву томительной безсонницы, она затворила на-глухо дверь свѣтелки и дрожащею рукой сорвала печать.

«Вчера возвратился батюшка изъ города и передалъ мнѣ все!» — писалъ Викторъ. — «Теперь тебѣ трудно скрыть, нельзя больше увѣрять меня въ томъ, чему я такъ твердо вѣрилъ, на что я такъ сильно надѣялся.... Бѣдная! неужели четыре мѣсяца этой насильственной разлуки не принесли тебѣ и твои того спокойствія, о которомъ ты говорила съ такой увѣренностью и въ которой видѣла и свое и мое спасенье»....

Тутъ Одарка живо завертѣла письмо, переглядывая вскользь всѣ четыре страницы; глаза ея остановились на послѣдней: дѣвушка начала читать съ большимъ противъ прежняго вниманіемъ:

«Проводивши его — такъ начиналась эта страница, — я тотчасъ ускакалъ къ Григорію Карповичу. Какая-то неизъяснимая боязнь кралась въ сердце при мысли объ успѣхъ моего стараго друга, который сталъ ретивѣе съ тѣхъ поръ, какъ прочелъ твое послѣднее письмо, въ которомъ ты такъ настойчиво опредѣляешь мое изгнанье. Предчувствіе не обмануло: Григорій Карповичъ встрѣтилъ меня на порогѣ съ распечатаннымъ письмомъ: это былъ отвѣтъ его роднаго брата, командира кирасирскаго полка.... Я принять, меня ждуть! Возвратясь домой, я выслушалъ отъ батюшки то, чего не надѣялся услышать отъ него.... Ты любишь и любишь такъ, какъ ни я, ни кто изъ людей не достоинъ быть любимъ тобою....»

Большая часть этого мелко и торопливо написаннаго письма осталась нечитанною. Одарка положила его на столъ и въ раздумьи прошла нѣсколько разъ по комнатѣ. Поступь ея была тверда и горделива; глаза оживились внезапно родившеюся мыслию; ни слезинки не проронила она; во всѣхъ движеніяхъ дѣвушки было выраженіе такой рѣшимости, какая встрѣчается только въ немногихъ женщинахъ, способныхъ жертвовать собою необходимости и долгу.

Черезъ полчаса, тихо отворилась дверь и таинственно вошла Гапка. Дѣвушка сидѣла, откинувшись на спинку стула; передъ ней на столѣ лежалъ клочекъ простой бумаги, исписанный довольно - крупными буквами. При появленіи няньки,

Одарка почувствовалась. Первымъ невольнымъ движеніемъ ея было схватить со стола коротенькое письмецо; потомъ она обратила къ пошедшей вопрошающей взглядъ.

— Готово? — спросила нянька шопотомъ.

Прождавъ томительное мгновеніе, дѣвушка, какъ видно было, нехотя и нервнительно отдала ей роковую записку, и, только что вышла Гапка, задула свѣчу, и, не раздвѣваясь, упала на постель.

Х.

Время шло да шло. Одарка видимо начала измѣнять себя: ласковый взглядъ и свѣтлая улыбка, съ какими она, бывало, подходила къ больной матери, часъ-отъ-часу появлялись рѣже и рѣже, и лицо дѣвушки, полное очаровательнаго выраженія, словно застыло, подъ холодной корой безсмѣнно-грустныхъ ощущеній; настала пора, когда сама Анна Прохоровна принялась во всю мочь разгонять видимую тоску дочери, но это плохо удавалось ей. Но никто не казался столько достойнымъ участія и сожалѣнія въ эти минуты общей семейной скорби, какъ остановленный всѣмъ, забытый, Иванъ Ивановичъ. Бѣдный Иванъ Ивановичъ!

Настали давно имъ ожидаемые святочные вечера: вездѣ веселье, шумъ, гульба. Сосѣди навѣщаютъ другъ друга, пируютъ, пляшутъ, разговариваютъ!.... Иванъ Ивановичъ, бывало, не отстаеетъ отъ нихъ въ старыя годы, а теперь онъ какъ-то не въ духъ, сердитъ, печаленъ, скучно ему! Тяжело жить въ такой семьѣ, гдѣ все хирѣетъ, охаетъ, молчитъ; ни на комъ веселой улыбки.... Въ домѣ, съ утра до ночи, такая тишина, ничто не шелохнется; слышно даже ворчанье кота за печкой, слышно, какъ червякъ точитъ бревно въ стѣнѣ, а сверчокъ такъ и тягетъ за душу: середь дня не уймется! досадно, скучно! Особенно, когда Яся убѣжить на улицу играть съ ребятишками въ свѣжки, хоть вонъ бѣги, тоска! Анна Прохоровна лежитъ; видно, какъ она усиливается перемочь себя, заглушить свое страданіе, скрыть недугъ; иногда не утерпитъ, охнетъ, и тотчасъ глаза ея обратятся къ дочери, а въ нихъ сверкнетъ такой чудный пламень!.... Долго подъ-часъ глядитъ она на дочь, а тамъ

начнет пристально смотреть на образа. Гапка (отчего-бы, кажется?) и та не весела! Сначала уберетъ, примоетъ, приретъ кругомъ, и вмѣсто обычной болтовни сядетъ молча въ уголокъ за мычки; а какъ по праздникамъ работать грѣшно, то она растянется на лавкѣ, вздремнетъ, а иногда съ просонокъ, раскроетъ глаза и тайкомъ посмотритъ въ тотъ уголокъ комнаты, гдѣ сидитъ Одарка, склоня печально голову, подлѣ кровати съ миткалевымъ пологомъ. Глядя на свою наймочку, Иванъ Ивановичъ закуритъ свою турчанку, ляжетъ, тоже всхрапнетъ, а тамъ все-таки проснется, да такъ пристально посмотритъ на желѣзную скобу калитки, не посылаетъ-ли Богъ кого, хоть такъ въ родъ Павла Павловича.... Пусто. Только галки перелетаютъ съ крыши на крышу. Шутка-ли! три дня такого праздника прошли какъ одинъ тяжелый часъ. Къ кому ни пытался заходить самъ, не то, чтобы совсѣмъ, а «насчетъ сокращенія пути», мимоходомъ, и тутъ не удача: дома нѣтъ! дома нѣтъ! всѣ разъѣхались, всѣ разошлись. Гаврило Прохоровичъ тоже навѣстилъ сестру, посидѣлъ, поглядѣлъ, махнулъ рукой, да и былъ таковъ! Третьи сутки гостить въ Талалаевкѣ! Шутка-ли: три дня.... тамъ Семенъ Ивановичъ, и Павелъ Павловичъ, и Созонтъ Созонтовичъ, и всѣ, и всѣ....

«Разумѣется — такъ помышлялъ Иванъ Ивановичъ, лежа послѣ ужина на постели — насчетъ этого елѣдовало-таки имѣть надлежащую предположительность ... Кто ей велитъ! такая гордая! Каково? мѣсяць прошелъ! ... хоть-бы посредствомъ письменнаго обращенія: сама, молъ, ѣхать не рѣшается къ вамъ, даже, такъ, по случаю приключившагося нездоровья что-ли, а потому, дескать, просимъ васъ вслѣдствіе благоразумной разсчитанности вашей на сей предметъ изъяснить письменное и окончательное согласіе; и только-бы.... такъ нѣтъ-же! хоть-бы слово; а еще самъ пріѣзжалъ!»

Иванъ Ивановичъ вскочилъ и началъ, сидя, набивать трубку; но досадная, безотвязная мысль такъ-вотъ и не дастъ покоя; «и что-бы сразу» — подумалъ онъ снова — «такъ нѣтъ-же, точно туманъ засѣлъ въ головѣ. Благо самъ пріѣхалъ и первый сдѣлалъ надлежащую относительность со всею унижен-

ностию даже! Хмъ?! А тутъ еще напоследяхъ, словно чортъ дернулъ за языкъ «про-сва-та-на!» Вотъ и жди теперь; досадно, канальство.... этакая упрямая!»

«Хмъ! Вѣрно пронюхали» — продолжалъ онъ думать, глядя въ потолокъ. — «Этотъ Гаврило Прохоровичъ все разскажетъ: обманулъ, дескать, постращатъ вздумалъ! Одумается! Самъ обратится! Хмъ!? Оно такъ и есть.... а то какъ-бы кажется Семену Ивановичу не прѣхать? А тутъ, этотъ дяконъ: отбоя нѣтъ! такъ и стелется.... за брата! Оно хоть точно ученый, да все оно.... послѣ дворянскаго сына за поповича! Хмъ! лучше въ дѣвкахъ! Те-те-те! И въ самомъ дѣль.... Завтра-же хотѣлъ придти.... Что-жь; пушка я подъ васъ, голубчики.... Можно даже такъ.... те-те-те! Какъ-разъ вспелопатся, какъ узнаютъ. Прилетитъ опять, навѣрное! тогда и можно будетъ: только, сразу, все-таки не слѣдуетъ; пусть-бы сама.... ее-бы.... У! вѣдьма лупоглазая! дуракъ! Ахъ ты....»

Передумавъ все это на всѣ манеры, Иванъ Ивановичъ вскорѣ започивалъ пресладко.

Пришелъ четвертый день святокъ; въ домѣ было замѣтно больше движенія, чѣмъ прежде. Гапка по приказу Ивана Ивановича припасала лишнія блюда; самъ онъ казался гораздо развязнѣе, чѣмъ въ прошлые дни; даже Анна Прохорова, какъ-будто въ угожденіе мужу, почувствовала себя въ этотъ день особенно-хорошо. Около полудня, она встала съ постели, повязала голову платкомъ и прошла одинъ разъ по комнатѣ, безъ посторонней помощи, что не случалось давно.

День, самъ по себѣ короткій, прошелъ для всѣхъ незамѣтно. Былъ часъ шестой вечера. Во всѣхъ покояхъ горѣли огни. Анна Прохорова, заложивъ за спину подушку, сидѣла въ спокойныхъ креслахъ; у ногъ ея, на низенькой скамейкѣ, прислонясь спиной къ лежанкѣ, помѣщалась дочь; она какъ-то холодно и безпечно смотрѣла на все, и, казалось, не думала ни о чемъ и не слышала возгласовъ и говора, которые доносились къ нимъ изъ пекарни. Тамъ, за столомъ, уставленнымъ тарелками и бутылками, Иванъ Ивановичъ находился въ пріятной бесѣдѣ съ приходскимъ дякономъ и

его братомъ , просвѣтителемъ узднаго юношества. На другомъ концѣ стола сидѣлъ Яся, опершись на него локтями, и безсмысленно глядѣлъ на пирующихъ; передъ нимъ лежалъ волчокъ и кусокъ прянника.

Круглая черная головка, и впалье, пронизательные глазки дьякона составляли резкую противоположность съ холоднымъ до крайности, выразительнымъ и важнымъ лицомъ брата, учителя.

Дьяконъ обратился къ Ивану Ивановичу:

— Ну что-жь, Иванъ Ивановичъ, репетицію что-ли?

Иванъ Ивановичъ налилъ рюмку.

— А васъ можно попросить на сей разъ? — спросилъ онъ учителя.

— Нѣтъ. Я не буду пить.

— Что-жь, Иванъ Ивановичъ, дѣло наше надо порешить. Разомъ.... Ну! Бить что-ли?

Дьяконъ высоко поднялъ руку.

Иванъ Ивановичъ молча раскрылъ ладонь.

Гапка, стоявшая близъ печки, грустно покачала головой.

Дьяконъ во всю мочь ударилъ Ивана Ивановича по рукѣ и ползѣтъ съ нимъ цѣловаться.

— Что такъ сразу, братъ; нужно-бы еще кое-кого спросить.

— Что тамъ спрашивать! Онъ всему голова. Такъ что-ли?

На лицѣ Ивана Ивановича появилась неопредѣленная улыбка: онъ былъ порядочно-хмѣленъ.

— Гапко! Покличь сюда Дасю. Могу сказать, что на счетъ покорности и послушанія она у меня рѣдкая.... Иди сюда, Дасю, — сказалъ онъ Одаркѣ, которая вошла въ комнату.

Иванъ Ивановичъ взялъ дочь за плеча и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ты, Дасю, насчетъ утѣшенія родительскаго можешь расположить себя въ пользу предстоящаго соединенія своего, съ симъ, могу сказать, доктусомъ?

Безтолковый вопросъ этотъ былъ предложенъ такимъ тономъ , что его можно было принять за насмѣшку надъ женихомъ.

Одарка молчала.

Прошла минута, учитель во весь глаза смотрѣлъ на бѣдное, тоскливое лицо дѣвушки.

— Ну , что-жь. Молчаніе знакъ согласія — сказалъ дьяконъ.

Одарка взглянула на него съ дѣтскимъ любопытствомъ.

Яся положилъ голову на столъ, сдѣлалъ сестрѣ гримасу и заболталъ подъ лавкою ногами.

— Я, то есть, сказалъ тебѣ насчетъ касательности, въ случаѣ этакъ ...

Иванъ Ивановичъ взялъ учителя за руку и положилъ въ нее руку Одарки.

Дѣвушка, какъ-то безвыразительно, начала смотрѣть во весь глаза. Въ это время сильно зазвенѣлъ колокольчикъ на улицѣ , и, казалось, притихъ у самыхъ воротъ. Никто этого не замѣтилъ. Всѣ были заняты своимъ дѣломъ.

— Ай-да парочка! Иванъ Ивановичъ! — кричалъ дьяконъ, протирая руки.

Учитель не измѣнялъ ни на волосъ своему характеру; онъ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ взглянулъ на дѣвушку и обратился къ отцу:

— Что-жь; теперь, какъ водится? — сказалъ онъ.

Не дожидая ничьего ни позволенія ни приглашенія, онъ наклонился къ Одаркѣ, чтобъ поцѣловать ее. Въ эту минуту послышались скрипящіе по мерзлому снѣгу шаги, направленные къ крылечку дома.

Осудивъ прикосновеніе лица учителя къ своему лицу , Одарка отскочила отъ него.

— Я ничья.... этого нельзя! оставьте! — шептала она испуганная, взволнованная.

Трепеща, испуганными и блуждающими глазами, сквозь слезы, поглядывая она на всѣхъ; страшно и больно было смотрѣть на нее.

Вдругъ дверь распахнулась; густой клубъ холоднаго пара влетѣлъ въ комнату: въ немъ стояла высокая человѣческая фигура, послышался шелестъ скидываемой шинели, и, вслѣдъ за тѣмъ, вошедшій сдѣлалъ шагъ впередъ.

Одарка судорожно вцѣпилась въ руку учителя и вся прижалась къ нему: дрожа и дико всматриваясь въ лицо вошедшаго, она медленно начала опускаться на полъ. Учитель удержалъ ее за левое плечо.

Бросивъ бѣглый взглядъ на всѣхъ и не кланяясь никому, Викторъ — это былъ онъ — спросилъ у Гапки, гдѣ больная? — и, по знаку ея, прошелъ мимо всѣхъ въ комнату Анны Прохоровны.

Нежданное это появленіе мигомъ разстроило начатое обрученіе. Иванъ Ивановичъ забылъ обо всемъ, и, смущенный, опустился на мѣсто, пригласивъ прочихъ садиться.

Одарка одна осталась посреди комнаты.

— Дасю, что-жь ты нейдешь къ матери? — сказалъ Иванъ Ивановичъ, видя ея нерѣшительность.

Дѣвушка схватила со стола деревянную ложку и начала ее тереть полотенцемъ, положила ее вмѣсто стола на припечекъ, подошла къ зеркалу, посмотрѣлась въ него, потомъ снова очутилась подлѣ стола, вперивъ холодные очи въ лицо Ивана Ивановича.

— Я тебѣ сказалъ, чтобъ ты шла туда! — повторилъ Иванъ Ивановичъ.

Одарка отошла къ печкѣ и начала поправлять на себѣ косынку. Движенія ея были какъ-то не полны, непріозвольны; взглядъ выражалъ отсутствіе всякой мысли.

Видъ Анны Прохоровны поразилъ Виктора. Лицо ея высохло и казалось слѣпленнымъ изъ воска.

— Дай Богъ вамъ столько счастья въ жизни, сколько вы принесли мнѣ радости, что посѣтили.... — сказала Анна Прохоровна, собираясь встать; но усиліе заставило ее невольно поморщиться.

— Я давно собирался къ вамъ, — отвѣчалъ Викторъ, глядя на больную съ грустнымъ удивленіемъ. — Только жалко мнѣ, Анна Прохоровна, что засталъ я васъ не такъ, какъ-бы хотѣлось мнѣ.

— А что, Викторъ Семеновичъ, какъ вы находите: пере-
мѣнилась я?

— Да, перемяна есть; вы., мнѣ кажется, похудѣли
очень.... Впрочемъ, это еще ничего: съ весной и съ пере-
мѣной воздуха вамъ на-вѣрное будетъ легче; вы поправитесь....

— Я и сама чувствую, что мнѣ временами какъ-будто
легче; и кабы не горе, я можетъ-быть и совсѣмъ бы попра-
вилась, — отвѣчала больная, и на глазахъ ея навернулись
слезы. — Послалъ-было намъ Господь счастье.... да не кон-
чилось все, какъ чаяли.... что-жь? Его святая воля! Съ тѣхъ
поръ одна меня мучить мысль ... въ случаѣ.... на кого я ее,
мою ненаглядную... Вы знаете.... — Последнїя слова про-
изнесла она почти шопотомъ.

Викторъ въ сильномъ волненїи прошелся по комнатѣ.

— Вы прїѣхали съ братомъ? — спросила Анна Про-
хоровна, отдохнувъ нѣсколько.

— Нѣтъ. Я его упросилъ остаться покуда въ Талалаевкѣ,
чтобъ на первыхъ порахъ поразвлечь стариковъ. Батюшка
особенно кажется огорченъ моимъ отъѣздомъ.

— Развѣ вы совсѣмъ отъ насъ?

— Да, я на пути.

Анна Прохоровна припала къ спинкѣ кресель. Началась
самая душливая перхота.

Одарка вошла въ комнату. Она не смотрѣла ни на Вик-
тора, ни на мать, и стала у кровати, прислонясь къ ней плечомъ.

Викторъ подошелъ къ ней. Онъ молча взялъ ее за руку.
Рука была холодна и дрожала.

— Дасю! ты не знаешь еще.... Викторъ Семеновичъ
отлучается отъ насъ.... на время; ты не подумай, моя ясочко,
что онъ ужь совсѣмъ; онъ прїѣдетъ, моя галочко, прї....
Анна Прохоровна опять закашляла.

Одарка не слышала словъ матери.

Викторъ прильнулъ къ пылающимъ устамъ дѣвушки.
Она не отвѣчала его поцѣлюю, но юноша чувствовалъ, какъ
сильно волновалась вся ея внутренность.

— Ыдешь! — произнесла Одарка, не поднимая глазъ. Это
слово было сказано такъ, что оно не походило на вопросъ;
выраженіе его для Виктора было и ново и ужасно-странно.

— Да. И по твоему приказанію — отвѣчалъ онъ, держа ея руку.

Одарка подняла глаза на него: Виктору казалось, что онъ ни разу еще не встрѣчалъ на ея лицѣ ни такого выраженія, ни такого взгляда. Какое-то ѣдкое чувство прилило ему къ сердцу; прошла минута; Одарка все смотрѣла на него долго, пристально.... Наконецъ, она схватила обѣ его руки; «скорѣй, надо скорѣй!» сказала она и, пошатываясь, вышла изъ комнаты. Викторъ началъ прощаться съ Анной Прохоровной.

Войдя въ пекарню, дѣвушка остановилась у стола. Видъ ея былъ поразителенъ. Улыбнувшись какъ-то странно, она начала собирать посуду со стола; въ этомъ упражненіи оказывался недостатокъ должной послѣдовательности и отсутствіе всякаго вниманія къ дѣлу, а главное, что приводило всѣхъ въ изумленіе, это образъ самаго дѣйствія, который какъ-то походилъ на дѣтскую забаву. Одарка поставила пустую бутылку въ суповую миску, а на нее старалась взгромоздить солонку: не достигнувъ этого, она высыпала соль въ стаканъ и все-таки опрокинула солонку вверхъ дномъ на горлышко бутылки, вокругъ которой положила ложки, и отнесла все это къ полкамъ; потомъ пришла съ ложками назадъ и разложила ихъ въ порядкѣ передъ отцомъ и его собесѣдниками, наконецъ появилась со стопкою цинковыхъ тарелокъ и начала переставлять ихъ по столу съ мѣста на мѣсто. Всѣ молчали. Одинъ только Яся, глядя на сестру, сдѣлалъ новую гримасу, заболталъ ногами и закричалъ: у! какая!

Въ это время Викторъ появился у дверей пекарни. Лицо его было блѣдно, на глазахъ замѣтны были наворачнушіяся слезы.

— Куда-же это вы? — спросилъ его Иванъ Ивановичъ

— Вы видите — отвѣчалъ Викторъ, не глядя на него.

Одарка оставила свое занятіе и впилась въ лицо Виктора такимъ пристальнымъ, пронизательнымъ взглядомъ, въ которомъ сосредоточились всѣ ея чувства, весь остатокъ ея разстроеннаго разсудка.

— Прощ.... — могъ только произнести Викторъ, прикоснувшись къ челу дѣвушки. По лицу его, по его дви-

женіямъ, по лихорадочному сотрясенію въ членахъ, замѣтно было, что онъ вскорѣ лишится способности владѣть собой. Накинувъ второпяхъ шинель на одно плечо, онъ долго шарилъ рукою по двери, ища знакомой скобы; наконецъ онъ вышелъ. Гапка вышла вслѣдъ за нимъ.

Одарка осталась на прежнемъ мѣстѣ. Она смотрѣла на дверь.

Дьяконъ началъ торопливо прощаться съ Иваномъ Ивановичемъ.

Послышался на улицѣ звукъ колокольчика: замѣтно было, что лошади подхватали съ мѣста вскачь. При первомъ ударѣ звонка, Одарка протянула руки и, вслушиваясь, медленно поворачивалась по направленію исчезающаго звука. Наконецъ и послѣдній отголосокъ его замеръ; на дворѣ скрипѣли одни только шаги удалявшихся гостей; а Одарка стояла все въ прежнемъ положеніи, нѣмо, недвижимо: она все слушала и слушала съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ; ея холодный взглядъ не разставался съ дверью; руки, какъ и прежде, были подняты.

Проводивши гостей, Гапка возвратилась въ комнату. Иванъ Ивановичъ похаживалъ вокругъ Одарки. Онъ тихо и ласково упрасивалъ дочь «прийти въ надлежащее успокоеніе», но дѣвушка на этотъ разъ оказывала грубую невнимательность къ нѣжнымъ увѣщаніямъ родителя. Гапка съ тревожнымъ любопытствомъ взглянула на свою панночку.... Все такъ-же, протянувъ руки, смотрѣла она на эту дверь, которая скрываетъ отъ нея любимаго человѣка; на холодномъ лицѣ дѣвушки осталось прежнее тоскливое выраженіе, но глаза ея какъ-то измѣнились; взглядъ побѣжалъ кверху, на лбу образовалось множество тонкихъ морщинъ. — У! какая! Табаку понюхала! Викторка далъ табачку — чихай! чихай! — говорилъ Яся, глядя на сестру; Иванъ Ивановичъ далъ ему затрещину; тотъ заревѣлъ и побѣжалъ къ двери.

Съ плачемъ, съ проклятіями, относившимися прямо къ особѣ Ивана Ивановича, Гапка суетливо забѣгала по комнатѣ. Она схватила въ-торопяхъ круглый желѣзный ковшъ и уронила его; сосудъ, звеня, покотился по полу и очутился подъ

печкой; оттуда, кудахтая, вылетела курица, устремилась прямо на огонь, вышибла свѣчку изъ рукъ Ивана Ивановича, порхнула черезъ столъ, ударилась въ стекло, упала на окно и притаилась. Гапка вскорѣ явилась съ другою свѣчей и съ кружкой воды: она вспрыснула лицо дѣвушки; свѣтъ снова пробудилъ неугомонную насѣдку: она вспорхнула, полетѣла, съ крикомъ направляясь къ печи, и задѣла крыломъ Одарку по лицу.

— Кво-ч-ка! — простонала протяжно Одарка, и начала медленно разводить вокругъ себя руками. Ея безуміе разрѣшилось этимъ роковымъ словомъ, которому суждено было остаться на языкѣ дѣвушки единственнымъ звукомъ, свидѣтельствомъ о присутствіи въ ней языка.

Гапка, съ глухимъ рыданіемъ, заключила ее въ свои объятія и посадила подлѣ себя на лавку.

— Матюшко моя, возуленько моя, — повторяла она, нѣжно засматривая въ лицо дѣвушки, — скажи мнѣ хоть одно словечко. Головка болитъ! душка ты моя! Погляди на меня... я тебя пянчила, мою крохотку... Что болитъ? Скажи, мое серденько.... Испортили тебя, мою бѣдную.... сгубили тебя злые вороги, мое солнышко, — продолжала она горько рыдая и приклоняя непослушную голову Одарки къ себѣ на грудь.

Прищуривъ одинъ глазъ, Иванъ Ивановичъ ходилъ по комнатѣ, держа въ губахъ чубукъ, который уже не дымился; на лицѣ его, однакожъ, выражалась сильная тревога.

При взглядѣ на Ивана Ивановича, Гапка задрожала отъ негодованія; она забыла всякую подчиненность, кинулась къ нему съ угрозой и кричала въ изступленіи:

— Всѣхъ заполонилъ, проклятый! Что? не нарадуется теперь.... Побачишь, кто станетъ борць варить, кто будетъ ходить за тобою, таранта безпутная! Я вотъ завтра-же отсюда; чортъ съ тобой.... окольвай тутъ съ ними! Надѣлалъ грѣха, обездолилъ сироту.... Богу противный ты.... Что выпучилъ бѣльмы? Чего глядишь, дуракъ долговязый!....

Иванъ Ивановичъ пятился отъ нее и бормоталъ:

— Я ничего; я то-есть готовъ хоть сейчасъ; съ моей стороны препятствія никакого; а тамъ, какъ хотите! ... Пусть

себя, пожалуй; только, разумеется, считалъ себя обиженнымъ; а теперь ничего, право-же ничего, даже и дуракъ ничего.... готовъ на все... только-бы какъ-нибудь насчетъ поданія помощи....

Высказавъ каждый свое и не слушая другъ друга, они разошлись; Гапка снова кинулась къ Одаркѣ.

— Повѣрь ты мнѣ, дуръ безтолковой; не покину я тебя.... умру съ тобою, голубка ты моя сиротливая. Скажи ты мнѣ хоть одно словечко твое ласковое. Что болитъ? серденько мое.... Тутъ болитъ! Что мнѣ съ тобою дѣлать, горе ты мое.... вытерпѣла ты муку лютую, а теперь молчишь.... ноеть твое сердеченько; замолчала ты на вѣ....

— К-во-чка! — проговорила безумная, разводя руками, и опять впала въ свое полудремотное состояніе.

Едва движущаяся, лѣпясь кое-какъ по стѣнкѣ, хватаясь за стулья и косяки, Анна Прохоровна добрела наконецъ въ пекарню. Она вперила свой тусклый, померкнущій взглядъ въ лицо дочери: материнское сердце угадывало многое въ этомъ суровомъ молчаніи дѣвушки, но разумокъ не рѣшался допустить страшной истины. Изнеможенная, истерзанная горемъ и неудачами, она какъ снопъ упала къ ногамъ дочери и начала цѣловать ихъ:

— Дасю, дочка моя! Скажи мнѣ хоть одно словечко.... не дай такъ умер.... — Голось ея задрожалъ и прервался. Иванъ Ивановичъ съ Гапкою подняли ее и отнесли на рукахъ въ спальню.

Усадивъ больную въ креслы, Иванъ Ивановичъ не мешкая накинулъ шубу на плеча и отправился за лекаремъ.

Опомнившись, Анна Прохоровна знаками подозвала къ себѣ Гапку и прошептала ей на ухо едва слышно: «не покидай ее, Гапсую; Богъ тебя не оставитъ; я скоро....» Она молча указала на скамейку; Гапка привела Одарку и посадила ее у ногъ матери, потомъ затеплила у образа лампаду и, притворивъ дверь, побѣжала на дворъ къ Гаврилу Прохоровичу.

Время было за полночь. Въ пекарнѣ горѣлъ каганецъ на припечкѣ. Гапка сидѣла близъ печки, склонивъ голову на

руку. Мотря дремала, сидя въ тѣни за столомъ, передъ кускомъ недоѣденнаго пирога. Въ домъ было тихо и сумрачно. Въ талое окно заглядывалъ полный мѣсяцъ; по двору блестяли морозныя искорки, разсыпавшись по гладкому снѣгу. На улицѣ было такъ свѣтло, что можно было сразу распознать лицо Ивана Ивановича, который, хлопнувъ калиткой, вошелъ на дворъ вмѣстѣ съ лекаремъ. При вступленіи ихъ въ пекарню, Гапка тотчасъ зажгла свѣчу и пошла впередъ, освѣщая прибывшимъ путь къ спальнѣ Анны Прохоровнѣ.

Поставя на стулъ свѣчу и отслонивъ одну половинку двери, Гапка исчезла въ полумракъ; вслѣдъ за нею попятился лекарь; Иванъ Ивановичъ, поталкивая его пальцами въ плечо, вошелъ послѣдній.

Свѣтъ нагорѣвшей лампы едва давалъ разсмотрѣть сразу находившіеся въ комнатѣ предметы, и только приглядѣвшійся глазъ могъ отличить двѣ женскія фигуры, сидѣвшія въ углу подлѣ лежанки. Одна изъ нихъ молча смотрѣла на комнату и, казалось, слушала что-то съ замѣтнымъ напряженіемъ; ни появленіе новыхъ лицъ, ни шумъ, ими произведенный, не возбудили въ ней вниманія; она сидѣла по прежнему: лишь слабый свѣтъ отъ лампы искрился въ ея неподвижныхъ глазахъ. Другая....

Гапка подошла ближе и, всмотрѣвшись въ нее, тотчасъ бросилась изъ комнаты и вернулась со свѣчей.

Какъ-то странно опустилась въ креслы, Анна Прохоровна сидѣла, уронивъ голову на грудь, которая у нея какъ-будто подломилась; лѣвая рука лежала вдоль колѣна, правая костенѣла на плечъ Одарки; вѣки были полураскрыты, померкшіе глаза обращены на лицо безумной дочери: на немъ, какъ видно, застылъ послѣдній ихъ взглядъ.

Лекарь степенно поднесъ руку къ лицу умершей и утвердительно покачнулъ головой. Потомъ онъ вынулъ огромную табакерку изъ боковаго кармана, щелкнулъ по ней, помявъ табакъ пальцами и захватилъ обильную щепоть.

— Если-бъ—сказалъ онъ, и потянулъ правою ноздрей—хоть-бы за часть (онъ потянулъ лѣвою). Да, часомъ раньше (онъ раскрылъ пальцы и посмотрѣлъ на остатки ском-

каннаго табака), тогда-бы можно (онъ похнулъ, шелкнулъ пальцами, прищурилъ лѣвый глазъ, покосился и взглянулъ на Ивана Ивановича)!

Последній стоялъ посреди комнаты и, глядя на свою Ганусю, морщился, морщился.... наконецъ, ротъ его покосился, открылся, глаза замигали и изъ нихъ потекли слезы.

— Раз....мѣтс.... не всяк.... мож.... понима-ать, отчего я пла-ч-у-у!

— А эта? — спросилъ лекаръ.

— К-во-чка — проговорила безумная, разводя руками.

XI.

....18.... года подъ исходъ осени, часу въ шестомъ вечера, у подъезда знаменитой по тѣснотѣ и неопрятности *гостиницы* города *** а стояла грузная дорожная коляска съ зонтомъ, обложенная кругомъ чемоданами; семь измученныхъ лошадей, всѣ мокрая, съ повислыми головами, стояли какъ вкопанныя на мѣстѣ и сильно дышали животами; кучеръ и форрейторъ, заломивъ шляпы на лѣвое ухо и прислоня головы къ суконнымъ воротникамъ своихъ чекменей, сидѣли спинами къ вѣтру и нетерпѣливо поглядывали на дверь гостиницы, за которою начиналась грязная деревянная лѣстница, чуть освѣщенная сальнымъ огаркомъ, воткнутымъ въ мѣдную трубку граниной лампы съ зеркальными стеклышками.

Пора была поздняя; погода ненастная; молодой липкій снѣжокъ, гонимый сильнымъ восточнымъ вѣтромъ, крупными пластинками падалъ на грязныя улицы города, а площадь, въ углу которой стояло двухъ-ярусное *заведеніе* для господъ проезжающихъ, казалась во мракъ глубокою и безконечною ямой, между тѣмъ какъ коляска, стоявшая передъ окнами освѣщенной съ низу до верха рестораціи, принимала издали гигантскіе размѣры.

— Ну что?—спросилъ довольно громко мужественный голосъ изнутри экипажа у челоуька, который, запыхавшись, сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ: онъ былъ одѣтъ въ денщичью шинель, съ тремя красными нашивками вокругъ длиннаго воротника.

— Все занято, ваше превосходительство.

— Какъ-же! Надо-же гдѣ нибудь ночевать. Вели ямщику ѣхать дальше.

При последнемъ словѣ его стало замѣтно, какъ въ тѣни за дверью пошевелилась человѣческая фигура: черная шляпа съ широкими полями описала полукругъ по свѣтлой прогалинѣ отпертой двери и, вслѣдъ за тѣмъ, Жидокъ, поправляя на себѣ ярмолку, подошелъ къ экипажу.

— Сцо треба панамъ? Купить, продать, промѣнять — все можно. Я ѣстемъ факторъ, панове!

— Ямщикъ! Ступай въ другую гостиницу, — сказалъ лакей, не слушая Жида.

— Азе, другой гостиницы тутъ не ма-сь.

— Да-ни, добродіево. Зволтеса тутъ становиться; опричь стацин, другой кватеры панамъ въ городѣ нѣту — отвѣчалъ ямщикъ, подкрепленный свидѣтельствомъ Жида.

— Какъ, нѣтъ. Тебѣ говорятъ, тутъ негдѣ кошку спрятать: все занято — сказалъ лакей настойчиво. — Ступай дальше.

Ямщикъ не отвѣчалъ на это ни слова и молча подобралъ вожжи.

— Але сцо пану трѣба?

— Говорятъ тебѣ, квартира нужна!

— Азе, другой гостиницы тутъ не ма-сь.

— Гдѣ-же ночевать?

— Хиба у Квоцки придется стать панамъ.

— Что это за Квочка?

— А такъ себѣ, Квоцка дай гѣди. Тамъ-зе хорошіе паны стзновятся.

— А далеко?

— На Песоцной, пане; азе я факторъ: знаю. Туда и поведу.

— Говорить, у какой-то Квоцки есть нумера-сь. Прикажете туда? — спросилъ лакей, наклонясь къ дверцамъ экипажа.

— Ступай куда-нибудь. Только скорѣй! — отвѣчалъ голосъ нетерпѣливо, и, по движенію въ экипажѣ, замѣтно было, что

говорившій принималъ положеніе чловѣка, намъревающагося уснуть.

Прошло нѣсколько секундъ, въ продолженіе которыхъ лакей усаживался на козлахъ, близъ ящика: Жидокъ подбиралъ помы своего нанковаго балахона, форрейторъ стегнулъ кнутомъ обѣихъ подручныхъ, кучеръ поднялъ вожжами сонныя головы усталой четверни; колокольчикъ звякнулъ, и экипажъ началъ медленно поворачивать, описывая полукругъ передъ окнами гостинницы, отъ которыхъ привычныя кони нехотя отчливали, чтобы направиться снова въ неизвѣстный имъ путь. Вскорѣ и проводникъ и экипажъ исчезли въ глубинѣ площади; на мѣсть ихъ осталась одна только черная полоса вскомканной копытами грязи, да рѣдкое позвякиванье колокольчика разносилось по вѣтру, болѣе и болѣе слабѣя и заглушаясь его порывами.

.... Слишкомъ двадцать лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ мы не видали Ивана Ивановича, и лѣтъ почитай десять будетъ, какъ въ городѣ ***ѣ образовался завѣжій домъ въ родѣ постоялаго, и домъ этотъ сталъ извѣстенъ каждому подъ фирмою *Квочки*. Туда-то Жидки-факторы и прочій встрѣчный и поперечный людъ провожаютъ гг. проезжающихъ, которымъ не посчастливится найти себѣ пристанища въ тѣсной и неуклюжей гостинницѣ.

Дождавшись вожделѣнной минуты совершеннолѣтія своего Яси, Иванъ Ивановичъ не замедилъ женить его и отдѣлить въ новый домъ, съ котораго тотъ сталъ усердно собирать доходы и еще усерднѣе пропивать ихъ. Самъ Иванъ Ивановичъ съ безумною дочерью остался въ старомъ домѣ и вручилъ судьбу свою въ полное распоряженіе толстой Гапки; сторонніе доходы, которые онъ добывалъ посредствомъ ежегоднаго путешествія въ К...., изсякли со смертію престарѣлаго дяди, и все пропитаніе его зависѣло отъ денегъ, добываемыхъ Гапкою съ свободнаго отдѣленія дома, которое отдавалось подъ постой семинаристамъ, и съ двухъ комнатъ, определенныхъ ею подъ квартиры для *пріѣзжихъ* господъ.

Двадцать лѣтъ — срокъ вовсе не великъ! Начните-ка жить да жить, и не почувствуете, какъ протекуть они! Посмотрите,

домъ тотъ-же, гдѣ жилъ и прежде Иванъ Ивановичъ, та-же пекарня, даже столъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, только для чего это по срединѣ поставленъ столбъ? онъ поддерживаетъ чуть не упавшій потолокъ. Тутъ безвыходно помѣщается умаленная временемъ семья Ивана Ивановича. За пекарнею тѣ-же двѣ комнаты, какъ и прежде, только нѣтъ тамъ кровати съ пологомъ: одни диванчики да стульчики вокругъ стѣнъ; расколотое въ красной рамѣ зеркало надъ столомъ, да маленькій портретикъ безъ стекла, изображающій юношу въ синемъ казакинѣ, съ черными кудрями въ завиткахъ.

Вотъ и Ивагъ Ива́новичъ! Все тотъ-же онъ, если не тѣломъ, такъ душою; отчего это рѣдкіе волосы его побѣлѣли какъ пѣна кипятка; отчего лицо его такъ скомкалось, смялось? отчего подбородокъ его не постоитъ на мѣстѣ, все ш велится, а голова ходитъ ходуномъ?

Та-же пекарня, тотъ-же столъ, тотъ-же, хоть и не тотъ, Иванъ Ивановичъ; вотъ онъ сидитъ въ пестрядинномъ халатѣ и крошитъ складнымъ ножикомъ папушу табака; подлѣ него все та-же турчанка, только безъ ободочка на лбу, а шейка замѣплена сургучемъ: старая служивая!

Опершись руками на другой конецъ стола и пошатываясь въ стороны, стоитъ передъ нимъ мужчина лѣтъ тридцати, въ желтомъ нанковомъ, затасканномъ, съ прорванными локтями, сертукѣ; онъ дремлющими глазами посматриваетъ на занятіе старика; рыжеватая, полувершковая небритая борода его торчитъ щетиной; на блѣдномъ курносомъ лицѣ его печать тупоумія, наглости и невоздержанія. Это любимое дѣтище Ивана Ивановича, это бывший Яся: онъ недовольтвуется тремя-стами рублей ежегоднаго дохода съ своей части, и пристаеъ къ старику, чтобы тотъ продалъ домъ и раздѣлилъ съ нимъ деньги.

А вотъ и Гапка тащитъ беремя дровиць; все та-же она и ростомъ и дородствомъ, только красота поспала: нарядъ-же ея такой мудреный — затасканная пестровая сподница и сѣрая какал-то куртка съ желтымъ воротникомъ: по бортамъ три пуговицы, одна изъ нихъ оловянная, прочія кожанья; недорого платитъ Гапка за свой нарядъ: подвернется

къ ней на базаръ торгашъ съ старымъ тряпьемъ, глядь, Гапка и съ обновой; «про-всякъ день, таковский» говоритъ она; что за щегольство въ ея лѣта! Она знаетъ, для кого приберечь лишній алтынъ.... Пошлетъ-ли Богъ щедраго постояльца, переночуетъ, положитъ четвертакъ на столъ, — Гапка проводитъ его со двора низкимъ поклономъ да добрымъ словомъ, а сама завяжетъ четвертакъ въ уголокъ шейнаго платка, да и на базаръ: и дровецъ нужно на топливо, и молочка, и мяса, и крупницъ на свою семью. А тамъ, останется пятакъ сдачи — свѣчку-бы купить.... «да, ужь какъ быть, подумаетъ она, видно не отвыкать ему на концъ вѣка....» и побѣжитъ на жидовскій торгъ и выторгуетъ папушу вергинскаго, а домой придетъ, да такъ серанто сунетъ ему подъ носъ зелье. Иванъ Ивановичъ схватитъ папушу обѣими руками, да и подумаетъ про-себя: «оно, разумѣется, слова ея не могутъ имѣть никакой относительности къ явному нерасположенію, а такъ уже вслѣдствіе живой характерности и должнаго назиданія касательно устройства всякаго порядка въ домъ.» А Гапка, между-тѣмъ, вынетъ тайкомъ полфунтика бѣлаго медку, сунетъ его на полку въ темный уголокъ, да подумаетъ про-себя: «вечеркомъ, мою голубку, хоть сбитенькомъ попою на-ночь».... Мало чего не надѣлала Гапка въ эти долгіе и тяжелые годы: всего не перескажешь....

А вотъ, звякнулъ на улицѣ колокольчикъ, калитка хлопнула; Яковъ Ивановичъ раскрылъ свой ротъ, заговорилъ что-то сиповатымъ и хриплымъ голосомъ, отшатнулся отъ стола, попятился къ двери и столкнулся, носъ съ носомъ, съ вошедшимъ въ комнату Жидомъ.

— Але, оцисцайте; привелъ-зе пановъ, — заговорилъ Жидокъ, отряхивая свой мокрый балахонъ.

— Заразь, голубчикъ, заразь; все готово! Милости просимъ! — сказала Гапка, убѣгая съ тряпкою въ гостиныя комнаты, чтобъ стереть пыль.

Иванъ Ивановичъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ и продолжалъ свое занятіе. Слышно было, какъ грузный экипажъ подворачивалъ къ крыльцу; Гапка принялась вставлять новыя свѣчи въ мѣдные подсвѣчники.

Наконецъ Жидокъ подобострастно растворилъ дверь настежь, и высокій, осанистый мужчина въ шинели и военной фуражкѣ, переступилъ порогъ, шагнулъ раза два внутрь комнаты и протянулъ руку лакею, который поспѣшно принялъ съ него шинель.

Вошедшій былъ одѣтъ въ военный сертукъ и казался лѣтъ за сорокъ: сквозь густые усы его пробилась сѣдина; вдоль лѣвой щеки и бороды лежалъ глубокій рубецъ; смуглое лицо выражало присутствіе крайняго любопытства.

Иванъ Ивановичъ оставилъ папушу и ножъ, прикрылъ глаза рукою и всматривался въ лицо вошедшаго.

— Иванъ Ивановичъ, — сказалъ тотъ, подожди ближе, — вы, разумеется — на этомъ словѣ онъ сдѣлалъ удареніе — не узнали стараго знакомаго?

— Право, не могу.... — сказалъ старикъ, всматриваясь пристальнѣе.

— А не забыли молодого Щербину? Вотъ онъ передъ вами.

— А? не все слышу....

Викторъ Семеновичъ — такъ по старой привычкѣ будемъ называть его — повторилъ послѣднія слова свои громче.

Иванъ Ивановичъ еще внимательнѣе посмотрѣлъ на него, потомъ началъ медленно опускаться на лавку, шевеля ртомъ: онъ морщился и грустно покачивалъ головой.

— Здравствуй, Агафья Прокофьевна! — сказалъ лакей, встрѣтивъ Ганку на порогъ комнаты, куда втаскивалъ грузный чемоданъ.

— Кто-жь бы ... Господи.... не припомню.... — говорила и та, приложивъ въ свою очередь руку къ глазамъ.

— А щербиновскаго Приблуду не забыла?

— Такъ вы? .. А это баринъ нашъ, Викторъ Семен....

— Ну да.

— Голубч.... Ваше благородіе! Такъ привелъ-таки Господь.... — говорила Ганка, хватая Виктора за руки.

— А, эта сразу узнала! Ну, ну, поцѣлуемся такъ; мы съ тобой вѣдь старые знакомые. Вишь какъ приформилась!

— Отецъ мой, дядя не проходидо, чтобъ не вспоминала.... — говорила всхлипывая Ганка — а ужъ она съ тѣмъ и

осталась о сю-пору; маюсь съ нею какъ съ малымъ ребенкомъ, отецъ ты мой....

— Кто, она?

Вмѣсто отвѣта, Гапка схватила свѣчу и ушла съ нею на другой конецъ пекарни.

Въ углу противъ печи, гдѣ были когда-то полки съ посудой, теперь было отгорожено мѣсто стойками и занавѣшано бѣлымъ пологомъ. Гапка отдернула одну пелену и подняла руку со свѣчей. На тонкой постылкѣ сидѣла женщина лѣтъ сорока, со стриженной головой, въ чистомъ пестровомъ платьѣ и въ бѣлой косынкѣ на шеѣ. Лицо ея было блѣдно, сухо, и въ чертахъ его видѣлась какая-то тупая и жалкая безсмысленность; женщина прямо смотрѣла на комнату и покачивалась всемъ корпусомъ.

— А?!.... — протянулъ длинно Викторъ. Онъ сразу узналъ Одарку, и взглядъ его выразилъ такое странное недоумѣніе.

Положеніе Одарки было для него новостью. На другой же день послѣ извѣстнаго намъ прощанья съ Шпаками, Викторъ отправился къ полку и, догнавъ его уже на походѣ, только на границѣ получилъ первое письмо отъ Григорія Карповича. Старикъ извѣщалъ его подробно о благосостояніи Тамаласки и вообще о всемъ относившемся къ его родителямъ, но, зная сердечныя обстоятельства своего молодого друга, счелъ за нужное увѣдомить только слегка о смерти Анны Прохоровны, а насчетъ Одарки выражался такими фразами, которыя Викторъ долженъ былъ приять въ видѣ намека на то, что дѣвичья печаль удобовзлечима и скоропреходяща; вмѣстѣ съ тѣмъ Григорій Карповичъ запретилъ и Семену Ивановичу извѣщать сына о настоящемъ положеніи дѣвушки.

.... Сложивъ руки на груди, Викторъ молча смотрѣлъ на измѣненное временемъ и несчастіями лицо дочери Ивана Ивановича и, едва внимая, выслушивалъ отъ Гапки, какъ печальную новость, краткую исторію памятнаго ему дня.

Плавню, ровно, смотрѣла Одарка прямо въ глаза ему, и покачивалась....

— Говорить-ли она? — спросилъ Викторъ у Гапки.

— Ничего, мой сокол.... ваше благородіе. Съ тѣхъ поръ ни словечка. Только вотъ какъ мѣсяцъ станеть напълнѣ,

припасу ей тарелки да ложки: придетъ время къ вечеру, она встанетъ, и ну переставлять ихъ по столу, моя голубка, а тамъ, протянетъ руки къ двери, да скажетъ: *квочка*; только и рѣчи у нее.

Этими словами закончила Гапка печальную повѣсть о судьбѣ своей панночки; Викторъ молча удалился къ себѣ въ комнату, и вмѣсто отдыха до полуночи прошагалъ изъ угла въ уголъ.

На другой день часу въ десятомъ утра, та-же грузная коляска съ зонтомъ остановилась передъ ганочками талалаевскихъ будинокъ, и Викторъ чрезъ двадцать-два года тихо перешагнулъ тотъ высокій порогъ, черезъ который такъ любилъ онъ прыгать пятилѣткомъ.

Въ тѣсной, жарко-истопленной комнатѣ, подлѣ известной намъ кровати съ пологомъ, въ просторныхъ креслахъ на колесахъ недвижно сидѣла Палагея Павловна, въ бѣлой миткалевой кофтѣ и въ бѣломъ-же высокомъ колпакѣ, изъ-подъ котораго свѣрыми космами выбѣгали наружу двѣ пряди нечесаныхъ волосъ. Глядя издали на Палагею Павловну, человекъ съ слабымъ зрѣніемъ счелъ-бы ее за груду мылаго и некатаннаго бѣлья, такъ были ненатуральны всѣ формы ея тѣла, обезображеннаго излишней тучностью. Глаза ея исчезали подъ желтыми вѣками; щеки были подернуты морщинами, а отвисшій подбородокъ мирно покоился на груди, скрывая когда-то бывшую, а теперь исчезнувшую шею.

При вступленіи Виктора въ комнату, Палагея Павловна могла протянуть къ нему только одну руку, потому-что половина ея корпуса была поражена сильнымъ параличемъ.

Покоряясь внутреннему влеченію, Викторъ обнялъ мать со всею горячностью; спустя меньше часа времени, Палагея Павловна приступила къ нему съ жалобой на неповиновеніе слугъ и на прошлые ихъ грѣхи, во время безпомощнаго ея вдовства.

Почти весь день Викторъ проспалъ, и только вечеромъ собрался выдти въ садъ.

Сколько перемѣнчивыхъ мыслей мелькали въ умъ его, когда онъ вступилъ подъ эту сѣнь голыхъ вѣтвей, сквозь кото-

рыя глаза его такъ жадно искали знакомыхъ и долго-памятныхъ ему предметовъ. Сознаніе холодной дѣйствительности легло на его сердце тоскливымъ чувствомъ; молча шагаль онъ по тропинкамъ сада, идя все дальше; и живо чудилось ему, будто незримый спутникъ провожалъ его всюду, будто вслѣдъ ему такъ внятно звучалъ этотъ знакомый голосъ: «вотъ вѣнскія, онъ съ особеннымъ благоуханіемъ!» И вотъ, одна — другая вѣтка шатнулась; онъ клонится, и съ тихимъ шопотомъ, покорныя заботливой рукъ этого незримаго проводника, нагибають долгіе сучья свои: «а если не въ трудъ, то прошу пожаловать ко мнѣ и на пасеку; тамъ мы можемъ учинить отдохновеніе послѣ проходки» говоритъ все вслѣдъ ему тотъ-же мягкій, привѣтливый голосъ.

И вотъ, какъ-бы невольно повинуваясь этому велѣнію, Викторъ остановился; и вотъ она, та искрометная *криница*: изсакъ ея журчащій ключъ; сухимъ листомъ да плесенью подернулась ея зеркальная поверхность; полубодранный шалашъ этотъ скоро упадетъ, скатится съ бугра, и засыплетъ глиной ея мутную струю. И нѣтъ уже въ этомъ полусгнившемъ шалашѣ кровати съ бѣлымъ пологомъ, не висятъ роевни по стѣнамъ, не щелкаетъ перепелъ надъ этой полуупавшей дверью; а Виктору все чудится, да такъ живо и явственно, будто и теперь вотъ сидитъ онъ тутъ, на липовой скамьѣ, въ тонкой бѣлой сорочкѣ, что у ногъ его тотъ-же ручной зайчикъ хлопотливо гложетъ капустный листокъ; а онъ, все тотъ-же памятный ему человекъ, такъ ласково глядитъ на своего милаго сына и на весь Божій міръ, и будто на его тихомъ, «располагающемъ» лицѣ такъ ясно выражается одна и та-же неразлучная съ нимъ дума, все «касательно пристроекъ насчетъ зимняго времени! касательно Викторушки, тово».... И показалось тутъ Виктору, будто этотъ сидѣвшій такъ выразительно взглянулъ ему въ лицо и такъ таинственно пошатнулъ своею сѣденькою головкой, а голосъ еще явственнѣе, еще внятнѣе прошепталъ надъ самымъ ухомъ: «теперь, сынку, не то; всему случилось измѣненіе.»

Въ отвѣтъ на эту чудную, таинственную рѣчь, Викторъ самъ покачнулъ задумчивою головой и пошелъ дальше.

Въ концѣ левады, на легкомъ скатѣ ея подъ опушку медяницы, лежатъ хуторныя могилки. Много новыхъ бугорковъ наросло на нихъ съ тѣхъ поръ, какъ Викторъ не стало въ Талалаевкѣ, но между ними всѣхъ выше и зеленѣй виднѣется издалека, отдѣльная отъ прочихъ, могила съ тяжелымъ, крашенымъ крестомъ; она обнесена вокругъ тонкими балясинами. Тутъ-то «въ братолюбии и тишинѣ» почиваютъ кости Семена Ивановича. Сюда-то пришелъ Викторъ, грустный и задумчивый, преклонилъ колѣна передъ прахомъ отца, котораго не суждено было ему «порадовать своимъ прибытіемъ.» Какая-то безсвязная дума лежала на его задумчивомъ лицѣ: онъ стоялъ съ поникшею головой.

Въ это время по извилистой тропинкѣ, бгущей отъ рощи мимо кладбища, шелъ согбенный старецъ, съ котомкою за спиной; она была наполнена инструментами бочарнаго ремесла. Подойдя къ могилѣ, онъ обнажилъ свою лысую голову, молча поклонился Виктору и, брося торбу на землю, перекрестился и положилъ земной поклонъ передъ могилою стараго пана. Викторъ молча смотрѣлъ на стараго сподвижника отцовскихъ дѣлъ; наконецъ, Оньсько — это былъ онъ — привсталъ, взглянулъ снова на Виктора, замычалъ, покачнулъ печальною головой и, обратясь лицомъ къ городу, погрозилъ кулакомъ.

Вскорѣ между ними появился Приблуда, щегольски затянутый въ мундиръ изъ тонкаго сукна, изъ-подъ котораго выглядывала наружу золоченая цѣпочка съ ключикомъ отъ часовъ. Онъ просилъ Виктора пожаловать кушать чай.

Проводивъ глазами молодаго барина, Приблуда началъ креститься и класть земные доклоны передъ могилою своего стараго пана, который, бывало, за обѣдомъ все-таки припасетъ ему лишній пирожокъ....

Е. Арианской.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 19.

Октябрь.

Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Т Ю Ф Я К Ъ.

ПОВЕСТЬ.

Семейныя дѣла судить очень трудно
и даже невозможно!

Мсткая поговорка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

РОДСТВЕННИЦА.

Однажды — это было въ концѣ августа — Перепетуя Петровна уже очень-давно наслаждалась послѣобѣденнымъ сномъ. Въ спальнѣ было темно, какъ въ закупоренной бочкѣ. Средство это употреблялось ради спасенія отъ мухъ, необыкновенно-злыхъ въ этомъ мѣсяцѣ. Часу въ шестомъ Перепетуя Петровна проснулась и пребыла нѣсколько минутъ въ томъ состояніи, когда человекъ не знаетъ еще хорошенько, проснулся онъ или нѣтъ, а потомъ старалась припомнить, день былъ это или ночь; однимъ словомъ, она заспалась, что, какъ извѣстно, часто случается съ здоровыми людьми, легшими, послѣ сытнаго обѣда, успокоить свое бременное тѣло. Это полусознательное состояніе Перепетуи Петровны было прервано приходомъ горничной дѣвки со свѣчею.

Отд. I.

11

— Палащка! это ты? — сказала барыня, жмуря глаза, которымъ, видно, было неприятно ощущение свѣта.

— Я, матушка.

— Что тебѣ?

— Феоктиста Саввишна пріѣхали.

— Что-же ты, дура, давно мнѣ не скажешь, — проговорила Перепетуя Петровна, вставая проворно съ постели, на сколько можетъ проворно встать женщина лѣтъ около 50-ти и пудовъ шести вѣса, а потомъ, надѣвши передъ зеркаломъ траурный тюлевый чепецъ, съ печальнымъ лицомъ, медленнымъ шагомъ вышла въ гостиную. Гостья и хозяйка молча поцѣловались и усмѣлись на диванѣ.

— Я, въ моемъ горестномъ положеніи, — сказала печальнымъ тономъ Перепетуя Петровна, — сижу больше тамъ у себя, даже съ закрытыми окнами: какъ то при свѣтъ-то еще грустнѣе.

— Что мудренаго, что мудренаго! — повторяла гостья, тоже плачевнымъ голосомъ, покачивая головою; — впрочемъ я вамъ откровенно скажу, Бога ради, не убивайте вы себя такъ.... Конечно несчастіе велико: въ одно время, что называется, умеръ зять и съ сестрою параличъ; но, Перепетуя Петровна, нужна покорность.... Что дѣлать! въдь ужъ не поможешь. Я, признаться-сказать, таки нарочно пріѣхала провѣдать, какъ и васъ-то Богъ милуетъ; полноте.... берегите свое-то здорье — не молоденькія, матушка.

Перепетуя Петровна ничего не отвѣчала на эти утѣшительныя слова; но, съ половины монолога, начала рыдать, закрывши лицо носовымъ платкомъ. Этотъ обычный пріемъ плачущихъ былъ весьма кстати для Перепетуи Петровны, потому-что выраженіе лица ея, въ эту горькую минуту, очень было не красиво; слезы какъ-то не шли къ ея полной, отчасти грубоватой и лишенной всякаго выраженія физиономіи. Феоктиста Саввишна, тождественная своею наружностію и вѣсомъ тѣла Перепетуѣ Петровнѣ, смотрѣла на нее нѣсколько минутъ съ участіемъ, а потомъ и сама принялась плакать.

— Я видѣть ее не могу, мою голубушку, — проговорила наконецъ Перепетуя Петровна, всхлипывая, — представить ее даже не могу.

— Это-то и дурно, Перепетуя Петровна, — перебила утѣшительница, — ну злѣ, конечно, ужъ не воротишь, чело-вѣкъ мертвый; а сестрица, вотъ вамъ, какъ Богъ святъ, выздоровѣетъ. У меня покойникъ два раза былъ въ параличъ, все лицо было сворочено на сторону, да прошло; да вѣдь это проходитъ.

— Нѣтъ, матушка! — говорила Перепетуя Петровна, — я ужъ совѣтовалась объ ней съ Карломъ Ивановичемъ, съ ней не пройдетъ. Охъ, Господи! грудь даже начала болѣть; шкогда прежде этого не бывало; онъ говоритъ, у ней, началось съ помѣшательства, съ гипохондріи.

— Что-жъ такое гипохондрія! ничего! — возразила Θεоктиста Саввишна. — Да вотъ недалеко примѣръ — Басуновъ, Саши, племянницы моей, мужъ, цѣлый годъ былъ въ гипохондріи, однако прошла; теперь здоровъ совершенно. Что-же послѣ открылось? Его безпокоило, что имѣніе было въ залогъ; жена глядѣла, глядѣла, видѣть, дѣлать нечего, заложила свою деревню, а это-то выкупила, и прошло.

— Какъ странно однако это случилось! — начала Перепетуя Петровна, — она сначала, какъ умеръ Василій Петровичъ.... ничего.. Конечно, грустила, только слезъ какъ-то все было: не плакала... Ну, безъ сомнѣнія, я каждый день то сама, то посылаю; не повѣрите, всѣ ночи не сплю, не знаю, какъ и самое-то Богъ подкрѣпляетъ; вотъ, сударыня моя, наканунѣ Троицына-дня, приходитъ ея Марфутка-ключница и говоритъ мнѣ: «что это, говоритъ, матушка, у насъ барыня-то все задумывается?» А я и говорю: какъ-же, я говорю, не задумываться; это по-вашему ничего, кто-бы ни умеръ, мать-ли, мужъ-ли — все равно; а она мнѣ на это и говоритъ (она, даромъ что простая, умная этакая, сметливая, славная женщина), «нѣтъ, говоритъ, матушка, барыня-то что-то очень сумнительна: все насъ изволить высылать вонъ, и все переби-

раетъ письма Василя Петровича да Павла Васильича, а вчера, какъ-будто-бы и заговариваться стала: говоритъ, а что—и понять невозможно.» Я такъ и не опомнилась! Охъ, Боже мой! рассказывать даже тяжело. Какъ сидѣла, вотъ на этомъ диванѣ, такъ руки и ноги охолодѣли; ничего не помню!... Въ безпамятствѣ меня одѣли, снарядили, привезли къ ней, и вижу: параличъ во всей; кажется, и меня даже не узнала.

Перепетуя Петровна замолчала и вздохнула; Θεоктиста Саввишна тоже сидѣла задумавшись.

— Да, вотъ, можно сказать, истинное-то несчастье—начла послѣдняя,—непритворное-то чувство! Видно, что было тяжело перенести эту потерю; я знаю это по себѣ. Ахъ, какъ это тяжело! Вотъ ужъ, можно сказать, что потеря мужа ни съ чѣмъ не можетъ сравниться! Кто ближе его? никто! Другъ, что называется, на всю жизнь человѣческую. Гдѣ дѣти-то Анны Петровны?

— Лиза писала, что прїѣдетъ и съ мужемъ сюда совсѣмъ на житье; а Паша ужъ мѣсяца съ три, какъ прїѣхалъ изъ Москвы: онъ, слава Богу, всѣ ихныя тамъ экзамены кончилъ хорошо; въ наверситетѣ вѣдь онъ былъ.

— Это я слышала. Что-то онъ бѣдненькой? Его-то положеніе ужасно: онъ былъ, какъ говорится, маменькинъ сыночекъ.

Перепетуя Петровна вздохнула.

— Что онъ? ничего.... мужчина! У нихъ, знаете, чувствъ-то этакихъ нѣтъ.... А ужъ онъ особенно, всегда былъ такой неласковой. Ну, вотъ хоть ко мнѣ: я ему, недалеко считать, родная тетка; вѣдь никогда, сударыня моя, не прїдетъ; чтобы этакъ приласкался, поговорилъ-бы, посоветовался, рассказалъ-бы что-нибудь — никогда! Прїдетъ, сидитъ да ногой болтаетъ, согрѣшила грѣшная. Я съ вами, Θεоктиста Саввишна, говорю откровенно....

—Ой, полноте, Перепетуя Петровна—перебила Θεоктиста Саввишна, —вы, я думаю, знаете: я не болтушка какая-нибудь; слава Богу, десятый годъ живу здѣсь, а никогда, можно сказать, ни въ одной сканделѣзности не была замѣшана.

— Потому-то я съ вами и говорю. Грустно, знаете, этакъ на сердце-то носить, особенно семейныя непріятности,— продолжала Перепетуя Петровна.— Охъ, Боже мой! опять забыла о чемъ начала?...

— О Павлѣ Васильчѣ.

— Да, о Пашѣ. Конечно, я хоть и родная тетка, а всегда скажу: онъ не картежникъ, не мотъ какой-нибудь, не пьяница—этого ничего нѣтъ; да ученья-то въ немъ какъ-то не видно, а ужъ его-ли, кажется, не учили? Шесть лѣтъ въ гимназіи сидѣлъ, да въ Москвѣ лѣтъ пять былъ; ну, вотъ, хоть и теперь, безпрестанно все читаетъ, да только толку-то не видать: ни этакого, знаете, обращенія, ловкости этакой въ обществѣ, какъ у другихъ молодыхъ людей, или этакихъ умныхъ, солидныхъ разговоровъ — ничего нѣтъ! Лѣность непомерная, маціону никакого не имветъ: цѣлые дни сидитъ да лежитъ.... тюфякъ, совершенный тюфякъ! Я еще его маленькаго прозвала тюфякомъ.

—Что это за странность? стало быть, они и въ военную службу не пойдутъ?

— Какой онъ военный? Сама сестра тутъ виновата; конечно ужъ теперь про нее говорить нечего.... человекъ больной.... не внушала ему никогда, надзору настоящаго не было: «Паша! Паша!» и больше ничего; что Паша ни дѣлай, все хорошо. Паша не выходитъ при гостяхъ въ гостиную и сидитъ тамъ у себя; прекрасно, батюшка: бѣгай хорошаго общества; отдали танцовать учиться, черезъ мѣсяцъ пришелъ: «я не хочу, маменька, учиться танцовать, я не способенъ!» Какая тутъ способность? всякой молодой человекъ способенъ! и то прекрасно: не учишь, сынокъ, будь медвѣдемъ. А опять, хоть-бы за столомъ, у меня всегда бывало ссора: чорнаго хлѣба совершенно не ѣсть, а теперь вотъ на здоровье жалуется.... Ему, бывало, очень не понутру, какъ я пріѣду; я вѣдь не люблю, безпрестанно замѣчаю: «Паша, сиди хорошенько, Паша, будь поразвѣзнье, поди умой руки!» ну и получше, поисправится, какъ-бѣтъ дворянскій мальчикъ. Сестра добрая женщина, а мать была слабая. Говорятъ, въ собственныхъ дѣтахъ нельзя видѣть недостатковъ; пустое:

будь у меня дѣти, я-бы первая все видѣла! Вотъ Лиза совсѣмъ не то; какъ была отдана съ малолѣтства въ чужіе люди, такъ и вышла другая! Ее, еще четырехъ лѣтъ, увезла сестра Василья Петровича, классная дама; ну, а какъ сюда прѣхала, манеру-то тоже очень начала терять. Хорошо, что я-же нашла жениха, а то, пожалуй, и теперь сидѣла-бы въ дѣвкахъ: никто-бы и не замѣтилъ. Ну, сначала было все хорошо, очень были рады, что выходить за-мужъ, а послѣ на меня-же была претензія; Василій Петровичъ часто говаривалъ: «Богъ съ вами, сестрица, сировадрили отъ насъ Лизу за тридевять земель, жила-бы лучше поближе къ намъ; зять челоувѣкъ неизвѣстный, Богъ знаетъ, какъ и живетъ.» Что-же вышло? Челоувѣкъ прекрасный, каждую почту пишетъ ко мнѣ преласковья письма: «почтеннѣйшая тетушка!» и потомъ все такъ умно излагаетъ. Очень, очень—неглупый челоувѣкъ.

Впродолженіе всей этой рѣчи, Θεоктиста Саввишна качала головой и по временамъ вздыхала.

— Сколько у васъ непріятностей-то было, Перепетуга Петровна, — начала она, послѣ непродолжительнаго молчанія, — особенно зная вашу родственную-то любовь; какъ въдь это грустно, когда видишь, что дѣлается не такъ, какъ-бы хотѣлось.

— Что дѣлать, Θεоктиста Саввишна? Вся жизнь моя, можно сказать, прошла въ горестяхъ: въ молодыхъ годахъ жила съ большимъ отцомъ, шесть лѣтъ въ церкви Божіей не бывала, ходила за нимъ, что называется, денно и ночью, никогда не роптала; только, бывало, и удовольствій, что съѣзжу въ ряды, да нарядовъ себѣ накуплю: наряжаться любила, молода была. Говорили послѣ, что я вдвое больше получила протівъ сестры.... пустое! Дѣло ужъ прошлое, лишней копѣйки нѣтъ на моей совѣсти. А и теперѣ, для чего я живу?.... Племянники не родныя дѣти; нынче и на родныхъ-то дѣтей нѣльзя положиться; и въ нихъ иногда нѣтъ утѣшенія.

— Именно такъ, именно такъ, — подтверждала Θεоктиста Саввишна.

Разговоръ еще нѣсколько времени продолжался на ту же тему. Наконецъ Θεоктиста Саввишна начала прощаться. Перепетуя Петровна умоляла ее пробить вмѣстѣ съ нею вечеръ; но Θεоктиста Саввишна рѣшительно отказалась: она почувствовала непреодолимое желаніе передать въ одномъ дружественномъ для нея домѣ все, что она узнала отъ Перепетуи Петровны насчетъ ея семейныхъ непріятностей. Хозяйка, видя невозможность оставить у себя свою гостью на вечеръ, рѣшилась сама, отъ-ничего-дѣлать, исполнить священный долгъ и навѣстить свою большую сестру. Такимъ образомъ обѣ дамы сошли вмѣстѣ съ крыльца и разошлись по своимъ экипажамъ.

Θεоктиста Саввишна... но здѣсь я долженъ нѣсколько остановиться и обратить вниманіе читателя на дружественный для нея домъ. Домъ этотъ состоялъ изъ отца, матери и двухъ дочерей, и принадлежалъ къ высшему губернскому кругу. Владимиръ Андреевичъ Кураевъ былъ представитель и родоначальникъ его. Жилъ онъ открыто и былъ чело-вѣкъ въ обществѣ видный, рѣзкій немного на языкъ, любилъ порезонѣрствовать и владелъ даромъ слова; наружность имѣлъ онъ очень внушительную, солидную и даже нѣсколько-строгую. Говорили въ городъ, что будто-бы онъ былъ немного деспотъ въ своемъ семействѣ, что у него всѣ домашніе плясали по его дудкѣ, и что его властолюбіе прорывалось даже иногда при постороннихъ, не смотря на то, что онъ, видимо стараясь дать женѣ вѣсь въ обществѣ, называлъ ее всегда по имени и отчеству, т. е. Марьей Ивановною, относился часто къ ней за совѣтами и спрашивалъ ея мнѣнія, говоря такимъ образомъ: «какъ вы думаете, Марья Ивановна?—что вы на это скажете, Марья Ивановна?» Покупая какую-нибудь вещь въ лавкахъ, онъ обыкновенно говорилъ прикащику: «принеси, братецъ, на домъ, я посо-вѣтуюсь съ Марьей Ивановной!» Вещь приносили, и Владимиръ Андреевичъ оставлялъ ее за собою въ долгъ. Что касается до Марьи Ивановны, то это было какое-то существо совершенно—безличное, и она служила только слабымъ отраженіемъ своего супруга: чтѣ-бы она вамъ ни говорила, вы непременно это слышали, за нѣсколько дней, отъ Вла-

димира Андреевича. Были слухи, будто-бы Марья Ивановна говорила иногда и отъ себя, высказывала иногда и личныя свои мнѣнія, такъ на примѣръ жаловалась на Владимира Андреевича, говорила, что онъ рѣшительно ни въ чемъ не даетъ ей воли, а все потому, что взялъ ее безъ состоянія, что онъ челоуѣкъ хитрый, и хорошъ только при людяхъ; на дочерей своихъ она тоже жаловалась, особенно на старшую, которая, по ея словамъ, только и боялась отца. Въ обществѣ Марья Ивановна слыла за женщину недалнюю, но добрую и рѣшительно *не сплетницу*. Двѣ дочери этой аристократической четы, Юлія и Надежда, были первыя красавицы во всемъ городѣ, или по-крайней-мѣрѣ такъ убѣждены были ихъ родители. Стоявшіе въ этомъ городѣ армейскіе офицеры старшую прозвали гордою брюнеткой, а младшую рѣзвою блондинкой. Брюнетка была похожа на отца и вела себя въ обществѣ скромно и даже нѣсколько гордо; дома-же, особенно у себя въ комнатѣ, была гораздо говорливѣе, давала своей горничной безпрестанныя нотадіи за различныя опущенія по туалету. Блондинка была одинакова какъ въ обществѣ, такъ и у себя въ комнатѣ, то-есть, немного скоро и необдуманна; съ дѣвками больше смѣялась, никогда не давала имъ наставленій и очень-скоро одѣвалась на балы. О состояніи Кураевыхъ носились какіе-то двусмысленные слухи. По моему мнѣнію, судя по ихъ образу жизни, прямо-бы надобно было заключить, что они богаты; но нашлись подозрительные умы, которые будто-бы очень-хорошо знали, что у Кураевыхъ всего 150 мотанныхъ и промотанныхъ душъ, что денегъ ни гроша, и что, хотя Владимиръ Андреевичъ и рассказывалъ, что онъ очень-часто получаетъ наслѣдства, но живетъ онъ, по словамъ тѣхъ-же подозрительныхъ умовъ, немного не чистыми и не очень-благородными афферами, на примѣръ, занимаетъ въ различныхъ мѣстахъ безъ отдачи деньги, и прочая. Вотъ что говорили подозрительные умы.

Оеоктиста Саввишна, не смотря на то, что могла быть отнесена къ вышеозначеннымъ подозрительнымъ умамъ, являлась, и теперь явилась въ дружественный для нея домъ съ почтеніемъ, похожимъ даже нѣсколько на подобострастіе.

Хозяйкѣ и барышнямъ раскланялась она жеманно, свернувши нѣсколько голову на бокъ, а Владимиру Андреевичу, видно, для выраженія своего почтенія, присѣла ниже, чѣмъ прочимъ. Усѣвшись, она тотчасъ-же начала рассказывать, что вчера, на обѣдѣ у Жостковыхъ, Махмурова наговорила за мужа большихъ дерзостей Подслѣповой, что Бахтіаровъ купилъ еще лошадь у ея двоюроднаго брата, что какой-то Августинъ Августиновичъ третій мѣсяць страдаетъ насморкомъ, и что эта неспособная болѣзнь заставляетъ его, не смотря на твердый характеръ, даже плакать. Владимиръ Андреевичъ сидѣлъ развалился въ креслахъ, и рѣшительно не обращалъ вниманія на рассказы Θεоктисты Саввишны; барышни также мало ею занимались: онѣ въ это время, отъ-нечего-дѣлать, разсматривали модную картинку и потихоньку растолковывали ее другъ другу: «это должно быть тюлевая перелинка», говорила одна; «шѣтъ, ша снѣге, блондовая», и тому под. Слышала Θεоктисту Саввишну одна только Марья Ивасовна, но и та скоро вышла къ себѣ въ комнату.

— Чѣмъ это вы, Юлія Владимировна, занимаетесь? — отнеслась Θεоктиста Саввишна къ двушкамъ.

— Смотримъ, — отвѣчала брѣнетка.

— Что это такое смотрите?

— Картинку изъ журнала.

Θеоктиста Саввишна пододвинулась къ барышнямъ.

— Что-же это такое? Моды?

— Моды.

— Нынѣшнія?

— Нынѣшнія.

— Нынче наряжайтесь, барышни, нарядитѣ: у васъ зимой будетъ новый кавалеръ.

— Ихъ всегда много, — отвѣчала съ гримасою брѣнетка.

— Кто такой? — спросила блондинка.

— Ловкій, красавецъ изъ себл, богатый.

— Кто-же это такой? проговорилъ Владимиръ Андреевичъ.

— Василья Петровича Бешметева сынъ; что, изволите знать?

— Знаю. Да откуда-же ему богатство-то досталось?

— Я, вѣдь, смѣюсь. Мѣсяць только и танцовать-то учил-ся: молодой еще человекъ, только престо медвѣдь; сидитъ да ногой болтасть; и родные-то тюфякомъ зовутъ. Не больно, кажется, и уменъ; говорить рѣшительно ничего не умѣетъ.

— Жалкой какой! — замѣтила брюнетка.

— А собой хорошь? — спросила блондинка.

— Не такъ красивъ: волосы взерошенные, руки не умытыя.

— Фи, гадость какая! хочется вамъ это рассказывать, — произнесла брюнетка.

— За что-же его зовутъ тюфякомъ? — спросила блондинка.

— Очень ужъ целовокъ, не развязетъ, — отвѣчала Θεоктиста Саввишна.

— Какъ это смѣшно! тюфякъ! — продолжала блондинка, — я непременно пойду съ нимъ танцовать; я очень люблю танцовать съ этими несчастными.

— Вотъ этого-то тебѣ и не позволятъ сдѣлать, — возразилъ Владимиръ Андреевичъ, — я ужъ замѣтилъ, что ты всегда съ дрянью танцуешь. А отчего? оттого, что все готово! Какъ-бы своя ноша потянула, такъ-бы и знала, съ кѣмъ танцовать; да! — заключилъ онъ выразительно, и вышелъ. Блондинка покраснѣла.

На другой день Θεоктиста Саввишна, на крестинахъ у своего двоюроднаго брата, у котораго Бахтіаровъ купилъ лошадь, рассказала, что Перепетуя Петровна до-сихъ-поръ все еще плачетъ по зятю, и очень недовольна пріѣхавшимъ изъ Москвы племянникомъ, потому-что онъ вышелъ человекъ грубый, безъ всякаго обращенія, рѣшительный тюфякъ. На этотъ ея рассказъ по преимуществу обратили вниманіе: рябая дама, знакомая Перепетуй Петровны, и какой-то мозглый старичекъ, пользовавшійся, по его словамъ, расположеніемъ Анны Петровны. А дней чрезъ нѣсколько, съ помощію Θεоктисты Саввишны и исчисленныхъ мною особъ, многіе, очень-многіе узнали, что послѣ покойнаго Бешметева, пріѣхалъ сынъ, ужасный чудакъ, целовкій, да, кажется, и недалкій — просто *тюфякъ*.

II.

БРАТЬ, СЕСТРА И ТЕТКА.

Между тѣмъ, какъ такимъ образомъ разносился слухъ о молодомъ Бешметевѣ, онъ сидѣлъ задумавшись въ своей комнатѣ. Не вдалекѣ отъ него помѣщалась молодая женщина: это была его сестра, Лиза, какъ называла ее Перепетуя Петровна. Бешметевъ дѣйствительно никакимъ образомъ не могъ быть отнесенъ, по своей наружности, къ красивымъ и статнымъ мужчинамъ: средняго роста, но широкой въ плечахъ, съ впалую грудью и съ большими руками, онъ, подлинно, былъ, какъ выражаются дамы, очень-дурно сложенъ и даже неуклюжъ; въ движеніяхъ его обнаруживалась какая-то вялость и неповоротливость; но еслибы вы стали всматриваться въ его широкое, блѣдное и неправильное лицо, въ его большіе голубые глаза, то постепенно стали-бы открывать что-то такое, что вамъ понравилось-бы, очень понравилось. Говорятъ, что это отѣнки мысли и чувствъ, которыя въ иныхъ лицахъ не даютъ себя замѣтить при первомъ взглядѣ. Бѣлые волосы его не были взъерошены, какъ говорила Феоктиста Саввишна, но, умѣренно-подстриженные, они, конечно, лежали, какъ имъ хотѣлось, что впрочемъ очень шло къ его блѣдному и большому лбу; одѣтъ онъ былъ небрежно. Совершенно-другой наружности была Лизавета Васильевна: высокая ростомъ, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, съ роскошными волосами, которые живописно собирались сзади въ одну темную косу, она была почти красавица въ сравненіи съ братомъ. Въ одеждѣ ея замѣтны были вкусъ и опрятность, что, какъ извѣстно, дается въ удѣлъ не многимъ губернскимъ барынямъ. Въ выраженіи лица молодой женщины высказывалось что-то грустное, почему она и казалась какъ-бы старше двадцати-пяти лѣтъ, которыя прожила на бѣломъ свѣтѣ. Братъ и сестра сидѣли задумавшись; глаза Лизаветы Васильевны были заплаканы. Они только вышли отъ больной матери. Старуха была разбита параличемъ, отнявшимъ у ней движеніе и языкъ и затмившимъ

почти-совершенно умственные способности; она помнила и узнавала одного только Павла. Большею частию она была въ безпамятствѣ, а пришедши въ себя, то истерически смѣялась, то плакала. Лизавету Васильевну она совершенно не узнала: напрасно Павелъ старался ей напомнить о сестрѣ, которая съ своей стороны начала — было рассказывать о дѣтяхъ, о мужѣ: старуха ничего не понимала, и, только взглядывая на Павла, улыбалась ему и какъ-бы смилалась что-то сказать; а черезъ нѣсколько минутъ пришла въ безпамятство.

Павелъ, получившій отъ медика приказаніе не беспокоить мать въ подобномъ состояніи, позвалъ сестру, и оба они усѣлись въ гостиной. Долго не влезалъ между ними разговоръ: они такъ давно не видались, у нихъ было такъ много горя, что слово какъ-бы не давалось имъ для выраженія того, что свершалось въ этѣ минуты въ ихъ сердцахъ; они только молча мѣнялись ласковыми взглядами.

— Какъ мы съ тобой давно не видались, Поль! — начала наконецъ Лизавета Васильевна.

— Давно, Лиза.

— Перемѣнилась я съ тѣхъ поръ?

— Очень переѣнилась.

— У меня двое дѣтей; старшій сынъ ужасно-похожъ на тебя.

— А мужъ твой, Лиза?

— Мужъ у меня, братецъ... онъ немного вѣтренъ; но впрочемъ добрый человекъ, и, кажется, любить меня.

— Зачѣмъ-же ты за него вышла? — спросилъ Павелъ, глядя на сестру.

— Богу такъ угодно! Насъ сосватала тетушка: она уговорила батюшку и матушку, насаказавши имъ о безчисленномъ богатствѣ моего мужа.

— И что-жь? это вышло правда?

— Правда, — отвѣчала, съ горькою улыбкою, молодая женщина.

— Помнишь, что ты мнѣ говорила?

— Что я тебѣ говорила ?

— Что ты....

Молодая женщина улыбнулась.

— Это давно ужъ прошло,—отвѣчала она, вспыхнувъ.

— Тебя не уговорили выйти за другаго ?

— Нѣтъ, Польша, я сама первая согласилась,—отвѣчала молодая женщина.

— Не можетъ быть !

— Отчего-жъ не можетъ быть ?.... Но, впрочемъ, перестанемъ говорить объ этомъ, Польша.... Это была глупость, и больше ничего.

— А я на-дняхъ еще встрѣтилъ Бахтіарова.— Лизавета Васильевна вдругъ поблѣднѣла.

— Развѣ онъ здѣсь? — спросила она, стараясь скрыть внутреннее волненіе; но голосъ ея задрожалъ, губы слегка посинѣли.... Павелъ молчалъ и только внимательно посмотрѣлъ на сестру.

— Лучше поговоримъ о тебѣ — начала Лизавета Васильевна, стараясь переменить предметъ разговора : — что ты съ собой хочешь дѣлать ?

Этотъ вопросъ въ свою очередь смутилъ Павла.

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Ты думаешь здѣсь служить ?

— Нѣтъ.

— Такъ, стало быть, ты хочешь уѣхать, опять съ нами разстаться на долго ?

— Да, мнѣ надобно-бы было ѣхать.

— Но матушка ? какъ ты ее оставишь ?

Павелъ задумался.

— Мое положеніе — началъ онъ — очень непріятно.... Я думалъ непременно ѣхать.

— Поживи, братецъ, съ нами.

— Нельзя, Лиза, мнѣ надобно получить степень магистра.

— Ну, а потомъ что ?

— А потомъ.... потомъ можетъ быть очень-хорошо.... это лучшая для меня дорога.

— Такъ поезжай.

— А матушка?...

Лизавета Васильевна нѣсколько минутъ ничего не отвѣчала.

— Ей, можетъ-быть, сдѣлается лучше—начала она— и ты поведешь; она тоже къ тебѣ прїдетъ.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ прїездомъ Перепетуи Петровны.

— Лизанька! другъ мой! ты-ли это?—вскрикнула она, почти вбѣжавши въ комнату, и бросилась обнимать племянницу; за тѣмъ слѣдовало съ полдюжины поцѣлуевъ; потомъ радостныя слезы.

— Давно-ли ты, матушка моя, прїехала?—говорила тетка, нѣсколько успокоившись и усаживаясь на диванъ.

— Сегодня утромъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу! слава Богу! что сестричушка-то? я и неспросила объ ней.

— Матушка заснула,—отвѣчалъ Павелъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу! пусть ее почиваетъ. Здравствуй, Паша. Я тебя-то и не замѣтила; подвинь-ка мнѣ скамеечку подъ ноги: этакой какой неловкой—никогда не замѣтить.—Павелъ подалъ скамейку.—Погляди-ка на меня, дружокъ мой,—продолжала Перепетуя Петровна, обращаясь къ племянницѣ—какъ ты похорошѣла, пополнила. Видно, мать моя, не въ заговѣ живешь? не съ прибылью-ли ужь? Ну, что муженекъ-то твой? я его голубчика ужь давно не видала.

—Онъ дома остался; слава Богу, здоровъ,—отвѣчала Лизавета Васильевна, цѣлуя у тетки руку. Перепетуя Петровна больше любила племянницу, чѣмъ племянника, потому-что та была къ ней ласковѣе.

— Что дѣточки-то твои? Михайло Николаевичъ писалъ, что они просто милашки.

— Я завтра ихъ привезу къ вамъ, тетушка.

— Непременно привези! смотри-же одна и не ѣзди! Паша, полно сидѣть букой-то; пододвинься, батюшко, къ намъ, поговори хоть съ сестрой-то; вѣдь, я думаю, лѣтъ пять не видались?

—Мы съ нимъ ужь, тетушка, наговорились и наплакались.

— Счастье твое, мать моя! а со мной такъ онъ не болѣо говоривъ. О чемъ-же это съ тобою-то говорилъ?

— Разсказывалъ свои обстоятельства.

— Минъ никогда ни слова не говорилъ. Какія-же его обстоятельства? Да разскажи, батюшко, хоть что-нибудь. Что ты скрываешь? Что, я тебѣ чужая что-ли? Зла что-ли я тебѣ желаю? Я, кажется, ничего тебѣ не показывала, кромѣ моего расположенія: грѣхъ тебѣ, Паша! Какія-же это обстоятельства?

— Сестра вамъ лучше разскажетъ; она знаетъ все,— отвѣчалъ Павелъ, съ величайшимъ терпѣніемъ выслушивавшій претензіи тетки.

— Какія-же обстоятельства?—спросила снова любопытная Перепетуя Петровна, уже обращаясь къ племянницѣ.

— Вотъ, видите, тетинька, брату нужно ѣхать въ Москву.

— Это зачѣмъ?—почти вскрикнула Перепетуя Петровна.

— Ему надобно получить степень магистра.

— Это для чего ему степень? Должность что-ли это какая?

— Все равно, что должность,—отвѣчалъ Павелъ.

— А жалованье велико-ли?

— Жалованья нѣтъ.

— Такъ какая-же это должность? Этакихъ-то должностей и здѣсь много. Какъ-же ты мать-то оставишь?

— Это-то меня и беспокоитъ, тетушка.

— Отчего ты нехочешь здѣсь служить? Не хуже тебѣ служить Федосья Парфентьевны сынъ, ужъ именно, можно сказать, прекрасный молодой человекъ, съ обращеніемъ: по-французски такъ и рѣжетъ; да вѣдь служить-же; скоро, говорятъ, чинъ получить; а тебѣ отчего не служить? Ты вспомни мать-то свою, чѣмъ она для тебя не жертвовала? Здоровья своего, что называется, не щадила; не мало съ тобой возилась, не молоденькая была; а тебѣ не хочется остаться успокоить ее въ послѣднія, что называется, минуты. Лиза... конечно! Ну, да что-же дѣлать? она ту меньше любила, да, вѣдь, она ужъ и отрѣзанный ломоть, у нея свои обязанности,

свое семейство : иной-бы разъ и рада угодить матери , да не можетъ , впору и мужу угождать , да тѣшить его ; а ты свободный человекъ , мужчина ! Нѣтъ , сударь , не слѣдуетъ ; за это Богъ тебѣ всю жизнь не дастъ счастья ! Нечего супиться-то , я правду говорю .

— Все это хорошо.... и я самъ знаю , тетушка ,—возразилъ Павелъ .

— Нѣтъ , видно , не знаешь , коли хочешь дѣлать другое .

— Я думаю ѣхать , если матушка сама мнѣ это позволить , а послѣ и ее къ себѣ перевезти .

Перепетуя Петровна , при этихъ словахъ , покраснѣла , какъ вареный ракъ .

— Нѣтъ ужъ , Павелъ Васильичъ , извините — начала она неприятно-звонкимъ голосомъ — этого-то мы никакъ не допустимъ сдѣлать : да я первая не позволю увезти отъ меня больную сестру ; да насъ-то ты чѣмъ считаешь ? Чужая что-ли она намъ ? Она такъ-же близка нашему сердцу , можетъ быть ближе , чѣмъ тебѣ ; ты умница , я вижу : отдай ему мать таскать тамъ съ собой , чтобы какой-нибудь дряни , согрѣшила грѣшная , отдавъ подъ начальъ .

— Тетушка ! — началъ-было Павелъ .

— Не смѣйте , сударь , этого и думать !—возразила Перепетуя Петровна.—Она , конечно , человекъ больной.... пожалуй , онъ это сдѣлаетъ , увезетъ ее.... Да вотъ , дай Господи мнѣ на этомъ мѣстѣ не усидѣть : я первая до начальства пойду , ей Богу ! Губернатору просьбу подамъ...

— Успокойтесь , тетушка !—сказала Лизавета Васильевна .

— Что это , сударыня , какъ это возможно ? Внѣшъ какой финти-фантъ ! Пожалуй гляди ему въ зубы-то.... Пусть одинъ ѣдетъ , уморить ее : по-крайней-мѣрѣ , на совѣсти-то у насъ не будетъ лежать . Ему , я думаю , давно хочется ее спровадить .

Павелъ весь вспыхнулъ....

— Богъ съ вами , тетушка !—проговорилъ онъ , и ушелъ къ себѣ въ комнату .

Больная въ это время простонала .

— Матушка-то моя простонала,—заговорила вдругъ совершенно-другимъ голосомъ Перепетуя Петровна, и вошла въ спальню къ сестрѣ.—Здравствуй, голубушка! поздравляю тебя съ радостью; вотъ у тебя обѣ твои пташки подъ крыльшками. О, голубушка моя! Какая она сегодня свѣжая; дай ручку поцѣловать.—При этихъ словахъ Перепетуя Петровна поцѣловала у сестры руку.—Позови, матушка, Павла-то сюда, — прибавила она, обращаясь къ племянницѣ.

Лизавета Васильевна пошла за братомъ. Павелъ стоялъ прислонясь къ окну; слезы, невидимо для него самого, текли по его глазамъ.

— Братецъ! пойдѣмъ къ матушкѣ,—сказала тихо Лизавета Васильевна.

Павелъ, какъ-бы пробудившись отъ сна, вздрогнулъ; потомъ, увидѣвши, что это была сестра, обнялъ ее, крѣпко поцѣловавъ, утеръ слезы и пошелъ къ матери.

— Вотъ тебѣ и Паша! Подойди къ матери-то, приласкайся,—говорила Перепетуя Петровна, усѣвшаяся на кровати рядомъ съ сестрою.

Больная, не обращая вниманія на ея слова, взяла сына за руку, и начала глядѣть на него.

—Будь спокойна, матушка сестрица, онъ не поѣдетъ,—заговорила Перепетуя Петровна, — какъ ему взать? онъ не можетъ этого и подумать; его Богъ накажетъ за это.

На глазахъ старухи показались слезы.

— Не уѣдетъ, матушка, ей-Богу, не уѣдетъ! Какъ это возможно? Мы все его не отпустимъ. Скажи, сударь, самъ-то, что не поѣдешь. Что молчишь?

Больная сначала расхохоталась, потомъ перешла къ слезамъ и начала рыдать.

—Что это, Павелъ Васильичъ!—вскрикнула Перепетуя Петровна, вышедши изъ себя, до чего ты доводишь мать-то? Безстыдникъ этакой! Бога не боишься!

— Поль! успокой маменьку,—сказала Лизавета Васильевна брату.

—Я не поѣду, матушка,—проговорилъ наконецъ Павелъ.

Но старуха не унималась и продолжала плакать.

— Я не уйду, матушка, я всю жизнь буду при васъ, — говорилъ онъ, цѣлуя мать.

Лизавета Васильевна и Перепетуя Петровна плакали; послѣдняя даже рыдала очень-громко, приговаривая: — Давно бы такъ, сударь, что это за неблагодарность такая, за нечувствительность?

Еще съ полчаса продолжалась эта сцена. Наконецъ больная успокоилась и заснула. Тетка уѣхала вмѣстѣ съ Лизаветой Васильевной, за которою мужъ врислалъ лошадей, а Павелъ ушелъ въ свою комнату. — Господи! что мнѣ дѣлать? — сказалъ онъ, всплеснувши руками, и бросился на постель. Цѣлый часъ почти пролежалъ онъ, не измѣнивши положенія; потомъ всталъ, и, казалось, былъ въ сильномъ волненіи: руки его дрожали; въ лицѣ, обычно задумчивомъ и спокойномъ, появилось какое-то странное выраженіе; какъ-бы всѣ мыщцы лица были въ движеніи, томные глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Онъ началъ разбирать свои бумаги, и, отложивши изъ нихъ небольшую часть въ сторону, принялся остальные рвать. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ мудрыя рукописи, какъ-то лекціи, комментаріи, конспекты, сочиненія, были перерваны на нѣсколько кусковъ. Павелъ принялся-было и за книги, но корешковые переплеты устояли противъ его рукъ, и онъ удовольствовался только тѣмъ, что подложилъ ихъ къ печкѣ, видно съ намѣреніемъ сжечь ихъ на другой день. Этотъ энергическій припадокъ, кажется, былъ не въ духъ Павла: онъ, видно, не похожъ былъ на тѣхъ горячихъ людей, которые, разсердившись, кричатъ, колотятъ стекла, часто бьютъ своихъ лакеевъ и даже жонъ, если таковыя имѣются, а потомъ черезъ четверть часа, преспокойно курятъ трубку. Мой студентъ, послѣ варварскаго поступка со своими тетрадами, упалъ въ изнеможеніи на постель; въ полночь однако онъ всталъ, и, кажется, нѣсколько успокоился, потому-что бережно началъ собирать разорванныя бумаги, и переложилъ книги отъ печки на прежнее мѣсто. Заснулъ онъ, впрочемъ, уже утромъ.

III.

МИХАЙЛО НИКОЛАЕВИЧЪ МАСУРОВЪ.

На другой день, часу въ первомъ пополудни, Михайло Николаевичъ Масуровъ, мужъ Лизаветы Васильевны, стоялъ у себя на дворѣ, въ шолковомъ козакинѣ, въ широкихъ шировахахъ, безъ шапка, съ трубкою въ зубахъ и съ хлыстомъ въ рукѣ. Передъ нимъ гоняли на кордѣ лошадь, приведенную ему для продажи цыганомъ. Масуровъ имѣлъ курчавые волосы, здоровое, смазливое лицо и довольно-красивые усы. Его шолковый козакинъ, его широкіе шировары, даже хлысть въ рукѣ и трубка въ зубахъ, очень шли къ его наружности: во фракъ, или сертукъ, онъ былъ-бы, кажется, гораздо хуже.

Цыганъ нахваливалъ лошадь, а Масуровъ, какъ знатокъ, находилъ въ ней недостатки.

—Смотри, баринъ — говорилъ цыганъ, — переднія-то ноги какъ несеть! корабли пройдутъ.

—Переднія-то хорошо несеть, да задними-то хлябитъ; на двуногой-то, братъ, далеко не уедешь. Ванька! подведи-ка ее сюда! — Ванька подвелъ лошадь къ барину. — Вонъ она гдѣ хлябитъ-то, — говорилъ Масуровъ, толкая сильно кулакомъ лошадь въ заднюю лопатку, такъ-что та покачнулася; — шей-то, смотри, ничего нѣтъ; вонъ и копыта-то точно у лошака: это ужъ, братъ, значитъ не тово, не породиста.

— Что копыта? — говорилъ цыганъ, поднимая ногу у лошади, — ты посмотри, какая нога-то у лошади.

—Сашка! куда ты бѣжишь? — сказалъ Масуровъ, схвативши за платье горничную, которая бѣжала изъ избы съ утюгомъ.

— Полноте, сударь, гладить пора. Ей-Багу, обожгу: вонъ, барыня смотреть въ окошко,

— Эка важность барыня! — И онъ ужъ хотѣлъ-было обхватить ее за талию, но она дотронулася до держкой руки утюгомъ; тотъ невольно отдернулъ ее, и горничная, поль-

зуюсь минутой свободы, юркнула въ сѣни. — Эка пострѣль хорошенькая! — замѣтилъ Масуровъ, глядя ей въ слѣдъ. — Горничная дѣйствительно была хорошенькая. Лизавета Васильевна, не смотря на слабость своего супруга въ отношеніи прекраснаго пола, не оберегала себя съ этой стороны, подобно многимъ жонамъ, выбирающимъ въ горничныя уродовъ, или старухъ. Она въ это время точно сидѣла съ братомъ у окна; но увидѣвъ, что ея супругъ перенесъ свое вниманіе отъ лошади къ горничной, встала и пересѣла на диванъ, приглашая то-же сдѣлать и Павла, но онъ видѣлъ все.... Онъ тотчасъ-же отошелъ отъ окна, и взглянулъ на сестру: лицо ея горѣло, ей было стыдно за мужа; но оба они не сказали ни слова.

На кругломъ столѣ, стоявшемъ около дивана, лежала какая-то бумага. Лизавета Васильевна машинально взяла ее и развернула: это была записка слѣдующаго содержанія: «Пріѣзжайте сегодня; мы васъ ждемъ, вы вчера зарвались; нужно-же было понадѣяться на шельму ваета.» — Лизавета Васильевна поблѣднѣла. Она очень-хорошо знала смыслъ подобныхъ записокъ: безпокойство ея еще болѣе увеличилось, когда вспомнила она, что вчерашній день, сверхъ обыкновенія, оставила ключи отъ шкатулки дома. «Онъ, вѣрно, вчера игралъ» подумала она, и вышла въ спальню. Увы! подозрѣнія ея оправдались; шкатулка была даже не заперта; изъ пяти тысячъ, единственнаго капитала, оставшагося отъ продажи съ аукціоннаго торга мужнина имѣнія, она не досчиталась ровно трехъ тысячъ. Видно, Лизаветѣ Васильевнѣ было очень жаль этихъ денегъ: она не въ состояніи была выдержать себя и заплакала; она не скрыла и отъ брата своего горя, она рассказала, что имѣніе ихъ, въ Саратовской губерніи, продано, и что отъ него осталось только пять тысячъ рублей, изъ которыхъ прекрасный муженекъ ея успѣлъ уже проиграть больше половины; теперь у нихъ осталось только ея состояніе, т.-е. тридцать душъ. Но чѣмъ этимъ будетъ жить? а главное, на что воспитывать дѣтей, которыхъ уже теперь двое? Вотъ что узналъ Павелъ о ея

семейныхъ обстоятельствахъ. Лизавета Васильевна просила его поговорить мужу. Павелъ обѣщался:—Ты только сама начни, сестрица: вдругъ не ловко,—замѣтилъ онъ. Въ то-же время послышался голосъ Масурова.

— Ухъ! Ой, батюшки, отцы родные! — говорилъ онъ, входя въ комнату,—ой, отпустите душу на покаяніе!—продолжалъ онъ, кидаясь въ кресла, — ой занемогу! ей Богу занемогу! — и залился громкимъ смѣхомъ.

—Что тебѣ такъ весело?—спросила Лизавета Васильевна.

— Ахъ, душка моя! ты себя представить не можешь, что видѣлъ сейчасъ. Вообрази.... вспомнить не могу....—Но звонкій смѣхъ, которымъ разразился онъ, снова перервалъ его рѣчь.

Братъ и сестра невольно улыгнулись, глядя на наивную веселость Михаила Николаевича.

— Да что такое? — повторила Лизавета Васильевна.

— Вы сами умрете со смѣха, — продолжалъ Масуровъ, утирая выступившія отъ смѣха на глазахъ слезы. — Можешь себя представить: вхожу я въ кухню, и что-же? долго-вязая Марѳутка сидитъ на мужъ верхомъ, и бьетъ его кулаками по рожѣ, а онъ, знаешь, пѣльный, только этакъ руками барахтается.—Тутъ онъ представилъ, какъ пьяный мужъ барахтается руками, и самъ снова захохоталъ во все горло, но слушатели его не умерли со-смѣха; они даже не улыгнулись: Лизавета Васильевна только покачала головой, а Павелъ еще болѣе нахмурился. «И это человекъ, думалъ онъ, семьянинъ, который вчера проигралъ почти-последнее достояніе своихъ дѣтей? Въ немъ даже нѣтъ раскаянія; онъ ходитъ по избамъ, и помираетъ со смѣха, глядя на безпутство своихъ дворовыхъ людей.» Михайло Николаевичъ еще долго смѣялся; Павелъ потихоньку началъ разговаривать съ сестрою.

— Ну, душка,—говорилъ, унявшись, Масуровъ и обращаясь къ женѣ, — велика намъ подать закусить, знаешь, этого швейцарскаго сыра, да хереску. Вы, братецъ, извините меня, что я ушомъ; страстишка! нельзя: старый,

знаете, коннозаводчикъ. Да, чортъ возьми! славный былъ у меня заводъ! Какъ вамъ покажется, Павелъ Васильичъ? послѣ батюшки мнѣ доеталось однихъ матокъ двѣ-тысячи.

Павелъ съ удивленіемъ взглянулъ на зятя; Лизавета Васильевна только улыбнулась: она, видно, привыкла къ подобнымъ эффектнымъ выходкамъ своего супруга.

— У тебя, Мишель, всегда есть привычка прибавлять по два нуля, — замѣтила она ему.

— Вотъ прекрасно! Да ты-то почему знаешь? Когда ты пріѣхала, я ужъ давно ихъ проигралъ. Много, чортъ возьми, я въ жизнь мою проигралъ!

— А вчера много-ли проигралъ? — спросила Лизавета Васильевна.

Масуровъ очень сконфузился.

— Я вчера не проигрывалъ, — отвѣчалъ онъ, запинаясь.

— Гдѣ-же три-то тысячи?

Масуровъ покраснѣлъ, и ничего не отвѣчалъ; онъ только моталъ головой женѣ, показывая глазами на брата, который сидѣлъ въ задумчивости.

— Нечего кивать головой-то, — говорила Лизавета Васильевна, — при братѣ я могу говорить все. Ну, скажи, Поль: хорошо-ли это въ одинъ вечеръ проиграть три-тысячи рублей?

— Очень-нехорошо! — началъ Павелъ, — женатому человеку не слѣдуетъ рисковать не только тысячами, но даже рублями. — Говоря это, онъ видимо дѣлалъ надъ собою большое усиліе.

Михайло Николаевичъ переминался.

— Не стыдно тебѣ? — сказала Лизавета Васильевна.

— Ну, душка, извини, — говорилъ Масуровъ, подходя къ женѣ, счастье сначала ужасъ какъ везло, а подъ конецъ какъ будто-бы какой чортъ ему напощивалъ: каждую карту бралъ, съдая крыса. Ты не повѣришь: въ четверть часа очистилъ всего, какъ липку; предлагалъ-было на вексель; «я вижу, говорить, вы человекъ благородный.»

— Это еще лучше! сколько-же ты по вексело-то проигралъ?

— Ей-Богу, душка, ни копейки. Что я? сумасшедшій что-ли? Ты думаешь, я не понимаю; — что братецъ не скажетъ! — я семейный человекъ, мнѣ стыдно это дѣлать. Вотъ, какъ три-тысячи проигралъ, такъ и не запираюсь: дѣйствительно проигралъ. Ну, прости меня, ангельчикъ мой Лиза, ей-Богу не стану больше въ карты играть: чортъ съ ними! онъ мнѣ даже опротывал... Сегодня вспоминалъ поутру, такъ даже тошнить.

— Немудрено послѣ такого проигрыша, — замѣтилъ Павелъ.

— Ну, душка моя, — продолжалъ Масуровъ, ласкаясь къ женѣ, — скажи, простила меня. Дай ручку поцѣловать!

Лизавета Васильевна, кажется, мало вѣрила въ раскаяніе своего мужа.

— Пустой ты человекъ! — сказала она, отнимая у него свою руку.

— Лизочка, душка моя! ну, дай хоть мизинчикъ поцѣловать! Хочешь, я встану на колыни? — И онъ дѣйствительно всталъ передъ женой на колыни. — Павелъ Васильичъ, попросите Лизу, чтобы она дала мнѣ ручку.

Павелъ молчалъ; ему видимо неприятна была эта сцена. Лизавета Васильевна глядѣла на мужа съ чувствомъ сожалѣнія, очень-похожаго на презрѣніе, но подала ему руку, которую тотъ звонко поцѣловалъ.

— Важно! гуляй теперь: жена простила! — вскричалъ Масуровъ, поднявшись на ноги и потирая руки. — Ну, теперь, душка, вели-же намъ подать хересовъ и закусить... О, милашка. Славная у меня, чортъ возьми, жена! — продолжалъ онъ, глядя на уходящую Лизавету Васильевну. — Я вѣдь ее очень люблю, даже побаиваюсь.

— Вамъ нужно поосторожнѣе издерживать деньги — началъ Павелъ, когда сестра ушла, — вы не богатый и семейный человекъ.

— Да, вѣдь, братецъ, я, ей-Богу, даже очень-скупъ: спросите хоть жену; вчера вотъ только, чортъ ее знаетъ,

как-то промахнулся. Впрочемъ, что-жъ такое? У меня еще прекрасное состояніе: въ Орловской губерніи полтора ста отлично-устроенныхъ душъ, одни сады даютъ пять-тысячъ годового дохода.

— Мнѣ сестра говорила, — возразилъ Павелъ, не могли снести этой лжи, — что у васъ имѣніе осталось только въ здѣшной губерніи.

— Вотъ пустяки-то, такъ ужъ пустяки, — вскричалъ Масуровъ, нисколько не сконфузившись, — вѣрьте ей: она ужасная притворщица!

Подали закуску.

— Выпьемте-ка, любезный братецъ, по стаканчику хереску въ честь нашего знакомства.

Отъ стаканчика Павелъ отказался, и выпилъ только рюмку; но Масуровъ выпилъ цѣлый стаканъ.

— Послушайте, братецъ, — началъ онъ, садясь около Павла, — что если я васъ о чемъ попрошу, исполните?

— Чѣмъ такое?

— Нѣтъ, скажите напередъ, что вы не откажете.

— Я не знаю, въ чемъ еще состоитъ просьба.

— Нѣтъ-ли у васъ рублей двухъ-сотъ въ займы? Я такъ издержался, что, ей-Богу, даже совѣстно! Только женѣ, ради Бога, не говорите, — продолжалъ онъ шопотомъ, — она терпѣть этого не можетъ; мнѣ, знаете, маленькая нуждишка на собственные депансы.

Морозъ пробѣжалъ по кожѣ Павла; онъ почувствовалъ полное отвращеніе къ зятю.

— Я не имѣю денегъ, — отвѣчалъ онъ сухо.

— Ахъ, чортъ возьми, это скверно! Не знаете-ли, по крайней-мѣрѣ, у кого занять? — продолжалъ не унывавшій Масуровъ, — покутили-бы, канальство, вмѣстѣ! — Павлу очень-непріятно было это слышать; онъ молча всталъ, и потомъ было пошелъ въ сосѣднюю комнату.

— Куда это вы? — спросилъ его Масуровъ.

— Я нищу сестры; хочу проститься.

— Посидите! она сейчас выйдет. Вы, видно, неохотными познакомиться? а еще....

Продолженіе этой рѣчи было прервано приходомъ Лизаветы Васильевны.

— Прощай, сестрица, — сказала Павелъ, не могши подавить въ себя непріятнаго чувства.

— Обѣдай у насъ, Поль!

Павелъ хотѣлъ-было отказаться, но ему жаль стало сестры, и онъ снова сѣлъ на прежнее мѣсто. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ съ нянькой старшій сынъ Лизаветы Васильевны. Онъ, ни слова не говоря и только поглядывая ѣскося на незнакомое ему лицо Павла, подошелъ къ матери и положилъ къ ней головку на колѣни. Лизавета Васильевна взяла его къ себѣ на руки, и начала цѣловать. Павелъ любовался племянникомъ, и, кажется, забылъ непріятное впечатлѣніе, произведенное на него зятемъ: ребенокъ былъ, дѣйствительно, хорошъ собою.

— Полничка! кто это сидитъ?—спрашивала его Лизавета Васильевна, указывая на брата.

Ребенокъ глядѣлъ на Павла и молчалъ.

— Постой, я тебѣ на ушко шепну,—продолжала мать, и, пригнувши его головку, что-то ему шепнула.—Кто-же?— снова повторила она, указывая на брата.

— Дада, — отвѣчалъ шонотомъ ребенокъ.

— Польшка! поди сюда—кричалъ Масуровъ, видно желавшій тоже приласкать сына.—Ребенокъ посмотрѣлъ на него и не думалъ сходить съ колѣней матери. — Поди сюда, говорятъ тебѣ! — повторялъ Масуровъ, протягивая руки.— Лиза, душка моя, пошли его ко мнѣ.

— Поди къ отцу,—сказала Лизавета Васильевна, ссаживая Поля съ колѣней.

Ребенокъ не-хоти началъ переходить комнату; но только что подошелъ къ ласковому папенькѣ, тотчасъ-же заревѣлъ: Михайло Николаевичъ, по обыкновенію, ухватилъ его пухленькую щечку между пальцами, и началъ трясти.

— Экой какой ! сейчас и заплакалъ !

Лизавета Васильевна молча встала, и взяла опять сына къ себѣ на колѣни : дитя тотчасъ-же замолчало.

Обѣдъ прошелъ обыкновеннымъ своимъ порядкомъ. Павелъ и Лизавета Васильевна мало ѣли и больше молчали; но за-то много ѣлъ и много говорилъ Михайло Николаевичъ. Онъ рассказывалъ шурина довольно-странныя про себя вещи, такъ напримѣръ, онъ говорилъ, что, въ турецкую кампанію, какой-то янычаръ, съ дьявольскими усами, отрубилъ у него у правой ноги ѣкру; но ихъ полковой медикъ, отличнѣйшій знатокъ, такъ что весь петербургскіе врачи противъ него ни къ чорту не годятся, пришилъ ему эту икру, и не его собственную, которая въ-торопяхъ была затеряна, а ѣкру мертваго солдата. О своей физической силѣ и охотничьихъ своихъ способностяхъ онъ тоже отзывался не очень скромно: и божбами и клятвами увѣрялъ онъ своихъ слушателей, что, въ прежніе годы, останавливалъ шесть лошадей, взявшись обѣими руками за заднее каретное колесо, билъ пулей бекасовъ и затравливалъ, съ четырьмя борзыми собаками, въ одинъ день, по двадцати паръ волковъ.

Павелъ ушелъ отъ сестры съ грустнымъ и тлжолымъ чувствомъ. «Она болѣе, чѣмъ несчастна,» говорилъ онъ самъ съ собою. «Добрая, благородная ! и кто-же ея мужъ ? кто этотъ человекъ, съ которымъ суждено ей провести всю жизнь ? Онъ мотъ, лгуны, необразованный, невѣжа и даже, кажется, низкій человекъ!» — Павелъ, можетъ-быть ужъ слишкомъ обвинялъ Масурова; можетъ-быть, это былъ только пустой, но добрый по природѣ человекъ ? Можетъ-быть, обстоятельства жизни, недостатокъ воспитанія ? ... Но, впрочемъ, я теперь помолчу : съ дальнѣйшимъ ходомъ моего разсказа, мы будемъ имѣть случай лучше познакомиться съ этой личностью.

IV.

ПАВЕЛЪ.

Съ наступленіемъ зимы, губернской городъ, гдѣ происходили описываемыя мною происшествія, значительно оживился: составились собранія и вечера. Общество, какъ повествуется преданіе, было самое - блистательное, такъ что какой-то господинъ, проживавшій въ томъ городѣ цѣлую зиму, отзывался объ немъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ самыя лестныхъ выраженіяхъ, называя тамошнихъ дамъ душистыми цвѣтками, а все общество чрезвычайно-чистымъ и опрятнымъ. Всѣ веселились, даже Перепетуя Петровна вздумала въ два-три дома играть въ преферансъ. Роднымъ племянникомъ она была очень недовольна: «что это за молодой человекъ, говорила она, скажите на милость? не хочетъ показаться въ общество; право въ немъ ничего нѣтъ дворянскаго-то, совершенный семинаристъ. Вонъ посмотришь на другую-то молодежь: что это за ловкость, что это за вѣжливость, въ то-же время, къ дамамъ, — вчужь, можно сказать, сердце радуется; а въ немъ рѣшительно ничего этого нѣтъ: съ нами-то насилу слово скажетъ, а съ посторонними такъ и совсѣмъ не говоритъ. Чего у него не достаетъ? платье неподобное, фракъ отличнѣйшій самаго тонкаго сукна, выѣздъ хорошій: слава Богу послѣ покойника-то однихъ городскихъ саней остались двое; мать-бы ему никогда въ этомъ не отказала, по-крайней-мѣрѣ былъ-бы на виду у хорошихъ людей; нѣтъ, сударь ты мой, сидитъ сиднемъ, въ рождество даже никого не съездилъ поздравить». — Но за то вездѣ являлся и всѣхъ поздравлялъ со всевозможными праздниками другой ея племянникъ, Михайло Николаевичъ Масуровъ. Онъ очень успѣлъ, по словамъ тетки, заискать въ обществѣ, а все потому, что ласковъ и обходителенъ; и къ ней онъ тоже былъ очень ласковъ. Она начинала къ нему чувствовать болѣе и болѣе родственнаго расположенія. — «Что онъ мнѣ? говорила она, вѣдь почти посторонній человекъ, а лучше роднаго-то пле-

мянника, ей-Богу! Приѣдешь, расскажешь, гдѣ былъ, что видѣлъ и куда опять пойдешь: прекраснѣйшій человекъ!

Права, совершенно-права была Перепетуя Петровна въ своихъ приговорахъ насчетъ племянника. Онъ былъ очень не говорливъ, безъ всякаго обращенія, и, въ настоящее время, дѣйствительно никуда не выѣзжалъ, не смотря на то, что владѣлъ фракомъ отличнѣйшаго сукна и парными санями. Но такъ-какъ многіе поступки человека, или, какъ говорятъ въ провинціяхъ, его поведеніе часто условливаются весьма-отдаленными причинами, то поэтому я не излишнимъ считаю познакомить читателя съ моимъ героемъ съ самаго его младенчества.

Павелъ родился на свѣтъ очень-худенькимъ и слабымъ ребенкомъ; всѣ ожидали, что онъ на другой-же день умретъ, но этого не случилось: Паша жилъ. Выродожденіе всего своего младенчества, онъ почти не давалъ голоса, и только бывало покряхтитъ, когда захочетъ встать. Ходить онъ началъ на третьемъ году, и еще позднѣе того заговорилъ. Мать съ восторгомъ рассказывала, что Паша съ превосходнымъ характеромъ; и дѣйствительно ребенокъ былъ необыкновенно-тихъ, послушенъ и до невѣроятности добръ: съиѣтъ ключницы, ровесникъ Павла, приходившій въ горницу играть съ барченкомъ, обыкновенно выпивалъ у него чай, обиралъ въ игрушки, и даже не считалъ за грѣхъ дать ему при случаѣ туза; Павелъ не сердился за это, но сносилъ все молча и никогда не жаловался. Другіе дворовые люди были тоже очень-довольны барченкомъ, потому-что онъ никогда на нихъ не ябедничалъ, и они обыкновенно дѣлали при немъ все, что имъ вздумается. Павелъ никогда не рѣзвился и не бѣгалъ, а сидѣлъ больше въ дѣтской на лежанкѣ, поджавши ноги. Любимымъ его занятіемъ было вырѣзывать изъ бумаги людей, съ какими-то необыкновенно-узкими таліями, и раскрашивать ихъ красками; цѣлые дни онъ игралъ ими, какъ въ куклы, водилъ ихъ по лежанкѣ, сажалъ, заставлялъ другъ другу кланяться и все что-то нашептывалъ. Собой былъ Паша очень нехорошъ и страшно-неопрятенъ. Нанковые козакчики, въ которые его одѣвали, были вѣчно

перепачканы; сапоги свои онъ обыкновенно стантывалъ и очень скоро изнашивалъ; послѣдняго обстоятельства даже не возможно и объяснить, потому-что Паша, какъ я и прежде сказалъ, все почти сидѣлъ. Ребенокъ, кажется, сознавалъ, что онъ не хорошъ собою, потому-что очень не любилъ, когда прїѣзжали гости, особливо нарядные, которые часто привозили съ собою прехорошенькихъ дѣтей и говорили съ ними по-французски; ему было очень-совѣстно сидѣть при нихъ въ гостиной; онъ пряталъ свои руки и ноги, или, лучше сказать, весь старался спрятаться въ уголь, въ которомъ обыкновенно усаживался. Ему казалось, что всѣ смотрятъ на него съ пренебреженіемъ и сожалѣніемъ; его никто никогда, кромѣ матери, не ласкалъ; молодья барыни никогда не подзывали его для поцѣлуя и для разговоровъ, какъ это бываетъ съ хорошенькими дѣтьми; въ его старомобразномъ лицѣ было, дѣйствительно, что-то отталкивающее.

Василья Петровича отдали подъ судъ, и съ этого времени къ нимъ рѣшительно перестали ѣздить гости. Паша этому душевно радовался, и съ-тѣхъ-поръ почти никого не видалъ, кромѣ отца и матери. Для образованія его былъ нанятъ семинаристъ. Перепетуя Петровна пришла въ отчаяніе, и чуть не поссорилась съ сестрою, доказывая ей, что семинаристы ничему не научатъ, потому-что они безъ всякаго обращенія. Однажды (Павлу минуло въ это время двѣнадцать лѣтъ) къ Бешметевымъ прїѣхалъ какой-то дальній родственникъ изъ 'Петербурга. Видно, этотъ господинъ былъ не кое-кто, потому-что хозяйка безмѣрно ему обрадовалась, приняли съ какимъ-то подобострастіемъ, и безпрестанно называли его: ваше превосходительство.

— Что это, Василій, твой сынъ что-ли?—спросилъ генералъ за столомъ, взглянувши на Павла.

— Сынъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Василій Петровичъ.

— Чему ты, милый мой, учишься?—сказалъ генералъ, обращаясь къ ребенку.

— Мы еще его многому-то, по слабости здоровья, не начинали учить; теперь иногда семинаристъ ходитъ, — отвѣчала мать.

Генераль покачалъ головой.

— Да что-же такое тутъ здоровье-то, за что-же вы ребенка-то губите, оставляя его, такъ сказать, въ невѣжествѣ? — У Павла навернулись на глазахъ слезы. — Смотрите, ужъ онъ самъ плачетъ, — продолжалъ генераль, — сознавая, можетъ-быть, то зло, которое причиняетъ ему ваша слѣпая и невѣжественная любовь. Плачь, братецъ, и просись учиться: въ противномъ случаѣ ты погѣбъ безвозвратно. — Много, послѣ того, генераль говорилъ въ томъ-же тонѣ, и очень-убѣдительно доказалъ хозяевамъ, что человѣкъ безъ образованія — звѣрь дикій, что они, т.-е. родители моего героя, если не понимаютъ этого, такъ потому-что сами необразованы и отстали отъ вѣка.

Василій Петровичъ и Анна Петровна, пристыженные генераломъ, на другой-же день рѣшились приготовить сына въ гимназію. Паша обрадовался этому рѣшенію: онъ очень-хорошо понималъ, что генераль правъ, и ему самому хотѣлось учиться. Семинаристъ, имѣвшій между прочимъ извѣстную слабость Александра Македонскаго, былъ замѣненъ приходскимъ священникомъ, очень-умнымъ человѣкомъ, и учителемъ математики изъ узднаго училища. Ребѣнокъ оказалъ неимоверные успѣхи, и черезъ годъ былъ совершенно-готовъ въ первый классъ гимназіи. Пашу повели на экзамень. Богу одному развѣ извѣстно, чего стоило моему герою придти въ первый разъ въ школу; но экзамень онъ выдержалъ очень-хорошо, хоть и сконфузился чрезвычайно. Товарищи приняли Павла, какъ обыкновенно принимаютъ новичковъ: только-что онъ утѣлся въ классѣ, какъ одинъ довольно-высокій ученикъ подошелъ къ нему и крѣпко треснулъ его по лбу, приговаривая: «эка парень лби́на-то!» Потомъ другой шалуныкъ пошелъ и нажаловался на него учителю, говоря, что будто-бы онъ толкается и не даетъ ему заниматься, тогда-какъ

Павелъ сидѣлъ, почти не шевелясь. Учитель, любившій задавать новичкамъ острастку, поставилъ на цѣлый день Павла на колѣни. Послѣ этого Бешметевъ началъ бояться учителей и чуждаться товарищей, и обыкновенно старался придти въ гимназію передъ самымъ началомъ класса, когда уже всѣ сидѣли на мѣстахъ. Учиться ему впрочемъ было очень-легко.

Незамѣтно шло годъ за годомъ. Павелъ подросталъ. Изъ некрасиваго и робкаго ребенка онъ сдѣлался мѣшко-ватымъ юношею. Перенетуя Петровна просто приходила въ отчаяніе, глядя на своего племянника, и не называла его иначе, какъ тюфякомъ. Въ гимназіи Павелъ рѣшительно не шалилъ, не грубилъ учителямъ и хорошо учился. Директоръ называлъ его «благонравный господинъ Бешметевъ,» но товарищи его называли зубрилою; они не то, чтобы не любили Бешметева, но какъ-то мало уважали. Всѣ почти товарищи, нѣкоторые изъ зависти, а другіе просто для удовольствія, любили подтрунить надъ нимъ, рассказывая, что будто-бы онъ спитъ съ нѣнькою, и по вечерамъ безпрестанно долбитъ уроки, а что трубки покурить не смѣетъ и подумать, потому-что маменька высѣчетъ. Молча переносилъ Павелъ эти насмѣшки, но видно было, что онъ ему непріятны: онъ очень не любилъ бывать съ товарищами, ни къ кому изъ нихъ никогда не ходилъ, и къ себѣ не звалъ. Дома Павелъ не безпрестанно долбилъ, какъ думали товарищи: онъ даже не много занимался, часто сидѣлъ съ матерью и рассказывалъ ей что-нибудь. Анна Петровна внимательно слушала сына, хотя ничего почти не понимала изъ его словъ; но болѣе всего Павелъ любилъ быть одинъ, лежать на кровати и мечтать. Восемнадцати лѣтъ онъ кончилъ курсъ въ гимназіи, и началъ собираться въ Москву, чтобы поступить въ университетъ. Анна Петровна, еще за мѣсяць передъ отъѣздомъ сына, принялась плакать, а въ минуты разставанія съ нимъ упала въ страшный обморокъ, и цѣлые полгода послѣ того не осушала глазъ.

Павелъ пріѣхалъ въ Москву, и отыскалъ квартиру съ столомъ, на Смоленскомъ-рынкѣ, у одной титулярной со-

вътницы Подхлебовой, по рекомендательному письму отъ Перепетуи Петровны, находившейся съ Подхлебовой когда-то въ большой дружбѣ. Титулярная совѣтница очень опасалась взять къ себѣ на квартиру молодого человѣка, потому что вообще въ числѣ молодыхъ людей очень-много пьяницъ, развратныхъ и буяновъ; но Перепетуя Петровна писала весьма-убѣдительно, и Подхлебова рѣшилась, тѣмъ болѣе, что третья комната панимаемой ею квартиры была рѣшительно ей не нужна. Скоро страхъ титулярной совѣтницы совершенно разсвѣлся: молодой человѣкъ оказался скромнѣе и тихѣе, даже болѣе, чѣмъ слѣдовало. Она прозвала его *старичкомъ*, и всѣмъ своимъ знакомымъ рассказывала, что «постояльца ей просто Богъ послалъ, что онъ второй феноменъ, что этакой скромности она даже сама въ дѣвницахъ не имѣла, что онъ, кромѣ университета, никуда даже шагу не сдѣлалъ, а ужъ не то, чтобы заводить какія-нибудь дебоширства. Придетъ, побѣдаетъ, полежитъ, почитаетъ въ книжку, попишетъ, и видно чрезвычайно-много занимается науками; даже съ ней мало вступаетъ въ разговоры, хоть она и старается его обласкать.»

Съ озабоченнымъ и нѣсколько-сердитымъ лицомъ явился Павелъ въ университетъ, сѣлъ на самую дальнюю скамейку, и во все время экзаменовъ не сказалъ почти ни съ кѣмъ слова. Такъ-же началъ онъ ходить и на лекціи, т.-е. приходилъ, садился гдѣ-нибудь вдали, записывалъ слова профессора, а потомъ уходилъ. Онъ не сошелся ни съ однимъ изъ товарищей, и ни съ однимъ изъ нихъ даже не кланялся. Дома онъ дѣйствительно, какъ говорила титулярная совѣтница, велъ самую однообразную жизнь, т. е. обѣдалъ, занимался, а потомъ ложился на кровать и думалъ, или, скорѣе, мечталъ: мечтою его было сдѣлаться со временемъ профессоромъ; мечта эта явилась въ немъ послѣ отлично-выдержаннаго экзамена перваго курса; живо представлялъ онъ себѣ часы первой лекціи, эту внимательную и любопытную толпу слушателей, передъ которыми онъ будетъ излагать глубоко-обдуманныя науки, общее удивленіе его учености, а тамъ общественная, а за оной и мировая

слава. На второмъ курсѣ у него появилось новое развлече-
 ніе: для усовершенствованія въ нѣмецкомъ языкѣ, онъ
 началъ переводить Шиллера, полное собраніе сочиненій
 котораго подарилъ ему еще въ гимназій учитель нѣмец-
 каго языка; а потомъ, вникнувъ и въ самый духъ герман-
 скаго поэта, онъ пристрастился къ нему, прочелъ его всего,
 или даже выучилъ всего наизусть; а за тѣмъ принялся и
 за другихъ нѣмецкихъ романистовъ. Результатомъ этого
 чтенія было то, что Павелъ сталъ чувствительно скучать
 въ своей однообразной жизни; хотѣ-бы сходить въ театръ,
 посмотреть *Коварство и Любовь*, на примѣръ; но для этого
 у него не было денегъ, которыхъ едва доставало на обы-
 деиное содержаніе и на покупку книгъ; хотѣ-бы въ гости
 куда-нибудь съѣздить, гдѣ есть молодыя дѣвушки, но увы!
 знакомыхъ онъ не имѣлъ рѣшительно никого. Часто, часу
 въ десятомъ-одиннадцатомъ вечера, выходилъ онъ изъ дома,
 и долго ходилъ по улицамъ безъ всякой цѣли, и только
 иногда останавливался передъ какимъ-нибудь освѣщеннымъ
 домомъ.... Внутри было свѣтло: въ какомъ-то фантасти-
 ческомъ свѣтѣ являлись ему движущіяся тамъ фигуры лю-
 дей; ему казалось, что тамъ должно быть очень-хорошо
 и весело. Лежа по вечерамъ на кровати, онъ съ какимъ-
 то страннымъ чувствомъ прислушивался къ говору женскихъ
 голосовъ, раздававшемуся въ комнату хозяйки. Къ ней
 очень-часто ходили ея пріятельницы, но всѣ, какъ нарочно,
 были очень-дурны собой.

За два года передъ выпускомъ, Бешметевъ, пріѣхавши
 домой на вакацію, увидѣлъ въ первый разъ сестру свою.
 Сначала онъ очень дичился ея, но Лиза была живѣе брата:
 она начала его мало-по-малу пріучать къ себѣ, и, къ концу
 вакаціи, онъ даже просиживалъ съ нею цѣлые дни и раз-
 говаривалъ. Передъ отъѣздомъ она ему намекнула, что ей
 по преимуществу нравится нѣкто Бахтіаровъ. Павла, ка-
 жется, это очень заинтересовало: онъ въ каждомъ письмѣ
 послѣ того намекалъ сестрѣ на это обстоятельство. На
 третьемъ курсѣ Бешметевъ перемѣнилъ квартиру. Хозяйка

его, титулярная совѣтница Подхлебова, не смотря на то, что двѣнадцатый годъ вдовѣла, была женщина строгой нравственности. Сначала она, какъ мы видѣли, очень опасалась взять къ себѣ на квартиру молодого студента, но потомъ успокоилась, увидѣвши, что этотъ студентъ совершенный старичекъ, и очень скоро къ нему привыкла. Она вмѣстѣ съ нимъ обѣдала, пила его чаемъ, часто приходила въ его комнату и даже упросила его быть при ней въ халатѣ, очень-справедливо замѣчая, что, живши вмѣстѣ, на всякій часъ не убережешься. Потомъ.... Титулярная совѣтница, не смотря на сорокъ-пятый годъ жизни, хранила еще въ груди своей сердце, способное любить: когда Бешметевъ уѣхалъ на вѣжцію, она съ ужасомъ догадалась, что питаетъ къ своему постояльцу не привычку, а чувство болѣе-нѣжное, болѣе-страстное, потому-что, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ его отсутствія, безмѣрно грустила и скучала, а когда Павелъ прѣѣхалъ, она до сумасшествія обрадовалась ему и чрезвычайно сконфузилась. Въ головѣ ея образовалась довольно-смѣлая мысль: она вздумала выйти за мужъ за Павла, когда онъ кончитъ курсъ, а до-тѣхъ-поръ постараться внушить ему любовь къ себѣ. Съ этого времени жизнь Павла сдѣлалась гораздо-комфортабельнѣе: въ комнатѣ его поставлена была новая мебель и даже пріѣдлано было новое драпри къ окошку; про столъ и говорить нечего: его кормили какъ нельзя лучше; сама титулярная совѣтница начала просиживать цѣлые дни въ его комнатѣ; послѣднее, кажется, очень надоѣдало Павлу, потому-что онъ каждый разъ, когда входила къ нему хозяйка, торопился раскрыть книгу и принимался читать. «Я вамъ не буду мышать, а только такъ посижу», говорила хозяйка, и, сѣвши напротивъ, начинала пристально на него смотреть, вздыхать, и даже набивала ему трубки; холодность Павла относилась она къ ребести. Титулярная совѣтница чувствовала непреборимое желаніе объявиться съ своимъ постояльцемъ и ободрить его. 10-го Октября, въ день своего рожденія, она, кажется, исполнила свое намѣреніе: за ужиномъ она много пила Павла

виномъ , а потомъ пришла къ нему въ комнату и очень-долго тамъ сидѣла. Но на другой день Павелъ чуть-свѣтъ ушелъ изъ дома, и нанялъ другую квартиру. Къ титулярной совѣтницѣ онъ болѣе не возвращался; даже за вещами своими просилъ съездить своего новаго хозяина , честнаго Нѣмца, пытаемаго повивальнымъ искусствомъ своей супруги. Госпожа Подхлебова, кажется, не ожидала такого поступка со стороны своего постояльца. «Что вамъ угодно? Я васъ не знаю.... Не можетъ быть.... Я не могу вѣрить!....» говорила она, и рѣшительно-было не хотѣла отдавать вещей пришедшему за ними Нѣмцу.—Моя Каролинъ Ивановна кочеть, я кочеть, господинъ студентъ кочеть: ви не можетъ не давать.... Когда ви мой дать не катите, то я пошолъ на квартальный,—сказалъ Нѣмецъ, и дѣйствительно пошелъ - было за квартальнымъ; но титулярная совѣтница сочла за лучшее покориться судьбѣ и отпустить вещи.... Впрочемъ она написала къ Павлу предлинное письмо, и послала его къ нему съ горничною дѣвкой. Содержаніе этого письма мнѣ тоже неизвѣстно, потому-что и самъ Вешметевъ, не читавши его, разорвалъ и бросилъ въ печь.

На новой квартирѣ Павелъ началъ жить такъ-же однообразно и еще уединеннѣе. Хозяева его не беспокоили: повивальная бабка почти никогда не бывала дома, а честный Нѣмецъ предавался, по цѣлымъ днямъ, невинному и любимому его занятію: онъ все переписывалъ прописи, пытая честолюбивыя замыслы попасть со временемъ въ учителя каллиграфіи. Вскорѣ у Павла появилось новое занятіе: онъ очень-долго началъ засиживаться у окна, и все смотрѣлъ на крыльцо противоположнаго дома, откуда часто выходила молоденькая дѣвушка, въ сопровожденіи пожилой дамы, садилась въ парныя сани, куда-то увъзжала и опять прѣвзжала. Въ теплые дни дѣвунка выходила съ тою-же дамою, а иногда съ господиномъ въ бекешкѣ, гулять пѣшкомъ, и была одѣта, въ такомъ случаѣ, въ теплый шолковый капоть. Боже мой! какъ хороша казалась Павлу его сосѣдка! Какая была чудная у ней талія! а глаза.... даже на такомъ дальнемъ

разстояніи видно было, что у ней чудные, черные глаза! Жизнь Павла какъ-будто-бы сдѣлалась полнѣе. Каждый день онъ просыпался съ надеждою увидѣть сосѣдку, и дѣйствительно каждый день ее видѣлъ. Онъ очень-хорошо заучилъ, въ которомъ часу она ходитъ гулять, долго-ли гуляетъ; зналъ дни, въ которые она уѣзжала часовъ въ двѣнадцать, и возвращалась уже поздно. По праздникамъ дѣвушка и дама выѣзжали изъ дома часу въ одиннадцатомъ, и часу въ двѣнадцатомъ возвращались домой; Павелъ догадался, что они ѣздятъ къ обѣднѣ, а потомъ узналъ — и куда именно; оказалось, что въ очень-близкую сосѣднюю церковь; онъ самъ пошелъ туда, видѣлъ ее, видѣлъ вблизи, и каждое воскресенье, каждый праздникъ, началъ ходить въ эту церковь. Съ этого времени онъ почти пересталъ заниматься, и вполнѣ предался своимъ мечтамъ. Ему очень хотѣлось, чтобы дѣвушка его замѣтила, но этого ему никакъ не удавалось достигнуть.

Въ концѣ первой недѣли великаго-поста сосѣдній домъ запустѣлъ; ни дѣвушки, ни дамы, ни господина въ бекешкѣ не стало видно: они уѣхали. Трудно описать, какъ Павлу сдѣлалось скучно и грустно; онъ даже потихоньку плакалъ, а потомъ неимоვნю началъ заниматься и кончилъ вторымъ кандидатомъ; Бешметевъ, кромѣ того, получилъ золотую медаль. Товарищи его были ужасно этимъ удивлены. Бешметевъ былъ такъ незамѣтенъ между ними, что никто даже не зналъ, какъ онъ шелъ. Профессоръ, по предмету котораго написалъ онъ разсужденіе, убѣждалъ его держать экзаменъ на магистра. Все это очень польстило честолюбію моего героя: онъ рѣшился тотчасъ-же готовиться; но Богъ судилъ иначе.

Черезъ нѣсколько времени Павелъ получилъ письмо отъ тетки, которая увѣдомляла его, что отецъ его умеръ, а мать въ параличъ, и просила его непременно пріѣзжать, какъ можно скорѣе, домой. Павла это очень огорчило, и онъ тотчасъ-же поѣхалъ, съ твердымъ, однако, намѣреніемъ снова возвратиться въ Москву. Мы видѣли, какія печальныя обстоятельства встрѣтили Бешметева на родинѣ; видѣли, какъ

приняли родные его намѣреніе уѣхать опять въ Москву мать плакала, тетка бранилась; видѣли потомъ, какъ Павелъ почти отказался отъ своего намѣренія, перервалъ свои тетради, хотѣлъ сжечь книги, и какъ потомъ отложилъ свое намѣреніе, въ надеждѣ, что мать со-временемъ выздоровѣетъ и отпуститъ его; но старуха не выздоравливала; герой мой безпрестанно переходилъ отъ твердаго намѣренія уѣхать къ рѣшенію остаться, и вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ-же приходила ему въ голову завѣтная мечта о профессорствѣ — онъ вспоминалъ любимый свой трудъ и грядущую славу. Грустно, тошно становилось Павлу. «Пѣду, непременно пѣду», говорилъ онъ самъ съ собою, и только день отъѣзда откладывалъ въ дальній ящикъ. Многое условливалъ такую нерѣшительность Павла: ему очень было жаль матери, онъ не могъ даже представить себѣ той минуты, когда она, прощаясь съ нимъ, можетъ-быть, не перенесетъ этого и умереть на его рукахъ; кромѣ того, не будучи само-надѣянъ, онъ, кажется, не слишкомъ-твердо былъ убѣжденъ, что достигнетъ своей любимой цѣли, профессорства, или, крайней-мѣрѣ, эта цѣль была слишкомъ еще далека. Весьма естественно, что въ настоящемъ своемъ положеніи Бешметевъ не былъ спокоенъ: онъ чувствовалъ невыносимую тоску, грусть и скуку; заниматься ему почти не давали, потому-что то кликали къ матери; то пріѣзжала тетка, или сестра, да, кажется, и самъ онъ былъ не слишкомъ расположенъ къ дѣятельности. Оставался одинъ, онъ обыкновенно ложился на кровать, и Богъ-знаетъ о чемъ начиналъ думать, а сердце между-тѣмъ безпрестанно ныло и тосковало. Семейная жизнь сестры была для Бешметева новымъ источникомъ непріятностей; Масуровъ казался ему отвратительнѣйшимъ существомъ, а сестра страдальцею, тѣмъ болѣе, что ей угрожало впереди существенное зло — бѣдность. Впрочемъ Лизавета Васильевна впослѣдствіи ни слова не говорила брату о своихъ семейныхъ непріятностяхъ, была какъ-будто-бы спокойна и очень ласкалась къ Павлу. Цѣлые дни проводили они вдвоемъ. Бешметевъ началъ все болѣе и болѣе сближаться съ сестрою, сдѣлался съ нею говорливъ, откровененъ,

и даже повѣрилъ ей свою мечту. Женщины, какъ извѣстно, очень находчивы. Лизавета Васильевна нашла, что братъ можетъ заниматься и не ѣздивши въ Москву, и что, если ему нужны книги, онъ можетъ ихъ выписать. Бешметевъ счелъ эту мысль довольно-справедливою, и рѣшился, при первомъ-же полученіи оброковъ, выписать рублей на двѣсти книгъ, и начать приготовляться. Успокоившись на этомъ рѣшеніи, онъ между-тѣмъ цѣлые дни началъ просиживать у сестры.

Случайно или умышленно, но только разговоры ихъ по-преимуществу стали склоняться на любовь. Лизавета Васильевна въ этомъ отношеніи была гораздо-опытнѣе брата: она знала любовь въ самыхъ тонкихъ ея ощущеніяхъ; она, какъ видно, очень-хорошо знала страданія и счастье влюбленнаго. Съ отрадою и не безъ волненія прислушивался Павелъ къ словамъ сестры, и понималъ ихъ какимъ-то неяснымъ чувствомъ; въ первый разъ еще сблизился онъ съ женщиною и заглянулъ въ ея сердце.

— Гдѣ это ты, сестрица, все узнала? — спросилъ онъ однажды, прослушавши отъ сестры живой рассказъ о нечаянной встрѣчѣ одной молодой дѣвушки съ любимымъ человекомъ.

— Я много читала романовъ, — отвѣчала она. — Павелъ сомнительно покачалъ головою. — Женщина въ двадцать лѣтъ много знаетъ, много чувствовала — продолжала Лизавета Васильевна.

— И много испытала? — перебилъ Павелъ.

— Можетъ-быть и такъ — отвѣчала Лизавета Васильевна.

Результатомъ такихъ бесѣдъ было то, что Павелъ, приходя отъ сестры и улегшись на постель, не сознавая самъ того, по преимуществу началъ думать о женщинахъ. Московская сосѣдка была припомнена въ мелчайшихъ подробностяхъ «Какъ хороша вообще женщина! думалъ онъ, какое блаженство любить хорошенькую женщину!» Праздное воображеніе его дополняло ему то, что не досказала сестра. Онъ потомъ рассказалъ ей слегка о своей любви въ Москвѣ къ сосѣдкѣ, которую онъ, по его словамъ, до-сихъ-поръ слышкомъ-хорошо помнить, какъ-будто-бы видѣлъ ее вчера.

Лизаветъ Васильевнѣ случилась надобность ухъать на цѣлый мѣсяцъ въ деревню. Павлу сдѣлалось очень скучно и грустно. Онъ принялся — было заниматься, но, увы! все шло какъ-то не по прежнему: формулы небесной механики ему сдѣлались какъ-то темны и непонятны, брошюрка Бирея скучна и утомительна. «Не могу!» — говорилъ онъ, оставляя книгу, и вслѣдъ за тѣмъ по обыкновенію ложился на кровать, и начиналъ думать о прекрасной половинѣ рода человеческого. Проскучавши недѣли двѣ, Павелъ вздумалъ съѣздить къ теткѣ. Перепетуя Петровна, при его приходѣ, стояла передъ зеркаломъ и надѣвала что-то въ родѣ мантильи, сшитой по ея собственному воображенію.

— На силу-то, батюшка, пожаловалъ, — сказала она, увидѣвши племянника; — ну что какова маменька-то?

— Все такъ же-съ, — отвѣчалъ Павелъ.

— Палашка — говорила Перепетуя Петровна, отряхая шолковое платьѣ, — вѣдь юбка-то у меня все-таки видна?

— Нѣтъ, матушка, это такъ.

— Какое, дура, такъ! Паша, видна у меня юбка-то!

— Я ничего не вижу.

— Наклонишь, батька, пониже, посмотри хорошенько; не хорошо.... растрейой-то прѣдешь.

— Я ничего не вижу.

— Ну ужъ и этого-то не умѣеть сдѣлать порядочно; экой какой! еще кавалерь! Что это у меня сегодня какой нехорошій цвѣтъ лица? Этакая краснота непріятная! Палашка! подай-ка мнѣ лодиколону обтереться. Оботрись-ка, Павелъ, и ты.

— Да мнѣ-то зачѣмъ, тетушка?

— Пустяки, сударь, изволь-ка обтереться, да поѣдемъ вмѣстѣ со мной.

— Это куда?

— Къ Θεоктиствъ Саввишнѣ. Небось, не привезу въ какое-нибудь непріличное мѣсто.

— Помилуйте, тетушка! я съ ней незнакомъ.

— Это что за вздоръ? а я-то на что? Я знакома, все равно. Нечего, извольте-ка собираться: вмѣстѣ и поѣдемъ; отпусти свою лошадь-то. Палацка, вели его лошади домой ѣхать!

— Тетушка....

— Вздоръ, сударь, вздоръ! — затараторила Перепетуя Петровна.

Какъ мой герой ни противился, но черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ вытертъ изъ собственныхъ рукъ Перепетуи Петровны лодикодономъ, и повезенъ въ гости. Онъ едва могъ опомниться у крыльца Феоктисты Саввишны. Перепетуя Петровна, всходя по деревянной лѣстницѣ, освѣщенной фонаремъ, опиралась на руку племянника, какъ для поддержанія своей особы, такъ и для прекращенія Павлу всякой возможности улизнуть, что было имъ прежде того одинъ разъ сдѣлано. Они вошли въ лакейскую, гдѣ было съ десятокъ шубъ, три лакея и сильный запахъ саломъ; въ залѣ.... Но я предварительно долженъ сказать нѣсколько словъ о хозяйкѣ дома и ея гостяхъ. Феоктиста Саввишна, такъ какъ и Перепетуя Петровна, не принадлежала къ высшему губернскому кругу, но имѣла изъ этого круга одинъ дружественный домъ — Кураевыхъ; сфера-же ея знакомства ограничивалась незначительнымъ чиновнымъ людомъ. Въ настоящее время у Феоктисты Саввишны были: какой-то Иванъ Ивановичъ, стряпчій, учитель гимназій, мѣтившій въ инспекторы, и еще кое-кто. Всѣ эти господа привезли съ собою жонъ, а нѣкоторые и сволченицъ; но вечера свои Феоктиста Саввишна скрашивала, приглашала къ себѣ дружественное для нея семейство изъ высшаго круга — Кураевыхъ. Владимиръ Андреевичъ никогда самъ не ѣздилъ къ Феоктистѣ Саввишнѣ, но жену и дочерей отпускалъ. Брюнетка, какъ сама она говорила, очень скучала на этихъ жалкихъ вечерахъ; она съ пренебреженіемъ отказывалась отъ подаваемыхъ ей конфетъ, жаловалась на духоту и жаръ, и безпрестанно звала мать домой; но Марья Ивановна говорила, что Владимиръ Андреевичъ знаетъ, когда прислать лошадей, и, въ простотѣ своего сердца, продолжала играть

въ преферансъ съ учителемъ гимназiи и Иваномъ Ивановичемъ, съ такимъ-же наслажденiемъ, какъ-будто-бы въ ея партiи сидѣли самые важные люди; что касается до блондинки, то она выкупала скуку, пересмѣвая то красный носъ Ивана Ивановича, то неуклюжую походку стряпчача, и, очень некстати помѣстившуюся у него подъ лѣвымъ глазомъ, бородавку, то... но однимъ словомъ, всѣмъ доставалось! Гости-же Θεоктисты Саввишны, въ отношенiи особъ высшаго круга, держали себя почтительно, а хозяйка оказывала имъ исключительное вниманiе, хотя въ то-же время всѣ почти знали, что этѣ особы—пуфъ, или, какъ говорили многiе, *сидятъ на овчинахъ, а бьютъ съ соболей*, то-есть крѣпко не богаты. Но ихъ изящная форма? что дѣлать: ихъ изящная форма внушала невольное къ нимъ уваженiе.

Хозяйка встрѣтила еще въ залѣ Перепетуѡ Петровну и Павла.

— Честь имѣю представить племянника,—сказала Перепетуя Петровна, цѣлуясь съ хозяйкой.

— Очень-прiятно,—отвѣчала Θεоктиста Саввишна, жеманно кланяясь Павлу, и глядя на него съ нѣкоторымъ удивленiемъ: она представляла его себѣ вовсе не такимъ.— Милости прошу, Перепетуя Петровна,—продолжала она, указывая на дверь въ гостиную;—Павель Васильевичъ, сдѣлайте одолженiе.

Но Павель не сдѣлалъ одолженiя, не пошолъ въ гостиную. Постоявши нѣсколько минутъ, онъ сѣлъ не вдалекъ отъ гостя въ коричневомъ фракѣ, который тоже видно не принадлежалъ къ числу дамскихъ любезниковъ, а потому сидѣлъ одинъ-одинехонекъ въ залѣ. Брюнеткѣ и блондинкѣ сдѣлалось очень-скучно и жарко въ гостиной, въ которой действительно была страшная духота. Обѣ дѣвушки, взявшись подъ руки, вышли въ залу; онѣ взглянули вскользь на Павла и на его соседа, а потомъ насмѣшливо переглянулись между собою; Павель тоже замѣтилъ ихъ, и страшное взмѣненiе произошло въ его наружности: онъ сначала вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, какъ-бы дотронувшись до лейденской банки, потомъ поблѣднѣлъ, покраснѣлъ, взглянулъ какъ-то странно на гостя въ коричневомъ фракѣ, а вслѣдъ за тѣмъ

началъ слѣдить глазами за ходившими взадъ и впередъ дѣвушками: въ брюнеткѣ мой герой узналъ свою московскую сосѣдку. Барышни съ своей стороны не глядѣли болѣе ни на Павла, ни на его собесѣдника; а разговаривали громко о недавно-бывшемъ маскарадѣ, на французскомъ языкѣ, что онѣ всегда дѣлали въ укоръ невѣжественнымъ гостямъ Θεоктисты Саввишна. Вскорѣ вошла хозяйка, и начала умолять Юлію Владимировну что-нибудь пропѣть: Юлія отказывалась.

— Вы не повѣрите, — говорила Θεоктиста Саввишна, обращаясь къ Павлу и къ господину въ коричневоиъ фракъ, — что у нихъ аз ангельскій голосочикъ.

Коричневый фракъ всталъ, кашлянулъ, и ничего не сказалъ: выраженіе лица его какъ-будто-бы говорило: «не могу знать-съ, не мое дѣло!» Но еще страннѣе велъ себя Павелъ; онъ даже не всталъ и не сказалъ ни слова хозяйкѣ.

— Кто это такой? — шепнула блондинка.

— Бешметевъ, — отвѣчала хозяйка. Блондинка сжала губки и слегка кивнула головой. — Юлія Владимировна, — заговорила снова Θεоктиста Саввишна, мучимая меломаніей, — сжалитесь надъ нами, доставьте намъ это наслажденіе.

Юлія Владимировна сжалилась и, съ кислотою миною, услышавъ за фортепіано: Съ первымъ-же ея аккордомъ, всѣ гости, игравшіе и не игравшіе въ карты, вышли въ залу, а потомъ со втораго куплета (она пѣла: *что ты, вѣтка блѣдная...*) многіе начали погружаться въ пріятную меланхолію.

— Я не могу безъ слезъ слушать этого романса, — говорила разстроганная Марья Ивановна, — такъ, знаете, много въ немъ души!

— Истинно-съ — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, — прекрасная пѣсенка, да и Юлія Владимировна прекрасно изволятъ пѣть.

— У ней хорошенкій гососокъ, подтвердила мать. Между-тѣмъ Павелъ все сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ и въ томъ-же положеніи. Блондинкѣ очень хотѣлось поговорить съ нимъ, по похвальной ея склонности сближаться съ несчастными.

— Вы любите музыку? — спросила она его.

— Я не знаю музыки, — отвѣчала Бешметевъ.

— Вы ни на чемъ не играете ?

— Ни на чемъ-сь.

— А какъ вамъ нравится голосъ сестры?

При этомъ вопросъ, Павелъ замѣтно сконфузился, и молчалъ.

— Какой онъ странный! — подумала блондинка, — какъ бы его заставить поговорить? Можетъ-быть скажетъ что-нибудь смѣшное. Въ этомъ намѣреніи, она сѣла рядомъ съ Павломъ. — Вы бываете въ собраніи? — спросила она.

— Нѣтъ-сь.

— Отчего-же ?

— Я не люблю собраній.

— Отчего вы не любите собраній? — Въ это время брюнетка подошла къ сестрѣ. — Послушай, та зоеиг, — продолжала блондинка — мсьё не любитъ собраній.

Юлія отвѣчала сестрѣ улыбкою, и, взявши ее за руку, отвела отъ Павла.

Часу въ 12-мъ за Кураевыми были присланы лошади, и онъ, не смотря на убедительныя просьбы хозяйки закупить чего-нибудь, уехали домой. Павелъ уехалъ вмѣстѣ съ теткою послѣ ужина. Пришедши въ свою комнату, онъ проспидѣлъ съ четверть часа, погруженный въ тихую задумчивость, а потомъ принялся писать къ сестрѣ письмо. Оно было слѣдующее :

«Лиза, другъ мой! ты себя представить не можешь, что сегодня со мною случилось. Пришолъ я къ теткѣ; она собиралась въ гости на вечеръ, и требовала, чтобы и я съ ней ѣхалъ. Я, разумѣется, не хотѣлъ; но она закричала, забранилась, почти-насилъно посадила меня въ сани, и привезла къ Теокистѣ Саввиши, и здѣсь я встрѣтилъ, знаешь-ли, кого? я встрѣтилъ ее.... ту, которую видѣлъ въ Москвѣ. До-сихъ-поръ я не могу еще хорошенько опомниться. Тетка говоритъ, что она здѣшняя: фамилія ея Кураева Боже мой, какъ она еще похорошѣла! Лицо ея сдѣлалось еще правильнѣе.... Что за чудныя у ней ручки, Лиза! Какъ

вообще живописно было положеніе всего ея тѣла, когда она, играя на фортепіано, то склоняла, то выпрямляласвой стань!»

Написавши это, Павелъ легъ на кровать. Губернскій учитель музыки былъ, впрочемъ, совершенно-другаго мнѣнія: онъ всегда выговаривалъ брѣнь за то, что она рѣшительно не умѣетъ держать себя за фортепіано, потому-что очень ломается. Прележавши нѣсколько минутъ, Павелъ всталъ и снова принялся писать:

«Я рѣшительно влюбленъ: во мнѣ совершается что-то странное и непонятное. Богъ знаетъ, что-бы я готовъ былъ отдать, если-бы она меня полюбила! Я-бы за это готовъ былъ отказаться отъ всего.»

Видно, герою моему пришла пора любить.

На этомъ мѣстѣ онъ снова остановился, снова полежаь на постель и, вставши, еще приписалъ:

«Пріѣзжай, Лиза, Бога ради, скорѣе, — мнѣ безъ тебя смертная скука; мнѣ такъ много надобно съ тобою переговорить.... Что ты тамъ дѣлаешь? Пріѣзжай! остаюсь любящій тебя и влюбленный
Павелъ.»

Заклучивши такимъ-образомъ письмо, Павелъ запечаталъ его и улегся уже совсѣмъ, но долго еще не спалъ и ворочался съ бока на бокъ. Вставши на другой день Павелъ распечаталъ свое письмо, перечиталъ его нѣсколько разъ, и, видно раздумавши посылать его, разорвалъ на мелкіе куски; но тотчасъ-же написалъ другое:

«Милая Лиза! что ты дѣлаешь въ деревнѣ? Пріѣзжай скорѣе: мнѣ очень-скучно. Матушка въ томъ-же положеніи, тетка бранится; мужа твоего не видалъ, а у дѣтей былъ: онъ, слава Богу, здоровы. Пріѣзжай! мнѣ о многомъ надобно съ тобой переговорить. Братъ твой и проч.»

Это письмо Павелъ отправилъ, и принялся читать какую-то книгу, но черезъ четверть часа швырнулъ ее, легъ внизъ лицомъ на кровать, и почти цѣлый день пролежалъ въ такомъ положеніи.

V.

ПОѢЗДКА ВЪ СОБРАНІЕ И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

Бешметевъ, въ своемъ бездѣйствіи, думалъ рѣшительно объ одной брюнеткѣ: ему страшно хотѣлось видѣть ее. Онъ узналъ, гдѣ ихъ домъ, и часа по два прохаживался не вдалекѣ отъ него, и поджидалъ, не пойдетъ-ли она, какъ бывало это въ Москвѣ, гулять, или, по-крайней-мѣрѣ, не поѣдетъ-ли куда-нибудь; былъ даже раза два въ театрѣ, но ничто не удавалось. Пріѣхала Лизавета Васильевна. Павелъ только черезъ недѣлю, и то опять слѣгка, рассказалъ сестрѣ о встрѣчѣ съ своею московскою красавицей, но Лизавета Васильевна догадалась, что братъ ея влюбленъ не на шутку, и очень этому обрадовалась; въ головѣ ея, въ силу известнаго закона, что всѣ сестры очень любятъ женить своихъ братьевъ, тотчасъ образовалась мысль о женитьбѣ Павла на Кураевой; она сказала ему о томъ, и герой мой, хотя видѣлъ въ этомъ странность и несбыточность, но не отказывался. Страшно и отраднo становилось ему, когда онъ начиналъ думать, что эта дѣвушка, столь прекрасная, и которая теперь такъ далека отъ него, не только полюбитъ его, но и отдастся ему въ полное обладаніе, и онъ, говоря языкомъ Подколесина, вкуситъ блаженство, котораго описать нельзя. Ухъ! какъ все это отраднo и страшно! Впрочемъ Павелъ все это только думалъ, сестрѣ же говорилъ: «конечно не дурно... но вѣдь какъ?»... Со времени появленія въ головѣ моего героя мысли о женитьбѣ, онъ началъ чувствовать какое-то безпокойство, постоянное волненіе въ крови: мечтанія его сдѣлались какъ-то раздражительны, а желаніе видѣть Юлію еще сильнѣе, такъ что, черезъ нѣсколько дней, онъ пришолъ къ сестрѣ, и самъ началъ просить ее вхатъ съ нимъ въ собраніе, гдѣ надѣялся онъ встрѣтить Кураевыхъ. Лизавета Васильевна съ удовольствіемъ согласилась: ей самой очень хотѣлось видѣть Юлію. Но здѣсь явилась новая забота: Павелъ боялся показаться въ собраніе, и нѣсколько разъ былъ готовъ отказаться отъ своего намѣренія; даже морозъ пробѣгалъ по

тѣлу при одной мысли, какъ неловко и непріятно будетъ его положеніе въ ту минуту, когда онъ взойдетъ въ залу, полную незнакомыхъ людей! Что ему тамъ дѣлать? какъ вести себя? о чемъ и съ кѣмъ говорить? Не удивляйтесь, свѣтскій читатель, послѣднимъ чувствованіемъ моего героя. Вы образовывались совершенно подѣ другими условіями, вы конечно, подобно Онгину, вышедши изъ-подъ формулы вертляваго, но съ прекрасными манерами, Француза, еще съ 17-ти лѣтъ, вѣроятно, сдѣлались принадлежностію свѣта и баловъ. Но Бешметевъ во всю жизнь былъ только на одномъ балѣ, куда его, еще маленькаго, привезла мать, и онъ до-сихъ-поръ не забылъ, какъ было ему неловко и скучно въ свѣтлой залѣ. Въ день собранія онъ очень-много занимался своимъ туалетомъ, долго смотрѣлся въ зеркало, нѣсколько разъ умылся, завился сначала самъ собственно-ручно, но, оставшись этимъ недоволенъ, завился въ другой разъ, чрезъ посредство цирюльника, и все-таки остался недоволенъ; даже совсѣмъ не хотѣлъ вхвать, тѣмъ болѣе, что горничная прескверно вымыла манишку, за что Павелъ, сверхъ обыкновенія, разсердился, но, спустя нѣсколько времени, онъ снова рѣшился. Часовъ въ восемь онъ нарядился въ черный фракъ и какой-то цвѣтной жилетъ. Фракъ отличнѣйшаго сукна сидѣлъ на немъ не отлично. Когда Павелъ пришолъ къ сестрѣ, она была еще въ блузѣ; но голова ея была уже убрана по бальному. Въ лицѣ Бешметева очень-замѣтно было волненіе; поздоровавшись съ сестрою, онъ безпокойными шагами началъ ходить по комнатѣ.

— О чемъ ты думаешь, Польш?—спросила Лизавета Васильевна.

— Такъ, ни о чемъ.

— Какъ, ни о чемъ? Ты чѣмъ-то разстроены!

— Право такъ; мнѣ что-то не хочется вхвать.

— Но, вѣдь, ты самъ меня звалъ.

— Знаю, — но видишь....

— Нѣтъ, ничего не вижу.

— Мнѣ что-то нездоровится.

— Полно, Польш, пустяки-то говорить; что за робость?

Павелъ не отвѣчалъ.

— Что-жь мы не ѣдемъ?—спросила Лизавета Васильевна, послѣ минутнаго молчанія.

— Я не знаю, — отвѣчалъ Павелъ.

— Что это у тебя, братецъ, за дикость? отчего это?

— Вовсе не дикость.

— Какъ не дикость? Что-же ты боишься людей?

— Я не боюсь, но не люблю общества; мнѣ какъ-то неловко бывать съ людьми; всѣ на тебя смотрятъ: нужно говорить, а я рѣшительно не нахожусь, въ головѣ моей или пустыя фразы, или ужь черезъ-чуръ сурьезныя мысли; а что прилично для разговора, никогда ничего нѣтъ.

Лизавета Васильевна покачала головою.

— Странный ты человекъ! Другой на твоемъ мѣствѣ еще въ Москвѣ-бы познакомился съ Кураевыми.

— Вотъ прекрасно! Какимъ-же образомъ я могъ-бы познакомиться?

— Очень просто: прѣхать въ домъ, да и только,

— Съ какой-же стати я прѣхалъ-бы?

— Да какъ-же другіе-то знакомятъ?

— Я не знаю: ихъ вѣрно зовутъ.

— Вовсе нѣтъ: сами прѣзжаютъ.

— Въ такомъ случаѣ это нахальство.

— Никакого тутъ нѣтъ нахальства.

— Конечно, нахальство; вдругъ, ни съ того, ни съ сего, прѣхать и рекомендоваться. Очень, я думаю, я интересень для нихъ.

— Всякой молодой человекъ интересень въ семейномъ домѣ, потому-что онъ женихъ. Нѣтъ, Поль, это не отъ того; ... ты еще мало влюбленъ.

— Нѣтъ, Лиза.

— Что-же?

— Такъ... ты не правду думаешь.—Сказавши эти слова, Павелъ вспыхнулъ.

Братъ и сестра замолчали.

— Послушай, Поль, — начала Лизавета Васильевна, — вотъ мы теперь съѣздимъ въ собраніе; ты еще посмотришь на нее, и я посмотрю, а потомъ....

— Что-же потомъ ?

— Потомъ стороной и разузнаемъ, что и какъ.... а тамъ ты съездишь въ домъ раза два....

— Ни за что не поѣду.

— Нѣтъ, это пустяки: ты поѣдешь, а тутъ и я съѣзжу и.... смотришь, вдругъ скажутъ: «Павелъ Васильевичъ съ супругою пріѣхали!»

— Нѣтъ, сестрица, это невозможно, это такъ.... предположеніе....

— А вотъ посмотримъ.... Что-жь? Принажете одѣваться? угодно вамъ ѣхать?—шутила Лизавета Васильевна, вставая.

— Одѣвайся,—отвѣчалъ Павелъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

Лизавета Васильевна вышла. Павелъ задумался, и черезъ полчаса она возвратилась уже совсѣмъ одѣтая. Бешметевъ, не смотря на внутреннее безпокойство, чуть не вскрикнулъ отъ удивленія: такъ была она хороша! И действительно, дивно-хороша была молодая женщина, съ своею стройною талією, затянутою въ корсетъ, съ обнаженными руками и шеєю, покрытыми бѣлою и вѣжною кожею, съ этимъ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, отъбѣненными роскошными смолистыми кудрями. Павелъ невольно взглянулъ въ зеркало, и, Боже мой! какъ не красива и не представительна показалась ему его собственная фигура! Съ приближеніемъ къ собранію, безпокойство его увеличилось, сердце выло; онъ нѣсколько разъ покушался просить сестру воротиться назадъ, но промолчалъ.

Въ залу вошелъ Бешметевъ въ лихорадочномъ состояніи; лицо его было блѣдно и съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ. Масурову тотчасъ, какъ говорится, замѣтили.

— Лизавета Васильевна! наконецъ-то вы показали, — говорила толстая, почтенная дама, пожывая ей руку, — съ кѣмъ это вы,—продолжала она, увидя Павла,—съ мужемъ?

— Нѣтъ, это мой братъ,—отвѣчала Лизавета Васильевна, и взглянула-было на брата, въ намѣреніи представить его почтенной дамѣ; но Павелъ очень-серьезно глядѣлъ на

сестру, и не трогался съ мѣста. Масурову окружили еще многія старыя знакомыя; нѣкоторыя уже знали о ея приѣздѣ, другія-же, подходя къ ней, издавали звуки удивленія и радости: «*mon Dieu ? est-ce bien vous ?... C'est vous, madame!*» даже слышалось: «*ma bonne Lise, ma chere и Lisette,*»— но никто не замѣтилъ, никто не привѣтствовалъ Павла. Ему сдѣлалось, какъ и ожидалъ онъ, страшно - неловко: онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ руками, ногами, съ шляпою, или лучше сказать, онъ рѣшительно не находилъ, какъ прилично расположить всю свою особу. Что дѣлать? Павелъ не зналъ ни одного обычнаго приема франтовъ: онъ не умѣлъ ни закладывать за жилетъ граціозно руку, ни придерживать живописно этою рукою шляпу, слегка прижавши ее съ боку, ни выступить умѣренно впередъ лѣвою ногою, а тѣмъ болѣе не въ состояніи былъ ни насмѣшливо улыбаться, ни равнодушно смотреть; выраженіе лица его было черезъ-чуръ грустно и отчасти даже сердито. Постоявши нѣсколько минутъ въ положеніи смѣшавшагося въ своей роли трагическаго актера, онъ счелъ за лучшее състь. Не излишнимъ считаю здѣсь замѣтить, что Павелъ по своей наружности былъ не самый послѣдній въ собраніи. Не говоря уже о толстыхъ, устѣвшихся играть въ преферансъ или вистъ, было даже нѣсколько тоненькихъ молодыхъ людей съ гораздо болѣе неприличными для бала физиономіями и фраками, чѣмъ мой герой; нѣкоторые изъ нихъ, подобно ему сидѣли, вдали, а другіе даже танцовали. Конечно были и такіе, которые далеко превосходили Бешметева: къ числу такихъ по преимуществу принадлежалъ высокій господинъ лѣтъ тридцати-пяти, стоявшій за колонною: одѣтъ онъ былъ самымъ приличнымъ образомъ, т. е. весь въ черное, начиная съ широкаго, англійскаго покроя, фрака, до небрежно-завязаннаго атласнаго галстука. Желтоватое лицо, покрытое глубокими морщинами и отъ-несенное большими черными усами, имѣло самое модное выраженіе, выраженіе разочарованія, доступное въ то время еще очень немногимъ лицамъ. Каріе глаза его лѣниво смотрѣли на составлявшуюся не вдалекѣ отъ него французъ

скую кадрили. Высокимъ господиномъ интересовались, кажется, многія дамы: нѣкоторыя на него взглядывали, другія приветливо ему кланялись, а одна молодая дама даже, съ умысломъ, села близь него, потому-что, очень долго заставивъ носить по замъ стулъ своего кавалера, какого-то долговяз аго юношу, наконецъ показала на колонну, около которой стоялъ Франтъ; по сей послѣдній рѣшительно не обратилъ на нее вниманія, и продолжалъ лѣниво смотреть на свои усы. Молодая дама, усѣвшись, нѣсколько разъ поворачивала къ нему голову, и поднимала на него большіе сврые глаза,

— Мг Бахтіаровъ,—сказала наконецъ она, не утерпѣвъ. Франтъ лѣниво взглянулъ на нее.

— Посмотрите,—продолжала дама, указывая глазами на Бешметева, — за что этотъ господинъ сердится?

Я въ дали не вижу.

— Да это не далеко, на стулъ у третьяго окна.

— Не вижу-съ.

— Да что это, посмотрите.

— Право не вижу.

Дама нѣсколько обидѣлась, и отворотилась отъ Бахтіарова.

— Вы сегодня не въ духѣ?—начала снова она.

— Какъ и всегда.

— Пожалуйста, посмотрите на этого сердитаго господина: совершенный Манфредъ.

Бахтіаровъ насмѣшливо улыбнулся:

—Странное желаніе!—проговорилъ онъ, и, нехотя приложивъ къ глазу одностекольный лорнетъ, взглянулъ на Павла: равнодушное выраженіе лица его мгновенно измѣнилось, онъ какъ-будто-бы покраснѣлъ: «какое сходство!» проговорилъ онъ, какъ-бы самъ съ собою.

— Съ кѣмъ? — спросила дама.

Франтъ не отвѣчалъ.

— Съ кѣмъ сходство? — повторила дама.

— Съ вами,—отвѣчалъ Бахтіаровъ.

Дама пожала плечами, и надула губы.

— Вы забываете, вамъ начинать—сказалъ Бахтіаровъ, послѣ небольшого молчанія. Дама начала ходить въ первой

фигурѣ, но смѣшалась въ шень. Между-тѣмъ Бахтіаровъ взглянулъ въ сторону, гдѣ танцовала Лизавета Васильевна, и лицо его снова измѣнилось. Когда соседка его возвратилась на свое мѣсто, онъ выдвинулся изъ-за колонны, и началъ съ нею весело разговаривать.

— У васъ, должно быть, сегодня истерика?—сказала дама.

— Это отчего?

— Да какъ-же? Вы то грустны, то веселы черѣзчуръ. Со мною бывало это.

— Со мною не то, что съ вами,—ответилъ Бахтіаровъ. — Знаете-ли что? судьба иногда даритъ человека, въ его утомительно-скудной жизни; вдругъ неожиданно такимъ.... какъ-бы это выразить? — удовольствіемъ, или, пожалуй, даже счастіемъ....

— Право?—перебила дама;—не случилось-ли съ вами того-же?

— Отчасти.

— Поздравляю васъ! Стало-быть, вы счастливы!

— Отчасти.

— Нельзя-ли узнать причину?

— Невозможно.

— Почему-же?

— Вы всемъ расскажете.

— Честное слово, никому не скажу.

— Извольте! я встрѣтилъ одного стараго пріятеля.

Дама сомнительно покачала головою, и старалась угадать по направленію взгляда Бахтіарова, на кого онъ смотритъ.

— Полно, не пріятельницу-ли! — сказала она.

— У меня нѣтъ пріятельницъ.

— Это почему?

— Пріятельницами могутъ быть только женщины.

— Ну такъ что-же?

— А женщинъ я давно не люблю.

— А М., а К., а Д.? а дама въ очкахъ?

— Это онъ меня любили, а не я ихъ.

— Послушайте: это неблагодарно такъ говорить о женщинахъ.

- А еще неблагодарные сплетничать на приятельницъ.
 — Кто жъ на нихъ сплетничаетъ?
 — Вы!
 — Ахъ, Боже мой!... это все говорить.... Это вы сами сейчасъ говорили.
 — Я хотѣлъ поддѣлаться подъ вашъ тонъ.
 — Подъ какой-же мой тонъ?
 — Посплетничать.

— Это ни на что не похоже, — сказала дама, очень обидѣвшись, и встала съ своего мѣста. Кадриль въ это время кончилась. Бахтіаровъ тоже довольно-быстро пошелъ на другой конецъ залы: тамъ стояла Лизавета Васильевна, и разговаривала съ какимъ-то пѣшнымъ господиномъ. Бахтіаровъ подошелъ къ ней, и нѣсколько минутъ оставался въ почтительномъ положеніи. — *Je vous salue, madame!* — произнесъ онъ потомъ довольно-тихо; Лизавета Васильевна вздрогнула и обернулась: все лицо ея вспыхнуло, и она отвѣтила однимъ молчаливымъ поклономъ; Бахтіаровъ тоже, кажется, не находилъ что говорить, и только пригласилъ ее на слѣдующую кадриль: Лизавета Васильевна колебалась. — Извольте, — отвѣчала она, послѣ минутнаго размышленія — Оба они простояли еще нѣсколько минутъ въ странномъ молчаніи; наконецъ Лизавета Васильевна опомнилась, и подошла къ брату.

— Поль, которая-же она? — спросила молодая женщина, не могши скрыть внутренняго безпокойства.

— Ея здѣсь нѣтъ, — отвѣчалъ Павелъ, сидѣвшій все это время въ прежнемъ положеніи.

— Пойдемъ походимъ, — сказала она, взявши его за руку.

— Нѣтъ, я не пойду.

— Бога ради, Поль; ты мнѣ нуженъ.

— Не могу, сестрица.

— По-крайней-мѣрѣ; слѣдь около меня, когда я буду танцовать. Павелъ.... Пожалуйста, Поль.

— Хорошо.

Лизавета Васильевна тотчасъ подхватила какую-то рыжую даму, и начала съ ней ходить по залѣ; Бахтіарову,

кажется, очень хотѣлось подойти къ Масуровой; но онъ не подходилъ, и только слѣдилъ за нею глазами. Пройтрами сигналь. Волженіе Лизаветы Васильевны, когда она съѣла съ своимъ кавалеромъ, было слишкомъ-замѣтно: грудь ея подымалась, руки дрожали, глаза искали брата; но Павелъ сидѣлъ задумавшись и ничего не видѣлъ.

Всю эту сцену видѣла молоденькая дама, разсердившаяся на Бахтіарова: она видѣла, какъ онъ всталъ и пошелъ къ Лизаветѣ Васильевнѣ; видѣла обоюдное ихъ смущеніе, и, сообразивши слова Бахтіарова о неожиданномъ его счастіи, тотчасъ поняла все.

— Какъ я сейчасъ взбѣсила Бахтіарова!—сказала она, подошедши къ дамѣ въ очкахъ.

— Онъ всегда золъ.

— Я открыла тайну его сердца.

— Давно-ли у него стало сердце?

— А вотъ посмотрите, —сказала молоденькая дама, —какимъ тигромъ смотритъ онъ за дамою въ коричневомъ платьѣ.

Блѣдная дама въ очкахъ еще болѣе поблѣднѣла.

— У нихъ старая интрига. Она еще въ дѣвущкахъ...

— Я догадалась,—перебила молоденькая дама, и отошла, по случаю начала французской кадрили. —Посмотрите, какъ счастливъ Бахтіаровъ,—замѣтила она своему кавалеру; молодому челоуѣку, съ прическою à la diable m'empote и вообще съ очень-рѣшительною наружностію.

— Именно, —подтвердилъ молодой челоуѣкъ, —онъ даже пересталъ кисло улыбаться.

Молодой челоуѣкъ, постоянно-сердившійся на Бахтіарова за то, что на томъ всегда былъ фракъ самой послѣдней моды, пришедши въ буфетъ и рѣшительно бросившись на диванъ, сказалъ сопровождавшему его пріятелю, армейскому офицеру:

— Какъ эти господа Онегины не умѣютъ себя выдержатъ!

— А что? —спросилъ тотъ, безбожно затягиваясь издѣліемъ Жукова.

— Мрачный Бахтіаровъ цѣлую кадрили, какъ аркадскій пастушокъ, любезничалъ съ своей дамой.

— Онъ танцевалъ съ Лизаветой Васильевной, Масуровой, — отвѣчалъ офицеръ, имѣвшій необыкновенную способность знать имена и фамилии всѣхъ, даже ему незнакомыхъ, дамъ.

Офицеръ, вышедши въ залу, всталъ около другаго офицера, тоже своего пріятеля. Сей послѣдній, увидѣвъ проходившую мимо ихъ Лизавету Васильеву, замѣтилъ: — Посмотри-ка, братъ, какія плечи-то.... тово....

— Нѣтъ, братъ, тутъ не тово... занята ваканція.

— А кто?

— Да Бахтіаровъ.

— Ну такъ ужъ конечно не тово....

Между-тѣмъ Бахтіаровъ, дѣйствительно, велъ себя какъ-то странно и совершенно не по-прежнему: въ лицѣ его не было уже обычной холодности и невниманія, которое онъ оказывалъ ко всѣмъ городскимъ дамамъ, и въ которыхъ впрочемъ былъ, какъ говорили въ свѣтъ, очень счастливъ; всю первую фигуру сохранялъ онъ какое-то почтительное молчаніе. Лизавета Васильевна тоже молчала, и безпрестанно взглядывала на брата. Въ половинѣ кадрили Павелъ наконецъ взглянулъ на сестру и, увидѣвши, что она танцуетъ съ Бахтіаровымъ, тотчасъ всталъ, быстро подошелъ къ танцующимъ, и сѣлъ не вдалекѣ отъ нихъ. Въ это время Бахтіаровъ заговорилъ:

— Я не могу еще опомниться, — началъ онъ, — я такъ неожиданно васъ увидѣлъ, такъ пораженъ былъ....

— Мы года четыре съ вами не видались, — перебила Лизавета Васильевна.

Бахтіаровъ нѣсколько смѣшался.

— Вашъ супругъ здѣсь? — спросилъ онъ.

— Онъ остался дома.... я съ братомъ.

— Боже мой! какъ я васъ давно не видалъ: это время.... — началъ было Бахтіаровъ прежнимъ тономъ....

Лизавета Васильевна прежде времени отошла дѣлать соло,

— Вы несправедливы ко мнѣ, — продолжалъ онъ одушевленнѣе: — мало того, вы были жестоки ко мнѣ!....

— Поль, подержи мой вѣрѣ, — сказала Лизавета Васильевна, обращаясь къ Павлу.

— Это вашъ братъ?

— Да.... — И она снова отошла.

Бахтіаровъ съ досады началъ щипать усы.

— Вы позволите мнѣ бытъ у васъ?—спросилъ онъ, уведя Лизавету Васильевну, въ послѣдней фигурѣ, на другую сторону отъ брата.

Молодая женщина нѣсколько колебалась.

— Это отъ васъ зависитъ, — отвѣчала она.

Кадриль кончилась.

— Поѣдемъ, Лиза, — сказалъ тихо Павелъ.

— Поѣдемъ, — отвѣчала молодая женщина.

— Accordez-moi la masourque?

— Pardon, monsieur : je pars.

— Mais....

— Allons, Paul....

Лизавета Васильевна вышла съ братомъ.

Бахтіаровъ, разстроенный, снова всталъ у колонны.

— Вы, вѣрно, скучаете, не видя одной особы,—сказала блѣдная дама въ очкахъ, проходя мимо его съ молоденькою дамою.

— Гораздо-менѣе, чѣмъ видя другую особу,—отвѣчалъ Бахтіаровъ.

Постоявши еще нѣсколько времени, онъ ушелъ въ бильярдную, и сѣлъ между зрителями на диванъ. Ему, видно, было очень-скучно. Около бильярда ходили двое игроковъ: одинъ изъ нихъ былъ, какъ кажется, человекъ солидный и немного-сердитый на видъ, другой.... другой былъ нашъ старый знакомый, Масуровъ.

Солидный игрокъ далъ промахъ.

—А вотъ мы-такъ не такъ,—сказалъ Масуровъ, живо перекинувшись черезъ бортъ бильярда, и, вывернувши немнѣе локти, принялся цѣлиться.—Бацъ! — вскрикнулъ онъ, сдѣлавши довольно-ловко жолтаго шара въ среднюю

лузу,— вотъ оно что значить на контру-то, каковъ ударь! — а! — продолжалъ онъ, обращаясь къ зрителямъ.

— Отлично играютъ! — отнесся къ Бахтіарову художавый господинъ, котораго въ городъ называли плательной вьшалкой

— Кто? — спросилъ Бахтіаровъ.

— Я говорю: Михайло Николаичъ отлично играютъ.

— Какой Михайло Николаичъ?

— Масуровъ.

— Это развѣ Масуровъ?

— Масуровъ.... ловкій игрокъ.

Бахтіаровъ какъ-будто-бы ожилъ: онъ всталъ съ своего мѣста и подошолъ къ игрокамъ.

— Каковъ ударь-то? — повторилъ Масуровъ, замѣтивши его около себя.

— Славный! — отвѣчалъ Бахтіаровъ.

— Вотъ какъ долго цѣлитесь, а еще говорите, что съ Тюрей играли.... на себя, ей-Богу, на себя, — повторялъ Масуровъ, между-тѣмъ-какъ прицѣливался его партнеръ.

— Перестаньте говорить подь-руку, — возразилъ тотъ, отнимая съ досадою кій.

— Да я и такъ ничего не говорю; играйте; что мнѣ за надобность.

— Какъ-же не говорите? какъ колокольчикъ надъ ухомъ, — возразилъ партнеръ, снова принимаясь цѣлиться.

— Сами вы колоколъ. Ну, смотрите.... такъ и есть на себя! — вскрикнулъ онъ, и залился смѣхомъ.

Партенеръ дѣйствительно сдѣлалъ «на себя».

— Съ вами не возможно играть, — сказалъ онъ, отнимая кій.

— Ну, ужъ вы и сердитесь.... Всяко бываетъ! А вотъ мы такъ поиграемъ: краснаго сдѣлаемъ, да подь жолтаго выхоть есть! Вотъ тутъ-то мы васъ, батинька, и поймали! Эй ты, маркерина, считай; разъ 12, два 12; честь имѣю васъ поздравить: партія кончена.

— Будеть! — сказалъ партнеръ, выкидывая на билліардъ десяти-рублевую.

— Давайте играть; что за пустяки.

— Не буду я играть, безпрестанно говорите подъ-руку.

— Я не стану, ей-Богу, не стану; слова не скажу.

— Не буду, — отвѣчалъ лаконически партнеръ, и вышелъ.

— Экой какой! — проговорилъ ему вслѣдъ Масуровъ, — кутнулъ на красенькую, да и испугался.... я, чортъ возьми, по десяти тысячъ проигрывалъ въ вечеръ, да и тутъ не отставалъ.

— Очень радъ, — отвѣчалъ, обрадовавшись, Масуровъ, — вы, вѣдь, кажется, гусаръ?

— Гусаръ.

Они начали играть. Масуровъ былъ въ восторгѣ: какъ-то такъ случилось, что онъ то съ одного удара кончалъ партію, то шары разбивались такимъ образомъ, что Бахтіарову оставалось дѣлать только бѣлаго.

— Что это съ вами? — говорили некоторые зрители, обращаясь въ Бахтіарову.

— Они хорошо играютъ, — отвѣчалъ тотъ, и начиналъ какъ будто-бы сердиться.

— Нѣтъ, вамъ нельзя играть со мной такъ-и-такъ, — сказалъ Масуровъ, — возьмите десять впередъ.

— Я оттого проигрываю, что мы играемъ по маленькой: давайте по пятидесяти рублей.

— Вотъ еще, что вздумали! какъ это возможно? это значитъ на-вѣрняка взять у васъ деньги. На вино давайте.

— Извольте. — И вино проигралъ Бахтіаровъ.

— Будетъ! — сказалъ Масуровъ. — Нѣтъ, вамъ нельзя со мной играть, давайте пить. Они съли за дальній столикъ.

— Я очень радъ, что съ вами познакомился, — произнесъ Михайло Николаевичъ, протягивая руку къ Бахтіарову.

— Взаимно и я, — отвѣчалъ тотъ, пожимая ему руку.

— Фамилія моя Масуровъ.

— А я Бахтіаровъ.

— Ну, и прекрасно.

— Славно вы играете.

— Такъ - ли я еще прежде игралъ? не повѣрите: въ полку, бывало, никто со мной не связывался. Разъ шельма Жидъ какую штуку выкинулъ, въ Малороссіи на ярмаркѣ: привозить билліардъ безъ бортовъ; какъ вамъ покажется?

— Не можетъ быть.

— Честію моей завѣрю. Ну, какимъ-же образомъ играть?.. Тотъ.... другой: были хорошіе игроки; посмотрѣли; нѣтъ, видятъ, хитро! чтò, я думаю, — послушай свиное ухо, говорю я Жиду, когда у тебя пуста билліардная? «Отъ цетырехъ часовъ ночи до восьми утра, все благородіе», говоритъ. Хорошо! прихожу въ четыре часа ночи, начинаю катать шарами, всю ночь проигралъ одинъ, — что-же? По-утру его каналью самаго обыгралъ на двѣ партіи. Тутъ было-схватились со мной другіе: было чело-вѣкъ десять улановъ; всѣхъ обдулъ, какъ липокъ; а смѣшнѣе всего, одинъ чиновникъ, съ позволенія сказать, все бѣлье съ себя проигралъ.

— Но я не понимаю, какимъ-же образомъ играютъ?— сказа- залъ Бахтіаровъ, внимательно выслушавъ весь этотъ рассказъ.

— Очень-просто: дублетовъ вовсе нѣтъ, и тише бьютъ шары, чтобъ не падали на полъ. Чокнемтесь, monsieur.... позвольте узнать ваше имя.

— Александръ Сергѣичъ.

— Чокнемтесь, Александръ Сергѣичъ!

Они чокнулись.

— Я сейчасъ имѣлъ удовольствіе танцовать съ вашей супругой.

— Что вы? да развѣ она здѣсь?

— Была здѣсь; а вы, видно, и не знаете?

— А я и не знаю.... Я дома цѣлый день не былъ: помню, что-то говорила....

— Я зналъ ихъ еще дѣвушкой.

— Не правда-ли, что славная женщина?

— Чудная!

— Да, чортъ возьми, кабы не была жена, даже при-
волокнулся-бы за нею.

— А вы развѣ охотники волочиться?

— Даже очень люблю. Допьемте другую бутылку, и
пойдемте волочиться.

— Пойдемте.

— Тамъ я, еще въ прошлое собраніе, видѣлъ даму:
ухъ, чортъ возьми, съ какими калеными глазами!

Новые знакомцы вышли, подъ-руки, въ залу; но Масуровъ скоро юркнулъ отъ Бахтіарова: онъ былъ въ залѣ собранія, какъ у себя дома, даже свободнѣе, чѣмъ ловкій и свѣтскій Бахтіаровъ: всѣмъ почти мужчинамъ подавалъ руку, дамамъ кланялся, инымъ даже что-то шепталъ на ухо; и Бахтіаровъ, только черезъ четверть часа, замѣтилъ его усѣвшимся съ дамою во ожиданіи мазурки. Михайло Николаевичъ, увидя своего пріятеля, показывалъ ему пальцемъ на свои глаза и, въ то-же время, подмигивалъ на свою даму. У дамы были, дѣйствительно, странные глаза: они были, если хотите, и черные, но какъ-будто-бы кто-то толкалъ ихъ изнутри, и имъ сильно хотѣлось выпрыгнуть. Бахтіаровъ чуть не засмѣлся, и, желая не поддаться пріятелю въ выборѣ дамы, отыскалъ какую-то дѣвушку, тоже съ довольно-необыкновенными глазами. Эти глаза были впрочемъ совершенно-другого свойства: они уходили внутрь, и какъ владѣтельница ихъ ни растягивала свои красноватыя вѣки, глаза прятались и никакъ не хотѣли показаться на свѣтъ. Масуровъ захохоталъ во все горло, увидѣвши помѣщающагося съ своей дамой около него Бахтіарова.

— Bravo, Александръ Сергѣичъ! то, что у васъ очень закрыто, у меня очень открыто!

Оба знакомца немного дурачились въ мазуркѣ: они очень-шибко вертели дамъ, подводя къ ихъ мѣстамъ, то черезъ-чуръ выдѣлывали па, то просто ходили, выдумывая какія-то странныя пословицы. Въ отношеніи-же дамъ

своихъ, они вели себя нѣсколько различно: Бахтіаровъ молчалъ и даже иногда зѣвалъ, но за-то рѣвкой разливался Масуровъ: онъ говорилъ дамѣ, что очень любить женскіе глаза, что взглядъ женщины для него невыносимъ, что онъ зналъ одну Жидовочку и... тутъ онъ разсказалъ такую исторію про Жидовку, что дама не знала, разсердиться на него или смѣяться; въ промежуткахъ разговора, Масуровъ обращался къ Бахтіарову и спрашивалъ его вслухъ, знаетъ-ли онъ романсъ: „ахъ, не глядите на меня, вы, пламенные очи,“ и въ заключеніе объявилъ своей дамѣ, что онъ никогда не забудетъ этой мазурки, и запечатлѣлъ ее въ сердце. Дама молча повернула на него свои глаза, и отошла.

Бахтіаровъ и Масуровъ отуживали вмѣстѣ, выпили еще бутылки двѣ шампанскаго, и Масуровъ началъ называть своего пріятеля просто — mon cher!

Дружеское сближеніе Бахтіарова съ Масуровымъ замѣтили многіе, и многіе угадали настоящую причину: это были по-преимуществу дамы, которыя, какъ извѣстно, въ подобныхъ случаяхъ, обнаруживаютъ необыкновенное любопытство и невыразимую сметливость. На другой-же почти день было рѣшено, что гордецъ Бахтіаровъ заискиваетъ въ Масуровъ и поддѣлывается подъ его дурной тонъ, потому-что интригуетъ съ его женой; слухъ объ этомъ дошелъ и къ Кураевымъ: брюнетка, говорятъ, услышавши объ этомъ, тотчасъ вышла къ себѣ въ комнату и цѣлый день не выходила, жалуясь на головную боль. Горничная ея даже разсказывала, что будто-бы съ барышней былъ обморокъ, и что она очнулась только, когда накрыли на столъ.

VI.

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА.

Еще печальнѣе, еще однообразнѣе потекла жизнь Павла послѣ его неудачной повѣдки въ собраніе; цѣлые дни проводилъ онъ въ совершенномъ уединеніи. Съ сестрою видался онъ гораздо-рѣже. Лизавета Васильевна какъ-то излѣнилась, сдѣлалась нѣсколько-странною, и совершенно-иначе держала себя въ отношеніи къ брату. По пріѣздѣ изъ собранія, она нѣсколько дней была больна, или по-крайней-мѣрѣ сказывалась больною, и лежала въ постель. На другой-же день поутру пріѣхалъ къ нимъ Бахтіаровъ. Михайло Николаевичъ просилъ-было жену выйти къ его новому знакомому, который, по его словамъ, былъ старинный его пріятель, видѣлъ ее въ собраніи, и теперь очень желаетъ покороче съ ней познакомиться. Лизавета Васильевна очень-непріятно было это посѣщеніе, и она рѣшительно сказала мужу, что больна и не можетъ выйти.

— Богъ съ тобой, Лиза, ты мнѣ все дѣлаешь напротивъ; этотъ, вѣдь, совершенно не похожъ на другихъ моихъ пріятелей: человѣкъ съ огромнымъ вѣсомъ, для дѣтей нашихъ даже можетъ быть полезенъ.

Сказавши это, Масуровъ вышелъ изъ спальни. Гость и хозяйнѣ, кажется, скоро совершенно забыли о Лизаветѣ Васильевнѣ. Они усмьлись играть въ бостонъ, и проиграли до вечера. На третій день, когда снова пріѣхалъ Бахтіаровъ, Лизавета Васильевна спросила мужа, — долго-ли этотъ человѣкъ будетъ надѣждать имъ?

— Нѣтъ, душка моя, — почти закричалъ Михайло Николаевичъ, — ты хоть зарѣжь меня, а мы каждый день будемъ играть; этакаго отличнѣйшаго и благороднѣйшаго игрока я во всю жизнь не видалъ.

— Что-же вы не играете у него?

— У него невозможно, ей-Богу невозможно; во всемъ домѣ передъдываютъ пени; намъ-бы индѣ равно.

— Это несносно, Мишель; цѣль-деи день нужной человѣкъ.

— И не говори лучше, Лиза: это невозможно; въ чемъ хочешь приказывай.

— Но какъ-же?

— Душа моя, ангелочикъ, Бога-ради, не говори, — произнесъ Масуровъ, и ушелъ проворно.

На четвертый день повторилась та-же сцена. На пятый день Лизавета Васильева проснулась блѣднѣй обыкновеннаго, глаза ея были красны и распухли. Видно было, что она провела не слишкомъ-спокойную ночь. Часу въ двѣнадцатомъ прѣѣхалъ Бахтіаровъ, и Михайло Николаевичъ тотчасъ усмыслъ съ нимъ за карты. На этотъ разъ Лизавета Васильевна не сказалась больною; она вышла въ гостиную, и довольно-сухо поклонилась гостю, проговорившему ей свое сожалѣніе о ея болѣзни; въ лицѣ Бахтіарова слишкомъ было замѣтно волненіе, и онъ часто мѣшался и даже забывалъ карты. Что касается до Лизаветы Васильевны, то она была какъ-будто-бы спокойна: работала, ласкала дѣтей, выходила часто изъ комнаты и, по-видимому, рѣшительно не замѣчала присутствія посторонняго человѣка; но къ концу дня, ссылаясь на головную боль, легла снова въ постель. На слѣдующіе дни начали повторяться эвъ сцены. Павелъ былъ всему постояннымъ свидѣтелемъ. Онъ очень подозрѣвалъ, что Бахтіаровъ не равнодушенъ къ сестрѣ, и что и она, если и не любить, то когда-то очень любила этого человѣка: ему очень хотѣлось поговорить объ этомъ съ нею, но Лизавета Васильевна замѣтно уклонялась отъ искреннихъ разговоровъ, и даже по прѣѣздѣ изъ собранія перестала говорить съ братомъ о его собственной любви. Когда начиналъ Павелъ думать объ отношеніяхъ сестры къ Бахтіарову, ему становилось какъ-то грустно; непріятное предчувствіе западало на сердце; положеніе его въ домѣ Масуровыхъ начало становиться непріятнымъ: Бахтіаровъ и Масуровъ его мало замѣчали, сестра чуждалась; онъ пересталъ къ нимъ ходить. «Для чего это сестра перемѣнилась ко мнѣ?» — часто думалъ Павелъ, «отчего-жъ она не скажетъ мнѣ, если точно любить этого человѣка? но достоинъ-ли онъ? Онъ свѣтскій человѣкъ; онъ мнѣ не нравится» Павелъ прощалъ сестрѣ чувство любви,

но только ему казалось, что избранный ею предметъ былъ не достоинъ ея; впрочемъ, при такихъ размышленіяхъ, Павлу всегда какъ-то становилось грустно и непріятно. «Лучше, еслибы этого не было, заключалъ онъ, и что будетъ изъ этой любви?» На послѣдній вопросъ Павелъ боялся отвѣчать. Она не любитъ Бахтіарова, старался онъ думать, — она къ нему такъ холодна, она терпитъ его за тѣмъ только, чтобы не ссориться съ мужемъ. На Михайла Николаевича Павелъ очень сердился: этотъ пустой человекъ погубить все свое семейство, онъ въ состояніи продать жену; онъ подлъ, низокъ, развратенъ, — и много еще другихъ подобныхъ качествъ приписывалъ Павелъ своему зятю, который возмущалъ его всѣми своими поступками, своими словами, даже своею наружностію. Какъ сестрѣ не предпочесть Бахтіарова, который, можетъ-быть, тоже развратный человекъ, по-крайней-мѣрѣ такъ приличенъ, такъ солиденъ. Были даже минуты, когда Павелъ завидовалъ сестрѣ и Бахтіарову: они любятъ, они любимы, тогда какъ онъ?... Здѣсь въ воображеніи его невольно начиналъ воскресать образъ брюнетки, не той холодной брюнетки, которую онъ видѣлъ, которая не пріѣхала въ собраніе, нѣтъ, другой — доброй, ласковой, привѣтливой къ нему брюнетки; она подавала ему руку, шла съ нимъ.... Но мечты прерывались, его то звали къ матери, то пріѣзжала тетка, или сестра, и заставляли его рассказывать, что дѣлала и какъ себя чувствовала старуха впродолженіе двухъ дней, и не хуже ли ей? На всѣ вопросы Павелъ отвѣчалъ односложно. Тетка при этихъ посѣщеніяхъ обыкновенно выговаривала Павлу, «почему онъ не служить, почему не бываетъ у нея, и какъ ему не грѣхъ, что онъ такъ холоденъ къ матери, которая для него была истинно благодѣтельница?»

Однажды—это было въ началѣ великаго поста — Перепетуя Петровна пріѣхала къ сестрѣ. Она была очень взволнована, почему съ несвойственною ей быстротою и небрежливостію, сбросила на полъ салопъ, и вошла въ залу: все лицо ея было въ красныхъ пятнахъ.

— Гдѣ Паша? — спросила она.

— У себя въ комнату, — отвѣчала горничная.

Перепетуя Петровна прошла къ Павлу.

— Здравствуй, Паша; полно, нечего одѣваться-то, и въ халатъ посидишь. Что это у тебя какая нечистота въ комнату? полъ не вымыть; посмотри, сколько на столъ пыли; мало что-ли, батюшко, этихъ оболтусовъ-то? Притвори дверь-то: мнѣ нужно съ тобою поговорить. — Павелъ затворилъ дверь; Перепетуя Петровна усѣлась въ кресла — Давно-ли ты видѣлъ сестру?

— Дня съ три.

— У нихъ былъ?

— Нѣтъ, Лиза у насъ была.

— А у нихъ давно-ли былъ?

— У нихъ былъ недѣлю назадъ.

— Что она, съ ума что-ли сошла?

— Кто?

— Да сестрица-то твоя, — Павелъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на тетку. — Я себя не помню; можно сказать, если бы не мой твердый характеръ, я не знаю что.... Кто у нихъ былъ при тебѣ?

— Никого.

— Нѣтъ, ты лжешь, что никого: у нихъ былъ Бахтіаровъ; бываетъ каждый день, только что не ночуетъ: вотъ что.

Павелъ тутъ только началъ догадываться, въ чемъ дѣло. — Это пріятель Михайла Николаевича, — скавалъ онъ.

— Нѣтъ, не пріятель; онъ скорѣй злодѣй его: онъ злодѣй всего нашего семейства; прекрасно! Михайло-же Николаевичъ виноватъ!... сваливайте на мужа вину: мужа всегда виноваты! Ты и этого не понимаешь.

— Мнѣ нечего понимать.

— Нѣтъ, ты долженъ понимать; ты братъ.

— Что-же мнѣ такое понимать?

— А то понимать, что сестра твоя свела штригу.

— Тетушка....

— Нечего тетушка. Ты думаешь—мнѣ легко слышать, какъ цѣлый городъ говоритъ, что она съ этимъ Бахтіаровымъ въ интригъ, и въ интригъ мерзкой, скверной.

Павель весь вспыхнулъ.

— Это клевета! прошу васъ, тетушка, не говорите этого при мнѣ.

— Нѣтъ, я буду при тебѣ говорить: ты долженъ дѣйствовать.

— Мнѣ нечего дѣйствовать: это сплетни подлыхъ людей.

— Ты не можешь этого сказать: это говорили мои хорошіе знакомые, это говорятъ вездѣ люди постарѣе, посolidнѣе тебя; они жалуютъ тутъ меня, зная мое родственное расположеніе, да бѣднаго Михайла Николаевича, котораго спавваютъ, обыгрываютъ, можетъ-быть отравляютъ на тотъ свѣтъ. Вотъ что говорятъ вездѣ.

— Тетушка, пощадите сестру! — произнесъ Павель почти умоляющимъ голосомъ.

— Нѣтъ, мнѣ нечего ее щадить; она сама себя не щадитъ, коли такъ дѣлаетъ; я говорю, что чувствую. Я было хотѣла сейчасъ-же ѣхать къ ней, да Михайла Николаевича пожалѣла, потому-что не утерпѣла-бы, при немъ-же бы все выпечтала. А ты такъ съѣзди, да и поговори ей; просто скажи ей, что если у нихъ еще разъ побываетъ Бахтіаровъ, то она мнѣ не племянница. Слышишь?

— Я не поѣду, тетушка.

— Какъ тебѣ ѣхать? я напередъ это знала; давно ужъ извѣстно, что ты никакихъ родственныхъ чувствъ не имѣешь, что сестра, что чужая—все равно; въ тебѣ даже нѣтъ дворянской гордости; тебѣ вѣдь нипочемъ, что безславить наше семейство, которое всегда, можно сказать, отличалось благочестіемъ и нравственностію.

— Это одна клевета.

— Да за что-же вы меня-то мучите, за что-же я-то терзаюсь? Вы, можно сказать, мои злодѣи; въ комъ мое утѣшеніе? о чемъ я всегда старалась? Чтобы было все прилично, хорошо! что-же на повѣрку вышло! Мерзость, скверность, подлость; я дѣвочкѣ своихъ за это стѣну и ссы-

лаю въ скотную. Богъ съ вами, Богъ васъ накажетъ за ваши собственные поступки. Съездить не хочешь! Дня-тй ты, сударь, этакой, тюфякъ; ты рѣшительно безъ всякихъ чувствъ, жалости ни къ кому не имешь!

Впродолженіе этой рѣчи, голосъ Перепетуи Петровны дѣлался болѣе и болѣе печальнымъ, и наконецъ она начала всхлипывать.

— Нѣтъ, видно, мнѣ въ жизни утѣшенія ни отъ чужихъ, ни отъ родныхъ: маятница на бѣломъ свѣтѣ; прибралъ-бы поскорѣ Господь; по крайней-мѣрѣ, успокоилась-бы въ сырой землѣ!

Перепетуя Петровна очень разстроилась. Вошла горничная, и сказала, что больная проснулась.

— Не сказывайте ей обо мнѣ,—говорила Перепетуя Петровна,—я не могу ее видѣть, мою голубушку; страдалницы мы съ ней, по милости прекрасныхъ дѣтушекъ! Я сейчасъ уѣду.... — И дѣйствительно уѣхала, не простясь даже съ Павломъ.

Перепетую Петровну возмутила Θεоктиста Саввишна. Она рассказала ей различныя толки объ Лизаветѣ Васильевнѣ, носившіеся по городу и по преимуществу развиваемыя въ дружественномъ для нея домѣ, гдѣ прежде очень интересовались Бахтіаровымъ, а теперь замѣтно на него сердились, потому-что онъ рѣшительно пересталъ туда ѣздить, и цѣлые дни просиживалъ у Масуровыхъ.

Θеоктиста Саввишна, поговоривши съ Перепетуей Петровной, вздумала захватить къ Лизаветѣ Васильевнѣ послѣдъть вечерокъ и собственнымъ глазомъ кой-что замѣтить. Она непременно ожидала встрѣтить тамъ Бахтіарова; но Лизавета Васильевна была одна и, кажется, не слишкомъ обрадовалась гостьѣ. Сначала разговоръ шолъ очень вяло.

— А вы не выѣзжаете?—спросила Θεоктиста Саввишна.

— Нѣтъ, я не выѣзжала эти дни... Голова болитъ.

— Время такое, насморки вездѣ. А я такъ сегодня цѣлый день не бывала дома; бездомовница такая сдѣлалась, что ужасъ; теперь вотъ у васъ сижу, послѣ объда была у вашей тетушки.... какъ она васъ любить! а цѣлое утро, и объдала я у Курасвыхъ.... что это за прекрасное семейство!

— А вы знакомы?

— Господи помилуй! мало, что знакома: я, можно сказать, дружна, близка къ этому семейству.

— Которая изъ дочерей у нихъ лучше? — спросила Лизавета Васильевна.

— Ахъ, Лизавета Васильевна, я, просто, не могу вамъ на это отвѣчать! Онъ обѣ, можно сказать, какъ два амура, или какія-нибудь двѣ бѣлыя голубки.

— Которая у нихъ брѣнетка?

— Старшая.

— Она мнѣ лучше нравится.

— Да, это Юлія Владимировна: прекрасная дѣвица: дай только Богъ ей партію хорошую; а изъ нея выйдетъ превосходная жена; напередъ можно сказать, что она не огорчитъ своего мужа въ малѣйшихъ пустякахъ, не только своимъ поведеніемъ или какими-нибудь неприличными поступками, какъ дѣлаютъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ другія жоны. — Последнія слова Θεоктиста Саввишна произнесла съ большимъ выраженіемъ, потому-что, говоря это, имѣла въ виду кольнуть Лизавету Васильевну.

— Она очень нравится одному молодому человѣку, — сказала та, не понявши послѣднихъ словъ Θεоктисты Саввишны:

— Право? кому-же это?

— Этотъ молодой человѣкъ видѣлъ ее раза два. Онъ говоритъ, что она чудо-какъ хороша собой, граціозна и безподобно поетъ.

— Ай, батюшки! кто-же это такой? — спрашивала Θεоктиста Саввишна, у которой глаза разгорѣлись, какъ-будто дѣло шло обѣ ея собственной красотѣ, или о красотѣ ея дочери:

— Онъ меня очень просилъ, — продолжала Лизавета Васильевна, — чтобы узнать, сторовой, какъ обѣ немъ думаютъ у Кураевыхъ, и что-бы они сказали, еслибы онъ сдѣлалъ предложеніе.

— Ахъ, Боже мой! кто-бы это былъ? — сказала Θεоктиста Саввишна, еще болѣе заинтересованная. — Постойте, я, вѣдь, догадываюсь; не Бахтіаровъ-ли?

Лизавета Васильевна покраснѣла.

— Это съ чего вамъ пришло въ голову? съ какой мнѣ стати говорить за него?

— Ну, я думала, такъ по дружбѣ; онъ такъ часто бываетъ у васъ.

— Онъ часто бываетъ у моего мужа. Нельзя-ли вамъ, Феоктиста Саввишна, переговорить съ Кураевыми?

— Да про кого, матушка поговорить-то: я еще не знаю, про кого.

— Нѣтъ, вы напередъ дайте слово, что переговорите.

— Извольте; про кого-же!

— Про моего брата.

— Про Павла Васильевича? не можетъ-быть!

— Отчего-же не можетъ быть?

— Нѣтъ, вы шутите!

— Вовсе не шучу.

— Да какъ-же? вѣдь онъ еще не служилъ.

— Что-жъ такое! у него ужъ три чина.

— Да кто имъ далъ?

— Царь далъ. Онъ кандидатъ.

— Ей Богу, не знаю.... Извольте; мнѣ отъ своего слова отпираться не слѣдуетъ: поговорить поговорю; конечно, женихи дѣвушкѣ не безчестье; только откровенно вамъ скажу — не надѣюсь. Главное дѣло — не чиновенъ, какъ-бы при должности какой-нибудь былъ — другое дѣло.... Состояніе-то велико-ли у нихъ?

— У него своихъ пятьдесятъ душъ, да послѣ тетки еще достанется.

Феоктиста Саввишна размышляла. Она была въ чрезвычайно-затруднительномъ положеніи: съ одной стороны ей очень хотѣлось посватать, потому-что сватаніе съ-издана было ея страстью, ея манією; половина дворянскихъ сватей въ городѣ началась чрезъ Феоктисту Саввишну, по съ другой стороны, Бешметевъ и Кураева въ головѣ ея ни комъ образомъ не укладывались въ приличную партію,

тѣмъ болѣе, что она вспомнила, какъ сама она невыгодно отзывалась о Павлѣ, и какое дурное мнѣніе имѣеть объ немъ невѣста; но манія сватать превозмогла все.

— Поговорю, Лизавета Васильевна, съ большимъ удовольствіемъ поговорю; я такъ люблю все ваше семейство! мнѣ очень будетъ пріятно устроить это для васъ. Вы говорите: у него пятьдесятъ душъ и три чина?

Разговоръ этотъ прервался приходомъ блѣднаго и разстроеннаго Павла. Лизавета Васильевна очень ему обрадовалась.

— Вотъ и онъ! легокъ на поминѣ. Какъ я тебя давно не видала, Польш,—говорила она, цѣлуя брата въ лобъ и глядя на него, — но что съ тобой? чѣмъ ты разстроенъ?

Павелъ ничего не отвѣчалъ и, почти не кланяясь Θεоктисту Саввишину, свѣлъ поодаль; Лизавета Васильевна долго вглядывалась въ брата и сама задумалась. Θεоктиста Саввишина, внимательно осмотрѣвши Павла, начала съ нимъ разговаривать, вѣроятно, для узнавія его умственныхъ способностей; она сначала спросила его объ матери, а потомъ и пошла допытываться, гдѣ онъ, чему и какъ учился, что такое университетъ, на какую онъ должность кандидатъ; и вслѣдъ за тѣмъ, услышавши, что ученый кандидатъ не значитъ кандидатъ на какую-нибудь должность, она очень интересовалась знать, почему онъ не служить и какое ему дадутъ жалованье, когда поступить на службу.

Павелъ говорилъ очень не охотно, такъ-что Лизавета Васильевна нѣсколько разъ принуждена была отвѣчать за него. Часу въ восьмомъ пріѣхалъ Масуровъ съ клубнаго объѣда и былъ немного-пьянъ. Онъ тотчасъ-же бросился обнимать жену и началъ рассказывать, какъ онъ славно кутнулъ съ Бахтіаровымъ. Павелъ взялся за шляпу, и, не смотря на просьбы сестры, ушелъ. Θεоктиста Саввишина тоже вскорѣ отправилась, и, еще разъ переспросивши о состояніи, чинѣ и лѣтахъ Павла, общалась увѣдомить Лизавету Васильевну очень-скоро.

VII.

СВАТОВСТВО.

Феоктиста Саввишна, прїѣхавши отъ Лизаветы Васильевны, почти цѣлую ночь не спала; сердце ея каждый разъ замирало и билось, когда она вспоминала, что судьба сжалась наконецъ надъ ней и доставила ей случай посватать. Будь другая на мѣстѣ Феоктисты Саввишны, не имѣй для этого дѣла истиннаго призванія, она конечно-бы не рѣшилась сватать какого-либо полуплебея губернской аристократкѣ, по причинамъ выше уже изложеннымъ. Собственно два только благоприятные шанса имѣла Феоктиста Саввишна: во-первыхъ, она слышала стороной, что будто-бы у Кураевыхъ продаютъ имѣніе съ аукціона, и что вообще дѣла ихъ сильно-плохи, а во-вторыхъ, Владиміръ Андреевичъ, обыкновенно человекъ гордый и очень-мало съ нею говорившій, вдругъ на дняхъ ни съ того, ни съ сего, подѣлъ къ ней и сказалъ: — чѣмъ вы, любезная Феоктиста Саввишна, занимаетесь? хотѣ-бы молодымъ дѣвушкамъ жениховъ прїискивали, — а она, какъ-будто-бы предчувствуя, и отвѣтила, что она очень рада, но только въ состояніи-ли будетъ найти достойныхъ молодыхъ людей. Владиміръ-же Андреевичъ на это возразилъ: — нынче дѣвушкамъ копать нечего! — и что вотъ, хотѣ у него двѣ дочери, дѣвушки не изъ послѣднихъ, а онъ зарываться не будетъ, былъ-бы человекъ хорошій.

На другой день Феоктиста Саввишна сходила къ заутренѣ, къ обѣднѣ, и молилась, чтобы хорошо начать и благополучно кончить, и вечеромъ-же рѣшилась отправиться къ Кураевымъ. Ѣхавши дорогой, она имѣла два опасенія: первое, чтобъ не было постороннихъ, а второе, чтобы Владиміръ Андреевичъ не очень ужъ былъ важенъ и сердитъ, потому-что она его безмѣрно уважала и отчасти побаивалась; даже, можетъ-быть, не рѣшилась-бы заговорить съ нимъ, еслибы онъ самъ прежде не далъ тону. Первое ея опасеніе

было напрасно : Курасвы только своей семьей сидѣли въ угольной комнатѣ; второе-же, т. е. : въ отношеніи Владимира Андреевича, отчасти оправдалось : онъ былъ, видно, чѣмъ-то очень серьезнымъ разстроенымъ, а вслѣдствіе того и вся семья была не въ духъ; но...заставьте художника-живописца, въ минуту его яснаго представленія задуманной имъ картины, чтобы онъ не схватился за кисть и не принялся работать потому только, что въ комнатѣ не такъ свѣтло! Неужели поэтъ, глубоко-проникнутый какою-нибудь мыслию, не станетъ писать отъ небольшого ревматизма въ правой рукѣ? Что-же мудреного, что и Θεоктиста Саввишна, нося въ сердцѣ истинное призваніе къ сватовству, не оробѣла передъ этимъ неблагопріятнымъ случаемъ, и рѣшилась, вочто-бы ни стало, начать свое дѣло?

— Что это нынче за времена,—начала она, просидѣвши съ полчаса и переговора о различныхъ предметахъ, что это нынче за годы? прошла цѣлая зима, танцовали, ѣздили на балы, тоже веселились, а сватѣбы ни одной.

На это замѣчаніе никто не отвѣтилъ; Владимиръ Андреевичъ поднялъ, впрочемъ, нахмуренные глаза и поглядѣлъ на нее.

— А, вѣдь, женихи-то есть : и очень-бы желаютъ,—продолжала она.

— Да гдѣ вы нашли жениховъ?—проговорилъ Владимиръ Андреевичъ: и танцовали наша братья-женатые, да мальчишки.

— Мало-ли есть, которые и не выезжаютъ. Право, нынче молодой человекъ, который посолиднѣе-то, и не поѣдетъ въ общество-то. Не тѣ времена: жизнь какъ-то не веселятъ. Вотъ, напримѣръ, Василья Петровича Бешметева сынъ: прекраснѣйшій человекъ, а нигуда не ѣздитъ, все сидитъ дома.

— Это тюфякъ-то?—перебила блондинка.—Мы еще у васъ его видѣли : смиренный такой!

— И который еще рукъ не моетъ? — прибавила насмѣшливо брюнетка.

— То-то и есть! я, не зная, это говорила, анъ вышло не то,—возразила увертливая Θεоктиста Саввишна. —

Послѣ какъ узнала, такъ вышелъ человекъ-то умной; не шаркунъ, правда, что-жъ такое? занимается своимъ семействомъ, хозяйствомъ, читаетъ книги, пятьдесятъ душъ чистаго имѣнія, а въ домъ-то чего нѣтъ? одного серебра два пуда, да еще послѣ тетки достанется душъ восемьдесятъ. Кромѣ того, у Перепетуи Петровны и деньги есть: я это навѣрно знаю. Чѣмъ не женихъ? по моему мнѣнію, такъ всякую дѣвушку можетъ осчастливить.

Родитель и родительница весь этотъ разговоръ выслушали очень-внимательно.

— Да это его сестра за Масуровымъ?—спросила мать.

— Его самого.

— Семейство-то очень ужъ дурное: тетка Перепетуя Петровна, сестра Масурова,—Богъ знаетъ, что такое! — говорила Кураева, глядя на мужа и какъ-бы спрашивая его: «слѣдуетъ-ли это говорить.»

— Что-жъ такое сестра? — возразила Θεоктиста Саввишна—она совершенно-отдѣлена. Если и дѣйствительно про нея есть тамъ, какъ говорятъ, какіе-то слухи, она не укащица брату.

— Это пустяки: что такое сестра?— проговорилъ Кураевъ. Служить онъ гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ, нигдѣ не служить.

— Отчего-же? лѣнивъ что-ли?

— Ай-нѣтъ; какъ это возможно! Холостой человекъ, одинокій: думаетъ, не для чего: состояніе обезпеченное, у него ужъ три чина: онъ какой-то коллежскій регистраторъ, что ли.

— Коллежскій секретарь?

— Такъ точно: коллежскій секретарь.

Θеоктиста Саввишна, сметливая въ день сватанія, очень-хорошо поняла, что родители были почти на ея сторонѣ; впрочемъ она даже нѣсколько удивилась, что такъ скоро успѣла: «видно, больно ужъ дѣлишки-то плохи», подумала она, и прямо рѣшилась приступить къ дѣлу.

— Я, признаться сказать, — начала она не совсѣмъ твердымъ голосомъ, — нарочно сегодня къ вамъ и прѣхала. Въ своемъ семействѣ можно говорить откровенно: онъ очень меня просилъ узнать, какое было-бы ваше мнѣніе на счетъ Юліи Владиміровны?

— На счетъ меня! — спросила брюнетка, и поблѣднѣла.

— То-есть, въ какомъ-же отношеніи на счетъ? — сказалъ Владимиръ Андреевичъ, переглянувшись съ женою.

— Ну, то-есть, известно, въ какомъ. Онъ видѣлъ Юлію Владиміровну: она имъ очень понравилась, такъ онъ очень-бы желалъ быть осчастливленъ. Конечно, его мало знаютъ, но онъ говоритъ: «я, говоритъ, современемъ постараюсь, говоритъ, заслужить».

Владимиръ Андреевичъ думалъ. Впрочемъ, по выраженію его глазъ, замѣтно было, что слова Θεоктисты Саввишны были ему непріятны.

— Что-жъ, онъ дѣлаетъ формальное предложеніе что-ли? — спросилъ онъ.

— Да!.... конечно.... все равно и черезъ меня.... дѣлаетъ формальное предложеніе.

— Формальное предложеніе, — проговорилъ какъ-бы съ собою Владимиръ Андреевичъ, и поглядѣлъ на дочь.

Юлія сидѣла почти не жива; на глазахъ ея навернулись слезы. Блондинка съ испуганнымъ и жалкимъ лицомъ смотрѣла на сестру: у нея тоже показались слезы. Марья Ивановна глядѣла то на дочь, то на мужа. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Какъ ты думаешь, Марья Ивановна? — началъ Владимиръ Андреевичъ, обращаясь къ женѣ. Та глядѣла ему въ глаза, и ничего не отвѣчала.

— Ну, а ты что, Юлія? — отнесся онъ къ дочери.

Юлія Владиміровна едва собралась съ духомъ отвѣчать.

— Я не хочу еще за-мужъ, папенька.

— Это пустое ты говоришь: всякая девушка замужь хочетъ.

— Онъ мнѣ не нравится, папенька.

— И это пустое.... — Рѣшивши такимъ образомъ, Владимиръ Андреевичъ всталъ, и началъ ходить по комнатѣ; всѣ другіе сидѣли молча и потупившись, У Феоктисты Саввишны очень билось сердце, и она безпокойнымъ взоромъ слѣдила за Кураевымъ.

— Пойдемъ туда, Маша, — проговорилъ наконецъ Владимиръ Андреевичъ, показавъ женѣ глазами на кабинетъ. Марья Ивановна встала, и пошла за мужемъ. Барышни тоже недолго сидѣли въ угольной. Брюнетка взглянула изъ-подлобья на Феоктисту Саввишну, и, взявши сестру за руку, ушла съ нею въ комнату.

Феоктиста Саввишна, чтобы не мѣшать семейному совѣщанію, тоже вышла въ залу и, прислонившись къ печкѣ, съ удовольствіемъ начала припоминать ту ловкость, которую обнаружила въ этомъ дѣлѣ. — Задала-же я имъ задачу, думала она; Господи, хотъ-бы мнѣ эту свадьбу устроить: четвертый годъ безъ всякаго дѣла. Старики-то, кажется, на моей сторонѣ; невѣста, пожалуй, заупрямится; ну, да Владимиръ Андреевичъ не очень чувствительной родитель; у него и не хочешь да заплащесть. Признаться сказать, не ожидала я для себя этого. Дѣлишки-то, главное, дѣлишки, видно, больно-плохи. Какъ-бы послушать, что барышни-то говорятъ? — подумала Феоктиста Саввишна, и, зная очень-хорошо расположеніе дружественнаго для нея дома, тотчасъ нашла дверь въ комнату барышень, и, подошедши весьма-осторожно, приложила къ небольшой щели ухо. Въ комнатѣ царствовало молчаніе, и только слышались глухія рыданія. Феоктиста Саввишна тотчасъ-же догадалась, что это плачетъ невѣста.

— Не плачь, ма сœur, — заговорила блондинка, — папенька, можетъ-быть, еще не согласится.... Ты сама не ходи: скажи, что, просто, не можешь, что у тебя къ нему антипатія.

— Какая тутъ антипатія? больше, та зоеиг, чѣмъ антипатія. Я представить его не могу, имя его теперь ужъ мнѣ противно. Что это такое? выдають за дурака?

— Именно, — подхватила блондинка, — лицо гадкое, ноги кривыя: очень-весело! Такой мужъ своими невымытыми руками будетъ обнимать, Фай, гадость какая!

Брюнетка ничего не отвѣчала: нѣсколько минутъ, не было слышно ни слова.

— Если меня выдадутъ за него, — начала довольно-тихо брюнетка, — я знаю, что сдѣлать.

— А что такое, та зоеиг?

— А вотъ увидишь.

— Скажи, душенька!

— А то, что я буду держать его, какъ лакея....

— Конечно: онъ того и стоитъ.

— Еще какъ стоитъ!

Снова продолжалось нѣсколько минутъ молчаніе.

— Мнѣ тебя, та зоеиг, — начала блондинка, — очень-жаль: мы съ тобой ужъ не будемъ жить вмѣстѣ.

Брюнетка молчала.

— Все это гадкая Феоктиста Саввишна, — продолжала блондинка.

— Конечно, она уродъ проклятый! — подхватила Юлія.

— Дыня гнилая!

— Кіевская вѣдьма!

— Чортъ съ хвостомъ!

Феоктиста Саввишна не сочла за нужное долѣе подслушивать, и снова вышла въ залу. Ей очень была обидна неблагодарность Юліи Владимировны, о счастья которой она старалась. «Впрочемъ Богъ съ ней!» подумала она, «это происходитъ отъ глупости и молодости: имъ-бы все за богачей выдавай; гдѣ-же ихъ взять? для меня-бы все равно сватать; сами виноваты; хорошій-то женихъ спросить и приданого; а приданое въ трубѣ прогорѣло, даромъ что модницы этакія! Вотъ посмотримъ, сколько отваятъ; ацъ

смотришь: старую перину, новый вѣщикъ, да полтину денегъ; конечно, тряпокъ много, да, вѣдь, на тряпки-то хорошаго человека не приобрѣтешь». Θεоктиста Саввишна много еще думала въ этомъ-же родѣ: въ головѣ ея проходили довольно-серьезныя мысли. Такъ, напримѣръ: что, если нѣтъ въ виду хорошаго придачаго, такъ дѣвушекъ не слѣдуетъ по модѣ и воснитывать, а главное дѣло — не нужно учить по-французски: что отъ этого? онѣ только важничаютъ, а толку нѣтъ; и тому подобное.

Но еще болѣе-серьезныя мысли, какъ и надобно было ожидать, высказывалъ Владимиръ Андреевичъ въ своемъ сообщеніи съ супругою.

— Какъ ты думаешь, Марья Ивановна? — началъ онъ.

— Я, ей-Богу, еще, Владимиръ Андреевичъ, опомниться не могу. Мнѣ кажется это даже дерзостью.

— Пустое! гдѣ-же тутъ дерзость.

Марья Ивановна не отвѣчала.

— Я тебя спрашиваю: гдѣ-же тутъ дерзость?

— Конечно, если ужъ не дерзость, такъ, самъ согласишься, странность.

— И странности никакой нѣтъ. А это не странность, что у насъ имѣніе-то все съ молотка продадутъ? Это не странность, что я въ 50 лѣтъ долженъ ѣхать въ Петербургъ — надѣвать лямку и тереться въ частной службѣ за какія-нибудь четыре тысячи въ годъ. Это не странность, по вашему, это не странность? Понимаете-ли вы, что изъ этого выйдетъ?

— Я сама знаю, Владимиръ Андреевичъ, что наше состояніе очень разстроено.

— Не разстроено, сыдарыня, а совсѣмъ его нѣтъ. Что теперь у насъ? домашняя рухлядь, да экипажи; далеко-то не увидешь. Хорошо, что еще хотя частное мѣсто-то удастся пріятелямъ выхлопотать, а то хоть по міру ступай; въ пору съ одной-то возиться. Слава Богу, что выискался добрый человекъ, да беретъ, что называется, изъ одного рас-

положенія. Нѣтъ ужъ, сударыня, по милости вашей, у меня шея-то болитъ давно; вамъ все готово, а я, можетъ-быть, цѣлыя ночи верчусь, какъ карась на горячей сковородѣ; у меня только и молитвы было, чтобы взялъ кто-нибудь; знаешь-ли ты, сударыня, что мы черезъ мѣсяцъ должны ѣхать отсюда? Ну, еслибъ еще здѣсь оставались, можно-бы было погодить, да и то.... четыре зимы ихъ вывозили; а что толку-то? Ъздили, ухаживали, обѣдали, э ни одинъ не присватался; припомни, сколько было этихъ франтовъ-то: Портновъ, Караевъ, Мелуза, Коваревскій, Умновъ, Глазочкаловъ, Бахтіаровъ; а, вѣдь, ни одного не умѣли завлечь хорошенько; сами виноваты, янъ дѣлать нечего, въ самаго себя ужъ не влюбишь.

— Конечно.... впрочемъ все-таки.... ты не разсердись, Владимиръ Андреевичъ: я говорю это такъ: все-таки ужасно пожертвовать дочерью....

— Да какой чортъ ею жертвуетъ? Не въ Сибирь ссылаютъ, за мужъ выдаютъ; она, я думаю, сама этого желаетъ. Жертвуютъ ею! въ этомъ дѣлѣ скорѣй нашъ братъ жертвуетъ. Будь у меня состояніе, я, можетъ-быть, въ злѣя-то пригнулъ и не такого чловѣка.

— Да, вѣдь, это я такъ сказала, — Владимиръ Андреевичъ.

— И такъ говорить не слѣдуетъ. Надобно-ли намъ о себѣ то подумать?

— Конечно, надобно.

— Нашъ, вѣдь, вѣкъ еще не определенъ!

— Конечно, еще не определенъ: можетъ-быть, мы еще долго будемъ жить.

— То-то и есть: долго жить. Теперь позови-ка Юлію-то, я поговорю съ ней, а послѣ и ты ей внуши; внуши хорошенько: во-первыхъ, что она бѣдная дѣвушка, что лучше ей жениха быть не можетъ, а въ дѣвкахъ оставаться не хорошо, да и неприлично въ нашъ вѣкъ.

Марья Ивановна вышла. Владимиръ Андреевичъ, оставшись одинъ, погрузился въ размышленія. Черезъ нѣсколько

минуть вошла, въ сопровожденіи матери, невеста, съ заплаканными глазами и блѣдная, какъ полотно.

— Поди, поцѣлуй меня, Юлія, — сказалъ Владимиръ Андреевичъ ласковымъ тономъ, — сядь поближе. — Юлія поцѣловала отца и сѣла. — Знаешь-ли ты, — началъ своимъ внушительнымъ тономъ Владимиръ Андреевичъ, — что всякая порядочная дѣвушка, въ двадцать лѣтъ, должна думать выйти замужъ?

— Знаю, папа.

— Ты порядочная дѣвушка? — Юлія молчала. — Тебѣ двадцать лѣтъ? Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? То, что ты должна думать выйти замужъ.

— Но, папа, я еще не хочу.

— Ты не можешь не хотѣть на томъ основаніи, какъ я сказалъ, что порядочная дѣвушка въ двадцать лѣтъ хочетъ за-мужъ; но теперь другой вопросъ: за кого выйдти за-мужъ?

— Мнѣ онъ очень гадокъ.

— Хорошо: этотъ гадокъ; положимъ такъ. Стало-быть ты кого-нибудь имѣешь въ виду. Можетъ-быть, въ тебѣ кто-нибудь влюбленъ и ужъ дѣлалъ тебѣ предложеніе? Кто-жъ это такой? Бахтиаровъ, что-ли?

— Мнѣ никто не дѣлалъ предложенія, — отвѣчала, вспыхнувъ, Юлія Владимировна.... — Я пойду, папинька, въ монастырь.

— Прекрасно! ступай въ монастырь, только завтра-же; зачѣмъ-же тебѣ отягощать насъ? Мы, стало-быть, ничего уже не можемъ для тебя сдѣлать. Мы поѣдемъ въ Петербургъ, а ты ступай въ монастырь. — Юлія залилась слезами. — Вотъ видишь, — началъ снова Владимиръ Андреевичъ, — это только пустыя слова, а въ такомъ важномъ дѣлѣ пустыхъ словъ говорить не слѣдуетъ. Плакать нечего, а надобно слушать, что говорятъ.

— Мнѣ хочется, папинька, пожить съ вами.

— Пожить съ нами! Это всего лучше! На все, судариня, свое время: съ нами ты ужъ пожила; теперь

тебѣ надобно выйти за мужъ,—вѣдь ты съ этимъ сама согласна. Ну, скажи, согласна-ли?

— Согласна.

— Прекрасно! Что-жъ тебя останавливаетъ? Каковъ этотъ человекъ?

— Онъ совершенный тлюфлкѣ, папа.

— Вотъ то-то и есть; тебѣ, по молодости, не должно ни въ чемъ полагаться на собственныя понятія. А я тебѣ лучше растолкую, что это за человекъ. Во-первыхъ, я зналъ его отца и мать; отецъ былъ очень-честный человекъ, а мать умная и добрая женщина; во-вторыхъ, онъ самъ учился въ университетъ и имѣетъ уже три чина. Что-же изъ этого выходитъ? Этотъ женихъ умный человекъ, по мѣсту своего воспитанія, потому-что это высшее заведеніе, и долженъ быть добрый человекъ, по семейству, въ которомъ онъ родился, а главное — состояніе: пятьдесятъ душъ не заложенныхъ; это значитъ сто душъ; домъ, какъ полная чаша; это я знаю, потому-что у Василья Петровича бывалъ на завтракахъ; экипажъ будетъ у тебя приличный; знакома ты можешь быть со всѣми; будешь дамой, мужъ умный и добрый человекъ, конечно, будетъ доставлять тебѣ удовольствія; самъ будетъ служить, а ты будешь веселиться; народятся дѣти, къ этому времени тетка умретъ: вотъ вамъ на ихъ воспитаніе. Чего-жъ недостаетъ въ этомъ женихѣ?

— Онъ очень необразованъ, папа.

— Нѣтъ, необразованъ быть онъ не можетъ; развѣ только неловокъ, не шаркунъ; да, вѣдь, мужъ не танцовальный учитель; это, вѣдь, въ танцмейстеры, да въ палцы выбираютъ ловкихъ-то.

Владимиръ Андреевичъ замолчалъ. Изъ всѣхъ его разсужденій Юлія поняла, кажется, только то, что папенька непременно рѣшился ее выдать за Бешметева, и что теперь онъ говоритъ ласково, только убѣждаетъ, а потомъ, пожалуй, начнетъ кричать и, чего добраго, посадить въ монастырь.

— Ну, Марья Ивановна, ты теперь съ нею поговори,—сказалъ Владимиръ Андреевичъ, и вышелъ.

Юлія, по уходѣ отца, принялась плакать; Марья Ивановна тоже едва удерживалась.

— Онъ меня, пожалуй, прогонитъ, — говорила Юлія, утирая слезы.

— Что мудренаго, другъ мой? Джулинка, выходи лучше. Что? Богъ милостивъ.

— Да онъ мнѣ гадокъ, татап.

— Привыкнешь, душа моя, ей Богу, привыкнешь. Этого вѣдь нельзя напередъ сказать; сначала не нравится, а послѣ полюбишь; а иногда и по любви выходятъ, да послѣ даже ненавидятъ другъ-друга. Онъ добрый человекъ: по-крайней мѣрѣ, онъ будетъ тебѣ повиноваться, а не ты ему.

— Да, ужъ если я выйду, — сказала разгнѣваннымъ голосомъ Юлія, — такъ я ему дамъ знать себя; я ему докажу, что значить жениться насильно. У него пятьдесятъ душъ, татап?

— Пятьдесятъ душъ, мой ангелъ.

— Сколько-же это доходу?

— Я думаю, тысячь до трехъ; да еще я думаю, деньги у нихъ должны быть.

— Всѣ деньги себѣ буду брать; ему никогда копѣйки не дамъ; буду ѣздить по знакомымъ, по баламъ; дома рѣшительно не стану сидѣть.

— Такъ не слѣдуетъ, Джулинка, — говорила мать. — Ну, что пользы-то, посуди ты сама: вотъ я вышла за Владимира Андреевича; ну, молодецъ, уменъ и богатъ, — конечно, жила въ обществѣ, за то домашняго-то удовольствія никакого не имѣла. Рѣшись, мой другъ; въ наше время въ двушкахъ оставаться даже неприлично.

И на это замѣчаніе Юлія ничего не отвѣчала, и, казалось, была въ раздумьи.

— Позвольте мнѣ, татап, поговорить съ сестрой, — сказала она послѣ минутнаго размышленія.

Марья Ивановна вышла въ угольную комнату: тамъ сидѣли Владимиръ Андреевичъ и Надя.

— Ну, что? — спросилъ онъ, увидя жену.

— Она почти согласна, — отвѣчала Марья Ивановна, — хочеть только съ сестрой поговорить.

Надя встала, и хотѣла-было идти.

— Постой, — сказалъ Владимиръ Андреевичъ; — ты смотри не разбивай сестру-то; я вѣдь, послѣ узнаю. Ты скажи, что ты-бы на ея мѣсть тотчасъ пошла.

— Да вѣдь онъ очень смѣшонъ, папа, — возразила блондинка.

— Я тебя за это уши выдеру! болтунья этакая! — прикрикнулъ Владимиръ Андреевичъ.

У блондинки на глазахъ навернулись слезы.

— Ты должна ей говорить, что ей необходимо выдти за-мужъ, потому-что этого хотять родители, а родителей должно уважать, — что папинька, т.-е. я, разсердится и отдасть въ монастырь; ступай!

Блондинка вошла къ сестрѣ, которая спѣла въ задумчивости.

— Меня за тебя, та соеиг, прибранилъ папа, — сказала она, садясь надувши губы, на диванъ.

— За что?

— Что ты за-мужъ не выходишь. Выходи, пожалуйста, скорѣе, я-то чѣмъ виновата? — Опъ и тебя хочеть посадить въ монастырь.

— Я лишу этого удовольствія, потому-что выйду замужъ.

— Я сама-бы вышла за кого-нибудь замужъ; все браются безпрестанно: сегодня третій разъ.

— Знаешь, та соеиг, кого мнѣ хочеться взбѣсить, если я выйду замужъ?

— Кого?.... Б....

— Ну да. Ты не знаешь еще, какой онъ ужасный человекъ. Мнѣ именно хочеться выдти за мужъ, чтобъ доказать ему.

— Онъ славно ѣздитъ верхомъ, — перебила блондинка.

— Конечно, хорошо. А все-таки ужасный человекъ: ты не знаешь еще всего.... Помнишь, какъ онъ лѣтомъ за мной ухаживалъ? Ну, я думала, что онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, ко мнѣ не равнодушенъ.

— Ты въ него, та соеиг, была, вѣдь, очень влюблена, — перебила блондинка, — цѣлыя ночи все говорила объ немъ.

— Ну да, конечно! Но вообрази себѣ, что онъ сдѣлалъ со мной на обѣдѣ у Жарковыхъ: я стою у окна, онъ подходитъ ко мнѣ: «что вы дѣлаете? говорить, на что вы смотрите? Не завѣтные-ли вензеля пишете?» а я и говорю: да, завѣтный вензель. Онъ говоритъ: напишите при мнѣ. Я думаю, что-жъ такое? Взяла да и написала его вензель. Онъ посмотрѣлъ на окошко, сдѣлалъ, знаешь, эту его насмѣшливую гримасу, и отошелъ. Самолюбіе у меня вспыхнуло, и съ этихъ-же поръ я перестала его замѣчать. Послѣ онъ очень опять ухаживалъ; нѣтъ, извините, теперь пусть пойметъ, что это значить. Я сдѣлаюсь дамой и рѣшительно не буду обращать на него вниманія. Онъ, говорятъ, дамъ гораздо-больше любить.

Сестры нѣсколько минутъ молчали.

— Гдѣ папинька? — спросила наконецъ брюнетка.

— Въ угольной: сидитъ съ мама.

— Поди, скажи, что я согласна идти за мужъ, — произнесла Юлія Владимировна рѣшительномъ тономъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, та соеиг? — спросила та.

— Въ-самомъ-дѣлѣ.

— Я пойду скажу.

— Поди.

— Ты не шутишь?

— Нѣтъ.

Надинька постояла еще нѣсколько минутъ, ожидая, что не откажется-ли сестра отъ своего намѣренія. Но Юлія Владимировна молчала, и Надя вошла въ угольную комнату.

— Сестра согласна, папа, — сказала она, войдя къ Владимиру Андреевичу.

— И прекрасно! — сказалъ тотъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ: — что-жъ она сама не идетъ?

— Она тамъ, папа.

Владимиръ Андреевичъ вошелъ въ кабинетъ.

— Ну что, Джуля?

— Я согласна.

— Поцѣлуй меня, душа моя.... нѣтъ, поцѣлуй три раза,—въ этихъ торжественныхъ случаяхъ цѣлуются по три раза. Ты теперешнимъ своимъ поступкомъ очень-хорошо зарекомендовала себя: во-первыхъ, ты показала, что ты девушка умная, потому-что понимаешь, что тебѣ говорятъ, а во-вторыхъ, своимъ повиновеніемъ обнаружила доброе и родителямъ покорное сердце; а изъ этихъ данныхъ напередъ можно пророчить, что изъ тебя выйдетъ хорошая жена, и что ты будешь счастлива въ своей семейной жизни.

Юлія хотѣла поцѣловать руку отца, но Владимиръ Андреевичъ не позволилъ этого сдѣлать, и самъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ты посиди здѣсь, а я переговорю съ Θεоктистой Саввишной.

Сказавши это, Владимиръ Андреевичъ вышелъ въ угольную, и снова усялся на диванъ. Черезъ четверть часа предстала предъ нимъ и Θεоктиста Саввишна.

— Ну что, любезнѣйшая моя Θεоктиста Саввишна?—началъ Владимиръ Андреевичъ.—Такъ какъ вы, я думаю, и сами знаете, что дочери моей, съ одной стороны, торѣпятся за мужъ еще нечего: жениховъ у ней было и будетъ; но принимая во вниманіе, съ другой стороны, что и хорошаго челоуѣка обгаты не слѣдуетъ, а потому, я прошу, не угодно-ли будетъ господину Бешметеву завтрашній день самому пожаловать къ намъ, для личныхъ объясненій; и я бы ему кое-что сообщилъ, и онъ-бы объяснилъ о себѣ.

— Да вѣрно-ли это, батюшка Владимиръ Андреевичъ? Вѣрно-ли это по-крайней-мѣрѣ?

— Почти-вѣрно.

— Онъ, признаться сказать, мало надѣется, и говорилъ мнѣ: «я-бы, говорить, Θεоктиста Саввишна, и самъ сдѣлалъ предложеніе, да, сами посудите, я вѣдь рѣшительно не знаю, какъ обо мнѣ разумѣютъ.»

— Невѣста и все наше семейство разумѣютъ объ немъ очень-хорошо. Вы его ободрите.

— Можно-ли, Владимиръ Андреевичъ, надежду-то ему подать ?

— Даже больше, чѣмъ надежду. Мы хорошаго человека никогда не убьгали.

Феоктиста Саввишна была почти въ восторгѣ. Она очень-хорошо поняла, что Владимиръ Андреевичъ дѣлаетъ эту маленькую проволочку такъ только, для тона, по своему самолюбивому характеру, и потомъ, не входя въ дальнѣйшія объясненія, отправилась домой. Бѣжавши, Феоктиста Саввишна вспомнила, что она еще ничего не слыхала отъ самаго Бешметева, и что говорила только его сестра, и та не упоминала ни слова о формальномъ предложеніи; «что, если онъ откажется даже потому только, подумала она, что у нихъ къ свадьбѣ ничего не готово?» Эта мысль сильно беспокоила немного-высоко взлвчную сваху. Она тотчасъ было-хотѣла ѣхать къ Лизаветѣ Васильевнѣ, но было уже довольно-поздно, и потому она только написала къ ней письмо, содержаніе котораго читатель увидитъ въ слѣдующей главѣ.

(До слѣд. книги).

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

ГЛАВА XI.

ВОСПОМНЕНІЯ.

*Che fai ?... che pensi ?... che pur dietro guardi
Nel tempo che tornar non puote ormai ,
Anima sconsolata ?...*

Petrarca.

*Любить, любить!... Какъ дико звучитъ это слово въ
свѣтъ!.. Отголоски, будто въ пещерь, посторяютъ много разъ:
любить, но кто отпачаетъ вамъ ?... Камни!... хуже чѣмъ
камни — пустота !...*

Марлинскій.

*Non, je n'espère plus de jours, comme ceux; que je regrette,
mais qu'ils soient bénis du moins, comme les derniers de ma
vie, s'ils n'ont pas été, s'ils n'ont pas dû être l'aurore d'un
bonheur durable !...*

M-me de Staël, Corinne.

I.

Ma vie... elle n'est pas là! ...

M-me de Staël, 'Delphine.

2-е Ноября 18...

Сегодня Падинькѣ завили букли ,
Ей минуло семнадцать лѣтъ , и скоро
Её представлять въ свѣтъ. На этотъ случай
Къ намъ тремъ , на верхъ торжественно собрали
Всѣхъ молодыхъ дѣвицъ ея родни ,
И будетъ фортопяницкѣ , чтобъ плясать
Онѣ могли , и кавалеры тоже
Приглашены изъ школъ и корпусовъ ,
Все сверстники , почти что дѣти ! Такъ-то
Въ недѣлю разъ хотятъ устроить намъ
Домашній балъ , чтобъ приучить сестру
«Къ приличію и тону свѣта». Я
Сказалася больною. Что мнѣ тамъ ?
Я никого не знаю , и меня
Никто не знаетъ. Этотъ дѣтскій кругъ
Съ ужимками большихъ и ихъ тщеславіемъ ,
Мнѣ кажется смѣшонъ. Хотѣ и по лѣтамъ ,
Но мнѣ онъ не по мыслямъ. Пусть княжна
Надъ дикостью моею смѣется ; мнѣ
Теперь ея насмѣшки не страшны ;
Ужъ къ нимъ привыкла я , и равнодушно
Переносу и колкости и ласки ,
И скуку жизни вялой , безнадежной....
Межъ ними , но не оъ ними я!.... Мнѣ сонъ
Всё вѣшнее , всё зримое , и правда
Лишь только то , чего не вижу я ,

Что чувствую въ душѣ моей глубоко!....
 Для грустнаго *сегодня*, для поры
Теперешней, — для жизни настоящей
 Слѣпа я, и глупа, и недоступна,
 Минувшему всѣмъ сердцемъ предаваясь ;
 И для меня, какъ вѣчнымъ привидѣньемъ ,
 Мнѣ полонъ *имъ!*.... да, полонъ *имъ однимъ!*....

II.

....*How dearly I have dwelt
 On one unbroken dream of thee!*

Byron, attributed Poems.

8-е Ноября 18....

Порой случается, мнѣ въ тишинѣ
 Вдругъ слышится вблизи какой-то шумъ ,
 Его шаговъ знакомый, тихой шумъ....
 Мнѣ чудится: *онъ* входитъ!.... *онъ* вошелъ!....
Онъ предо мной!.... И нѣжно улыбаясь ,
 Приветствуетъ меня и долгимъ взоромъ ,
 И словомъ ласковымъ.... я слышу, слышу
 Такъ явственно бряцанье звонкихъ шпоръ....
 Я чувствую: отъ блага султана
 Мнѣ свѣжимъ воздухомъ въ глаза, въ лице
 Повѣяло, какъ чудной, новой жизнью...
 И радостная дрожь меня беретъ ,
 Въ груди моей дыханье замираетъ,
 Краснѣю я.... мнѣ весело, мнѣ стыдно,
 Мнѣ хорошо.... какъ будто-бы *онъ* точно,
 Онъ самъ со мной, какъ будто-бы при немъ
 Я скрыть должна сердечное волненье.

Хочу съ нимъ говорить : нѣтъ словъ въ устахъ,
 Нѣтъ голоса, нѣтъ мыслей у меня!....
 Хочу взглянуть.... но смѣлость измѣнила!
 И взоръ потупленный прикованъ долу!....

И долго я, въ несказанномъ смущеннѣи,
 Въ припадкѣ, непонятномъ мнѣ сахой,
 Блаженнаго и сладкаго безумья
 Видѣніемъ своимъ упоена;
 И долго, власть разлуки побѣждая,
 Душа взволнована свѣжей мечтой,
 Своей чудесной грезой наяву,
 И тѣнь любимую въ восторгѣ я
 Стараюсь почтить благоговѣннѣемъ,
 Покорнымъ и нѣмымъ, любовью прежней,
 Моей святой и пламенной любовью!....

III.

....In sadness

Still I feel how dear thou art!....

Byron, Miscellaneous Poems.

12-е Ноября 18....

Мечтать о немъ, мечтать о немъ,
 Вотъ все, что мнѣ осталось!
 Другой мечтой или лучшимъ сномъ
 Жить сердце отказалось.
 Хоть скучно мнѣ, хоть грустно мнѣ
 Въ разлукѣ отчужденной,
 Но память прошлаго душѣ
 Останется священной.

Но развлеченій не прошу,
 Но не хочу отрады,
 Но за страданье не козъму
 Ни платы, ни награды;
 Но горе съ плачемъ роковымъ
 Мнѣ счастье замѣняетъ:
 Оно *и мѣ* полно, дышетъ *и мѣ* ...
 И съ *и мѣ* меня сближаетъ!....

IV.

....And echo answers: «Where?....»

Bide of Abydos.

15-е Нолбра 18....

Гдѣ ты, минутный гость, гдѣ ты, гость сердцу милый?....
 Обворожитель мой, какъ быстро скрылся ты!....
 Скажи, ты занесешь быть къ намъ волшебной силой,
 Или быть созданіе обманчивой мечты?....
 Зачѣмъ грустить душа, взволнована тобою?
 Зачѣмъ ты пустоту оставилъ въ сердцѣ мнѣ?
 Зачѣмъ младую жизнь ты отравилъ тоскою?
 Зачѣмъ.... но голосъ мой не долетитъ къ тебѣ!....

Тебя я помню, вдохновенный!
 Твои слова, твой пылкій думъ,
 Борьбою съ жизнью окриленный,
 Святыя тайны грустныхъ думъ,
 И теплоту мечты прекрасной,
 Непринужденный разговоръ,
 И блескомъ чуднымъ полный взоръ;
 И голосъ полный нѣги страстной,....
 Всѣ, поразившее меня,
 Всѣ слышу,.... вижу,.... помню я! ...

Всегда окружена холодными сердцами,
 Людью покорными ничтожнымъ суетамъ,
 Предубѣжденія, обычая рабами,
 Могла-ли вѣрить я возвышеннымъ сердцамъ?....
 Могла-ли ожидать, что идеалъ мой милый,
 Мечта любимая, взлелеянная мной,
 Внезапно ливится,.... и жизни путь унылый
 Одѣнетъ красками надежды неземной!....

Но ты предсталъ мнѣ, добрый теній,
 Меня улыбкой подарилъ,
 Тревогой нѣжныхъ впечатлѣній
 Мнѣ пустоту души смѣнилъ;
 Ты оживилъ мои мечтанья;
 Я вновь повѣрила добру;

Въ тебѣ нашла я на яву,
 Всѣ, что сулило ожиданье,....
 И сердце выигъ очнулось вновь,
 И загорѣлась въ немъ любовь!

И гдѣ-же ты теперь?.... Судьба тебя умчала
 Далекю, можетъ-быть, на вѣки отъ меня!
 Жестокая! она мнѣ счастье показала
 За тѣмъ лишь, чтобъ живѣй о немъ жалѣла я;
 За тѣмъ, чтобъ, встрѣтившись однажды адѣсь съ тобою,
 Возненавидѣла-бъ на вѣкъ я всѣхъ другихъ,
 Чтобъ тщетная любовь мучительной тоскою,
 Затмила-бы зарю печальныхъ дней моихъ....

Прости-же ты, мой незабвенный!....
 Нѣмое горе, и въ душѣ
 Воспоминаній рой безцѣнный,
 Вотъ всё, что остается мнѣ!
 Прости, прости!.... одной мольбою,
 Однимъ желаньемъ о тебѣ
 Я буду докучать судьбѣ:
 Чтобы избранная тобою
 Любить умѣла-бы, какъ я,....
 Чтобъ ты былъ счастливъ.... безъ меня!....

V.

*His eye's dark charm t'were vain to tell,
 But look on that of the gazelle,
 It will assist thy fancy well:
 As large, as languishingly dark;
 But soul beamed forth in every spark
 That darted from beneath that lid,
 Black, as the jewel of Giamschid!*

The Giaour.

20-е Октября 18....

О! какъ я помню ихъ, тѣ очи огневые,
 Которыхъ чудный блескъ очаровалъ меня!....
 Какъ помню взоры тѣ, пріятные, живые,
 Чей страстный разговоръ понять старалась я!....

Какъ пламенно они, какъ радостно сверкали,
 Какъ вдохновенный умъ въ нихъ видимо горѣлъ!
 Какъ много хитрые тѣ взоры общали,....
 Какъ небывалое онъ въ нихъ сказать умѣлъ!....
 Какъ искустель-змѣй, въ чудесный рай мавилъ онъ,
 А я?... я вѣрила, что рай доступенъ вновь....
 Для равнодушнаго ужъ слишкомъ-нѣженъ былъ онъ,
 Но слишкомъ-холоденъ, коль-то была любовь!...

VI.

Di memoria nudriri!... più che di spem!....

Mirabeau, Lettres à Sophie.

26-е Нолбра 18....

Люблю я взоръ его очей:
 Люблю я звукъ его рѣчей,
 И рѣдкую его усмѣшку,
 И благородное чело,
 Люблю сужденіе его,
 Его незлобную насмѣшку,
 Бесѣдъ непринужденный складъ,
 Небрежность въ поступи, въ привѣтъ,
 И отчужденья въ шумномъ свѣтъ,
 И средь веселій гордый хладъ. —
 Люблю его одушевленье
 Въ кругу родномъ, въ кругу друзей,
 Когда всей пылкости своей
 Онъ предается безъ вазрѣнья. —
 Люблю, когда вдругъ оживясь,
 Онъ отъ души разговорится;
 То вскочить, будто торопясь
 Всѣ высказать, то вновь садится,
 Межъ-тѣмъ, туманомъ обложась,
 Янтарь поспѣшно задымится
 Въ рукахъ его, и по устамъ
 Востока легкій фиміамъ
 Струей капризною клубится....

Люблю внимать *его* рѣчамъ,
Его рассказамъ и преданьямъ
 И сердца пылкимъ изліяньямъ,
 И неуянувшимъ мечтамъ.
 Порой люблю въ *немъ* видѣ угрюмый,
 Глубокихъ замысловъ клеймо,
 Разсѣянность, примѣту думы, —
 Люблю безмолвіе *его*!

Люблю припоминать бывшее,
 Имъ умъ питать, имъ сердце грѣть,
 Дней прошлыхъ время золотое
 Вновь пережить, пересмотрѣть.
 Люблю то мѣсто, гдѣ, бывало,
 Сидѣли часто мы вдвоемъ,
 Гдѣ близъ *него*, я всё мечтала.
 Забывъ весь міръ, о *немъ* одномъ....
 Опасные мнѣ разговоры
 Тогда *онъ* хитро начиналъ,
 И допрашивающіе взоры
 Лукаво на меня вперялъ:
 Я трепетала, я мѣшалась,
 Краснѣла, робости полна;
 Или въ восторгъ улыбалась,
 Любви порыву предана....
 Люблю.... любила я волненье,
 Имъ пробужденное во мнѣ;
 Я находила упоенье
 Въ самихъ слезахъ, въ самой тоскѣ.

Но нынче.... холодной мглой разлуки
 Вся жизнь моя омрачена,
 И услаждает сердца муки
 Лишь мысль о *немъ*, мечта одна....
 Люблю *его*, хоть не умѣла,
 Хоть не могла я, хоть не смѣла
 Въ любви покаяться предъ *нимъ* !....
 Какъ пламенно *его* люблю я,
 То Богу одному скажу я....
 И то не языкомъ земнымъ!

VII.

Il n'aimait rien... j'aimais!...

M-me Desbordes-Valmore.

29-е Ноября 18...

Коваренъ онъ !.... Онъ не любя меня
 Мнѣ сердце искушалъ и лестью и вниманьемъ,
 Онъ зналъ, что вѣтрена, что легковѣрна я,
 Что обмануть меня онъ могъ своимъ исканьемъ;
 Со мной онъ миль, лукавъ, притворно-нѣженъ былъ....
 Не вняв, какъ легко хитрить и лицемѣрить,
 Могла-ли я ему, могла-ли не повѣрить?....
 Онъ сердце слабое завлекъ, обворожилъ,
 И дорого плачу я за минуты счастья,
 Имъ подаренныя такъ не на-долго мнѣ!
 Ахъ! онъ не отгадалъ, въ своемъ слѣпомъ безстрастьи;
 Какъ гибельна любовь неопытной души!
 Моимъ волненіемъ онъ только забавлялся,
 А я, своей мечты я не могу забыть;
 Онъ мной дней нѣсколько для шутки занимался,
 А я должна всю жизнь его любить!....

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 20.

Октябрь.

Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Т Ю Ф Я К Ъ.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Окончаніе.)

VIII.

**ПОМОЛВКА СЪ ПРЕДЫДУЩИМИ И ПОСЛѢДУЮЩИМИ ЕЙ
СЦЕНАМИ.**

Павелъ ничего не зналъ о переговорахъ сестры съ Феоктистой Саввишной, и, въ то самое время, какъ Владимиръ Андреевичъ рывалъ его участь, онъ думалъ совершенно о другомъ, и былъ подъ вліяніемъ совершенно-иныхъ впечатлѣній. Долго не могъ онъ послѣ посвещенія тетки опомниться. Ему очень было жаль сестры. «Бѣдная Лиза думалъ онъ, теперь отнимають у тебя и доброе имя, безславятъ тебя, взводя нелѣпыя клеветы. Что мнѣ дѣлать? спрашивалъ онъ самъ себя:—не лучше-ли передать ей объ обидныхъ сплетняхъ? по-крайней-мѣрѣ она остережется; но какимъ образомъ сказать? Этотъ предметъ такъ щекотливъ! Она никогда не говоритъ со мною о Бахтіаровѣ. Я передамъ ей только раз-

Отд. I.

17

говоръ съ теткою,» рѣшилъ Павелъ, и поѣхалъ къ сестрѣ. Но ему, какъ мы видѣли, не удалось этого сдѣлать. Съ разстроеннымъ духомъ возвратился онъ домой, и цѣлую почти ночь не спалъ. «Что если она его любитъ, если этѣ сплетни имѣютъ нѣкоторое основаніе?» думалъ Павелъ, и, самъ не желая того, начиналъ припоминать небольшія странности, которыя замѣчалъ въ обращеніи сестры съ Бахтіаровымъ. Такъ, напримеръ, Лизавета Васильевна, не любившая очень картъ, часто и даже очень-часто, садилась около мужа въ то время, какъ тотъ игралъ съ своимъ пріятелемъ, и въ продолженіе цѣлаго вечера не сходила съ мѣста; или, это было впрочемъ одинъ только разъ, она, по обыкновенію какъ-бы совершенно не замѣчавшая Бахтіарова, вдругъ осталась съ нимъ вдвоемъ въ гостиной, и просидѣла болѣе часа. Павелъ въ это время, подъ диктовку Масурова, переписывалъ какую-то бумагу въ соседней комнатѣ, и когда онъ вошелъ, то замѣтилъ на лицахъ обоихъ собесѣдниковъ сильное волненіе; видно было, что они о чемъ-то говорили, но при его появленіи замолчали, и потомъ Бахтіаровъ, чѣмъ-то разстроенный, тотчасъ-же ушелъ, а Лизавета Васильевна, ссымаясь на обыкновенную свою болѣзнь — головную боль, улеглась въ постель.

Вотъ о чемъ думалъ теперь Бешметевъ; но размышленія его были прерваны пріездомъ Лизаветы Васильевны, которая прошла прямо къ нему въ комнату. Увидя сестру, Павелъ нѣсколько смѣшался. По рѣшенію своему онъ долженъ былъ рассказать все, что говорила тетка; но герою мрему, какъ уже можетъ-быть успѣлъ замѣтить читатель, всегда было трудно говорить о томъ, что лежало у него на сердцѣ. Лизавета Васильевна вошла съ веселымъ лицомъ, и, почти ни слова не говоря, подала Павлу какое-то письмо. Бешметевъ, ничего не подозревая, началъ читать, но, прочитавши, весь растерялся: лицо его приняло столь-странное и даже смѣшное выраженіе, что Лизавета Васильевна не могла удержаться, и расхохоталась.

— Что съ тобой, Пель? — проговорила она.

Павелъ молчалъ.

Письмо это было отъ Θεоктисты Саввиныи, довольно оригинальной ороографіи, и слѣдующаго содержанія:

«Почтенноюшая Илсавета Васильевна, ни магу выразить скакимъ нѣтерпенемъ епису вазъ уведамить што я по желанию вашому, вчераь была у В. А—ча сделала предложене на сщеть вашего браца, къ Юли Владимировны, овъ по благородству собственной души незахотятъ мше сделать неприяности и нѣпрѣставятъ миня лгушьею придь такимъ прекраснымъ семействомъ, сегодняшняго числа въ двенацать часовъ поедуть книмъ знакомитца, тамъ они все узнають, принося мое почтене и цолуя вашихъ милыхъ детачекъ остаюсь покорная куслугамъ

Феоктиста Панамарѣва.»

— Я тебъ все расскажу—начала Лизавета Васильевна:—вчера мнѣ пришло въ голову попросить Феоктисту Саввишну узнать, какъ о тебѣ думаютъ у Кураевыхъ, а она не только что узнала, но даже сдѣлала предложене, и они, какъ видишь, согласны.

Павель все еще не могъ придти въ себя.

— Извольте одѣваться и вхать: васъ ждуть, — про-должала Масурова.

— Но это, должно-быть, какая нибудь болтовня, — возразилъ наконецъ Бешметевъ.

— Нечего тутъ разсуждать, а извольте одѣваться и вхать. Константинъ! дай барину одѣться.—И Лизавета Васильевна, вмѣстѣ съ лакеемъ, начала наряжать своего тюфяка — брата. Герой мой какъ-будто былъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ, по-крайней-мѣрѣ, рѣшительно не имѣлъ ясного самосознанія, и, только одѣвшись, немного опомнился: усѣлся на диванъ и объявилъ, что не поѣдетъ, потому-что Феоктиста Саввишна врунья, и что, можетъ-быть, все это вздоръ. Лизавета Васильевна начала терять надежду; но отъ свахи получено было новое, исполненное отчаянія, письмо, въ которомъ она закланала Павла вхать скорѣе, и умоляла не губить ея. Этотъ новый толчокъ и убѣжденія Лизаветы Васильевны подѣйствовали на Павла, какъ одуряющее средство: утративъ опять ясное самосознаніе, онъ сълъ на дрожки, и, не замѣчая самъ того, очутился въ передней Кураевыхъ, а потомъ объявилъ свое имя лакею, который и не замедлилъ просить его въ гостиную.

Простоявши нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, и видя, что уже нѣтъ никакой возможности вернуться назадъ, Павелъ быстро пошелъ по залу, рѣшившись, во что бы то ни стало, не конфузиться, и, дѣйствительно, войдя въ гостиную, онъ довольно-свободно подошелъ къ Кураеву и произнесъ обычное: — честь имѣю представиться.

— Очень-пріятно, весьма-пріятно,—перебилъ Владимиръ Андреевичъ, взявши гостя за обѣ руки; — милости прошу садится.... сюда, на диванъ.

Павелъ сѣлъ. Владимиръ Андреевичъ внимательнымъ взоромъ осмотрѣлъ гостя съ головы до ногъ. Бешметеву начало становиться совершенно не ловко. Онъ чувствовалъ, что ему надобно было что-нибудь заговорить, но ни одна приличная фраза не приходила въ голову.

— Я зналъ вашего батюшку и матушку, — началъ опять Владимиръ Андреевичъ. — Мнѣ очень пріятно васъ видѣть у себя въ домѣ. Вы, какъ слышно, не любитель общества: сидите больше дома, занимаетесь науками.

— Да, я больше бываю дома,—проговорилъ наконецъ Павелъ.

— Это очень-похвально.... Разсѣянные молодые люди какъ-то бывають не способны къ семейной жизни: теряются.... заматываются.... Конечно.... кто говоритъ?... съ одной стороны не должно бѣгать и людей.—Владимиръ Андреевичъ остановился съ тѣмъ, чтобы дать возможность заговорить своему собесѣднику; но Павелъ молчалъ.

«Ужъ черезъ-чуръ не говоривъ: видно, самому придется начать», подумалъ Владимиръ Андреевичъ, и началъ:

— Вчерашній день, Феоктиста Саввишна ... — здѣсь опять онъ замолчалъ, и остановился въ ожиданіи, не перебить-ли его рѣчь Бешметевъ; но тотъ сидѣлъ потупившись, и, при послѣднихъ словахъ, весь вспыхнулъ.

— Черезъ Феоктисту Саввишну — продолжалъ Владимиръ Андреевичъ — угодно было вамъ сдѣлать намъ честь.... искать руки нашей старшей дочери.

— Я былъ-бы очень счастливъ — проговорилъ наконецъ Павелъ.

— Очень вѣрю, и благодарю васъ за это, — возразилъ Владимиръ Андреевичъ—но, позвольте мнѣ съ вами говорить откровенно: участь ваша совершенно зависитъ отъ выбора дочери, которой волю мы не смѣемъ стѣснять. Очень-естественно, и въ чемъ я даже почти увѣренъ, что она, руководствуясь своимъ сердцемъ, согласна. Но мы, старики-родители, на этѣ вещи смотримъ иначе: во-первыхъ, намъ кажется, что дочь наша еще молода, намъ какъ-то страшно отпустить ее въ чужія руки и очень-натурально, что насъ беспокоитъ, какъ она будетъ жить? Любовь сама по себѣ, а средства жизненныя сами по себѣ, и, поэтому, изъясняя наше согласіе, намъ, по-крайней-мѣрѣ, для собственного спокойствія, хочется узнать, что она, будучи награждена отъ насъ по нашимъ силамъ, идетъ тоже не на бѣдность; и, поэтому, позвольте узнать ваше состояніе?

— У меня пятьдесятъ душъ.

— Чистыя?

— Чистыя-съ.

— И деньги есть?

— Есть не большія.

— Примерно, — сколько?

— Тысячъ пять.

— Стало-быть, послѣ старика-батюшки ничего еще не продано, не заложено и не истрачено?

— Нѣтъ, ничего-съ.

— Благодарю васъ за откровенность; я, признаться сказать—вы извините меня: теперь, конечно, прошлое дѣло,— я, признаться, какъ-то не рѣшался.... мало даже совѣтовалъ.... но, замѣтя ея собственное желаніе.... счелъ себя не въ правѣ противорѣчить; голосъ ея сердца, въ этомъ случаѣ, старше всѣхъ.... у нея были прежде, даже и теперь много есть жениховъ — очень настоятельныхъ ласкателей; что дѣлать? не нравятся.... Такъ Богу угодно... Родствомъ своимъ я могу похвастать: вотъ вы, когда войдете въ наше семейство, увидите сами, и надѣюсь, что вы любовію своею и уваженіемъ вознаградите намъ за нашу въ этомъ случаѣ жертву.... Сейчасъ я приглашу жену.... Марья Ивановна!

Марья Ивановна вошла, и, жеманно поклонившись Павлу, сѣла на ближайшее кресло.

— Павелъ Васильевичъ — началъ Кураевъ — дѣлаетъ честь нашему семейству, и просить руки Юліи. Я говорю вамъ, что это зависитъ отъ ней самой.

— Конечно, это зависитъ совершенно отъ ея желанія — отвѣчала Марья Ивановна.

— Нынче на бракъ, — подхватилъ Владиміръ Андреевичъ, — не такъ уже смотрять, какъ прежде; тогда, бывало, невѣсты и связанныхъ вѣчали. Мы этого себѣ ужъ не позволимъ сдѣлать.

— Какъ можно? Мы этого никогда не позволимъ себѣ сдѣлать — подтвердила Марья Ивановна.

— Позовите-же Юлію.

Марья Ивановна вышла, и скоро возвратилась съ Юліею.

— Подойди сюда поближе, Джули — началъ Владиміръ Андреевичъ: — Павелъ Васильевичъ дѣлаетъ тебѣ честь, и просить твоей руки, на что ты вчерашній день нѣкоторымъ образомъ и изъявила уже твое согласіе. Повтори теперь твои слова.

Юлія, съ блѣднымъ лицомъ, съ висящими на рѣсницахъ слезами, тихо проговорила:

— Я согласна.

Павелъ, кажется, ничего не помнилъ, ничего не понималъ; онъ стоялъ, потупившись, какъ-бы не смѣя ни на кого взглянуть, и только опомнился, когда Владиміръ Андреевичъ сказалъ ему, подавая руку дочери:

— Примите, Павелъ Васильевичъ, и, какъ водится, поцѣлуйте.

Бешметевъ схватилъ руку, и поцѣловалъ. Онъ чувствовалъ, какъ рука невѣсты дрожала въ его рукѣ, и, взглянувши наконецъ на нее, увидѣлъ на глазахъ ея слезы. Какъ хороша показалась она ему, съ своимъ печальнымъ лицомъ! Какъ жаль ему было видѣть ея слезы! Онъ готовъ былъ броситься передъ ней на колѣни, молить ее не плакать, потому-что намѣренъ посвятить всю свою жизнь для ея счастья и спокойствія; но онъ ничего этого не сказалъ, и только тяжело вздохнулъ.

— Какъ вы думаете на счетъ сговора, Павелъ Васильевичъ? — спросилъ Владимиръ Андреевичъ.

— Я не знаю.

— Не угодно-ли вамъ сегодня?

— Очень-радъ.

— И прекрасно! Священникъ готовъ.

Всѣ вошли въ залу.

Священникъ былъ, дѣйствительно, готовъ, и сидѣлъ около образовъ, и, при появленіи Кураевыхъ, онъ, указавъ молча жениху и невестѣ ихъ мѣста. Павелъ и Юлія стали рядомъ, но довольно-далеко другъ отъ друга; Владимиръ Андреевичъ, Марья Ивановна и Надинька молились. Нѣсколько горничныхъ дѣвокъ выглядывало изъ коридора, чтобы посмотреть на церемонію и на жениха; на счетъ послѣдняго сдѣлано было ими нѣсколько замѣчаній.—Ой! какой не хорошій!—говорила блобрысая дѣвка.—Не хорошъ и есть, дѣвонька,—подхватила женщина съ сердитымъ лицомъ.—Лицо-то какое широкое!—замѣтила дѣвчонка лѣтъ тринадцати.—Постойте, чертовки, дайте-ко посмотреть,—говорила, продираясь сквозь толпу, прачка:—ахъ, какой славный! красавецъ!—Горничныя потихоньку засмѣялись надъ простодушіемъ прачки. Лакеи тоже выдвинулись изъ лакейской, но они стояли молча; только одинъ изъ нихъ, лѣтъ шестидесяти старикъ, въ длинномъ замасленномъ сертукѣ и въ бѣлыхъ воротничкахъ, клалъ безпрестанно земные поклоны, и потихоньку подтягивалъ дьячку. Церемонія кончилась.

— Шампанскаго! — закричалъ Владимиръ Андреевичъ.

Но шампанское что-то долго не подавалось. Въ буфетѣ выпелъ споръ. Старикъ въ бѣлыхъ воротничкахъ никому не хотѣлъ уступить честь разносить вино.

— Полно, старый хрѣнь: — разобьешь, вѣдь оно двѣнадцать рублей — говорилъ молодой лакей, отнимая у старика подносъ.

— Ахъ, ты молокосось! давно-ли былъ ты свинопасомъ-то? туда-же учить. Анна Семеновна, разлей, матушка, напитокъ-то — говорилъ старый лакей, не давая подноса, и обращаясь къ ключницѣ.

— Не тронь, Сеня, его — говорила та, и разлила вино.

Спиридонъ Спиридоновичъ (такъ звали старика) съ довольнымъ лицомъ вынесъ шампанское въ залу. Онъ шолъ очень-модно, какъ слѣдуетъ старинному лакею.

— Развѣ тамъ другихъ нѣтъ?—спросилъ Кураевъ, недовольный тѣмъ, что передъ женихомъ явился лакей въ замасленномъ сертукѣ.

— Извините, батюшка Владимиръ Андреевичъ—отвѣчалъ старикъ:—по собственному моему расположенію, я отнялъ у Семена: молоденецъ еще.

— Это слуга моего отца—сказалъ Кураевъ, обращаясь къ Павлу, —и по-сю-пору большой охотникъ до всѣхъ церемоній. Батюшка жилъ баринкомъ.

— Блаженной памяти Андрею Михайловичу—отвѣчалъ старикъ —изволили меня любить, и имѣли всегда большія празднества: насъ по трое за каретой ѣдило.

— Довольно. Подавай — проговорилъ Владимиръ Андреевичъ.

Начались поздравленія. Первый поздравилъ жениха и невесту самъ хозяинъ, потомъ Марья Ивановна, потомъ Надинька, и наконецъ священникъ.

— Осмѣлюсь, батюшка Владимиръ Андреевичъ — заговорилъ опять Спиридонъ—и я поздравить отъ моей персоны. Всѣ захохотали, даже Павелъ улыбулся.

— Ну, поздравь—сказалъ Владимиръ Андреевичъ,—да, знаешь, повысокопарнѣе: своимъ слогомъ.

— По недоразумѣнію моему готовъ: честь имѣю васъ поздравить, батюшка Владимиръ Андреевичъ, и честь имѣю васъ поздравить, благодѣтельница наша Марья Ивановна. Поздравленіе мое приношу вамъ, Надежда Владимировна, — говорилъ онъ, подходя къ рукъ барина, барыни и барышни,—а вамъ и выразить не могу,—отнесся онъ къ невестѣ;—а вамъ осмѣливаюсь только кланяться и возносить за васъ молитвы къ Богу, — заключилъ онъ, обращаясь къ жениху, и раскланялся передъ нимъ, шаркнувши обѣими ногами.

— Позови-же и другихъ—сказалъ Владимиръ Андреевичъ, желая передъ зятемъ похвастать количествомъ дворни.

— Не молоденьки-ли еще, батюшка Владимиръ Андреевичъ? — замѣтилъ Спиридонъ, видно не желавшій, чтобы прочая прислуга удостоилась чести поздравленія.

— Нѣтъ, позови—повторилъ Кураевъ.—Преуморительный старикъ!—продолжалъ онъ, когда вышелъ Спиридонъ,—впрочемъ довольно еще здоровый:—больше дѣлаетъ у меня молодыхъ то.

— Какое, папа, больше дѣлаетъ, ничего не можетъ дѣлать — перебила блондинка.

Владимиръ Андреевичъ значительно посмотрѣлъ на дочь.

— Онъ преусердный, престарательный—замѣтила Марья Ивановна, вторя мужу.

Между-тѣмъ Спиридонъ Спиридонычъ прошолъ въ дѣвичью.

— Ступайте, вы, егозы; поздравьте господъ-то!

— Да что, приказано что-ли?—спросила баба съ сердитымъ лицомъ.

— Приказано не-приказано, а порядокъ такой. Эхъ вы, необразованные! смотрите, хорошенько; поцѣлуйте у всѣхъ ручки.

— Спиридонъ Спиридонычъ, поучи-ко, какъ поздравить-то—сказала съ насмѣшкою молоденькая горничная, очень-хорошенькая собой, такъ что въ нее былъ, говорятъ, влюбленъ какой-то поручикъ.

— Ну, какъ поздравлять! — отвѣчалъ Спиридонъ Спиридонычъ, очень-довольный тѣмъ, что у него просятъ совѣтовъ—известно какъ: имѣю-де счастье обличить вамъ свое поздравленіе.

Научивши такимъ-образомъ, старый лакей прошолъ въ лакейскую, и тамъ велѣлъ идти къ поздравленію.

Въ залу начала входить цѣлая гурьба горничныхъ, съ различными лицами и таліями. Всѣ начали подходить, сначала къ рукъ жениха и невѣсты, а потомъ къ Владимиру Андреевичу, Марья Ивановнѣ и Надинкѣ. Молодые свои поздравленія бормотали сквозь зубы и улыбались, но старья говорили ясно и съ серьезными лицами. Спиридонъ Спиридонычъ, и въ этотъ разъ, не утерпѣлъ, чтобъ не поздравить еще: онъ подошолъ къ жиниху, говоря: — честь имѣю еще разъ кланяться! — поцѣловалъ руку и шепнулъ ему на ухо: — а

батюшка, иду въ приданные за Юліей Владимировной.—Павель хотѣлъ-было дать ему денегъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилъ, что и всѣмъ слѣдовало-бы дать, но денегъ съ нимъ не было: это еще болѣе его сконфузило.

Наконецъ поздравленія кончились, и скоро сѣли за столъ. Жениха и невесту помѣстили, какъ слѣдуетъ, рядомъ, но они, въ продолженіи цѣлаго обѣда, не сказали другъ другу ни слова. Юлія сидѣла съ печальнымъ лицомъ, и закутавшись въ шаль. Что-же касается до Павла, то выраженіе лица его если не было смѣшно, то, ей-богу, было очень-странно. Онъ несвязно и отрывисто отвѣчалъ Владимиру Андреевичу, безпрестанно вызывавшему его на разговоръ, взглядывалъ иногда на невесту, въ намѣреніи заговорить съ ней, но, видно, ни одна приличная фраза не приходила ему въ голову. Блондинка нехотя рассказывала матери, что поутру ихъ поваренокъ очень-больно треснулъ чью-то чужую собаку, зашедшую въ кухню ради ремонта, такъ что та, бѣдная, съ полчаса бѣгала, поджавши хвостъ, кругомъ по двору, визжала и лизала, для уврачеванія, разшибенный свой бокъ. Вообще всѣмъ какъ-то было не ловко.

Послѣ обѣда Павель хотѣлъ ѣхать домой, но Владимиръ Андреевичъ не отпустилъ. Къ вечеру невеста сдѣлалась внимательнѣе къ Павлу: она получила отъ папеньки выговоръ за то, что была не ласкова съ женихомъ, и обязана была впредь, особенно при постороннихъ людяхъ, какъ можно больше обнаруживать чувство любви, и не слишкомъ хмуриться. Часу въ восьмомъ сѣхались друзья Владимира Андреевича: откупщикъ, председатель уголовной палаты, статскій совѣтникъ Коротаевъ, однимъ-словомъ, тузы губернскіе. Пошли новыя поздравленія. Павель очень сконфузился, невеста дѣлала надъ собою видимое усиліе, чтобы казаться веселою. Скоро гости ушли за карты. Юлія подошла, сѣла около жениха, и начала съ нимъ разговоръ.

— Вы не любите играть въ карты?

— Нѣтъ-съ, не люблю.

— А я такъ очень люблю.... я умѣю даже въ штось....

Меня выгучилъ одинъ мой cousin: онъ теперь, говорятъ, совсѣмъ проигрался.

Павелъ ничего не отвѣчалъ; разговоръ прервался.

— А вы гдѣ до-сихъ-порѣ жили? — заговорила опять Юлія.

— Я жилъ въ Москвѣ.

— Что-жъ вы тамъ дѣлали?

— Я учился въ университетѣ.

— Учились? Который-же вамъ годъ?

— Двадцать-второй.

— Зачѣмъ-же вы такъ долго учились?

— У насъ великъ курсъ: я былъ четыре года въ гимназіи, да четыре въ университетѣ.

— Сколько-же вы времени учились?

— Восемь лѣтъ.

— Какъ долго!.. Вамъ, я думаю, очень наскучило; я всего два года была въ пансіонѣ, и то каждый день плакала.

— Я не скучала.

Разговоръ опять прервался.

— Я здѣсь не думалъ остаться, — началъ Павелъ послѣ продолжительнаго молчанія.

— Зачѣмъ-же остались?

Читатель, конечно, согласится, что на этотъ вопросъ Павлу слѣдовало-бы отвѣчать такимъ-образомъ: я остался, потому-что встрѣтилъ васъ, что вы явились передо мною какимъ-то виднѣемъ, которое сказала мнѣ: останься, и я.... и проч., какъ сказалъ-бы, конечно, всякій порядочный чело-вѣкъ, понимающій обращеніе съ дамами. Но Павелъ, если и чувствовалъ, что надобно было сказать нечто въ родѣ этого, но проговорилъ только:

— Я остался по обстоятельствамъ.

— Напрасно; въ Москвѣ, я думаю, веселѣй здѣшняго жить.

И здѣсь опять слѣдовало Павлу объяснить, что ему теперь въ этомъ городѣ веселѣй, чѣмъ во всей вселенной; но онъ даже ничего не сказалъ, и только въ слѣдующее за тѣмъ довольно-продолжительное молчаніе робко взглядывалъ на Юлію. Она вздохнула.

— Вы такъ печальны! — едва-слышнымъ голосомъ проговорилъ Бешметевъ.

— На моемъ мѣстѣ каждая была-бы грустна.

— Отчего-же?

Невѣста отвѣчала только горькою улыбкою.

Вечеръ кончился. При прощаніи, Юлія сказала жениху довольно-громко, такъ что всѣ слышали:

— Жду васъ завтра.

Павель вышелъ отъ Кураевыхъ въ какомъ-то тревожномъ и полусознательномъ состояніи. Пріѣхавши домой, онъ, съ несоотвѣтственной ему быстротою, вбѣжалъ, не снимая шинели, къ матери, и бросился обнимать старуху: — матушка! я женюсь—новторялъ онъ нѣсколько разъ. Но больная не отвѣчала ничего на ласки сына, и, кажется, ничего не понимала, хотя онъ и старался впродолженіе полчаса втолковать ей, что онъ нашолъ невѣсту, сговорился и теперь счастливъ. Старуха ничего не отвѣчала, и только крестила его, глядя на него какимъ-то грустнымъ взоромъ. Онъ вышелъ отъ матери, и легъ на постель. Но, видно, ему не спалось, и, кажется, очень хотѣлось поѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими ощущеніями, потому-что онъ велѣлъ-было закладывать себѣ лошадь, но, не дождавшись ея, нѣшкомъ пошолъ къ сестрѣ; прошедши нѣсколько переулковъ, онъ задохнулся и принужденъ былъ остановиться. «Не спитъ-ли сестра? теперь ужъ поздно, подумалъ онъ: конечно спитъ. Досадно.... ей-богу, досадно!.... Какъ-бы мнѣ хотѣлось ее видѣть! Не обязаны-же всѣ не спать ночи, потому-что намъ не спится. Она, я думаю, никакъ не ожидаетъ, что со мной случилось. Впрочемъ я лучше завтра къ ней пойду!» проговорилъ онъ онъ, и пошолъ обратно домой. Возвратившись къ себѣ въ комнату и снова улегшись на постель, онъ не утерпѣлъ, и сказалъ раздѣвавшему его лакею:

— Константигъ, ты слышалъ? я женюсь.

— Слышалъ-съ. Хороша-ли невѣста-то, Павель Васильевичъ?

— Хороша.

— И крестьяне есть?

— Есть. Я и тебѣ невѣсту приведу, и ты женишься.

— Коли ваша милость, Павель Васильевичъ, будетъ, я не прочь.

IX.

ОПЯТЬ ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА.

На другой день Павелъ проснулся часу въ двѣнадцатомъ, потому-что съ вечера раздумался, и заснулъ только на утро. Различныя мысли, безъ всякаго порядка, приходили ему въ голову въ продолженіе цѣлой ночи; то представлялся ему добрый Владимиръ Андреевичъ, такъ обласкавшій его (Владимиръ Андреевичъ показался Павлу очень-добрымъ), то невеста-дѣвушка, отъ которой онъ еще по-утру былъ такъ далекъ, которой почти не надѣялся никогда видѣть, но вдругъ не только видѣлъ ее, но сидѣлъ съ нею, говорилъ: она невеста его, она, говорятъ, влюблена въ него, и, недѣли черезъ двѣ, какъ объявилъ уже Владимиръ Андреевичъ, она сдѣлается его женою. Не похоже-ли все это на сонъ?

Онъ съ восторгомъ помышлялъ, что завтрашній день опять увидитъ брюнетку, будетъ видѣть каждый день, можетъ-быть найдетъ случай сказать ей, какъ онъ ее давно любитъ, можетъ-быть она сама ему признается въ томъ. Какъ-то она объ этомъ скажетъ? — я думаю, вся вспыхнетъ, и какъ будетъ она хороша въ эту минуту. Но, вѣтъ, я рѣшительно не въ состояніи прослѣдить все то, что Павелъ перемечталъ о своей невестѣ, о ея возвышенныхъ чувствахъ, о взаимной любви, однимъ-словомъ, о всѣхъ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя представляетъ человеку любовь, и которыя впрочемъ мой герой еще хорошо не зналъ, но смутно предполагалъ. Самал-прекрасная будущность представлялась ему: вотъ онъ теперь женится, выпишетъ изъ Москвы книгъ, будетъ заниматься; выдержитъ экзаменъ, сдѣлается профессоромъ; весь погрузится въ науку. Боже мой! что можетъ быть лучше этого? счастье въ домашней жизни, слава въ публикѣ.

Проснувшись, Павлу очень не хотѣлось вставать; ночныя мечтанія снова начали овладѣвать его воображеніемъ. Онъ лежалъ, повернувшись къ стѣнѣ, какъ вдругъ почувствовалъ, что съ него сдернули одѣяло. Бешметевъ обернулся: передъ нимъ стоялъ Масуровъ.

— Здравія желаемъ, господинъ женихъ! — вскричалъ гость — развѣ такъ долго спать? Какую вы, батинька, выкинули штуку! славно, право славно.... я сегодня только узналъ. Вставайте, да давайте шампанское пить.

Павель, нѣсколько сконфузившись, торопился надѣть халатъ и спальные сапоги.

— Фу ты канальство? какая пышная фигура! — говорилъ Масуровъ.

— Чтò сестра?

— Чего сестра? еще вчера ночью уѣхала въ деревню. Такая досада, что ужасъ; ну, сами посудите, зачѣмъ теперь въ деревню ѣхать?

— Зачѣмъ-же она уѣхала? — спросилъ Павель, удивленный, и озабоченный этимъ извѣстіемъ.

— Богъ ее знаетъ; вчера приступила, чтобы я не былъ знакомъ съ Бахтіаровымъ: «это, говорить, не прилично; я молодая женщина, въ обществѣ могутъ перетолковать»; чортъ знаетъ, какая чужь пришла въ голову! Очень мнѣ нужно, чтò болтаютъ тамъ сороки.

Павель очень-хорошо понялъ причину нечаяннаго отъѣзда сестры: видно, она, была у тетки, а та передала ей по-своему сплетни.

Вотъ, теперь онъ одинъ. Ему даже не съ кѣмъ посоветоваться въ столь-важное для него время; но, размысливши, что это почти необходимо для Лизаветы Васильевны, потому-что только этимъ однимъ могли прекратиться городскіе толки на счетъ ея отношеній къ Бахтіарову, онъ былъ радъ ея отъѣзду.

— На долго-ли-же Лиза уѣхала? — спросилъ онъ.

— Право, не знаю; и дѣтей увезла: скука смертная! сегодня всю ночь не спалъ. Досадно, ей-богу, смерть досадно! Напишите, пожалуйста, братецъ, ей письмо; что это

за глупости? Сегодня ужъ Перепетуъ Петровнѣ на нее жалавадся. Ну, батюшка, какъ она на васъ сердится! такъ просто, я вамъ скажу, и не ходите лучше: высъчетъ. Отъ нея я и узналъ, что ваша милость женится на Кураевой. Важнительно! очаровательная, чортъ возьми, дѣвушка. Тетка всѣхъ пушнить: и васъ, и Лизу, и Курасвѣхъ, со всѣмъ ихъ потрохомъ. Съ Θεоктистой Саввишной, за сватанье, такую при мнѣ пановщину сочинила, что я хотѣлъ послать за кварталнымъ; ругательски разругались.... Меня только хвалить: на дѣлахъ денегъ хотѣла дать въ займы. Вы лучше не ходите; ей-богу, если не высъчетъ, такъ непременно прибѣтъ», и на свадьбу, говорить, не поѣду; знать ихъ не буду, на нищей, говорить, женится, по-міру пойдутъ». Когда у васъ свадьба-то?

— Скоро.

— Меня въ шафера возьмите.

— Извольте.

— Смотрите-же. А я новый фракъ себѣ шью: вчера пять-сотъ рублей выигралъ у Бахтіарова. У васъ есть-ли денъги-то на свадьбу? А то я, пожалуй, дамъ взаймы. Какой славный малой Бахтіаровъ! чудо просто, а не человекъ! Отъ васъ, просто, онъ въ восторгѣ. Напишите, пожалуйста, Лизѣ-то, чтобы пріѣхала; меня-то она не послушаетъ. Прощайте. Я сегодня вечеромъ пріѣду къ Кураеву; я, правда, съ нимъ мало знакомъ, да ничего: такъ-то и такъ-то.... честь имѣю рекомендоваться. Влюблена въ васъ не въста?

— Я не знаю.

— Кто-же знаетъ? славная вамъ будетъ теперь жизнь! Прощайте. Мнѣ надобно еще къ Бахтіарову. Къ матушкѣ не заходить? отчего она меня никогда не узнаетъ?

— Оттого, что вы рѣдко бываете.

— Некогда, братецъ, ей-богу, некогда; прощайте, напишите къ Лизѣ-то; я нарочно за этимъ пріѣзжалъ къ вамъ. Прощайте, вечеромъ увидимся.

По отъѣздѣ Масурова, Павелъ началъ одѣваться. Туалетомъ своимъ въ этотъ разъ онъ занимался еще болѣе, чѣмъ

передъ повздкою въ собраніе; разъ пять заставляя онь цырюльника перевивать свои волосы, и все-таки остался недоволенъ Фракъ свой онь назвалъ мерзвѣйшимъ фракомъ, а про жилетъ и говоритъ нечего; даже самага-себя Павелъ назвалъ неопрятнымъ дуракомъ, который въ столицѣ не умѣлъ завестись порядочнымъ платьемъ. Часу въ двѣнадцатомъ онь былъ готовъ; но доложили о пріездѣ Владимира Андреевича. Павелъ сконфузился: ему совѣстно было принять будущаго тестя въ своемъ домѣ, который, конечно, ни въ какомъ отношеніи не могъ равняться съ аристократическимъ домомъ Кураевыхъ; и, поэтому, онь встрѣтилъ гостя съ озабоченнымъ видомъ. Что касается до Владимира Андреевича, то онь вошелъ, какъ надобно было ожидать, съ прилично-важнымъ видомъ. Сначала объявилъ, что онь желалъ самъ быть у него съ тѣмъ, чтобы поклониться ему отъ всего своего семейства, и по преимуществу отъ певѣсты, которая будто-бы уже ожидаетъ его съ восьми часовъ утра, а потомъ, спрося Павла объ матери и услышавши, что она заснула, умоляя не беспокоить ея, а вслѣдъ за тѣмъ онь заговорилъ и о другихъ предметахъ, коснувшись слегка того, что у него дорогою зашалила необыкновенно-злая въ упряжкѣ пристяжная, и незамѣтно перешолъ къ дому Павла (у Бешметева былъ свой домъ).

— Теплый, должно быть, домикъ—замѣтилъ Владимиръ Андреевичъ;—впрочемъ все-таки вамъ надобно будетъ сдѣлать небольшія поправки. Вы извините меня: я, по праву будущаго тестя, желалъ-бы дать вамъ въ этомъ отношеніи маленькій советъ.

— Мнѣ очень-пріятно — отвѣчалъ Павелъ.

— Иначе я и не думаю. Я совѣтовалъ-бы вамъ, такъ какъ уже теперь щекотурить некогда, попросту обить французскими обоями: это будетъ недорого и красиво.

— Я сдѣлаю.

— Да.... ну, да ужъ и мебель надобно другую. Послѣ покойнаго Калинина продается отличнѣйшая мебель, рѣшительно за бездѣлицу: отдадутъ за какія-нибудь рублей девятьсотъ, на двѣ комнаты—на спальную и гостиную Въ первой

вся мебель безъ дерева, обита малиновымъ бараканомъ, съ черными стальными пуговицами: прелесть, просто прелесть! подушки всѣ эластикъ, и эластикъ-то неимовѣрный; красного дерева трюмо съ двумя бронзовыми бра, необыкновенного искусства; а для гостиной все орѣхъ, самой-утонченной изъжности въ работѣ.

И на этотъ совѣтъ Владимира Андреевича Павелъ согласился, и объявилъ, что готовъ купить, съ большимъ даже удовольствіемъ. Кураевъ также поинтересовался узнать, каковы у Павла экипажи, и такъ тонко довелъ разговоръ, что Бешметевъ самъ пригласилъ будущаго тестя въ сарай и конюшню. Здѣсь Кураевъ учтиво раскритиковалъ пару карихъ лошадей, желтую коляску, дрожки съ разбитыми колесами, и даже двое городскія сани, о которыхъ съ такою похвалою отзывалась Перепетуя Петровна. По его словамъ, у всякаго порядочнаго человѣка должно быть не болѣе трехъ экипажей, но только чтобъ они были въ своемъ видѣ, а именно, нужно всего только: парную карету, для выѣзда жены по параднымъ визитамъ и на балы, пролетки, собственно для себя, и хорошенькія городскія парныя сани, да три лошади: двѣ чтобъ были сѣзжены парою у дышла, а одна ходила въ одиночку. Павелъ съ этимъ вполне согласился, и объявилъ, что онъ готовъ-бы все это сейчасъ купить, но только не знаетъ, гдѣ. Оказалось, что Владимиръ Андреевичъ знаетъ, гдѣ все это можно приобрести по самой-умѣренной цѣнѣ: двумѣстная карета, напримѣръ, продается у того-же покойнаго Калинина, на вѣнскомъ ходу и съ кузовомъ петербургской работы, и продается за какія-нибудь ничтожныя полторы-тысячи рублей. Лошадей онъ совѣтовалъ купить на заводѣ у Киркина, у котораго лошади, при чистотѣ во всѣхъ статьяхъ, необыкновенно-добронравны и крѣпки въ ѣздѣ. Говоря такимъ-образомъ, Кураевъ и Павелъ возвратились въ комнаты.

— Свадьба такое дѣло,—продолжалъ Владимиръ Андреевичъ—что тутъ каждый человѣкъ, начиная съ самого себя, обновляется во всемъ, вступаетъ нѣкоторымъ образомъ въ

другую сферу, и запасается уже на новую жизнь. Возьмите вы даже въ примѣръ мужика: и тотъ, для сватьбы, дѣлаетъ синій армякъ; для этаго случая даже занять не стыдно, потому случай акстерный. Даже у древнихъ Грековъ, какъ извѣстно по описаніямъ, устраивались свадебныя пиршества и празднованія, потому-что тутъ человекъ хочетъ показать себя обществу въ самомъ-приличномъ видѣ. Вотъ, съ пустаго взять, какъ семейная-то жизнь далеко не походитъ на жизнь холостого человека. Вотъ, напримѣръ, взять съ посуды, тарелокъ, мисокъ, плошекъ, и тому подобной дряни... пустяки... а все деньги, всѣмъ надобно завестись; хорошо, у кого много, а у другого молодого человека ничего этого нѣтъ. Вотъ у васъ такъ, я думаю, послѣ батюшки много этого хлама осталось?

— У насъ этого очень-много, — отвѣчалъ Павелъ.

— Я припоминаю, что у покойного Василья Петровича видѣлъ вазу серебряную что-ли, или поднось, или самоваръ, но только удивительно-древней работы рококо.

— Это, вѣрно, вы стопку видѣли.

— Нѣтъ, не стопку, а что-то такое, въ родѣ бокала что-ли? рѣшительно не помню. Сами посудите: можетъ-быть, тому ужъ нѣсколько лѣтъ; помню только, что видѣлъ прелюбопытную, большую серебряную вещь. У васъ есть серебряно?

— Есть.

— Перечислите, пожалуйста, покрупнѣе вещи: мнѣ очень хочется припомнить.

— Стопка серебряная.

— Нѣтъ.

— Поднось, кофейникъ, чайникъ.

— Нѣтъ, не то.

— Корзинка, два большіе бокала.—Павелъ остановился.

— Ну-съ!

— Всѣ-съ.

— Все? серебра больше нѣтъ?

— Есть еще ложки и ножи.

— Ну, да этихъ, я думаю, много у васъ.

— Я право, и не знаю; ложекъ, кажется, дюжинъ съ семь есть.

— Ну такъ, стало-быть, это я, дѣйствительно, корзину видѣлъ.

— Можетъ-быть.

— Позвольте мнѣ ее видѣть. Признаться-сказать, я очень люблю античныя вещи.

Павель хотѣлъ-было идти за корзинкою; но Владимиръ Андреевичъ былъ столько-вѣжливъ, что не позволилъ ему этого сдѣлать, и просилъ его просто подвести къ шкапу, гдѣ хранилось серебро. Павель провелъ своего гостя въ наугольную комнату, и представилъ ему на разсмотрѣніе два огромные стеклянные шкапа съ серебромъ, фарфоромъ и хрусталемъ.

Владимиръ Андреевичъ, кажется, весьма остался доволенъ тѣмъ, что видѣлъ. Серебра было, съ придачею ложекъ и ножей, по-крайней-мѣрѣ, съ пудъ; а про фарфоръ и хрусталь и говорить нечего. Возвратившись въ гостиную, Владимиръ Андреевичъ продолжалъ разговоръ, съ свойственною ему тонкостію; выспросилъ у Павла, въ какомъ уѣздѣ у него имѣніе, есть-ли усадьба, и чѣмъ занимаются мужики; услышавши, что мужики по большей части обрушники и стекольщики и что они ходятъ по лѣтамъ въ Петербургъ и Москву, онъ очень-справедливо замѣтилъ, что подобное имѣніе, съ одной стороны, спокойнѣе для хозяевъ, но за то меньше-выгодно, потому-что на чужой сторонѣ народъ балуется и привыкаетъ пить чай, и что отъ этого убываетъ народонаселеніе и значительно портится нравственность. Наконецъ онъ началъ прощаться, изъявивши предварительно искренно свое сожалѣніе о томъ, что не видалъ старушки, и поручилъ ей передать свое глубочайшее уваженіе, и потомъ, объявивши Павлу, что его ожидаютъ черезъ полчаса, съѣлъ молодцовато на дрожки. Сердитая пристяжная варварски согнулась, а коренная съ мѣста-же пошла крупною рысью.

Когда Владимиръ Андреевичъ уѣхалъ, Павель нѣсколько минутъ думалъ объ немъ: «Какой онъ умный, практической человекъ! — говорилъ онъ самъ съ собою, — онъ будетъ мнѣ

очень-полезенъ своими совѣтами. Боже мой! думалъ-ли я когда-нибудь объ этакомъ счастіи: женюсь на дѣвушкѣ, въ которую страстно влюбленъ; вступаю въ умное, образованное семейство? Какъ досадно, что нѣтъ теперь Лизы здѣсь! Какъ бы она порадовалась со мною! чудная она женщина!» Когда Павелъ вспомнилъ о сестрѣ, ему сдѣлалось какъ-то грустно, и онъ съ нетерпѣніемъ началъ поглядывать на часы: до назначеннаго Владимиромъ Андреевичемъ срока оставалось еще съ часъ. Тутъ Бешметеву пришло въ голову, что до свадьбы осталось очень-немного: нужно торопиться дѣлать закупки, и надобно скорѣе взять изъ приказа пять-тысячъ. Рѣшившись исполнить это, онъ пришолъ къ матери и началъ ей толковать, что ему нужны деньги и чтобы она дала ему билетъ. Старуха опять, кажется, не вполне поняла, въ чемъ дѣло, впрочемъ подала сыну ключъ, перекрестила его и поцѣловала въ лобъ.

Между-тѣмъ Владимиръ Андреевичъ заѣхалъ къ Перепету Петровнѣ, но хозяйки не было дома. Кураевъ велѣлъ къ себѣ вызвать кого-нибудь поумнѣе изъ людей. На зовъ его явилась Палагея.

— Скажите, любезная, — началъ Владимиръ Андреевичъ — Перепетуть Петровнѣ, что пріѣзжалъ Кураевъ, будущій ея родственникъ, и что-де очень сожалѣетъ, что не засталъ ихъ дома, и что на дняхъ самъ опять заѣдетъ и пришлетъ рекомендовать все свое семейство, которое все ее очень уважаетъ; ну, прощай: не перевери-же!

Отъ Перепетуи Петровны Кураевъ поѣхалъ къ Θεоктистѣ Саввишнѣ, которую засталъ дома.

— Здравствуйте, моя любезнѣйшая Θεоктиста Саввишна! Во-первыхъ, позвольте поцѣловать вашу ручку и передать вамъ низкій поклонъ отъ нашихъ.

Θеоктиста Саввишна сильно переполошилась отъ пріѣзда почтеннаго Владимира Андреевича и его ласковаго обращенія; она выбѣжала въ дѣвичью, заказала въ одинъ разъ «для дорогаго» чай, кофе и закуску, а потомъ, накинувши на обнаженныя свои плеча какой-то платокъ, и вышедши къ Ку-

раеву, начала передъ нимъ извиняться, что она принимаетъ его не такъ, какъ слѣдуетъ.

Владимиръ Андреевичъ говорилъ, что ничего, чтобы не беспокоилась, а потомъ объявилъ, что онъ былъ сейчасъ у Бешметева, въ которомъ нашолъ прекраснѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка, но что онъ, т. е. Бешметевъ, еще не много-молодъ и, какъ видно, въ свадебныхъ дѣлахъ совершенно-неопытенъ, и даже врядъ-ли знаетъ обычай дарить невесту вещами, матеріею на платье, и тому подобными бездѣлушками, но что ему самому, Владимиру Андреевичу, говорить объ этомъ было какъ-то не ловко: пожалуй, еще покажется жадностію, а порядокъ справить для общества необходимо.

Догадливая Феоктиста Саввишна тотчасъ поняла, въ чемъ дѣло.

— Что это, батюшка Владимиръ Андреевичъ? Да я-то на что? худа-ли, хороша-ли, все-таки сваха. Въ этомъ-то теперь и состоитъ дѣло, чтобы все было прилично: на родныхъ-то нечего надѣяться. Перепетуя Петровна вышла гадкая женщина, просто эхидная: я только говорить не хочу, а много я обидъ приняла за мое, что называется, расположеніе.

— Такъ ужъ вы, пожалуйста: — началъ Владимиръ Андреевичъ, — знаете.... эдакъ, слегка замѣчайте ему: вотъ то-то, это-то необходимо. Вотъ, напримѣръ, фермуаръ нужно подарить невестѣ, какіе-нибудь браслеты, не для себя, знаете, а больше для общества: въ обществѣ-то чтобъ знали. Прощайте, матушка.

— Почтеннѣйшій Владимиръ Андреевичъ! да покушайте чего-нибудь, хоть-бы кофейку, или-бы водочки выкушали: вѣдь, свѣжо на дворѣ-то.

— Не могу, ей-богу, не могу; вѣдь вы, я думаю, знаете: до обѣда не пью, не ѣмъ. Прощайте.

Павелъ ѣхалъ къ Кураевымъ въ этотъ разъ съ бѣльшимъ присутствіемъ духа; онъ далъ себѣ слово быть какъ можно разговорчивѣе съ невестою, и постараться съ ней сблизиться. Онъ даже придумалъ, что съ ней говорить; онъ расскажетъ ей, что видѣлъ сонъ, а именно: будто-бы

онъ живетъ въ Москвѣ, на такой-то улицѣ, въ такомъ-то домѣ, а противъ этого дома другой, большой, жолтый каменный домъ; вотъ онъ смотритъ на него, вдругъ выходитъ дѣвушка, чудная, прекрасная дѣвушка, ему очень хотѣлось къ ней подойти, но онъ не рѣшался, и только каждый день все смотрѣлъ на эту дѣвушку; потомъ вдругъ не сталъ ее видѣть. Юлія, конечно, догадается, что эта дѣвушка она сама; такимъ-образомъ онъ дастъ ей знать, что онъ еще въ Москвѣ въ нее былъ влюбленъ; — все это думалъ Павелъ, ѣхавши дорогой; но, войдя въ гостиную, гдѣ сидѣли дамы, опять сконфузился.

Марья Ивановна сказала ему, что они давно уже его ожидаютъ, а невѣста сухо поклонилась; Павелъ сѣлъ поодаль. Владимиръ Андреевичъ былъ въ кабинетъ; разговоръ не вязался, хотя Марья Ивановна нѣсколько разъ и начинала; спросила Павла объ матери, замѣтила, что сыра погода, и что поэтому у Юліи очень голова болитъ, да и у нея самой начинается разбалываться. Юлія молчала, Надинька играла съ собачкою. Павелъ, не смотря на свое желаніе заговорить, рѣшительно не находилъ; ему очень хотѣлось сѣсть рядомъ съ Юліею, но у него не доставало даже смѣлости глядѣть ей въ лицо, и онъ, потупя глаза, довольствовался только тѣмъ, что любовался ея стройною ножкой, кокетливо выглядывавшей изъ-подъ платья. Пришелъ Владимиръ Андреевичъ.

— А! вы здѣсь, — сказалъ онъ, увидя Павла, и пожалъ ему руку; потомъ велѣлъ подавать горячее.

— Ну что, гдѣ вы побывали? — продолжалъ онъ.

— Я былъ въ приказѣ, — отвѣчалъ Павелъ.

— Это зачѣмъ?

— Деньги получалъ.

— А!... — произнесъ протяжно Владимиръ Андреевичъ — а много-ли получили?

— Пять-тысячь.

— Славно.... что, вы закупки думаете дѣлать?

— Да-съ, но я не знаю, гдѣ и какъ....

— Обь этомъ хлопотать нечего; я самъ, пожалуй, съ вами поѣду; вотъ послѣ обѣда-же и поѣдемъ. Давайте скорѣе обѣдать! Вы ужь, Юлія Владимировна, извините насъ, мы у васъ опять жениха увеземъ, нельзя; Богъ дастъ, женитесь, такъ все будетъ сидѣть около васъ. Что? покраснѣла. Ну поди, поцѣлуй-же меня за это.

Юлія молча и съ нѣскольکو-сердитымъ лицомъ подошла, и поцѣловала ласковаго папеньку.

За столомъ занималъ всѣхъ разговорами, какъ и прежде, Владимиръ Андреевичъ. Онъ рассказывалъ Павлу обь одномъ богатомъ обѣдѣ, данномъ отъ дворянства какому-то важному человѣку, и что онъ въ означенномъ обѣдѣ, по его словамъ, былъ выбранъ главнымъ распорядителемъ и исполнилъ свое дѣло очень-недурно, такъ-что важный человѣкъ послѣ обѣда разцѣловалъ его. Къ концу стола Павлу подали письмо. Это была записка отъ Θεоктисты Саввишны, слѣдующаго содержания и уже известной ея ореографіи:

«Милъастивеюшій Государь

Павиль Василичъ!

«Сичасъ я была у ваши маминкѣ, и вазъ састать ни магла. вы верна, нахотетесь у сваи даракіи нивезты и патаму рашъ-аюсь, писать квамъ у атьной знакъмой маей Аграфъны Матъвевны Салъубисъековой прадаютца по самой дешовой цене расные дамъскіи украшения брислѣтъ, фармуаръ и два кольца и нѣудно ли, вамъ повашимъ въ семъ опстоятельствамъ ихъ купить, для вашии Юли Владимировны, я могу ихъ привѣсти когда, ѣжели насъначете, вождиданіи пріятнава вашаго гли миня атвасъ отъвета остаюсъ

пакъорной куслугамъ

Фиктиста Панамаръва.»

Вышедши изъ-за стола, Павелъ написалъ Θεоктисту Саввишну отвѣтъ, въ которомъ благодарилъ ее за безпокойство, и просилъ привезти къ нему вещи на другой день, а потомъ тотчасъ-же, вмѣстѣ съ Владимиромъ Андреевичемъ, отправился дѣлать покупки. Больше достопримѣчательного въ этотъ день ничего не случилось. Павелъ проѣздилъ съ Владимиромъ Андреевичемъ до девяти часовъ, и, возвратившись,

услышалъ, что у Юліи сильно болитъ голова, а потому она теперь лежитъ въ постели. Марья Ивановна взяла шерстяную косынку, а Надинька читала какой-то французскій романъ. Владимиръ Андреевичъ, услышавши о болѣзни дочери, прошолъ въ комнату къ барышнямъ, и, черезъ нѣсколько минутъ вернувшись, предложилъ Павлу, не угодно-ли ему повидать невѣсту. Павелъ, безъ сомнѣнія, согласился, и, съ трепещущимъ сердцемъ, пошолъ за Владимиромъ Андреевичемъ по темному коридору, ведущему въ комнату къ барышнямъ.

Странное, обаятельное впечатлѣніе производитъ на насъ, въ пору молодости, комната всякой молоденькой дѣвушки, и особенно комната той, въ которую мы влюблены. Доказательствомъ тому можетъ служить значительное число стихотвореній, написанныхъ собственно по этому предмету. Одинъ модный поэтъ когда-то сказалъ, что воздухъ въ комнатѣ дѣвушки напоенъ дѣвственнымъ дыханіемъ. Когда Павелъ вошелъ въ комнату, то почувствовалъ, кромѣ дѣвственнаго дыханія, сильный запахъ *л'о-де-колономъ*, которымъ Юлія примачивала голову. Боже мой! нѣтъ, я откажусь.... слабому перу моему не выразить того, что чувствовалъ Павелъ; мнѣ кажется, что даже и самъ господинъ NN не въ состояніи былъ-бы описать его чувствованій. Юлія лежала на постелѣ, въ широкой блузѣ, прикинувши повязанною головою къ батистъ-декосовой подушкѣ. Напротивъ самой постели стояло зеркало съ комодомъ, на комодѣ стояли въ футлярѣ часы, двѣ стеклянки съ духами, маленькій портфель для писемъ, колокольчикъ, гипсовый амуръ, грозящій пальчикомъ, и много еще различныхъ кабинетныхъ вещей; у окна стояли вольтеровскія кресла и небольшой столикъ, оклеенный вырѣзнымъ деревомъ, а у противоположной стѣны помещалась кровать Наденьки, покрытая шелковымъ одеяломъ и тоже съ батистъ-декосовыми подушками. Чудно-хорошо показалось все Павлу!

— Ну, вотъ тебѣ и Павелъ Васильевичъ! — сказалъ Владимиръ Андреевичъ, войдя въ комнату дочери. — Посидимъ-те-ка здѣсь, садитесь на вольтерово-то кресло, а я усядусь на кровать.

— Вы больны? — проговорилъ Павелъ едва-слышнымъ голосомъ.

— Да, у меня очень голова болить.

У Бешметева было такое печальное лицо, что это даже замѣтилъ Владимиръ Андреевичъ.

— Посмотри, Джули, онъ чуть не плачетъ; ничего, молодой человекъ, не теряйте присутствія духа; къ свадьбѣ выздоровѣть. Садитесь; что-же вы не садитесь?

Павелъ съелъ, и, молча, продолжалъ глядѣть на невесту.

— Вы долго не прїѣзжали, — проговорила Юлія, замѣтивши, что папенька кидаетъ на нее значительные взгляды.

— Мы были во многихъ мѣстахъ, — отвѣчалъ Павелъ.

— Лучше скажите, что мы купили на двѣ тысячи. Да-съ, Юлія Владимировна, вотъ каковы мы! вы только лежите, а мы, чортъ возьми, мужчины, народъ дѣятельный.

— Я бы сама умѣла покупать: — отвѣчала Юлія — покупать очень весело.

— Видишь, какая храбрая.... а что, голова болить?

— Болить, папа.

— Хочешь, я тебѣ лекарство скажу?

— Скажите.

— Поцѣлуй жениха, сейчасъ пройдетъ; не такъ-ли, Павелъ Васильевичъ?

— Что это, папа? — сказала Юлія.

Павелъ покраснѣлъ.

— Непременно пройдетъ. Ну-те-ка, Павелъ Васильевичъ, лечите невесту; смѣлѣй.

Онъ взялъ Павла за руку, и поднялъ со стула.

— Поцѣлуй, Юлія: съ женихомъ-то и надобно цѣловаться. — Павелъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, да, кажется, и Юліѣ не слишкомъ было легко исполнить приказаніе папеньки; она нехотя приподняла голову. «Когда я подошелъ къ ней, чувства страха и отвращенія исказили ея небесныя черты» выразился одинъ, мнѣ знакомый, юноша, рассказывая печальную и грустную повѣсть своей любви. Чувство страха и отвращенія, могу сказать и я, исказили черты лица Юліи, при поцѣлуѣ жениха. Исполнивши желаніе папеньки, она тотчасъ-же опустила голову на подушку, и, кажется, по-

тихоньку отерла губы платкомъ, но Павелъ ничего этого не видѣлъ.

— Ну, оба сконфузились!... Отъ, двѣти, дѣти! какъ опасны ваши.... «лѣта» конечно думалъ сказать Владимиръ Андреевичъ, но остановился, видно найдя, что подобное окончаніе нейдетъ въ настоящемъ случаѣ.

Вскорѣ Владимиръ Андреевичъ увелъ Павла отъ невесты, ради толкованія съ пришедшимъ торговаться обойщикомъ.

По уходѣ ихъ, Юлія, вслѣснувши руками, начала рыдать.

Павелъ увхалъ отъ Кураевыхъ послѣ ужина; онъ заходилъ прощаться къ невестѣ, и на этотъ разъ поцѣловалъ только у ней руку.

Вхавши домой, онъ предался сладостнымъ мечтаніямъ. Перспектива будущей семейной жизни рисовалась предъ нимъ въ чудномъ свѣтѣ; вотъ, будетъ свадьба: какой это чудный и въ то-же время страшный день! Какое нужно имѣть присутствіе духа и даже нѣкоторое.... а тамъ, тамъ будетъ лучше, тамъ пойдетъ все ровнѣе, попривыкнешь къ новому положенію; тутъ-то, вотъ, и можно наслаждаться мирно, тихо. Въ это время Павелъ подвхалъ къ крыльцу, и необходимость вылезти изъ дрожекъ, остановила на нѣсколько времени его мечтанія.

По прѣздѣ его домой, ему подали записку отъ Лизаветы Васильевны:

«Прости меня, Польша, — писала она — что я увхала, не сказавши тебѣ, оставила тебя въ такое время; я не могла поступить иначе: этого требуютъ отъ меня мой домъ, моя бѣдная дѣти. О самой себѣ я расскажу тебѣ послѣ, послѣ, когда буду сама въ состояніи говорить объ этомъ, а теперь, женись безъ меня; молись, чтобы тебѣ Богъ далъ счастья, о чемъ молюсь и я; но ты, ты долженъ быть счастливъ съ своей женою. Прощай.»

Письмо это прочиталъ герой мой почти-механически, такъ былъ онъ занятъ своимъ новымъ положеніемъ, своими новыми чувствованіями! Всю почти ночь продумалъ онъ о прекрасной Юліи, которая со временемъ будетъ его женою.

X.

СВАТЪВА.

Двѣ недѣли, назначенныя Владиміромъ Андреевичемъ до сватъбы, прошли очень-скоро. Это поэтическое время для каждаго почти жениха, прошло для Павла слишкомъ-прозрачно. Онъ обыкновенно отправлялся рано по-утру къ Кураевымъ, и каждый разъ съ твердымъ намѣреніемъ сблизиться съ невѣстой; но этого ему никогда не удавалось, вопервыхъ, по застычивости собственнаго характера и по холодности невѣсты, а во-вторыхъ и потому, что рѣшительно было некогда. Владиміръ Андреевичъ безпрестанно вѣдиль съ нимъ закупать для него различныя вещи. Домъ былъ уже оклѣенъ французскими обоями, экипажи и лошади куплены, подарки невѣстѣ сдѣланы, вслѣдствіе чего пяти тысячъ какъ-будто бы и не бывало у Павла въ карманѣ, но расходовать предстояло еще очень-много; нужно было занимать, но у кого занять? Павелъ былъ въ очень-трудномъ положеніи, и сѣлъ-бы совершенно на мель, еслибы сама судьба, въ образѣ Перепетуи Петровны, не подала ему руки помощи. Тетка, сердившаяся на Павла за то, что онъ, по словамъ ея, не хотѣлъ принять участія въ погибеліи сестры, совершенно разобидѣлась сватовствомъ моего героя безъ предварительнаго совѣта съ нею, но, сверхъ ожиданія, вдругъ умилилась, искренно расположилась къ новому родству, и приняла живѣйшее участіе въ хлопотахъ племянника. Причина такой перемены заключалась въ тонкой вѣжливости Владиміра Андреевича, захватившаго къ Перепетуѣ Петровнѣ и приславшаго къ ней потомъ все свое семейство. Старая дѣвушка была очень-честолюбива. Это, не заслуженное еще съ ея стороны, вниманіе отъ Кураевыхъ измѣнило совершенно ея образъ мыслей, насчетъ женитьбы Павла. Она пріѣхала къ нему, и, намыливши, какъ водится, ему голову за то, что онъ начиналъ хорошее дѣло тайкомъ, стала хлопотать, и даже снова помирилась съ Феоктистой Саввишной. Обѣ пріятельницы безпрестанно переезжали одна къ другой въ домъ, завѣжали къ Павлу, въ одинъ голосъ кричали на людей его, и удивлялись тому, какъ скоро идетъ время. Перепетуя Петровна, узнавши стороной, что Павелъ

вздилъ занимать къ кому-то деньги и не занялъ, намылила въ другой разъ ему голову, и сама предложила изъ собственной казны три тысячи рублей ассигнаціями, впрочемъ подь вексель и за проценты. Павелъ ожилъ духомъ. О невѣствъ во все это время некогда было ему и подумать; онъ, какъ угорьльый, день и ночь вздилъ по лавкамъ и по мастеровымъ, исполняя порученія, которыя давалъ ему Владимиръ Андреевичъ каждое утро. Самъ Кураевъ былъ рвшительно въ это время полководецъ: онъ вздилъ самъ, посылалъ Павла, посылалъ жену, Надиньку и людей,—и все это дѣлалъ впрочемъ для Павла, т.-е. на его деньги. Менѣе всѣхъ принимала участія во всѣхъ хлопотахъ сама невѣста. Она, обыкновенно, вставши по-утру, завивала съ полчаса свои волосы въ папильотки, во время кофе припекала ихъ, а часу въ первомъ, приведя въ окончаніе свой туалетъ, выходила въ гостиную, гдѣ принимала поздравленія, здоровалась и прощалась съ женихомъ, появившимся на нѣсколько минутъ; послѣ обѣда она, обыкновенно, уходила къ себѣ въ комнату и не выходила оттуда до-тѣхъ-поръ, покуда не вызывали ее внимательные родители, очень-прилежно слѣдившіе за нею. Бѣдная Юлія! въ настоящее время она одна переживала драму, она одна страдала; всѣмъ было хорошо, всѣ дѣлали, что имъ хотѣлось, и были довольны собою. Владимиръ Андреевичъ былъ счастливъ, потому-что пристроивалъ дочь, обдѣлывалъ довольно-трудное дѣло, и только силою характера преоборалъ препятствія, и утонченностію ума зантриговывалъ зятя. Марья Ивановна наслаждалась тѣмъ, что Владимиръ Андреевичъ, занятый хлопотами, не кричалъ на нее; ей впрочемъ было иногда жаль Юліи, но, по размысленіи, она постоянно доходила до той мысли, что часто и по страсти женившіеся живутъ какъ кошка съ собакой. Перепетуя Петровна сдѣлалась похожа на индѣйскаго пѣтуха, растопырившаго крылья; она начала ходить, поднявши голову, въ необыкновенно-накрахмаленныхъ юбкахъ, и, неизвѣстно для чего, принялась говорить въ-носъ. Вниманіе Кураевыхъ сильно развило въ ней важность. «Эта подлая семейка такъ обошла ее, говорила она въ послѣдствіи, что ей даже не пришло въ голову спросить племянника, даютъ-ли

что-нибудь за невѣстой». Феоктиста Саввишна была тоже очень счастлива. Она до-того говорила со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ о сватбѣ, ею устроенной, что рѣшительно потеряла голосъ. Про жениха и говорить нечего: неопытный, доверчивый, увлеченный первою еще страстію къ женщинѣ, Павелъ ожидалъ, что вотъ-такъ и окунется въ море блаженства, не видѣлъ и не понималъ, что невѣста почти не можетъ его равнодушно видѣть. Хитрый Владимиръ Андреевичъ безпрестанно ему твердилъ, что Юлія чрезвычайно скромна и никогда не выражаетъ того, что чувствуетъ. Надѣнька болѣе всѣхъ обнаруживала участія къ положенію сестры, но впрочемъ и та часто увлекалась мечтою о грядущемъ балѣ и объ обѣщанномъ новомъ бальномъ платьѣ; Юлія-же оставалась постоянно-грустною. Боже мой! такую-ли думала она составить партію? Она думала, что непременно выйдетъ за какого-нибудь гвардейскаго офицера, который увезетъ ее въ Петербургъ: она будетъ гулять съ нимъ по Невскому-проспекту, блистать въ высшемъ свѣтѣ, будетъ представлена ко двору, сдѣлается штатсъ-дамой. И что-же вмѣсто этихъ роскошныхъ мечтаній давала ей горькая существенность: всю жизнь прожить въ губернскомъ городѣ, и добро-бы еще женою какого-нибудь ловкаго, богатого человека, а то выйти за тюфяка, съ которымъ даже стыдно въ люди показаться. Сверхъ того сердце.... читателю уже извѣстно, что сердце Юліи не было свободно и принадлежало жестокому, но все-таки интересному Бахтіарову. Размышляя такимъ-образомъ, она начинала чувствовать къ жениху еще болѣе непріязненное чувство. «Уродъ эдакой! тюфякъ!» шептала она сама съ собою, и начинала съ досады плакать. Чтобы избавиться отъ предстоящаго брака, нѣсколько несбыточныхъ плановъ составлялось въ головѣ ея, такъ напримеръ, броситься предъ отцомъ на колѣни, и просить его не губить ея; объясниться съ самимъ Павломъ: сказать ему, что она не можетъ быть его женою, потому-что любитъ другого, и просить его, какъ благородного человека, не принуждать ея дѣлать жертву, которая, можетъ-быть, сведетъ ее во гробъ. Мало этого,—она вздумала-было написать письмо къ Бахтіарову, признаться ему, что она его любитъ, и умоляетъ

его спасти несчастную отъ ужаснаго брака, увезти куда-нибудь дальше, напримѣръ, въ Парижъ. Эта мысль нравилась Юліи болѣе другихъ; но, отчасти по робости, а отчасти отъ самолюбія, она не рѣшалась сдѣлать этотъ неосторожный шагъ. Хорошо, если Бахтіаровъ пойметъ ее, а если станетъ смѣяться, и потомъ узнаетъ объ этомъ папенька? Одно только утѣшало Юлію въ ея положеніи; это мысль, что она наконецъ выйдетъ изъ-подъ родительской феулы, будетъ дамою, станетъ выѣзжать одна, и куда ей будетъ угодно.

Свадебные чины были розданы слѣдующимъ образомъ:

Перепетуя Петровна, не-смотря на дѣвическое состояніе, никому не уступила чести быть посаженою матерью жениха, пунктуально доказывая, что дѣвушка въ пятьдесятъ лѣтъ все равно, что дама; а въ посажонные отцы для Павла Владиміромъ Андреевичемъ были вызванъ сосѣдъ по деревнѣ, который по-сю-пору все со слезами вспоминалъ Василья Петровича, его друга, сосѣда и сослуживца. Θεоктиста Саввишна возведена была въ званіе почтенной дамы; шаферомъ со стороны жениха опредѣленъ былъ Масуровъ, который, не-смотря на свое обѣщаніе, не познакомился еще съ новыми родственниками, и неизвѣстно гдѣ пропадалъ. Со стороны невѣсты, какъ водится, отецъ, мать; почтенной дамой была баронесса Клухштукъ, очень похожая на ликовую-даму; шаферомъ — двоюродный братъ невѣсты, извѣстный въ городъ подъ именемъ Петруши Масляникова, который, по случаю своего званія, купилъ около дюжины перчатокъ, и всѣхъ спрашивалъ, что ему нужно будетъ дѣлать? Здѣсь я долженъ замѣтить, что Владиміръ Андреевичъ, какъ самъ послѣ рассказывалъ, обставилъ-бы свадьбу и другими людьми поважнѣе, да со стороны жениха родство-то было уже слишкомъ плоховато; такъ этакихъ-то людей съ такими-то людьми не такъ-ловко было свести.

Наконецъ наступилъ день свадьбы. Павелъ проснулся очень-рано: онъ былъ въ какомъ-то истеричномъ состояніи, ему было грустно и весело, ему хотѣлось плакать и смѣяться. Старуха проснулась тоже очень рано. Перепетуя Петровна, съ помощію горничныхъ, наконецъ втолковала ей, что Павелъ женится, и что высокій господинъ, пріѣзжавшій къ ней и цѣловавшій у ней руку, тестъ его. Она расплакалась.

Павелъ самъ рыдалъ, какъ ребенокъ. Перепетуя Петровна и Феоктиста Саввишна, бывшія при этой сценѣ, тоже плакали. Плакалъ, кажется, и весь домъ, по-крайней-мѣрѣ Константинъ, нашивавшій въ лакейской на новую шинель галуны, заливался слезами и безпрестанно сморкался, приговаривая: — экъ пустилось! — Вѣнчаніе было назначено въ четыре часа, потомъ молодые должны были прямо проѣхать къ Кураеву, и прожить тамъ цѣлую недѣлю; къ старухѣ-же, матери Павла, захватить на другой день. Часу въ первомъ Перепетуя Петровна и Феоктиста Саввишна разѣхались по домамъ, чтобы одѣться. Онѣ непременно хотѣли присутствовать при вѣнчаніи, и потомъ уже проѣхать къ Кураевымъ, гдѣ былъ назначенъ парадный танцевальный вечеръ. Обѣ дамы весьма хлопотали о своихъ нарядахъ и обѣ гнѣвались на своихъ горничныхъ: одна за то, что измятъ былъ блондовый чепецъ, а другая — другая даже и не знаетъ, за что, но только дала своей *femme de chambre* урокъ.... Павелъ, кажется, совсѣмъ растерялся: какъ-бы не понимая ничего, онъ переходилъ безпрестанно изъ комнаты матери въ свой кабинетъ, глядѣлъ съ четверть часа въ окошко на улицу, гдѣ впрочемъ ничего не было замѣчательнаго, кромѣ какого-то маленькаго мальчишки, ходившаго босыми ногами по лужѣ. Отоседши отъ окна, онъ ложился на кровать, вздыхалъ, и, наконецъ, затворясь въ своей комнатѣ, молился.

Часа за два до вѣнчанья, Павелъ вспоминалъ, что онъ не видалъ еще своего шафера Масурова, хоть и писалъ къ нему. Очень-естественно, что зять, по своей вѣтренности, за будетъ и не пріѣдетъ! Онъ послалъ за нимъ лошадь. Черезъ четверть часа кучеръ явился и объявилъ, что онъ объѣхалъ весь городъ, но Масурова не могъ отыскать нигдѣ. Что было дѣлать? Пріѣхали Перепетуя Петровна и Феоктиста Саввишна, пріѣхалъ наконецъ посажонный отецъ, — шаферъ не являлся. Тетка и сваха были просто въ отчаяніи. Перепетуя Петрова, не-смотря на свою привязанность къ Масурову, назвала его, въ присутствіи посторонняго человека, мерзавцемъ, а сосѣдъ пожалъ плечами. Но времени терять невозможно было; надобно было вѣхать. Павелъ, одѣтый въ новый фракъ, цвѣтомъ аделаидъ, въ бѣломъ жилетѣ пикè и бѣломъ галстухѣ, который, между нами сказать, къ нему очень

не шомъ, началъ принимать благословенія, сначала отъ матери, посажонаго отца, а потомъ и отъ тетки. Плачь и вопль снова начались; старуха была очень-дурна; посажонный отецъ со слезами вспомнилъ Василья Петровича, благословилъ Павла, поцеловалъ его и пожелалъ ему жить въ счастіи и нажить кучу дѣтей, и потомъ понюхалъ табаку, посмотрѣлъ на часы, и взялся за шляпу. Перепетуя Петровна, проплакавшись и осушивши батистовымъ платкомъ слезы, начала такъ:

— Ну, Павелъ Васильевичъ, дай тебѣ Богъ счастія, дай Богъ, чтобы твоя будущая жена была тебѣ и намъ на утѣшеніе. Насъ тоже не забывай: мы тебѣ не чужіе, а родные. Можно сказать, что всѣ мы живемъ въ тебя; конечно, супружество дѣло великое, хоть сама и не испытала, а понимаю: тутъ иной человекъ, инья и мысли. Ну! съ Богомъ тронемтесь.

Павелъ, накинувши шинель, сѣлъ въ свой фаятонъ. Пара вороныхъ жеребцовъ дружно подхватила его отъ подъѣзда: такъ что у Константина едва удержалась круглая шляпа; и весь повозъ двинулся къ церкви, ни шибко, ни тихо, но какъ слѣдуетъ свадебному дворянскому повозу.

Съ большею торжественностію и въ лучшемъ порядкѣ шли предсвадебныя сцены въ домъ Кураевыхъ. Избранный въ шаферы Петруша Масляниковъ давно уже былъ въ залѣ, и наивно рассказывалъ барону Клукиштукъ, супругу почтенной дамы, что онъ не бывалъ еще ни на одной сватѣ, и даже въичаніе видѣлъ только одинъ разъ, когда женился его лакей. Невѣсту одѣвали; при туалетѣ ея присутствовали: почтенная дама, троюродная сестра Владимира Андреевича, очень обижавшаяся тѣмъ, что не получила никакой должности въ свадебной церемоніи,—Надинька, которая, какъ извѣстно, была обязана подать сестрѣ крестъ и серги, и еще три дѣвицы, изъ коихъ двѣ были дочери троюродной сестры Кураева. Юлія была всл въ слезахъ до такой степени, что ее нѣсколько разъ принимались утирать мокрымъ полотенцемъ, и всѣ убѣждали не плакать, потому-что будутъ очень красны глаза.

Марья Ивановна сидѣла въ гостиной на диванѣ и тоже плакала, взглядывая по временамъ на Владимира Андреевича, ходившаго, съ заложенными на спину руками, взадъ и впередъ по комнатѣ. На столѣ стояли приготовленные для благо-

словенія образа. Наконецъ невѣсту вывели, и всѣ сошлись въ гостиную. Владимиръ Андреевичъ всталъ къ кону. Юлія поклонилась отцу въ ноги: дыханіе у нея захватило, она не могла уже сама встать, ее подняли на рукахъ, и на этотъ разъ уже всѣ совѣтовали проплакаться. Кураевъ поцѣловалъ дочь, и самъ прослезился. Съ Марьей Ивановной сдѣлалась истерика, она рѣшительно не могла благословить дочеря. Невѣсту подъ руки вывели, и посадили въ карету съ почтенной дамой. Шаферъ сѣлъ на парныя дрожки; баронъ Клукичукъ — съ троюродною сестрою Владимира Андреевича, а барышня усадили всѣхъ въ карету. Имъ очень хотѣлось посмотреть на вѣчаніе, но оны, какъ не принадлежавшія къ повзду, должны были прѣхать послѣ. Владимиръ Андреевичъ и Марья Ивановна остались дома. Вѣчаніе началось и кончилось своимъ порядкомъ. Въ церкви было пропастъ народа, и кѣлая темна еще ломила въ нѣтъ. Квартальный надзиратель нѣсколько разъ принужденъ былъ прибѣгать къ мѣрамъ строгости. Оны еще, до прѣзда невѣсты, поставленъ былъ въ необходимость ударить какую-то личность, въ фризовой шинели, порывавшуюся въ церковь, толкнулъ, и толкнулъ довольно-болно въ шею звонкоголосую мѣщанку, и жестоко надралъ волосы мальчишкѣ, перепачканному въ сажѣ, и очень-похожему, по словамъ квартального, на дьяволенка. Женихъ и невѣста во время всей церемоніи даже не взглянули другъ на друга. На ихъ счетъ зрителями было произнесено нѣсколько сужденій, по которымъ оказалось, что у жениха носъ великъ и лицо плоско, а что невѣста гораздо-лучше его. Какой-то маленькій гимназистъ прозвалъ Перепетую Петровну дыней-канталупкой. Почтенная дама, баронесса Клукичукъ, имѣла довольно-длинный и серьезный разговоръ съ Феоктистой Саввишиной на счетъ того, что у жениха нѣтъ шафера.

Наконецъ молодые возвратились. Владимиръ Андреевичъ и Марья Ивановна встрѣтили ихъ въ залѣ. Они, сопровождаемые всѣмъ своимъ повздомъ, вошли и начали принимать благословенія.

— Дети моя! — началъ Владимиръ Андреевичъ своимъ внушительнымъ тономъ, — позвольте мнѣ въ настоящемъ, важномъ для васъ, случавъ, сказать небольшую рачь. — При этѣхъ

словахъ, Владимиръ Андреевичъ вынулъ изъ бокового кармана небольшую тетрадку. Такое намѣреніе Кураева, кажется, всѣмъ присутствующимъ показалось нѣсколько-страннымъ, и нѣкоторые изъ нихъ значительно между собою переглянулись.— Нынѣ вы вступили, дѣти мои, — началъ Владимиръ Андреевичъ, — въ новую жизнь, въ новыя обязанности: для нѣкоторыхъ этѣ обязанности легки и пріятны, а для нѣкоторыхъ цѣпи брака тяжелѣе кандаловъ преступника. Отчего-же это происходитъ? Это происходитъ отъ насъ самихъ. Мужья хотятъ слишкомъ-много властвовать, а жоны слишкомъ мало повиноваться. Возьмите вы въ примѣръ двухъ голубковъ: этѣ пернатые могутъ служить прекраснымъ образцомъ для человѣка; онѣ искренно любятъ другъ друга. Голубъ трудолюбивъ и нѣженъ къ своему семейству, и заботится о немъ; голубка покорна, нѣжна къ своему другу. Будьте подобны двумъ голубкамъ, мои дѣти, и вы будете счастливы. Вы, Павелъ Васильевичъ, можно-сказать, отрываете отъ нашего сердца лучшую часть, берете отъ насъ нашу чистую, нѣжную голубицу, а потому на васъ лежитъ священная обязанность замѣнить для нее нѣкоторымъ образомъ наше мѣсто, успокоить и разогнать ея скуку, которую, можетъ-быть, она будетъ чувствовать, выпорхнувши изъ родительскаго гнѣзда. Можетъ-быть, вы сами будете отцомъ, и тогда узнаете, какъ тяжелы теперешнія наши чувствованія; одно, можетъ-быть, только приличіе удерживаетъ насъ отъ непрерывныхъ слезъ, которыми-бы мы готовы разлиться, отпуская наше милое дитя въ чужіе люди; да примите еще разъ отъ меня благословеніе!

Съ этими словами Владимиръ Андреевичъ проворно спряталъ рѣчь въ боковой карманъ, и, поклонившись, осѣнилъ молодыхъ руками.

— Отличнѣйшая рѣчь! — замѣтилъ шаферъ барону Клуцшукъ. Баронъ только жалъ губами, и ни слова не отвѣчалъ.

Всѣ вошли въ гостиную; начали подавать чай; невѣсту повели и начали переодѣвать изъ вѣнчальнаго платья въ бальное. Часовъ въ восемь пришли музыканты, и начали съѣзжаться гости.

Честолобивый Владимиръ Андреевичъ не утерпѣлъ, чтобы не позвать на сватебный вечеръ знакомыхъ своего круга. Также приглашены были, ради танцованія, и молодые люди, въ

числъ которыхъ былъ и Бахтіаровъ. Молодая еще не выходила. Павлу, кажется, было очень-неловко: онъ видѣлъ, что на него взглядывали искоса всѣ дамы, а нѣкоторые изъ мужчинъ, хотя почти ему незнакомые, никакъ не могли удержаться, чтобы не сдѣлать нѣсколько двусмысленныхъ намековъ. Перепетуя Петровна была не въ духъ, потому-что Кураевъ ее принялъ не съ подобающею честію, какъ слѣдовало-бы принять посажоную мать жениха, и, прошедши въ гостиную, попросилъ сѣсть на диванъ не ее, а баронессу Клуштуръ. Даже Марья Ивановна не занялась съ нею, а подсѣла къ троюродной сестрѣ Владимира Андреевича, тоже усѣвшейся на другомъ концѣ дивана. Такимъ-образомъ Перепетуя Петровна почти пришлось сѣсть на крайномъ креслѣ, чего она никакъ не хотѣла сдѣлать, и сѣла къ окошку.

Наконецъ вышла невеста, и вскорѣ за тѣмъ пріѣхала Марья Николаевна, помѣщица трехъ-тысячъ душъ. Дамъ и кавалеровъ было уже достаточное число. Изъ приглашенныхъ молодыхъ людей не явился только одинъ Бахтіаровъ. Владимиръ Андреевичъ махнулъ музыкантамъ: заиграли польской.

— Не угодно-ли вамъ начинать? — сказалъ Кураевъ, обращаясь къ зятю. Бѣдный Павелъ рѣшительно смѣшался. Онъ даже не понималъ, какой это начнется танецъ. Онъ стоялъ, и все еще не бралъ руки невесты, давно уже стоявшей около него. Юлія догадалась, и, сдѣлавши гримасу, сама взяла его за руку, и повела въ залу.

— Вы, вѣрно, не умѣете танцевать? — спросила она его тихо.

Павелъ покраснѣлъ: ему было очень-совѣстно.

— Я... нѣтъ-съ... но знаете... давно очень учился.

— Такъ вы скажите папенькѣ, что у васъ нога болитъ, а то не ловко: будете путать.

Вслѣдъ за молодыми слѣдовалъ Владимиръ Андреевичъ съ Марьей Николаевной. Этотъ поступокъ Кураева жестоко оскорбилъ Перепетуя Петровну. Она думала, что онъ непременно возьметъ ее на польской; «это ужъ видно, не сватѣбный вечеръ, а балъ какой-то», сказала она проходившей мимо Θεоктисть Саввишнѣ.

— А что? — спросила та.

— Да такъ ужъ... Насъ ужъ съ вами, кажется, совсѣмъ забыли, все съ знатными людьми занимаются. — Не

знаю, что-бы отвѣтила на это Феоктиста Саввишна, но ее въ это время кликнули къ Марьѣ Ивановнѣ; польской кончился. Юлія подошла къ отцу.

— Папа, онъ совсѣмъ не умѣетъ танцовать.

— Кто?

— Бешметевъ.

— Не можетъ быть: французскую пройдетъ.

— Какое французскую: онъ и польской не умѣетъ; я съ нимъ ни за что не пойду; я ужъ ему велѣла сказать, что у него нога болитъ.— Владимиръ Андреевичъ махнулъ рукою, говоря:— хорошо!—Какая неприятность!—сказалъ громко находчивый Кураевъ, выходя въ залу,—у насъ молодой нашъ отказывается отъ танцевъ: вчерашній день ногу ушибъ, выскакивая изъ кареты. Павелъ Васильевичъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ вдали-стоявшему Бешметеву,—что, ваша нога болитъ еще?

— Болитъ-съ — отвѣчалъ Павелъ.

— Досадно, а дѣлать нечего; постоитъ-ка, батюшка, у косячка, да полюбуйте, какъ жонушка съ другими будетъ любезничать; вотъ и узнаете, каково мужнино-то дѣло: Ничего, привыкайте.—Все это Владимиръ Андреевичъ говорилъ довольно-громко, такъ-что слышали всѣ почти кавалеры и многія дамы. Началась французская кадрили; молодая танцевала съ шаферомъ.

Во время второй кадрили въ залу вошелъ Бахтіаровъ. Въ этотъ разъ, кажется, онъ еще былъ молодцоватѣе и витереснѣе собою. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго. Онъ прямо подошелъ къ невѣстѣ, поздравилъ ее, потомъ поздравилъ, попавшагося ему на встрѣчу, Владимира Андреевича, и поклонился Павлу. А вслѣдъ за тѣмъ, въ своей обычной и равнодушной позѣ, расположился стоять у окна, объявивши рѣшительно хозяину, что онъ танцовать не будетъ. Молодая, не смотря на то, что очень была грустна и разстроена, замѣтила, что Бахтіаровъ пріѣхалъ очень-блѣденъ и чѣмъ-то разсерженъ; она слышала его отказъ танцовать, и перетолковала все это рѣшительно въ свою пользу: «онъ, вѣрно, влюбленъ въ меня, думала она,—страдалъ, услышавши, что я выхожу за-мужъ, и потому очень блѣденъ и разстроенъ».... Но она этому очень-рада, и начнетъ его мучить съ этого-же

вечера. По окончаніи кадрили, Юлія подошла къ Павлу, столпшему не вдалекѣ отъ Бахтіарова.

— Какъ жаль, Поль, что ты не танцуешь! Я-бы желала съ тобою только танцовать!

Павелъ быстро всталъ на ноги; на глазахъ его, кажется, навернулись слезы; онъ никакъ не ожидалъ подобной выходки; ему было и стыдно и пріятно. Юлія Владимировна подала ему руку. Павелъ едва догадался, что ему надобно было поцѣловать эту руку.

Начались снова танцы. Бахтіаровъ не танцевалъ; Юлія Владимировна, чтобы окончательно взбѣсить губернскаго льва, казалась веселою, счастливою и нѣсколько разъ обращалась съ нѣжными выраженіями къ Павлу; но Бахтіаровъ ухалъ, и она сдѣлалась грустна, задумчива и рѣшительно не стала замѣчать мужа. Павелъ все стоялъ у притолки, и все глядѣлъ на жену. Надинька очень любезничала съ однимъ молодымъ чиновникомъ, необыкновенно-ловко танцовавшимъ вальсъ. Перепетуя Петровна рѣшительно выходила изъ себя отъ невниманія, оказаннаго ей хозяиномъ: ея даже не посадили играть въ преферансъ. Владимиръ Андреевичъ рѣшительно былъ занятъ губернскими тузами, а Марья Ивановна все егозила около помѣщицы трехъ-тысячъ душъ.

За ужиномъ Перепетуя Петровна поставлена была въ такое положеніе, что только отъ стыда не расплакалась. Мало того, что она, какъ-бы слѣдовало посаженной матери, не была посажена на первое мѣсто, мало этого, — цѣлый столъ голодала она, какъ собака, и пошла только кваску. Вотъ въ чемъ дѣло: «сватѣбный день былъ постный, а столъ былъ приготовленъ скоромный, и у добраго хозяина не стало на столько вниманія, чтобы узнать, нѣтъ-ли такихъ гостей, которые не ѣдятъ скоромного. Что, она, попадья что-ли какая? Она, кажется, дворянка, и, можно сказать, тутъ первое лицо: для нея-бы для одной можно приготовить столъ приличный. Феоктиста Саввишна, извѣстное *мелево*, — ей хоть козла подай на страстной недѣль, такъ съѣсть. Сами посудите, въ какое она поставлена была положеніе, точно проклятая какал-нибудь, ни къ чему прикоснуться не можетъ; не скоромиться-же нарочно для этого раза; кромѣ грѣха, тутъ

нѣкоторые знаютъ, что она соблюдаетъ посты. Это, просто, насмѣшка! Вотъ что думала Перепетуя Петровна, сидя за столомъ; гнѣвъ ея возрасталъ съ каждымъ блюдомъ, у ней едва доставало присутствія духа сказать, что она не ужинаетъ; сами-же хозяйка какъ-будто-бы этого ничего не замѣчали и не видѣли. Певѣста была блѣдна, и ничего не ѣла. Павелъ тоже сидѣлъ потупившись, и ни къ чему не прикасался.

— Посмотрите, имъ ужъ хлѣбъ нейдетъ на умъ, — замѣтилъ армейскій офицеръ сидѣвшему около него молодому человѣку съ рѣшительными манерами, съ которымъ мы еще въ собраніи познакомились.

Молодой человѣкъ, съ прическою *a la diable m'emporte*, сдѣлалъ гримасу, и, проговоря: — это все глупости! — залпомъ выпилъ стаканъ красного вина. Послѣ ужина бальные гости всѣ разъѣхались; остались одни только непосредственные участники сватъбы. Молодыхъ проводили въ спальню, съ извѣстными церемоніями. Видимымъ образомъ, кажется, все шло своимъ порядкомъ. Впрочемъ Перепетуя Петровна никакъ не могла удержаться, чтобы не высказать своего неудовольствія Владимиру Андреевичу.

— Позвольте васъ поблагодарить за ваше вниманіе и угощеніе — говорила она, прощаясь съ хозяйками, — мы хоть, конечно, и не богаты, но все-таки понимаемъ что-нибудь, и постараемся съ своей стороны отплатить тѣмъ-же, что сами получили. — Проговоря это, она рѣшительно раскланялась, и ушла въ лакейскую.

На другой день сватъбы въ чайной дома Кураевыхъ происходилъ слѣдующій разговоръ, который ключница Максимовна, пользовавшаяся отъ господъ большимъ довѣріемъ за пятнадцатилѣтнія передъ ними сплетни на всю остальную братію, вела съ одною ея знакомой торговкою:

— Ну что, матушка Марья Максимовна, каковъ вашъ молодой-то баринъ? — спрашивала та.

— Смирненокъ очень, Федотовна; не подь-пару нашей-то, я люблю сказать правду: ей-бы надобно муженька посердитѣе, чтобы побранивалъ, да и поколачивалъ. А этому она скоро голову свернетъ.

— Вишь ты, какое дѣло! — заключила глубокомысленно торговка.

Конецъ первой части.

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

ГЛАВА XII.

ПЕРЕПИСКА.

Il faut si peu de chose à ceux qui ont beaucoup souffert pour les soulager!... Une goutte d'eau est un bienfait dans le désert. Il n'y a que les heureux et ceux à qui rien ne manque qui soient exigeants.

Frédéric Soulié.

Les erreurs de la femme viennent presque toujours de sa croyance au bien, ou de sa confiance dans le vrai.

Balsac.

I.

*Message inattendu, caches-toi sur mon coeur,
Caches-toi, je n'ose te lire!...*

M-me Desbordes-Valmore.

5-е Декабря 18...

О радость! О восторгъ невыразимый
И неожиданный!.... Чѣмъ заслужила я
Такую сладкую отраду?.... кто,
Кто за меня успашно умолилъ
Небесное могущество?....

Письмо ко мнѣ, — и отъ него.... Письмо, о Боже!
Благодарю.... слезами, — не словами!
Онъ пишетъ мнѣ,.... онъ вспомнилъ обо мнѣ,
Онъ издали, въ разлукѣ мною занятъ.
За эту радость я ему прощаю
Все прошлое, всѣ муки, всѣ страданья,
Всѣ пѣни на него! Я позабуду,
Какъ плакала и какъ томилась я:
Лишь радостью, любовью, упоеньемъ
Полна душа во мнѣ, трепещетъ сердце....

Не знаю, что вдругъ вадумалось ему
Участіемъ своимъ меня утѣшить;
Но, кажется, въ письмѣ его я вижу
Не свѣтскую учтивость, не приязнь
Холодную одну: нѣтъ, отголосокъ
Сердечности и чувства нахожу
Я въ строкахъ дорогихъ. Не я одна,
Елена тоже мнѣня моего:
Вчера, когда она мнѣ отдала
Завѣтное письмо, въ глазахъ моихъ
Все смеркло вдругъ отъ страха и волненья:
Я не могла читать. Она взялась, —
И вмѣстѣ мы вникали въ тайный смыслъ
Всѣхъ словъ его, всѣхъ бѣглыхъ выраженій.
Когда мы кончили, Елена мнѣ
Щепнула, улыбалась: «такъ не пишутъ
Къ тѣмъ, кто не милъ или не дорогъ намъ!....»

II.

Письмо Владимира к Эмиль.

Вот съ полгода почти, какъ мы разстались, —
 И можетъ-быть, уже успѣли вы
 Прохожаго угрюмага забыть,
 Который на мгновенье тѣнь свою
 Печальную набросилъ неварокомъ
 На свѣтлый токъ спокойной жизни вашей?...
 Быть-можетъ, этотъ срокъ, имъ прожитой
 Безжизненно, безрадостно, для васъ
 Ознаменованъ былъ какой-нибудь
 Зарюю новой, новымъ пробужденъемъ
 Блаженства или чувства въ вашемъ сердцѣ?
 И въ полгода такъ много жили вы,
 Такъ много отъ него ушли впередъ,
 Что кажется ему, — вотъ онъ вчера
 Еще на васъ глядѣлъ, еще былъ съ вами,
 И съ вами, опечаленный, прощался....
 А вамъ, — а вамъ, прекрасное дитя,
 Все это, какъ минувшее давно,
 Уже смѣшно и непонятно стало?....
 Вы молоды, вы — женщина: для васъ
 Богата жизнь обѣтами, мечтами....
 И будущность золотая впереди
 Васъ издали манить очарованъемъ;
 Я все прошолъ, все пережилъ давно,
 Что можетъ насъ прельстить и обморочить;
 Я бѣденъ ожиданъемъ, и меня
 Надежда не баюкаетъ, не нѣжитъ;
 И если я *впередъ* смотрю, то съ страхомъ
 И твердостью, — готовясь на борьбу,
 На горестный обманъ, а не на радость! —
 И если я еще душою живъ,
 И сердцемъ не увялъ, и еслибъ могъ
 Еще быть счастливъ я, что пользы въ томъ?

Кому какое дѣло до меня?....
И для кого все это пригодится?....

Однако, *васъ* благодарить хочу я,
И долженъ: ваше свѣтлое явленье
Навѣяло поэзію на душу
Мою отцвѣтшую; вы были для меня
Какъ милый призракъ юности забытой,
Какъ легкій и крылатый гость съ небесъ,
Вдругъ встрѣченный среди земныхъ обмановъ!
Я отдохнулъ при васъ; я молодѣлъ
Смотря на вашу молодость живуую!
Вы помирили съ жизнью меня, —
Вы женщинъ предо мною оправдали!
Близъ васъ, при васъ, отъ васъ я научился
Вновь вѣровать и вѣрить, вновь любить
Прекрасное; — да! вы почти меня
Заставили вдругъ глупо замечтаться,
Какъ школьника.... Спасибо и за то!....
Вы милы, вы добры, — быть-можетъ, даже,
И слишкомъ для меня.... Когда, бывало,
Поссорился мы съ вами, иль миримся,
Всѣ вы за что, — когда я васъ дразнилъ,
Чтобъ слышать, какъ умно вы защищались,
Чтобы глядѣть вамъ прямо въ эти глазки
Сердитые, и чудные при томъ,
Вы думали, я васъ не понимаю, —
Цѣнить, какъ должно, васъ я не умѣю?....
Дитя, дитя!!.... Богъ съ вами!.... Вѣрьте мнѣ, —
Я знаю васъ, я знаю цѣну вамъ,
Конечно, лучше, нежели вы сами!
Но глухъ и слѣпъ казался часто вамъ,
Но я нѣмымъ остался, чтобы васъ
Не испугать догадливостью чуткой....,
Чтобъ васъ не сглазить, радость вы моя!
О! счастливъ тотъ, блаженъ, стократъ блаженъ,
Кто царствуетъ надъ вашими мечтами!....
Кто избранъ вашей душой прихотливой,
Кого вы любите! Но вы — ребенокъ!

Не долго, не всегда вамъ объ одномъ
 И томъ-же всё мечтать! его не долго
 Вы будете и помнить и любить....
 Вы встрѣтите, полюбите другого,
 Вамъ сердца первый сонъ смѣнить, и скоро!
 Сонъ новый, сонъ другой.... Такъ быть должно,
 Таковъ порядокъ вѣчный межъ людьми,
 И межъ сердцами ихъ! Сперва мы ищемъ,
 Что старше насъ, испытаннѣй, сильнѣе,
 Чтобъ робкой головой къ нему склониться.
 Такъ слабый плющъ себѣ опоры ищетъ
 У сломанного дуба, и его
 Всей свѣжестью и зеленью своею
 Онъ любить одѣвать и наряжать;
 Мы тоже всё сокровища любви
 Приносимъ въ даръ избранныкамъ сердечнымъ ...
 Потомъ, ужъ въ насъ самихъ проснется сила,
 И властвовать захочется тогда,
 И нѣжнимъ уже мы себялюбиво
 Цвѣтущее растение молодое,
 И аромат его благоуханный
 Вдыхаемъ жадно мы, чтобъ оживить
 Слабующей и обнищавшей жизни
 Въ себѣ струю. Такъ быть должно, сказала я,
 Такъ будетъ съ вами.... Можетъ-быть, сердитесь
 Вы станете за проповѣдь мою,
 И вѣщуна непростеннаго вы
 Съ досадой проклянете?.... ахъ! онъ правъ!
 Такъ будетъ съ вами!.... А теперь пока,
 Вы боретесь съ судьбою вамъ враждебной
 Не сродной вамъ; въ семьѣ чужой, холодной,
 О, бѣдное дитя мое, вамъ трудно,
 Вамъ горько жить! Вы — баловень природы, —
 Столь-щедро одѣленная дарами
 Ея непокупными, — вы, съ душой,
 Съ умомъ и сердцемъ вашимъ бѣднымъ,
 Не знаете, какъ справиться, какъ быть!
 Они для васъ мучительная роскошь,
 И васъ за нихъ преслѣдуютъ всечасно,

Межь-тѣмъ-какъ васъ они гнетутъ богатствомъ
 И лишнимъ, и опаснымъ. Вы, въ томъ домѣ
 Блистательно-спѣсивомъ,
 Какъ странникъ образованный, случайно
 Попавшійся въ плѣнь къ дикимъ племенамъ,
 Гдѣ всѣ ему, и онъ всѣмъ чуждъ; гдѣ слово,
 Потребности и мнѣнія его
 Равно и непонятны и смѣшны....
 И дикари столичной шумной жизни
 Не понимаютъ васъ, — и ихъ вражда
 Вамъ мотить за все высокое, святое,
 Чтѣ небо вамъ дало, чего въ нихъ нѣтъ!
 Терпите, и крѣпитесь, и мужайтесь!
 Готовьтесь къ усиленной борьбѣ;
 Чѣмъ далѣе пойдете вы, чѣмъ выше
 Васъ увлечетъ порывъ молодой души,
 Тѣмъ болѣе враговъ и битвъ найдете
 На каждомъ вы шагѣ! Не унывайте:
 Когда-нибудь, забавившись изъ плѣна,
 Въ иномъ быту, въ кругу другомъ, на волѣ
 Очнетесь вы, и будете тогда
 Самой-собою, достойною себя....
 Поэзій васъ Богъ благословилъ,
 Поэзія васъ вознесетъ далеко
 И высоко! И славы гордый лавръ
 Цвѣтущее чело вамъ обовѣетъ,
 И скажемъ мы тогда, гордяся, сами,
Какъ хороша младая слава наша
И какъ славна родимая краса!
 Впередъ, дитя, — свои расправьте крылья,
 Смѣлый, — лишь опереться вы умѣйте
 На сильную и дружескую руку! —
 Теперь для васъ и пусто и мертво,
Потомъ придетъ, — Богъ не оставитъ васъ,
 Я знаю, вамъ отраденъ, вамъ знакомъ
 Святой пріютъ невозмутимой вѣры;
 Спасайтесь въ немъ! Тамъ свыше озаритъ
 Васъ тихая и свѣтлая надежда!
 А я, вдали отъ васъ, слѣжу съ любовью

Наперсника и брата каждый шагъ ,
 И каждый шагъ привалъ въ пути земномъ ;
 И болѣе, чѣмъ съ дружескимъ участіемъ
 Благословляю васъ отъ всей души,
 И радуюсь за васъ, за васъ боюсь....
 И сладкою надеждой замираю
 За васъ и за себя!.... Пока прощайте !
 Но свидимся-же мы когда-нибудь!.....»

III.

How should I greet thee?...

Byron.

4-го Декабря 18...

Мнѣ надобно его благодарить ,....
 Мнѣ должно отвѣчать безъ замедленья ,
 На добрыя и дружескія рѣчи ,
 На ласковый привѣтъ его письма:
 А я боюсь.... боюсь , чтобъ сердце снова
 Не увлеклось, себя не измѣнило ,
 И лишняго ему не рассказало....
 Разсудокъ мой.... веди моимъ перомъ ,
 И вразуми, и сбереги меня....

IV.

Отвѣтъ Зинаиды на письмо Владимира.

*My heart is feminine , — nor can forget ,
 To all, except one image, madly blind.*

Byron, Don Juan.

Какъ утѣшительны, какъ дороги мнѣ строки
 Гдѣ соучастіе мнѣ ваше говорить!....
 Я въ сердце приняла завѣтные уроки
 И сердце ревностно святыню ихъ хранить.
 Ихъ не забуду я!.... Ихъ смыслъ уважень мною;

Въ нихъ цѣль скрывается высокая моя;
 Они защита мнѣ въ борьбѣ моей съ судьбою,
 И слабой, сирому теперь не буду я....
 Подъ гнетомъ горести, въ минуту испытаній,
 Слова отрадныя я ваши перечту,
 И я увѣрена, что противъ всѣхъ страданій
 Спасительныя въ нихъ я чары обрѣту.

А вы, вы думали, что вѣтреннымъ упрекомъ
 На дружескій совѣтъ я стану отвѣчать?....
 Нѣтъ!.... съ благодарностью, въ довѣрїи глубокомъ,
 Я вашу искренность умѣю оцѣнить.
 Хотя часто разнаго мы съ вами были мнѣнья,
 Хотя ваша опытность пугала разумъ мой,
 Хотя полною надеждою и грѣзою душой
 Я не могу принять уставъ разуверенья,
 Но знайте, — васъ понять умѣла я всегда,
 Я къ вашимъ помысламъ и чувствамъ примѣнилась,
 Я вашимъ умственнымъ величіемъ гордилась,
 И дружбой искренной вполнѣ увлечена,
 Своимъ нисожествомъ я счастлива была!

Уже-ль вы поняли безумныя роптанья,
 Бредъ пламенной души, пѣнявшей на судьбу?....
 Но съ лишней похвалою, — я нахожу, —
 Вы превозносите во мнѣ то дарованье,
 Которого печать случайно я ношу.
 Нѣтъ!.... не горить во мнѣ святое вдохновенье,
 Ни гений, ни талантъ въ удѣлъ мнѣ не даны,
 Не избрало меня въ поэты провидѣнье,
 И лавры вѣчныя не мнѣ обречены:
 Нѣтъ, сильно чувствую, я просто выражаю
 То думы, то мечты, то горести свои;
 Я въ искреннихъ словахъ пылъ сердца изливаю,
 Бумагъ предаю всю исповѣдь души.
 Нѣтъ! пѣсней высреннихъ вы отъ меня не ждите,
 Луча поэзіи во мнѣ вы не ищите,
 Я женщина,.... и женскою душой
 Могу возвыситься любовію одной!....

Я славы не ищу, — и даже не желаю, —
 Пишу не для нея, но для моих друзей!
 Я суетных отрадь молвы не понимаю,
 На лавры вѣчные, на блескъ не посягаю,
 Имъ жажды счастья не утолю своей:
 Какая польза мнѣ, мое-ли имя въ свѣтъ
 Легко изъ устъ въ уста промчится съ похвалою?...
 Что въ постороннихъ мнѣ, въ ихъ мнѣнья и привѣтъ?...
 Не увлечется онѣ ни славой, ни молвой!....
 А я лишь для него и лишь о немѣ мечтала....
 Къ нему порывъ души, къ нему и сердца гласъ!....
 Признаться-ли?... когда такъ пламенно слагала
 Напѣвы я свои, — я только и желала
 Чтобъ онѣ, читая ихъ, задумался хоть разъ....

Достигнута ихъ цѣль — и вѣчному забвенью
 Я предаю стихи счастливые свои!....
 Ихъ складъ простой служилъ признаніямъ любви,
 Нескрытыхъ, пылкихъ чувствъ живому выраженью, —
 Огненныхъ дороги и милы мнѣ они!....
 Какал-бъ слава мнѣ ту радость замѣнила,
 Которая мнѣ грудь и сердце оживила,
 Когда сбывсь мечты любимыя мои?....

Да, рѣдко сны мои имѣютъ исполненье....
 Къ удачамъ, къ счастью не приучилась я, —
 И вы къ борьбѣ съ судьбой готовите меня, —
 Какъ будто вамъ мое извѣстно назначенье?
 Вы мнѣ желаете покорности, терпѣнья, —
 Советуете мнѣ пылъ сердца укротить,
 И чистой вѣры лучъ въ немъ ярко затеплить?....

Ужель забыли вы, что духъ мой слабъ и молодъ,
 Что пресить онъ и ждетъ надеждъ, страстей живыхъ?....
 А счастье?.... а любовь?.... Объ нихъ вы мнѣ ни слова, —

Нѣтъ!.... Есть чреда всему, и воля Провидѣнья

Отъ насъ не требуетъ такого приношенья, —
 Не возпрещаетъ намъ и чувствовать и жить,
 Блаженъ, кому даво влатья сновидѣнья
 Съ небесной истиной въ горячемъ сердцѣ слить....
 Любовь должна начать, что вѣра довершаетъ:
 Любовь житейскую зарю намъ золотить:
 А вѣра намъ закатъ преклонный озаряетъ,
 Разочарованныхъ съ судьбою примиряетъ, —
 И за могилую отраду имъ сулитъ.

Я счастье не жду.... любви желать не смѣю, —
 Но ахъ! невольно мнѣ тоскуется по нихъ!
 Безъ нихъ ничтожна жизнь!.... крестъ горестей моихъ
 Нести безропотно я силы не имѣю.
 Унылымъ, пасмурнымъ порой издалекѣ
 Какъ буря грозная, грядущее мнѣ снится, —
 И если небосклонъ надъ мною прояснится, —
 То все останется въ душѣ моей тоска;
 И если радость мнѣ внезапно улыбнется,
 То все я не могу былую скорбь забыть!
 Пока въ немъ жизнь кипитъ, покуда сердце бьется,
 Мнѣ предназначено и плакать, и любить!

Но вы,.... о! помню я,.... вы вѣрить не хотите,
 Чтобъ сердце женское быть преданнымъ могло,
 Чтобъ взаимностью исполнилось оно;....
 Не вѣрьте,.... но прошу, пока не уличите
 Вы въ вѣтренномъ безпамятствѣ меня, —
 Несправедливостью меня не огорчайте,
 Заранѣ меня не осуждайте, —
 И знайте, что храню къ вамъ свято дружбу я!

V.

Письмо, дрожитъ въ ея рукъ....

Опытанъ.

6-е Декабря 18....

Письмо мое окончено: — оно
 Предо мной лежитъ, и страшно стало
 Его перечтывать.... Боюсь, — рассудокъ
 Отвергнуть то, что сердцемъ внушено;

Отд. I.

Быть опять, — какъ разъ ужъ мнѣ случилось,
 Предамъ огню безумныя слова,
 Которыхъ недостатокъ вѣчный будетъ —
 Избытокъ истины и правды; — мнѣ
 Притворство мудрено и невозможно.

Рышаюся.... читаю.... я довольна: —
 Письмо мое поидеть!.... И скоро, скоро,
 Къ нему безцѣнный взоръ прильнуть съ внимаемъ
 На немъ, поникнувъ долго головой —
 Задумается медленный читатель....
 Ахъ!.... почему я не могу сама
 Въ счастливое письмо оборотиться?....

VI.

*Du bonheur quelle serait l'aurore?...
 Je m'y perdais!
 Mon tour ne venait pas encore,
 Mais j'attendais!*

Gustave Drouineau.

8-е Декабря 18....

Въ душѣ растерзанной, измученной, убитой,
 Зачѣмъ еще живеть, еще горить мечта....
 Зачѣмъ меня порой надежды красота
 Умѣетъ увлекать въ свой рай полу-забытый?....
 Не всё-ли кончилось на вѣки для меня?
 Мой жребій не вполне-ль въ семь мѣръ совершился?....
 Не безъ возврата-ли лучъ радости затмился, —
 Не рѣшена-ль судьба печальная моя?....
 Отъ самыхъ раннихъ лѣтъ о счастья я мечтала,
 Старалась отгадать его молодой душой;....
 Предчувствіе въ удѣлъ любовь мнѣ обвѣщала,
 И я заранѣе удѣлъ хвалила свой....
 Мой умъ мечтательный, мое воображенье,
 Скучали тишиной безсмутною моею,
 Просили сильныхъ чувствъ, и жизни, и волненья,....
 И я, какъ торжества, ждала поры страстей....

Оно исполнилось, безумное желанье, —
 Пришла пора любви, любовь узнала я,...
 Но принесла она и горе и страданья, —
 Но жребій счастьемъ не надѣлалъ меня!....
 Нѣтъ! я ни счастья ни радости не знала,
 Любила, плакала, томилася одна, —
 И нынѣ кончилась надеждъ моихъ череда:
 Разлука хладная ихъ въ сердцахъ разметала, —
 Какъ разметаетъ вѣтръ по небу облака....

Чего-жъ еще теперь всё жду я такъ упорно?
 Чтò улыбается мечтамъ моимъ въ дали?....
 «Я буду!» — онѣ сказали; словамъ его покорна, —
 Я свято жизни лучъ храню въ больной груди,
 Я жду.... чтобъ разъ еще съ *нимъ* на землѣ сойтиться,
 Чтòбъ рѣчь его дошла до слуха моего,
 Чтòбъ въ милый взоръ его мой взоръ могъ погрузиться, —
 Рука моя дрожать и тлѣть въ рукѣ его....

Я жду.... онѣ ждуть вельдѣ!.... Живу, терплю, тоскую....
 Терпѣнье, жизнь и скорбь завѣщана мнѣ *имъ*! —
 Не жить и плакать мнѣ, а пѣть вельдѣ: — живу я,
 И пѣсни всѣ мои полны лишь имъ однимъ....
 Онѣ обѣщались быть, онѣ обмануть не могутъ,
 Онѣ будутъ!.... Я узрю кумира моего!....
 Пускай до той поры тоска мнѣ сердце гложитъ,....
 За всё вознаградитъ меня возвратъ его!

VII.

«I loved, I love you....»

Byron, Don Juan.

15-е Декабря 18....

Ни хладъ разстоянья, ни скука разлуки
 Не могутъ меня измѣнить,
 Съ презрѣнемъ снесу я и горе и муки,
 Любила, люблю я, вѣкъ буду любить!

Пусть люди за чувство меня порицають,
 Пусть будутъ и гвать и винить;

Пусть ихъ сумасшедшей меня называютъ, —
Любила, люблю я, вѣкъ буду любить!

Пусть громъ осужденья, несчастья удары
Должны мою жизнь поразить,
Меня не страшать ни угрозы, ни кары, —
Любила, люблю я, вѣкъ буду любить!
Кумиръ мой далекий, плѣнившись другою,
Легко меня можетъ забыть....
Я я неизмѣнной и страстной душою
Любила, люблю, и вѣкъ буду любить!

VIII.

*Le méridien.... c'est un oiseau moqueur, qui ne retient
rien que les voix, qui font pleurer!*

(L'atelier d'un Peintre, par M-me Desbordes-Walmore).

18-ю Декабря 18....

Случается мнѣ вдругъ придеть на умъ
Иль взглядъ, иль брошенный почти невольно
Въ минуту думъ тревожныхъ, скорби тайной,
Иль слово вѣжное, почти украдкой
Промолвленное мнѣ въ мигъ увдеченья,
Иль что-нибудь, что мнѣ тогда казалось
Многозначительно и полно смысла.
И пораженная, проснуся я, дышу,
Оживлена воспоминаемъ сладкимъ, —
Свидѣтельства любви, примѣту чувства
Ищу во всемъ, во всемъ хочу ихъ видѣть.
Тогда отрадно мнѣ; и сердцу легче;
Тогда о немъ мечтать, могу я вновь,
И скорбь моей мечты не отравляетъ.

Сегодня, въ тихій часъ зари вечерней,
Подъ сумерки, одна, полна волненья,
Львииво на окно облокотясь,
Сидѣла я, — и вдругъ моя рука
Разсѣянно открыла мой альбомъ,

Лежавшій предо мною.... Замелькали
 Сушеные цвѣты, сухіе листья,
 Свидѣтели прогулокъ нашихъ лѣтнихъ,
 Остатки отъ завянувшихъ букетовъ,
 Сокровища, хранимыя съ любовью,
 Въ которыхъ миль и дорогъ мнѣ одинъ
 Его лишь слѣдъ. — И вотъ попался мнѣ
 Ключекъ простой бумаги, гдѣ однажды
 Карандашемъ чертилъ онъ всякій вѣдоръ
 На разныхъ языкахъ, уча меня
 Не понимая бѣгло повторять
 Слова и рѣчи трудныя. Межъ ними
 Случилась фраза цѣлая по-Шведски:
 «Якъ эльскаръ дыгъ!» И говоря ее,
 Онъ на меня смотрѣлъ съ своей улыбкой
 Опасной мнѣ.... Потомъ меня заставилъ
 За нимъ сказать мудренныя слова,
 И объяснилъ, что будто они значать:
 «*Какъ я люблю тебя!*» — Я замолчала,
 И отошла. Но слухъ и сердце знали
 Ужъ наизусть то странное признанье, —
 И часто я потомъ его твердила
 Одна и грустной думѣ предаваясь. —
 Сегодня, нахожу его въ альбомѣ
 Написаннымъ его рукой знакомой;
 И съ радостью и горемъ пополамъ
 Я вскрикнула и громко прочтала.
 «*Якъ эльскаръ дыгъ!*» Вдругъ вздрогнула! — Казалось,
 Не я, онъ, онъ самъ то произнесъ!....
 Я быстро оглянулась.... нѣтъ! ошибка!
 Ошибка сердца глупаго! Все пусто,
 Все тихо! Я по прежнему одна, —
 И слезы заструилися изъ глазъ....
 Я поняла, я разсудила скоро,
 Что мнѣ почудилось, — но долго я
 Въ раздуміи твердила и шептала,
 Какъ чудный талисманъ, какъ заклинанье,
 Магическій девизъ: *якъ эльскаръ дыгъ!*

«Якъ альзкарь дыгъ!.... О! звука небесный.
 Нѣтъ, не забыла я тебя!
 Съ тобою властію чудесной
 Душа сроднилася моя....
 Въ умѣ живетъ, въ устахъ всё влетѣло,
 Въ ухахъ и въ сердцѣ раздается.

Якъ альзкарь дыгъ!

Якъ альзкарь дыгъ любви преданье: —
 Порывомъ сердца увлеченъ,
 Однажды, въ мигъ очарованья,
 Слова тв вымолвилъ мнѣ онъ....
 Я въ упоеніи внимала,....
 И долго вслѣдъ за нимъ-шептала:

Якъ альзкарь дыгъ!

Якъ альзкарь дыгъ въ разлукѣ скучной
 Отрада сердцу моему;
 Языкъ чужой, но сладкозвучный,
 Поилень страстному уму.
 И въ часъ желаннаго свиданья
 Скажу ему, забывъ страданья,

Якъ альзкарь дыгъ!

Графиня Е. П. Раецкая.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕМЕЙСТВО КАВСТОНЪ.

Романъ Бульвера.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

Да будетъ позволено мнѣ назвать ловкими увертками невинныя хитрости, посредствомъ которыхъ я старался списать расположеніе и согласіе моего семейства для исполненія моего плана. Прежде всего я началъ съ Роланда. Мнѣ было легко уговорить его прочесть нѣкоторыя изъ книгъ, присланныхъ мнѣ Тривеніономъ, и наполненныхъ заманчивыми описаніями жизни въ Австралію; и эти описанія нашли столько сочувствія въ его склонности къ блуждающей жизни и свободномъ, полудикомъ умѣ, скрывавшемся подъ его грубой солдатской природой, что казалось, будто онъ первый возбудилъ во мнѣ мое собственное пламенное желаніе. Подобно истощенному трудами Тривеніону, и онъ вздыхалъ о томъ, что уже не моилъ лѣтъ, и самъ раздувалъ огонь, который сожигалъ меня. Когда-же я наконецъ, гуляя какъ-то съ нимъ по дикимъ тундрамъ, и зная его отвращеніе отъ правовѣднія и юристовъ, сказалъ ему:

— И какъ подумаешь, дядюшка, что мнѣ не осталось ничего кромѣ адвокатуры, капитанъ Роландъ сердито воткнулъ палку въ трясину и воскликнулъ:

— Адвокатура! адвокатура съ нескончаемымъ рядомъ плутней! когда передъ вами, сэръ, открывается цѣлый міръ, въ томъ дѣвственномъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца.

— Вашу руку, дядюшка: мы понимаемъ другъ друга. Теперь помогите мнѣ уговорить домашнихъ.

— Типунъ-бы мнѣ на языкъ! что это я сдѣлалъ! — сказалъ, ошалѣвъ, капитанъ; потомъ, подумавъ немного и уставивъ на меня свои темные глаза, онъ проворчалъ: — я подозреваю, сэръ, что вы мнѣ подставили ловушку и что я въ нее попался какъ старый дуракъ.

— Сэръ! Если вы предпочитаете званіе адвоката!...

— Плуть!

— Или я, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ, могу получить мѣсто прикащика въ купеческой конторѣ.

— Въ такомъ случаѣ я вычеркну васъ изъ нашей родословной.

— Такъ да здравствуетъ-же Австралія!

— Хорошо, хорошо, хорошо, — сказалъ дядюшка,

«Съ улыбкой на устахъ, съ слезами на глазахъ,»

кровь ви-кинговъ возьметъ свое: солдатъ или мореходецъ — вамъ нѣтъ другаго выбора. Мы будемъ грустить и жалѣть объ васъ; но кто-же удержитъ въ гнѣздѣ орленка?

Мнѣ было труднѣе убѣдить отца, который сперва слушалъ меня, какъ будто я говорилъ о поѣздкѣ на луну. Но я искусно привелъ греческія Клерухи, о которыхъ упоминалъ и Тривеніонъ, и онъ такъ увлекся любимымъ конькомъ своимъ, что, послѣ краткаго отклоненія въ Эвбею и Херсонесъ, скоро почти-совершенно растерялся въ мало-

азиатскихъ колоніяхъ Юнганъ. Тогда я ловко сбиль его на любимую имъ науку, этнологию, и, въ то время, когда онъ рассуждалъ о происхожденіи американскихъ дикарей и соображалъ притязанія Киммерійцевъ, Израильтянъ и Скандинавовъ, я сказалъ спокойно:

— И вы, сэръ, которые думаете, что всякое усовершенствованіе въ человечествѣ зависитъ отъ смѣшенія породъ, вы, сэръ, чья вся теорія есть не иное что, какъ положительное оправданіе эмиграціи, пересаживанія и взаимнаго усовершенствованія людей, вы менѣ всякаго другаго должны удерживать въ родной землѣ вашего сына, вашего старшаго сына, потому-что вашъ младшій сынъ открыто проповѣдуетъ дальнія странствованія.

— Пизистратъ, — сказалъ мой отецъ, — твое заключеніе синекдоха: оно краснорѣчиво, но не логично.

И съ этимъ, рѣшившись болѣе не слушать ничего, отецъ мой ушелъ въ свой кабинетъ.

Вниманіе его, однакожь, было возбуждено; съ этого времени онъ сталъ пристально слѣдить за моими склонностями и предрасположеніемъ, сдѣлался молчаливъ и задумчивъ и, наконецъ, пустился въ долгія совѣщанія съ Роландомъ. Результатомъ всего этого было, что, однимъ весеннимъ вечеромъ, когда я разсыянно лежалъ въ травѣ и папоротникъ, росшихъ между развалинами, я почувствовалъ прикосновеніе руки къ моему плечу; и батюшка, усѣвшись возлѣ меня на обломкѣ камня, серьезно сказалъ мнѣ:

— Поговоримъ-ка, Пизистратъ; — я ожидалъ лучшаго отъ твоихъ занятій Робертомъ Галлемъ.

— Батюшка, лекарство оказало мнѣ большую пользу: послѣ него я пересталъ жаловаться, и спокойно и весело гляжу на жизнь. Но Робертъ Галль исполнилъ свое призваніе, и я-бы хотѣлъ исполнить мое.

— Да развѣ тебѣ нѣтъ призванія въ родной странѣ? Безпокойная душа! — сказалъ батюшка съ сострадательнымъ укоромъ.

— Что для великихъ людей стремленіе генія, то для людей посредственныхъ инстинктъ призванія. Во всякомъ чловѣкѣ есть невидимая магнитная стрѣла, а въ томъ, что онъ можетъ выполнить лучше всего, лежитъ для него притягательная сила.

— И неужели, — сказалъ отецъ — тебя не привлекаетъ ничто, кромѣ большаго материка Австраліи?

— Сэръ, если вы будете смѣяться, я не скажу ничего больше.

Батюшка нѣжно взглянулъ на меня, когда я грустно и въ смущеніи опустилъ голову.

— Сынъ мой, — сказалъ онъ, — неужели ты думаешь, что я въ самомъ дѣлѣ могу шутить, когда дѣло идетъ о томъ, раздѣлить-ли насъ пространными морями и долгими годами.

Я прижался ближе къ нему и не отвѣчалъ ничего.

— Но я въ послѣднее время наблюдалъ за тобой, — продолжалъ онъ, — и замѣтилъ, что прежнія твои занятія тебя опротивѣли, и (я говорилъ объ этомъ съ Роландомъ) что твое желаніе сильнѣе и основательнѣе, нежели пустая блажь мальчика. Я спросилъ себя, какую будущность представляю тебѣ дома, которою-бы ты удовольствовался, и не вижу ничего такого; поэтому, л-бы сказалъ тебѣ «иди себѣ своей дорогой и помоги тебѣ Богъ», но *твоя мать, Пизистратъ!*

— Увы, сэръ, въ этомъ-то и весь вопросъ, и тутъ я, право, не знаю, что дѣлать. Но чѣмъ-бы я ни былъ, сдѣлайся я адвокатомъ, или займи я общественную должность, мнѣ все-таки придется разстаться съ нею и съ домомъ. Ктому-же она васъ такъ любить, что....

— Нѣтъ, — прервалъ батюшка, — такими доводами не тронешь сердца матери. Здѣсь можетъ дѣйствовать только одно убѣжденіе: тебѣ полезно оставить ее. Если такъ, не нужно лишннихъ словъ. Но не будемъ спѣшить разрѣшеніемъ этого вопроса; останемся вмѣстѣ еще два мѣсяца.

Принеси свои книги и сиди со мной; когда тебѣ захочется проходить, ударь меня по плечу и скажи: «пойдемте.» — Когда пройдутъ эти два мѣсяца, я скажу тебѣ: «ступай» или «останься.» И положишься на меня; а если я скажу послѣднее, ты послушаешься?

— Послушаюсь, сэръ, непременно.

ГЛАВА II.

Заклучивъ этотъ договоръ, батюшка оставилъ всѣ свои занятія; онъ посвятилъ мнѣ всѣ свои мысли, и, своей кроткой мудростью, стараясь отвлечь меня отъ преслѣдовавшей меня идеи, искалъ въ своей пространной книжной аптекѣ лекарствъ, которыя измѣнили-бы систему моихъ мыслей. И едва-ли приходило ему на умъ, что его собственная нѣжность и мудрость дѣйствовали противъ него, потому-что при всякомъ новомъ его усилии сердце мое громко говорило: «Не для того-ли, батюшка, рвусь я отъ тебя въ чужбину, чтобы вознаградить тебя за твою нѣжность и прославить твою мудрость?»

Два мѣсяца прошли, и отецъ мой, видя, что стрѣлка неизмѣнно обращается къ материку Австраліи, сказалъ мнѣ:

— Ступай, успокой свою мать. Я сказалъ ей о твоёмъ намѣреніи и подкрѣпилъ его моимъ согласіемъ, потому-что и самъ теперь убѣдился, что оно принесетъ тебѣ пользу.

Я нашелъ матушку въ комнаткѣ, которую она устроила себѣ возлѣ отцова кабинета. Въ этой комнатѣ было что-то такое, какой-то паѳосъ, котораго я не умѣю выразить словами: въ ея цѣломъ ясно выражалась мягкая, кроткая, женственная душа моей матери. Съ какой заботливостью перенесла она изъ кирпичнаго дома и размѣстила здѣсь всѣ эти милыя ей воспоминанія прошедшаго: черный силуэтъ моего отца въ полномъ академическомъ нарядѣ, въ токъ и мантии (какъ это онъ согласился позировать?), въ рамкѣ и за стекломъ на почетномъ мѣстѣ надъ каминомъ, и ребяческіе эскизы мои въ Эллипскомъ институтѣ; мои первые

опыты сепіей и тушью, висѣвшіе по стѣнамъ, возвращали ее, когда она задумчиво сидѣла тутъ въ сумерки, къ тому счастливому времени, когда они съ Систи бросали другъ въ друга поленья астры; тутъ-же, подъ стекляннѣмъ колпакомъ и тщательно вытираемая каждый день ея собственной рукою, стояла маленькая ваза, купленная Систи на деньги, вырученныя изъ продажи коробочки съ домино, при достопамятномъ случаѣ, когда онъ узналъ, какъ дурное поправляется хорошимъ. Въ одномъ углу было небольшое деревенское фортепіано, которое я помнилъ всю жизнь мою, старомодное, съ дребезжащимъ голосомъ, обличавшимъ близость разрушенія: оно связалось для меня съ такими мелодіями, какихъ мы послѣ дѣтства никогда болѣе не слышимъ! А на скромныхъ полкахъ, такъ нарядно разукрашенныхъ лентами, кистями и шелковыми снурками, стояла матушкина бібліотека, говорившая сердцу болѣе, чѣмъ всѣ эти холодные премудрые поэты, которыхъ души отецъ вызывалъ въ своей Иракліи. Тутъ была: біблія, на которую я, еще не умѣя читать, смотрѣлъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ страхомъ и любовью, когда она лежала открытая на коленяхъ моей матери, толковавшей мнѣ ея истины сладкимъ и важнымъ голосомъ,—собранныя всѣ вмѣстѣ мои первые учебники, и, въ голубомъ съ золотомъ переплетѣ, тщательно обернутомъ въ бумагу, «стихотворенія Каунера», подарокъ моего отца въ то-время, когда онъ ухаживалъ за моей матерью, — драгоценный кладъ, котораго я даже не имѣлъ права трогать и который матушка вынимала только въ дни тяжелыхъ испытаній супружеской жизни, если, напримѣръ, съ разсѣянныхъ устъ ученаго срывалось какое-нибудь неласковое слово. И всѣ эти бѣдныя пенаты, всѣ, казалось, глядѣли на меня съ кроткимъ негодованіемъ; всѣ они какъ-будто говорили мнѣ: «безчувственный, неужели ты оставишь насъ?» И посреди ихъ матушка, убитая горемъ какъ Рахиль, тихо плакала!

— Матушка, матушка! — воскликнулъ я, бросаюсь къ ней на шею, — простите меня.... все прошло.... я не могу разстаться съ вами!

ГЛАВА III.

— Нѣтъ.... нѣтъ! это для твоей пользы.... Остинъ говоритъ. Потъзжай.... это былъ только первый порывъ.

Тогда я открылъ передъ матушкой всю глубину тайпиковъ, скрытыхъ мною отъ ученаго и отъ солдата; я вылилъ передъ нею необузданныя, тревожныя мысли, порожденныя безнадежною любовью, и повѣдалъ ей то, въ чемъ едва-ли прежде сознавался и самому себѣ. И, когда я показалъ ей картину этой темной стороны моей души, я съ больше-гордымъ лицомъ и твердымъ голосомъ разсказалъ ей о лучшихъ надеждахъ и высшихъ цѣляхъ, свѣтившихъ мнѣ сквозь развалины и пустыню и указывавшихъ путь мой.

— Матушка, не говорили-ли вы какъ-то, что вы чувствуете какъ-бы раскаяніе въ томъ, что отецъ мой отжилъ такъ тихо, не обвиняли-ли вы вполонину счастье, дарованное ему вами, въ томъ, что оно убило въ немъ всякое честолюбіе? Не открылось-ли новой цѣли въ моей жизни, когда это честолюбіе было-ожило и вамъ послышались рукоплесканія свѣта вокругъ келіи ученаго? Не раздвѣляли ли вы мечты вашего брата и не восклицали-ли вы: «ахъ, еслибъ мой братъ могъ сдѣлаться орудіемъ его возвышенія!» и когда вамъ показалось, что мы нашли дорогу къ славѣ и богатству, не вырвались-ли у васъ изъ глубины души эти слова: «и мой братъ оплатитъ его сыну за все, чѣмъ онъ мнѣ пожертвовалъ.»

— Мочи нѣтъ, Систи!.... перестань, перестань!

— Нѣтъ, матушка; но неужели вы не понимаете меня? Не многимъ-ли будетъ лучше, что *вашъ сынъ*.... возвратитъ вамъ.... вашему Остину все имъ утраченное, какимъ-бы-то ни было образомъ. Матушка, если черезъ вашего сына вы откроете свѣту геній вашего мужа.... или вы возвратите силу его падшему духу и увѣнчаете славою его исканія.... если вы возвысите знаменитое дѣдовское имя, которымъ гордится бѣдный Роландъ, потерявшій своего сына.... если вашъ сынъ сдумаетъ оживить старыя развалины и поднять

изъ праха весь домъ, въ который вы вошли кроткимъ ангеломъ-хранителемъ?... Если все это будетъ выполнено, оно будетъ вашимъ дѣломъ, потому-что не раздѣлите вы моего честолюбія, не осушите вы этихъ глазъ, не улыбнитесь вы мнѣ и не велите вы мнѣ веселымъ голосомъ пуститься въ путь.... я опять упаду духомъ и опять скажу: я не могу разстаться съ вами!

Матушка обняла меня, и мы оба плакали и не могли говорить.... но мы оба были счастливы.

Г Л А В А IV.

Самое трудное было ужь сдѣлано, и матушка была тверже всѣхъ насъ. И такъ я не шутя сталъ готовиться къ отъезду и слѣдовалъ наставленіямъ Тривеніона съ такою настойчивостью, съ какою въ тѣ раннія лѣта я ни за что бы не могъ посвятить себя мертвой жизни съ книгами. Наши кумберландскія овчарни были для меня хорошей школой первоначальныхъ правилъ простаго хозяйства, свойственнаго жизни пастушеской. М. Сидней, въ своемъ *Australian Hand-Book*, советуеъ молодымъ людямъ, готовящимся въ колонисты этой отдаленной части овіта, предварительно прожить три мѣсяца на бивакахъ въ Салисберійской долинь. Въ то время книга эта еще не была написана, а то-бы я послушался его совѣта; но я дѣлаю, при всемъ должномъ уваженіи къ его авторитету, что я прошелъ рядъ приготовительныхъ занятій не менѣе полезныхъ для будущаго переселенца. Я охотно сходилъ съ добрыми поселянами и рабочими, которые сдѣлалъсь моими наставниками. Съ какой гордостью я подарилъ отцу попиртъ, а матушкѣ рабочій ящикъ моей собственной работы! Я сдѣлалъ Болту замокъ къ поставцу, въ которомъ хранилась посуда и (послѣднее было мое *magnum opus*), поправилъ и положительно пустилъ въ ходъ старинные часы на нашей башнѣ, которые съ незапамятныхъ временъ показывали два часа. И всякій разъ, когда они били, я охотно поддавался мысли, что слышащіе ихъ звонъ будутъ вспоминать обо мнѣ. Но болѣе всего занимали меня стада.

Овцы, которыхъ я пасъ и помогаль стричь, — лѣненовъ, котораго я вытащилъ изъ большаго болота и три почтенныя сѹягныя овцы, которыхъ я вылечилъ во время падежа, возмущавшаго всю окрестность — не принадлежить-ли все это къ твоей исторіи, о *родъ Какстоновъ?*

И теперь, когда большая часть успѣха моихъ пріятій зависѣла отъ отношеній, въ которыя я долженъ былъ поставить себя къ будущему дольщику, я написалъ къ Тривеніону, чтобы онъ попросилъ молодаго человека, который долженъ былъ вхатъ со мной и чѣмъ капиталомъ я долженъ былъ завѣдывать, — пріѣхать навѣстить насъ. Тривеніонъ исполнилъ мое желаніе, и къ намъ пріѣхалъ длинный юноша, ростомъ немного побольше шести футовъ, отвѣчавшій на имя Гай Больдингъ, въ куцой охотничей курткѣ, съ свисткомъ въ одной изъ петлицъ, въ короткихъ сѣрыхъ штанахъ, штиблетахъ и жилетъ съ разнаго рода странными потаенными карманами. Гай Больдингъ прожилъ полтора года въ Оксфордѣ, какъ слѣдуетъ *славному малому*, такъ славно, что въ цѣломъ Оксфордѣ едва-ли нашелся-бы купецъ, въ чьей долговой книгѣ не встрѣтилось-бы его имя.

Отецъ его былъ принужденъ взять его изъ университета, гдѣ онъ ужъ имѣлъ честь быть отставленнымъ отъ экзамена; а когда у молодаго джентельмена спросили, къ какого рода занятіямъ онъ чувствуетъ себя способнымъ, онъ отвѣчалъ, что онъ умѣлъ-бы осадить карету. Старикъ-отецъ, который обязанъ былъ своимъ мѣстомъ Тривеніону, въ отчаяньи обратился къ нему за совѣтомъ, и совѣтъ этотъ даровалъ мнѣ спутника для моихъ странствованій.

Первое впечатлѣніе произведенное, на меня славнымъ малымъ, было глубокое разочарованіе и сильное отвращеніе. Но я рѣшился не быть слишкомъ взыскательнымъ; и, будучи одаренъ счастливой способностью уживаться со всякаго рода характерами (безъ чего человеку лучше и не думать объ Австраліи), я еще до конца первой недѣли отыскалъ столько точекъ соприкосновенія между нами, что мы сдѣлались самыми короткими пріятелями. Его веселость была

неистощима. Препятствія и лишенія были ему ни почемъ. Одно выраженіе: «вотъ забавно!» съ хохотомъ срывалось съ его языка въ такія минуты, когда всякій другой человѣкъ сталь-бы ворчать и браниться. Сбивались-ли мы съ дороги въ непроходимыхъ болотахъ, прогуливали-ли обѣдъ и только что не умирали съ голода, Гай Больдингъ потиралъ руки, которыми онъ могъ-бы пришибить быка, и говорилъ: «вотъ забавно!» Случалось-ли намъ увязнуть въ трясины или заста-вала насъ гроза, приходилось-ли летѣть черезъ голову съ дикихъ жеребцовъ, которыхъ мы принимались объѣзжать, элегическое расположеніе его выражалось опять словами «вотъ забавно!» Но это конечное выраженіе его философіи оставляло его при видѣ открытой книги. Я даже думаю, что, въ то время, онъ не нашелъ-бы ничево смѣшнаго въ самомъ Донъ-Кихотѣ. Этотъ веселый темпераментъ не былъ однако лишенъ чувствительности; едва-ли существовало когда нибудь сердце добрее его сердца; но это сердце постоянно билось подъ такой странной размѣръ, въ родъ размѣра тарантеллы, что было въ безпрестанномъ волненіи. Поэтому-то онъ и былъ одинъ изъ тѣхъ добрыхъ, услужливыхъ малькъ, которые сами никогда не бываютъ спокойны, а, если могутъ, не оставляютъ въ покоѣ и другихъ. Но главный недостатокъ Гая была положительная расточительность. Если бы вы утромъ влили въ его карманы цѣлые потоки золота, они къ двѣнадцати часамъ дня были-бы суше пустыни Загары. Что дѣлалъ онъ съ деньгами—это было тайной и для него и для другихъ. Его отецъ писалъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ онъ разъ кидалъ полукронами въ воробьевъ. Что въ Англіи такого рода молодой человѣкъ не могъ дожить ни до чего хорошаго, это было ясно. Однакожъ известно, что многіе люди, кончавшіе жизнь и не въ рабочемъ домѣ, были въ такой-же степени невоздержны въ отношеніи къ деньгамъ. Когда Шиллеру нечего было больше отдавать, онъ отдавалъ платью, въ которое былъ одѣтъ, а Гольдсмитъ — наволочки съ своей постели. Заботливыя руки домашнихъ считали нужнымъ опораживать карманы Бетговена, передъ тѣмъ, когда онъ выходилъ изъ дома. Завоеватели, не совѣ-

стившіеся грабить весь міръ, были такъ-же расточительны, какъ бѣдные поэты и музыканты. Александръ, при раздѣлѣ добычи, оставилъ себѣ «надежду», а Юлій Цезарь былъ долженъ два милліона, когда пустилъ послѣднюю полукрону въ галльскихъ воробьевъ. Ободренный знаменитыми примѣрами, я надѣялся на Гая Больдинга, тѣмъ болѣе, что онъ самъ до такой степени сознавался въ своей слабости, что остался совершенно-доволенъ распоряженіемъ, вслѣдствіе котораго я сдѣлался его казначеемъ, и даже умолялъ меня не давать ему его собственныхъ денегъ, какъ-бы онъ умильно ни просилъ ихъ у меня. Наконецъ я, въ самомъ дѣлѣ, пріобрѣлъ большое вліяніе на его простую, щедрую, беззаботную натуру, и даже умѣлъ найдти ему предлогъ для бережливости, искусно затронувъ его нѣжныя струны напоминаніемъ о тѣхъ неоцѣненныхъ пожертвованіяхъ, которыми онъ былъ одолженъ своему отцу, и прямой обязанности скопить хоть небольшое приданое маленькой сестрѣ своей, которой будущее состояніе почти до половины было употреблено на уплату его университетскихъ долговъ.

Я выбралъ еще трехъ товарищей для нашей клерухи. Первый былъ сынъ нашего стараго пастуха, недавно женившійся, но еще не успѣвшій обзавестись дѣтьми, хорошій пастухъ и смѣтливый, дѣльный парень. Второй былъ человекъ совсѣмъ другаго свойства: онъ приводилъ въ ужасъ окрестныхъ землевладѣльцевъ. Никто смѣле и хитре его не стрѣлялъ чужой дичи. Знакомство мое съ этимъ новымъ лицомъ, которое звали Вилль Патерсонъ, началось слѣдующимъ образомъ: въ рощицѣ, около мили отъ нашего дома, единственномъ лоскуткѣ земли бѣдныхъ владѣній, который изъ учтивости можно было назвать лѣсомъ, Болтъ подсматрѣлъ и выходилъ выводокъ фазановъ. Эта молодая колонія была опустошена съ неизмовѣрной смѣлостью, и населеніе ея уменьшено, не взирая на двухъ караульчиковъ, сторожившихъ сонъ ея вмѣстѣ съ Волтомъ въ продолженіе цѣлой недѣли. Набѣги были неизмовѣрно-дерзки; сзади, спереди, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сторожей раздавались выстрѣлы, — стрѣлокъ исчезалъ и добыча уносилась прежде, чѣмъ

успевали прибѣжать на мѣсто. По смѣлости и искусству врага, опытные хранители узнали въ немъ Вилля, и до того боялись они его силы и храбрости, такъ безусловно сомнѣвались они въ своей способности спорить съ нимъ въ быстротѣ и хитрости, что послѣ седьмой ночи сторожа положительно отказались продолжать поиски, и бѣдный Болтъ слегъ въ постель въ припадкѣ, который медикъ называлъ-бы ревматизмомъ, а моралистъ досадой, и негодованіе мое и сочувствіе были сильно возбуждены этой оскорбительной неудачей, а любопытство возрасло вслѣдствіе анекдотовъ объ Виллѣ; поэтому, однажды ночью, я вышелъ, вооруженный толстой дубинкой, и направилъ путь къ рошѣ. Деревья еще были покрыты листьями, и я не понимаю, какимъ образом хищникъ могъ различать свои жертвы въ этой чащѣ. Я услышалъ пять выстрѣловъ, увѣнчанныхъ успѣхомъ, и ни разу даже не могъ увидать его. Тогда я пробрался къ опушкѣ и терпѣливо выжидалъ его на одномъ углу, съ котораго зрѣніе обнимало двѣ стороны лѣса. Заря только начинала заниматься, когда онъ показался ярдахъ въ двадцати отъ меня. Я придержалъ дыханье, далъ ему отойти нѣсколько шаговъ отъ роши, проползъ такъ, чтобы отрезать ему отступленіе, и вдругъ выскочилъ, да еще какимъ прыжкомъ! Рука моя была на его плечь.... но пр... пр.... никакой угорь не могъ бѣгъ увертливѣе его. Онъ улизнулъ отъ меня, какъ существо безтѣлесное, и ужъ бѣжалъ по болоту съ быстротой, которая спасла-бы его не отъ одного сельскаго увальня съ тяжелыми башмаками, подбитыми гвоздями. Но знаменитый институтъ классической гимнастикой развилъ въ своихъ питомцахъ способности ко всемъ тѣлеснымъ упражненіямъ, и хотя Вилль Патерсонъ бѣжалъ изрядно для деревенскаго жителя, онъ все-таки не могъ сравниться въ быстротѣ съ юношей, который провелъ свое дѣтство въ основательномъ изученіи лапты, баръ и другихъ не менѣе полезныхъ игръ: — я наконецъ догналъ его.

— Стойте! — сказалъ онъ задыхаясь и наводя на меня ружье, — предварю васъ, что оно заряжено.

— Хорошо, — сказалъ я, — но хоть ты и отчаянный охотникъ, а не посмѣешь выстрѣлить въ человѣка. Отдай ружье, сейчасъ!

Это его удивило, онъ не выстрѣлялъ. Я отвелъ стволъ и подступилъ къ нему ближе. Мы схватились довольно плотно, и покуда мы боролись, ружье выпало. Онъ пустилъ меня.

— Помилуй Богъ! я васъ не ранилъ? — спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Нѣтъ, пріятель, — сказалъ я; — и теперь бросимъ ружье и дубинку и подеремся просто на кулакахъ, какъ слѣдуетъ честнымъ Англичанамъ, или присядемъ да потолкуемъ по-пріятельски.

Вилль почесалъ въ затылкѣ и засмѣялся.

— Странный вы человѣкъ, — сказалъ онъ и, опустивъ ружье, сѣлъ.

Мы поговорили, и я наконецъ добился до того, что Патерсонъ обѣщалъ мнѣ не трогать нашихъ фазановъ, и тутъ мы съ нимъ такъ подружились, что онъ проводилъ меня до дома, и даже, робко и какъ-бы въ извиненіе, просилъ меня принять пятокъ затрѣленныхъ фазановъ. Съ тѣхъ поръ я часто отыскивалъ его. Ему не было и двадцати четырехъ лѣтъ; я узналъ, что онъ занялся своимъ ремесломъ по врожденной склонности къ охотѣ и вслѣдствіе неяснаго убѣжденія, что право охотиться дано ему природой. Я скоро убѣдился, что онъ годенъ на что-нибудь лучшее, нежели на то, чтобы изъ двѣнадцати мѣсяцевъ года проводить шесть въ тюрьмѣ и кончить жизнь на висѣлицѣ за убійство какого-нибудь лѣснаго сторожа. Мнѣ казалось, что такова неминуемо будетъ его участь въ Старомъ-Свѣтъ, почему я и старался возбудить въ немъ желаніе переселиться въ Новый, и онъ, въ самомъ дѣлѣ, много помогалъ намъ въ нашемъ переселеніи.

Третій выборъ мой палъ на человѣка, который мало могъ содѣйствовать намъ физической силой, но у котораго было больше ума (хотя ложно направленнаго), нежели у всѣхъ другихъ вмѣстѣ взятыхъ. Его звали Майльсъ Скуэръ.

Такъ какъ я, быть-можетъ, и не упомяну больше о Майльсъ Скуэръ, то думаю, что не неумѣстно здѣсь сказать, что онъ поѣхалъ со мной въ Австралію и имѣлъ тамъ много успѣха, сперва какъ пастухъ, потомъ какъ управляющій, а наконецъ, какъ землевладелецъ, когда уже накопилъ довольно денегъ, и что, не смотря на свои понятія о войнѣ и другомъ кое-чемъ, онъ, лишь только обзавелся собственнымъ уютнымъ кровомъ, сталъ удивительно-храбро защищать его отъ нападений туземцевъ, имѣвшихъ, по его прежнимъ понятіямъ, одинаковыя съ нимъ права на почву, и что, когда впоследствии онъ приобрѣлъ новой участокъ со всемъ обзаведеніемъ, то написалъ, изданное въ Сидней, сочиненіе о *неприкосновенности права собственности*. Передъ моимъ отъездомъ изъ колоніи, онъ, по случаю неповиновенія двухъ строптивыхъ помощниковъ, принятыхъ имъ по случаю распространенія его владѣній, отличился противу-равенственной рѣчью объ обязанностяхъ слугъ къ наемщикамъ. Въ Старомъ Свѣтѣ врядъ-ли-бы было съ нимъ тоже самое.

ГЛАВА V.

Я не спѣшилъ моими приготовленіями, потому-что независимо отъ моего желанія ознакомиться съ немногими простыми производствами и ремеслами, которыя могли быть нужны при томъ родѣ жизни, гдѣ каждый человекъ составляетъ самостоятельную единицу, естественно, что я хотѣлъ пріучить родственниковъ къ мысли о нашей разлукѣ и доставить имъ въ замѣнъ моей утрачиваемой личности всѣ занятія и развлеченія, какія только могли представиться моему богатому воображенію. Прежде всего, для Бланшь, для Роланда и для матушки, я уговорилъ капитана согласиться на предложеніе моей матери соединить доходы и дѣлить все пополамъ, не обращая вниманія на то, кто сколько принесетъ въ домъ. Я объяснилъ ему, что матушка должна будетъ обходиться безъ многихъ привычныхъ занятій, этихъ домашнихъ удовольствій, необходимыхъ для женщины, если онъ не пожертвуетъ своею гордостью, а въ такомъ случаѣ не возможно будетъ видѣться ни съ кѣмъ изъ сосѣдей, и тогда матушка, не зная куда дѣвать лишнее время, только

и будетъ думать да беспокоиться объ отсутствующемъ. Я даже сказалъ ему, что, если онъ не отступится отъ своей неумѣстной гордости, я буду просить батюшку оставить башню. Стараія мои увѣнчались успѣхомъ; въ старомъ замкѣ начали показываться гости; около моей матери собрался кружокъ кумушекъ; кучки смѣющихся дѣтей разшевелили тихую Бланшь, и самъ капитанъ сталъ веселѣе и общительнѣе. Батюшку просилъ я окончить знаменитое сочиненіе.

— Дайте цѣль моимъ трудамъ, наградите мое прилежаніе — сказалъ я ему. — Отъ васъ зависитъ, чтобы, при видѣ соблазнительнаго удовольствія или порока, покупаемаго дорогой цѣной, меня не оставляла мысль, что я коплю деньги для вашего сочиненія; такъ воспоминаніе объ отцѣ моемъ спасетъ сына отъ заблужденій. Видите, сэръ, м. Тривеніонъ предлагалъ дать мнѣ взаймы 1,500 ф., необходимыхъ для начала моего предпріятія; и вы великодушно и съ перваго-же раза сказали мнѣ: «нѣтъ, ты не долженъ вступать въ жизнь подъ бременемъ этого долга.» Я зналъ, что вы были правы, и согласился съ вами, согласился тѣмъ охотнѣе, что принять что-нибудь отъ отца миссъ Тривеніонъ значило-бы уронить чувство человѣческаго достоинства. Поэтому я взялъ эти деньги у васъ, когда этихъ денегъ почти-бы достало на то, чтобы обезпечить въ свѣтъ судьбу вашего младшаго, вашего лучшаго дѣтища. Позвольте мнѣ возвратить ихъ ему-же, или я не возьму ихъ. Я буду смотрѣть на этотъ капиталъ, какъ на собственность вашего Большаго сочиненія; общайте-же мнѣ, что Большое сочиненіе будетъ кончено, когда вашъ странникъ вернется и отдастъ вамъ отчетъ въ талантѣ, ему ввѣренномъ.

Батюшка позамялся немножко и отеръ очки, какъ-бы подернувшіяся туманомъ. Но я рѣшился не оставлять его въ покоѣ, куда онъ не далъ мнѣ слово, что Большое сочиненіе пойдетъ исполинскими шагами; и я имѣлъ удовольствіе видѣть, что онъ отъ души опять принялся за него, и колесо всей этой тихой жизни опять пошло своимъ обыкновеннымъ ходомъ.

Наконецъ я увѣнчалъ мою дипломатию тѣмъ, что уговорилъ сосѣдняго аптекаря уступить свою практику и помогать Скиллю на условіяхъ, на которыя послѣдній охотно согласился, потому-что онъ, бѣдный, оплакивалъ своихъ любимыхъ пациентовъ, хоть и Богу извѣстно, какъ мало способствовали они къ приращенію его доходовъ. Что касается до моего отца, никто не забавлялъ его больше Скилля, хотя и обвинялъ онъ его въ матеріализмъ, и травилъ его цѣлой стаей спиритуалистовъ, отъ Платона и Зенона до Рейда и Абрагама Туккера.

Хотя я довольно-бѣгло обозначилъ теченіе времени, но съ тѣхъ поръ, какъ мы переселились въ башню, до дня, назначеннаго для моего отъѣзда, прошелъ цѣлый годъ.

Между-тѣмъ, не смотря на рѣдкое появленіе газетъ между нами, мы, однакоже, не до такой степени были отрѣшены отъ происходившаго въ далекомъ отъ насъ свѣтѣ, чтобы не дошло до насъ извѣстіе о перемѣнѣ въ управленіи и о назначеніи Тривеніона къ одной изъ высшихъ должностей государства. Я не продолжалъ моей переписки съ Тривеніономъ послѣ того письма, за которымъ послѣдовалъ пріѣздъ Гая Больдинга; но теперь я письменно поздравилъ его; его отвѣтъ былъ коротокъ и набросанъ на скорую руку.

Больше этого удивило меня и глубже затронуло извѣстіе, доставленное мнѣ мѣсяца три до моего отъѣзда управляющимъ Тривеніона. Разстроенное здоровье лорда Кастльтонъ заставило отложить бракъ, который сначала думали совершить немедленно по достиженіи имъ совершеннолѣтія. Онъ вышелъ изъ университета со всеми академическими почестями и, повидимому, оправлялся уже отъ дѣйствія занятій, которыя для него должны были быть утомительнѣе, чѣмъ для челоѣвка одареннаго болѣе блестящими и быстрыми способностями, какъ вдругъ простудился на одномъ провинціальномъ митингѣ, гдѣ первый шагъ его на поприщѣ общественной жизни вполне оправдалъ самыя горячія надежды его партіи, — схватилъ воспаленіе въ легкихъ, и скончался. Эта рѣзкая противоположность смерти и праха съ одной стороны, съ другой цвѣ-

тущей юности, высокаго званія, несмѣтныхъ богатствъ, самонадѣянныхъ ожиданій славнаго поприща и перспективы счастья, улыбавагося глазами Фанни, — эта противоположность обдала меня страннымъ, невыразимымъ ужасомъ: смерть кажется такъ близка къ намъ, когда она поражаетъ тѣхъ, кому жизнь расточаетъ улыбки и ласки. Откуда это необъяснимое сочувствіе къ сильнымъ мірз, когда клепсидра указываетъ ихъ послѣдній часъ и неумолимая коса рѣжетъ нить ихъ дней? Еслибы знаменитая встрѣча между Александромъ и Діогеномъ произошла не прежде, а послѣ того, какъ первый изъ нихъ совершилъ подвиги, снискавшіе ему имя Великаго, можетъ-быть циникъ и не позавидовалъ-бы ни наслажденіямъ, ни славы героя, ни даже прелестямъ Статиры или тиаръ Мидянина; но если-бы, день спустя, раздался кличъ: «Александръ Великій умеръ,» я убѣжденъ, что Діогенъ забился-бы въ свою бочку и почувствовалъ-бы, что съ тѣнью героя солнце, котораго онъ больше не затмитъ собою, лишилось части своего блеска и тепла. Въ природѣ челоуѣка самаго ничтожнаго и самаго сухаго есть что-то живо сочувствующее всему прекрасному и счастливому, — свойство, которымъ обязанъ онъ надеждѣ и желанію, хоть-бы въ видѣ призраковъ ребяческаго сна.

ГЛАВА VI.

— Зачѣмъ вы здѣсь сидите одни, братецъ? Какъ холодно и тихо между могилами!

— Садитесь возлѣ меня, Бланшь; на кладбищѣ не холоднѣе луга.

Бланшь сѣла подлѣ меня, подвинулась ко мнѣ и положила головку на мое плечо. Мы оба долго молчали; былъ свѣтлый и тихій вечеръ начала весны: розовыя полосы мало-по-малу блѣднѣли на темносѣрыхъ, фантастическихъ тучахъ; на небѣ рисовались верхушки тополей, еще не одѣвшихъ листьями и стоявшихъ стройнымъ рядомъ въ долинѣ между кладбищемъ и горой, увѣчанной развалинами; тѣни ложились мрачно и тяжело на всѣ зеленѣющія деревья кладбища, такъ-что очерки ихъ не ясно сливались съ сумерками; кругомъ была глубокая тишина, которую нарушали только

дроздъ, вылетавшій изъ кустовъ, да толстые листья лавра, какъ-бы не хотя приходившіе въ движеніе и опять погружавшіеся въ безмолвіе. Первые весенніе вечера наводятъ какую-то грусть; это дѣйствіе природы признано всеми, но объяснить его очень трудно. Таинственный процессъ пробужденія жизни, выразившійся еще не почкой и цвѣтомъ, а только большею ясностью воздуха, большимъ продолженіемъ медленно-прибывающихъ дней, менѣе-пронзительною свѣжестью бальзамической атмосферы сумерекъ, болѣе-живою, но еще безпокойною пѣсною птицъ, слетающихся къ своимъ гнѣздамъ, — а подъ этимъ движеніемъ, еще носящимъ снаружи мрачный и дикій характеръ зимы, смутное ощущеніе ежечасно, ежеминутно происходящаго переворота, возвращеніе молодости природы, одѣвающей могучимъ цвѣтомъ голые остовы предметовъ: всѣ эти вѣстники отъ сердца природы къ сердцу челоуѣка естественно трогаютъ и волнуютъ челоуѣка; но отчего они наводятъ грусть? Никакая мысль наша не связываетъ и не объясняетъ эти тихіе и сладкіе голоса. Здѣсь не мысль отвѣчаетъ и умствуетъ, а чувство слышитъ и мечтаетъ. Люди, не разсматривайте этой таинственной грусти строгимъ глазомъ разсудка; ваша логика не объяснитъ вамъ ея проблемы, затверженныя въ школахъ, не опредѣлятъ ея волшебнаго круга. Перубежники двухъ міровъ, — мертваго и живаго, прислушайтесь къ звукамъ и склонитесь душой къ тѣнамъ и образамъ, въ этотъ періодъ превращенія встающимъ изъ таинственнаго перубежнаго міра!

Бланшъ (шопотомъ) О чемъ вы думаете?... скажите, Систи!

Пиэистратъ. Я не думалъ, Бланшъ, а если и думалъ, мысль моя исчезла при первомъ усплнн удержать ее.

Бланшъ (послѣ минуты молчанія). — Я знаю, что вы хотите сказать. Со мной это тоже бываетъ часто... часто, когда я одна. Ну точно та исторія, что Приминисъ рассказывала намъ, помните, вечеромъ: какъ была въ ея деревнѣ женщина, которая видѣла въ кускѣ хрустала, неболь-

ше моей руки,* вещи и людей: они были ростомъ такіе-же, какъ живые; но это были только узоры въ хрусталѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я слышала эту сказку, всякій разъ, когда тетушка спрашиваетъ меня, о чемъ я думаю, мнѣ хочется сказать: я не думаю, я вижу узоры въ хрусталѣ.

Пизистратъ. Скажите *это* батюшкѣ, это ему понравится. Въ этомъ больше философіи, чѣмъ вы думаете, Бланшь. Были очень умные люди, которые думали, что весь міръ «съ его суетой, блескомъ и переворотами» одно видѣніе — узоры хрустала.

Бланшь. И я увижу, увижу насъ обоихъ, и эту звѣздочку, что взошла вонъ-тамъ: я все это увижу въ моемъ хрусталѣ. Когда вы увидите... увидите, братецъ!

И Бланшь опустила головку.

Было что-то особенно-тихое и глубокое въ нѣжности этого ребенка, не имѣвшаго матери, что трогало васъ не поверхностно, какъ громкая, мгновенная ребяческая привязанность, въ которой, видимъ мы, первая игрушка займетъ наше мѣсто. Я поцѣловалъ блѣдное лицо Бланшь и сказалъ:

— И у меня тоже, Бланшь, есть свой хрусталъ; я ужасно разсержусь, когда увижу въ него, что вы сидите однѣ и грустите: это эгоизмъ. Богъ создалъ насъ не для того только, чтобы мы тѣшились узорами хрустала, предавались пустымъ мечтамъ, или грустили о томъ, чему мы помочь не можемъ, а для того, чтобы мы были веселы и дѣятельны и составляли счастье другихъ. Теперь, Бланшь, послушайте, что я вамъ поручу. Вы должны замѣнить меня для всѣхъ, кого я покидаю. Вы должны приносить свѣтъ и радость всюду, куда ни придете вы вашимъ робкимъ и легкимъ шагомъ, къ вашему-ли отцу, когда онъ насупитъ бро-

* Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ западной части Англіи встрѣчается, или по-крайней-мѣрѣ не давно еще встрѣчался, предразсудокъ, что отсутствующихъ можно увидеть въ кускѣ хрустала. Я видѣлъ нѣсколько этихъ волшебныхъ зеркалъ, прекрасно-описанныхъ, между прочими, Спенсеромъ. Онѣ величиной и формой похожи на лебединое яйцо. Не всякій, однако, можетъ разбираться въ зеркалахъ: подобно ясновидѣнію, это особенный даръ.

ви и скрестить руки, (это вы, впрочемъ, всегда дѣлаете), къ моему-ли отцу, когда книга упадетъ у него изъ рукъ и онъ тревожно заходитъ назадъ и впередъ по комнатѣ: тогда подойдите къ нему, возьмите его за руку, усадите его опять за книги и скажите ему тихо: что скажетъ Систи, когда онъ вернется, а ваше сочиненіе не будетъ кончено? А бѣдная матушка, Бланшь! какой вамъ дать совѣтъ для нея, какъ сказать, чѣмъ вы ее успокоите? Бланшь, вкрадитесь въ ея сердце и будьте ей дочерью. Но чтобъ исполнить мое тройное порученіе, недостаточно сидѣть да глядѣть въ ваше стеклушко; понимаете?

— Понимаю, — сказала Бланшь, взглянувъ на меня; слезы катились у нее изъ глазъ, и она съ рѣшимостью сложила руки на груди.

— Мы, сидя на этомъ мирномъ кладбищѣ, собираемся съ духомъ для новой борьбы съ трудностями и заботами жизни, а вотъ, посмотрите, одна за другой восходятъ звѣзды и улыбаются намъ; и эти свѣтлые міры исполняютъ свое назначеніе. И, по всему видимому, чѣмъ больше жизни и движенія въ какой-нибудь вещи, тѣмъ больше приближается она къ Творцу. Всѣхъ дѣятельнѣе и всего покорнѣе своему назначенію, конечно, должна быть душа человѣка. Скоро и пышно вырастаетъ трава изъ самыхъ мѣгилъ, но далеко не такъ скоро, Бланшь, какъ надежда и утѣшеніе изъ людскихъ горестей!

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

Есть прекрасное и оригинальное мѣсто у Данта (которое можетъ-быть не обратило на себя должнаго вниманія), въ которомъ мрачный Флорентинецъ защищаетъ Фортуны отъ нареканій толпы. Онъ видитъ въ ней силу, подобную ангеламъ, опредѣленную Божествомъ на то, чтобы направлять ходъ человѣческаго величія; она повинуется волю Творца, благословенная, не внемлетъ хулящимъ ее, спокойная, на ряду съ прочими ангельскими силами, наслаждается своимъ блаженствомъ.*

Это понятіе не раздѣляется большинствомъ, но еще Аристофанъ, глубоко-понимавшій вещи популярныя, выразилъ его устами своего Плутуса. Плутусъ объясняетъ причину слѣпоты своей тѣмъ, что, будучи еще ребенкомъ, онъ имѣлъ неосторожность посѣщать только добрыхъ людей, что возбудило такую зависть къ немъ въ Юпитеръ, что онъ навсегда лишилъ зрѣнія бѣднаго бога денегъ. Когда на это Хремилъ спрашиваетъ у него: сталъ-ли бы онъ опять посѣщать добрыхъ, еслибы ему возвратили зрѣніе, Плутусъ отвѣчаетъ: «конечно, потому-что я ихъ давно не видалъ.» «Да и я то-же — возражаетъ жалостно Хремилъ — хотъ и смотрю въ оба.»

* Дантъ видимо соединяетъ Фортуны съ вліяніемъ планетъ, какъ понимаютъ его астрологи. Едва-ли Шиллеръ когда-нибудь читалъ Данта; но въ одномъ изъ самыхъ глубокомысленныхъ стихотвореній своихъ онъ такъ-же беретъ за щитъ Фортуны.

Примѣч. Авт.

Но мизантропическій отвѣтъ Хремила сюда не относится, и только отвлекаетъ насъ отъ настоящаго вопроса о томъ, что такое судьба: добрый ангель или слѣпое и ограниченное старое языческое божество. Что касается до меня, я держусь мнѣнія Данта, и если-бъ я хотѣлъ и была-бы у меня въ этомъ мѣстѣ моихъ записокъ дюжина лишнихъ страницъ, я могъ-бы представить на это довольно уважительныхъ причинъ. Какъ-бы то ни было, наше дѣло ясно: на кого бы ни была похожа Фортуна, на Плутуса или на ангела, бранить ее напрасно — не все-ли равно, что кидать камни въ звезду. По моему, если присмотрѣться поближе къ ея дѣйствіямъ, мнѣ кажется, что она хоть разъ въ жизни непременно улыбается каждому человѣку, и если онъ не упуститъ случая воспользоваться ею, она снова навѣщаетъ его, иначе — *itur ad astra*. При этомъ я вспомнилъ случай, прекрасно разсказанный Маріанна въ его исторіи Испаніи, какъ королевская испанская армія была выведена изъ затруднительнаго положенія своего въ ущельи Лозы съ помощью одного пастуха, показавшаго ей дорогу; но — замѣчаетъ Маріанна въ скобкахъ, — нѣкоторые думаютъ, что этотъ пастухъ былъ ангель, потому-что послѣ того, какъ онъ показалъ дорогу, его никогда больше не видали. Тутъ его ангельская природа доказывается тѣмъ, что его только видѣли одинъ разъ и что когда онъ вывелъ войско изъ затруднительнаго положенія, то предоставилъ ему сражаться или бѣжать, по благоусмотрѣнію. Я вижу въ этомъ пастухѣ прекрасное олицетвореніе моего понятія о Фортунѣ, о судьбѣ. Видѣніе между скалъ и ущелій указало мнѣ путь къ большой битвѣ жизни, а тамъ ужь держись и бей крѣпче!

Вотъ я и въ Лондонѣ съ дядей Роландомъ. Конечно, мои бѣдные родители желали-бы проводить искателя приключеній до самаго корабля, но я уговорилъ ихъ остаться дома, зная, что имъ будетъ не такъ страшно разстаться со мной въ виду домашняго очага и покуда имъ можно будетъ сказать себѣ: теперь онъ съ Роландомъ, онъ еще не выѣхалъ изъ родины.... И такъ, слово прощанья было ска-

зако. Но Роланду, старому солдату, нужно было дать мнѣ столько практическихъ наставленій, онъ могъ мнѣ быть такъ полезенъ въ выборѣ вещей, которыя мнѣ надо было взять съ собой и въ приготовленія къ моему путешествію, что я рѣшился не разставаться съ нимъ до конца. Гай Больдингъ, который поѣхалъ прощаться съ своимъ отцомъ, долженъ былъ отыскать меня уже въ Лондонѣ, такъ-же какъ и мои прочіе второстепенные, кумберландскіе спутники.

Такъ какъ мы съ дядей были одного мнѣнія касательно экономическаго вопроса, то мы и поселились съ нимъ въ одной изъ гостинницъ Сити; здѣсь я впервые узналъ такую часть Лондона, знакомствомъ съ которой похвалились-бы не многіе изъ моихъ благовоспитанныхъ читателей. Я и не думаю смѣяться надъ Сити, мой почтенный алдерменъ: это пошло и старо. Я не намекаю ни на какія особенныя улицы или переулки; то, что меня теперь занимаетъ, можно видѣть въ западной части Лондона не такъ хорошо, какъ въ восточной, по все-таки и тамъ можно видѣть крыши домовъ.

ГЛАВА II.

О крышахъ.

Крыши! Какое отрезвляющее дѣйствіе ихъ видъ производитъ на душу! Но много нужно условій, чтобы хорошенько выбрать точку зрѣнія для этого. Недостаточно поселиться на чердакъ: ваши ожиданія будутъ обмануты, если вашъ чердакъ выходитъ на улицу. Во-первыхъ вашъ чердакъ долженъ непременно выходить на дворъ; во-вторыхъ домъ, къ которому онъ принадлежитъ, долженъ немного возвышаться надъ окружающими его домами; въ-третьихъ окно не должно быть въ одной плоскости съ крышей — въ такомъ случаѣ зрѣлище ограничится частью того свинцоваго купола, который самолюбивые Лондонцы называютъ небосклономъ; оно должно быть отвѣсно и не закрыто до половины парашетомъ рва, обыкновенно называемаго желобомъ; наконецъ перспектива должна быть такъ устроена, чтобы вамъ нигдѣ не было видно мостовой; если-же вы хоть разъ увидите жизнь дола, все очарованіе этого горняго

міра будетъ разрушено. Положимъ, что всѣ эти условія выполнены: отворите окно, подоприте подбородокъ объими руками, уткните покойно локоть въ косякъ и созерцайте необыкновенное явленіе, открывающеця передъ вами. Вамъ трудно повѣрить, чтобы жизнь могла быть такъ спокойна вверху, когда она внизу такъ шумна и тревожна. Какое удивительное спокойствіе! Эллиотъ Уарбѣртонъ (соблазнительный чародѣй) совѣтуетъ спуститься внизъ по теченію Нила тому, кто хочетъ убаюкать взволнованный духъ свой. Легче и дешевле нанять чердакъ въ Гольборнѣ. У васъ не будетъ крокодиловъ, но будутъ за то животныя, не менѣе ихъ почитаемыя Египтянами, кошки. И какъ много гармоніи между ландшафтомъ и этими кроткими созданіями; какъ тихо онѣ скользятъ въ отдаленіи, останавливаются, оглядываются и исчезаютъ. Только съ чердака вы можете оцѣнить живописность нашихъ домашнихъ тигровъ. Серну надо видѣть въ Альпахъ, кошку — на крышѣ.

Мало-по-малу глазъ начинаетъ различать подробности предстоящаго зрѣлища; во-первыхъ, какое фантастическое разнообразіе въ вышинѣ и формахъ печныхъ трубъ. Однѣ столтъ ровнымъ рядомъ: тѣ однообразны и красивы, но ни мало не занимательны; другія, напротивъ, поднимаются черезъ мѣру и непременно заставляютъ васъ доискиваться причины такой вышины. Разсудокъ говоритъ, что это только домашнее средство дать болѣе свободный выходъ дыму, между-тѣмъ какъ воображеніе представляетъ вамъ и копоть, и дымъ, и хлопоты, и заботы, досаждавшія владѣтелю самой высокой трубы до того времени, когда онъ, поустроивъ ее, освободился отъ всѣхъ этихъ неудобствъ. Вамъ представляется отчаяніе кухарки, когда мрачный губитель «какъ волкъ на долину» пускается на праздничное жаркое. Вы слышите возгласы хозяйки (можетъ быть новобрачной — домъ только что отстроены), вышедшей въ гостиную въ бѣломъ передникѣ и чепчикѣ и вдругъ встрѣченной веселой пляской монадъ, собирательно называемыхъ сажею. Вы справедливо негодуете на неуча молодого, который, преслѣдуемый дымомъ, выбѣгаетъ изъ двери и кричитъ, что его опять выкурили и что онъ от-

правится объѣдать въ клубъ. Все это могло происходить, когда труба еще не была поднята на нѣсколько футовъ ближе къ небу, а теперь, можетъ быть, долго-страдавшее семейство самое счастливое въ цѣлой улицѣ. Сколько выдумокъ, чтобъ отдѣлаться отъ дыма! Не всѣ только надстраиваютъ свою трубу, другіе покрываютъ ея вершину всякаго рода наколками и колпаками. Здѣсь привилегированные снаряды вертятся, какъ флюгера, во всѣ стороны вмѣстѣ съ вѣтромъ; другіе стоятъ на мѣстѣ, какъ будто-бы рѣшили дѣло однимъ *sic jubeo*. Но изъ всѣхъ этихъ домовъ, мимо которыхъ проходишь по улицѣ, не подозревая, что дѣлается внутри ихъ, нѣтъ и одного на сотню, гдѣ-бы хоть когда-нибудь не хлопотали, чортъ знаетъ какъ, о томъ, чтобы печи не дымили. Въ этомъ случаѣ и философія отказывается и рѣшаетъ, что, гдѣ-бы мы ни жили, въ жилищѣ или въ палатахъ, первое дѣло — заняться очагомъ и обезпечить себя отъ дыма.

Новыя красоты останавливаютъ наше вниманіе. Какое безконечное разнообразіе спусковъ и возвышеній: здѣсь отлогость, тамъ острый уголъ! Съ какимъ величественнымъ презрѣніемъ возвышается кровля тамъ, на-лѣво. Безъ сомнѣнія, это палата генія или *джина* (последнее есть настоящее арабское наименованіе духовъ, строившихъ изъ ничего дома, служившіе Аладдину). При одномъ видѣ крыши этого дворца, какъ свѣтлы становятся ваши созерцанія. Можетъ-быть на его вершинѣ блеститъ звезда, и вы далеко уноситесь въ сладкихъ мечтахъ, тогда какъ внизу, у порога....нѣтъ, грустные призраки, мы не видимъ васъ съ нашего чердака. Посмотрите, какой крутой спускъ, какъ бѣденъ и ветхъ видъ этой крыши! Тотъ, кто прошелъ-бы пѣшкомъ черезъ это ущелье, котораго мы видимъ однѣ живописныя вершины, долженъ заткнуть носъ, отворотить глаза, придержать карманы и поспѣшно выбираться изъ этого отвратительнаго притона мрачныхъ лондонскихъ лаццарони. Но когда вы смотрите на нее съ-высока, какъ живописно рисуется ея силуэтъ. Непозволительно было-бы замѣнить этотъ картинно-расположенный провалъ мертвою поверхностью однообразныхъ и скучныхъ крышъ. Взгляни-

те сюда: какъ восхитительно! этотъ разоренный домъ совсѣмъ безъ крыши, опустошенъ и обезображенъ послѣднимъ лондонскимъ пожаромъ. Вы можете различить зеленые съ бѣлымъ обои, еще не оставшіе отъ стѣны, и мѣсто, въ которомъ когда-то устроенъ былъ шкафъ; черныя тѣни, скопившіяся тамъ, гдѣ прежде былъ очагъ. Увидьте вы его снизу, — какъ скоро прошли-бы вы мимо! Эта большая трещина предвѣщаетъ обвалъ; кажется, вы-бы придержали дыханіе, чтобъ онъ не обрушился вамъ на голову. Но когда вы смотрите свысока, сколько любопытнаго и занимательнаго представляетъ вамъ остовъ этой развалины. Силою воображенія вы вновь населяете этѣ комнаты; люди, беззаботно прощаясь другъ съ другомъ, отходятъ ко сну, не зная, что имъ грозитъ участь Помпей; мать на цыпочкахъ пробирается къ малюткѣ съ тѣмъ, чтобы еще разъ взглянуть на него. Ночь: все погружено въ мракъ и тишину; вдругъ выползаетъ багряный змѣй. Слышите его дыханіе, его свистъ? Вотъ онъ извивается, вотъ онъ высоко поднимаетъ гордую грудь и алчный языкъ! Сонъ прерывается, люди бросаются изъ стороны въ сторону, мать бѣжитъ къ колыбели, въ окнѣ раздается крикъ, стучать въ двери, сверху бѣгутъ къ лѣстницамъ, ведущимъ внизъ къ безопасности, и дымъ поднимается высоко, какъ адское курево. Всѣ отскакиваютъ задушенные и ослѣпленные; полъ качается подъ ними какъ челнокъ на водѣ. Вотъ раздается громкій стукъ колесъ, подъѣзжаютъ пожарныя трубы. Ставьте лѣстницы: вотъ тутъ, сюда, къ окну, гдѣ стоитъ мать съ груднымъ ребенкомъ! Пѣнясь и кипя плещетъ вода, пламя слабѣетъ и вдругъ опять разливается, врагъ вызываетъ на бой врага, стихія стихію. Какъ великопѣнна эта борьба! Но давайте лѣстницу.... лѣстницу, вотъ сюда, къ окошку! Всѣ другіе спаслись: прикащикъ съ книгами, адвокатъ съ долговыми обязательствами въ жестяномъ футлярѣ, хозяинъ дома съ страховымъ полисомъ, купецъ съ банковыми билетами и золотомъ; всѣ спасены, кромѣ матери съ ребенкомъ. Что за толпа на улицахъ, какъ дико пламя окрашиваетъ любопытныхъ, сколько ихъ! Всѣ этѣ лица

слились какъ - бы въ одно лицо, выражающее страхъ. Никто не рѣшается взобраться по лѣстницѣ. Такъ.... молодецъ, Богъ подалъ тебѣ благоую мысль, Богъ поможетъ тебѣ! Какъ явственно я его вижу. Его глаза закрыты, зубы стиснуты; чудовище поднялось, оно лижетъ его своимъ языкомъ, обхватываетъ раскаленнымъ дыханьемъ. Толпа отхлынула, какъ море, и густо надъ нею клубится дымъ. Что это такое виднѣется на лѣстницѣ, вотъ оно подходитъ ближе и ближе — тутъ съ трескомъ валятся черепицы— горе, ахъ! нѣтъ, раздается крикъ радости «слава Богу»,—и женщины пробиваются сквозь толпу мужчинъ къ ребенку и его матери. Все исчезло: остался одинъ остовъ развалины. Но развалина видна *сверху*. Искусство! изучай жизнь съ кровель.

ГЛАВА III.

Мнѣ опять не удалось видѣть Тривеніона. Засѣданій не было по случаю Свѣтой недѣли, и онъ отправился къ одному изъ своей братьи министровъ, куда-то въ сѣверную часть Англїи. Но леди Эллиноръ была въ Лондонѣ и приняла меня: ничто не могло быть радушиѣе ея обращенія, хотя видъ ея, блѣдный и истомленный, выражалъ какую-то грусть.

Послѣ самыхъ ласковыхъ разспросовъ о моихъ родителяхъ и капитанѣ, она съ большимъ сочувствіемъ стала говорить о моихъ планахъ и предположеніяхъ, которыя, говорила она, передалъ ей Тривеніонъ. Дѣльная заботливость моего прежняго патрона (не смотря на его неудовольствіе за то, что я не принялъ предложенной имъ ссуды) не только спасла меня и моихъ спутниковъ отъ хлопотъ бумажныхъ, но и снабдила насъ совѣтами о выборѣ мѣстоположенія и почвы, внушенными практическимъ знаніемъ дѣла и которые впоследствии были для насъ чрезвычайно-полезны. Когда леди Эллиноръ вручила мнѣ небольшую связку бумагъ съ замѣтками на поляхъ руки Тривеніона, она сказала съ полу-вздохомъ:

— Албертъ просилъ меня сказать вамъ, что онъ очень желалъ бы такъ вѣрнуть своему успѣху въ кабинетъ, какъ вашему въ Австраліи.

За тѣмъ она обратилась къ видамъ и надеждамъ своего мужа, и лицо ея стало измѣняться. Глаза ея заблестали, краска выступила на щеки.

— Но вы одинъ изъ тѣхъ, которые знаютъ его — замѣтила она. — Вы знаете, какъ онъ жертвуетъ всѣмъ: радостью, досугомъ, удовольствіемъ, для своего отечества. Въ его природѣ нѣтъ ни одного себялюбиваго помысла. И все эта зависть, эти препятствія! А ктому-же (глаза ея склонились на ея платье, и я увидѣлъ, что оно было траурное, хоть и не глубокое) небу угодно было отнять у него того, кто былъ-бы достоинъ связи съ нимъ.

Я былъ тронутъ за гордую женщину, хотя ея смущеніе, повидимому, болѣе проистекало изъ самолюбія, нежели изъ настоящей грусти. И, можетъ быть, высшее достоинство лорда Кастльтопъ, въ ея глазахъ, заключалось въ томъ, что онъ долженъ былъ послужить вліянію ея мужа и ея личному честолюбію. Молча наклонилъ я голову и задумался о Фанни. А она, жалѣла-ли о потерянномъ величій или грустила объ утраченномъ любовникѣ?

Спустя мгновеніе, я сказалъ нерѣшительно:

— Не знаю, до какой степени мнѣ дано право горевать съ вами, леди Эллиноръ, но, вѣрьте, не много вещей такъ непріятно поразили меня, какъ смерть, на которую вы намекаете. Надѣюсь, что здоровье миссъ Тривеніопъ не очень пострадало. Не увижу я ея до моего отъѣзда изъ Англій?

Леди Эллиноръ устала на меня вопросительно свои чудные глаза и, вѣроятно оставшись довольною испытаніемъ, потому-что протянула мнѣ руку съ нѣжной искренностью, сказала:

— Еслибъ у меня былъ сынъ, первымъ желаніемъ моимъ было-бы, чтобы вы женились на моей дочери.

Я вздрогнулъ, румянецъ выбѣжалъ на мои щеки, потому я сдѣлался блѣденъ какъ смерть. Я съ упрекомъ

взглянулъ на леди Эллиноръ и слово «безжалостная!» замерло на моихъ устахъ.

— Да — продолжала леди Эллиноръ грустно — это была моя мысль и мое сожалѣніе, когда я увидѣла васъ впервые. Но, при настоящихъ обстоятельствахъ, не считайте меня черезъ-чуръ суетною и безчувственною, если я напомню вамъ французскую поговорку: *noblesse oblige*. Слушайте, мой юный другъ: мы, можетъ-быть, никогда не встрѣтимся опять, и я бы не хотѣла, чтобъ сынъ вашего отца дурно думалъ обо мнѣ, при всѣхъ моихъ слабостяхъ. Съ ранняго дѣтства я была честолюбива, не такъ какъ обыкновенно женщины, на богатство и знатность, а какъ благородные мужчины, на власть и славу. Женщина можетъ удовлетворить такое честолюбіе только — если осуществить его въ другомъ. Не богатство, не знатность влекла меня къ Алберту Тривеніонъ, а его натура, которая умѣетъ обойтись безъ богатства и распорядиться знатнымъ. И можетъ-быть (продолжала она слегка-дрожащимъ голосомъ) и встрѣтила я въ моей молодости челоуѣка, прежде нежели знала Тривеніона (она замолчала и продолжала скорѣе), которому, чтобы осуществить мой идеалъ, недоставало только честолюбія. Можетъ быть, что, выходя за мужъ, — говорила, по любви — я меньше любила сердцемъ, нежели всѣмъ умомъ. Теперь я могу сказать это, теперь, когда каждый ударъ этого пульса для того, съ кѣмъ я мечтала, предполагала, надѣялась, съ кѣмъ росла я за одно, съ кѣмъ я дѣлила борьбу, а теперь дѣлю торжество, осуществляя такимъ образомъ видѣніе моей юности!

Опять заблестали яркимъ свѣтомъ очи этой дщери большаго свѣта, превосходнаго типа этого нравственнаго противорѣчія — честолюбивой женщины.

— Не умѣю сказать вамъ — продолжала леди Эллиноръ спокойнѣе — какъ я обрадовалась, когда вы поселились-было у насъ. Отецъ вашъ, быть-можетъ, говорилъ вамъ обо мнѣ и о нашемъ первомъ знакомствѣ?

Леди Эллиноръ вдругъ остановилась и опять посмотрѣла на меня. Я молчала.

— Можетъ-быть онъ и обвинялъ меня? — прибавила она, опять краснѣя.

— Никогда, леди Эллиноръ.

— Онъ имѣлъ право на это, хотя и сомнѣваюсь я, что обвинилъ-бы меня за дѣло. Однакоже нѣтъ; онъ никогда не могъ оскорбить меня такъ, какъ, давно уже, оскорбилъ м. де-Какстонъ въ письмѣ, котораго горечь обезоруживала всякій гнѣвъ, гдѣ упрекалъ меня, что я кокетничала съ Остиномъ, съ нимъ даже! Онъ, по-крайней-мѣрѣ, не имѣлъ права упрекать меня, — продолжала леди Эллиноръ горячѣе и презрительно приподнявъ свою губу, — потому-что, если я и питала сочувствіе къ его необузданной жаднѣ романической славы, это было въ той надеждѣ, что избытокъ жизненности одного брата возбудитъ другаго къ честолюбію, которое сдѣлало-бы пользу его уму и подстрекнуло энергію. Но это теперь все старыя сказки о глупостяхъ и иллюзіяхъ: я скажу только то, что, всякій разъ, когда я думаю о вашемъ отцѣ и даже о дядѣ, я чувствую, что моя совѣсть напоминаетъ мнѣ о долгѣ, который мнѣ хочется заплатить, если не имѣ, такъ ихъ дѣтямъ. По этому, съ первой минуты, какъ я увидѣла васъ, повѣрьте мнѣ, ваши интересы, ваша карьера сейчасъ вошли въ число моихъ заботъ. Но я ошиблась, увидѣвъ ваше прилежаніе къ предметамъ серьезнымъ и вашъ свѣжій и не по лѣтамъ дѣльный умъ; и, вся погруженная въ планы и соображенія, далеко превышающія обыкновенный кругъ домашнихъ занятій женщины, я ни разу не подумала, когда вы поселились у насъ, объ опасности для васъ или Фанни. Вамъ больно, простите меня; надо-же мнѣ оправдаться. Повторяю, что если-бъ у насъ былъ сынъ, который могъ-бы наследовать наше имя и нести бремя, которое свѣтъ возлагаетъ на родившихся для вліянія на судьбы другихъ людей, нѣтъ человека, которому-бы и Тривеніонъ и я съ такой охотою ввѣрили счастье дочери, какъ вамъ. Но дочь моя единственная представительница женской линіи и имени отца: одно ея счастье нельзя мнѣ класть на вѣсы, а и ея долгъ, долгъ ея рожденію, карьерѣ благороднѣйшаго изъ патріо-

товъ Англіи , долгъ ея — говорю безъ преувеличенія — къ странѣ, которой посвящена вся эта карьера!

— Довольно, леди Эллиноръ, довольно: я васъ понимаю. У меня нѣтъ надежды, никогда не было надежды; это было безуміе, оно прошло. И только, какъ другъ, спрашиваю я опять, можно-ли мнѣ видѣть миссъ Тривеніонъ при васъ, прежде... прежде нежели отправлюсь я въ эту долгую, добровольную ссылку, для того чтобы — почему знать? — оставить прахъ мой въ чужой землѣ! Да посмотрите мнѣ въ лицо: вамъ нечего бояться за мою рѣшимость, за мою искренность, за мою честь. Но въ послѣдній разъ, леди Эллиноръ, въ послѣдній! Ужели просьбы мои напрасны?

Леди Эллиноръ была, видимо, неимоверно-тронута. Я стоялъ какъ-бы собираясь упасть на колѣни. Отеревъ свои слезы одной рукой, она нѣжно положила другую мнѣ на голову и тихо произнесла:

— Умоляю васъ не просить меня; умоляю васъ не видѣться съ моей дочерью. Вы доказали, что вы не эгоистъ; докончите побѣду надъ собой. Что сдѣлаетъ такое свиданье, какъ-бы вы ни были осторожны, какъ не взволнуетъ мою дочь, возмутитъ ея миръ....

— Не говорите этого: она не раздѣляла моихъ чувствъ.

— Если-бъ и было противное, можетъ-ли въ этомъ сознаться ея мать? Когда вы вернетесь, всѣ эти сны будутъ забыты; тогда мы можемъ встрѣтиться по старому, я буду вашей второю матерью, и опять ваша карьера будетъ моей заботой; но не думайте, что мы дадимъ вамъ прожить въ этой ссылкѣ столько, сколько вы, по видимому, располагаете. Нѣтъ, нѣтъ: это путешествіе, экскурсія, отнюдь не поѣздка за состояніемъ. Ваше состояніе, ваше счастье — предоставьте ихъ намъ, когда вы вернетесь!

— Такъ я не увижу ея больше! — прошепталъ я, всталъ и молча пошелъ къ окну, чтобъ закрыть лицо. Большія борьбы жизни ограничены мгновеніями. На то, чтобы склонить голову на грудь, чтобы прижать руку къ брови, мы издерживаемъ едва секунду изъ дарованнаго намъ писаніемъ семидесятилѣтія, но какой переворотъ подъ-часъ

совершается внутри насъ , откуда эта маленькая песчинка неслышно падаетъ въ клепсидръ.

Твердою стопую возвратился я къ леди Элиноръ и спокойно сказалъ:

— Разсудокъ говорить мнѣ, что вы правы, и я покоряюсь, простите меня! и не считайте меня неблагодарнымъ и чрезмѣрно-гордымъ, если я прибавлю, что вамъ надо оставить мнѣ ту цѣль въ жизни, которая утѣшаетъ меня и поощряетъ во всѣхъ случаяхъ.

— Что такое?—спросила леди Элиноръ нерѣшительно.

— Независимость для меня самого и достатокъ для тѣхъ, кому жизнь еще сладка. Вотъ моя двойная цѣль, а средства достигнуть ее должны быть мое собственное сердце и мои собственныя руки. Прошу васъ передать вашему супругу мою признательность и принять мои горячія молитвы за васъ и за нее, кого я не хочу называть. Прощайте, леди Элиноръ.

— Нѣтъ, не оставляйте меня такъ скоро. Мнѣ нужно обо многомъ поговорить съ вами, разспросить васъ. Скажите, какъ вашъ батюшка переноситъ свои потери? скажите, есть-ли надежда, что онъ позволитъ намъ сдѣлать что-нибудь для него? При настоящемъ вліяніи Тривеніона, въ его распоряженіи много мѣсть, которыя пришлись-бы по вкусу прихотливой лѣни ученаго. Будьте откровенны!

Я не могъ противостоять такому участию, опять съѣлъ и, какъ умѣлъ спокойнѣе, отвѣчалъ на вопросы леди Элиноръ и старался убѣдить ее, что отецъ мой чувствуетъ свои потери лишь на столько, на сколько онъ касаются меня, и что не въ силахъ Тривеніона вырвать его изъ его уединенія или вознаградить его чѣмъ-нибудь за перемѣну въ его привычкахъ. — За тѣмъ, послѣ моихъ родителей, леди Элиноръ спросила о Роландѣ, и, узнавъ, что онъ пріѣхалъ въ городъ со мной, изъявила непремѣнное желаніе видѣть его. Я сказалъ, что передамъ ему ея желаніе, а она задумчиво спросила:

— У него есть сынъ, кажется, и я слышала, что между ними была какая-то размолвка.

— Кто могъ вамъ сказать это? — спросилъ я удивленный, зная, какъ тщательно дядя скрывалъ тайны своихъ семейныхъ неприятностей.

— Я слышала отъ кого-то, кто зналъ капитана Роланда, забыла я, когда и гдѣ, но дѣло не въ томъ.

— У Роланда нѣтъ сына.

— Какъ?

— Его сынъ умеръ.

— Какъ эта потеря должна была огорчить его!

Я не отвѣчала.

— Но вѣрно-ли, что его сынъ умеръ? Какая бы радость, еслибъ это была ошибка, еслибъ сынъ его оказался живъ!

— У дяди твердый характеръ и онъ смирился; но, простите мое любопытство, слышали вы что-нибудь объ этомъ сынѣ?

— Я? что мнѣ слышать? Но мнѣ бы хотѣлось послушать отъ вашего дяди все, что согласился-бы онъ повѣрить мнѣ о своемъ горѣ, и есть-ли кака-нибудь надежда на то, что....

— На что?

— На то, что сынъ его живъ.

— Не думаю — сказалъ я — и сомнѣваюсь, чтобы вы могли узнать что-нибудь отъ дяди. А въ вашихъ словахъ есть что-то двусмысленное, что заставляетъ меня подозревать, что вы знаете болѣе, нежели хотите сказать.

— Дипломатъ! — сказала леди Элиноръ, полу-улыбаясь; потомъ, придавъ своему лицу строгое и серьезное выраженіе, она прибавила: — страшно подумать, что отецъ можетъ ненавидѣть своего сына!

— Ненавидѣть? Роландъ ненавидѣлъ своего сына! Что это за клевета?

— Такъ это неправда? Удостоверьте меня въ этомъ: я буду такъ счастлива, если узнаю, что меня обманули.

— Могу увѣрить васъ въ этомъ, но болѣе ничего сказать не могу, потому что больше ничего не знаю: если когда-нибудь отецъ сосредоточивалъ на сынѣ божь, на-

дежду, радость, горе, все отражающееся на отцовскомъ сердцѣ, отъ тѣней на жизни сына, такимъ отцомъ былъ Роландъ, покуда былъ живъ его сынъ.

— Я не могу не вѣрить вамъ! — воскликнула леди Элиноръ тономъ удивленія. — Я непременно хочу видѣть вашего дядю.

— Я употреблю всѣ силы на то, чтобъ онъ навѣстилъ васъ и узналъ отъ васъ то, что вы явно скрываете отъ меня.

Леди Элиноръ отыгралась неопредѣленнымъ отвѣтомъ, и вслѣдъ за этимъ я покинулъ домъ, гдѣ я узналъ счастье, которое приноситъ безуміе, и горе, которое даетъ мудрость.

ГЛАВА IV.

Я всегда питалъ теплую и нѣжную сыновнюю привязанность къ леди Элиноръ, независимо отъ ея родства съ Фанни и благодарности, которую порождало во мнѣ ея расположеніе, ибо есть привязанность, по природѣ своей чрезвычайно-своеобразная и иногда доходящая до высокой степени, которая происходитъ отъ соединенія двухъ чувствъ, не часто связанныхъ между собою, — сожалѣнія и удивленія. Не было возможности не дивиться рѣдкимъ дарованіямъ и высокимъ качествамъ леди Элиноръ и не имѣть сожалѣнія при видѣ заботъ, безпокойствъ и горестей, мучившихъ женщину, которая, со всей своей чувствительностію, жила тяжелою жизнью мужчины.

Исповѣдь моего отца отчасти уменьшила степень моего уваженія къ леди Элиноръ, оставивъ во мнѣ грустное убѣжденіе, что она издѣвалась и надъ глубоко-нѣжнымъ сердцемъ отца и надъ восторженнымъ сердцемъ Роланда. Разговоръ, произошедшій между нами, далъ мнѣ возможность судить о ней съ бѣльшей справедливостію, и увидѣть, что она дѣйствительно раздѣляла чувство, внушенное ею ученому, но что честолюбіе перемогло любовь, и честолюбіе, если и неправильное и въ строгомъ смыслѣ не женское, во всякомъ случаѣ не площадное, не грязное. Изъ намековъ ея и при-

емовъ я объяснилъ себѣ и то, почему Роландъ не понялъ ея видимаго предпочтенія къ нему: въ необузданной энергіи старшаго брата она видѣла только двигателя, которымъ надѣялась возбудить флегматическія способности младшаго. Въ странной кометѣ, горѣвшей передъ нею, она думала найти и утвердить рычагъ, который привелъ-бы въ движеніе звезду. И не могъ я утаить мое уваженіе отъ женщины, которая, хотя вышла за мужъ не по любви, но едва связала свою натуру съ человѣкомъ ея достойнымъ, посвятила своему супругу всю жизнь, какъ-будто-бы онъ былъ предметомъ ея перваго романа и дѣвичьяго чувства. Не смотря на то, что ребенокъ шелъ у ней послѣ мужа и что смотрѣла она на судьбу его съ той точки, съ которой эта судьба могла сдѣлаться полезною будущему Тривеніона, нельзя было, однакожь, признавъ ошибку супружескаго самоотверженія, не удивляться женщинѣ, хотя-бы и обвинивъ мать. Оставивъ эти размышленія, я, съ эгоизмомъ влюбленнаго, посреди грустныхъ мыслей о томъ, что больше не увижу Фанни, почувствовалъ радостный трепеть. Ужели это было правда, какъ намекала леди Эллиноръ, что Фанни все была привязана къ воспоминанію обо мнѣ, которое, при краткомъ свиданіи, при послѣднемъ прощаньи, пробудилось-бы съ опасностію для ея душевнаго мира? Но слѣдовало-ли мнѣ ласкать такую мысль?

Что могла слышать она о Роландѣ и его сынѣ? Неужели потерянный сынъ былъ еще живъ? Задавая себѣ эти вопросы, я дошелъ до нашей квартиры и нашелъ капитана занятымъ разсматриваніемъ предметовъ, необходимыхъ для переселенца въ Австралію. Старый солдатъ стоялъ у окна, осматривая ручную пилу, топоръ и охотничій ножъ; когда я подошелъ къ нему, онъ, изъ подъ своихъ густыхъ бровей, посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ и сказалъ презрительно:

— Хороши оружія для сына джентельмена! — Кусочки стали подъ видомъ меча стоятъ всѣхъ ихъ.

— Оружіе, которымъ покоряютъ судьбу, всегда благородно въ рукахъ честнаго человѣка, дядюшка!

— У него отвѣтъ на все — замѣтилъ капитанъ, улыбаясь и вынимая кошелекъ, чтобъ заплатить купцу.

Когда мы остались одни, я сказалъ ему:

— Дядюшка, вамъ надо повидаться съ леди Эллиноръ: она поручила мнѣ сказать вамъ это.

— Ба!

— Не хотите?

— Нѣтъ.

— Дядюшка, мнѣ кажется, она хочетъ сказать вамъ что-то насчетъ.... простите меня.... насчетъ....

— На счетъ Бланшь?

— Нѣтъ, насчетъ того, кого я никогда не видалъ.

Роландъ сдѣлался блѣденъ и, падая на кресло, пробормоталъ:

— Насчетъ его, насчетъ моего сына?

— Да; но я не думаю, чтобъ надо было ожидать отъ нея непріятнаго извѣстія. Дядюшка, вы увѣрены, что сынъ вашъ умеръ?

— Что? Какъ вы смѣете... кто въ этомъ еще сомнѣвается? Умеръ.... умеръ для меня навсегда. Дитя, неужели бы вамъ хотѣлось, чтобъ онъ жилъ на срамъ этихъ свѣдыхъ волосъ?

— Сэръ, сэръ, простите меня; дядюшка, простите меня; но пожалуйста повидайтесь съ леди Эллиноръ, потому-что, повторяю вамъ, то, что она вамъ скажетъ, не поразитъ васъ непріятно.

— Не непріятно, и объ немъ?

Невозможно передать читателю отчаяніе, которымъ были полны эти слова.

— Можетъ-быть — сказалъ я послѣ долгаго молчанія, ибо я пришелъ въ ужасъ, — можетъ-быть, если онъ и умеръ, онъ передъ смертію раскаялся во всѣхъ своихъ оскорбленіяхъ вамъ.

— Раскаялся? ха-ха.

— Или, если онъ не умеръ....

— Молчите, молчите.

— Гдѣ жизнь.... тамъ надежда на раскѣніе.

— Видите-ли, племянникъ — сказалъ капитанъ, вставъ и скрестивъ руки на груди — я желалъ, чтобъ этого имени

не произносили никогда. Я еще не проклинал моего сына; но, еслибы онъ воротился къ жизни, проклетіе могло-бы упасть на него! Вы не знаете, какія мученія произвели во мнѣ ваши слова, и въ ту минуту, когда я открылъ мое сердце другому сыну и нашелъ этого сына въ васъ. Со всѣмъ уваженіемъ къ утраченному, у меня теперь только одна просьба, вы знаете эту просьбу оскорбленнаго сердца: чтобы никогда это имя не доходило до моего слуха!

Сказавъ эти слова, на которые я не рѣшился отвѣчать, капитанъ принялся безпокойно ходить по комнатѣ, и вдругъ, какъ-будто-бы ему было мало мѣста здѣсь или душила его эта атмосфера, онъ схватилъ свою шляпу и выбѣжалъ на улицу. Оправившись отъ удивленія и смущенія, я бросился за нимъ, но онъ упрямъ меня предоставить его собственнымъ размышленіямъ, такимъ строгимъ и грустнымъ голосомъ, что я не могъ не повиноваться ему. Я зналъ уже по опыту, какъ нужно уединеніе, когда одолеваетъ горе и волнуется мысль.

ГЛАВА V.

Часы бѣжали, а капитанъ не возвращался домой. Я началъ безпокоиться и собрался отыскивать его, хотя и не зналъ, куда направить путь. Однакоже, мнѣ казалось вѣроятнымъ, что онъ не сдумалъ противустоять желанію навѣстить леди Элиноръ, почему я и пошелъ сначала въ Сень-Джемс-скверъ. Предположенія мои оказались основательными: капитанъ былъ у нея два часа передо мной. Сама леди Элиноръ выѣхала вскорѣ послѣ него. Покуда привратникъ объяснилъ мнѣ все это, у подъезда остановилась карета и соскочившій лакей подаль ему записку и небольшую связку книгъ съ словами: «отъ маркиза де-Кастльтонъ.» При звукъ этого имени, я обернулся и увидѣлъ въ каретѣ сэра Седлей Бюдезертъ, выглядывавшаго изъ окошка съ выраженіемъ какой-то тоски и отчаянія, чрезвычайно ему несвойственнымъ, развѣ при видѣ сѣдаго волоса или въ случаѣ зубной боли, когда они напоминали ему, что ему давно уже не двадцать-пять лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ была такая перемена, что я воскликнулъ: «неужели это сэръ Седлей

Бьюдзертъ?» Лакей посмотрѣлъ на меня и, приложивъ руку къ шляпѣ, сказалъ съ снисходительной улыбкой:

— Да, сэръ: теперь маркизь де-Кастльтонъ.

Тогда, впервые послѣ смерти молодаго лорда, я вспомнилъ о выраженіяхъ благодарности сэра Седлея къ леди Кастльтонъ и водамъ Эмса за спасеніе его отъ «этого несноснаго маркизатства.» Старый пріятель мой, покуда замѣтивъ меня, воскликнулъ:

— Мистеръ Какстонъ! Какъ я радъ васъ видѣть. Отворите дверцу, Томасъ: садитесь, садитесь.

Я повиновался, и новый лордъ Кастльтонъ далъ мнѣ мѣсто возлѣ себя.

— Спѣшите вы куда-нибудь?—спросилъ онъ: — еслиже нѣтъ, посвятите мнѣ полчаса, покуда мы дождемъ до Сити.

Такъ какъ я не зналъ, по какому направленію предпочтительно продолжать мои поиски и счелъ за лучшее воротиться домой, чтобъ узнать не бывалъ-ли капитаанъ, я отвѣчалъ, что буду очень счастливъ сопровождать лорда, хотя — прибавилъ я съ улыбкой — Сити странно звучить въ устахъ сэра Седлея, виновать, лорда....

— Не говорите такихъ вещей и дайте мнѣ слышать этотъ счастливый звукъ: сэръ Седлей Бьюдзертъ. Затворите дверцу, Томасъ. Гресчорчъ-стритъ, къ мм. Фэдждъ и Фиджетъ!

Карета покатиалась.

— Со мной случилось большое горе! — сказалъ маркизь — и никто не пожалѣетъ меня.

— Однако всякій, кто и не былъ знакомъ съ покойнымъ лордомъ, вѣроятно былъ пораженъ смертью такого молодаго человѣка, столько обшавшаго....

— Во всѣхъ отношеніяхъ столько способнаго нести бремя славнаго имени Кастльтоновъ и ихъ состоянія; и все-таки это убило его. Да, еслибъ онъ былъ простой джентельменъ или еслибъ не было у него такого щепетильнаго желанія исполнить всѣ свои обязанности, онъ жилъ бы до старости. Я теперь знаю кое-что объ этомъ. О, еслибъ вы видѣли этѣ груды писемъ на моемъ столѣ! Я положи-

тельно боюсь почты. Вся эти колоссальныя улучшения въ владѣніи, которыя предпринялъ онъ, бѣдный, теперь надо кончать мнѣ. Зачѣмъ, вы думаете, несеть меня къ Фэджу и къ Фиджету? Сэръ, они агенты по угольной копи, которую открылъ покойный двоюродный братъ въ Дѣргэмъ, чтобъ измучить мою жизнь лишними 30 т. ф. с. въ годъ! Куда я дѣну деньги? Куда я ихъ дѣну? У меня теперь есть управляющій, холодная голова, который увѣряетъ, что милостыня самое страшное преступленіе знатнаго человѣка, что она деморализируетъ бѣднаго. Потомъ, отъ того, что съ полдюжины фермеровъ прислали мнѣ прошеніе о томъ, что съ нихъ берутъ слишкомъ-большую аренду, а я отвѣчалъ имъ что ее облегчать, поднялся такой гвалтъ! вы бы подумали, что земля сошла съ небомъ. И закричали: «если человѣкъ въ положеніи лорда Какстонтонъ подастъ примѣръ спустить цѣну съ земли, что будетъ дѣлать бѣднымъ сквейрамъ? а если они и останутся при прежнему, не несправедливо-ли подвергать ихъ нареканіямъ, названіямъ въ родѣ жадныхъ землевладѣльцевъ, вампировъ, кровопивецъ? Ясно, что, если лордъ Какстонтонъ спуститъ цѣны на землю (онъ и безъ того невысоки), онъ нанесетъ смертельный ударъ своимъ сосѣдямъ, выгодамъ тѣхъ, кто ему послѣдуетъ, — характеру тѣхъ, кто не послѣдуетъ.» Нельзя сказать, какъ трудно дѣлать добро, хотя-бы Фортуна дала человѣку сто тысячъ ф. въ годъ и сказала: «дѣлай съ этимъ добро!» Седлей Бюдезертъ могъ дѣлать какъ хотѣлъ, и все, что бы онъ нисдѣлалъ, сваливалось на то, что «пустой-де малый, вѣтреная голова.» Но еслибъ лордъ Какстонтонъ вздумалъ поступать сообразно съ своимъ побужденіемъ, его бы сочли за Катилину, покусившагося на миръ и счастье цѣлой націи!

Онъ остановился и тяжело вздохнулъ; потомъ, оборотившись съ мыслями на другой путь, продолжалъ:

— Ахъ, еслибы вы только увидѣли этотъ огромный домъ, въ которомъ мнѣ придется жить, зарытому въ высокихъ мертвыхъ стѣнахъ, вмѣсто моихъ чудныхъ комнатъ, съ окнами на паркъ; а балы, которыхъ отъ меня ожидаютъ, а парламентскіе интересы, которые я долженъ соблюдать,

а предложеніе принять на себя обязанности лорда-каммергера или лорда-гофмейстера! О, Пизистратъ, счастливы вы: вамъ нѣтъ и двадцати одного года и нѣтъ у васъ 200 т. ф. стерл. дохода!

Бѣдный маркизь продолжать сътовать на свое несчастіе и наконецъ воскликнулъ съ тономъ еще горшаго отчаянія:

— И всѣ говорятъ, что мнѣ непременно надо жениться, что не долженъ погаснуть родъ Кастльтоновъ. И Бюдезерты, сколько знаю я, старая фамилія, не хуже Кастльтоновъ, но Великобританія ничего бы не потеряла, еслибы они исчезли въ могилъ Капулетовъ. Но чтобы вымерло перство Кастльтоновъ — это мысль о преступленіи и ужасъ, на которую фалангой возстаютъ всѣ матери Англіи! Такимъ образомъ, вмѣсто того чтобы вымещать грѣхи праотцевъ на сыновьяхъ, отецъ долженъ быть принесенъ въ жертву третьему и четвертому поколѣніямъ.

Не смотря на мое невеселое расположеніе, я не могъ удержаться отъ смѣха; мой спутникъ обратилъ на меня взглядъ, исполненный упрека.

— По-крайней-мѣрѣ — сказалъ я — лордъ Кастльтонъ имѣетъ одно утѣшеніе въ горести: если ему надо жениться, онъ можетъ выбрать, что ему угодно.

— Это-то именно могъ Седлей Бюдезертъ, а лордъ Кастльтонъ не можетъ — сказалъ маркизь важно. — Положеніе сэра Седлея Бюдезертъ было прекрасное и завидное: ему можно было жениться на дочери пастора или герцога, — тѣшить свои очи или травить свое сердце, какъ ему вздумается. А лордъ Кастльтонъ долженъ жениться не для того, чтобы имѣть жену, а маркизу, жениться на женщинѣ, которая за него несла-бы бремя его положенія, взяла-бы изъ его рукъ тяжесть блеска, и дала-бы ему спрятаться въ уголь, для того чтобы помечтать, что онъ опять Седлей Бюдезертъ! Да, этого не миновать: послѣдняя жертва совершится у алтаря. Но бросимте мои жалобы. Тривеніонъ уведомляетъ меня, что вы отправляетесь въ Австралію; правда это?

— Правда, и совершенно.
 — Говорять тамъ неурожай на дамъ.
 — Тьмъ лучше; я буду трудиться настойчивѣе.
 — И то сказать! Видѣли вы леди Эллиноръ?
 — Да, сегодня утромъ.
 — Бѣдная женщина, ужасный ударъ для нея: мы старались утѣшить другъ друга. Фанни, вы знаете, въ Сѣрреъ, у леди Кастьянтонъ, въ Окстонъ; бѣдная леди такъ ее любить, и никто не умѣетъ утѣшить ее такъ, какъ Фанни.

— Я не зналъ, что миссъ Тривеніонъ нѣтъ въ городѣ.
 — Всего на нѣсколько дней; послѣ онъ съ леди Эллиноръ поѣдутъ на сѣверъ, къ Тривеніону: вы знаете, онъ у лорда Н.; они совѣтуются о.... но увѣ! они теперь и со мной говорятъ объ этихъ вещахъ; стало быть это тайна не моя. У меня Богъ знаетъ сколько голосовъ! Бѣдный я! честное слово, будь леди Эллиноръ вдова, я бы непременно ударилъ за ней: удивительно-способная женщина, ни что ей не надобно (маркизь зѣвнулъ; сэръ Седлей Бюдесертъ никогда не зѣвалъ). Тривеніонъ хлопочетъ о своемъ шотландскомъ секретарѣ и намѣренъ достать мѣсто въ *Foreign office* этому Гауеру, котораго, сказать между нами, я не люблю. Но онъ околдовалъ Тривеніона!

— Что за человекъ этотъ м. Гауеръ? Помнится, вы говорили, онъ съ способностями и хорошей наружности.

— Это правда, но это не способность юности: онъ сухъ и саркастиченъ, какъ будто-бы его пятьдесятъ разъ обманули и сто разъ одурачили! А наружность его не то рекомендательное письмо, которымъ обыкновенно называютъ пріятное лицо. Въ цѣломъ его выраженіи и пріемовъ есть что-то очень похожее на любимую борзую лорда Гертфордъ, когда входитъ въ комнату незнакомый. Она, эта гончая, славная собака, конечно: и красивая, и благовоспитанная, и удивительно-ручная; но стоитъ вамъ взглянуть на углы ея глазъ, и вы сознаетесь, что только привычка къ гостинной подавляетъ природное стремленіе схватить васъ за горло вмѣсто того, чтобы подать вамъ лапу. Но все-же у м. Гауера чрезвычайно-замѣчательная голова: что-то мавритан-

ское или испанское, точно картина Мурилло. Я на полушину подозреваю, что онъ менѣ Гауеръ, нежели цыганъ.

— Что вы говорите? — воскликнулъ я, слушая это описаніе съ напряженнымъ вниманіемъ. — У него должно быть лицо очень темное, высокій узкій лобъ, черты слегка орлиныя, но очень нѣжныя, и зубы такіе блестящіе, что все его лицо точно освѣщается во время улыбки, хотя улыбается одна губа, а не глазъ.

— Вотъ-потѣ именно какъ вы говорите; такъ вы стало-быть его видѣли?

— Не знаю навѣрное; вы говорите, что его имя Гауеръ?

— Онъ говоритъ, что его имя Гауеръ, — отвѣчалъ лордъ Кастльтонъ, нюхая табакъ своего изобретенія.

— А гдѣ онъ теперь? съ м. Тривеніонъ?

— Да, я думаю. Но вотъ и Фэдждъ и Фиджетъ. Можетъ-быть, — прибавилъ лордъ Кастльтонъ съ лучемъ надежды въ голубыхъ глазахъ, — можетъ-быть, ихъ нѣтъ дома.

Увы! то была «обманчивая надежда», какъ выражаются поэты XIX столѣтія. Господа Фэдждъ и Фиджетъ всегда были дома для такихъ кліентовъ, какъ маркизъ Кастльтонъ: съ глубокимъ вздохомъ и измѣнившимся выраженіемъ лица, жертва Фортуны тихо спустилась по ступенькамъ подножки.

— Я не могу просить васъ ждать меня, — сказалъ онъ, — одинъ Богъ знаетъ, сколько времени меня тутъ продержатъ! Возьмите карету, куда хотите, и пришлите мнѣ ее сюда.

— Благодарю васъ, любезный лордъ; мнѣ хочется походить. Но вы позвольте мнѣ явиться къ вамъ передъ моимъ отъѣздомъ?

— Не позволяю, а требую; я покуда на старомъ мѣстѣ, подъ предлогомъ, — прибавилъ онъ, значительно подмигнувъ, — что отель Кастльтоновъ нужно покрасить.

— Такъ завтра, въ двѣнадцать?

— Завтра въ двѣнадцать. Увы! въ это время долженъ явиться м. Скрю, управляющій моею лондонскою собственностію.... два сквера, семь улицъ и одинъ переулокъ!

— Можетъ-быть, вамъ будетъ удобнѣе въ два?

— Въ два! тутъ будетъ м. Плозибль, одинъ изъ партизановъ Каствльтоновъ, который настаиваетъ на томъ, чтобы объяснить мнѣ, почему его совѣсть не позволяетъ ему подать голосъ за Тривеніона.

— Въ три?

— Въ три мнѣ надо видѣться съ секретаремъ казначейства, который общался успокоить совѣсть м. Плозибля. Да приходите объѣдать; увидите душеприкащиковъ.

— Нѣтъ, сэръ Сэдлей.... т. е. любезный лордъ; я лучше попробую зайти къ вамъ послѣ объѣда.

— И прекрасно; мои гости не занимательны. Что за твердая походка у этого плутишки! Да, двадцать, всего какихъ-нибудь двадцать лѣтъ, и ни одного акра на шею!

Сказавъ это, маркизъ грустно покачалъ головой и исчезъ неслышно въ рѣзной двери, за которою гг. Фэдждъ и Фиджетъ ждали несчастнаго смертнаго съ отчетами по большой угольной копи Каствльтоновъ.

ГЛАВА VI.

На обратномъ пути къ дому я рѣшился заглянуть въ скромную таверну, гдѣ мы съ капитаномъ обыкновенно объѣдали. Былъ почти часъ объѣда, и онъ могъ ждать меня тамъ. Едва подошелъ я къ крыльцу таверны, наемная карета прогремѣла по мостовой, и остановилась передъ гостиницей, болѣе благовидной той, которую посѣщали мы, и нѣсколькими дверями далѣе нашей. Когда карета остановилась, взоръ мой былъ пораженъ ливреею Тривеніоновъ, чрезвычайно оригинальною. Думая, что я ошибаюсь, я подошелъ ближе къ тому, на комъ была эта ливрея. Этотъ человекъ только что сошелъ съ имперіала и, расплачиваясь съ кучеромъ, отдавалъ приказанія слугъ, вышедшему изъ гостиницы: «портера съ элемъ пополамъ, да живѣе!» Звукъ голоса показался мнѣ знакомъ, и когда этотъ человекъ поднималъ голову, я узналъ чертъ м. Пикока. Да, это былъ онъ, безъ всякаго сомнѣнія. Бакенбарды были сбиты, но остались слѣды пудры на волосахъ или парикъ; и на этомъ почтенномъ персонажѣ, котораго я въ послѣдній разъ ви-

дѣль въ блестящемъ костюмѣ, была ливрея Тривеніоновъ съ гербовыми пуговицами и всѣмъ прочимъ. Но это былъ Пикокъ: Пикокъ, переодѣтый, а все-таки Пикокъ. Прежде не жели опомнися я отъ удивленія, изъ кабриолета, по видимому, ожидавшаго пріѣзда кареты, выскочила женщина, и бросилась къ м. Пикоку, съ словами, которые выговаривала съ нетерпѣніемъ, свойственнымъ прекрасному полу:

— Какъ вы поздно! Я ужъ хотѣла ѣхать: мнѣ надо быть въ Окстонъ къ ночи.

Окстонъ! миссъ Тривеніонъ въ Окстонъ! Я стоялъ позади этой четы и слушалъ и сердцемъ и ухомъ.

— Да будете, моя душа, будете; войдите-же, хотите?

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ всего осталось десять минутъ ждать кареты. Есть у васъ письмо ко мнѣ отъ м. Гауера? какъ-же мнѣ быть увѣренной, если я не увижу его руки.

— Тише, — сказалъ м. Пикокъ, понижая голосъ до того, что я только поймалъ слова: — не называйте именъ — письма — ба — я вамъ скажу. Онъ отвелъ ее въ сторону и нѣсколько минутъ шептался съ ней. Я подсмотрѣлъ лицо женщины, обращенное къ ея собесѣднику: оно показывало быструю понятливость. Она нѣсколько разъ кивала головой въ знакъ нетерпѣливаго согласія на то, что онъ ей говорилъ; пожавъ ему руку, она побѣжала къ кабриолету; потомъ, какъ-будто мелькнула ей новая мысль, она воротилась и сказала:

— А если миледи не поѣдетъ, если будетъ перемѣна въ планъ?

— Не будетъ перемѣны, будьте покойны; положительно завтра, не очень рано, понимаете?

— Хорошо, хорошо; прощайте.

Женщина, которая была одѣта съ опрятностью, свойственною горничной богатаго дома, въ черномъ платьѣ съ длиннымъ капишономъ изъ той особенной матеріи, которую, какъ-бы нарочно, дѣлаютъ для барынь-горничныхъ, такой же шляпѣ съ красными и черными лентами, — съ прежней поспѣшностью бросилась въ кабриолетъ, который, спустя мгновеніе, умчалъ ее съ неизмовѣрной быстротой.

Что все это значило? Въ это время слуга принесъ м. Пикоку его напитокъ. Онъ мигомъ отправилъ его по назначенію и пошелъ къ ближайшему мѣсту, гдѣ стояли кабріолеты. Я последовалъ за нимъ; и, въ ту самую минуту, когда онъ помѣстился въ одинъ изъ кабріолетовъ, подѣхавшихъ къ нему на встрѣчу, я вскочилъ на подножку и сѣлъ возлѣ него.

— Теперь, м. Пикокъ, — началъ я, — вы скажите мнѣ, почему вы носите эту ливрею, или я прикажу камену везти насъ къ леди Эллиноръ Тривеніонъ и спрошу объ этомъ у ней.

— Что за чортъ! А! вы тотъ джентельменъ, что приходилъ ко мнѣ на сцену; помню.

— Куда прикажете, сэръ? — спросилъ камень.

— Къ.... къ Лондонскому-мосту,—сказалъ м. Пикокъ.

— Вижу по вашему лицу, что вы собираетесь солгать; советую вамъ говорить правду.

— Не знаю, какая вамъ нужда спрашивать меня, — сказалъ м. Пикокъ, недовольный, и, посмотрѣвъ на свои сжатые кулаки, оглянулъ меня съ многозначительнымъ выраженіемъ гнѣва, который я прервалъ словами:

— Сметаете вы надъ домомъ, что-ли? какъ говорить Лебедь; приказать развѣ кучеру ѣхать въ Сентъ-Джемсъ-скверъ?

— А! вы знаете мою слабую струну, сэръ: всякій, кто можетъ цитировать Вилля, добраго Вилля, сдѣластъ изъ меня что хочетъ — возразилъ м. Пикокъ, смягчался и разжавъ кулаки. — Но когда человекъ падаетъ въ жизни и, имѣвъ прежде слугъ, принужденъ самъ сдѣлаться слугою,

«Не стану я стыдиться

Вамъ рассказать, кто я»....

— Говоритъ Лебедь, но Лебедь говоритъ: «кто я былъ.» Но довольно шутить, м. Пикокъ: кто помѣстилъ васъ къ м. Тривеніонъ?

М. Пикокъ на минуту опустилъ глаза; потомъ, уставивъ ихъ на меня, сказалъ:

— Пожалуй, я скажу вамъ : вы спрашивали меня, когда мы встрѣтились въ послѣдній разъ, о молодомъ джентельменѣ, мистеръ.... мистеръ.... Вивіенѣ.

Пизистратъ. Дальше.

Пикокъ. Я знаю, вы не желаете ему вреда. Кромѣ этого «онъ обладаетъ удивительнымъ искусствомъ» и рано или поздно, помните мои слова, или вѣрнѣе слова моего друга Вилля :

«Онъ какъ колоссъ чрезъ этотъ тѣсный міръ
Перешагнетъ.»

Именно перешагнетъ, и какъ колоссъ,

«А мы пигмеи....»

Пизистратъ (съ угрозой). Продолжайте вашъ рассказъ.

Пикокъ (съ досадой). Продолжаю. Вы меня сбиваете ; что бишь я сказалъ? Да ; меня только что разсчитали : въ карманъ не было ни одного пени ; и еслибъ вы видѣли мой сертукъ! а все-таки онъ былъ лучше штановъ! Такъ это было на Оксфордъ-стритъ.... нѣтъ въ Стрэндѣ, близъ Лаутсера

«Свѣтило солнце, гордый день
Сіялъ надъ радостью вселенной.»

Пизистратъ (опуская стекло). На Сентъ-Джемсъ-скверъ.

Пикокъ. Нѣтъ, нѣтъ, къ Лондонскому-мосту

«Года родятъ привычку въ человѣкѣ!»

Продолжаю, честное слово. И-такъ, я встрѣтилъ м. Вивіена, и, такъ какъ онъ зналъ меня въ мои счастливейшіе дни, и у него доброе сердце, онъ сказалъ :

«Гораціо, иль я себя не помню.»

Пизистратъ беретъ за снурокъ.

Пикокъ (поправляясь). То есть, Джонсонъ, другъ сердечный.

Пизистратъ. Джонсонъ! Такъ васъ зовутъ не Пикокъ?

Пикокъ. Джонсонъ и Пикокъ, и то и другое (съ достоинствомъ). Если вы знаете свѣтъ, какъ я его знаю, сэръ, вы должны знать, что трудно пробиться въ немъ безъ

лишней перемѣны имѣть въ чемоданѣ. «Джонсонъ, сказалъ онъ, другъ сердечный», и вынулъ кошелекъ. Сэръ, отвѣчалъ я, лишь-бы только «уволенный отъ публичной должности» я нашелъ, что дѣлать, когда весь выйдетъ этотъ презрѣнный металлъ. Въ Лондонѣ каждый камень поученье, конечно, но не на все-же оно годится, — замѣчаніе, которое я бы позволилъ себѣ сдѣлать Лебедею, еслибы онъ, увы! не былъ теперь безплотное созданіе видѣнія.

Пизистратъ. Берегитесь!

Пикоъ (поспѣшно). И-такъ, м. Вивіенъ сказалъ: «если вамъ не противно носить ливрею, покуда не найду я вамъ что-нибудь лучшее, такъ есть у меня для васъ мѣсто у Тривеніона.» Сэръ, я принялъ это предложеніе, и вотъ почему я ношу эту ливрею.

Пизистратъ. Скажите-же пожалуйста, какое дѣло имѣли вы до этой женщины, которая, я полагаю, горничная мнѣсь Тривеніонъ? Зачѣмъ явилась она изъ Окстона повидаться съ вами?

Я ожидалъ, что эти вопросы собьютъ м. Пикока, но если и дѣйствительно было въ нихъ что-нибудь сбивчивое, бывшій актеръ слишкомъ хорошо воспользовался своимъ ремесломъ и прекрасно нашелся. Онъ улыбнулся и, самодовольно поглаживая чрезвычайно-измятую манишку, отвѣчалъ:

— О, сэръ, фи!

«Изъ этой штучки

Малютка-Купидонъ сковалъ свою стрѣлу.»

Если вамъ нужно знать мои любовныя дѣла, эта молодая женщина, по-просту сказать, моя душенька.

— Вапа душенька, — воскликнулъ я, удивительно успокоенный, и въ то-же время сознавая возможность этого предположенія. — Однако — прибавилъ я подозрительно — если это такъ, зачѣмъ-же ждетъ она письма отъ м. Гауера?

— Вы славно слышите, сэръ; но хотя она

.... «вся и долгъ и послушаніе,

Терпѣніе, покорность, нетерпѣнье»,

молодая женщина не хочетъ выходить за ливрейнаго лакея, такая гордая тварь! ужасно гордая! а м. Гауеръ-то, вотъ

видите, зная объ этомъ, вступился за меня, да и сказалъ ей, если позволите мнѣ пародировать Лебеда:

Чтобъ никогда она съ Джонсономъ
Не вѣдала тревогъ душевныхъ,

и что онъ мнѣ доставить мѣсто, настоящее мѣсто: полумная дѣвка требовала этого обѣщанія на бумагѣ, какъ будто м. Гауеръ станетъ писать къ ней.... Теперь, сэръ — продолжалъ м. Пикокъ съ важной простотой — вы, конечно, имѣете полную свободу сказать моей госпожѣ все, что вамъ угодно; но я надѣюсь, что вы не захотите отнять у меня хлѣбъ изо рта за то, что я ношу ливрею и на столько безумень, что люблю служанку, я, сэръ, который могъ жениться на леди, игравшихъ первыя роли въ жизни.... на столичной сценѣ.

Нечего было возражать на эти объясненія: онъ казался вѣроподобны; и, хотя я сначала подозрѣвалъ, что онъ прибѣгнулъ къ плутовству и цитатамъ для того, чтобы выиграть время на выдумки или отвлечь мое вниманіе отъ какого-нибудь скачка въ его разсказѣ, но къ концу, когда исторія сдѣлалась вѣроятною, я расположенъ былъ вѣрить, что шутчество лежитъ въ его характерѣ. Поэтому я только спросилъ:

— Откуда-же вы теперь?

— Отъ м. Тривеніона, изъ деревни, съ письмами къ леди Элиноръ.

— А! такъ молодая жепщина знала, что вы будете въ городъ?

— Какъ-же, сэръ: м. Тривеніонъ за нѣсколько дней сказалъ мнѣ, когда я поѣду.

— А что вы собирались дѣлать съ ней завтра, если не будетъ переменны въ планъ?

Тутъ мнѣ показалось, что м. Пикокъ слегка и едва-замѣтно измѣнился въ лицѣ; однако онъ скоро отвѣчалъ:

— Завтра.... маленькое свиданье, если удастся намъ вырваться.

«Ухаживай за мной: въ такомъ расположеніи
Я, можетъ быть, и соглашусь»

опять Лебедь, сэръ.

— Гм! Такъ м. Гауеръ и м. Вивіенъ одно и то-же? Пикокъ колебался.

— Это не моя тайна, сэръ: «я связанъ клятвою священной.» Вы на столько джентельменъ, что не захотите смотреть насквозь завѣсы неизвѣстности и спрашивать меня, носящаго эти плюшевые штаны и аксельбанты, про тайны тѣхъ, кому «посвящены мои услуги.»

Какъ челоуьку за тридцать лѣтъ легко обмануть двадцатилѣтняго! Какое преимущество жизнь даетъ самому незатѣйливому уму! Я прикусилъ губу и замолчалъ.

М. Пикокъ продолжалъ:

— А если-бъ знали вы, какъ этотъ м. Вивіенъ, о которомъ вы спрашивали, любитъ васъ! Когда я ему какъ-то случайно сказалъ, что одинъ молодой джентельменъ приходилъ на сцену спросить меня объ немъ, онъ заставилъ меня описать васъ и потомъ сказалъ съ грустью: «если я когда-нибудь буду тѣмъ, чѣмъ надѣюсь быть, какъ счастливъ буду я пожать хоть разъ эту добрую руку!» Это его слова, сэръ; честное слово!

«Я думаю, и нѣтъ и не было на свѣтѣ челоуька,
Который искренній и ненавидѣль-бы и полюбилъ!»

И если м. Вивіенъ имѣетъ причины все еще скрывать, если участь его зависитъ отъ того, скроете или разболтаете ли вы его тайну, я думаю, вы не тотъ челоуькъ, кого ему нужно бояться. Живъ не буду! «Хотѣль-бы я такъ быть увѣреннымъ въ хорошемъ обѣдѣ!» какъ чувствительно восклицаетъ Лебедь. Я готовъ поклясться, что это желаніе часто было на устахъ Лебеда въ его домашней жизни!

Сердце мое было тронуто не паэосомъ столько профанированного Лебеда, а неприкрашеннымъ повтореніемъ Пикокомъ словъ Вивіена. Я отвернулся отъ моего спутника; кабріолетъ остановился у Лондонскаго-моста.

Не о чѣмъ мнѣ еще было спрашивать и все-таки мучило меня какое-то безпокойное любопытство: не было-ли тутъ ревности? Вивіенъ такъ хорошъ и смѣлъ: онъ можетъ видѣть богатую наслѣдницу; леди Элиноръ можетъ-быть

не предполагаетъ тутъ опасности. Но я... я все-таки былъ влюбленъ и... ну не безумство-ли это?

— Пріятель — сказалъ я экс-актёру — я не желаю вреда ни м. Бивіену (если долженъ называть его такъ), ни подражающимъ ему въ разнообразіи имени. Но скажу откровенно, что мнѣ не нравится видѣть васъ въ услугѣ у Тривеніона, и совѣтую вамъ оставить его какъ можно скорѣе. Покуда, не скажу ничего больше, а намѣренъ пообдумать хорошенько все, что вы мнѣ сказали.

Я пошелъ, а м. Пикокъ продолжалъ путь свой одинъ по Лондонскому-мосту.

ГЛАВА VII.

Среди всего, что терзало мое сердце или тревожило голову въ этотъ достопримѣчательный день, я получилъ, наконецъ, хоть одно пріятное впечатлѣніе, когда, воротившись домой, засталъ дядю:

Капитанъ положилъ на столъ передъ собою большую Библію, которою ссудила его хозяйка. Онъ никогда не предпринималъ никакого путешествія безъ своей собственной Библіи, но та была напечатана мелкимъ шрифтомъ, а глаза капитана къ ночи стали измѣнять ему. Эта Библія была крупнаго шрифта; съ каждой стороны стояло по свѣчѣ; капитанъ, облокотившись на столъ, придерживалъ себя лобъ обѣими руками, какъ-будто-бы для того, чтобъ изгнать искушеніе и сосредоточить весь духъ свой на страницѣ.

Онъ сидѣлъ — изображеніе желѣзной воли: въ каждой чертѣ его лица была рѣшимость. «Не буду слушать моего сердца; буду читать эту книгу и учиться страдать какъ должно христіанину!»

Было столько грустнаго въ живой позѣ страдальца, что она выражала этъ слова, какъ-будто произносилъ онъ ихъ устами.

Старый солдатъ! ты вѣдь себя, какъ храбрый, не на одномъ кровавомъ полѣ; но еслибы я могъ показать свѣту твое мужество, я бы нарисовалъ тебя, какъ видѣлъ въ эту минуту!

Когда я вошелъ, капитанъ взглянулъ на меня, и борьба, изъ которой вышелъ онъ, была написана на его лицѣ.

— Чтеніе принесло мнѣ пользу, — сказалъ онъ просто, и закрылъ книгу.

Я съелъ возлѣ него и положилъ руку на его плечо.

— Стало вѣтъ хорошихъ извѣстій? — спросилъ я шопотомъ.

Капитанъ покачалъ головой и приложилъ палецъ къ губамъ.

ГЛАВА VIII.

Не было возможности къ размышленіямъ дяди Роланда примѣшивать разсказъ о происшествіяхъ, возбуждившихъ во мнѣ столько безпокойства, потому-что они ни мало не связывались съ его горемъ.

Когда, не находя сна, я, лежа въ постели, вспомнилъ о возобновившихся отношеніяхъ Вивіена къ челоуьку столь двусмысленному, каковъ былъ Пикокъ, о помѣщеніи имъ послѣдняго въ услугу къ Тривеніону, его заботливости скрыть отъ меня перемену имени и короткость въ домъ, куда я прежде предлагалъ ему представить его, — фамильярность, съ которою Пикокъ объяснялся съ горничною миссъ Тривеніонъ, ихъ разговоръ, хотя и объясненный, но все-же подозрительный, а пуще всего мои грустные воспоминанія о недремлющемъ честолюбіи и далеко не надежныхъ правилахъ Вивіена, впечатлѣніи, произведенномъ на него нѣсколькими словами о богатствѣ Фанни; всѣ эти мысли одна за другою до того одолѣли меня и измучили въ темнотѣ ночи, что я просилъ у судьбы послать мнѣ на помощь челоуька болѣе меня опытнаго въ дѣлахъ жизни и который посоветывалъ-бы мнѣ, на что рѣшиться. Долженъ-ли я былъ предупредить леди Элиноръ? и о чемъ? о характерѣ-ли слуги или о намѣреніяхъ ложнаго Гауера? Противъ перваго я могъ сказать, если не много положительнаго, однакоже довольно и на столько, чтобы заставить благоразуміе удалить его. Но о Гауерѣ или Вивіенѣ, что могъ сказать я такое, не измѣнивъ его довѣренности, которой впрочемъ онъ никогда ко мнѣ не оказывалъ, — вѣрнѣе, тѣмъ извѣщеніямъ

дружбы, которыми добровольно осыпалъ я его самъ? Быть-можетъ онъ уже открылъ Тривеніону всѣ свои настоящія тайны; если-же нѣтъ, я могъ дѣйствительно разрушить его предположенія объясненіемъ псевдонимовъ, подъ которыми онъ скрывался. Но откуда являлось это желаніе открывать и предостерегать? Изъ подозрѣній, которыхъ я и самъ не умѣлъ анализировать, подозрѣній большею частью уже довольно объясненныхъ. При всемъ томъ, когда встало утро, я былъ въ нерѣшимости, что дѣлать, и, увидѣвъ на лицѣ Роланда выраженіе такой грустной заботы, что не благо-разумно было-бы приступать къ нему со всемъ этимъ дѣломъ, я вышелъ изъ дома, надѣясь, что на свѣжемъ воздухѣ соберусь съ мыслями и разрѣшу задачу, меня затруднявшую. Не мало было мнѣ еще хлопотъ о предстоявшемъ отъѣздѣ, и, вмѣстѣ съ исполненіемъ порученій Больдинга, онъ должны были занять меня на нѣсколько часовъ. Исправивъ кое-какія дѣла, я замѣтилъ, что направляю путь мой къ западу: оказалось, что я механически пришелъ къ полурѣшимости отправиться къ леди Эллиноръ и, не подавая ей ни малѣйшаго вида, разспросить ее и о Гауерѣ и о новомъ слугѣ.

Я уже былъ въ улицѣ Регента, когда дорожная карета, запряженная почтовыми лошадьми, быстро пронеслась по мостовой, разгоняя на право и на лѣво болѣе-скромные экипажи, и мчась, какъ-будто-бы дѣло шло о жизни и смерти, къ широкой улицѣ, упирающейся въ Портлендскую площадь. Какъ ни скоро промелькнули колеса, я явственно разглядѣлъ въ каретѣ лицо Фанни Тривеніонъ: на немъ было странное выраженіе, похожее на горе и страхъ, а рядомъ съ ней сидѣла чуть-ли не та самая женщина, которую я видѣлъ съ Пикоккомъ. Лица последней я не видѣлъ, но мнѣ казалось, что я узналъ платье, шляпу и это особенное выраженіе всей ея головы. Если я и ошибся на ея счетъ, не могъ я ошибиться на счетъ слуги, сидѣвшаго за каретой. Оглянувшись на мальчишку-мясника, едва не задѣтаго каретой и извергавшаго тьму восклицаній изъ національнаго лондонскаго нарѣчія, м. Пикокъ далъ мнѣ возможность совершенно узнать себя.

Первое движеніе мое, оправившись отъ неожиданности, было вспрыгнуть за карету; въ этомъ порывѣ я закричалъ «стой!» но карета исчезла изъ глазъ, спустя мгновенье, и восклицанія мои разсыпались въ воздухъ. Постоявъ съ минуту, полный Богъ знаетъ какихъ предчувствій, я прибавилъ шагу и остановился только тогда, когда, едва переводя дыханіе, очутился на Септъ-Джемсъ-скверъ у подъезда Тривеніоновъ. Я вбѣжалъ въ сѣни. Швейцаръ, встрѣтившій меня, держалъ въ рукахъ газету.

— Гдѣ леди Элиноръ? мнѣ надо видѣть ее сію минуту.

— Надѣюсь, нѣтъ еще худшихъ извѣстій?

— Худшихъ извѣстій? о комъ? о м. Тривеніонъ?

— Развѣ вы не знаете, сэръ, что онъ внезапно заболѣлъ, что вчера вечеромъ пріѣзжалъ нарочный? леди Элиноръ въ десять часовъ уѣхала къ нему.

— Въ десять часовъ вечера, вчера?

— Да, сэръ; слова посланнаго такъ испугали миледи.

— Кто-же пріѣхалъ? Новый слуга, рекомендованный м. Гауеромъ?

— Да, сэръ: Гэнри, — отвѣчалъ швейцаръ, глядя на меня съ удивленіемъ— да вотъ не угодно-ли прочесть здѣсь о болѣзни м. Тривеніона. Я думаю Гэнри рассказалъ объ ней въ конторѣ этого журнала, прежде нежели попалъ сюда, что съ его стороны очень дурно; но мнѣ кажется, онъ какъ-будто не въ своемъ умѣ.

— Не въ томъ дѣло. А миссъ Тривеніонъ, я ее сейчасъ видѣлъ, она не поѣхала съ матерью? Куда-же она поѣхала?

— Не угодно-ли въ гостиную?

— Нѣтъ, нѣтъ, говорите.

— Изволите-ли видѣть, сэръ; леди Элиноръ передъ отъѣздомъ, боясь, чтобы какое-нибудь извѣстіе одного изъ журналовъ не испугало миссъ Фанни, послала Гэнри къ леди Кастантонъ просить ее, чтобы она какъ-нибудь предупредила всякую неожиданность, да, кажется, Гэнри проболтался миссисъ Моль.

— Кто такая мис. Моль?

— Горничная миссъ Тривеніонъ , сэръ , новая горничная; а мис. Мольт проболталась молодой леди, она испугалась и настояла на томъ , чтобы ѣхать въ городъ. Леди Кастльтонъ , которая сама больна и въ постель, не могла удержать ее, вѣрно отъ того, что Гэнри сказалъ , что она еще застанетъ здѣсь миледи. Бѣдная миссъ Тривеніонъ пришла въ отчаяніе, что не нашла уже своей маменьки и приказала привести свѣжихъ лошадей, и уѣхала, хотъ миссиссъ Бетсъ, — ключница, изволите знать?—и бранилась съ миссиссъ Мольт, которая совѣтывала ѣхать и....

— Боже мой, зачѣмъ же миссиссъ Бетсъ не поѣхала?

— Вы знаете, сэръ , какая старуха м. Бетсъ, а молодая леди такъ добра, что и слышать объ этомъ не хотѣла, потому-что собирается ѣхать день и ночь, а м. Мольт сказала, что она съ своей прежней леди объѣхала весь свѣтъ.

— А.... понимаю. Гдѣ м. Гауеръ?

— М. Гауеръ, сэръ?

— Да; отчего-жъ вы не отвѣчаете?

— Онъ, должно-быть, съ м. Тривеніонъ, сэръ.

— Адресъ?

— Лорду Н. въ Ц. близъ В.

Больше я не слушалъ.

Убѣжденіе въ готовившемся черномъ и нязкомъ заговорѣ освѣтило меня какъ молнія. Почему, если Тривеніонъ въ самомъ дѣлѣ былъ боленъ, хитрый слуга скрылъ отъ меня это? Почему далъ онъ мнѣ время разговаривать съ нимъ, вмѣсто того, чтобы спѣшить къ леди Эллиморъ? Какимъ образомъ, если его привела въ Лондонъ внезапная болѣзнь Тривеніона, какимъ образомъ могъ онъ знать, когда пріѣдетъ, что говорилъ и онъ и что доказывало свиданіе съ ожидавшей его женщиной? Сверхъ того, почему, если не было никакого особаго намѣренія противъ миссъ Тривеніонъ, почему было не исполнить благоразумной предусмотрительности ея матери и воспользоваться врожденной привязанностью и быстрымъ порывомъ юности, чтобы поднять на ноги и отправить въ дорогу дѣвочку, которой ея положеніе запрещало предпринимать такое путешествіе безъ

надежнаго спутничества, — противно, вѣроятно, и желанію и приказаніямъ леди Элиноръ? Одна, совершенно одна? Стало быть Фанни Тривеніонъ въ рукахъ двухъ слугъ, орудій и повѣренныхъ отчаяннаго Вивіена; переговоры между слугами, отложенное до-завтра свиданіе въ связи съ именемъ Вивіена, до неимоверности разожгли страшное предчувствіе влюбленнаго.

Я бросился изъ дома.

Я побѣжалъ къ Гей-маркту, крикнулъ кабриолетъ, и поскакалъ какъ можно было скорѣе домой, потому-что у меня не было съ собой довольно денегъ для дороги; по-славъ трактирнаго слугу за почтовыми лошадьми, я бросился въ нашу комнату, гдѣ къ счастью нашель Роланда, и воскликнулъ:

— Дядюшка, ѣдьте со мной, берите денегъ, больше! Не знаю самъ, что такое затѣваютъ противъ Тривеніоновъ. Мы, можетъ-быть, еще поспѣемъ. Расскажу вамъ все дорогой. Ёдьте, ѣдьте!

— Разумѣется, но въ чемъ-же дѣло? Вы забываете ихъ положеніе; успокойтесь. Да кто-же это?

— Тотъ, котораго я любилъ какъ друга, кому я самъ помогъ сойдтиса съ Тривеніономъ, Вивіенъ, Вивіенъ!

— Вивіенъ, а, тотъ молодой человекъ, о которомъ вы говорили. Да что-же это такое; почему-жь противъ Тривеніоновъ?

— Вы мучите меня съ вашими вопросами. Слушайте: Вивіенъ, я его хорошо знаю, ввелъ въ домъ подъ видомъ слуги агента, способнаго на все; этотъ слуга помогъ ему подкупить ея горничную, т. е. Фанни.... т. е. миссъ Тривеніонъ. Миссъ Тривеніонъ богатая наследница, Вивіенъ человекъ, который рѣшится на все. У меня голова кружится; ничего не умю объяснить вамъ. А! напишу строчку къ лорду Каствльтоу, расскажу ему мой страхъ и подозрѣніе: онъ, я знаю, поведетъ вслѣдъ за нами или сдѣлаетъ все, что будетъ къ лучшему.

Я схватилъ чернила и бумагу, и принялся поспѣшно писать. Дядя подошелъ и посмотрѣлъ мнѣ черезъ плечо. Вдругъ онъ воскликнулъ, хватая меня за руку:

— Гауеръ, Гауеръ! это что за имя? вы сказали Вивіенъ.

— Вивіенъ и Гауеръ — одинъ и тотъ-же.

Дядя бросился вонъ изъ комнаты. Естественно было ему оставить меня заняться приготовленіями къ нашему отъѣзду.

Я дописалъ письмо, запечаталъ и, когда, пять минутъ спустя, подъѣхала почтовая коляска, я отдалъ его слугѣ, который привелъ лошадей, приказывая ему сейчасъ-же доставить его лорду Кастльтонъ въ собственныя руки.

Дядя съелъ возлѣ меня и очень спокойно сказалъ:

— Успокойтесь. Мы, можетъ-быть, и ошибаемся.

— Ошибаемся? Да вы не знаете этого молодого чело-
вѣка. Онъ имѣетъ всѣ способности завлечь дѣвочку подоб-
ную Фанни и, боюсь я, ни одного благороднаго чувства,
которое бы стало поперегъ дороги его честолюбія. Я сузу
объ немъ теперь какъ бы по откровенію.... слишкомъ позд-
но; Боже мой, если будетъ слишкомъ поздно!

Глухой стонъ вырвался у Роланда. Я почелъ его за
выраженіе его сочувствія ко мнѣ и сжалъ его руку: она
была холодна, какъ у мертваго.

(До слѣд. книги).

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕМЕЙСТВО КАБСТОНЪ.

Романъ Бюльвера.

ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

Во всемъ случившемся ничто не оправдывало подозрѣній, которыми я мучился, кромѣ впечатлѣнія, произведеннаго на меня характеромъ Вивіена.

Читатель, не случилось ли тебѣ въ молодости, когда вообще такъ легко и беззаботно сближаешься, сойдтися съ человѣкомъ, котораго привлекательныя и блестящія качества не затемнили въ тебѣ природнаго отвращенія къ его слабостямъ или порокамъ и твоей способности понимать ихъ, и, въ этомъ возрастѣ, когда мы поклоняемся всему хорошему, даже когда сами впадаемъ въ погрѣшности и восторгаемся благороднымъ чувствомъ или добродѣтельнымъ поступкомъ, ты принималъ живое участіе въ борьбѣ между дурными началами твоего сверстника, которыя тебя отъ него отталкивали, и хорошими, которыя влекли къ нему? Ты, можетъ-быть, на время потерялъ его изъ виду; вдругъ ты слышишь, что онъ сдѣлалъ что-нибудь выходящее изъ общаго порядка добрыхъ или дурныхъ дѣлъ, и въ обоихъ случаяхъ,

Отд. II.

5

будь его дѣло доброе или дурное, ты мысленно перебъгаешь прежнія воспоминанія и восклицаешь: «именно, только онъ и могъ это сдѣлать!»

Вотъ что я чувствовалъ въ отношеніи къ Вивіену. Отличительныя черты его характера были страшная способность соображенія и неудержимая смѣлость, качества, ведущія къ славы или безславію, смотря по тому, до какой степени развито нравственное чувство и какъ направлены страсти. Если-бы я увидѣлъ приложеніе этихъ двигателей къ доброму дѣлу и другіе не рѣшились-бы приписать его Вивіену, я-бы воскликнулъ: «это онъ: доброе начало одержало верхъ!» Съ такою-же (увы! еще съ большей) поспѣшностью, когда дѣло было дурное и дѣйтель также еще былъ неизвѣстенъ, я почувствовалъ, что эти качества обличили человѣка, и что побѣда осталась за дурнымъ началомъ.

Много миль и много станцій проѣхали мы по скучному, нескончаемому сѣверному шоссе. Я разсказалъ моему спутнику лснѣе прежняго, что именно заставляло меня опасаться; капитанъ сначала вслушивался жадно, потомъ вдругъ остановилъ меня:

— Тутъ можетъ и не быть ровно ничего! — сказалъ онъ, — сэръ, мы должны быть мужчинами; наши головы должны остаться свѣжи, а мысли свѣтлы: постойте!

Больше онъ не хотѣлъ говорить и забился вглубь кареты, а когда наступила ночь, онъ, казалось, заснулъ. Я сжался надъ его усталостью и молча переносилъ мои мученія. На каждой станціи мы слышали о тѣхъ, кого преслѣдовали. На первой станціи или на первыхъ двухъ мы опоздали меньше нежели на часъ; но, по мѣрѣ того какъ подвигались впередъ, мы стали все больше и больше отставать отъ нихъ, не смотря на щедроты, расточаемыя нами почтарямъ. Наконецъ мнѣ пришло въ голову, что мы сравнительно подвигаемся такъ медленно только потому, что на каждой станціи мѣняемъ и экипажъ и лошадей; когда я сказалъ объ этомъ Роланду, онъ вызвалъ хозяина гостинницы, (мы около полуночи смѣняли лошадей) и заплатилъ ему за право удержать экипажъ до конца путешествія. Это было

такъ мало похоже на обыкновенную бережливость Роланда въ отношеніи къ моимъ деньгамъ или своимъ собственнымъ, и такъ мало оправдывалось нашими средствами, что я нехотя вздумалъ-было отговориться отъ такой издержки.

— Знаете, отчего я былъ скупъ?—спросилъ Роландъ спокойно.

— Не то что скупы, а бережливы развѣ; это часто бываетъ съ военными.

— Я былъ скупъ, — повторилъ капитанъ, съ особеннымъ удареніемъ.—Я сталъ привыкать къ этому въ то время, когда мой сынъ еще былъ ребенкомъ; мнѣ казалось, что онъ отъ природы тщеславенъ и склоненъ къ расточительности. «Что-жъ», сказалъ я самъ себѣ—«я буду копить для него; молодость должна взять свое». Впослѣдствіи, когда онъ пересталъ быть ребенкомъ (по-крайней-мѣрѣ его пороки были пороки взрослога), я опять сказалъ себѣ: «надо подождать; можетъ-быть онъ еще и исправится, такъ я ужъ буду копить деньги для того, чтобы дѣйствовать на чувство его личныхъ выгодъ, если нельзя дѣйствовать на сердце. Хоть этимъ средствомъ я опять приведу его на путь чести!» А тамъ.... послѣ.... Богъ видѣлъ, что я былъ очень гордъ, и я былъ наказанъ; велите имъ вѣхать скорѣй.... скорѣй.... да мы тащимся какъ улитки!....

Всю эту ночь, весь слѣдующій день до вечера мы продолжали наше путешествіе не останавливаясь и не питаясь ни чѣмъ, кромѣ корки хлѣба и стакана вина; мы начинали наверстывать проигранное время и нагонять карету. Ужъ совсѣмъ стемнѣло, когда мы пріѣхали на станцію, гдѣ съ большой сѣверной дороги сворачиваютъ къ помѣстью лорда Н. Здѣсь мои опасенія оправдались тѣмъ, что мы услышали въ отвѣтъ на наши обычные вопросы. Карета, за которой мы гнались, смѣнила лошадей всего за часъ до нашего пріѣзда, и отправилась не по дорогѣ къ лорду Н., а прямо по тракту въ Шотландію. Люди въ гостинницѣ не видали леди,

которая сидѣла въ каретѣ, потому-что было темно; лошадей-же требовалъ лакей (они описывали его диврею).

Тутъ исчезла послѣдняя надежда на то, что мы ошиблись въ цѣлихъ предположенійхъ о преднамѣренномъ заговорѣ. Капитана это сначала, казалось, поразило болѣе меня, но онъ очень скоро оправился. — Будемъ продолжать путь верхомъ! — сказалъ онъ, и побѣжалъ въ конюшню. Вся отговорки пали передъ золотомъ. Черезъ пять минутъ мы ужъ сидѣли на лошадяхъ, также какъ и почталіонъ, который долженъ былъ провожать насъ. Мы проѣхали первую станцію почти на цѣлую треть времени скорѣе, чѣмъ бы при врежнемъ средствѣ сообщенія: я едва успѣвалъ за Роландомъ. Мы пересѣли на другихъ лошадей, опоздавъ только двадцатью минутами противъ кареты. Мы были увѣрены, что нагонимъ ее прежде, чѣмъ она успѣетъ доѣхать до сосѣдняго города.... взошелъ мѣсяцъ.... мы видѣли далеко передъ собой.... мы неслись во всю прыть. Мимо насъ мелькали одинъ за другимъ дорожные столбы, а кареты все еще не было видно. Мы прискакали въ городъ или, вѣрнѣе, въ мѣстечко, гдѣ должны были перемѣнить лошадей; тутъ былъ только одинъ почтовый дворъ. Мы долго стучались въ гостиницы.... полусонная прислуга объявила, что передъ нами не было кареты и что послѣдняя карета проѣхала здѣсь около полудня.

Какая еще тутъ была тайна!

— Назадъ, назадъ! — сказалъ дядя Роландъ, съ быстрымъ соображеніемъ, солдата, и поскакалъ со двора, прищипывая усталую лошадь. — Они своротили на перекресткѣ или проѣхали проселкомъ. Мы отыщемъ ихъ по слѣдамъ подковъ ихъ лошадей или по слѣду колесъ.

Почталіонъ сталъ-было ворчать, указывая на запыхавшихся лошадей. Въ отвѣтъ на это, Роландъ показалъ ему руку съ червонцами. И мы опять понеслись черезъ грустную сонную деревню по шоссе, освѣщенному мѣсяцемъ. Мы доѣхали до поворота, но нашъ путь лежалъ прямо, все прямо. Такъ проѣхали мы около половины дороги до города, въ которомъ въ послѣдній разъ перемѣнили лошадей, какъ

вдругъ съ проселка выѣхали на большую дорогу два почталіона съ лошадьми въ заводу.

Нашъ проводникъ тронулъ впередъ и громко приветствовалъ своихъ товарищей. Въ нѣсколькихъ словахъ получили мы показаніи, которыхъ искали. Одно изъ колесъ кареты соскочило съ оси на самомъ поворотѣ дороги, и молодая леди съ прислугой должна была искать убѣжища въ небольшой гостинницѣ, стоящей на нѣсколько ярдовъ въ сторону отъ дороги; лакей отпустилъ почталіоновъ, какъ только лошади ихъ немного отдохнули, и приказалъ имъ вернуться на слѣдующее утро и привести съ собой кузнеца, чтобъ починить колесо.

— Какъ-же это колесо соскочило?—спросилъ Роландъ.

— Да должно-быть чека совсѣмъ вытерлась, да и выпала.

— А человекъ? слезалъ онъ послѣ того какъ вы выѣхали со станціи, и передъ тѣмъ какъ все это съ вами случилось?

— Да, сэръ; онъ сказалъ, что колеса загараются, что оси не патентованныя и что онъ позабылъ велѣть ихъ смазать.

— И онъ осматривалъ колесо; и скоро послѣ этаго чека выпала? Такъ что-ли?

— Такъ, сэръ, такъ! — отвѣчалъ почталіонъ, вымучивъ глаза, — да, точно такъ и было, сэръ.

— Ѳдемъ, Пизнстратъ, Ѳдемъ! мы успѣли во-время: только молитѣ Бога... молитѣ Бога... чтобы... — Капитанъ воткнулъ шпоры въ лошадь, и я не слышалъ уже остальныхъ словъ.

Нѣсколько ярдовъ въ сторонѣ отъ дороги стояла, отдѣленная отъ нея лужайкой, гостинница — мрачное, старинное зданіе, построенное изъ дикаго камня, глядѣвшее испривѣтно при свѣтѣ луны; съ одной стороны нѣсколько скалъ бросали на него черную тѣнь. Какая глушь! возлѣ нея не было ни дома, ни хижины. Если содержатели гостинницы люди такого рода, что злодѣи могли-бы разсчитывать на ихъ содѣйствіе, а невинность не должна была надѣяться на ихъ помощь, такъ, сверхъ того, не нашлось бы и сосѣдей, которыхъ-бы можно было поставить на ноги: вблизи не было другаго убѣжища. Мѣсто было искусно выбрано.

Двери были заперты; въ комнатахъ нижняго яруса былъ огонь, но ставни были закрыты снаружи. Дядя остановился на минуту и потомъ спросилъ у почталіона:

— Знаешь ты задній входъ въ домъ?

— Нѣтъ, сэръ; я не часто бываю въ этой сторонѣ, и содержатели — то новые: говорятъ, у нихъ дѣла идутъ плохо.

— Постучись въ дверь.... мы покуда стоимъ въ сторонѣ. Если у тебя спросятъ, что тебѣ нужно, скажи только, что ты хочешь говорить съ лакеемъ, что ты нашелъ кошелекъ: на вотъ, возьми мой!

Мы съ Роландомъ слѣзли съ лошадей, и дядюшка поставилъ меня у самой двери вплотъ къ стѣнѣ. Замѣтивъ, что я съ нетерпѣніемъ выдерживалъ то, что казалось для меня пустыми прелиминаріями, онъ сказалъ мнѣ на ухо:

— Тише; если имъ надо скрыть что-нибудь, намъ не прежде отворять, какъ уже узнавши, кто стучится; если насъ увидятъ, намъ не отопрутъ. Но почталіона они сперва примутъ за одного изъ тѣхъ, которые пріѣхали съ каретой, и ничего не подумаютъ. Готовьтесь вломиться въ дверь какъ только отодвинутъ засовъ.

Долговременная опытность дяди не обманулась: и почталіону отвѣчало сначала одно молчаніе; свѣтъ быстро перебѣгалъ по окнамъ, какъ будто кто-нибудь ходилъ въ домъ. По поданному Роландомъ знаку, почталіонъ постучалъ еще—и еще разъ; наконецъ, въ слуховомъ окошкѣ показалась голова, и какой-то голосъ сказалъ:

— Кто тамъ?... что надо?

— Я почталіонъ изъ гостинницы *Краснаго Льва*; мнѣ нужно видѣть лакея, что пріѣхалъ въ коричневой каретѣ: я кошелекъ нашелъ.

— А, только-то.... подожди маленько.

Голова скрылась; мы подползли подъ высунувшіяся наружу балки дома; мы слышали, какъ отнимали запоръ; дверь осторожно отворилась; я сдѣлалъ скачекъ и уперся въ нее спиной, чтобы впустить Роланда.

— Эй, помогите!... воры... помогите, — громко кричалъ какой-то голосъ, и я чувствовалъ, что рука ухватила меня за горло; въ тьсоть, я махнулъ на удачу, но не безъ послѣдствій, потому-что за моимъ ударомъ послышался стоиъ и ругательство.

Роландъ, между тьмъ, набрелъ на лучъ свѣта, падавшій черезъ щель двери, выходящей въ сьни; руководимый имъ, онъ пробрался въ ту самую комнату, въ окнахъ которой, какъ видѣли мы со двора, свѣтъ переходилъ съ мѣста на мѣсто. Когда онъ отворилъ дверь, я вметѣлъ вслѣдъ за нимъ въ горницу, что-то въ родѣ гостиной, и увидѣлъ двухъ женщинъ: одна изъ нихъ была мнѣ незнакома (должно быть это была сама содержательница гостиницы) другая — измѣнница горничная. Ихъ лица выражали ужась.

— Гдѣ миссъ Тривеніонъ? — спросилъ я, бросившись къ послѣдней изъ нихъ.

Вмѣсто отвѣта женщина страшно завизжала. Въ это время показался еще свѣтъ съ лѣстницы, противъ самой двери, и я услышалъ голосъ, въ которомъ узналъ голосъ Пиккока, кричавшій:

— Кто тамъ? Что случилось?

Я кинулся къ лѣстницѣ; увѣсистая образина (трактирщика, оправившагося отъ моего удара) на минуту заградилла мнѣ дорогу, но тутъ-же была мною повергнута долу. Я взобрался вверхъ по лѣстницѣ; Пикокъ, узнавшій меня, отступилъ; погасивъ при этомъ свѣчку. Брань, ругательства, визгъ раздавались въ темнотѣ. Посреди всего этого я услышалъ вдругъ слова: «сюда! сюда! помогите!» Это былъ голосъ Фанни. Я сталъ пробираться вправо, откуда мнѣ слышались слова; но получилъ сильный ударъ. Ксчастью онъ попалъ на руку, которую я протянулъ, какъ обычно венно протягиваютъ руку, когда ищутъ дороги въ темнотѣ. Ктому-же это была не правая рука, и я схватился съ моимъ противникомъ. Тутъ подоспѣлъ Роландъ со свѣчкой; при видѣ его, мой противникъ, который былъ не кто иной, какъ Пикокъ, вырвался отъ меня и проскользнулъ-было къ лѣстницѣ. Но здѣсь капитанъ схватилъ его своей желѣзной

рукой. Не опасаясь за Роланда, когда ему приходилось вѣдаться не больше какъ съ однимъ непріателемъ, и думая только о спасеніи той, чей голосъ опять доходилъ до меня, я ужь (прежде чѣмъ погасла свѣча дяди Роланда въ его схваткѣ съ Пикокомъ) разглядѣлъ дверь, въ концѣ корридора, и съ розмаха полетѣлъ на нее: она была заперта, но затрещала и покачнулась отъ моего натиска.

— Не подходите, кто бы вы ни были! — закричалъ голосъ изнутри комнаты; но это былъ не тотъ крикъ отчаянья, который направлялъ мои шаги. — Не подходите, если вамъ жизнь дорога!

Этотъ голосъ, эта угроза удвоили мои силы; дверь слетѣла съ петель. Я стоялъ въ комнатѣ. Я увидѣлъ Фанни у моихъ ногъ, хватавшую мои руки; потомъ она встала, оперлась на мое плечо и тихо произнесла:

— Я спасена!

Передо мною, съ лицомъ, обезображеннымъ отъ гнѣва, съ глазами, буквально горѣвшими дикимъ огнемъ, раздутыми ноздрями и раствореннымъ ртомъ, стоялъ человѣкъ, котораго я звалъ Франсисомъ Вивіенъ.

— Фанни.... миссъ Тривеніонъ.... что это за обида?... Что за злодѣйство? Вы не по собственной волѣ сошлись здѣсь съ этимъ человѣкомъ.... о, говорите!

Вивіенъ выскочилъ впередъ.

— Не спрашивайте никого кромѣ меня, оставьте эту леди.... она моя невѣста.... она будетъ моей женой.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.... не вѣрьте ему, — кричала Фанни — я была обманута моими людьми... меня привезли сюда, я не знаю какъ! Я слышала, что отецъ мой боленъ; я ѣхала къ нему; этотъ человѣкъ встрѣтилъ меня здѣсь и осмѣлился....

— Миссъ Тривеніонъ.... да, я осмѣлился сказать, что люблю васъ.

— Защитите меня отъ него! вы защитите меня отъ него?

— Нѣтъ, миссъ Тривеніонъ, — сказалъ за мною торжественный голосъ, — я требую права защитить васъ отъ

этого чловѣка; я теперь защищу васъ рукою, которая должна быть неприкосновенна даже для него, я, который съ этого мѣста призываю на его голову.... проклятіе отца. Обличенный соблазнитель, преступившій священный долгъ гостепріимства, ступай, иди по пути къ удѣлу, избранному тобой; Богъ смилуется надо мной и дастъ мнѣ сойти въ могилу прежде чѣмъ ты кончишь жизнь на каторгѣ или—на висѣлицѣ.

Мнѣ стало дурно, по жиламъ пробѣжалъ морозъ, я отшатнулся и искалъ опереться о стѣну. Роландъ обнялъ рукою Фанни, а она, слабая, дрожа, прильнула къ его широкой груди и со страхомъ смотрѣла ему въ лицо. И никогда не видалъ я въ этомъ лицѣ, изрытомъ страданіемъ и омраченномъ неизъяснимою горестью, такого величественнаго выраженія, не смотря на гнѣвъ и отчаяніе. Слѣдя за направленіемъ его глазъ, темныхъ и неподвижныхъ, какъ глаза чловѣка, предрекающаго будущность или прорицающаго чью-нибудь участь, я трясся, глядя на сына. Онъ опустился и дрожалъ, какъ будто проклятіе ужъ исполнилось: смертная блѣдность покрыла его щеки, которыя обыкновенно цвѣли яркимъ румянцемъ дѣтей востока, колѣни стучали одно о другое. Съ слабымъ крикомъ страданія, похожимъ на крикъ чловѣка, которому наносятъ послѣдній, смертельный ударъ, онъ закрылъ лицо обѣими руками, ноги его подогнулись, и онъ остался недвижимъ.

Безсознательно выступилъ я впередъ и сталъ между отцомъ и сыномъ, сказавши тихо:

— Пощадите его! посмотрите, какъ его давить его собственное сознаніе.

Потомъ я подошелъ къ сыну и шепнулъ ему:

— Ступайте, ступайте; преступленіе не было совершено, и можно будетъ уничтожить проклятіе.

Но слова мои затронули ложную струну этой темной и строитивой души. Молодой чловѣкъ отнялъ руки отъ лица и гнѣвно и пагло поднялъ голову. Онъ оттолкнулъ меня въ сторону и громко сказалъ:

— Прочь! я ни за кѣмъ не признаю власти надъ моими поступками и надъ моею участью; я не допускаю по-

средниковъ между этой леди и мной. Сэръ, — продолжалъ онъ, грозно смотря на отца, — сэръ, вы позабыли нашъ договоръ. Связь наша разорвана, ваша власть надо мной уничтожена; я не ношу больше вашего имени; для васъ я былъ и продолжаю быть какъ-бы мертвымъ. Я отказываю вамъ въ правѣ становиться между мною и тѣмъ, что для меня дороже жизни. О (при этомъ онъ протянулъ руки къ Фанни), миссъ Тривеніонъ, не откажите мнѣ въ одной просьбѣ, въ чемъ-бы вы меня ни обвиняли. Позвольте мнѣ видѣть васъ на-единѣ хоть на одну минуту, позвольте мнѣ доказать вамъ, что если и былъ я преступень, то не изъ тѣхъ низкихъ видовъ, которые мнѣ здѣсь приписываютъ, говоря, что я будто-бы хотѣлъ соблазнить богатую наследницу; нѣтъ, я хотѣлъ тронуть женщину; поймите вы меня!

— Нѣтъ, нѣтъ; — говорила Фанни, прижимаясь ближе къ Роланду, — не оставляйте меня. Если онъ точно, какъ кажется, вашъ сынъ, я прощаю его; но велите ему уйти, мнѣ страшенъ его голосъ!

— Неужели вы-бы въ самомъ дѣлѣ хотѣли уничтожить во мнѣ воспоминаніе о связи, которая существуетъ между нами — сказалъ Роландъ глухимъ голосомъ, — неужели вы-бы хотѣли, чтобы я, видя въ васъ только низкаго вора и обманщика, выдалъ васъ въ руки правосудія, или растянулъ у моихъ ногъ. Ступайте, и пусть спасеть васъ это воспоминанье!

Я было опять подступился къ преступному сыну; но онъ опять уклонился отъ меня.

— Я одинъ, — сказалъ онъ, скрестивши руки на груди, — имѣю право распоряжаться въ домѣ; всѣ тѣ, которые въ немъ находятся, должны исполнять мои приказанія. Вы, сэръ, которые цѣните такъ высоко славу, имя и честі, какъ-же вы не видите, что вы ихъ отняли-бы навсегда у этой леди, которую вы хотите защитить отъ моей позорной привязанности? Какъ приметъ свѣтъ повѣсть о спасеніи миссъ Тривеніонъ?... О простите меня.... миссъ Тривеніонъ.... Фанни.... простите меня! я схожу съ ума, только выслушайте меня на-единѣ.... меня одного, а тамъ,

если и вы скажете «прочь!» я безъ ропота подчинюсь вашему приговору; я не признаю судьи, кромѣ васъ.

Но Фанни прижималась все ближе и ближе къ Роланду. Въ эту минуту я слышалъ внизу шумъ голосовъ и топотъ, и, думая, что соучастники этого заговора опять собрались съ духомъ, можетъ-быть для того, чтобы идти на помощь своего руководителя, я потерялъ состраданіе, смягчавшее во мнѣ ужасъ, произведенный на меня преступленіемъ молодаго человѣка, и недоумѣніе, въ которое привело меня его сознаніе. По-этому я теперь такъ схватилъ Вивіана, что онъ не могъ ужь у меня вырваться, и сказалъ ему сухо:

— Смотрите, не усиливайте обиды! Если будетъ сватка, такъ не у отца съ сыномъ, а....

Фанни выступила впередъ.

— Не страшайте этого человѣка, я не боюсь его, сэръ, я готова выслушать васъ одна.

— Никогда! — сказали мы съ Роландомъ, оба разомъ.

Вивіанъ со злостью взглянулъ на меня и съ горечью на отца и, какъ-бы отказываясь отъ своей просьбы, сказалъ:

— Хорошо-же! Я буду говорить даже въ присутствіи тѣхъ, которые такъ строго судятъ меня.

Онъ остановился и, придавши своему голосу выраженіе страсти, которое въ самомъ дѣлѣ могло-бы показаться трогательнымъ, если-бъ его проступокъ внушалъ менѣе отвращенія, продолжалъ, обращаясь къ Фанни:

— Сознаюсь, что, когда я въ первый разъ увидѣлъ васъ, я можетъ-быть и мечталъ о любви, какъ честолюбивый бѣднякъ думаетъ о пути къ богатству и власти. Но эти мысли исчезли, и въ моемъ сердцѣ осталась одна безумная любовь. Я былъ какъ въ бреду, когда я соображалъ всю эту продѣлку. Неужели вы, которыя, по-крайней-мѣрѣ въ этомъ видѣніи, были моею, неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, на вѣки для меня потеряны?

Въ голосъ и пріемахъ этаго человѣка было что-то такое, происходившее или отъ самаго искуснаго притворства или отъ истиннаго, но извращеннаго чувства, что,

по моему, непременно должно было отозваться въ сердцѣ женщины, если она когда-нибудь любила его, какъ-бы она ни была оскорблена имъ; вотъ почему я обратилъ на миссъ Тривеніонъ холодный и пытливый взглядъ. Когда она въ страхѣ обернулась, ея глаза печально встрѣтились съ моими, и мнѣ кажется, что она поняла мои сомнѣнья: она глядѣла на меня какъ-бы съ грустнымъ упрекомъ, послѣ чего ея губы гордо стянулись, какъ у матери, и я въ первый разъ увидѣлъ на ея лицѣ выраженіе гнѣва.

— Хорошо, что вы сказали все это при другихъ; при нихъ-же я заклинаю васъ честию, которую сынъ этого джентельмена можетъ мгновенно забыть, но на чей призывъ онъ не можетъ остаться глухъ, я умоляю васъ сказать: подала-ли вамъ я, Фанни Тривеніонъ, дѣломъ, словомъ или знакомъ, какой-нибудь поводъ надѣяться, что я отвечаю на чувство, которое вы, какъ говорите, питали ко мнѣ, или что я согласна на ваше покушеніе овладѣть мною?

— Нѣтъ! — сказалъ Вивіенъ не запинаясь, при чемъ губы его дрожали — нѣтъ! Но когда я любилъ васъ такъ глубоко, когда я отдавалъ всю мою будущность за одинъ удобный случай съ глаза на глазъ признаться вамъ въ этомъ, я не думалъ, что такая любовь заслужить только презрѣніе и гнѣвъ. Ужели сотворенъ я такъ бѣдно природою, что мнѣ никогда не отвѣтятъ любовью на мою любовь? Развѣ я по рожденію недостойнъ породниться съ знатію? Последнее, по-крайней-мѣрѣ, долженъ-бы опровергнуть этотъ джентельмень, который позаботился внушить мнѣ, что мое происхожденіе оправдываетъ самыя смѣлыя надежды и сулитъ безграничное честолюбіе. Мои надежды, мое честолюбіе — были вы. Миссъ Тривеніонъ, правда, что я-бы пренебрегъ всѣми законами свѣта и всѣми врагами, кромѣ того, который теперь передо мной, чтобы владѣть вами! Да, повѣрьте, повѣрьте, что если-бы я дошелъ до того, къ чему стремился, вамъ не пришлось-бы кантаться въ вашемъ выборѣ; имя, за которое я не благодарю моего отца, не сдѣлалось-бы предметомъ презрѣнія ни той женщины, которая-бы простила мнѣ мою смѣлость, ни того,

кто теперь увеличивает мое горе и проклинает меня въ моемъ отчаяніи.

Роландъ не пытался прерывать сына ни однимъ словомъ; напротивъ того, онъ съ какимъ-то лихорадочнымъ напряженіемъ, которому я, втайнѣ, сердечно сочувствовалъ, казалось, ловилъ каждый слогъ, хоть немного смягчавшій нанесенную обиду, или даже оправдывавшій низость употребленныхъ средствъ болѣе-возвышенными цѣлями. Но, когда сынъ заключилъ несправедливыми упреками и выраженіемъ страшнаго отчаянія, оправданіе, обличавшее его въ неизмѣнной гордости, извращенномъ краснорѣчїи, и совершенномъ непониманїи начала чести, боготворимаго отцомъ, Роландъ закрылъ рукою глаза, которые передъ тѣмъ, какъ бы очарованный, уставилъ на ожесточеннаго преступника, и, притянувъ опять къ себѣ Фанни, сказалъ:

— Его дыханіе отравляетъ воздухъ, которымъ должны дышать невинность и добродетель. Онъ говоритъ, что въ этомъ домѣ все повинуется его приказанїямъ, такъ за чѣмъ же намъ оставаться здѣсь?... Пойдемте! — Онъ пошелъ къ двери вмѣстѣ съ Фанни.

Между тѣмъ шумъ внизу утихъ, но слышались шаги. Вивїенъ подбѣжалъ и сталъ передъ нами:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы такъ не можете оставить меня, миссъ Тривенїонъ. Я отказываюсь отъ васъ ... пусть такъ; я даже не прошу у васъ прощенья. Но какъ-же вы оставите этотъ домъ, безъ кареты, безъ прислуги, безъ объясненїя? стыдъ падаетъ на меня.... такъ и должно быть. Но по-крайней-мѣрѣ предоставьте мнѣ заглядить то, что я еще могу заглядить, что еще оставлено мнѣ, защитивъ чистоту вашего имени.

Говоря, онъ не замѣтилъ (потому-что стоялъ лицомъ къ намъ, а къ двери спиною), что на сцену вошло новое дѣйствующее лицо, и, молча остановившись у порога, слышало его слова.

— Имя миссъ Тривенїонъ, сэръ! И съ чего это вы вздумали защищать его? — спросилъ только что вошедшій маркизъ де-Кастльтонъ, выступая впередъ и окинувъ

Вивіена взглядомъ, который могъ-бы показаться презрительнымъ, если-бы не былъ такъ спокоенъ.

— Лордъ Каствльтонъ! — воскликнула Фанни, отнимая отъ лица руки, которыми она его закрывала.

Вивіенъ отошелъ, съ досадой стиснувъ зубы.

— Сэръ, — сказалъ маркизъ — я жду вашего отвѣта, потому-что я не допущу, чтобы въ моемъ присутствіи вы даже позволили себѣ намекнуть, что имя этой леди въ чемъ-нибудь не чуждо нареканія.

— Умѣрьте ваши выраженія, лордъ Каствльтонъ! — сказалъ Вивіенъ — въ васъ, наконецъ, я нажужу человѣка, котораго я не обязанъ беречь. Преступленіе, совершенное мною, было вызвано желаніемъ спасти эту леди отъ холоднаго честолюбія ея родителей и не допустить, чтобы ея молодость и красота были принесены въ жертву человѣку, котораго единственное достоинство — званіе и богатство; это желаніе побудило меня пожертвовать всѣмъ для одного часа, въ который молодость могла-бы оправдаться передъ молодостью, а это самое даетъ мнѣ теперь право говорить, что отъ меня зависитъ защитить имя этой леди, чью руку ваша рабская преданность боготворимому вами свѣту не позволить вамъ теперь просить у ея холодно-честолюбивыхъ родителей, готовыхъ пожертвовать ею своему тщеславію. Да, будущая маркиза де-Каствльтонъ на дорогѣ въ Шотландію съ бѣднымъ искателемъ приключеній! Если я и буду молчать, кто-же заставитъ молчать соучастниковъ моей тайны? Я не стану разглашать тайны съ условіемъ, что вы не будете торжествовать тамъ, гдѣ я претерпѣлъ неудачу; я могу потерять то, что я любилъ, но я не уступлю этого другому; и такъ, лордъ Каствльтонъ! тронулъ я васъ теперь или нѣтъ?

— Нѣтъ, сэръ, и я почти прощаю вамъ черный поступокъ, котораго вы не совершили, за то, что вы первые сообщили мнѣ, что родители миссъ Тривеніонъ простили-бы мнѣ мою смѣлость, еслибы я вздумалъ искать ея руки. Не заботьтесь о томъ, что могутъ сказать ваши соумышленники; они ужъ покаялись и въ вашемъ покушеніи и въ своемъ содѣйствіи. И теперь, удалитесь, сэръ!

Лордъ Каствльтонъ подошелъ къ Фанни съ кроткимъ отеческимъ взглядомъ и величественной граціей. Робко оглянувшись, она поспышно подала ему руку и этимъ, можетъ-быть, отклонила новое покушеніе со стороны Вивіена, чья грудь, сильно-приподнимавшаяся отъ волненія, и глаза, налитые кровью, служили доказательствомъ, что и стыдъ не могъ покорить его бышенія страсти. Но онъ и не пытался остановить ихъ, и его языкъ приросъ къ губамъ. Проходя къ двери, они прошли мимо Роланда, который стоялъ неподвижно и съ растерянными глазами, какъ-бы изваянный изъ камня; съ удивительною нѣжностью (за которую я и теперь благословляю тебя, Фанни, когда вспоминаю объ этомъ) она положила другую руку на руку Роланда и сказала:

— Пойдемте съ нами; мнѣ нужна и ваша рука!

Но Роландъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ тронуться съ мѣста; голова его опустилась на грудь, глаза закрылись. Самъ лордъ Каствльтонъ былъ такъ пораженъ (хоть и не могъ онъ отгадать истинной и страшной причины припадка), что на время забылъ свое намѣреніе какъ можно скорѣе выбраться оттуда и сказалъ, съ привычной добротой:

— Вы больны, вамъ дурно; дайте ему руку, Пизистратъ!

— Это ничего, — сказалъ Роландъ, слабымъ голосомъ и тяжело опираясь на мою руку; а я поворотилъ голову и глазами, исполненными выраженія горькаго упрека, искалъ того, чье мѣсто я теперь занималъ. И, слава Богу, взглядъ этотъ былъ не напрасенъ. Въ ту-же минуту сынъ былъ у ногъ отца.

— Простите.... простите! Какъ ни несчастливъ я, какъ ни виноватъ, я погну голову подъ проклятіе, но пусть оно падаетъ на меня.... на меня одного, а не будетъ въ вашемъ сердцѣ!

Фанни облилась слезами и всхлипывая произнесла:

— Простите его, какъ я его прощаю.

Роландъ не слушалъ ея.

— Онъ думаетъ, — сказалъ старикъ такимъ слабымъ голосомъ, что онъ едва былъ слышенъ, — что сердце мое не разбилося прежде, чѣмъ я произнесъ проклятіе!

Онъ возвелъ глаза къ небу ; губы его шевелились , какъ-будто онъ внутренно молился. Немного погодя , онъ простеръ руки надъ головою сына и , отвернувь отъ него лицо , сказалъ :

— Я снимаю проклятіе. Моли Бога о прощеніи.

Не доврѣя , можетъ-быть , большае самому себѣ , онъ переломилъ себя и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Мы молча пошли за нимъ. Въ концѣ корридора , дверь , которую мы не заперли , вдругъ захлопнулась съ шумомъ.

Когда этотъ звукъ дошелъ до меня , во мнѣ родилось такое сильное сознаніе одиночества , въ которомъ остался Вивіенъ , такой страхъ за то , что его сильныя страсти родятъ въ немъ (въ этомъ отчаянномъ положеніи) какой-нибудь ужасный порывъ , что я невольно остановился и побѣжалъ опять къ той комнатѣ. Такъ какъ замокъ былъ ужъ прежде сломанъ , то мнѣ ничто не помѣшало войти. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и увидѣлъ картину такого страданія , какую представляютъ себѣ только видѣвшіе то горе , которое не можетъ быть разсѣяно разсудкомъ , которому ничто не представляетъ утѣшеній ! Гордость , повергнутая въ прахъ ; честолюбіе , разбитое въ дребезги ; любовь (или то чувство , которое ошибочно принималось за нее) , какъ пыль , развѣянная по вѣтру ; жизнь , съ перваго шага лишенная самыхъ священныхъ связей , оставленная самымъ вѣрнымъ проводникомъ ; стыдъ , мучимый желаніемъ мести ; раскаянье , которому чужда молитва : все это соединялось , но не смѣшивалось въ ужасномъ зрѣлищѣ сына-преступника.

А мнѣ было только двадцать лѣтъ , и сердце мое въ теплой атмосферѣ счастливой домашней жизни еще сохранило ребяческую нежность , и я любилъ этого человѣка и тогда уже , когда считалъ его чужимъ , а это былъ сынъ Роланда ! Онъ лежалъ и бился на полу ; при видѣ его отчаянья , я забылъ все : я бросился къ нему , обнялъ его , и какъ онъ ни отталкивалъ меня , я шепталъ ему :

— Успокойтесь , успокойтесь жизнь долга ! Вы искупите прошедшее , сотрете пятно , и отецъ еще благословитъ васъ !

ГЛАВА II.

Я не долго пробылъ съ моимъ несчастнымъ двоюроднымъ братомъ, но все-же думалъ, что карета лорда Кастльтона ужь уѣхала изъ гостиницы; поэтому, когда, проходя черезъ сѣни, увидѣлъ, что она стояла у подъезда, я испугался за Роланда: его волненіе могло кончиться какимъ-нибудь припадкомъ. Опасенія мои оказались основательны. Въ комнату, гдѣ мы сперва нашли двухъ женщинъ, я увидѣлъ Фанни, стоящую на колыняхъ возлѣ стараго солдата: она мочила ему виски; лордъ Кастльтонъ перевязывалъ ему руку, а камердинеръ маркиза, присоединявшій къ прочимъ своимъ достоинствамъ искусство фершела, обтиралъ клинокъ перочиннаго ножа, служившаго ему ланцетомъ. Лордъ Кастльтонъ кивнулъ мнѣ головой.

— Не безпокойтесь, — сказалъ онъ, — это былъ легкій обморокъ.... мы пустили ему кровь. Теперь онъ внѣ опасности; посмотрите, онъ приходитъ въ память.

Когда Роландъ открылъ глаза, онъ посмотрѣлъ на меня робкимъ, вопрошающимъ взглядомъ. Я, улыбаясь, поцѣловалъ его въ лобъ и съ чистой совѣстью шепнулъ ему нѣсколько словъ, которыя не могли не утѣшить отца и христіанина.

Спустя нѣсколько минутъ мы оставили этотъ домъ. Карета лорда Кастльтона была двумѣстная: онъ сперва усадилъ въ нее миссъ Тривеніонъ и Роланда, а самъ спокойно усѣлся на задкѣ и пригласилъ меня сѣсть съ нимъ рядомъ, такъ какъ тутъ было довольно мѣста для обоихъ. (Его человекъ отправился впередъ на одной изъ тѣхъ лошадей, на которыхъ пріѣхали мы съ Роландомъ). Мы не стали говорить: Лордъ Кастльтонъ былъ въ сильномъ волненіи, а у меня какъ-то не вязались слова.

Когда мы пріѣхали въ гостиницу, милъ на шесть дальше, гдѣ лордъ Кастльтонъ перемѣнилъ лошадей, онъ настоялъ на томъ, чтобы Фанни отдохнула нѣсколько часовъ: она, въ самомъ дѣлѣ, выбилась изъ силъ.

Я проводилъ дядюшку въ его комнату; на слова мои о раскаяніи его сына, онъ только пожалъ мнѣ руку, по-

шелъ въ самой дальній уголъ горницы и тамъ опустился на колѣна. Когда онъ всталъ, онъ былъ послушенъ и сговорчивъ, какъ ребенокъ. Онъ далъ мнѣ раздѣть себя, легъ въ постель, отвернулъ лицо отъ свѣта и послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ вздоховъ, казалось, тихо и сладко заснулъ. Я прислушивался къ его дыханію, покуда оно не стало тихо и ровно; тогда я вышелъ въ общую комнату, гдѣ остался лордъ Кастльтонъ, который просилъ меня придти туда.

Маркизь, задумчивый и печальный, сидѣлъ передъ каминомъ.

— Я радъ, что вы пришли — сказалъ онъ, давая мнѣ мѣсто подъ навѣсомъ камина — потому-что, увѣряю васъ, мнѣ давно не было такъ грустно. Мы многое должны объяснить другъ другу. Начните вы пожалуйста; говорятъ, звукъ колокола разгоняетъ громовыя тучи; ничто такъ не разгонитъ тучи, которыя набѣгаютъ на душу, когда мы думаемъ о нашихъ проступкахъ и о назначеніи другихъ, какъ голосъ прямого, честнаго человѣка.... Но простите меня.... этотъ молодой человѣкъ вашъ родственникъ.... сынъ вашего добраго дядюшки! Можетъ-ли это быть?

Мои объясненія лорду Кастльтонъ были по-неволѣ коротки и неполны. Разрывъ между Роландомъ и его сыномъ, незнаніе причинъ его, убѣжденіе въ смерти послѣдняго, случайная встрѣча съ мнимымъ Бивіеномъ, участіе, принятое въ немъ мною, мысль, что онъ воротился туда, гдѣ, думали мы, его семейство, успокоившая меня насчетъ его будущности, обстоятельства, родившія во мнѣ подозрѣніе, оправданное результатомъ: все это было рассказано очень скоро.

— Извините меня, — сказалъ маркизь, прерывая меня — неужели въ вашей дружбѣ съ человѣкомъ, который даже по вашимъ собственнымъ пристрастнымъ словамъ такъ мало похожъ на васъ, вамъ никогда не приходило на мысль, что вы паткнулись на вашего двоюроднаго брата?

— Такая мысль никогда не могла придти мнѣ въ голову.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что, хотя читатель при первомъ появленіи Вивіена можетъ-быть и отгадать эту тайну, но пронизательность читателя совершенно различна отъ прозрачности чловѣка, который самъ участвуетъ въ передаваемомъ происшествіи; что я попалъ на одно изъ тѣхъ странныхъ стеченій обстоятельствъ въ романѣ дѣйствительной жизни, которыхъ читатель вѣдетъ и выжидаетъ въ продолженіи разсказа, этого я не имѣлъ права предположить по многимъ разнообразнымъ причинамъ. Не было ни малѣйшаго семейнаго сходства между Вивіеномъ и кѣмъ-бы то ни было изъ его родственниковъ, и такъ-ли или иначе все-же я представлялъ себя сына Роланда и съ наружностію и съ характеромъ совершенно-другими. Мнѣ казалось не возможнымъ чтобы мой двоюродной братъ обнаруживалъ такъ мало любопытства узнать что-нибудь о нашихъ общихъ семейныхъ дѣлахъ; чтобы онъ оказывалъ такъ мало вниманія, даже скупчалъ, когда я говорилъ о Роландѣ, и ни словомъ ни особеннымъ выраженіемъ голоса никогда не высказалъ своего сочувствія къ роднѣ. Къ тому-же другое мое предположеніе было такъ правдоподобно, что онъ сынъ полковника Вивіена, чьимъ именемъ онъ и называлъ себя. А это письмо съ почтовымъ штемпелемъ «Годальвингъ!» А мое убѣжденіе въ смерти моего двоюроднаго брата! Даже теперь меня не удивляетъ, что эта мысль тогда не пришла мнѣ въ голову.

Я прекратилъ исчисленіе всѣхъ этихъ оговорокъ моею тупости, увидѣвъ, что прекрасный лобъ лорда Какстонтонъ сталъ морщиться: онъ воскликнулъ:

— Сколько разъ онъ долженъ былъ быть обманутъ, чтобы сдѣлаться такимъ искуснымъ обманщикомъ!

— Это правда, и противъ этого я не могу сказать ничего, — сказалъ я. — Но настоящее его наказаніе ужасно: будемъ надѣяться, что за нимъ послѣдуетъ раскаяніе. И хоть онъ дѣйствительно по собственной волѣ оставилъ кровь родительскій, но при такихъ обстоятельствахъ, я думаю отчасти можно объяснить вліяніемъ дурнаго товарищества подозрительность, которую рождаетъ въ насъ открываемое зло. обра-

щая ее въ какое-то превратное знаніе свѣта. И въ этомъ послѣднемъ и худшемъ изъ всѣхъ его поступковъ....

— Чѣмъ оправдать это?

— Оправдать.... Боже мой.... оправдать это? Да я не оправдываю; я только говорю, — какъ ни покажется оно странно — что я убѣжденъ, что въ своей привязанности къ миссъ Тривеніонъ онъ мобилъ именно ее: онъ говорилъ это въ такомъ отчаянномъ положеніи, въ которомъ и самый скрытный человекъ пересталъ-бы притворяться. Но, довольно объ этомъ.... она спасена, слава Богу!

— И вы вѣрите, — сказалъ задумчиво лордъ Кастльтонъ, — что онъ говорилъ правду, когда онъ хотѣлъ мнѣ дать почувствовать, что я....

Маркизъ приостановился, слегка покраснѣлъ и потомъ продолжалъ: — Какъ-бы ни смотрѣли на это леди Элиноръ и Тривеніонъ, они никогда-бы до такой степени не забыли своего достоинства; они не открылись-бы въ такомъ важномъ дѣлѣ ему, мальчику, только что не чужому; они никому-бы въ этомъ не открылись.

— Вивіенъ, я хотѣлъ сказать мой двоюродный братъ, объяснялъ мнѣ это только немногими и то не связными словами; леди Н., у которой онъ гостилъ, кажется не чуждалась этой мысли; по-крайней-мѣрѣ такъ думалъ мой двоюродный братъ.

— А это можетъ быть, — сказалъ лордъ Кастльтонъ, при чемъ взоръ его прояснился. — Мы съ леди Н. росли вмѣстѣ, мы съ ней въ перепискѣ; она мнѣ что-то намѣкала объ этомъ Да, понимаю.... нескромная женщина.... вотъ что выходитъ изъ корреспонденціи съ дамами.

Лордъ Кастльтонъ прибѣгнувъ къ знаменитому табуку своего изобрѣтенія; потомъ, какъ будто желая скорѣе перемѣнить предметъ разговора, началъ свои объясненія. Получивъ мое письмо, онъ нашелъ еще болѣе причинъ предположить заговоръ нежели я, потому-что въ это-же утро получилъ письмо отъ Тривеніона, а Тривеніонъ не говорилъ ни слова о своей болѣзни; когда-же онъ обратился къ газетамъ и увидѣлъ въ нихъ статью «о неожиданной и опа-

снѣи болѣзни м. Тривеніона», маркизъ предположилъ какія-нибудь происки партій или глупую шутку, ибо почта, съ которой ему было доставлено письмо, вѣроятно вѣхала не тише посланнаго, доставившаго извѣстіе газетъ. Онъ однако сейчасъ-же послалъ спросить въ конторъ журнала, на какомъ основаніи объявленіе это напечатано, а между тѣмъ отправилъ другаго челоуѣка въ Сентъ-Джемсъ-скверъ. Контора отвѣчала, что извѣстіе доставлено лакеемъ въ ливреѣ м. Тривеніона, но что оно было признано достовѣрнымъ только тогда, когда узнали въ домѣ министра, что леди Эллиноръ получила такое-же извѣщеніе и вслѣдствіе этого уѣзжала изъ города.

— Я подумалъ о томъ, какъ должна безпокоиться леди Эллиноръ,—сказалъ лордъ Какстлтонъ,—и самъ право не зналъ что дѣлать; но мнѣ все-таки казалось, что на самомъ дѣлѣ опасаться нечего, покуда я не получилъ вашего письма. Вы писали, что вы убѣждены, что въ этой исторіи замѣшанъ м. Гауеръ и что подѣ этимъ кроется замыселъ противъ Фанни: я тотчасъ и понялъ, въ чемъ дѣло. Къ лорду Н. чуть-ли не до послѣдней станціи ѣздить прямо по шотландскому тракту, и смѣлый и не очень совѣстливый искатель приключеній легко могъ съ помощью прислуги миссъ Тривеніонъ увезти ее въ Шотландію и тамъ владѣть ею, или, если онъ могъ разсчитывать на ея склонность, выманить у нея согласіе на шотландскій бракъ. Вы понимаете, что поэтому я отправился какъ можно было скорѣе. Но, такъ какъ вашъ посланный пришелъ изъ Сити пѣшкомъ, да можетъ-быть и тише нежели могъ придти, а все-же еще надобно было справить карету и послать за лошадьми, такъ я и опоздалъ противъ васъ слишкомъ на полтора часа. Ксчастію однако я вѣхалъ очень скоро, и вѣроятно догналъ-бы васъ на половинѣ дороги, если-бы переезжая черезъ плотину карета не зацѣпила за какую-то повозку и не опрокинулась. Это меня немножко задержало. Пріѣхавъ въ городъ, откуда сворачиваютъ къ лорду Н., я былъ очень радъ когда услышалъ, что вы отправились по тому направленію, которое по моему должно было оказаться настоя-

щимъ; а гадкую гостинницу показали мнѣ почталіоны, прѣхавшіе съ каретой миссъ Тривеніонъ и встрѣтившіе васъ на дорогѣ. Подъѣзжая къ гостинницѣ, мы увидѣли двухъ человѣкъ, разговаривавшихъ у крыльца. Когда мы остановились у подъезда, они вбѣжали въ гостинницу, но не прежде какъ когда мой человѣкъ, Сомерсъ (ловкій малый, вы знаете, который тѣдилъ со мной отъ Нубіи и до Норвегіи) соскочилъ съ своего мѣста и ворвался въ домъ, куда и я за нимъ пошелъ такимъ шагомъ, который не уступилъ бы въ скорости и вашему. Да что! мнѣ тогда могло быть двадцать-одинъ годъ. Два человѣка ужь спихали съ ногъ Сомерса и ужь много дрались. Знаете что?—сказалъ маркизъ, прерываясь, съ видомъ серьезно-комическаго униженія — нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, знаете что.... нѣтъ, вы этому никогда не повѣрите... помните, что это должно остаться между нами... я положительно сломалъ трость о плечи одного изъ этихъ негодяевъ! Посмотрите (при этомъ онъ показалъ мнѣ обломокъ этого испорченнаго оружія)! И я подозреваю, хотя навѣрное сказать не могу, что я даже былъ вынужденъ нанести ударъ своей рукой.... да еще кулакомъ!.... точь-въ-точь какъ бывало въ Этонъ.... честное слово!.... каково!

И маркизъ, который, по своимъ величественнымъ пропорціямъ, въ этомъ возрастѣ полнаго развитія мужчины, хотя и не самомъ воинственномъ, показался бы опаснымъ противникомъ двумъ самымъ отъявленнымъ бойцамъ (предполагая, что онъ еще нѣсколько помнилъ этонскія теоріи на случай такого рода встрѣчъ), маркизъ смѣлся съ веселостью школьника, отъ мысли о совершенномъ-ли подвигѣ или о претивуположности между грубой, первобытною расправой и его лѣнливыми привычками и почти женственнымъ добродушіемъ. Но скоро, вспомнивъ, какъ мало я былъ расположенъ дѣлать его веселость, онъ оправился и продолжалъ, уже безъ смѣха:

— Намъ еще нужно было время на то, чтобы.... не поразить нашихъ враговъ, а связать ихъ, что я и счелъ за необходимую предосторожность. Одинъ мерзавецъ, слуга Три-

веніона, удивлялъ меня все время цитатами изъ Шекспира. Послѣ этого мнѣ подвернулось подъ руку платье, владѣтельница котораго долго старалась оцарапать меня, но къ счастью это была маленькая женщина, и она не достала до моихъ глазъ. Платье вырвалось и упорхнуло въ кухню. Я побѣжалъ за нимъ и нашелъ горничную миссъ Тривеніонъ. Она была въ большомъ испугѣ и старалась придать себѣ видъ раскаянья. Я, признаюсь вамъ, не забочусь о пересудахъ мужчинъ, но когда женщина начинаетъ сплетничать на женщину, въ особенности если горничная говорить о своей леди, мнѣ кажется, что всегда стоитъ увѣриться въ ея молчаніи; поэтому я согласился простить эту женщину, но съ условіемъ, что она чѣмъ-свѣтъ явится сюда. Отъ нея не выйдетъ ничего. Такъ, видите, прошло нѣсколько минутъ прежде нежели я могъ сойдтись съ вами; объ этомъ я не хлопоталъ, услышавъ, что вы и капитанъ были на верху съ миссъ Тривеніонъ; но, такъ какъ я и во снѣ не могъ вообразить себѣ, что виновникъ всего этого вамъ родня, то удивлялся, что вы могли оставаться съ нимъ такъ долго, опасаясь только, признаюсь, услышать, что сердце миссъ Тривеніонъ склонялось къ этому гм.... гм.... красивому... молодому гм.... гм..... Этого кажется бояться нечего — прибавимъ робко лордъ Кастльтонъ, уставивъ въ меня свои блестящіе глаза....

Я чувствовалъ, что краснѣлъ, но отвѣчалъ не запинаясь:

— Чтобы отдать полную справедливость миссъ Тривеніонъ, я долженъ прибавить, что несчастный въ ея присутствіи и въ моемъ признался, что онъ никогда не имѣлъ ни малѣйшей причины думать, что она одобряетъ его привязанность, которая ослѣпила и завлекла его, и что съ ея стороны его покушеніе ничѣмъ не оправдывается.

— Я вѣрю вамъ, потому-что думаю....

Лордъ Кастльтонъ замаялся, посмотрѣлъ на меня, всталъ съ своего мѣста и сталъ ходить по комнатѣ, въ видимомъ смущеніи; потомъ, какъ будто-бы найдя какое-нибудь заключеніе, онъ опять подошелъ къ камину и остановился противъ меня:

— Другъ мой! — сказалъ онъ съ своей неотразимой откровенностью, — настоящія обстоятельства должны все извинять между нами, даже мою наглость. Вы отъ начала до конца вели себя такъ, что я отъ души желалъ-бы имѣть дочь, которую могъ-бы предложить вамъ и къ которой вы бы чувствовали то, что, я думаю, чувствуете къ миссъ Тривеніонъ. Это не пустыя слова; нечего вамъ стыдиться и опускать глаза. Если-бы я могъ похвалиться въ жизни такитъ постояннымъ самопожертвованіемъ долгу и чести, какое я видѣлъ въ васъ, я-бы гордился этимъ больше, чѣмъ всеми маркизатствами въ міръ.

— Милордъ! Милордъ!

— Выслушайте меня. Что вы любите Фанни Тривеніонъ, это я знаю; что она невинно, робко, почти безсознательно отвѣчала на вашу привязанность, — это мнѣ кажется вѣроятно. Но....

— Я знаю что вы хотите сказать; шошадите меня.... я все знаю.

— Но это не возможно, и если-бы леди Элиноръ могла согласиться, она всю жизнь такъ-бы жалѣла объ этомъ, на васъ лежали-бы такія тяжелыя обязанности, что.... я повторяю, это невозможно! Но подумайте-ка о бѣдной дѣвущкѣ. Я знаю ее лучше нежели вы можете знать ее, я знаю ее съ дѣтства; знаю всѣ ея достоинства.... они очаровательны; всѣ ея недостатки.... они подвергаютъ ея опасности. Ея родители съ ихъ гениемъ и честолюбіемъ могутъ-быть управятся съ Англіей и будутъ имѣть вліяніе на весь свѣтъ, но устроить судьбу дочери не ихъ дѣло.

Лордъ Каствльтонъ былъ тронуть; онъ остановился; ревность моя воротилась не безъ прежней горечи.

— Я не говорю ничего, — продолжалъ маркизъ — объ этомъ странномъ положеніи, въ которое миссъ Тривеніонъ поставлена безъ всякой вины съ ея стороны. Леди Элиноръ съ ея знаніемъ свѣта и женскимъ умомъ сумветъ выйдти изъ него. Но все-таки оно не ловко и требуетъ большой осмотрительности. Но оставимъ это даже въ сто-

ронъ; если вы положительно убѣждены, что миссъ Тривеніонъ для васъ потеряна, можете-ли вы свыкнуться съ мыслью, что она только какъ цифра войдетъ въ расчетъ свѣтскаго величія политическаго кандидата, что ее выдадутъ за министра, который будетъ слишкомъ занятъ, чтобы наблюдать за ней, или за герцога, который въ ея состояніи увидитъ средства выкупить свои заложенные помѣстья, — за министра или за герцога, въ которыхъ только увидятъ средства поддержать власть Тривеніона или усилить его партію въ кабинетъ. Будьте увѣрены, что судьба ея вѣроятно будетъ такова, или, что по-крайней-мѣрѣ она начнется такъ, и можетъ кончиться грустно. Теперь я говорю вамъ, что тотъ, кто женится на Фанни Тривеніонъ, сначала почти не долженъ имѣть въ виду ничего другаго, кромѣ исправленія ея недостатковъ и развитія ея добрыхъ качествъ. Повѣрьте человѣку, заплатившему, увы! слишкомъ дорого за это знаніе женщины; ея характеръ еще долженъ быть выработанъ. Такъ если этотъ кладъ потерянъ для васъ, можете-ли васъ когда-нибудь утѣшить мысль, что онъ достался человѣку, который знаетъ, какую отвѣтственность онъ беретъ на себя, и который искупитъ собственную свою жизнь, до сихъ поръ прожитую безъ пользы, медленнымъ стараніемъ выполнить все должное. Можете-ли вы взять эту руку и пожать ее, даже если это рука соперника?

— Милордъ, слышать это отъ васъ такая честь, что....

— Вы не хотите взять моей руки. Такъ повѣрьте, что я не захочу огорчить васъ.

Тронутый, взволнованный, смущенный такимъ великодушіемъ къ моему возрасту и положенію въ свѣтъ со стороны человѣка, стоявшаго такъ высоко, я пожалъ эту руку и поднесъ ее было къ губамъ (и это выраженіе почти не уронило-бы никого изъ насъ), но онъ по своей природной скромности тихо выхватилъ ее у меня. У меня не стало силъ говорить болѣе объ этомъ предметъ, а я пробормоталъ, что пойду посмотрѣть на дядюшку, взявъ свѣчу и пошелъ на верхъ. Я безъ шума пробрался въ комнату Роланда и, прикрывъ свѣчу рукой, увидѣлъ, что лицо его

было очень взволновано, хотъ онъ и спалъ. И я подумалъ: «что мое молодое горе въ сравненіи съ его горемъ!» и, усавшись у кровати, остался тутъ до утра, разсуждая съ самимъ собой.

ГЛАВА III.

Когда взошло солнце, я сошелъ въ общую комнату, рѣшившись написать къ отцу, чтобы онъ пріѣхалъ къ намъ, чувствуя сколько Роландъ нуждается въ его увѣщаніяхъ и совѣтахъ; къ тому-же до башни было не такъ далеко. Я удивился, найдя лорда Кастльтонъ все еще сидящимъ передъ каминомъ; видно было, что онъ не ложился въ постель.

— Вотъ это такъ! — сказалъ онъ — мы обязаны помогать другъ другу поддерживать физическія силы.

При этомъ онъ показалъ на завтракъ, приготовленный на столъ.

Я передъ тѣмъ долго ничего не ѣлъ, но чувствовалъ голодъ только по какому-то разслабленію: я сталъ ѣсть почти безсознательно, и мнѣ почти было стыдно убѣдиться, что пища меня подкрѣпила.

— Я полагаю, — сказалъ я, — что вы скоро отправитесь къ лорду Н.

— Нѣтъ, да развѣ я не говорилъ вамъ, что я послалъ Сомерса съ письмомъ къ леди Эллиноръ, въ которомъ прошу ее пріѣхать сюда. Подумавъ хорошенько, я не зналъ, прилично-ли мнѣ будетъ пріѣхать съ миссъ Тривеніонъ одному, даже безъ горничной, въ домъ, набитый гостями падкими на билетни. Если-бы даже вашъ дядюшка былъ въ состояніи проводить насъ, его присутствіе подамо-бы новый поводъ къ удивленію, вотъ почему, какъ только вы ушли отсюда къ капитану, я сейчасъ-же написалъ письмо и отправилъ челоузка. Я думаю, что леди Эллиноръ будетъ здѣсь въ девятомъ часу. Между-тѣмъ я ужъ видѣлъ эту мерзавку, горничную, и принялъ мѣры, чтобы отвратить опасныя послѣдствія ея болтливости, и вы вѣроятно не безъ удовольствія услышите, что мнѣ уже пришла мысль, какъ удо-

влетворить свѣтское любопытство. Мы предположимъ, что лакей Тривеніона сошелъ съ ума: это еще милостиво и вашъ батюшка назвалъ-бы это философскимъ предположеніемъ. Всякая важная плутня — сумасшествіе. Свѣтъ не могъ-бы существовать, если-бы правда и добро не были природными стремленіями нѣкоторыхъ умовъ. Понимаете?

— Не совсѣмъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ: лакей сошелъ съ ума и выдумалъ эту глупую исторію о болѣзни Тривеніона; до смерти испугалъ своей химерой леди Элиноръ и миссъ Тривеніонъ, и отправилъ ихъ обвихъ одну за другой. Но такъ какъ я получилъ письмо отъ Тривеніона и зналъ, что онъ не могъ быть боленъ при отъѣздѣ лакея, то, какъ старый другъ дома, естественно отправился по слѣдамъ миссъ Тривеніонъ и спасъ ее отъ глупостей лунатика, который бѣсился все болѣе и болѣе, и везъ ея ужъ чортъ-знаетъ куда, а потомъ написалъ къ леди Элиноръ, чтобы она пріѣхала за ней. Надъ нами только посмѣются и свѣтъ будетъ доволенъ. Если вы не хотите, чтобы онъ жаллъ васъ или кусалъ, заставьте его смѣяться; свѣтъ тотъ-же Церберъ: онъ хочетъ съестъ васъ.... такъ вы заткните ему ротъ пирогомъ. Къ тому-же, — продолжалъ этотъ новый Аристиппъ, въ которомъ было столько мудрости подъ наружной пустотой и безпечностью — обстоятельства помогутъ намъ сыграть наши роли. Если этотъ бездѣльникъ лакей такъ-же часто приводилъ цитаты изъ Шекспира въ передней, какъ въ то время когда я вязалъ его въ кухню, этого довольно, чтобы всѣ люди стали подтверждать, что онъ сошелъ съ ума, а если мы найдемъ это недостаточнымъ, мы можемъ уговорить его отправиться въ Бедлемъ на мѣсяцъ или на два. Отсутствіе горничной то-же покажется естественно: или я или леди Элиноръ прогнали ее за то, что она имѣла глупость довѣриться этому дураку. Это можетъ показаться несправедливо; но подобная несправедливость вещь очень обыкновенная. Надо-же на чемъ-нибудь выместить свой гнѣвъ. Ну вотъ хоть моя бѣдная палка; хоть и лучше было-бы привести въ

примѣръ ту трость, которую Людовикъ XIV сломалъ о плеча лакея, выведенный изъ терпѣнія принцемъ королевскаго дома, на чьи плеча его величество не могло излить свое негодованіе. И такъ вы видите, — прибавилъ лордъ Кастльтонъ, понизивъ голосъ, — что вашъ дядюшка можетъ хоть не много успокоиться при мысли, что имя его сына будетъ пощажено. И молодой человѣкъ самъ легче можетъ исправиться, если ему не нужно будетъ отчаяваться въ возможности искупленія, требуемаго свѣтомъ отъ тѣхъ, которые.... Да и къ чему отчаяваться; жизнь долга!

— Это мои слова, — сказалъ я; — повторенныя вами они имѣютъ смыслъ предсказанія.

— Послушайтесь моего совѣта, и не теряйте изъ вида вашего двоюроднаго брата, покуда гордость его еще унижена и сердце можетъ-быть еще не ожесточено. Это я говорю не для него только. Нѣтъ, я думаю о вашемъ дядюшкѣ: благородный старикъ! А теперь, я думаю, я обязанъ передъ леди Элиноръ загладить, какъ только съумѣю, слѣды трехъ бессонныхъ ночей и безпрестаннаго безпокойства на лицѣ человѣка, уже ступившаго на пятый десятокъ.

Лордъ Кастльтонъ оставилъ меня, а я написалъ къ отцу, прося его пріѣхать къ намъ на слѣдующую станцію (это была ближайшая точка большой дороги къ старой башнѣ) и отправилъ письмо съ верховымъ. Окончивъ это дѣло, я подперъ голову рукою, и на меня нашла страшная тоска, не смотря на всѣ мои старанія глядѣть прямо въ лицо будущности, думать только объ обязанностяхъ жизни и забыть о ея горестяхъ.

Г Л А В А IV.

Въ девятomъ часу пріѣхала леди Элиноръ и прямо прошла къ миссъ Тривеніонъ. Я убѣжалъ въ комнату дяди. Онъ ужъ проснулся и былъ спокоенъ, но такъ еще слабъ, что даже и не пробовалъ вставать; это спокойствіе пугало меня: оно было похоже на спокойствіе совершенно-истощен-

наго организма. Когда я сталъ уговаривать его поѣсть чего-нибудь, онъ повиновался мнѣ машинально, какъ больной принимающій безъ всякаго сознанія лекарство, которое вы ему подаете. На мои слова онъ слегка улыбался, но подалъ мнѣ знакъ, которымъ, кажется, просилъ меня молчать. Послѣ этого онъ отвернулся отъ меня и уткнулъ лицо въ подушку; и я подумалъ-было, что онъ опять заснулъ, но онъ опять привсталъ и, стараясь ухватить мою руку, сказалъ едва внятнымъ голосомъ:

— Гдѣ онъ ?

— Не хотите-ли его видѣть ?

— Нѣтъ, нѣтъ: это-бы убило меня.... да къ тому-же.... что будетъ и съ нимъ ?

— Онъ обѣщалъ мнѣ свиданье, и въ этомъ свиданьи, я увѣренъ, что онъ исполнитъ ваши желанія, какія-бы они ни были.

Роландъ ничего не отвѣчалъ.

— Лордъ Кастльтонъ такъ устроилъ все, его имя и его сумасбродство (будемте такъ называть его поступокъ) никогда не сдѣлаются извѣстны никому.

— Гордость, гордость! все гордость!—шопотомъ проговорилъ старый солдатъ; — имя, имя.... хорошо, это ужъ много; но душа его!.... я-бы желалъ, чтобы здѣсь былъ Остинъ.

— Я послалъ за нимъ, сэръ.

Роландъ пожалъ мнѣ руку и опять замолчалъ. Потомъ онъ тихо сталъ говорить, казалось, что-то несвязное про пиренейскій полуостровъ, повиновеніе полученнымъ приказаніемъ, про то, какъ какой-то офицеръ разъ ночью разбудилъ лорда Веллеслэя чтобы объяснить ему, что вотъ это (я не понималъ, что именно: выраженіе было техническое, военное) невозможно, и какъ лордъ Веллеслэй спросилъ книгу, въ которую вносились приказы, и сказалъ: «это не невозможно, оно стоитъ въ приказѣ», и послѣ этого лордъ Веллеслэй

повернулся и заснул. Тутъ Роландъ приподнялся шоловину и произнесъ звучнымъ и внятнѣмъ голосомъ :

— Но лордъ Веллеслэй, хотъ онъ и великій полководецъ, все-же не болѣе какъ человекъ; онъ самъ могъ ошибаться, а приказы были дѣло его слабыхъ рукъ.... Дайте мнѣ Библию!

Ахъ Роландъ, Роландъ! и я могъ бояться за твой умъ!

Я сошелъ внизъ, досталъ Библию, напечатанную крупнымъ шрифтомъ, положилъ ее передъ нимъ на постели, и, отворивъ ставни, впустилъ Божій свѣтъ на Божье слово.

Едва успѣлъ я это сдѣлать, кто-то слегка постучался въ дверь. Я отворилъ ее; то былъ лордъ Кастльтонъ. Онъ шопотомъ спросилъ у меня, можетъ-ли видѣть дядю. Я тихо ввелъ его въ комнату и показалъ ему вонна жизни, учившагося ничего не находить невозможнымъ въ книгѣ нечеловѣческихъ вѣльній.

Лордъ Кастльтонъ глядѣлъ на него, пзмѣняясь въ лицѣ, и, не потревоживъ дяди, вышелъ вонъ. Я пошелъ за нимъ, тихо затворивъ дверь.

— Вы должны спасти его сына, — произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ, — непременно должны, да научите меня, какъ помочь вамъ. Какое зрѣлище!... викакая повесть не трогала меня столько! Теперь пойдите внизъ, вы должны выслушать благодарность леди Эллиноръ. Мы вдемъ. Она хочеть, чтобы я самъ разсказалъ выдуманную мною повесть моему старому знакомому — свѣту: такъ я ужъ и поведу съ ними. Пойдемте!

При входѣ моемъ въ общую комнату гостиницы, леди Эллиноръ подошла ко мнѣ и отъ души обняла меня. Я считая лишнимъ повторять выраженія ея благодарности и ея похвалы; я не слушалъ ихъ и не обращалъ на нихъ вниманія. Взоръ мой обратился въ ту сторону, гдѣ съ глазами, опущенными къ землѣ, на которыхъ были слѣды недавнихъ слезъ, стояла Фанни. Сознаніе ея прелестей, воспоминаніе объ удивительно-нѣжномъ вниманіи, оказанномъ ею

несчастному отцу, великодушное ея прощеніе сыну, взгляды, брошенные ею на меня въ эту ночь, въ которыхъ выразилось такое довѣріе ко мнѣ, мигъ, въ который она искала защиты на моей груди, и я чувствовалъ на моей щекѣ ея теплое дыханіе: все это промелькнуло мимо меня, и я понималъ, что мнѣ приходилось опять начать борьбу, продолжавшуюся столько мѣсяцевъ, что я никогда не любилъ ее такъ, какъ въ то время, когда увидѣлъ ее для того только, чтобы опять навсегда разстаться съ нею! И тутъ я въ первый (утѣшаюсь мыслью, что это было и въ послѣдній) разъ горько возсталъ противъ жестокости судьбы и неравенства въ жизни. Чтò я отвѣчалъ — не помню, и не знаю, какъ долго стоялъ я тутъ, прислушиваясь къ звукамъ, не имѣвшимъ, казалось мнѣ, никакого значенія, покуда я не услышалъ другіе звуки, пробудившіе усыпленные чувства, и отъ которыхъ у меня кровь хлынула къ сердцу: топотъ лошадей, стукъ колесъ и голесъ у двери «все готово.»

Тогда Фанни подняла глаза, они встрѣтились съ моими — и невольно и торопливо на нѣсколько шаговъ подошла ко мнѣ, а я прижалъ правую руку къ сердцу, какъ-бы для того, чтобы остановить его бѣженіе, и не трогался съ мѣста. Лордъ Кастльтонъ наблюдалъ за нами. Я чувствовалъ, что на насъ смотрятъ, но до этой минуты не встрѣчалъ его взгляда; когда-же я отвелъ глаза отъ Фанни, этотъ взглядъ, мягкій, сострадательный, ласковый, упалъ прямо на меня. Вдругъ маркизъ обратился къ леди Элиноръ, съ выраженіемъ неизъяснимаго благородства, и сказалъ:

— Позвольте мнѣ рассказать вамъ старую повѣсть. Одинъ мой пріятель, человекъ моихъ лѣтъ, имѣлъ смѣлость думать, что ему когда-нибудь удастся снискать расположеніе одной молодой леди, которая по лѣтамъ могла бы быть его дочерью, и которую въ силу обстоятельствъ и влеченій собственнаго сердца онъ предпочелъ всѣмъ

особамъ ея пола. У моего пріятеля было много соперниковъ , и это не удивить васъ : вы видѣли эту леди. Въ числѣ ихъ былъ молодой аждентельменъ , жившій нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ домѣ съ нею (позвольте, леди Эллиноръ, выслушайте меня; вы не слышали самаго занимательнаго); онъ уважалъ неприкосновенность семьи , въ которую былъ принятъ, и оставилъ ее, когда почувствовалъ, что любить, потому-что онъ былъ бѣденъ , а леди богата. Скоро послѣ этаго молодой человекъ спасъ эту дѣвушку отъ большой опасности: это было не за долго до его отъезда изъ Англіи (позвольте-же , позвольте!). Мой пріятель присутствовалъ при встрѣчѣ молодыхъ людей , которымъ вѣроятно послѣ этого долго не было суждено видѣться, такъ-же какъ и мать молодой леди, чью руку онъ надѣялся со временемъ получить. Онъ видѣлъ, что его молодому сопернику хотѣлось сказать послѣднее «прости» и притомъ безъ свидѣтелей; это «прости» было все, что позволяли ему сказать и его совѣсть и его разумъ. Пріятель мой видѣлъ, что леди чувствовала очень-естественную благодарность за оказанную услугу и состраданіе къ великодушной и несчастной привязанности; такъ по крайней-мѣрѣ объяснилъ онъ себя вздохъ, дошедшій до его слуха. Что, вы думаете, сдѣлалъ мой пріятель? Вашъ высокій умъ сразу отгадалъ это. Онъ сказалъ себѣ : «если я когда-нибудь долженъ обладать сердцемъ, которое надѣюсь привязать къ себѣ, не смотря на разницу въ лѣтахъ, я хочу показать, до какой степени я увѣренъ въ его стойкости и невинности; пусть-же заключится романъ первой молодости и будутъ произнесены слова прощанья двухъ чистыхъ сердець , невозмущенныхъ ни однимъ низкимъ подозрѣніемъ неумѣстной ревности». Съ этой мыслью, которую вы, леди Эллиноръ, вѣроятно одобрите, онъ подавъ руку благородной матери , тихо повелъ ее къ двери и, спокойный и увѣренный въ послѣдствіяхъ и положившись на честь дѣвушки и чувство долга мужчины, далъ имъ возможность безъ свидѣтелей сказать послѣднее прости.

Все это было сказано и сдѣлано такъ увлекательно, что слушатели были тронуты, слова и приемы такъ не подражаемо-хорошо согласовались между собою, что очарованіе миновалось только тогда уже, когда голосъ замолкъ и дверь уже была заперта.

Эта грустная радость, которой я такъ добивался, наконецъ была представлена мнѣ: я остался одинъ съ той, которой голосъ чести и разсудка позволяли сказать мнѣ одно послѣднее прости !

Мы не сейчасъ опомнились и почувствовали, что остались одни.

Останьтесь на всегда въ тайникъ моего сердца, печальный мгновенья, которыя я теперь могу вспомнить почти безъ грусти. Да, каково ни было взаимное признаніе нашей слабости, мы не были недостойны этаго довѣрія, которому обязаны были грустнымъ утѣшеніемъ прощанья. Пошлыя любовныя объясненія съ обѣщаніями, которыя не должны быть исполнены, и надеждами, которыя не могутъ осуществиться, не занимали насъ. Но въ этомъ пробужденіи отъ сладкихъ сновъ нашихъ, видъ новаго свѣта казался намъ холодень, и хотя, какъ дѣти (мы тогда въ самомъ дѣлѣ были дѣти) мы избѣгали этого свѣта, но все же мы не клеветали на солнце и не говорили: «все мракъ здѣсь!»

Мы только старались утѣшить другъ друга и взаимно побуждали себя перенести то, чего нельзя было отвратить; не пытаясь скрыть нашего горя, мы только обѣщали другъ другу бороться съ нимъ, и не давали другихъ обѣтовъ кромѣ того, что каждый изъ насъ ради другаго будетъ искать насладиться тѣми радостями, которыя еще оставлены ему небомъ. Да, я могу сказать, что мы были дѣти. Не знаю, содержали-ли несвязныя слова, обличавшія наши сердечныя страданія, то, что люди, подмѣчающіе въ страсти только бури и вихри, назвали-бы любовью болѣе зрѣлаго возраста, любовь согрѣвающую стихъ пѣвца и создавшую для сцены

трагедію, но знаю, что въ томъ, о чемъ грустили эти дѣти, не было ни мысли, ни слова ропота противъ небеснаго Отца.

Дверь опять отворилась, и Фанни твердымъ шагомъ подошла къ своей матери и, остановившись возлѣ нея, протянула мнѣ руку и сказала мнѣ:

— Богъ не оставитъ васъ!

Леди Элиноръ сказала мнѣ еще ласковое слово, соперникъ мой бросилъ мнѣ откровенную добродушную улыбку, а Фанни — послѣдній взглядъ своихъ кроткихъ глазъ, и меня обдало одиночество, какъ что-то видимое, осязаемое, гнетущее: мнѣ казалось, что я видѣлъ его въ солнечномъ лучѣ, что я слышалъ его въ дуновеніи воздуха, что оно подымалось передо мною какъ тѣнь, въ томъ пространствѣ, которое за минуту до этого еще наполнялось ея присутствіемъ. Мигъ казалось, что міръ лишился чего-то, что въ немъ чего-то недоставало; все мое существо потряслось какимъ-то страшнымъ переворотомъ, похожимъ на смерть. Когда я очнулся и опять сталъ приходить въ сознаніе, я понялъ что миновалась моя молодость и міръ ея поэзіи и что я безсознательно и безвозвратно переступилъ въ область положительнаго труда зрѣлаго возраста.

(До слѣд. книги.)

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕМЕЙСТВО БАКСТОНЪ.

Романъ Бульвера.

ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

— Позвольте васъ спросить, сэръ, не къ вамъ-ли эта записка? — спросилъ трактирный слуга.

— Ко мнѣ; да, это мое имя.

Я не узнавалъ руки, не смотря на то, что записка была отъ человека, котораго руку я прежде видѣлъ часто. Но прежде почеркъ былъ прямой и ломаный, (поддѣльный, хоть я и не догадывался въ поддѣлкѣ;) теперь, напротивъ, онъ казался бѣглымъ, неровнымъ, какъ-бы нетерпеливымъ; едва-ли была одна dokonченная буква, дописанное слово, и со всѣмъ этимъ онъ былъ удивительно-четокъ, какъ всегда бываетъ почеркъ человека смѣлаго. Я небрежно развернулъ записку и прочелъ:

«Я слѣдилъ за вами все утро. Я видѣлъ, какъ она уѣхала. Что-жь, я не бросился подъ ноги лошадей! Я пишу это въ Гостинницѣ недалеко отъ васъ. Хотите отправиться за человекомъ, подавшимъ вамъ записку, и видѣть еще разъ отверженника, котораго весь свѣтъ будетъ убегать теперь?»

Отд. II.

7

Хоть я и не узнавалъ руки, но не могъ не догадаться, кто писалъ эти слова.

— Мальчикъ спрашиваетъ, будетъ-ли отвѣтъ, — сказалъ слуга.

Я кивнулъ ему головой, взявъ шляпу и вышелъ. На дворъ стоялъ оборванный мальчикъ; сказавъ ему словъ съ шесть, я пошелъ за нимъ по узкому переулку, начинавшемуся отъ гостиницы и кончавшемуся рогаткой. Здѣсь мальчикъ остановился, сдѣлавъ мнѣ знакъ, чтобъ я шолъ дальше, и, посвистывая, отправился назадъ. Я прошелъ черезъ рогатку и очутился на лугу, гдѣ рядъ чахлахъ ивъ свѣсилъ надъ ручейкомъ. Я посмотрѣлъ кругомъ, и увидѣлъ Вивіена (такъ я все еще буду звать его), стоявшаго почти на колыняхъ, и видимо занятаго чѣмъ-то лежавшимъ въ травѣ.

Я машинально посмотрѣлъ въ то мѣсто, куда онъ глядѣлъ. На короткомъ дернѣ сидѣла одна-одинешенька еще не оперившаяся птичка, слишкомъ рано оставившая свое гнѣздо, открывъ клювъ какъ-бы въ ожиданіи корма и спокойно глядя на насъ. Мнѣ казалось, что видъ этой жалкой птички возбудилъ во мнѣ еще больше участія къ бѣдному юношѣ, котораго она могла быть изображеніемъ.

— Теперь спрашивается, — сказалъ Вивіенъ, вполонину самому себѣ, вполонину обращаясь ко мнѣ, — выпала-ли птичка изъ гнѣзда, или оставила его по своему произволу? Она лишена защиты отца и матери. Замѣьте, что я не обвиняю ихъ; можетъ-быть виноватъ одинъ только неугомонный дѣтенышъ. Но видите, родителей нѣтъ, а непріятель здѣсь; вонъ-тамъ, посмотрите!

И молодой человекъ показывалъ на большую пеструю кошку, которая, испуганная нашимъ неблагопріятнымъ соседствомъ, не смѣла подойти къ своей добычѣ, но стерегла ее въ нѣсколькихъ шагахъ, тихо помахивая хвостомъ и лукаво глядя круглыми глазами, опускавшимися отъ солнца, съ выраженіемъ полужеланья и полужеланья, свойственнымъ ея породѣ, когда человекъ становится между хищникомъ и жертвой.

— Вижу, — сказалъ я, — но пришолъ человекъ, и птичка спасена.

— Пойдите, — сказалъ Вивіенъ, взявъ меня за руку, и съ прежней горькой улыбкой, — неужели вы считали за благодѣяніе спасти птицу? Отъ чего? и зачѣмъ? Отъ естественнаго врага, короткаго страданія и скорой смерти! Полноте! не лучше-ли это долгихъ мученій голодной смерти, или, если вы еще больше заботитесь о ней, — рыветки ея клѣтки. Вы не можете опять посадить ее въ гнѣздо и позвать стариковъ; такъ будьте основательнѣе въ вашихъ благодѣяніяхъ: предоставьте птичку менѣе-горькой участи.

Я пристально посмотрѣлъ на Вивіена; съ лица его исчезла горькая улыбка. Онъ всталъ и отошелъ. Я старался поймать бѣдную птичку, но она не узнавала своихъ друзей, и бѣжала отъ меня, жалостно чирикала, прямо въ нѣсть жестокаго врага. Я еле-еле успѣлъ отогнать кошку, которая вскочила на дерево, и глядѣла внизъ черезъ вѣтки; тогда я пошелъ за птичкой, и тутъ услышалъ, не знаю откуда, отрывистый жалобный звукъ. Откуда? вблизи или издали? съ земли? съ неба! Бѣдная матка! какъ материнская любовь, звукъ слышался то близко, то далеко, то на землѣ, то на небѣ.

Вдругъ, неожиданно, Богъ знаетъ откуда, надо мной затрепетали маленькія крылышки.

Птенчикъ остановился, и я тоже.

— Хорошо, — сказалъ я, — вы отыскали другъ друга; теперь распорядитесь какъ знаете.

Я воротился къ Вивіену.

ГЛАВА II.

Пиизтратъ. Какъ вы узнали что мы остановились въ этомъ городѣ?

Вивіенъ. Неужели вы думаете, что я могъ остаться тамъ, гдѣ вы меня оставили? Я вышелъ и добрелъ сюда. Когда я на зарѣ проходилъ по той улицѣ, у воротъ гостиницы собралась прислуга; я прислушался къ разговору, и такимъ образомъ узналъ, что вы всѣ въ гостиницѣ.... всѣ.... (онъ вздохнулъ глубоко).

Пизистратъ. Вашъ бѣдный отецъ очень-боленъ; скажите, какъ могли вы отвергнуть столько любви?

Вивіенъ. Любовь!.... его.... моего отца?

Пизистратъ. Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не вѣрите, что вашъ отецъ любилъ васъ?

Вивіенъ. Если-бъ я вѣрилъ его любви, я-бы никогда не покинулъ его. Сокровища обихъ Индій не заставили-бы меня оставить мою мать.

Пизистратъ. Это, въ самомъ дѣлѣ, странное заблужденіе: если намъ удастся осилить его, можно будетъ еще все исправить. Неужели и теперь еще между нами должны оставаться тайны? (убѣдительно) Садитесь-ка, да расскажите мнѣ все.

Поколебавшись немного, Вивіенъ согласился; его лицо прояснилось, и звукъ голоса даже измѣнился, почему я былъ увѣренъ, что онъ не будетъ стараться скрыть истину. Но такъ-какъ я впоследствии слышалъ тотъ-же рассказъ отъ его отца, то вмѣсто того, чтобы повторять слова Вивіена, искажавшаго факты (не съ намѣреніемъ, но въ силу особенной склонности ума, по-большей-части ложно направленного), я расскажу только, какъ я его понялъ, настоящее отношеніе этихъ двухъ лицъ, такъ несчастливо противопоставленныхъ другъ другу. Читатель, прости меня, если сказкъ мой будетъ утомителенъ, и если тебѣ покажется, что я сужу не довольно строго о преступномъ его героѣ, вспомни, что рассказчикъ судить такъ, какъ сынъ Остина долженъ былъ судить сына Роланда.

ГЛАВА III.

Уступленія въ жизнь. — Мать.

Во время войны въ Испаніи тяжелая рана и послѣдовавшая за тѣмъ горячка удержали Роланда въ домѣ одной вдовы, Испанки. Его хозяйка когда-то была богата, но ея состояніе было разорено бѣдствіями, постигшими все ея отечество. У нея была единственная дочь, помогавшая ей ходить за раненымъ Англичаниномъ; когда приблизилась

время отъезда Роланда, простодушное горе молодой Рамуны вполне обличило впечатлѣніе, произведенное гостемъ на ея чувства. Благодарность и отчасти можетъ-быть уточненное пониманіе чести помогли весьма-естественному очарованію, произведенному на сердце Роланда красотой молодой сидѣлки, и состраданію къ ея потерянному состоянію и горестному положенію.

Въ одномъ изъ необдуманныхъ движеній, свойственныхъ благороднымъ натурамъ, (которыя кнесчастію слишкомъ часто заставляютъ насъ забывать о правилахъ спасительнаго благоразумія), Роландъ имѣлъ неосторожность жениться на дѣвушкѣ; о происхожденіи и семейныхъ связяхъ которой онъ не зналъ ничего, а изъ свойствъ ея онъ зналъ только теплую, быструю впечатлительность. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой странной свадьбы, Роландъ отправился вслѣдъ за англійской арміей, и ему удалось воротиться въ Италію не ранѣе, какъ послѣ Ватерлоо.

Лишившись одного члена, съ слѣдами многихъ, благородныхъ, только-что зажившихъ ранъ, Роландъ спѣшилъ къ домашнему очагу, воспоминанія о которомъ усаждали его страданія, и теперь заняли мѣсто прежнихъ мечтаній о славѣ. Въ его отсутствіе у него родился сынъ, сынъ, котораго онъ хотѣлъ воспитать на то, чтобы онъ со временемъ занялъ его собственное мѣсто на службѣ отечеству, и которому предстояло на полѣ будущихъ сраженій продолжать поприще, не осуществившее романа его собственного, древне-рыцарскаго честолюбія. Какъ-скоро до него дошло это извѣстіе, первой его заботой было пріискать ребенку няньку-Англичанку, чтобы съ первыми нѣжными словами матери дитя могло слышать также и родные звуки отца. Родственница Болта, поселившаяся въ Испаніи, согласилась взять на себя эту обязанность. Какъ ни естественно было такое распоряженіе со стороны истаго Англичанина, оно не понравилось его пылкой и страстной Рамунѣ. Ревность матери, развивающаяся сильнѣе въ людяхъ менѣе-образованныхъ, и гордость, свойственная ея соотечественникамъ безъ различія званій и состояній, страдали въ ней при видѣ Англичанки у колыбели ребенка.

Что Роланду, когда онъ возвратился подъ испанскій кровъ свой, предстояло быть обманутымъ въ предположеніяхъ объ ожидавшемъ его счастья, это было естественнымъ послѣдствіемъ такого брака, потому-что Роландъ, не смотря на видимую сухость солдата, обладалъ утонченной, можетъ-быть отчасти и лишней, чувствительностью, свойственной характерамъ по преимуществу поэтическимъ. Когда прошло первое очарованіе любви, оказалось, что мало могло быть общаго между его возвышеннымъ умомъ и женщиной, отличавшейся отъ него совершеннымъ отсутствіемъ всякаго воспитанія и рѣзко-выдававшимися національными воззрѣніями и привычками, однако разочарованіе вѣроятно было глубже того, какое обыкновенно сопровождаетъ такіе браки, потому-что, вмѣсто того, чтобы увезти жену въ свою старую башню, (переселеніе, которому вѣроятно она стала-бы сопротивляться до послѣдней крайности), онъ скоро послѣ своего возвращенія въ Испанію, не смотря на свое увѣче, принялъ военный постъ, предложенный ему королемъ Фердинандомъ. Рыцарскія правила и цезыблемая преданность Роланда законнымъ государямъ, помимо всякихъ разсужденій, привязали его къ службѣ престола, возстановленнаго англійскимъ оружіемъ.

Пылкій дядя воротился къ своимъ пенатамъ не переставая жить надеждами. Его сынъ былъ ужъ не ребенокъ и слѣд., естественно долженъ былъ перейти на его попеченіе. Восхитительное занятіе!—При этой мысли, его семейный кровъ опять улыбался ему.

Теперь взгляните на самое пагубное обстоятельство этого союза.

Отецъ Рауны происходилъ отъ того страннаго таинственнаго племени, которое въ Испаніи отличается столькими особенными чертами отъ племенъ одного съ нимъ происхожденія, населяющихъ болѣе-образованныя государства. Гитано, или испанскій цыганъ, — не только бродяга, встрѣчающійся въ нашихъ селеніяхъ и около городовъ: удерживая отчасти многія начала, не совмѣстныхъ ни съ какими законами, и склонность къ хищничеству, онъ часто переселяется въ города, гдѣ пускается въ разнаго рода

промыслы, и нерѣдко богатѣеть. Богатый Гитано женился на Испанкѣ: жена Роланда была плодъ этого союза. Гитано умеръ, когда Рамуна была еще очень-молода, и вліяніе ея родственниковъ съ отцовской стороны не отозвалось на ея молодости. Но хоть ея мать сохранила свою религію и воспитала Рамуну въ той-же вѣрѣ, убѣгая безбожнаго суевѣрія Гитановъ, и по смерти мужа совершенно отделилась отъ его племени, но ея сношенія съ ея собственными родственниками и соотечественниками то-же прекратились. Между-тѣмъ какъ она старалась возобновить ихъ, ея состояніе, которое одно еще могло-бы позволить ей рассчитывать на успѣхъ такого предпріятія, рушилось, такъ что она осталась совершенно-одна, и, въ отсутствіе Роланда, не могла найти никого, чтобъ оживить одиночество Рамуны. Но покуда дядя еще находился на службѣ Фердинанда, вдова умерла, и тогда Рамуну окружили одни родственники ея отца. Они не пытались отыскивать своихъ родственныхъ правъ, покуда ея мать была жива, но теперь они, дѣлали это изъ привязанности и ласки къ ея сыну. Такой поступокъ ихъ разомъ открылъ имъ домъ и сердце Рамуны. Нилька-Англичанка, (которая, не смотря на все то, отъ чего этотъ домъ былъ невыносимъ для нее, изъ одной сильной любви къ ввѣренному ей ребенку до конца исполняла свою обязанность), умерла нѣсколько недѣль послѣ матери Рамуны, и тогда ужъ ничто не могло противиться вліянію тѣхъ вредныхъ дѣтелей, которымъ подвергался наследникъ честнаго, стараго дома Какстоновъ. Но Роландъ возвратился въ свой домъ въ расположеніи быть довольнымъ всѣмъ. Онъ весело прижалъ жену къ груди, мысленно упрекалъ себя въ томъ, что выносилъ слишкомъ-мало, а требовалъ слишкомъ многого, и обѣщался теперь быть умнѣе. Онъ былъ въ восхищеніи отъ красоты, ума и гордой осанки мальчика, который игралъ его темлякомъ, и убѣждалъ съ его пистолетами какъ-бы съ добычей.

Узнавъ о пріѣздѣ Англичанина, родственники Рамуны перестали посѣщать домъ; но они любили мальчика и онъ любилъ ихъ, и между имъ и его полудикими сверстниками,

хоть и тайно, но тѣмъ не менѣе часто были свиданія. Роландъ мало-по-малу открывалъ глаза. Когда, свыкнувшись съ нимъ, мальчикъ забылъ прежнюю осторожность, вызванную страхомъ и хитростью, Роландъ былъ несказанно пораженъ смѣлыми правилами сына и его окончательною неспособностью понимать простую мораль и пряую честь, которыя англійскій солдатъ считалъ врожденными всякому и дарованными свыше. Скоро послѣ этого Роландъ открылъ, что въ его хозяйствѣ происходитъ систематическій грабежъ съ помощью его жены и участіемъ сына, въ пользу лѣнивыхъ бравы и распутныхъ бездѣльниковъ. Человекъ болѣе-терпѣливый, нежели Роландъ, былъ-бы выведенъ изъ себя такимъ открытіемъ; разсудительнаго оно-бы поразило. Онъ поступилъ очень-естественно (въ сущности можетъ-быть и слишкомъ настойчиво, не принявъ въ расчетъ недостатокъ образованія и пылкія страсти своей жены), тутъ-же велѣлъ ей собираться къ отъезду и прекратить всѣ сношенія съ ея родственниками.

На это послѣдовалъ рѣзкій отказъ; но уступить въ этомъ было не въ духъ Роланда, и, наконецъ, притворная покорность и раскаянье смгчили его негодованіе и вызвали его прощеніе. Они уехали за нѣсколько миль отъ мѣста, гдѣ жили прежде, но куда-бы ни перемѣстились они, вездѣ слѣдовало за ними тайно нѣсколько человекъ, и кнечастью худшіе изъ этого отверженнаго племени. Какъ ни была сильна прежняя любовь Рамуны къ Роланду, она должна была миноваться вслѣдствіе совершеннаго отсутствія сочувствія между ними и разлуки, всегда возобновляющей сильную привязанность, но уничтожающей уже ослабшую. Мать и сынъ обожали другъ друга всею силой могучей и дикой природы. И при обыкновенныхъ обстоятельствахъ тщетно истощается вліяніе отца на сына-ребенка, если мать возьмется противодѣйствовать ему; что-же могъ теперь, въ этомъ жалкомъ положеніи, честный, но сухой и отчасти грубый Роландъ, (разлученный съ сыномъ въ самую воспріимчивую пору его дѣтства), противопоставить сильному

вліянію матери, которая потворствовала всѣмъ порокамъ и удовлетворяла всѣ желанія своего баловня?

Съ отчаянія у Роланда сорвалась угроза, что если будутъ продолжать сопротивляться ему, онъ сочтетъ обязанностью удалить сына отъ матери. Эта угроза ожесточила противъ него и сына и мать. Жена описывала Роланда сыну какъ тирана и врага, какъ челоуька разрушившаго счастье, которымъ они наслаждались одинъ въ другомъ, котораго строгость доказывала, что онъ ненавидѣлъ своего сына; и мальчикъ вѣрилъ ей. Въ домъ Роланда составился тѣсный союзъ противъ него, обороняемый хитростью, этою силою слабыхъ.

Не смотря на все это, Роландъ никогда не забывалъ ни вѣжной заботливости, съ которой молодая сидѣлка ходила за раненымъ, ни любви, которая, въ то время, была искренна, хоть и происходила не изъ чувствъ не измѣняющихся ни отъ заботъ, ни отъ слезъ, и о которой шептали ему въ-дни-оны чудныя уста. Эти мысли непременно должны были становиться между его чувствами и его сужденіемъ, чтобы сдѣлать его положеніе еще больше горестнымъ и еще больше растерзать его сердце. И если, побужденный чувствомъ долга, составившимъ главную силу его характера, онъ могъ-бы рѣшиться выполнить угрозу, во всякомъ случаѣ челоуьколюбіе заставляло его выжидать: Рамуна скоро опять должна была сдѣлаться матерью. Родилась Бланшь. Какъ могъ онъ отнять младенца отъ пруди матери, или предоставить дочь тому вредному вліянію, отъ котораго онъ только съ страшнымъ усиліемъ могъ извѣстивъ сына?

Бѣдный Роландъ! не удивительно, что глубокія морщины взыли твой лобъ, а волосы твои посѣдѣли прежде времени!

Ксчастью, можетъ-быть и для всѣхъ, жена Роланда умерла, покуда Бланшь была еще ребенкомъ. Она заболѣла горячкой и умерла въ безпамятствѣ, прижимая къ груди сына и моля св. угодниковъ защищать его отъ жестокаго отца. Какъ часто воспоминаніе объ этомъ смертномъ одрѣ тревожило сына, и оправдывало его убѣжденіе, что не было

родительской нѣжности въ сердцѣ того, который теперь единственная его защита отъ свѣта и отъ «ударовъ неумолимой бури!»* Бѣдный Роландъ! Я знаю, что при рѣзкомъ, ненавистномъ разрывѣ этихъ священныхъ узъ, ты въ своемъ добромъ великодушномъ сердцѣ позабылъ всю ихъ тягость; тебѣ опять видѣлись нѣжные глаза, склонившіеся надъ ранненымъ чужеземцемъ, слышалось въ тихомъ шопотѣ призваніе въ той страстной немощи, въ которой женщины юга не стыдятся сознаваться. И теперь все это кончилось съ криками ненависти и взорами выражавшими ужасъ!

ГЛАВА IV.

Наставникъ.

Роландъ уѣхалъ во Францію и поселился въ окрестностяхъ Парижа. Онъ помѣстилъ Бланшь въ сосѣдній монастырь, гдѣ навѣщалъ ее ежедневно, а самъ занялся воспитаніемъ сына. Мальчикъ былъ способенъ къ ученю; по самая трудная задача была — разучить его, и на это нужна была или безстрастная опытность и неистощимое терпѣніе искуснаго наставника, или одна любовь, довѣріе и мягкое, уступчивое сердце ученика. Роландъ чувствовалъ, что ему не приходилось быть наставникомъ, и что сердце ребенка постоянно было для него закрыто. Роландъ сталъ высматривать, и нашелъ на другомъ концѣ Парижа человека по-видимому годившагося въ преподаватели, молодого Француза, получившаго нѣкоторую извѣстность въ литературѣ, но въ особенности въ наукахъ, краснорѣчиваго, какъ и всѣ Французы въ разговорахъ, исполненныхъ громкихъ чувствъ, которыя нравились романической восторженности капитана; Роландъ, увлекаясь надеждами, отдалъ сына на попеченіе этого человека. Быстрыя способности мальчика позволяли ему пріобрѣтать очень-скоро познанія, нравившіяся ему; онъ съ удивительной легкостью выучился

* The pelting of the pitiless storm.

Шекспиръ, Король Лиръ. Дѣйствіе III. Явл. VI.

говорить и писать правильно по-французски. Его твердая память и гибкость органовъ отъ которыхъ происходитъ особенная способность къ изученію языковъ, съ помощью англійскаго учителя послужили ему къ возстановленію первыхъ свѣдѣній въ языкъ отца, и дали ему возможность бѣгло изъясняться на немъ, хотъ онъ навсегда сохранилъ въ произношеніи что-то такое странное, поразившее меня; но не подозрѣвая въ немъ иностранца, я видѣлъ въ его выговорѣ только произвольную вычурность. Въ изучахъ онъ ушелъ не далеко, немного дальше самыхъ общихъ свѣдѣній въ математикѣ; но онъ прибрѣлъ способность считать необыкновенно-скоро. Онъ съ жадностью читалъ попадавшіяся ему книги пустаго и легкаго содержанія, и почерпнулъ оттуда извѣстнаго рода познанія, открываемыя романами и драматическими произведеніями, познанія въ добръ или зль, смотря по степени нравственности писателя, развивающія понятіе, и дающія страсти болѣе-благородное направленіе, или только развращающія воображеніе и унижающія человеческое достоинство. Но сынъ Роланда остался по-прежнему невѣждой во всемъ томъ, чему-бы хотѣлось отцу чтобъ онъ выучился. Между прочими несчастными обстоятельства брака капитанова было и то, что его жена имѣла всѣ предразсудки Испанки-католички, и съ ними-то его сынъ какъ-то безсознательно связалъ ученіе, почерпнутое имъ изъ суевѣрнаго язычества Гитановъ.

Роланду хотѣлось поручить воспитаніе сына протестанту. По имени преподаватель точно былъ протестантъ. Онъ былъ такого рода протестантъ, какимъ, какъ говоритъ одинъ изъ защитниковъ Вольтера, былъ-бы этотъ знаменитый человекъ, еслибъ жилъ онъ въ странѣ протестантской. Французъ своими насмѣшками разрушилъ всѣ предразсудки юноши, оставивъ въ немъ только язвительный скептицизмъ энциклопедистовъ, даже безъ всякихъ основаній ээики.

Этотъ наставникъ, безъ сомнѣній, и самъ не понималъ всей важности вреда, который дѣлалъ ученику, или онъ отъ души вѣрилъ въ ту простую и удобную систему, которую въ послѣднее время стали рекомендовать и въ Англии:

«дѣйствуйте на умъ, остальное придетъ само по себѣ; учите читать что-нибудь, и все будетъ хорошо; слѣдуйте склонностямъ ребенка: такимъ-образомъ вы разовьете дарованіе, которому отнюдь не противорѣчьте.» Умъ, дарованіе: прекрасныя вещи! Но чтобъ воспитать всего человѣка, нужно воспитать что-нибудь побольше этаго. Не отъ недостатка въ умѣ и дарованіи Борджіи и Нероны оставили имена свои памятниками позора челоуѣчества. Гдѣ-же, въ этомъ воспитаніи, былъ хоть одинъ урокъ, который-бы согрѣлъ сердце или направилъ-бы душу?

О, моя матушка! еслибы могъ этотъ мальчикъ, стоя у колышекъ твоихъ, услышать изъ устъ твоихъ, зачѣмъ дана намъ жизнь, чѣмъ она разрѣшится, и какъ для насъ открыто небо и день и ночь! О, батюшка! еслибъ былъ ты его учителемъ не по книгамъ, а въ простой мудрости сердца. О, еслибъ онъ могъ выучиться отъ тебя, изъ правилъ, подтвержденныхъ примѣрами, счастьемъ самопожертвованія, и тому, какъ добрыя дѣла исправляютъ зло!

Къ несчастію этого мальчика, въ его ослѣпительной красотѣ, въ его наружности и пріемахъ, было что-то такое, вызывавшее на снисходительное участіе и сострадательное удивленіе. Французъ любилъ его, повѣрилъ его исторіи, считалъ его мученикомъ суроваго Англичанина - солдата. Все Англичане были тогда такъ нелюдимы, и въ особенности солдаты, а капитанъ однажды на-смерть разбидѣлъ Француза, назвавъ Веллингтона великимъ челоуѣкомъ, и съ негодоузіемъ опровергнувъ мысль, что Англичане отравили Наполеона! Поэтому, вмѣсто того, чтобъ учить сына любить и уважать отца, Французъ пожималъ плечами, когда ребенокъ приносилъ какую-нибудь жалобу на отца, и заключалъ:

— Другъ ты мой, твой отецъ Англичанинъ: что-жъ тутъ говорить!

Между-тѣмъ, такъ-какъ ребенокъ быстро развивался, ему стали давать полную свободу въ часы досуга, и онъ пользовался ею со всею необузданностью своего природнаго характера. Онъ сводилъ знакомство съ молодыми по-

слитителями кофеенъ и расточителями столыцы! онъ сдѣлался отличнымъ стрѣлкомъ и фехтовальщикомъ, и приобрѣлъ познаніе во всехъ играхъ, гдѣ ловкость помогаетъ счастью. Онъ рано выучился добывать деньги картами и бильярдомъ.

Но, довольный жизнью у учителя, онъ старался скрывать свои недостатки и облагораживать свои приемы на зрѣя отцовыхъ носщениі, при немъ выставяль все лучшее изъ ничтожныхъ своихъ знаній, и, при своей удивительной способности къ подражанію, обнаруживалъ самыя возвышенныя чувства, какія находилъ въ повѣстяхъ и драмахъ. Какой отецъ не доверчивъ? Роландъ повѣрилъ всему и плакалъ отъ радости. И онъ думалъ, что пришла пора взять сына и воротиться къ старой башнѣ съ достойнымъ наследникомъ. Онъ благодарилъ и благословилъ наставника, и взялъ сына. Но, подъ предлогомъ, что ему нужно еще усовершенствоваться въ некоторыхъ предметахъ, юноша упрямилъ отца не возвращаться покуда въ Англію, и позволялъ ему еще нѣсколько мѣсяцевъ воспользоваться уроками учителя. Роландъ согласился, съѣхалъ съ своей старой квартиры и нанялъ для себя и для сына другую въ томъ-же предмѣстьи, гдѣ жилъ учитель. Вскорѣ послѣ того, какъ зажили они подъ однимъ кровомъ, привычныя наклонности молодого человека и отвращеніе къ власти отца обнаружались вполне. Отдать справедливость моему несчастному двоюродному брату — онъ хотѣ и имѣлъ способность къ скрытности, но не былъ на столько лицемеръ, чтобы систематически продолжать обманъ. Онъ умѣлъ нѣсколько времени разыграть роль, и самъ радовался своей ловкости, во онъ не могъ носить личину съ терпѣніемъ хладнокровнаго притворства. Кчему входить въ грустныя подробности, такъ легко отгадываемыя прозорливымъ читателемъ! Проступки сына были именно тѣ, къ которымъ Роландъ менѣе всего снисходилъ. Къ обыкновеннымъ проступкамъ молодости никто, я въ этомъ увѣренъ, не могъ быть снисходительнѣе его, но когда что нибудь казалось низко, подло, оскорбляло его какъ дѣятельмена и солдата, ни за что на свѣтъ не выдержалъ-бы я его гнѣвнаго взгляда и презрѣнія, звучав-

шаго въ его голосъ. И когда, послѣ многихъ тщетныхъ предостереженій и угрозъ, Роландъ нашелъ своего сына, середь ночи, въ обществѣ игроковъ и негодаевъ, стоявшаго съ кіемъ въ рукѣ, въ торжествѣ передъ кучкой пяти-франковыхъ монетъ, вы поймете, съ какимъ бѣшенствомъ гордый и вспыльчивый капитанъ разогналъ тростью все это общество, бросая ему вслѣдъ выигрышъ сына, и съ какимъ униженіемъ сынъ долженъ былъ идти за отцомъ. Роландъ увезъ его въ Англію, но не въ старую башню; очагъ его предковъ былъ слишкомъ святъ для него, а безумный насѣдникъ могъ еще осквернить его своей стопою!

ГЛАВА V.

Недовѣріе къ домашнему очагу и жизнь безъ возматаго.

И, опираясь на всѣ доказательства, какія могъ найти въ головѣ, Роландъ сталъ говорить сыну объ обязанностяхъ каждаго человѣка, помимо обязанности къ отцу, къ имени предковъ; потомъ его гордость, всегда живая и вспыльчивая, возмутилась, и безъ сомнѣнія показала сыну слишкомъ-холодною и взыскательною. Эта гордость, ни мало не послуживъ къ добру, напротивъ сдѣлала бездну вреда, потому-что юноша понялъ обиду отца съ ложной стороны, и сказалъ себѣ:

— А, такъ мой отецъ имѣеть славное имя, у него знаменитые предки, у него помѣстья и замокъ, а мы живемъ такъ скромно, и онъ безпрестанно стѣсняетъ мои издержки! Но если онъ находитъ причины гордиться всѣми этими покойниками, отчего не быть ей и для меня? Эта квартира, этотъ образъ жизни не приличны джентельмену, какъ-то я по его словамъ!

Даже въ Англій цыганская кровь не измѣнила себѣ: юноша, Богъ знаетъ гдѣ и какъ, отыскалъ себѣ безпутныхъ товарищей; странныя лица, одѣтыя въ смѣсь поблекшей роскоши и постоянного безвкусія, поджидали его на углу улицы или поглядывали въ окно, боясь только попасться Роланду; но Роландъ не могъ же сдѣлать за сво-

имъ сыномъ какъ шпіонъ. И сердце сына все болѣе и болѣе вооружалось противъ отца, а лицо отца теперь уже не улыбалось сыну. Потомъ явились заемные акты, и въ дверь постучались должники. Какое-же впечатлѣніе должны были произвести заемныя письма и должники на чловека, который дрожалъ при мысли о долгѣ, какъ горностаи отъ пятна на своей шкуркѣ? И короткій отвѣтъ сына на всѣ выговоры заключался въ слѣдующемъ :

— Развѣ я не джентельменъ? это прилично джентельмену.

Потомъ, быть-можетъ вспомнивъ опытъ сдѣланный пріителемъ-Французомъ, Роландъ отворилъ свою конторку и сказалъ :

— Разорй меня если хочешь, но не должай. Въ этихъ ящикахъ есть деньги: они не заперты.

Такое довѣріе навсегда-бы вымечило отъ излишествъ чловека съ высокимъ и утонченнымъ чувствомъ чести: воскормленникъ Гитановъ не понималъ этого; онъ счелъ слова отца за весьма-естественное, хотя и не добровольное, разрѣшеніе брать что ему нужно, — и взялъ! Роланду это показалось воровствомъ, и воровствомъ самымъ грубымъ: но когда онъ сказалъ это сыну, тотъ пришолъ въ негодованіе, и въ томъ, что было такимъ трогательнымъ обращеніемъ къ его чести, онъ увидѣлъ только западню. Словомъ, ни одинъ изъ нихъ не понималъ другаго. Роландъ запретилъ сыну выходить изъ дома; молодой чловекъ въ ту-же ночь ушелъ, рѣшась по-своему познакомиться съ бѣлымъ свѣтомъ и насладиться жизнью или насмѣяться надъ ней.

Утомительно было-бы слѣдовать за нимъ, его разнообразными приключеніями и попытками покорить фортуна, если-бъ даже всѣ онъ были извѣстны мнѣ. Оставивъ въ сторонѣ его настоящее имя, добровольно имъ брошенное, и не желая затруднять читателя всеми употребленными имъ псевдонимами, я буду называть моего несчастнаго двоюроднаго брата тѣмъ именемъ, подъ которымъ я впервые узналъ его, до тѣхъ поръ, (дай Богъ, чтобъ это время пришло!) когда, искупивъ прошедшее, онъ будетъ имѣть право на свое собственное. Вступивъ въ труппу странствующихъ актеровъ,

Вивієнь познакомився съ Пикокомъ ; этотъ почтенный чело-
 ловкъ , у котораго всегда было на лукъ болѣе одной те-
 тивы , скоро замѣтилъ неимовѣрное умѣнье Вивієна владѣть
 кѣмъ , и увидѣлъ въ этомъ лучшее средство къ совокуп-
 ному обогащенію , нежели въ доходахъ странствующаго Фес-
 писа . Вивієнь послушался его совѣтовъ , и , на первыхъ-же
 порахъ ихъ дружбы , я встрѣтилъ ихъ на большой дорогѣ .
 Эта случайная встрѣча (если позволено вѣрить увѣреніямъ
 Вивієна) , произвела сильное , и , на первый мигъ , благопріят-
 ное впечатлѣніе на Вивієна . Огюсительная невинность и
 свѣжесть юношескаго ума были новы для него ; простодуш-
 ная живость , которою сопровождались эти прекрасные дары
 природы , поразила его противоположностью съ его притвор-
 ной веселостью и тайной грустью . И этотъ мальчикъ былъ
 его двоюродный братъ !

Прибывъ въ Лондонъ , онъ явился въ Стрэндъ къ отелю ,
 котораго адресъ я далъ ему , узналъ , гдѣ мы живемъ , и ,
 проходя однажды ночью по улицѣ , увидѣлъ у окна дядю ,
 узналъ его и убѣжалъ . Такъ-какъ у него тогда были кое-
 какія деньжонки , онъ бросилъ общество , къ которому было
 прильнулся , и собрался вернуться во Францію , гдѣ хотѣлъ
 искать болѣе-честныхъ средствъ къ жизни . Онъ не нашелъ
 счастья въ свободѣ , которой добился наконецъ , ни простора
 для честолюбія , которое начинало гнѣдять его , предавшись
 наклонностямъ , отъ которыхъ тщетно предостерегалъ его
 отецъ . Безукоризненіе всѣхъ его друзей былъ его прежній
 наставникъ ; онъ рѣшился идти къ нему . Онъ отыскалъ его ;
 но наставникъ женился и теперь былъ самъ отецъ , почему
 въ его аѣнкѣ произошла удивительная перемѣна . Онъ уже
 не считалъ нравственнымъ помогать сыну въ возмущеніи
 противъ отца . Съ перваго раза Вивієнь обнаружилъ свою
 обычную насмѣшливость , и ему учтиво предложили оставить
 домъ . Тогда , поневолю , пришлось ему и въ Парижъ возвра-
 титься къ своему трактирному искусству ; но нашлось много
 людей покусивъ его . На-бѣду онъ попался въ полицей-
 ское дѣло , не по поводу личнаго преступленія , но за неосто-
 рожное знакомство , почему и счелъ благоразумнымъ оставить

Францію. Такимъ-образомъ я опять его встрѣтилъ голоднаго и оборваннаго на лондонской мостовой.

Между-тѣмъ Роландъ, послѣ первыхъ тщетныхъ поисковъ, уступилъ негодованію и отвращенію, съ которыми долго боролся. Его сынъ отвергъ его власть, потому-что она предохраняла его отъ безчестья. Его понятія о дисциплинѣ были строги, и терпѣніе было наконецъ изгнано изъ его сердца. Онъ подумалъ, что сможетъ отдать сына на произволь судьбы, отречься отъ него и сказать: — у меня нѣтъ болѣе сына! — Въ этомъ расположеніи духа явился онъ впервые въ нашемъ домѣ. Но когда, въ тотъ достопамятный вечеръ, онъ разсказалъ намъ грустную повѣсть о сынѣ своего товарища, обличивъ передъ быстрою пронизательностью моего отца свое личное горе и страданіе, немного нужно было братскаго чувства, чтобы понять или отгадать всю его исторію, и немного краснорѣчія со стороны Остина, чтобы убѣдить Роланда въ томъ, что онъ употребилъ еще не все средства къ отысканію бѣглеца и возвращенію блуднаго сына на путь истинный. Тогда-то онъ повхалъ въ Лондонъ, сталъ посѣщать всѣ мѣста, гдѣ только могъ надѣяться встрѣтить молодаго отверженца, лишалъ себя даже необходимаго, чтобы имѣть возможность быть во всѣхъ театрахъ и игорныхъ домахъ, и платить полицейскимъ агентамъ. Тогда-же видѣлъ онъ эту фигуру, которой искалъ, и по которой страдалъ, на улицѣ подъ окномъ, и въ радости воскликнулъ: — Онъ расклевается! — Однажды дядя получилъ черезъ своего банкира письмо отъ французскаго учителя, который не зналъ другаго средства писать къ Роланду какъ черезъ банкирскій домъ, откуда прежде получалъ свое жалованье, и увѣдомлялъ его о посѣщеніи его сына. Роландъ сейчасъ-же отправился въ Парижъ. Пріѣхавъ туда, онъ могъ узнать о сынѣ только черезъ полицію, и то лишь, что его видѣли въ обществѣ отъявленныхъ плутовъ, уже отданныхъ въ руки правосудія, — что его самого, какъ не признаннаго виновнымъ, выпустили изъ Парижа, и что онъ вѣроятно отправился въ Англію. Надорвалось твердое сердце бѣднаго капитана: сынъ его товарищъ мошенниковъ! почему знать, не участникъ-ли онъ

ихъ? Если-же и нѣтъ, какъ ничтожно разстояніе между товариществомъ и соучаствіемъ! Капитанъ взялъ дочь изъ монастыря, вернулся въ Англію, и впалъ въ горячку и бредъ, по-видимому въ тотъ самый день или наканунѣ того дня, когда сынъ его, безъ крова, безъ пищи, заснулъ на лондонской мостовой.

ГЛАВА VI.

Покушение построить храмъ Фортуны изъ развалинъ родительскаго дома.

— Но когда вы, не зная меня, — продолжалъ рассказъ свой Вивіенъ, — явились мнѣ на помощь, когда вы ободрили меня, когда отъ васъ впервые услышалъ я слова, давашія мнѣ цѣну, и вы нашли во мнѣ качества, обѣщавшія, что я могу еще быть чѣмъ-нибудь замѣчательнымъ, увы! (прибавилъ онъ грустно) я помню ваши собственныя слова, — новый свѣтъ блеснулъ надо мною, неопредѣленный и тѣсный, но все-таки свѣтъ; честолюбіе, которое заставило меня отыскать подлаго Француза, ожило, приняло лучшую и болѣе определенную форму. Я далъ себѣ слово выкарабкаться изъ грязи, сдѣлать себѣ имя, возвыситься въ жизни!

Голова Вивіена склонилась, но онъ поспѣшно поднялъ ее, и засмѣялся своей тихой, саркастической улыбкой. Все что слѣдуетъ за этимъ, я расскажу вкратцѣ. Продолжая питать къ отцу прежнее чувство, онъ рѣшилъ по-прежнему сохранять свое инкогнито, и сталъ называть себя именемъ, которое должно было сбить всякое соображеніе, еслибы я и заговорилъ о немъ въ моемъ семействѣ: онъ помнилъ, что Роландъ зналъ, какъ отъ полковника Вивіена убѣжалъ его сынъ; въ-самомъ-дѣлѣ рассказъ объ этомъ происшествіи подалъ и ему первую мысль о побѣгѣ. Онъ ухватился за мысль познакомиться съ Тривеніомомъ, но онъ имѣлъ причины къ тому, чтобы быть введenu къ нему не черезъ меня, и чтобы заставить меня потерять его слѣдъ: рано или поздно наше знакомство должно было открыть мнѣ его настоящее имя. Ксчастью для тѣхъ плановъ, которые онъ начиналъ обдумывать, мы всѣ собирались оставить Лондонъ; поле оста-

лось передъ нимъ свободно. Онъ прежде всего обратился къ разрѣшенію того, что считалъ главною задачею жизни, т.-е. къ тому, чтобы достигнуть известной денежной независимости и совершенно высвободиться изъ-подъ отцовскаго контроля. Зная рыцарское уваженіе бѣднаго Роланда къ своему имени, твердо убѣжденный, что Роландъ не имѣлъ любви къ сыну, но только страхъ, чтобы сынъ не обезчестилъ его, онъ рѣшился воспользоваться предразсудками своего отца, чтобы достигнуть своей цѣли.

Онъ написалъ короткое письмо къ Роланду (то самое, которое прещлолило бѣднягу такой непритворной радостью, и послѣ котораго онъ скавалъ Вланшь: «молись за меня»), гдѣ объяснилъ, что желалъ-бы видѣться съ отцомъ, и назначилъ для свиданія одну изъ тавернъ Сити.

Послѣдовало свиданіе. Когда Роландъ, съ любовью и забвеніемъ въ сердцахъ, но (и кто-же обвинилъ его за это?) съ достоинствомъ на члѣхъ и строгостью во взорѣ, явился передъ нимъ, готовый по одному его слову броситься на грудь юноши, Вивіенъ, глядя на одну его наружность и объясняя ее своими личными чувствами, скрестилъ руки на груди и холодно сказалъ:

— Избавьте меня отъ упрековъ, сэръ: они не поведутъ ни къ чему. Я вызвалъ васъ только для того, чтобы предложить вамъ спасти ваше имя и отказаться отъ вашего сына.

За тѣмъ, заботясь о томъ только, чтобы достигнуть своей цѣли, несчастный юноша объявилъ свою твердую рѣшимость никогда не жить съ отцомъ, никогда не признавать его власти, и идти дорогой имъ избранной, какова-бы ни была эта дорога, не объясняя даже ни одного изъ обстоятельствъ, наиболѣе говорившихъ противъ него, можетъ-быть въ томъ убѣжденіи, что чѣмъ хуже будетъ мнѣніе о немъ отца, тѣмъ легче достигнетъ онъ своей цѣли.

— Все, что я прошу у васъ, — сказалъ онъ — заключается въ слѣдующемъ: дайте мнѣ средствъ сколько хотите меньше, но на столько, чтобы предохранить меня отъ искушенія воровать или необходимости околѣть съ голода; я съ своей стороны обещаю вамъ не быть вамъ въ тягость никогда

въ жизни и не обезчеститъ васъ моею смертию: каковы-бы ни были мои преступленія, онъ никогда не отразится на васъ, потому-что вы не узнаете преступника! Имя, которое вы цѣните такъ высоко, будетъ спасено.

Въ отчаяніи, возмущенный Роландъ не дѣлалъ никакихъ возраженій: въ холодномъ тонѣ сына было что-то такое отнимавшее всякую надежду, и противъ чего въ негодованіи возставало его самолюбіе. Человѣкъ болѣе мягкій сталь-бы выговаривать, умолять, плакать: это было не въ натурѣ Роланда. Ему оставалось только изъ трехъ средствъ одно, сказать сыну: безумный, я приказываю тебѣ идти за мной; или: негодяй, такъ-какъ ты хочешь отказаться отъ меня какъ чужой, я какъ чужой говорю тебѣ: ступай, околѣй себя или воруи какъ тебѣ угодно! — или, наконецъ, наклонить гордую голову, ошеломленную отъ удара, и сказать: ты отказываешься въ сыновнемъ повинненіи, ты хочешь умереть для меня. Я не могу спасти тебя отъ порока, не могу наставить тебя къ добродѣтели. Ты хочешь возвратитъ мнѣ имя, которое я получилъ и носилъ незапятнанное: будь по твоему! Назначай цѣну!

Выборъ Роланда палъ на близкое къ послѣднему.

Онъ выслушалъ сына, и долго молчалъ; наконецъ онъ тихо произнесъ:

— Подумайте прежде нежели рѣшиться.

— Я долго думалъ, рѣшимость моя неколебима: сегодня наше послѣднее свиданье. Я теперь вижу передъ собою путь къ счастью, прекрасный, честный: вы можете помочь мнѣ только тѣмъ способомъ, какъ я уже сказалъ. Откажитесь вы отъ этого, можетъ-быть нынѣшній случай не вернется въ другой разъ.

Роландъ сказалъ самому себѣ:

— Я сберегалъ и копилъ для этого сына; о чемъ мнѣ думать, если будетъ у меня довольно на то, чтобы прожить безъ долга, забиться въ уголь и дожидаться моего послѣдняго дня? и чѣмъ больше я дамъ ему, тѣмъ болѣе возможности, что онъ откажется отъ дурнаго сообщества и ложнаго пути.

Такимъ-образомъ изъ небольшого своего дохода Роландъ назначилъ непокорному сыну болѣе половины.

Вивіенъ не зналъ состоянія своего отца, онъ не предполагалъ, чтобы издержка двухъ-сотъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ была такъ несоразмѣрна съ средствами Роланда; однако, когда сумма была назначена, онъ былъ пораженъ великодушіемъ того, кому самъ далъ право сказать:

— Помни-же, я дѣлаю по твоему: «ровно на столько, чтобъ не умереть съ голода!» — но вдругъ ненавистный цинизмъ, почерпнутый имъ отъ дурныхъ людей и глупыхъ книгъ, и который онъ называлъ знаніемъ свѣта, родилъ въ немъ мысль: «это онъ дѣлаетъ не для меня, а для своего имени»; и онъ сказалъ уже громко:

— Я согласенъ на ваши условія, сэръ: вотъ адресъ нотариуса, гдѣ вы можете облечь ихъ въ должную форму. Прощайте навсегда.

Услышавъ послѣднія слова, Роландъ остолбенѣлъ и протянулъ свои руки въ пространство, какъ спящей. Но Вивіенъ отворилъ окно и вскочилъ на подоконье (комната была въ уровень съ землей).

— Прощайте, — повторилъ онъ, — скажите свѣту, что я умеръ.

Онъ исчезъ на улицѣ, отецъ всплеснулъ руками, схватился за сердце и произнесъ:

— Что-жъ—стало-быть мое дѣло въ этомъ мірѣ людей кончено! Ворочусь я къ старой башнѣ, этой развалинѣ развалинъ, и видъ могилъ, которыя мнѣ удалось спасти отъ безчестья, утѣшить меня во всемъ!

ГЛАВА VII.

Послѣдствія. — Превратное честолюбіе. — Эгоизмъ. — Способности ума, развращенныя испорченностью сердца.

До-сихъ-поръ планы Вивіена удавались: у него былъ доходъ, дававшій ему возможность пользоваться всеми наружными принадлежностями джентельмена, и независимостью, конечно скромной, но все-же независимостью. Мы всѣ уѣхали изъ Лондона. Письмо ко мнѣ съ почтовымъ клеймомъ города, близъ котораго жилъ полковникъ Вивіенъ, достаточно под-

тверждали мои предположенія насчетъ его семейства и того, что онъ воротился къ нему. Тогда онъ представился Тривеніону какъ молодой человекъ, употребленный мною для члена парламента; и зная, что я никогда не упоминалъ его имени, ибо безъ позволенія Вивіена, я, изъ уваженія къ его видимому доверію ко мнѣ, не долженъ былъ рѣшиться на это безъ его согласія, онъ назвалъ себя именемъ Гауера, которое выбралъ на-удачу изъ стараго придворнаго альманаха, на томъ основаніи, что оно съ многими именами высшаго англійскаго дворянства и въ противоположность древнимъ именамъ менѣе-извѣстныхъ дворянскихъ родовъ, не ограничивалось членами одного семейства. И когда, съ свойственною ему ловкостью, онъ отложилъ въ сторону или смягчилъ все то, что въ его приемахъ могло не понравиться Тривеніону, и достаточно возбудилъ участіе, какое государственнѣйшій мужъ всегда оказывалъ дарованію, онъ однажды простодушно признался въ присутствіи леди Эллипуръ (ибо его опытность выгнала его тому, что сочувствіе женщины всего легче возбуждается тѣмъ, что дѣйствуетъ на воображеніе или по-видимому выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей), что онъ имѣетъ причины покуда скрывать свои семейныя отношенія и думать, что я догадываюсь о нихъ, и по превратному взгляду на его пользу извѣщу его родственниковъ о мѣстѣ его пребыванія. Поэтому онъ просилъ Тривеніона, на случай если онъ будетъ писать ко мнѣ, не упоминать о немъ. Тривеніонъ далъ ему это обѣщаніе, хотя не безъ отвращенія; добровольная исповѣдь сама по себѣ вызывала это обѣщаніе; но такъ-какъ онъ ненавидѣлъ всякаго рода тайны, признаніе могло сдѣлаться неблагоприятнымъ для дальнѣйшаго сближенія его съ Вивіеномъ, и при такихъ сомнительныхъ предзнаменованіяхъ не было-бы для Вивіена шанса достигнуть въ домъ Тривеніона той короткости, которой онъ добивался, не случись тутъ одно обстоятельство, которое разомъ открыло ему этотъ домъ какъ свой собственный.

Вивіенъ всегда сохранялъ локонь волосъ своей матери, отрезанный у нее на смертномъ одрѣ; когда онъ еще былъ у французскаго учителя, первая издержка его карманныхъ

денежъ была на медаліонъ для этихъ волосъ, на которомъ онъ велѣлъ написать свое и матерно имя. Во всѣхъ своихъ странствіяхъ онъ берегъ эту святыню, и въ самыхъ крутыхъ переходахъ нужды никакой голодъ не имѣлъ силы заставить его разстаться съ нею. Вдругъ однимъ утромъ ленточка, на которой висѣлъ медаліонъ, оборвалась, и когда глаза его упали на имена, вырѣзанныя на золотѣ, онъ въ своемъ неясномъ понятіи о правомъ и неправомъ, какъ ни было оно несовершенно, разсудилъ, что по его договору съ отцомъ онъ обязанъ вытереть эти имена; для этого онъ отправился въ Пиккедилли къ одному ювелиру, которому объяснилъ свое желаніе, не замѣтивъ присутствія дамы въ глубинѣ магазина. Медаліонъ по уходѣ Вивіена, остался на прилавкѣ; дама, подошедъ, увидѣла его, и прочла вырѣзанныя на немъ имена. Она была поражена особеннымъ звукомъ гоюса, слышаннаго ею передъ этимъ, и въ тотъ-же день м. Гауеръ получилъ записку отъ леди Эллиноръ Тривеніонъ, въ которой она просила его прійти къ ней. Крайне-удивленный, онъ пришолъ. Подавая ему медаліонъ, она съ улыбкой сказала:

— Только одинъ человекъ на свѣтѣ называется де-Какстонъ, или можетъ носить это имя — его сынъ. А, я теперь понимаю, почему вы хотѣли закрыться отъ моего пріятели Пизистрата. Но что это значить? Неужели между вами и отцомъ какое-нибудь недоразумѣніе? Признайтесь мнѣ, или я почту себя обязанной написать къ нему.

Привычка къ притворству вдругъ измѣнила Вивіену, такъ неожиданно было все это. Онъ не нашолъ иного средства, какъ доверить свою тайну леди Эллиноръ, и умолялъ ее не выдать его. Послѣ этого онъ съ горечью заговорилъ о чувствахъ къ нему отца и его личномъ намѣреніи доказать несправедливость отцовской ненависти положеніемъ, которое онъ сдѣлаетъ себѣ въ свѣтѣ. Покуда отецъ считаетъ его умершимъ, и можетъ-быть не къ своему неудовольствію. Онъ не желаетъ разрушать это убѣжденіе до-тѣхъ-поръ, пока не искупитъ дѣтскихъ проступковъ, и не заставитъ свою семью гордиться имъ.

Хотя леди Элиноръ съ трудомъ могла повѣрить, чтобы Роландъ ненавидѣлъ своего сына, она готова была согласиться, что капитанъ строгъ и вспылчивъ, по привычкѣ къ военной дисциплинѣ; исторія молодого человѣка тронула ее, его намѣреніе понравилось ея мечтательному уму; всегда романическая и готовая сочувствовать всякому честолюбивому желанію, она вступилась въ планы Вивіена съ усердіемъ, которое поразило самого его. Она восхищалась мыслию устроить судьбу сына и окончательно помирить его съ отцомъ: ея содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ заглядило-бы невольныя ошибки, въ которыхъ въ прошедшемъ могъ обвинять ее Роландъ.

Она рѣшилась подѣлиться этой тайной съ Тривеніономъ, потому-что у ней не было тайнъ отъ него, и увѣриться въ его помощи.

Здѣсь я вынужденъ нѣсколько отступить отъ хронологическаго порядка моего объяснительнаго разсказа; чтобы сообщить читателю, что при первомъ за тѣмъ свиданіи леди Элиноръ съ Роландомъ, холодность обращенія капитана отняла у ней всякую охоту открыть ему тайну Вивіена. Когда-же она, все-таки давъ себѣ слово помирить ихъ, начала изда-лека выхвалять новаго пріятеля Тривеніона, м. Гауеръ, въ капитанъ родились подозрѣнія о томъ, что м. Гауеръ долженъ быть его сыномъ: это-то и заставило его принять такое участіе въ спасеніи миссъ Тривеніонъ. Но до того героически бѣдный солдатъ старался противостоятъ своему собственному страху, что въ дорогъ онъ даже избѣгалъ дѣлать мнѣ тѣ вопросы, отвѣты на которые могли-бы парализовать его энергію, столько ему нужную. Онъ говорилъ моему отцу:

— Я чувствовалъ какъ кровь приливала у меня въ вискахъ, и если-бы я сказалъ Пизнстрату: опишите мнѣ этого человѣка, — и въ его описаніи узналъ-бы моего сына и подумалъ-бы, что будетъ уже поздно, чтобы удержать его отъ этого страшнаго преступленія, я-бы сошелъ съ ума; такъ я и не посмѣлъ!

Возвращаюсь къ нити моего разсказа. Съ того времени какъ Вивіенъ открылся леди Элиноръ, путь къ самымъ

честолюбивымъ его надеждамъ просвѣтлѣть, и, хотя познанія его не были на столько основательны и разнообразны, чтобы Тривеніонъ могъ сдѣлать изъ него своего секретаря, однакоже, онъ сдѣлался въ домъ почти такъ-же коротокъ, какъ былъ я, и только не жилъ у нихъ.

Между надеждами Вивіена на будущее, мысль добиться руки и сердца богатой наслѣдницы стояла не на послѣднемъ планѣ его сближенія съ домою, какъ вдругъ Фанни была просватана за молодаго лорда Каастлтоуъ. Но онъ не могъ смотреть равнодушно на миссъ Тривеніонъ (увы! кто съ сердцемъ еще свободнымъ могъ устоять противъ такихъ прелестей?). Онъ позволилъ любви необузданной, какую понимала его полудикая, полуобразованная натура, закрасться ему въ душу, овладѣть имъ; однако покуда былъ живъ молодой лордъ, онъ не питалъ надежды, не ласкалъ ни одного предположенія. Съ смертію своего жениха, Фанни сдѣлалась свободной: онъ сталъ надѣяться, но еще не дѣлалъ плановъ. Случайно встрѣтился онъ съ Пиккомъ, и, частію по необдуманности, сопровождавшей ложную доброту, ему свойственную, частію съ неопредѣленной мыслию, что этотъ человекъ можетъ пригодиться ему, опредѣлилъ своего бывшаго товарища въ услуженіе къ Тривеніону. Пикокъ скоро узналъ тайну о любви Вивіена къ Фанни, и, ослѣпленный выгодами отъ союза съ миссъ Тривеніонъ для своего покровителя, а слѣд. и для себя, и восхищенный случаемъ употребить въ дѣло свои драматическія способности на сценѣ дѣйствительной жизни, прежде всего приложилъ къ дѣлу театральнѣйшій урокъ о томъ, чтобы связать интригу съ горничной, для того чтобы помочь планамъ и успѣху главнаго любовника. Если Вивіенъ и имѣлъ случаи изъяслять свое удивленіе къ миссъ Тривеніонъ, она съ своей стороны не помогала ему въ этомъ. Но ея природная теплота и граціозная любезность, окружавшія ее подобно атмосферѣ, безсознательно вытекавшія изъ дѣвичьяго желанія нравиться, обманывали его. Его личныя свойства были такъ-необыкновенны, и впечатлѣніе, которое производили они во время его бродячей жизни, до того усилило въ немъ вѣру въ нихъ, что онъ думалъ, что былъ-бы только случай, а не

успѣть ему невозможно. Онъ былъ уже въ этомъ состоянн умственнаго ослѣпленн, когда Тривенюнъ, помѣстивъ своего шотландскаго секретаря, взялъ его съ собой къ лорду Н. Хозяйка дома была одна изъ тѣхъ свѣтскихъ женщинъ среднихъ лѣтъ, которыя любятъ покровительствовать и поощрять молодыхъ людей, и принимаютъ признательность за ихъ снисходительность, какъ дань ихъ красотѣ. Она была поражена наружностью Вивіена, и этой «живописностью» взгляда и пріемовъ, ему одному свойственной. Отъ природы болтливая и нескромная, она была черезъ-чуръ откровенна съ питомцомъ, котораго хотѣла познакомить съ большимъ свѣтомъ. Такъ, въ числѣ другихъ новостей и слуховъ, она стала говорить о миссъ Тривенюнъ, и выразила свое убѣжденіе, что настоящій лордъ Кастльтонъ всегда принадлежалъ къ числу ея самыхъ горячихъ поклонниковъ, но что онъ, только сдѣлавшись маркизомъ, задумалъ о женитьбѣ, потому-что, зная виды леди Элинноръ, понималъ, что только маркизу де-Кастльтонъ можно достигнуть того, въ чемъ было-бы отказано сэру Седлею Бюдезерть. Потомъ, чтобы подкрѣпить эти предсказанія, она повторила, можетъ-быть въ преувеличенномъ видѣ, отвѣты лорда Кастльтонъ на ея слова объ этомъ предметѣ. Все это очень подстрекнуло Вивіена. Безразсудныя страсти легко помрачали умъ, давно извращенный, и совѣсть, по привычкѣ спавшую. Въ каждой сильной привязанности, благородной или нѣтъ, есть какой-то инстинктъ, дающій ревности силу предчувствія. Такъ, прежде, изъ всѣхъ блестящихъ поклонниковъ, окружавшихъ Фанни Тривенюнъ, ревность моя болѣе всего падала на сэра Седлея Бюдезерть, хотя, по-видимому, и безъ причины. По тому-же самому инстинкту, Вивіенъ питалъ ту-же ревность, которая въ своемъ началѣ еще соединилась съ ненавистью къ сопернику, задѣвшему его самолюбіе. Маркизь, не позволявшій себѣ ни съ кѣмъ ни быть гордымъ, ни неучтивымъ, никогда не оказывалъ въ отношеніи къ Вивіену той любезной предупредительности, съ какою обращался со мной, и точно избѣгалъ короткости съ нимъ; въ то-же время личное самолюбіе Вивіена страдало при видѣ успѣховъ, которые безъ усилія имѣлъ въ гостиныхъ этотъ сердцецѣдъ по

преимуществу, и которые бросали тѣнь и на молодость и на красоту (болѣе оригинальную, но гораздо менѣе привлекательную) предприимчиваго соперника. Поэтому досада на лорда Какстонъ соединилась съ страстью Вивіена къ Фанни, и вызвала все, что было худшаго въ этой безпокойной и дерзкой головѣ, и по природѣ и отъ жизни.

Повзрѣвшій его, Пикокъ, изъ своего знанія сцены, подаль ему мысль о заговорѣ, которую живой Вивіенъ поспѣшилъ одобрить и привести въ исполненіе. Въ горничной миссъ Тривеніонъ Пикокъ нашелъ женщину, готовую на все, съ тѣмъ чтобы въ награду сдѣлаться его женой, и получить пожизненную пенсію. Два или три письма ихъ скрѣпили эти условія. Старый пріятель его, тоже актеръ, снялъ гостиницу на сѣверной дорогѣ, и на него можно было считать. Въ этой гостиницѣ рѣшено было Вивіену встрѣтить миссъ Тривеніонъ, которую Пикокъ взялся привезти съ помощью горничной. Единственное затрудненіе, которое всякому другому показалось-бы главнымъ, заключалось въ томъ, чтобы склонить миссъ Тривеніонъ на шотландскій бракъ. Но Вивіенъ ввернулъ въ свое краснорѣчіе, искусство и страсть: по необдуманности, хоть и странной, но довольно-естественной въ такомъ извращенномъ умѣ, онъ предполагалъ, что если настоитъ на намѣреніи ея родителей пожертвовать ея молодостью челоуѣку, къ которому онъ наиболее ревновалъ ее, если представить ей неровность лѣтъ, осмѣетъ слабости и мелочность своего соперника и наговорить ей нѣсколько общихъ мѣстъ о красотѣ, приносимой въ жертву честолюбію, то склонить ее на свою сторону и вооружить ее противъ выбора ея родителей. Планъ былъ приведенъ въ исполненіе, время пришло: Пикокъ отпросился у Тривеніона на нѣсколько дней; Вивіенъ, за день до срока, тоже выпросился подъ предлогомъ, что хочетъ осмотрѣть окрестность. Такимъ-образомъ и случилось все до извѣстнаго уже происшествія.

— Я не спрашиваю — сказалъ я, тщетно стараясь скрыть мое негодованіе — какъ миссъ Тривеніонъ приняла ваше безумное предложеніе!

Блѣдныя щеки Вивіена еще поблѣднѣли, но онъ не отвѣчалъ.

— А еслибы мы не прѣехали, что-бы вы сдѣлали? Рѣшнитесь-ли вы взглянуть въ эту бездну позора, изъ которой вы спасены теперь?

— Послушайте, я не могу, я не хочу это вытерпеть! — воскликнулъ Вивіенъ, вскакивая. — Я открылся вамъ весь, и съ вашей стороны не великодушно, безчеловѣчно такъ растревлять раны. Вы можете морализировать, вы можете говорить холодно, а я... я любилъ!

— А развѣ вы думаете, — перебилъ я — что я-то не любилъ? развѣ не любилъ я дольше васъ, лучше васъ; развѣ не было у меня болѣе мучительныхъ, темныхъ дней, болѣе бессонныхъ ночей, нежели у васъ; а однакожь....

Вивіенъ схватилъ меня за руку.

— Стойте! — воскликнулъ онъ — правда-ли это? Я думалъ, что у васъ было къ миссъ Тривеніонъ пустое, проходящее чувство, и что вы его ослили и забыли. Невозможно любить и добровольно лишить себя всякой надежды, какъ вы это сдѣлали, оставить домъ, бѣжать самому ея присутствія! Нѣтъ, нѣтъ! То была не любовь!

— То была любовь! И я молю Бога, чтобъ онъ позволилъ вамъ когда-нибудь узнать, какъ мало, въ вашей привязанности, было тѣхъ чувствъ, которыя дѣлаютъ любовь столько-же возвышенною, какъ честь. О, чѣмъ-бы вы могли ужь быть теперь съ вашими блестящими способностями! И чѣмъ еще, я надѣюсь, вы будете, если раскаяетесь! Не говорите о вашей любви: я не говорю о моей! Любовь отнята у обоихъ насъ. Возвратитесь къ дальнему прошедшему, къ важнымъ ошибкамъ, къ вашему отцу, этому благородному сердцу, которое вы такъ необдуманно измучили, этой многотерпѣливой любви, которую вы такъ мало поняли!

Тогда, со всѣмъ жаромъ глубокаго смущенія, я продолжалъ открывать ему свойство чести и Роланда (это одно и то-же); рассказалъ ему мученія, надежды, безпокойства, которыхъ я былъ свидѣтелемъ и плакалъ, хоть я и не сынъ его; объяснилъ ему бѣдность и лишенія, на которыя, на-последокъ, осудилъ себя отецъ, для того чтобъ сынъ

не вздумалъ извинять себѣ грѣхи, которые нужда нашоптываетъ слабому. Все это выговорилъ я съ убѣжденіемъ, которое придаетъ голосу истина, и не давая ему прерывать меня. Наконецъ жесткая, озлобленная, циническая натура уступила, и молодой человекъ, рыдая, упалъ къ моимъ ногамъ и громко сказалъ:

— Пожалуйте меня! Помилосердуйте! Я все теперь вижу! Я былъ безумецъ!

ГЛАВА VIII.

Оставивъ Вивіена, я и не думалъ обшачать ему сейчасъ же прощеніе Роланда. Я не совѣтовалъ ему стараться видѣть отца. Я чувствовалъ, что еще не пришло время, ни для прощенія, ни для свиданія. Я довольствовался побѣдой, уже одержанной. Я счолъ необходимымъ чтобы размышленіе, одиночество и страданіе глубже врѣзали слова урока, и приготовили путь къ твердой рѣшимости на исправленіе. Я оставилъ его сидящимъ на берегу рѣки, и обшчалъ ему дать знать въ гостинницу, гдѣ онъ остановился, о здоровьи Роланда.

Воротившись въ гостинницу, я былъ непріятно пораженъ, когда замѣтилъ, сколько времени прошло уже съ тѣхъ поръ какъ я оставилъ дядю. Войдя въ его комнату, я, къ моему удивленію и удовольствію, нашелъ его на ногахъ и одѣтымъ, съ выраженіемъ спокойствія на лицѣ, хотя и усталомъ. Онъ не спрашивалъ меня, гдѣ я былъ, можетъ-быть изъ уваженія къ моимъ впечатлѣніямъ по поводу разлуки съ миссъ Тривеніонъ, можетъ-быть по предположенію, что этѣ впечатлѣнія отняли у меня не все мое время. Онъ только сказалъ:

— Вы, кажется, говорили, что послали за Остиномъ?

— Да, сэръ, но я просилъ его пріѣхать въ ***, какъ ближайшее мѣсто отъ башни.

— Такъ поѣдѣте сейчасъ отсюда: я поправлюсь отъ дороги. А здѣсь меня измучить любопытство, безпокойство и все это! — сказалъ онъ всплеснувъ руками, — вслите запрягать!

Я вышелъ изъ комнаты, чтобъ отдать приказаніе, и, куда складывали, я побѣжалъ туда, гдѣ оставилъ Вивіена. Онъ сидѣлъ на томъ-же мѣстѣ, въ томъ-же положеніи, закрывая руками лицо, какъ-будто чтобы сиртаться отъ солнца. Я вкратцѣ передалъ ему о Роландѣ, о нашемъ отъездѣ, и спросилъ у него, гдѣ я его найду въ Лондонѣ. Онъ велѣлъ мнѣ приходить на ту-же квартиру, гдѣ я уже столько разъ навѣщалъ его.

— Если не будетъ тамъ мѣста, — сказалъ онъ — я оставляю вамъ два слова, гдѣ меня найти. Но я-бы хотѣлъ опять поселиться тамъ, гдѣ я жилъ прежде нежели....

Онъ не кончилъ фразы. Я вжалъ ему руку, и ушелъ.

Г Л А В А III.

Прошло нѣсколько дней: мы въ Лондонѣ и отецъ мой съ нами. Роландъ позволилъ Остину рассказать мнѣ его исторію, и узналъ черезъ Остина все слышанное мною отъ Вивіена, и все, что въ его рассказѣ служило къ извиненію прошлаго или подавало надежду на искупленіе въ будущемъ. И Остинъ невыразимо успокоилъ брата. Обычная строгость Роланда миновалась, взглядъ его смягчился, голосъ сталъ тихъ. Но онъ мало говоритъ и никогда не смѣется. Онъ не дѣлаетъ мнѣ вопросовъ, не называетъ при мнѣ своего сына, не вспоминаетъ о путешествіи въ Австралію, не спрашиваетъ, почему оно отложено, не хлопочетъ о приговорахъ къ нему, какъ прежде: у него нѣтъ участія ни къ чему.

Путешествіе отложено до отплытія перваго корабля; я два или три раза видѣлъ Вивіена, и результатъ этихъ свиданій приводитъ меня въ отчаяніе. При видѣ нашего новаго Вавилона, эта смѣсь достатка, роскоши, богатства, блеска, нужды, бѣдности, голода, лохмотьевъ, которые соединяетъ въ себѣ этотъ фокусъ цивилизаціи, возбудила въ Вивіенѣ прежнія наклонности: ложное честолюбіе, гнѣвъ, злость, и возмутительный ропотъ на судьбу. Была только одна надежная точка — раскаяніе въ винѣ его противъ отца: это чувство не оставляло его, и, основываясь на немъ, я напелъ въ Вивіенѣ болѣе прямой чести, нежели прежде думалъ. Онъ уничтожилъ условіе, по которому онъ получалъ содержаніе отъ отца.

— По-крайней-мѣрѣ — говорилъ онъ — я не буду ему въ тягость!

Но если съ этой стороны раскаянне казалось искренне, не то было въ его образѣ дѣйствій въ отношеніи къ мнѣсь Тривеніонъ. Его цыганское воспитанье, его дурные товарищи, безпутные французскіе романы, его театральнй взглядъ на интриги и заговоры: все это, казалось, становилось между его пониманіемъ и должной оцѣнкой всѣхъ его проступковъ, и въ особенности послѣдней продѣлки. Онъ, по-видимому, болѣе стыдился гласности, нежели вины; онъ чувствовалъ болѣе отчаянія отъ неудачи, нежели благодарности, за то что избѣжалъ преступленія. Словомъ, не вдругъ можно было переработать дѣло цѣлой жизни, по-крайней-мѣрѣ мнѣ, не-искусному мастеру.

Послѣ одного изъ моихъ свиданій съ нимъ, я тихонько прокрался въ комнату, гдѣ сидѣлъ Остинъ съ Роландомъ, и выждавъ благопріятную минуту, когда Роландъ, открывъ свою библію, принялся за нее, какъ я уже прежде замѣтилъ, съ своей желѣзной рѣшимостью, я вызвалъ отца изъ комнаты.

Пизистратъ. Я опять видѣлъ моего двоюроднаго брата. Я не успѣваю такъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось. Надо-бы пови-
дать его вамъ.

М. Какстонъ. Мнѣ? Конечно, непременно надо, если я могу быть полезенъ. Но послушается-ли онъ меня?

Пизистратъ. Я надѣюсь. Человѣкъ молодой часто уважаетъ въ старшемъ то, что считаетъ оскорбительнымъ слушать отъ ровесника.

М. Какстонъ. Можетъ-быть. (*Подумавъ.*) Но ты описываешь мнѣ этого страннаго юношу какъ разбитое судно! За какую часть этихъ обломковъ ухватюсь я спасительнымъ багромъ? Мнѣ кажется, здѣсь не достаетъ всего того, на что-бы мы могли понадѣяться, если-бъ хотѣли спасти другаго: религіи, чести, воспоминаній дѣтства, любви къ домашнему очагу, сыновней покорности, даже и понятія о личной вы-
годѣ, въ философскомъ смыслѣ этого слова. А я-то, вѣдь я весь свой вѣкъ возился только съ книгами! Другъ мой, я отчаяваюсь!

Пизистратъ. Нѣтъ не отчаявайтесь: вамъ надо имѣть успѣхъ, потому-что, если вы не успѣете, что будетъ съ дядей Роландомъ! Развѣ вы не видите, что его сердце разрывается?

М. Какстонъ. Принеси мнѣ мою шляпу: пойду спасу этого Измаила; не отойду отъ него, покуда онъ не будетъ спасенъ!

Пизистратъ (нѣсколько минутъ спустя, по дорогѣ къ квартирѣ Вивіенъ). Вы спрашиваете у меня, за что уцѣпиться вамъ. Есть вещь очень надежная, сэръ.

М. Какстонъ. А! какая-же?

Пизистратъ. Привязанность! Въ глубинѣ этого необузданнаго характера лежитъ сердце, способное къ сильной привязанности. Онъ умѣлъ любить свою мать: при ея имени онъ плачетъ, онъ скорѣе-бы умеръ, нежели разстался съ послѣднимъ залогомъ ея любви. Его ожесточила и вооружила увѣренность въ равнодушіи и даже ненависти къ нему отца: я побуждаю его отвращенье и обуздываю его страсти только рассказами о томъ, какъ этотъ отецъ любилъ его. Вы будете имѣть дѣло съ привязанностью: отчаяваетесь вы?

Отецъ взглянулъ на меня своимъ невыразимо добрымъ и кроткимъ взглядомъ и тихо сказалъ:

— Нѣтъ.

Мы дошли до дома, гдѣ жилъ Вивіенъ; когда мы стали стучаться въ дверь, отецъ обратился ко мнѣ.

— Если онъ дома, оставь меня: ты задашь мнѣ трудную задачу; надо мнѣ разрѣшать ее одному.

Вивіенъ былъ дома, и дверь затворилась за посетителемъ. Отецъ остался у него нѣсколько часовъ.

Воротившись домой, я, къ крайнему удивленію, нашолъ съ дядей Тривеніона. Онъ отыскалъ насъ, хотя вѣроятно не безъ затрудненій. Но у Тривеніона добрый порывъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ слабыхъ побужденій, которыя останавливаются при видѣ перваго препятствія. Онъ пріѣхалъ въ Лондонъ нарочно для того, чтобы повидаться съ нами и благодарить насъ. Не думалъ я до этого времени, чтобы столько утопченной деликатности могъ совмѣстить въ себя человѣкъ, котораго постоянныя занятія по нсволѣ дѣлали

сухимъ и подчасъ угловатымъ въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Я съ трудомъ узналъ нетерпѣливаго Тривеніона въ этихъ выраженіяхъ ласковаго и нѣжнаго уваженія, которое болѣе вызывало признательности, нежели говорило о ней, и которымъ онъ старался дать почувствовать, на сколько онъ обязанъ отцу, не упоминая о винѣ противъ него сына. Роландъ по-видимому едва замѣчалъ эту утонченную и трогательную любезность, которая показывала, на сколько благородная натура Тривеніона сама по себѣ стояла выше той сухости ума и чувства, въ которую погружаются люди практической дѣятельности. Роландъ сидѣлъ у гаснувшаго камина, опустившись весь въ свое глубокое кресло и склонивъ голову на грудь; только по рѣдкимъ приливамъ крови къ его блѣднымъ щекамъ вы бы замѣтили, что онъ отличалъ отъ обыкновеннаго гостя чело-вѣка, котораго дочь онъ помогъ спасти. У министра, у этаго важнаго члена государства, располагавшаго мѣстами, перствами, золотыми жезлами, лентами, не было ничего такого, чѣмъ бы утѣшилась больная душа солдата. Передъ этой бѣдностью, этимъ горемъ, этой гордостью, совѣтникъ короля былъ безсиленъ. Только тогда уже, когда Тривеніонъ собрался вѣхать, что-то близкое къ сознанію благородной цѣли этого посѣщенія какъ-будто-бы нарушило спокойствіе старика, и сверху пробило ледъ: онъ проводилъ Тривеніона до двери, пожалъ ему объ руки, повернулся и сѣлъ на прежнее мѣсто. Тривеніонъ подалъ мнѣ знакъ; мы вмѣстѣ спустились по лѣстницѣ и вошли въ комнату, гдѣ не жилъ никто.

Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній на счетъ Роланда, исполненныхъ глубокаго и почтительнаго чувства, и одного поспѣшнаго воспоминанія о его сынѣ, для того, чтобы увѣрить меня, что его покушеніе навсегда останется неизвѣстнымъ, Тривеніонъ обратился ко мнѣ, съ горячностью и настойчивостью, которыя поразили меня.

— Послѣ всего, что случилось — воскликнулъ онъ, — я не могу допустить, чтобы вы такъ оставили Англію. Не такъ какъ съ вашимъ дядей, я съ вами не соглашусь, чтобы не было ничего въ моей власти, чѣмъ-бы я могъ отплатить.... Вѣтъ, я не такъ скажу.... оставайтесь и служите вашему

отечеству дома: это моя просьба, это просьба Эллиноръ. При всей моей власти, хоть можетъ-быть и трудно, будетъ, но я все таки отыщу что-нибудь такое, что вамъ понравится.

Потомъ Тривенионъ съ лестной стороны говорилъ о правахъ моего рожденія и способностей на важные мѣста, и развернулъ передо мной картину политической дѣятельности, ея выгоды и отличій, которая на минуту по-крайней-мѣрѣ заставила сердце мое биться и грудь волноваться сильнѣе, но въ то-же время—была-ли это безразсудная гордость?—я почувствовалъ, что для меня мучительна и унижительно мысль быть обязаннымъ моей карьерой отцу женщины, которую я любилъ и которой не смѣлъ искать: больше-же всего оскорбило-бы меня сознание, что мнѣ заплатили за услугу, вознаградили меня за потерю. Разумется я не могъ приводить эти причины, къ тому-же великодушіе и краснорѣчіе Тривениона на первый мигъ до того тронули меня, что я могъ только изъяснить ему мою признательность и обещать ему, пообдумавъ, извѣстить его о моемъ рѣшеніи.

Онъ былъ вынужденъ удовольствоваться этимъ общеніемъ, и сказалъ, чтобъ я писалъ къ нему въ его любимое помѣстье, куда отправлялся въ тотъ-же день, оставивъ меня. Я оглянулъ кругомъ скромную комнатку бѣднаго дома, и слова Тривениона вновь явились передо мною какъ отблескъ золотого свѣта. Я вышелъ на открытый воздухъ, и побрелъ по оживленнымъ улицамъ, взволнованный и безпокойный.

ГЛАВА X.

Прошло еще нѣсколько дней; большую часть каждого изъ нихъ отецъ проводилъ въ квартирѣ Вивіена. Но онъ ничего не говорилъ о своемъ успѣхѣ, умолялъ меня не спрашивать его объ этомъ, и даже на время прекратить мои посѣщенія Вивіену. Дядя отгадалъ или зналъ обязанность, которую принялъ на себя его братъ: я замѣтилъ, что всякій разъ, когда Остинъ тихо собирался идти, глаза его свѣтились, и краска лихорадочно прилиwała къ щекамъ. Наконецъ, однимъ утромъ, отецъ подошелъ ко мнѣ съ дорожнымъ мышкомъ въ рукѣ, и сказалъ:

— Я отправлюсь на недѣлю или на двѣ. Не отходи отъ Ролянда до моего возвращенія.

— Съ нимъ?

— Съ нимъ.

— Это хорошій знакъ.

— Надѣюсь: это всё, что я могу сказать покуда.

Не прошло и недѣли, когда я получалъ отъ моего отца письмо, которое предлагаю читателю, и вы можете судить, до какой степени онъ былъ занятъ обязанностью добровольно на себя принятою, если замѣтите, какъ мало, говоря относительно, это письмо содержитъ мелочныхъ и педантическихъ выходокъ (да простится мнѣ последнее слово! оно здѣсь совершенно у мѣста), которыя обыкновенно не покидали моего отца, даже въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ его жизни. Здѣсь онъ, какъ-будто навсегда, бросилъ книги, и, положивъ передъ глазами своего питомца сердце человеческое, сказалъ:

— Читай и разучивайся!

Къ *Пизистрату Какстонъ*.

«Любезный Сынъ!

«Не нужно говорить тебѣ какія пренятствія пришлось побѣждать мнѣ, ни повторять всѣ средства, которыя, дѣйствуя по твоимъ справедливымъ внушеніямъ, употребилъ я на то, чтобы пробудить чувства давно уснувшія или смутныя, и заглушить другія спозаранку дѣятельныя и сильно разившіяся. Все зло состояло въ слѣдующемъ: въ одномъ лицѣ были совмѣщены знаніе человека взрослога во всемъ дурномъ и незнаніе ребенка во всемъ хорошемъ. Какая немовѣрная острота въ дѣлахъ чисто-житейскихъ! Какая грубая и непостижимая тупость въ отвлеченныхъ понятіяхъ о правомъ и неправомъ! То я напрягаю весь бѣдный умъ мой, чтобы помочь ему въ борьбѣ съ запутанными тайнами общественной жизни, то вожу непокорные пальцы по букварю самыхъ очевидныхъ нравственныхъ правилъ. Здѣсь іероглифы, тамъ буквы какъ на вывѣскахъ! Но покуда есть въ человекѣ способность къ привязанности, все еще можно дѣйствовать на его натуру. Надо смести весь соръ, которымъ завалена она, пробить дорогу къ этой натурѣ, и начать воздѣлыванье сызнова: это средство единственное.

«Постепенно я нашелъ эту дорогу, терпѣливо дождав-шись, покуда грудь, довольная своимъ отдыхомъ, выбросила

весь свой мусоръ , ни раза не ворча , не дѣлая даже упрековъ , повидимому сочувствуя ему и стараясь , чтобы онъ , выражаясь словами Сократа , осудилъ самъ себя. Когда я увидѣлъ , что онъ уже не боится меня , что мое общество сдѣлалось для него удовольствіемъ , я предложилъ ему небольшое путешествіе , не сказавъ куда.

«Избѣгая , какъ можно болѣе , большую сѣверную дорогу (потому-что я , ты и самъ догадываешься , боялся подлить масла на огонь) , а гдѣ это оказывалось невозможнымъ , путешествуя ночью , я довелъ его въ окрестности старой башни. Я не хотѣлъ вводить его подъ эту кровлю ; но ты знаешь небольшую гостинницу , въ трехъ миляхъ отъ рѣки , гдѣ еще есть форели : въ ней-то поселились мы.

«Я привелъ его въ селеніе , не говоря никому , кто онъ. Я заходилъ съ нимъ въ хижины и наводилъ рѣчь на Роланда. Ты знаешь , какъ обожаютъ твоего дядю ; ты знаешь , какіе анекдоты о его рыцарской горячей юности , о его доброй и благотворительной старости сыплются съ болтливыхъ устъ ! Я заставилъ его смотреть собственными глазами , слушать собственными ушами , какъ любятъ и уважаютъ Роланда всѣ знающіе его , кромѣ его роднаго сына. Потомъ я водилъ его по развалинамъ (все-таки не давая ему войти въ домъ) , потому-что этѣ развалины ключъ къ характеру Роланда : глядя на нихъ объясняешь себѣ трогательную слабость его фамильной гордости. Тамъ на мѣсть , не трудно отличить это чувство отъ нахальнаго высокомерія счастливицевъ этого міра , и понять , что оно немного превышаетъ простое уваженіе къ смерти , нѣжное поклоненіе могилъ. Мы сѣли на грудѣхъ камней поросшихъ мохомъ , и тутъ-то объяснялъ я ему , чѣмъ Роландъ былъ въ молодости и что мечталъ онъ найти въ томъ , кто будетъ его сыномъ. Я показывалъ ему могилы его предковъ , и объяснялъ ему , почему онъ былъ священны въ глазахъ Роланда. Много уже успѣлъ я сдѣлать , когда онъ изъявилъ желаніе войти въ домъ , который долженъ былъ принадлежать ему , но мнѣ не трудно было заставить его самого отвѣчать на это требованіе , словами :

«— Нѣтъ , мнѣ надо сначала сдѣлаться достойнымъ этого !

«Потомъ , ты-бы засмѣялся , злой сатирикъ , если-бы по-

слушалъ, какъ объяснялъ я этому остроумному юношѣ, что мы, простые люди, понимаемъ подъ словомъ *hote*, сколько въ этомъ понятіи истины и довѣрія, простой святости, немовѣрнаго счастья, которое относится къ свѣту, какъ совѣсть къ уму человѣческому. Послѣ этого я завелъ рѣчь о его сестрѣ, которую до-тѣхъ-поръ онъ едва-ли называлъ когда, и о которой, повидимому, мало заботился. Я ввелъ ея образъ, чтобъ прикрасить образъ отца и пополнить картину семейнаго счастья. Вы знаете, сказалъ я, что еслибы Роландъ умеръ, обязанность ея брата — замѣнить его мѣсто, защищать ея невинность, ея имя. Стало-быть доброе имя что-нибудь значить. Стало-быть отецъ вашъ не даромъ такъ высоко цѣнить его. Вы-бы любили ваше имя, еслибы знали, что сестра гордится поддержать его!

«Покуда мы говорили, неожиданно прибѣжала Бланшъ, и бросилась въ мои объятія. Она посмотрѣла на него какъ на чужаго, но я видѣлъ, что колѣнки его задрожали. Она кажется ужъ собиралась протянуть ему руку, но я удержалъ ее. Неужели я былъ жестокъ? Такъ подумалъ онъ по-крайней-мѣрѣ. Отпустивъ ее, я отвѣчалъ на его упрекъ:

«— Ваша сестра часть дома. Если вы считаете себя достойнымъ принадлежать къ нему, идите предъявить ваши права: я ничего не имѣю противъ этого.

«— У ней глаза моей матери,—сказалъ онъ, и отошолъ.

«Я далъ ему помечтать надъ развалинами, а самъ зашолъ провѣдать твою бѣдную мать и объяснить ей, почему я еще не могу воротиться домой.

Короткое свиданье съ сестрою произвело на него глубокое впечатлѣніе. Теперь я дошолъ до того, что кажется мнѣ главнымъ затрудненіемъ. Онъ горячо желаетъ искупить свое доброе имя и вернуться къ родному очагу: до-сихъ-поръ все хорошо. Но онъ все еще не можетъ смотрѣть на честолюбіе иначе, какъ глазами смертными, и съ точки зрѣнія осязаемыхъ выгодъ. Онъ все еще мечтаетъ, что болѣе всего нужно ему нажить денегъ, добиться власти и одного изъ тѣхъ выигранныхъ большой лоттерей, которые нерѣдко достаются намъ легче съ помощью нашихъ пороковъ, нежели съ помощью добродѣтелей (*здесь слѣдуетъ цитатъ изъ Сенеки,*

который выпущенъ какъ ненужный). Онъ даже не всегда понимаетъ меня, или, если понимаетъ, считаетъ за сухаго книжника, когда я внушаю ему, что, будь онъ бѣденъ, неизвѣстенъ и находишь онъ въ самомъ низу колеса фортуны, мы все-таки могли-бы уважать его. Онъ предполагаетъ, что для того, чтобы искупить свое имя, стоитъ ему только прикрыть его наружнымъ лоскомъ. Не сочти меня за пристрастнаго отца, если я прибавлю здѣсь, что надѣюсь въ этомъ дѣлѣ не безъ пользы употребить тебя. Завтра, на обратномъ пути въ Лондонъ я намѣренъ поговорить съ нимъ о тебѣ, о твоихъ видахъ на будущее: о послѣдствіяхъ узнаешь.

«Въ эту минуту (уже за полночь) я слышу его шаги въ комнатѣ надо мною. Окно открывается.... въ третій разъ; да позволить небо, чтобы онъ понялъ настоящую астрологию звѣздной системы! Вотъ онъ, эти звѣзды: свѣтлыя, благоклонныя; а я хлопочу о томъ, чтобы связать эту блуждающую комету съ гармоніей всѣхъ этихъ міровъ! Задача лучшая задачи астрологовъ и астрономовъ: кто изъ нихъ можетъ развязать поясъ Оріона? Но кому изъ насъ не позволилъ Богъ имѣть вліяніе на движеніе и орбиту души человѣческой?

«Всегда любящій тебя отецъ

О. К.»

Два дня по полученіи этого письма, пришло слѣдующее, и, хотя я и охотно-бы выпустилъ обращенія ко мнѣ, которыя нельзя не приписать отцовскому пристрастію, но ихъ нужно удержать по связи ихъ съ Вивіеномъ, почему я и долженъ отдать эти лестныя похвалы на снисходительный судъ моихъ читателей.

«Любезный сынъ!

«Я не ошибся на счетъ впечатлѣнія, котораго ожидалъ отъ твоей простой исторіи. Не останавливая его вниманія на противоположности его образу дѣйствій, я просто описалъ ему ту сцену, когда, въ борьбѣ между долгомъ и любовью, ты явился спросить нашего совѣта и помощи; какъ Роландъ далъ тебѣ сейчасъ-же совѣтъ все сказать Тривеніону и какъ, въ этомъ горь, какое, въ юности, сердце едва переноситъ, ты инстинктивно обратился къ правдѣ, и правда спасла тебя отъ кораблекрушенія. Я передалъ ему твою безмолвную и

мужественную борьбу, твою рѣшительность не дать эгоизму совратить тебя отъ цѣлей того духовнаго испытанія, которое мы называемъ жизнію. Я показалъ тебя такимъ, какимъ ты всегда былъ: заботливымъ о насъ, принимавшимъ участіе во всемъ до насъ касающемся, улыбающимся намъ, чтобъ вы не могли догадаться, что ты плачешь иногда! О, сынъ мой, сынъ мой! уже-ли ты думаешь, что, въ то время, я не чувствовалъ и не молился за тебя? Покуда онъ былъ тронутъ моимъ смущеніемъ, я отъ любви твоей перешолъ къ твоему честолюбію. Я показалъ ему, что и ты испыталъ это тревожное безпокойство, столько свойственное мо юдымъ пыжамъ натурамъ; что и у тебя есть сны о счастья, притязанія на успѣхъ. Но я пзобразилъ это честолюбіе его настоящими красками: то не было желаніе личнаго чувства сдѣлаться чѣмъ-нибудь для себя одного, чѣмъ-нибудь, взобравшимся на одну или двѣ ступеньки по общественной лѣстницѣ, только для удовольствія смотреть свысока на тѣхъ, кто остался ниже, — нѣтъ, то былъ теплый порывъ великодушнаго сердца; твое честолюбіе заключалось въ томъ, чтобъ вознаграждать потери отца, польстить его слабостямъ въ его суетномъ желаніи извѣстности, замѣнить дядѣ того, кого потерялъ онъ въ своемъ наследникѣ, направить успѣхъ свой къ цѣлямъ полезнымъ, интересы твои, къ интересамъ твоего семейства; ты искалъ награды въ гордой и признательной улыбкѣ тѣхъ, кого ты любишь. Вотъ къ чему стремилось твое честолюбіе, мой милый анахронизмъ! И когда, заключаючая мой очеркъ, я сказалъ:

«— Простите меня: вы не знаете, какой восторгъ чувствуетъ отецъ, когда, отпустивъ отъ себя сына на поприще жизни, онъ можетъ такъ говорить и думать о немъ? Но не въ этомъ, вижу я, ваше честолюбіе. Поговоримъ о томъ, какъ-бы намъ нажить денегъ, да проѣхаться по скучному свѣту въ каретѣ, четверней!

«Двоюродный братъ твой впалъ въ глубокую думу, и когда онъ очнулся отъ нее, это было похоже на пробужденіе земли послѣ весенней ночи: голыя деревья произвели почки.

«И, нѣсколько времени спустя, онъ присталъ ко мнѣ съ просьбой, чтобъ я позволилъ ему, съ согласія его отца,

ѣхать съ тобою въ Австралію. Единственный отвѣтъ, который далъ я ему до-сихъ-поръ, былъ выраженъ вопросомъ:

«— Спросите себя сами, долженъ-ли я допустить это? Я не могу желать, чтобы Пизистратъ измѣнился, и если вы не сойдетесь съ нимъ во всѣхъ убѣжденіяхъ и предположеніяхъ, долженъ-ли я подвергать его опасности, что вы передадите ему ваше понятіе о свѣтъ и привѣете ему ваше честолюбіе?

«Онъ былъ пораженъ, и на столько скромнѣе, что и не пытался возражать.

«Недоумѣніе, выраженное мною ему, Пизистратъ, то, которое я чувствую; и не сердись за мои выраженія: только этимъ, простымъ способомъ, не какими-нибудь тонкими аргументами могу я объясняться съ этимъ необтесаннымъ Скееомъ, который точно изъ какихъ-нибудь степей бѣжить цѣловать меня въ портикъ.

«Съ одной стороны, что будетъ съ нимъ въ старомъ-свѣтъ? Въ его лѣта, съ его непосидчивостію невозможно будетъ удержать его съ нами въ нашихъ кумберландскихъ развалинахъ: скука и нетерпѣніе разрушил-бы все, что намъ удалось сдѣлать. А пустить его по одному изъ тѣхъ путей, гдѣ и безъ того давка отъ соперниковъ, бросить его въ среду этихъ неравенствъ общественной жизни, отдать его на съдѣніе всѣмъ этимъ искушеніямъ, на которыя онъ и безъ того такъ падокъ: это опытъ, который, боюсь я, будетъ не по-силамъ его еще не полному обращенію. Въ новомъ-свѣтъ, его силы безъ сомнѣнія найдутъ лучшее поле, и даже бродяжническія и дикія привычки его дѣтства получаютъ полезное приложение. Жалобы на неравенство просвѣщеннаго свѣта, встрѣчаютъ болѣе легкое, хотя болѣе рѣзкое возраженіе отъ политико-экономовъ, нежели отъ стонковъ. «Вы не любите ихъ, вы находите что трудно покориться имъ, — говорить политико-экономъ, «но это — законы просвѣщеннаго государства, и вы не въ силахъ измѣнить ихъ. Люди поумнѣе васъ брались за это, и не успѣли, хотя и оборачивали землю вверхъ-ногами! Хорошо; но земля обширна: ступайте туда, гдѣ нѣтъ просвѣщенныхъ государствъ. Неравенства старогосвѣта исчезаютъ въ новомъ! Переселеніе — отвѣтъ природы на

возмущеніе противъ искусства.» Вотъ что говорятъ политико-экономы и увы! даже въ твоёмъ положеніи, сынъ мой, я не нашель-бы возраженій на эти сужденія. Я понимаю также, что Австралія лучше всякаго другаго мѣста откроеть клапанъ для желаній и побужденій твоего двоюроднаго брата, но знаю я и другую истину, что «не позволительно честному человѣку развращать себя въ пользу другихъ.» Это единственная истина изъ высказанныхъ Жанъ-Жакомъ, съ которой я могу согласиться! Чувствуешь-ли ты въ себя довольно силы, чтобъ устоять противъ всѣхъ вліяній такого сообщества, довольно силы, чтобы нести его ношу такъ-же, какъ и свою; будешь-ли ты на столько бдителенъ, чтобы уметь отвратить эти вліянія отъ тѣхъ, кого ты взялся руководить и чья участь тебѣ повѣрена? Подумай хорошенько объ этомъ, потому-что отвѣтъ твой не долженъ быть слѣдствіемъ великодушнаго порыва. Я думаю, что твой двоюродный братъ подчиняется тебѣ съ искреннимъ желаніемъ исправленія, но между желаніемъ и твердымъ исполненіемъ разстояніе необъятное, даже для лучшаго изъ насъ. Будь это не для Роланда и имѣй я на зерно меньше довѣрія къ тебѣ, я бы не допустилъ мысли возложить на твой молодья плеча такую страшную отвѣтственность. Но всякая новая отвѣтственность для человѣка дѣльнаго новая опора добродѣтели; а я теперь только прошу тебя вспомнить, что твоя новая обязанность важна и священна, и что ты не долженъ брать ее на себя, не измѣривъ вполнѣ силы, которою долженъ будешь нести ее.

«Черезъ два дни мы будемъ въ Лондонъ. Твой, какъ и всегда, нѣжно-любящій

О. К.»

Я читалъ это письмо въ моей комнатѣ, и едва успѣлъ его кончить, какъ, поднявъ глаза, увидѣлъ, что противъ меня стоитъ Роландъ.

— Это отъ Остина, — спросилъ онъ; потомъ, помолчавъ съ минуту, сказалъ, самымъ покорнымъ тономъ: — читать мнѣ? да можно-ли?

Я подаль ему письмо, и отошолъ на нѣсколько шаговъ, чтобъ онъ не подумалъ, что я наблюдаю за нимъ, покуда онъ читаетъ. Я только замѣтилъ, что онъ дошолъ до конца, по тяжкому и безпокойному вздоху, но это не былъ вздохъ отчаянья.

Тогда я обернулся, глаза наши встретились: во взгляде Роланда былъ и вопросъ и просьба; я понялъ все это вдругъ.

— Успокойтесь, дядюшка, — сказалъ я съ улыбкой, — я все это обдумалъ, и ни мало не боюсь послѣдствій. Прежде нежели мой отецъ написалъ это, то, о чемъ онъ говоритъ, успѣло сдѣлаться моимъ тайнымъ желаніемъ. Что касается до нашихъ прочихъ спутниковъ, ихъ простые натуры устоятъ противъ всѣхъ этихъ софизмовъ.... но онъ и безъ того уже на половину вымечился отъ нихъ. Отпустите его со мной, и когда онъ вернется, онъ будетъ достоинъ мѣста въ вашемъ сердцѣ, на-равнѣ съ Бланицъ. Я чувствую это, и обещаю вамъ: не бойтесь за меня! Эта обязанность будетъ талисманомъ для самаго меня. Я буду остерегаться всякой ошибки, которую можетъ-быть иначе бы и сдѣлалъ, чтобы не подать ему примѣра къ заблужденію.

Я знаю, что въ юности, въ предразсудкѣ о первой любви, мы бываемъ расположены вѣрить, что единственное счастье — любовь и обладаніе любимымъ предметомъ. Но я смѣло утверждаю, что, когда дядя открылъ мнѣ свои объятія и назвалъ меня надеждой своей старости, опорой своего дома, въ то время, какъ сладкіе звуки похвалъ отца все еще раздавались въ моемъ слухѣ, я смѣло утверждаю, что я испыталъ блаженство болѣе полное, нежели еслибы Тривеніонъ положилъ руку Фанни въ мою и сказалъ: «она ваша.»

Дѣло было рѣшено, день отъѣзда назначенъ. Безъ сожалѣнія написалъ я къ Тривеніону, и отказался отъ его предложеній. Эта жертва была вовсе не такъ велика, если даже отложить въ сторону весьма-понятную гордость, которая сначала подвинула меня, какъ покажется она инымъ, потому-что, при моемъ довольно-безпокойномъ характерѣ, я все время моей жизни стремился не къ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ домогаются ставящіе на границахъ честолюбія изображенія двухъ земныхъ идоловъ, власти и знатности. Развѣ не былъ я за сценой, развѣ не видѣлъ я, сколькихъ радостей стоило Тривеніону домогательство власти, какъ мало счастья знатность дала человеку подобно лорду Кастльтонъ, обладавшему столькими счастливыми свойствами? Между-тѣмъ первая изъ этихъ натуръ была столько-же рождена для власти,

сколько последняя для знатности! Удивительно, съ какою щедростью провидѣнье вознаграждаетъ за частныя обиды фортуны. Независимость или благородное стремленіе къ ней; привязанность съ ея надеждами и сокровищами; жизнь съ помощью искусства, только приспособленная лучше понимать природу, въ которой физическія удовольствія чисты и здоровы, гдѣ нравственныя способности развиваются соответственно съ умственными, и сердце въ ладу съ головой: будто-бы это пустая цель для честолюбія, и будто-бы она такъ недосягаема для человѣка, «Познай самаго себя,» говоритъ древняя философія. «Усовершенствуй самаго себя,» говоритъ новая. Главная цель временнаго гостя міра не въ томъ, чтобы истратить всѣ свои страсти и способности на видимыя вещи, которыя онъ оставитъ за собою; онъ обязанъ воздѣлывать внутри себя то, что можетъ онъ взять съ собою въ вѣчность. Мы всѣ здѣсь похожи на школьникова, которыхъ жизнь начинается тамъ, гдѣ кончается школа; наши битвы съ школьными товарищами, игрушки, которыя мы дѣлили съ ними, имена, которыя вырѣзывали высоко или низко на стѣнахъ, на столахъ — долго-ли объ всемъ этомъ помнимъ мы впоследствии? По мѣрѣ того, какъ будутъ копиться надъ нами новыя событія, могутъ-ли прежнія проноситься въ памяти иначе, нежели улыбкой или вздохомъ? Оглянитесь на ваши школьные годы, и отвѣчайте?

Г Л А В А XI.

Съ предыдущей главы прошло двѣ недѣли: въ послѣдній разъ на долгое время провели мы ночь на англійской землѣ. Вечеръ: Вивіенъ допущенъ къ свиданью съ отцомъ. Они пробыли вмѣстѣ болѣе часа, и мы съ отцомъ не рѣшились мѣшать имъ. Но часы бьютъ; ужь поздно, корабль отправляется съ ночи, пора намъ ѣхать. Дверь тихо отворяется, тяжелые шаги спускаются по лѣстницѣ: отецъ опирался на руку сына. Посмотрѣли-бы вы, какъ робко сынъ поддерживаетъ невѣрную походку отца. Когда свѣтъ упалъ на ихъ лица, я увидѣлъ слезы на глазахъ Вивіена; выраженіе Роланда казалось спокойно и счастливо. Счастливо! въ ту минуту, когда онъ разстается съ сыномъ и можетъ-быть навсегда? Да, счастливо, потому-что онъ въ первый разъ нашелъ сына, и онъ

не думаетъ ни о годахъ, ни объ отсутствіи, ни о возможности смерти, а благодаритъ божье милосердіе и утышается земной надеждой. Если вы удивляетесь, почему Роландъ счастливъ въ такое время, стало-быть по пустому старался я заставить его дышать, жить и двигаться передъ вами!

Мы на корабль; поклажа наша пріѣхала прежде насъ. Я имѣлъ время, съ помощью плотника, сколотить въ трюмѣ каюты для Вивіена, Гая-Больдинга и меня; чтобы какъ можно скорѣе отложить въ сторону наши европейскія джентельменскія привычки, по совѣту Тривеніона, мы взяли мѣста низшаго разряда для сбереженія нашихъ финансовъ. Сверхъ того мы имѣли то удобство, что находились между своими; наши Кумберландцы окружали насъ въ одно и то-же время и какъ друзья и какъ слуги.

Мы на корабль, и въ послѣдній разъ взглянули на тѣхъ, кого покидаемъ, и стоимъ на палубѣ, опираясь одинъ о другаго. Мы на корабль, и отъ столицы, то близко, то далеко, еще смотрятъ на насъ огни; въ небѣ взошли звѣзды, пріятныя и свѣтлыя, какъ некогда для нервыбитныхъ мореходцевъ. Странные звуки, грубые голоса, трескъ снастей, по временамъ вопли женщинъ, все это мѣшается съ ругательствами матросовъ. Вотъ первый взмахъ и качка судна, грустное чувство изгнанія закрадывается тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе корабль подвигается по водѣ. Мы все стояли, смотрѣли и слушали, безмолвно и безсознательно прижимаясь другъ къ другу.

Ночь стемнѣла, городъ исчезъ изъ вида: не осталось ни одного луча изъ мірады его огней! Рѣка дѣлалась шире и шире. Какой поднялся холодный вѣтеръ! ужъ не дыханіе-ли это моря? Звѣзды поблѣднѣли, мѣсяцъ зашолъ, и теперь какъ грустно смотрѣли волны передъ утреннимъ свѣтомъ! Мы вздрогнули, посмотрѣли другъ на друга, пробормотали что-то такое, что было не самою искреннею мыслью нашихъ сердецъ, и полѣзли въ наши каюты, въ увѣренности, что не для сна. А сонъ все-таки пришолъ тихъ и сладокъ. Океанъ качалъ изгнанниковъ какъ на груди матери.....

(До слѣд. кнѣж.)

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕМЕЙСТВО КАКСТОНЪ.

РОМАНЪ БУЛЬВЕРА.

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

Занавѣсъ опущенъ. Отдохните, достойные слушатели; пусть каждый говоритъ съ своимъ сосѣдомъ. Вы, миледи, въ вашей ложѣ, возьмите зрительную трубку, и смотрите вокругъ себя. Ты, счастливая мать двушплинговой галлерей, побалууй апельсинами маленькаго Тома и хорошенькую Салли! Вы, мои добрые сидѣльцы и мастеровые, сидящіе въ райкѣ, беритесь за орѣхи! И вы, сильные, важные, почтенные господа перваго ряда партера, опытные критики и старыя отъявленные театралы, покачивающіе головами при появленіи новыхъ актеровъ и сценическихъ произведеній, твердо стоящіе за вѣрованія вашей юности (за что вамъ честь и слава!) и убѣжденье, что мы на цѣлую голову не доросли до нашихъ предковъ-великановъ, смѣйтесь или браните, какъ хотите, покуда занавѣсъ закрываетъ отъ васъ сцену. Вамъ нужно развлеченіе, почтенные зрители, потому-что междудѣйствіе длинно. Всѣмъ актерамъ надо перемя-

Отд. II.

10

нить костюмы: машинисты хлопочатъ, вставляя виды новаго міра по назначеннымъ мѣстамъ; въ великомъ презрѣніи къ единству времени и мѣста, вы удостовѣритесь изъ афишки, что мы имѣемъ большую надобность въ вашемъ воображеніи. Васъ просятъ предположить, что мы постарѣли на пять лѣтъ съ-тѣхъ, поръ какъ вы послѣдній разъ видѣли насъ на подмосткахъ. Пять лѣтъ! авторъ въ особенности совѣтуетъ намъ, въ помощь этому предположенію, оставить занавѣсъ опущеннымъ между лампами и сценой дольше обыкновеннаго.

Играйте, скрипки и турецкіе барабаны! срокъ прошолъ. Бросьте свистокъ, молодой человекъ! шляпы долой въ партеръ! Музыка кончена, занавѣсъ поднимается; смотрите прямо передъ собою.

Чистая, свѣтлая, прозрачная атмосфера, свѣтлая и блестящая какъ на Востокъ, но здоровая и укрѣпляющая какъ воздухъ Сѣвера; широкая и красивая рѣка, катящая свои волны по просторнымъ и тучнымъ долинамъ; тамъ въ дали разстилаются обширные, вѣчнозеленѣющіе лѣса, и пологіе скаты разнообразятъ прямую линію безоблачнаго горизонта; взгляните на пастбища, не хуже аркадскихъ, съ сотнями и тысячами овецъ? Тирсисъ и Меналкъ съ трудомъ сосчитали-бы ихъ, и не досугъ, боюсь я, было-бы имъ воспѣвать здѣсь Дафну. Но увы! Дафны здѣсь рѣдки: по этимъ пастбищамъ не рѣзнится ни одна нимфа съ гирляндой и посохомъ.

Смотрите теперь на-право, ближе къ рѣкѣ: отрѣзанный низенькой изгородью отъ тридцати акровъ земли, назначенныхъ не для выгодъ, (которыя здѣсь получаютъ отъ барановъ), а для удовольствія или удобства, представляется вамъ садъ. Не глядите такъ сердито на это первобытное садоводство: такіе сады рѣдкость въ Австраліи. Я сомнѣваюсь, чтобы герцогъ Девонширскій съ такой-же гордостью смотрѣлъ на свою знаменитую теплицу, гдѣ можно развѣзжать въ экипажахъ, съ какою сыны Австраліи смотрятъ на растенія и цвѣты, которые вѣютъ на нихъ воспоминаніемъ отечества. Идите дальше, и взгляните на эти патриархальныя палаты: онъ деревянный, ручаюсь вамъ, но развѣ не всегда палаты тотъ домъ, который мы строимъ своими

руками? Строили-ли вы когда-нибудь въ дѣтствѣ? Владѣльцы этого дворца вмѣстѣ съ тѣмъ владѣльцы всей земли, на сколько обнимаетъ ее ваше зрѣніе, и этихъ безчисленныхъ стадовъ, но, что всего лучше, они владѣютъ здоровьемъ, которому-бы позавидовалъ допотопный жилецъ нашей планеты, и нервами, до того укрѣпленными отъ привычки укрощать лошадей, пасти скотъ, драться съ туземцами, то преслѣдуемыми ими то преслѣдующихъ ихъ на жизнь или смерть, что если и волнуютъ груди царей Австраліи какія-нибудь страсти, во всякомъ случаѣ страхъ вычеркнуть изъ ихъ списка.

Посмотрите, кое-гдѣ на ландшафтѣ, поднимаются простыя хижины, подобныя жильямъ владѣльцевъ: въ нихъ живутъ грубые и дикіе помощники ихъ труда: изобиліе и надежда, рука всегда щедро-открытая, но твердая, глазъ зоркій но справедливый — содержатъ ихъ въ повиновеніи.

Но вотъ изъ этихъ лѣсовъ, по зеленѣющей долинь, скачуть, съ волосами, дико развѣвающимися по вѣтру, всадникъ, бородатый какъ Турокъ или барсъ, и котораго вы узнаете. Всадникъ слѣзаетъ, и къ нему подходитъ другой старый знакомецъ вашъ, передъ тѣмъ разговаривавшій съ пастухомъ о предметахъ, вѣроятно никогда не мучившихъ Тирсиса и Менака, чьи бараны, сколько известно, не въдали подсѣдовъ и поршей.

Пизистратъ. Мой добрый Гай, куда это васъ Богъ носилъ?

Гай Больдингъ (съ торжествомъ вынимая изъ кармана книгу). Вотъ вамъ! Джонсонова «Жизнь поэтовъ». Ни за что не могъ уговорить пріѣзжаго колониста уступить мнѣ «Кенильворта», хоть и давалъ ему за него трехъ барановъ. Скучный, должно-быть, старикъ этотъ докторъ Джонсонъ; тѣмъ лучше: дольше будемъ читать книгу. А вотъ журналъ изъ Сиднея: ему всего два мѣсяца (*Гай отвлѣываетъ отъ шляпы коротенькую трубочку, набиваетъ ее, и закуриваетъ*).

Пизистратъ. Вы, значить, объѣздили не меньше тридцати миль. Кто-бы подумалъ, что вы сдѣлаетесь охотникомъ за книгами, Гай!

Гай (сентенціально). Да, вотъ подите! Никогда не знаешь цѣны вещи, пока не потеряешь ея. Не смѣйтесь надо мной, мой добрый другъ: вы сами говаривали, что за-реклись брать въ руки книги, помните, до-тѣхъ-поръ пока не хватились какъ длинны безъ нихъ вечера. За-то какъ достали мы новую книгу, старый волюмъ «Зрителя», что это былъ за праздникъ!

Пизистратъ. Правда, правда. Безъ васъ бурая корова отелилась. А знаете, Гай, я думаю у насъ въ этомъ году не будетъ короста въ стадѣ. Коли такъ, можно будетъ отложить изрядную сумму! Дѣла, кажется, теперь пойдутъ хорошо.

Гай. Да, разумѣется, совсѣмъ не такъ какъ два первые года. Тогда у васъ таки повытянулось лицо. Какъ умно поступили вы, что настояли на томъ, чтобы мы сперва поучились на чужомъ участкѣ, прежде нежели пустили въ оборотъ собственный капиталъ! Но, право, эти бараны въ началѣ совсѣмъ сбили съ толку. Разъ—дикія собаки и навернулись же въ то самое время, когда мы ихъ вымыли и хотѣли стричь; потомъ, эта проклятая паршивая овца Джоя Тиммса, что такъ любезно почесывалась о нашихъ бѣдныхъ барановъ! Дивлюсь я какъ мы просто не убѣжали. Но *patientia sit....* какъ бишь это у Горація! Забылъ я теперь. Вы знаете, впрочемъ, у меня нѣтъ памяти ни на Горація, ни на Виргилія. Да, — а Вивіенъ былъ?

Пизистратъ. Нѣтъ еще, но вѣрно пріѣдетъ сегодня.

Гай. Онъ выбралъ себѣ лучшее. То-ли дѣло ходить за лошадьми, да за крупнымъ скотомъ, скакать за этими дикими чертлями! заблудишься въ лѣсу: буйволы мычатъ; несешься на лошади съ горы на гору, по камнямъ, по скаламъ, черезъ ручьи и деревья; кнутъ щелкаетъ, люди кричатъ, летишь сломя голову, падаешь, и только что не сломилъ себѣ шею, а дикій быкъ бросается на тебя! Чудо! Тошно смотрѣть на барановъ послѣ такой охоты!

Пизистратъ. Всякій выбираетъ по своему вкусу въ Австраліи. Легче и вѣрнѣе нажить деньги по буколическому департаменту, и можетъ-быть веселѣе; но больше наживешь

и скорѣе, при постоянномъ трудѣ и заботливости, по части пастушеской; а наше дѣло, я думаю, воротиться въ Англію какъ можно скорѣе.

Гай. Гм! Я-бы радъ и жить и умереть въ Австраліи: чего-бы лучше, еслибы не были такъ рѣдки женщины. Подумаешь, сколько незамужнихъ женщинъ у насъ тамъ, а здѣсь не увидишь ни одной на тридцать миль окружности, кромѣ Бетти Годжинсъ, конечно, да и та объ одномъ глазѣ! Но о Вивіенъ; почему, вы думаете, намъ больше его хочется, какъ можно скорѣе вернуться въ Англію?

Пизистратъ. Ничуть не больше. Но вы видѣли, что ему нужно было побужденіе послышѣе того, какое мы находимъ въ баранахъ. Вы знаете, что онъ дѣлался мраченъ, скученъ, и мы должны были продать его стадо. Что-жь, и хорошо продали! А потомъ доргѣйскіе волы и йоркшерскія лошади, которыхъ вамъ и мнѣ прислалъ въ подарокъ м. Тривеніонъ, признаюсь, были такое искушеніе, что я вздумалъ присоединить одну спекуляцію къ другой; а такъ-какъ нужно было одному изъ насъ принять подъ свое вѣдѣніе департаментъ буколическій, а двумъ другимъ пастушескій, то, по-моему, Вивіенъ всего лучше долженъ былъ управиться съ первымъ; и до-сихъ-поръ вышло не дурно.

Гай. О, конечно. Вивіенъ тутъ на своемъ мѣстѣ: вѣчно въ движеніи, вѣчно отдаетъ приказанія. Дайте ему быть первымъ во всякой вещи, и не найдете человека болѣе способнаго, лучшаго характера.... исключая наше общество. Слушайте, собаки лаютъ; вотъ и арапникъ: это онъ. Теперь, я думаю, намъ можно и обѣдать.

Входитъ Вивіенъ. Формы его развились; глазъ его, мѣвѣе безпокойный, смотритъ вамъ прямо въ лицо. Улыбка его открытая, но въ его выраженіи какая-то грусть, какалто мрачная задумчивость. Нарядъ на немъ тотъ-же, что на Пизистратъ и Больдингъ: бѣлая куртка и штаны, свободноповязанная косынка свѣтлаго цвѣта, широкая шляпа, похожая на капустный листь; у него усы и борода расчесаны съ болѣею тщательностію, нежели у насъ. Въ рукъ онъ держитъ длинный арапникъ, за плечами виситъ ружье. Слѣ-

дуетъ обмѣнъ поклоновъ, взаимные разспросы о рогатомъ скотѣ и овцахъ, о послѣднихъ лошадяхъ отправленныхъ на индѣйскій рынокъ. Гай показываетъ «Жизнь поэтовъ», Вивіенъ спрашиваетъ, нельзя-ли достать жизнь Клива или Наполеона, или экземпляръ Плутарха. Гай качаетъ головой, и говоритъ, что можно достать «Робинсона Крузое», что видѣлъ онъ одинъ экземпляръ, хотя и въ грустномъ видѣ; но дешево его не купишь, потому-что слишкомъ много на него требованій.

Общество отправляется въ хижину. Несчастныя созданія во всѣхъ странахъ свѣта холостяки! Но всего несчастнѣе они въ Австраліи. Что значитъ подруга изъ прекраснаго пола — этого не знаетъ вполнѣ человѣкъ въ Старомъ свѣтѣ, гдѣ женщина вещь самая обиходная. Въ Австраліи-же женщина, буквально, плоть вашей плоти, ваше ребро, ваша лучшая половина, вашъ ангелъ-хранитель, ваша Ева эдема, словомъ, она все, что воспѣвали поэты, все, что говорили юные ораторы за публичными обѣдами, когда предлагаемъ былъ тостъ за дамъ! Увы, мы трое холостяки, но наша доля все еще сноснѣе доли многихъ холостяковъ въ Австраліи, потому-что жена пастуха, котораго я привезъ съ собой изъ Кумберланда, дѣлаетъ намъ съ Болъдингомъ честь жить въ нашей палаткѣ, и занимается нашимъ домашнимъ хозяйствомъ. Съ тѣхъ поръ какъ мы въ Австраліи, у ней родилось двое дѣтей; по случаю этаго приращенія ея семейства, къ хижинѣ сдѣлана пристройка. Дѣти, мнѣ кажется, могутъ иногда быть очень скучнымъ развлеченіемъ въ Англіи, но объявляю, что когда вы съ утра до вечера окружены большими людьми, обросшими бородой, даже въ крикъ и плачъ ребенка есть что-то пріятное, музыкальное, говорящее христіанскому чувству. Вонъ оно, началось; Богъ съ ними! Что касается до моихъ прочихъ кумберландскихъ товарищей, Майльсъ Скуеръ, самый честолюбивый изъ всѣхъ, оставилъ меня давно, и уже главнымъ управляющимъ у богатаго овцевода, мняхъ въ двухъ стахъ отъ насъ; Патерсонъ отданъ въ распоряженіе Вивіена: онъ иногда находятъ случай изощрять прежнія свои охотничьи стремленія надъ пугаями, голубыми кингуру и другими птицами. Пастухъ

живетъ съ нами: бѣднякъ, по-видимому, не желаетъ себѣ ничего лучшаго; въ немъ есть этотъ шотландскій духъ клановъ, который подавляетъ честолюбіе, столь-общее въ Австраліи. А его жена сущее сокровище! Увѣряю васъ, въ ея добромъ, улыбающемся лицѣ, съ которымъ встрѣчается она насъ, когда мы передъ ночью возвращаемся домой, даже въ шорохъ ея платья, когда она ворочаетъ на уголькахъ пироги, есть что-то благодатное, ангельское! Какое счастье, что кумберландскій пастушокъ нашъ не ревнивъ! Не то чтобъ было изъ-за чего ревновать счастливцу, но должно замѣтить, что тамъ гдѣ такъ рѣдки Десдемоны, Отеллы ихъ всѣ чрезвычайно-щекотливы: они всѣ примѣрные супруги, въ этомъ нѣтъ сомнѣнья, и не разъ подумаешь, прежде нежели рѣшишься въ Австраліи разыгрывать роль Кассіо.... Вотъ она, безцѣнное созданье! Она кладетъ вилки и ножи, стелетъ скатерть, ставитъ на столъ солонищу, послѣднюю банку огурчиковъ въ уксусъ, произведенія нашего сада и птичника, какія есть не у многихъ въ Австраліи, пироги, и по чашкѣ чая для каждаго; нѣтъ ни вина, ни пива, никакихъ крѣпкихъ напитковъ: мы бережемъ ихъ на время стрижки овецъ. Мы только что прочли послѣобѣденную молитву (родной обычай, сохраненный нами!) какъ вдругъ.... Боже мой, что это такое? Что это за шумъ? Лай, топотъ лошадиныхъ ногъ.... Кого это Богъ даетъ? Въ Австраліи радъ всякому гостю. Можетъ-быть какой-нибудь купецъ ищетъ Вивіена; можетъ-быть это тотъ проклятый колонистъ, котораго овцы ввѣчно пристають къ нашимъ. Что за дѣло: милости просимъ, друзья вы или недруги! Дверь отворяется: входятъ одинъ, два, три незнакомца. Тарелокъ и ножей; подвигайтесь: счастливый къ объѣду. Сначала откушайте, а потомъ, что новаго?

Въ то время, когда незнакомцы садятся, у двери слышнень голось:

— Молодой человекъ, обратите особенное вниманье на эту лошадь, поведите ее немного, а потомъ вытрите соленой водой; отвяжите кобуры, дайте ихъ сюда. Онъ крѣпки: бояться нечего, я знаю: но тутъ важныя бумаги. Отъ этихъ

бумагъ зависить благоденствіе колоніи. Что-бы стало съ вами, если-бъ съ ними приключилось что-нибудь! Страшно и подумать!

За симъ, одѣтый въ охотничьемъ платьѣ, на которомъ блестятъ золотыя пуговицы съ весьма-извѣстнымъ девизомъ, и шляпѣ, имѣющей видъ капустнаго листа, съ лицомъ, какое рѣдко встрѣтишь въ Австраліи, отлично-выбритымъ, чистымъ, опрятнымъ и благообразнымъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, держа подъ мышками кобуры и вдыхая запахъ обѣда, входитъ дядя Джакъ.

Пизистратъ (бросаясь къ нему). Можетъ-ли быть? Вы въ Австраліи?

Дядя Джакъ (не узнавая сначала *Пизистрата*, который выросъ и съ бородою, отступаетъ удивленный, и восклицаетъ). Кто вы такой? я васъ никогда не видалъ, сэръ! Вы, того и гляжу, скажете, что я вамъ что-нибудь долженъ.

Пизистратъ. Дядюшка Джакъ!

Дядя Джакъ (бросая кобуры). Племянникъ! Слава Богу! Въ мои объятія!

Они обнимаются; взаимно представляются другъ-другу: м. Вивіенъ, м. Больдингъ съ одной стороны, майоръ макъ-Бларне, м. Белліонъ, м. Еммануель Спекъ съ другой. Майоръ макъ-Бларне красивый мужчина съ легкимъ дублинскимъ нарѣчіемъ: онъ жметъ вамъ руку, какъ пожалуй-бы губку. М. Белліонъ гордъ и остороженъ, носитъ зеленые очки и подаетъ вамъ одинъ палецъ. М. Еммануель Спекъ одѣтъ удивительно - щегольски для Австраліи: на немъ голубой атласный шарфъ и блуза, какія часто носятъ въ Германіи, вышитая по швамъ, и съ такимъ числомъ кармановъ, что было-бы куда Бриарею спрятать за разъ все свои руки; Спекъ худъ, учтивъ; онъ нагибается, кланяется, улыбается и опять садится за столъ, какъ человекъ привыкшій пользоваться обстоятельствами.

Дядя Джакъ (набивъ ротъ говядиной). Отличная говядина! Это у васъ своя, а? Мудреное дѣло откармливать скотъ (опрокидываетъ на свою тарелку банку съ огурчиками). Надо учиться подвигаться впередъ въ Новомъ-свѣтѣ;

теперь время желѣзныхъ городъ! Мы можемъ ему дать одну или двѣ.... а, Белліонъ? (*Минь на ухо*) Страшный капиталистъ этотъ Белліонъ! Посмотрите на него!

М. Белліонъ (важно). Акцію или двѣ! Если у него есть капиталъ, м. Тиббетсъ (*ищетъ огурчиковъ; зеленые очки останавливаются на тарелкѣ дяди Джака*).

Дядя Джакъ. Этой колоніи только и нужно нѣсколько такихъ людей, какъ мы: съ капиталами и умомъ. Въмѣсто того чтобъ платить бѣднымъ за то, что они переселяются, лучше-бы платить богатымъ; а, Спекъ?

Между-тѣмъ какъ дядя Джакъ обращается къ мистеру Спеку, мистеръ Белліонъ втыкаетъ вилку въ одинъ изъ огурчиковъ, лежащихъ на тарелкѣ Джака, и переноситъ его на свою, замѣчая, не столько объ огурчикѣ, сколько вообще въ видѣ философской истины:

— Здѣсь, господа, нужно только вниманіе; надо быть всегда на готовѣ и хвататься за первую выгоду: средства неисчислимы!

Дядя Джакъ, взглянувъ на свою тарелку, и, не найдя огурчика и предупреждая м. Спеку, беретъ послѣдній картофель, подобно м. Белліонъ, дѣлая слѣдующее философское и общее замѣчанье;

— Здѣсь главное предупредить другаго; открытіе и изобрѣтательность, быстрота и рѣшимость: вотъ что нужно.... Но знаете что бѣда: здѣсь совсѣмъ разучишься говорить; право, на что это похоже? Что-бы сказалъ на это бѣдный отецъ вашъ? Ну что, какъ онъ—добрый Остия? Хорошо! и прекрасно; а сестра? Проклятый этотъ Пекъ! А что она, все помнить «Антикапиталиста»? Но я все это теперь поправлю. Господа, наливайте стаканы.... я предлагаю тостъ!

М. Спекъ (натянута). Я готовъ отвѣчать стаканомъ на это чувство. Но гдѣ-же стаканы?

Дядя Джакъ. Тостъ за здоровье будущаго миллионера, котораго представляю вамъ въ лицѣ моего племянника и единственнаго наследника, Пизистрата Какстонъ. Да, господа, торжественно объявляю вамъ, что этотъ джентельменъ будетъ наследникомъ всего моего достоянія: земель, лѣсовъ,

земледѣльческихъ и рудокопательныхъ акцій, и когда я лягу въ холодную могилу, (вынимаетъ носовой платокъ), и не будетъ на свѣтъ бѣднаго Джака Тиббетсъ, взгляните на этого джентельмена и скажите: Джакъ Тиббетсъ живетъ въ немъ!

М. Спекъ (напѣвая).

«Выпьемъ кубокъ въ круговую!»

Гай Болдингъ. Вивать, браво, ура! трижды три раза! Вотъ это дѣло!

Водворяется порядокъ; очищаютъ столъ; всѣ закуриваютъ трубки.

Вивиенъ. Что новаго изъ Англии?

М. Беллионъ. Въ публичныхъ фондахъ, сэръ?

М. Спекъ. Вы, вѣроятно, скорѣе хотите знать о желѣзныхъ дорогахъ: въ этихъ оборотахъ наживется не одинъ человекъ, сэръ; но все-таки, я думаю, наши здѣшнія предпріятія....

Вивиенъ. Извините, если я перебыю васъ, сэръ: мнѣ казалось, по послѣднимъ газетамъ, что въ отношеніяхъ Франціи есть что-то непріязненное; нѣтъ надежды на войну?

Майоръ макъ-Бларне. Вы хотите идти на службу, молодой человекъ? Если связи мои по министерству могутъ вамъ пригодиться, очень радъ! Вы заставите гордиться этимъ майора макъ-Бларне.

М. Беллионъ (тономъ авторитета). Нѣтъ, сэръ, мы не хотимъ войны: капиталисты Европы и Австраліи не хотятъ ея. Пусть только Ротшильды и нѣсколько другихъ, которыхъ мы называть не будемъ, сдѣлаютъ это, сэръ (*м. Беллионъ застегиваетъ свои карманы*), и мы также сдѣлаемъ; что тогда будетъ съ вашей войной, сэръ? (*Ударяя рукой по столу, м. Беллионъ въ горячности разбиваетъ свою трубку, оглядывается кругомъ изъ-подъ зеленыхъ очковъ, и беретъ трубку м. Спекъ, которую этотъ джентельменъ небрежно положилъ возлѣ себя*).

Вивиенъ. А кампанія въ Индіи?

Майоръ. О, если вы говорите объ Индійцахъ....

М. Белліонъ (набивъ трубку *Спека* изъ *больдингова* кистета, прерываетъ *майора*), Индія другое дѣло. Противъ этого, я не скажу ни слова! Тамъ война болѣе полезна для капиталистовъ, чѣмъ всякой другой рынокъ.

Вивіенъ. А что тамъ новаго?

М. Белліонъ. Не знаю; у меня нѣтъ индійскихъ акцій.

М. Спекъ. И у меня нѣтъ. Время Индіи прошло: теперь наша Индія здѣсь. (Хватается своей трубки, сидитъ ее во рту у *Белліона*, и смотритъ на него въ отчаяніи). Нужно замѣтить, что эта трубка не простая, а пѣнковая, въ Австраліи не замѣнимая).

Пизистратъ. Скажите-же пожалуйста, лядюшка, я все еще не понимаю, какимъ вы теперь заняты предпріятіемъ: вѣрно какое-нибудь доброе дѣло, что-нибудь такое для блага человечества, филантропическое, великое?

М. Белліонъ (удивленный). Чтò вы, молодой человекъ? Неужели вы еще такъ зелены?

Пизистратъ. Я, сэръ, нѣтъ, Боже меня упаси! А мой (дядя *Джакъ* съ умоляющимъ взглядомъ поднимаетъ палець, и проливаетъ чай на панталоны племянника; *Пизистратъ*, котораго чай обжогъ и сдѣлалъ нечувствительнымъ къ жесту дяди, поспѣшно продолжаетъ) мой дядя.... Какаянибудь большая національная, колониальная, антимонопольная....

Дядя Джакъ (прерывая его). Ха-ха-ха, какой повѣса!

М. Белліонъ (торжественно). Съ такими теоріями, которыя даже въ шутку не могутъ относиться къ моему почтенному и благоразумному другу, (*дядя Джакъ* кланяется), вы, м. Какстонъ, боюсь я, никогда не успѣете въ жизни. Не думаю я, чтобъ ваши спекуляціи были вамъ по сердцу. Однако становится поздно, господа: намъ пора.

Дядя Джакъ (вскакивая). А мнѣ еще столько нужно сказать ему. Извините насъ: вы понимаете чувства дяди (беретъ меня за руку, выводитъ изъ хижины, и ужъ на дворъ говоритъ). Вы разорите насъ: себя, меня, вашего отца, мать. Для кого, вы думаете, тружусь я и мучусь, если не для васъ и для вашихъ? Вы просто насъ разорите, если будете говорить въ такомъ смыслѣ при *Белліонѣ*: у

него сердце такое-же какъ у Англійскаго-банка, и онъ, разумѣется, правъ. Человѣчество, ближніе.... гиль! Я отказался отъ этого очарованія, отъ этихъ великодушныхъ увлеченій моей юности! Наконецъ я начинаю жить для себя, т.-е. для себя и для родныхъ. И на этотъ разъ я успѣю, увидите!

Пизистратъ. Повѣрьте, дядюшка, что я отъ души готовъ надвяться; и, отдать вамъ справедливость, во всѣхъ вашихъ идеяхъ непременно есть что-нибудь свѣтлое, но ни одна изъ нихъ никогда....

Дядя Джакъ (прерывая со вздохомъ). Какія состоянія другіе наши отъ моихъ идей! страшно подумать. Да! и уже-ли еще будутъ упрекать меня въ томъ, что я не хочу болѣе жить для этого сброда тунеядцевъ, жадныхъ и неблагодарныхъ шутовъ? Нѣтъ, нѣтъ! Теперь я, я, и я! А васъ, мой другъ, васъ, я сдѣлаю Крезомъ; непременно сдѣлаю!

Пизистратъ, изъявивъ свою признательность за всѣ эти общаемыя въ будущемъ блага, спрашиваетъ, какъ давно дядя Джакъ въ Австраліи, что заставило его пріѣхать въ колоніи, и въ чемъ заключаются его настоящіе виды. Къ удивленію своему онъ узнаетъ, что дядя Джакъ уже четыре года здѣсь; что онъ выѣхалъ изъ Англій годъ послѣ Пизистрата, побужденный къ тому, говоритъ онъ, этимъ достохвальнымъ примѣромъ и тайнымъ порученіемъ отъ управленія колоній или отъ компаніи переселеній, котораго впрочемъ объяснить не хочетъ. Дядя Джакъ удивительно дѣлаетъ дѣла съ-тѣхъ-поръ, какъ забылъ о ближнихъ. Первая его спекуляція по пріѣздѣ въ колоніи была покупка домовъ въ Сидней, которые (по причинѣ непостоянства цѣнъ въ колоніяхъ, гдѣ за-частую одинъ человѣкъ вмѣстѣ съ Надеждой взлетаетъ на радуго, а другой съ отчаяніемъ тонетъ въ безднахъ Ахерона,) достались ему чрезвычайно дешево и были проданы имъ чрезвычайно-дорого. Но главнымъ его дѣломъ было содѣйствіе первому населенію Аделаиды, которой онъ считаетъ себя однимъ изъ первыхъ основателей, и такъ-какъ въ потокъ переселенія, обильно приливавшемъ предпочтительно къ одному мѣсту въ пер-

вые годы его существованія и увлекшимъ съ собою всякаго рода довърчивыхъ и неопытныхъ любителей приключеній, были растеряны значительныя суммы, то изъ этихъ суммъ чловкъ съ ловкостью и рѣшимостью дяди Джака не могъ не подобрать кое-какіе обломки и осколки. Дядя Джакъ умѣлъ промыслить себѣ отличныя рекомендательныя письма къ важнымъ лицамъ колоній: онъ вошелъ въ ближайшія связи съ нѣкоторыми изъ главныхъ владѣльцевъ, стремившихся къ устроению монополіи поземельной собственности, (что съ-тѣхъ-поръ и приведено въ исполненіе, чрезъ повышение цѣнъ и исключеніе изъ обществъ мелкихъ капиталистовъ), и представилъ имъ себя, какъ чловѣка съ обширнымъ знаніемъ дѣла, пользующагося доврїемъ сильныхъ людей въ Англїи, и особеннымъ вѣсомъ въ англійской журналистикѣ и т. д. И это не должно ронять ихъ прозорливости, потому что Джакъ, когда хотѣлъ, умѣлъ распорядиться такъ, что нельзя было устоять противъ него. Такъ онъ вступилъ въ компанію съ людьми дѣйствительно-богатыми капиталомъ и долгой практической опытностью въ умѣніи какъ можно лучше употреблять его. Онъ сдѣлался дольщикомъ м. Белліона, одного изъ самыхъ-сильныхъ овцеводовъ и землевладѣльцевъ колоній, и который, имѣя многія спекуляціи, самъ жилъ постоянно въ Сидней, предоставляя каждое изъ своихъ частныхъ предпрїятій управленію надсмотрщиковъ и повѣренныхъ. Но обработываніе земель было любимымъ занятіемъ Джака, и когда какой-то замысловатый Нѣмецъ объявилъ, что въ окрестностяхъ Аделаиды скрываются ископаемыя сокровища, послѣ того и найденныя, м. Тиббетсъ уговорилъ Белліона и другихъ джентлеменовъ, теперь ему сопутствовавшихъ, предпринять безъ шума и огласки, поѣздку изъ Сиднея въ Аделаиду, для того, чтобы удостовѣриться на сколько справедливы предположенія Нѣмца, которымъ до-сихъ-поръ плохо вѣрили. «Если-же-бы къ почвѣ не оказалось руды» говорилъ дядя Джакъ — «всегда можно найти руду не менѣе выгодную въ карманахъ тѣхъ неопытныхъ и предпрїимчивыхъ спекуляторовъ, которые бываютъ готовы на

первый годъ купить дорого , а на слѣдующій ту-же вещь продать дешево.»

— Но—заключилъ дядя Джакъ , улыбаясь многозначительно и толкнувъ меня пальцемъ въ бокъ — я имѣлъ дѣло съ рудою и прежде, и знаю, что это такое. Главнаго моего плана я не скажу никому, кромѣ васъ: вы, если хотите, можете идти въ долю. Мѣй планъ простъ, какъ задача Евклида; если Нѣмецъ правъ и есть тутъ руда, надо разработать руду. Стало нужны рудокопы; но рудокопамъ надо ѣсть, пить, издерживать свои деньги. Дѣло въ томъ, чтобы забрать этъ деньги. Понимаете?

Пизистратъ. Нисколько.

Дядя Джакъ (важно). Депо грока и съѣстнаго! Рудокопамъ нуженъ грокъ, нужно и съѣстное: они придутъ въ ваше депо, а вы и берите съ нихъ деньги; что и требовалось доказать! Берите акціи, а! Билетики, какъ мы говаривали въ школѣ! Давайте тысячу или двѣ ф. ст., и пойдѣмъ пополамъ.

Пизистратъ (поспѣшно). Ни за всѣ руды міра.

Дядя Джакъ (весело). Ваша добрая воля, но вамъ отъ этого хуже не будетъ. Я не переменяю моего завѣщанія, не-смотря на ваше недоувѣріе ко мнѣ. А вашъ товарищъ, вы кажется называли его мистеръ Вивіенъ.... Эготъ молодой человекъ съ умнымъ взглядомъ.... поживѣе другаго, вижу.... не возьметъ-ли онъ доли?

Пизистратъ. На счетъ грока-то? Да вы-бы его спросили?

Дядя Джакъ. Что это? Вы хотите быть аристократомъ въ Австраліи? Ха-ха, прѣкрасно? Пойдите; да, это они меня зовутъ: надо ѣхать.

Пизистратъ. Я провожу васъ на нѣсколько миль. А вы какъ, Вивіенъ! Вы что на это скажете, Гай?

Все общество передъ этимъ подошло къ намъ.

Гай предпочитаетъ лежать на солнцѣ и читать «Жизнь поэтовъ»; Вивіенъ согласенъ ѣхать: мы провожаемъ гостей до заката солнца. Майоръ макъ-Бларне предлагаетъ намъ свои услуги на какомъ-угодно пути жизни, и увѣряетъ насъ, что въ особенности, если у насъ есть дѣло по инженерной

части, насчетъ топографіи, съемки, или рудокопства, онъ весь къ нашимъ услугамъ, и даромъ, или почти даромъ. Мы подозреваемъ, что майоръ макъ - Бларне гражданскій инженеръ, живущій подъ вліяніемъ невиннаго очарованія, что служилъ въ арміи.

М. Спекъ по секрету объявляетъ мнѣ, что м. Белліонъ неизмовѣрно-богатъ, и что онъ нажилъ себѣ состояніе изъ ничего, и потому-что никогда не пропустилъ благопріятнаго случая. Я вспоминаю огурчикъ дяди Джака и трубку м. Спекы, и заключаю съ почтительнымъ удивленіемъ, что м. Белліонъ постоянно дѣйствуетъ по одной великой системѣ. Десять минутъ спустя, м. Белліонъ, тоже по секрету, говоритъ, что м. Спекъ, не-смотря на то, что такъ учтивъ и вѣчно улыбается, тонокъ какъ иголка, и что если я вздумаю принять участіе въ новой спекуляціи или въ другой какой-нибудь, всего вѣрнѣе обратиться мнѣ прямо къ м. Белліонъ, который не обманетъ меня ни за какія сокровища.

— Не то чтобы я могъ что-нибудь сказать противъ м. Спекъ — заключаетъ м. Белліонъ: — онъ человѣкъ способный и теплый, сэръ? а когда у человѣка есть теплота, я менѣе всякаго другаго думаю о его недостаткахъ, и ни за что ужъ не отвернусь отъ него.

— Прощайте! — сказалъ дядя Джакъ, вынимая во второй разъ свой носовой платокъ — поклонъ отъ меня всѣмъ вашимъ! — Потомъ онъ прибавилъ шопотомъ: — Племянникъ, если вы когда-нибудь перемените мнѣніе насчетъ депо грока и прочаго, сердце дяди всегда вамъ открыто!

ГЛАВА II.

Когда мы съ Вивіеномъ повернули къ дому, была ужъ ночь. Ночь въ Австраліи! Невозможно описать ея красоту. Въ Новомъ-свѣтѣ небо кажется ближе къ землѣ. Каждая звезда такъ свѣтла, какъ-будто-бы только что вышла изъ рукъ Творца. А мѣсяцъ подобенъ серебряному солнцу: каждый предметъ, на который свѣтитъ онъ, такъ явственно

виднѣтъ*. По временамъ какой-нибудь звукъ нарушаетъ безмолвіе, но звукъ до того ему соотвѣтственный, что онъ только довершаетъ его прелесть. Слушайте! вотъ тихій вздохъ ночной птицы несется изъ этой луговины, окаймленной небольшими сѣрыми холмами, вотъ вдалекѣ лай собаки или странное, тихое рычанье дикой собаки, отъ которой первая стережетъ стадо. Вотъ эхо, поймавъ звукъ, несетъ его отъ возвышенія къ возвышенію, дальше, дальше, — все дальше, и все опять замерло, а цвѣты высокихъ-высокихъ акацій висятъ, не шевелясь, надъ вашей головой. Воздухъ буквально пропитанъ ароматами, но это благоуханіе становится даже тяжело какъ-то. Вы ускоряете шаги, и вотъ вы опять на открытомъ мѣстѣ; мѣсяцъ все свѣтитъ; между тонкихъ вѣтокъ чайнаго дерева блеститъ рѣка, и сквозь этотъ прекрасный воздухъ вамъ слышится ея сладкій шопотъ.

Пизистратъ. И эта страна сдѣлалась наслѣдіемъ нашего народа! Когда я смотрю вокругъ, мнѣ кажется, что предначертанія Всеблагаго отца видны во все продолженіе исторіи человечества. Какъ таинственно, покуда Европа воспитываетъ свои племена и исполняетъ свое назначеніе въ дѣлѣ просвѣщенія, скрыты отъ нея этѣ страны. И онѣ становятся намъ извѣстны въ ту минуту, когда цивилизація требуетъ разрѣшенія своихъ задачъ; и вотъ убѣжище для лихорадочныхъ энергій, затертыхъ въ толпѣ, хлѣбъ для голоднаго, надежда для отчаявшагося. Новый-свѣтъ пополняетъ всѣ недостатки Стараго: Какой Лаціумъ для странниковъ, «гонимыхъ бурями, по разнымъ морямъ!» Здѣсь проходитъ передъ глазами настоящая Энеида. Въ этѣхъ изгнанничьихъ хижинахъ, разсыянныхъ по другой Италіи, родится по словамъ поэта, «племя, отъ котораго произойдутъ новые Албанцы и прославятъ второй Римъ»

* Нервѣдо—говоритъ м. Вилкинсонъ, въ своемъ неопубликованномъ сочиненіи о южной Австраліи—я путешествовалъ въ такую ночь, и представивъ лошади по произволу, я любилъ читать при лунномъ свѣтѣ. *Прим. автора.*

Вивиенъ (грустно). Такъ второй Римъ будетъ основанъ преступниками изъ рабочаго дома, изъ тюрьмы и съ галеръ?

Пизистратъ. Въ этой новой почвѣ, въ трудѣ, на который она позываетъ, въ надеждѣ, которую вселетъ, и въ понятіи о собственности, на которое наводитъ осязаемо, есть что-то побуждающее къ нравственному перерожденію. Возьмите всѣхъ этихъ теперешнихъ колонистовъ: что-бы ихъ ни привело сюда, какого-бы ни были они происхожденія, — здѣсь они составляютъ прекрасное племя, трудолюбивое, смѣлое, откровенное, и все еще грубое въ этой части Австраліи, на которое окончательно сдѣлается, я увѣренъ, столько-же честнымъ и просвѣщеннымъ, какъ населеніе южной Австраліи, откуда исключены приговоренныя преступники: и это очень благоразумно, потому-что такое отличіе возбудитъ соревнованіе. Въ отвѣтъ на вашъ вопросъ я прибавлю только, что, по-моему, даже самая-необузданная часть нашего народа врядъ-ли хуже разбойниковъ, которые сходились вокругъ Ромула.

Вивиенъ. Но развѣ не были они солдаты? Я говорю о первыхъ Римлянахъ.

Пизистратъ. Другъ мой, мы далеко ушли отъ этихъ отверженцевъ, потому-что можемъ владѣть землями, домами и жонами (хотя послѣднее и мудрено, и хорошо что нѣтъ въ сосѣдствѣ бѣлыхъ Сабинянокъ) безъ того насилія, которое было необходимымъ условіемъ ихъ существованія.

Вивиенъ (помолчавъ). Я написалъ къ моему отцу и къ вашему еще подробнѣе: въ одномъ письмѣ опредѣлилъ мое желаніе, въ другомъ старался объяснить чувства, меня побуждающія.

Пизистратъ. И письма отправлены?

Вивиенъ. Отправлены.

Пизистратъ. И вы не показали ихъ мнѣ?

Вивиенъ. Не упрекайте меня. Я обѣщалъ вашему отцу раскрыть передъ нимъ вполнѣ мое сердце, какъ только оно будетъ смущено и безпокойно. Обѣщаю вамъ теперь, что послушаюсь его совѣта.

Пизистратъ (грустно). Чтѣ въ этой военной жизни такого, что вы думаете найти въ ней болѣе возбуждательныхъ средствъ и занимательныхъ приключеній, нежели въ настоящемъ вашемъ положеніи?

Вивіенъ. Отличіе! Вы не видите разницы между нами. Вамъ надо только нажать состояніе, а мнѣ—искупить имя; вы спокойно смотрите въ будущее, мнѣ нужно смыть черное пятно изъ прошедшаго.

Пизистратъ (нѣжно). Оно смыто. Пять лѣтъ не безплоднаго сожалѣнія, а мужественнаго преобразованія, постояннаго труда и такого поведенія, что даже Гай, на котораго я смотрю, какъ на воплощеніе англійской чести, почти сомнѣвается способны-ли вы управлять однимъ изъ нашихъ заведеній,—характеръ до того благородный, что я не дождусь времени, когда вы примете опять незапятнанное имя вашего отца и дадите мнѣ возможность гордиться передъ свѣтомъ нашимъ родствомъ: все это, навѣрное, достаточно искупаетъ ошибки, произошедшія отъ дѣтства, лишеннаго воспитанія, и бродяжнической юности.

Вивіенъ (нагибался на лошади и положивъ руку на мое плечо). Добрый другъ мой, сколькимъ я вамъ обязанъ! (*оправившись отъ смущенія, продолжаетъ спокойнѣе*). Но развѣ вы не видите, что чѣмъ яснѣе и полнѣе становится во мнѣ чувство долга, тѣмъ совѣсть моя дѣлается впечатлительнѣе и больше упрекаетъ меня, и чѣмъ лучше я понимаю моего благороднаго отца, тѣмъ болѣе я долженъ желать сдѣлаться тѣмъ, чего онъ ждалъ отъ своего сына. Неужели, вы думаете, онъ будетъ доволенъ, если увидитъ меня пасущимъ стадо или торгующимся съ колонистами? Развѣ не было любимой его мечтою, чтобъ я избралъ его карьеру? Развѣ не слыхалъ я отъ самихъ васъ, что не будь вашей матери, онъ и васъ-бы уговорилъ вступить въ военную службу? У меня нѣтъ матери. Тысячи-ли я наживу, десятки-ли тысячъ этимъ ремесломъ, отцу моему это не сдѣлаетъ и половины того удовольствія, какое почувствовалъ-бы онъ, еслибы прочелъ имя мое, похваленное въ отчетѣ о военныхъ дѣйствіяхъ? Нѣтъ, нѣтъ! Вы выгнали цыганскую кровь:

теперь говорить солдатская. О, хоть-бы одинъ день я могъ прославиться на одномъ пути съ нашими славными предками, хоть-бы одинъ день потекли слезы гордости изъ тѣхъ глазъ, которые плакали отъ стыда за меня, чтобъ и она въ своемъ блескѣ, сидя рядомъ съ своимъ любезнымъ лордомъ, сказала: «да, сердцемъ онъ былъ не низокъ!» Не спорьте со мной: это не поведетъ ни къ чему. Молитесь, лучше, чтобы исполнилось мое желанье, потому-что, увѣрю васъ, если я буду осужденъ остаться здѣсь, я громко роптать не стану, я съумѣю двигаться въ этомъ кругу необходимыхъ обязанностей, подобно животному которое приводитъ въ движеніе колесо мельницы! но сердце мое изноетъ, и скоро придется вамъ написать надъ моей могилой эпиграфю бѣднаго поэта, о которомъ вы говорили, что его настоящее горе была жажда славы: «здѣсь лежитъ тотъ, чье имя было написано на водѣ».

У меня не было отвѣта: это заразительное честолюбіе согрѣло кровь въ моихъ жилахъ, заставило и мое сердце биться громче. Среди видовъ первобытной природы при спокойномъ лунномъ сіяніи Новаго-свѣта, Старый-свѣтъ звалъ своего сына и во мнѣ, колонистъ душой. Но мы все въалихали, и воздухъ, хоть и живительный, но успокоивающій, возвратилъ меня къ любви мирной природы. Вотъ и овцы, снѣговыми глыбами, спятъ освѣщенные звездами!... слушайте!... привѣтствіе сторожевыхъ собакъ; вотъ блескитъ свѣтъ изъ полуоткрытой двери. И, остановившись, я громко сказалъ:

— Нѣтъ, много славы закладывать основаніе сильнаго государства, хоть и не прославятъ вашей победы трубы, хоть и не осыпятъ лавры вашей могилы.

Я оглянулся, въ ожиданіи отвѣта отъ Вивиена, но, прежде нежели я кончилъ говорить, онъ ускакалъ впередъ отъ меня, и я видѣлъ, какъ дикія собаки отбѣгали отъ подковъ его лошади, въ то время, какъ онъ несся по муравъ при мѣсячномъ сіяніи.

ГЛАВА III.

Недѣли и мѣсяцы проходили, и, наконецъ, пришли отвѣты на письма Вивіена; слишкомъ вѣрно предвидѣлъ я ихъ содержаніе. Я зналъ, что отецъ мой не будетъ противиться горлечему и обдуманному желанію челоуѣка, который теперь уже достигъ полной силы разсудка и которому, поэтому, должна была быть предоставлена свобода въ выборѣ своего поприща. Уже много времени спустя увидѣлъ я письмо Вивіена къ моему отцу; его бесѣда мало приготовила меня къ трогательному признанію ума, замѣчательнаго столько-же по своей силѣ, сколько по своей слабости. Родись онъ въ средніе вѣка или подвергнись вліянію религіознаго энтузіазма, онъ, съ своей натурой, сталъ-бы бороться съ врагомъ въ пустынь, или пошолъ-бы на невѣрнаго, босый, замѣнивъ броню власяницей, мечъ крестомъ! Теперь нетерпѣливая жажда искупленія приняла направленіе болѣе мірскаго, но въ его усердіи было что-то духовное. И эта восторженность смѣшивалась съ такой глубокой задумчивостью. Не дайте вы ей исхода, она обратилась бы въ бездѣйственность, или даже въ безуміе; дайте исходъ, она оживить и оплодотворить на столько-же, на сколько увлечетъ.

Отвѣтъ моего отца на его письмо былъ таковъ, какъ должно было ожидать. Въ немъ припоминались старыя уроки о различіи между потребностью къ самосовершенствованію, никогда не безплодною, и болѣзненною страстью къ похвалѣ, которая замѣняетъ совѣсть мнѣніемъ суетнаго свѣта, называя его славой. Но въ своихъ совѣтахъ отецъ не думалъ противиться рѣшимости, такъ твердо направленной, а скорѣе старался руководить ее на предполагаемомъ пути. Необъятно море челоуѣческой жизни. Мудрость можетъ дать мысль путешествія, но нужно ей сперва взглянуть на свойства корабля и товаровъ, которые придется мѣнять. Не всякое судно, отплывающее изъ Тарса, можетъ привезти золото Офира; но неужели за это гнить ему въ гавани? Нѣтъ, вы дайте ему погулять по вѣтру съ распущенными парусами!

Что касается до письма Роланда, я ожидалъ, что въ немъ будетъ и радость и торжество; радости не было, а торжество, хотя и было, но спокойное, серьезное и сдержанное. Въ согласіи стараго солдата на желаніе сына, въ полномъ сочувствіи къ побужденіямъ, столько сроднымъ его собственной натурѣ, пробивалась видимая грусть : казалось даже, онъ какъ будто-бы принуждалъ себя къ этому согласію. Нѣсколько разъ перечитавъ это письмо, я едва разгадалъ чувства Роланда въ то время, какъ онъ писалъ его. Теперь, по прошествіи столького времени, я вполне понимаю ихъ. Пошли онъ въ огонь сына мальчикомъ свѣжимъ въ жизни, не знающимъ зла, исполненнымъ чистымъ энтузіазмомъ его собственного юношеского пыла, онъ со всею радостью солдата заплатилъ-бы эту дань своему отечеству; но здѣсь онъ видѣлъ гораздо-менѣ увлеченіе, нежели желаніе искупленія; и съ этою мыслью допускалъ предчувствія, которыя иначе и не имѣли-бы мѣста, такъ что по концу письма можно было подуматъ, что его писалъ не воинственный Роландъ, а робкая, нѣжная мать. Онъ совѣтовалъ и умолялъ не пренебрегать никакою предосторожностью, убѣждая сына, что лучшіе солдаты всегда были и самые-благоразумные: и это писалъ пылкій ветеранъ, который, во главѣ охотниковъ, вѣзъ на стѣну при ***, съ саблею въ зубахъ!

Но каковы-бы ни были его предчувствія, Роландъ, получивъ письмо сына, поспѣшилъ исполнить его желаніе, выхлопоталъ ему чинъ въ одномъ изъ дѣйствующихъ въ Индіи полковъ; патентъ, написанный на имя сына, съ приказаніемъ отправиться къ полку какъ можно скорѣе, былъ приложенъ при письмѣ.

Вивіенъ, показывая мнѣ на имя, написанное въ патентѣ, воскликнулъ :

— Да, теперь я опять могу носить это имя, и оно будетъ священно для меня! Оно поведетъ меня къ славѣ, или мой отецъ, не стыдясь меня, прочтетъ его на моей могилѣ!

Вижу его какъ теперь: онъ стоялъ приподнявъ голову; темные глаза его горѣли какимъ-то торжественнымъ огнемъ, его улыбка была такъ искренна, его лицо выражало столько

благородства, какъ прежде не замѣчалъ я никогда. Уже-ли это былъ тотъ человѣкъ, котораго страшный цинизмъ отталкивалъ меня, чье дерзкое покушеніе потрясло всего меня, тотъ, кого я оплакивалъ какъ несчастнаго отверженца? Какъ мало благородство выраженія зависитъ отъ правильности чертъ и отъ соразмѣрности частей лица! На какомъ лицѣ написано достоинство, если не оживлено оно высокою мыслью?

ГЛАВА IV.

Онъ ухалъ, онъ оставилъ за собою какую-то пустоту для меня. Я такъ привыкъ любить его, я такъ гордился, когда другіе цѣнили его. Моя любовь была родъ себялюбія: я смотрѣлъ на него отчасти какъ на дѣло моихъ рукъ.

Долго не могъ я съ спокойнымъ сердцемъ возвратиться къ моей пастушеской жизни. Передъ отъездомъ моего двоюроднаго брата, мы свели всѣ счеты и подѣлили барыши на части. Когда Вивіенъ отказался отъ содержанія, которое давалъ ему отецъ, Роландъ, тайно отъ него, вручилъ мнѣ сумму, равную той, какую внесъ и я, и Гай Больдингъ. Роландъ занялъ эту сумму подъ залогъ, и хотя процентъ на этотъ заемъ, въ сравненіи съ прежнимъ содержаніемъ сына, была издержка незначительная, но капиталъ былъ гораздо полезнѣе для сына, нежели ежегодный пансіонъ. Такимъ-образомъ общій капиталъ нашъ простирался на 4300 ф. с., сумму довольно-значительную для колонистовъ въ Австраліи. Первые два года мы не приобрѣли ничего, употребивъ большую часть перваго года на изученіе нашего ремесла у одного стараго колониста. Но въ концѣ третьяго года стада наши весьма расплодился, и мы получили выгоды, превышавшія всякія надежды. Къ отъезду брата, на шестомъ году, на долю каждого приходилось по 4000 ф. с., исключая цѣнность двухъ нашихъ фермъ. Вивіенъ сначала хотѣлъ, чтобъ я отослалъ его долю отцу, но потомъ сообразилъ, что Роландъ ни за что не возьметъ ея; было рѣшено, чтобъ она осталась въ моихъ рукахъ, чтобъ я пустилъ ее въ оборотъ и высылалъ ему 5%, а остающееся за тѣмъ въ прибыли употреблялъ на приращеніе его капитала.

Такимъ-образомъ я распорядился 12000 ф. с., и мы могли считать себя весьма-порядочными капиталистами. Съ помощью Патерсона я увеличилъ стадо рогатаго скота, и, черезъ два года по отъездѣ Вивіена, продалъ и стадо и ферму чрезвычайно выгодно. Такъ-какъ, въ то-же время, наше овцеводство шло чрезвычайно-успѣшно, и я уже пользовался по этой части прекрасной репутаціей, я разсудилъ, что мы теперь можемъ распространить наши занятія на новые обороты. Ухватясь вмѣстѣ и за мысль переменить мѣсто монхъ дѣйствій, я предоставилъ Больдингу надзоръ за овчарнями, а самъ отправился въ Аделаиду, потому-что слава новаго города начинала уже возмущать спокойствіе Австраліи. Я нашелъ дядю Джака по близости Аделаиды въ прекрасной виллѣ, живущимъ со всеми признаками колониальнаго богатства; по-видимому слухи не преувеличили нажитыхъ имъ барышей: у дяди была на лукъ не одна тетива, и казалось каждая изъ его стрѣлъ долетѣла до цѣли. Я уже считалъ себя довольно-знающимъ и опытнымъ, чтобы рѣшиться воспользоваться идеями Джака, не боясь разориться, если вступлю съ нимъ въ компанію: мнѣ показалось справедливымъ употребить его умъ на поправленіе состоянія тѣхъ, кого его мечтательность, слѣдуя Скилю, такъ сильно разстроила; и здѣсь я долженъ признаться съ благодарностью, что многимъ обязанъ его изобрѣтательности. Излѣдованія и розыски по дѣлу рудниковъ показали се не удовлетворительными м. Белліонъ: они и были открыты уже нѣсколько лѣтъ спустя, но Джакъ былъ убѣжденъ въ ихъ существованіи, и купилъ на собственный счетъ и за безцѣнокъ участокъ бесплодной земли, въ увѣренности, что онъ рано или поздно сдѣлается его Голкондой. Такъ-какъ разработка рудниковъ была отложена, то къ счастью не состоялось и открытіе депо грока и съѣстнаго, и дядя Джакъ участвовалъ въ основаніи Портъ-Филиппа. Пользуясь его свѣтомъ, я въ этомъ новомъ предпріятіи сдѣлалъ кое-какія неболшія пріобрѣтенія, которыя сбылъ съ значительной выгодой. Не забыть-бы мнѣ однакожь упомянуть здѣсь вкратцѣ, что, со времени отъезда моего изъ Англіи стало съ министѣрской карьерой Тривеніона.

Неимоверная утонченность и доведенная до мелочности политическая совѣстливость, характеризовавшая его какъ не зависимаго члена парламента и, въ мнѣніи друзей и враговъ, снискавшая репутацію неспособнаго къ практической дѣлательности челоуѣку во всѣхъ подробностяхъ преимущественно-трудолюбивому и практическому, быть-можетъ и сдѣлали-бы ему славу хорошаго министра, еслибъ онъ могъ быть министромъ безъ товарищей и умѣлъ съ должной высоты выставить передъ свѣтомъ свою честность, благонамѣренность и удивительную способность къ дѣламъ государственнымъ. Но Тривеніонъ не могъ сродниться съ другими, особенно-же въ политикѣ, которая вѣроятно была такъ не по сердцу ему, политикѣ, которая, въ послѣдніе годы, не принадлежала какой-нибудь особенной партіи, а до того воодушевляла самыхъ замѣчательныхъ политическихъ вождей обѣихъ сторонъ, что челоуѣкъ, склонный къ снисходительной оцѣнкѣ вещей, пожалуй, готовъ счесть ее за выраженіе потребности времени или за слѣдствіе общей необходимости. Конечно, не въ этой книгѣ мѣсто скучнымъ отчетамъ о спорахъ политическихъ партій; и гдѣ-же мнѣ много знать о нихъ? Я только скажу здѣсь, что, правая или неправая, эта политика должна была быть въ вѣчномъ разладѣ съ каждымъ принципомъ убѣжденій Тривеніона, и потрясать каждую фибру его нравственнаго сложенія. Связъ съ родомъ Каствльтоновъ и усиленіе, поэтому, его аристократическихъ приверженцевъ, можетъ-быть и упрочили его положеніе въ кабинетѣ, но все это былъ еще очень-слабый оплотъ противъ того направленія, которое уже являлось заразительнымъ повѣтріемъ времени. Я понялъ, какъ должно было подѣйствовать на него его положеніе, когда прочелъ въ одной газетѣ слѣдующее: «Носятся слухи, и по-видимому основательные, что м. Тривеніонъ просилъ увольненія, но что его уговорили подождать, потому-что въ настоящее время его удаленіе имѣло-бы вліяніе на весь кабинетъ». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя уже писали: «М. Тривеніонъ внезапно занемогъ, и опасаются, чтобы болѣзнь его не отняла у него возможности возвратиться къ должностнымъ занятіямъ». За

тѣмъ парламентъ былъ закрытъ. Передъ открытіемъ его вновь, въ придворной газетѣ было объявлено, что м. Тривеніонъ сдѣланъ графомъ Ульверстонъ, — титулъ и прежде бывший въ его родѣ — и вышелъ изъ администраціи, будучи не въ силахъ переносить трудности государственныхъ занятій. Человѣку обыкновенному возведеніе въ графство помимо переходныхъ ступеней перства показалось-бы прекраснымъ вѣнцомъ политической карьеры; но я чувствовалъ, какое глубокое отчаяніе отъ препятствій къ пользѣ, какія схватки съ сотрудниками, которымъ онъ по совѣсти не могъ сочувствовать, ни противиться, въ силу своихъ понятій, заставили Тривеніона покинуть эту бурную арену. Верхняя палата для такого дѣятельнаго ума была то-же, что монастырь для какого-нибудь древняго рыцаря. Газета, объявившая о возведеніи Тривеніона въ перство, была съ тѣмъ вмѣстѣ объявленіемъ, что Албертъ Тривеніонъ пропалъ для міра государственныхъ людей. И, въ-самомъ-дѣлѣ, съ того дня карьера его исчезла изъ виду: Тривеніонъ умеръ; графъ Ульверстонъ не оказывалъ признака жизни.

До-сихъ-поръ только два раза писалъ я изъ Австраліи къ леди Эллиноръ: разъ, чтобы поздравить ее съ бракомъ Фанни и лорда Кастльтона, совершеннымъ шесть мѣсяцевъ спустя послѣ моего отъѣзда изъ Англіи, а другой, когда благодарилъ ея мужа за, присланный имъ въ подарокъ мнѣ и Больдингу, скотъ: лошадей, овецъ и быковъ. По возведеніи Тривеніона въ званіе графа, я написалъ опять, и, по истеченіи извѣстнаго времени, получилъ отвѣтъ, согласный съ моими личными впечатлѣніями: онъ былъ полонъ горечи и жолчи, обвиненій противъ свѣта, опасеній за страну; самъ Ришльё не могъ смотрѣть на вещи со стороны болѣе мрачной, когда приверженцы его начали оставлять его, и власть его по-видимому падала до извѣстной «*journée des dupes*». Одинъ только лучъ утѣшенія согрѣвалъ грудь леди Ульверстонъ, и, поэтому, сулилъ міру благоприятную будущность: у лорда Кастльтонъ родился второй сынъ; къ этому сыну должно было перейти графство Ульверстонское и владѣнія съ нимъ сопряженныя! Никогда никакой ребенокъ не

рождавъ такихъ надеждъ! Самъ Виргилій, когда, по случаю рожденія сына полліопова, взывалъ къ музамъ Сиціліи, не умѣлъ создать ни одного дионирамба подобнаго тѣмъ, къ которымъ подамо поводъ рожденіе втораго внука леди Эллиноръ.

Время все шло; дѣла продолжались успѣшно. Однажды, когда я выходилъ съ довольнымъ видомъ изъ банка, меня остановили на улицѣ едва-знакомые люди, которые прежде и не думали пожимать мнѣ руку. Теперь они подали мнѣ ее, и кричали :

— Поздравляемъ васъ, сэръ. Этотъ храбрецъ, вашъ однофамилецъ, конечно вамъ родственникъ.

— Что вы хотите сказать?

— Развѣ вы не видали журналовъ? Вотъ они: «Подвигъ прапорщика де-Какстонъ, пожалованнаго слѣдующимъ чиномъ на полъ сраженія.»

Я отеръ слезы, и воскликнулъ :

— Слава Богу.... это мой двоюродный братъ!

Рукопожатія продолжались, новыя группы сходились около меня. Мнѣ казалось, что я выросъ на цѣлую голову. Намъ ворчунамъ - Англичанамъ, вѣчно ссорящимся между собой, миръ за-частую кажется тѣсенъ, и однакоже, когда въ далекой сторонѣ соотчичь совершить славное дѣло, какъ мы умѣемъ чувствовать, что мы братья! какъ наши сердца тепло бьются на встрѣчу другъ другу! Какое письмо я написалъ домой, и какъ веселье воротился въ свою колонію! Патерсонъ былъ въ это время на своей фермѣ. Я сдѣлалъ пятьдесятъ миль объѣзда, чтобъ подъѣхать съ нимъ извѣстіями, показать ему газету: я торопился сообщить ему, что его бывший хозяинъ Вивіенъ тоже Кумберландецъ.... Какстонъ. Бѣдный Патерсонъ! Чай въ этотъ день удивительно смахивалъ вкусомъ на пуншъ. Патеръ Матью, прости насъ: еслибъ ты былъ Кумберландецъ, и послушалъ какъ, Патерсоцъ запѣлъ...., и твой-бы чай, я думаю, выщелъ-бы не изъ чайнаго цибика.

Г Л А В А V.

Большая перемена произошла въ нашемъ домашнемъ быту. Отецъ Гая умеръ, утѣшенный въ послѣдніе годы своей жизни извѣстіями о трудолюбіи и успѣхахъ своего сына, и трогательными доказательствами этого, представленными самимъ Гаемъ. Гай настоялъ на томъ, чтобы заплатить отцу долги, сдѣланные имъ въ коллегіумъ, и 1500 ф. с. данныхъ ему передъ отправленіемъ, прося, чтобы эту сумму приложили къ сестриной части. Теперь, по смерти старика, сестра рѣшилась пріѣхать жить съ братомъ. Къ хижинѣ сдѣлана другая пристройка. Начинаются приготовленія для новаго каменнаго дома, который долженъ быть поставленъ въ будущемъ году; а Гай привезъ изъ Аделаиды не только сестру, но, къ вѣщему моему удивленію, и жену—въ лицѣ прекрасной подруги, сопутствовавшей его сестрѣ. Молодая леди поступила чрезвычайно-благоразумно, что пріѣхала въ Австралію, если хотѣла выйти за мужъ. Она была чрезвычайно-хороша собою, и всѣ львы Аделаиды сейчасъ-же окружили ее. Гай влюбился съ перваго дня; на второй имѣлъ тридцать соперниковъ, на третій былъ въ отчаяніи, на четвертый сдѣлалъ предложеніе, и не прошло еще двухъ недѣль, какъ онъ уже былъ женатъ, торопясь вернуться во-свои съ своимъ сокровищемъ, въ полной увѣренности, что весь свѣтъ стоворился похитить его у него. Его сестра была такъ-же хороша, какъ и ея подруга; она тоже получила много предложеній съ первой-же минуты своего пріѣзда, но была какъ-то мечтательна и разборчива, и мнѣ кажется, что Гай сказалъ ей, что я созданъ именно для нея.

Однакожь, какъ ни была она очаровательна, съ ея голубыми глазами, съ открытой улыбкой ея брата на лицѣ, я не былъ очарованъ. Мнѣ сдается, что она потеряла всякое право на мое сердце, когда прошла по двору въ полковыхъ башмакахъ.

Еслибъ я остался жить въ Австраліи, я-бы искалъ въ женѣ подругу, которая умѣла-бы хорошо ѣздить верхомъ, скакать черезъ ровъ, могла-бы ходить со мною на охоту, сама съ ружьемъ въ рукъ. Но я не смѣю продолжать списка требованій супруга въ Австраліи.

Вся эта перемяна, по разнымъ причинамъ, еще болѣе подстрекаетъ во мнѣ желаніе воротиться домой. Прошло десять лѣтъ, и я нажилъ болѣе состояніе, нежели считывалъ. Къ искреннему горю Гая, я покончилъ всѣ наши счеты, и раздѣлился съ нимъ, потому-что онъ рѣшилъ кончить жизнь въ колоніи, что ни мало не удивляетъ меня: у него была красавица жена, которая все болѣе и болѣе привязывалась къ нему. Я собрался на родину, но не-смотря на всѣ побудительныя причины, которыя влекли меня домой, не безъ участія въ горѣ моихъ старыхъ товарищей, простился я съ тѣми, которыхъ быть-можетъ мнѣ не суждено болѣе видѣть никогда по сю сторону могилы. Последній изъ моихъ подчиненныхъ сдѣлался мнѣ другомъ, и когда эти грубыя руки пожимали мою, и изъ иной груди, нѣкогда вызывавшейся на бой съ цѣлымъ свѣтомъ, вырывалось тихое благословеніе родины, нѣжное воспоминаніе о старой Англіи, бывшей имъ злою мачихой, я почувствовалъ такое смущеніе, какое вѣроятно не часто встрѣчается въ дружескихъ отношеніяхъ улицъ Мэйферъ и Сэнтъ-Джемсъ. Я былъ вынужденъ ограничиться нѣсколькими словами, между-тѣмъ какъ думалъ сказать длинную рѣчь: быть-можетъ отрывочныя слова болѣе понравились слушателямъ. Я поскакалъ, и, выѣхавъ на небольшое возвышеніе, оглянулся назадъ: эти добрые люди стояли кружкомъ, провожая меня глазами, снявъ шляпы и руками защищая глаза отъ солнца. А Гай бросился на землю, и я явственно слышалъ его громкія рыданія. Жена его, опершись на его плечо, старалась его успокоить. Прости ему, прекрасная помощница, ты будешь для него всѣмъ на свѣтъ.... завтра! А голубоглазая сестра, гдѣ-жъ она? неужели не было у ней слезъ для искренняго друга, который смѣялся надъ ея шолковыми башмаками, и училъ ее, какъ держать поводья и никогда не бояться, чтобы старый клеперъ понесъ подъ ней? Гдѣ-же была она? Если слезы и были пролиты, онѣ были скрыты. Въ нихъ нѣтъ стыда, прекрасная Елена! Съ тѣхъ поръ ты проливала слезы надъ твоимъ перворожденнымъ: эти слезы давно смыли всю горечь невинныхъ воспоминаній первой двичьей мечты.

ГЛАВА VI.

Въ Аделаидъ.

Представьте мое удивленіе : дядя Джакъ сейчасъ былъ со мною, и.... но послушайте нашъ разговоръ :

Дядя Джакъ. Такъ вы положительно возвращаетесь въ эту дымящую, затхлую, старую Англію, и въ то самое время, когда вы на пути къ миллиону. Да, миллионъ, сэръ, по-крайней-мѣрѣ! Всѣ говорятъ, что въ цѣлой колоніи нѣтъ молодого челоуька, успѣвающаго лучше васъ. Я думаю Белліонъ взялъ-бы васъ теперь въ долю; куда-жъ вы такъ торопитесь?

Пизистратъ. Видѣть отца, мать, дядю Роланда и.... (*хотѣлъ назвать кого-то, но останавливается*). Видите-ли, любезный дядюшка, я пріѣзжалъ сюда только съ намѣреніемъ вознаграждать потери отца въ этой несчастной спекуляціи съ *Капиталистомъ*.

Дядя Джакъ (кашляетъ): Проклятый Пекъ!

Пизистратъ. И имѣть нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы положить ихъ на владѣнія бѣднаго Роланда. Цѣль эта достигнута. Зачѣмъ-же мнѣ оставаться ?

Дядя Джакъ. Какія-нибудь несчастныя тысячи, когда много-много черезъ двадцать лѣтъ, вы-бы купались въ золотѣ!

Пизистратъ. Въ Австраліи выучишься быть счастливымъ при постоянномъ трудѣ и небольшихъ деньгахъ. Я примѣню этотъ урокъ въ Англіи.

Дядя Джакъ. Вы совершенно рѣшились ?

Пизистратъ. И взялъ мѣсто на корабль.

Дядя Джакъ. Такъ и говорить больше нечего (*опять кашляетъ, смотритъ на ногти, прекрасно обстриженные. Вдругъ, поднявъ голову*). Этотъ *Капиталистъ*! Онъ съ тѣхъ поръ все у меня на совѣсти, племянникъ, и, такъ или иначе, съ того дня, когда я пересталъ заботиться о ближнихъ, мнѣ кажется, что я болѣе заботился о моей роднѣ.

Пизистратъ (улыбаясь отъ воспоминанія объ удачномъ предсказаніи отца). Разумется, дядюшка : всякій ребенокъ

знаеть, что когда бросишь камень въ воду, кругъ, расширяясь, исчезаетъ.

Дядя Джакъ. Совершенно-справедливо! я запишу эту мысль, она пригодится мнѣ въ моей будущей рѣчи въ защиту того, что они называютъ монополіей земли. Благодарю васъ: камень, кругъ! (*пишетъ въ свою памятную книгу*). Но, возвращаясь къ дѣлу: я теперь въ изрядномъ положеніи, у меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, и я чувствую, что мнѣ надо принять на себя часть потерь вашего отца; предприятие было общее. А отецъ вашъ, добрый этотъ Остинъ, сверхъ всего еще заплатилъ мои долги. И что это былъ за пуншъ въ тотъ вечеръ, когда вашей матери такъ хотѣлось побранить бѣднаго Джака! А 300 ф. с., которыми ссудилъ меня отецъ на прощанье: племянникъ, въ нихъ было мое спасеніе! они тотъ жолудь, который я пересадилъ сюда. Такъ вотъ вамъ (*дядя Джакъ, вытаскивъ изъ кармана банковые билеты на 3 или на 4 т. ф. с., подаетъ ихъ мнѣ съ геройскимъ усиліемъ*). Ну, конечно теперь: я спокойно буду спать теперь (*Дядя Джакъ встаетъ, и поспышно выходитъ изъ комнаты*).!

Пизистратъ (одинъ). Брать-ли мнѣ эти деньги? Впрочемъ, почему-же? тутъ дѣло чистое. Джакъ дѣйствительно долженъ быть богатъ, и можетъ обойтись безъ этой суммы. Вся вина потери въ *Капиталистъ* джакова, а тутъ нѣтъ и половины того, что заплатилъ мой отецъ. Но развѣ это не благородно со стороны Джака! Да, отецъ мой былъ правъ въ своемъ сужденіи о Джакѣ: не должно осуждать человѣка, когда онъ въ нуждѣ и въ несчастіи. Мысли, которыя приводятся въ исполненіе на деньги сосѣда, никогда не цѣнятся такъ, какъ тѣ, которыя осуществляются собственными средствами.

Дядя Джакъ (просовывая голову въ комнату). Видите-ли, вы можете удвоить эту сумму, если оставите ее въ моихъ рукахъ на годикъ-другой: вы не знаете, что у меня теперь на умѣ. Говорилъ я вамъ? Нѣмецъ былъ правъ: мнѣ ужъ давали за мои земли всемеро противъ того, что я за нихъ заплатилъ. Но я теперь собираюсь основать ком-

панію : берите-ка акціи хоть на эту сумму. Сто на сто, ручаюсь вамъ! (*Дядя Джакъ вытягиваетъ свои знаменитыя, гладкія руки, сопровождая это особеннымъ движеніемъ десяти красноръчивыхъ пальцевъ*).

Пизистратъ. А, дядюшка, если вы каетесь....

Дядя Джакъ. Каюсь? Когда я предлагаю вамъ капиталъ на капиталъ, за моимъ личнымъ ручательствомъ.

Пизистратъ (*кладя банковые билеты въ боковой карманъ*). Ну такъ, если вы не каетесь, дядюшка, и не жалко вамъ этихъ денегъ, позвольте мнѣ пожать вашу руку и прибавить, что я не соглашусь уменьшить уваженіе и удивленіе, которое родило во мнѣ ваше прекрасное побужденіе, смѣшавъ его съ разсчетами, процентами и барышами. Вы понимаете, что съ той минуты, какъ эта сумма заплачена моему отцу, я не имѣю права располагать ею безъ его позволенія.

Дядя Джакъ (*тронутый*). Уваженъе, удивленъе, прекрасное побужденъе! Хороши этъ слова въ вашихъ устахъ, племянникъ! (*пожимая мнѣ руку и улыбаясь*). Вишь, хитрый какой! Вы правы, спрячьте ихъ. Да слушайте, сэръ: не попадайтесь вы на мою дорогу, отниму у васъ до послѣдняго пенни! (*Дядя Джакъ опять выходитъ и притворяетъ дверь. Пизистратъ осторожно вынимаетъ билеты изъ кармана, на половину боясь, чтобы они не обратились въ сухіе листья, какъ въ сказкахъ; потомъ, убъдившись, что билеты настояще, изъявляетъ радость и удивленіе.*)

Сцена перемъняется.

ЧАСТЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

Прости, прекрасная страна! Ханаанъ изгнанниковъ, Араратъ не одного разбитого ковчега! Прекрасная колыбель племени, чье безконечное наслѣдіе въ будущемъ, котораго не предвидитъ ни одинъ мудрецъ, и не предскажетъ ни одинъ колдунъ, лежитъ далеко въ обѣтованныхъ золотомъ свѣтъ времени,—племени, быть-можетъ назначеннаго воротить міру его юность, почерпнувъ ее изъ грѣховъ и несчастій просвѣщенія, борющагося съ собственными пачалами тлѣнія, и изъ рода въ родъ прославить геній старой Англіи! Всѣ климаты, наиболее содѣйствующіе произведеніямъ земли, наиболее помогающіе разнообразнымъ семьямъ человѣческаго рода раздѣлиться по характерамъ и темпераментамъ, льютъ на тебя свои вліянія съ неба, а оно такъ благосклонно улыбается тѣмъ, которые нѣкогда не знали, какъ спастись отъ вѣтра, гдѣ укрыться отъ немилосердаго солнца! Здѣсь и свѣжій воздухъ роднаго острова, и беззнойная теплота италіанской осени, и ослѣпительная растительность тропиковъ. И, при всѣхъ дарахъ разныхъ климатовъ, вѣчно-живая надежда!

Прости, моя добрая кормилица, моя вторая мать! Последнее, долгое прости! Никогда не покинулъ-бы я тебя, еслибы не этотъ болѣе громкій голосъ природы, который зоветъ ребенка къ родной матери и отрываетъ насъ отъ самого-любимаго занятія къ волшебнымъ образамъ домашнего очага....

Никто не сѣмъетъ выразить, какъ дорого воспоминаніе о жизни въ Австраліи тому, кто испыталъ ее приготовившись къ ней напередъ. Какъ часто является ему картина этой жизни среди избитыхъ сценъ просвѣщенной жизни: ея опасности, это чувство физическаго здоровья, эта жажда приключеній, эти промежутки беззаботнаго отдыха;

этѣ поѣздки верхомъ по равнинамъ, необозримымъ какъ море, ночныя прогулки по лѣсамъ, никогда не перемѣняющимъ листьевъ, эта луна, которая не уступаетъ въ свѣтъ солнцу и серебрить этѣ кисти цвѣтовъ!.... Съ какимъ уси-
ліемъ примираешься съ вседневными заботами и мучитель-
ными удовольствіями европейской жизни, когда возвратишься
къ нимъ!.... Какъпамятно мнѣ это выраженіе Каулэя:

«Здѣсь мы живемъ среди необъятныхъ и высокихъ
явленій природы, тамъ—между жалкими выдумками просвѣ-
щенія; здѣсь мы ходимъ въ свѣтъ и по открытымъ пу-
тамъ благодати божіей, тамъ тащимся ощупью въ темномъ и
запутанномъ лабиринтѣ человѣческой хитрости.»

Но я наскучилъ вамъ, читатель. Новый-свѣтъ исчезаетъ....
вотъ еще черта; вотъ едва-видныя точки. Повернемся ли-
цомъ къ Старому-свѣту.

Между моими спутниками по кораблю, сколько есть
такихъ, которые возвращаются домой сердитые, въ отчая-
ніи, обидѣвшіе, разоренные, къ бѣднымъ, ничего не подоз-
рѣвающимъ пріятелямъ, разставшимся съ ними въ надеждѣ
не свидѣться никогда. Я долженъ предупредить васъ, чи-
татель, что не всѣмъ такое счастье въ Австраліи, какъ Пи-
нзтрату. Въ - самомъ - дѣлѣ бѣдный ремесленникъ Лондона
или всякаго другого большого промышленнаго города (имѣ-
ющій болѣе перваго способность сродниться съ новыми при-
вычками колоніи) имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ въ Австраліи,
но для класса, къ которому принадлежу я, предстоитъ
бездна разочарованій, и успѣхъ—исключенье: я говорю о мо-
лодыхъ людяхъ съ воспитаніемъ и довольно-изнѣженными
привычками, съ небольшими капиталами и неизмѣримыми
надеждами. Но виною этого, девяноста-девять разъ на сто,
не колонія, а переселенцы. Чтобы небольшому капиталисту
нажить состоянье въ Австраліи, нужны ему особенное на-
правленье ума, счастливое соединеніе физическихъ свойствъ,
невыскательнаго характера и быстрого соображенія. И если-
бы вы могли видѣть этихъ акулъ, плавающихъ вокругъ чело-
вѣка только-что прибывшаго въ Аделаиду или Сидней съ тысячею
для двумя фунт. ст. въ карманъ! Спѣшите сейчасъ-же изъ го-

родовъ, мой юный переселенецъ; не слушайте, до времени по-крайней-мѣрѣ, никакихъ спекуляторовъ, познакомьтесь съ какимъ-нибудь старымъ, опытнымъ колонистомъ; проживите нѣсколько мѣсяцевъ въ его заведеніи, прежде нежели пустите въ оборотъ свой капиталъ; вооружитесь твердымъ намѣреніемъ переносить все и не вздыхать ни по чемъ; употребите всѣ свои способности на ваше занятіе; никогда не призывайте Геркулеса, если плугъ вашъ остановится въ землѣ, и чѣмъ-бы ни занялись вы, овцами или рогатымъ скотомъ, успѣхъ вашъ дѣло времени.

Что касается до меня, я, помимо природы, былъ обязанъ кое-чѣмъ и счастью. Я купилъ барановъ съ небольшимъ по 7 шиллинговъ голову. Когда я увѣждалъ, ни одинъ изъ нихъ не стоилъ дешевле 15-ти, а лучшіе цѣнились въ 1 ф. ст. У меня былъ превосходный пастухъ, и я день и ночь заботился только объ усовершенствованіи моего стада. Счастье мое было и то, что я пріѣхалъ въ Австралію до введенія системы, несправедливо названной Вакефильдовой, убавившей число рабочихъ рукъ и поднявшей цѣну на землю. Это нововведеніе значительно увеличило цѣну моей собственности, за - то было страшнымъ ударомъ для общихъ интересовъ колоніи. Я былъ не менѣе счастливъ и рогатымъ скотомъ и табунами лошадей, на которыхъ въ пять лѣтъ выручилъ втрое, кромѣ выгодной продажи самой фермы. Такъ-же везло мнѣ и въ покупкѣ и продажѣ земель по рекомендаціи дяди Джака. Словомъ, я отошолъ во-время, убѣжавъ отъ чрезвычайно-неблагопріятнаго для колоній переворота, произошедшаго — беру смѣлость утверждать это — отъ мудрованій и хитростей нашихъ домосѣдовъ-теоретиковъ, которые вѣчно хотятъ поставигъ всѣ часы по Гриввичу, забывая, что въ иной части свѣта утро въ то время, когда они бьютъ у себя зорю!

Г Л А В А II.

И опять Лондонъ! Какъ странно, непріятно и дико мнѣ на этѣхъ улицахъ! Мнѣ стыдно, что я такъ здоровъ и силенъ, когда я смотрю на этѣ нѣжныя формы, согнутыя спины, блѣдныя лица. Я пробираюсь черезъ толпу съ снѣ-

сходительною робостью великана-добряка. Я боюсь наткнуться на человека, при мысли, что это столкновение убьет его. Я даю дорогу адвокату, склеенному точно из бумаги, и дивлюсь, почему меня не раздавить omnibus; но мне кажется, что я-бы могъ раздавить его! Я замѣчаю, въ то-же время, что есть во мнѣ что-то странное, неумѣстное, чужое. Прекрасный Бруммель конечно не даль-бы мнѣ никакого права на джентельменство, потому-что едва-ли не каждый прохожий оглядывается на меня. Я прячусь въ мою гостиницу, посылаю за сапожникомъ, шляпникомъ, портнымъ, куаферомъ. Я очеловѣчиваюсь съ головы до ногъ. Даже Улиссу нужно было прибѣгнуть къ искусству Минервы, и, говоря не метафорически, принарядиться, прежде нежели вѣрная Пенелопа рѣшилась узнать его.

Художники обѣщали поторопиться. Тѣмъ временемъ я успѣшилъ возобновить знакомство съ моей родиной, при помощи цѣлыхъ кипъ *Times'a*, *Morning-Post'a*; *Chronicle'a* и *Herald'a*. Я ничего не оставлялъ безъ вниманія, кромѣ статей объ Австраліи: отъ нихъ я отворачивался съ презрительнымъ скептицизмомъ, свойственнымъ практическимъ людямъ.

Не было уже толковъ о Тривеніонѣ, похвалъ ему, упрековъ: «шпора Перси охолодѣла». Имя лорда Ульверстонъ являлось только въ придворныхъ извѣстіяхъ, или фешенебельныхъ. То у лорда Ульверстонъ обѣдаетъ одинъ изъ принцевъ королевскаго дома, то лордъ Ульверстонъ обѣдаетъ у него; то онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, то выѣхалъ. Много-много, если, въ воспоминаніе прежней своей жизни, лордъ Ульверстонъ въ палатѣ перовъ скажетъ нѣсколько словъ о какомъ-нибудь вопросѣ, не касающемся ни до одной партіи, и о которомъ можно говорить не боясь быть прерваннымъ крикомъ: «слушайте, слушайте», и быть услышаннымъ галлерсею, хотя-бы онъ и касался интересовъ нѣсколькихъ тысячъ или милліоновъ людей; или лордъ Ульверстонъ предсѣдательствуетъ въ какомъ-нибудь митингѣ сельскаго хозяйства, или благодарить за тостъ въ его честь за обѣдомъ въ Гильдѣ - галлѣ.

Дочь идетъ къ верху на-столько, на-сколько отецъ къ низу, хотя и въ совершенно - другомъ кругѣ дѣятельности; на-примѣръ, статья: «Первый балъ сезона въ отелѣ Кастльтонъ.» Слѣдуетъ подробное описаніе комнатъ, общества, всего, и хозяйки въ особенности. Стихи на портретъ маркизы де Кастльтонъ сэра Фицрой Фидльдума, начинающіеся такъ: «Не ангель-ли ты съ неба?» Другой параграфъ понравился мнѣ больше; то было описаніе школы въ Раби-паркѣ, открытой леди Кастльтонъ; потомъ были еще статьи: леди Кастльтонъ, новая попечительница въ Альмакъ; удивительный и восторженный разборъ бриллиантового убора леди Кастльтонъ, только-что отдѣланного у Сторра и Мортимера; бюстъ леди Кастльтонъ, работы Вестмэкота; портретъ леди Кастльтонъ и ея дѣтей въ древнемъ нарядѣ, работы Лэндсира. Не было ни одного номера Morning-Post'a, гдѣ-бы леди Кастльтонъ не блестяла межъ другихъ женщинъ

«...Velut inter ignes

Luna minores.»*

Кровь прилила мнѣ къ лицу. Неужели къ этой блестящей звздѣ аристократическаго горизонта дерзала порываться, обращать завистливые взгляды моя безъизвѣстная бѣдная юность? А это что такое? «Извѣстія изъ Индіи: искусное отступленіе подъ начальствомъ капитана де-Кастонъ.» Ужъ капитанъ! какое число этого журнала!—Ему три мѣсяца. Статья посвящена похваламъ храбраго офицера. А въ моемъ сердцѣ не примѣшивается-ли къ радости зависть? Какъ темна была моя дорога, какъ бѣдна лаврами моя битва съ несчастіемъ! Полно, Пизистратъ, я стыжусь за тебя. Неужели этотъ проклятый Старый-свѣтъ успѣлъ заразить тебя своей лихорадочной завистью? Бѣги домой, скорѣй, въ объятія матери, отца, слушай благословенія Роланда, за то, что ты помогъ ему спасти его сына. Если ты опять дѣлаешься честолюбивъ, ищи удовлетворенія твоей потребности не въ грязи Лондона. Пусть оживится она спокойною атмосферою мудрости; пусть, какъ росую, увлажнится нѣжными домашними отношеніями!

Какъ луна межъ меньшихъ свѣтилъ.

ГЛАВА III.

Солнце садилось, когда я крался по развалинамъ, оставивъ почтовыхъ лошадей у спуска съ горы. Хотя ть, къ кому я прѣвхалъ, и знали о возвращеніи моемъ въ Англію, но ожидали они меня не ранѣ слѣдующаго дня. Я предупредилъ расчетъ ихъ сутками. И теперь, не смотря на все нетерпѣнье, мучившее меня до-сихъ-поръ, я боялся войти, боялся увидѣть перемяну, сдѣланную десятию годами въ лицахъ, для которыхъ, въ моей памяти, время не двигалось. Роландъ еще до моего отъѣзда постарѣлъ преждевременно. Отецъ мой тогда былъ въ цвѣтъ жизни, а теперь подвигался къ закату дней. Матушка, которую я помнилъ еще прекрасною, какъ-будто-бы свѣжесть ея сердца охранила румянецъ щекъ, теперь быть-можетъ.... но я не могъ вынести мысли, что она уже не молода. А Бланшь, которую я оставилъ ребенкомъ! Бланшь, съ которою я постоянно переписывался впродолженіе десяти лѣтъ изгнанія, Бланшь, писавшая ко мнѣ со всеми мелкими подробностями, которыя составляютъ всю прелесть корреспонденціи, и такъ, что я въ ея письмахъ видѣлъ соразмѣрное съ самымъ ея почеркомъ развитіе ея ума: ея почеркъ былъ сначала неопредѣленный и дѣтскій, потомъ нѣсколько-принужденъ и переходилъ уже къ первой граціи бѣглой руки, и наконецъ сдѣлался свободенъ, легокъ и смѣлъ; на послѣдній годъ онъ сталъ твердъ, развязенъ и съ тѣмъ вмѣстѣ совершенно непринужденъ; за-то вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ чистописанія, я съ горестью замѣтилъ вкрашуюся въ ея слогъ осторожность: желанія моего возвращенія были выражаемы менѣе отъ ея лица, нежели отъ другихъ, слова прежней дѣтской короткости исчезли; «милый Систи» было замѣнено холодною формулою: «любезный братецъ.» Этѣ письма, приходившія ко мнѣ въ странъ, гдѣ слова дѣвушка и любовь, подобно мнѣамъ, призракамъ или *eidola*, допускались только въ области воображенія, мало-по-малу закрадывались въ затѣнные уголки моего сердца, и изъ развалинъ прежняго романа, одиночество и мечта умѣли построить волшебный замокъ будущаго. Мать моя въ своихъ письмахъ никогда

не забывала упоминать о Бланшь, о ея ранней повятливости и нѣжной дѣятельности, о ея добромъ сердцѣ и рѣдкомъ характерѣ; изъ этихъ картинъ ихъ домашняго быта я видѣлъ, что Бланшь не заглядывалась въ хрусталь, а помогала моей матери въ ея добрыхъ дѣлахъ, ходила съ ней по селенію, учила молодыхъ, утѣшала больныхъ, — что она по старому рисунку библіотеки моего отца росписала для дяди гербъ со всеми его подробностями, или порхала вокругъ кресла моего отца, выжидая, чтобъ онъ взглянулъ на какую-нибудь книгу, за которою самому ему подняться всегда было лѣнь. Бланшь сдѣлала новый каталогъ, и, выучивъ его наизусть, знала всегда, изъ какого угла Иракліи вызвать ей духа. Матушка не опустила ни одной изъ этихъ подробностей, но, такъ или иначе, она, въ особенности въ два послѣдніе года, никогда не говорила, хороша-ли Бланшь или нѣтъ. Это былъ пренепріятный пробѣлъ. Я все собирался спросить объ этомъ, прямо-ли или тонко и дипломатично, но не знаю, почему ни разу не рѣшился: ктому же Бланшь непременно прочла-бы мое письмо.... и какое мнѣ было дѣло до этого? А если она была дурна, какой вопросъ былъ-бы несумѣстнѣе и для спрашивающаго и для отвѣчающаго? Въ дѣтствѣ у Бланшь было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя въ юности могутъ сдѣлаться и прекрасными, и оправдать опасенія, что оно сморщится и станетъ похоже на лицо колдуньи. Да, Бланшь, это суцая правда! Еслибы эти большіе, черные глаза приняли выраженіе повелительное, вмѣсто нѣжнаго, еслибъ этотъ носъ, который еще не рѣшался, быть ему прямымъ или орлинымъ, принялъ послѣднее очертаніе, съ воинственнымъ, римскимъ и повелительнымъ характеромъ мужественной фізіономіи Роланда; еслибъ это лицо, въ дѣтствѣ слишкомъ-худое, дало-бы мѣсто румянцу юности на двухъ выпуклостяхъ подъ висками (воздухъ Кумберланда знаменитъ тѣмъ, что содѣйствуетъ развитію челюстныхъ костей!), еслибъ все это случилось, и оно могло случиться, тогда, о Бланшь, я-бы желалъ, чтобы ты никогда не писала мнѣ всѣ эти прекрасныя письма;—и благоразумнѣе поступилъ-бы я тогда, еслибы не

защищалъ такъ упрямо моего сердца противъ голубыхъ глазъ и шолоковыхъ башмаковъ красавицы Елены Больдингъ. Соединивъ всѣ эти сомнѣнія и предчувствія, ты не удивишься, читатель, почему я такъ осторожно крался по двору, пробрался на другую сторону башни, съ безпокойствомъ глядѣлъ на слишкомъ-высокія, увы! окна залы, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ, и не рѣшался войти, борясь, такъ сказать, съ моимъ собственнымъ сердцемъ.

Шаги! чувство слуха такъ утончается въ Австраліи! шаги, столько-же легкіе, какъ тѣ, которые роняютъ росу съ цвѣтовъ! я подползъ подъ полусводъ башни, закрытый плющемъ. Кто-то выходитъ изъ маленькой двери въ углу развалинъ; это формы женщины. Не мать-ли моя? Нѣтъ, это, не тотъ ростъ, и походка черезъ-чуръ живая. Она обходитъ кругомъ стѣны, оборачивается, и нѣжный голосъ, странный, но знакомый, ласково, но съ упрекомъ, зоветъ отставшую собаку; бѣдный Джуба! его уши тащутся по землѣ, онъ очевидно въ дурномъ расположеніи; вотъ онъ остановился, поднялъ носъ на воздухъ. Бѣдный Джуба, я оставилъ тебя такимъ складнымъ и живымъ: теперь ты какъ-то обрюзгъ, ухидился отъ лѣтъ и сдѣлался тяжолъ какъ Примминсъ. Слишкомъ много заботились о твоихъ чувственныхъ позывахъ, о сладострастный Мавританецъ! Однако, по инстинкту, ты теперь ищешь чего-то, чего время не изгладило изъ твоей памяти. Ты глухъ, на голосъ твоей владычицы, хотя кротокъ онъ и нѣженъ. Такъ, такъ; подойдите, Бланшь: дайте мнѣ хорошенько посмотреть на васъ. Проклятая эта собака! она бѣжитъ отъ нея, попала на слѣдъ, идетъ прямо къ своду. Вотъ влѣзла, застрѣла, и визжитъ. И я опять не вижу ея лица: оно исчезло въ длинныхъ косахъ черной шерсти Джубы. Она цѣлуетъ собаку! Несносная Бланшь, изливать на нѣмце животное то, чему, я увѣренъ, была-бы ужасно-рада не одна добрая, христіанская душа! Джуба напрасно упрямится, его уносить. Не думаю я, чтобъ выраженіе этихъ глазъ было гордое, и чтобъ при этомъ голосъ, похожемъ на воркованіе голубя, могъ быть у ней орлиный носъ Роланда.

Я выхожу изъ моей засады, и крадусь за голосомъ. Куда она пошла? Не далеко. Она взбирается на возвышеніе, гдѣ некогда владѣльцы замка творили судъ, откуда видны далекая окрестность и послѣдній лучъ заходящаго солнца. Какъ граціозна эта задумчивая поза! Въ какія гармоническія складки одѣваетъ ее платье! какъ вырѣзывается прекрасный образъ на пурпуровомъ небѣ! И вотъ опять этотъ голосъ, веселый какъ у птички: онъ то поетъ, то зоветъ мрачного, четвероногого друга. Она говоритъ ему что-то такое, отъ чего тотъ поднимаетъ свой черныя уши; я слышу слова: «онъ пріѣдетъ» и «домой».

Мнѣ не видно изъ-за кустовъ и развалинъ, какъ садится солнце, но я чувствую, по свѣжести воздуха, по вечерней тишинѣ, что огненный шаръ не освѣщаетъ болѣе ландшафта. Смотрите, вотъ взошелъ вечеръ; по его знаку, одна за другою, просыпаются и другія звѣзды. Голосъ тоже замолкъ.

Тихо спускается дѣвушка по противоположной сторонѣ возвышенія, и исчезаетъ. Что за прелесть въ сумеркахъ! Посмотрите, опять ея тѣнь скользитъ межъ развалинъ по пустому двору. Темное и вѣрное сердце, отгадываю-ли я воспоминаванье, которое руководить тобою? Я иду по твоему слѣду вдоль лавровыхъ деревьевъ, и вижу твое лицо, обращенное къ звѣздамъ, это лицо, которое съ грустью наклонилось надо мною передъ разлукой, много лѣтъ тому назадъ, тамъ на могилѣ, гдѣ сидѣли мы, я мальчикомъ, ты ребенкомъ; вотъ, Бланшь, вотъ твое прекрасное лицо, прекраснѣе всего, что снилось мнѣ въ моемъ изгнаніи? и вотъ уже не вижу я тебя.

— Бланшь, сестрица, это я! Вотъ мы опять вмѣстѣ, и оба живые межъ мертвыхъ; посмотрите, Бланшь, это я.

ГЛАВА IV.

— Идите впередъ; приготовьте ихъ, добрая Бланшь; я подожду у двери: не затворяйте ея, чтобъ они мнѣ были видны.

Роландъ прислонился къ стѣнѣ! надъ свѣдой головой война висятъ старыя вооруженія. Я было-взглянулъ на тем-

ное лицо и нависшую бровь; въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей перемены, никакого признака разрушенія. Кажется даже, что Роландъ моложе, нежели въ то время, когда я разстался съ нимъ. Спокойно его выраженіе, въ немъ нѣтъ стыда теперь; губы, прежде стянутыя, легко улыбаются; не нужно усилія, чтобъ подавить въ груди жалобу. Все это увидѣлъ я однимъ мигомъ.

— *Parae!* — говоритъ мой отецъ, и я слышу, что упала книга. — Не разберу ни строки. Опъ пріѣдетъ завтра! завтра! Еслибъ мы прожили вѣкъ Маусаила, Китти, и то-бы не согласовать намъ философіи съ человѣкомъ; т.-е. если бѣдняжку судьба накажетъ добрымъ, нежнымъ сыномъ!

Отецъ встаетъ, и начинаетъ ходить. Еще минута, батюшка, одна минута, и я въ твоихъ объятіяхъ! И съ тобою время поступило, какъ поступаетъ оно всегда съ тѣми, надъ кѣмъ страсти и заботы не точатъ его косы. Широкій лобъ кажется еще шире, потому-что волоса порѣдѣли и повыпали, но все ни одной морщины.

Откуда этотъ вздохъ?

— Который часъ, Бланшь? Смотрѣли вы на башнѣ? Подите, посмотрите еще.

— Китти! — замѣчаетъ отецъ — ты не только три раза въ десять минутъ спросила, который часъ, но и смотрѣла на мои часы, на большой хронометръ Роланда, на голландскіе часы, что висятъ въ кухнѣ; и всѣ они поютъ тебѣ ту-же пѣсню: сегодня не завтра.

— Они всѣ врутъ, я знаю — говоритъ матушка, съ кроткою твердостью, — и никогда не шли вѣрно, съ-тѣхъ-поръ, какъ нѣтъ его.

Вотъ принесли письмо: я слышу, какъ шумитъ бумага. Кто-то пошелъ по направленію къ лампѣ, и вотъ милое, доброе, женское лицо, все еще прекрасное, да, всегда прекрасное для меня, прекрасное, какъ когда она наклонялась надъ моимъ изголовьемъ, во время моей первой дѣтской болѣзни, или когда мы бросали другъ въ друга цвѣтами лужайкѣ. Вотъ Бланшь что-то шепчетъ матушкѣ на ухо, дрожить и вскрикиваетъ.

— Правда, правда! Ваши руки, матушка; крѣпче, крѣпче, какъ въ доброе старое время. Батюшка, Роландъ! О радость, радость. Я опять дома, и навсегда!

Г Л А В А V.

Видѣвъ во снѣ Австралію, рычанье дикихъ собакъ и воинственные крики дикихъ людей, я проснулся и увидѣлъ солнце свѣтившее на меня сквозь жасмины, которые Бланшь сама посадила подь окнами,—мои старыя школьныя книги, стоявшія въ порядкѣ вдоль стѣны, удочки, ракеты, рапиры, старое ружье, мать, сидящую у моей постели, и Джубу, карабкающагося на меня, чтобъ поднять меня. Неужели, добрая матушка, я принялъ твое тихое благословеніе за крикъ дикарей, а скромный лай Джубы за рычанье дикихъ собакъ?

И настали для меня дни тихаго, домашняго счастья, прогулки съ Роландомъ и разговоры о томъ, кто некогда былъ предметомъ нашего стыда, а теперь предметъ нашей гордости: съ какимъ искусствомъ старикъ направляетъ прогулки къ селенію, для того чтобы одна изъ любимыхъ кумушекъ спросила его:

— Что новаго о вашемъ сынѣ?

Я стараюсь уговорить дядю согласиться на мои планы исправить развалины, и обработать эти обширныя болота и топи: но отчего онъ отворачивается и смотритъ какъ-то нерѣшительно? А! я догадываюсь: теперь у него есть настоящій наследникъ. Онъ не можетъ позволить мнѣ употребить этотъ презрѣнный металлъ, которому, кромѣ изданія Большаго сочиненія, я не давалъ инаго назначенія, на домъ и земли, которые должны перейти къ его сыну: онъ даже не хочетъ позволить, чтобъ я употребилъ на это капиталъ его сына, который все еще въ моемъ распоряженіи. Конечно, при его поприщѣ, моему двюродному брату нужно, чтобы деньги его постоянно были въ оборотѣ. А я-то, у меня нѣтъ карьеры: щекотливость моего дяди лишитъ меня половины удовольствія, какое я обывалъ себѣ за десять лѣтъ труда. Надо какъ-нибудь уговорить дядю: что еслибъ онъ отдалъ мнѣ домъ и земли на аренду на неопредѣленное время? Кто-

му-же есть по сосѣдству небольшое, но прекрасное имѣніе, которое я могу купить, и куда переселился-бы, еслибъ двоюродный братъ, какъ прямой наследникъ, вернулся въ башню, и можетъ-быть, съ женою. Все это надо пообдумать и поговорить съ Болтомъ, когда чувство домашняго счастья оставить мнѣ свободную минуту; покуда, я возвращаюсь къ моей любимой пословицѣ: найдешь, коли поискать захочешь!

Что за улыбки и слезы у матушки въ ея милыхъ бесѣдахъ со мною, какіе вопросы о томъ, не отдалъ-ли я сердца въ Австраліи! Какіе уклончивые отвѣты, съ моей стороны, чтобъ наказать ее за то, что не писала она мнѣ ни разу о томъ, какъ хороша Бланшь!

— Я думалъ, Бланшь стала похожа на своего отца, у котораго, конечно, прекрасная воинственная физіономія, но врядъ-ли былъ-бы онъ хорошъ въ юбкѣ. Почему-же вы такъ упорно молчали о предметѣ, столько интересномъ?

— Бланшь такъ хотѣла....

Почему, дивлюсь я? И я задумываюсь.

Какіе пріятные часы провожу я съ отцомъ въ его кабинетъ или у садка, гдѣ онъ по-прежнему кормитъ карпій, обратившихся въ кипринидъ-левіаѳановъ. Утка, увы! умерла: она единственная жертва, унесенная подземнымъ богомъ; поэтому я грущу, но не ропщу на эту справедливую дань природѣ. Прискорбно мнѣ, что Большое сочиненіе подвинулось не много: оно далеко не готово къ изданію, потому-что авторъ рѣшилъ, что оно явится въ свѣтъ не по частямъ, а все сполна, *totus, teres atque rotundus*. Содержаніе пролилось за предположенные сначала предѣлы: не менѣе 8 томовъ, самого-большого формата, будетъ Исторія человѣческихъ заблужденій. Однакожь большая часть 4-го ужъ написана, и не должно торопить Минерву.

Отецъ въ восторгъ отъ благороднаго поступка (это его слова) дяди Джака, но онъ бранитъ меня за то, что я взялъ деньги, и думаетъ, не возвратитъ-ли ему ихъ. Въ этихъ случаяхъ отецъ столько-же похожъ на Донъ-Кихота, какъ и Роландъ. Я вынужденъ прибѣгнуть къ посредничеству моей матери; она разрѣшаетъ наши споры слѣдующими словами:

— Остинъ! развѣ ты не обидишь меня, если изъ гордости не примешь того, что тебѣ долженъ мой братъ?

— *Velit, nolit, quod amica*—отвѣчаетъ отецъ, снявъ очки и утирая ихъ, — это значить, Китти, что, когда человекъ женатъ, у него нѣтъ своей воли. Подумаешь, — прибавилъ мистеръ Какстонъ задумчиво — въ этомъ мѣрѣ нельзя быть увѣреннымъ въ самомъ - простомъ математическомъ опредѣленіи! Ты видишь, Пизистратъ, что углы трехугольника, до такой степени неправильного, какъ тотъ, изъ какихъ сложенъ дядя Джакъ, могутъ подойти къ угламъ прямоугольного.

Продолжительность лишенія въ книгахъ воротила во мнѣ склонность къ нимъ. Сколько мнѣ теперь нужно читать! Какой планъ чтенія дѣлаемъ мы съ отцомъ! Я предвижу занятія на столько, чтобъ наполнить всю мою жизнь. Но, такъ или иначе, греческій и латинскіи языки я оставляю въ покоѣ: ничто не нравится мнѣ такъ, какъ италіанскій. Мы съ Бланшь читаемъ *Метастазіо*, къ немалому негодованію отца, который называетъ это мелкимъ, и хочетъ замѣнить его Дантомъ. Теперь у меня нѣтъ сочувствія къ душамъ

«*Che son consenti*

Nel fuoco»

я ужъ попалъ въ число *beate gente*. Однакожъ, не взирая на *Метастазіо*, мы съ Бланшь не въ тѣхъ короткихъ отношеніяхъ, какъ должно быть близкимъ родственникамъ. Когда мы случайно останемся одни, я молчу, какъ Турокъ, или держу себя, какъ сэръ Чарльсъ Грандисонъ. Разъ даже я поймалъ себя въ томъ, что назвалъ ее «миссъ Бланшь»!

Я не имѣю права забыть тебя, мой добрый Скиллъ, твою радость моему успѣху и здоровью, твое гордое восклицанье (въ то время, какъ ты взялъ меня за пульсъ): — Все это отъ моей желѣзной окиси; нѣтъ ничего лучше для дѣтей; она имѣетъ удивительное дѣйствіе на развитіе органовъ надежды и смѣлости. — Не долженъ я также забыть упомянуть о бѣдной миссисъ Примминсъ, которая по-прежнему называетъ меня: мастеръ Систи, и оскорбляется, что я не хочу носить новую фланелевую фуфайку, которую она дѣлала съ такимъ удовольствіемъ. — Молодые люди,

говорить она, которые растутъ, всѣ подвержены изнурительнымъ болезнямъ! — Она увѣряетъ, что знала точно такого молодого человѣка, какъ мастеръ Систы, который пропалъ ни за что, и только потому-что не хотѣлъ носить фланелевой фуфайки. Матушка серьёзно замѣчаетъ на это:—Никогда нельзя быть довольно-осторожнымъ!....

Вдругъ приходитъ въ смятеніе вся окрестность: Тривеніонъ, виноватъ—лордъ Ульверстонъ долженъ поселиться въ Комптнѣ. Пятьдесятъ рукъ постоянно заняты и спать привести въ порядокъ имѣніе. Фургоны, вагоны и другіе локомотивы извергають все нужное для человѣка такого сана: то, въ чемъ будетъ онъ ѣсть и пить, на чемъ будетъ спать, вины, книги, кѣртины, провизию. Я узнаю въ этомъ моего бывшаго патрона: онъ не любитъ шутить ни чѣмъ. Я встрѣчаю моего старого пріятеля, его управляющаго, который говоритъ, что лордъ Ульверстонъ находитъ любимое помѣстье свое близъ Лондона слишкомъ-безпокойнымъ, что сверхъ того, сдѣлавъ въ немъ всѣ улучшения, какія допускали только его силы и энергія, онъ не находитъ въ немъ земледѣльческихъ занятій, къ которымъ все болѣе и болѣе пристращается, а здѣсь надѣется найти пищу для этой наклонности.

— Онъ хорошій фермеръ — говоритъ управляющій, — покуда дѣло идетъ о теоріи; но, по-моему, намъ здѣсь на сѣверѣ не у кого учиться, какъ владѣть плугомъ.

Чувство собственного достоинства задѣто въ управляющемъ, но онъ добрый малый, и радъ отъ души, что семейство лорда намѣрено поселиться здѣсь.

Они пріѣхали, съ ними Каствльтоны и цѣлая стая гостей. Мѣстная газета графства наполнена славными именами.

— Какъ-же это лордъ Ульверстонъ говорилъ, что ему хочется избавиться отъ докучливыхъ посѣтителей?

— Любезный Пизистратъ — отвѣчалъ отецъ на мое восклицанье, — не тѣ посѣтели, которые пріѣзжаютъ, а тѣ, которые уѣзжаютъ, возмущаютъ спокойствіе Ульверстона. Во всей этой процессіи ему видятся только Брутъ и Кассій, которыхъ вѣтъ на-лицо! И, повѣрь, когда онъ

жилъ близко отъ Лондона, его собранія дѣлали не довольно шума. Вотъ видишь, этотъ государственный мужъ, оставившій дѣла, похожъ на эту карпію: чѣмъ болѣе она удаляется отъ воды, выскакивая изъ нея, тѣмъ больше блеститъ она, падая на траву берега. Но — прибавилъ отецъ съ видомъ раскаянья — эта шутка вовсе не у мѣста, и я позволилъ себѣ ее только потому, что сердечно радуюсь, что Тривеніонъ, кажется, попалъ на свое настоящее призваніе. И лишь-только все это высокое общество, которое онъ привезъ съ собою, оставитъ его одного въ его библіотекѣ, я увѣренъ, что онъ отдастся этому призванію, и станетъ счастливѣе, нежели былъ до-сихъ-поръ.

— А это призваніе, сэръ?

— Метафизика — сказалъ отецъ. — Онъ будетъ совершенно какъ дома, когда займется Берkeleyемъ, и поразмыслитъ, въ какой степени кресло оратора и прочія официальные занятія, соответствовали его природнымъ склонностямъ. Большое будетъ для него утѣшеніе, когда онъ согласится съ Берkeleyемъ и удостоверится, что былъ обманутъ воображеніемъ, какими-то видѣніями.

Отецъ мой былъ правъ. Тонкій, пытливый, жаждущій истины, Тривеніонъ, мучимый совѣстью до-тѣхъ-поръ, пока не разсмотритъ онъ всякій вопросъ со всѣхъ сторонъ (последній вопросъ имѣетъ болѣе двухъ и по-крайней-мѣрѣ шесть сторонъ), гораздо — болѣе былъ способенъ открывать начало идей, нежели убѣждать кабинеты и націи, что $2 \times 2 = 4$, истина, на счетъ которой онъ и самъ бы пожалуй согласился съ Абрагамомъ Тукеромъ, даровитѣйшимъ изъ всѣхъ англійскихъ метафизиковъ, который говоритъ: «хоть и убѣжденъ я въ томъ, что $2 \times 2 = 4$, но еслибъ мнѣ случилось встрѣтиться съ человѣкомъ, заслуживающимъ довѣрія, и онъ сталъ бы искренно подвергать это сомнѣнію, я-бы выслушалъ его, потому-что я не болѣе увѣренъ въ этой истинѣ, нежели въ томъ, что цѣлое больше части, противъ чего, впрочемъ, я самъ могъ-бы представить кое-какія соображенія.» Живое представляю я себѣ Тривеніона, прислушивающимся къ опроверженію извѣстной истины, что $2 \times 2 = 4$ однимъ, изъ лицъ

заслуживающихъ довѣрія и искреннихъ! Извѣстiе о прїѣздѣ его и леди Кастльтонъ привело меня въ немалое смущенiе, и я предался длиннымъ, одинокимъ прогулкамъ. Въ мое отсутствiе всѣ они навѣстили хозяевъ старой башни: лордъ и леди Ульверстонъ, Кастльтоны съ дѣтьми. Когда я вернулся домой, всѣ, по утонченному чувству уваженiя къ старымъ воспоминанiямъ, мало говорили при мнѣ о ихъ посѣщенiи. Роландъ, такъ-же какъ и я, избѣжалъ свиданiя съ ними. Бланшъ, бѣдное дитя, не знавшая о прошедшемъ, говорила больше другихъ. И предпочтительною темою своего разговора она избрала грацию и красоту леди Кастльтонъ!

Убѣдительное приглашенiе провести нѣсколько дней въ замкѣ было изъявлено всѣмъ. Я одинъ принялъ его, и написалъ, что буду.

Да, я жаждалъ испытать силу победы надъ собою, и до точности узнать свойство чувствъ меня волновавшихъ. Чтобы осталось во мнѣ какое-нибудь чувство, которое можно было назвать любовью, къ леди Кастльтонъ, женѣ другого, и такого человѣка, который имѣлъ столько правъ на мою привязанность, это я считалъ нравственно-невозможнымъ. Но со всѣми живыми впечатлѣнiями ранней юности, еще хранимыми сердцемъ, впечатлѣнiями образа Фанни Тривенiонъ, какъ прекраснѣйшаго изъ всѣхъ существъ, могъ-ли я считать себя въ правѣ любить вновь? Имѣлъ-ли я право связать съ собою навсегда полную и дѣвичью страсть другой, когда была еще возможность и сравнить и пожалѣть? Нѣтъ, или мнѣ нужно увѣриться, что Фанни, еслибы и съдѣлалась опять свободной, и могла-бы быть моею, перестала быть тою, которую-бы я выбралъ изъ женщинъ всего свѣта, или, если я сочту любовь умершею, я останусь въренъ ея памяти и праху. Матушка вздыхала, и смотрѣла невесело все утро дня, въ который я собирался въ Комштнъ. Она даже казалась не въ духъ, въ третiй разъ въ жизни, и не удостоила ни однимъ комплиментомъ мистера Штольца, когда я замѣнилъ охотничiй костюмъ чернымъ фракомъ, который называлъ блестящимъ этотъ славный художникъ, и не обратила ни малѣйшаго вниманiя ни на содержанiе моего чемодана,

ни на превосходный покррой моихъ бѣлыхъ жилетовъ и галстуховъ, что въ подобныхъ случаяхъ прежде дѣлала всегда. Была также какая-то оскорбленная, грустная и весьма-трогательная нѣжность въ ея тонѣ, когда она заговаривала съ Бланшь; причина этого, къ счастью, оставалась темна и непроницаема для той, которая не могла видѣть, гдѣ прошедшее наполняло урны будущаго изъ источника жизни. Отецъ понялъ меня лучше, пожалъ мнѣ руку, когда я садился въ коляску, и прошепталъ эти слова Сенеки: *non tanquam transfuga, sed tanquam explorator.*»

Онъ былъ правъ.

ГЛАВА VI.

Сообразно съ общимъ обычаемъ большихъ домовъ, меня, какъ только я пріѣхалъ въ Комптънъ, провели въ особую комнату, гдѣ я могъ, по моему усмотрѣнію, заняться своимъ туалетомъ или помечтать на-единѣ: до обѣда оставался часъ. Не прошло, однакожъ, и десяти минутъ, отворилась дверь, и вошелъ Тривеніонъ (такъ хотѣлось-бы мнѣ по-прежнему называть его). Поклонъ его и пріѣздъ были чрезвычайно-радушны; усѣвшись возлѣ меня, онъ завелъ разговоръ въ обыкновенномъ своемъ духѣ, разговоръ отрывисто-краснорѣчивый и беззаботно-ученый, который и продолжался около получаса. Онъ говорилъ объ Австраліи, о Вакефильдовой системѣ, о скотоводствѣ, о книгахъ, затрудненіяхъ для него привести въ порядокъ свою бібліотеку, планахъ объ усовершенствованіи своихъ владѣній и ихъ украшеніи, о своемъ восторгѣ, что нашолъ отца такимъ здоровымъ, и намѣреніемъ часто видаться съ нимъ, захочетъ-ли этого его старый товарищъ или нѣтъ. Словомъ, онъ говорилъ обо всемъ, исключая политики и своей прошедшей карьеры, показывая этимъ только свое сожалѣніе. Но, помимо дѣйствія времени, онъ, при своемъ бездѣльи, смотрѣлъ и утомленнѣе и скучнѣе, нежели когда былъ заваленъ занятіями; прежняя отрывочность его пріемовъ, казалось, обратилась въ лихорадочное раздраженіе. Я надѣялся, что отецъ мой согласится видаться съ нимъ часто, потому-что его безпокойному уму нужно было участіе.

Послѣ второго звонка къ обѣду, я вошелъ въ гостиную. Тамъ было до двадцати челоувѣкъ гостей, планетъ моды или знатности съ ихъ спутниками. Я рассмотрѣлъ преимущественно два лица : во-первыхъ лорда Каствльтонъ, украшенного орденомъ Подвязки, нѣсколько потолстѣвшаго и посыдѣвшаго, но все еще не лишенного той красоты, которой прелесть менѣе всего зависитъ отъ молодости, происходя изъ счастливого соединенія обращенія, приѣмовъ и особенной граціи выраженія, прямо дѣйствующей на сердце, и до-того нравящейся, что есть даже удовольствіе любоваться на нее. Въ-самомъ-дѣлѣ про лорда Каствльтона можно было сказать то-же, что про Алкивиада, что онъ былъ прекрасенъ во всякія лѣта. Дыханіе мое прерывалось и глаза мои заволкло какъ-бы туманомъ, когда лордъ Каствльтонъ повелъ меня черезъ толпу, и передо мною явилось свѣтлое видѣніе Фаппи Тривеніонъ, чрезвычайно-измѣнившейся, но въ полномъ смыслѣ ослѣпительной.

Я чувствовалъ прикосновеніе этой бѣлоснѣжной руки, но по моимъ жиламъ не пробѣжалъ преступный трепеть. Я слышалъ голосъ, музыкальный какъ всегда, болѣе тихій чѣмъ прежде, болѣе твердый отъ самоувѣренности, совсѣмъ уже не дрожащій: это былъ уже не тотъ голосъ, отъ котораго у меня «душа переходила въ уши». Времени прошло много, и я понялъ, что сонъ навсегда отлетѣлъ отъ меня.

— А вотъ еще старый другъ! — сказала леди Ульверстонъ, отдѣляясь отъ небольшой группы дѣтей, и ведя за руку девятилѣтняго мальчика, между-тѣмъ-какъ другой, двухъ-или трехлѣтній, держался за ея платье. — Еще старый другъ — сказала она послѣ первого ласкового привѣтствія, — и два новыхъ, если не станеть старыхъ.

Легкая грусть ея разсѣялась, когда, представивъ мнѣ маленького виконта, она приподняла болѣе-робкого лорда Алберта, напоминавшаго соименного дѣда выраженіемъ глазъ и всего лица.

Лордъ Каствльтонъ, съ тактомъ, исполненнымъ вниманія, скоро отклонилъ все, что было для меня неловкого въ этомъ положеніи: онъ взялъ меня подъ руку, и представилъ тѣмъ

изъ гостей; которые были ближайшіе наши сосѣди; по ихъ обращенію, мнѣ казалось, что они были приготовлены къ знакомству со мной.

Доложили, что кушанье готово, и я съ восторгомъ ухватился за возможность успокоиться и уединиться; что не трудно бываетъ въ этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ сборищахъ.

Я пробылъ въ замкѣ три дня. Какъ правъ былъ Тривеніонъ, когда говорилъ, что Фанни будетъ превосходною знатною леди. Какая гармонія ея пріемовъ и положенія. Она на столько сохранила дѣвичьей нежности и обворожительнаго желанія нравиться; на сколько было нужно ихъ для того, чтобы емагчить это достоинство; эту важность, съ которыми сроднилась она безсознательно, я менѣе, все-таки, какъ знатная дама, нежели какъ супруга и мать. Ея любезность можетъ-быть была не сколько натянута въ сравненіи съ любезностью ея мужа, у котораго это свойство вытекало прямо изъ его природы, но не было и въ ней ни тѣни снисходительности, или утонченнаго нахальства. Съ какою граціей, вовсе лишенной жеманства; принимала она лѣсть своихъ поклонниковъ; обращаясь отъ нихъ къ дѣтямъ, или взглядывая на Жорда Кастльтонъ съ непринужденностью, которая разомъ окружала ее двойнымъ щитою ея супружескихъ и дѣтскихъ отношеній.

И конечно, леди Кастльтонъ была неоспоримо прекраснѣе Фанни Тривеніонъ.

Во всемъ этомъ я удостоверялся не со вздохомъ и досадою, но съ искреннимъ чувствомъ гордости и восторга. Быть-можетъ я любилъ безумно и самонадеянно, какъ бываетъ съ юношами; но я любилъ достойно: моя любовь не дѣлала пятна на моемъ зрѣломъ возрастѣ, а счастье Фанни было совершеннымъ и окончательнымъ исцѣленіемъ всѣхъ ранъ моего сердца, до этого времени не закрывшихся. Будь она недовольна, грустна, не найди она радости въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ, болѣе было-бы для меня опасностей

скорбѣть о прошедшемъ, оплакивать потерю его кумира. Теперь ея не было. Она еще похорошѣла, но выраженіе ея красоты измѣнилось до-того, что Фанни Тривеніонъ и леди Каствльтонъ, казалось, были двѣ отдѣльныя личности. Теперь, наблюдая и прислушиваясь къ ней, я могъ хладнокровно открывать такія различія между нашими натурами, которыя оправдывали убѣжденіе Тривеніона, поразившее меня тогда, какъ что-то уродливое, «что мы-бы не были счастливы, еслибы судьба позволила намъ соединиться.» Она была чиста сердцемъ и проста, хоть и жила въ этомъ искусственномъ свѣтѣ, но все-же этотъ свѣтъ былъ ея стихіей; его интересы занимали ее, и съ ея устъ лилась его рѣчь, хоть и чуждая соблазна. Говоря словами чловѣка придворнаго и замѣчательнаго до-того, что онъ даже могъ сѣяться надъ Честерфильдомъ: «она усвоила себѣ этотъ особенный складъ разговора, похожій на позолоту, который можетъ служить величайшимъ украшеніемъ тамъ, гдѣ онъ сопровождается еще чѣмъ-нибудь.» Я не прибавлю, «что онъ самъ-по-себѣ имѣетъ самую пустую цѣну», потому-что этого нельзя отнести къ разговору леди Каствльтонъ, можетъ-быть потому, что онъ былъ не «самъ-по-себѣ», и позолота казалась тѣмъ лучше, чѣмъ ея было меньше, потому-что она не могла скрыть ровной поверхности нѣжной и милой природы, которую она только прикрывала. Все же это былъ не тотъ умъ, въ которомъ-бы я теперь, при болѣе-зрѣлой опытности, сталъ искать сочувствія къ моей дѣятельности или общенія съ удовольствіями моихъ болѣе-разумныхъ досуговъ.

Въ этой прекрасной любимицѣ природы и счастья была сверхъ всего какая-то безпомощность или слабость, которая, въ ея высокомъ положеніи, имѣла своего рода прелесть, быть-можетъ помогала ей упрочить ея домашнее спокойствіе, потому-что привлекала къ ней тѣхъ, которые имѣли вліяніе на нее, и счастливо сопровождалась особенной нѣжностью. Но еслибы она была менѣе балована обстоятельствомъ, менѣе ограждена отъ всякаго вѣтра черезъ чуръ сурового, и, сдѣлавшись женою чловѣка, который былъ-бы ниже ея по своему рожденію.

она-бы упала съ высокой ступени, назначенной для любимицевъ фортуны. Эта самая слабость, эта нѣжность сдѣлались бы взыскательными и придирчивыми. Я вспомнилъ о бѣдной Еленѣ Больдингъ и ея шелковыхъ башмакахъ. Фанни Тривеніонъ, казалось, родилась на свѣтъ въ шелковыхъ башмакахъ и не для того, чтобъ ходить тамъ, гдѣ есть камни и терніи! Въ разговорѣ окружавшихъ меня лицъ я услышалъ вещи, подтвердившія этотъ взглядъ на характеръ леди Кастльтонъ и въ то-же время увеличившія мое удивленіе къ ея супругу, и доказавшія мнѣ, на сколько благоразуменъ былъ ея выборъ, и съ какою рѣшимостью онъ приготовилъ себя оправдать свой собственный. Однажды вечеромъ, я сидѣлъ въ особой комнатѣ, гдѣ кромѣ меня было два лица, принадлежавшія къ высшему лондонскому кругу; я только прислушивался къ ихъ бесѣдѣ, имѣвшей предметомъ сплетни и анекдоты міра, мнѣ вовсе чуждаго. Одинъ изъ этихъ господъ сказалъ:

— Да, я не знаю женщины, которую можно-бы сравнить съ леди Кастльтонъ: она такъ любитъ своихъ дѣтей, а тонъ ея съ лордомъ Кастльтонъ именно тотъ, какимъ онъ долженъ быть: такой нѣжный, а все-таки исполненный уваженія. Всего-же болѣе дѣлаетъ ей чести то, что она, говорятъ, не была влюблена въ него до свадьбы: какъ онъ ни хорошъ, онъ все-таки старше ея вдвое! И нѣтъ женщины, за которой-бы такъ ухаживали, такъ волочились, какъ за леди Кастльтонъ. Къ стыду моему я долженъ признаться, что счастье Кастльтона задача для меня, потому-что оно исключенье изъ правила, которое я вывелъ изъ опытности.

— Любезный***, — отвѣчалъ другой, одинъ изъ тѣхъ мудрыхъ эпикурейцовъ, которые иногда поражаютъ насъ своей ученостью, при которой довольствуются одною славою гостиныхъ, людей, кажущихся всегда пустыми, но повидимому читавшихъ все на свѣтъ, постоянно-равнодушныхъ ко всему, что дѣлается у нихъ на глазахъ, но знающихъ характеры и отгадывающихъ тайны всякого, — любезный***, — отвѣчалъ другой — вы-бы не удивлялись, если-бы изучили лорда Кастльтонъ, вмѣсто того, чтобъ изучать его

супругу. Изъ всѣхъ побѣдъ, когда-нибудь одержанныхъ Сэдлеемъ Бьюдезертъ, за улыбки котораго двѣ прелестныя дамы Сѣнь-Жерменскаго предместья дрались въ Булонскомъ лѣсу, ни одна не стоила ему тѣхъ трудовъ, ни одна не доказала такъ блистательно его знанія женщинъ, какъ побѣда, одержанная имъ послѣ брака надъ женою! Онъ не довольствовался тѣмъ, что владѣлъ ея рукою, онъ рѣшился овладѣть всѣмъ ея сердцемъ, и успѣлъ! Ни одинъ мужъ не былъ такъ бдителенъ и такъ мало ревнивъ: ни одинъ не ввѣрялся такъ великодушно во все, что есть въ его женѣ лучшаго, и не былъ въ одно и то-же время такъ готовъ защитить и предостеречь ее, лишь-только она слабѣла. Когда на второй годъ ихъ женитьбы, этотъ опасный Нѣмецъ, князь фонъ-Лейбенфельсъ, такъ неотступно преслѣдовалъ леди Кастльтонъ, и любители сплетенъ наостригли уши въ надеждѣ на жертву, я наблюдалъ за Кастльтономъ съ большимъ вниманіемъ, нежели сталъ-бы смотрѣть на Дешапелля, играющаго въ шахматы. Вы вѣрно не видали никогда такой мастерской игры: онъ отбивался отъ его свѣтлости съ холодною самоувѣренностью не слѣпотаго супруга, а счастливаго соперника. Онъ превосходилъ его утонченностью своей внимательности, затмѣвалъ его своимъ беззаботнымъ великолѣпіемъ. Лейбенфельсъ имѣлъ дерзость прислать леди Кастльтонъ букетъ рѣдкихъ цвѣтовъ, которые въ то время были въ модѣ. Кастльтонъ за часъ до этого оставилъ весь ея балконъ тѣми-же, самыми дорогими, эксотическими цвѣтами, какъ-будто-бы они не стоили того, чтобъ ихъ употребить на букетъ, а развѣ на то, чтобы процвѣсти день одинъ. Какъ ни былъ молодъ и одаренъ всѣми совершенствами Лейбенфельсъ, Кастльтонъ затмѣвалъ его своей граціей, и одурачилъ его своимъ умомъ: онъ поднялъ на-смѣхъ его усы и гитару; онъ увезъ его на охоту съ борзыми (хотя лордъ Кастльтонъ самъ и не охотился съ-тѣхъ-поръ какъ ему минуло тридцать лѣтъ), и вытаскивалъ его, изрыгавшаго нѣмецкія проклятія, изъ грязной лужи; онъ сдѣлалъ его посмѣшищемъ клубовъ, онъ постепенно вывелъ его изъ моды, и съ такой учтивостью и спо-

койнымъ сѣпаніемъ своего превосходства, что вы конечно никогда не видали такъ превосходно-разыгранной комедіи, Бѣдный Нѣмецъ, который имѣлъ неосторожность пробѣгаться объ закладъ съ Французомъ о томъ, что будетъ имѣть успѣхъ въ Англичанкахъ вообще и въ леди Кастльтонъ въ особенности, отъѣхалъ съ лицомъ, вытянувшимся наподобіе Донъ-Кихотова. Еслибъ вы видѣли его въ С...., наканунѣ его отъѣзда изъ Англій, и его комическую гримасу, когда Кастльтонъ подчивалъ его табакомъ своего изобрѣтенія! Нѣтъ! дѣло въ томъ, что Кастльтонъ сдѣлалъ себѣ цѣлью своего существованья, образцомъ своего искусства, упрочить свой домашній бытъ и обезпечить полное обладаніе женщиною сердца. Первые два или три года стоили ему вѣроятно бѣдъшнихъ трудовъ, нежели кому-нибудь стоила жена, но теперь онъ можетъ быть покоенъ: леди Кастльтонъ принадлежитъ ему и душой и сердцемъ, и навсегда!

Въ то время, когда рассказчикъ кончилъ, прекрасное чело лорда Кастльтона поднялось надъ группою его окружавшей, и я увидѣлъ, что леди Кастльтонъ съ усталымъ взглядомъ отвернувшись отъ одного благовидного молодого щеголя, съ намѣреніемъ говорившаго съ ней тихо; встрѣтивъ глаза мужа, этотъ взглядъ вдругъ превратился въ такую сладкую и нѣжную улыбку, въ такую искреннюю и явную женственную гордость, что онъ казался прямымъ отвѣтомъ на слова: «леди Кастльтонъ принадлежитъ ему и душой и тѣломъ, и навсегда».

Да, эта исторія увеличила мое удивленіе къ лорду Кастльтону, она въ полномъ смыслѣ показала мнѣ, съ какою предусмотрительностію и какимъ сознаніемъ своей ответственности онъ принялъ на себя бремя чужой жизни и взялся направить характеръ еще неразвитый: она вкочнательно спала съ него славу вѣтреника, которою пользовался Садлей Бюдезертъ. И болѣе чѣмъ когда-нибудь я былъ доволенъ тѣмъ, что такая обязанность досталась въ удѣлъ человеку, столько способному къ ней по своему темпераменту и опытности. Этотъ нѣмецкій князь бросалъ меня въ дражъ отъ сочувствія къ супругу и какому-то относительному

страху за самого себя. Случись этотъ эпизодъ со мною, я бы никогда не умѣлъ вывести изъ него высокую комедію, и ни за что-бы такъ счастливо не кончилась пятый ея актъ шепоткой нюхательного табаку! Нѣтъ, нѣтъ, въ моемъ скромномъ понятіи о жизни и обязанностяхъ мужчины, я не находилъ ничего привлекательнаго въ перспективѣ, подобно Аргусу, стеречь дѣтъ соблазнителя Меркурія, золотое дерево сада. Мою жену не нужно будетъ стеречь, развѣ въ болѣзнь или горь! Хвала небу, что моя жизнь не ведетъ меня по розовымъ путямъ, осаждаемымъ нѣмецкими князьими, принимающими заклады на вашу погибель, или модниками, готовыми любоваться на искусство вашей игры и умѣнья защищать ферязь! Каждому званию, каждому характеру — свои законы. Я сознаюсь, что Фанни превосходная маркиза, а лордъ Какстонъ несравненный маркизь. Но если и сумѣю снискать твое искренняе, простое сердце, Бланшь, я увѣренъ, что начну съ пятого дѣйствія высокой комедіи, и скажу передъ алтаремъ: она моя, моя навсегда!

ГЛАВА VII.

Я поѣхалъ домой верхомъ на лошади, которую ссудилъ меня мой хозяинъ; лордъ Какстонъ провожалъ меня часть дороги, также верхомъ, и съ двумя своими мальчиками, которые отважно управлялись съ шотландскими клеперами, и ѣхали впереди насъ. Я поздравилъ его съ умомъ и понятливостью его дѣтей, чего они вполне заслуживали.

— Да — замѣтилъ маркизь, съ гордостью весьма позволительной отцу, — я надѣюсь, ни который изъ нихъ не посрамитъ своего дѣда, Тривеніона. Албертъ, хотъ онъ далеко и не чудо, какъ говоритъ бѣдная леди Ульверстонъ, все-таки развивается слишкомъ-рано; я дѣлаю все, что могу, чтобъ его не испортила лесть его способностямъ, которая, по-моему, опаснѣе всякой другой лести, хотъ-бы лесть, оказываемой знатности, которая болѣе еще грозитъ старшему брату, не взирая на наследство ожидающее Алберта. Эдмонъ скоро выбивается изъ головы вслѣдую неумѣстную сдѣсь. Я помню, лордъ*** (вы знаете, какой онъ теперь сдѣвший

мальи, и безъ всякихъ претензій!).... да, лордъ***: онъ еще мальчишкой вышелъ разъ на дворъ, гдѣ мы прогуливались въ свободное время, съ важной осанкой и поднявъ носъ; подбѣгаетъ къ нему Дикъ Джонсонъ (теперь онъ сдѣлался страшнымъ садоводомъ!) и говоритъ: «скажите, пожалуйста, кто вы такой, сэръ?»—«Я?»—отвѣчаетъ спроста бѣдняжка—я лордъ***, старшій сынъ маркиза***»—«Вотъ что!—говоритъ Джонсонъ—такъ вотъ вамъ разъ за лорда, да два за маркиза!»—И онъ три раза хватилъ его ногой въ спину. Я не охотникъ до такихъ мѣръ исправленія, но не думаю, чтобы когда-нибудь какая-нибудь мѣра принесла болѣе пользы, нежели выдуманная Джонсономъ. Но когда ребенка хвалятъ черезъ-чуръ за его способности, и Этонъ не выбьетъ изъ него глупую спѣсь. Пусть онъ будетъ послѣднимъ въ своемъ классѣ, пусть его бьютъ каждый день, и за дѣло, всегда найдутся люди, которые будутъ кричать, что наши публичныя школы не годятся для гениевъ. И десять разъ на одинъ отецъ принужденъ взять его домой, и дать ему частнаго учителя, который и сдѣлаетъ изъ него дурака на вѣкъ. Фатъ въ своихъ нарядахъ (сказалъ маркизъ, улыбаясь)—человѣкъ пустой, которого мнѣ можетъ-быть и не приходится осуждать, но я, признаюсь, охотнѣе смотрю на Франта, нежели на какого-нибудь замарашку; но фатство въ идеяхъ!—чѣмъ моложе человѣкъ, тѣмъ оно неестественнѣе и непріятнѣе. Нутка, Албертъ, перепрыгни черезъ этотъ плетень.

— Черезъ этотъ плетень, папа? Клеперъ ни за что не пойдетъ!

— Если такъ — отвѣчалъ лордъ Кастльтонъ, учтиво приподнявъ шляпу,—мнѣ очень-жалко, что вы лишите насъ удовольствія вашего общества.

Ребенокъ улыбнулся, и поѣхалъ къ плетню, хотя и видно было по перемѣнѣ въ лицѣ, что ему было немногострашно. Клеперъ не могъ перескочить черезъ плетень, но онъ былъ уменъ и находчивъ, и перебрался по-кошачьи, съ немалымъ впрочемъ ущербомъ для прекрасной голубой курточки мальчика.

Лордъ Какстонъ замѣтилъ съ улыбкой:

— Вы видите, я учу ихъ выбираться изъ затруднительнаго положенія тѣмъ или другимъ способомъ. Между нами сказать—прибавилъ онъ серьезно—я замѣчаю, что вокругъ нынѣшняго поколѣнія поднимается мѣръ, чрезвычайно разный отъ того, въ которомъ вращался и наслаждался я. Я намѣренъ воспитывать моихъ дѣтей соображаясь съ этимъ. Богатые дворяне нынче должны быть люди полезные, и гдѣ имъ нельзя перескочить черезъ кусты, тамъ надо перелезть. Согласны вы со мной?

— Отъ души.

— Женитьба дѣлаетъ человѣка многимъ-умнѣе,—продолжалъ маркизъ, помолчавъ.—Мнѣ теперь смѣшно, когда я подумаю, какъ часто я вздыхалъ при мысли о старости. Теперь я мирюсь съ сѣдыми волосами, и не думалъ о парикѣ, и все еще наслаждаюсь юностью, потому-что (*показывая на дѣтей*) она здѣсь!

— Онъ почти нашолъ тайну шафраннаго мѣщечка!—замѣтилъ отецъ весело и потирая руки, когда я передалъ ему разговоръ мой съ лордомъ Какстонъ. — А бѣдный Тривеніонъ—прибавилъ онъ сострадательнымъ голосомъ,—боюсь я, все еще далеко не понялъ совѣта лорда Бакона. А жена его, ты говоришь, изъ любви къ нему все поетъ на старыи ладѣ.

— Вамъ надо поговорить съ ней, сэръ.

— Поговорю—отвѣчалъ сердито отецъ, — и побраню ее, безумную женщину! Я напомню ей совѣтъ Лютера принцу Ангальтскому.

— Какой это совѣтъ, сэръ?

— Бросить въ волны Малдоны грудного ребенка, потому-что кромѣ матери онъ высосалъ молоко пяти кормилицъ, затѣмъ что, безъ-сомнѣнія, былъ подкидышъ. Помилуй, ея честолюбіе способно поглотить молоко съ цѣлаго свѣта. И что за проклятый подкидышъ, какой хитрый, какой жадный! О, она броситъ его въ рѣку, клянусь всемъ святымъ!—воскликнулъ отецъ, и, присоединяя дѣйствіе словамъ, онъ швырнулъ въ садокъ очки, которые сердито

патираль въ послѣднія минуты разговора.—*Rare!*—пробормotalъ отецъ, нѣсколько смущенный, между-тѣмъ-какъ киприиды, принявъ это движеніе за приглашеніе къ обѣду, подплыли къ берегу.—Это все ты виновать! — замѣтилъ мистеръ Какстонъ, оправившись. — Поди принеси мнѣ новыя черепаховыя очки и большой ломоть хлѣба. Ты видишь, что рыбы, когда онѣ живутъ въ садкѣ, узнаютъ своего благодѣтеля, чего не сдѣлаютъ онѣ, когда, живя на волю, въ рѣкѣ; гоняются за мухами, или ищутъ червяковъ. Гм! Это идетъ къ Ульверстонамъ. Кромѣ хлѣба и очковъ, посмотри тамъ хорошенько, да принеси мнѣ старинный экземпляръ «Рѣчи къ рыбамя», св. Антонія.

ГЛАВА VIII.

Прошло нѣсколько недѣль со времени возвращенія моего въ башню. Кастльтоны и всѣ грсти Тривеніоновъ уѣхали. Впродолженіе этого времени, свиданія между обоими семействами участились, и связь между нами все упрочивается. Отецъ имѣлъ два большихъ разговора съ леди Ульверстонъ (мать моя теперь ужъ не ревнуетъ), и послѣдствія ихъ уже становятся замѣтны. Леди Ульверстонъ перестала сътовать на свѣтъ и людей, перестала поддерживать оскорбленную гордость супруга своимъ раздражающимъ сочувствіемъ. Она принимаетъ участіе въ его настоящихъ занятіяхъ, такъ-же какъ принимала въ прежнихъ: она интересуется фермой, садами, цвѣтами и тѣми «философическими персиками, растущими на академическихъ деревьяхъ», которые воспитывалъ сэръ Вилліамъ Темплъ въ своемъ роскошномъ уединеніи. Этого мало: она сидитъ возлѣ мужа въ библіотекѣ, читаетъ книги, которыя онъ читаетъ, прося его перевести ей то, что по-латыни. Незамѣтно наводитъ она его на занятія все болѣе и болѣе отдаленныя отъ парламентскихъ преній и отчетовъ, и, употребляя сравненіе моего отца, «ведетъ его къ свѣтлымъ мірамъ и пробиваетъ ему дорогу»*. Они сдѣлались неразлучны. Вы увидите ихъ вмѣстѣ и въ би-

* Allures to brighter worlds, and leads the way. *Goldsmith.*

библиотекъ, и въ саду, и въ кабриолетѣ, для котораго лордъ Ульверстонъ оставилъ своего верховаго коня, столько освоившагося съ привычками безпокойнаго и вѣчно-занятаго Тривеніона. Прекрасно и трогательно это зрѣлище! И какую побѣду одержала надъ собою гордая женщина: теперь ни намекъ на ропотъ, ни одного слова, которое-бы опять оторвало нестолобда отъ философіи, гдѣ дѣятельный умъ его нашолъ себѣ утѣжище. И, благодаря этому усилію, ея чело прояснилось. Озабоченное выраженіе, прежде искажавшее ея тонкія черты, почти исчезло. Всего болѣе утѣшаетъ меня мысль, что этой переменной, которая и поведетъ его къ счастью, она обязана совѣтамъ Остина, умѣвшаго затронуть ея здравый смыслъ и привязанность.

— Въ васъ — сказалъ онъ ей — долженъ Тривеніонъ искать болѣе нежели утѣшенія:—любви и нѣжной привязанности. Дочь ваша оставила васъ, свѣтъ тоже : будьте всѣмъ одинъ для другого.

Такимъ-образомъ сошлись съ столь-различныхъ дорогъ и въ зрѣлыя лѣта люди, разошедшіеся въ молодости. На томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ было первое знакомство Остина и Эллиноръ, онъ теперь помогалъ ей залечивать раны, нанесенныя честолюбіемъ ихъ разлучившимъ, и оба они совѣтовались о томъ, какъ бы упрочить счастье содерника, котораго предпочла она.

Тривеніонъ и Эллиноръ, послѣ столькихъ лѣтъ мученій, безпокойствъ и честолюбивыхъ замысловъ, болѣе и болѣе сближавшіеся и впервые узнавшіе прелесть уединенной, домашней жизни, были-бы прекрасною темою алегіи для любого Тибулла.

Но тѣмъ-же временемъ другая любовь, молодая, которой не нужно было вытирать черныя страницы изъ своего прошедшаго, употребила съ пользою прекрасное лѣто.

«Весьма близки два сердца, между которыми нѣтъ хитростей», говоритъ пословица, приписываемая Конфуцію. О, вы, дни яснаго солнечнаго свѣта, отраженіе насъ самихъ,—мѣста, освященныя взглядами, звукомъ, улыбкой, многозначительнымъ безмолвіемъ; золотое время, когда каждый день

болѣе и болѣе раскрывалъ передо мною эту натуру нѣжную и робкую, любезную и серьезную, столько приученную къ привязанности и, благодаря размышленіямъ и удивленію, столько полную той поэзіи, которая скрашиваетъ самыя-простыя обязанности домашняго быта и обращаетъ обыденныя дѣла жизни въ какую-то музыку! Здѣсь рожденіе и состояніе соответствовали другъ другу; мы сходились во всемъ: и въ притязаніяхъ нашихъ, и во вкусахъ, и въ цѣляхъ; мы одинаково жаждали дѣятельности, но ради были найдти ее вокругъ себя, не завидуя богатымъ и сильнымъ; каждый изъ насъ, по своей природной склонности, смотрѣлъ на свѣтлую сторону жизни, и находилъ отрадные источники и свѣжую зелень тамъ, гдѣ глаза, привыкшіе только къ городамъ, нашли-бы только пески и миражъ. Покуда я вдали (какъ и слѣдуетъ мужчине) былъ занятъ трудомъ, который, миря съ судьбою, даетъ сердцу время забыть объ утратахъ, и узнать цѣну любви, въ ея настоящемъ смыслѣ, условливаемомъ дѣйствительною жизнію, передъ роднымъ порогомъ росло молодое дерево, которому суждено было осѣнить этотъ кровъ своими вѣтвями, и усладить мое существованіе своимъ благоуханіемъ.

Общая молитва тѣхъ, кого я покидалъ, заключалась въ томъ, чтобы небо послало мнѣ эту награду; и каждый изъ нихъ, по-своему, содѣйствовалъ къ тому, чтобы сдѣлать это прекрасное существо способнымъ радовать и утѣшать того, кто хотѣлъ и охранять и любить его. Роландъ далъ ей это глубокое, строгое понятіе о чести, мужское по силѣ, женское по утонченности. Ему-же была обязана она своимъ сочувствіемъ ко всему высокому въ поэзіи и въ природѣ: глазъ ея блестѣлъ, когда она читала о Баярѣ, стоявшемъ на мосту и спасавшемъ цѣлую армію, или плакалъ надъ страницей, гдѣ была повѣсть о Сиднѣ, отнимавшемъ ковшъ съ водою отъ горячихъ устъ. Уже-ли инымъ такое направленіе покажется не приличнымъ женщины? Нѣтъ, мнѣ дайте женщину, которая можетъ отвѣчать на всѣ благородныя помыслы мужчины! Но тотъ-же глазъ, подобно Роландову, останавливался на каждой частичкѣ безграницной

красоты природы. Никакой ландшафтъ не казался ей тѣмъ-же сегодня, чѣмъ былъ вчера, тѣнь отъ лѣсовъ измѣняла видъ болотъ; полевые цвѣты, пѣніе какой-нибудь птички, прежде не слышанное, разнообразилъ ея безыскусственныя впечатлѣнія. Уже-ли нѣкоторые найдутъ этотъ источникъ удовольствія черезъ-чуръ простымъ или пошлымъ? Пусть кажется онъ такимъ тѣмъ, которымъ пужны возбуждательныя средства городской жизни! Но если-же мы ради проводить такимъ образомъ все наше время, стало есть въ нашихъ вкусахъ особенная склонность не признавать въ природѣ однообразія. — Все это было дѣло роландово; отецъ, съ своей предусмотрительной мудростью, прибавилъ къ этимъ склонностямъ на-столько познаній, заимствуемыхъ изъ книгъ, чтобъ сдѣлать ихъ привлекательнѣе, и чтобы къ прирожденному пониманію красоты и добра присоединить то образованіе, которое беретъ отъ красоты ея самую-тонкую сторону и обращаетъ хорошее въ лучшее, потому-что возвышаетъ точку зрѣнія: познаній ея доставало на то, чтобы сочувствовать умственнымъ вопросамъ, но не доставало-бы на то, чтобы оспаривать чье-нибудь личное мнѣніе. Словомъ, объ ея природныхъ склонностяхъ и пріобрѣтенномъ ею я выражусь словами поэта: «въ ея глазахъ были прекрасныя сады, въ ея умѣ избранныя книги!» И все-таки, о мудрый Остинъ, и ты, Роландъ, поэтъ, не написавшій въ жизни ни одного стиха, ваше дѣло было-бы неполно, если-бы не помогла вамъ женщина, и моя мать не научила той, изъ которой хотѣла сдѣлать себя дочь, всѣмъ домашнимъ добродѣтелямъ, любви къ ближнему, кроткимъ словамъ, отвращающимъ гнѣвъ и горе, ангельскому снисхожденію къ грубымъ проступкамъ мужчины, и тому терпѣнію, которое умѣетъ выждать время, и, не ссылаясь на права женщины, покоряетъ насъ, восхищенныхъ, невидному игу.

Помнишь-ли ты, моя Бланшь, тотъ чудный лѣтній вечеръ, когда желанія и клятвы, давно выражавшіяся глазами, наконецъ упали съ устъ? Жена моя! подойди ко мнѣ, посмотри на меня, покуда я пишу: что это! ... твои слезы залили страницу! Развѣ это не слезы счастья, Бланшь? Скажемъ-

ли мы свѣту еще что-нибудь? Ты права, моя Бланшь, слова не должны осквернять мѣсто, куда упали эти слезы!

И я охотно-бы кончилъ здѣсь; но увы! увы! почему не могу я еще по сию сторону могилы раздѣлить всѣ наши надежды съ тѣмъ, кого мы до самого дня моей свадьбы ожидали съ такою увѣренностью, и кто долженъ былъ явиться къ домашнему очагу занять мѣсто, теперь для него очищенное, — удовлетворенный славой и готовый къ мирному счастью, на которое ему дали право долгіе годы раскаянія и испытаній.

Роковое извѣстіе о его кончинѣ пришло еще на первомъ году моей женитьбы, вскорѣ послѣ отчаяннаго его подвига въ славномъ дѣлѣ, покрывшаго его новыми лаврами, и въ то самое время, когда мы, въ тщеславномъ ослѣпленіи человѣческой гордости, болѣе всего считали себя счастливыми. Краткое поприще кончилось. Онъ умеръ, какъ, безъ-сомнѣнія, желалъ умереть, на исходѣ дня, навсегда достопамятнаго въ летописяхъ той страны, которую мужество, не допускающее ни какихъ сравненій, присоединило къ престолу Англии. Онъ умеръ въ объятіяхъ Побѣды, и послѣдняя его улыбка упала на благородного вождя, который даже въ этотъ часъ не могъ остановить своего торжественнаго шествія для жертвы, брошенной Побѣдой на кровавомъ пути.

— Одну милость, — пробормоталъ умирающій: — у меня дома отецъ, онъ тоже солдатъ. Въ моей палаткѣ мое завѣщаніе: я отдаю ему все, и онъ можетъ взять все не стыдась. Этого не довольно! Напишите къ нему вы, своей рукою, и скажите, какъ сынъ его умеръ.

Герой исполнилъ эту просьбу, и его письмо для Роланда дороже длинныхъ свитковъ родословнаго дерева. Природа взяла свое, и предки уступили мѣсто сыну.

Въ одномъ изъ придѣловъ старой готической церкви, между почернѣвшими могильными камнями героевъ Акры и Азенкура, новая плита напоминаетъ о кончинѣ Герберта де-Какстонъ, простою надписью:

Онъ умеръ на полѣ чести;
 Отечество оплакало его,
 Отецъ его утѣшился.

Прошли года съ-тѣхъ-поръ, какъ положена здѣсь эта плита, и мало-ли какія перемѣны сдѣлались въ томъ уголкѣ земли, гдѣ вращается нашъ маленькій міръ. Красивые покои построены среди развалинъ; веселыя поля, засѣяныя хлѣбомъ, замѣнили необозримыя грустныя болота. Земля содержитъ болѣе фермеровъ, нежели встарину вмѣщала вассаловъ, сходявшихся подъ знамена ея бароновъ, и Роландъ съ высоты своей башни можетъ озирать владѣнія, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе отнимаемыя отъ бесплодной пустыни, въ увѣренности, что плугъ скоро покоритъ ему участокъ, много-лучшій тѣхъ, какими его феодальные предки бывали когда-нибудь обязаны своему мечу. Веселость, убѣжавшая отъ развалинъ, опять сдѣлалась обычнымъ гостемъ нашей заль: богатый и бѣдный, большой и малый, всѣ привѣтствовали возрожденіе старого дома изъ праха разрушенія. Всѣ сны юности роландовой осуществились, но это не такъ радуется его, какъ мысль, что его сынъ наконецъ сдѣлался достойнымъ его рода, и надежда, что уже не будетъ между ними бездны за земнымъ предѣломъ, когда прошедшее и будущее сольются тамъ, гдѣ исчезаетъ время. Никогда не бывалъ забываемъ утраченный! Никогда ния его не провозносилось безъ слезъ на глазахъ, и каждое утро поселаннѣ, ида на работу, встрѣчалъ Роланда, выходившаго изъ низкой двери часовни. Никто не дерзаетъ слѣдовать за нимъ, или мѣшаться въ его торжественныя размышленія, потому-что тамъ, передъ этой плитою, онъ молится, и воспоминаніе о покойномъ составляетъ какъ бы долю его общенія съ небомъ. Но походка старика все еще тверда, взглядъ его бодръ, и по его выраженію вы согласитесь, что не было пустого самохвальства въ словахъ: «отецъ его утѣшился.» Вы, которые сомнѣваетесь, чтобы христіанское смиреніе могло совмѣстить въ себѣ такую римскую твердость, подумайте, каково было бояться за сына постыдной жизни, и потомъ спрашивайте, можетъ-ли быть для отца такимъ ужаснымъ горемъ славная смерть сына!

Прошли еще года: двѣ хорошенькія дочки играютъ на колыняхъ у Бланшъ, или ползаютъ вокругъ кресла остинова, терпѣливо ожидая его поцѣлуя, когда онъ подвигнетъ глаза съ Большого сочиненія, которое теперь почти приходитъ къ концу, или, если входитъ въ комнату Роландъ, забываютъ свою скромность, и, не обращая вниманія на ужасное *rapae!* кричатъ, что хотятъ на качели, или требуютъ, чтобъ имъ въ пятидесятый разъ рассказали балладу «Chevy-Chase.»

Я съ своей стороны радъ всѣмъ благамъ, которыя посылаютъ мнѣ боги, и доволенъ дѣвочками, у которыхъ глаза матери; но Роландъ, неблагодарный, начинаетъ ворчать на то, что мы пренебрегаемъ правами мужского поколѣнія. Онъ не знаетъ, сложить-ли вину на Скилла, или на насъ: быть-можетъ онъ даже предполагаетъ между нами заговоръ, чтобы сдѣлать женщинъ представительницами воинственнаго рода де-Какстонъ! Кто-бы тутъ ни былъ виноватъ, грустный пробѣлъ въ прямой линіи родословной наконецъ пополненъ: миссисъ Примминсъ опять влетаетъ или, вѣрнѣе, вкатывается (по движенію, свойственному тѣламъ шарообразнымъ и сферическимъ) въ комнату моего отца, съ словами:

— Сэръ, сэръ: мальчикъ!

Сдѣлалъ-ли въ это время мой отецъ вопросъ, столько затрудняющій метафизиковъ-ислѣдователей: «что такое мальчикъ?» не знаю; я скорѣе предполагаю, что ему не осталось досуга на такой отвлеченный вопросъ, потому что весь домъ кинулся на него, а матушка съ силою бури, свойственной особенно элементамъ женскаго духа, родъ бури съ солнечнымъ свѣтомъ и средняго между смѣхомъ и слезами, подвинула его, и унесла съ собою взглянуть на новорожденнаго. Съ этого дня прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Зимній вечеръ. Мы всѣ сидимъ въ залѣ, которая опять сдѣлалась нашимъ обычнымъ мѣстопребываніемъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ ея расположеніе позволяетъ каждому изъ насъ заниматься въ ней, не мѣшая другому. Большія ширмы отдѣляютъ ту ея часть, гдѣ сидитъ отецъ за своими учеными занятіями; скрытый отъ насъ этой непроницаемой стѣною, онъ занятъ окончаніемъ краснорѣчиваго заключенія,

нія, которое должно удивить свѣтъ, если когда-нибудь, по особенной милости неба, наборщики кончатъ печатаніе «Исторіи человѣческихъ заблужденій.» Въ другой уголъ забился дядя: онъ одной рукой мѣшаетъ кофе въ чашку, столько лѣтъ тому назадъ подаренной ему матерью, и по какому-то чуду избѣжавшей общей участи своей хрупкой собратіи; въ другой его рукъ волюмъ Айвенгу; но несмотря на всѣ достоинства произведенія чародѣя-Шотландца, взглядъ его устремленъ не на книгу. На стѣнѣ, надъ нимъ, виситъ изображеніе сэра Герберта де-Какстонъ, воинственного сверстника Сиднея и Драка; подъ этимъ изображеніемъ Роландъ повѣсилъ шпагу своего сына и письмо съ извѣстіемъ о его кончинѣ, за стекломъ и въ рамѣ: шпага и письмо стали послѣдними, не менѣе другихъ уважаемыми, пенатами башни; сынъ сдѣлался предкомъ.

Неподалеку отъ дяди сидитъ мистеръ Скиллъ, занятый френологическими наблюденіями надъ слѣпкомъ съ черепа островитянина, отвратительного подарка, который, вслѣдствіе ежегодного его требованія, я привезъ ему вмѣстѣ съ чучелой «уомбата» и большой пачкой сарсапарели (для успокоенія его паціентовъ, я обязанъ затѣтить въ скобкахъ, что черепъ и уомбатъ, животное, занимающее средину между маленькимъ поросенкомъ и только-что родившимся ягненокъ, были уложены особо огъ сарсапарели). Далѣе стоитъ открытое, но ни къмъ не занятое, новое фортепіано, подъ которое, передъ тѣмъ какъ отецъ подалъ знакъ, что принимается за Большое сочиненіе, мать моя и Бланшь усиливались заставить меня спать съ ними пѣсню «про ворону и про ворона»: старанье это осталось тщетно, несмотря на всѣ лестныя увѣренія ихъ, что у меня прекрасный басъ, и что надо мнѣ только выучиться владѣть имъ. Ксчастію для слушателей, это попеченіе нынѣ отложено. Матушка не на-шутку занята вышиваньемъ по послѣдней модѣ краснощекаго трубадура, играющаго на лютнѣ подъ балкономъ цвѣта семги: обѣ дѣвочки съ вниманіемъ смотрятъ на трубадура, спозаранку, боюсь я, влюбленныя въ него; мы съ Бланшь уединились въ уголъ, по странному какому-то пред-

положенію, увѣренные, что насъ не видитъ никто; въ углу-же стояла колыбель новорожденного. Но это, право, не наша вина: этого требовалъ Роландъ; да и славное-же такое дитя, никогда не кричитъ; такъ, по-крайней-мѣрѣ, говорятъ Бланшь и матушка; какъ бы то ни было, оно не кричитъ сегодня. Въ-самомъ-дѣлѣ этотъ ребенокъ — сущее чудо! онъ какъ-будто зналъ горячее желаніе нашихъ сердецъ, и, чтобъ исполнить его, явился на свѣтъ; сверхъ того, съ-тѣхъ-поръ, какъ Роландъ, вопреки всякому обычаю, не позволивъ ни матери, ни кормилицы, ни иному существу женского рода, держать его на рукахъ во время крестинъ, наклонилъ надъ новымъ христіаниномъ свое смуглое, мужественное лицо, напоминая собою орла, спрятавшаго ребенка въ гнѣздо и освѣнявшаго его крыльями, боровшимися съ бурей, — съ-тѣхъ-поръ, говорю, мой новорожденный, названный Гербертомъ, казалось, узнавалъ больше Роланда, нежели кормилицу или даже мать, какъ-будто понимая, что, давъ ему имя Герберта, мы хотѣли еще разъ дать Роланду сына. Какъ-только старикъ подходитъ къ нему, онъ улыбается и протягиваетъ къ нему свои рученки: тогда я и его мать отъ удовольствія пожимали другъ другу руку, но не ревновали ребенка къ дядѣ.

И такъ Бланшь и Пизистратъ сидѣли у колыбели и разговаривали шопотомъ, какъ вдругъ отецъ отодвинулъ ширмы, и сказалъ:

— Ну, кончено! Теперь можно печатать когда хотите.

Посыпались поздравленія, отецъ принялъ ихъ съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ, ставъ передъ каминомъ и засунувъ руку за жилетъ, замѣтилъ:

— Въ числѣ человѣческихъ заблужденій мнѣ приходилось упоминать о фантазіи Руссо насчетъ вѣчнаго мира, и прочихъ пастушескихъ снахъ, предшествовавшихъ кровавымъ войнамъ, которыя болѣе тысячи лѣтъ потрясали землю.

— И если судить по журналамъ — перебилъ я, — тѣ-же заблужденія, вѣрнѣе, тѣ-же иллюзіи, возобновляются

опять. Добровольные утописты предрекаютъ миръ, какъ вещь положительно-вѣрную, выводя ее изъ той сивиллиной книги, которая называется банкирскимъ реэстромъ: намъ . по-ихнему, никогда не придется покувать пушекъ, лишь-бы мы могли вымѣнивать хлопчатую бумагу на хлѣбъ.

М. Скиль (который, почти прекративъ занятія по своему званію, за неимѣніемъ лучшаго, сталъ писать для журналовъ, и съ-тѣхъ-поръ толкуетъ все о прогрессѣ, о духѣ времени, и о томъ, что, дескать, мы—дѣти девятнадцатаго вѣка). Я вѣрю отъ души, что эти добровольные утописты правдивые оракулы. Въ-теченіе моей практики я имѣлъ случай убѣдиться, что люди легко и скоро оставляютъ этотъ міръ, если даже не рубить ихъ въ куски и не взрывать на воздухъ. Война — большое зло.

Бланиш (подходитъ къ Скилю, показывая на Роланда). Тсъ!

Роландъ молчитъ.

М. Какстонъ. Война большое зло, но провидѣнье допускаетъ зло и физическое и нравственное въ механизмѣ мірозданія. Существованіе зла ставило въ тупикъ головы powerful вашей, Скиль. Но нѣтъ сомнѣнія, что есть существо высшее, которое имѣетъ на это свои причины. Органъ воинственности столько-же свойственъ нашему черепу, какъ и всякій другой; а если есть это въ нашемъ тѣлѣ, будьте увѣрены, что все это не безъ основанія. Столько-же несправедливо со стороны людей предполагать, сколько безумно приписывать распорядителю надъ всѣмъ, чтобы война единственно могла происходить отъ преступленій или безразсудствъ человеческихъ, чтобы она только вела ко злу, не будучи никогда порождаема временными потребностями общества, и не содѣйствовала исполненіямъ предначертаній Всевѣдущаго. Не было еще ни одной войны, которая-бы не оставила за собою смятнъ, дозрѣвшихъ въ неисчислимыя пользы.

М. Скиль (ворча съ знакъ несогласія): О—о—о!

Несчастный Скилла! на-вряд-ли онъ предвидѣлъ ливень учености, обрушившійся на его голову вслѣдъ за его дерзкимъ восклицаніемъ. Сначала явилась на сцену Персидская война съ толпами Мидійцевъ, извергающими поглощенные ими во время странствія по востоку цѣлые потоки искусствъ, наукъ и всѣхъ понятій, которыя мы наслѣдовали отъ Греціи; отецъ напустился со всѣмъ этимъ на Скилла, доказывая ему, что безъ Персидской войны Греція никогда-бы не сдѣлалась наставницею міра. Прежде нежели утомленная жертва успѣла перевести духъ, Гунны, Готы и Вандамы напали на Италію и на Скилла.

— Какъ, сэръ! — воскликнулъ мой отецъ, — неужели вы не видите, что отъ этихъ нападений на безнравственный Римъ произошло возрожденіе человѣческаго рода, очищеніе земли отъ послѣднихъ пятенъ язычества, и отдаленное начало христіанства?

Скилла приподнялъ руки, подобно чловѣку, которому удалось вынырнуть изъ - подъ воды. Но отецъ явился съ Карломъ Великимъ, паладинами и всѣмъ прочимъ! и тутъ онъ былъ въ полной мѣрѣ краснорѣчивъ. Какую представилъ онъ картину необузданныхъ и запутанныхъ началъ общества въ его варварскомъ состояніи. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ шла рѣчь о мощной длани Великого Франка, распредѣлявшей народы и закладывавшей основанія вѣнъшней Европы, Скилла рѣшительно растерялся: на него нашолъ столбнякъ, но онъ какъ-бы ухватился за соломѣнку, услышавъ слово «крестовые походы», и пробормоталъ:

— Тутъ что вы скажете?

— Что я скажу! — воскликнулъ отецъ; и вы-бы подумали, что поднялся океанъ. Отецъ только слегка коснулся второстепенныхъ доводовъ въ пользу крестовыхъ походовъ и бѣгло упомянулъ о свободныхъ художествахъ, распространенныхъ въ Европѣ черезъ это нашествіе на востокъ, какъ оно послужило просвѣщенію, давъ исходъ грубымъ и необузданнымъ порывамъ рыцарства, внеся въ общество на-

чало разрушенія феодальной тираніи, освобожденія общинъ и уничтоженія рабства. Но самыми живыми красками, какъ бы заимствованными имъ у самаго неба востока, описалъ онъ обширное распространеніе магометанства, опасность, которой угрожало оно Европѣ христіанской, и вывелъ Готфридовъ, Танкредовъ и Ричардовъ, какъ необходимыя слѣдствія союза вѣка съ необходимостью противъ страшнаго успѣха меча и Корана.

— Вы называете ихъ безумцами, — воскликнулъ отецъ, — но неистовство націй — политика судьбы. Почему вы знаете, что, не будь этого страха, распространеннаго воинами, шедшими на Иерусалимъ, луна водрузилась бы на однихъ тѣхъ владѣніяхъ, которыя Мавры отняли у Родрика. Если бы христіанство у крестоносцевъ было страстью менѣе сильной, и эта страсть менѣе воодушевила бы Европу, почему вы знаете, что вѣра Арабовъ, не заложила бы своихъ мечетей на форумъ Рима и на площади Парижской-Богоматери?

Отецъ замолчалъ. Скиллъ не подавалъ признака жизни.

— Такимъ-же образомъ, — продолжалъ м. Какстонъ спокойно, — если новѣйшія войны приводятъ насъ въ затрудненіе, и мы не умѣемъ отыскать пользу, которую извлечетъ изъ ихъ золь мудрѣйшее Существо, наше потомство за то такъ-же ясно пойметъ ихъ назначеніе, какъ мы теперь видимъ перстъ Провидѣнія надъ холмами Марафона, или въ побужденіяхъ Петра-пустынника къ битвамъ въ Палестинѣ. Если-же мы даже и допустимъ зло отъ войны для современнаго ей поколѣнія, не можемъ мы по-крайней-мѣрѣ опровергать ту истину, что многія изъ добродѣтелей, составляющихъ украшеніе и силу мира, обязаны своимъ началомъ войнѣ.

Здѣсь Скиллъ началъ подавать кое-какіе знаки жизни, какъ вдругъ отецъ опять обдалъ его однимъ изъ тѣхъ великолѣпныхъ цитатовъ, которые всегда держала въ запасъ его неимовѣрная память.

— Не безъ основанія выведено изъ этого однимъ философомъ, чрезвычайно - искусившимся по-крайней-мѣрѣ въ практической опытности (Скиль опять закрылъ глаза и съ-лался бездыханенъ), замѣчаніе, что странно вообразить себѣ, что война — страсть самыхъ возвышенныхъ умовъ. Вл-самомъ-дѣлѣ война наиболее скрѣпляетъ узы товарищества, въ ней наиболее оказывается взаимная привязанность, потому-что героизмъ и филантропія почти одно и то-же.*

Отецъ замолчалъ и задумался. Скиль, если, можетъ, и былъ живъ, но по-видимому счелъ за ^{сбл}благоразумное притвориться несуществующимъ.

— Я никакъ не спору противъ того, что обязанность каждого изъ насъ не пристращаться къ тому, на что мы должны смотрѣть преимущественно какъ на грустную необходимость. Вы сказали правду, мистеръ Скиль, война зло, если кто подъ пустыми предлогами отворяетъ двери храма Януса, этого свирѣпго бога!

М. Скиль послѣ продолжительнаго молчанія, посвященнаго имъ на приведеніе въ исполненіе самыхъ-простыхъ средствъ къ оживленію утопленниковъ, какъ-то: приближенія къ огню въ полустоячемъ положеніи, осторожныхъ оттираній отдѣльныхъ членовъ и обильныхъ приемовъ извѣстныхъ теплыхъ возбуждающихъ средствъ, приготовленныхъ для него моею сострадательною рукою, потянулся, и слабо произнесъ:

— Короче, чтобъ не продолжать этого разсужденія, вы бы пошли на войну для защиты вашего отечества. Стойте, сэръ, стойте ~~рядомъ~~ ^{рядомъ} Бога! Я согласенъ съ вами, я согласенъ съ вами! но къ счастью мало поводовъ думать, чтобы какой-нибудь новый Бонапартъ сталъ оснащать суда въ Булонь, чтобъ цапастъ на насъ.

— Я въ этомъ не увѣренъ, мистеръ Скиль (Скиль опять упалъ въ свое кресло, съ явнымъ выраженіемъ ужаса на

* Шестобѣри.

лиць). Я не часто читаю журналы, но прошедшее помогаетъ мнѣ судить о настоящемъ.

Затѣмъ отецъ мой серьезно совѣтовалъ Скиллю прочесть со вниманіемъ извѣстныя мѣста Фукидида, относящіяся къ началу Пелопонезской войны (*Скилла выразилъ головою знакъ совершенного согласія*), и вывелъ остроумную параллель между признаками, предшествовавшими той войнѣ, и его ожиданіемъ близкой войны, выводимымъ изъ послѣднихъ гимновъ въ честь мира. И послѣ многихъ дѣльныхъ замѣчаній, служившихъ къ тому, чтобъ показать, гдѣ именно дозрѣвали сѣмена войны, онъ заключилъ слѣдующими словами :

— Поэтому, разсматривая этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, я полагаю, что всего благоразумнѣе сохранить въ себѣ на столько воинственного духа, чтобъ не считать за несчастье, если намъ придется сражаться за наши ступки, за наши акціи, земли, замки, и все прочее. Должно, конечно, рано или поздно придти время, когда весь міръ будетъ пряхъ бумагу и печатать узоры на коленкорѣ; мы его не увидимъ, Скилла, но этотъ юный джентельменъ въ колыбели, которому вы недавно помогли увидѣть свѣтъ божій, доживетъ до этого.

— И если это случится, — замѣтилъ дядя, въ первый разъ прерывая свое молчаніе, — если это за алтарь и очагъ...

Отецъ укусилъ себѣ губу, потому-что видѣлъ, что попался самъ въ сѣти своего собственного краснорѣчія.

Роландъ снялъ со стѣны шпагу своего сына, подошелъ къ колыбели, положилъ ее съ ножнами возлѣ ребенка, и обратилъ на всѣхъ насъ умоляющій взглядъ. Бланшъ инстинктивно наклонилась надъ колыбелью, какъ-будто для того, чтобъ защитить новорожденного, но ребенокъ, проснувшись, отвернулся отъ нея, и, соблазнившись блескомъ рукоятки, схватилъ ее одной рукою, а другою, улыбаясь, показалъ на Роланда.

— Подъ тѣмъ условіемъ, какъ сказалъ батюшка, — замѣтилъ я нерѣшительно: — за очагъ и алтарь.

— И даже въ этомъ случаѣ, — замѣтилъ отецъ, — соедини шить къ мечу! — и по другую сторону ребенка онъ положилъ роляндову Библию, омоченную столькими святыми слезами.

Всѣ мы стояли вокругъ юного существа, сосредоточившаго въ себѣ столько надеждъ и опасеній, рожденного для битвы жизни, будь это въ войнѣ или въ мирѣ. Младенецъ, не знавшій, что сковало уста наши молчаніемъ и вызвало на глаза слезы, самъ отъ себя оставилъ блестящую игрушку, и обнялъ своими рученками Роланда.

— Гербертъ! — шепталъ старикъ, а Бланшъ тихонько вынула шпагу, но оставила Библию.

КОНЕЦЪ.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

VII.

О ПОДПОЧВѢ.

Важность и необходимость изученія подпочвы. — Составныя начала подпочвы и ихъ вліяніе на прозябеніе растений. — Физическія свойства подпочвы, —

Подпочвою, *подземомъ* собственно называется та часть земли, на которой покоится пахатный слой. — Мы теперь уже знаемъ, что пахатный слой бываетъ весьма разнообразенъ и по своимъ составнымъ началамъ и по своимъ физическимъ свойствамъ; но не менѣе представляетъ разнообразія въ этомъ отношеніи и подпочва. Следовательно и она также можетъ имѣть значительное вліяніе на прозябеніе растений и своими составными началами и своими физическими свойствами. По этому-то и изученіе подпочвы столь же необходимо для сельскаго хозяина, какъ и изученіе пахатнаго слоя. Очень часто встрѣчаются такія почвы, у которыхъ хотя пахатный слой земли весьма сходенъ по своимъ составнымъ началамъ, но производительность ихъ весьма различна. Такая разность въ производительности происходитъ иногда единственно отъ того, что въ одномъ случаѣ пахатный слой покоится на подпочвѣ сомкнутой и

твердой, а въ другомъ на рыхлой и мягкой. И такъ, если мы хорошо знакомы съ качествами подпочвы, то тотчасъ можемъ рѣшить, могутъ-ли на данномъ пространствѣ земли быть разводимы тѣ или другія растенія. Понятно, что если мы хотимъ опредѣлить настоящую цѣнность почвы, то должны непременно изучить химическія и физическія свойства какъ пахатнаго слоя, такъ и подпочвы; потому-что, какъ-бы ни былъ хорошъ пахатный слой земли, но почва при всемъ томъ останется непроизводительною, если только подпочва будетъ дурнаго свойства. Есть много растеній, которыя пускаютъ корни на 10 и болѣе футовъ, а потому и мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ принуждены бываемъ изслѣдовать подпочву на сказанную глубину. И такъ

а) *О составныхъ началахъ подпочвы и ихъ вліяніи на прозябаніе растеній.*

Атмосферный воздухъ, свѣтъ и теплота не всегда имѣютъ свободный доступъ къ подпочвѣ, въ слѣдствіе этого и начала, входящія въ составъ ея, находятся или въ своемъ первобытномъ, неразложенномъ состояніи, или весьма мало измѣнившимися и разрушившимися. При тщательномъ и внимательномъ изслѣдованіи, подпочва въ весьма немногихъ случаяхъ оказывается однородною съ пахатымъ слоемъ относительно составныхъ началъ. Химическій анализъ въ ней обыкновенно открываетъ гораздо большее количество растворимыхъ солей; потому-что дождевая вода, просачиваясь сквозь пахатный слой, растворяетъ всѣ вещества, которыя могутъ только распускаться въ ней, и уносить ихъ вмѣстѣ съ собою въ подпочву. Равнымъ образомъ подпочва бываетъ богата соляными землястыми основаніями и окисями, за исключеніемъ почвъ напльвныхъ, въ которыхъ пахатный слой и подпочва содержатъ въ себѣ одинаковое количество марганца и желѣза.

Въ странахъ нагорныхъ пахатный слой земли чаще всего покоится на каменистыхъ скалахъ. Здѣсь при изслѣдованіи главное вниманіе должно обращать:

1) *На наслоеніе пластовъ.* Если слои скалъ идутъ въ отвѣсномъ или косвенномъ направленіи, то тогда растенія могутъ свободно углубляться своими корнями между трещинами пластовъ и находить для себя нужную пищу; еслиже пласты скалъ имѣютъ горизонтальное наслоеніе и въ нихъ нѣтъ ни малѣйшихъ расщелинъ, то тогда растенія или преждевременно замираютъ, или прозябаютъ не роскошно, потому-что тогда корни ихъ не могутъ свободно распространяться.

2) *На свойство горныхъ породъ, изъ которыхъ состоитъ скала, и большую или меньшую степень ихъ выветриванія.* Изъ опыта извѣстно, что, если въ подпочвѣ находятся такъ называемые мягкіе и удобовыветривающіеся камни, какъ напр. известковые, рыхляковые камни, породы песчаника, слюдястые сланцы, породы гнейса, сіенита и т. д., то тогда растенія прозябаютъ хорошо. Напротивъ, если скала, на которой поκειται пахатный слой, будетъ состоять изъ кварцу хряща, или если она будетъ содержать въ себѣ много желѣзняка, то въ такомъ случаѣ растенія развиваются дурно и совершенно погибаютъ. Такія горы чаще всего бываютъ лишены всякой растительности и стоятъ совершенно голыми.

3) *На глубину пахатнаго слоя.* Если пахатный слой не глубокъ, а подпочва камениста и не содержитъ въ себѣ веществъ, необходимыхъ для питанія растений, то на такихъ почвахъ урожай всегда бываетъ сомнительны; растенія хотя въ началѣ и даютъ хорошіе всходы, но въ послѣдствіи не могутъ развиваться хорошо, и ко времени вызрѣванія большая часть изъ нихъ пропадаетъ.

4) *Наконецъ на геологическое и геогностическое происхожденіе.* Скалы въ геогностическомъ отношеніи могутъ принадлежать къ первичнымъ, вторичнымъ или переходнымъ, къ третичнымъ, вулканическимъ и наноснымъ формаціямъ. Скалы первичныхъ формацій отличаются отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ, что не содержатъ въ себѣ никакихъ окаменѣлостей и состоятъ изъ камней, принадлежащихъ къ породамъ гранита, кварца, полеваго шпата, слюдястыхъ кам-

ней и сіенита. Скалы *вторичныхъ формаций* содержатъ въ себѣ окаменѣлости животныхъ и растений, теперь уже не существующихъ; онѣ состоятъ изъ сланцовъ, плотныхъ известняковъ, какъ напр. мрамора, песчаниковъ и пуддинговъ, между которыми попадаются пласты каменнаго угля, пестраго песчаника, альпійской и юрской извести, перемежанной съ слоями мергеля. Скалы *третичныхъ формаций* богаты окаменѣлостями теперь существующихъ растений и животныхъ; онѣ содержатъ въ себѣ весьма небольшое число твердыхъ камней, а потому на нихъ и пахатный слой бываетъ глубже. Онѣ состоятъ изъ песчаниковъ новѣйшаго образованія, которые иногда бываютъ тверды, а иногда рыхлы какъ песокъ; изъ пластической глины, перемежанной съ слоями мергеля, изъ осадочной морской и рѣчной извести, лигнитовъ и гипса. Горы третичныхъ формаций занимаютъ самыя большія пространства на земной поверхности, и чрезъ ихъ вывѣтриваніе образуются плодородныя почвы, потому что въ составъ ихъ входятъ разнородные элементы, которые дѣйствуютъ благоприятно на развитіе растений. Если почвы, образовавшіяся чрезъ вывѣтриваніе горныхъ породъ третичныхъ формаций, и бываютъ иногда неплодородны, то сельскій хозяинъ съ самыми небольшими пожертвованіями можетъ возвысить ихъ производительность, потому что въ подпочвѣ своихъ полей онъ всегда почти найдетъ все матеріалы, необходимыя для улучшенія пахатнаго слоя. Скалы *вулканическаго происхожденія* состоятъ изъ порфировъ, серпентиновъ, трахита и базальта, изъ вулканическихъ лавъ и шлаковъ.

Подпочва всѣхъ вообще почвъ мало или совершенно не содержитъ въ себѣ чернозема и солей черноземныхъ кислотъ. Если теперь такую подпочву посредствомъ глубокаго паханья выворотить наружу, то тогда колосовые хлѣба въ началѣ прозябаютъ хуже кормовыхъ травъ. Весьма просто объяснить себѣ это явленіе: у кормовыхъ травъ корни очень длинны, такъ-что они проникаютъ до пахатнаго слоя, зарытаго въ землю глубокимъ паханіемъ, и оттуда извлекаютъ для себя необходимую пищу. Кроме того

здѣсь кормовыя травы прозябаютъ хорошо еще и потому, что въ глубокомъ пахатномъ слое задерживается гораздо больше влаги. Очень часто случается также, что, если подпочва бываетъ выворочена наружу, то въ первые годы на ней пропадаютъ и колосовые хлѣба и кормовыя травы. Это значить, что подпочва содержитъ въ себѣ вредныя для прозябенія растений начала, и именно: соли желѣза или желѣзную закись.

Во многихъ мѣстахъ подпочва содержитъ въ себѣ обугленный черноземъ; она тогда бываетъ сѣраго, или бураго, или совершенно-чернаго цвѣта, и горитъ на огнѣ бѣлымъ пламенемъ. Если такая подпочва будетъ выворочена наружу и подвержена вліанію воздуха, свѣта и теплоты, то обугленный черноземъ съ теченіемъ времени превращается въ растворимый и значительно возвышаетъ производительность почвы.

Подпочва наносныхъ почвъ содержитъ въ себѣ иногда много фосфорно-кислой закиси желѣза; если такую подпочву выворотить наружу, то вначалѣ пахатный слой становится неплодороднымъ; въ первое время земля имѣетъ свѣтло-голубой цвѣтъ; но когда фосфорно-кислая закись превращается въ фосфорно-кислую окись и закись желѣза, тогда производительность почвы, — особенно, если она содержитъ въ себѣ достаточное количество органическихъ веществъ, — значительно улучшается, тогда обыкновенно и почва принимаетъ краснобурый цвѣтъ.

Въ подпочвѣ наплывныхъ почвъ и земель, прежде бывшихъ подъ прудами, попадаетса большое количество желѣзнаго купороса, сѣрно-кислой магнезии и сѣрно-кислаго глинозема; такая подпочва дѣйствуетъ очень вредно на прозябеніе растений.

Наконецъ при изслѣдованіи составныхъ началъ подпочвы должно обращать вниманіе на однородность ея состава; потому-что для растений, особенно съ длинными корнями, очень вредно, если подпочва состоитъ изъ разнородныхъ слоевъ, т. е. если слои глины, суглинка, песку, мергеля или хряща попеременно слѣдуютъ одинъ за другимъ.

в) *О физических свойствах почвы.*

При изслѣдованіи физическихъ свойствъ почвы мы должны прежде всего опредѣлить:

1) *Способность почвы вбирать въ себя и задерживать въ себѣ большее или меньшее количество воды.* Почва можетъ вбирать въ себя и задерживать въ себѣ различное количество влаги и испарять ее изъ себя съ весьма различною скоростью. Безъ всякаго сомнѣнія, отъ этого свойства почвы зависитъ болѣе или менѣе влажное состояніе и пахатнаго слоя. Такъ мы знаемъ, что, если почва состоитъ изъ каменистой скалы кристаллическаго строенія, изъ породъ глинистаго сланца, глины, суглинка мергеля, то она очень мало сквозь себя пропускаетъ воды; отъ того-то тогда и пахатный слой постоянно бываетъ сырѣ. На такихъ почвахъ растенія, особенно въ сырые годы, родятся очень дурно; потому-что тогда растенія получаютъ больше влаги, нежели сколько имъ нужно, вмѣстѣ съ водою онѣ всасываютъ большое количество питательныхъ началъ, въ ней растворенныхъ, и отъ избытка влаги и усиленнаго питанія полегаютъ. Напротивъ, если почва состоитъ изъ песку, хряща, известковыхъ камней, то она мало вбираетъ въ себя воды и мало задерживаетъ ее въ себѣ, отъ чего тогда и пахатный слой бываетъ болѣе или менѣе сухъ. На такихъ почвахъ растенія также не могутъ развиваться хорошо, потому-что растенія тогда отъ недостатка влаги выгораютъ; кромѣ того, здѣсь вода, просачиваясь сквозь пахатный слой, растворяетъ всѣ растворимыя начала, находящіяся въ немъ, уноситъ ихъ въ нижніе слои почвы, и такимъ образомъ лишаетъ растенія необходимой для нихъ пищи.

Впрочемъ способность почвы вбирать въ себя и задерживать въ себѣ большее или меньшее количество воды, будетъ имѣть не всегда одинаковое вліяніе на произрастаніе растеній; въ однихъ случаяхъ она будетъ дѣйствовать благотворно, а въ другихъ вредно, смотря по тому, какія начала входятъ въ составъ пахатнаго слоя. Такъ, если пахат-

ный слой будетъ состоять изъ песку или крупнозернистаго супеска, то для него самую лучшею подпочвою можетъ быть та, которая состоитъ изъ суглинка, жирной глины; потому-что такая подпочва, какъ мы сейчасъ видѣли, задерживаетъ въ себѣ много воды, и такимъ образомъ во время длительной засухи предохраняетъ песчаный пахатный слой отъ высыханія, а прозябающія на немъ растенія отъ выгорания. Напротивъ, если пахатный слой состоитъ изъ тощей или жирной глины, суглинка, или вообще изъ веществъ, которыя много вбираютъ въ себя воды и долго ее задерживаютъ въ себѣ, то ему самую лучшею подпочвою можетъ служить песокъ, супесь, хрящъ; потому-что тогда излишняя влажность, накапливающаяся въ пахатномъ слое, свободно будетъ процѣживаться сквозь подпочву, и такимъ образомъ растенія будутъ предохраняться отъ вымоканія.

Самая лучшая подпочва во всѣхъ отношеніяхъ находится подъ наносными почвами новѣйшаго образованія; потому-что она на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ содержитъ въ себѣ тѣже самыя начала, изъ которыхъ состоитъ и пахатный слой земли; она очень богата черноземомъ, солями черноземныхъ кислотъ, и всѣми другими веществами, необходимыми для питанія растеній.

2) *Способность подпочвы поглощать теплоту и задерживать ее въ себѣ.* Изъ опыта извѣстно, что всѣ вещества чернаго цвѣта сильнѣе въ себѣ поглощаютъ теплоту, а вещества яркаго цвѣта менѣе поглощаютъ теплоты. Далѣе, мы знаемъ, что всѣ вещества рыхлаго и землистаго строенія долѣе задерживаютъ въ себѣ теплоту, а плотнаго кристаллическаго строенія удерживаютъ въ себѣ теплоту меньшее время.

Подпочва относительно своихъ физическихъ свойствъ получаетъ различныя наименованія. Она называется:

а) *Удобо - проходимою для воды*, когда вода легко и скоро процѣживается сквозь нее. Такая подпочва, какъ мы видѣли выше, состоитъ обыкновенно изъ песка хряща, и возвышаетъ собою цѣнность глинистыхъ почвъ.

б) *Непроходимою для воды*, когда она не пропускаетъ сквозь себя воду, а задерживаетъ ее въ своихъ межуткахъ.

Такая подпочва преимущественно хороша для почвъ песчаныхъ, супесчаныхъ и легкихъ.

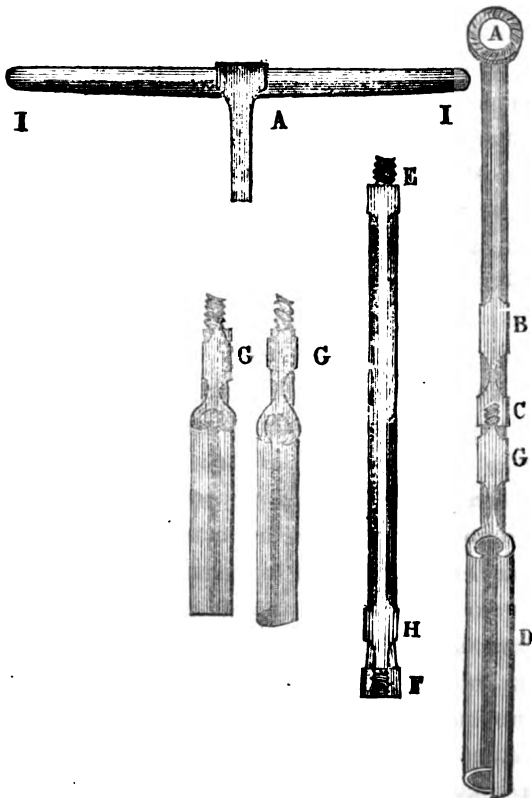
3) *Горячую*, когда она состоитъ изъ хряща и камней.

4) *Теплою*, когда въ составъ ея входитъ суглинокъ, и перемъшанъ бываетъ съ извѣстною, или мергелемъ, или пескомъ.

5) *Холодную*, когда главная составная часть ея есть тяжелая или жирная глина.

6) *Однородною съ пахатнымъ слоемъ*, когда въ составъ ея входятъ тѣже самыя составныя начала, изъ которыхъ состоитъ и пахатный слой.

7) *Разнородною съ пахатнымъ слоемъ*, когда составныя ея начала совершенно-отличны отъ составныхъ началъ пахатнаго слоя.

Чертежъ 10.

Для изслѣдованія составныхъ началъ подпочвы и другихъ ея качествъ употребляется желѣзный щупъ, которымъ можно проникать въ глубину на значительное пространство. Прилагаемый у сего чертежъ 10 показываетъ устройство такого щупа, и освобождаетъ насъ отъ подробнаго его описанія.

VIII.

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ, КОТОРЫЯ МОГУТЪ ВОЗВЫШАТЬ
И УМЕНЬШАТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ПОЧВЪ.

Кромѣ составныхъ началъ почвы и ея физическихъ свойствъ имѣютъ вліяніе на плодородіе полей и многія другія условія. Къ числу таковыхъ условій принадлежатъ:

1) *Склонъ или покатость почвы, и положеніе ея относительно страны свѣта.* Въ слѣдствіе обонхъ этихъ условій могутъ измѣняться какъ производительныя силы почвы, такъ и прозябеніе растений. На почвахъ, которыя имѣютъ горизонтальное и совершенно-ровное положеніе, дождевая и всякая другая вода застаивается по недостатку склона, и особенно, если подпочва будетъ неудобопроходима для воды; а потому ровныя почвы всегда почти бываютъ сыры и холодны. Съ другой стороны, на почвахъ, горизонтально и ровно лежащихъ, навозъ и другія питательныя начала не такъ легко уносятся водою. — Наклонное положеніе почвы можетъ быть полезно только въ климатахъ сырыхъ и влажныхъ, или—когда подпочва непроходима для воды; потому что тогда излишняя влага удобно можетъ стекать. Ровное и совершенно-гладкое положеніе почвы можетъ быть выгодно въ климатъ сухомъ, или—когда подпочва удобопроницаема для воды; потому что тогда долѣе задерживается сырость въ почвѣ.

Относительно склона *Крутицъ* (Krutsch) называетъ почвы съ Склономъ въ

1 — 5°	незамлтно-покатыми, или отлогими,
5 — 10°	умѣренно-покатыми,
10 — 15°	крутыми,
15 — 20°	очень крутыми,
за 20°	чрезвычайно-крутыми.

Впрочемъ должно сказать, что склонъ почвы всегда представляется намъ гораздо бѣльшимъ, нежели каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Такъ почвы съ склономъ въ $12-15^{\circ}$ намъ кажутся очень крутыми. Наблюденія намъ показываютъ, что почвы съ склономъ въ $1-2^{\circ}$ преимущественно годны для хлѣбопашества. Поля со склономъ въ $7-8^{\circ}$ также легко могутъ быть обрабатываемы пахатными орудіями и назначаемы подъ посѣвъ сельско-хозяйственныхъ растений. Поля съ склономъ въ 15° не должны быть болѣе назначаемы для хлѣбопашества: ихъ уже трудно обрабатывать пахатными орудіями, и дождевая вода тогда легко смываетъ пахатный слой земли; а потому ихъ и назначаютъ подъ луга и пастбища. Поля съ склономъ въ 20° также могутъ быть назначаемы подъ луга и пастбища, а съ склономъ выше 30° могутъ быть годны только для лѣсоводства и садоводства. Еслиже поля бываютъ съ склономъ въ $40-50^{\circ}$, то онѣ остаются совершенно обнаженными отъ растительности, и неспособными для сельско-хозяйственной промышленности. Если очень покатыя поля поросли кустарникомъ, то не должно вырывать ихъ; иначе пахатный слой будетъ сноситься водою, почва скоро будетъ высыхать и сдѣлается совершенно-безплодною.

Относительно страны свѣта должно замѣтить:

а) Почвы, обращенныя склономъ къ западу, менѣе подвергаются засухѣ, сравнительно съ почвами, обращенными склономъ на востокъ; потому-что западные вѣтры несутъ съ собой сырость и влажность, а восточные всегда почти приносятъ засуху. Съ другой стороны известно также, что почвы, обращенныя своимъ склономъ къ западу, чаще подвергаются граду и ливнямъ-дождямъ.

б) Почвы, обращенныя своимъ склономъ на югъ, бываютъ всегда сухи и теплы, потому-что солнечные лучи падаютъ тогда въ болѣе-перпендикулярномъ направленіи и сильнѣе нагрѣваютъ землю; а потому растенія, которыя много требуютъ теплоты для своего совершеннаго развитія, даютъ на такихъ почвахъ плоды лучшаго качества. Если

почва, обращенная своимъ склономъ къ югу, лежитъ въ котловинѣ, то температура ея еще значительнѣе повышается; и на такой почвѣ можно акклиматизировать растенія, которыя по своей природѣ требуютъ климата болѣе-теплаго.

с) Почвы, обращенныя склономъ къ сѣверу, бываютъ и холодны и сыры; растительность на нихъ позднѣе приходитъ въ движеніе, всѣ растенія или вызрѣваютъ поздно, или совершенно не достигаютъ зрѣлости; потому-что солнечныя лучи тутъ совершенно не касаются почвы, а только, если можно такъ выразиться, скользятъ по ней. Такія почвы могутъ быть годны только для травосѣянія и лѣсоводства. Съ другой стороны, на почвахъ, обращенныхъ склономъ къ сѣверу, растенія въ началѣ весны не такъ легко подвергаются вымерзанію; потому-что земля во время дня почти не нагревается, отъ того и растительная жизнь не приходитъ въ движеніе. Песчаныя почвы на сѣверныхъ склонахъ горъ бываютъ плодороднѣе, потому-что тогда онѣ не такъ легко высыхаютъ. А производительность глинистыхъ почвъ повышается на южныхъ склонахъ горъ, потому-что тогда онѣ не такъ много страдаютъ отъ избытка сырости.

d) Почвы, обращенныя склономъ на юго-востокъ и юго-западъ, считаются самыми лучшими, потому-что тогда всѣ растенія лучше развиваются отъ совокупнаго и благотворнаго вліянія всѣхъ дѣятелей атмосферы.

2) *Возвышенность почвъ надъ уровнемъ моря.* Почва можетъ содержать въ себѣ избытокъ питательныхъ началъ, но при всемъ томъ быть неплодородною, если она лежитъ на высокихъ горахъ и значительно возвышается надъ поверхностію моря; потому-что тамъ воздухъ холоднѣе, сырѣе, и растенія не могутъ достигать надлежащей зрѣлости. Почвы, относительно ихъ возвышенности надъ уровнемъ моря, можно раздѣлить на тѣже самыя области растительнаго прозябанія, которыя были изложены мною въ ученіи «О Климатѣ» (смотри мое сочиненіе «О Климатѣ въ Сельско-Хозяйственномъ отношеніи» стр. 114 и 138). При подошвахъ и доли-

нах горь можно заниматься земледѣліемъ; выше нѣсколько лежитъ область пастбищъ; за нею находится область лѣсовъ, а наконецъ и область вѣчнаго снѣгу. На югѣ Европы можно заниматься полеводствомъ на сѣверныхъ склонахъ горъ при возвышенности надъ уровнемъ моря въ 2,500 футовъ, а на южныхъ склонахъ — при возвышенности въ 3,500 футовъ.

3) *Климатъ*. Я не буду говорить подробно о вліяніи климата на почвы, потому-что этотъ предметъ развитъ мною въ прежде изданномъ мною сочиненіи «О Климатѣ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.» А здѣсь я только упомяну, что въ климатахъ сухихъ и жаркихъ возвышается производительность глинистыхъ почвъ; напротивъ цѣнность и производительность песчаныхъ почвъ возвышается въ климатахъ сырыхъ и холодныхъ, или — когда онѣ лежатъ вблизи морей, озеръ, рѣкъ. Такъ въ Англіи на песчаныхъ почвахъ родится очень хорошо пшеница, напротивъ въ южной Франціи песчаная почва совершенно-безплодна. Климатъ имѣетъ также большое вліяніе на образованіе питательныхъ началъ въ растеніяхъ. Опытъ показываетъ намъ, что клебера, сахара, больше образуется въ растеніяхъ только при избыткѣ теплоты. Такъ пшеница сицилійская и африканская, какъ показываетъ химическое изслѣдованіе, содержитъ въ себѣ больше клебера, нежели англійская. Шотландскій ячмень, хотя и полновѣснѣе англійскаго, даетъ солода $\frac{1}{5}$ меньше противъ англійскаго. Наконецъ вкусъ плодовъ также условливается климатомъ, потому-что ароматическія начала образуются въ растеніяхъ при достаточномъ количествѣ теплоты; при недостаткѣ теплоты въ растеніяхъ иногда могутъ развиваться яды; такъ напр. пастинаки бываютъ ядовиты, когда они прозябаютъ въ сырыхъ и холодныхъ климатахъ. Въ нѣкоторыхъ-же растеніяхъ развиваются ядовитыя начала отъ усиленнаго дѣйствія теплоты. Такъ, напр., во всей Россіи и Польшѣ нѣкоторыя породы грибовъ употребляются народомъ въ пищу; тѣже самыя породы грибовъ въ Германіи становятся ядовитыми.

4) *Прилежащая окрестность.* Большіе лѣса и рѣки, высокія горы, моря, озера, болота, большіе города, живыя изгороди, металлическія копи, химическіе заводы, солонваренныя фабрики и т. д., могутъ также измѣнять производительность почвы и имѣть большее или меньшее вліяніе на развитіе растений. *Большіе лѣса* лѣтомъ охлаждають температуру воздуха, потому-что посредствомъ своихъ листьевъ испаряють много воды, а при всякомъ испареніи теплота поглощается и дѣлается скрытною; въ лѣсистыхъ мѣстахъ падаетъ больше дождя. Если лѣса тянутся отъ востока на западъ или отъ сѣверо-запада къ востоку, то они почвѣ и прозябающимъ на ней растеніямъ служатъ защитою противъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ; но за то лѣсомъ лѣса до того понижаютъ температуру воздуха, что растенія, прозябающія вблизи ихъ, поражаются ржавчиною и медяною росою. Большія рѣки, озера, болота, моря, доставляютъ атмосферѣ большее количество влажности, которая или поглощается почвою, или садится на нее въ видѣ росы. Вблизи большихъ вмѣстимости водъ, отъ испаренія воды воздухъ и почва лѣтомъ сильно охлаждаются, отъ того-то тутъ виноградныя лозы, плодовые деревья, кукуруза и многія другія растенія не достигаютъ зрѣлости, а иногда и совершенно вымерзають. Большія рѣки вредятъ иногда полямъ тѣмъ, что заливаютъ ихъ во время уборки хлѣба. *Высокія горы* съ снѣжными вершинами, охлаждають воздухъ, потому-что при таяніи снѣга лѣтомъ теплота поглощается и дѣлается скрытною; въ нагорныхъ странахъ весна бываетъ вообще холодна. *Вблизи большихъ городовъ* и въ *странахъ населенныхъ* почва всегда бываетъ производительнѣе, потому-что тамъ, гдѣ много живетъ людей и животныхъ, воздухъ наполняется различнаго рода газами: угольною кислотою, амміакомъ, которые могутъ служить непосредственною пищею для растений. Въ большихъ городахъ сжигается ежегодно большое количество дровъ; при чемъ большая часть золы и сажки сперва отдѣляется въ воздухъ, а потомъ осаждается на соседнія поля. *Живыя изгороди*, которыми обсаживаютъ

поля, доставляютъ почвѣ защиту противъ вѣтровъ и непогоды. Въ живыхъ изгородяхъ на почву осаждаются больше пыли, отъ чего она и бываетъ плодороднѣе. Кромѣ того почва за живою изгородью и не такъ скоро высыхаетъ. *Вблизи соловаренныхъ заводовъ* вѣсть съ водою испаряется въ воздухъ нѣсколько и соли, которая потомъ осаждается на почву и можетъ возвышать собою ея плодородіе. Металлическіе заводы и копи приносятъ сосѣднимъ полямъ больше вреда, нежели пользы, потому-что металлическія руды содержатъ въ себѣ мышьякъ, который, превращаясь въ пары, улетаетъ въ воздухъ, садится потомъ на сосѣднія поля, и отравляетъ ихъ такъ, что на нихъ погибаютъ всѣ растенія.

IX.

О РАСПОЗНАВАНІИ ПОЧВЪ ПО НАРУЖНЫМЪ ПРИЗНАКАМЪ.

Качество почвъ относительно ихъ составныхъ началъ и плодородія можно приблизительно опредѣлить по наружнымъ признакамъ. Къ числу таковыхъ признаковъ принадлежатъ:

1) *Дико-прозябающія растенія*, которыя появляются въ видѣ сорныхъ травъ на пару и во время развитія сельскохозяйственныхъ растеній. Такъ на связныхъ глинистыхъ почвахъ растутъ дико въ большомъ количествѣ: *мать-мачиха* (*Tussilago petasites et farfara*), *цихорій* (*cichorium intybus*) и *сурепица* (*synapis arvensis*); на суглинистыхъ и супесчаныхъ влажныхъ почвахъ чаще всего попадаются: *полевая рѣдька* (*raphanus raphanistrum*), *одуванчикъ* (*leontodon tharafacum*), *пулавка* (*anthemis cotula*), *лисий хвостъ* (*alope-*

curus pratensis), *полевица* (agrostis spica venti). На легких песчаных почвах прозябают въ изобиліи: *торица* (spergula arvensis), *аира* (aira canescens), *овечья овсяница* (festuca ovina), *верескъ* (erica vulgaris), *спартіумъ скораріумъ*, *мокрица* (draba verna). На известковых почвах размножаются преимущественно: *хмльевидная люцерна* (medicago lupulina), *ежевика* (rubus caesius), *полевая мята* (mentha arvensis), *полевой колокольчикъ* (convolvulus arvensis), *эспарсетъ* (hedysarum opobrychis), *дикой макъ*, *чертополохъ*. На тучныхъ и хорошо разработанныхъ почвахъ чаще всего встрѣчаются: *дымянка* (fumaria officinalis), *мокрець* (alsine media), *жабрей или пикульникъ* (galeopsis versicolor et galeopsis tetragit), *лебеда* (atriplex radula), *пырей* (triticum repens); *ѣдкій лютикъ* (ranculus acris et arvensis), *одуряющій плевель* (lolium temulentum), *ржаной костерь* (bromus secalinus) родятся во множествѣ на сырыхъ поляхъ. На холодныхъ сырыхъ и глинистыхъ почвахъ съ непронускающею воду подпочвою растутъ: *донникъ* (melilotus officinalis et vulgaris), *хвоць* (equisetum palustre). Торфянистыя и болотистыя почвы изобилуютъ: *дикою гречкою* (polygonum persicaria), *осоками* и *ситниками* (carices, scirpi, junci), *пуховикомъ* (eriphogum polystachion), *блокопытникомъ* (caltha palustris) и многими другими.

2) *Цвѣтъ почвъ*. Если почва бѣлаго цвѣта, то, значитъ, въ ней есть гипсъ или известь; желтый, красный или бурокрасный цвѣтъ указываетъ на присутствіе желѣза въ почвѣ, перемѣшаннаго съ глиною и известью; темно-бурый и черный цвѣтъ означаютъ присутствіе чернозема въ почвѣ. Если почва содержитъ въ себѣ 2% чернозему, то она получитъ едва замѣтный черный цвѣтъ; если въ ней бываетъ 4% чернозему, то она становится грязно-сѣрою; при 10% чернозему цвѣтъ ея бываетъ черно-бархатный, особенно послѣ дождя. Если земля во время кипяченія сообщаетъ водѣ буро-желтый или темный цвѣтъ, то, значитъ, земля содержитъ въ себѣ черноземъ. Если кусокъ земли жечь на огнѣ, и если внутри послѣ каленія онъ почернѣетъ, то, значитъ, въ почвѣ есть черноземъ. Если землю распустить въ

воду и если лакмусовая бумажка, обмакнутая въ такую воду, покраснѣетъ, то, значить, въ почвѣ много кислаго чернозема.

3) *Цвѣтъ воды, которая скоплется въ бороздахъ послѣ дождя.* Если вода бываетъ въ бороздахъ желтоватаго цвѣту, то значить, что почва плодородна и въ ней много черноземно-кислыхъ солей; если вода въ бороздахъ имѣетъ видъ сыворотки, то, значить, почва бесплодна и въ ней много песку. Если въ бороздахъ послѣ дождя скоплется много или желто-бураго цвѣта, то въ почвѣ много желѣза.

4) *Сырость почвы послѣ дождя.* Чѣмъ долѣе почва послѣ дождя остается мокрою, тѣмъ больше въ ней глины; чѣмъ скорѣе высыхаетъ она, тѣмъ больше въ ней песку. Если послѣ большихъ и длительныхъ дождей вода застываетъ на поверхности почвы, то много въ ней глины, и, значить, подпочва у нея непроходима для воды; а если скоро пропадаетъ, то, значить, въ ней много песку или извести и подпочва пропускаетъ сквозь себя воду.

5) *Пласты, образующіеся во время паханія.* Если вывороченные во время паханія пласты и глыбы блестятъ, то въ почвѣ много глины или суглинка, особенно, если они не скоро распадаются на мелкія части. Если же пласты и глыбы послѣ паханія скоро распадаются на мелкія части, то въ ней много песку съ примѣсью мергеля, или извести. Если пласты и глыбы земли не издають ни малѣйшаго блеску, даже и во время паханія, то почва принадлежитъ къ классу песчаныхъ или суглинисто-песчаныхъ почвъ. Если на полѣ послѣ паханія остаются большія глыбы, если послѣ длительной засухи на пашнѣ остаются большія трещины и разщелины, то, значить, почва принадлежитъ къ классу глинистыхъ почвъ. Чѣмъ мельче бывають глыбы послѣ паханія, и чѣмъ меньше во время длительной засухи появляется трещинъ и разщелинъ, тѣмъ болѣе она приближается къ песчанымъ почвамъ.

6) *Степень прилипанія земли къ пахатнымъ орудіямъ во время обработки.* Если во время паханія вскорѣ послѣ дождя земля сильно налипаєтъ на пахатныя орудія, то въ

ней много глины; а чѣмъ меньше она налипааетъ, тѣмъ больше въ ней песку, извести и чернозему. Далѣе, если земля послѣ дождя очень сильно липнетъ къ ногамъ, то въ ней много жирной глины, а если она совершенно не липнетъ, то въ ней много песку.

7) *Изломъ глыбъ или пластовъ.* Если глыбы въ изломѣ имѣютъ зернистое сложеніе, то въ почвѣ много песку, а если изломъ глыбъ землястый, и сложеніе ихъ плотное, то въ почвѣ много глины; если же въ изломѣ глыбы представляютъ слоистое строеніе, то въ почвѣ есть мергель или слоистая глина, или слоистая известь.

8) *Запахъ почвы.* Плодородныя почвы въ мокромъ состояніи издають запахъ садовой земли, глинистыя — запахъ глины, кислыя — кислый запахъ. Если во время перекаливанія почва издаетъ запахъ сженаго пера, то въ ней много животно-растительнаго чернозему; если во время пережиганія съ углемъ издаетъ она запахъ горящей свры, то въ ней есть гипсъ.

9) *Шипѣніе почвы при поливаніи кислотою.* Если земля во время растиранія въ ступкѣ и обливанія ея крѣпкою кислотою, издаетъ шипѣніе, то въ ней есть известковый мергель.

10) *Ощупь или осязаніе.* Чѣмъ жирнѣе почва наощупь въ сырѣмъ состояніи, тѣмъ больше въ ней глины, чѣмъ мягче и глаже она, тѣмъ меньше въ ней песку. Чѣмъ гуще земля съ водою даетъ тѣсто, тѣмъ больше въ ней глины; чѣмъ жиже съ водою она даетъ тѣсто, тѣмъ больше въ ней песку, извести или чернозему. Если при растираніи пальцами въ землѣ попадаются зерна, то въ ней есть песокъ. Чѣмъ труднѣе обрабатывать почву въ сухѣмъ и сырѣмъ состояніи, тѣмъ больше въ ней глины, а чѣмъ легче ее обрабатывать, тѣмъ больше въ ней песку.

11) *Насѣкомыя черви и гусеницы.* Чѣмъ больше этихъ животныхъ водится въ почвѣ, тѣмъ и земля плодороднѣе. Норы, которыя видны бывають въ бороздахъ послѣ паханія,

указываютъ на большее или меньшее присутствіе этихъ животныхъ въ почвѣ.

12) *Кротовины.* Чѣмъ больше кротовинъ на полѣ, тѣмъ больше въ ней червей, насякомыхъ, гусеницъ, и тѣмъ, значитъ, она плодороднѣе.

13) *Птицы, которыя садятся на пахатныхъ поляхъ.* Жаворонки всегда садятся на почвахъ плодородныхъ, потому что здѣсь они находятъ для своего пропитанія достаточное количество червей. Чибесы вьютъ всегда свои гнѣзда на сырыхъ почвахъ, содержащихъ въ себѣ много кислаго чернозему.

Окончаніе слѣд.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ФИЛОЛОГІЯ.

ОБЪ ЭПИЧЕСКИХЪ ВЫРАЖЕНІЯХЪ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ.

*(По поводу Сборника украинскихъ пѣсень, изданныхъ М. А. Максимовичемъ
въ Кіевѣ, въ 1849 году.)*

Обративъ вниманіе на точку зрѣнія, съ которой мы смотримъ на народную поэзію, читатель не удивится, почему, послѣ Бодянскаго, Гоголя, Максимовича, Срезневскаго, мы вздумали писать объ украинскихъ пѣсняхъ, о которыхъ такъ много хорошаго было сказано этими писателями.—До селѣ болѣе обращали вниманіе только на историческое и эстетическое значеніе народной словесности, оставляя безъ надлежащаго изслѣдованія грамматическую часть ея. Разсужденіе объ эпическихъ формахъ народной поэзіи можетъ быть интересно потому, что ни въ какомъ поэтическомъ произведеніи не оказывается такого яркаго отпечатка художественной идеи на внѣшнее выраженіе, какъ въ обычныхъ эпическихъ формахъ поэзіи эпической. Причина тому въ самомъ языкѣ. Такъ какъ образованіе языка стоитъ въ связи съ зарожденіемъ народныхъ мѣловъ и сказаній: то въ обычности и неизмѣнности эпическихъ выраженій весьма естественно можно усмотрѣть нѣкоторыя древнѣйшія свойства образующагося языка. Потому эпическія формы имѣютъ интересъ двоякій: эстетическій и грамматическій или лингвистическій. Служа вѣрнымъ выраженіемъ эпическаго вдохновенія, онѣ должны занять почетное мѣсто въ Эстетикѣ, между фактами самыми положительными; соответствуя образованію формъ самаго

языка, онъ составляютъ предметъ сравнительно-исторической грамматики.

Чтобы объяснить вышесказанное примѣромъ, возьмемъ гомерическое выраженіе *νυκτὸς ἀμολύψῃ*. Оно ведетъ свое начало отъ жизни пастушеской: *ἀμολύψῃ* значитъ доеніе, и потому время, когда доять, то есть сумерки и разсвѣтъ. Это выраженіе можно назвать эпической формою: въ отношеніи эпическомъ ничего не можетъ быть сообразнѣе, какъ дѣйствіемъ, и притомъ изобразительнымъ, описывать отвлеченное понятіе времени. Это древнее эпическое выраженіе Гомера встрѣчается въ украинской поэзіи въ слѣдующей формѣ: «шлы коровы изъ дубровы, овечкы изъ поля; выплакала кары очи кры козака стоя». Описаніе вечера возвращеніемъ стада домой совершенно соотвѣтствуетъ гомерическому *νυκτὸς ἀμολύψῃ*.

Хотя по содержанію украинскія пѣсни уступаютъ въ древности великорусскимъ, однако въ отношеніи эпическихъ формъ и тѣ и другія одинаково отзываются старинною до-историческою.

Такъ какъ происхожденіе и образованіе обычныхъ эпическихъ выраженій теряются въ глубокой старинѣ; то прежде нежели приступимъ къ характеристикѣ этихъ выраженій въ настоящемъ ихъ видѣ, укажемъ на слѣды ихъ существованія въ древнѣйшую эпоху. Такое историческое обозрѣніе малорусскихъ эпическихъ формъ важно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, опредѣлить ихъ историческую давность и неизмѣнное ихъ существованіе отъ глубокой старины до нашихъ временъ, постоянно поддерживаемое обычаемъ и преданіемъ: чѣмъ и докажетъ, что эти формы дѣйствительно заслуживаютъ названія *неизмѣнныхъ, обычныхъ, по преданію* дошедшихъ до насъ, и *испоконъ вѣку* жившихъ въ устахъ народа; во-вторыхъ, тѣсными узами историческаго преданія свяжетъ современную намъ народность съ нашей старинною, и такимъ образомъ выставитъ народную поэзію въ ея настоящемъ свѣтѣ, какъ постоянное, ни отъ какихъ случайностей независящее выраженіе мышленія, впечатлѣній и чувствованій народа.

Образованіе эпическихъ формъ народной поэзіи стоитъ въ неразрывной связи съ образованіемъ самого языка, и потому составляетъ предметъ сравнительно-историческаго языковѣденія. Средство поэтическихъ выраженій народной поэзіи всѣхъ племенъ индо-европейскихъ обуславливается средствомъ ихъ языковъ. Чтобы не уклониться далеко отъ своего предмета, мы пока оставимъ не тронутымъ этотъ до-историческій періодъ образованія эпическихъ формъ въ связи съ образованіемъ самого языка, и ограничимся изысканіемъ только древнѣйшихъ слѣдовъ эпическаго языка малорусскихъ пѣсень, слѣдовъ, сохранившихся въ старинныхъ литературныхъ памятникахъ: и при томъ, сначала въ памятникахъ отечественныхъ, чтобы показать, съ какого времени эти формы уже записаны въ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ древнѣйшей эпохи; а потомъ въ памятникахъ иностранныхъ, въ доказательство тому, что эпическія выраженія малорусской поэзіи не исключительная принадлежность малорусскаго племени, образовавшаяся въ позднѣйшее время, вмѣстѣ съ историческими судьбами Малороссіи, но есть общее достояніе языковъ индо-европейскихъ. Исторія эпическихъ формъ по древнимъ отечественнымъ произведеніямъ войдетъ въ исторію языка, по иностраннымъ-же произведеніямъ — будетъ соответствовать Сравнительной Грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ: и какъ сія послѣдняя входитъ, какъ часть, въ историческое обозрѣніе языка, именно составляетъ древнѣйшій, до-историческій періодъ исторіи cadaго изъ языковъ индо-европейскихъ: такъ и сближеніе эпическихъ формъ малорусской поэзіи съ формами чужеземными служитъ переходомъ отъ исторической эпохи языка эпическаго къ до-исторической. Желая выставить на первомъ планѣ очевидное и несомнѣнное и потомъ уже позволить себѣ заключеніе о вѣроятномъ и возможномъ, не будемъ слѣдовать хронологическому порядку въ избраніи памятниковъ литературныхъ для сличенія съ пѣснями, и сначала остановимся на XII в. русской письменности, а потомъ уже обратимся къ эпохѣ древнѣйшей, взявъ въ пособіе произведенія иностранной литературы.

I. Следы эпических форм малорусской поэзии в русской литературе XII в.

Язык Слова о полку Игореве представляет нам образцы древнѣйшихъ эпическихъ формъ не только малорусскихъ, но и вообще народныхъ русскихъ пѣсень и сказокъ. Сличеніе украинскихъ пѣсень съ этимъ древнимъ памятникомъ важно для науки во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ укажетъ на существованіе многихъ нынѣшнихъ эпическихъ формъ народной поэзии уже въ XII в.; во-вторыхъ, сближеніемъ Слова съ безыскусственными пѣснями, выставить на видъ простоту и безыскусственность языка этого древняго произведенія, въ которомъ прежніе толкователи и критики видѣли одну вычурность и неестественность; и наконецъ объяснить южное происхожденіе Слова, доказавъ ближайшее сродство его съ русскою поэзіею, именно южною, доселѣ сохранившеюся въ украинскихъ пѣсняхъ.

Уже самъ почтенный издатель украинскихъ пѣсень въ примѣчаніяхъ ссылается на мѣста въ Сл. о П. И., сходныя съ пѣснями: намъ остается только дать нѣкоторый порядокъ его ссылкамъ, дополнивъ ихъ не многими сближеніями, имъ неуказанными.

1. Прекрасно представляется въ словѣ о П. И. битва въ образахъ жизни земледѣльской: «черна земля подъ копытами, костью была постыана, а кровью полита, горемъ взошли онъ (кости?) по русской земль.» Какъ свойственно это изображеніе нашей южной поэзии, свидѣтельствуетъ одна галицкая пѣсня, начинающаяся такимъ-же представленіемъ битвы: «черна пашня вспахана и пулями засыана, бѣлымъ тѣломъ заволочена и кровью всполоснута.» Въ украинской пѣснѣ на походъ Хмѣльницкаго въ Молдавію удержано начало уподобленія слова о П. И., опущенное въ галицкой пѣснѣ, именно: «уже почаль онъ землю конскими копытами орати, кровью молдавскою поливати.» Какъ варіація того-же образа, впрочемъ примѣненнаго уже не къ битвѣ, попадаетъ въ малорусской пѣснѣ довольно-странное съ перваго раза изображеніе печали, котораго простой и естественный

смысль выступить только тогда, когда близимъ оное съ вышеприведенными описаніями битвы: «вспахала вдовушка мыслями поле, черными очиньками заволочила, дробными слезоньками все поле смочила¹». Сличивъ всѣ эти мѣста изъ пѣсень съ первообразомъ ихъ въ словѣ о П. И., ясно видимъ, какою изящною простотою отличается онъ отъ позднѣйшихъ своихъ варіацій. Народная фантазія не удовольствовалась разнообразнымъ повтореніемъ сей картины, какъ случайнымъ украшеніемъ, уподобленіемъ кстати: она развила его до цѣлой пѣсни², для того чтобы во всей подробности исчерпать всѣ красоты своего любимаго уподобленія и дать ему просторъ на цѣлую пѣсню:

За славною за рѣчкою Утвою,
 По горамъ было Утвинскимъ,
 По раздольицамъ по широкимъ,
 Распахана была пашенка яровая;
 Не плугомъ была пахана, не сохою,
 А вострыми Мурзавецкими копьями;
 Не бороною была пашенка взборнована,
 А коневыми рѣзвыми ногами;
 Не рожью посѣяна была пашенка, не пшеницей,
 А посѣяна была пашенка яровая
 Казачьими буйными головами;
 Не поливой она всполивана,
 Не осеннимъ сильнымъ дождичкомъ,
 Всполивана была пашенка
 Казачьими горючьими слезами.

Сочиненіе этой пѣсни, какъ всякій видитъ, объясняется подробнымъ анализомъ любимаго русской фантазіею уподобленія, проходящаго въ продолженіи многихъ столѣтій по малорусской поэзіи, начиная отъ слова о П. И. Видно, что наши предки не только чувствовали эпическую красоту, но иногда и сознавали ее: впрочемъ и сознаніе свое выражали въ пѣснѣ.

¹ Сахарова Сказ. Русск. Нар. 1, 243.

2. Не менѣе любимо въ нашей поэзіи уподобленіе битвы пиршеству, ведущее свое начало также отъ слова о П. И. «Тутъ кроваваго вина не достало, тутъ пиръ докончили храбрые Русичи: сватовъ напоили, а сами полегли за землю русскую.» Въ пѣснѣ на побѣду Корсуинскую панъ Хмѣльницкій, призывая козаковъ на войну съ Поляками, имѣетъ въ виду это обычное представленіе битвы въ образѣ пира: «Гей други молодцы, братья козаки запорожцы! добре знайте гадайте, съ Ляхами пиво варить затирайте! Лядскій солодъ, мозацка вода, лядски дрова, козацки труда.» Далѣе распространяется пѣвецъ о пивѣ, которое варятъ козаки сообща съ Поляками: «ой не вербы то шумѣли, и не галки закричали, то козаки съ Ляхами пиво варить зачинали.» Пѣвцамъ тѣмъ любезнѣе было это старобытное представленіе, что оно какъ пельзя лучше примѣнялось къ современности, намекая на хмѣль, необходимую приправу въ пиво: а Хмѣльницкій своей фамиліей подавалъ поводъ къ прозвищу, которымъ его величали: именно *старый хмѣль*: «Что не тотъ хмѣль, говоритъ одна пѣсня, что около тычинъ вѣется: а то Хмѣльницкій, что съ Ляхами бьется.» Слово о П. И. умѣло и въ этомъ уподобленіи удержать воображеніе въ предѣлахъ умѣренности. Малорусская поэзія дала впоследствии бѣльшій просторъ фантазіи въ гиперболическомъ представленіи битвы, какъ пира адскаго: «а что какъ наше козачество Ляхи, какъ въ аду, спалать, да изъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье сварятъ!»² Наконецъ воображеніе, недовольное краткими вариациями, играетъ этимъ представленіемъ кроваваго пира, внимательно разбирая оное по частямъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ видимъ въ слѣдующей казацкой пѣснѣ:³ идетъ молодецъ шатается, мать его спрашиваетъ:

Ты за чѣмъ такъ, мое чадушко, напиваешься?
 До сырой-то до земли все приклоняешься,
 И за травушку за ковылушку все хватаешься?
 Какъ возговорить добрый молодецъ родно! матушкѣ:

³ Сахаров. *ibid.* 240.

И не самъ такъ добрый молодецъ наиваюся:
 Напомнѣ-то меня турецкій царь тремя поймами,
 Что тремя-то было поймами, тремя розными:
 Какъ и первое-то его пойло сабля остра,
 А другое его пойло — копьѣ мѣткое было,
 Его третье-то пойло — пуля свинчатая.

Какъ нельзя мыслями пахать поля, такъ неестественно представленіе сабли, копья и пули въ образъ пойла. Но такая неестественность извиняется тѣми древнѣйшими простыми воззрѣніями, которыя лежатъ въ основѣ этихъ выраженій.

3. Приближеніе войска на полѣ битвы Слово о П. И. изображаетъ въ видѣ грозной тучи: «черныя тучи съ моря идуть, хотять прикрыть четыре солнца, а въ нихъ трепещуть синія молніи. Быть грому великому»... Тѣми же красками изображаетъ украинская дума на побѣду Чигиринскую непріятельское нашествіе: «изъ за горы туча выступаетъ, до Чигирина громомъ гремитъ, на украинскую землю молнією блистаетъ».³

4. Побѣдители въ словѣ о П. И. *мостятъ мосты* захваченной добычей: «ортьмами и япончицами и кожухами стали мосты мостить, по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ, и всякими узорочьями половецкими.» Украинскія пѣсни еще помнятъ это представленіе, но придаютъ ему болѣе-вычурный образъ гиперболическими подробностями: «текутъ рѣчки да все кровавыя, черезъ тѣ рѣчки мостятъ мосты, мостятъ мосты да все головками, головками, да все московскимн.»⁴

5. Днѣпръ, любимая рѣка запорожцевъ, до позднѣйшаго времени величалась именемъ *Славути*: «Къ Днѣпру Славуть» поется въ одной украинской пѣснѣ, Сборн. Макс. 44. Это велось издревле, о чемъ свидѣтельствуетъ воззваніе къ этой рѣкѣ въ Слово о П. И. «о Днѣпре Словутицю!»

6. Другая знаменитая въ русскихъ пѣсняхъ рѣка, Дунай, упоминается неоднократно въ словѣ о П. И., не въ своемъ собственномъ значеніи известной рѣки, на которой жили некогда Славяне, а въ нарицательномъ смыслѣ, въ значеніи рѣки вообще, какъ употребляется и доселѣ въ пѣсняхъ, на

пр. въ одной польской: «за водами за быстрыми, дунаями глубокими.»⁵ Въ томъ-же нарицательномъ значеніи названіе Дунай въ украинскихъ пѣсняхъ дается морю: «попадъ синимъ моремъ-дунаемъ», Сборн. Макс. 28.

7. Какъ въ словѣ о П. И., такъ и въ малорусскихъ пѣсняхъ память о стародавнемъ Дунаѣ соединяется съ символическимъ образомъ кукушки. Плачущая Ярославна, тоскуя о своемъ мужѣ, называетъ себя кукушкой, и начинаетъ свою пѣсню, или лучше сказать причитанье, одно изъ самыхъ поэтическихъ мѣстъ въ словѣ о П. И., слѣдующими словами: «полечу, говорить, кукушкой по Дунаю; омочу бобровый рукавъ въ Каяль рѣкъ, утру князю кровавыя его раны на жестокомъ его тѣлѣ». Такое-же сближеніе кукушки съ Дунаемъ въ малорус. пѣснѣ: «ой летѣла кукушечка черезъ поле, да и роняла рябое перушко въ тихій Дунай». Какъ Ярославна потому называется въ словѣ о П. И. кукушкой, что тоскуетъ и плачетъ, такъ въ малорус. пѣсняхъ кукушка — образъ горюющей женщины⁶.

8. Въ словѣ о П. И. постоянно встрѣчаемъ представленіе людей въ образѣ птицъ и звѣрей, не только какъ поэтическое украшеніе, но и какъ остатокъ вѣрованія въ превращеніе людей въ животныхъ, напр. «Игорь князь поскакалъ горностаемъ въ тростникъ, и бѣлымъ гоголемъ на воду: бросился на борзаго коня, и скочилъ съ него босымъ волкомъ, и побѣжалъ къ лугу Донца, и полетѣлъ соколомъ подъ мглами, избивая гусей и лебедей, къ завтраку и обѣду и ужину». Проникнутая тѣми-же поэтическими образами, въ одной украинской пѣснѣ, сестра представляетъ въ своемъ воображеніи отсутствующаго брата почти также, какъ древній пѣвецъ Игоря: «Черезъ темный лѣсъ яснымъ соколомъ лети; черезъ быстрыя воды бѣлымъ лебедемъ плыви, черезъ степи далекія перепелочкомъ бѣги; на моемъ, братецъ, подворьѣ ты голубчикомъ пади, доброе слово взговори, мое сердце сиротское взвесели!»⁷ Что въ глубинѣ этихъ поэтическихъ образовъ лежитъ старинное вѣрованіе въ оборотней, свидѣтельствуетъ древнее русское стихотвореніе о Волхѣ Всеславичѣ, почти тѣми-же словами описывающее чудесныя превращенія этого героя:

Дружина спить, такъ Волхъ не опить:
 Онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
 Бѣгадь, скакаль по темнымъ лѣсамъ и по раменью.
 Онъ обернется лснымъ соколомъ,
 Полетѣль онъ далече на синю море,
 А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
 А и сѣрымъ, малымъ уткамъ опуска нѣтъ;
 А поилъ, кормилъ дружинушу хорабрую.

Само собою разумѣется, что тотъ весьма грубо понялъ-бы народную фантазію, кто сталъ-бы предполагать, что вмѣстѣ съ подобными образами, намекающими на оборотней, постоянно соединилась мысль о чудодѣйственныхъ превращеніяхъ людей въ птицъ и звѣрей. По мѣрѣ ослабленія вѣрованія въ чудесное, міеологическіе намеки все темнѣе и темнѣе становились народу; поэтическіе-же образы, въ которые одѣлась нѣкогда міеологія, какъ обычные выраженія, могли навсегда сохраняться въ памяти народной. Пѣсня безсознательно употребляетъ старинное выраженіе, по преданію перешедшее къ потомству черезъ многія поколѣнія, и пѣвецъ вовсе не думаетъ, какой могло-бы оно имѣть смыслъ первоначально.

Не сличаемъ болѣе мелкихъ подробностей, общихъ Слову о П. И. съ малорусскими пѣснями, каковы обычные эпитеты, тавтологическія выраженія, отрицательное сравненіе и т. п.: точно такіа поэтическія украшенія встрѣчаемъ и въ великорусской и вообще въ славянской поэзіи. Изъ отличительныхъ свойствъ, равно принадлежащихъ и слову о П. И. и украинскимъ пѣснямъ, намъ слѣдовало-бы здѣсь указать на участіе звѣрей и птицъ въ сраженіяхъ и битвахъ: но объ этомъ будемъ говорить послѣ, въ своемъ мѣстѣ.

II. Слѣды эпическихъ формъ малорусской поэзіи въ литературѣ русской и вообще славянской отъ IX до XI в.

Въ старину отвлеченныя мысли выражались изобразительно. Какъ степень образованности нашихъ предковъ, такъ и самый языкъ, довольствовались живыми, наглядными представленіями; какое-либо общее понятіе не иначе могло пред-

ставиться въ умѣ, какъ въ неразрывной связи съ живымъ впечатлѣніемъ, свѣжесть котораго сохранялась и въ языкѣ изобразительностью и картинностью. Къ такимъ изобразительнымъ выраженіямъ принадлежитъ переданный намъ Несторомъ краткій мирный договоръ Болгарь съ Владимиромъ: «тогда не будетъ между нами мира, когда камень станетъ плавать, а хмѣль тонуть.» Такой способъ выраженія и доселѣ единственно употребительный въ народной поэзіи, которая не знаетъ отвлеченностей, какъ увидимъ выше. Теперь-же обращу вниманіе на то, какъ до позднѣйшей поры сохранилась эта старинная эпическая форма болгарскаго договора въ украинскихъ пѣсняхъ: мать, снаряжая своего сына на войну, спрашиваетъ его: «сынъ мой, когда прїѣдешь къ намъ?—Тогда я, матушка, прїѣду къ вамъ, когда павлиное перо внизъ потонетъ, а жерновъ наверхъ всплыветъ!—Вотъ ужъ жерновъ и наверхъ всплылъ, уже и павлиное перо внизъ потонуло, а еще сына моего изъ Гостина не видно!»—Сынъ весьма естественно могъ старинной эпической формою изобразительно высказать, что онъ никогда не вернется: послѣдующія-же слова пѣсни — явная варіація той-же формы, затѣйливая игра словъ: и перо внизъ потонуло, и жерновъ всплылъ, а его не дивать⁸. Точно такъ-же въ одной карпатской колядкѣ, на вопросъ сестры: «когда-жъ ты къ намъ, братецъ, гостемъ прїѣдешь?» отъѣзжающій братъ отвѣчаетъ: «озьми, сестрица, бѣлъ камень и легкое перо; пусти ты ихъ во тихій Дунай: какъ бѣлъ камень выплыветъ на верхъ, а легкое перо упадетъ на дно: какъ солнце взойдетъ на западъ — тогда, сестрица, я къ вамъ гостемъ прїѣду.» Этотъ любимый образъ нашей эпической поэзіи получилъ окончательное развитіе въ древнемъ велико-русскомъ стихотвореніи, мифологическаго содержанія: Садковъ корабль сталъ на морѣ. Корабль Садки не двинется съ мѣста. Догадываются, что недоволенъ чѣмъ-нибудь морской царь. Ему нужна жертва. Кого-же бросить въ море ему въ жертву? судьбу долженъ рѣшить жребій. Наемные люди корабельщики по приказанію Садки рѣжутъ себѣ жребіи тяжелые, *валжены*, а Садко для себя выбралъ хмѣлевое перо, а самъ приговариваетъ:

«А прыжки, люди вы наемны!
 А слушай рѣчи праведныхъ,
 А бросимъ мы ихъ на синее море,
 Которые-бы поверху плывутъ,
 А и тѣ-бы душеньки правыя,
 Что которые-то во морѣ тонутъ,
 А мы тѣхъ спихнемъ въ синее море.»
 А всѣ жеребья поверху плывутъ,
 Кабы яры гоголи по заводямъ!
 Единъ жеребій во морѣ тонетъ,
 Во морѣ тонетъ хмѣлево перо
 Самого Садки, гостя богатаго.

Видя, что эта хитрость не удастся, Садко полагаетъ условіе рѣшительно на оборотъ, и беретъ себѣ жеребій булатный въ десять пудъ: но опять и легкіе ветляные жеребья корабельщиковъ всѣ въ морѣ тонутъ, а жеребій Садки поверху плыветъ. Достаточно только привести это мѣсто изъ пѣсни о Садкѣ, чтобы видѣть, какъ часто творчество народной поэзіи, какъ творчество чисто-эпическое, слѣдуетъ обычнымъ образамъ, по преданію отъ старины дошедшимъ, и хотя подчиняется имъ, но ими не стѣсняется, а какъбы вновь испытываетъ свои силы надъ старинными образами, давалъ имъ новую поэтическую форму. Точно такъ-же самостоятельно испытывали свои поэтическія силы греческіе трагики надъ мифами, заимствованными у Гомера.

Переходя отъ русской литературы къ древнѣйшей поэзіи прочихъ Славянъ, остановлюсь только на чешскомъ произведеніи, относящемся къ IX в., именно на Судъ Любуши. Эта поэма имѣетъ предметомъ судъ княжны Любуши надъ двумя братьями, спорящими объ отцовскомъ наслѣдствѣ. Поэма такъ говоритъ о родѣ и племени этихъ братьевъ: «оба брата, оба кленовичи, стараго рода Тетвы Попелова, который пришелъ съ полками чеховыми въ эти тучныя области *черезъ три рѣки*». Ученые предлагали много догадокъ о томъ, какія именно могли быть эти три рѣки, черезъ которыя въ эпоху до-историческую проходили Чехи: одни думали, что это были Драва, Рабъ и Дунай; по мнѣнію другихъ,

Висла, Одеръ и Ельба. Но знаменитые издатели и комментаторы этого стариннаго памятника, Шафарикъ и Палацкій*, число *три* почитаютъ въ этомъ мѣствѣ за обычное эпическое выраженіе, подобно тому, какъ въ русскихъ сказкахъ у старика съ старухою *три* сына, богатырь отправляется черезъ *тридцать* земель въ *тридцатое* государство, или какъ вообще въ народной поэзіи всякая попытка *трижды* испробуется, пока не будетъ достигнуто желаемое. — Для насъ особенно важно то, что эта обычная эпическая форма о движеніи полковъ: *переходить черезъ три рѣки* — форма, ведущая начало изъ временъ до-историческихъ, отъ переселенія народовъ, досель сохранилась между эпическими выраженіями украинской поэзіи. Въ думѣ на побѣду чигиринскую о наступленіи польскаго войска сказано: *«то Поляки черезъ три рѣки три перехода переходили, да и близъ третьяго перехода станомъ стали, пустили коней на кормъ, а сами себѣ дали три часа отдыху».*

III. Слѣды эпическихъ формъ малорусской поэзіи въ иностранной поэзіи періода языческаго.

Тамъ, гдѣ украинскія пѣсни говорятъ объ участіи птицъ и звѣрей въ сраженіяхъ и въ смерти воиновъ, почти слово въ слово согласуются съ пѣснями древней Эдды и съ словомъ о полку Игоревѣ. Странно было-бы предполагать не только непосредственное, но даже и косвенное вліяніе этого древне-скандинавскаго памятника на южно-русскую поэзію отъ XII в. до позднѣйшей эпохи сложенія украинскихъ пѣсень. Одно только, хотя и замѣчательно-близкое, родство безыскусственныхъ пѣсень двухъ различныхъ народовъ не даетъ еще права заключать о взаимномъ вліяніи сихъ народовъ, безъ точныхъ историческихъ указаній. Тѣмъ не менѣе поразительное сходство поэзіи украинской съ пѣснями Эдды надобно признать любопытнымъ фактомъ въ исторіи эпической поэзіи, особенно потому, что между древнѣйшимъ скандинавскимъ памятникомъ и позднѣйшими украинскими

* Die aelteste denkmal. d. böhmisch. Spr. 1840 стр. 92.

пѣснями оказывается вѣрнымъ посредникомъ Слово о полку Игоревѣ, русское произведеніе XII в.

Прежде всего, чтобы познакомить читателей съ любимымъ малорусской поэзіею описаніемъ смерти козака, приведу самое замѣчательное по объему и полнотѣ мѣсто изъ украинской думы на побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова: утомленный казакъ ложится отдохнуть на Саворь-могилю: «въ тотъ часъ сизые орлы налетали, зорко въ очи козаку заглядывали. Козакъ то увидѣлъ, словами проговорилъ: «орлы сизоперые, гости милые! Прошу васъ тогда налетать, изюба очи мнѣ выдирать, какъ не буду уже я свѣта Божьяго видать!» Проговоривъ такъ, за часъ козакъ милосердному Богу душу отдалъ. Тогда орлы налетали, изюба очи выдирали. Тогда и мелкая птица налетала, около желтой кости тѣло обирала. Сѣрые волки набѣгали, тѣло козацкое рвали, по тернямъ да по оврагамъ желтую кость глодали, жалобно вѣли-завывали: такъ они козацкія похороны справляли! Откуда ни возьмется сизая кукушечка; въ головахъ съела, жалобно куковала; какъ сестра надъ братомъ, либо мать надъ сыномъ, плакала.» Тотъ же мрачный духъ вѣетъ въ слѣдующемъ описаніи Слова о П. И. «дружину твою, Князь, птицы крыльями пріодѣли, а звѣри кровь помизали.»

Въ украинской поэзіи орлы чуютъ себя поживу надъ трупами и кажутъ путь козакамъ: «тогда-то надъ Бендерою сизые орлы налетали; козакамъ молодцамъ добычу казали, козакамъ славу казали.» Въ Словѣ о П. И. волки военную грозу чуютъ по оврагамъ, также и «орлы клетомъ на кости звѣрей зовутъ, лисицы брешутъ на красные щиты.» А какъ налетятъ на поле битвы орлы, поютъ украинск. пѣсни, «налетятъ сизые орлы, станутъ горевать; а вороны налетятъ, да и станутъ добычи ждать да поджидать;» а лишь зачуетъ мертвое тѣло «воронъ прилетаетъ, въ очи заглядываетъ, бѣлое тѣло объедаетъ, кости покидаетъ» — а заглядываетъ ему въ очи за тѣмъ, что и «очи ему выпиваетъ.» Невольно представляешь въ воображеніи эти кровавые образы украинской поэзіи, читая слѣдующее

и́сто въ Словѣ о П. И. «тогда по русской землѣ рѣдко пахари кричали, а часто вороны каркали, дѣля себѣ трупы, а галки свою рѣчь говорятъ, думаютъ летѣть на обѣдъ.»

Во времена отдаленныя, жестокия и кровавыя, могли образоваться такія, позволю себѣ выразиться, кровожадныя эпическія формы; и если онѣ такъ долго держались въ украинской поэзіи, то не одна тревожная, воинская жизнь кезаковъ тому виною, но и крѣпкая память народной фантазіи, до позднѣйшихъ временъ сохранившая такіе образы, которые по всѣмъ правамъ могли принадлежать жестокимъ временамъ Скандинавской Эдды. Вотъ почему и важно для насъ поразительное сходство этихъ грубыхъ выраженій нашей южной поэзіи съ обычными формами Скандинавскихъ пѣсень. Въмѣсто словъ: *сражаться, убить, быть убиту*, въ пѣсняхъ древней Эдды употребляются постоянныя эпическія формы: «кормилъ орловъ—ѣлъ волчью пищу — лучше мнѣ вороновъ кормить твоимъ трупомъ — лучше тебѣ попробовать боя да повеселить орловъ, чѣмъ браниться бесполезными словами — гдѣ ты корму давалъ птицамъ сестеръ войны — какъ же подъ шлемами ѣсть будетъ сырое мясо? — Когда копьемъ кормилъ я орлиный родъ.» Чтобы показать, какъ часты такія изреченія въ Эддѣ, довольно упомянуть, что всѣ вышеприведенныя мною взяты только изъ двухъ пѣсень о Гельги. Въ украинской поэзіи кромѣ подробныхъ картинъ, встрѣчаются и краткія точно такія-же описательныя выраженія. Такъ сынъ, желая дать знать матери, что онъ будетъ убитъ, выражается обыкновенною эпическою формою: «тамъ я буду—своей кровью море дополнять, а еще своимъ бѣлымъ тѣломъ орловъ кормить.» Въмѣсто того, чтобы сказать въ Могилевѣ побито много Поляковъ, пѣсня выражается: «ой въ городъ Могилевъ орлы да змѣи польскимъ тѣломъ кормятся, польскому тѣлу радуются.» Въ Эддѣ животныя также не только кормятся трупами, но и радуются имъ. Въ Словѣ о П. И. храбрые курскіе воины «концомъ копья вскормлены — скачутъ, какъ сѣрые волки.» Въ Эддѣ также: кормить животныхъ копьемъ, значить: храбро сражаться.

Такъ какъ для хищныхъ птицъ и звѣрей радостна битва, то и не мудрено, что ими гадаютъ объ участи сражающихся. Въ одной изъ пѣсенъ древней Эдды, именно о Гникаръ, излагаются руны или таинственныя чародѣйскія изреченія, между которыми находимъ примѣты по хищнымъ звѣрямъ: «ниья есть и добрыя, если только знаютъ ихъ люди, примѣты на войнѣ (собственно: на взмахиваньи мечей); къ добру, думаю я, когда черный воронъ провожаетъ героя (собственно: дерево меча)» — «а вотъ и третье, когда услышишь завыванье волка подъ осиновыми вѣтвями, будетъ тебѣ побѣда надъ героями, если только увидишь, что волкъ выбѣжалъ на встрѣчу.» Радость человека сравнивается съ радостью хищной птицы, когда она чуетъ трупъ. Такъ Зигрунъ говоритъ Гельги: «теперь радуюсь нашему свиданію, какъ Одиновы кровожадные ястребы, когда они чуютъ трупъ, теплую пищу, или встрѣчаютъ туманно-влажный разсвѣтъ.» Въ Эддѣ день также радость птицъ, а ночь, равно какъ и зима — печаль и болѣзнь птицъ. Не будемъ говорить о чешскихъ крагуяхъ, хищныхъ птицахъ, столь же чтимыхъ, какъ и Одиновы ястребы, что видимъ изъ Краледворской рукописи: а черезъ Слово о П. И. перейдемъ къ украинскимъ пѣснямъ, въ которыхъ увидимъ такое-же суевѣрное воззрѣніе, какъ и въ Эддѣ. Когда Игорь возвращается изъ плѣна, птицы не только хищныя, но и пѣвчія, принимаютъ дѣятельное участіе въ судьбѣ его: «тогда вороны не граяли,» говоритъ Слово о П. И.: «галки посмокли, сороки не трескотали — только дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ кажутъ, соловьи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ.» Здѣсь хищныя птицы присмирѣли, потому что нѣтъ имъ радости, не чуютъ себѣ трупа: описывая-же время воинское, Слово о П. И. говоритъ: «часто вороны граяли, дѣля себѣ трупы, а галки свою рѣчь говорятъ, думаютъ летѣть на обѣдъ» — Совершенно въ духѣ этой древней мрачной поэзіи Эдды и Слова о П. И. слѣдующіе эпическіе образы украинской думы, подъ названіемъ: Походъ на Поляковъ: «закаркаетъ воронъ, летя степью, заплачетъ кукушка, льсомъ скачучи, закуркуютъ кречеты сизые, задумаются орлы

быстрые да все по своимъ братьямъ, по буйнымъ товарищамъ козакамъ! или ихъ сугробомъ зацесло, или въ аду потопило? Что не видно чубатыхъ, ни по степямъ, ни по лѣсамъ, ни по татарскимъ землямъ, ни по турецкимъ горамъ, ни по чернымъ морямъ, ни по лянскимъ полямъ? Какъ закаркаетъ воронъ, загруетъ, зашумитъ, да и полетитъ въ чужую землю. — Ахъ-ба! кости лежать, сабельки торчатъ; кости хрустятъ, сабельки расколотыя бренчатъ! А черная, свая сорока оскалилась да и скачетъ!»¹⁰

Человѣкъ ставилъ себя въ зависимость отъ внешней природы не столько по участию ея въ дѣлахъ людскихъ, или-же по страху и ужасу, возбуждаемымъ въ немъ кровожадностію животныхъ; сколько по глубокому вѣрованію въ сверхъестественную силу и непобѣдимую власть надъ нимъ не только стихій, но и некоторыхъ животныхъ. Такъ и въ вышеприведенныхъ отрывкахъ тѣмъ разительнѣе и ужаснѣе казалась судьба человѣка, преданнаго во власть животнымъ, тѣмъ убѣдительнѣе для сердца было участие хищныхъ и вѣщихъ птицъ, что въ основѣ этихъ поэтическихъ картинъ полагалось убѣжденіе въ чародѣйское всевѣдѣніе и могущество сихъ животныхъ. Еще Боямъ признавалъ въ птицахъ хитрость и вѣдѣніе, что видно изъ пословицы, которую ему приписываетъ Слово о П. И.: «ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути.» Не только въ глубокую старину въ Скандинавіи вѣрили въ двухъ вороновъ Одина, которые все знаютъ, но и до нашихъ временъ у Чеховъ сохранилась пословица: узнать что отъ птицы, или по птичьи (*dowéděti se po ptacku*). Въ одной славенской сказкѣ вѣщій воронъ (*védesh*), точно также какъ Одинова птица, рассказываетъ своему хозяину обо всемъ, что требуется. Но ни въ какой народной поэзіи не удержалось это вѣрованіе въ столь изобразительной, поэтической формѣ, какъ въ украинской. Такъ напр. не только у Славянъ, но и по всемъ племенамъ нѣмецкимъ кукушка разумется вѣщею птицею. Не только въ Швеціи, какъ и у насъ, узнаютъ отъ кукушки, сколько лѣтъ кому жить; но даже и Рейнгартъ Лисъ, и еще на французскомъ языкѣ

освѣдомляется у кукушки о томъ же. Но нигдѣ нѣтъ такого прекраснаго эпическаго выраженія, наивно и рѣзко опредѣляющаго миеологическое значеніе кукушки, какое предлагаетъ украинская поэзія: «буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ковала; «що вона ковала, промѣжь святихъ чувала; «що вона ковала, тому й бути-стат!»

Въ народной поэзіи всякое выраженіе имѣетъ смыслъ по одному тому уже, что оно по преданію сохраняется, какъ обычная форма какого-либо общезвѣстнаго представленія, всѣми признаннаго убѣжденія: а въ такомъ случаѣ каждое слово надобно разумѣть въ связи съ господствующимъ въ народѣ образомъ мышленія и представленія. Если допустимъ въ народной фантазіи миеологическіе образы въщихъ животныхъ: то не надобно будетъ упускать изъ виду вѣрованія въ нихъ и при такихъ описаніяхъ, гдѣ они, являясь участниками въ дѣлахъ человѣческихъ, пользуются болѣе своими животными инстинктами, не оказывая высшей силы, какъ напр. въ вышеприведенныхъ картинахъ битвъ и смерти козаковъ. Народъ всегда вѣренъ самому себѣ: разъ убѣдившись въ чемъ-либо, не станетъ при случаѣ мѣнять свое убѣжденіе, какъ-бы издѣваясь надъ нимъ. И только наше искусственное образованіе, столь отдалившее насъ отъ наивной простоты эпической поэзіи, часто представляетъ намъ невозможнымъ и даже неестественнымъ то, что такъ просто и осязательно объясняетъ себѣ младенческая фантазія народныхъ пѣсень.

Краткое историческое обозрѣніе эпическихъ выраженій украинской поэзіи увѣряетъ насъ въ древнѣйшемъ ихъ происхожденіи. Иныя изреченія, въ связи съ вѣрованіями, доносятся къ намъ отъ эпохи языческой, вѣрно передавая всю грубость и жестокость того времени, откуда они пошли; иныя носятъ на себѣ слѣды историческихъ событій и юридическихъ отношеній нашихъ предковъ; иныя не чувствительно возводятъ насъ къ стариннымъ обычаямъ, убѣжденіямъ и образу воззрѣнія нашей древнѣйшей поэзіи XII в. Если такъ неизмѣнны, такъ постоянны эпическія формы въ продолженіи многихъ вѣковъ, если, не смотря на до-исто-

рическое ихъ происхожденіе, онѣ нмѣють силу и понынь: то вѣроятно онѣ заслуживаютъ нашего полнаго вниманія, и могутъ быть предметомъ строгаго и тщательнаго изученія. Обратимся-же теперь къ опредѣленію эпическихъ выраженій украинской поэзіи.

Дать точное опредѣленіе каждому поэтическому украшенію въ украинскихъ пѣсняхъ, столь художественныхъ, какъ лучшія произведенія поэзіи образованной, и столь разнообразныхъ, какъ сама жизнь, ими выражаемая, — дѣло невозможное. Наука можетъ указать только на тѣ особенности слога, которыя составляютъ существенное свойство эпическаго языка сихъ пѣсень, то есть на обычныя, неизмѣнныя эпическія формы, образованіе которыхъ не зависитъ отъ случайной личности поэта, и принадлежитъ, вмѣстѣ съ языкомъ, вѣрованіями и преданіями, цѣлому народу. Если реторика тщательно отмѣтила характеристическія выраженія изъ произведеній позднѣйшихъ писателей, распредѣлив оныя по отдѣламъ и параграфамъ: то нѣтъ сомнѣнія, что и неизмѣнныя, существенныя формы народной словесности, стоящія выше всякаго личнаго произвола и подчиненныя закону творческой необходимости, должны занять почетное мѣсто въ этой наукѣ, давъ богатое, разнообразное и свѣжее содержаніе отдѣлу о слогѣ вообще и о поэтическомъ, именно эпическомъ, въ особенности. Такимъ образомъ уже самое мѣсто, предназначаемое народному языку въ наукѣ, обязываетъ изслѣдователя строгаю, разборчивою критикою, не потому, чтобы не все было изящно въ поэзіи, созданной цѣлыми вѣками и народами, а для того, чтобы прежде времени не загромождать науку множествомъ фактовъ, которымъ она не можетъ еще дать ни надлежащаго мѣста, ни положительнаго объясненія.

I. Самымъ обильнымъ источникомъ эпическихъ формъ оказываются преданія и повѣрья народныя. Такъ и быть должно. Такъ какъ мифъ даетъ существенное содержаніе народному эпосу; то и слогъ эпическій, какъ вѣрное выраженіе эпическаго воодушевленія, заимствуетъ свои образы

изъ того-же источника, откуда берется и содержаніе басни. Но здѣсь нужно остановить вниманіе на весьма-важномъ историческомъ фактѣ, повторяющемся почти во всякой народной эпической поэзіи. Миѣ современемъ выходитъ изъ памяти народа; его мѣсто замѣняютъ историческія событія или-же житейскія мелочи. Но слогъ эпическій, какъ обычное выраженіе, какъ собраніе впечатлѣній и представленій, одинажды навсегда въ языкъ образовавшихся, и при измѣненномъ содержаніи поэтическаго произведенія, остается съ прежними намеками на давно-прошедшія вѣрованія, создавшія некогда народный миѣ. Безъ участія воли и сознанія самого народа, языкъ съ большею упругостію удерживаетъ въ себѣ старину, нежели поэтическое содержаніе сказокъ и пѣсень, которое болѣе зависитъ отъ измѣняющейся судьбы народа, и болѣе подчинено личному произволу. Какъ античный фризъ, замазанный въ лачугу новаго издѣльа, и какъ рядъ дорическихъ колоннъ, забранный кирпичами и вдвинутый въ стѣну средне-вѣковаго дворца: такъ и старинная эпическая форма, въ пѣсняхъ позднѣйшаго содержанія, не иное что, какъ отколокъ отъ давно-разрушеннаго поэтическаго зданія. И какъ греческій барельефъ — продолжаю тоже сравненіе — миѣологическаго содержанія въ католическомъ храмѣ не оскорбляетъ молящагося, которому и въ голову не приходитъ обратить на него вниманіе: такъ и старинныя прикрасы пѣсеннаго слога съ темными намеками, будто какіе условные музыкальные звуки, повторяются и переходятъ изъ рода въ родъ безсознательно. Что такія формы время отъ времени болѣе и болѣе разрушаются, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Романская эпическая поэзія, рано подчинившаяся искусственной литературѣ, наиболѣе ихъ утратила; долѣе сохранялись онѣ въ племенахъ нѣмецкихъ: но въ особенной чистотѣ и цѣлости онѣ сбереглись до нашихъ временъ въ поэзіи Славянъ. Даже у Славянъ, подчиняясь историческому теченію жизни народной, онѣ теряютъ первоначальную свѣжесть и настоящее значеніе.

Многія поэтическія уподобленія, проникнутыя теплымъ сочувствіемъ съ природою внѣшнею, въ народной поэзіи часто носятъ на себѣ слѣды старинныхъ повѣрій. Известнымъ лицамъ, известному состоянію духа, постоянно соответствують известные предметы въ природѣ окружающей, какъ символы, какъ остатки древняго міа. Потому весьма естественно можетъ случиться, что цѣлая пѣсня бываетъ не иное что, какъ распространенное сравненіе. Первоначально занимательность такой пѣсни зависѣла отъ преданія, лежащаго въ основѣ сравненія. Такова, на пр. слѣдующая пѣсня (укр. пѣсн. 147): «стоишь яворъ надъ водою, въ воду склонился; на козака невзгодѣ, козаку сгрустнулось. Не клонися, яворъ, не клонись, зеленый! Не грусти, козакъ, не грусти, молодой! Радъ-бы яворъ не клонился, вода корни моетъ; радъ-бы козакъ не грустилъ, да сердечко поетъ! Поѣхалъ въ Московщину козакъ молодой — ореховое сѣделечко и конь вороной; поѣхалъ въ Московщину, да тамъ и погибъ: сказалъ себѣ: насыпали высокую могилу; сказалъ себѣ: посадили въ головахъ калину. Будутъ пташки прилетать, калину клевать, будутъ мнѣ приносить отъ родныхъ вѣсти!» Эта прекрасная пѣсня получить болѣе-опредѣленное значеніе, когда припомнимъ одну карпатскую колядку, въ которой описывается превращеніе добраго молодца въ зеленый яворъ, а коня его въ бѣлый камень. Мать несчастнаго молодаго челоуѣка выходитъ въ поле, и чтобы скрыться отъ дождя, становится на бѣлый камень подъ зеленымъ яворомъ; и лишь только стала ломать отъ дерева вѣтки, проповѣщится яворъ словами: «Ой, мать, мать моя, мать проклятая! Не дала мнѣ въ селѣ жить, да еще не даешь и въ полѣ стоять. Бѣлый камушекъ — мой сивый конекъ; зеленые листья — мое одѣянье; мелкіе прутики — мои пальчики». Весьма любопытно въ малорусскомъ уподобленіи козака явору встрѣтить то-же самое преданіе, которымъ такъ блистательно воспользовались Виргилій и Дантъ, описавъ превращеніе челоуѣка въ дерево. Едва-ли нужно предупредить читателя, чтобы онъ не думалъ видѣть здѣсь вліянія классической поэзіи на малорусскую народную. Пре-

данія о переселеніи душъ, подобныя овидіевымъ *Метаморфозамъ*, даже перешли въ обряды, и досель сохраняющіеся въ народъ. Такъ память о превращеніи дѣвицы въ тополь, воспѣваемомъ въ одной пѣснѣ, удержалась въ обрядѣ, отправляемомъ въ Малоруссіи на зеленой недѣль. Дѣвицы выбираютъ одну изъ своихъ подругъ, привязываютъ ей подпята въ верхъ руки къ палкѣ, и такимъ образомъ водятъ по деревнѣ и полю, припѣвая: «стояла тополь покрай чистаго поля: стой, тополь! не развивайся, буйному вѣтру не поддавайся!» Этотъ обрядъ называется «вести тополю»; выбранную дѣвушку зовутъ «тополл»*. Какъ цѣлая пѣсня, такъ и отдѣльное краткое уподобленіе можетъ быть основано на преданіи. Такъ на пр. сравненіе очей красавицы съ терномъ «очи якъ терночокъ» — столь употребительное въ украинской поэзіи, напоминаетъ метаморфозу очей утонувшей Ганны въ терновыя ягоды: «Не ломайте, люди, по лѣсамъ терну: въ лѣсу тернъ — Ганныны очи!»—Преданіе-ли было основою сравненію: или-же наглядное уподобленіе карихъ очей темнымъ ягодамъ дало первую мысль сказкѣ, для народной реторики все равно: она указываетъ только на тѣсную связь эпическаго выраженія съ мифомъ. Преданія о превращеніи душъ могутъ вести свое начало отъ древнѣйшихъ космогоническихъ повѣрій. Такъ, въ одной украинской пѣснѣ, слѣдующія слова утонувшей дѣвушки: «не руби, братецъ, бѣлой березоньки; не коси, братецъ, шелковой травы; не срывай, братецъ, чернаго терну. Бѣлая березонька—то я молоденька; шелкова трава—то моя руса коса; черный тернъ—то мои карія очи»—кажутся распространеніемъ, поэтическимъ развитіемъ тѣхъ-же преданій, которыя отъ глубокой старины дошли до насъ въ стихъ о Голубиной книгѣ: «кости отъ камня — тѣлеса отъ земли — кровь отъ черна моря» и проч.

Наши благочестивые предки не могли не замѣтить слѣдовъ язычества въ народныхъ вѣрованіяхъ о переселеніи

* Смотри. Кастомарова сочиненіе «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи», въ которомъ весьма много собрано любопытныхъ матеріаловъ для реторики и піитики.

душъ и о сочувствіи природы вѣшней дѣламъ чловѣка. Такъ въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ и о суевѣріяхъ* мы находимъ:

1. *О превращеніяхъ*: «тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ». Въ Словѣ о Полку Игоревѣ намеки на таковыя вѣрованія: о Всеславѣ: «скоочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пльночи изъ Бѣлаграда—самъ въ ночь вѣлкомъ рыскаше»; объ Ярославнѣ: «полечю, рече, зегзицею (кукушкою) по Дунаевн»; объ Игорѣ: «скоочи съ него (съ коня) босымъ вѣлкомъ — коли Игорь соколомъ полеть, тогда Влуръ вѣлкомъ потече, труся собою студеную росу». Сюда должно отнести столь обыкновенное въ южно-русской поэзіи представленіе горюющей женщины въ образъ кукушки.

2) *О сочувствіи природы*: «вохвующе птицами и звѣрми — трава шумитъ, сорока пощекочетъ, дятель, желна, волкъ воетъ». — Этимъ вѣрованіемъ проникнуты слѣдующія поэтическія описанія въ словѣ о Полку Игоревѣ: «кликну, стукну земля, въшумъ трава—ничитъ трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилося—тогда врани не грахутъ, галици помлъкоша» и проч. Есть цѣлая малорусская пѣсня, основанная на вѣрованіи въ тайное сочувствіе природы физической душѣ чловѣка (Укр. нар. пѣсн. 74): плакала старуха Грициха, а молодая сестра *сонъ-траву* рвала, старуху пытала: что сонъ трава: казацкая сила или казацкая могила? — «сонъ-трава, голубушка, выростала въ полѣ, брала ту траву недоля, давала моей дочкѣ! Охъ дочка моя, дочка! пришло намъ горевать, нашего молодого Ивана въ могилѣ искать». Эта могильная *сонъ-трава*, открывающая чловѣку во снѣ тайны, принадлежитъ къ роду Анемона (*Anemone patens, pulsatilla*). Это растеніе въ преданіяхъ нашихъ встрѣчается съ *плакунъ-травой*: какъ по греческой мифологіи анемоны выросли отъ слезъ Киприды, плакавшей надъ трупомъ Адониса; такъ у насъ отъ слезъ выростала плакунъ-трава, отъ чего получила и самое

* Калайдовича Іоан. Екс. Болг. 208—212.

название. Плакунъ, какъ произведеніе чистой скорбящей души, имѣетъ силу прогонять злыхъ духовъ. Какъ у насъ, такъ и у Нѣмцевъ слезамъ высшаго существа приписывается сила производить растенія: *ogchis mascula* по-нѣмецки называется *Frauentrân*, *Marienthrâne*, которое вполне соответствуетъ не только нашей плакунъ-травѣ, но и древнему *Helenium*, е *lacrinis Helenae natum*, а также и золотымъ слезамъ Фрей; точно такъ какъ растеніе: волосъ Фрей *Freyjuhâr* находимъ въ *Capillus Veneris* и въ Сербскомъ «вилаина коса» *cuscuta sigoraea*.

II. Изобразительность эпической поэзіи съ особенной ясностью выказывается въ картинномъ, наглядномъ описаніи отвлеченныхъ измѣреній пространства и времени. Самъ Гомеръ опредѣляетъ пространство метаніемъ камня, Ил. III. 12. Дантъ въ своей Божественной комедіи, *Purgat. X. 24*, измѣряетъ ширину дороги человѣчьимъ тѣломъ: «*nisugebbe in tre volte un corpo umano*». Въ древне-нѣмецкой поэмѣ *Reinhart Fuchs*, лиса даетъ понятіе о долгомъ пути въ Салерно тѣмъ, сколько она износила сапоговъ. Въ одной *Сагъ* (*Rägnar Lodbrókar*) спрашиваютъ пилигрима: далеко-ли до Рима? — Вотъ, отвѣчалъ онъ, желѣзные башмаки у меня на ногахъ, и они ужъ износились; а другіе у меня за спиной, эти и совсѣмъ истерлись: а какъ пошелъ туда, были объ пары новыя.» Есть старинное преданіе о чортѣ, какъ онъ тащилъ цѣлый шестъ съ сапогами, которые всѣ износилъ на службѣ у человѣка. Въ древнихъ нѣмецкихъ законахъ (*Sachsenspr.*) предписывается городить городьбу или выводить стѣну такъ высоко, какъ можетъ достать мечемъ человѣкъ, сидящій на конѣ: «*Zäunen oder mauern, als hoch ein man (глосса: mit einem schwert) gereichen mag auf einem rosз sitzende.*» Точно такое же опредѣленіе высоты, почти слово въ слово, встрѣчаемъ и въ нашихъ лѣтописяхъ: «(Церковь) бѣ бо содѣлана при немъ (при Мстиславѣ) выше, неже на кони стоячи рукою досячи» Кенигсб. сп. 104. Эти живописныя опредѣленія, столь свойственныя эпической поэзіи, составляютъ принадлежность народной рѣчи. Въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ описываются: величина избы:

«изба во все дерево», ширина камня : «а и черезъ его только топоръ подать.» Въ одномъ народномъ польскомъ выраженіи опредѣляется высота солнца на небѣ двумя человѣками : «słońce wysoko na dwa człowieka.» Въ сербскихъ пѣсняхъ конь скачетъ вверхъ три копыя и четыре впередъ (Вук. 2, N 38). Въ русской пословицѣ возрастъ человѣка измѣряется лавкою : «учи дитя, пока поперекъ лавочки лежитъ, а какъ вдоль лавочки ляжетъ, тогда поздно учить.»

Малорусская поэзія богата изобразительными описаніями времени, пространства, а также и отрицательнаго понятія «никогда.» Такъ ростомъ хмѣля опредѣляется время войны съ Шведами : «Да еще хмѣль, да еще зелененькій на тычинкѣ не виѣся, а уже Палый подъ Полтавою съ Шведомъ побился. Да еще хмѣль, да еще зелененькій головокъ не похилилъ, а уже Палый подъ Полтавою и Шведовъ побилъ.» (Укр. нар. пѣсн. 60). Въ одной малорусской пѣснѣ прекрасно описывается вечеръ возвращеніемъ стада домой : «шлы коровы изъ дубровы, овечкы изъ поля : «выплакала кары очи кры козака стоя.» Съ особеннымъ стараніемъ эпическая поэзія описываетъ понятіе о невозможномъ и несбыточномъ : такъ вмѣсто «никогда» малорусская пѣсня поетъ : «возьми, сестра, горсть песку, посѣй его на камень, ходи къ нему по зорямъ, поливай его слезами : когда, сестра, песокъ взойдетъ — тогда братъ твой съ войны придетъ.» (Укр. нар. пѣсн. 137—8), или : «возьми ты, сестра, желтаго песку, да посѣй ты, сестра, на бѣломъ камнѣ : когда будетъ желтый песокъ выростать, зеленымъ барвинкомъ камень устилать, тогда буду, сестра, къ вамъ прибывать» (Сборн. Укр. пѣсн. 8).

III. Обычныя постоянныя выраженія, безъ измѣненій повторяющіяся неоднократно, составляютъ такую же принадлежность всякой народной поэзіи, какъ и поэмъ Гомера. Между такими выраженіями всего чаще бросаются въ глаза постоянныя эпитеты, каковы на пр. въ малорусской поэзіи, сырое коренье, бѣлое камень, желтыя кости, ясный мечъ, святое письмо и т. п. Но обычное выраженіе получаетъ болѣе значительный размѣръ и придаетъ особенно, наивный оттенокъ

эпическому разсказу тогда, когда, при извѣстныхъ случаяхъ, для выраженія извѣстныхъ обстоятельствъ употребляется одно и тоже выраженіе, однажды навсегда сложенное, хотя-бы оно иногда и не выражало мысли во всей ея полнотѣ и опредѣленности. Такія выраженія ведутъ свое начало отъ древнѣйшаго ограниченнаго круга понятій и воззрѣній: ими описываются общеупотребительныя, часто встречающіяся картины, положенія и дѣйствія. Такъ въ эпической поэзіи битва продолжается обыкновенно три дня до вечера или до полудня: «бишася день, бишася другій: третьяго дни къ полуднію падоша стязи игоревы.» Слово о Полк. Игор. Цари, старцы, а также и жены стоятъ на стѣнахъ и смотрятъ вдаль: Ярославна, въ томъ же Словѣ, стоя на заборалѣ, причитаетъ свою прекрасную пѣсню. Кто плачетъ, сидитъ на камушкѣ; поджидающій сидитъ у воротъ, привъзжающій герой втыкаетъ передъ дворцемъ копьё и привязываетъ къ нему своего коня. О побѣдителя, поражающемъ враговъ, говорится: оставляетъ многихъ вдовами: отсюда въ малорусской поэзіи выраженія: «тожь-то не одна Ляшка удовою стала;» «не по одномъ Ляху zostалась вдовиця!» (Сборн. укр. п. 69, укр. нар. п. 96) Дочь подрастаетъ для того, чтобы помогать матери, и именно преимущественно носить воду: «годовала собъ дочку для своей пригоды, щобъ принесла изъ крыницы холодной воды;» матери, лишающейся своей дочки, пѣсня говоритъ: «да будешь, матѣнко, якъ голубонька густы, що нѣкому буде водици привести!» (сборн. укр. п. 111, 113.) Невинныя, простыя удобства жизни, домашній комфортъ, народная эпическая поэзія полагаетъ въ чесаньи головы и въ мытьѣ; и лишеніе этихъ удобствъ — великое несчастіе: отсюда слѣдующіе печальные образы: «въ полѣ, матушка, мелкій дождикъ идетъ, онъ промоеть мнѣ раны!» или: «меня вымоютъ дожди, а расчешутъ густыя терны, а высушатъ буйныя вѣтры.» (Сборн. 109, укр. нар. п. 138). Это обычное выраженіе измѣняется и такъ: «меня вымоютъ мелкіе дожди, а расчешутъ густыя терны, а просушить ясное солнце, а завьютъ буйныя вѣтры.» (Укр. нар. п. 174) Какъ свойственно гоме-

ровой поэзіи повтореніе подобныхъ симъ обычныхъ выраженій, почитаемъ столь общезвѣстнымъ, что вѣроятно читатель самъ можетъ набрать изъ Гомера десятки мѣстъ, соответствующихъ выше-приведеннымъ.

Заключая это краткое обозрѣніе эпическихъ формъ мало-русской поэзіи, мы должны замѣтить слѣдующее. Всѣ означенныя и разобранныя нами выраженія, какъ обычные, обще-признанныя и обще-употребительныя, принадлежать всему народу, а не исключительно тому или другому пѣвцу; въ нихъ выражается общее, народное воззрѣніе на міръ и человека, а не личныя мысли одного сочинителя; они составляютъ слогъ цѣлаго народа, а не извѣстнаго лица. Зарожденіе такихъ выраженій принадлежитъ эпохѣ до-исторической и сопровождается образованіемъ самого языка: такъ что каждой обычной эпической формѣ можно найти соответствіе въ грамматическихъ и лексическихъ свойствахъ языка. Потому-то наука о слогѣ основывается на сравнительно-историческомъ изученіи языка.

Ө. Буслаевъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

Мѣста изъ древнихъ памятниковъ и народныхъ пѣсень въ подлинникѣ.

- ¹ Слово о П. И. «чрна земля подъ копыты, костью была посяна, а кровію поляна, тугою взыдоша по Руской земли.»— Украинскія народн. пѣсни Максимовича 1834, стр. 154: «чорна рѣля забрана «чорна рѣля забрана «и кулями засѣяна, «бѣлымъ тѣломъ зволочена,» и кровію сполочена.» — Сборн. укр. пѣсн. Максим. 1849, стр. 73: «уже почавъ вѣнь землю конськими копытами орати; «кровью молдавською поливати. — Малорос. пѣсни Максимов. 1827, стр. 34: «выюрала вдовонька мыслоньками поле,» чорными оченьками заводочила, «дробными слѣзоньками все поле змочила.»

- ² Слово о П. И. «ту кровавага вина не доста; ту пирь докончаша храбрїи русичи: сваты попомша, а сами полегоша за землю рускую.» — Сборн. украин. пѣсн. 67—68: «гей дружай-молодцї, «братья козаки запорожци! «добре знайте, барзо гадайте, «изъ Ляхами пиво варити затирайте! «Лядскїй солодъ, козацька вода; «Лядскї дрова, козацькї труда. — «Ой не вербы-жь то шумѣли, и ни галки закричали, «тожь-то козаки изъ Ляхами пиво варить зачинали.» — «Чи не той-то хмѣль, що коло тычинъ вѣється? «гей, то-жь той Хмельницкїй, що зъ Ляхами бѣється!» — Малорос. пѣсн. 1827, стр. 81—82: «иду я туды «де рѣблять на диво «червоное пиво «зъ кровї супостать «хиба-жь ты задумавъ тѣмъ пивомъ упиться? — «якъ пирь той минется—«вернусь я назадъ.» — Сборн. укр. пѣсн. стр. 58: «а що, якъ наше козачество мовъ у пекавъ Ляхи спалать, «да зъ нашихъ козацькихъ костей пирь собѣ на похмѣлье зварать!»
- ³ Слово о П. И. «чръныя туча съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синїи мльнїи. Быти грому великому.» — Сборн. укр. пѣсн. 54: «изъ-за горы хмара выступае — выступае, выходжае, «до Чигрина громомъ выгрѣмляе, «на украинську землю блискавкою блискае.»
- ⁴ Слово о П. И. «орьтъмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостяти по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьї половѣцкими.»—Украин. нар. пѣсн. 1834, стр. 116: «течуть рѣчки, да все кровавыи, «черезъ тѣ рѣчки мостать мосты «мостать мосты, да все головками, «головками, да все московскїими.»
- ⁵ «Za wodami, za bystremi «Dunajami głębokiemі. Wojs. II, 318.
- ⁶ Слово о П. И. «полечю, рече, зегзицею по Дунаевї; омочу бибрань рукавъ въ Каалѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. — Малорос. пѣсн. Макс. 51: «ой летѣла зозуленька черезъ поле, гай; да й згубила рябѣ перцѣ «на тихїй Дунай.» — Голоса украин. пѣсень Максим. 1834, № 5: «зозуленька закувала — — «Марусенька заплакала.»
- ⁷ Слово о П. И. «а Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростїю, и бѣлымъ гоголемъ на воду; врѣжеся на брѣзъ комонь, и скочи съ него босымъ вѣлкомъ, и потече къ лугу Донца, и

полетъ соколомъ подъ мъглами, избивая гуся и лебеди, завтраку и обѣду и ужинъ.» — Сборн. Укр. пѣсн. 9: «черезъ темный лѣсъ — яснымъ соколомъ лети; «черезъ быстрый воды — бѣлымъ лебедемъ плыви: «черезъ степы далекой — перепелочкомъ бѣжи; «на моёмъ , брате, подвѣрѣ — ты голубонькомъ пади, «добре слово заговори, «мое сердце спротськее авесели!»

⁸ Русск. Лѣтоп. I, 36: «толи не будетъ межю нами мѣра, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонутн.» — Украин. народн. пѣсн. 1834, стр. 117: «сыну мой, коли прѣдешь до насъ? — «Тодѣ я, нене, прѣду до васъ, «якъ павине пѣрѣя на-сподъ потоне, «а млиновый камень на-вѣрхъ вѣплине!» «Вже-жъ млиновый камень на-вѣрхъ выплинувъ, «вже й павине пѣрѣя на-сидѣ потонуло, «а ще мого сына зъ Гостинѣ не видно!»

⁹ Судъ Любуши: «oba bratři, oba clenouica, «roda stara tetui poroloua, «ien se pride s pleki s sehovimi au se se sirne ulasti pres tri geki.» — Сборн. Укр. пѣсн. 54: «то Поляки черезъ три рѣки три переходы мали, «да й бѣли третѣго переходу станомъ стали; «пустили коней на попасанье, «сами собѣ дали на три години одпочиванье.»

¹⁰ Сборн. Укр. пѣсн. 22—23: «въ той часъ сизы орлы налѣтали, «пыльно въ очѣ козаковѣ заглядали. «Козакъ тее забачае, «словами промовлае: «орлы сизепѣры, «гости мой милы! «Прошу я васъ тогдѣ налѣтати, «зъ лоба очѣ менѣ, высмыкати, «якъ не буду я свѣта Божого видати! «то тее промовлавъ, «зачасъ, загодину, милосердному Богу душу отдавъ. «Тогдѣ орлы налѣтали, «зъ лоба очѣ высмыкали. «Тогдѣ ще й дрѣбна птица налѣтала, «коло жовтой костѣ тѣло оббѣрала. «Вовки-сѣромѣнѣцѣ набѣгали, «тѣло козацьке рвали, «по тернахъ, по балкахъ жовту кость жваковали, «жалобненькѣ квилили, проквилли: «тожъ воны козацькѣй похороны одправляли «Дѣ-ся взялась сиза зозуленька; «въ головкахъ сѣдала, жалобно ковала; «якъ сестра брата, або маги сына, оплакала.» — Слово П. И. «дружину твою, Княже, птицѣ крылы прѣодѣ, а звѣри кровь полизаша.» — Срезневск. Запорож. стар. «тодѣ-то понадъ Бендерью орлы «сизы орлы налѣтали; «козакамъ молодцамъ добычь казали; «козакамъ славу казали.» — Слово о П. И. «уже-бо бѣды его пасеть птицѣ; подобю вльци грозу вѣсржати, по лругамъ; орлы клеткомъ на кости звѣри зовуть, лисици бре-

путь на чрыленыя щиты.» — Сборн. Укр. пѣсн. 62: «налетать орлы хижѣ, стануть жалковати; «а вѣроны налетать, да ѣ стануть здобычѣ ждати ѣ пѣжджати.» — Украинск. народн. пѣсн. 1834, стр. 146: «воронъ прилѣтае, въ вѣчѣ «загладае, «бѣле тѣло обѣдае, кѣстки покидае.» — *ibid.* стр. 155: «летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ — очѣ ѣму выпивае.»—Слово о П. И. «тогда по русской земли рѣтко ратаевѣ кѣкажутъ; нѣ часто врани граяхуть, трупѣя себѣ дѣлаче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдѣе.»—*Lieder d. alt. Edda*, изд. братьевъ Гриммовъ, 1815, стр. 72, «sa er opt hefir orno sadda — dhu hefir etnar ulfa - crasir — стр. 76: «fyrr vilda: es at Frecasteini «hrafna sedhia a hraeom dhinom — стр. 106: «dher er, Sinfiotli, saemra myclo, «gunni at hevia oe gladha orno, «enn onytom ordhom at deila — стр. 92: «hvar hefir dhu — gaugl alin gunna-systra? — hvi scal und hialmom hratt kiot eta?—стр. 94: er es — aett ara oddom saddac. — Укр. нар. пѣсн. 156: «тамъ я буду, моя мати, — своею кровницею моря доповнати, «а ще своимъ бѣлымъ тѣломъ орлы годовати.» — *ibid.* 85: «ой у городѣ Могилевѣ орлы да гадюки «ляцкимъ тѣломъ годуются, ляцку тѣлу радуются.»—Слово о П. И. «конецъ копѣя вѣскрѣмленѣ — сами скажутъ, акы сѣрыи вѣлци.» — За тѣмъ слѣдуютъ три мѣста изъ Эдды, которыя не выписываю въ подлинникѣ, потому-что они важны не столько по выраженію, сколько по мысли, которая достаточно выражается и въ переводѣ. — Слово о П. И. «тогда врани не граяхуть, галици помѣлкоша, сороки не трюкоташе, положію ползоша, только датлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдають.» — Сборн. Укр. пѣсн. 56—60: «закряче воронъ, степомъ летючи; «заплаче зовуля, лугомъ скачучи; «закуряють врететы сивы; «загадаются орлики хижѣ: «да все, усе по свойхъ братахъ, «по буйныхъ товаришахъ ковакахъ! «чи то ѣхъ згарбомъ занесло? «чи то ѣхъ у пеклѣ потонуло? «що невидно чубатыхъ, не то по степахъ, не то ѣ по дугахъ, «не то ѣ по татарскихъ земляхъ, «не то ѣ по турецкихъ горахъ, «не то ѣ по черныхъ моряхъ, «не то ѣ по ляцкихъ поляхъ? «закряче воронъ, загруе, шумуе, «да ѣ полетитъ у чужую землю... «анѣ-ба! кѣстки лежать, шаблочки сторчатъ; «кѣстки хрустятъ, шаблочки поперерасколоты брячатъ!.... «а чорна, сива сорока оскалилась да ѣ басуе!»

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЛЕКЦИИ Г-НА ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.

Х.

О ХИМИЧЕСКОМЪ РАЗЛОЖЕНІИ ПОЧВЪ.

Знать, какія вещества и сколько каждого изъ нихъ находится въ почвѣ, конечно, весьма важно для каждого сельскаго хозяина; потому-что, сдѣлавши качественное и количественное опредѣленіе началъ, входящихъ въ составъ почвы, мы можемъ сказать, какихъ веществъ недостаетъ въ почвѣ для успѣшнаго прозябенія растений, и какія вещества находятся въ избыткѣ и могутъ вредить ихъ развитію. Тогда сообразно этому мы и будемъ располагать своими дѣйствіями. Такъ недостающія начала будемъ восполнять различнаго рода удобреніями, а вредныя будемъ стараться уничтожить посредствомъ правильной и тщательной обработки, и чрезъ то самое приводить ихъ въ состояніе безвредное для растений. Но съ другой стороны надо сказать, что подробное химическое изслѣдованіе почвъ, предлагаемое химиками *ex officio*, не всегда ведетъ къ вѣрнымъ и точнымъ результатамъ, а потому оно рѣдко находитъ приложеніе въ жизни практической.

При самомъ началѣ ученія о почвахъ мы, вмѣстѣ съ Берцеліусомъ, согласились смотрѣть на почву, какъ на хи-

иическую лабораторію природы, въ которой ежеминутно совершаются то химическія разложенія, то химическія соединенія; при чемъ прежнія вещества измѣняются и въ своихъ количествахъ и качествахъ, а на мѣсто ихъ образуются другія совершенно-новыя. Если мы припомнимъ теперь, что обработка полей, количество ежегодно падающаго дождя, состояніе погоды, количество и качество различнаго рода удобряющихъ веществъ имѣютъ вліяніе не только на физическія свойства почвъ, но даже могутъ измѣнять составъ ихъ; то съ перваго разу поймемъ, почему практическіе сельскіе хозяева не имѣютъ полнаго довѣрія къ химическому разложенію почвъ, и смотрятъ на эту работу съ презрительною улыбкою. Если теперь мы ко всему этому прибавимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почва на одной и той-же десятинѣ представляетъ значительныя уклоненія въ своихъ составныхъ началахъ, что подробный химическій анализъ почвъ требуетъ долгаго навыка и много времени (такъ-что опытные химики при постоянной работѣ могутъ окончить его не раньше 2—3 недель); то должны будемъ согласиться, что подробное химическое изслѣдованіе состава почвъ, т. е. количественное опредѣленіе азота, хлора, серной кислоты, амміака и нѣкоторыхъ другихъ веществъ, должно быть достояніемъ ученыхъ агрономовъ и химиковъ ех officio. Для сельскихъ же хозяевъ достаточно опредѣлить только главныя составныя начала, которыя постоянно находятся въ почвъ, какъ-то: количество естественной влажности, находящейся въ почвъ, количество песку, извести, глины, чернозема, и количество составныхъ началъ почвы, растворимыхъ въ водѣ. А потому и я здѣсь буду говорить о механическомъ и химическомъ разложеніи почвъ. При разсмотрѣніи химическаго разложенія почвъ я сперва буду излагать средства самыя простыя и доступныя для каждаго, ведущія не къ точнымъ, а только къ приблизительнымъ результатамъ, и потомъ опишу средства болѣе-сложныя, но точно опредѣляющія количество главныхъ составныхъ началъ почвы.

а. *Механическое изслѣдованіе почвъ.*

1. *Собираніе на поляхъ земли для производства опытовъ.* Землю для опытовъ должно брать на такихъ мѣстахъ, гдѣ всего менѣе выраженъ характеръ того поля, котораго составныя начала хотимъ изслѣдовать; а потому всѣ вещества, случайно попадающіяся въ почвъ, какъ напр. неразложившійся еще навозъ, большія камни, не надо захватывать вмѣстѣ съ землею. Пахатный слой земли и подпочву надо собирать отдѣльно. Во время переноса и во время производства самыхъ опытовъ собранную землю надо держать такъ, чтобы къ ней не примѣшалось посторонней пыли и другихъ веществъ. При собираніи земли не худо обратить вниманіе на нѣкоторыя условія, которыя имѣютъ вліяніе на прорѣбеніе растений, какъ-то, на глубину пахатнаго слоя, качество подпочвы, на положеніе почвы и т. д. Количество собранной земли не должно быть менѣе двухъ фунтовъ. Если одно и тоже поле въ различныхъ мѣстахъ представляетъ разницу относительно своихъ составныхъ началъ, то надо взять пробы въ разныхъ мѣстахъ и каждую изслѣдовать отдѣльно.

2) *Количественное опредѣленіе естественной влажности, находящейся въ почвъ.* Почва, которая остается подъ вліяніемъ воздуха, какъ-бы ни была суха, всегда содержитъ въ себѣ большее или меньшее количество влажности, потому-что всѣ составныя начала почвы имѣютъ способность поглощать въ себѣ большее или меньшее количество влажности изъ воздуха. Это естественное количество влажности находящейся въ почвъ, должно быть опредѣлено прежде всѣхъ другихъ составныхъ началъ: иначе результаты дальнѣйшихъ изслѣдованій будутъ не точны. Самый простой и обыкновенный способъ для опредѣленія влажности, находящейся въ почвъ, есть слѣдующій: берутъ 16 золотниковъ испытуемой земли, разсыпаютъ ее какъ-можно равномерно на фарфоровой тарелкѣ, ставятъ на горячую плиту, нагреваютъ постепенно такъ, чтобы не могли ни разложиться,

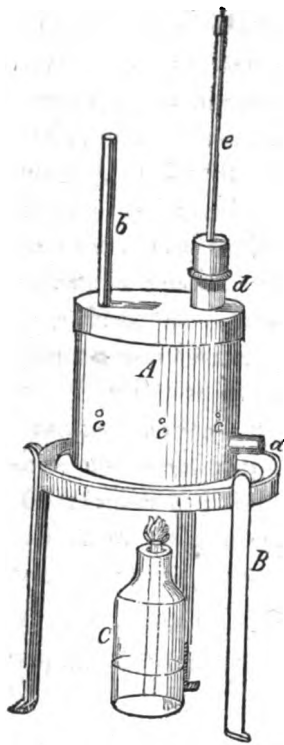
ни улечуться нѣкоторыя начала. Жаръ при этомъ долженъ быть не выше 50° Р. Во время просушиванія землю осторожно помѣшываютъ; спустя нѣсколько часовъ ее снимаютъ съ плиты, ставятъ въ теплое мѣсто, прикрываютъ поддонкомъ или другою тарелкою, даютъ охладиться и потомъ вѣсятъ. Послѣ взвѣшиванія ее снова ставятъ на плиту, разогрѣваютъ, снова снимаютъ и снова вѣсятъ. Если во время втораго просушиванія вѣсъ земли нисколько не уменьшился, то, значить, вся влажность отдѣлилась изъ земли; если же замѣтно будетъ небольшое уменьшеніе вѣса, то значить, что вода еще не вся удалена изъ земли; тогда снова ее нагрѣваютъ и сушатъ до тѣхъ поръ, пока вѣсъ земли ни мало не будетъ измѣняться. Убыль вѣса земли и будетъ показывать количество естественной влажности, находящейся въ почвѣ. Такъ положимъ, что земля передъ опытомъ вѣсила 10 золотниковъ, а послѣ окончательнаго высушиванія вѣсъ ея убавился на 2 золотника. Отсюда составляется слѣдующая пропорція: $10:2=100:X$; $X=\frac{2 \cdot 100}{10}=20$. Слѣдовательно 20 г будутъ выражать собою количество естественной влажности, находящейся въ почвѣ.

Какъ ни простъ этотъ способъ, но часто бываетъ сопряженъ съ большими хлопотами и отнимаетъ много времени; случается, очень часто землю сушить и вѣсить 5—6 разъ для того, чтобы отдѣлить изъ нея всю влажность; при этомъ естественно можетъ быть большая разтрата земли, и слѣдовательно самый результатъ изслѣдованія будетъ неточенъ. По этому Г. Шульце, профессоръ химіи въ Эльденскомъ Агрономическомъ институтѣ, совѣтуетъ сушить землю въ *воздушной ваннѣ*, т. е. въ такомъ пространствѣ, въ которомъ-бы земля, назначенная для сушки, приходила въ непосредственное соприкосновеніе съ сухимъ воздухомъ, и гдѣ-бы легко и удобно было наблюдать и умѣрять различныя степени тепла по произволу. Эта воздушная ванна, какъ видно изъ прилагаемаго у сего чертежа,

Отд. III.

4

Чертежъ 11.

Состоитъ: 1) изъ мѣднаго цилиндра *A* (вышиною въ $3\frac{1}{2}$, а шириною въ 3 вершка) и мѣдной крышки, которая плотно надѣвается на верхній конецъ его. Сквозь крышку пропускаются 2) двѣ стекляныя трубки *b* и *d* внутрь цилиндра. Сквозь короткую трубку *d*, которая обыкновенно плотно закупоривается пробкою, проводится внутрь цилиндра 3) термометръ *e*, длинная-же трубка *b* закрываетъ собою трубу. Кроме этихъ двухъ трубокъ находится 4) короткая трубка *a*; она укрѣпляется въ совершенно-горизонтальномъ направленіи съ боку цилиндра около его дна. Черезъ трубки *a* и *b* во время производства опыта происходитъ непрерывная смена воздуха. Внутри цилиндра на шпенькахъ *ссс* кладется металлическа сѣтка, на которую помещается во время опыта испытуемая земля въ тигель или въ чашечку. Весь этотъ снарядъ уставляется 5) на треножникъ *B*, и нагревается 6) посредствомъ спиртной лампы *C*. Чтобы опредѣлить количество естественной влажности, содержащейся въ почвѣ, должно взять определенное по вѣсу количество земли, насыпать ее въ тигель или плоскодонную фарфоровую чашечку, поставить на сѣтку, находящуюся внутри цилиндра, потомъ надо цилиндръ закрыть крышкою, поставить его на треножникъ и нагревать до тѣхъ поръ, пока отдѣлится изъ земли вся находящаяся въ ней влажность. А это узнать очень легко. Стоитъ только взять выполированную металлическую пластинку и держать ее надъ трубкою *b*. Если эта пластинка не будетъ больше потѣть, то, значить, изъ испытуемой земли отдѣлилась вся влажность. По окончаніи опыта землю вынимаютъ вонъ изъ цилиндра и вѣсятъ на

вѣскахъ. Убыль въ вѣсѣ и покажетъ, сколько находилось естественной влажности въ землѣ. Температура во время опыта должна быть не выше 100° Цельсіева термометра.

3) *Просѣиваніе земли.* Мы знаемъ изъ предъидущихъ лекцій, что почва не есть однородная масса, а смѣсь органическихъ и неорганическихъ веществъ ; однѣ вещества въ почвѣ перемѣшаны между собою механически, а другія соединены химически. Между механическими частями почвы однѣ крупны, другія — мелки, а третьи занимаютъ средину между объемами. Для болѣе-точного анализа необходимо всѣ механически смѣшанныя между собою вещества почвы разсортировать, смотря по ихъ величинѣ. Такъ неорганическими веществами могутъ быть: 1) гальки, 2) мелкіе камешки, 3) хрящъ, 4) крупный песокъ, 5) обыкновенный песокъ, 6) мелкій песокъ, и 7) самыя тонкія мельчайшія частички, которыя можно раздѣлить между собою только посредствомъ промыванія или отмучиванія въ водѣ. Въ паралель неорганическимъ веществамъ въ веществахъ органическаго происхожденія можно отыскать : 1) древесныя пеньки и большіе корневыя побѣги, 2) корни растений, отжившихъ свой вѣкъ, 3) корни раису, табаку, капусты, земляной груши и другіе остатка органическаго происхожденія ; 4) мелкіе коренья , жниво , неперегнившіе остатки соломистаго навоза, крупныя сѣмена сорныхъ травъ, 5) самотончайшія нити корней и самыя мелкія сѣмена сорныхъ травъ ; 6) перегной или черноземъ.

Самая точная разсортировка веществъ почвы, смѣшанныхъ между собою механически, можетъ быть произведена посредствомъ механической операціи, извѣстной въ общежитіи подъ именемъ *просѣиванія*. Для просѣиванія всего лучше употреблять металлическія сита изъ бѣлой жести. Передъ обыкновенными волосяными ситами металлическія въ этомъ случаѣ имѣютъ слѣдующія преимущества: 1) онѣ прочнее волосяныхъ ; 2) отверстія у нихъ круглыя , а не четырехстороннія , имъ можно давать такой размѣръ, какой угодно. При приготовленіи такого рода металлическихъ ситъ надо, главное, заботиться о томъ, чтобъ въ каждомъ изъ нихъ всѣ отверстія были одинаковаго размѣра и соответствовали величинѣ

тѣхъ частей, какія нужно отдѣлить между собою. Для раздѣленія составныхъ началъ почвы достаточно имѣть два металлическихъ сита, одно съ отверстіями въ $1\frac{1}{2}$ ''' , а другое съ отверстіями въ $\frac{2}{3}$ линіи въ поперечникъ. Форма наружная и величина этихъ ситъ можетъ быть такая-же , какъ и у обыкновенныхъ волосныхъ.

Операция просѣиванія производится очень просто: Отъ земли, которая была высушена въ воздушной ваннѣ , отвѣшиваютъ не меньше 2 фунтовъ или 1000 граммъ (2,14 Ф.); растираютъ ее въ ступкѣ до тѣхъ поръ , пока всѣ комья , находящіеся въ ней, будутъ размелчены въ порошокъ. Ростертую землю высыпаютъ на рѣшето съ крупными отверстіями и просѣиваютъ. Оставшееся въ ситѣ, какъ-то: хрящъ и крупные остатки органическаго происхожденія, промываютъ въ водѣ для того, чтобы смыть приставшія къ нимъ глину и песокъ; кромѣ того тутъ отдѣляются и размелчаются комочки земли, которыя не могли быть размелчены при растираніи земли въ ступкѣ. Промывка эта производится такъ: сито до половины его высоты опускаютъ въ чашку съ водою, и все находящееся въ немъ собираютъ руками въ одинъ комъ и выжимаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ совершенно-чистъ. За тѣмъ вынимаютъ его изъ сита вонъ , высушиваютъ, отдѣляютъ органическіе остатки отъ хряща ; и то и другое вѣсятъ отдѣльно, и замѣчаютъ ихъ вѣсъ. Все, что прошло сквозь первое сито во время просѣиванія , собираютъ вмѣстѣ и кладутъ на второе сито съ малыми отверстіями , и снова просѣиваютъ. Оставшееся на второмъ ситѣ , какъ-то: крупный песокъ и мелкія вещества органическаго происхожденія, промываютъ точно такъ, какъ это было описано при первомъ просѣиваніи , и высушиваютъ. За тѣмъ сквозь второе сито пропускаютъ воду, которая была употреблена при промывкѣ перваго сита, и послѣ ополаскиваютъ его чистою водою. Промытый остатокъ, собранный во второмъ ситѣ, нѣтъ почти никакой возможности разсортировать на органическія вещества и неорганическія. А потому, высушивши, его вѣсятъ , а потомъ прокалываютъ на огнѣ до тѣхъ поръ , пока сгорятъ всѣ органическія вещества

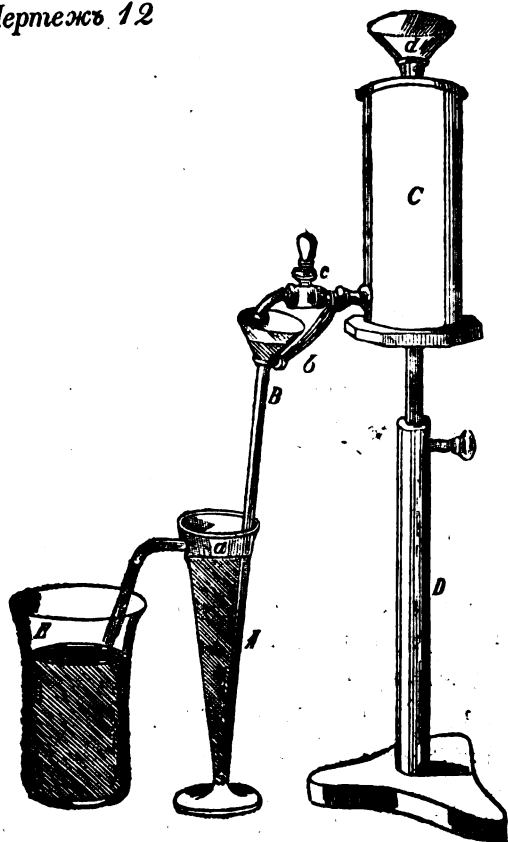
послѣ прокаливанія вѣсятъ снова; убыль въ вѣсѣ и показываетъ количество органическихъ веществъ, оставшихся на второмъ ситѣ вмѣстѣ съ крупнымъ пескомъ. Или: остатокъ, собранный на второмъ ситѣ, послѣ промывки высыплютъ въ сосудъ съ водою, воду помѣшиваютъ, и потомъ быстро ее сливаютъ. При этомъ органическіе остатки стекаютъ вмѣстѣ съ водою, которую и собираютъ въ особомъ сосудѣ. Черезъ многократное повтореніе этой операціи крупный песокъ совершенно отдѣлится отъ органическихъ волоконъ и другихъ растительныхъ остатковъ. Для отдѣленія органическихъ частей отъ воды нужно процѣдить воду сквозь сѣрую пропускную бумагу; вода стечетъ прочь, а органическія вещества останутся на цѣдилкѣ. Ихъ снимаютъ вмѣстѣ съ цѣдилкою и сушатъ, потомъ собираютъ осторожно съ цѣдилки и вѣсятъ. Между этими органическими остатками всего болѣе попадается сѣмянъ сорныхъ травъ. — Теперь все, что прошло сквозь второе сито, т. е. самый мелкій песокъ и другія неорганическія вещества, собирается осторожно и раздѣляется между собою посредствомъ отмучиванія или промыванія въ водѣ.

4) *Отмучиваніе или промываніе.* Оно производится такъ: Отъ земли, прошедшей сквозь второе сито, отвѣшиваютъ 400 — 500 гранъ; насыпаютъ ее въ цилиндрическій стеклянный сосудъ, у котораго верхній край нѣсколько поуже нижняго, и обливаютъ ее перегнанною или чистою процѣженною дождевою водою. За тѣмъ воду и землю сбалтываютъ какъ можно сильнѣе, а потомъ оставляютъ на нѣсколько минутъ въ покоѣ; когда нѣсколько песку осидеть на дно, то поверхъ его стоящую мутную жидкость сливаютъ прочь въ другой сосудъ, гораздо-большій перваго. На оставшуюся въ первомъ сосудѣ землю снова обливаютъ чистой воды, снова сильно взбалтываютъ, снова оставляютъ на нѣсколько минутъ въ покоѣ, снова сливаютъ мутную воду во второй сосудъ, и повторяютъ промывать землю, находящуюся въ первомъ сосудѣ, до тѣхъ поръ, пока вода не будетъ болѣе мутиться. Такимъ образомъ въ первомъ сосудѣ получается песокъ, а во второмъ — самыя мелкія землистыя

части, которыя содержатъ въ себѣ всего болѣе глины, и нѣсколько чернозему, извести, магнези. Если собранную во второмъ сосудѣ воду оставить на нѣсколько часовъ въ покое, то всѣ взвѣшенные части въ ней осядутъ на дно. Этотъ осадъ, состоящій изъ мѣлкихъ частичекъ, можно собрать, высушить и подвергнуть вторичному промыванію. Но его надо передъ промываніемъ кипятить съ водою около $\frac{1}{2}$ часа и безпрестанно помѣшивать, и потомъ промывать такъ точно, какъ это было сей-часъ описано; при этомъ песокъ остается на днѣ сосуда, а самый легкія и мелкія частички получаютъ въ вѣсомомъ сосудѣ.

Какъ ни простъ этотъ способъ отмучиванія и промыванія земли, но съ помощію его мы никогда не можемъ получить вѣрныхъ и точныхъ результатовъ. Очень часто,

Чертежъ 12

даже, можно сказать, всегда получается разница въ результатахъ на 4 и болѣе процента при отмучиваніи этимъ способомъ одной и той же землѣ. Вслѣдствіе этого профессоръ химіи въ Эльденскомъ Агрономическомъ институтѣ, Др. Шульце придумалъ для отмучиванія земли въ водѣ особаго роду аппаратъ, который изображенъ на прилагаемомъ у сего чертежѣ.

Онъ состоитъ изъ деревянной подставки D, у которой верхняя часть посредствомъ особаго винта то опу-

скается внизъ, то поднимается вверхъ, смотря по надобности. На подставкѣ помѣщается *цилиндрической формы сосудъ С*; вмѣстимость его—2—3 квартамъ; онъ для прочности дѣлается изъ латуни. Посрединѣ верхняго его конца припаивается металлическая трубочка, чрезъ которую опускается внутрь сосуда *воронка d*, чрезъ нее наливается въ сосудъ вода. Около дна металлическаго сосуда вставляется *кранъ с*, чрезъ него выпускается вода вонъ. Кранъ своимъ отверстіемъ уставляется надъ *стекляною воронкою В*, съ которою онъ и соединяется посредствомъ особаго шнура *b*; воронка оканчивается трубкою, которой высота=18 дюймамъ, ширина трубочки вверху= $2\frac{1}{2}$ линіямъ, а въ самомъ низу= $\frac{1}{2}$ линіи. Воронка съ трубкою своимъ нижнимъ концомъ опускается въ *стеклянную рюмку А*, похожую на рюмку шампанскаго; высота рюмки отъ ножки до верхняго края=10 дюймамъ, а ширина отверстія на верху= $2\frac{1}{2}$ дюйм. Къ верхнему концу рюмки плотно приклеивается металлическій мѣдный обручъ *a*, шириною въ 1—2 дюйма; на одной сторонѣ онъ снабженъ изогнутою металлическою трубкою, своимъ отверстіемъ обращенною внизъ; подъ эту трубочку подставляется *стеклянный стаканъ Е*.

Въ этомъ аппаратѣ промывка и отмучиваніе земли производится такъ: Отъ земли, которая прошла сквозь второе сито, отвѣшиваютъ 30 граммъ; прежде всего ее насыпаютъ въ полукруглую мѣдную чашку, обливаютъ въ 2—3 раза большимъ по объему количествомъ воды, и разогреваютъ надъ спиртовой лампой до тѣхъ поръ, пока закипитъ вода; во время нагреванія землю помѣшиваютъ. Отъ этого всѣ глинистыя и другія мелкія частички земли разъединяются между собою, а песокъ, который былъ, такъ сказать, ими обволоченъ, дѣлается все болѣе и болѣе свободнымъ; кромѣ того во время кипѣнія воды изъ земли отдѣляется весь воздухъ, въ ней находящійся. Чѣмъ песчанѣе почва, тѣмъ меньше надо кипятить землю; чѣмъ она глинистѣе, тѣмъ долѣе. Приготовленная такимъ образомъ земля вмѣстѣ съ водою вливается въ рюмку *А*. Потомъ въ нее вставляется стеклянная воронка *В* съ своею трубкою. Все это ставятъ подъ кранъ *с* и пускаютъ чрезъ него воду, находящуюся

въ сосудѣ *C*, въ воронку *B* такую струею, чтобы уровень ея былъ на нѣсколько линий ниже уровня сосуда *A*. Столбъ воды, притекающій въ рюмку *A*, приводитъ въ движеніе и землю; самыя легкія частички ея гонить къ верху, гдѣ они вмѣстѣ съ водою стекаютъ черезъ изогнутую трубочку въ стеклянный стаканъ *E*. Двухъ квартъ воды при этомъ бываетъ достаточно, чтобы отдѣлить крупныя частички отъ мелчайшихъ. Послѣ этого кранъ *c* запираютъ, воронку *B* съ трубочкою вынимаютъ вонъ: оставшуюся воду въ рюмкѣ *A* сливаютъ въ стаканъ *E*; при этомъ сливается въ стаканъ *E* вмѣстѣ съ водою взвѣшенный въ ней мелкій песокъ, а крупный песокъ остается въ рюмкѣ *A*. Обыкновенный песокъ, послѣ слива воды, изъ рюмки *A* вымываютъ вонъ посредствомъ спринцованія въ плоскодонную чашку. Вода изъ чашки осторожно съ взвѣшеннымъ въ ней пескомъ сливается въ стаканъ *E*, а песокъ вмѣстѣ съ чашечкою высушивается въ воздушной ваннѣ; послѣ высушиванія вѣсятъ и замѣчаютъ вѣсъ его; потомъ прокалываютъ песокъ на огонь и снова вѣсятъ. Убыль вѣса послѣ прокалыванія показываетъ количество органическихъ веществъ, въ немъ находящихся; иногда онъ, по наблюденіямъ Шульце, содержитъ ихъ въ себѣ $2-2\frac{1}{2}\%$ противъ количества сухаго песка, и около $\frac{1}{2}\%$ противъ количества всей земли взятой для опыта.

По окончаніи промывки вода, собранная въ стаканъ, содержитъ въ себѣ частички самаго мелкаго песку и другія самыя мелкія вещества. Мелкой песокъ опускается на дно стакана; по истеченіи 6 часовъ, (если только для промывки была употреблена колодезная вода, оседаетъ на дно сосуда не только песокъ, но и частички глины и другихъ веществъ, а если была употреблена для промывки дождевая вода, то на дно стакана оседаетъ одинъ мелкой песокъ, а прочія части остаются взвѣшенными) воду осторожно сливаютъ, а мелкій песокъ посредствомъ спринцованія вымываютъ снова въ рюмку *A* и подвергаютъ вторичной промывкѣ; и для промыванія въ этомъ случаѣ необходимо употреблять дождевую или перегнанную воду. Вода изъ сосуда *C* черезъ кранъ выпускается въ во-

ронку не полною струею, а каплями; капли эти должны стекать по ствнѣ воронки, иначе онѣ сильно будутъ вгонять на дно рюмки воздухъ и сильно стануть мутить воду. Такимъ способомъ самыя легчайшія частички земли будутъ подниматься вверхъ и вмѣстѣ съ водою чрезъ изогнутую трубочку вытекать въ стаканъ *E*, а мелкій песокъ будетъ подниматься вверхъ только до половины рюмки. Это второе промываніе будетъ продолжаться долѣе перваго, именно около 1 часу, но за то оно не требуетъ никакого особеннаго надзора. Промывка эта прекращается въ то время, когда вода въ рюмкѣ и вытекающая изъ нея, не мутится больше, а стекаетъ совершенно-чистою и прозрачною. Послѣ этого воронку изъ рюмки вынимають вонь, и рюмку съ водою на нѣсколько минутъ оставляють въ покоѣ, пока песокъ осядетъ на дно. За тѣмъ воду сливають прочь. А оставшійся песокъ посредствомъ спринцованія выполаскивають въ плоскодонную чашечку; воду сливають прочь, а песокъ высушиваютъ въ воздушной ваннѣ; потомъ его взвѣшиваютъ, и замѣчаютъ вѣсъ, прокаливають на огнѣ и снова взвѣсять; убыль въ вѣсѣ и покажетъ количество органическихъ веществъ, находящихся въ мелкомъ пескѣ. Къ мелкому песку, какъ показываютъ опыты, органическихъ веществъ всегда бываетъ примѣшано гораздо больше, нежели къ песку обыкновенному, получаемому при первомъ промываніи. Нерѣдко здѣсь количество органическихъ веществъ бываетъ $2\frac{1}{2}\%$ противъ всего количества песка; и $=\frac{3}{4}\%$ противъ количества всей испытываемой земли.

Для опредѣленія собственно частей, унесенныхъ водою во время промывки, надобно воду, слитую изъ стакана *E* послѣ первой промывки, смѣшать съ водою, слитою изъ того же стакана *E* послѣ второй промывкѣ, и процѣдить ее чрезъ сухую и взвѣшенную цѣдилку изъ пропускной бумаги. Остатокъ, собранный на цѣдилкѣ, высушить въ воздушной ваннѣ и взвѣсить. По окончаніи взвѣшиванія надо изъ полученнаго вѣса вычесть вѣсъ цѣдилки. Этимъ и опредѣлится количество уносимыхъ водою частей при промывкѣ.— Профессоръ Шульце совѣтуетъ къ процѣживаемой жидкости прибавлять на каждые 10 фунтовъ воды $25\frac{2}{3}$ грана сѣм-

мiяку, для того, чтобы скорѣе осадились всѣ взвѣшенныя въ водѣ частички и такимъ образомъ ускорили ея процѣживаніе. Этими собственно операціями и оканчивается механическое разложеніе земли.

в. *Химическое изслѣдованіе почвы.*

Къ химическому изслѣдованію почвы принадлежатъ :

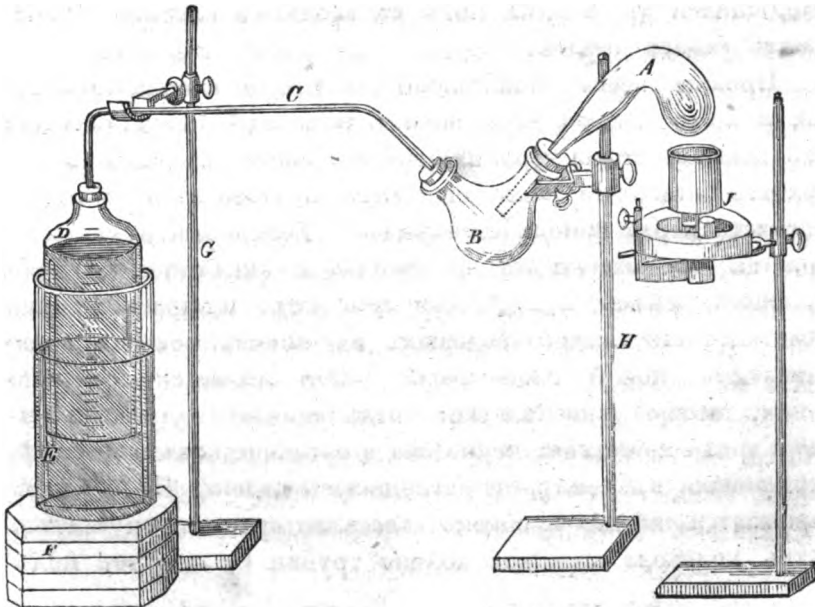
в. *Количественное опредѣленіе чернозему и органическихъ остатковъ, находящихся въ почвѣ.* Количество чернозему и другихъ органическихъ веществъ, находящихся въ почвѣ, опредѣляется самымъ простымъ способомъ посредствомъ прокаливанія земли. Для опыта отвѣшиваютъ 10—20 граммъ земли, изъ которой посредствомъ высушиванія въ воздушной ваннѣ прежде была удалена вся естественная влажность, насыпаютъ ее въ фарфоровый или платиновый тигель, и нагреваютъ на открытомъ огнѣ или на спиртовой берцеллиевой лампѣ до тѣхъ поръ, пока сгорятъ всѣ находящіяся въ ней органическія вещества. А это узнается потому, что чернѣйшій цвѣтъ земли измѣняется во всей ея массѣ въ красно-бурый или красный. Чѣмъ краснѣе бываетъ прокаленный остатокъ, тѣмъ, значитъ, въ почвѣ находится больше желѣзной закиси или окиси. Въ началѣ прокаливанія тигель надо прикрыть крышкою, а потомъ ее снимаютъ и помѣшиваютъ землю платиною проволокою или глиняною палочкою, отъ чего воздухъ получаетъ больше свободного доступа къ землѣ и ускоряется сожиганіе органическихъ веществъ. Послѣ совершеннаго прокаливанія тигель снимаютъ съ огня, прикрываютъ крышкою, даютъ ему охладиться и всѣять землю тотчасъ-же, прежде нежели она успѣетъ поглотить влажность изъ воздуха. Убыль противъ первоначальнаго вѣса и будетъ выражать собою количество чернозема и органическихъ веществъ, находящихся въ почвѣ.

При всей своей простотѣ этотъ способъ для количественнаго опредѣленія чернозема и органическихъ остатковъ, имѣетъ множество недостатковъ и ведетъ къ неточнымъ результатамъ; потому-что для прокаливанія здѣсь нужна бываетъ весьма сильная температура и кромѣ чернозема здѣсь въ почвѣ уничтожаются и другія составныя начала

почвы. Такъ здѣсь можетъ отдѣлиться вся угольная кислота, которая соединена была химически съ известію, магнезію, можетъ отдѣлиться вся вода, химически соединенная съ нѣкоторыми составными началами почвы въ видѣ гидратовъ; можетъ отдѣлиться весь амміакъ, который былъ соединенъ съ угольною, селитряною и сѣрною кислотами, наконецъ тутъ могутъ все селитроокислыя соли земли разложиться, а желѣзная закись всегда превращается въ окись. Следовательно и убыль вѣса послѣ перекаливанія земли можетъ происходить не отъ одного только уничтоженія чернозема и органическихъ остатковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ разложенія другихъ составныхъ началъ почвы. Это-то, кажется, и составляетъ одну изъ причинъ, почему посредствомъ перекаливанія въ почвахъ находятъ всегда больше чернозема и органическихъ остатковъ, противъ ихъ дѣйствительнаго количества.

Вслѣдствіе такихъ недостатковъ и несовершенствъ профессоръ Шульце для количественнаго опредѣленія чернозема и органическихъ остатковъ, находящихся въ почвѣ, придумалъ особый снарядъ, который изображенъ на прилагаемомъ у сего чертежѣ.

Чертежъ 13.

Вотъ главныя части этого снаряда. *Стеклянная реторта А*; *стеклянный приемник В* съ двумя горлышками; *стеклянная двух-колынная трубка С*; *стеклянный колокол D*, который имѣетъ продолговатую форму и раздѣленъ на кубическіе сантиметры: вмѣстимость его должна быть = 750 кубическимъ сантиметрамъ; *стеклянный цилиндрической сосудъ E*: онъ долженъ быть нѣсколько шире колокола *D*, такъ-что, когда колоколъ будетъ опущенъ въ сосудъ, то между стѣнками ихъ кругомъ должно оставаться пустое пространство на $\frac{1}{4}$ дюйма; нѣсколько *деревянныхъ подкладокъ F*, на которыя ставится стеклянный сосудъ *E*: ихъ по мѣрѣ надобности можно вынимать по одной или подкладывать подъ сосудъ *E*, и такимъ образомъ можно повысить или понижать его уровень; *двѣ подставки G и H*: въ подставку *H* ущемляется приемникъ *B*, а на подставку *G* покоится стеклянная трубочка *C*; и наконецъ *берцелліева стертная лампа*.

Въ этомъ аппаратѣ Шульце сожигаетъ землю вмѣстѣ съ кислотою солью хромокислаго поташа, и по объему полученной угольной кислоты посредствомъ вычисленія опредѣляетъ количество чернозема и органическихъ остатковъ, находящихся въ землѣ. Вотъ въ краткихъ словахъ производство самаго опыта:

Прежде всего стеклянный сосудъ *E* наполняется водою, и посредствомъ деревянныхъ подкладокъ *F* уставляется такъ высоко, чтобы верхній край его былъ нѣсколько выше верхняго отверстія колокола *D*. Отъ этого весь колоколъ до самаго верха наполняется водою. Теперь въ водѣ растворяютъ для насыщенія ея угольною кислотою, содовый порошокъ (смѣсь изъ углекислаго натра и виннокислой кислоты); или вмѣсто содовыхъ порошковъ поверхъ воды наливаютъ тонкій слой масла. (Это дѣлается съ тою цѣлію, чтобы впослѣдствіи отдѣляющаяся угольная кислота чрезъ сожиганіе чернозема и органическихъ веществъ, находящихся въ землѣ, не поглощалась водою). Колоколъ *D* закрывается плотно пробкою, сквозь которую пропускается внутрь колокола короткое колыно трубки *C*, загнутое подъ

прямым угломъ. Не далеко отъ загиба подставляется подъ трубку подставка *G*. Теперь берутъ приемникъ *B*, оба горла его затыкаютъ наглухо пробками какъ можно плотнѣе, и ущемляютъ его въ подставку *H*. Сквозь одно горло черезъ отверстіе, сдѣланное въ пробкѣ, пропускается внутрь его другое колено трубки *C*, изогнутое подъ тупымъ угломъ. Послѣ этого отвѣщаютъ 20 граммъ земли, напередъ высушенной въ воздушной ваннѣ, и 20 граммъ расплавленнаго кислаго хромоксида поташа. Смѣсь эту растираютъ въ ступкѣ и перемѣшиваютъ ее какъ можно равномерно между собою. (Если земля богата черноземомъ и органическими остатками, то земли берутъ меньше 20 граммъ, а хромоксида поташа больше; если-же земля бѣдна черноземомъ, то ее берутъ больше 20 граммъ, а хромоксида поташа меньше). Смѣсь высыпаютъ въ реторту *A*, и шейку ея пропускаютъ внутрь приемника *B* сквозъ отверстіе, сдѣланное въ пробкѣ. Шейка реторты и оба колена трубки *C* должны быть плотно укрѣплены въ пробкахъ приемника и колокола, такъ-чтобъ между ними не оставалось ни малѣйшаго пространства. Когда такимъ образомъ всѣ разнородныя части снаряда будутъ соединены между собою плотно, то наружный воздухъ не будетъ болѣе имѣть свободнаго доступа внутрь его. — Теперь начинаютъ пробовать, не проходитъ-ли гдѣ-нибудь наружный воздухъ внутрь аппарата; для этого изъ-подъ сосуда *E* вынимаютъ нѣсколько подкладокъ *F*; отъ этого уровень сосуда *E*, а равно и уровень воды въ колоколѣ понижается, а вслѣдствіе этого и воздухъ во всемъ аппаратѣ начинаетъ мало-по-малу разрѣжаться и разрѣженіе его тотчасъ достигаетъ своего *maximum*; что и узнается по воздушнымъ пузырькамъ, которые образуются въ верхнемъ пространствѣ колокола *D*. Если по прошедшемъ получаса времени воздушныхъ пузырьковъ не образуется болѣе, то значитъ, снарядъ закупоренъ вездѣ плотно и наружный воздухъ не имѣетъ свободнаго доступа внутрь его; а если продолжаютъ образоваться пузырьки въ верхнемъ пространствѣ колокола, то, значитъ, снарядъ не плотно запертъ, и наруж-

ный воздухъ имѣетъ свободный доступъ внутрь его. Тогда надо мѣсто это отыскать и закупорить плотно. Когда увѣрятся, что снарядъ вездѣ плотно закупоренъ, то подъ брюхо реторты подставляютъ спиртовую берцеллиеву лампу и нагреваютъ ее. Въ это время кислый хромокислый поташъ начинаетъ отдѣлять изъ себя кислородъ; а органическія вещества, находящіяся въ испытуемой землѣ, отъ дѣйствія теплоты, стараются въ этомъ кислородѣ и превращаются въ угольную кислоту. Угольная кислота, проходя чрезъ приемникъ *B* и двухколенную трубочку *C*, собирается мало-помалу въ колоколъ *D*; отъ чего уровень воды, находящейся въ немъ, начинаетъ понижаться; и это пониженіе воды бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше скопляется угольной кислоты. Въ это время, по мѣрѣ надобности начинаютъ вынимать изъ-подъ сосуда *E* подкладки *F*, для того, чтобы вода постоянно находилась на одномъ уровнѣ, какъ въ колоколѣ *D*, такъ и въ сосудѣ *E*, и не выливалась-бы черезъ край его отъ давленія, производимаго угольною кислотою, скопляющеюся въ колоколѣ. Какъ скоро всѣ органическія вещества земли сгорятъ и не будетъ уже больше отдѣляться угольной кислоты, то лампу отнимаютъ отъ реторты прочь, и всему снаряду даютъ охладиться. Вслѣдствіе охлажденія воздухъ въ ретортѣ сжимается, и объемъ его во всемъ снарядѣ уменьшается; вслѣдствіе этого и уровень воды въ колоколѣ нѣсколько поднимается вверхъ; но повышеніе уровня воды въ колоколѣ тотчасъ останавливается, какъ скоро температура всего снаряда придетъ въ равновѣсіе съ внешнею температурою воздуха. Если и послѣ уравниванія температуры вода въ колоколѣ поднимается выше, то, значитъ, угольная кислота поглощается водою. Въ концѣ опыта подкладываютъ подъ сосудъ *E* столько подкладокъ *F*, пока вода какъ въ колоколѣ такъ и въ сосудѣ станетъ въ одинъ уровень.

Въ это время измѣряютъ объемъ угольной кислоты, находящейся въ колоколѣ, (что очень легко сдѣлать; потому что нарѣзанныя на колоколѣ линіи выражаютъ собою куби-

чекіе сантиметры) и посредствомъ вычислений опредѣляютъ количество чернозема и другихъ органическихъ остатковъ, находящихся въ почвѣ.

Въ основаніе вычисленій надо класть слѣдующія данныя: 1000 кубическихъ сантиметровъ при средней температурѣ комнатнаго воздуха въ 14° R. имѣютъ вѣсъ=1,8587 грам.; а въ 1,8587 грам. угольной кислоты находится 0,552 гр. углерода, а 0,552 гр. углерода соответствуютъ 0,873 гр. чернозема, (если мы допустимъ, что въ 100 частяхъ чернозема находится $38\frac{0}{100}$ углерода. Объяснимся примѣромъ: положимъ, что изъ 20 гр. земли, взятой нами для опыта, получено 385 кубическихъ сантиметровъ угольной кислоты; ихъ вѣсъ будетъ=0,7155 гр. ($1000 : 1,8587 = 385 : \times. \times = \frac{1,8587 \cdot 385}{1000} = 0,7155$); а 0,7155 гр. угольной кислоты будутъ содержать въ себѣ углерода 0,2125 грам. углер. ($1,8587 : 0,552 = 0,7155 : \times. \times = \frac{0,552 \cdot 0,7155}{1,8587} = 0,2125$); а 0,2125 грам. углерода будутъ соответствовать 0,3361 гр. чернозема ($0,552 : 0,873 = 0,2125 : \times. \times = \frac{0,873 \cdot 0,2125}{,552} = 0,3361$). Слѣдовательно 20 грам. земли будутъ содержать въ себѣ $1,68\frac{0}{100}$ чернозема или $1,0625\frac{0}{100}$ углерода.

Этотъ способъ, предложенный г. Шульце для количественнаго опредѣленія чернозема и органическихъ остатковъ, очень простъ и удобоисполнимъ, и кромѣ того предъ всеми доселѣ извѣстными способами имѣетъ то преимущество, что можетъ быть оконченъ въ теченіи 10—15 минутъ. Но онъ можетъ насъ привести къ неточнымъ результатамъ, если для опыта будетъ взята земля, богатая углекислою магнезіею и углекислою известію; потому кислый хромовый поташъ, приходя въ непосредственное соприкосновеніе съ углекислыми солями, разлагаетъ ихъ, при чемъ избытокъ хромовой кислоты, соединяясь съ известію или магнезіею, вытѣсняетъ изъ нихъ угольную кислоту. Эта угольная кислота, отдѣленная во-время опыта изъ углекислыхъ солей, можетъ быть сочтена за угольную кислоту, образ-

вавшуюся чрезъ сожиганіе органическихъ веществъ. Следовательно въ этомъ случаѣ способъ, предложенный г. Шульце, будетъ показывать большее количество чернозема и органическихъ остатковъ, нежели сколько почва содержитъ ихъ на самомъ дѣлѣ. — Этотъ недостатокъ однакожь легко можетъ быть устраненъ, если мы, прежде или послѣ количественнаго опредѣленія чернозема и органическихъ остатковъ, опредѣлимъ количественное содержаніе углекислыхъ солей, находящихся въ почвѣ, и потомъ количество угольной кислоты, находящейся въ углекислыхъ соляхъ почвы, вычтемъ изъ количества угольной кислоты, полученной при количественномъ опредѣленіи чернозема и органическихъ остатковъ.

6. *Количественное опредѣленіе углекислой извести.* Для количественнаго опредѣленія углекислой извести, находящейся въ почвѣ, можетъ быть употребляемъ тотъ-же самый снарядъ, котрый мы описали при количественномъ опредѣленіи чернозема. Вотъ въ короткихъ словахъ производство самаго опыта; когда снарядъ уже будетъ совсѣмъ собранъ, т. е. когда сосудъ *E* будетъ наполненъ водою и колоколь *D* будетъ погруженъ въ него до своего верхняго отверстія, то берутъ 25—30 грам. (смотря по тому, много или мало почва содержитъ въ себѣ извести; и чѣмъ больше въ почвѣ будетъ находится извести, тѣмъ меньше берутъ земли и наоборотъ) испытуемой земли, высушенной въ воздушной ваннѣ и просѣянной сквозь сито, насыпаютъ ее въ приемникъ *B*; а въ реторту *A* наливаютъ до половины водной соляной кислоты, и шейку ея пропускаютъ сквозь пробку въ приемникъ. За тѣмъ, какъ и въ предъидущемъ опытѣ, начинаютъ пробовать, вездѣ-ли плотно приложенъ и закупоренъ аппаратъ. Когда убѣдятся, что наружный воздухъ не имѣетъ болѣе свободнаго доступа внутрь аппарата, то шейку реторты поворачиваютъ кругомъ, и самую реторту уставляютъ такъ, чтобы соляная кислота стекала свободно въ приемникъ къ испытуемой землѣ и пропитывала ее собою равномерно и вездѣ. Когда начнется

отдѣленіе угольной кислоты, то здѣсь точно также, какъ и при количественномъ опредѣленіи чернозема, необходимо вынимать деревянныя подкладки *F* изъ-подъ сосуда *E* для того, чтобы уровень воды въ сосудъ *E* постоянно былъ ниже уровня въ колоколѣ *D*. Очень часто случается, что земля, находящаяся на самомъ днѣ приемника, не пропитывается кислотою, въ такомъ случаѣ приемникъ необходимо потряхивать до тѣхъ поръ, пока вся земля пропитается кислотою. При неосторожномъ потряхиваніи аппаратъ конечно можетъ иногда лопнуть или гдѣ-нибудь раскрупориться, и повести къ неточнымъ результатамъ; а потому мы советуемъ трубку *C* употреблять не цѣльную, какъ въ предыдущемъ опытѣ, а составную, и отдѣльныя части ея соединять плотно между собою посредствомъ каучука, но такъ, чтобы онѣ были подвижны: Отъ соляной кислоты, если въ почвѣ есть углекислая известь, отдѣляется вся угольная кислота, соединенная съ известью, и скопляется въ колоколѣ *D*. При вычисленіяхъ здѣсь руководствуются слѣдующими данными. Въ 100 частяхъ углекислой извести находится 44% угольной кислоты, 1,000 кубическихъ сантиметровъ угольной кислоты вѣсятъ при средней комнатной температурѣ въ 14° Р. 1,856 граммъ, и слѣдовательно соответствуютъ по вѣсу=4,218 граммамъ углекислой извести (44: 100=1,856: 4,218); или 1 граммъ углекислой извести соответствуетъ 237 кубическимъ сантиметрамъ угольной кислоты (4,218: 1000=1: 237). И такъ если мы изъ 25 граммъ испытуемой земли получимъ 548 кубическихъ сантиметровъ угольной кислоты; то, значить, она содержала въ себѣ 2,301 граммъ или 9,208% углекислой извести.

7. *Количественное опредѣленіе составныхъ началъ почвы, растворимыхъ въ водѣ.* Для сельскаго хозяина весьма важно знать, сколько почва содержитъ въ себѣ веществъ растворимыхъ въ водѣ; потому-что растенія могутъ питаться только веществами или удоборастворимыми въ водѣ или газообразными. И дѣйствительно, если мы изслѣдуемъ почву тотчасъ послѣ удобренія, и потомъ послѣ каждой жатвы

будемъ изслѣдовать ея составныя начала въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, то найдемъ, что количество веществъ растворимыхъ въ водѣ съ каждымъ годомъ будетъ въ почвѣ уменьшаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ замѣтно ослабѣвать и ея производительность до тѣхъ поръ, пока наконецъ наступитъ совершенное ея истощеніе.

Количественное содержаніе составныхъ началъ почвы опредѣляется посредствомъ операціи, называемой въ химіи *вытяжкой* или *выщелачиваніемъ*. Вотъ краткое производство этой операціи. Берутъ прежде всего пять стеклянныхъ воронокъ и уставляютъ ихъ на станкѣ какъ слѣдуетъ, подъ каждую воронку подставляютъ плоскодонныя фарфоровыя чашки для приѣма стекающей воды. Потомъ вырѣзываютъ изъ толстой пропускной бумаги 5 цѣдилокъ, которыхъ-бы вышина была не болѣе $\frac{1}{2}$ —1 дюйма, цѣдилки разстилаютъ на днѣ каждой воронки и смачиваютъ ихъ перегнанною водою такъ, чтобы онѣ какъ можно плотнѣе пристали къ стѣнкамъ воронокъ. Когда все будетъ устроено такимъ образомъ, то отвѣшиваютъ 1000 граммъ сухой земли, разделяютъ ее на 5 по вѣсу равныхъ порцій, и насыпаютъ въ каждую воронку нерастертой земли по 200 граммъ. За тѣмъ въ каждую воронку наливаютъ теплой или холодной перегнанной воды, (можно для этого употреблять воду, насыщенную угольною кислотою) и продолжаютъ выщелачиваніе до тѣхъ поръ, пока стекающая изъ-подъ воронокъ вода выщелочитъ всѣ начала, растворимыя въ водѣ. А это узнается такъ: берутъ каплю воды на стеклышко и испаряютъ ее на огнѣ: если послѣ испаренія капли не будетъ оставаться никакого пятна, то значить, что вода выщелочила всѣ растворимыя вещества. Для выщелачиванія 1000 граммъ земли потребно бываетъ 6 фунтовъ воды и болѣе. По окончаніи выщелачиванія полученную воду изъ-подъ каждой воронки сливаютъ въ одну большую фарфоровую чашку и выпариваютъ ее или на спиртовой лампѣ или на открытомъ огнѣ, такъ, чтобы вода кипѣла, но во время кипѣнія не бѣжала черезъ края сосуда.

Когда въ фарфоровой чашкѣ останется небольшое количество воды, то ее переливаютъ въ маленькій вывѣшенный платиновый тигель. После переливанія фарфоровая чашка обмывается перегнанною водою, всѣ вещества, приставшія къ ея стѣнкамъ во время выпариванія, соскабливаются посредствомъ платиновой лопаточки, сливаются вмѣстѣ съ водою въ платиновый тигель и подвергаются выпариванію до тѣхъ поръ, пока вся вода испарится до-суха. После этого платиновый тигель вносится въ воздушную ванну, и все содержащееся въ немъ подвергается высушиванію при температурѣ 110° Ц. Въ заключеніе платиновый тигель вѣсятъ; прибавь вѣса въ платиновомъ тиглѣ и покажетъ количество составныхъ началъ почвы, растворимыхъ въ водѣ, или количество сухихъ веществъ, находившихся въ водной вытяжкѣ. Эти растворимыя въ водѣ составныя начала почвы состоятъ изъ неорганическихъ веществъ и различныхъ соединений чернозема. — Если мы теперь захотимъ опредѣлить количество органическихъ веществъ или чернозема, находящихся въ сухой водной вытяжкѣ, то для этого тигель платиновый со всѣмъ, въ немъ содержимымъ, надо прокалить на спиртовой лампѣ, и после охлажденія снова взвѣсить. Убыль въ вѣсѣ и покажетъ намъ количество веществъ органическаго происхожденія, содержащихся въ сухой водной вытяжкѣ. Если во время прокаливанія будетъ замѣтна въ тиглѣ небольшая вспышка, то это значитъ, что почва содержитъ въ себѣ соли селитряной кислоты. Въ водной сухой вытяжкѣ находится всегда довольно-значительное количество веществъ органическаго происхожденія не менѣе 44% , а иногда всходитъ до 65% . Вещества неорганическаго происхожденія, полученныя изъ одной сухой вытяжки, растворяются потомъ то въ соляной, то въ селитряной, то въ серной кислотахъ, и подвергаются дальнѣйшему химическому анализу. Но мы здѣсь останавливаемся и предоставляемъ дальнѣйшее и болѣе-подробное изслѣдованіе составныхъ началъ почвы записнымъ химикамъ и агрономамъ; потому-что, какъ мы сказали выше, подробное хи-

мическое разложене почвъ требуетъ особеннаго навыка, много времени и не всегда можетъ быть доступно практическимъ сельскимъ хозяевамъ. Желающіе заниматься подробнымъ химическимъ анализомъ почвъ могутъ найти для себя вѣрныя и точныя указанія въ слѣдующихъ сочиненіяхъ :

1. Die Bodenkunde oder die Lehre vom Boden von Dr. *C. Sprengel* стр. 303—470 Leipzig, 1837.

2. Grundsätze der Agricultur-Chemie von *Schübler*. Th. II. стр. 100—122 Leipzig, 1838.

3. Anleitung zur Chemischen Untersuchung des Bodens für Landwirthe von *Babo* 1843.

4. Oekonomische Chemie von *Adolf Duflos und Adolf Hirsch*, 1843, стр. 41—98.

5. Gründliche Anleitung zur praktischen Ausführung der wichtigsten agronomisch-Chemischen Untersuchungen, von *Lindes*, 1849. стр. 53—66.

6. Jahrbücher der koeniglich preussischen Staats—und landwirthschaftlichen Akademie. Eldena. 1849. Heft I. стр. 84 и Heft II стр. 240 von *Schulze*.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

П И С Ь М О

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТИХОНА ВОРОНЕЖСКАГО.*

Помните
что Богъ говоритъ хотящимъ
спастися**.

Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша.

Читайте апокалипсиса глав. 2 и 3, и 7, стихъ 9 и до конца главу, и главу 19, и главу 20, и главу 21 и 22. Тамо открывается блаженство высшаго*** живота, и радость, и торжество, и слава избраннымъ Божиимъ, имѣющая быть въ будущемъ вѣкѣ.

Христосъ глаголетъ: се гряду яко тать. Блаженъ бдяи и блудый ризы своя, да не нагъ ходитъ и узрятъ срамоту его. Апок. гл. 16. Терпите все что ни приключится, да въ вѣчномъ животѣ прохладу получите. (И за родителей своихъ прилежно молитесь Богу, да помилуетъ ихъ.)

Въ подтвержденіе вашего малодушія пишу, что одному на сей недѣль послышалось въ нашемъ монастырѣ, когда онъ въ самой полночи забылся только, легши спать: а именно — послышалъ такое пѣніе надъ верхомъ себѣ, что сердце его, отъ радости и сладости, какъ воскъ таяло, и какъ только окончилось пѣніе тое, онъ проснулся, и тую радость и сладость чувствовалъ въ сердцѣ своемъ, которая нѣсколько времени была у него, и скоро отъ него отшла. И потомъ нашла великая на него печаль, что тая радость отшла отъ него. Разсуждайте вы сіе, и своей братіи о Христѣ сообщайте. Богъ насъ и здѣ не оставляетъ безъ утѣшенія. А какъ уже въ будущемъ вѣкѣ утѣшить. Терпите убо все и тщитесь Христу во всемъ угождать.

Сентября дня
1773 года.

Вашъ доброжелатель и слуга
Т. Е. В.****

* Драгоценный подлинникъ принадлежитъ къ моему собранію и доставленъ мнѣ достопочтеннымъ отцемъ П. И. Г. — М. П.

** Такъ разставлены слова въ подлинникѣ.

*** Это слово написано неясвенно.

**** Въ подписи стоитъ еще 4-я неясная буква.

ВОСЕМЬ СТИХОВЪ СУВОРОВА.

къ А. В. Брежинскому.

Прага въ Богеміи, 17 Января 1800 года.

И въ холодномъ краю свѣта
Есть къ наукамъ пылкой жаръ!
Благодарность для поэта,
Въ мѣсто лавровъ будетъ въ даръ.
Пусть въ отечествѣ любезномъ
Онъ Гомеромъ прослыветь,
Будеть гражданинъ полезной,
Въ дружбѣ съ лирой да живетъ.

Князь Александръ Италійскій, Графъ Суворовъ Римникскій.

(Эти стихи редакторъ имѣлъ честь получить отъ заслуженнаго литератора нашего, Владимира Ивановича Панаева, при слѣдующемъ письмѣ:

«М. Г. М. П.! Почти въ каждой книжкѣ вашего журнала помѣщается что-нибудь вырытое изъ глубины прежняго времени и доставляющее столько наслажденія вашимъ читателямъ: записки, рассказы, анекдоты, небольшія въ стихахъ и прозѣ сочиненія людей замѣчательныхъ, спасенныя вами отъ забвенія. Вотъ восемь стиховъ безсмертнаго Суворова къ нѣкому Андрею Петровичу Брежинскому, півту прошедшаго столѣтія (недавно умершему), къ которому были они присланы, по приказанію Генералиссимуса, находившимся при немъ княземъ Алексѣемъ Ивановичемъ Горчаковымъ (впослѣдствіи Военнымъ министромъ). Можеть-быть вы разсудите напечатать ихъ въ Москвитинѣ, вмѣстѣ съ письмомъ кн. Горчакова. Я получилъ ихъ отъ почтеннаго старца Александра Васильевича Козадаева, статс-секретаря Императора Александра, — давно уже сошедшаго съ политическаго поприща, и занимающагося въ уединеніи

составленіемъ жизнеописаній замѣчательныхъ людей царствованія Екатерины II; ему-же стихи Суворова доставлены отъ самаго Брежинскаго, при письмѣ, также здѣсь прилагаемомъ.»

Вотъ оно: «М. Г. А. В. Лучше писать поздно, нежели никогда — благодарю васъ усердно, что вы не предали меня забвенію. — Вы вопрошаете у своего родственника и у моего благодѣтеля Ивана Дмитриевича, существуетъ-ли въ семь міръ Брежинскій ?

И вотъ на вашъ вопросъ отвѣтъ,
Еще подъ солнцемъ онъ живетъ,
И не считая дней и лѣтъ
Еще въ семь міръ существуетъ,
Хотя на старость негодуеъ,
Но и вадъ ею торжествуетъ
Смиранный, кроткій вашъ поэтъ.

Вы хотите знать: писалъ-ли Великій Суворовъ ко мнѣ изъ Италіи?—Писалъ.—Я воспѣвалъ победы непобѣдимаго сего героя и славилъ подвиги храбраго Россійскаго воинства; я имѣлъ счастье получить отъ знаменитаго сего Полководца стихи, съ которыхъ и посылаю къ вамъ копію.

Андрей Брежинскій.

1843 года. Марта 15-го дня.

Выкса.

А вотъ письмо князя Горчакова, при которомъ были присланы стихи Суворова, къ г. Брежинскому.

«Андрей Петровичъ! Кабы часъ ранѣе, такъ бы мы взаимно повидались, и я тебя бѣ мой другъ обнялъ. Я отправился на сѣверъ, но хододный климатъ не охладитъ мою къ тебѣ любовь. Прилагаю у сего письма моего, отвѣтъ Князя Александра Васильевича на твои стихи, которые ему очень понравились.

Прощай, будь благополученъ, блистай своими талантами и благородными чувствованіями.

Искренній доброжелатель и нелицемѣрный другъ твой

Князь Алексій Горчаковъ.

1800 года Марта 2 дня.

ИЗВѢСТІЕ О КОСТРОВѢ.

По поволу Смирдинскаго изданія сочиненій Кострова, показалось въ петербургскихъ журналахъ нѣсколько статей о нашемъ старомъ переводчикѣ Гомера. Въ одной изъ нихъ представляется сомнѣніе объ его происхожденіи. Можемъ увѣрить автора, что Костровъ принадлежалъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ тому-же почтенному сословію, какъ и Ломоносовъ, то есть крестьянскому, и спора о томъ не можетъ быть никакаго. Костровъ даже гордился этимъ происхожденіемъ, какъ видно изъ слѣдующей его оды, принадлежащей къ моему собранію отечественныхъ достопамятностей*, гдѣ онъ именно это самъ свидѣтельствуетъ — что также очень примѣчательно. Эта ода опровергаетъ также другія извѣстія петербургскихъ статей, будто первое его стихотвореніе относится къ 1778 году на день коронованія Императрицы Екатерины, и будто въ 1771 г. былъ онъ въ Московскомъ университетѣ. Вотъ ея полное заглавіе:

«Стихи Святѣйшаго Правительствующаго Синода канцлеру члену, Новоспаскаго Ставропигіальнаго монастыря высокопреподобѣйшему Господину отцу Архимандриту Іоанну, которые въ чаяніи милостиваго благопріятія и отческаго милосердія къ несчастнымъ любителямъ Наукъ дерзаетъ приносить Вятской Семинаріи ученикъ, Вобловицкой Экономической крестьянинъ, Ермилъ Костровъ. Печатаны при И. Московскомъ Университетѣ, 1773 года.

И такъ первое напечатанное стихотвореніе Кострова принадлежитъ къ 1773 году; Костровъ былъ родомъ крестьянинъ, изъ Вобловицкой волости**, и учился въ Вятской Се-

* Я обязанъ ею благосклонности почтеннаго нашего ученаго, А. М. Кубарева. М. II.

** Просимъ мѣстныхъ друзей русской словесности сообщить намъ свѣдѣніе объ этой волости. М. II.

минаріи, гдѣ уже въ 1775 году писалъ стихи. Изъ этихъ стиховъ можемъ мы заключить, что ему хотѣлось продолжать науки, и перейти оттуда въ Московскій университетъ, но онъ находилъ препятствія — разумется въ бѣдности. Выпишемъ нѣсколько примѣчательныхъ строфъ, подавшихъ намъ поводъ къ этому заключенію:

Хотя небесный Обладатель,
 Натурѣ кой законы далъ,
 Какъ щедрый всякихъ благъ податель,
 Способность ту въ мой духъ вліялъ,
 Чтобъ свѣтъ наукъ свободныхъ зрѣти,
 И въ нихъ убѣжище имѣти
 Минервѣ посвятить себя,
 Ея храмъ домою почитая,
 Какъ храмъ премудрости любя,
 Доброту нравовъ получая,

*

Но что судьба мнѣ учинила?
 Она лишаетъ сихъ трудовъ,
 О есть-ли-бы ты не вкусила
 Моя душа такихъ плодовъ!
 Что отъ ученій происходятъ,
 Съ собою щастіе приводятъ,
 Тебѣ сносно было ихъ не звать.
 Но нинѣ, сколь ударъ несносный!
 Познавши сладость ихъ терять,
 Чувствительный ударъ и злостный.

*

Ужѣ къ восходу мнѣ не зрится
 Отверстый прочимъ Геликонъ,
 Хотя къ нему мой умъ стремится,
 Плачевный испущая стонъ:
 Въ немъ были сладки мнѣ утѣхи,
 Текли всегда что безъ помѣхи;
 А днесъ печальми утомленъ.
 Исчезли всѣ живые соки;
 Но паки былъ-бы ободренъ,
 Когда-бъ имѣлъ Парнасски токи.

*

Но что мой духъ тебѣ крушиться
 Престань крушиться ужѣ, престань,
 Иль жаждѣ жаждой утолиться
 Возможно, сохнетъ какъ гортань ;
 Несносно зрѣть бѣды очами,
 Да можно-ль ихъ прогнать слезами ?
 Не сродно огонь огнемъ гасить,
 Онъ лишь возжеть лютейшій пламень ;
 Несродно и волнамъ носить
 Поверхъ себя тяжелый камень.

*

.....
 Отверзи мнѣ, о Покровитель !

Замѣтимъ кстати, что почти изъ одной стороны съ Костровымъ Русская словесность получила и незабвеннаго *Мерзлякова*, а именно изъ Пермской губерніи, изъ города Далматова, гдѣ отецъ его принадлежалъ къ купеческому сословію. Имя Мерзлякова соединено съ именемъ, которымъ началось это отдѣленіе Москвитянина въ нынѣшнемъ номерѣ, именемъ Панаева. Панаевъ, Иванъ Ивановичъ, вывелъ на свѣтъ Мерзлякова, и оду его на восшествіе на престолъ Императрицы Екатерины II напечаталъ въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, а пятнадцатилѣтнему автору далъ случай отправиться въ Москву и опредѣлиться въ университетъ, котораго вскорѣ онъ сдѣлался, какъ и Костровъ, бакалавромъ, а потомъ профессоромъ, — славою и любовію. *М. П.*

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ХИМИИ.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.)

Важность солей и причины возникновения къ нимъ химиковъ. — Предшнее понятіе о соляхъ и открытіе Глаубера. — Руэль, Венцель Рихтеръ, Бертолетъ, Пруть, Дальтонъ — Выводъ химическихъ пропорцій изъ наблюденій Венцеля, Рихтера и Дальтона. — Атомическая теорія. — Греческая школа — Левкиппъ. — Демократъ. — Эпикуръ и Лукрецій. — Декартъ и Гассенди. — Сведенборгъ. — Соединенія газовъ. — Гумбольдтъ и Гей-Люссакъ. — Атомическій составъ тѣлъ. — Дюма. — Гривенъ. — Удѣльная теплота. — Дюлонгъ и Петъ. — Изоморфизмъ. — Гей-Люссакъ и Бёданъ. — Мичерлихъ. — Сродство. — Связь сродства съ электричествомъ. — Теорія электро-химическая Деви. — Теорія Ампера. Теорія Берцелия.

Великія открытія Лавуазье вытекли изъ его изслѣдованій надъ тѣлами простыми и ихъ соединеніями перваго порядка. На соединенія-же болѣе-сложныя — на соли, въ которыхъ химическое дѣйствіе гораздо-слабѣе и которыхъ участіе въ явленіяхъ природы встрѣчается несравненно-рѣже, ни Лавуазье, ни химики его школы не обращали большаго вниманія; между-тѣмъ въ нихъ законы химическихъ соединеній, которыми слѣдовало быть главною задачею науки, легче и удобнѣе раскрыть, чѣмъ въ составныхъ, менѣе-сложныхъ, но за то болѣе-энергическихъ. Кромѣ того, невниманіе химиковъ къ солямъ можно еще объяснить неточнымъ ихъ опредѣленіемъ. Такимъ образомъ, ученые, не имѣя объ нихъ яснаго представленія и не видя ихъ особеннаго дѣйствія въ обыкно-

венныхъ явленіяхъ , происходящихъ на поверхности земли , легко теряли ихъ изъ вида въ своихъ изысканіяхъ.

Большая часть тѣхъ соединеній , которыя въ прежнее время назывались солями , были только или кислоты , или основанія . Эта ошибка происходила отъ ложнаго взгляда на соли , разсматриваемыя какъ нѣчто среднее между землею и водой . Такимъ-образомъ , сѣрная кислота была отнесена къ солямъ , потому-что имѣла плотность ббльшую воды и мѣньшую плотности земли . Притомъ , всѣ извѣстныя въ то время истинныя соли были естественнаго происхожденія , напримѣръ , селитра . Только въ половинѣ семнадцатаго вѣка , трудами Глаубера , было открыто нѣсколько искусственныхъ произведеній этого порядка . Онъ нашелъ , что сѣрная кислота вытѣсняетъ изъ морской соли водохлорную и образуетъ съ ея основаніемъ , натромъ , сѣрно-кислый натръ , извѣстный и понынѣ подъ именемъ глауберовой соли .

И такъ Глауберъ первый показалъ составъ соли — изъ кислоты и основанія . Послѣ него Руелль раздѣлилъ ихъ на собственно-среднія соли , среднія съ избыткомъ основанія и среднія съ избыткомъ кислоты . Въ первыхъ соляхъ свойство кислоты обращать синій цвѣтъ въ красный уничтожается противнымъ свойствомъ основанія — перемѣнять красный цвѣтъ въ синій , такъ-что средняя соль не оказываетъ никакого вліянія на цвѣтъ ; между-тѣмъ соль съ избыткомъ кислоты , называемая нынѣ просто кислотою , имѣетъ отчасти свойство кислоты , а соль съ избыткомъ основанія или основная — свойство основанія .

Противъ этого дѣленія сильно возсталъ Боме , который оспаривалъ мнѣніе Руелля во всѣхъ его частяхъ . Боме думалъ , что изъ трехъ классовъ солей , различенныхъ Руеллемъ , одинъ былъ только истинный — собственно-среднія соли , а остальные два суть только простыя смѣси первой соли съ свободною кислотою или свободнымъ основаніемъ ; такъ-что достаточно простой промывки , чтобъ отнять у нихъ эту кислоту или это основаніе , и возвратитъ ихъ въ первоначальное состояніе нейтральности . Руелль крѣпко отстаивалъ

свое ученіе , однако видѣлъ всю трудность сдѣлать его господствующимъ при тогдашнемъ состояніи науки.

Руелль, который сверхъ того пользовался славой хорошаго профессора, былъ награжденъ отъ природы весьма-пылкимъ умомъ. Онъ родился въ окрестностяхъ Каена отъ хорошей фамиліи, и первые химическіе опыты дѣлалъ въ кузницѣ своего сосѣда. Получивъ въ 1742 году мѣсто въ парижскомъ Ботаническомъ саду, онъ чрезъ два года сдѣлался преподавателемъ химіи и членомъ тамошней Академіи Наукъ. Лекціи его отличались большою оригинальностью. Онъ входилъ обыкновенно на кафедру въ мантии, въ парикъ и съ шляпою подъ мышкой. Начиналъ тихо, потомъ, одушевляясь болѣе и болѣе, приходилъ наконецъ въ совершенный восторгъ и бросалъ съ себя парикъ, мантию, галстукъ и камзолъ. Въ это время онъ являлся настоящимъ Руеллемъ, страстно влюбленнымъ въ науку.

Руеллю, для окончательнаго изученія солей, не доставало ихъ изслѣдованія съ вѣсками въ рукахъ. Обрати онъ вниманіе на вѣсъ, его изысканія необходимо привели-бы къ весьма-важнымъ результатамъ по ихъ общности. Но онъ довольствовался классификаціею солей по ихъ только качественнымъ свойствамъ, не обращая вниманія на ихъ количественное отношеніе. Вѣски были приложены къ этому порядку составныхъ только во время Лавуазье, и не имъ самимъ, но германскимъ химикомъ Венцелемъ, который, не смотря на свои великіе труды, долго оставался въ совершенной неизвѣстности.

Карль-Фридерикъ Венцель родился въ Дрезденѣ, въ 1740 г. Соскучившись сидѣть въ мастерской своего отца, по ремеслу переплетчика, онъ на пятнадцатомъ году убѣжалъ отъ него и нѣкоторое время скитался по разнымъ мѣстамъ. Пришедши въ Голландію, онъ въ Амстердамѣ выучился фармаціи и хирургіи, а во время своей поѣздки въ Гренландію получилъ званіе хирурга въ голландской службѣ. Возвратившись въ Саксонію, онъ въ Лейпцигѣ съ успѣхомъ изучалъ естественныя науки. Тамъ была написана имъ извѣстная диссертациа объ отраженіи металловъ, за которую ученое копенгагенское общество наградило его золотою медалью. Въ

1780 году, ему было поручено управлять Фрейбургскими рудокопнями, которыя оставались въ его вѣдѣніи до самой его смерти, послѣдовавшей ровно черезъ тридцать лѣтъ. Нѣсколько прежде, онъ издалъ сочиненіе, которое положило основаніе его вѣчной славы.

Это сочиненіе явилось въ 1777 году, подъ названіемъ: *Уроки о сродствѣ, Lehre von dem Verwandtschaften der Körper*. Въ немъ онъ излагаетъ результаты своихъ наблюденій надъ двойнымъ разложеніемъ солей, и вполне объясняетъ, почему двѣ среднія соли, по взаимномъ разложеніи, сохраняютъ свою нейтральность. Съ помощью анализомъ удивительной точности, онъ доказываетъ, что это явленіе происходитъ отъ того, что количества оснований, достаточныя для насыщенія опредѣленнаго вѣса какой-нибудь кислоты, насыщаютъ равныя количества всякой другой кислоты.

Для примѣра положимъ, что имѣемъ два раствора; одинъ пусть будетъ съ сѣрно-кислымъ натромъ, а другой съ азотно-кислымъ баритомъ. Удостоверившись посредствомъ лакмусовыхъ бумажекъ, что эти соли совершенно нейтрализованы, смѣшаемъ ихъ вмѣстѣ: тотчасъ произойдетъ разложеніе и образованіе осадка. Осядетъ сѣрно-кислый баритъ, а азотно-кислый натръ останется въ растворѣ. Употребивъ въ дѣло лакмусовыя бумажки, опять увидимъ, что эти новыя соединенія не производятъ никакого измѣненія ни на синій, ни на красный цвѣтъ: слѣдовательно два основанія, по обмѣнъ своихъ кислотъ, и двѣ кислоты, по обмѣнъ своихъ оснований, сохранились въ прежнемъ состояніи нейтральности. А это, другими словами, значитъ: количество натра, которое составляло среднюю соль съ сѣрною кислотою, теперь совершенно насыщаетъ азотную кислоту, оставленную баритомъ, который, въ свою очередь, насыщаетъ сѣрную кислоту, оставленную натромъ; или еще: извѣстныя количества натра и барита, нейтрализующія одно и тоже количество сѣрной кислоты, нейтрализуются однимъ и тѣмъ-же количествомъ азотной кислоты.

Вотъ , дѣйствительно , то заключеніе , которое вывелъ Венцель во всей его общности изъ своихъ многочисленныхъ опытовъ , поражающихъ удивительною точностью числовыхъ результатовъ. Убѣжденный твердо въ томъ , что ни сила , ни вещество не теряются въ природѣ , онъ , по этому закону , опредѣлялъ ошибки своихъ разложеній и , переходя отъ одного результата къ другому , достигъ до заключеній , согласныхъ съ первоначальными его положеніями.

Вслѣдъ за Венцелемъ является въ Берлинѣ не менѣе замѣчательный химикъ , Рихтеръ. Онъ , желая вновь изслѣдовать и распространить законъ о взаимномъ разложеніи солей , объясненный его предшественникомъ , старался опредѣлить отношенія , въ которыхъ соединяются всѣ кислоты и всѣ основанія для образованія среднихъ солей. Результаты его безчисленныхъ опытовъ печатались въ журналѣ , который издавалъ онъ въ 1792 году , подъ названіемъ : *Разсужденія о новыхъ предметахъ химіи, Abhandlung über die neuere Gegenstand von der Chemie*. Рихтеръ понималъ всю важность чиселъ , которыя нынѣ называемъ *Эквивалентами* , и создалъ то , что въ Германіи называютъ *стихиометріею*. Но стараясь дать химіи форму математическую , онъ увлекался своими идеями и предпочиталъ ихъ показаніямъ опыта. Такимъ-образомъ , вообразивъ себѣ , что числа , выражающія эквиваленты *основаній* , должны идти въ прогрессіи ариѳметической , а эквиваленты кислотъ въ геометрической , онъ дѣлалъ въ нихъ самопроизвольныя поправки противъ опыта , чтобъ привести ихъ только въ помлнутые ряды. Въ доказательство сравнимъ его результаты съ настоящими :

	Эквиваленты Рихтера.	Эквив. настоящіе.
Фосфорная кислота.....	488	446
Угловая кислота.....	288	276
Азотная кислота.....	702	677
Сѣрная кислота.....	500	501
Магнезія.....	307	256
Амміакъ.....	336	214

Известь.....	396	386
Поташъ.....	802	389

Но имя Рихтера навсегда соединено съ исторією солей весьма-замѣчательнымъ открытіемъ, которому онъ далъ вѣрное объясненіе, хотя въ выраженіяхъ сбивчивыхъ. Дѣло идетъ о взаимномъ осажденіи металловъ изъ ихъ соляныхъ растворовъ. Рихтеръ, замѣтивъ, что нейтральность не нарушится во все продолженіе этого явленія, положилъ новое основаніе ученію о химическихъ эквивалентахъ.

Если въ средній растворъ азотно-кислаго серебра опустимъ мѣдную пластинку, то серебро мало-по-малу осядетъ, и образуется новое соединеніе азотно-кислой мѣди, тоже въ нейтральномъ состояніи. Подобное дѣйствіе повторится, когда въ эту азотно-кислую мѣдь положимъ цинковую пластинку: мѣдь замѣстится цинкомъ и произойдетъ азотно-кислый цинкъ, который сохранитъ нейтральность мѣдной соли. Перемѣнивъ азотно-кислую мѣдь на азотно-кислый свинецъ или на хлористое олово, получимъ то-же явленіе, опуская въ нихъ пластинку цинка; и каждый разъ, какова-бы ни была кислота, осажденный металлъ замѣнится другимъ, и растворъ останется въ нейтральномъ состояніи насыщенія. Это значитъ, что количество этихъ различныхъ металловъ, которые во взаимномъ замѣщеніи передаютъ кислородъ одинъ другому, образуютъ каждый разъ столько окисла, что могутъ замѣщать другъ друга въ соединеніяхъ съ кислотою безъ нарушенія степени насыщенія; такъ-что если въ средней соли азотно-кислаго серебра замѣстимъ 1350 частей этого металла 396 частями мѣди, или 339 частями желѣза, или 403 частями цинка, или 1294 частями свинца; то не только упомянутого количества каждаго металла будетъ совершенно-достаточно для образованія окисла съ кислородомъ, находящимся прежде въ соединеніи съ серебромъ, но и новый образующійся здѣсь окисль будетъ имѣть такое количество, какое нужно для осредосоливанія азотной кислоты, содержащейся въ соединеніи съ окисломъ серебра. Слѣдовательно, въ соляхъ одной и

той-же кислоты всегда имѣется два числа постоянныхъ, которыми выражаются количества кислоты и кислорода основанія, и одно переменное — вѣсъ металла.

Въ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ, найдемъ для состава азотно-кислыхъ солей:

Азотная кислота. Кислородъ основанія. Металлъ.

677 час.	100 час.	1380 ч. сереб.
677 —	100 —	396 ч. мѣди.
677 —	100 —	330 ч. жел.
677 —	100 —	403 ч. цин.
677 —	100 —	1294 ч. свин.

Такимъ-образомъ Рихтеръ понялъ, что между кислородомъ основанія и кислотою существуетъ постоянное отношеніе для всѣхъ солей одной и той-же кислоты и одинаковой степени насыщенія. Но Рихтеръ, допуская вполне ученіе Лавуазье, хотѣлъ сохранить языкъ флогистической теоріи, и потому могло случиться, что его объясненіе явленій взаимнаго насыщенія металловъ осталось-бы надолго въ неизвѣстности, если-бъ Берцелій не вывелъ его изъ того мрака, въ который оно было погружено сбивчивыми выраженіями.

Наблюденія Венцеля и Рихтера, по ихъ высокому интересу, были достойны всякаго вниманія. И потому можно было-бы ожидать, что ихъ открытія постоянства отношеній во взаимномъ замѣщеніи металловъ, кислотъ и основаній въ соляныхъ растворахъ обратятъ немедленно вниманіе всѣхъ химиковъ; однако многія причины тому воспрепятствовали. Сначала всѣ были заняты ученіемъ Лавуазье, сдѣлавшимся единственнымъ предметомъ размышленій и преній между учеными; потомъ, когда умы нѣсколько поуспокоились, явились открытія Рихтера, но съ такими заблужденіями, которыя убили довѣріе къ положительной сторонѣ предмета. Рихтеръ, вводя свое ученіе, принималъ за исходную точку изслѣдованій угле-кислый алюминій, между-тѣмъ извѣстно, что такого соединенія вовсе не существуетъ. Наконецъ разногласіе, царствовавшее между химиками, касательно различія

между химическимъ сродствомъ и насыщеніемъ, имѣло нѣкоторое вліяніе на развитіе науки.

Въ 1803 году явилось сочиненіе Бертолета, подъ именемъ: *Опытъ о химической статикѣ, Essai de statique chimique*, въ которомъ авторъ философскимъ образомъ разсматриваетъ химическое сродство и зависящія отъ него явленія. По его мнѣнію, силы вовсе не такъ многочисленны, какъ можно полагать по тѣмъ разнообразнымъ явленіямъ, которыя онѣ производятъ; напротивъ, всѣ онѣ имѣютъ между собою нѣкоторую связь, и необходимо должны происходить отъ одной главной. Такимъ образомъ, химическое соединеніе производится одною силою, какъ и простое: различіе заключается только въ различной напряженности этой силы. Элементы, продолжаетъ далѣе Бертолетъ, имѣютъ свой maximum и свой minimum, далѣе которыхъ они не могутъ соединяться; но между этими двумя предѣлами могутъ быть всѣвозможныя отношенія. Если-же тѣла соединяются только въ извѣстныхъ, постоянныхъ пропорціяхъ, то это должно приписать другимъ обстоятельствамъ, каковы сцѣпленіе, разширеніе и кристаллизація. Но вскорѣ это ученіе встрѣтило себѣ сильнаго противника.

Лруть, ученикъ Руелля, первый открылъ постоянныя отношенія въ соединеніяхъ металловъ съ кислородомъ и серою. Онъ допускалъ только двѣ степени окисленія и осѣренности для каждаго изъ нихъ; когда-же въ возраженіе ему поставляли соединенія свинца съ кислородомъ, которыя бывають въ трехъ пропорціяхъ: закиси, окиси и сурика, тогда онъ отвѣчалъ, что послѣднее есть соединеніе первыхъ двухъ — закиси и окиси. Такимъ образомъ, Лруть, желая утвердить ученіе о конечныхъ пропорціяхъ, необходимо сдѣлался противникомъ Бертолета, и между ними возгорѣлась борьба живая, которая во все время поддерживалась съ умѣренностью и благороднымъ достоинствомъ. Каждый изъ противниковъ приводилъ сильныя доказательства въ свою пользу, каждый дѣлалъ заключенія, исполненныя сильной логики, каждый

испытывалъ. Сначала оружіе было равносильно, и споръ въ некоторое время казался сомнительнымъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе Бертолетъ ослабѣвалъ, и наконецъ вся сила его генія оказалась слабою противъ доводовъ Прута, который, находя въ каждомъ составномъ подтвержденіе своему ученію, воскликнулъ голосомъ истиннаго побѣдителя: «вѣчная премудрость создала весь тѣла вселенной съ вѣсами въ рукахъ!»

Прутъ былъ родомъ Французъ, хотя большая часть изысканій его сдѣлана въ Испаніи. Онъ родился въ Анжерѣ, въ 1755 году. Вызванный на кафедру химіи въ Мадридъ, онъ получилъ въ свое распоряженіе богатѣйшую лабораторію, снабженную самыми лучшими снарядами, которые не остались безъ пользы въ его рукахъ. Король назначилъ ему хорошее содержаніе, и онъ пользовался полнымъ благосостояніемъ до того времени, когда домашнія его обстоятельства отозвали его во Францію. Во время этой отлучки совершились великія перемѣны, потрясшія всю Европу. Французская армія вошла въ Испанію, и лабораторія нашего химика, вмѣстѣ съ другими полезными учрежденіями, обратилась въ кучу развалинъ. Съ нею Прутъ лишился всѣхъ средствъ существованія; въ совершенной крайности, онъ принужденъ былъ продавать самые рѣдкіе минералы, которые прежде назначалъ для химическихъ изслѣдованій. «Я былъ принужденъ,—говоритъ онъ, и это была единственная жалоба, которую онъ высказалъ во все время своего продолжительнаго несчастія,—я былъ принужденъ отнести свои минералы къ торговцамъ и просить за нихъ хлѣба»

Бѣдственное состояніе Прута продолжалось до 1816 года, когда онъ былъ сдѣланъ членомъ Академіи Наукъ, съ годоювою пенсіею въ 1000 франковъ.

При тщательномъ разборѣ трудовъ Прута, нельзя не видѣть, что онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ все данныя для основанія законовъ пропорціональных чиселъ или эквивалентовъ, и что ему, для открытія ихъ, оставалось только вы брать въ аналитическихъ изысканіяхъ постоянный вѣсъ одного

изъ составляющихъ, вмѣсто того, чтобъ этотъ весь относить къ самому составному. Напримѣръ, для состава окисловъ олова, онъ представлялъ числа въ подобномъ видѣ:

100 ч. закиси олова содержатъ 87 ч. олова и 13 ч. кислор.,

100 ч. окиси олова содержатъ 78 ч. олова и 22 ч. кислор.;

но тѣ-же самыя отношенія онъ могъ легко выразить другимъ образомъ, принявъ въ обоихъ составныхъ постояннымъ числомъ не весь самихъ окисловъ, а весь металловъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, тройное правило намъ дастъ:

114 ч. закиси олова содерж. 100 ч. олова и 14 ч. кислор.,

128 ч. окиси олова содерж. 100 ч. олова и 28 ч. кислор.;

иначе: сто частей олова соединились съ четырнадцатью частями кислорода для образованія закиси, и тѣ-же 100 ч. соединились съ двойнымъ количествомъ кислорода для образованія окиси. Конечно, такая простота отношеній не ускользнула-бы отъ вниманія Прута, но онъ не дѣлалъ подобныхъ комбинацій и тѣмъ уступилъ славу основателя химическихъ пропорцій англійскому химику Дальтону.

Впрочемъ, еще за пятнадцать лѣтъ до появленія въ свѣтъ первыхъ записокъ Дальтона, ирландскій физикъ Гиггинсъ (Higgins) весьма ясно высказалъ мысль о составѣ тѣлъ и ихъ соединеніяхъ. Въ сочиненіи, явившемся въ 1789 году, подъ названіемъ: *О сравненіи теорій флогистической и антифлогистической, а comparative view of the phlogistic and antiphlogistic theories*, онъ старался показать, что все тѣла состоятъ изъ недѣлимыхъ частицъ или атомовъ, которые слѣдовательно должны соединяться въ отношеніяхъ постоянныхъ и самыхъ простыхъ. Однако его положенія, не подкрѣпленныя никакимъ опытомъ, мало обратили на себя вниманіе ученаго міра, такъ-что ихъ скоро совсѣмъ забыли.

Точно съ такою же недоувѣрчивостью были встрѣчены первые труды Дальтона объ этомъ предметѣ. Но въ 1807 г. онъ напечаталъ въ журналѣ Никольсона небольшую таблицу, въ которой были означены вѣсовыя отношенія нѣкоторыхъ тѣлъ въ ихъ соединеніяхъ; а чрезъ годъ за тѣмъ, издалъ первый томъ знаменитаго своего сочиненія, названнаго имъ

новою системою химической философіи, *new system of chymical phylosophy*. По этой системѣ, тѣла составлены изъ атомовъ, и каждый атомъ одного элемента или простаго тѣла можетъ соединяться съ 1, 2, 3.... атомами другаго тѣла, но никакъ не съ числами промежуточными или дробными атомами. Точно такимъ-образомъ, атомъ каждаго сложнаго тѣла можетъ соединяться съ 1, 2, 3.... атомами другаго сложнаго. Кроме того, Дальтонъ полагаетъ, что элементарные атомы преимущественно соединяются одинъ съ однимъ, и всякій разъ, когда намъ извѣстно только одно соединеніе между какими-нибудь двумя тѣлами, мы прямо можемъ его разсматривать какъ соединеніе двухъ атомовъ. Когда-же такихъ соединеній нѣсколько, тогда означивъ въ первомъ изъ нихъ вѣсъ одного атома чрезъ А, другаго чрезъ В, получимъ для остальныхъ выраженія $A + 2B$, $A + 3B$ и т. д. или $2A + B$, $3A + B$ и т. д.

Наблюденія Венцеля, Рихтера и Дальтона служатъ основаніемъ закону химическихъ пропорцій, который выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Вся тѣла соединяются въ неизмѣнно-постоянныхъ количествахъ, называемыхъ эквивалентами.

2) Между двумя тѣлами можетъ быть нѣсколько соединеній, и когда количество одного изъ нихъ примемъ за постоянное, тогда относительно-большія количества другаго составятъ или 1, или 2, или 3 и т. д. количества его въ самомъ меньшемъ соединеніи.

3) Въ соединеніяхъ втораго порядка, кислородъ основанія имѣетъ самое простое отношеніе къ кислороду кислоты, какъ: 1 къ 2, 1 къ 3, 1 къ 4, 1 къ 5 и т. д.; которое остается постояннымъ для солей одной и той-же кислоты.

Въ самомъ дѣлѣ, Венцель доказалъ, что для насыщенія, наприкладъ, 501 ч. сѣрной кислоты пужны слѣдующія количества основаній:

Поташа.....	590 ч.
Соды.....	390 ч.
Барита.....	950 ч.
Окисла серебра ...	1350 ч.

Но самый точный анализ дастъ для этихъ составовъ:

390 ч. поташа состоятъ изъ 490 ч. потассія и 100 ч. кис.
 390 ч. соды состоятъ изъ 290 ч. соды и 100 ч. кис.
 956 ч. барита состоятъ изъ 856 ч. барія и 100 ч. кис.
 1350 ч. окис. серб. сост. изъ 1250 ч. серебра и 100 ч. кис.
 Кроме того, для насыщениа тѣхъ-же основаній, взятыхъ въ тѣхъ-же количествахъ, потребно 677 ч. азотной кислоты, 276 ч. угольной; но ихъ радикалы (въ азотной кислотѣ — азотъ, въ угольной — углеродъ) состоятъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ съ кислородомъ:

Угольная кислота состоитъ изъ 76 ч. углерода и 200 ч. кис.
 Азотная кислота состоитъ изъ 177 ч. азота и 500 ч. кис.
 Сѣрная кислота состоитъ изъ 201 ч. сѣры и 300 ч. кис.

Слѣдовательно, кислородъ основаній относится къ кислороду кислоты въ сѣрно-кислыхъ соляхъ, какъ 1 къ 3; въ углекислыхъ, какъ 1 къ 2; въ азотно-кислыхъ, какъ 1 къ 3. Это согласно и съ наблюденіями Рихтера надъ осажденіемъ металловъ изъ соляныхъ растворовъ.

Химическія пропорціи легко объясняются атомическимъ составомъ тѣлъ; но ихъ нельзя принять за доказательство этого состава. Если мы знаемъ нѣкоторыя явленія, которыя говорятъ въ пользу этого ученія, то съ другой стороны есть также много такихъ, которыя опровергаютъ его въ нѣкоторомъ смыслѣ, и доказываютъ, что частицы, невидимыя для однихъ химическихъ силъ, дѣлимы для другихъ. Но оставляя пока подробный разборъ этихъ явленій, покажемъ, что ученіе объ атомахъ, предложенное Гигинсомъ и Дальтономъ, было вовсе не новость; напротивъ, оно существовало еще въ глубокой древности, какъ плодъ размышленій тогдашнихъ философовъ природы.

Первое понятіе объ атомахъ встрѣчается за 500 лѣтъ до Рождества Христова. Въ то время образовалась въ Греціи философская школа, извѣстная подъ именемъ Греческой, которая доказывала отсутствіе пустоты слѣдующимъ образомъ: Вещество существуетъ; все, что существуетъ, есть вещество.

Но если мы мысленно уничтожимъ вещество, останется ничто, пустота, пространство. Тогда ничто будетъ существовать; но если ничто существуетъ, значитъ оно есть вещество, и вещество не исчезнетъ. И такъ, ничто не существуетъ, вещество находится повсюду и нѣтъ пустоты.

Такой выводъ, сдѣланный вслѣдствіе перваго неправильнаго заключенія, былъ однако принятъ учениками Греческой школы; и они, твердо убѣжденные въ его непреложности, отвергли даже свидѣтельство чувствъ, когда слѣдствія начали противорѣчить основанію. Въ-самомъ-дѣль, если нѣтъ пустоты, значитъ вселенная представляетъ одну непрерывную однородную массу, исключаящую всякаго движенія. Слѣдовательно, природа неподвижна и неизмѣнна; органическія вещества не могутъ рождаться, не могутъ расти, не могутъ умирать, не могутъ разлагаться.

Противъ этого ученія сильно возсталъ Левкиппъ, и всячески старался доказать существованіе пустоты. Но его опыты, сдѣланные для этой цѣли, удивляютъ съ одной стороны чрезвычайною неточностью наблюдаемаго явленія, а съ другой — смѣлостью заключеній. Такъ, по его изслѣдованіямъ, сосудъ способенъ заключать равное количество воды, будетъ ли онъ пустой или наполненъ пепломъ. Далѣе, изъ того, что кожаный мѣхъ, наполненный виномъ, вдавливался отъ давленія, онъ думалъ, не обращая вниманія на растяжимость мѣха, что сжималось вино. Наконецъ онъ ссымался на питаніе органическихъ тѣлъ. Ихъ развитіе, говорилъ онъ, ясно указываетъ на существованіе пустоты между частицами вещества, безъ которой принятая ими пища не могла-бы двигаться и перерабатываться.

Словомъ, движеніе, въ которомъ могутъ только сомнѣваться люди ослѣпленные софизмами, служить неопровержимымъ доказательствомъ въ пользу ученія Левкиппа. Онъ представляетъ себѣ вещество въ видѣ губки, которой отдѣльныя зерна плаваютъ въ пустотѣ. Эти зерна тверды, полны, непроницаемы, безконечно-малы. Вся извѣстныя намъ тѣла состоятъ изъ такихъ зеренъ и пустоты. Зерна отличаются

формою, и этимъ объясняется разнообразный видъ, въ которомъ является вещество. Кроме того, онъ допускаетъ, что изменение порядка въ расположеніи матеріальныхъ элементовъ, можетъ имѣть вліяніе на свойство тѣлъ, и тѣмъ предсказываетъ изомѣрность — открытіе новѣйшихъ химиковъ. Чтобъ сдѣлать свою мысль понятнѣе, онъ весьма-удачно сравниваетъ атомы, тождественные числомъ и природою, но различнымъ образомъ сгруппированные и представляющіе такимъ образомъ различныя тѣла, съ буквами, изъ которыхъ можно сложить трагедію и комедію.

Демокритъ, извѣстный древній философъ, пошелъ далѣе Левкиппа. Онъ старался опровергнуть безконечную дѣлимость вещества, и допускалъ ее только до извѣстной степени. Если-бъ вещество могло дѣлиться до безконечности, говорилъ онъ, мы-бы достигли до частицъ безъ протяженія; но изъ частицъ безъ протяженія нельзя составить конечнаго тѣла, слѣдовательно вещество должно дѣлиться на частицы съ протяженіемъ, т. е. на атомы.

Послѣ этого, Демокритъ излагаетъ свои мысли о составѣ тѣлъ. По его мнѣнію, пустота вѣчна и занимаетъ безконечное пространство, атомы также вѣчны, какъ пространство; они неизмѣняемы и ихъ число безконечно: фигура и протяженіе составляютъ ихъ сущность. Но идя далѣе, Демокритъ впадаетъ въ грубый матеріализмъ. Онъ видѣтъ въ душѣ только тѣльное соединеніе атомовъ, которые, располагаясь различнымъ образомъ, дѣютъ двѣ души или два подраздѣленія души для каждаго индивидуума: душа мыслящая въ груди, душа чувствующая во всемъ тѣлѣ.

Атомическая теорія была пополнена Эпикуромъ, который къ протяженію и фигурѣ атомовъ прибавилъ еще вѣсь. Сочиненіе, въ которомъ подробно излагались этѣ мысли, было потеряно, потомъ найдено въ развалинахъ Геркуланума. Оно послужило главнымъ основаніемъ извѣстной поэмы Лукреція, въ которой авторъ, со всею смѣlostью поэтическаго воображенія, развилъ идеи Эпикура, украсивши ихъ гармоніею языка. Лукрецій допускаетъ пустоту, атомы и движеніе. Ато-

мы, находясь въ непрерывномъ сотрясеніи, устремляются сверху въ низъ въ пустоту. Но ихъ паденіе не есть строго-перпендикулярное; оно нѣсколько наклонно, и эта наклонность играетъ важную роль въ космогоніи Лукреція. Въ-самомъ-дѣлѣ, допуская существованіе атомовъ, ихъ непрерывное колебаніе и косвенное паденіе, онъ строитъ цѣлый міръ во всѣхъ его подробностяхъ. По его мнѣнію, атомы, прильпывая другъ къ другу, образуютъ тѣла.

Послѣ Лукреція атомическая теорія около двухъ столѣтій оставалась забытою, и была возобновлена только во время спора между Декартомъ и Гассенди. Декартъ, разсматривая протяженіе за дѣльное до безконечности и прикладывая то-же самое начало къ веществу, отвергалъ существованіе атомовъ, и безъ нихъ строилъ міръ. Напротивъ Гассенди, достойный противникъ Декарта, слагалъ вселенную изъ атомовъ. Но его атомы не прильпываются и не касаются другъ друга; удерживаемые постоянно на разстояніяхъ господствующими надъ ними силами, они представляютъ въ своихъ промежуткахъ пустоту, которая прензобируетъ надъ остальной сплошной частью.

Въ этихъ положеніяхъ Гассенди есть основаніе, но развивая ихъ, онъ впадаетъ въ смѣшныя ошибки, которыхъ впрочемъ не избѣгъ ни одинъ человекъ, удалявшійся отъ показаній опыта.

Но никто не производилъ столько шума, какъ Вольфъ своею атомическою теоріею, которая извѣстна подъ именемъ теоріи монадовъ. Монады Вольфа тоже, что атомы, но съ свойствами чрезвычайно-странными. Монады ни то, чтобъ имѣли протяженіе, и ни то, чтобъ были безъ протяженія; это, по выраженію Вольфа, суть атомы *почти-протяжимые*. Монады не двигаются, однако онъ не неподвижны; въ нихъ заключается *достаточная причина движенія*.

Творецъ монадовъ думалъ устранить всѣ трудности, встрѣчаемыя атомическою теоріею при объясненіи происхожденія міра, приписывая имъ баснословныя свойства. Но когда Берлинская академія предложила ему нѣкоторыя возраженія,

онъ на нихъ не могъ отвѣчать, и его теорія осталась замѣчательною только какъ историческій памятникъ, кото́рый показываетъ, какъ опасно изучать природу по однимъ заключеніямъ, безъ показанія опыта.

Вслѣдъ за Вольфомъ является человекъ, весьма-замѣчательный, который имѣлъ также несчастье писать странности объ атомахъ. Это былъ Сведенборгъ, родившійся въ Стокгольмѣ, въ 1629 году. Сначала онъ съ большимъ успѣхомъ занимался литературою и поэзіею, и за свои труды по этой части получилъ дворянское достоинство. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ промѣнялъ музу на науку, и издавъ вскорѣ за тѣмъ свои металлургическія разсужденія, которыя могутъ считаться классическимъ сочиненіемъ, достойнымъ занять почетное мѣсто между трудами Агриколы и лучшими писателями новѣйшаго времени. Но увлекшись поэтическимъ настроеніемъ духа, онъ вслѣдъ за тѣмъ издавъ *Prodromus principiorum*, въ которомъ излагаетъ свои мысли объ атомической теоріи. По его мнѣнію, атомы вообще должны имѣть сферическую форму, съ которой впрочемъ они могутъ составлять малыя тѣла различной фигуры, напримѣръ: пирамиды, кубы, тетраэдры и проч. Въ твердыхъ тѣлахъ атомы касаются другъ друга, а въ жидкостяхъ они держатся на разстояніяхъ; и пустота, которая необходимо должна находиться между частицами, наполняется другими атомами, которыхъ фигура отлична отъ первыхъ. Эти послѣдніе атомы, располагаясь различнымъ образомъ, измѣняютъ одно тѣло въ другое. Такъ изъ воды образуется морская соль, изъ морской соли—водохлорная кислота по причинѣ нѣкоторыхъ переменъ въ положеніяхъ атомовъ.

Въ такомъ состояніи находилась атомическая теорія, когда Дальтонъ, открывъ химическія пропорціи, приложилъ къ нимъ это ученіе.

Выше было объяснено, какъ легко вытекаютъ химическія пропорціи изъ открытій Венцеля, Рихтера и Дальтона; оставалось только, для ихъ общности, подтвердить ихъ на газахъ и показать, что тѣла и въ этомъ состояніи сдѣленія слѣдуютъ тѣмъ-же законамъ.

Въ 1805 году, Гумбольдтъ и Гей-Люссакъ занялись самымъ точнымъ опредѣленіемъ количественнаго отношенія составныхъ частей воды, которое имъ было необходимо для ихъ свдіометрическихъ измѣреній воздуха. Въ результатъ они получили, что 100 ч. по объему кислорода требуютъ ровно 200 ч. по объему водорода, чтобъ составить воду. Черезъ три года послѣ этого опыта, Гей-Люссакъ, подозревая, что та-же простота отношений должна существовать въ соединеніяхъ прочихъ газовъ, сдѣлалъ точнѣйшіе анализы аммоніакальныхъ солей, окисловъ азота, окисловъ аммоніака, кислотъ свры, угольной кислоты и окисла углерода, которые привели его къ тому заключенію, что газы соединяются въ пропорціяхъ простыхъ и постоянныхъ.

Но это открытіе, такъ хорошо подтверждавшее законы Дальтона, которые онъ полагалъ для всѣхъ тѣлъ вообще, было встрѣчено съ какимъ-то презрѣніемъ отъ этого ученаго. Онъ, при изданіи втораго тома своей химіи, которая явилась въ свѣтъ въ 1810 году, такъ отозвался Гей-Люссаку:

«Если вашъ законъ справедливъ, то замѣтите, что онъ только переводъ моего и переводъ менѣе-общій. Вы берете во вниманіе одни газы, тогда-какъ я разсматриваю всѣ тѣла. Вы называете объемомъ то, что я называю атомомъ — вотъ въ чемъ у насъ разногласіе.» Это замѣчаніе было совершенно лишнее, потому-что еще прежде самъ Гей-Люссакъ его высказалъ. Далѣе Дальтонъ прибавляетъ: «Но вы только прочтите мой первый томъ; изъ него вы увидите, что всѣ атомы газовъ имѣютъ сферическую форму, и что объемъ сферъ, постоянный для одного и-того-же газа, измѣняется отъ одного газа до другаго. Слѣдовательно, вашъ законъ не вѣренъ.»

Такимъ образомъ Дальтонъ, не соглашаясь съ мнвіемъ Гей-Люссака, потому-что оно опровергало его гипотетическія положенія о формѣ и группировкѣ матеріальныхъ частицъ, старался всѣми силами его опровергнуть, ссылаясь на несовершенство анализовъ. Однако идеи Гей-Люссака были основаны на самыхъ точныхъ опытахъ, и потому большая часть химиковъ, въ противность гипотезамъ Дальтона, приняла ихъ;

но вѣсть съ тѣмъ перешла къ другимъ гипотезамъ, отъ которыхъ самъ Гей-Люссакъ умѣлъ благоразумно воздержаться.

Эти химики думали, что атомы газовъ находятся въ равныхъ разстояніяхъ, и потому два различныя газа имѣютъ въ одномъ и томъ-же объемѣ равное число этихъ матеріальныхъ частицъ. Это, говорили они, будетъ внѣ всякаго сомнѣнія, если припомнимъ, что газы одинаково-расширяемы, одинаково-сжимаемы, и что ихъ соединенія происходятъ въ простыхъ объемахъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ иначе объяснить, что измѣненія объема газа отъ перемены температуры и давленія не зависятъ отъ свойства газа; чѣмъ иначе объяснить эту тождественность въ дѣйствіяхъ физическихъ силъ на тѣла газообразныя, тождественность, не встрѣчаемую ни въ жидкихъ, ни въ твердыхъ тѣлахъ, какъ не одинаковымъ составомъ газообразныхъ тѣлъ. И такъ должно допустить, что ихъ атомы размѣщены на равныхъ разстояніяхъ, когда самыя газы находятся въ однихъ и тѣхъ-же обстоятельствахъ. Такое положеніе сильно подкрѣпляется наблюденіями Гей-Люссака, изъ которыхъ слѣдуетъ, что въ соединеніяхъ газовъ можно замѣнить слово *объемъ* словомъ *атомъ*.

Противъ этой новой гипотезы сильно возсталъ французскій химикъ Дюма. Въ опроверженіе ея онъ представилъ только слѣдствія, которыя изъ нея истекають. «Если газы, говоритъ онъ, заключаютъ одинаковое число атомовъ въ равныхъ объемахъ, то почему одинъ объемъ хлора съ однимъ объемомъ водорода образуютъ два объема водохлорной кислоты; также одинъ объемъ азота составляетъ два объема азотной окиси. Слѣдовательно, для образованія двухъ атомовъ водохлорной кислоты нужно, чтобъ каждый атомъ хлора и атомъ водорода раздѣлился на два, равно какъ для образованія двухъ атомовъ азотной окиси, должны раздѣляться атомы азота и кислорода.»

На это, вполне справедливое заключеніе Дюма, Гриффенъ отвѣчалъ насмѣшкою. «На какомъ основаніи, говоритъ онъ, Дюма приглашаетъ насъ дѣлить хлоръ и водородъ на атомы, т. е. на мельчайшія, недѣлимыя массы, какъ я съ большимъ трудомъ представляю себѣ такія массы? и въ тоже время

онъ прибавляетъ: теперь, хотите-ли составить водохлорную кислоту? — дѣлите пополамъ эти недѣлимыя массы!!

«Далѣе, когда вы раздѣлите эти массы, возьмите половину атома хлора и половину атома водорода, склейте ихъ, и вы получите одинъ атомъ водохлорной кислоты.»

«Если въ этомъ состоитъ вашъ рецептъ, продолжаетъ англійскій химикъ, то позвольте мнѣ вамъ на него отвѣчать извѣстною баснею: «Разъ дѣволъ похитилъ молодую женщину, и чтобъ снискать ея ласки, поклялся исполнить три ея просьбы. «Покажи мнѣ, сказала она, самаго преданнаго изъ всѣхъ любовниковъ» — Желаніе было исполнено въ одну минуту. «Хорошо, продолжала красавица, но покажите мнѣ теперь самаго преданнѣйшаго.» Соблазнитель пришелъ въ тупикъ.

«Но что случилось-бы съ этой женщиной, если-бъ она попала въ руки того, который можетъ показать атомъ и потомъ раздѣлить его пополамъ. Вѣроятно такой человѣкъ не затруднился-бы представить любовника самаго преданнаго, потомъ еще самаго преданнѣйшаго.»

Можно улыбнуться остроумному замѣчанію Гриффена, но нельзя принимать его за дѣльное возраженіе. Ибо Дюма относительно атомовъ хотѣлъ только сказать, что составляя гипотезу о тождественности атомическаго состава всѣхъ газовъ, мы въ тоже время должны различать атомы относительно физическихъ и химическихъ силъ, т. е. массы не дѣлимыя для первыхъ силъ и массы не дѣлимыя для вторыхъ. Нѣкоторые ученые это хорошо поняли и, желая избѣжать различія въ атомахъ, рѣшились общее правило ограничить одними простыми газами. Такимъ образомъ, принявъ плотность кислорода за сто, изъ плотности другихъ газовъ получимъ ихъ атомическій вѣсъ, который выразится слѣдующими числами:

Кислородъ.....	100.
Водородъ.....	6,24.
Азотъ.....	38,5.
Хлоръ.....	221,8.

и проч.

Однако и противъ этого положенія Дюма представилъ основательныя возраженія, указывая на многія соединенія, которыхъ особенныя свойства могутъ быть только объяснены дѣлимостью частицъ, составляющихъ ихъ элементы, и принимаемыхъ за неделимыя. Въ самомъ-дѣль, амміакъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ трехъ объемовъ водорода и одного азота; водофосфорный газъ сложенъ изъ трехъ объемовъ водорода и половины только объема фосфора, тогда-какъ водородъ въ обоихъ соединеніяхъ находится въ одинаковой степени сгущенія, и другія соединенія фосфора и азота совершенно другъ другу соответствуютъ. Но эта аномалія объяснится, если примемъ, что частица фосфора въ газообразномъ своемъ состояніи представляетъ соединеніе двухъ атомовъ.

Исслѣдованія надъ удѣльною теплотою могутъ также показать, что химическія соединенія большею частию происходятъ между частицами, состоящими изъ нѣсколькихъ атомовъ, и потому нѣтъ никакихъ средствъ опредѣлить число и вѣсъ каждаго атома. Вотъ почему ученые съ недавняго времени замѣнили слово атомъ — *наемъ*, говоря, что такое-то сложное тѣло состоитъ изъ столькихъ паевъ одного и столькихъ паевъ другаго составляющаго вещества. Въ этомъ видно исполненіе желанія Дюма, который за нѣсколько лѣтъ прежде думалъ объ атомахъ слѣдующимъ образомъ: «По моему убѣжденію, говоритъ онъ, химическіе эквиваленты, названные атомами, суть только матеріальныя группы. Если-бъ я былъ господиномъ науки, я-бы уничтожилъ изъ нея слово атомъ, какъ опередившее опытъ, далѣе котораго мы не должны идти. Справедливо, что силы природы имѣютъ границы, но можемъ-ли мы съ увѣренностью указать предѣлы, положенные имъ безконечною премудростью?» Но обратимся къ нашему предмету.

Чтобъ нагрѣть различныя тѣла до одинаковой температуры, нужно употребить различное количество теплоты. Возьмемъ, на примѣръ, одинъ килограмъ воды при 20° , смѣшаемъ его также съ однимъ килограмомъ воды при 10° , получимъ смѣсь, которая будетъ имѣть температуру 15° , т. е.

среднюю обнихъ температуръ. Теперь возьмемъ два различныя тѣла: килограмъ воды при 14° и килограмъ ртути при 100° ; смѣшавъ ихъ, увидимъ, что термометръ покажетъ только 17° , вмѣсто среднихъ 57° . Такимъ образомъ, ртуть потеряла 83° , тогда-какъ вода выиграла только 3° ; т. е. количество теплоты, которое нагрѣтъ воду на три градуса, нагрѣтъ то-же количество ртути въ восемьдесятъ три градуса. Следовательно, для возвышенія температуры ртути на известное число градусовъ нужно только $\frac{3}{83}$ или $\frac{1}{28}$ количества теплоты, потребной для приведенія воды къ той-же температурѣ. Это число $\frac{1}{28}$ называется удѣльною теплою ртути, или ея емкостью теплоты.

Если мы опредѣлимъ удѣльную теплоту нѣсколькихъ простыхъ тѣлъ, то полученные числа будутъ совершенно различны между собою, и мы въ нихъ не замѣтимъ никакого закона. Но Дюлонгъ и Пѣти, вмѣсто того, чтобъ брать эти тѣла въ равныхъ количествахъ по вѣсу, употребили ихъ атомическій вѣсъ или вѣсъ ихъ эквивалентовъ; и тогда открылось, что произведение чиселъ удѣльной теплоты на этотъ вѣсъ есть величина постоянная, или — *одно и тоже количество теплоты производитъ одинаковое измѣненіе температуры въ этихъ тѣлахъ*; или, принимая эквивалентъ за относительный вѣсъ атома: *количество теплоты, нужное для приведенія атома къ известной температурѣ, остается постояннымъ для каждаго простаго тѣла.*

Сіе примѣчательное явленіе, которое легко было-бы приложить къ опредѣленію атомическаго вѣса простыхъ тѣлъ, не оправдалось впрочемъ дальнѣйшими изслѣдованіями. Изъ таблицъ Дюлонга и Пѣти видимъ, что

	Удѣльная теплота.	Атом. вѣсъ.	Произв. теп. уд. на атомическій вѣсъ.
Висмута.....	0,0288 1350 38,50
Свинца.....	0,0295 1294 37,94
Золота.....	0,0298 1245 37,04
Платины.....	0,0314 1253 38,71
Серебра.....	0,0357 675 57,59

Цинка.....	0,0927	403	37,36
Теллурия.....	0,0912	401	36,37
Мѣди.....	0,0949	395	37,55
Кобальта.....	0,1498	246	36,83
Свры.....	0,1880	201	37,80

Между-тѣмъ самыя точныя анализы Берцелія дали для атомическаго вѣса

Висмута.....	1350
Свинца.....	1294
Золота.....	1229
Платины.....	1232
Серебра.....	1349
Цинка.....	406
Теллурия.....	306
Мѣди.....	393
Кобальта.....	368
Свры.....	200

Различіе въ числахъ золота, платины, цинка и свры должно приписать трудностямъ ихъ опредѣленія, съ которыми едва-ли возможно достигнуть совершенно-вѣрнаго результата. Но нельзя не остановиться на серебрѣ, теллурии и кобальтѣ, которыхъ настоящіе эквиваленты представляютъ кратныя числа, опредѣленные по удѣльной теплотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, эквивалентъ серебра 613 почти вдвое меньше настоящаго 1349, эквивалентъ теллурия 401 также вдвое меньше настоящаго 306, и эквивалентъ кобальта 246 есть только $\frac{2}{3}$ настоящаго 368. Такимъ образомъ гипотеза, что количество теплоты, нужное для приведенія атома къ извѣстной температурѣ, остается постояннымъ для каждаго простаго тѣла, потребовала объясненія; и Дюма предлагаетъ принять, что тѣ простыя тѣла, которыя представляютъ опроверженіе, входятъ въ химическія соединенія въ группахъ матеріальныхъ частицъ, состоящихъ изъ атомовъ. «При настоящемъ состояніи науки, говоритъ онъ, нельзя ничего сказать положительнаго по этому предмету. Но если-бъ кто хотѣлъ идти по пути догадокъ, мы сказали-бы ему, что гипотеза, по ко-

торой произведеііе чиселъ, выражающихъ удѣльную теплоту эквивалента какого-нибудь тѣла и вѣсь этого эквивалента, есть величина постоянная, относится къ истиннымъ атомамъ, къ крайнему дѣленію частицъ.»

Такъ какъ химическія сложныя тѣла происходятъ отъ соединенія эквивалентовъ простыхъ тѣлъ; то и въ нихъ известное количество теплоты должно производить одинаковое измѣненіе температуры. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованія Нейманна надъ удѣльною теплою серно-кислыхъ и угле-кислыхъ соединеній дали слѣдующіе результаты:

	Удѣльная теп.	Атом. вѣсь	Прозв. уд. теп. на атом. вѣсь
Углекислой извести.....	0,2044.....	632.....	129,2.
Углекислаго барита.....	0,1089.....	1231.....	132,9.
Углекислаго свинца.....	0,0810.....	1008.....	135,0.
Углекислаго стронція..	0,1445.....	923.....	133,2.
			Среднее 132,0.
Сернокислаго барита....	0,1068.....	1458.....	153,7.
Сернокислой извести....	1,1854.....	857.....	138,9.
Сернокисл. стронція....	0,1300.....	1148.....	149,2.
Сернокислаго свинца...	0,0330.....	1845.....	151,3.
			среднее 133,7.

Атомическій вѣсь тѣлъ можетъ быть еще определенъ помощью *изоморфизма*, въ первый разъ замѣченнаго Гей-Люссакомъ. Онъ опускалъ кристалъ квасцовъ, съ основаніемъ поташа, въ растворъ квасцовъ, съ основаніемъ амміака; чрезъ нѣсколько времени кристалъ замѣтно увеличивался въ объемѣ, покрываясь слоями распущенныхъ квасцовъ и сохраняя первоначальный свой типъ. Этотъ опытъ былъ въ послѣдствіи повторенъ Бѣданомъ, который замѣтилъ тѣ-же явленія.

Весьма недавно берлинскій химикъ, Мичерлихъ, опредѣлилъ условія, при которыхъ два вещества могутъ взаимно замѣщаться въ кристалъ, не измѣняя формы послѣдняго.

Онъ показалъ, что къ такому замѣщенію способны простыя тѣла, имѣющія тождественныя кристаллическія формы, и сложныя, представляемыя однородными химическими формулами. Мичерлихъ, назвавъ это явленіе изоморфизмомъ, сказалъ этимъ, что тѣла изоморфическія должны состоять изъ одного числа атомовъ, соединенныхъ одинакимъ образомъ.

Чтобъ показать приложеніе этого закона къ опредѣленію атомическаго вѣса простыхъ тѣлъ, положимъ, что удѣльная теплота желѣза намъ дала его атомическій вѣсъ, который будетъ 339. Чтобъ удовлетворить ему, закись желѣза должна имѣть формулу FeO (гдѣ Fe означаетъ атомъ или эквивалентъ желѣза, а O — эквивалентъ кислорода), а окись Fe²O³. Но для атомическаго вѣса марганца — одного изъ тѣлъ, которыя наиболѣе приближаются своими свойствами къ желѣзу — мы имѣемъ 346; соединения-же его съ кислородомъ, закись и окись, одноформенны соединеніямъ желѣза — закиси и окиси, слѣдовательно и атомическія ихъ формулы будутъ подобны; т. е. для закиси марганца — MnO, а для окиси Mn²O³, гдѣ Mn означаетъ атомъ или эквивалентъ марганца. Въ самомъ-дѣлѣ, аналитическія разложенія даютъ:

100 ч. MO состоятъ изъ 77,37 ч. Mn и 22,43 час. O.

100 ч. Mn²O³ состоятъ изъ 69,75 ч. Mn и 30,25 ч. O. На сто-же частей кислорода, первое изъ этихъ соединеній будетъ имѣть 346 ч. марганца, а второе 692, т. е. двойное количество перваго.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію *сродства*, производящаго химическія перемѣны.

Слово сродство (*affinitas*), употребляемое въ смыслѣ химическомъ, имѣетъ совершенно-противное значеніе на обыкновенномъ языкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ оно показываетъ родственность, сходство между тѣлами, по которому онъ размѣщаются въ особыя группы, располагаются по классамъ. Если мы въ томъ-же смыслѣ станемъ понимать это слово въ химіи, то хлоръ, бромъ, іодъ будутъ имѣть между собою большое сродство. Но мы знаемъ, что въ этихъ тѣлахъ, на-

противъ, его совсѣмъ почти нѣтъ: эти тѣла оказываютъ другъ на друга самое незначительное средство. Такое двусмысліе въ названіи химической силы равно встрѣчается въ другихъ языкахъ; по-французски она называется *affinité*, по англійски — *affinity*, по нѣмецки — *Verwandschaft*, изъ которыхъ каждое имѣетъ два значенія.

Весьма любопытно изслѣдовать, какимъ путемъ этотъ терминъ *affinitas*, или русское средство, вошло въ науку, и подъ какою формою оно въ ней явилось. Въ первый разъ мы его встрѣчаемъ въ сочиненіи Баршюзена, явившемся въ 1698 году, подъ названіемъ *Pyrosophia*. Какъ большая часть химиковъ того времени, Баршюзень признаетъ четыре начала — соль, масло, воду и землю, и называетъ первыя два дѣятельными, третье среднимъ, а послѣднее пассивнымъ началомъ. Далѣе онъ прибавляетъ, что мы должны остерегаться смѣшивать эти начала съ другими веществами, отъ которыхъ ихъ будетъ трудно отдѣлить, такъ-что всегда останется какая-нибудь чуждая часть, соединенная въ слѣдствіе тѣснаго и взаимнаго средства. *Arctam enim atque reciprocam inter se habent affinitatem.... Impossibile, arbitror, inveniendum elementum quoddam simplicissimum, quod non peregrinis, heterogenisve gaudeat particulis.* Вотъ какую фразу средство было введено въ науку.

Но здѣсь Баршюзень употребилъ слово средство въ обыкновенномъ его смыслѣ; ибо трудность отдѣленія однихъ веществъ отъ другихъ относилъ онъ къ ихъ близкому сходству, къ ихъ одинаковому дѣйствию на реактивы. Такимъ-образомъ, введеніе слова средство, въ нынѣ употребляемомъ значеніи, должно приписать Бюргаву, который въ своихъ урокахъ, изданныхъ имъ въ 1733 году, подъ именемъ *Elementa Chemiae*, ясно показалъ, что нужно понимать подъ этимъ названіемъ.

Въ главѣ о растворахъ, Бюргавъ говоритъ: «Налейте въ стеклянный сосудъ нѣсколько селитряннаго спирта (азотной кислоты), онъ будетъ находиться въ совершенномъ покоѣ, въ полномъ безмолвіи. Но когда я опущу въ него кусокъ

железа, то тотчас представляются вамъ замѣчательныя явленія: сильное шипѣніе подымется въ жидкости и станетъ освобождаться воздухъ особеннаго свойства. Это движеніе будетъ сопровождаться шумомъ, ѣдкимъ дымомъ и большою теплою. Когда-же все желѣзо исчезнетъ и селитрянный спиртъ соединится съ послѣдними частицами металла, возстановится прежній покой, прежнее безмолвіе. И такъ, въ описанныхъ явленіяхъ нужно различать два обстоятельства: сначала желѣзо раздѣлилось, потомъ растворилось; следовательно должна существовать особенная сила, которая, по раздѣленіи его частицъ, содержитъ ихъ въ растворѣ, должна существовать связь между желѣзомъ и селитряннымъ спиртомъ. Чтobъ яснѣе выразить свою мысль, Бюргавъ дѣлаетъ различныя уподобленія. Если желѣзо, говоритъ онъ, входитъ въ растворъ и въ немъ остается, значитъ между ними болѣе любви, чѣмъ ненависти: «Magis ex amore quam odio.» И потому, для Бюргавъ сродство не есть болѣе сходства, это есть готовность тѣлъ соединяться, которая, напротивъ, условливается различіемъ ихъ природы. Онъ сравниваетъ это соединеніе съ бракомъ. Въ дѣйствіи селитрянаго спирта на желѣзо онъ видитъ свадьбу, которой актъ совершается передъ глазами наблюдателя, и въ этомъ поэтическомъ сравненіи, конечно, много правды. Пораженный самъ своими мыслями, онъ часто возвращается къ нимъ и просить учениковъ обратить на нихъ вниманіе. «Я васъ прошу, говоритъ онъ, мои дорогіе слушатели, побережь хорошенько мои слова. Онѣ достойны вашего вниманія, достойны, чтобъ остаться въ вашей памяти. Растворъ дѣйствуетъ чрезъ разъединеніе частицъ твердаго тѣла; но когда его частицы разъединены, онъ удерживаетъ ихъ въ себѣ. Отъ чего же это можетъ быть, какъ не отъ того, что растворъ и растворимое тѣло, послѣ реакціи, находятся соединенными силою сродства, способнаго соединить ихъ въ одно однородное тѣло.»

Такимъ-образомъ Бюргавъ, показавъ, что должно понимать подъ сродствомъ, обратилъ еще вниманіе на побочныя обстоятельства, которыми сопровождается химическое соеди-

неніе каждыѣ двухъ тѣлъ. Это — движеніе, теплота, шумъ и ефervesценція.

Почти въ одно время съ ученіемъ Бюргавы о химическомъ сродствѣ, явились таблицы Жофруа, въ которыхъ онъ представилъ отношенія сродства между тѣлами. Понятно, что подобное сочиненіе должно было возбудить къ себѣ сильное вниманіе; и многіе, дѣйствительно, бросились на него, думая пайти въ немъ ключъ къ химическимъ явленіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти таблицы, разсматриваемыя какъ результаты опытовъ надъ соединеніями, взятыми при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могли привести большую пользу въ практическомъ отношеніи. Но авторъ не ограничился этимъ. Онъ думалъ, что найденныя имъ отношенія для одного случая, сохранятся для всякаго другаго и будутъ представлять абсолютныя величины сродства. Между-тѣмъ открылось, что химическое дѣйствіе тѣлъ измѣняется физическими явленіями, такъ-что результаты, наблюдаемые, напримѣръ, при вліяніи воды, выйдутъ противныя при дѣйствіи на вещества сухимъ путемъ. За всѣмъ-тѣмъ таблицы Жофруа возбудили множество послѣдователей и подражателей, изъ которыхъ самый замѣчательный былъ Берхманъ.

Этотъ ученый, занимаясь астрономіею, былъ пораженъ открытіемъ законовъ всеобщаго тяготѣнія. Надѣясь въ молекулярномъ дѣйствіи частицъ сдѣлать что-нибудь подобное Ньютону, онъ многіе годы посвятилъ на ихъ изысканія, которыя однако далеко не имѣли желаннаго успѣха.

По мнѣнію Берхмана, сродство между тѣлами постоянно. Еслиже встрѣчаются нѣкоторыя отклоненія отъ этого правила, то на нихъ нужно смотрѣть, какъ на тѣ неправильности, которыя видимъ въ кометахъ, и которыя должно отнести къ недостаточности сдѣланныхъ наблюденій. Такимъ-образомъ, по таблицамъ сродства, говоритъ Берхманъ, мы всегда можемъ предсказать результаты соединеній тѣлъ. Но когда стали дѣлать приложенія и точныя опыты, то таблицы, вычисленные только для извѣстнаго случая, оказались недостаточными и ошибочными при другихъ условіяхъ. Бер-

толетъ первый это замѣтилъ. Онъ показалъ, что избирательное сродство не всегда достаточно для опредѣленія химическаго дѣйствія, и что должно также обращать вниманіе на постороннія обстоятельства. Но при изысканіи другихъ условій, дѣйствующихъ на вещество, этотъ химикъ вдался въ противоположную крайность. Онъ далъ такое огромное значеніе постороннимъ причинамъ, особенно вліянію количества, что главное явленіе — притяженіе между веществами различнаго рода, совершенно-почти исчезло изъ его вниманія.

Выше было сказано, что Бюргавъ первый обратилъ вниманіе на физическія явленія, которыми сопровождается всякое химическое соединеніе. Но до Лавуазье никто не пытался объяснить, почему является свѣтъ и освобождается теплота, когда два тѣла, имѣющія между собою сродство, будутъ приведены въ соприкосновеніе. Этотъ великій химикъ заключилъ по нѣкоторымъ опытамъ, что причину этихъ явленій можно отнести къ потерѣ теплостойкости составнаго тѣла противъ суммы каждаго изъ составляющихъ. И хотя дальнѣйшія изысканія не оправдали этой гипотезы, ибо часто получались результаты прямо противныя, однако открытое Лавуазье соотношеніе между электричествомъ и химическими силами послужило къ составленію новой теоріи.

Лавуазье, растворяя желѣзо въ сѣрной кислотѣ, собралъ съ помощью конденсатора Вольты, только-что въ то время изобрѣтеннаго, въ такомъ количествѣ электричество, что оно дало блестящія искры. Повторяя эти опыты на другихъ соединеніяхъ, онъ получилъ подобныя-же результаты; но такъ-какъ при этомъ постоянно отдѣлялось какое-нибудь газообразное тѣло, на примѣръ, въ первомъ опытѣ водородъ, то явленіе электричества было имъ отнесено къ образованію послѣдняго. Но теперь извѣстно, что при выпариваніи совершенно-чистой воды не получается ни малѣйшаго признака электричества; между-тѣмъ опыты Никольсона, сдѣланные имъ въ 1801 году, показали, что дѣйствіемъ вольтова столба вода разлагается на составныя свои части — водородъ и кислородъ. Но это разложеніе сопровождалось особенными странными явленіями, отъ которыхъ истину очистилъ Деви

«Если — говоритъ Деви въ своей знаменитой запискѣ, изданной имъ 1807 года — химическія соединенія, какъ вода, разрушаются химическими силами, значить, послѣднія произвели «сіи соединенія.» Оправдавъ первое положеніе безчисленными опытами, великій англійскій химикъ пришелъ наконецъ къ своей теоріи соединеній, которую можно выразить въ слѣдующихъ словахъ: Общее тяготѣніе связываетъ матеріальныя частицы, и извѣстно подъ именемъ сѣпленія. Но отъ соприкосновенія двухъ разнородныхъ тѣлъ развивается новая сила, электричество, которая стремится отдѣлить тождественныя частицы одну отъ другой и приблизить ихъ къ частицамъ другаго свойства. Когда эта послѣдняя сила будетъ имѣть перевѣсъ надъ первой, тогда, значить, общее тяготѣніе побѣждено притяженіемъ электрическимъ, и однородныя частицы отдѣляются, соединяются съ частицами другихъ свойствъ и образуютъ новыя соединенія. Едва это исполнится — дѣйствіе электричества уничтожится, и новое тѣло войдетъ подъ общіе законы тяготѣнія.

Различая въ электричествѣ двѣ жидкости, которыя взаимно нейтрализуются, Деви не вошелъ въ подробности, изъ которыхъ было-бы можно видѣть, какимъ образомъ эти разнородныя жидкости расположены въ тѣлахъ. Этимъ занялся Амперъ. По его мнѣнію, частицы всякаго вещества заключаютъ въ себѣ двѣ электрическія жидкости, изъ которыхъ одна находится въ центрѣ и нераздѣльна съ ней, другая-же — на поверхности. Такимъ образомъ, частица водорода имѣетъ на поверхности своей электричество положительное, а въ центрѣ — отрицательное; напротивъ, частица кислорода, будучи окружена электричествомъ отрицательнымъ, заключаетъ въ себѣ электричество положительное. Когда-же разнородныя частицы сблизятся — наружныя ихъ электричества соединятся, и явятся свѣтъ и теплота, внутренними же электричествами будетъ поддерживаться ихъ связь.

Также легко объяснить по этой теоріи дѣйствіе вольтова столба на химическія соединенія: онъ отдаетъ составляющимъ элементамъ первоначальное ихъ электричество и

сложное тѣло разрушается. Но свойство некоторыхъ тѣлъ входить въ одни соединенія веществомъ электро-положительнымъ, въ другія — электро-отрицательнымъ, заставило Берцелія сдѣлать измѣненіе въ ученія Ампера.

По гипотезѣ шведскаго химика, разнородныя электрическія жидкости располагаются по концамъ матеріальной частицы дѣйствиємъ теплоты; когда къ такой частицѣ будетъ приближена другая, то онѣ соединятся разно-электрическими концами и дадутъ свѣтъ; электричества-же, расположенныя на противоположныхъ концахъ, будутъ служить къ поддержанію между собою общей связи.

И. Первозицковъ.

ДАЖВОГЪ.

(Письмо къ издателю Москвитянина).

Мнѣ попался въ моей библіотекѣ отрывокъ изъ исторіи первыхъ основаній Голландцевъ на Востоку, изданной въ началѣ XVII вѣка in folio, на голландскомъ языкѣ, съ большимъ собраніемъ видовъ. Города, порты, храмы, волканы, землетрясенія, въ картинахъ изящной отдышки.

Изъ нихъ № 10. Открытая внутренность великолѣпнаго храма въ Міако. Къ преддверію его подходитъ большая процессія. Японцы несутъ на носилкахъ въ двухъ большихъ ящикахъ, одинъ за другимъ, лица или дары. По сторонамъ играютъ голландскіе трубачи. За носилками идутъ три Голландца въ мантияхъ или эпанчахъ, за ними другіе къ пояснымъ кирасахъ поверхъ тунники; всѣ въ шляпахъ съ перьями. За ними рядъ конныхъ Японцевъ съ двумя знаменами, и пышная свита ихъ, оказывая Голландцамъ уваженіе.

Въ глубинѣ храма съ рѣзными колоннадами, на высокомъ четвероугольномъ подножіи, съ широкими къ нему ступенями, огромный идолъ сидитъ нагой, окинуть опоясьемъ, съ поджатыми ногами, уперши правую руку на бедръ, лѣвую прижавъ къ животу. Лице юное, живое, пріятное и вмѣстѣ повелительное, съ черными короткими кудрями. Грудь полная, выразительно-женская. На шеѣ крупное ожерелье. Весь идолъ кругомъ до свода въ металлическомъ зубчатомъ ореолѣ остроконечныхъ лучей. Лучей, кромѣ тѣхъ, что подъ ногами, въ обѣ стороны по 12, и на каждомъ сидитъ маленькій, безкрылый геній, съ тонкими лучами вокругъ головы. А около самаго идола на тронѣ, въ некоторомъ разстояніи, кромѣ лицевой стороны, стоятъ рядомъ тѣсно и благоговѣнно въ безчисленномъ множествѣ, лицомъ къ божеству, рослые идолы, въ длинныхъ гладкихъ одеждахъ, опоясанные, съ руками, сложенными въ широкихъ рукавахъ,

каждый на особой подставкѣ, почти такой вышины, какъ они сами. Голова каждого осѣнена ореоломъ тонкихъ лучей. Съ передней-же стороны на ступеняхъ къ трону молятся стоящіе и простертыя, а выше наклоненныя, и выше коленнопреклонныя.

У широкаго входа въ преддворіе, по сторонамъ, на отдѣльныхъ подножіяхъ, стоятъ передними лапами косматыя два льва, одинъ противъ другаго, съ разинутыми пастьми. А далѣе передъ кумиромъ, по бокамъ-же, на своихъ подножіяхъ два чудовища съ ногами и хвостами львиными, имѣя на зѣриныхъ головахъ, съ разинутыми широко зубатыми челюстями, по два рога. Туловища ихъ человѣческія о шести распростертыхъ рукахъ съ булавами, мечами и кинжалами. Груды у нихъ длинно-отвисшія. Лицемъ одно противъ другаго.

Передъ входомъ въ преддворіе на каменномъ столпѣ каменный обширный кругъ, плоскою чашею. На кругѣ въ водѣ огромный яростный быкъ прободаетъ большое яйцо. Передъ быкомъ моленія поклонниковъ. Известный быкъ Митры, быкъ Озириса и Орфеево яйцо. Такимъ онъ изображенъ на фронтисписѣ книги: *Origine de tous les cultes par Dupuis*. Таковъ-же конечно и ассирійскій быкъ Вела или Бела. Все то-же солнце, начинающее весну на равноденствіи въ знакъ тельца.

На переднемъ камнѣ храма надпись, очень мелко: *Tempel van*, и подъ тѣмъ крупно: *DAJBO.H.* Дюпюи въ томъ III помянутой книги говоритъ о Дайбо.ѣ* въ Миако и его значеніи. Буква іотъ и въ Европѣ имѣетъ два выговора: я и жа; а у насъ свое: дай и даждь. Не будетъ-ли это Дай Богъ, Даждъбогъ, изъ той-же Индіи занесенный. — Въ изображеніи N 13 представленъ землетрясеніемъ отъ волкана близъ Иедо разрушенный обширный пагодъ, и среди его сидящій другаго вида идолъ. Онъ съ четырьмя вооруженными руками: не таковъ-ли былъ нашъ Перунъ, если не въ видѣ Юпитера. И. Т.

* Точкою замѣщена неясная буква въ письмѣ И. О. Т. Ред.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ МИНЕРВА,

общенародное зрѣлище, представленное большимъ маскарадомъ въ Москвѣ 1763 года, генваря дня. Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Не угодно-ли Москвитянину перепечатать для любителей старины эту библиографическую рѣдкость, которая знакомитъ насъ съ обычаями и общенародными увеселеніями нашихъ предковъ за столѣтіе почти назадъ? * Сдѣлаю несколько дополнительныхъ замѣчаній, которыя придадутъ интересъ любопытному акту. Херасковъ, сочинившій объяснительные стихи къ программѣ маскарада, былъ тогда 30-ти лѣтъ и служилъ при штатѣ Московскаго Университета, съ самаго его основанія, т. е. съ 1755 года. Въ 1763 году, вѣроятно послѣ маскарада, пожалованъ онъ былъ въ Директоры Университета.** Маскарадъ былъ данъ въ Москвѣ, на другой годъ по вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II, по Ея собственному повелѣнію. Сочиненіе маскарада возложено было на перваго актера перваго публичнаго Русскаго театра, учрежденнаго въ 1756 году Августа 30***, на Федора Григорьевича Волкова, тогда уже Русскаго дворянина и помѣщика деревень, ему пожалованныхъ. Но исполненіе *Торжествующей Минервы*, сочиненной Волковымъ, стоило ему жизни. Маскарадъ былъ представленъ Января 30, Февраля 1 и 2-го

* Съ величайшимъ удовольствіемъ исполняемъ желаніе почтеннаго профессора и историка Русской словесности. Всѣ друзья ея будутъ ему очень благодарны за сообщеніе драгоценнаго документа, на который мы обращаемъ общее вниманіе ихъ. М. П.

** Кураторомъ университета Херасковъ былъ отъ 1778 г. по 1802 годъ, когда послѣдовало новое его образованіе.

*** Въ 1856 году Русской театръ можетъ правдовать столѣтній юбилей своего общественнаго существованія.

дня, вѣроятно, въ дни масляницы. Желая, чтобы все представленіе совершилось какъ можно успѣшнѣе, Волковъ ѣздилъ верхомъ, надсматривалъ надъ всѣми частями маскарада, самъ схватилъ сильную простуду и вскорѣ горячку, которая кончилась антоновымъ огнемъ; умеръ онъ Апрѣля 4 дня, на 35-мъ году отъ рожденія. Тѣло его погребено въ Андроньевѣ монастырѣ. Сумароковъ, первый директоръ того же театра, котораго Волковъ былъ первымъ актеромъ, сказалъ въ Элегіи къ Дмитревскому:

Переломи кинжалъ, которна ужъ не'будеть.

Замѣтимъ, что *оркестръ непросвѣщенныхъ разумовъ*, или дуэтъ, «гдѣ осель поетъ, а козелъ играетъ въ скрипку» могъ дать первый намѣкъ Крылову на мысль о его славномъ квартетѣ, въ которомъ осель и козелъ участвуютъ. Преданія объ этомъ зрѣлищѣ, конечно, сохранились и пересказывались очевидцами. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ Риторикѣ Ломоносова, гдѣ приведено для примѣра описаніе соловьиного пѣнія, найдете ясно первый очеркъ, хотя и въ прозѣ, тѣхъ чудныхъ стиховъ въ баснѣ Осель и Соловей, въ которыхъ такъ ярко блещетъ живописная кисть Крылова, и тутъ же, въ томъ же самомъ мѣстѣ Риторики, описаніе павлина, давшее первый абрисъ прекрасному стихотворенію Державина на тотъ же предметъ. Такъ животворно дѣйствовала Риторика Ломоносова на славныхъ нашихъ поэтовъ, Риторика, въ наше время обруганная современными невѣждами.

Общепародное зрѣлище выводило въ смѣшномъ, и даже позорномъ видѣ, передъ глазами народа, во время масляницы, столько раздражающей и увлекающей его страсти, пороки, какъ то: дурачество, пьянство, невѣжество, несогласіе, обманъ, взятки, превратность обычаевъ, спѣсъ и мотовство, особенно въ картежной игрѣ. Такое зрѣлище могло предложить народу занятіе благородное и отвратить, хотя нѣкоторую часть его, отъ разврата и пьянства. Многія мысли маскарада чрезвычайно замѣчательны и обнаруживаютъ живое остроуміе перваго основателя Русскаго театра. Сохраняемъ правописаніе подлинника съ его ошибками.

С. Шевыревъ.

Сего мѣсяца 30 и Февраля 1 и 2 то есть, въ четвертокъ, субботу и воскресенье по улицамъ большой Нѣмецкой, по обоямъ Басманнымъ, по Мясницкой и Покровкѣ отъ 10 часовъ утра за полдни, будетъ ѣздить большой маскарадъ, названной *Торжествующая Минерва*, въ которомъ изъяснится *гнусность пороковъ и слава добродѣтели*. По возвращеніи онаго къ горамъ, начнутъ кататься и на здѣланномъ на то театрѣ, представляютъ пароду разныя игрища, пляски, комедіи кукольныя, гокусь покусь и разныя тѣлодвиженія, стануть доставать деньги своимъ проворствомъ; охотники бѣгаться на лошадяхъ, и прочее; кто оное видѣть желаетъ, могутъ туда собираться и кататься съ горъ во всю недѣлю масляницы, съ утра и до ночи въ маскѣ или безъ маски, кто какъ похочетъ всякаго званія люди.

СТИХИ

Къ большому Маскарадѣ.

Свѣтло истинны и честь кому любезна,
 Для тѣхъ сердце хула порокамъ преплезна.
 Ничто не судитъ такъ всеобщія дѣла,
 Какъ смѣхъ дурнымъ страстямъ, а честности хвала.
 Хоть добродѣтелей порядка то не тронетъ,
 Что подлая душа въ своихъ порокахъ тонетъ;
 Но чтобъ негодное отъ пользы отличать,
 Такъ должно дѣйствіе обѣихъ примѣчать.
 Пороки общей вредъ въ народѣ проливаютъ,
 Подъ вѣжной маскою прегнусный видъ скрываютъ;
 И души слабыя на прелести мана,
 Вредяне для людей и язвы и огна.
 Лишь кто почувствуетъ ко слабостямъ припадки,
 Теряетъ честности тотъ силы и остатки.
 И такъ, чтобъ въ сѣть свою порокъ не заманилъ,
 И слабыя сердца въ послѣдокъ не плѣнилъ:
 Полезно представлять въ умѣ своемъ стократно,
 Коль гнушно въ слабости пускаться и развратно.
 Пренужно зеркало такое для сердецъ;
 И здѣсь ругаются страстныи на сей ковецъ,

Чтобъ мерзость показавъ пороковъ, честность славить,
Сердца отъ нихъ отвлечь, испорченныхъ поправить,
И осмѣяніе всеобщаго вреда,
Достойнымъ для забавъ, а злобнымъ для стыда.

Молусъ
пересмысли-
лики. Какъ вѣтромъ у иныхъ вертеть мозги буянство,
Безумство, кукольство, дурачество и пьянство,
И только вообразить яснее ихъ дѣла;
Въ какую слѣпоту ихъ слабость завела!
Иной подъ умною одеждой глупость кроетъ,
Иной на воздухѣ войны и замки строятъ:
Тотъ мыслить о вещахъ ребячьихъ, мозгъ вертитъ,
И рѣзнится еще съ гремушкой какъ дитя.

Бахусъ. Иной съ похмѣльнымъ лбомъ и съ рожею румяной
Шатается и самъ, какъ будто бахусъ пьяной;
И вмѣсто, чтобъ въ дѣлахъ полезныхъ успѣвать,
Онъ водку водкою изволятъ запивать.
Такой бываетъ мужъ посмѣшищемъ народнымъ,
И будетъ наконецъ отечеству негоднымъ.

Неслож-
ство. Когда въ невѣжествѣ кто весь проводитъ вѣкъ,
Въ семь свѣтъ какъ слѣпой, сей бродитъ человекъ;
И тѣмъ прельщается, и то имѣти льститъся,
Что бѣдствомъ для него и ядомъ обратится.
Такихъ ведетъ бѣда съ степени на степень:
Отравя части сей безстыдство, праздность, лѣнь.
Невѣжество плоды ученья презираетъ;
И если польза въ немъ того не разбираетъ,
Одно злословіе дѣла у нихъ рѣшить:
Всеобщая напасть въ немъ духа не крушить.
Дѣла премудрости и дѣйствія геройства
Не хочетъ онъ равнять съ однимъ часомъ спокойства;
И скучны для него разумныя слова,
Какъ будто у него пустая голова.
Для славы общества, такую зря помѣху,
Не должно предавать такихъ безумцовъ смѣху?

Несогласіе. Отъ несогласія колюще золь текутъ,
Яснее вообразя, увидимъ тотчасъ туть:
Въ дѣлахъ подобіе со всѣмъ нестройна хора,
Смѣсь споровъ и вражды, нахальства и раздора.
Всѣ тѣло пропадетъ, и обратится въ тѣнь,
Когда противится одинъ другому членъ.
Подобно обществу въ такой бѣгънн страждетъ,
Коль ближней ближняго негнбелю жаждетъ.

Противны слабости такия естеству,
 Коль силу отдають надъ сердцемъ колдовству,
 Которое одна линя глупая химера;
 Но всѣхъ обмановъ злая обманя прожектера.
 Онъ пользы общества стремится описать,
 Чтобъ новой выдумкой барышъ какой сосать....
 И ежели его не упреждать обмановъ,
 Такъ будетъ злая онъ колдоловъ и цыгановъ....

Обманъ.

Бездѣльничьи крючки въ народѣ деньги уаать,
 И многихъ по миру съ сумой таскаться нудать,
 А беднякъ спѣшить тамъ сѣти становить,
 Чтобъ денежныхъ людей, какъ рыбу въ нихъ ловить.
 Погибелью чужой какъ дьяволъ веселится,
 Что выдавить изъ нихъ, съ крючками тѣмъ дѣлится.
 Кто гонитъ истину збирая съ кривды плодъ,
 Не долженъ ли такимъ гнушаться весь народъ.

Медом-
стео.

Въ изображеніи своемъ превратной свѣтъ
 Намъ образъ житія несмысленныхъ даетъ,
 Которы напоены невѣжества отравой,
 Не такъ живутъ, какъ жить велитъ разумокъ здравой.
 Они даютъ вещамъ несвойственный имъ видъ;
 И то для нихъ хвала, что умнымъ людямъ стыдъ.
 Которой на примѣръ не давно былъ въ запятахъ,
 И ставъ откущникомъ, теперь живеть въ пазатахъ;
 Въ каретѣ сидя онъ, не смотритъ на людей,
 Самъ будучи своихъ глупле лошадей.
 Нль баба подлая, природу утая,
 Нарядомъ господжа; поступками сивая,
 По вкусу своему амуръ себѣ находитъ;
 А именно съ осломъ по свѣтски дружбу водить.
 Или какой нибудь безмозглой вертопрахъ,
 И обезьяннй видъ считаетъ въ красотахъ.
 Разумной свѣтъ равно съ такими почитаетъ,
 Когда передъ отцомъ сынъ грамотку читаетъ;
 А онъ потупивши заплаканны глаза,
 Сыновней хвалитъ умъ, не смысла ни аза.
 Нль дѣвочка свой умъ въ наукахъ простираетъ,
 А бабка передъ ней тутъ куклами играетъ:
 Нль дочь упрямая, привада мать къ лозѣ,
 Содержитъ завсегда и въ страхѣ и грозѣ.
 Довольно всякому такой примѣръ понятенъ,
 Чѣмъ свѣтъ колеблемый страстями сталъ превратенъ.

Преврат-
ной свѣтъ.

Мы видимъ въ подлости не мало образцовъ ,
 Что дѣти учатъ жить побоями отцовъ.

Сильс. Мужикъ, которой ставъ имѣніемъ доволенъ,
 Вдругъ заблается весь жестокой спесью болень:
 Увидимъ дѣйствіе сей подлой страсти тутъ,
 Когда тащится онъ на праздникъ весь раздутъ ;
 И свату бѣдному не хочетъ дать дороги ,
 Онъ спесью сталъ козелъ , когдабъ приставить роги.
 А тварей таковыхъ смѣшная въ свѣтѣ нѣтъ ,
 Кто родъ забудетъ свой коль баринѣмъ одѣтъ ;
 И стыдно ужъ ему съ своей роднею знаться.
 Но должно не сердясь , глуцамъ такимъ смѣяться.

*Мотов-
ство.* Картежныя игры тревожатъ наши дни,
 Отъемлютъ нужныхъ слугъ у общества они.
 Когда въ сію рѣку мотыга заплываетъ ,
 И хлѣбъ свой и дѣла и совѣсть забываетъ.
 Все щастіе ево , сидѣтъ на кабакѣ ,
 И три листа держать и день и ночь въ рукѣ.
 Последней проигравъ кавтанъ , не видитъ хлѣба ,
 И помощи себѣ дожидаться чаеть съ неба.
 Но небо для такихъ, каковъ ярышка ты ,
 Ни пищи не даетъ , ни въ службѣ теплоты.
 Ты хочешь, чтобы свѣтъ работалъ и трудился,
 И хлѣбъ тебѣ давалъ , а ты бы веселился ?
 Коль весело играть, такъ тѣмъ и веселись ;
 А хочешь лутче жить, работой и трудись.
 Кто вѣкъ свой волочасъ , превзойдетъ страсти мѣру ,
 Увидятъ наконецъ развратную Венеру.
 Перемѣнитъ она въ ругательство хвалы ,
 И цепь, золотую цепь, въ тюремны кандалы,
 Которы въ роскоши всегда пускаются любить ,
 И сами тѣ себя, какъ свой пожитокъ , губятъ.
 Такой жестокой вредъ во всѣхъ порокахъ зримъ ;
 И страждетъ такъ отъ нихъ, кто ввѣритъ душу имъ.
 Смѣшенье видимъ слезъ и бѣдности и муки ,
 Чье сердце полоняютъ они, и свяжутъ руки.
 Кто бѣдства на себя не хочетъ воружать,
 Такъ долженъ виду ихъ, какъ язвы, тотъ бѣжать ,
 И посмѣянія избавиться народна.
 Великъ воздержно жить стыдливость намъ природна;
 Предъ ними носятся тѣмы горестей, тѣмы бѣдъ ,
 И мщеніе течетъ съ стрѣлами имъ во слѣдъ.

Оставимъ ихъ теперь въ ихъ ярости ужасной,
И добродѣтелей воззримъ на ликъ прекрасной.

Тамъ вѣкъ несчастный забываютъ,
И слышенъ гласъ веселыхъ лиръ:
Тамъ дни златыя воспѣваютьъ,
Тамъ правда царствуетъ и миръ.
Астрея въ небо преселенна,
Къ прямымъ сердцамъ возвращена:
Чѣмъ изобилуетъ вселенна,
Тѣмъ ихъ страна орошена.

*Златой
олиц.*

Тамъ земледѣльцы ликуютъ,
И мирно время торжествуютъ;
Тамъ сладкій стихотворецъ гласъ
Къ веселю движетъ весь Парнассъ.

*Миръ и
Парнассъ.*

Не въ праздности и огорченьѣ
Прекрасны юноши цвѣтутъ:
Премудрости богиня тутъ
Минерва ихъ крѣпитъ въ ученьѣ;
Науки пользы собираютъ,
И множатъ ихъ и ночь и день;
Всходя съ степени на степень,
Какъ кедръ вершину простираютъ,
Подъ тѣнію богини сей,
Добротъ играютъ многи лики,
И радостные слышны клики
И женъ и старыхъ и дѣтей.
Гдѣ брани вѣка не тревожатъ,
Тамъ къ пользѣ общества всего,
Философы успѣхи множатъ
И плодъ ученья своего.
Съ смущеніемъ прискорбна взгляда,
Порокъ, на сихъ людей зриай;
Въ себѣ примѣръ увидишь ада,
А въ ихъ жилищѣ красной рай.
Науки миръ и добродѣтель:
Гласи О! слава, миръ вземли;
И зря Астрею на земли,
Будь щастья Роскаго свидѣтель.

*Минерва и
добродѣтель
съ ихъ со-
словодате-
лями.*

Сочинилъ М. Херасковъ.

ОПИСАНИЕ
БОЛЬШАГО МАСКАРАДА.

ПРОВОЗВѢСТНИКЪ МАСКАРАДА

СЪ СВОЕЮ СВИТОЮ.

*Момусъ
или пере-
смѣшникъ.*

ЗНАКЪ.

На немъ куклы и колокольчики.

НАДПИСЬ.

Упражнение малоумныхъ.

—
Хоръ Комической музыки.

—
Большія литавры, и два знака Момусовыхъ.

—
Театры съ кукольными, по сторонамъ оныхъ 12 чело-
вѣкъ на деревянныхъ коняхъ съ гремящими.

—
Флейщики и барабанщики въ кольчугахъ.

—
Родомантъ, забіяка, храброй дуракъ верхомъ, за коимъ
слѣдуетъ пажъ, поддерживая его кося.

—
Служители Пантомоновы одѣты въ Комическое платье,
и Панталонъ пустохвасть въ портшезъ, которой не-
сутъ 4 человека.

—
Служители глупаго педанта, одѣты скарамушами.

—
Книгохранительница безумнаго враля.

Дикари съ эфистентами.

Мѣсто для арлекина.

Два человека ведутъ быка съ придѣланными на груди рогами,* на немъ сѣдящей человекъ имѣетъ на груди окошечку, и держитъ модель кругомъ вертящагося дома, предъ ними 12 человекъ въ шутовскомъ платьѣ съ дудками и гремушками.

Момусъ съ ево свитою.

ЗНАКЪ.

Ванусъ.

Козлиная голова и виноградныя кисти.

НАДПИСЬ.

Смѣхъ и безстыдство.

Пещера Пана окруженная пляшущими и поющими Нимфами.

Пляшущіе Сатиры и Баханты съ виноградными кольями, тамбуринами, брецалками и корзинами виноградными.

Сатиры злущіе на козлахъ, другіе пересмѣхающіе ихъ.

Сатиры на свиньяхъ и 2 съ обезьянами.

Колесница бахусова заложенная тиграми, и Сатиры съ тамбуринами и брецалками.

* Момъ видя человекъ сѣдѣвша, для чего боги не адѣлали ему на груди окна, сквозь которое бы въ ево сердце смотрѣть было можно, быку сѣдѣвша, для чего боги не поставили ему на груди роговъ, и тѣмъ лишимъ его большей силы, а надъ доломъ сѣдѣвша, для чего не можно его, естли у него худой сосѣдъ, поворотить на другую сторону.

Сатиры ведутъ осла, на коемъ сидитъ пьяной Селешь,
и поддерживается сатирами.

Пьяницы тащатъ откупщика съдящаго на бочкѣ, кор-
чемники прикованы къ ево бочкѣ, и шесть крочковъ.

Цѣловальники съ мѣрками и насосами, и двѣ стойки съ
питьемъ, на коихъ посажены чумаки съ гудками,
балалайками, съ рылями и вольнками.

*Несогла-
сіе.*

ЗНАКЪ.

*Ястребъ терзаетъ голубя, паукъ спускается на
жабу кошечья голова съ мышью, лисица давитъ курицу.*

НАДПИСЬ.

Дѣйствіе злыхъ сердецъ.

Хоръ музыки, гдѣ музыканты наряжены въ разныя
животныя.

Забіяки, борцы и кулашныя бойцы, окружаютъ дискор-
дію или несогласіе, бьются, борются, бѣгаютъ съ
убійственными орудіями и 3 фуриі.

Обманъ.

ЗНАКЪ.

Въ верху маска, а кругомъ змѣй кроющійся въ розахъ.

НАДПИСЬ.

Пагубная прелесть.

Цыганы и цыганки, кои поютъ и пляшутъ.

Колдуны и колдуньи и нѣсколько дьяволовъ.

Обманъ, при коемъ проектеры.

ЗНАКЪ.

*Невъже-
ство.**Непопырь, черныя сѣти, и ослова голова.*

НАДПИСЬ.

*Вредъ и непогрѣбство.**Хорь слѣпыхъ, кои ведутъ другъ друга и 4 человека
грѣбютъ отдувая замерзлыхъ змей.**Невъжество на ослѣ.**Праздность и злословіе, за кони слѣдуютъ лѣнныя.*

ЗНАКЪ.

*Лѣдом-
ство.**На коемъ сидитъ Гарпія, кругомъ крапива, крючки,
мешки денежныя и переломленныя вѣсы.*

НАДПИСЬ.

*Всеобщая пагуба.**Ябедники съ дѣхами ябеды, крючкотворецъ.**Крючконописатели со знаменами, на коихъ написано:
Завтре.**Нѣсколько крючищъ зацѣпивъ тащатъ за собою, крюч-
ками же отягченныхъ и зараженныхъ акциденцію.**Крючконописцы и духи сътеплетушіе, опутываютъ сѣтми
людей и ихъ стравливаютъ.**Хромая правда на костыляхъ съ переломленными вѣсами,
кою гонять плутнеписатели, полными денегъ мѣш-
ками.**Взятки, или акциденція, сидящая на лицахъ и три вылу-
пившіяся изъ лицъ гарпіи, и нѣсколько криводуш-
никовъ ассистентами.*

Вдучи вмѣстѣ кривосудъ обираловъ, и взятколоубъ обдираловъ бесѣдуютъ объ акциденціи, и при нихъ шакостыники разсывающіе сѣмена крививныя.

Обобранныя, съ пустыми мѣшками.

Превратной свѣтъ.

ЗНАКЪ.

*Летающія четвероногія звѣри, и въ низѣ обращенное
человѣческое лице.*

НАДПИСЬ.

Непросвященныя разумь.

Хоръ въ развратномъ платьѣ.

Два трубача на верблюдахъ и литавричикъ на быкѣ.

Четверо идутъ задомъ.

Лакеи везутъ открытую карету, въ коей посажена лошадь.

Вертопрахи везутъ карету, въ коей сидитъ обезьяна.

Карлицы и гиганты.

Люлька, въ коей спеленанъ старикъ, и при немъ кормящей ево мальчикъ.

Люлька, въ коей старуха играетъ въ куклы и сосетъ рожокъ, и при ней малинькая дѣвочка съ лозою.

Свинья съ розами.

Оркестръ, гдѣ осель поетъ, а козелъ играетъ въ скрипку; при нихъ нѣсколько человекъ одѣтыхъ развратно.

Химера, кою рисуютъ 4 худихъ маляра и 2 рюмача, вдушіе на коровахъ.

Бочка, въ коей Диогенъ со свѣчою.

Гераклитъ и Демокритъ съ глобусомъ, при конхъ 6 одѣтыхъ въ странное платье съ вѣтринными мельницами.

ЗНАКЪ.

Спесь.

Павлиной хвостъ, кругомъ нарцисы, въ низу зеркало представляющее дурную рожу.

НАДПИСЬ.

Самолюбіе безъ достоинствъ.

Хоръ, состоящей изъ невольниковъ.

Трубачи и литаврчики.

Скороходцы, лакеи, пажы и гайдуки предшествуютъ, и окружаютъ карету спесь.

ЗНАКЪ.

Въ низъ обращенной роги изобилія, изъ коего сыплется золото, по сторонамъ курящаяся кадилница.

Мотовство и бѣдность съ ихъ свѣтами.

НАДПИСЬ.

Безпечность о добръ.

Хоръ обшитыхъ картами.

Два знамя изъ множества картъ.

Винновой хлапъ, король и краля.

Жлудовой хлапъ, король и краля.

Червонной хлапъ , король и краля.

Бубновой хлапъ , король и краля.

Сльпая фортуна.

Игроки съ выигрышемъ.

Игроки, проигравшіяся, и 12 человекъ нищихъ съ котками.

Картежники.

Костырники.

Колесница развращенной Венеры и Купидонъ , къ коей прикованы мущины и женщины.

Роскошь, при коей моты съ ассистентами.

Хоръ бѣдныхъ поющихъ.

Скупость съ ея сослѣдователями.

Четырнадцать человекъ кузнецовъ съ ихъ *Вулканъ.*
инструментами.

Часть горы Етны , гдѣ Вулканъ съ Циклопами, гото-
вить громъ.

Колесница Юпитерова.

Юпитеръ.

Хоръ пастуховъ съ флейтами.

*Златой
слъкъ.*

12 пастушекъ.

Хоръ отроковъ поющихъ съ оливными вѣтвями.

24 часа золотыхъ.

Для золотого времени колесница, въ коей Астрей.

Хоръ Стихотворцевъ.

*Парнассъ
и Миръ.*

Парнассъ съ Музами и колесница для Аполлона.

Земледѣльцы съ ихъ орудіями.

Миръ во облакахъ, пожигающей военныя орудія.

Трубачи и литаврички.

*Минерва
и добродѣтель,
съ ихъ со-
слѣдова-
телями.*

Науки и художества.

Колесница добродѣтели, при коей старики, въ бѣломъ платьѣ, въчичанныя лаврами въ бѣломъ платьѣ.

Герои верьхами.

Законодавцы.

Философы.

Хоръ отроковъ въ бѣломъ платьѣ съ зелеными вѣтвями и на головахъ вѣнцами.

Колесница, въ коей торжествующая Минерва, въ верьху оныхъ вѣнчій и слава.

Хоръ музыки.

Гора Діаннина.

Изобрѣтеніе и распоряженіе маскарада *Ф. Волкова.*

Х О Р Ы.

ХОРЪ САТИРЪ.

*Вѣ сырны дни мы приидѣтали,
Три дни и три ноги на рынкѣ:
Ни ково мы не встрѣтали,
Кто бѣ не коснулся хлѣбя крынкѣ.*

Вѣ сырны дни мы приидѣтали:

Шумѣ блистаетѣ

Шаль мотаетѣ,

Дурь летаетѣ,

Хлѣбль шатаетѣ,

Разумѣ таетѣ,

Зло хватаетѣ

Наглы ораки,

Сплетни, драки:

И грызутся какѣ собаки.

Приширитесь!

Рыла жалѣйте и груди!

Пьяныя, пьяныя люди,

Пьяныя люди,

Не деритесь!

ХОРЪ ПЬЯНИЦЪ.

Двоенныя водки, водки сткляница!

О Бахусѣ, о Бахусѣ горькой пьяница!

Просили молили васѣ,

Утѣшайте насѣ.

ХОРЪ КЪ ОБМАНУ.

*Пусть машейникъ шаритъ , не велико дѣло;
Срѣзана машинка , государство цѣло ;*

*Талъ лалъ ла ла ра ра:
Плутушку онъ пара.*

*Кѣ лбѣдъ приказной устреленъ догадкой ,
Правду гонитъ люто крѣпкотворецъ еадкой ,*

*Талъ лалъ ла ла ра ра,
И плуту онъ пара.*

*Кѣ общу благодѣнству кто прерветъ дороги,
Ежели приставитъ ко лбу только роги ,*

*Талъ лалъ ла ла ра ра ,
Онъ дьяволу пара.*

ХОРЪ НЕВѢЖЕСТВА.

*То же все въ утеной рожѣ,
То же въ мудрой кожѣ:*

*Мы полезнава желаемъ ,
А на вредъ утенья лаемъ;*

Протъ и азъ и буки ,

Протъ и всѣ литеры съ ряда ;

*Грамота , науки ,
Вышли въ миръ изъ ада.*

✱

*Лутге жити безъ заботы,
Убѣгать работы;*

*Лутге вѣсть , и пить , и спати ,
Нежели въ умъ копати.*

*Трудны кѣ тѣмъ хоромамъ,
Въ гору отъ земли подбѣзды ,*

*Въ коихъ Астрономамъ,
Пялится на звѣзды.*

ХОРЪ КО МЗДОИМСТВУ.

*Естьли староста бездѣльникѣ, такѣ и земской плутѣ,
И со, всѣмѣ они забыли гтѣ ременной жгутѣ.*

Взятки въ жизни красота,

Слаще меда и сота:

Такѣ то крюткотворецѣ мелитѣ,

Какѣ на взятки крюткомѣ цѣлитѣ:

Такѣ то староста богатой,

Сельской насыщаясь платой:

Такѣ ихѣ весь содомѣ.

Крюткотворцова жена,

Такова же сатана:

А отѣ едакой насѣдки,

Таковыя же и дѣтки:

Сѣ сѣми тварьми одинаки,

Батраки ихѣ и собаки:

Весь таковѣ ихѣ домѣ.

ХОРЪ КО ПРЕВРАТНОМУ СВѢТУ.

Приплыла къ намѣ на берегѣ собака,

Изѣ заполюгнова моря,

Изѣ заходолна Океяна:

Прилетѣлѣ отполь и соловейка.

Спрашивали гостью прѣвѣжу,

За моремѣ какія обряды.

Гостья прѣвѣжа отвѣтала:

Многое хулы тамѣ достойно,

Я бы расказати то умѣла,

Естьли бы Сатиры пѣть я смѣла:

А теперь я пѣти не желаю,

Только на пороки я полаю:

Соловей давай и ты оброки,

Провѣщи заморскія пороки. Свистѣ. II P.

За моремѣ хамѣ хамѣ хамѣ хамѣ хамѣ хамѣ. 2.

Хамѣ хамѣ хамѣ хамѣ за моремѣ хамѣ хамѣ хамѣ. 2.

За моремѣ хамѣ хамѣ хамѣ хамѣ хамѣ хамѣ.

Хамѣ хамѣ хамѣ хамѣ за моремѣ хамѣ хамѣ хамѣ.

За моремѣ хамѣ хамѣ хамѣ хамѣ хамѣ хамѣ.

ХОРЪ КО ГОРДОСТИ.

*Гордость и тщеславіе выдумалъ бѣсѣ.
Шеринѣ даберинѣ лисѣ тра фа,
Фарѣ фарѣ фарѣ фарѣ люди ерѣ арцы,
Шинда шиндара,
Транду трандара,
Фарѣ фарѣ фарѣ фарѣ фарѣ фарѣ фарѣ фарѣ фертѣ.*

*Сатана за гордость низверженѣ съ небесѣ.
Шеринѣ даберинѣ лисѣ тра фа,
Фарѣ фарѣ фарѣ фарѣ люди ерѣ арцы,
Шинда шиндара,
Транду трандара,
Фарѣ фарѣ фарѣ фарѣ фарѣ фарѣ фарѣ фарѣ фертѣ.*

ХОРЪ ИГРОВОУЪ.

*Подайте картежникамѣ милостинку;
Черви, бубны, вины, жлуди всѣхѣ насѣ разорили,
И лишивѣ насѣ пропитанья гладомѣ поморили.*

ХОРЪ КО ЗЛАТОМУ ВѢКУ.

*Блаженны времена настали,
И Истинны лугемѣ Россію облистали.
Подсолнезна внемли!
Астреля на земли,
Астреля во странахѣ Россійскихѣ водворилась,
Астреля воцарилась.
Рокѣ щедрый рекѣ:
Настани Россамѣ ты златой желанный вѣкѣ;
И се струи Россійскихѣ рѣкѣ,
Во удаленіе сосѣдомѣ,
Млекомо текутѣ и медомѣ.*

ХОРЪ КЪ ПАРНАССУ.

*Лейтесь токи Ипокрены,
 Вы съ Парнасскія горы:
 Орошайте вы долины,
 И прекрасныя луга!
 Напойтесь Россіяня
 Тѣми сладкими струями,
 Кои Греція пила,
 И имѣя на престолѣ,
 Вы Аѳинскую богиню,
 Будьте Аѳиняня вы!*

ХОРЪ КЪ МИНЕРВѢ.

*Ликовствуйте днесь,
 Ликовствуйте здѣсь,
 Воздухъ, и земля, и воды:
 Веселитесь народы;
 Матерь ваша Россы валь,
 Затворила Яна храмъ.
 О Церера, и Помона, и прекрасна Флора,
 Полугайте днесь,
 Полугайте здѣсь,
 Безъ препятства даръ солнечнаго взора!
 О душевна красота,
 Жизни сей утѣха, жизни сей отрада,
 Раствори врата,
 Храма своего Паллада!*

Только одни хоральныя пѣсни въ семь маскарадѣ сочиненія*.*.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

СЛАВЯНСКІЙ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ ГРЕЦІИ.

*Καταβχύνη σου! Γαλάται, Γότθοι, Σλάβοι, Γενοβέζοι,
Βενετοί, Νεαπολίται, Μουβουλμάνοι, Παυαρέζοι,*

Ὡς τὸ κύμα τὰς ἀκτᾶς σου

Εἰς κερῶν μετὰ τὸν ἄλλον βαρυκλήττου τὰ πλευρά σου.

Α. Σούτσοβ. Ὁ Περιπλατόμενος.

(Из сочиненія Фаллмерайера: «Fragments aus dem Orient.»)

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Извѣстно, что послѣ уничтоженія Ахейскаго союза (ок. 140 до Р. Х.) Греція, обращенная въ римскую провинцію, потеряла сильныя опустошенія, какъ отъ побѣдителей, такъ и отъ новыхъ народовъ, наслоовавшихъ ее съ сѣвера. Съ 140 до 460 года по Р. Х. Пелопонезъ представлялъ не болѣе, какъ огромный, развалившійся дворець, оставленный хозяевами на жертву времени и пришлецамъ. Аполлоній, Страбонъ, Павзаній, Филостратъ единогласно повѣствуютъ объ опустошеніяхъ, и уже въ нихъ время трудно было узнать въ эгхъ развалинахъ нѣкогда пластически-изящную Элладу. Опустошенные города, бѣдность и невѣжество жителей, сдѣлали эту страну, столь славную въ древности, самую ничтожною провинціею римскаго міродержавія. Богатый Коринѣъ, прорѣзанный множествомъ каналовъ, этотъ центръ всемірной торговли, былъ разрушенъ. Съ его паденіемъ всѣ жизненныя силы Эллады мгновенно остановились на долго, на всегда. Зажиточные граждане свѣшили пересѣ-

литься съ своими пенатами въ Италію, въ Римъ. Во время послѣдней борьбы съ Римомъ, Эллада была еще, какъ и прежде, раздѣлена на 30 областей одна отъ другой независимыхъ; столько-же главныхъ городовъ, отдѣльно управляемыхъ, заключали въ себя всю жизнь тогдашней Греціи. Все это вдругъ вымерло и исчезло, раздробленное проконсульской свкирой.

Кто не знаетъ о тѣхъ непомѣрныхъ богатствахъ, которыя въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ непрерывно изливались въ Пелопонезъ изъ Азіатскаго міра? Все это въ свою очередь утекло въ Римъ, вмѣстѣ съ произведеніями эллинскаго генія.

Въ этомъ неустройствѣ засталъ Грецію и III-й вѣкъ нашей эры.

Въ прилежащихъ съ сѣвера земляхъ къ Дунаю и Понту-Эвксинскому, въ такъ называемой Скиѣи, обиталъ издревле народъ, продолжившій свое существованіе и до нашего времени, и извѣстный во все времена подъ общимъ именемъ Славянъ. Во все времена исторіи находила этотъ народъ въ какомъ-то разъединенномъ положеніи, подъ частными именами. И во второй половинѣ III в. (250—270), отдѣльныя племена этихъ Славянъ, обитавшія ближе къ Дунаю, пользуясь положеніемъ, въ которое повергло Грецію оружіе Рима, первыя бросаютъ копье на Балканскій полуостровъ. По морю и сушѣ переходятъ Дунай и Понтъ въ Илирію, Мизію, Фракію и южную Грецію. Въ одно и то-же время нападаютъ на Кипръ, Кандію, Парю, Лакедемонскій заливъ и Солунь. Въ Пелопонезѣ никто и не думалъ защищаться. Спарта, Аргосъ и Коринѳъ были обращены вповь въ кучу развалинъ. Двадцать лѣтъ продолжались эти пестовства въ Віотіи, Акарнаніи и во всей Эладѣ. Уже черезъ двадцать лѣтъ императоръ Клавдій успѣлъ остановить распространяющуюся власть сѣверныхъ пришлецовъ, и на нѣсколько вѣковъ отсрочить новое ихъ нашествіе на Грецію. Только долгій, вѣковой миръ въ состояніи залечить подобныя раны, нанесенныя сильнымъ слабому. Мога-ли Греція, какъ римская провинція, отдохнуть послѣ этого потрясенія, да и было-ли время, когда-бы римскій міръ самъ наслаждался тишиной и внутреннимъ спокойствіемъ? Лихорадачная страсть къ завоеваніямъ устраняла во все времена это спокойствіе: оно было чуждо Риму.

Въ исторіи древней Греціи нельзя не замѣтить три главныя эпохи, высшія въ жизнь Греціи первыя начала разрушенія: пора-

женіе при Хероневъ, уничтожившее самостоятельность отдѣльныхъ республикъ, побѣду, одержанную Мумміемъ при Кориневъ, подчинившую Грецію народу ей чуждому по языку и племени, и наконецъ разореніе Аларика.

Все это только подготовило постепенное исчезновеніе древней Греціи, гений которой, распавшись, если можно такъ выразиться, нашолъ себѣ убѣжище частію въ Византіи, частію въ Александріи. Впродолженіе двѣнадцати слѣдующихъ вѣковъ, до покоренія ея Турками, Греція представляла какую-то арену, на которую одни за другими выступали племена ей чуждые, ратуя другъ противъ друга. Перевѣсъ остался на сторонѣ Славянъ и Албанцевъ.

Прошло еще четыре столѣтія. Сквозанный Пелопонезъ рѣшается поднять оружіе противъ Турковъ. Западъ, книжно-вдохновенный, съ восторгомъ обращаетъ свои взоры на мнимыхъ потомковъ древнихъ Эллиповъ, сочувствуя имъ въ борьбѣ ихъ противъ Турковъ.

Вдругъ, среди этой толпы восторженныхъ филэллиновъ раздается голосъ нѣмецкаго ученаго, и сквозь мракъ византійскаго міра старается объяснить, что за народъ Греки Пелопонеза. Въ 1830 году, вышла первая часть сочиненія Фаллмераайера «Исторія полуострова Морей въ средніе вѣка»,* и, съ первыхъ строкъ этой книги приговоръ рѣзко былъ произнесенъ: «das Geschlecht der Hellenen ist in Europa ausgerottet.» Не вдругъ совершился процессъ этого перерожденія. Точкой его отправленія Фаллмераайеръ полагаетъ уничтоженія Ахейскаго-союза и разгромленіе римскими легіонами Кориневъ, до конечнаго покоренія Греціи Турками. Слѣдовательно перерожденіе это, начатое первыми нашествіями Славянъ на Грецію, совершалось впродолженіе слишкомъ полуторы тысячи лѣтъ! Этому-то періоду времени Фаллмераайеръ и посвятилъ труды своихъ изслѣдованій.

Приговоръ былъ произнесенъ въ такое время, когда Европа болѣе всего сочувствовала возродившейся Греціи, а между-тѣмъ ни одинъ голосъ не въ состояніи былъ защитить древнюю народность эллипскую въ новыхъ Грекахъ, кромѣ немногихъ, одной бранью

* Geschichte der Halbinsel Morea während dem Mittelalter. I B. 1830. II B. 1836

наполненных, статей въ аѳинскихъ журналахъ.* Почему-же въ-те-

* Кромѣ журнальныхъ статей, вышло въ одно время двѣ брошюры : одна Софокла Эконома, въ видѣ диссертациа на толкованіе Марка Кипрскаго объ Иппократовыхъ Афоризмахъ, въ которой есть и одно слово къ *г. Фаллмерайеру*, ἐν ᾗ καὶ μία λέξις πρὸς τὸν *Κ. Φαλλμεράϊρον* (а). Бездарная, наполненная грубыми историческими ошибками и еще грубѣйшими выходками на личность автора «Мореи въ средніе вѣка», эта статья явно была писана подъ слѣпымъ вліяніемъ эллинизма, и отнюдь не съ знаніемъ дѣла. Впрочемъ, отъ *г. Эконома*, медика по занятію, нельзя и требовать полемики по исторической наукѣ.—Другая книга—«*Περὶ τῆς Ἐποικίσεως Σλαβικῶν τινῶν φιλαῖν, ὑπὸ Κ. Παπαριγοπούλου*. 1843. (О переселеніяхъ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, *К. Папаригопуло*. 1843. Аѳины). На II-ой стр. предисловія этой книги, *г. Папаригопуло* общается, что трудъ его будетъ раздѣленъ на три части. Въ 1-ой будетъ наложено, когда и какъ случилось переселеніе; во 2-ой,—въ какихъ отношеніяхъ были переселенцы къ туземцамъ и Византійскимъ государямъ, и въ 3-ей—какіе слѣды ихъ сохранились до настоящаго времени. Изъ отѣхъ трехъ обѣщанныхъ частей, *г. Папаригопуло* издалъ только первую. Тема, на которую онъ писалъ, почти та-же, что и у *г. Эконома*, съ тою только разницею, что, болѣе начитанный, Папаригопуло пустился самъ въ извлеченія изъ византійскихъ лѣтописей, и ровно ничего не прибавлялъ къ суммѣ изслѣдованій своего предшественника. Вотъ все, что новогреческая историческая литература можетъ противопоставить изслѣдованіямъ Фаллмерайера.

Можно упомянуть еще о книгѣ, вышедшей года два тому въ Мюнхенѣ : «*Die Abstammung der Griechen und die Irrthümer und Missfingungen des Dr. Ph. Fallmerayer, von J. Var. Dr. München*. 1848.» Съ кропотливою отчетливостію собралъ авторъ всѣ названія городовъ, рѣкъ, мѣстечекъ, и въ заключеніе вывелъ итогъ, что во всемъ Пелопонезѣ и Атикѣ названій: 416 греческихъ, 32 романскихъ, 42 турецкихъ, 11 албанскихъ и одно славянское, а именно *Дибри*, и то, можетъ-статься греческаго, еоманскаго, турецкаго или албанскаго происхожденія (Стр. 70). Не будемъ дѣлать выписки изъ этого сочиненія, гдѣ натянута и чисто-неглыма толкованія чисто-славянскихъ названій показываютъ въ авторѣ совершенное нежаніе не только славянскаго, но и новогреческаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ, служатъ новымъ доказательствомъ того, какъ трудно пошатнуть камень, положенный Фаллмерайеромъ въ основаніе вопроса о славянскомъ элементѣ въ Греціи.

(а) Полное заглавіе этой брошюры: *Περὶ Μαρκοῦ τοῦ Κυπρίου καὶ τῆς ὑπ' αὐτοῦ συγγραφῆς ἐκ τῆς κοινῆς διαλέκτου ἐπιμητῆς τῶν Ἰπποκράτους ἀφορισμῶν διατριβή, ἐν ᾗ καὶ μία λέξις πρὸς τὸν Φαλλμεράϊρον, ὑπὸ Σοφοκλίου Κ. Ὀικονόμου. Ἀθήνηβιν 1843.* — О Маркѣ Кипрскомъ и о написанныхъ имъ на простонародномъ языкѣ толкованій Иппократовыхъ Афоризмовъ Изслѣдованіе, въ которомъ и одно слово Фаллмерайеру, Соч. Софокла К. Эконома. Аѳины. 1843.

ченіе послѣдующихъ 15 лѣтъ, до появленія новаго сочиненія того-же автора, именно: «Отрывковъ изъ путешествія по востоку» (*Fragmente aus dem Orient*, 1845), изъ котораго предлагается здѣсь XIV глава, никто изъ новыхъ Грековъ не взялся критически обсудить столь-замѣчательное сочиненіе нѣмецкаго ученаго, а всѣ только бранью и еще болѣе энергическими средствами старались возстановить общее мнѣніе о чисто-элинскомъ происхожденіи повыхъ-Грековъ?

Историческое направленіе образованія еще чуждо Новой-Греціи. Греки искони занимаются однимъ изученіемъ языка, ограничивающимся древними поэтами, и едва-ли въ настоящее время найдется въ Греціи много людей, которые—не говоримъ критически—фактически знали-бы исторію своей роины со временъ паденія Коринѳа и независимости древней Эллады до покоренія ея Турками. Грекамъ, болѣе нежели иному кому, сподручны и понятны византійскіе историки, но дѣло въ томъ, что при чтеніи этихъ историковъ, недостаточенъ оный буквальный смыслъ, который поведетъ только къ запутанности: съ сравнительнымъ ихъ изученіемъ необходимо сочетать изученіе лѣтописей славянскихъ и западныхъ. «Мы не споримъ, говорить противникъ Фалмерайера, что изъ древнихъ родовыхъ именъ, ни одно не перешло въ потомство, ни одно не удержалось въ нашихъ современникахъ. Но духъ древней Эллады, и что важнѣе всего—языкъ, развѣ не сохранились въ насъ; развѣ это не достаточное доказательство нашего чисто-элинскаго происхожденія?» Нѣмецкій ученый и здѣсь неумолимъ, и здѣсь съ непреложными доводами показалъ, что въ Аркадіи и Элидѣ, въ Мессеніи, Лаконіи, Віотіи, Фокидѣ и Акарнаніи, въ продолженіе многихъ поколѣній говорили на языкѣ славянскомъ, что раздавалась та-же рѣчь, которая и нынче слышима во всемъ Илирійскомъ прибрежьи, которая, нѣсколько столѣтій тому, раздавалась еще въ Помераніи и на островѣ Рюгенѣ. Обращенные въ христіанство, Славяне Пелопонеза приняли изъ устъ греческихъ евангельское ученіе, которое естественнымъ образомъ было вѣрнымъ и легкимъ проводникомъ къ распространенію между нами и самого языка. Смѣемъ думать, что это вовсе не предположеніе, хотя никто не указалъ именно на этотъ фактъ. Развѣ не было времени, когда западная Европа не смѣла употреблять иной языкъ, кромѣ латинскаго. Но, возразятъ нѣкоторые, — народный языкъ все-таки сохранился на Западѣ. Дѣйствительно, въ такой огромной массѣ народа природному языку исчезнуть было нельзя: въ Пелопонезѣ-же, гдѣ славянскихъ

выходцевъ, тамъ поселившихся, нельзя считать и сотнями тысячъ, трудно было устоять ихъ природному языку, и черезъ нѣсколько поколѣній они стали выражаться языкомъ, просвѣтившимъ ихъ религіей Спасителя.

Въ настоящее время вся умственная дѣятельность Аѳинъ поглощается исключительно эфемеридами. Особенно историческая ея часть, какъ замѣтили мы выше, едва-ли можетъ выставить нѣсколько именъ самостоятельныхъ писателей. Даровитая, но черезъ чуръ впечатлительныя головы Аѳинянъ, скорѣе поддаются бойкому слову, ласкающему ихъ воображеніе, нежели сухому, положительному разсудку. Неудивителенъ, поэтому, восторгъ, съ какимъ, лѣтъ семь тому назадъ, было принято слово, брошенное въ Народномъ Собраніи (*Bouleutērion*) однимъ изъ краснорѣчивыхъ пликсусіосовъ (представителей), который, указывая на Дунай и Босфоръ, воскликнулъ: «туда предназначено намъ расширить грани нашей родины.» Новые Греки вѣрують по преданію, что древняя Эллада переселилась въ христіанскую державу Византійскаго хаоса. Но имъ неизвѣстно, что Византійская имперія не имѣла своей народности, и не могла ее имѣть, потому-что была слита изъ разнородныхъ, другъ другу чуждыхъ, народностей. Въ продолженіе тринадцати-вѣкового существованія, она представляла одно постепенное ослабленіе, и наконецъ, будучи не въ состояніи удержаться на своихъ прививныхъ началахъ, совершенно пала подъ ударами Турковъ. Сербъ и Болгарь, Шкипетаръ и Грекъ, Армянинъ и Сиріецъ, вмѣстѣ съ одинаковыми правами гражданственности, имѣли и одинаковыя права воцарять на престолѣ своего избранника.

«И теперь, говоритъ Фаллмерайеръ, — по прошествіи столькихъ вѣковъ, Европа снова обращаетъ свои взоры къ давно-забытой странѣ, и мнитъ обрести въ ней потомковъ тѣхъ самыхъ мужей, которые нѣкогда положили у Левкопетра жизнь свою за отечество.»

Извѣстно, что исторія древней Греціи критически обработана до временъ покоренія ихъ Римлянами. Весь, сначала римскій, потомъ византійскій, періодъ, закрывалъ эту страну непроницаемой завѣсой, черезъ которую только недавно проникъ лучъ свѣта, принадлежащій нѣмецкому ученому.

* *Geschichte der Halbinsel Morea, и проч. 1 ч. Предисловіе.*

Съ половины XIV вѣка, народъ, чуждый по племенному происхожденію древнимъ Эллинамъ и Славянамъ, въ свою очередь беретъ перевѣсъ на Пелопонезской почвѣ. Народъ этотъ—Шкипетары (обитатели утесовъ) или Албанцы. Исторія, сколько можетъ запомнить она, всегда находила Албанцевъ занимавшими почти все средиземельное пространство Забалканскаго полуострова. Горы Балканскія, Родонскія и Сербо-Албанскія разбивали этотъ народъ на отдѣльныя, независимыя общины или удѣлы. Не станемъ распространяться о минувшей судьбѣ этого народа, ожидающаго, подобно другимъ племенамъ полуострова, и своего историка-ислѣдователя. Скажемъ только, что весь этотъ полуостровъ, по смерти Александра Македонскаго, долгое время управлялся своими князьями, изъ которыхъ послѣдній былъ Персей (167 г.) Обращенные въ свою очередь въ римскую провинцію, всѣ эти земли въ теченіе слишкомъ 20-ти столѣтій, находились попеременно во власти трехъ народовъ: Римлянъ, Славянъ и Турковъ. Когда въ V, VI и VII столѣтіяхъ Дунайская долина, Балканскія горы, Фракія и Македонія стали мало по-малу подчиняться Славянамъ, Албанцы вынужденны были податься къ юго-западной части полуострова, гдѣ и въ настоящее время, въ верхнемъ и нижнемъ Эпирѣ, составляютъ исключительно свое народонаселеніе.

Здѣсь необходимо упомянуть, хотя кратко, когда и при какихъ обстоятельствахъ народъ этотъ перешелъ и расселился по Пелопонезу, потому что теперь значительная часть населенія новаго королевства состоитъ преимущественно изъ этихъ переселенцевъ XIV вѣка.

Во время занятія крестоносцами Константинополя въ 1204 г. Михаилъ и Теодоръ Ангелы, удалившись въ Эпиръ, являются независимыми правителями или деспотами этой страны. Немного спустя, безпокойные Албанцы Костура, т. е. южной части Македоніи, предводимые однимъ изъ старшинъ, по имени Гуламъ, отказываются признавать власть Михаила надъ собою, и, обратившись къ Никейскому Императору, Іоанну Ватаци, просятъ его принять ихъ подъ свое покровительство. По смерти сего послѣдняго, въ 1255 г., они снова присоединяются къ Михаилу Ангелу, изгнавъ изъ своей страны начальниковъ, присланныхъ Ватаціемъ. При Михаилѣ Палеологѣ и сынъ его Андроникъ, Албанцы рѣшаются присоединиться къ Имперіи. Но когда въ самой Византіи возникла распря между двумя Андрониками, дядей и племянникомъ, Албанцы, пользуясь

этимъ случаемъ, стремятся сами къ самостоятельности. Юный Андроникъ въ это время, утвердившись на престолѣ, усилъ предъупредить и въ самомъ началѣ разрушить планъ возстанія. Въ другой разъ, именно въ 1341 г., Иоаннъ Кантакузенъ успѣшно подавилъ вторичное ихъ возстаніе въ Фессалійскихъ горахъ, но не смотря на это двойное пораженіе, Албанцы не переставали отдѣльными толпами грабить и опустошать долины Фессалии и Акарнани.

Новыя усобицы въ Византіи между Палеологами и Кантакузенами не замедлили въ третій разъ дать случай Албанцамъ отторгнуться отъ имперіи.

Иоаннъ Кантакузенъ рассказываетъ въ своей исторіи (кн. 4. гл. 43.), что послѣдній изъ деспотовъ Арты и Янины, Никифоръ Ангелъ своевольно оставилъ назначенную ему мѣстожительствомъ Фракію, и, пользуясь возникшими въ Константинополѣ смутами, вошелъ въ Эпиръ. Вспомоществуемый наемными турецкими стрѣлками, Никифоръ надѣялся утвердиться независимымъ владѣтелемъ Албанцевъ, но въ 1347 году былъ на голову разбитъ при Ахеловѣ. Съ этого времени можно утвердительно сказать, что Албанцы образовались за Дунаемъ въ народъ независимый. Все пространство отъ рѣки Дрины до горы Химеры получило въ тѣсномъ смыслѣ названіе Албаціи, не смотря на то, что впоследствии провинціи Эпиръ, Этолія, часть Фессалии и Македоніи, обозначались этимъ-же именемъ.

Гвизы-де-Спата, одинъ изъ албанскихъ предводителей, изгнавъ императорскихъ намѣстниковъ изъ Арты и Янины, подчинилъ себѣ все пространство до Ангелокастро въ Этоліи, между-тѣмъ какъ, съ другой стороны, Бальца, начальствуя на сѣверъ Эпира, занялъ безъ сопротивленія Дураццо, Канину, Бълиградъ и Касторію. Не долго однакожь держали Албанцы эти города, добытые на границахъ Эпира и прилежаціе къ юго-западной части Македоніи. Оружіе ихъ встрѣило здѣсь другого противника, съ которымъ не по плечу имъ было мѣряться. Стефанъ Душанъ Сербскій вскорѣ отнялъ у нихъ всю сѣверную полосу Эпира, и отдалъ ее Кантакузену въ приданое за свою дочь.

По смерти Стефана Душана, Бальца поднялъ снова оружіе, и возвратилъ не только покоренные Душаномъ города, но даже распространилъ власть свою отъ р. Дрины до Которского устья. Наслѣдникъ Душана, юный Урошъ, находясь подъ опекой своекорыстныхъ правителей, былъ слишкомъ-безсиленъ чтобы защищать наслѣдіе отца. Скутари, Дулицинь, Антивари и Требинь были заняты

Албанцами. Въмѣств съ этими побѣдами открылся свободный путь изъ вѣбѣгамъ на Сербію, Боснію, Болгарію, и только въ 1383 г., Амурать I, разбивъ ихъ войска у Вѣвиграда, остановилъ на-долго разорительные ихъ набѣги. Съ этого времени Албанія представляла какъ-бы живой арсеналь, откуда деспоты Морей имѣли не только наемныхъ воиновъ, во и брали цѣлыя албанскія-семейства, которыми населяли разоренныя предшествовавшими войнами города и селенія Пелопонеза.

Остается теперь фактически утвердить положеніе, что славянский элементъ въ Пелопонезѣ уступилъ албанскому, и что въ настоящее время главная часть народонаселенія Морей и Аттики преимущественно состоитъ изъ Арпаутовъ. Нѣсколько лѣтъ тому мы имѣли случай лично повѣрить на мѣств это положеніе, а изученіе средне-вѣковой исторіи юго-восточной Европы еще болѣе подтвердило его.

Исторически извѣстно, что Еммануиль Кантакузень, деспотъ Мистры, первый пригласилъ Албанцевъ селиться на Пелопонезской землѣ. Изъ нихъ держалъ онъ войско, съ помощію котораго подчинилъ и отдѣльныхъ архонтовъ Морей. Этимъ самымъ Албанцамъ поручено было охранять два главные пункта Пелопонеза: Монембалю и Мистру. Населивъ ими также округи Бѣлигости, Каритеу и Скорта, Еммануиль получилъ отъ этого двойную выгоду: во-первыхъ населилась безлюдная, разоренная страна; во-вторыхъ образовалась и военная граница противъ Франковъ въ Дхаин.

Когда въ 1347 г. Албанцы разбили Никифора Ангела близъ Аспропотамо, трудно опредѣлительно, сколько перешло ихъ въ Морею, въ 1349 г., съ юнымъ Еммануиломъ. Частыя возстанія мятежныхъ архонтовъ понудили его держать значительное войско изъ храбрыхъ шкипетаровъ. Спандудамно повѣствуетъ, что еще отецъ Еммануила, императоръ Іоаннъ Кантакузень, переселилъ въ Морею значительнѣйшую часть населенія тѣхъ провинцій, которыя получилъ въ приданое за дочерью Стефана Душана Сербскаго. Но что это переселеніе было не малочисленно, можно заключить изъ послѣдующаго разсказа Спандудамно, который ему-то именно и приписываетъ ослабленіе и копечное, позднее, разореніе сѣверной части Албаніи.

Изъ византійскихъ писателей позднѣйшаго періода, Кантакузень, Халкокондила и Франца болѣе всѣхъ упоминаютъ о движеніяхъ, Албанцевъ къ Пелопонезу. Послѣдній изъ нихъ гоноритъ даже, что въ его время одна половина Морей была уже занята Албанцами, между-тѣмъ какъ другую они старались подчинить себѣ, частію оружіемъ, частію договорами съ султаномъ Мухамедомъ II.

Напрасно думают некоторые, что албанское население Пелопонеза исчезло вмѣствъ съ отреченіемъ Каптакузена отъ престола; что только кое-гдѣ, отдѣльными, малочисленными семьями, жили они; что большая ихъ часть снова возвратилась въ первое свое отечество. Поклонникамъ эллинизма довольно бросить взоры вокругъ себя, и они сами удостовѣрятся, что даже въ настоящее время вѣрно сохранились въ жителяхъ Морей: обычаи, одежда и даже отчасти языкъ первой ихъ стчизны. Фаллмерайеръ (ч. II. с. 257) приводитъ весьма-замѣчательный цитатъ изъ надгробного слова Θεодору Палеологу, наследовавшему Каптакузену въ правленіи Мистры съ 1380—1407 г, откуда можно заключить, въ какой массѣ переходили Албанцы въ Морею: «Слишкомъ десять тысячъ Иллирійцевъ, т.-е. Албанцевъ, получили отъ Θεодора Палеолога земли въ Пелопонезѣ, и эти десять тысячъ привели съ собою не только жонъ своихъ и дѣтей, но и все домашнее имущество и весь скотъ пригнали на новое жительство.»

Если взять въ соображеніе самое - приблизительное число албанскихъ переселеній въ Пелопонезъ; сначала при Еммануилѣ Каптакузенѣ, потомъ при Θεодорѣ Палеологѣ, число, которое достаточно было, чтобы населить округъ Мистры, часть Лаконій и Аргоса, то легко можно будетъ вывести заключеніе, до какой степени были опустошены эти округи въ эпоху славянскихъ нашествій. Мнѣніе Ранке, что въ эту эпоху во всемъ Пелопонезѣ едва-ли можно было насчитать и полтараста тысячъ жителей, вовсе не преувеличено. Все остальное населеніе полуострова исключительно составляли Албанцы. Укрѣпленныя мѣста Табіа и Барбатіа были ихъ средоточіемъ, гдѣ обитали и ихъ старшины. Турецкимъ султанамъ, сначала Амурату, потомъ Мухамеду II, не малого стоило труда присоединить къ покореннымъ землямъ въ Европѣ и Морею; народъ-же, съ которымъ они завазали полуостровъ на борьбу, были Албанцы. Примѣръ ихъ соотечественника Сканжбега подвѣствовалъ и на нихъ, но исходъ ихъ борьбы съ Турками былъ тотъ-же, что и въ сѣверныхъ частяхъ Балканскаго полуострова.

С. Н. II—68.

(Самая статья Фаллмерайера помѣстится въ слѣдующемъ номерѣ.)

Желая знакомить нашихъ читателей со всеми новыми взглядами, мы печатаемъ ее, а въ чемъ не согласны съ нею, то замѣтимъ въ своемъ мѣстѣ. Ред.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

125. *Жизнь Князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Акты, изданные Врем. Коммиссією. Т. I. Кіевъ. Въ лито-типогр. заведеніи І. К. Вальнера. 1849. стр. LII. XV. 335. Т. II. стр. XII. 364. со снимками.*

Чтобъ познакомить нашихъ читателей, какія новыя историческія драгоцѣнности заключаются въ этомъ превосходномъ изданіи, выпишемъ изъ Предисловія Князя Курбскаго къ его переводу Бесѣдъ Златоустовыхъ нѣсколько строкъ, переводя ихъ на настоящее наше нарѣчіе, а по большей части оставляя его собственныя слова въ дополненіе свѣдѣній объ Іоаннѣ Грозномъ.

«Въ лѣтахъ осьмой тысячи, сказано въ Апокалипсисѣ, вождѣють люди смерти, и бѣжить отъ нихъ смерть. Такъ приключилось намъ за грѣхи наши! Что такое, по какой причинѣ? Изгнанный безъ правды, отъ земли Божіей, живя на чужой сторонѣ, между людьми тяжкими и зѣло не гостелюбными, къ тому же развращенными въ различныхъ ересяхъ, а въ отечествѣ слыша огонь мучительства прелютѣйшій горящъ, и гоненіемъ попадаемъ людь христіанскій безъ пощаженія.—Царь.... ласкателями возвращенъ, губитъ не только мужей нарочитыхъ и воиновъ крѣпкихъ, но и женъ, пресвѣтлыхъ родомъ своимъ, и младенцевъ въ первомъ возрастѣ и мягкомъ тѣлеси, не щадитъ. И не ста ему ярость звѣрства. Жилища ихъ, веси и села съ обитателями, женами и дѣтми, повелѣваетъ истреблять своимъ кромѣшникамъ. Ласкатели ведутъ его авно противъ закона Божія. Законъ Божій глаголетъ: да не понесетъ сынъ грѣховъ отца своего, ни

отецъ грѣховъ сына своего.... а ласкатели совѣтуютъ, кого оклеветаютъ, и повиннымъ сотворять, и праведника грѣшникомъ учинять, и измѣнникомъ нарекутъ по ихъ обыкновенному слову, не только предать казни безъ суда, но и всѣхъ его родныхъ, до трехъ поколѣній, даже друзей, знакомыхъ и сосѣдей. Богъ повелѣваетъ не клятиса ни небомъ, ни землею, ни иными клятвами,.... а ласкатели берутъ присягу съ обвиняемыхъ, «оплетая невольнительное лепоуміе ихъ.» Богъ повелѣваетъ душу за други полагати, а ласкатели принуждаютъ «не знатиса не токмо со други и ближними, но и самыхъ родителей, и братій и сестеръ отрякатиса, только мучительскую сиверную тайну хранить и во всемъ противъ совѣсти и Бога волю его исполнять.» Богъ повелѣваетъ враговъ любить, — а ласкатели совѣтуютъ друзей ненавидѣть, ... добротствующихъ и душу за Царя и за общую вещь полагающихъ закалатъ... Что-же происходитъ послѣ этого? Умиленное и жалостное къ слышанію! Градъ Москва, многонародный и преславный во вселенной, варварскими руками сожженъ бысть внезапно попускается... окрестныя веси и грады палынтиса, монастыри разоряютсѣ, людъ христіанскій въ пльнѣ, какъ скотъ, чередами отгонлетсѣ. И мнѣ несчастливому что воздасть? Мать, жену, отрѣчка едина сына моего, въ заточеніи затворенныхъ, трескою поморилъ, братію мою погубилъ, имѣнія мои и ихъ разграбилъ, и, что всего горче (надъ что все горчайшаго) отъ любимаго отечества изгналъ, отъ друзей прелюбезныхъ разлучилъ!... Все я знаю и слышу (что дѣлается въ Россіи) и сердце мое предается унынію. И молилъ Бога со слезами, чтобъ онъ не попустилъ унынію одолѣть меня, — и началъ искать утѣшенія въ книгахъ, «проходилъ разумы высочайшихъ древнихъ мужей. Прочиталъ и разсмотрѣлъ физическое, обучался этическому, но часто обращался я къ сроднымъ моимъ Священнымъ Писаніямъ, коимъ праотцы мои быди по душѣ воспитаны. И вспомнилъ я о Преподобномъ Максимѣ, который говорилъ мнѣ, что многихъ книгъ не переведено не только у Сербовъ и Болгаръ, но и у Латиновъ.... Я началъ учиться Латинскому языку: «того ради, ижъ бы могль предложити на свой языкъ, что еще не предложено; ижъ нашихъ учителей чуждые наслаждаются, а мы гладомъ духовнымъ таемъ и на свои зряще. И того ради не мало лѣтъ напурихъ, въ граматическихъ и діалектическихъ, и въ прочихъ наукахъ пріучался....»

* Курбскій такъ объясняетъ въ примѣчаніи значеніе этихъ словъ: *φιλοσοφία* есть книга аристотельская, коя въ себѣ замыкаетъ прироженную, або естественную философію, и есть зѣло премудра. Такъ же и *этика*, десять книгъ аристотельскихъ, кои научаютъ najlepшей философіи, сиречь обычае любомудрія, и человѣческому роду наипаче зѣло потребѣйша.

Одна изъ историческихъ нашихъ школъ, отвергающая Русскую Исторію до Петра I, увидить здѣсь отчасти, какихъ людей она выставить можетъ. Жаль, что Курбскій, увлеченный обстоятельствами и страстями, кончилъ свою жизнь такъ дурно. Какой человѣкъ! Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, собраннымъ профессоромъ Устряловымъ, которому историческая литература обязана прекраснымъ изданіемъ его сочиненій, мы узнаемъ теперь, что Курбскій скончался въ 1583 году, слѣд. почти въ одно время съ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, и похороненъ въ Троицкомъ монастырѣ, въ Вербѣ, гдѣ чуть-ли не найдена и его гробница. Мы узнаемъ, что ученныя его занятія продолжались до самой кончины, ибо предисловіе писано по убіеніи его слуги-друга, слѣд. послѣ 1571 года.

Курбскій извиняется въ предисловіи, что онъ не твердо знаетъ правила церковнаго Славянскаго языка, и просить прощенія у читателей, если онъ употребляетъ гдѣ-нибудь простонародныя слова или выраженія. Ахъ, еслибъ онъ забылъ тогда ученый свой языкъ совершенно и писалъ на простонародномъ! Сколько славы прибавилось бы къ его имени! Изданная вновь книга Кіевскою Коммиссією, которая достойно соревнуетъ Археографической Коммиссіи, въ обнародованіи историческихъ матеріаловъ, есть драгоценное приобрѣтеніе литературы. Выпишемъ изъ предисловія, основательно и дѣльно написаннаго профессоромъ Иванишевымъ, нѣсколько словъ объ ея содержаніи:

»Жизнь Князя Андрея Михайловича Курбскаго, послѣ его бѣгства изъ Россіи, до сихъ поръ оставалась мало извѣстною. Акты, пвлеченные изъ Литовской Метрики, содержатъ отрывочныя свѣдѣнія, изъ которыхъ нельзя составить полной біографіи, а у Польскихъ историковъ мы находимъ одни только сбивчивые и запутанные рассказы о бѣгствѣ Курбскаго въ Литву. Въ издаваемыхъ нынѣ матеріалахъ заключаются подробныя свѣдѣнія о характерѣ, жизни и окончательной судьбѣ этого замѣчательнаго лица въ Русской Исторіи; мы находимъ здѣсь показанія современныхъ свидѣтелей, видѣвшихъ Князя Курбскаго въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ жизни частной и общественной. Въ Литвѣ, гдѣ слабость законовъ и правительственной

власти давала просторъ своеволію, Курбскій могъ свободнѣе выказатися въ своихъ дѣствіяхъ, и поэтому личность его представляется намъ яснѣе и понятнѣе.»

И дѣйствительно, прочитавъ эти акты, мы познакомимся не съ одними обстоятельствами въ жизни Князя Курбскаго, но узнаемъ *жизнь всего крал* въ 16 вѣкѣ, будемъ поражены различіемъ въ жизни Малой Россіи съ жизнію Великой Россіи, мы поймемъ, почему Курбскому такъ невыносимо-тяжко было въ богатомъ своемъ Ковельскомъ помѣствѣ, и за что такъ глубоко ненавидѣлъ онъ Грознаго, который, по его мнѣнію, заставлялъ его жить тамъ вдали отъ милаго отечества.

Я слыхалъ отъ нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, что у нихъ не достаетъ источниковъ для занятія Исторіей; да одна такая книга не представляетъ-ли матеріала на два года работы — и какой работы плодоносной.

Выпишемъ одну черту изъ жизни Курбскаго: у него требовали отдачи имѣнія.

«Курбскій получилъ объ этомъ приказаніе королевское уже въ то время, когда Короля не было въ живыхъ. Вольскій, посланецъ королевскій, долго разъѣзжалъ по Ковельской области съ листомъ королевскимъ. Слуги Курбскаго посылали его изъ одного имѣнія въ другое. Въ Милановичахъ его встрѣтила толпа слугъ Князя Курбскаго, Москвитяиъ, которые не хотѣли сказать, гдѣ находится Князь Курбскій, а одинъ изъ нихъ Кирилль Зубцовскій запретилъ посланцу королевскому ѣздить въ имѣнія Князя Курбскаго, и грозилъ ему палкой. Наконецъ Вольскій нашелъ Курбскаго въ Турейскѣ, и хотѣлъ ему вручить листъ королевскій. Тогда Курбскій, въ присутствіи Князя Константина Острожскаго и многихъ другихъ знатныхъ особъ, сказалъ посланцу королевскому: »ты, пане Вольскій, ѣдишь ко мнѣ съ мертвыми листьями, потому что, когда Король умеръ, то и всѣ его листы умерли. Когда пріѣдешь ко мнѣ съ листьями отъ живаго Короля, то такіе листы я отъ тебя съ честію прійму, а этихъ листовъ, какъ умершихъ, я отъ тебя не беру. Хотя-бы ты и отъ живаго Короля пріѣхалъ ко мнѣ съ листьями, то я тебѣ и ни кому другому Тулчова не уступлю.»

Выпишемъ еще изъ богатаго предисловія извѣстіе о судьбѣ прочихъ Русскихъ бѣглецовъ, раздѣлявшихъ судьбу Князя Курбскаго,

»Москвитяне, бѣжавшіе изъ Россіи вѣсть съ Курбскимъ проводили бѣдственную жизнь. Гнѣвъ Божій тяготѣлъ надъ несчастными бѣглецами; многіе изъ нихъ погибли жестокою насильственной смертію.

Иванъ Ивановичъ Калыметъ, болѣе другихъ Москвитянь, пользовался довѣріемъ и уваженіемъ Князя Курбскаго. Курбскій называетъ его *служею* и *братомъ* своимъ, *превозлюбленнымъ* и *вѣрнымъ* мужемъ, не только въ военныхъ дѣлахъ крѣпкимъ и искуснымъ, но и въ разумѣ свѣтлымъ. Калыметъ былъ богатъ и одѣвался въ великолѣпную одежду. Онъ носилъ кафтанъ съ золотыми разводами и съ золотыми шнурами, унизаннымъ жемчугомъ, бархатный жупанъ съ серебряными позолоченными пуговицами, а къ жупану Московскій воротникъ, унизанный жемчугомъ, съ жемчужными пуговицами; саблю имѣлъ въ серебряной позолоченной оправѣ, купленную въ Константинополь. Иванъ Калыметъ съ молодыхъ лѣтъ служилъ Курбскому и раздѣлялъ его военные подвиги. По пріѣздѣ на Вольту, Курбскій удѣлилъ ему изъ своихъ имѣній два села, Секунь и Сушки, сдѣлавъ его своимъ намѣстникомъ въ Ковль и главнымъ управителемъ всѣхъ Ковельскихъ имѣній. Калыметъ сражался вѣсть съ Курбскимъ подъ Полоцкомъ и подъ Великими Луками, и вездѣ отличался своимъ усердіемъ и храбростію. Считаю Курбскаго своимъ паномъ и самовластнымъ владѣльцемъ Ковельскаго имѣнія, Иванъ Калыметъ не признавалъ надъ собою власти королевской. Когда возный приносилъ къ нему приказъ королевскій, то Калыметъ говорилъ ему: «за чѣмъ ты принесъ мнѣ приказъ королевскій? Я Королю не служу, а служу я Князю, своему пану.» Иванъ Калыметъ часто ѣздилъ въ городъ Владимиръ по своимъ дѣламъ и по дѣламъ своего Князя. Владимирцы питали къ нему непримиримую ненависть. Однажды (1571 г.) лядвойтъ, ратманы и всѣ мѣщане Владимирскіе возстали противъ Калымета, зазвонили въ колокола, заперли городскія ворота и хотѣли убить его. Съ большимъ трудомъ, спасъ онъ свою жизнь. Въ 1572 году, Мѣрта 9, напалъ на Калымета пьяный Князь Дмитрій Булыга, и убилъ его съ звѣрскимъ неистовствомъ. Курбскій былъ глубоко опечаленъ смертію вѣрнаго слуги своего. Подъ вліяніемъ этого чувства, онъ писалъ свое предисловіе на книгу Словесъ Златоустовыхъ, въ которомъ такими яркими красками изобразилъ несчастную судьбу свою и злобу людей, его преслѣдовавшихъ. Получивъ извѣстіе о смерти Калымета, Курбскій немедленно подалъ жалобу въ урядъ и со всею точностію исполнялъ судебные обряды, предписанные закономъ. Возный произвелъ слѣдствіе на мѣстѣ преступленія, потому изуродованный трупъ Калымета представленъ былъ въ урядъ, во замкѣ Владимирскомъ, и здѣсь, надъ трупомъ убитаго,

братъ его Михаилъ Калыметъ три раза провозглашалъ Князя Булыгу убійцею. Мая 5-го, въ срокъ, назначенный судомъ, Курбскій явился лично въ урядъ Владимирскомъ, съ адвокатомъ своимъ Достоевскимъ, и объявилъ себя готовымъ къ суду. Цѣлый день, съ утра до вечера, ожидалъ онъ своего противника, и, слѣдуя судебному обычаю, три раза звалъ его на судъ; но Князь Булыга не явился. Судъ опредѣлилъ взыскать съ имѣнія Калымета и за всѣ убытки, а самаго преступника отослать на судъ королевскій. По закону, Булыга подлежалъ смертной казни, но дѣло кончилось мировою сдѣлкой, заключенною при посредствѣ Князя Константина Острожскаго, Воеводы Кіевскаго, Василя Загоровскаго, кастеляна Браславскаго, и Школаа Лысаковскаго, кастеляна Холмскаго. Князь Булыга обязался уплатить Курбскому 600 копѣ грошей Литовскихъ и сидѣть въ замкѣ Владимирскомъ годъ и шесть недѣль.

«По смерти Ивана Калымета, братъ его, *Михаилъ Калыметъ*, получилъ отъ Курбскаго жалованную грамоту на имѣніе Секунь и Шушки. Михаилъ Калыметъ, такъ же какъ и покойный братъ его, служилъ Курбскому съ молодыхъ лѣтъ, сражался подъ Полоцкомъ и подъ Великими Луками. По пріѣздѣ въ Литву, Курбскій сдѣлалъ его своимъ подскарбіемъ. Михаилъ Калыметъ былъ женатъ на Катеринѣ Матисовнѣ, дочери Матиса Трошковскаго, войта Ковельскаго. Въ своемъ имѣніи Секунь онъ построилъ церковь во имя Архангела Михаила, и умеръ въ 1588 году. Въ завѣщаніи своемъ, Михаилъ Калыметъ, умоляя Князя Константина Острожскаго быть защитникомъ осиротѣлому семейству, говоритъ: »Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, Воевода Кіевскій, можетъ помнить заслуги брата моего Калымета и мои, какъ мы, вмѣстѣ съ его милостію, Княземъ Курбскимъ, паномъ нашимъ, выѣхали изъ Московскаго государства, оставивъ родныхъ и все свое имущество, и какъ мы въ здѣшнемъ государствѣ, проливая кровь, не щадя живота, жертвуя своимъ имуществомъ, повсюду служили Князю, его милости.« Михаилъ Калыметъ умеръ въ бѣдности; онъ принужденъ былъ заложить жидовкѣ Вихнѣ два свои серебряные пояса, а жиду Симсѣ — серебряный позолоченный поясъ жены своей.

«Счастливые и почетные всѣхъ Москвитянъ, бѣжавшихъ съ Курбскимъ изъ Россіи, былъ Кирилль Ивановичъ Зубцовскій. Пріѣхавъ на Волинь, онъ женился на Маріи Андреевнѣ, урожденной Княжнѣ Полубенской, и чрезъ такой бракъ вступилъ въ родство съ Курбскимъ. По смерти Ивана Калымета, Зубцовскій сдѣланъ былъ урядникомъ Ковельскимъ. Въ завѣщаніи 1581 года, Курбскій поручилъ ему управленіе всѣмъ своимъ имѣніемъ и завѣщалъ ему свою саблю. Зубцовскій, въ 1581 году, началъ

ствовалъ надъ отрядомъ Курбскаго при осадѣ Пскова, и Стефанъ Баторій награждалъ его, за храбрость и вѣрную службу, городничествомъ Луцкимъ. Въ этой должности Зубцовскій оставался до самой смерти и даже председательствовалъ въ Земскомъ судѣ, за отсутствіемъ судьи Чаплича Шпановскаго. Онъ умеръ въ 1595 году, завѣщавъ похоронить себя въ монастырѣ Ковельскомъ Св. Троицы, въ Вербскѣ, подлѣ тѣла Князя Курбскаго, своего благодѣтеля и родственника.

«Москвитянинъ *Петръ Вороновецкій* убитъ былъ слугою Князя Курбскаго, Москвитяниномъ *Иваномъ Посникомъ Туровицкимъ*. Но убійца не избѣжалъ казни. Иванъ Посникъ былъ женатъ на Ѳедорѣ Перевеской, дочери шляхтича Ивана Перевескаго. Въ 1585 году, 12-го Мая, Иванъ Перевескій пригласилъ своего зятя къ себѣ въ гости. Иванъ Посникъ пріѣхалъ съ женою къ своему тестю, и, сидя въ свѣтлицѣ вмѣстѣ съ другими гостями, вель спокойно бесѣду. Въ это время неожиданно явился съ толпою вооруженныхъ людей шляхтичъ Зенько Човгаръ Тупальскій, и съ яростію напалъ на Ивана Посника. Застрѣливъ Посника изъ ружья, Човгаръ хотѣлъ изрубить его къ куски. Напрасно жена защищала своего мужа собою и своею одеждою; явившійся на слѣдствіе возный нашель трупъ Посника изуродованнымъ: грудь была прострѣлена, ноги отрублены и голова въ двухъ мѣстахъ разрублена, чуть не надвое.

«На свертѣ, въ самомъ отдаленномъ отъ Ковля имѣніи, жилъ Москвитянинъ Андрей Барановскій. Онъ получилъ отъ Князя Курбскаго село Борки съ землями и крестьянами, на правѣ полной собственности, и спокойно владѣлъ этимъ имѣніемъ. Въ 1588 году, ночью, крестьяне Борковскіе заперли его въ кѣлти и сожгли въ прахъ съ женою, дѣтьми и челядью; представлены были въ урядъ одни только обгорѣлыя кости. Преступники, при первомъ допросѣ, сознались въ своемъ преступленіи и были казнены смертью.

«*Якимъ Невзоровъ* и *Посникъ Туровицкій меньшій* убиты людьми Князя Андрея Вышневецкаго; *Василій Лукьяновичъ Калиновскій*, урядникъ Милянскій, умерщвленъ мѣщанами Берестечка. Судьба прочихъ Москвитянъ осталась неизвѣстною.»

Къ актамъ, изображающимъ жизнь Князя Курбскаго и его сподвижниковъ, Г. Иванишевъ присоединилъ отысканныя имъ свѣдѣнія о другихъ Москвитянахъ, искавшихъ счастья и своевольнаго житія, подлѣ защитою Королей Польскихъ. Сюда относятся свѣдѣнія о Владимірѣ Семеновичѣ Заболоцкомъ, который бѣжалъ изъ Россіи въ одно время съ Курбскимъ, получилъ отъ Сигизмунда Августа санъ дворянина королевскаго и имѣніе Лепесовку, въ Кре-

менецкомъ уѣздѣ. Въ жалобѣ Шашковича исчисляются Москвитяне, дѣти боярскіе, которые составляли цѣлый отрядъ, находившійся на службѣ королевской. Въ показаніи Григорія Москвитянина, сына боярскаго, находимъ отрасль славнаго рода Князей Хованскихъ, происшедшую отъ Князя Данила Хованскаго, который выѣхалъ изъ Россіи въ 1515 году вмѣстѣ съ Евстафіемъ Дашкевичемъ.

Послѣ официальныхъ актовъ помѣщено предисловіе Курбскаго, найденное Проф. Иванишевымъ въ Вольфенбиттельской библиотекѣ. (См. выше.)

Акты, изображающіе жизнь Московскихъ баглицевъ въ Литвѣ и на Волини, проливаютъ яркій свѣтъ на частный и общественный бытъ Юго-западной Россіи 16-го вѣка. Раздоръ Курбскаго съ Княземъ Вишневецкимъ представляетъ образецъ тѣхъ междоусобій, которыя непрерывно терзали Литву и Польшу и не позволяли этимъ государствамъ принять правильную благоустроенную форму. Списокъ лицъ, пріѣхавшихъ на присоединеніе земли Волинской къ Польшѣ, заключаетъ подробное исчисленіе шляхетскаго сословія въ повѣтъ Владимірскомъ; дѣла тяжбы, помѣщенные во 2 томѣ, даютъ ясное понятіе о древнемъ судопроизводствѣ, особенно дѣло о убіеніи Москвитянина Ивана Калымета, гдѣ мы находимъ искъ о убійствѣ, со всеми подробностями. Наконецъ тяжба Курбскаго съ Василиемъ Красецкимъ наглядно представляетъ чудовищное устройство государства, въ которомъ Король, Стефанъ Баторій, грозившій съ своею стотысячною арміею завоевать Московское государство, не могъ управиться съ простымъ шляхтичемъ, издѣвавшимся надъ законами и властію королевскою.

Заканчиваемъ краткое указаніе драгоцѣнностей, заключающихся въ книгѣ. Средняя Русская Исторія обязана профессору Иванишеву наиважнѣйшими данными. Изданіе истинно ученое, степенное, строгое, основательное. Вотъ тѣмъ подвигается наука впередъ! М. П.

126. *Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. Сост. А. Мартыновымъ. Текстъ Н. М. Снегирева. Годъ 3-й. Тетрадь девятая. М. 1850. Въ листъ.*

Въ этой тетради заключаются слѣдующія статьи и рисунки: 1) Церковь Рождественскаго монастыря въ Владимирѣ Кляземскомъ; 2) Восточныя ворота этого же монастыря; 3) Архидерейскій домъ во Владимирѣ-на-Клязьмѣ; 4) Церковь Рождества въ Путинкахъ въ Москвѣ; 5) Скитъ Геосиманскій близъ Троице-Сергіевой Лавры, и 6) Каменный мостъ на Москвѣ-рѣкѣ. — Изъ нихъ особенно-любопытно описаніе Геосиманскаго скита, гдѣ авторъ распространяется вообще о деревянныхъ постройкахъ древней Руси, и описаніе Каменнаго моста, со множествомъ новыхъ свѣдѣній.

Скажемъ здѣсь кстати, что Г. Мартыновъ предпринялъ новое изданіе, которымъ приобрѣтетъ еще большее право на благодарность отечественныхъ археологовъ, именно: *Памятники древняго художества въ Россіи*. Оно будетъ выходить, подобно «Русской старинѣ», выпусками.

127. *Историческій атласъ древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Сост. К. Твельмейеромъ. Спб. 1850. Выпускъ первый.*

5 раскрашенныхъ картъ въ большой полулистъ.

Учебное руководство, для военныхъ заведеній, тщательно составленное и прекрасно изданное. Пять картъ, составляющихъ первый выпускъ его, изображаютъ: I. а) древнѣйшія государства въ Азіи; б) Персидская монархія при Кирѣ и его преемникахъ; в) монархія Александра Великаго, съ означеніемъ его походовъ; г) окончательное раздѣленіе монархіи Александра послѣ сраженія при Ипсѣ. II. а) Римская имперія въ обширнѣйшемъ ея объемѣ, съ показаніемъ раздѣленія на префектуры и провинціи, при чемъ означенъ годъ приобретенія каждой области; б) раздѣленіе Римской имперіи на восточную и западную, съ означеніемъ городовъ, рѣкъ и проч. замѣчательныхъ мѣстъ въ древней исторіи; движеніе Кимбровъ и Тевтоновъ; колоніи Финикіянъ. III. Великое переселеніе народовъ съ означеніемъ движеній различныхъ племенъ и указаніемъ мѣстъ, гдѣ и когда они утвердились окончательно. IV. Европа въ VI столтіи по Р. X. V. Европа въ X и XI в. по Р. X.

128. *Краткій обзоръ царствованія благословеннаго Дома Романовыхъ. Сост. З. Воробьевъ. Спб. 1850. Стр. 65.*
въ 12 д. л.

Авторъ имѣлъ цѣлью составить руководство для чтенія въ низшихъ классахъ военно-учебныхъ заведеній, но оно слишкомъ кратко!

129. *Статистическое обозрѣніе внешней торговли Россіи, Г. Небольсина, удостоенное Русскимъ Географическимъ Обществомъ полной Жуковской преміи. 2 ч. Спб. 1850. Стр. XIII и 409, XII и 495 въ 8 д. л.*

Департаментъ внешней торговли ежегодно издаетъ таможенные отчеты, подъ заглавіемъ: «Виды государственной внешней торговли.» Эти отчеты и послужили Г. Небольсину главнымъ матеріаломъ при составленіи «Статистическаго обозрѣнія.» — Всѣ главные, отпускные и привозные, товары авторъ раздѣлилъ на три отдѣла. Въ первомъ разсматриваются жизненные припасы (хлѣбъ, соль, скоть, мясо, напитки, чай, сахаръ и проч.); во второмъ: прядильные и ткацкіе матеріалы, потомъ фабричныя матеріалы и сырые продукты разнаго рода (сало, масляныя сѣмена, лѣсной товаръ, металлы, кожа, воскъ, краски, и проч.). Наконецъ въ третьемъ отдѣлѣ авторъ дѣлаетъ общій обзоръ отпуска и привоза всѣхъ товаровъ, и въ заключеніе представляетъ любопытные сравнительные выводы о внешней торговлѣ Россіи и главныхъ иностранныхъ государствъ. Количество и цѣнность товаровъ обозначены съ 1822 до 1846 годъ, которымъ оканчивается двадцатипятилѣтіе со времени введенія охранительнаго тарифа въ Россіи; сверхъ того, при нѣкоторыхъ присовокуплены сравнительные выводы объ отпускѣ и привозѣ за предыдущіе годы, съ половины или конца XVIII столѣтія. При обзорѣмъ заграничнаго сбыта нашихъ товаровъ обращено вниманіе на соперничество другихъ странъ съ Россіею въ этихъ же статьяхъ; означены таможенныя пошлины, взимаемыя съ главныхъ товаровъ какъ въ Россіи, такъ и въ иностранныхъ государствахъ, чтобы можно было судить, въ какой степени тарифныя постановленія и перемѣны въ нихъ имѣли вліяніе на ходъ торговли. Словомъ, каждый предметъ разсмотрѣнъ, со всѣхъ сторонъ,—и «Ста-

эстетическое обозрѣніе» представляетъ вѣрную картину начала, развитія и современнаго состоянія высшей торговли Россіи.

130. Новое небо съ новыми звѣздами, или повѣствованіе о чудесахъ Богородицы, почерпнутое изъ достоверныхъ преданій и древнихъ лѣтописей, изуменомъ Іоанникиемъ Галатовскимъ. Пер. А. Плохово. М. 1850. Стр. 129 въ 8 д. л.

Авторъ «Новаго неба» — знаменитый богословъ XVII вѣка, Іоанникій Галатовскій, бывший ректоромъ Кіевской Академіи, а потомъ архимандритомъ въ Черниговѣ и Новгородѣ-Сѣверскомъ. Во время гоненій отъ униатовъ и католиковъ на Православную Церковь, малороссійскія церкви избрали его, вмѣстѣ съ Лазаремъ Барановичемъ, для сочиненія возраженій противникамъ и для защиты Православія. Слава объ учености Галатовскаго была такова, что въ 1671 году онъ былъ призванъ въ Москву, и говорилъ проповѣдь въ присутствіи Царя Алексѣя Михайловича. Богословскіе труды его, всѣ напечатанные на польскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ, довольно многочисленны. «Новое небо» издано было первоначально во Львовѣ (1665), потомъ въ Черниговѣ (1694) и Могилевѣ (1699), также на обоихъ языкахъ. Теперь, благодаря усердію г-жи Плохово, оно является и на Русскомъ, — и хотя духовная наша литература имѣетъ уже нѣсколько сочиненій, посвященныхъ жизни Пресв. Богородицы и чудесамъ, коими ознаменовались многія иконы ея, — но подобныя книги, въ какомъ бы числѣ онѣ ни являлись, никогда не могутъ быть лишними, доставляя пищу любителямъ назидательнаго чтенія.

131. Раздѣль. Комедія въ 3 д. Соч. Кн. Г. Эристова. Тифлисъ. 1850.

Комедія, написанная въ Грузіи на туземномъ языкѣ, напечатанная въ Тифлисѣ и игранная тамъ, любителями, съ большимъ успѣхомъ — не правда ли, что такое явленіе не должно пройти незамѣченнымъ, особенно, если оно не лишено нѣкоторыхъ литературныхъ достоинствъ. Расскажемъ въ немногихъ словахъ содержаніе комедіи:

Жили-были въ Грузіи три брата, Князя Дидебуладзева, Андуканаръ, Павелъ и Иванъ. Старшій былъ вдовъ и зани-

мался ничего-недѣланьемъ, средній, предоставивъ всѣ хозяйственныя хлопоты своей женѣ, наслаждался охотой, а младшій, воспитывавшійся въ Россіи, только что пріѣхалъ изъ Варшавы. Знакомый съ жизнію образованною, хотя поверхностно, привыкнувъ къ ней, Князь Иванъ хочетъ преобразовать свой домашній бытъ, ввести другой порядокъ въ хозяйство: но какъ это сдѣлать? Глава дома старшій братъ, а онъ и слышать не хочетъ о перемѣнахъ. Одно средство — раздѣлиться и устроить свой участокъ какъ задумается. Но родные ни за что несогласны на раздѣлъ, считая его позоромъ для своей фамиліи. — «Раздѣлиться, говоритъ старшій братъ: — что же я буду значить тогда? Вѣдь это на радость врагамъ! Гдѣ же покажусь я по раздѣлу?... Не понимаю, что съ ними дѣлается тамъ въ Россіи, объѣдаются что ли чего? Вѣдь я самъ былъ въ Моздокъ, однакожь съ ума не сходилъ!» Рѣшено, что Князь Иванъ — сумасшедшій, и управляющій дома глубокомысленно замѣчаетъ, что «отъ русскихъ морозовъ мозгъ стынетъ въ головѣ.» — Къ счастью, на помощь бѣдному Князю и раздѣлу является Армянинъ-торговецъ, Микиртумъ Гаспаричъ Трдатовъ, которому старшіе братья Дидебуладзевы должны значительную сумму. Двѣ заботы у него на рукахъ: этотъ долгъ, который растетъ, не уплачиваясь, и дочь-невѣста, которая растетъ въ ожиданіи жениховъ. Какъ согласить эти разнородныя заботы, какимъ образомъ, набавившись отъ одной, сбуть и другую? — «Да выдать дочь за Князя Ивана, совѣтуетъ управляющій, а векселя пойдутъ вмѣсто приданаго.» — Микиртумъ Гаспаричъ находитъ эту мысль превосходною, и немедленно приступаетъ къ Князю Ивану съ намеками и предложеніями. — Выписываемъ эту дипломатическую сцену:

Микиртумъ (входя). Здравѣе жалаимъ, Князь!

Иванъ. А-а! Микиртумъ Гаспаричъ! какъ ваше здоровье?

Микиртумъ. Благодаримъ пукурна.

Иванъ. Что васъ заставило побезпокоиться, мой Микиртумъ Гаспаричъ?

Микиртумъ. Я, Князь, немножко вексиль перемѣнать надо сдѣлать вашимъ братьямъ.

Иванъ (ерустно). Сколько они вамъ должны?

Микиртумъ. Андуканарски долгу петтисичъ четири сто двацать два рубля; Павле тисичъ рубли и шедедесетъ кашикъ....

Иванъ. А процентовъ сколько, мой Микиртумъ?

Микиртумъ (озираясь). Не много! 15 капикъ!

Иванъ. Это ужасно, Микиртумъ! это не честно!

Микиртумъ (смѣясь). Кнѣзь! Одинъ латая (притчу) на счетъ скажу (*напльвомъ*):

Кто на свѣтъ честна будить,

Будить наситъ хлѣба гудить, (т. е. будетъ ходить пѣшкомъ съ мышкомъ).

(Смѣясь). Что дѣлимъ? Кнѣзь! наши крестьянъ, наши плугъ, наши хлѣбъ — прументы. Пускай ваши брать даваитъ мене налична.... казунъ процентъ буду довольна.... Сколько годъ ани должень.... я до сихъ поръ капикъ не знаитъ. Одинъ преди — ступай мене рзариль. Бажусь, Кнѣзь, лошадь за одна кунецъ птара рубли плачу. Я такъ повѣрилъ вашу брату, обеспечить ничего не имью.... Кнѣзь! отчего ви эти не дѣлитъ, крестьянъ управляитъ?.... Аднакъ я слыхаль, брати ваши дѣлицъ хочатъ?

Иванъ. Да, нада мнѣ раздѣлиться.

Микиртумъ (таинственно). Ви умна! смотри, не обманпсь! Андуканаръ немножка пальшиви. Смотри, а-а!

Иванъ. Кто мнѣ говоритъ! и я должень переносить, потому что говоритъ правду! Боже мой, Боже мой!

Микиртумъ. Одинъ-да скажу: когда ваши спори — хлопоти кончить, тогда службу нада.... засидатиль, градничъ! жалони хороши дѣла!

Иванъ. Нѣтъ, брать. Я хозяйничать хочу. Мнѣ не до службы.

Микиртумъ (къ сторонѣ). Пустой Грузинъ! (*Съ грустнымъ участіемъ*) Кнѣзь! Хлѣбъ свить моуравъ да можить. Служба лучи, почотни; засидатиль тисичъ плучаитъ; тисичъ шцо такъ придетъ.

Иванъ. Какъ? вятки брать?!!

Микиртумъ. Ва!... Что онъ гварить? Для мнѣ ты дѣлъ сдѣлшишь.... я за твой потъ 20 червоницъ тебе дамъ.... въ вятки?

Иванъ. Нѣтъ! это не мое дѣло.

Микиртумъ. Кнѣзь! Ежли хозеннъ-мазеннъ будишь, хозникъ-да пода....

Иванъ. Вѣроятно.... но надо прежде влюбиться.

Микиртумъ. Шцо латая (притчу) скажу:

Лубить нада красавица,

Гдѣ карманъ денги водитца!

Если денги нѣту жена,

Нада кушить простой пшена!

* Т. е. по 15 коп. сер. въ мѣсяцъ на каждые 10 руб., что собственно составляетъ 15%.

Иванъ (смѣясь). Bravo, Микиртумъ, bravo!

Микиртумъ. Да, Кнѣзь, денги, этъ свѣтъ денги, денги! всѣ другой не правда. На твой хазеймазействида денги нада!

Иванъ. Такъ что-жъ? Займу изъ Банка! Теперь у насъ вѣдь Банкъ есть.

Микиртумъ. О Кнѣзь! Банкъ?! Кленусь тебе, покамись возміошь, чихотка будить. Одинъ годъ писалъ нашъ Іоване; сколько опись сдѣлалъ, всѣ збркавали. Дасадна сталъ, рзарвалъ, да бросилъ. Изъ этъ цѣля исторія выходитъ. Спрашвить: кто тебе давалъ крестьянинъ? Дукументъ, гварить, пкажи.... Наши денги лучше, Кнѣзь! Ви тамъ денги взялъ; ижли прасрочилъ, одивъ минутъ — транкъ, млатокъ ударить и крестьянъ въ торгъ пайдотъ. Ва-а! Ми уступать дѣлимъ. Аднакъ прощай Кнѣзь! Дай Богъ ваши споръ харошо кончить.

Между тѣмъ, благодаря изворотливости жены средняго брата, бой-бабы, и секретаря суда, который дѣйствуетъ съ нею заодно, родные Кнѣзя Ивана соглашаются на раздѣлъ, и, при избранныхъ посредникахъ дѣлятся. На долю Кнѣзя Ивана, между прочимъ, достается долгъ Микиртуму Гаспаричу, потому что, говорятъ братья, эта сумма взята была нами во время твоей поѣздки въ Варшаву; слѣдовательно.... слѣдовательно Ивану не остается болѣе ничего дѣлать, какъ покориться этому мудрому рѣшенію, тѣмъ болѣе, что вѣдаться съ судами онъ не мастеръ. Микиртумъ Гаспаричъ является къ новому своему должнику, съ предложеніемъ переѣхать въ село, да кстати и жениться на его дочери. Въ первую минуту Кнѣзь принимаетъ его предложеніе за шутку; но когда безотвязный Армянинъ яркими красками расписываетъ красоту своей Шушани,* говорить,

* Глазь имѣть, какъ астрахански икра
Губи сладки, какъ тростъ кандійски,
Росту тонки испагански;
Кто увидить, всѣки поклавница;
Шен ровни какъ хрустали рассейски,
Псматри, Кнѣзь, мой Шушани!

Красавица, я да оказалъ,
Другой такой ти не видалъ.
Разни знайтъ танци вальци,
Будишь любить мой Шушани.

==

что за нею будетъ и хорошее приданое, и Князь заживать припѣваючи, будетъ кушать пилавъ и разныя сласти, — когда наконецъ, объявляетъ, что и онъ скоро будетъ не просто Микиртумъ, а что-нибудь повыше, потому-что представилъ документы о своемъ происхожденіи отъ великаго Тиридата: тогда, склоненный всѣми этими доводами, молодой Князь рѣшается посмотреть прекрасную Шушани, — и комедія оканчивается сценой прѣзда его въ домъ Микиртума Гаспарича, сценой, которая ясно говоритъ зрителю, что желанное бракосочетаніе не замедлитъ воспослѣдовать.

Какъ первый опытъ писателя, незнакомаго съ условіями сцены, и написанный не для театра, «Раздѣлъ» долженъ былъ принять съ особеннымъ одобреніемъ. Характеръ Микиртума Гаспарича развитъ очень хорошо; нѣкоторыя сцены довольно эффектны; недостатки же выкупаются любопытною картиною Грузинскихъ нравовъ. О слогѣ пьесы мы не можемъ судить: въ переводѣ съ Грузинскаго языка на Русскій, онъ, вѣроятно, значительно измѣнился....

Изъ газеты «Кавказъ» узнаемъ, что въ Тифлисъ играна была новая комедія автора «Раздѣла»: *Тяжба*, — и имѣла большой успѣхъ. Нетерпѣливо ждемъ появленія ея въ переводѣ, чтобы имѣть больше основаній судить о степени дарованія автора.

Латая да скажу аднакъ:
 Ти розъ, а мой Шушанъ — фіалкъ.
 Мой Шушани хороши, съ денги;
 Будишь лубить мой Шушани.

==

Давай, Князь, рука на бей,
 Андуканаръ въ глава да бей.
 Будишь имѣть икипажи,
 Будишь лубить мой Шушани.

==

131. Домашняя исторія, оригинальная комедія въ 1 д., въ стихахъ. Соч. П. Григорьева 1-го. Спб. 1849. Стр. 60 въ 8 д. л.

132. Минералчныя воды, водевилъ въ 1 д. Пер. съ Франц. Д. Ленскаго. М. 1850. Стр. 33 въ 12-ю д. л.

По волѣ случая, вслѣдъ за произведеніемъ закавказской драматургіи намъ приходится говорить о произведеніяхъ Талии Петербурга и Москвы — одномъ оригинальномъ, другомъ переводномъ. Безъ всякихъ сравненій расскажем содержаніе того и другаго.

«Домашняя исторія» заключается въ слѣдующемъ:

У генерала Крутинскаго есть 19-лѣтняя дочь Вѣрочка, красавица собой. Какъ попечительный отецъ, онъ заблаговременно хочетъ пристроить ее къ мѣсту, и съ этой цѣлю прискиваетъ ей приличную партію. Но дочка, гостя у дальней своей родственницы, Уткиной, успѣла уже сдѣлать выборъ, и чтобъ избавить отца отъ хлопотъ, вышла замужъ за своего учителя, Курбетова, который приходится племянникомъ Уткиной, имѣетъ 25 лѣтъ отъ роду, довольно-силенъ въ грамматикѣ и логикѣ, но слабенецъ здравымъ разсудкомъ, такъ-что даже непонятно, какъ могла полюбить его Вѣрочка. Новобрачная чета, втайнѣ наслаждаясь медовымъ мѣсяцемъ, прівзжаетъ къ Крутинскому вмѣстѣ съ Уткиною, которая, по свойственной старушкамъ страсти къ сватовству, устроила этотъ бракъ. Генералъ, не подозрѣвая ничего, представляетъ дочери жениховъ: господина Болтовню, котораго можно и миновать, и графа Брацкаго, котораго должно избрать, не смотря на его почтенныя лѣта. Какъ тутъ быть? Дѣйствительный мужъ проситъ Вѣрочку открыть все отцу, та умоляетъ его принять эту трудную обязанность на себя; слезливая Уткина въ отчаяніи.... Какъ водится въ комедіяхъ и водевиляхъ, генералъ подслушалъ этотъ семейный споръ, обнаружившій предъ нимъ страшную тайну, и разумѣется, пришелъ въ грозное негодованіе, что «глупая дѣвочка изволить обожать того, въ комъ нѣтъ ни чести, ни душѣнки.» При этихъ словахъ самолюбіе развязываетъ домашнему

учителю робкій языкъ, Курбетовъ отвѣчаетъ генералу, что хотя онъ бѣденъ, но честенъ, и прокормить жену трудами рукъ своихъ, а деньги и брилліанты выбросить въ окно! (Выходка, очень извинительная въ устахъ учителя красно-рѣчія.) Гнѣвъ генерала мало-по-малу стихаетъ, и подъ конецъ бури старикъ находитъ, что у домашняго учителя есть и амбиція, и характеръ, и душенка; а такъ какъ сдѣланнаго не воротить, да и комедіи кончиться пора, то и благословляетъ «милыхъ дѣтей своихъ» на открытую брачную жизнь....

Мысль «Домашней исторіи» далеко не новая, и успѣла уже избиться въ романѣ и въ комедіи; характеры, выведенные въ ней (если только можно назвать характерами эти блѣдныя лица), тысячу разъ являлись и тамъ и сямъ. Впрочемъ г. Григорьевъ, благодаря своей сценической опытности, умѣлъ придать нѣкоторую занимательность ходу всей пьесы, и, написанная довольно-гладкими стихами, она читается легко, а на сценѣ даже имѣла хорошій успѣхъ. Чего-же болѣе? Спасибо Аполлону и за это!

—
Что такое минеральныя воды?

Ты здѣсь людей увидишь всѣхъ сортовъ:
 Вельможъ, купцовъ, артистовъ, игроковъ.
 Спѣшать сюда купаться на водахъ —
 А между-тѣмъ купаются въ долгахъ.
 У дамъ въ умъ одно лишь щегольство,
 А у мужчинъ игра и мотовство;
 И чистятъ здѣсь не кровь, а кошельки —
 Пиры, балы, швеи и игроки.

Серьезно-больные
 Не ѣздить сюда;
 Возжи такіе
 Лишь кассъ бѣда.
 Повѣрь, будь покоенъ,
 Увидишь, дай срокъ:
 Въ здоровьѣ разстроенъ
 Лишь твой кошелекъ.

Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что на минеральныя воды пріѣхала *лечиться* госпожа Валькуръ, жена богатаго негоціанта, чрезвычайнаго добряка, но который имѣлъ несчастье отказать ей въ покускѣ дачи и або-

ниментъ на ложу въ оперѣ. Этотъ отказъ и есть причина болѣзни г-жи Валькуръ. На водахъ она живетъ отлично, веселится, кокетничаетъ, особенно съ молодымъ докторомъ Адольфомъ, который умѣетъ прописывать такіе милые, удачные рецепты, что чудо. Напримѣръ:

Въ нашъ вѣкъ медицина
 Постигла свое;
 Не фактъ, а причина
 Важна для нее.
 Мы нынче не любимъ
 Латинскихъ мытарствъ,
 Здоровья не губимъ
 Наборомъ лекарствъ.
 А главное дѣло
 Извѣдать въ тиши —
 Болѣзни — не тѣла —
 Болѣзни души.
 У насъ въ гигиенѣ
 Всѣ средства легки:
 Концертъ отъ мигрени,
 Кадриль отъ тоски;
 Спектакль интересный
 Полезенъ подъ часъ....

—
 Вы докторъ чудесный,
 Я слушаю васъ!

воскликаетъ г-жа Валькуръ въ восторгѣ, и еще болѣе молодится. Докторъ не прочь отъ ухаживанья за нею, потому-что этотъ маневръ прикрываетъ его страстную любовь къ Евгеніи, старшей дочери г-жи Валькуръ. Только еще готовясь быть сыномъ Эскулапа, онъ уже понаторѣлъ въ любовной наукѣ, и пересылаетъ къ Евгеніи нѣжную записочку подъ видомъ рецепта. Во время этихъ модныхъ леченій пріѣзжаетъ самъ г. Валькуръ съ какимъ-то чудачкомъ г. Бильбоне, котораго прочить въ мужья своей дочери. Докторъ заблаговременно устраняетъ своего соперника, увѣривъ его, что онъ опасно боленъ и непременно долженъ пользоваться самыми горячими ваннами. На бѣду пожаловалъ отецъ влюбленнаго доктора, старый другъ Валькура, и узнавъ, что сынъ пошелъ по его слѣдамъ, съ

радостью начинает экзаменовать новичка въ медицинѣ. — «Ну, что скажешь объ этой болѣзни?» спрашиваетъ онъ у сына. Адольфъ путается въ словахъ, краснѣетъ, смущается, потому-что смыслить въ медицинѣ столько-же, сколько и въ китайскомъ языкѣ. — «Да вотъ рецептъ, который онъ только-что прописалъ мнѣ,» говоритъ Евгенія, подавая отцу Адольфа полученную ею любовную записку. Старикъ беретъ рецептъ, читаетъ.... «Обожаю васъ....» Гмъ! такъ вотъ что! Дѣлать нечего: знать, не суждено сыну быть наслѣдникомъ отцовской практики; пусть идетъ по другой дорогѣ. Добрый старикъ улаживаетъ дѣло, соединяетъ влюбленныхъ и даже миритъ Валькура съ его женой-прихотницей. Словомъ, всѣ остаются довольны, въ томъ числѣ и публика, которая уже не разъ благодарила г. Ленскаго за удачный выборъ пьесъ и за искусный переводъ ихъ.

133. Непродолжительность любви. Романъ Поль-де-Кока. Пер. съ Франц. 2 ч. М. 1850. Стр. 149 и 171 въ 12 д. л.

Поль-де-Коку посчастливилось въ нашей литературѣ, и едва-ли найдется хотя одно его произведеніе, которое не было-бы пересажено на русскую почву, и не доставляло бы удовольствія извѣстному кругу читателей, во мнѣніи которыхъ онъ стоитъ ни чуть не ниже гг. Сю и Дюма съ К^о. Но съ другой стороны, и злая доля выпала ему: всѣ его дѣтиса являются у насъ въ такомъ неопытномъ, иногда безобразномъ, видѣ, что ихъ совѣстно въ руки взять. У себя на родинѣ — они народъ немножко-вѣтренный, легкомысленный, любятъ поболтать, пощеголять двусмысленными остротами, покутить, поглазѣть на соблазнительную сцену; но, не смотря на всѣ эти шалости, они въ сущности добрые малые, пороки которыхъ возбуждаютъ въ васъ не отвращеніе, а улыбку и мысль, что рано или поздно они исправятся. У насъ, на «россійскомъ» языкѣ, эти добрые малые — просто изъ рукъ вонъ, по милости гг. переводчиковъ, къ которымъ вполне идетъ итальянская пословица: traditori — traditori. Знаменитые парижскіе фланёры, вивёры, бонвиваны и шалуни-гризетки — предметъ особенной любознательности путешественниковъ — всѣ они какіе-то

неучи, и не умѣютъ сказать двухъ словъ порядочно; разговоръ ихъ пересыпанъ солью, но не аттической, а бузномъ; шутки грязны; каламбуры-сальны.... Нѣтъ, Польде-Кокъ не могъ написать такихъ неуклюжихъ сценъ, говорить читатель съ первыхъ-же страницъ. Онъ столько же свойственны его таланту, сколько вѣренъ переводъ его фамиліи на русскій языкъ, сдѣланный однимъ филологомъ, который утверждалъ, что Польде-Кокъ значить, ни болѣе ни менѣе, какъ *Павелъ Пытуховъ*....

На этомъ основаніи мы избавляемъ себя отъ обязанности говорить о «Непродолжительности любви»; а русскую читающую публику просимъ не тревожить мирнаго сна этого романа въ мѣшкахъ букинистовъ.

134. Бабушка-ворожея, или ты задумай, а я отгадаю! Подарокъ краснымъ дѣвицамъ и добрымъ молодцамъ. Сост. П. Татариновъ. Спб. 1850. Стр. 22 въ 12 д. л.

Что за урожай пришелъ на гадателей! Гадаютъ прозой и стихами, на картахъ и на рукахъ, на кофе и на бобахъ, — и если не всегда отгадываютъ, такъ ужъ непременно что-нибудь себѣ да выгадываютъ. Г. Татариновъ ворожить на двестишійхъ. Метода употреблена имъ старинная — бросанье хлѣбнаго шарика на цифры, но вмѣсто угрюмаго Сатурна съ кругомъ времени на плечахъ, у него изображено *сердце*, пронзенное стрѣлою, что, конечно, лучше. Жаль только, что сердце это черное, а не розовое; отъ этого всѣ предсказанія г. Татаринова являются во мракъ. Напримѣръ, всѣмъ добрымъ молодцамъ толкуется, чтобы они не пили водки, не ходили по трактирамъ:

Трактиры позабудь, туда ты не ходи,
И чтобы счастливымъ быть — одну ее люби.

А краснымъ дѣвицамъ сулятса хотя богатые, но болѣею частію глупые женихи:

Мужикъ онъ славный, глуповать,
За то богатъ....

Ахъ бабушка-ворожея! вѣрно на старости лѣтъ вы сами не помните, что говорите, и пишете мыслете, когда хотѣли написать какую-то мысль, да еще въ добавокъ моральную.

Причуды. Комедія П. Н. Меншикова. (Современникъ, 1850, N VIII).

Наша литература такъ бѣдна драматическими произведеніями, что всякое явленіе, выходящее сколько-нибудь изъ общаго уровня пошлости и посредственности, задуманное съ серьезною мыслию или отдѣланное съ нѣкоторымъ изяществомъ, возбуждаетъ невольное къ себѣ сочувствіе, превосходящее часто самое достоинство произведенія. Жадно раскрываемъ мы каждую новую русскую драму, и еще болѣе каждую новую русскую комедію, съ надеждою найти въ ней разработаннымъ какой-либо новый пластъ богатаго содержанія, представляемаго многообразнымъ русскимъ бытомъ, тронутую какою-либо новою пружиною. Почему, спросятъ насъ, отъ драмы въ особенности ждемъ и требуемъ мы такихъ психологическихъ и историческихъ откровеній? Да просто потому, что драматическая форма была, есть и будетъ въѣздомъ и вершиной поэзіи, полнымъ и цѣльнымъ отраженіемъ народной жизни, народнаго сознанія и народнаго созерцанія. Истина общезвѣстная, избитая едва-ли не до пошлости, но повторить ее поневоль, когда на страницахъ русскаго журнала встрѣчаешь переписанною и принятою за новость фельетонную мысль иностраннаго, что вся задача драматурга состоитъ въ томъ, чтобы *занимать и забавлять* публику, что въ этомъ едва-ли не вся заслуга Шекспира!—Шекспира, который, какъ извѣстно всякому, кто только мало-мальски знакомъ съ нимъ, какъ-будто нарочно избѣгая всякаго рассчитаннаго на успѣхъ эффекта, пренебрегалъ всякимъ случаемъ исторгнуть успѣхъ однимъ голымъ драматическимъ положеніемъ!.... Не здѣсь мѣсто разсуждать о томъ, въ какой степени Шекспиръ былъ сценическимъ поэтомъ: во всякомъ случаѣ, онъ не былъ никогда поэтомъ сценической рутинѣ и никогда не писалъ ничего помимо глубокой внутренней основы, а мы, и не смотря на всѣ новооткрываемыя истины, будь онѣ англійскія, французскія, нѣмецкія или русскія — остаемся при томъ убѣжденіи, что безъ

серьезнаго содержанія и безъ серьезнаго взгляда на жизнь не мыслимо истинно-драматическое произведеніе.

Вотъ почему такъ рѣзко и прямо, хотя, можетъ быть, неполно, высказали мы наше мнѣніе объ одномъ изъ послѣднихъ явленій нашей современной драматургіи; вотъ почему, съ другой стороны, мы хотимъ говорить и серьезно и подробно о серьезномъ произведеніи г. Менщикова: «Причуды.» Принадлежи комедія г. Менщикова къ тому-же жалкому роду произведеній, въ которыхъ дѣйствуютъ небывалые Князья или Тамарины, съ претензіей на разочарованіе, удивляющіе деревенскихъ людей тѣмъ, что они завтракаютъ вмѣсто того, чтобъ пить чай, надувающимися какъ мыльные пузыри своимъ дешево-пріобрѣтеннымъ скептицизмомъ, — мы бы ни слова не сказали о ней, или пожелали бы ей только счастливаго пути въ тотъ кругъ читателей, которые добродушно вѣрятъ еще въ существованіе Князей, Ардатовыхъ или Тамариновыхъ, какъ другіе вѣрятъ еще въ существованіе огненныхъ змій, лукаво-возмущающихъ нравственность супруговъ и домашнее спокойствіе супруговъ. Но комедія умнаго и наблюдательнаго автора «Шутки» не имѣетъ претензіи ни на великосвѣтскость, ни на изображеніе разочарованныхъ героевъ, ни на ту тонкость, къ которой, какъ нельзя лучше, идетъ Гоголевское восклицаніе: «галантерейное, чортъ возьми, обращеніе!» Она просто умна, она безпритязательна — это маленькая комедія: все отзывается въ ней здоровымъ взглядомъ рускаго человѣка, на всемъ печать ловкой наглядки и остроумія, не напрашивающагося насильственно на ваше вниманіе. Здѣсь нѣтъ господъ, кото~~рые~~е, съ перваго появленія, такъ и говорятъ вамъ: «вы, господа, смотрите на меня; я вѣдь не то, что вы думаете, я демонъ»; или: «я не просто блѣдный сколокъ съ довольно-ходульнаго лица въ «Маскарадѣ» Лермонтова, я самъ по себѣ, я — Ардатовъ, я хочу мстить самъ не знаю почему и для чего, такъ, отъ пустоты душевной....» Въ комедіи г. Менщикова дѣйствуютъ все люди очень простые, не задорные, люди такъ себѣ, какихъ много найдется на Руси, какихъ вы признаете, пожалуй, своими знакомыми.

Позвольте-же рассказать вамъ, что это за люди и что они дѣлаютъ на бѣломъ свѣтѣ.

Пріѣхала московская барыня Размазова, съ сынокомъ Викторомъ и дочерью Кларою, въ далекое захоlustье просторнаго Русскаго царства. Авторъ превосходно очертилъ ее однимъ примѣчаніемъ: «Размазова — московская барыня, съ простымъ, нѣсколько-грубымъ лицомъ — *важная особа по своимъ понятіямъ.*» Что она важная особа — это видно изъ того, что она удивляетъ деревенскихъ людей великосвѣтскими привычками, какъ упомянутый нами Тамаринъ удивлялъ завтракомъ добродушнаго сосѣда; въ ней также есть своего рода скептицизмъ; онъ выкаывается невѣріемъ въ цивилизацію уѣзднаго города и великосвѣтско-равнодушнымъ: э! на рассказъ сосѣдки о хорошемъ тонѣ въ домѣ того или другаго помѣщика: она не знаетъ, разумѣется, ничего, что у нея дѣлается подъ носомъ, не знаетъ, что значитъ взломать овесъ, что такое левада. Это ужъ видно въ натурѣ русскаго человѣка, чтобъ онъ именно того-то и не знаетъ, что у него подъ носомъ и къ занятію чѣмъ предназначила его судьба. Дочка ея Клара, т. е. Клеопатра, *барышня съ безжизненною физиогномією, считающая себя красавицею, потому что высока ростомъ (такъ!)*, съ такимъ-же скептицизмомъ, не знающая ничего ровно, ни русскаго, ни даже иностраннаго, такъ что ее поправляютъ даже уѣздыя барышни, читающія по-крайней-мѣрѣ отъ доски до доски и изъ строки въ строку русскіе журналы (такъ!). Они знаютъ, напримѣръ, что *Ecole des vieillards* сочинилъ Делавинъ, а не Мольеръ, знаютъ, что «Библиотеку для чтенія» издаетъ Сенковскій, знаютъ имена русскіхъ актеровъ, а Клара и этого даже не знаетъ, хотя живетъ въ Москвѣ и была въ Петербургѣ. Сынокъ Размазовой, Викторъ — пустѣйшій изъ московскихъ денди, тоже скептикъ въ своемъ родѣ, не смотря на свою непреходимую глупость.

Барыня Размазова, пріѣхавши въ глушь, рѣшительно не хочетъ держаться пословицы: «съ волками жить, по волчьи быть»; забываетъ, что къ ней никто не пріѣдетъ, если она не сдѣлаетъ перваго визита. И точно, ѣздить къ ней очень не многіе, именно: помѣщикъ Арбузовъ, чело-

вѣкъ, по всему видно, обуреваемый страстью быть сватомъ и вообще путаться въ чужія дѣла изъ чистаго дилетантизма, да барыня Крюкова — деревенская барыня съ нѣкоторыми претензіями на свѣткость и съ дочками. Бесѣдой Крюковой съ старымъ лакеемъ Размазовыхъ, Анисимомъ, въ ожиданіи уѣхавшей куда-то Размазовой, и открывается комедія. Крюкова, разумѣется, любитъ повывѣдать подробности чужой домашней жизни; Анисимъ, представитель стараго поколѣнія Ванекъ и Гришекъ, до старости радъ тоже изливать свои неудовольствія на новый порядокъ вещей, и изливаетъ ихъ чрезвычайно-наивно. «Нынче все по нѣмецкому маниру, сударыня: кушать изволятъ господа, «трое (лакеевъ) и прислуживаютъ тольکو. Прежде бывало «баринъ самъ-четверть за столъ сядутъ, а всѣ семь лакеевъ стой тутъ; гости придутъ, аоть бы человекъ десять тольکو, такъ и псарей нарядятъ, и ткачей иной разъ пошлютъ: бриться приказано было ткачамъ, на всякій случай. Вотъ теперъ, насъ кого въ Москву возьмутъ, кого по «оброку пустить хотятъ. Даромъ, говорятъ, мѣсячину получаемъ. Разореніе господамъ.» Жалобы его, какъ видите, чрезвычайно-естественны; въ одномъ мѣствѣ только вкралось словцо, не соответствующее понятіямъ лакея: *Все, видите, кака-то политическая экономія пошла.* Положимъ, что лакей и слыхалъ этотъ терминъ, и могъ употребить его въ разговоръ, только бы онъ непременно наломалъ его по своему, обдѣлалъ бы какъ слѣдуетъ. Анисимъ уходитъ чистить ножи, боясь, что «опять гнѣваться будутъ». Крюкова остается одна съ дочерьми, Полиною и Надиною, довольно-миловидными барышнями небольшого роста въ очень-длинныхъ платьяхъ. Полина и Надина... но авторъ такъ безпритязательно и мило обрисовалъ ихъ, что мы рѣшаемся цѣликомъ выписать сцену между ними и матерью, одну изъ самыхъ лучшихъ сценъ въ пьесѣ по мастерству и тонкости обработки:

Крюкова. Что имъ такъ вздумалось ѣздить въ Васильевку...

Полина. Прокатиться хотѣла.

Крюкова. Ахъ, Боже мой, что за жадность така! Мало у васъ дома ягодъ. Все какъ бы только чавкать что-нибудь. Смотрц, у тебя губы какія.

Полина (вытирая губы). *Да я всею-то день модки....*

Крюкова. Двѣ ягодки! И платье-то.... ахъ, Боже мой и платье выпачкала.

Полина. Не видать.

Крюкова. Поправь хоть этакъ немножко. Да кто это одѣвалъ тебя? кто тебѣ платье застегивалъ?

Полина. Аксинья.

Крюкова. А вотъ я ей *домовязой* велю.... Да, правду сказать, стануть онѣ миого о барышняхъ думать, коли барышни день-деньской на качеляхъ съ ними.

Надина. Съ кѣмъ же намъ качаться?

Крюкова. А вотъ я велю срубить ихъ. Хоть-бы вариацин какія на фортепьяно выучили. *Что за васъ денегъ переплатили!* Дождитесь, скоро васъ возьметъ кто-нибудь.

Надина. Да еще бы вы намъ платьевъ порядочныхъ не сдѣлаете.

Крюкова. Какія вамъ еще платья сдѣлать, коли вы одѣться не умѣете!

Надина. Да отъ того, что у насъ сшито всегда Богъ знаетъ какъ. Что вы не отдали шить, какъ мы были въ городѣ? Воуѣ Блинова — и поменьше нашего состояніе, а смотрите какъ одѣта всегда хорошо. Корсеты изъ Москвы: ну, и талія хороша, разумѣется.

Крюкова. Да ужъ откуда ни выпиши корсеты, хоть изъ Парижа прямо, а у кого съ утра до вечера ротъ набить, никакой корсетъ не поможетъ.

Полина. Не молодомъ же сидѣть.

Крюкова. Ну и пейдите на себя. Не думаю я, однакожь, чтобы Размазовъ женился скоро: нынче молодежь-то Богъ знаетъ что такое.... да и женится если, такъ найдетъ и не у насъ. Видь эти столичные привыкли видѣть женщинъ-куколокъ, а чтобы *цѣтъ лица хорошей былъ, такъ это и не съ модъ нынче.* Впрочемъ, какъ знать чего не знаешь: мало-ли что кому нравится. Ахъ, Боже мой, Боже мой!.... По-французски то вы, тово, не очень много распространяйтесь; съ нашими, въ деревнѣ, другое дѣло, а за Размазовыми вамъ не угоняться.

Надина. Какъ же, татап, коли кто начнетъ по-французски, какъ-же не отвѣчать?

Крюкова. Ну, отвѣтитъ или опуститъ словцо-другое, да и съхватъ по-русски. Сами-то по-крайней-мѣрѣ не задирайте по-французски.»

И понятія и выраженія дѣйствующихъ лицъ — въ высшей степени вѣрны здѣсь дѣйствительности, хотя вся сцена есть не что иное, какъ намекъ на отношенія, набросанныя мастерски, но нисколько не развитыя. Можетъ-быть, подобнаго рода комедіи слишкомъ еще тонки, нѣсколько не по времени и не по быту, требующимъ красокъ болѣе яркихъ, анализа болѣе глубокаго и суроваго. Развейте-ка отношенія этой матушки, имѣющей претензіи на образованность, и желающей сбить съ рукъ дочерей — невѣсть, сбить во что-бы то ни стало, сбить *quand tѣme* въ ущербъ и къ здоровью, во вредъ ихъ будущему благосостоянію къ этимъ достолюбезно-наивнымъ дочкамъ, у которыхъ

подъ корою простоватости таятся всѣ пороки, вся безнравственность жалкой полуобразованности,—и вотъ вамъ сцены въ pendant къ извѣстному «Отрывку» великаго поэта; вотъ вамъ матушка ничѣмъ нелучше той, которая во *глюбы то ни стало* хочетъ поверстать въ юнкера почти тридцатилѣтняго сына, которая для достиженія своей цѣли — разстроить невыгодную женитьбу, готова сдружиться съ грязнымъ Собакинымъ. Г. Меншиковъ не хотѣлъ взрѣзывать аналитическимъ ножомъ ровней и нѣсколько-смѣшной поверхности этихъ отношеній, не хотѣлъ, да и не могъ, по самому роду своего таланта, которому дано только вѣрно и метко схватывать лишь то, что выплыло на самую поверхность. Благодарность ему и за то, что онъ не клеветаетъ на жизнь, не преувеличиваетъ рѣзко-выдающихся комическихъ сторонъ, не пересаливаетъ. Отвѣты Надины и Полины наивны до комизма, даже милы, если хотите; а взгляните-ка опять попристальнѣе въ психологическія основы этихъ отвѣтовъ, въ причины, почему у нихъ, на примѣръ, по энергическому выраженію матушки, «съ утра до вечера ротъ набить». Почему-то эти лица напомнили намъ одну, теперь забытую, повѣсть и въ особенности одно лицо этой забытой повѣсти. Повѣсть эта напечатана въ одномъ изъ журналовъ въ 1845 году и называется *Старое Зеркало*; въ эстетическомъ отношеніи она страдаетъ многими странными промахами и недостатками, но на ней лежитъ слѣдъ тяжелой, грустной думы и строгаго, хотя нѣсколько односторонняго, анализа: всѣ идеальныя лица не удались автору, но за то вездѣ, гдѣ коснулся онъ повседневныхъ явленій, онъ прослѣдилъ ихъ съ безошадною послѣдовательностью мысли, созрѣвшей въ опытахъ жизни. Намъ вспомнилась эта повѣсть, съ такою-же, какъ Полина и Надина, наивною, простоватою и миловидною барышнею, о которой дворовые говорили: «Марья Ивановна молодецъ; она умѣетъ обращаться съ нашимъ братомъ: она и въ кухню зайдетъ, и на скотный дворъ прибѣжить, и окрикъ дастъ», — съ этой, по выраженію отца козыремъ-дѣвкой, имѣющею обратиться въ послѣдствіи въ бой-бабу, ужъ какъ способною держать въ ежовыхъ рукавицахъ слабодушнаго господина, плѣннившагося ея *милою* непосредственностью. Въ

такую-же бой-бабу имѣютъ обратиться со временемъ и Полина и Надина, обѣ выкроенныя почти - безразлично на одну мѣрку, и такъ слегка, но такъ мѣтко очерченныя не многими и краткими отвѣтами въ выписанной нами сценѣ. Повторяемъ: все достоинство этой сцены — въ мѣткости и простотѣ очерка.

Вслѣдъ за этимъ является и м-мъ Размазова, и въ разговорѣ ея съ Крюковой высказывается весь ея *скептицизмъ*, какъ мы уже упоминали. Въ ней и въ ея дочкѣ Кларѣ — совершенно-одинаковое невѣжество въ отношеніи ко всему, что у нихъ подъ носомъ. Увѣдныя барышни видятъ ясно всю простоту столичной, и одна изъ нихъ спрашиваетъ ее между прочимъ: «вы знаете, что такое овца?» на что та отвѣчаетъ съ полнымъ самодовольствомъ знанія: «слава Богу! за кого вы насъ считаете? овца — это мадамъ барань....» Сынокъ Размазовой, Викторъ, еще пошлѣе и пустѣе своей сестрицы. Онъ точно такъ-же скептически издѣвается надъ увѣднымъ городомъ, предполагая, что въ собраніяхъ танцуютъ тамъ экосезъ, а не польку. Бѣдный! онъ нисколько и не подозреваетъ, что въ отношеніи къ человѣческому достоинству и къ человѣческой гражданственности, онъ едва-ли стоитъ не ниже увѣдныхъ барышень, съ которыми корчитъ скептика и разочарованнаго, — что въ нихъ есть хоть что-нибудь да свое, а въ немъ положительно ничего нѣтъ. Оставшись одинъ, онъ рѣшительно не знаетъ что ему дѣлать, хотѣ бы стрѣлять что-ли, да и стрѣлять онъ не умѣетъ, не знаетъ ни одной птицы по виду, словомъ, ничего не знаетъ, что бы помогло ему убить время. На помощь призываетъ онъ лакея Леанасія, но тотъ не въ состояніи растолковать ему, что тутъ за птица летаетъ, и призываетъ Собакинскаго мужика Трифона. Трифонъ рассказываетъ ему, что водятся у нихъ и баранчики, т. е. бекасы, что они варятъ ихъ во щакъ, что много и раковъ въ рѣкѣ тоже, которыхъ они тоже варятъ въ водѣ: «снадобья» то благо не надо никакого; зачерпнулъ воды—вотъ и все тутъ. А соли? — спрашиваетъ Викторъ. «Соль-то, баринъ, стоитъ чего-нибудь: какъ-же ее на гадину изводить?» Викторъ на-

конецъ приносить ружье: онъ стрѣляетъ, но попадаетъ вмѣсто птицы въ подвернувшася какъ-то Трифона.

Дѣйствіе переносится въ деревню г-дъ Собакиныхъ, людей совсѣмъ инаго покроя. Собакинъ — пожилой человекъ съ нѣскольکو-суровой физиогноміей, съ практическимъ смысломъ, который указалъ ему на пользу дѣльной образованности, заставилъ его читать статьи о сельскомъ хозяйствѣ и т. д. Природа этого господина немного черства, если хотите; практичность его доходитъ до того, что онъ изъ всего хочетъ извлечь выгоду, даже изъ увѣчья Трифона, и выгода у него на первомъ планѣ; любовь къ комфорту и удобствамъ жизни стоитъ у него еще на низшей степенн; безъ жены-бы онъ, напримѣръ, не понялъ, что не дурно лакеямъ за столомъ быть и безъ гостей въ перчаткахъ; вообще на счетъ изящныхъ вкусовъ и привычекъ многого отъ него не спрашивайте, но зато онъ горячо — и мало того горячо — разумно любитъ свою дочь, какъ мы увидимъ впоследствии, хотя и здѣсь безъ благодѣтельнаго вліянія жены, онъ, быть можетъ, и не понялъ-бы вещей какъ слѣдуетъ. Его лучшее качество — любовь и уваженіе къ женѣ, выражающіяся не въ гнусномъ положеніи мужа подъ башмакомъ, а въ разумномъ сознаніи превосходства ея пониманія надъ его пониманіемъ. Между нимъ и его женою — не маниловскія отношенія, не сентиментальная дружба, а благородная увѣренность другъ въ другъ. Жена Собакина — не молоденькая женщина, съ весьма-пріятнымъ, умнымъ лицомъ и хорошими манерами; она не только знаетъ цѣну образованности, но истинно-образована: изящныя привычки обратились у нея въ натуру, а прямое разумнѣе долга жизни и исполненіе его дали ей много уваженія къ самой себѣ, много терпимости и снисходительности къ другимъ. Ея не удивить столичная барыня аристократическими замашками, потому-что, гдѣ-бы и съ кѣмъ-бы она ни находилась, тонкое женское чутье покажетъ ей, какъ вести себя съ достоинствомъ; съ другой стороны, вслѣдствіе той-же самой образованности, въ ней нѣтъ закоренѣлой и упорной замкнутости, нѣтъ дикой вражды къ хорошему-чужому и столько-же дикой любви къ дурному-своему. Не сдѣлалась

она такъ-же ни синимъ чулкомъ, ни суровой проповѣдницей: она съумѣла найти дѣло жизни вокругъ себя, не разошлась съ окружающимъ ее людомъ; она понимаетъ все, даже удовольствіе играть въ карты въ деревнѣ, точно такъ-же какъ понимаетъ наслажденія болѣе изящныя.

Подъ вліяніемъ такихъ началъ сложилась счастливо-устроенная природа дочери Собакиныхъ. Именно, это природа счастливая, въ которой все стройно, ладно и соразмѣрно, нѣтъ ничего угловато-выставившагося впередъ. Вы не назовете такой природы богатою, потому-что, какъ извѣстно, въ богатыхъ природахъ много пищи для добра и зла, для мукъ и счастья, и Богъ знаетъ куда еще поведетъ ихъ случайность, Богъ знаетъ еще что таится для нихъ въ будущемъ. А за Елену Собакину можно быть совершенно-покойнымъ. Она не страстна и, притомъ, все въ ней подчинено ясному, простому практическому взгляду на вещи. Это не строгая пуританка въ родѣ Клариссы Гарлоу: Кларисса, какъ вы знаете, погибла, не смотря на свой пуританизмъ и, можетъ-быть, вслѣдствіе этого пуританизма; съ другой стороны, это не барышня въ родѣ Полины и Надины. Ей все понятно и доступно, но только въ мѣру, въ извѣстныхъ границахъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она нисколько не самоувѣренна. Это отсутствіе самоувѣренности въ особенности и предохраняетъ ее отъ всякихъ неразумныхъ увлеченій. Вотъ отрывокъ изъ ея разговора съ столичнымъ фатомъ:

Елена. Въ Петербургѣ хорошо зимой, а лѣтомъ-то, я думаю, въ деревнѣ лучше. Да и что за неволя стѣсняться цѣлый вѣкъ, между тѣмъ какъ въ деревнѣ некуда деньги дѣвать. Мы не можемъ прожить очень много. Попробуйте-ка напять въ Петербургѣ такую квартиру, какъ нашъ домъ съ садомъ, — да тутъ половины доходовъ съ имѣнія мало — а намъ здѣсь ничего не стоитъ; столъ тоже стоитъ очень мало, а въ Петербургѣ все это очень дорого, говорятъ. Ну-съ, а экипажъ, туалетъ... Конечно, у кого много денегъ, въ Петербургѣ очень хорошо жить; а чтобы при маленькомъ состояніи стѣсняться по доброй волѣ, я не понимаю.

Викторъ. А за то сколько удовольствій! опера, балетъ, концерты, собранія, гулянья...

Елена. Все это хорошо для богатыхъ людей. Я про нихъ и не говорю. А часто-ли небогатые, не дѣлая долговъ разумѣется, могутъ ѣздить въ театры да въ собранія? Одинъ вечеръ въ театрѣ, да недѣлю жить въ тѣсной квартирѣ! три раза въ собранія, да цѣлый годъ думать объ экономіи! Я опять не говорю о тѣхъ, которые обязаны жить въ Петербургѣ; ну,

а тѣ, которые не обязаны? Какая разница, при одинаковыхъ средствахъ, въ столѣ въ Петербургѣ и въ уѣздѣ, гдѣ всякая провизія нишечемъ? Могутъ ли очень прихотничать небогатые люди въ Петербургѣ, гдѣ все такъ дорого! Сошьютъ нѣные парадное платье для собранія, да и наквитываютъ тѣмъ, что *даютъ какую-нибудь пустую кашку*: вотъ вамъ петербургскія удовольствія!

Викторъ. Мнѣ кажется, въ деревнѣ любятъ покушать хорошо.

Елена. Да идтъ-жъ не любятъ? И есъ бы любили, я думаю, да обстоятельства не позволяютъ. Что-жъ это за человекъ, который не знаетъ, что такое вкусъ, которому все равно, что бы ни псть. Я понимаю еще, что можно жертвовать собою иногда, переносить непріятные часы за пріятныя минуты; но чтобы, какъ говорить, есъ женщины, которые готовы годъ просидѣть въ тюрьмѣ, съ тѣмъ чтобы онѣ по два раза въ недѣлю были на багѣ, этого я не постигаю. Впрочемъ, вѣдь надо и то сказать, еслибы я жила всегда въ Петербургѣ, я бы, можетъ быть, иначе думала, я бы тоже, можетъ статься, согласилась терпѣть голодъ, чтобы быть иногда на багѣ въ собраніи. Я осуждаю другихъ, проповѣдываю вамъ, а между тѣмъ, признаюсь, пѣшкомъ пошла-бы иной разъ въ городъ потанцовать на багѣ: такая ужъ видно натура женская.

Да, такова натура и Елены, только эта натура рано оставила себя въ границы, подѣ влияніемъ началъ отца и матери. Правда и то, что на натуре пламенную; эти начала, не смотря на свою мягкость и разумность, подѣйствовали бы скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно.

Съ такой-то женщиной, въ 19 лѣтъ совершенно-свободной и развязной, но вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяющей себѣ увлекаться ничѣмъ мишурнымъ и ложнымъ, сталкивается пустоцвѣтъ Викторъ, пріѣхавшій къ Собакину для объясненій по дѣлу объ увѣчи Трифона. Объясненія кончились дружелюбно (Собакинъ извлекъ изъ этого случая возможную пользу — невѣсту для одного парня изъ своихъ крестьянъ), Викторъ остается обѣдать по приглашенію радушныхъ Собакиныхъ, и въ первомъ-же разговорѣ съ бойкою, умною дѣвушкою разбить въ пухъ и прахъ. Она увидѣла его насквозь, увидѣла всю его пустоту и безосновательность, сквозь мишуру свѣтскаго фатства. Она не враждуетъ съ нимъ, она его даже не презираетъ — хуже того, она его любитъ какъ мебель, привываетъ къ его глупой и скучной болтовнѣ, какъ привыкаешь къ глупому стуку маятника.

И вотъ мы опять у Размазовыхъ. Въ домѣ у нихъ все носить на себѣ печать богатства и безхозяйно-

сти: мѣстами карнизъ обвалился и по стѣнамъ слѣды протечи; все дышетъ вялою скукою и грубой лѣнью. И м-мъ Размазова и Клара, наединѣ безъ гостей, сидятъ въ дезабилье весьма не изящномъ. Кларѣ не чѣмъ заняться, потому-что нельзя-же вышивать по допотопнымъ рисункамъ Крюковыхъ, нельзя читать русскихъ книгъ и т. д. Даже матушка, и та говоритъ ей: *«все ужъ лучше шить подтяжки, чѣмъ такъ болтаться по горнищамъ.»* Заходитъ разговоръ о Викторѣ и о его частыхъ поѣздкахъ къ Собакинымъ.... М-мъ Размазова сначала и вѣрить не хочетъ, чтобы сынъ ея, за котораго пойдетъ богатая графиня Трезвонова влюбился въ какую-то м-ль Собакину, не говорящую по-французски, но, наконецъ, принуждена повѣрить, когда онъ самъ говоритъ ей объ этомъ. Сначала она и слышать не хочетъ, но прѣзжаетъ Арбузовъ и улаживаетъ все дѣло: во-первыхъ, онъ увѣряетъ, что Елена говоритъ по-французски, а во-вторыхъ убѣждаетъ слѣдующимъ резонномъ: «Ахъ, матушка, не знаете вы развѣ нынѣшнюю молодежь? Проговорился, что жениться хочетъ, да благо, что на порядочной, не на мамзель Плезиръ какой-нибудь, — я-бы сейчасъ и обвинчалъ его поскорѣе, а то еще отдумаетъ пожалуй.» Размазова почти убѣждена; дѣло только въ томъ, кто первый сдѣлаетъ визитъ? Арбузовъ и это обдѣлываетъ: онъ придумываетъ свести Собакиныхъ съ Размазовой на свадьбѣ парня Собакиныхъ съ дѣвкой изъ деревни Размазовой.

Свадьба — прекрасныя эпизодическія сцены, подтверждающія наше мнѣніе о ловкой наблюдательности Г. Менщикова. Мы не выписываемъ ихъ, но не можемъ не замѣтить одной удачной черты. Женихъ Дементій осерчалъ на то, что гости не оставили ему молочной каши, ушелъ стругать ножомъ палку и на всѣ уговоры идти сидѣть съ невестой, отвѣчаетъ: «экъ пристали! Есть тамъ народу. Кашу ѣли, такъ и не вдогадъ было;» на вопросъ-же: что подумаютъ добрые люди? — «А кашу ѣли добрые люди, не подумали, что дескать жениху-то останется-ли?....»

На этой свадьбѣ, Размазова знакомится съ Собакиными, потомъ рѣшается ѣхать къ нимъ сватать своего сына. Слухи объ этомъ дошли до Собакиныхъ и прежде;

они спрашиваютъ Елену, пошла-ли бы она за Виктора; Елена отвѣчаетъ: «нѣтъ.» «А отъ чего-бы напримѣръ?» спрашиваетъ Собакинъ, кажется, не совсѣмъ изъ простаго любопытства и не совсѣмъ изъ чистаго желанія узнать мысли дочери, а чуть-ли не съ затаеннымъ расположеніемъ къ такому браку. «Да что, папенька, за nevoля такая?» отвѣчаетъ Елена — «ужь онъ такъ глупъ иногда! Гостемъ онъ, ну еще положимъ, хоть и вретъ иной разъ такую чепуху, ну да по-крайней-мѣрѣ занимаетъ иногда, старается угодить, и въ карты играетъ, и на охоту ходить съ нами.» Мать подтверждаетъ ея взглядъ. Собакинъ замѣчаетъ: «ну, хорошо, посватайся-ко онъ, въ самомъ дѣлѣ — другое запоете.» Приѣзжаетъ Арбузовъ и съ радостью объявляетъ имъ, что Размазова пріѣдетъ свататься. Каково-же удивленіе этого радушно-хлопотавшаго человѣка, когда извѣстіе встрѣчаютъ безъ восторга, безъ удовольствія, когда говорятъ ему, что Леночка не пойдетъ за Размазова. Онъ въ толкъ не можетъ взять, почему? На слова ихъ, что Викторъ глупъ, Арбузовъ отвѣчаетъ по-своему очень резонно: «Да что-жь вамъ, въ самомъ дѣлѣ, кого-жь вамъ надобно, чтобы сочиненія сочинялъ что ли? Чѣмъ-же онъ глупъ, я не знаю.»

Собакина. Да что за nevoля съ дуракомъ-то жить? И въ гости онъ пріѣдетъ, такъ надобѣтъ иной разъ. А тутъ, всякую минуту думать, чтобъ онъ глупость какую не отпустилъ, краснѣть за мужа... *что надо думать о женщинѣ, которая вышла за дурака, зная напередъ объ этомъ?»*

Арбузовъ. Ахъ матушка, да она умна, такъ въ руки возьметъ его.

Собакина. Что-жь это такое значить — въ руки возьметъ? Нянькой его будетъ, или выманитъ, что-бы онъ все имѣніе перетисалъ на ея имя?

Арбузовъ. А что-жь такое? Онъ ее любить. Можетъ быть, она и успѣла бы сдѣлать, что онъ хоть не все имѣніе, а хоть половину переписать на ея имя!

Не правда-ли, что Арбузовъ очень наивенъ, не правда-ли, что онъ имѣетъ полное право удивляться упорству этихъ чудаковъ? Еще болѣе изумлена м-мъ Размазова. Да и представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, ея положеніе? Она пріѣхала въ дурную погоду, Богъ знаетъ къ какимъ-то Собакинымъ, она, съ такимъ торжествомъ, съ такимъ сознаниемъ своего достоинства, сказала имъ: «а вотъ я вамъ жениха посватаю, такъ ужь не голъ по крайней-мѣрѣ»,

и эти слова встрѣчены какъ-то странно, съ какимъ-то холоднымъ удивленіемъ. Вѣрная своей натурѣ, м-мъ Размазова замѣчаетъ съ маленькою злобою: «Ну послѣ того, какъ онъ столько времени ѣздитъ къ вамъ, всякій день почти, мудренаго нѣтъ,» — чтобы вполнѣ огромиить своимъ великодушіемъ, напоминаетъ, что за Виктора «графиню Трезвонову съ удовольствіемъ-бы отдали», а Собакины только благодарятъ ее за честь, говоря, что надобно спросить, согласна-ли дочь. «Ну, конечно, разумѣется» говоритъ м-мъ Размазова; «впрочемъ, я думаю, нечего тутъ будетъ ни принуждать, ни уговаривать» — «Вы полагаете?» замѣчаетъ Собакина. — «Я увѣрена почти» отвѣчаетъ барыня. «Сынъ-то мой увѣренъ по крайней мѣрѣ.» — Въ самомъ дѣлѣ, по своей невообразимой пошлости, Викторъ убѣжденъ, что въ него нельзя не влюбиться. Зовутъ Елену, и мать боится, не схитрила-ли она ужъ прежде въ разговорѣ съ ними, мучительно трепещеть, когда Размазова самодовольно и торжественно говоритъ: «Bonjour, ma bonne amie. Пожалуйста-ка къ отвѣту.» Но Елена все также: она удивляется, когда Размазова говоритъ о неравнодушіи ея къ Виктору, поясняетъ такъ просто и вмѣстѣ такъ убійственно-равнодушно ихъ отношенія. Размазова не просто сконфужена — уничтожена, хоть Собакина и говоритъ: «кто-жъ будетъ знать, что онъ сватался? Будьте увѣрены, мы не станемъ рассказывать.» А Арбузовъ все таки въ толкъ не возьметъ — какъ это отказали Виктору? И онъ — и прежде того м-мъ Размазова, все добиваются, не замѣтили-ли, что у Виктора дурной характеръ, не захаль-ли онъ какъ нибудь сюда нетрезвый?... «Нѣту, нѣту» отвѣчаетъ очень просто Собакина. »Да если-бъ это и случилось съ кѣмъ, не на вѣкъ-же изъ этаго репутацію терять.» — «Ну признайтесь мнѣ, — говоритъ наконецъ нимало не убѣжденный Арбузовъ — «главная-то причина какая, что Елена Тимофеевна не хочетъ выдти за Размазова?»

«Да говорятъ вамъ, ума въ немъ мало», повторяетъ Собакина.

Слѣдя содержаніе комедіи г. Менщикова, мы имѣли въ виду преимущественно и почти-исключительно ея до-

стоинства, мы читали часто, такъ-сказать, между строками, многое пополняли, поясняли и даже угадывали — вѣрно-ли, нѣтъ-ли — судить конечно не намъ. Въ этомъ-то и заключается главный видимый недостатокъ комедіи: много обозначено въ ней слишкомъ уже тонко, почти полунамекомъ; многое другое напротивъ отдѣлано съ излишнею подробностью, съ тою щепетильною тщательностью, которая такъ-же неумѣстна въ ней, какъ неумѣстна и вредна была-бы отдѣлка мелочей на самомъ заднемъ грунтѣ картины. Есть множество сценъ, множество длинныхъ разговоровъ, которые несколько не ведутъ къ дѣлу, которые прямо подмѣчены въ дѣйствительности и случайно перешли на бумагу. Отъ этого, въ комедіи г. Менщикова нѣтъ перспективы, нѣтъ выступающимъ характеровъ, нѣтъ истиннаго комизма: онъ пропадаетъ, или загроможденный кучею лишнихъ подробностей, или недосказанный. Нѣтъ въ ней, однимъ словомъ, того качества, безъ котораго не въ силахъ ничего сдѣлать ни умъ, ни наблюдательность: нѣтъ творчества, котораго самое названіе желали-бы стереть съ лица земли многіе изъ quasi-литераторовъ. Сцены г. Менщикова — умная, но холодная копія съ дѣйствительности; прочтя ихъ, скажешь, пожалуй: это могло быть такъ, но не скажешь, т. е. не почувствуешь, что это непременно должно было быть такъ. Отсутствіе творчества отразилось здѣсь во всемъ: и въ эпизодахъ неискусно-впутанныхъ, и въ резонерствѣ, и въ самомъ языкѣ наконецъ, списанномъ прямо съ дѣйствительности и мертвомъ какъ сколокъ. Нѣтъ даже словъ, которыя бы рѣзко характеризовали лица, — нѣтъ потому, что такихъ словъ не дается простому кописту.

А, между-тѣмъ, все-таки умная комедія принадлежитъ къ числу попытокъ, о которыхъ стоитъ говорить серьезно. Въ ея ловкихъ и бойкихъ намекахъ есть *правда*: и этого довольно, этого даже много.

АНТИКРИТИКА.

О новой статьѣ Г. Вельмана.

Г. Вельманъ — пріятный повѣствователь, воображеніе у него живое, игривое, языкъ легкій: вотъ его достоинства. Всякую его піеску, страничку, сцену, прочтешь на досугъ съ удовольствіемъ, но науки строгія, исторія, философія, особенно нынѣ, имѣютъ иныя требованія....

Въ одной достойной археологической книгѣ сказано было, что князь Андрей, «на пути изъ Владимира въ Суздаль, остановился на мѣстѣ, указанномъ ему чуднымъ явленіемъ, положилъ основаніе двумъ каменнымъ церквямъ, князьему двору, и оставивъ тутъ чудотворную икону, назвалъ мѣсто Боголюбимымъ.»

Разбирая эту книгу, я замѣтилъ, что Андрей ѣхалъ не изъ Владимира въ Суздаль, а изъ Суздаля, или лучше, черезъ Суздаль, во Владимиръ.... А такъ какъ это мѣсто, Боголюбово, находится нынѣ за Владимиромъ, то и должно было прибѣгнуть къ догадкѣ, что въ древности была во Владимиръ другая дорога, чѣмъ нынѣ.

Г. Вельманъ въ своей антикритикѣ, оставивъ въ сторонѣ прочія разсужденія, старался доказать, что дорога была та-же.

Приведенныя имъ мѣста (см. Москвитянинъ N 11, с. 148) говорятъ скорѣе въ пользу моего предположенія, но еслибы и доказано было тождество дороги старой съ новою, то все-таки надо-бы было объяснить: какимъ-же образомъ Андрей на своей дорогѣ, во Владимиръ, очутился за Владимиромъ, т. е. въ Боголюбовѣ. Г. Вельманъ, употреблю его выраженіе, не распуталъ узла своимъ «мечемъ словеснымъ,» ни разрубилъ «мечемъ кованымъ,» а навязалъ нѣсколько новыхъ узловъ, что, разумѣется, бываетъ всегда легче.

Во второй своей статьѣ онъ предлагаетъ новое изслѣдованіе объ основаніи города Владимира.

Это изслѣдованіе напечатано въ Сѣв. Пчелѣ, гдѣ прошу Редакцію перепечатать для ея читателей и слѣдующіе мои отвѣты. Они будутъ очень кратки:

Г. Вельтманъ беретъ *въ основаніе* своего изслѣдованія Кенигсбергскій списокъ Нестора, почитая его, кажется, вмѣстѣ съ издателемъ, собственнымъ повѣствованіемъ Нестора.

Отвѣчаю: Кенигсбергскій списокъ изданъ Барковымъ, безъ малѣйшаго понятія о критическомъ изданіи, съ сокращеніями, поправками, исключеніями и прибавленіями. 80 лѣтъ назадъ изданіе осуждено Шлецеромъ, а теперь на всякой страницѣ его видны нелѣпости издателя; ссылаются на него, когда мы имѣемъ изданія Археографической комиссіи, не только странно, но дико. Это объ изданіи. Что касается до списка, до рукописи, то она гораздо моложе Лаврентьевскаго, какъ извѣстно всѣмъ. А Г. Вельтманъ исправляетъ наоборотъ Лаврентьевскій списокъ Кенигсбергскимъ! Это почти тоже, что исправляетъ Нестора Татищевымъ, и вообще всякій оригиналъ копіей.

Исправивъ, Г. Вельтманъ смѣло заключаетъ: «такимъ образомъ слова: *и иде въ свою волость Володимерю* (главныя слова) или просто слово *Володимерю* есть приписка.» (!!!)

«И какая-же волость Володимеря,» продолжаетъ онъ, «откуда она взялась въ то время, когда Георгій еще въ 1135 году отдалъ Ростовскую и Суздальскую волость брату своему великому князю Ярополку, въ замѣнъ выпрошенной у него Переяславской на Днѣпрѣ, и которыя безъ сомнѣнія возвращены ему въ 1151 году, съ тѣмъ, чтобъ онъ отправлялся во свояси и не мучилъ Руси?»

Здѣсь, что ни слово, то ошибка, и ошибка элементарная!

1. Г. Вельтманъ думаетъ, что Юрій оставался въ Переяславѣ съ 1135 до 1151 года, между-тѣмъ - какъ онъ тамъ оставался, можетъ-быть, нѣсколько дней только въ 1135 году. Переяславъ въ это время переходилъ изъ рукъ въ руки безпрестанно. Вотъ вамъ свидѣтельства, на кои, впрочемъ, какъ на общія мѣста, едва-ли нужно указывать:

1133. Ярополкъ приведе Всеволода изъ Новгорода, и да ему *Перелславль*; съ завтрія-же сѣде въ немъ, а до обѣда выгна Юрьи, стрый его, и сѣдъ въ немъ *8 дній*, и выведе братья его Ярополкъ изъ *Перелславля* за хрестное цѣлованіе, и посла Ярополкъ по другаго Мстиславича....

1134. Вячеславъ лишився *Перелславля*, не послушавъ брата своего Ярополка.

1135. Юрьн испросивъ у брата своего Ярополка *Переяславль*, а Ярополку дасть Суздаль и Ростовъ, и прочюю волость свою, но не всю, и про то заратишася Ольговичи. — Возникшая война кончилась тѣмъ, что «даша *Переяславль Андрееви* брату своему, а Володимеръ (Волынскій) *Изяславу Мстиславичу*.»

Этого-то, главнаго для него, обстоятельства, Г. Вельтманъ и не *примыслилъ*, при бѣглому, случайному знакомствѣ съ лѣтописями, и основалъ свое разсужденіе на его отсутствіи.

Ясно-ли, что Георгій владелъ Переяславлемъ очень короткое время? А вотъ свидѣтельства, что съ 1135 года Переяславль находится въ рукахъ Андрея, а не Юрья, которому дарить Г. Вельтманъ, — напр.

1140. Всеволодъ иде на *Андря* къ *Переяславу*.

1141. Преставися к. *Андрей* у *Переяслави*.

А Юрій все это время и слѣдующее былъ въ своемъ Суздаль, на что также есть положительныя и несомнѣныя доказательства:

1146. Святославъ (Ольговичъ) пославъ къ Юргевн у Суздаля: поди въ Русскую землю, налѣзи мнѣ брата.

2. «Какая волость Володимеря», спрашиваетъ Г. Вельтманъ. Отвѣчаемъ: «въ свою волость Володимерю» значитъ: въ свою волость, въ Володимеръ. Это дательный мѣстный падежъ, который безпрестанно встрѣчается въ лѣтописяхъ: Володимеру, Суздаю, Киеву, значитъ — въ Володимеръ, въ Суздаль, въ Кіевъ, — слѣдовательно доискиваться, какая волость Володимеря, нѣчего.

3. Переяславской области на Днѣпрѣ никогда не было, а Днѣпромъ отдѣлялась только Переяславская область отъ Кіевской.

Изъ Переяславля Г. Вельтманъ обращается въ Вавилонъ. Вотъ его слова: «повтореніе названій городовъ обыкновенно при переселеніяхъ. Такъ основался второй Вавилонъ въ Египтѣ, такъ переселенцы изъ Тира на Черномъ морѣ, основали Тиръ на Средиземномъ; переселенцы изъ Карфагена основали новый Карфагенъ въ Испаніи: такимъ-же образомъ, вѣроятно, Винета Адриатическая (Венеція) дала названіе Винетъ на Русскомъ островѣ.»

Для Г. Вельмана пространство какъ будто не существуетъ, и въ древности отъ Адриатическаго моря онъ перенялъ людей основать Винету скорѣе, нежели они могли-бы переѣхать теперь по желѣзнымъ дорогамъ. Я не смѣю спорить ни объ египетскомъ Вавилонѣ (!), ни о черноморскомъ Тирѣ въ Финикіи (!!), ни о Винетѣ изъ Венеціи, ни о русскомъ (!!!) Рюгенѣ, а обращаюсь къ нашему Владимиру: Г. Вельманъ думаетъ, что Владимиръ также, какъ Вавилонъ, основанъ Владимирцами (Волынскими), Переяславль-Залѣсскій Переяславцами, а Нижній-Новгородъ Новогородцами!

Нѣтъ. Владимиръ-Залѣсскій не могъ быть основанъ Владимирцами Волынскими, потому-что Владимиръ-Волынскій составлялъ совершенно-особое княжество, гдѣ Юрій никогда не владѣлъ, и гдѣ Изяславъ Мстиславичъ господствовалъ даже тогда, когда принужденъ былъ оставлять Кіевъ Юрью, — обо всемъ этомъ и говорить странно.

Потомъ Г. Вельманъ отвергаетъ прибавленіе Кіевской лѣтописи объ избраніи Андрея на свой столъ Владимирцами вмѣстѣ съ Суздальцами и Ростовцами.

Точно — Владимирцы тутъ не участвовали, но не потому, *чтобъ ихъ не существовало*, какъ утверждаетъ Г. Вельманъ, а потому, что на ихъ столъ сядъ уже и прежде Андрей.

Что говоритъ Г. Вельманъ о построеніи Владимира-Залѣскаго и его отношеніи къ Владимиру-Волынскому, — все это напоминаетъ критику времени Щербатова, Экина и Нехочина: для него всѣ лѣтописи равны, и древнія, и среднія, и новыя. Разбирать его построчно — нѣтъ ни нужды, ни пользы. А между-тѣмъ онъ рѣшается обвинять Карамзина: «отсюда уже слѣдуетъ ошибочное соображеніе Карамзина, что Владимиръ Мономахъ часто вѣдиль въ Ростовскую и Суздальскую землю, наследственную область Всеволодова дома, для хозяйственныхъ распоряженій, выбралъ прекрасное мѣсто на берегу Клязьмы, основалъ городъ» и проч.

Что Мономахъ вѣдиль часто въ Ростовскую и Суздальскую землю, это не соображеніе Карамзина, а извѣстіе самаго Мономаха, который ясно говоритъ о этихъ поѣздкахъ въ своей духовной.

Владимиръ-Волыньскій не могъ быть наследственнымъ у Всеволода, потому-что имя этого сына Володимирова, вмѣстѣ съ четырьмя другими, упоминается только однажды, и онъ умеръ, согласно съ общимъ мнѣніемъ, въ юности; Владимиръ-Волыньскій отданъ былъ Игорю Ярославичу, а послѣ него былъ долго въ распоряженіи Кіевскихъ Великихъ Князей.

А что Суздальская земля принадлежала къ наследственному владѣнію Всеволода, вмѣстѣ съ Переяславлемъ, это Г. Вельтманъ можетъ видѣть *на любой страницѣ* лѣтописей.

Между тѣмъ Г. Вельтманъ заключаетъ свое разсужденіе вотъ какъ:

«Оставляя удовольствіе находить чужія ошибки» (а мнѣ такъ не было никакого: о вкусахъ спорить нельзя), «и освободить истину изъ сѣтей» (развѣ запутывать?), «антикритикъ считаетъ обязанностью изложить и свои соображенія въ отношеніи возникшаго вопроса. Гдѣ жилъ Андрей до 1132 года? Онъ могъ жить или при отцѣ въ Суздаль, — говоритъ Г. Вельтманъ, — или въ помѣстьѣ своемъ Боголюбовѣ, по которому онъ получилъ, вѣроятно, прозвище: Боголюбскій.»

Г. Вельтманъ забываетъ, что Боголюбимое начинается и является въ лѣтописяхъ только съ 1155 года, и въ *самой той книгѣ*, изъ-за которой начался споръ, напечатаны слова, принятыя имъ подъ защиту, а именно: «на пути изъ Владимира въ Суздаль, Андрей остановился на мѣстѣ, указанномъ ему чуднымъ явленіемъ, положилъ основаніе двумъ каменнымъ церквамъ, князьему двору, и назвалъ мѣсто *Боголюбимымъ*.» Какъ-же могъ жить Андрей въ Боголюбовѣ до 1132 г., когда Боголюбовъ начинается слишкомъ чрезъ 20 лѣтъ послѣ?

А послѣ 1135 г. Г. Вельтманъ поселяетъ также изъ воображенія Андрея въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Юрьемъ, потому-что Суздаль принадлежалъ, по его мнѣнію, уже не Юрью, и потому, что у Юрья ничего уже не оставалось, кромѣ Московской области!!

Объ отобраніи Изяславомъ Переяславля у Георгія въ 1151 году, совершенно вновь изобрѣтенномъ *противъ* всѣхъ свидѣтельствъ, о предоставленіи ему Суздаля, объ убоицахъ

съ сыновьями старшаго брата Ростислава, коиъ тогда не было и быть не могло,—здѣсь также, что ни слово, то ошибка элементарная, но смѣлая,—мы пропустимъ ихъ и лучше приведемъ словопроизводство Г. Вельмана: «Боголюбъ — Славянское имя, (есть), двойственное отъ Богой и Любой, какъ Богуславъ, Богомиръ, Боговиту, Богорадь, Богомилъ...

А всего забавнѣе то, что въ новой своей защитѣ Г. Вельманъ, забывшись, пришелъ почти къ тому положенію, которое опровергалъ сначала у меня, а именно, что Андрей вѣхалъ не изъ Владимира въ Суздаль, а изъ Суздаля въ Боголюбовъ, — десять верстъ, и онъ былъ-бы со мною въ Володимиръ! Для чего-же написаны двѣ статьи, употреблено столько неблагодарнаго труда, и отнято столько времени отъ забавныхъ приключеній Чудодѣя, коиъ мы рады прочесть хоть въ тысячѣ и одной главахъ! М. П.

Село Порѣчье. Августа 4-го.

Р. S. Разбирать разсужденія Г. Вельмана о лѣтописяхъ, напр. о Кенигсбергскомъ спискѣ, который писанъ до Юанна III, потому-что тамъ имя Мономаха встрѣчается только однажды, — не считаю нужнымъ: знающіе улыбнутся сами, незнающіе позабудутъ. Но вотъ что объяснить должно въ отвѣтъ на нѣкоторыя выходки или замѣчанія Г. Вельмана. Онъ говоритъ: «нисколько не желаю бороться съ противникомъ, съ коимъ сладить нѣтъ силы, какъ называетъ самъ себя Г. Погодина....» Нѣтъ. У меня было сказано вотъ какъ, что я и повторяю: «пропускать доказательства противника, съ коими сладить нѣтъ силы....» Такъ псказать слова негодится.

Чертежъ Г. Вельмана напечатать вскорости отказалась типографія; впрочемъ слова лѣтописи ясны и безъ него.

Антикритикъ не скрывалъ своего имени отъ меня, но скрылъ отъ публики — и потому я въ отвѣтъ своемъ не имѣлъ права называть его по имени, а долженъ былъ обращаться къ нему, какъ къ неизвѣстному. Въ этомъ только случаѣ я и могъ называть его иногда добрымъ, иногда любезнымъ моимъ антикритикомъ.

Въ изслѣдованіяхъ о *всѣхъ* городахъ я ограничивался *первымъ* извѣстіемъ объ нихъ въ лѣтописяхъ, а разсуждать больше не относилось къ моей цѣли, потому и о Владимирѣ какъ Заѣвскомъ, такъ и Волынскомъ, приведены были у меня однѣ первыя извѣстія, что объяснено въ предисловіи, оставленномъ, какъ видно, безъ вниманія.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

136. Звѣздное небо. Очеркъ знаній о распредѣленіи звѣздъ въ пространство и ихъ взаимныхъ разстояніяхъ. Извлечено изъ сочиненій Струве, Гершеля, Аргеландера, Петерса, и др. М. Хотинскимъ (съ литогр. картами). Спб. 1849, въ 8-ю д. Стр. 92 и 24.

Études d'astronomie stellaire. Sur la voie lactée et sur la distance des étoiles fixes. Rapport fait à son excellence M. le comte Oubaroff, ministre de l'instruction publique et président de l'académie Impériale des sciences, par F. G. W. Struve, directeur de l'observatoire central de Russie et membre de l'académie. — S.-Pétersbourg, 1847. стр. 108 и 57.

Это глубоко-ученое разсужденіе издалъ Струве въ 1847 году. Главная цѣль Струве состояла въ изложеніи свѣдѣній объ устройствѣ млечнаго пути, извлеченныхъ изъ продолжительныхъ наблюденій В. Гершеля, Аргеландера, и самаго Струве, и также въ извѣстіи о новѣйшемъ трудѣ бывшаго астронома Пулковской обсерваторіи Петерса касательно годичнаго паралакса звѣздъ или ихъ разстоянія отъ земли. Для полноты изложенія Струве присоединилъ къ нему историческое обзорѣніе прежнихъ мнѣній, начиная со временъ Коперника, о расположеніи звѣздъ въ безконечномъ пространствѣ. Ученое сочиненіе Струве вполне заслуживало перевода на русскій языкъ; но чтобъ сдѣлать переводъ его доступнымъ для всѣхъ любознательныхъ русскихъ читателей, надобно было приложить къ нему многія объяснительныя примѣчанія. Въ выше-приведенномъ русскомъ сочиненіи оно во многихъ мѣстахъ сокращено.

Отд. IV.

4

Мы представимъ здѣсь отчетъ нашимъ читателямъ объ его содержаніи съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ поясненій, полезныхъ для любителей астрономіи.

Послѣ «введенія», Струве предлагаетъ историческое обзорѣніе мнѣній астрономовъ и философа Канта, объ устройствѣ вселенной, и въ особенности объ устройствѣ млечнаго пути, и потомъ переходитъ къ подробному разсмотрѣнію трудовъ Гершеля, посвятившаго всю свою жизнь для звѣздной астрономіи. Въ мнѣніяхъ астрономовъ, предшественниковъ Гершеля, заключается нѣсколько истинъ и нѣсколько предсказаній, выведенныхъ аналогически и впослѣдствіи подтвержденныхъ наблюденіями; но какъ въ аналогическихъ сужденіяхъ надобно соблюдать крайнюю осторожность, то тѣ-же мнѣнія астрономовъ и философа Канта, замѣнявшихъ часто строгую аналогію своимъ воображеніемъ, наполнились множествомъ положеній чисто-мечтательныхъ: знать эти мнѣнія любопытно, но не многому можно научиться изъ нихъ, и потому, миновавъ ихъ, займемся трудами Гершеля, а въ особенности его изслѣдованіями о млечномъ пути, изученіе котораго составляетъ главный предметъ сочиненія Струве.

Млечный путь, можетъ-быть, въ дѣйствительности или *физически* не существуетъ; можетъ-быть, онъ есть только оптическій призракъ: намъ только кажется, что въ этомъ поясѣ собрано безчисленное множество звѣздъ. Для рѣшенія этого сомнѣнія, надобно было сосчитать звѣзды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ, по-видимому, наиболѣе сгущены, и доказать, что съ удаленіемъ отъ этихъ мѣстъ число звѣздъ уменьшается, или за предѣлами млечнаго пути находятся болшія пространства, совершенно-беззвѣздныя. Такую трудную и почти-безконечную работу Гершель окончилъ въ теченіе немногихъ лѣтъ, употребивъ способъ, который онъ назвалъ *измѣреніемъ глубины неба* (*gaging the heavens*), и который состоялъ въ слѣдующемъ: взявъ телескопъ, чрезъ который можно видѣть на небѣ кругъ, имѣющій въ поперечникѣ 15', и направивъ его на одну часть неба, сосчитывалъ онъ число звѣздъ въ каждомъ изъ десяти упомянутыхъ круговъ, находящихся въ возможно-близкихъ между ними разстояніяхъ; сумму насчитанныхъ

звѣздъ раздѣлялъ на 10 или на число круговъ; частное число выражало *среднее* звѣздное богатство наблюдаемой части неба. Повторивъ тѣ-же наблюденія въ другихъ странахъ неба, и опредѣливъ ихъ *среднее* звѣздное богатство, Гершель могъ уже судить, что одна страна неба богаче другой вдвое, втрое, и т. д. или въ одной странѣ звѣзды стѣснены вдвое, втрое и пр. болѣе, нежели въ другой странѣ. Измѣряя такимъ образомъ глубину неба, Гершель находилъ на немъ столь бѣдныя части, что въ *полъ* своего телескопа видѣлъ только 5, 4, 3, 2, 1 звѣзду и даже въ *четыре*хъ *поллахъ* усматривалъ только по 3 звѣзды; и напротивъ во многихъ другихъ мѣстахъ телескопъ его наполнился 300, 400, 500 и даже 588 звѣздами. Въ этихъ богатыхъ странахъ, въ продолженіе четверти часа, проходило чрезъ его телескопъ до 116,000 звѣздъ. Чтобы объяснить такое неравномерное расположеніе звѣздъ въ небесномъ пространствѣ, Гершель долженъ былъ допустить, что млечный путь есть дѣйствительное соединеніе миллионовъ звѣздъ, составляющихъ отдѣльный слой, или пластъ (*a stratum*), содержащійся между двумя почти-плоскими и безпредѣльными поверхностями, или, по-крайнѣй-мѣрѣ, относительно протяженія этихъ поверхностей толстота пласта имѣетъ незначительную величину. Наше солнце принадлежитъ къ этому пласту, какъ звѣзда, ближайшая къ землѣ, и находится почти въ его срединѣ, какъ относительно толстоты, такъ и относительно прочихъ его размѣровъ. Допустивъ такое предположеніе, не трудно понять, что лучъ зрѣнія, направленный вдоль пласта, долженъ встрѣчать страны неба, наполненныя звѣздами; но лучъ зрѣнія, направленный по толстотѣ пласта, встрѣтитъ несравненно-менѣе звѣздъ, и именно тѣмъ менѣе, чѣмъ толстота менѣе длины пласта. Отъ этого происходитъ, что протяженіе пласта обозначается наибольшимъ *бѣловатымъ свѣтомъ*, и самый пластъ представляется на небесной сферѣ большимъ кругомъ. Часть млечнаго пути, отдѣляющаяся отъ главнаго пласта при созвѣздіяхъ Цефея и Кассіопеи, и потомъ соединяющаяся съ нимъ между созвѣздіями Скорпіона и Стрѣльца, доказываетъ существованіе побочнаго пласта, смыкающагося съ главнымъ подъ острымъ угломъ, почти въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится наша солнечная система.

Изъ своихъ измѣреній глубины неба, кромѣ заключенія о фигурѣ млечнаго пути, Гершель вывелъ замѣчательныя слѣдствія о разстояніяхъ звѣздъ. Когда звѣзды млечнаго пути расположены единообразно по всѣмъ его частямъ, и снарядъ наблюдателя достигаетъ до предѣловъ этого звѣзднаго пласта; тогда число звѣздъ, видимыхъ въ *полъ* телескопа, имѣеть столь тѣсную связь съ разстояніемъ глаза отъ упомянутыхъ предѣловъ, что по числу звѣздъ можно вычислять ихъ разстоянія, и на этомъ основаніи Гершель нашель, что, если въ *полъ* телескопа видимы:

Одна звѣзда, то ея разстояніе содержитъ 58 разстояній Сиріуса отъ земли.

10 звѣздъ.....	127,
20.....	160,
50	218,
100.....	275,
200	347,
300.....	397,
400.....	437,
500	471,
600.....	500.

Что-жь касается до самаго разстоянія Сиріуса отъ земли, то, по сравненію его свѣта со свѣтомъ солнечнымъ, Воластонъ нашель, что солнце сдѣлается звѣздою, подобною Сиріусу, когда его разстояніе увеличится въ 141,400 разъ.

Послѣ разсмотрѣнія млечнаго пути въ его общности, Гершель обратился къ излѣдованію его частей. Предварительныя наблюденія надъ звѣздами, собранными въ отдѣльныя системы внѣ предѣловъ «млечнаго пути», показали, что эти системы сгруппированы около многихъ центровъ, и что въ нихъ, какъ въ солнечной системѣ, замѣчается дѣйствіе тяготѣнія, отъ котораго нѣкоторыя изъ нихъ превратились въ группы шаровидныя. Почему тотъ-же законъ не можетъ быть распространенъ и на звѣзды млечнаго пути? Такъ-какъ нѣтъ причины отвергнуть это предположеніе, то Гершель вывелъ изъ него слѣдствіе, что звѣзды млечнаго пути нѣкогда были расположены однообразно, и по-

томъ силою взаимнаго таготѣнія собраны въ отдѣльныя системы. Гершель насчиталъ такихъ системъ до 157, кромѣ тѣхъ, которыя находятся на предѣлахъ млечнаго пути. Притомъ самыя несомнѣнные признаки образованія системъ замѣчаются въ пространствѣ между β и γ Лебеда, гдѣ онъ насчиталъ болѣе 331 тысячи звѣздъ, между которыми замѣтно уже подраздѣленіе на двѣ группы, по 165 тысячъ звѣздъ въ каждой. Если эти наблюденія и заключенія Гершеля имѣютъ основаніе, то въ продолженіе вѣковъ «млечный путь» раздѣлится на явственно - отдѣльныя системы, и, такъ сказать, совокупность его распадется и превратится въ отдѣльныя кучи звѣздъ, подобныя тѣмъ, которыя наблюдаемъ нынѣ во многихъ странахъ южнаго и сѣвернаго неба,

Столь изумительныя слѣдствія выведены Гершелемъ изъ наблюденій, производимыхъ имъ до 1785 г. Въ продолженіе времени, съ распространеніемъ круга наблюденій, Гершель частью измѣнилъ, а частью дополнилъ свои мысли о физическомъ устройствѣ млечнаго пути, и вообще о звѣздномъ небѣ. Постепенность этихъ измѣненій и дополненій въ трактатѣ Струве изложена съ полною отчетливостью, которой не находимъ въ сочиненіи Араго «о трудахъ Гершеля.» Эта часть трактата Струве, представляющая великіе труды Гершеля въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, такъ любопытна, что мы рѣшаемся перевести изъ нея замѣчательнѣйшія мѣста.

Упорное стремленіе къ истинѣ и неутомимость въ трудахъ составляли отличительный характеръ Гершеля. Великими вопросами звѣздной астрономіи занимался онъ въ продолженіе всей своей пятидесятилѣтней ученой жизни; онъ непрерывно собиралъ матеріалы, расширялъ и исправлялъ свои, всегда глубокія, воззрѣнія. Въ подтвержденіе этихъ заключеній, достаточно упомянуть о ходѣ его изысканій о двойныхъ звѣздахъ. Первые его наблюденія надъ этими небесными тѣлами относятся къ 1774 г., послѣднія-же — къ 1804 г. Чтобы имѣть вѣрное понятіе о мысляхъ Гершеля касательно двойныхъ звѣздъ, должно прочесть всѣ его записки съ 1781 г. до 1802 г. Въ 1781 г., онъ считалъ двойныя звѣзды явленіемъ случайнымъ, оптическимъ, и

полезнымъ только для изслѣдованій о параллаксѣ; въ 1783 и 1784 г. думалъ употребить его для опредѣленія солнечнаго движенія въ пространствѣ; наконецъ въ 1802 г. онъ убѣдился, что двойныя звѣзды суть *физическія* системы, подлежащія дѣйствию взаимнаго тяготѣнія и обращающіяся около ихъ общихъ центровъ тяжести. Такимъ-же образомъ должно смотрѣть на изысканія Гершеля о млечномъ пути, и болѣе потому, что его первое объ немъ ученіе было предложено съ оговоркой, что оно, по крайней-мѣрѣ, въ числахъ своихъ, должно измѣниться отъ новыхъ наблюденій. Въ двѣнадцати запискахъ, изданныхъ между 1785 и 1818 г., находимъ множество прямыхъ и косвенныхъ заключеній объ устройствѣ млечнаго пути, и потому мы можемъ слѣдить за мыслями Гершеля. Прежде всего мы видимъ, что Гершель постепенно отказывался отъ предположенія однообразнаго размѣщенія звѣздъ въ пространствѣ. Вотъ что онъ пишетъ въ запискѣ 1796 г.:

Предположеніе о равной величинѣ звѣздъ и объ ихъ однообразномъ размѣщеніи не можетъ служить основаніемъ для изслѣдованій вопросовъ звѣздной астрономіи. Точное разсмотрѣніе звѣздъ перваго и втораго класса очевидно доказываетъ, что онѣ имѣютъ различныя величины и удалены отъ земли на различныя разстоянія, и потому принятое нами предположеніе не можетъ вести къ точнымъ заключеніямъ.

Эти слова выражаютъ первое сомнѣніе Гершеля касательно однообразнаго распредѣленія звѣздъ; но изъ нихъ еще не видно, чтобъ онъ совершенно отказался отъ главнаго основанія своего ученія о млечномъ пути; онъ еще продолжаетъ придерживаться его въ 1799 г.: ибо въ запискѣ *о проникающей силѣ телескоповъ* онъ доказываетъ согласіе заключеній о крайнихъ предѣлахъ млечнаго пути, выведенныхъ изъ измѣреній глубины неба и изъ проникаемости телескоповъ. Но съ 1802 г. мысли Гершеля начинаютъ измѣняться рѣшительно. Въ предисловіи къ послѣднему каталогу туманныхъ пятенъ онъ говоритъ:

Послѣ продолжительныхъ наблюденій и размышленій, я увѣрился, что млечный путь составленъ изъ звѣздъ, расположенныхъ совершенно не такъ, какъ звѣзды, окружающія солнечную систему.

»Потомъ въ запискахъ 1811 и 1817 г. находимъ уже слѣдующій оковчательный приговоръ прежнимъ его мнѣніямъ:

Если кто-нибудь замѣтитъ, что нынѣ я протпворѣчу своимъ прежнимъ мнѣніямъ о многихъ предметахъ, подлежащихъ моимъ наблюденіямъ; то я откровенно признаюсь, что, продолжая *пересматривать* небо, я постепенно увѣрялся, что мои мысли о расположеніи звѣздъ и объ ихъ видимой величинѣ должны быть измѣнены. Иначе не могло быть: судя по новости предмета, нельзя удивляться, что то, что мы считали неподлежащимъ сомнѣнію, оказалось только смѣлымъ предположеніемъ. Напримѣръ, однообразное расположеніе звѣздъ можетъ быть допущено въ нѣкоторыхъ вычисленіяхъ; но при изслѣдованіяхъ о млечномъ пути или вообще о кучахъ звѣздъ, которыхъ множество находится въ моемъ каталогѣ, упомянутое распредѣленіе должно быть оставлено (1811).

Хотя измѣренія глубины неба, въ предположеніи однообразнаго распредѣленія звѣздъ, доказываютъ огромныя ихъ разстоянія; однако эти измѣренія болѣе подтверждаютъ дѣйствительное скопленіе звѣздъ въ различныхъ странахъ неба (1817).

»Такимъ образомъ Гершель уничтожаетъ первое основаніе своего ученія о млечномъ пути. Теперь посмотримъ на другое, состоящее въ томъ, что посредствомъ измѣренія глубины неба онъ достигъ до предѣловъ млечнаго пути. Въ запискѣ 1817 г. онъ говоритъ:

Изъ этихъ *шести* наблюденій *усовершенствованнымъ* 20-футовымъ телескопомъ, видно, что великая сила его *проницательности* не достигаетъ до предѣловъ млечнаго пути, и потому звѣзды, превосходящія силу этого снаряда, должны быть удалены на разстоянія 900-го порядка.

»Потомъ Гершель прибавляетъ, что надобно предположить, что посредствомъ 40-футоваго телескопа видимыя предѣлы млечнаго пути расширяются до 2,300-го порядка разстояній. Наконецъ въ запискѣ 1818 г. онъ упоминаетъ о *четырехъ* измѣреніяхъ глубины неба, которыми онъ не достигъ конца млечнаго пути, и разсужденіе свое оканчиваетъ слѣдующими замѣчаніями:

Эти десять наблюденій свидѣтельствуютъ, что успѣхи измѣренія глубины неба, употребляемая при изслѣдованіяхъ о млечномъ пути, останавливаются чрезвычайною мелкостью и слабостью звѣздъ. И такъ нельзя сомнѣваться въ прогрес-

сивномъ распространеніи звѣзднаго неба: если въ одномъ наблюденіи сомнѣваемся въ составѣ слабого туманнаго пятна, то, употребивъ силнѣйшее увеличиваніе телескопа, находимъ, что сомнѣніе происходитъ отъ скопленія множества звѣздъ, слишкомъ - малыхъ для слабого увеличиванія. И такъ мы можемъ заключить, что когда измѣренія глубины неба не раздѣляютъ болѣе млечнаго пути на ясно-видимыя звѣзды, то это значитъ, что предѣлы его недостижимы для нашего снарада.

«Вотъ уничтоженіе и втораго основанія. И такъ самъ Гершель постепенно разрушалъ свое ученіе 1785 г.; наконецъ послѣднія его наблюденія привели его къ новымъ идеямъ:

Звѣздное небо состоитъ :

1) Изъ отдѣльныхъ звѣздъ, къ которымъ принадлежитъ наше солнце;

2) Изъ звѣздъ двойныхъ ;

3) Изъ звѣздныхъ системъ сложныхъ ;

4) Изъ млечнаго пути. Разсмотрѣніе четверныхъ и болѣе сложныхъ звѣздныхъ системъ приводитъ къ заключенію, что млечный путь не есть однообразное собраніе звѣздъ; въ немъ повсюду заключается стремленіе къ концентраціи, къ образованію тѣсно сжатыхъ звѣздныхъ кучъ, въ которыхъ степень сжатія выражается степенями ихъ свѣта.

5) Изъ группъ звѣздъ, соединенныхъ въ различныхъ видахъ, но безъ сосредоточиванія около одной точки.

6) Изъ звѣздныхъ кучъ, которыя отъ группъ отличаются своею круглотою и явною быстрою концентраціею. Къ числу этихъ кучъ должно отнести большую часть туманныхъ пятенъ, находящихся на неизмѣримыхъ отъ насъ разстояніяхъ.

«Все это новое ученіе Гершель заключаетъ слѣдующимъ общимъ взглядомъ на вселенную (1818):

Въ глубинѣ небснаго пространства, по нашему мнѣнію, существуютъ два различныхъ элемента: элементъ туманныхъ пятенъ и элементъ звѣздный. Свѣтъ вещества туманныхъ пятенъ весьма слабъ и, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, не виденъ для невооруженнаго глаза. Онъ вообще обильно наполняетъ пространство, хотя и скрывается отъ глазъ по причинѣ своей слабости. Напротивъ, свѣтъ звѣздъ несравненно сильнѣе и сосредоточенъ. Скопленія звѣздъ въ видѣ кучъ, удаленныхъ на огромныя разстоянія, должны представляться *неразрѣшными* туманными пятнами, т. е. такими, въ которыхъ

мы не можем видѣть отдѣльныхъ звѣздъ. Но также вѣроятно, что существуютъ туманныя пятна *космическія*, въ которыхъ вещество ихъ еще не концентрировано въ отдѣльныя звѣзды.»

Къ этому изложенію Гершелева ученія объ устройствѣ звѣзднаго неба, съ которымъ — замѣтимъ мимоходомъ — вполне согласенъ знаменитый Лапласъ, и которое предугадывалъ Мичель, первый доказавшій теоріей вѣроятностей, что двойныя и вообще сложныя звѣзды не суть случайныя и оптическія явленія, считаемъ необходимою прибавить объясненія объ усовершенствованіи телескоповъ, объ ихъ *проницательной силѣ*, и о фотометрическомъ распредѣленіи звѣздъ на классы. Эти объясненія заимствуемъ изъ сочиненія Араго «о трудахъ Гершеля».

Всякая труба и всякій телескопъ состоитъ изъ двухъ частей: въ первой, главной, образуются изображенія отдаленныхъ предметовъ; во второй-же употребляется микроскопъ или лупа, увеличивающая эти изображенія. Когда изображеніе образуется посредствомъ чечевицеобразнаго стекла, тогда оно находится въ его фокусѣ, и астрономъ представляетъ къ нему лупу такъ, что ни его тѣло, ни его голова не пересѣкаютъ лучей свѣта и чрезъ то не уменьшаютъ ясности изображенія. Но когда изображеніе образуется въ телескопѣ посредствомъ отраженія отъ вогнутаго зеркала, тогда оно находится предъ этимъ зеркаломъ, на одной сторонѣ съ предметомъ, и потому астрономъ, приближаясь къ нему съ лупою, необходимо долженъ преграждать лучи свѣта и уменьшать ясность изображенія. Во избѣжаніе такого неудобства, употребляютъ другое зеркало плоское или съ кривою поверхностью; на которомъ происходитъ новое отраженіе лучей свѣта. Если второе зеркало плоское, то его утверждаютъ подъ угломъ въ 45° къ оси телескопа, и второе отраженіе принимается лупою въ отверстіе, сдѣланное на боку телескопа; если-же второе зеркало имѣетъ кривую поверхность, то въ другой разъ отраженные лучи проходятъ сквозь отверстіе въ главномъ зеркалѣ, гдѣ утверждается лупа. Но какъ два отраженія уменьшаютъ количество свѣта по крайней мѣрѣ вчетверо, то Гершель, для уничтоженія этой потери, въ своихъ огромнѣ

ныхъ телескопахъ нашель возможнымъ снять вспомога-
тельное зеркало и смотрѣть чрезъ лупу прямо на изобра-
женіе предмета, образуемое послѣ отраженія отъ главнаго
зеркала: тогда наблюдатель долженъ помѣщаться предъ
отверстіемъ телескопа, спиною къ наблюдаемому предмету.
Такой способъ наблюденій Гершель называетъ *наблюде-
ніемъ съ лица*, — *front-view*.

Исслѣдованія о силѣ телескоповъ *пронизать съ про-
странство* основаль Гершель на слѣдующихъ замѣчаніяхъ:
Глазная сѣтка, ретина, не одарена такой чувствительностью,
чтобъ большіе и малые предметы производили на нее оди-
наковыя впечатлѣнія. Подобно тому, какъ наше ухо не
способно слышать весьма слабые звуки, глазъ не можетъ
чувствовать дѣйствіе слабыхъ и немногочисленныхъ лучей
свѣта: мы не можемъ видѣть отдѣльной звѣзды седьмаго
класса; но соединеніе многихъ звѣздъ осьмаго и девятаго
класса видимъ невооруженнымъ глазомъ. Основываясь на
этомъ физиологическомъ явленіи, Гершель думаетъ, что
разстояніе, до котораго можетъ достигать телескопъ, или
его *пронизательность*, должна выражаться отношеніемъ
количества лучей свѣта, входящихъ въ телескопъ, къ ко-
личеству лучей свѣта, собираемыхъ зрачкомъ. Предпо-
живъ, что діаметръ зрачка содержитъ двѣ десятыхъ доли
англійскаго дюйма, Гершель нашель, что посредствомъ
20-футоваго телескопа можно видѣть въ 75 разъ далѣе
противъ невооруженнаго глаза, посредствомъ 25-футоваго
телескопа — въ 96 разъ, и посредствомъ 40-футоваго — во
192 раза. Изъ этого вычисленія выходитъ, что, если пре-
дѣлъ простаго зрѣнія оканчивается звѣздами седьмаго
класса, то въ 40-фут. телескопъ можно видѣть звѣзды
1344-го класса.

Наконецъ посмотримъ, какимъ образомъ Гершель срав-
нивалъ звѣзды различныхъ классовъ и выводилъ отсюда
заключенія объ ихъ разстояніяхъ отъ земли. Два совершенно-
одинаковыхъ 7-футовыхъ телескопа ставились одинъ подлѣ
другаго такъ, что наблюдатель могъ, не болѣе, какъ въ
секунду времени, переводить свой глазъ отъ одного изъ
нихъ къ другому; посредствомъ прорѣзанныхъ въ картонѣ
круглыхъ скважинъ, различныхъ, но имѣющихъ извѣстныя

отношенія діаметровъ, свѣтъ блестящей звѣзды уменьшается до такого количества, что ея изображеніе въ одномъ телескопѣ дѣлалось равнымъ изображенію слабѣйшей звѣзды въ другомъ. Притомъ діаметры скважинъ не должны быть весьма малыми, чтобъ дифракція свѣта не искажала изображенія звѣздъ. Поэтому самыя слабыя звѣзды сравнивались съ самыми свѣтлыми не прямо, но чрезъ посредство звѣздъ среднихъ. Изъ этого сравненія Гершель получилъ слѣдующія заключенія :

Звѣзды второй величины α Андромеды, полярная, γ Большой-медвѣдцы, и δ Кассіопеи суть *четверти* Арктура. А какъ свѣтъ ослабѣваетъ пропорціонально квадрату разстояній; то, когда-бы разстояніе Арктура, звѣзды первой величины, увеличилось вдвое, тогда она сдѣлалась-бы звѣздой второй величины.

α Андромеды равняется учетверенной μ Пегаса; Арктуръ-же вчетверо свѣтлѣе α Андромеды, слѣдственно Арктуръ въ 16 разъ свѣтлѣе μ Пегаса, и на учетверенномъ своемъ разстояніи превратилась-бы въ звѣзду четвертой величины, равную μ Пегаса.

Четверть μ Пегаса или 64 доля Арктура равняется γ Пегаса, принимаемой въ каталогахъ за звѣзду пятой или шестой величины; слѣдственно, если-бы разстояніе Арктура увеличилось въ восемь разъ, то эта звѣзда все еще была-бы видима простымъ глазомъ, потому-что сила ея свѣта равнялась-бы свѣту γ Пегаса или свѣту звѣзды шестой величины.

Сравнивая звѣзды съ Козой или Капеллой, принадлежащей также къ первому классу, Гершель нашелъ, что

β Тельца	} звѣзды второй величины, равняются $\frac{1}{4}$ Капеллы;
β Возницы	
δ Тельца	} зв. 4-ой величины, = $\frac{1}{8}$ Капеллы;
i Возницы	
e Персея	} зв. 5 или 6 велич. = $\frac{1}{16}$ Капеллы;
h Близнецовъ	

α Близнецовъ, 6-ой вел. = $\frac{1}{16}$ Капеллы. И такъ, если бы разстояніе звѣзды увеличилось въ 10 разъ, то все еще она была-бы видна простымъ глазомъ.

α Лиры даетъ точно такіе-же результаты.

Если разстояніе Сиріуса отъ земли примемъ за I, то эта звѣзда

равнялась-бы	}	Капеллѣ на разстояніи....	$1\frac{1}{2}$,
		Провіону.....	$1\frac{3}{4}$,
		β Тельца.....	3,
		i Возницы.....	6,
		h Близнецовъ.....	12,
		g Близнецовъ.....	15.

Когда изъ крайнихъ результатовъ возьмемъ средній, тогда придемъ къ общему заключенію, что, если разстоянія звѣздъ первой величины увеличить въ 12 разъ, то онѣ все еще будутъ видны простымъ глазомъ, потому-что ихъ свѣтъ уменьшится только до свѣта звѣздъ шестой величины.

Теперь слѣдовало-бы перейти къ изложенію собственныхъ изслѣдованій Струве о млечномъ пути; но, къ сожалѣнію, эта важнѣйшая часть его трактата не можетъ быть предложена сокращенно, во всей-же ея полнотѣ совершенно несовмѣстна съ предѣлами нашей рецензіи; а потому любители астрономіи должны обратиться къ самому оригиналу. Мы можемъ заключить нашу статью только выпиской изъ него слѣдующихъ заключеній:

1) Послѣднія звѣзды, видимыя простымъ глазомъ, удалены отъ земли на 8,8726 или почти на 9 разстояній звѣздъ первой величины.

2) Послѣднія звѣзды 9-ой величины удалены на 37,73 или почти на 38 разстояній звѣздъ первой величины, или почти въ 4 раза далѣе звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ.

3) Самыя дальнія звѣзды, которыя Гершель наблюдалъ въ свой 20-футовой телескопъ, въ 228 разъ далѣе звѣздъ первой величины.

137. *Графъ Радецкий и его походы въ Италию въ 1848 и 1849 годахъ. Соч. П. Лебедева, Генеральнаго Штаба подполковника. Съ портретомъ Радецкаго и двумя картами. Спб. 1850. Стр. XI, 319 и 87 въ 8 д. л.*

Извѣстныя кампаніи фельдмаршала Радецкаго въ Италиі еще до сихъ поръ не были описаны съ надлежащею полнотою и послѣдовательностію. Австрійцы, занятые войною въ Венгріи, издали только сводъ официальныхъ извѣстій о кампаніи 1848—49 г.; французскіе и итальянскіе писатели смотрѣли на это дѣло съ своей особой и, болѣею частію, пристрастной точки зрѣнія, и всѣ вообще болѣе говорили о себѣ и о своихъ войскахъ, вовсе не заботясь о противникѣ. Изъ ряда этихъ сочиненій замѣчательныѣ другихъ было сочиненіе прусскаго генерала Виллизена; онъ былъ самъ на мѣстѣ событій и пользовался всѣми источниками; но онъ написалъ не полную исторію кампаніи 1848 г., а избралъ изъ ряда происшествій лишь тѣ, которыя подтверждали составленную имъ самимъ теорію стратегіи. Притомъ, всѣ эти сочиненія не имѣли ни картъ, ни плановъ. — «Проникнутый убѣжденіемъ, что изъ писателей всѣхъ націй, быть-можетъ только одному русскому военному писателю данъ завидный удѣлъ говорить о совершившихся событіяхъ съ полнымъ безпристрастіемъ и искать въ нихъ только интересовъ науки», Г. Лебедевъ посвятилъ почти полтора года этому многосложному труду. При этомъ кромѣ 14 иностранныхъ сочиненій, онъ пользовался всѣми современными извѣстіями лучшихъ періодическихъ изданій. Всѣ факты взяты имъ изъ самыхъ достоверныхъ источниковъ. Такимъ образомъ эта книга есть первая полная исторія итальянскихъ кампаній Радецкаго не только въ нашей, но и въ иностранныхъ литературахъ, — и займетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ военной словесности, которая у насъ безпрестанно обогащается новыми важными трудами, особенно благодаря дѣятельности гг. профессоровъ Военной Академіи и членовъ Генеральнаго Штаба*.

* Въ прошедшемъ году Г. Богдановичъ издалъ небольшое сочиненіе объ итальянскихъ походахъ Радецкаго.

Напомнимъ нашимъ читателямъ, въ краткомъ очеркѣ, тѣ достопамятныя событія, которыя поставили Радецкого на ряду съ знаменитѣйшими современными полководцами и стяжали ему высшія военныя почести. Событія эти еще свѣжи въ нашей памяти, и имена Соммакампаньи, Кустоцо, Мортары и Новары еще звучатъ отголосками недавней славы....

«1848 и 1849 годы, говорить Г. Лебедевъ, останутся навсегда памятыми въ исторіи: событія ихъ грозили Европѣ совершеннымъ ниспроверженіемъ существовавшего порядка; въ особенности страшно было положеніе Австріи: отдѣльныя ея области издавна питали зависть и нерасположеніе къ малочисленной, но господствующей части нѣмецкаго населенія, — и вдругъ именно эта, покровительствуемая правительствомъ, часть населенія произвела мятежъ въ Вѣнѣ при первомъ извѣстіи о февральскихъ происшествіяхъ, совершившихся въ Парижѣ. Вѣнское возстаніе было сигналомъ къ возстанію всѣхъ отдѣльныхъ областей Австрійской имперіи. Слабость первоначальныхъ правительственныхъ мѣръ позволила искрѣ разгорѣться страшнымъ пожаромъ, который охватилъ всю Австрію; въ особенности грозны были возстанія Ломбардо-Венеціанскаго и Венгерскаго королевствъ. Но куда послѣднее собирало силы для предстоящей борьбы и, прикрываясь мнимою законностью, вело переговоры, Ломбардія нашла союзника въ королѣ сардинскомъ Карлѣ Альбертѣ, который съ 60-тысячною арміею вторгнулся въ предѣлы Австріи безъ объявленія войны; остальные итальянскія государства также приняли сторону Ломбардцевъ.

«Казалось, что неравный споръ между разсѣянными по Италіи и обезсиленными измѣною австрійскими войсками, и многочисленною, храброю и превосходно устроенною сардинскою арміею, вспомошествоваемою ломбардо-венеціанскимъ населеніемъ, что споръ этотъ долженъ былъ побѣдоносно рѣшиться въ пользу итальянцевъ. Приходившія первоначально извѣстія убѣждали въ этомъ предположеніи: отовсюду слышалось, что Австрійцы бѣгутъ; что предводитель ихъ хочетъ только собрать свои войска и идти съ ними къ Вѣнѣ для усмиренія мятежа; что Сардинцы стали на пути отступленія Радецкого въ Тироль.... и вдругъ дѣла перемѣнились.... Престарѣлый, но даровитый и энергическій Радецкій собираетъ разсѣянныя войска, заставляетъ непріятеля истратить свои силы на безцѣльныя предпріятія, ослабляетъ витузіазмъ противника самою продолжительностью и неопредѣленностью борьбы, и истомъ, перейдя къ наступленію, въ двѣ недѣли одерживаетъ рядъ побѣдъ, занимаетъ Миланъ и очищаетъ Ломбардію отъ непріятеля.

«Въ мартъ 1849 года, во время неблагоприятной для Австріи венгерской войны, Сардинцы нарушаютъ перемиріе; 65-тысячная армія ихъ готова вторгнуться снова въ Ломбардію; но Радецкій прорываетъ сосредоточенными силами растянутую сардинскую линію близъ ея праваго фланга, и въ три дня оканчивается эта война.»

Съ какой-же точки зрѣнія должно смотрѣть на эти событія?

«Объ піемонтскія кампаніи, въ особенности кампанія 1849 года, имѣютъ равно высокій интересъ для воина, политика и моралиста. Военный человекъ съ удовольствіемъ и назидательностію прослѣдитъ искусныя дѣйствія Радецкаго, которыя, не поражая своимъ блескомъ, подобно гениальнымъ дѣйствіямъ Наполеона, показываютъ однако, какъ можно достигать великихъ результатовъ съ малыми средствами. Радецкій, будучи окруженъ измѣною, лишень возможности и надежды подкрѣпленія, получая страшныя вѣсти о гибельныхъ успѣхахъ мятежа и безначалія въ столицѣ Австріи, — Радецкій одушевлялся по мѣрѣ увеличенія опасностей, и не скрывая ихъ отъ своей арміи, умѣлъ передать ей свой высокій героизмъ и самоотверженіе. Воззванія и приказы его къ арміи останутся навсегда образцами военнаго краснорѣчія; они равно дѣлаютъ честь и вождю и подчиненнымъ, а дѣйствія Радецкаго, основанныя не на числѣ, а на моральной силѣ войскъ и увѣренности ихъ въ правотѣ дѣла, нанесутъ рѣшительный ударъ тѣмъ изъ военныхъ теоретиковъ, которые, одно-сторонно разсматривая причину успѣховъ новѣйшихъ войнъ, вывели безусловное правило о томъ, что *число рѣшаетъ все*, и учили основывать всѣ соображенія на столпленіи людей, а потому уже брали въ расчетъ и моральное ихъ достоинство.

«Политикъ убѣдится въ истинѣ, хотя давно извѣстной, но подвергшейся нѣкоторому оспориванію въ новѣйшее время: о пользѣ и необходимости вооруженной силы въ государствѣ и выгодахъ ея предварительнаго образованія въ мирное время. Война и военное ремесло всегда были и будутъ школою добродѣтели. Тотъ лучше знаетъ цѣну человѣческой крови, кто самъ готовъ проливать ее за спокойствіе своихъ согражданъ. Событія во Франціи, Пруссіи, Австріи показали, что государство, находящееся на краю гибели, можетъ бытъ спасено геройствомъ, твердостью и вѣрностью своей арміи, если только духъ подчиненности, порядка и привязанности къ знаменамъ составляетъ основу ея военнаго образованія.

«Моралистъ выведетъ изъ всѣхъ этихъ страшныхъ событій великое и поучительное правило: онъ убѣдится, что если заблужденія сообщаются какъ смертоносная зараза, то и высокіе подвиги добродѣтели проникаютъ въ сердце съ быстротою мол-

ни: среди вѣроломствъ и безначалія, онъ увидитъ свѣтлую зарю надежды всеобщаго мира подъ сѣнію твердой законной власти. Во всемъ видна рука Провидѣнія, ведущая къ блаженству.

Ниспосылаемый имъ ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена;
Въ нихъ жизнь свѣжій бросаетъ сѣмена
И, обновленные, пышнѣе разцвѣтаютъ!
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возраждаютъ!

Въ приложеніяхъ помѣщены: новѣйшія подробности о первыхъ годахъ жизни Радецкаго (подробная біографія его предшествуетъ описанію походовъ); извѣстія объ осадѣ Венеціи; вѣдомости о состояніи сардинской и австрійской армій; замѣчательнѣйшіе приказы и прокламаціи Радецкаго, и другіе любопытные документы.

Считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько словъ, знакомящихъ насъ съ личностью знаменитаго фельдмаршала:*

«Въ будущемъ ноябрѣ (писано 1849 г.) графу Юсіфу Радецкому минетъ восемьдесятъ три года, но наружность его отнюдь не показываетъ столь преклонныхъ лѣтъ: онъ не высокъ ростомъ, но крѣпко сложенъ, держится весьма прямо; ходитъ скоро; взоръ у него открытый, черты лица отличаются пріятнымъ выраженіемъ и служатъ яснымъ отблескомъ его доброй души. Графъ веселаго характера, но если лице его озарится радостною улыбкою въ то время, когда онъ читаетъ донесенія о блистательно-выигранныхъ сраженіяхъ, или когда смотритъ на дружную атаку своихъ солдатъ, то взоръ его меркнетъ при вѣсти объ убитыхъ и раненыхъ, и черты принимаютъ грустное выраженіе при видѣ человѣческихъ бѣдствій. Въ Гарласко, гдѣ солдаты, отбросивъ непріятеля при Гравеллонѣ и ла-Кавѣ, нарушили правила дисциплины, то есть, отняли у жителей хлѣбъ и вино, фельдмаршалъ строжайше наказалъ виновныхъ, немедленно приказавъ мѣстному начальству раздать четыре тысячи цванцингеровъ (около 650 р. с.), и внести богатую долю въ сумму, собранную для ограбленныхъ обывателей офицерами главной квартиры. Какъ часто мнѣ самому случалось видѣть, что графъ, проходя мимо часоваго, клалъ ему въ суму нѣсколько цванцингеровъ!.... Въ Новарѣ я слышалъ неоднократно объ его благотворительныхъ поступкахъ. При проходѣ войскъ, онъ вмѣшивался

* Въ Москвитянинѣ прошлаго года сообщено было объ этомъ также нѣсколько извѣстій, равно какъ и о жизни Радецкаго.

въ ряды ихъ, адъсь приветствовалъ заслуженнаго унтеръ-офицера, тамъ трепалъ офицера по плечу, или ласково ободрялъ молодыхъ вѣсковскихъ волонтеровъ и стрѣлковъ. Съ офицерами своей санты фельдмаршалъ обращается дружески и никогда не выказываетъ изъ себя могущественнаго начальника. Часто, когда мы, сидя вокругъ бивачныхъ огней, хохотали или забавляли другъ друга разсказами, онъ вмѣшивался въ нашу бесѣду, и терпѣть не могъ, если всѣ вскакивали съ своихъ мѣстъ, снимали «фуражки и бросали сигары. «Пожалуйста оставайтесь на своихъ мѣстахъ», восклицалъ фельдмаршалъ, надѣвайте «фуражки!» Постоянно былъ онъ какъ отецъ въ кругу дѣтей, и восхищался въ особенности веселостію своихъ «*пиголицъ*». «Знаете ли, сказалъ онъ мнѣ однажды послѣ обѣда, въ прошломъ году мы не такъ роскошничали, какъ теперь; часто голодали, и другъ мой Г. сварилъ мнѣ разъ шеколаду — спросите изъ какого молока?» прибавилъ фельдмаршалъ, громко засмѣявшись. Дѣло въ томъ, что генералъ В. имѣлъ при себѣ козу, и молодые офицеры потихоньку, рано утромъ, выдоили для графа первое и лучшее молоко.

«Голосъ у графа Радецкаго густой и звучный. Въ разговорѣ съ офицерами фельдмаршалъ употребляетъ «*вы*»; иногда, если доволенъ, выражается: «какъ вы думаете, любезнѣйшій?» при необыкновенныхъ случаяхъ благоволенія говорить «ты.» Спать ложится онъ рано, но ва то и встаетъ очень рано; часы выступленія въ походъ наблюдаетъ съ большою точностію; поднимается иногда раньше, но никогда позже. Входящія бумаги, большею частію, ему читаютъ; всѣ исходящія онъ внимательно прочитываетъ самъ. Почеркъ его, хотя и старинный, разборчивъ, равно какъ и подпись фамиліи. Подъ оффиціальными бумагами онъ подписывается просто: Радецкій; въ частныхъ письмахъ: графъ Юсифъ Радецкій. Для ускоренія времени часто подписываетъ депеши на колѣнѣ. Говоря съ кѣмъ-нибудь, беретъ его подъ руку и прохаживается взадъ и впередъ. На сѣдлѣ сидитъ престарѣлый фельдмаршалъ твердо и самоувѣренно и любить скорые аллюры: такъ, напримѣръ, при Новарѣ онъ проскакалъ нѣсколько миль во весь галопъ между войсками, между ранеными и убитыми. Лошади его крѣпкой мекленбургской породы, большею частію сѣрыя; сѣдло нѣмецкое съ богато вышитымъ фельдмаршалскимъ чепракомъ; уздечка съ золотымъ наборомъ. Обыкновенно носитъ графъ сѣрый спортукъ съ золотымъ шитьемъ на воротникѣ, шляпу съ зелеными перьями и кавалерійскую саблю.»

Вотъ еще одна прекрасная черта:

«При Кустоцѣ, обходя храбрые свои ряды, Радецкій прикололъ золотую медаль къ груди молодаго волонтера, и спросилъ, чего онъ желаетъ съ бѣ. — «Мнѣ хотѣлось бы показаться съ этой

медалью отцу», отвѣчалъ онъ, и слезы навернулись на рѣсницахъ юноши. Радецкій утвердительно кивнулъ головою; волонтеръ немедленно отправился въ Грецъ, на родину, пробылъ два дня у отца, и къ слѣдующей битвѣ снова явился въ рядахъ, гдѣ фельд-маршалъ тотчасъ замѣтилъ его и наградилъ благосклоннымъ привѣтомъ.»

138. Крушеніе корабля Невы у береговъ Ново-Архангельскаго порта. Разсказъ очевидца. А. Маркова. Спб. 1850. Стр. 36 въ 12-ю д. л.

Разсказъ этотъ, живой и занимательный, знакомъ нашимъ читателямъ: онъ былъ напечатанъ въ Москвитинѣхъ прошлаго года. — Въ литературѣ нашей извѣстно еще другое сочиненіе объ этомъ же событіи: «Описаніе кораблекрушенія фрегата Невы» (Спб. 1817). Жаль, что Г. Марковъ такъ давно не издаетъ ничего новаго.

139. Церковно-историческій мѣсяцословъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры. М. 1850. Стр. 82 въ 8-ю д. л.

Эта книга — трудъ одного изъ усердныхъ дѣятелей русской исторіи — можетъ назваться необходимымъ руководителемъ для посѣщающихъ святыни Троицкой Лавры. Въ ней заключаются: 1) Дни праздниковъ Лавры и памяти учениковъ преп. Сергія (съ краткимъ жизнеописаніемъ каждаго святаго); 2) Преходящіе праздники; 3) Табель высокаторжественныхъ и вѣкторіальныхъ дней; 4) Табель царскихъ панихидъ; 5) Роспись кормовыхъ панихидъ; 6) Роспись церквей и часовенъ въ Троицкой Лаврѣ; 7) Времена богослуженія въ Лаврѣ; 8) Какъ древле праздновали праздники въ Лаврѣ; 9) Хронологическое показаніе замѣчательныхъ событій, касающихся до Лавры; 10) Праздники въ церквахъ посадскихъ; 11) Число братіи въ Лаврѣ; 12) Число домовъ и жителей въ посадѣ; 13) Разстояніе Лавры отъ смежныхъ съ нею городовъ и мѣстъ; 14) Дни прихода и отхода почты.—Въ росписи кормовыхъ панихидъ встрѣчаемъ многіе древніе знаменитые роды, боярскіе и княжескіе, и между прочими имена: Кн. Ѳедора Ивановича Пожарскаго, дѣда знаменитаго избавителя отечества; Про-

копія Ляпунова*; царя Бориса Годунова съ семействомъ (ежегодно 1 Мая, предъ литургіею, панихида по Годуновыхъ совершается соборнѣ на ихъ могилахъ, при звукахъ большого Годуновскаго колокола; при служеніи литургіи употребляются въ этотъ день вклады Годунова: сосуды, воздухи и покровъ на мощи преп. Сергія); кн. Михаила Ивановича Булгакова, бывшаго въ заключеніи въ Литвѣ за православіе; военачальника Шеина; королевы Маріи Владимировны, супруги датскаго короля Магнуса; Кн. Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, «который споспѣшествовалъ снятію осады Троицкія»; гр. Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, которая была всегдашнею благотворительницею Лавры (послѣдній вкладъ ея былъ 340 т. р. асс.), и друг.— Число братіи въ Лаврѣ, простиравшееся въ XVI в. до 300 чел., нынѣ составляетъ 200. — Жителей въ Троицкомъ посадѣ считается до 7 т. д. об. пола; домовъ слишкомъ 600.

Изъ описанія церкви Лавры видно, что къ святынямъ ея прибавилась новая драгоценность: въ притворѣ Троицкаго собора хранится камень отъ Гроба Господня, принесенный А. Н. Муравьевымъ изъ Іерусалима въ 1850 г. — Въ краткомъ повѣствованіи о замѣчательныхъ событіяхъ, касающихся до Лавры, встрѣчаемъ слѣд. любопытный рассказъ о сохраненіи Лавры въ 12 году, кажется, еще въ первый только разъ напечатанный. Онъ переданъ намѣстнику Лавры графиню З., возвратившеюся нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Парижа и бывшею потомъ въ Лаврѣ.

«Въ бытность свою въ Парижѣ она встрѣтилась въ одномъ домѣ съ герцогомъ де-Мортемаръ, и когда зашелъ разговоръ о 12 годѣ, о Москвѣ, о Троицкой Лаврѣ, герцогъ замѣтилъ, что онъ самъ двукратно посланъ былъ въ 12 году съ отрядомъ къ Троицкой Лаврѣ, и вотъ что рассказывалъ объ этомъ: «я былъ тогда еще полковникомъ. Во второй половинѣ Сентября призываетъ меня къ себѣ начальникъ штаба, маршалъ Бертъе, и отдаетъ приказъ Наполеона взять отрядъ, отправиться въ Троицкую Лавру и захватить всѣ монастырскія сокровища. Маршалъ

* Погребень у Успенскаго собора въ юж. стороны. Отыскавиемъ его драгоценной могилы мы обязаны трудолюбію В. М. Ундольскаго (См. Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древностей г. I-II.)

сказалъ, что при монастырѣ войска нѣтъ, что народъ устрашенъ успѣхами Французскаго оружія, и потому овладѣть монастыремъ нѣтъ никакого труда; получивъ приказаніе, я поспѣшилъ принять отрядъ и въ 4 часа вечера выѣхалъ изъ заставы по Троицкой дорогѣ. Вечеръ былъ холодный и ненастный. Проѣхавъ 10 верстъ, или не много болѣе, мы сбѣлись съ дороги. Въ отрядѣ были Поляки, порядочно говорившіе по-русски. Мы брали по дорогѣ мужиковъ въ проводники, ласками и угрозами хотѣли заставить ихъ указать намъ дорогу, но рѣшительно всѣ изъ нихъ говорили, что знать не знаютъ дороги къ Троицѣ. На вопросъ, есть-ли тамъ войска, всѣ они отвѣчали: тьма тьмущая, и все козаки. Положеніе наше часъ отъ часу становилось затруднительнѣе: стало очень темно, мѣстность была совершенно незнакома, мы легко могли попасться въ руки непріятелей или партизановъ, которые разсыяны были по всѣмъ дорогамъ около Москвы, и сочли благоразумнымъ возвратиться въ Москву. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ разсердился, и чрезъ недѣлю Бертье опять послалъ меня къ Троицѣ, усилилъ отрядъ, велѣлъ взять двѣ пушки и на другой день рано утромъ выступить изъ Москвы. Еще съ вечера, когда я вышелъ отъ маршала, замѣтилъ, что на дворѣ густой туманъ. Поутру онъ чрезвычайно усилился. Когда мы выступили за заставу, туманъ до такой степени былъ силенъ, что мы другъ друга въ двухъ шагахъ не могли видѣть, и чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ гуще становился туманъ. Проѣхавъ около 15 верстъ, мы остановились и составили совѣтъ, идти-ли далѣе, подождать-ли, когда разсвѣтаетъ туманъ, или воротиться назадъ въ Москву. Всѣ единогласно рѣшили, что лучше воротиться. Надобно замѣтить, что солдаты отряда были люди закаленные въ битвахъ, но тутъ напалъ на нихъ такой панпческій страхъ, что всѣмъ представлялось, будто ихъ всѣхъ въ этомъ мракѣ заберутъ въ плѣнъ непріятели. Туманъ продолжался цѣлый день, и на другой день утромъ мы были уже въ Москвѣ. Я съ величайшею робостію явился къ маршалу съ донесеніемъ о второмъ неудачномъ походѣ на Лавру. Маршалъ пошелъ къ Наполеону и засталъ его стоящимъ у окна въ Кремлевскомъ дворцѣ; ближайшихъ строеній изъ дворца нельзя было видѣть по причинѣ тумана. Выслушавъ донесеніе, онъ съ сарказмомъ отозвался о Русскомъ климатѣ; тѣмъ дѣло и кончилось. Маршалъ передалъ мнѣ замѣчаніе Императора и успокоилъ меня. Вотъ какомъ двумъ случаямъ, заключилъ герцогъ свой рассказъ, обзана Лавра своимъ спасеніемъ.» — «Нѣтъ, герцогъ, замѣтила ему графиня З., вовсе не эти случаи могли спасти знаменитую обитель Сергіеву. Самъ преп. Сергій слѣдилъ за вашими предпріятіями и не допустилъ до своей обители, которой онъ уже

не разъ являлся защитникомъ, какъ видно изъ исторіи. Припомните знаменитую осаду Лавры въ началѣ XVII вѣка: вы увидите, что тогда непріятельскихъ силъ было не то, что вашъ отрядъ; 30,000 человекъ 16 мѣсяцевъ простояли подъ стѣнами Лавры и не могли сладить съ какими-нибудь 2,000. Не очевидно-ли тутъ чудесное дѣйствіе заступника земли Русской, преп. Сергія?»

140. *Размышленія предъ святымъ причащеніемъ. А. Х. Спб. 1850. Стр. 18 въ 24-ю д. л.*

Благочестивыя размышленія эти написаны въ видѣ молитвы. Изданіе ихъ украшено двумя изящными картинками, что, вѣроятно, сдѣлало цѣну этой книжечки далеко несообразною съ ея объемомъ (1 р. с.).

141. *Полное собраніе сочиненій Франца Майера (члена разныхъ хозяйственныхъ Обществъ). Т. I-й. Съ портретомъ и рисунками. М. 1850. Стр. 183 и 171 въ 8 д. л.*

Имя намѣреніе, говоритъ авторъ въ предисловіи, собрать мои статьи, напечатанныя въ разныхъ журналахъ, и видя, какъ часто порицаютъ сочинителей хозяйственныхъ и техническихъ статей, я рѣшился, въ оправданіе себя и, можетъ быть, нѣкоторыхъ другихъ добросовѣстныхъ писателей, сказать здѣсь нѣсколько словъ о неудачномъ употребленіи подобныхъ статей, а болѣе о бесполезности и даже вредности ихъ въ рукахъ тѣхъ хозяевъ, которые не сумѣютъ съ пользою приложить ихъ къ своему хозяйству. Давно уже собираюсь я говорить объ этомъ предметѣ, затруднялся только въ приисканіи слова, которое бы вполне выражало результатъ безотчетнаго употребленія даже дѣльныхъ хозяйственныхъ сочиненій. Въ послѣднемъ помогла мнѣ статья одного почтеннаго автора, въ которой мнѣ встрѣтилось слово «нѣмечина», употребленное, повидимому, шуточно, за иноземщину, подобно какъ Малороссію простолюдины называютъ хохлячиной. Это слово «нѣмечина» показалось мнѣ какъ бы нарочно отлитымъ для означенія хозяйственныхъ (иногда смѣшныхъ) ошибокъ, происходящихъ отъ того, что хотятъ пользоваться опытами и наставленіями другихъ, не завѣсивъ собственныхъ силъ и не ознакомившись напередъ хорошенько съ своими мѣстными обстоятельствами. И такъ нѣмечиною я буду называть всякаго рода хозяйственными затѣямъ и мѣры, которыя, при другихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, пригодны и полезны, а въ подлежащемъ намъ случаѣ вовсе не катятъ. Объяснимся примѣрами. Когда Саксонцы

собравши снопы съ загона, заставляетъ рублеваго работника сгребать граблями колосья, изъ которыхъ соберется въ день на $1\frac{1}{2}$ руб., то это дѣльно; если же мы заставимъ рублеваго работника нагрести въ день столько же колосьевъ, которые стоятъ у насъ 50 коп., то это нѣмчина. Если бы Саксонецъ, проѣздомъ чрезъ ваши степныя губерніи, увидѣлъ, что мы, прямо по уборкѣ хлѣба, не собираемъ колосьевъ, пускаемъ скотину, и захотѣлъ бы то же сдѣлать у себя, то самъ нѣмецъ сдѣлалъ бы нѣмчину.»

Представивъ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ, авторъ хорошо поясняетъ, при какихъ условіяхъ должно принимать нововведенія, выгодныя въ одномъ мѣстѣ, у такого-то хозяина, и бесполезныя въ другомъ. Переимчивость, сродная нашему характеру, и желаніе не отстать отъ другихъ, свойственное вообще человѣку, сдѣлали немало вреда благосостоянію нашихъ сельскихъ хозяевъ, особенно тѣхъ, которые рѣшались преобразовывать свои хозяйства по книгамъ. На бумагѣ — нововведеніе обѣщало золотыя горы, на дѣлѣ — разоряло хозяина. А виновата была не книга, изданная, навѣрно, съ доброю цѣлью послужить общей пользѣ: виновата была, какъ говоритъ Г. Майеръ, «нѣмчина».

Съ такой точки должно смотрѣть на хозяйственныя сочиненія (разумеется, содержація въ себѣ не одну теорію науки). «Дѣло мастера боится, а у крестьянина, не умѣющаго владѣть сохой, и хлѣбъ не родится» говаривалъ одинъ изъ величайшихъ русскихъ людей....

Въ первомъ томѣ «Сочиненій Ф. Майера» заключаются двѣ статьи: «Опытъ сельской полиціи» и «Лѣсоводство». Первая издана была Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства въ 1835 г., и тогда-же авторъ просилъ своихъ читателей сообщать ему всѣ замѣчанія, могущія служить къ окончательному дополненію и округленію избраннаго имъ предмета. Но не смотря на то, что сочиненіе его было у насъ первымъ въ своемъ родѣ, сельскіе хозяева наши пропустили безъ вниманія вызовъ Г. Майера, и только одинъ Г. Вилькинсъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на его трудъ.... Не знаемъ, чему приписать это невниманіе; но нельзя не пожалѣть, что ему подвергся предметъ столь важный въ дѣлѣ сельскаго хозяйства.

«Сельскою полиціею» авторъ называетъ ту часть сельскаго управленія, которая относится единственно къ безопасности, спокойствію селенія и къ благосостоянію крестьянъ. Предметы сельской полиціи суть: а) исполненіе обязанностей къ Правительству; б) безопасность жизни и здоровья жителей; в) безопасность имущества; г) благосостояніе и е) доброе поведеніе крестьянъ. Слѣдов. общія правила по этой части сельскаго дѣла (исключая разявъ зависящихъ собственно отъ мѣстныхъ обстоятельствъ) могутъ быть одинаковы во всѣхъ селеніяхъ, какъ казенныхъ, такъ и помѣщичьихъ, какъ пахатныхъ, такъ и оброчныхъ. Эти-то общія правила и изложены Г. Майеромъ кратко, но удовлетворительно. О примѣнимости ихъ къ дѣлу достаточно привести слѣдующій отзывъ Г. Вилькинса: «Мы не думаемъ, чтобы всѣ правила, изложенныя въ его книгѣ, могли вездѣ и во всякомъ случаѣ быть введены безъ малѣйшаго измѣненія, и чтобы для помѣщика довольно было приказать только своему выборному или прикащику поступать, въ томъ или другомъ случаѣ, буквально, по наставленію Г. Майера, и послѣ быть увѣрену, что благоденствіе крестьянъ его уже устроено. Совсѣмъ напротивъ, мѣстныя и климатическія обстоятельства, вѣками утвердившіяся порядки жизни крестьянъ и самый образъ ихъ мыслей, необходимо должны будутъ потребовать нѣкоторыхъ перемѣнъ въ частныхъ условіяхъ, но тѣмъ не меньше, главныя положенія останутся всегда одни и тѣ-же, потому что основаніе ихъ взято изъ самаго порядка вещей.»

Въ главѣ «О попеченіи сельскаго начальства на счетъ поведенія крестьянъ» мы замѣтили нѣсколько мѣстъ, касающихся вообще до свойствъ Русскаго крестьянина, и думаемъ, что почтенный авторъ выразился-бы иначе, еслибъ принялъ на себя трудъ всмотрѣться въ эти свойства поближе. Напримѣръ, говоря о безпечности, авторъ одною изъ причинъ ея считаетъ убѣжденіе, существующее у нашего народа: «если Богъ не спасетъ то ничѣмъ отъ бѣды не отойдешь» (стр. 153). Это едва-ли вѣрно. Далѣе, намъ кажется, что авторъ слишкомъ строгъ къ такъ называемой имъ *роскоши* крестьянскихъ свадбъ и торжественія храмовыхъ праздниковъ. Для первыхъ, по его словамъ, иногда «занимаютъ

деньги, пируютъ и веселятся нѣсколько дней; а потомъ молодой супругъ идетъ въ работники къ заимодавцу и иногда года на два, чтобы зажить свадебныя издержки».... Такой случай *можетъ* быть, но выставлять его въ видѣ общаго положенія не слѣдовало-бы. — Посвящая особый параграфъ «жестокосердію и равнодушію къ несчастіямъ ближняго и ко вреду общественному», Г. Майеръ немногими случайными примѣрами хочетъ убѣдить читателя, что качества эти очень свойственны нашему крестьянину.... Позволимъ себѣ не вѣрить этому, и особенно мнѣнію, что «нуждающійся въ деньгахъ или хлѣбъ рѣдко найдетъ кредитъ у своего брата за обыкновенные проценты». Намъ довольно вспомнить о Флорѣ Силинѣ, которому Карамзинъ посвятилъ нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ, а такими людьми наше отечество никогда не оскудѣвало, — только мы не печатаемъ объ нихъ въ газетахъ, не трубимъ объ ихъ безвѣстныхъ подвигахъ, не учреждаемъ премій за добродѣтель....

Статья о лѣсоводствѣ, примѣненномъ къ средней полосѣ Россіи, довольно полно обнимаетъ свой предметъ, и сообщаетъ много полезныхъ указаній. Лѣсоводы особенно будутъ благодарны автору за описаніе изобрѣтеннаго имъ снаряда для садки молодыхъ лѣсныхъ саженцовъ, по лежамамъ, недоступнымъ плугу. К.

142. Искусственныя удобренія или туки. Книга необходимая для всѣхъ занимающихся земледѣліемъ. Соч. Ю. Либиха. Спб. 1850. Стр. 86 въ 12-ю д. л.

Земля — мать-кормилица челоѵка; но его нельзя называть нѣжнымъ сыномъ въ отношеніи къ ней. Собрать съ нея богатую дань въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ требуетъ, чтобы, количество этой дани не уменьшалось никогда, чтобы источникъ его богатства оставался неизсякаемымъ. Земля и рада-бы служить, да силъ болѣе нѣтъ — истощились онъ по милости неразсчетливаго сына. Давай лекарствъ, давай искусственныхъ силъ, давай удобреній! И чуть поскупится земледѣлецъ на эти пособія страдающей землѣ, она награждаетъ его какъ мачиха пасынка. А по неволѣ будешь скупиться, какъ негдѣ взять удобренія.

Добрая наука! помоги. Наука отыскала множество органических веществ, животных и растительных, способных через разложение обращаться въ черноземъ, но земледѣльцу было этого мало и не всѣ удобрительныя вещества оказывались сподручными. На счастье, нѣкоторые ученые, рѣшивъ, что для прозябаемости растеній главное условіе — воздухъ, откуда онѣ почерпаютъ большую часть питательной силы, а не почва, — ученые *опытами* доказали, что хлѣбъ можетъ расти не только безъ удобренія, но даже и безъ вспахиванія почвы. Земледѣльцы бросились на эти многообѣщающіе опыты и тотчасъ-же увидѣли, что такимъ образомъ хлѣбъ можетъ прозябать, но приносить даже малѣйшій урожай не въ состояніи. — Теперь оракулъ современной химіи Либихъ, который одинъ изъ первыхъ доказывалъ возможность произрастенія хлѣба безъ удобренія почвы, ищетъ найти такія искусственныя удобренія, которыя своимъ вліяніемъ на плодородіе земли не уступали бы животнымъ удобреніямъ. Но пока эта задача еще не рѣшена, и къ содѣйствію въ рѣшеніи ея Либихъ приглашаетъ всѣхъ агрономовъ. Это приглашеніе и составляетъ содержаніе предлагаемой брошюры, которая очень неискусно переведена по-русски, и для большей важности названа «необходимою(!) для всѣхъ занимающихся земледѣліемъ».

Кстати объ искусственныхъ удобреніяхъ. Въ иностранныхъ газетахъ пишутъ, что французскіе агрономы Дюссо изобрѣли жидкое удобреніе, которымъ удобряются не поля, а самыя сѣмена передъ посѣвомъ. Десятина, засѣянная этими удобренными сѣменами, даетъ урожай въ $4\frac{1}{2}$ раза обильнѣе противъ обыкновеннаго. Чтобы рѣшить, въ какой степени достовѣрно, это открытіе, надобно подождать болѣе обстоятельныхъ извѣстій.

143. Опытъ опредѣленія совершенствъ и недостатковъ лошади. В. Зейберлинга. Съ 11-ю рисунками. Спб. 1850.
Стр. IV и 204 въ 8-ю д. л.

Это только начало труда, предпринятаго Г. Зейберлингомъ, и который, по его словамъ, будетъ составлять «сводъ или энциклопедію понятій о лошади.» Въ первой

части заключаются естественная исторія и анатомія лошади; изложеніе ихъ показалось намъ удовлетворительнѣе, нежели въ изданныхъ Г. Зейберлингомъ въ прошедшемъ году, «Таблицахъ для изученія, лошади,» Соцеротта, которыя не соответствовали современному состоянію науки. — Авторъ избралъ эпиграфомъ къ своему труду латинское при- словье: *Quid potui feci, potentes meliora faciant.* Не входя въ подробное разсмотрѣніе первой части его *Опыта*, мы напомнимъ ему другое выраженіе древности, примѣняемое ко всѣмъ опытамъ: *Ut desiderent vires, sed laudanda voluntas....* Рисунками въ «Опытѣ» названы самые скромные (чтобы не сказать плохіе) политапажи.*

144. *Стихотворенія Г. Г. Р. Одесса. 1850. Стр. 63 въ 8-ю д. л.*

Стихотворенія, вышедшія въ Одессѣ почти въ одно время съ „Греческими стихотвореніями“ Г. Щербинны, напечатанныя въ той-же типографіи — какое счастье, думали мы, получивъ эту красивую книжечку. Съ радостію раскрываемъ ее наудачу, и читаемъ:

Когда встрѣчаю межъ гостями
Твои прекрасные глаза,
Я злой проказницы-любви
Боюсь пуще, чѣмъ когда!

Что это? Неужели стихи? Неужели въ Одессѣ могли написаться такія неуклюжія рیمы! Но можетъ, быть, это одно только пятнышко на новомъ солнцѣ южной поэзіи: будемъ читать дальше.

* Въ мое древлехранилище поступила недавно великолѣпная рукопись, въ золотыхъ рамкахъ, на голландской бумагѣ, чистымъ уставомъ 17 вѣка, заключающая переводъ Плувинелева искусства верховой ѣзды, съ картинами, взятыми изъ французскаго оригинала. Переводъ сдѣланъ, безъ сомнѣнія, для Царя Феодора Алексѣевича, страстнаго охотника до лошадей, по свидѣтельству его брата, Императора Петра I. Кавллеристы должны найти здѣсь переводъ всѣхъ техническихъ выраженій, относящихся до верховой ѣзды. Когда-нибудь я напечатаю изъ нея отрывокъ. М. П.

Напрасно съ такимъ сожалѣньемъ
 Взираешь ты, добрый товарищъ,
 На балъ когда иль въ гостиной
 Я сяду въ углу одиноко,
 Смотрю на чужое веселье
 Холоднымъ, внимательнымъ окомъ....

Это что? Разочарованіе, обманутая любовь, зачерствѣлое сердце, холодныя очи.... нѣтъ, избавьте насъ, господинъ Г. П. Р., отъ этихъ сѣтованій когда-то очень обыкновенныхъ, но теперь слишкомъ пошлыхъ, у столичныхъ поэтовъ, и которыя намъ было очень больно встрѣтить въ Одессѣ—Одессѣ, юной, свѣжей, богатой, веселой, и, главное, обладающей такими поэтами, какъ Г. Щербина...

145. *Новыя гадательныя картинки дѣвщины Ленорманъ. М. 1850. 78 изображеній.*

Дѣвица Ленорманъ! пощадите. Мы не знаемъ куда дѣваться отъ доморощенныхъ гадателей, а вы то-и-дѣло навязываете намъ свое заморское знахарство. Издатель вашъ говоритъ, что будто это тѣ самыя картинки, чрезъ которыя вы приобрѣли безсмертную (!) славу и всемірную (!) извѣстность: "прекрасно; слава пусть и остается при васъ, а намъ позвольте удержать при себѣ тѣ два рублика серебромъ, что требуется заплатить за вашу мудрость. Два рублика серебромъ! Помилуйте, да у насъ самому лучшему гадателю, онъ-же сонникъ и фокусникъ, красная цѣна — гривенникъ....

146. *Четыре новые параллельные словаря языковъ Русскаго Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго, сост. Ф. Рейфомъ. Ч. 4-я (Англійскій словарь). Карlsruэ. 1850. Стр. XL и 848 въ 8-ю д. л.*

Кромѣ словаря Банка, служившаго намъ столь долго, у насъ нѣтъ ни одного лексикографическаго пособія при изученіи англійскаго языка. Г. Рейфъ, которому филологія наша обязана уже многими важными трудами, попол-

няетъ теперь этотъ важный недостатокъ, — и его параллельный Англійскій словарь составляетъ прекрасное учебное пособие, какъ по полнотѣ, точности опредѣленій, такъ и по дешевизнѣ (2 р. 50 к. сер.). Словарю предшествуетъ краткая Англійская грамматика. Произношеніе Англійскихъ словъ означено по методу Валькера.

Изданіе такъ изящно, что имъ не налюбуеться; печать точно бисеръ. Предлагаемъ его въ образчикъ Русскимъ типографіямъ. — Печатается второе изданіе параллельнаго Французскаго словаря.

Изъ книгъ, которыя были уже разобраны въ Москвитинѣ текущаго или прошедшихъ годовъ, вышли новыми изданіями:

Жизнь Пресв. Богородицы, сост. А. Глинкою (4-е изд.)

Великій постъ, Пресв. Иннокентія (2-е изд.)

Всѣды о семи таинствахъ, Евсевія, епископа Византийскаго (2-е изд.)

Письма Святоторца, часть первая (2-е изд.).

АНТИКРИТИКА.

ОТВѢТЪ

П. М. Леонтьеву на его историческія и филологическія замѣчанія къ разсужденію «Авинская Игемонія.»

По тѣмъ двумъ сторонамъ, которыя представляетъ рецензія г. Леонтьева на разсужденіе: «Авинская Игемонія» (см. Москвитянинъ 1850, № 11, Іюнь, Кн. I.), мы могли-бы дать на нее двойкій отвѣтъ. Г. Леонтьевъ въ своей рецензіи занимается не только главнымъ своимъ предметомъ, но также косвенно защищаетъ (какъ то справедливо замѣтила и редакція вашего журнала, Отд. IV, стр. 140) автора «Аббата Сугерія». Мы въ своей рецензіи на сочиненіе г. Грановскаго (см. Москвит. № 10, Май, Кн. 2) думали исполнить только одну изъ самыхъ простыхъ обязанностей рецензента: внести ее въ протоколъ науки, т. е. отдать отчетъ въ томъ, что составляло главную задачу всего сочиненія, для которой оно и было предпринято, и какимъ образомъ авторъ доказалъ, или лучше сказать, хотѣлъ доказать свое основное положеніе, хотя собственно, какъ мы уже показали, онъ его только опровергалъ, даже уничтожилъ и тѣ доказательства, которыя были приводимы еще до него въ пользу той-же мысли. На недостатки и промахи мы совсѣмъ почти не указывали и даже извиняли ихъ, какъ необходимое слѣдствіе положенія науки о средней исторіи. Г. Леонтьевъ въ своемъ косвенномъ защищеніи «Аббата Сугерія»* ничего не приводитъ въ опроверженіе

* Въ «Замѣчаніяхъ» г. Бабста (От. Зап. 1850. Іюль, Отд. VIII, 54 стр.) также ничѣмъ не опровергается главная мысль нашей рецензіи: почему 1. Грановскій, выставя главною цѣлью своего разсужденія доказать, что Абб. Сугерій былъ основателемъ монархической власти во Франціи, не только не доказалъ того, но и постоянно опровергалъ свое основное положеніе. Не говоря о многихъ другихъ событіяхъ, которыя приводятся г. Грановскимъ, какъ способствовавшія къ утвержденію монархической власти во Франціи, даже «главное событіе Лудовикова царствованія», по розысканіямъ г. Грановскаго, не принадлежитъ Аб. Сугерію: народное ополченіе возникло по совѣту Амальриха Монфортскаго. Вотъ на что мы

высказанной нами главной мысли о сочинении г. Грановскаго, и какъ будто бы такіе соглашается даже съ нами, потому что сущность его защищенія состоитъ въ слѣдующемъ: если авторъ «Аѳинской Игемоніи» — предмета древней исторіи, гдѣ всѣ источники хорошо обработаны и

искали напрасно отвѣта у обѣихъ гг. рецензентовъ. Но за то г. Бабсть помѣстилъ въ своихъ «Замѣчаніяхъ» (59—64 стр.), хотя краткій, но мастерски изложенный очеркъ постепеннаго развитія феодальной системы. Въ одномъ мы могли бы его упрекнуть. Его взглядъ на образованіе феодальной системы основанъ на *борьбѣ аллодіальной системы съ бенефициальной*; а нашъ — на *борьбѣ германской системы раздробленія съ римскою системою единства*. Изъ этого различія въ основаніи нашихъ взглядовъ на феодальную систему г. Бабсть выводитъ не совсѣмъ логически заключеніе, что «предметъ этотъ намъ мало извѣстенъ». Развѣ зпать не такъ, какъ вы знаете, значить совсѣмъ не знать, или понимать иначе значить совсѣмъ не понимать? Г. Бабсть выводитъ феодальную систему въ цѣлости изъ германскихъ постановленій, а будетъ ли это справедливо? Укажите намъ источникъ и слѣды бенефиции въ древнихъ германскихъ постановленіяхъ. Бенефиція явилась на римской почвѣ, и образцемъ ихъ потому были отношенія римскихъ подданныхъ къ императору. Вы сами соглашаетесь, что (стр. 61) «тѣсно заселенныя земли доставались королю»; а изъ этихъ только земель образовались бенефиціи, гдѣ болѣе всего было твердо римское право. Отношенія личныя бенефициала къ сузерену не были извѣстны древнимъ германцамъ; они заимствовали ихъ очевидно у Римлянъ. Отчего-жѣ послѣ этого мы не можемъ утверждать, что феодализмъ развился изъ соединенія двухъ началъ: германскаго аллодіальнаго и римскаго бенефициальнаго? Мы не говоримъ однако, что г. Бабсту иначе извѣстенъ этотъ предметъ, а слѣдовательно, мало извѣстенъ. Напротивъ того, его очеркъ феодальной системы превосходитъ и далеко оставляетъ за собою все, что мы находимъ по этому предмету въ существующихъ у насъ руководствахъ; но при всемъ томъ, одни только подробныя и спеціальныя занятія феодальной системой, а не возгласы и фразы, могутъ рѣшить нашъ споръ о различіи основаній феодальной системы. То основаніе, которое лучше и легче будетъ объяснять всѣ безчисленныя явленія феодальнаго міра и приведетъ ихъ къ одному знаменателю, — то основаніе, конечно, сдѣлается общепринятымъ. Да позволить намъ г. Бабсть сдѣлать еще одно замѣчаніе къ его изложенію феодальной системы: раздѣленіе бенефиций (стр. 61) на не-графскія и графскія, которыя были «совершенно-новаго рода», немного неясно, и притомъ едва ли было существенное между ними различіе. По нашему мнѣнію, если мы не ошибаемся, первыя бенефиціи раздавались за одну военную службу; а вторыя — за управленіе землями; но управленіе землями предполагало, что лице имѣло уже бенефицію, слѣдов. втораго рода бенефиція была-бы только простымъ увеличеніемъ первой и не перемѣнила-бы существенныхъ отношеній графа къ сузерену. Вообще намъ кажется такое раздѣленіе бенефиций на 2 класса нѣсколько неточнымъ и отчасти не существеннымъ.

приготовлены — былъ въ своей магистерской диссертациі такъ неоснователенъ и ошибоченъ, то тѣмъ болѣе все это извинительно автору докторской диссертациі, предметъ которой заимствованъ изъ средней исторіи, и потому не имѣетъ такихъ обширныхъ приуготовительныхъ средствъ. Мы отказываемся рѣшительно отъ чести выдавать себя за мѣрило достоинства чужихъ трудовъ: недостатки магистерской диссертациі не могутъ оправдывать недостатковъ диссертациі докторской. Но мы не будемъ болѣе говорить объ этой сторонѣ рецензіи г. Леонтьева, а потому оставимъ безъ вниманія и всѣ тѣ личности, на которыя авторъ былъ вызванъ неволью своей косвенною апологіей. Наша рецензія на «Аббата Сугерія» не много потеряетъ отъ того, что кто-нибудь будетъ видѣть въ ней одну нашу склонность къ «процессу писанія»; по крайней мѣрѣ она потеряетъ столько, сколько можетъ выиграть отъ подобнаго голословнаго обвиненія самъ авторъ «Аббата Сугерія». Мы писали не ex officio и обращались не къ мелочамъ, какъ то дѣлаютъ другіе рецензенты; сдѣлавъ автору упрекъ въ томъ, что онъ своимъ сочиненіемъ не только не доказываетъ своей главной мысли, но даже вездѣ ее опровергаетъ, могли мы для доказательства справедливости такого упрека ограничиться *«первыми тремя»* страницами «Аббата Сугерія», какъ это дѣлаютъ также иныя рецензенты, или искать себѣ предлога въ боязни «растянутою рецензіею утомить читателя».

Но оставимъ всѣ эти личности и обратимся къ другой сторонѣ рецензіи г. Леонтьева, которая представляетъ, въ особенности для насъ, несравненно-болѣе занимательности, уже и потому, что сама рецензія была украшена именемъ лица, имѣющаго право на извѣстность по тому сочиненію, которое такъ хорошо доказало основательность знаній автора во всемъ, что касается до избраннаго имъ отдѣла изъ греческаго міра. Съ нами каждый согласится, что мы въ своемъ отвѣтѣ на рецензію г. Леонтьева не имѣемъ нужды руководствоваться авторскимъ самолюбіемъ, которое заставляетъ иногда защищать свои убѣжденія до послѣдней крайности: наше сочиненіе и для насъ

успѣло сдѣлаться прошлымъ; слѣдовательно, сознание въ той или другой ошибкѣ съ нашей стороны можетъ служить даже признакомъ того, что мы сами сдѣлали въ своихъ занятіяхъ успѣхъ и не довольствуемся прежними результатами своихъ изысканій. Но дальнѣйшія наши занятія, указавъ намъ на собственныя прежнія наши ошибки, съ другой стороны еще яснѣе оправдали многія наши новыя положенія, и притомъ главныя, съ которыми не соглашается г. Леонтьевъ. Однако при всемъ томъ мы считаемъ себя весьма обязанными автору рецензіи на наше сочиненіе за то, что онъ обратилъ свое вниманіе на нашъ трудъ, и доставилъ намъ такимъ образомъ случай высказаться яснѣе, чѣмъ это было возможно для насъ въ самой диссертациі, гдѣ результаты были тѣсно связаны съ своими посылками.

Систематическое изложеніе рецензіи г. Леонтьева весьма облегчаетъ и нашъ отвѣтъ, такъ-что мы будемъ въ настоящемъ случаѣ стараться отвѣчать по тѣмъ-же самымъ пунктамъ, которые были указаны г. рецензентомъ. Всѣ недостатки нашего разсужденія отнесены имъ къ тремъ отдѣламъ: 1) къ непониманію словеснаго смысла *доказательныхъ мьстъ*; 2) къ непониманію *объясненій, предложенныхъ новѣйшими учеными* и 3) къ *неловкости и къ неопытности въ тѣхъ приѣмахъ, которые доведены другими учеными до большаго совершенства*. Самое главное возраженіе, безъ сомнѣнія, есть второе, и потому мы начнемъ нашъ отвѣтъ прямо съ него: здѣсь г. Леонтьевъ коенулся сущности всего нашего разсужденія.

I. *Непониманіе объясненій, предложенныхъ новѣйшими учеными* (стр. 133—136). Сущность упрека, сдѣланнаго намъ г. Леонтьевымъ, состоитъ въ томъ, что будто мы сами создали какое-то опредѣленіе для аѳинской игемоніи, и потомъ сами-же опровергали такое созданное нами мнѣніе ученыхъ. Еслибы г. Леонтьевъ не ограничился при своемъ разборѣ «первыми тремя страницами» (стр. 136), то онъ безъ труда замѣтилъ-бы, что всѣ исчисленныя нами опредѣленія аѳинской игемоніи дѣйствительно существовали до насъ и были заимствованы нами у извѣстныхъ

ученыхъ, а вовсе не выдуманы нами. Такъ на стр. 8 нашего разсужденія выставлено опредѣленіе игемоніи, какъ какого-то военнаго учрежденія, приводимое Грѣномъ ванъ-Принстерфомъ; Германнъ, Ваксмуть, Бѣкъ и другіе ученые называли игемонію союзомъ. Самъ г. рецензентъ представляетъ самымъ яснымъ образомъ прежнее опредѣленіе игемоніи: «она была стратегическимъ и политическимъ предводительствомъ въ союзъ, образовавшемся послѣ Микальской побѣды изъ освободившихся отъ Персовъ малоазійскихъ колоній, какъ іонійскихъ, такъ эолійскихъ и дорійскихъ, и другихъ приморскихъ городовъ и острововъ» (стр. 134). Мы признаемъ это опредѣленіе вполне обыкновеннымъ, и дѣйствительно, на этомъ опредѣленіи остановилась наука при разрѣшеніи вопроса: что такое афинская игемонія? Это опредѣленіе было послѣднимъ, до котораго дошли ученые, и противъ него-то мы возставали въ нашемъ разсужденіи. «Полемика наша не поколебала въ немъ ни одной іоты», говоритъ г. Леонтьевъ. При этомъ прежде всего замѣтимъ, что мы никогда не принимались за рѣшеніе того или другаго вопроса науки съ намѣренною цѣлью, во что-бы то ни стало, опровергнуть старое мнѣніе. Потому наше изслѣдованіе вовсе не было однимъ схоластическимъ упражненіемъ въ діалектикѣ. Доказательствомъ тому служить то, что мы можемъ показать тѣ важныя побужденія, которыя руководили насъ при переизслѣдованіи вопроса, повидимому уже совершенно разрѣшеннаго. Бывъ предварительно знакомы съ опредѣленіемъ афинской игемоніи, которое господствовало въ современной наукѣ, и которое съ такою ясностью и вѣрностью было повторено и г. Леонтьевымъ, мы стали повѣрять это опредѣленіе другими историческими событіями и извѣстіями древнихъ. Вотъ каковы были первые результаты. По обыкновенному опредѣленію, афинская игемонія была стратегическимъ и политическимъ предводительствомъ въ союзъ, образовавшемся послѣ Микальской побѣды. И такъ, игемонія V-го столѣтія въ Греціи была союзомъ, составленнымъ по поводу войны съ Персами, и въ главѣ котораго стояли Афины. Вы знаете дальнѣйшую исторію Гре-

ции и спрашиваете теперь насъ: отчего-же въ такомъ случаѣ мы встрѣчаемъ аеинскую игемонію и послѣ 449 г., когда война съ Персами была уже окончена? Аеинская игемонія была союзомъ противъ Персовъ, слѣдовательно съ достиженіемъ цѣли союза она должна была уничтожиться сама собою. Этого мало: аеинская игемонія была только стратегическимъ и политическимъ первенствомъ Аеинъ въ союзѣ, откуда же въ такомъ случаѣ является подчиненность союзниковъ и въ отношеніи судебномъ и въ отношеніи финансовомъ? Нельзя не согласиться, что всѣ эти вопросы весьма естественные и логическіе. Они представились и намъ при началѣ нашихъ занятій. Но мы не могли такъ скоро отказаться отъ стараго мнѣнія, въ которому сами давно успѣли привыкнуть, и потому старались его по возможности защищать. Конечно, думали мы, Аеиняне во время войны успѣли пріобрѣсть чрезвычайную силу и мало по малу стали лишать прежде свободныхъ союзниковъ независимости, такъ-что ихъ добровольное подчиненіе превратилось въ постоянную обязанность. Дѣйствительно одно мѣсто Фукидида (I, 97) какъ бы подтверждаетъ наше объясненіе; мы читаемъ у него, что Аеиняне управляли сначала своими союзниками, какъ свободными, а потомъ мало-по-малу подчинили ихъ. Но насъ спросятъ: всѣ-ли союзники были подчинены Аеинянамъ, по окончаніи персидскихъ войнъ? У того-же Фукидида находится другое мѣсто, которое относится къ началу Пелопоннеской войны, слѣдов. къ времени послѣдующему за окончаніемъ персидскихъ войнъ; послы митилинскіе говорятъ въ Олимпіи: «Аеиняне поработили всѣхъ своихъ союзниковъ, «кромя насъ (Митилинцевъ) и Хійцевъ». Кто-же теперь не сдѣлаетъ новаго возраженія: понятно, что по окончаніи персидскихъ войнъ подчиненные союзники не смѣли отдѣлиться отъ Аеинъ, но что отъ этаго удерживало свободныхъ Митилинцевъ и Хійцевъ? Вотъ цѣлый рядъ мыслей, который предшествовалъ нашимъ занятіямъ, и который побудилъ насъ обратиться къ самымъ источникамъ, первоначально, конечно, съ цѣлью найти данныя къ поясненію и защитенію прежняго опредѣленія игемоніи, какъ союза

политическаго и стратегическаго противъ Персовъ. Но мы неожиданно дошли до совершенно-иныхъ результатовъ, которые дозволяли намъ выставить другое опредѣленіе игеμονіи аѳинской, при которомъ указанныя нами выше противорѣчія уничтожались сами собою.

Причины всѣхъ этихъ противорѣчій прежняго опредѣленія игеμονіи съ историческими событіями заключаются въ томъ, что нашъ вопросъ въ своемъ разрѣшеніи имѣлъ судьбу весьма-сходную съ судьбою многихъ другихъ историческихъ вопросовъ. Отсутствие критики въ историческихъ занятіяхъ долгое время было виною одностороннихъ опредѣленій и понятій въ нашей наукѣ. Такъ до Дройзена какое мы имѣли понятіе о Клеонѣ? Такое, котораго, быть-можетъ, держатся и до сихъ поръ тѣ, которымъ всякая критическая мысль и всякое отступленіе отъ авторитета кажутся парадоксами; они забываютъ, что и ихъ авторитеты также въ свою очередь казались парадоксами, когда они уничтожали авторитеты, имъ предшествовавшіе. Исторія долгое время представляла Клеона человѣкомъ самымъ безнравственнымъ, наглымъ, низкимъ честолюбцемъ. Дройзенъ былъ первымъ, который показалъ односторонность такого вовсе ненаучнаго взгляда, и поколебалъ старое мнѣніе, господствовавшее до него въ наукѣ. Когда историческія занятія стояли еще на степени *наивности* и заключались въ одномъ приведеніи въ систематическій порядокъ извѣстій современниковъ, тогда конечно не могло не составиться такое мнѣніе о Клеонѣ, какое мы видимъ до Дройзена; возьмите аристофановыхъ «Всадниковъ», и съ перваго раза выгодное мнѣніе Дройзена о Клеонѣ вамъ покажется удивительнымъ парадоксомъ; а обратите вниманіе на положеніе Аристофана и современнаго ему общества, раздробленнаго на партіи, вы согласитесь непременно, что оставаться при старомъ взглядѣ на значеніе Клеона значило-бы тоже, что, прочтя «Облака» и другія комедіи Аристофана, смотрѣть на Сократа, какъ на человѣка низкаго, безнравственнаго, для котораго не было ничего святаго ни въ религіи, ни въ законахъ его соотечественниковъ. Совершенно ту-же участь имѣлъ и нашъ вопросъ.

Читая Фукидида, какъ и Аристофана въ предъидущемъ вопросѣ, единственно съ цѣлью заимствовать у него одни событія, вы будете смотрѣть на аѳинскую игемонію, какъ на явленіе самое незаконное, какъ на вопіющую несправедливость, основанную на одной физической силѣ и эгоизмѣ Аѳинъ. Теперь, если кто-нибудь вамъ скажетъ, что аѳинская игемонія была столько-же тиранніею, сколько Клеонъ безнравственнымъ и ничтожнымъ человѣкомъ, то вы будете опять удивлены и скажете вмѣстѣ съ г. рецензентомъ (с. 196): «какая, въ самомъ дѣлѣ, могла быть привязанность (къ аѳинской игемоніи) у людей потерявшихъ «даже право собственности на своей землѣ и платившихъ оброкъ аѳинскимъ клирухамъ?» Наше мнѣніе въ защиту аѳинской игемоніи покажется вамъ парадоксомъ, и все это только потому, что вы не хотите обратить критическаго вниманія на смыслъ извѣстій Фукидида. Но кромѣ такого отсутствія критики, которое до сихъ поръ было однимъ изъ главныхъ источниковъ превратнаго представленія событій древней исторіи, въ нашемъ вопросѣ были и другія причины, которыя имѣли вліяніе на его одностороннее рѣшеніе. Часто смотрѣли на исторію, какъ на какое-то нравственное ученіе, и потому избирали ее орудіемъ для проведенія той или другой мысли. Вопросъ о сѣверо-американскихъ колоніяхъ обратилъ вниманіе ученыхъ прошедшаго столѣтія на греческія колоніи. Враги Англіи и защитники Сѣверо-Американцевъ употребили въ дѣло греческую исторію и стали доказывать, что аѳинская игемонія была тиранніею. Изъ такихъ ученыхъ особенно замѣчательны Бугенвилль, который и напечаталъ свое сочиненіе въ Филадельфіи, потому-что во Франціи, правительство которой еще не находилось въ разрывѣ съ Англіею, не могло быть и дозволено подобное сочиненіе: вотъ доказательство, какъ иногда исторія дѣлалась орудіемъ одной политики. Таковъ былъ ходъ рѣшенія нашего вопроса въ наукѣ, и намъ это было не безызвѣстно, а потому мы и рѣшились переислѣдовать его и подвергнуть строжайшей исторической критикѣ. Результатомъ нашихъ изысканій было слѣдующее: игемонія Аѳинъ вовсе не была тиран-

нією, а потому прежнее опредѣленіе ея, какъ стратегическаго и политическаго союза, изъ котораго необходимо вытекаетъ взглядъ на аѣинскую игемонію, какъ на тираннію, совершенно-ложно, ибо допускаетъ такіа ложныя заключенія. А то, что аѣинская игемонія не была тираннією, выводится изъ того, что ее представляетъ такую однуъ Фукидидъ и его партія, а противники этой партіи уже и тогда смотрѣли на аѣинскую игемонію съ другой точки зрѣнія и называли ее своимъ спасеніемъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время держаться въ наукѣ мнѣнія объ аѣинской игемоніи, какъ о тиранніи, значило-бы не болѣе, какъ самымъ наивнымъ и безосознательнымъ образомъ оставаться аристократомъ аѣинскимъ, чего конечно съ сознаніемъ сдѣлать нельзя. Дѣло науки говорить не языкомъ той или другой партіи и давать опредѣленіе игемоніи не аристократическое или димократическое, а *историческое*, между-тѣмъ до сихъ поръ наивная исторія упорно держалась при опредѣленіи аѣинской игемоніи — а опредѣленіе выражаетъ понятіе — по аристократическому взгляду Фукидида. Самое опредѣленіе аѣинской игемоніи, какъ злоупотребленнаго насиліемъ союза, вытекало изъ апріорическаго мнѣнія объ игемоніи, какъ о тиранніи, а потому, имѣя данныя противъ послѣдняго, мы не могли не измѣнить и перваго: оно уничтожалось даже само собою.

Но впрочемъ читайте внимательнѣе даже и самого Фукидида, и вы найдете у него много событій и извѣстій, которыя заставляютъ непремѣнно васъ подумать, что и въ его время не всѣ судили подобно ему объ игемоніи Аѣинъ. Мы указали въ своемъ разсужденіи довольно такихъ мѣстъ, и не знаемъ, почему угодно было г. рецензенту избрать изъ нихъ только два и притомъ менѣе-убѣдительныхъ, нежели другія. Г. Леонтьевъ даже можетъ ввести читателя въ обманъ, прибавляя (стр. 136): «по приведеніи этихъ (*и только этихъ*) опроверженій» и т. д.; между-тѣмъ-какъ мы представили ихъ очень много, не останавливайтесь только на одномъ нашемъ введеніи, а прочтите самое разсужденіе съ 63 стр. и далѣе. Здѣсь можно увидѣть слѣдующіе примѣры. У Фукидида (III, 47)

мы читаемъ: «димъ во всѣхъ городахъ *расположенъ* (*ἔτυον* «*быт*) къ Аѳинянамъ». Какъ вы согласите такое извѣстiе съ понятiемъ объ игомони, какъ о тираннiи? Не будутъ-ли слова г. Леонтьева (стр. 136): «какая, въ самомъ дѣлѣ, могла быть привязанность у людей, потерявшихъ даже право собственности на своей землѣ и платившихъ оброкъ аѳинскимъ клирухамъ?» — не будутъ-ли эти слова въ прямомъ противорѣчiи съ извѣстiемъ Фукидида? Далѣе: отчего намъ попадаются у Фукидида примѣры привязанности такъ называемыхъ порабощенныхъ городовъ къ Аѳинянамъ; отчего эти города сами, такъ сказать, ищутъ рабства и добровольно подвергаются этой тираннiи, т. е. игомони аѳинской? Наприм. митилинскiе димоты (Фук. III 27), во время осады ихъ города Аѳинянами, получивъ оружіе, перешли на сторону Аѳинянъ; точно также поступили и Мендейцы (Фук. IV, 130). «Но въ обоихъ приведенныхъ (Фук. III, 27 и IV, 130) мѣстахъ», говоритъ г. Леонтьевъ, (стр. 136), «о привязанности нѣтъ ни слова». Мы дѣйствительно въ нашемъ разсужденiи не цитовали собственныхъ словъ Фукидида, а сдѣлали одну ссылку; но если-бы г. рецензентъ справился въ текстѣ, то онъ вѣроятно согласился-бы, что въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ привязанность Митилинцевъ и Мендейцевъ къ Аѳинамъ обнаружена не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Такъ-какъ г. Леонтьевъ нѣсколько разъ изъяснялъ свое сомнѣнiе въ этихъ двухъ послѣднихъ мѣстахъ, то мы и считаемъ теперь необходимымъ привести ихъ въ подлинникъ:

1, *αὐτοὶ συχορήσαντες πρὸς Ἀθηναίους Ἀΐαβαν παραδώσειν τὴν πόλιν*, т. е. они (митилинскiе димоты), заключивъ договоръ съ Аѳинянами, обѣщали сдать имъ городъ. Фук. III, 27.

2, *ὁ δῆμος ἐνθὺς ἀναλαβὼν τὰ ὄπλα περιουρῆς ἐχάρει ἐπὶ τε Πελοποννησίους*, т. е. раздраженный димъ, схвативъ оружіе, напалъ на Пелопоннесцевъ. Фук. IV, 130.

Безъ сомнѣнiя, если Аѳиняне осаждали Митилинъ и Мендею, то нельзя было части жителей того и другаго города безъ особенной привязанности къ Аѳинянамъ оказать

имъ помощь, въ первомъ случаѣ, противъ своихъ согражданъ, во второмъ, противъ Пелопоннисцевъ, которые пришли защищать Мендэю отъ Аѳинъ.

Если-бы аѳинская игемонія была тиранніею, то что могло-бы быть причиною возмущенія городовъ противъ своего игемона? Конечно насиліе и жестокости Аѳинянъ. У Фукидида сохранилась въ подробности исторія отложенія Митилина, но мы видимъ изъ рѣчи его послдовъ, что Аѳиняне до того времени обходились съ ними весьма-ласково и снисходительно (*ἐν τῇ εἰρήνῃ τιμώμενοι ὑπ' αὐτῶν* (*Ἀθηναίων*) *ἐν τοῖς δεινοῖς* к. т. л. Фук. III, 9), а что эти отложились отъ Аѳинъ, потому-что разошлись съ ними въ политическомъ мнѣніи, а при различіи въ мнѣніяхъ, прибавили послы, является и различіе въ поступкахъ (*ἐν γὰρ τὸ διαλλάττοντι τῆς γνώμης* к. т. л. Фук. III, 10) Наконецъ, если аѳинская игемонія была тиранніею, то, подумаетъ иной, результатомъ возмущенія притѣсненныхъ городовъ конечно было ихъ освобожденіе? Никогда! Городъ повинный, освободившись отъ Аѳинъ, искалъ не свободы, а господства Спарты, которая и давала ему правителя съ неограниченною властью (*ἀριστοκράτης*). Такъ Спартанцы поставили Клеариды въ Амфиполъ, Епителиды въ Тэронъ, Фук. IV, 132; срав. Плут. Лисанд. 13, 14 и 15; Павс. IX, 6, I. Мы можемъ привести здѣсь еще одно мѣсто Фукидида изъ нашего-же разсужденія, которое было незамѣчено Г. Леонтьевымъ вмѣстѣ съ многими другими («Аѳинск. Игем.» стр. 65). Описывая цѣль похода Аѳинянъ въ Сицилію, Фукидидъ (VI, 69) говоритъ, что повинные города шли тѣмъ съ большимъ рвеніемъ противъ Сицилійцевъ, что въ настоящее время *только побѣда могла доставить имъ спасеніе*. Еслибы аѳинская игемонія была тиранніею, то какимъ образомъ поработанные города могли ожидать своего спасенія отъ побѣды Аѳинянъ? Это мнѣніе Фукидида при старомъ опредѣленіи игемоніи кажется совершеннымъ парадоксомъ. Мы въ нашемъ разсужденіи (стр. 66) успѣли объяснить это видимое противорѣчіе между желаніемъ побѣды Аѳинянамъ со стороны повинныхъ городовъ и между ихъ политическимъ положеніемъ. Но какъ объяснить намъ г. рецензентъ всѣ приведен-

ныя нами событія и извѣстія, не отступая ни на шагъ отъ логики и оставаясь при старомъ мнѣніи объ аѳинской игемоніи, какъ о союзѣ стратегическомъ и политическомъ, и слѣд. какъ о тиранніи, ибо союзъ безъ насилія не могъ-бы продолжаться и по окончаніи своей цѣли, и Аѳиняне, бывъ только главою своихъ союзниковъ въ отношеніи стратегическомъ и политическомъ, не могли-бы безъ злоупотребленія пріобрѣсть себѣ власть судебную и финансовую? Не должно-ли будетъ согласиться, что прежнее мнѣніе объ аѳинской игемоніи составилось въ наукѣ случайно, какъ случайно сохранился намъ Фукидидъ, а не другой какой-нибудь демократическій писатель? Можетъ-ли ученый критикъ допустить предлагаемое до сихъ поръ опредѣленіе игемоніи, какъ политическаго и стратегическаго союза, когда изъ такого опредѣленія ясно слѣдуетъ, что аѳинская игемонія была тиранніею — слѣдствіе, которому мы находимъ противорѣчіе у самого-же Фукидида?

Между-тѣмъ до сихъ поръ въ наукѣ господствовало именно то опредѣленіе аѳинской игемоніи, которое выставилъ и Г. Леонтьевъ, со всѣми результатами, вытекавшими изъ него по логической необходимости. Такъ Ваксмуть (I т., 2-я тетр. 213 стр. Галле. 1843) — не говоря о Бёккѣ: онъ писалъ еще въ 1817 — прямо называетъ аѳинскую игемонію тиранніею, *Zwingherrtschaft*. Подвергая критической повѣркѣ такой взглядъ, мы на основаніи показанныхъ нами мѣстъ усомнились въ его истинѣ и старались дать *историческое* опредѣленіе игемоніи. По нашему мнѣнію, основанія котораго будутъ указаны ниже, *игемонія Аѳинъ была вторымъ видомъ государственнаго устройства Греціи, когда первый видъ — митропольное устройство — стала терять свою значимость и законность*. Вотъ что это значитъ. Греція, если разсматривать ее какъ цѣлое, при всей своей раздробленности, всегда сохраняла единство не только внутреннее, по языку, вѣрѣ и т. д., но также и внѣшнее. Но видъ этого внѣшняго единства въ различныя времена имѣлъ различный характеръ и различныя основанія или условія. Первоначально Греція представляется намъ соединенною въ двѣ большія половины *на основаніи додства*; это и было митропольное устройство.

Іонійскія колоніи сосредоточились около Аѳинъ, дорійскія окружали Спарту. Въ первое время происхожденіе было достаточною связью; но потомъ вслѣдствіе климатическихъ и другихъ условій колоніи расходилась въ политикѣ съ своею метрополіею, такъ іонійская колоніа дѣлалась аристократическою, а дорійская демократическою въ противоположность своимъ метрополіямъ. Что-же изъ этого произошло? Греція осталась по прежнему въ томъ-же видѣ, сохраняя свое внѣшнее единство въ двухъ большихъ половинахъ, спартанской и аѳинской, только измѣнились основанія ихъ внутренняго состава: прежде около Спарты соединялись *дорійскія* колоніи, а около Аѳинъ *іонійскія*, слѣд. соединеніе основывалось на родствѣ; теперь около Спарты соединяются *аристократическія* колоніи, а около Аѳинъ *демократическія*, слѣд. соединеніе теперь основывается не на *родствѣ*, а на *политикѣ*; этотъ новый видъ единства отличается отъ прежняго своимъ основаніемъ и называется *игемоническимъ*. По сущности игемоническое устройство есть то-же самое метропольное, только составъ его обуславливается не *родствомъ*, а *политикою*. Новое названіе произошло слѣдующимъ образомъ. Когда колоніи стали выбирать себѣ метрополіи на основаніи политики, а не родства, то изъ всѣхъ правъ метропольныхъ сдѣлалось конечно самымъ необходимымъ удерживать непокорныхъ вооруженною рукою и предводительствовать тѣми колоніями, которыя оставались вѣрными; это право предводительства, при частомъ его употребленіи, замѣнило родовое названіе — метрополія, новымъ названіемъ — предводителя (*ἡγεμῶν*). Это простое объясненіе значенія аѳинской игемоніи не могло быть развиваемо отчасти и потому, что до сихъ поръ подъ «исторіею Греціи» разумѣлась обыкновенно частная исторія или Аѳинъ, или Спарты, между-тѣмъ аѳинская игемонія составляетъ явленіе «исторіи греческаго народа», которая пока еще остается *ria desideria*. Никто не разсматривалъ Грецію въ ея *внѣшнемъ* единствѣ, а это единство внѣшнее всегда существовало. Не смотря на все различіе внутренняго устройства, греческія *города-государства* были отъ перваго времени до послѣдняго связаны между собою *внѣшнимъ* образомъ.

Еще до времени персидской и пелопоннесской войны мы видимъ лилантскую войну, въ которой, по словамъ Оукидида (I, 15), принимала участіе вся Греція. Лилантская война составляетъ одинъ изъ лучшихъ отрывковъ несуществующей пока исторіи греческаго народа. По нашему мнѣнію Греція всегда составляла то, что нынѣ мы называемъ штаты, и въ исторіи греческаго народа слѣдовало-бы показать его исторію именно съ этой точки зрѣнія. Первые греческіе штаты въ своихъ отношеніяхъ основывались на родствѣ, и потому въ первую эпоху исторіи греческаго народа до VI стол. мы видимъ *митропольныя штаты*; въ V стол. взаимныя отношенія штатовъ остались тѣже, только внутренній ихъ составъ измѣнился, опредѣляясь не родствомъ, а политикою, а потому вторую эпоху исторіи греческаго народа мы можемъ назвать *игемоническими штатами*. Такимъ образомъ до конца V-го столѣтія исторія греческаго народа представляетъ намъ вышнее единство въ видѣ штатовъ, въ которомъ одни подчинены другимъ сначала на основаніи родства, потомъ на основаніи политики. Въ IV-мъ столѣтіи развились новыя понятія государственнаго устройства, недопускавшія подчиненіе одного штата другому, и потому теперь начинается новая, третья эпоха исторіи греческаго народа, которую мы можемъ назвать *соединенныя штаты*; таковы были ахэйскій и атольскій союзы въ III-мъ столѣтіи, гдѣ каждый членъ присоединялся къ другому, какъ равный къ равному. Вотъ три эпохи, которыми мы думаемъ характеризовать исторію греческаго народа. Здѣсь видно, какое значеніе должна имѣть игемонія въ Греціи: она была необходимая ступень отъ патріархальнаго митропольнаго устройства, покоившагося на необходимой зависимости, къ тому, что у Грековъ называлось *политеія*, гдѣ независимость одного не требовала зависимости другаго. Со временемъ мы надѣемся когда-нибудь еще подробнѣе развить нашу идею «исторіи греческаго народа» и представить и самое ея содержаніе, а теперь мы могли только имѣть въ виду объяснить сдѣланное нами выше опредѣленіе аѳинской игемоніи, какъ новаго государственнаго устройства Греціи, которое, подобно митропольному, связывало отдѣльныя

части подчиненіемъ всѣхъ одному, но въ составѣ этихъ частей обуславливалось не родствомъ, а политикою. Къ счастью нашему у Фукидида сохранился одинъ примѣръ, который представляетъ намъ живую картину того самаго момента, гдѣ совершался переходъ отъ митрополиі къ игемоніи. Въ этомъ частномъ примѣрѣ исчерпывается вся исторія греческаго народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждается нагляднымъ образомъ взглядъ нашъ на игемонію и на всю исторію греческаго народа. Мы говоримъ объ Амфиполѣ. Извѣстно, что Амфиполь былъ колоніею іонійской, и потому въ митропольную эпоху этотъ городъ былъ подчиненъ Аѣинамъ. Когда родство было замѣнено политикою, судьба Амфиполя не измѣнилась: имѣя у себя демократическое устройство, этотъ городъ не имѣлъ нужды оставлять Аѣинъ и могъ признать игемономъ того же, кого прежде признавалъ митрополиею. Конечно амфипольскіе аристократы смотрѣли на игемонію Аѣинъ, какъ на тираннію, и искали случая перейти къ Спартѣ; напротивъ того демократы амфипольскіе, опасаясь притязаній Спарты, видѣли въ аѣинской игемоніи свое спасеніе: Аѣины защищали ихъ отъ Спарты и чрезъ то отъ перевѣса аристократовъ. Однако впоследствии въ Амфиполѣ одержала верхъ аристократія, и городъ, разумѣется, призналъ игемономъ Спарту. Врасидѣ, спартанскій полководецъ, явился на помощь аѣинской колоніи, и, хотя самъ палъ въ битвѣ съ Клеономъ, но Спартанцы выиграли побѣду, и Амфиполь остался за ними. Здѣсь-то мы и видимъ справедливость нашего мнѣнія о происхожденіи игемоніи изъ митрополиі: идея законности была еще такъ сильна въ концѣ V-го столѣтія, и мысль о томъ, что игемономъ можетъ быть только городъ митропольный, имѣла такое значеніе, что Амфипольцы (Фук. V, 11) прибѣгли къ фикціи и объявили себя колоніею (*ἀποικία*) Спарты, совершивъ предварительно всѣ формальные обряды. Обыкновенно колонія обоготворяла своего вожата, строила ему памятникъ, зданія въ честь его, и все это было сдѣлано Агнону, аѣинскому вожатая; теперь Амфипольцы разрушили эти зданія и памятники и построили новыя въ честь Врасиды, объявивъ его своимъ полубогомъ, какъ основателя колоніи. Послѣ

соблюденія этихъ формальностей, Амфиполь былъ объявленъ спартанскою колоніею: конечно такая фикція была исторически-ложною, но въ ней выразился духъ времени. Мы упомянули и въ своемъ разсужденіи (13 стр. 31 прим.) объ этомъ поразительномъ событіи, которое такъ ясно указываетъ, на чемъ основывалась игемонія, именно на митропольскомъ устройствѣ, потому намъ очень показалось страннымъ, что г. рецензентъ увѣряетъ читателей, будто мы свое положеніе о происхожденіи игемоніи отъ митрополи основывали только на одномъ мѣстѣ Фукидида, и то на такомъ, гдѣ говорится не объ аѳинской, а о коринѳской игемоніи, и прибавляетъ, что (стр. 135) «опроверженіе, основанное на этомъ мѣстѣ, имѣетъ такую-же силу, какъ ежели-бы мы стали опровергать всѣ существующія мнѣнія объ аѳинской игемоніи, опираясь или на Ксѣн. Анаб. 4, 7, 8, гдѣ $\eta\upsilon$. значить команду отрядомъ «войска, или на ораторовъ, у которыхъ $\eta\upsilon$. иногда значить компетенцію суда, или на Плут. Мар. 36, гдѣ $\eta\upsilon$. означаетъ даже римское консульство. Говоря объ аѳинской игемоніи, надобно опираться на мѣста, относящіяся къ аѳинской игемоніи». Мы не спрашиваемъ, почему г. Леонтьевъ не замѣтилъ упомянутого нами примѣра объ Амфиполѣ, заимствованнаго изъ аѳинской игемоніи, и почему онъ опустилъ и другіе доводы; замѣтимъ только, во 1-хъ, что коринѳская игемонія, какъ то вѣроятно извѣстно и г. рецензенту, не относится ни ко временамъ Агисіады, ни ко временамъ Александра В., а еще менѣе ко временамъ римскимъ. Коринѳская Игемонія относится къ 430-мъ годамъ, и потому, какъ современная игемонія Аѳинъ, могла быть избрана нами для объясненія послѣдней. Замѣтьте къ тому, что Коринѳяне основываютъ свои игемоническія притязанія не на *собственныхъ* законахъ, а на законахъ всей Греціи (*κατά τοὺς Ἑλληνῶν νόμους*. Фукид. I, 41.); слѣд. эти законы могли относиться и къ Аѳинамъ. Во 2-хъ, г. рецензентъ не хотѣлъ знать самого разсужденія, а оставался при одномъ введеніи, гдѣ мы только знакомили читателя съ нашимъ вопросомъ, и потому не имѣли въ виду доказывать нашихъ убѣжденій вполнѣ, предоставляя все это самому разсужденію. Еслибы г. рецензентъ дошелъ до

15 и слѣд. стран. нашего разсужденія, то легко увидѣль-бы, что мы, говоря объ аѳинской игемоніи, опирались на мѣстахъ, относящихся къ ней. Такъ мы указали («Аѳ. Иг.» стр. 16) одно мѣсто Фукидида (I, 95), гдѣ сказано, что Аѳиняне приняли игемонію «по родству» (*κατὰ τὸ συγγένες*); слѣдов. и аѳинская игемонія основывалась также на митропольныхъ отношеніяхъ. И такъ вотъ нашъ отвѣтъ вкратцѣ на первыя возраженія Г. Леонтьева. По мнѣнію г. рецензента, мы не пережънили своею полемикою ни одной іоты въ прежнемъ взглядѣ на аѳинскую игемонію. До насъ аѳинская игемонія считалась тиранніею Аѳинъ, ибо разсматривалась какъ стратегическій и политическій союзъ подъ предводительствомъ Аѳинянъ; — по нашему мнѣнію, аѳинская игемонія была новымъ видомъ государственнаго устройства Греціи, образовавшимся изъ митрополіи, и потому имѣла свое внутреннее значеніе помимо взглядовъ аристократовъ и демократовъ ей современныхъ. Очевидно, наше опредѣленіе не только отлично, но и противоположно прежнему опредѣленію, а потому Г. Леонтьевъ не совсѣмъ справедливъ, увѣряя, что наше опредѣленіе не измѣняетъ ни іоты стараго опредѣленія. Для того, чтобы быть справедливымъ, г. рецензенту слѣдовало устранить всѣ возраженія, сдѣланныя нами противъ опредѣленія аѳинской игемоніи, какъ союза, но онъ этого не сдѣлалъ. Что-же касается до возраженій Г. Леонтьева противъ нашего новаго опредѣленія игемоніи по ея происхожденію изъ митрополіи, то здѣсь г. рецензентъ поставилъ себя въ противорѣчіе съ собственнымъ желаніемъ быть благонамѣреннымъ: къ чему увѣрять, что мы все положеніе основываемъ только на *одномъ* доводѣ, который по себѣ дѣйствительно не имѣетъ полной силы, и къ чему, пропуская важнѣйшіе доводы, давать еще совѣтъ опираться на мѣста, относящіяся къ аѳинской игемоніи, если дѣло идетъ о ней? Какъ будтобы мы этого не сдѣлали?

Но вотъ еще одно обвиненіе, въ которомъ г. рецензентъ видитъ новое доказательство непониманія нами объясненій, предложенныхъ учеными. Здѣсь уже мы прямо видимъ, что г. рецензентъ, говоря его языкомъ, имѣлъ *заднія мысли*. Ему нужно было непременно доказать, что въ

нашемъ разсужденіи нѣтъ ничего новаго, «кромя раздѣленія «военскихъ клирухій на два разряда», хотя и здѣсь названіе одного разряда показалось г. рецензенту неудачнымъ. Но такія «заднія мысли» не могли обойтись безъ промаха. Мы утверждаемъ въ нашемъ разсужденіи, что автономія городовъ обыкновенно принималась за независимость. «Это для насъ ново,» говоритъ г. Леонтьевъ (стр. 134). А гдѣ вы видѣли, спрашиваемъ мы въ свою очередь, чтобы автономія считалась зависимостью? Г. Леонтьевъ отвѣчаетъ намъ, что у Бека на 433 стр. Но вотъ что говоритъ Бекъ въ этомъ мѣстѣ: die immerwährenden Bundesgenossen theilen sich in *selbständige* (αὐτόνομοι) und *unterwürfige* (ὑπήκοοι), т. е. постоянные союзники дѣлились на *самостоятельныхъ* и *подчиненныхъ*. Какъ же Бекъ характеризуетъ своимъ переводомъ автономію? Очевидно, онъ понимаетъ подъ автономією самостоятельность. А мы именно и говоримъ, что подъ автономією обыкновенно разумѣли независимость, самостоятельность, свободу и множество другихъ синонимовъ. Вотъ первый промахъ Г. Леонтьева: если онъ имѣлъ самъ въ виду слова Бека, то наше мнѣніе для него было новостью. Опорю нашему мнѣнію служитъ отысканное нами мѣсто Эукидида (VI, 85), гдѣ союзники военскіе дѣлятся на *автономическихкихъ* и *независимыхъ*, или самостоятельныхъ, свободныхъ и т. д., Г. Леонтьевъ увѣряетъ, что и это мѣсто давно извѣстно, и что «Эукидидово различіе отъ слова до слова соответствуетъ различію, сдѣланному Бекомъ на 433 стр.» (стр. реценз. 135). Для ясности поставимъ рядомъ наше или Эукидидово различіе союзниковъ военныхкихъ съ различіемъ Бека.

Бекъ: всѣ постоянные союзники раздѣлялись на:

- 1, самостоятельныхъ и
- 2, подчиненныхъ.

Эукидидъ: одни изъ союзниковъ военныхкихъ были:

- 1, автономическіе, а другіе
- 2, не зависящие, свободные, самостоятельные.

Эти два дѣленія соответствуютны другъ другу, говоритъ Г. Леонтьевъ. Такъ-ли? Самостоятельные союзники Бека дѣйствительно соответствуютъ автономическимъ Эукидида,

но подчиненные у Бека неужели одно и то-же съ независи-
мыми, свободными и самостоятельными союзниками у
Θυκιδίδα? Здѣсь Г. Леонтьевъ безъ сомнѣнія только увлекся:
последнее невозможно! По нашему мнѣнію, слова Θυκιδίδα
не только не соотвѣтствуютъ дѣленію Бека, но и совершен-
но опровергаютъ его значеніе. Если Θυκιδιδъ отличаетъ отъ
автономическихъ союзниковъ независимыхъ, свободныхъ,
самостоятельныхъ, то какъ послѣ этого Бекъ могъ пере-
водить «автономическій» словомъ «самостоятельный»? Если
такой переводъ вѣренъ, то дѣленіе Θυκιδίδα антилогиче-
ское, ибо, если «автономія» и «самостоятельность» были-
бы торжественны, то Θυκιδидъ, раздѣляя аѳинскихъ союз-
никовъ на автономическихъ и самостоятельныхъ, раздѣ-
лилъ-бы ихъ на *самостоятельныхъ* и *самостоятельныхъ*.
Кто изъ насъ въ этомъ случаѣ, мы-ли, или Г. Леонтьевъ,
не поняли объясненій, предложенныхъ новѣйшими учеными,
рѣшеніе этого вопроса мы предоставимъ читателямъ, а сами
перейдемъ къ другому отдѣлу рецензіи, который по ея си-
стемѣ помѣщенъ на третьемъ мѣстѣ.

II. Г. рецензентъ обвиняетъ насъ *въ неопытности и
неловкости въ тѣхъ пріемахъ, которые доведены до та-
кого совершенства людьми, разработывавшими источники
греческой и римской исторіи* (стр. 136-140). Мы вполне
раздѣляемъ мнѣніе Г. рецензента и соглашаемся въ томъ,
что недостатки подобнаго рода составляютъ неизбѣжную
принадлежность всѣхъ первыхъ ученыхъ или литературныхъ
опытовъ. Мы сами теперь находимъ, что въ нашемъ раз-
сужденіи многое выражено нами не совсѣмъ точно; мно-
гое могло-бы быть лучше обработано. Но соглашаясь вс-
обще въ справедливости мнѣнія Г. рецензента, которое мо-
жетъ быть примѣнено почти къ каждому ученому или ли-

* Кажется, Г. Леонтьевъ основываетъ свое возраженіе на провагольничъ раз-
личіи двухъ синонимовъ: «независимый» и «самостоятельный», и говоритъ,
что въ началѣ аѳинской игомоніи всѣ города были независимы, а потомъ
потеряли свою независимость и раздѣлились на самостоятельные и под-
чиненные. Потому онъ упрекаетъ насъ въ томъ, что мы смѣшали два
понятія *selbständig* и *unabhängig*; но это синонимы одного и того-же по-
нятія, и Бекъ не думалъ ихъ различать и переводилъ *αὐτόνομοι* то тѣмъ,
то другимъ словомъ. См. 428 стр.: *unabhängig* (*αὐτόνομοι*) и 433 стр.
selbständig (*αὐτόνομοι*).

тературному произведенію— ибо что́ не нуждается въ усовершенствованіи? — мы съ другой стороны не вполнѣ соглашаемся на тѣ доводы, которые приводятся г. рецензентомъ для доказательства нашей неопытности и неловкости въ ученыхъ приемахъ. Наше разсужденіе, конечно, не могло избѣгнуть общей участи, и заключаетъ въ себѣ многое, что можетъ обличать автора въ неопытности и неловкости, только это видно не въ тѣхъ мѣстахъ, которыя приводятся г. Леонтьевымъ. Онъ говоритъ (стр. 137), что мы *кстати* привели два вышеупомянутыя мѣста Эукидида (III, 27 и IV, 130), и вывели изъ нихъ то, что изъ нихъ вовсе не слѣдуетъ. Въ нашемъ разсужденіи (стр. 3 и 63) требуется доказать, что города повинные не считали афинской игемоніи тиранніею, и сл. своего положенія— рабствомъ. Съ этою цѣлью указали мы многія мѣста Эукидида, которыя говорили въ нашу пользу, и въ томъ числѣ и эти 2 случая, гдѣ митилинскій димъ (III, 27) помогаетъ Афинянамъ, своимъ притѣснителямъ (? 1), и другое мѣсто (IV, 130), гдѣ также поступаютъ Мендейцы. Читатели могутъ судить, *кстати*-ли приводятся нами эти два случая, и то-ли мы изъ нихъ вывели, что изъ нихъ слѣдуетъ.

Далѣе насъ упрекаютъ въ томъ, что мы, вывода игемоническое устройство изъ митропольнаго, сдѣлали обзоръ этого митропольнаго устройства такъ, что его можно было-бы сдѣлать удовлетворительнѣе по однимъ учебникамъ. Очевидно, г. рецензентъ имѣетъ совершенно-различный взглядъ съ нами на составъ ученыхъ монографій. Многіе дѣйствительно считаютъ нужнымъ въ монографіяхъ говорить съ одинаковою подробностью о главныхъ предметахъ и побочныхъ, но мы не раздѣляемъ такого мнѣнія. Вопросъ о митропольномъ устройствѣ могъ-бы составить предметъ особенныхъ изысканій, а потому мы упомянули о немъ только въ той степени, сколько это было необходимо для главной цѣли нашего разсужденія. Намъ нужно было показать, что отношеніе колоній къ митрополи было зависимое, а это видно уже и въ краткомъ нашемъ обзорѣ. Въ нашей рецензій на сочиненіе г. Грановскаго мы даже не усомнились счесть недостаткомъ подобныя отступленія, какъ напр. о воспитаніи Людовика VI (на 10 стр.), объ исторіи Фландріи (на 16 стр.) и др.

Эти отступления у г. Грановскаго сами по себѣ превосходны, прекрасно рисуютъ картину современнаго феодальнаго быта, но они вовсе не гармонируютъ съ главною задачею критическаго разсужденія. Потому-то мы и нашли совершенно-неудобнымъ писать въ разсужденіи еще нѣсколько разсужденій. Несравненно важнѣе то возраженіе г. Леонтьева, что мы въ нашемъ краткомъ обзорѣ сдѣлали ошибку, основывая зависимость колоній отъ митрополи въ дѣлахъ религіозныхъ на схолиастъ Ѳукидида — слѣд. на источникъ недостоверномъ, — и на одномъ мѣстѣ Тацита, гдѣ религіозная зависимость Колофона и Милита не есть фактъ, а предположеніе Рауль-Рашетта, основанное на сравненіи этого-же мѣста съ упомянутымъ схолиастомъ. Схолиастъ самъ по себѣ конечно источникъ не достоверный, если не имѣется ничего, что сколько-нибудь подтверждало-бы его замѣчаніе. Между-тѣмъ мы находимъ у Ѳукидида въ той-же самой главѣ (I, 25), которую разбираетъ и схолиастъ, одно извѣстіе, которое дѣлаетъ слова схолиаста весьма-правдоподобными. Коринтяне упрекаютъ свою колонию, Керкиру, въ томъ, что «она не отдаетъ имъ на публичныхъ собраніяхъ почестей, и не отпращиваетъ жертвоприношеній подъ главнымъ управленіемъ Коринтянина, какъ это дѣлаютъ другія колоніи». При такихъ словахъ Ѳукидида и при отсутствіи всякаго другаго противорѣчащаго извѣстія, кто не обратитъ вниманія и на свидѣтельство схолиаста? Или вовсе не должно ссылаться на схолиастовъ! Что-же касается до ссылки нашей на Тацита, то мы вовсе не думали основываться на его свидѣтельство; а только упомянули о немъ, и потому сказали: «срав. Тац. Аннал. 54.» Г. рецензенту, вѣроятно, извѣстно значеніе термина «срав.» и его различіе отъ «см.».

Къ нашей неопытности г. Леонтьевъ относитъ также «нетвердость въ фактахъ, какъ-то: 1) сочтеніе Спарты митрополіею дорическихъ поселеній; 2) мнѣніе о постоянной враждѣ Аѳинянъ съ Персами и о постоянной дружбѣ Спартанцевъ съ послѣдними, и 3) мнѣніе объ участіи Спарты въ войнѣ съ Персами даже и по удаленіи Доркиса.

1) Нѣтъ ничего страннаго и ошибочнаго въ томъ, что мы считаемъ Спарту митрополіею дорическихъ посе-

лений; въ V-мъ столѣтіи не только дорическія поселенія, но часто даже и іоническія, при своемъ обращеніи къ аристократіи, признавали себя колоніями Спарты, и слѣд. Спарту своею метрополіею, хотя въ отношеніи историческомъ такая фикція была чистою ложью, ибо они ни въ какомъ случаѣ не могли происходить изъ Спарты. Примеръ подобной фикціи мы видѣли въ Амфиноль, іонической колоніи, которая провозгласила себя колоніею (*ἀποκία*) Спарты (Фук. V, 11.). Если же Амфиноль, бывъ колоніею Іонянъ, могъ считать Спарту своею метрополіею, то тѣмъ болѣе могли ее разсматривать такъ дорическія поселенія.

2) Тѣ событія, гдѣ мы видимъ Аѳинянъ просящими помощи у Персовъ, и Спартанцевъ — оскорбляющими персидскихъ пословъ, вовсе не противорѣчатъ основному нашему положенію о постоянной враждѣ Аѳинянъ съ Персами и о постоянной дружбѣ Персовъ съ Спартанцами. Здѣсь дѣло идетъ о главной и существенной политикѣ того и другаго государства, а не о частныхъ и неправильныхъ отступленіяхъ. Неужели правленія Четырехъ — Сотъ и Тридцати опровергаютъ то основное положеніе, что Аѳины были демократическимъ государствомъ? Неужели правленіе Карла IX и Гейнриха III не позволяютъ высказывать мнѣнія о постоянномъ противодѣйствіи Франціи габсбургскому дому въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій?

3) Что касается до участія Спарты въ персидской войнѣ и по удаленіи Доркиса, то это очевидно, и наше положеніе относительно этого вопроса не представляетъ никакой запутанности, вопреки мнѣнію г. Леонтьева. Въ 476 г. былъ удаленъ Павсанія, а за нимъ и Дорвисъ; между тѣмъ, по словамъ Фукидида (I, 102), недопускающимъ никакихъ другихъ толкованій, только въ 461 г., спустя 15 лѣтъ послѣ Доркиса, «прекратился союзъ Аѳинянъ съ Спартанцами, заключенный ими противъ Персовъ». Какъ-же Спартанцы, бывъ въ союзѣ съ Аѳинянами *противъ Персовъ* и по удаленіи Доркиса, могли не участвовать въ персидской войнѣ? Это противорѣчитъ ясному извѣстію Фукидида.

Еще разъ повторяемъ, что, хотя мы и убѣждены сами въ существованіи многихъ недостатковъ нашего разсужденія, напѣ въ неизбѣжномъ слѣдствіи всякаго ученаго

или литературнаго труда, а тѣмъ болѣе перваго, но однако изъ приведенныхъ г. Леонтьевымъ доказательствъ ничего такого не видно.

III. Третій отдѣлъ недостатковъ нашего разсужденія, по словамъ г. рецензента, состоитъ *въ непониманіи словеснаго смысла доказательныхъ мыслѣ.* Г. Леонтьевъ приводитъ два образца такого непониманія, оставляя остальные замѣтки на случай, ежели, какъ выражается г. рецензентъ, нашъ преторъ (1?) *вздумаемъ ихъ отъ насъ потребовать.* Замѣтимъ мимоходомъ, что требованіе было-бы совершенно излишнимъ: каждому извѣстно, что рецензенты, имѣя много замѣтокъ, обыкновенно выбираютъ изъ нихъ самыя важнѣйшія, такъ-что и мы, рассматривая эти двѣ замѣтки г. Леонтьева, можемъ легко судить объ остальныхъ, слабѣйшихъ.

1. Г. рецензентъ упрекаетъ насъ при переводѣ одного мѣста Иродота (V, 83) въ ложной конструкціи. Вотъ подлинникъ: *Αἰγίνοιται Ἐπίδαυρον ἤκουον τὰ τε ἄλλα καὶ δίκας, διαβαίνοντες ἐς Ἐπίδαυρον, ἐδίδοσαν.* По нашему переводу: «Эгинцы повиновались Епидаврійцамъ, и *какъ все прочее*, такъ и судъ имѣли въ Епидаврѣ». По переводу г. Леонтьева: «Эгинцы *какъ вообще* повиновались Епидаврійцамъ, такъ и судъ имѣли въ Епидаврѣ». Какъ видно, различіе нашего перевода отъ перевода г. Леонтьева состоитъ въ томъ, что мы относимъ «*Τὰ τε ἄλλα*» и „*δίκας*“ къ послѣднему глаголу „*ἐδίδοσαν*“; а г. Леонтьевъ относитъ „*τὰ τε ἄλλα*“ къ „*ἤκουον*“, а „*δίκας*“ къ „*ἐδίδοσαν*“. Другими словами, по нашему переводу, „*τε*“ соединяетъ *два объекта*: *τὰ τε ἄλλα* и *δίκας*, а по переводу г. Леонтьева эта частица соединяется *два предложенія*: *ἤκουον* и *ἐδίδοσαν*. Но въ послѣднемъ смучаѣ „*τὰ τε ἄλλα*“ не могло-бы стоять рядомъ съ „*δίκας*“, и Иродотъ для избѣжанія двусмыслія сказалъ-бы такъ: *Αἰγ. Ἐπίδ. τὰ τε ἄλλα ἤκουον, καὶ δίκας ἐδίδοσαν.* Вотъ примѣръ того, какъ употреблялась частива *τε*, когда она соединяла два предложенія, а не два объекта: *οἱ Βοιωτοὶ ἄλλῃ τε τρόπῳ πειράσαντες, καὶ μηχανὴν προήγαγον.* Оук. IX, 100. Здѣсь г. рецензентъ будетъ правъ, если онъ это мѣсто Оукидида переведетъ такъ: *Віотіанѣ какъ другими средствами пытались (осадить городѣ), такъ придвинули и*

машину. Но конструкция Иродота совершенно другая, и потому мы перевели и его слова иначе. Впрочем, еслибы нашъ переводъ былъ и не совсѣмъ вѣренъ въ грамматическомъ отношеніи, и еслибы г. Леонтьевъ былъ правъ предъ филологіею, то въ этомъ случаѣ филологическая неточность нисколько не измѣняетъ историческаго смысла подлинника, и изъ перевода г. Леонтьева слѣдуетъ то же самое, что мы думали доказать и нашимъ переводомъ. Повиновались-ли Эгинцы вообще Эпидаврійцамъ и судъ имѣли въ Эпидаврѣ, или они просто повиновались имъ, и какъ все прочее, такъ и судъ имѣли въ Эпидаврѣ, — результатъ одинъ и тотъ-же: въ обоихъ случаяхъ видна зависимость Эгины отъ Эпидавра, какъ колоніи отъ метрополіи.

2. Другое мѣсто Фукидида, замѣчаетъ г. Леонтьевъ, мы переводимъ такъ: «Игемону нужно надзирать за *общественными* (*τα κοινά*) дѣлами». Фул. I, 120; а г. Леонтьевъ предлагаетъ слѣдующій переводъ: «Игемону нужно заботиться объ *общихъ* (т. е. союзныхъ) дѣлахъ». Мы соглашаемся въ томъ, что слово «общій» лучше выражаетъ смыслъ подлинника, нежели слово «общественный», ибо общественнымъ дѣламъ противопоставляются дѣла частныхъ лицъ, а дѣламъ общимъ, т. е. союзнымъ, противопоставляются дѣла частныхъ городовъ, о чемъ и идетъ рѣчь въ этомъ мѣстѣ Фукидида. Но, съ другой стороны, и Г. Леонтьевъ неправъ, если онъ полагаетъ, что изъ цитованнаго нами мѣста Фукидида вовсе не видно судебной зависимости городовъ отъ игемона. Мы цитовали не полное мѣсто Фукидида, а Г. Леонтьевъ вѣроятно не справился въ подлинникъ, гдѣ переводъ г. рецензента, превосходя нашъ переводъ своею близостью, еще яснѣе указываетъ на право игемона вмѣшиваться и въ частныя дѣла городовъ, а слѣд. и въ судебныя. Вотъ подлинникъ: *ἄρ γὰρ τοὺς ἡγεμόνας, τὰ ἴδια ἐξ ἴσου νέμοντας, τὰ κοινὰ προβλεπεῖν*. Принимая, согласно съ мѣншіемъ Г. Леонтьева, «*τα κοινά*» въ смыслъ «общаго», т. е. касающагося до всего союза, мы должны будемъ полное мѣсто Фукидида перевести такъ: «Игемону нужно, пользуясь одинаковымъ правомъ въ дѣлахъ *частныхъ* (т. е. касающихся до отдѣльныхъ городовъ), первенствовать въ дѣлахъ *общихъ* (т. е. касающихся до всего союза).» И такъ

Игемонъ имѣлъ право вмѣшиваться и въ дѣла городовъ отдѣльныхъ, только безъ особенныхъ въ томъ преимуществъ, а въ дѣлахъ общихъ онъ имѣлъ даже и преимущества.

Что касается до замѣчаній Г. Леонтьева, дѣланныхъ мимоходомъ, о томъ, что мы не умѣли отличать понятія «суда» отъ понятія «совѣта», то здѣсь мы должны напомнить о двойномъ значеніи въ русскомъ языкѣ слова «судъ». Мы, русскіе, обозначаемъ этимъ словомъ не только самый процессъ, но и мѣсто, гдѣ онъ производится. Въ *βουλευτήριον* обсуживались дѣла союзниковъ, а потому мы могли называть это мѣсто безъ различія и судомъ, и совѣтомъ. Во всякомъ случаѣ, однако, наше мнѣніе о судебной зависимости автономическихъ городовъ отъ игемона, не смотря на увѣренія Г. Леонтьева, вовсе не основывается на одной игрѣ словъ: судъ и совѣтъ, но на непосредственномъ свидѣтельствѣ древнихъ. Кромѣ Фукидида и Иродота, Полидевкъ (Оном. VIII, 114) говоритъ о томъ, что Еллинотаміи завѣдывали государственнымъ управленіемъ союзниковъ, а при Еллинотаміяхъ всѣ союзники были автономическими; Ксенофонтъ (Ае. Госуд. I, 16) подтверждаетъ это извѣстіе.

Мы пожелали въ нашемъ отвѣтѣ ограничиваться системою самого г. рецензента, а потому теперь съ окончаніемъ его возраженій и мы оканчиваемъ нашу статью. Но такъ какъ Г. Леонтьевъ обѣщаль (139 стр.) «при другомъ случаѣ еще разъ поговорить о сущности весьма важнаго «вопроса объ игемоніи въ Греціи», то на этомъ основаніи мы и осмѣливаемся предложить ему обратить свое вниманіе на слѣдующіе вопросы:

1. Можно-ли считать игемонію Аѳинъ союзомъ, заключеннымъ *противъ Персовъ*, если она продолжалась и *по окончаніи персидскихъ войнъ?*

2. Если нынѣшніе ученые объясняютъ такое продолженіе аѳинской игемоніи *тиранніею и насиліемъ* Аѳинъ, то какъ согласовать съ подобнымъ объясненіемъ тѣ приведенныя нами мѣста Фукидида, гдѣ онъ, такъ сказать, невольно высказываетъ мнѣніе, противное себѣ, о *привязанности городовъ къ Аѳинамъ*, между-тѣмъ какъ они считаются ихъ притѣснителями?

3. Отчего при господствующемъ въ наукѣ взглядѣ на игеμονію Аѳинъ, какъ на тираннію, автономическіе города, которые считаются и у Бёка самостоятельными (стр. 433), даже и по окончаніи персидскихъ войнъ, оставались вѣрными союзниками Аѳинъ?

Но до рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ съ точки зрѣнія на аѳинскую игеμονію, которой держались до настоящаго времени, мы будемъ считать себя въ правѣ оставаться при главномъ нашемъ положеніи объ аѳинской игеμονіи, какъ о новомъ государственномъ устройствѣ, замѣнившемъ собою метропольное. При такомъ взглядѣ сдѣланныя нами возраженія въ тѣхъ трехъ вопросахъ уничтожаются сами собою. Если игеμονія не была союзомъ, заключеннымъ противъ Персовъ, а новымъ видомъ метропольнаго устройства, то отчего она должна была-бы оканчиваться съ окончаніемъ персидской войны? Двойственный взглядъ современниковъ на игеμονію понятенъ изъ двойственнаго основанія тогдашняго государственнаго устройства: аристократіи и демократіи. Автономическіе города оставались вѣрными Аѳинамъ и послѣ персидской войны, потому-что не эти войны, а господство того или другаго политическаго начала опредѣляло игеμονію, и такъ какъ многіе города и послѣ персидскихъ войнъ оставались неизмѣнно демократическими, то отчего имъ было оставить Аѳины? Объясните такимъ-же образомъ всѣ эти возраженія при старомъ опредѣленіи игеμονіи Аѳинъ, и мы тогда охотно откажемся отъ нашего убѣжденія, что то старое опредѣленіе есть ни что иное, какъ *наивное* повтореніе взгляда Фукидида, которому мы въ настоящее время, спустя тысячи лѣтъ, не можемъ вѣрить на слово? Понятно, почему Фукидидъ видѣлъ въ аѳинской игеμονіи тираннію, но какой для насъ могутъ имѣть личный интересъ вопросы столь отдаленнаго времени, а поступокъ Бугенвилля, который имѣлъ, какъ мы показали, большое вліяніе на рѣшеніе нашего вопроса, не можетъ быть одобренъ наукою.

М. Стасюлевичъ.

Редакція проситъ извиненія у автора, что по причинѣ совершенной невозможности она помѣщаетъ такъ поздно его статью присланный еще въ 17 числѣ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

147. *Описание Государственнаго Архива Старыхъ Дѣлъ, составленное Инспекторомъ Государственныхъ Архивовъ и Членомъ разныхъ ученыхъ обществъ П. Ивановымъ. Москва. Въ Тип. Селивановскаго, 1850. VII. 390. IV. II и 25 снимковъ съ древнихъ грамотъ и разныхъ актовъ.*

Раскрытие архивовъ, и особенно тѣхъ, дѣла которыхъ перешли уже въ область исторіи, въ настоящее время весьма важно и необходимо. Въ нихъ неисчислимый запасъ матеріаловъ всякаго рода: отечественная исторія, археологія въ самомъ обширномъ ея значеніи, безъ архивныхъ матеріаловъ никогда не достигнутъ той полноты, и, главное, той достовѣрности, которая пріобрѣтается только посредствомъ документовъ официальныхъ. Кому хорошо извѣстенъ ходъ нашихъ историческихъ работъ особенно послѣдняго времени, тотъ конечно согласится, что только послѣ археологической экспедиціи, совершенной г. Строевымъ, и послѣ изданій Археологической Коммиссіи можно было достигнуть тѣхъ замѣчательныхъ результатовъ, которые получены наукою на основаніи памятниковъ, собранныхъ этой экспедиціею и Коммиссіею въ многочисленныхъ архивахъ духовнаго и гражданскаго вѣдомства. Но если многое уже открыто, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что многое еще скрывается и скрывается единственно по недоступности архивовъ, и слѣдовательно по совершенной неизвѣстности, какого рода дѣла сохраняются въ томъ или другомъ архивѣ. Вотъ почему всякій трудъ, предпринятый съ цѣлью обнаруженія архивныхъ матеріаловъ, какъ-бы

не былъ онъ исполненъ, заслуживаетъ особенное вниманіе и благодарность отъ всѣхъ занимающихся отечественною исторіею и древностями. Въ этомъ отношеніи весьма-почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ занимаютъ труды г. Иванова, изъ которыхъ подлежащее описаніе Государственнаго Архива замыкаетъ начатое имъ еще въ 1836 обзорніе всѣхъ московскихъ Государственныхъ Архивовъ, состоящихъ при Правительствующемъ Сенатѣ. Съ дѣлами Вотчиннаго архива мы познакомились изъ *Систематическаго обзорнія помѣстныхъ правъ и обязанностей въ Россіи существовавшихъ*. Сверхъ того какъ дополненіе къ этому труду г. Ивановъ издалъ *Обозрѣніе писцовыхъ книгъ по Московской губерніи*, М. 1840., *Обозрѣніе писцовыхъ книгъ по Новгороду и Пскову*, М. 1841, и наконецъ *Опытъ Историческаго Изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи*, М. 1846. Описанію Разряднаго Архива также посвящена особая книга, М. 1842, къ которой дополненіемъ служатъ два тома (II и V) Русскаго Историческаго Сборника, изданные московскимъ Обществомъ Исторія и Древностей и содержащія одни только дѣла по мѣстничеству. Кромѣ того въ *Сборникъ на географическихъ смѣлкахъ* разныхъ періодовъ времени, г. Ивановъ далъ общее понятіе о древности документовъ, хранящихся въ архивахъ, а въ *Штевоводитель по Государственнымъ Архивамъ* онъ представилъ краткое общее ихъ обзорніе даже съ видомъ одной изъ залъ помѣщенія и планомъ всего 4-го этажа сенатскаго дома, занимаемаго архивами. Въ настоящее время эти, въ высшей степени полезные, труды г. Иванова закончились, какъ мы уже сказали, описаніемъ Государственнаго архива старыхъ дѣлъ, и мы такимъ образомъ имѣемъ теперь полное понятіе о всѣхъ московскихъ Сенатскихъ архивахъ.

Составить описаніе архива—трудъ незамѣтный, но сколькихъ условій требуетъ его исполненіе, сколько времени и сколько самыхъ мелочныхъ работъ должно посвятить на такое описаніе. Нужно по крайней мѣрѣ хоть поверхностно *просмотрѣть* всѣ эти сотни-тысячи пыльных связокъ и книгъ, потому-что въ противномъ случаѣ вамъ никакъ нельзя будетъ опредѣлить содержаніе дѣлъ, а слѣд.

и предметъ вѣдомства того или другаго присутственнаго мѣста. Вообще такія описанія могутъ составлять только люди, которыхъ самый родъ службы ставитъ въ ближайшее знакомство съ архивными дѣлами. Г. Ивановъ, какъ инспекторъ московскихъ Государственныхъ архивовъ, при составленіи своихъ описаній вполнѣ обладалъ всѣми внѣшними способами и средствами, и выполнилъ свою задачу съ знаніемъ дѣла, съ особенною опытностію, которая вообще нелегко достается. Государственный Архивъ Старыхъ Дѣлъ получилъ первоначальное образованіе въ 1782 году вѣсть съ учрежденіемъ губерній. Въ немъ тогда-же назначено хранить документы упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ. Хотя этотъ Архивъ, говоритъ г. Ивановъ, по обилію матеріаловъ, необходимыхъ для справокъ къ выдачѣ казеннымъ мѣстамъ и частнымъ лицамъ, при доказательствахъ на право собственности и право личное, и не можетъ равняться съ архивами разряднымъ и вотчиннымъ; но тѣмъ не менѣе и онъ бываетъ нуженъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Въ числѣ его дѣлъ есть много и такихъ, которые могутъ быть полезны въ доказательствахъ при разрѣшеніи споровъ по имѣніямъ и при другихъ судебныхъ процессахъ. Но документы этого архива гораздо-важнѣе въ историко-юридическомъ и вообще въ историческомъ значеніи. Въ архивѣ находится богатѣйшее и единственное въ Россіи собраніе древнихъ грамотъ, съ XIV и до начала XVIII столѣтія. „Юристъ изслѣдователь, говоритъ авторъ, найдетъ здѣсь неисчерпаемый источникъ для экзегетической обработки отечественной юриспруденціи. Хранящіяся въ архивѣ грамоты не только разрѣшаютъ для него *всѣ юридическіе вопросы сотнями примѣровъ древняго судопроизводства* и объясняютъ приложеніе къ тогдашней практикѣ извѣстныхъ уже законовъ; но даже откроютъ многіе факты законодательства, теперь и не подозрѣваемые учеными, и пополнятъ тѣ значительныя пробѣлы, которые мы замѣчаемъ въ исторіи отечественнаго права. Кромѣ того это собраніе служитъ неистощимымъ запасомъ для нашей палеографіи и дипломатики.... Историкъ отечественный, разсмотрѣвъ эти грамоты, писанныя въ теченіи пяти столѣтій, увидитъ въ числѣ ихъ множество разныхъ доку-

ментовъ, совершенныхъ лицами, известными въ нашей исторіи. Тутъ откроетъ онъ богатый источникъ для нашей отечественной генеалогіи знаменитыхъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій. Но едва-ли не полезнѣе всѣхъ сихъ случаевъ эти грамоты для исторіи Россійской Церкви и ея іерархіи.... Кромѣ того въ дѣлахъ Патріаршихъ Приказовъ и коллегіи Экономіи сосредоточены документы, относящіеся до недвижимыхъ имѣній нашего монашествующаго духовенства. Ревизіонъ, Камеръ и прочія коллегіи показываютъ приходы и расходы денежныхъ суммъ и вообще все, что произвела наша древняя юриспруденція и администрація, для пользы государственнаго хозяйства и особенно въ эпоху преобразования Россіи Петромъ Великимъ.» Таково значеніе Государственнаго архива старыхъ дѣлъ въ практическомъ и ученомъ отношеніи. Мы позволимъ себѣ не согласиться съ авторомъ въ томъ только, что хранящіяся въ архивѣ грамоты будто-бы могутъ разрѣшить *всѣ юридическіе вопросы* и въ добавокъ *соткнули припирокъ дремлаго судопроизводства*. Пятнадцать тысячъ подлинныхъ грамотъ и выписей, хранящихся при дѣлахъ Коллегіи Экономіи, отобраны отъ духовнаго вѣдомства вмѣстѣ съ имѣніями, какъ основные документы на право владѣнія этими имѣніями. Такииъ-образомъ, если и дѣйствительно эти грамоты представляютъ самый вѣрный, удовлетворительный источникъ эвдегетической обработки отечественнаго права, то во всякомъ случаѣ одного только права вотчиннаго, права собственности—и въ этомъ случаѣ можетъ-быть они и разрѣшать *всѣ юридическіе вопросы*. По крайней-мѣрѣ нельзя заключить противнаго ни изъ описанія содержанія этихъ грамотъ, ни изъ самыхъ юридическихъ актовъ, вошедшихъ въ разбираемую книгу въ видѣ приложеній и вѣроятно представляющихъ самые любопытные документы изъ всего собранія.

Въ составъ Архива старыхъ Дѣлъ вошли *приказы*: семь Патріаршихъ: а) Разрядный или Судный, б) Дворцовый, в) Казенный, д) Монастырскій, е) Духовный, ф) Книгопечатный и Церковныхъ дѣлъ; *приказы*: Каменный, Судный, Сыскной, Сибирской, Преображенскій; *коллегіи*: Камеръ, Ревизіонъ, Экономіи, Юстицъ; семь конторъ, семь канцелярій, одиннадцать комиссій, три комитета, два

казначейства, одно правленіе, одна ратуша, два магистрата, двѣ экспедиціи и наконецъ книги ландратскія и ревизскія сказки. Всѣ дѣла этихъ мѣстъ, за исключеніемъ дѣлъ Патріаршихъ приказовъ и собранія монастырскихъ грамотъ, не восходятъ ранѣе времени Петра Великаго. Въмѣстѣ съ обзорніемъ дѣлъ г. Ивановъ излагаетъ и исторію каждаго мѣста и учрежденія, съ его основанія и до упраздненія.

Особенно важны и любопытны, кромѣ упомянутыхъ древнихъ грамотъ, дѣла приказовъ Патріаршихъ и преимущественно дворцоваго, казеннаго и отчасти монастырскаго. Записныя, переписныя и приходо-расходныя книги этихъ приказовъ представляютъ богатѣйшіе матеріалы не только для церковной исторіи, но и для археологіи, особенно для исторіи внутренняго быта нашихъ предковъ. Обильные матеріалы для исторіи, статистики и топографіи Москвы содержатъ въ себѣ дѣла Каменнаго приказа, Полицейстерской канцеляріи, комиссіи строеній каменныхъ зданій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, московской ратуши, московскаго магистрата и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ. Нельзя не пожелать, чтобы кто нибудь воспользовался этими матеріалами такъ, какъ г. Гастевъ воспользовался дѣлами московскаго губернскаго архива въ изданныхъ имъ матеріалахъ для исторіи и статистики Москвы, М. 1841, которые къ величайшему сожалѣнію, ограничились одною только первою частью. Равнымъ образомъ и дѣла другихъ вѣдомствъ, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ, могутъ служить весьма-важнымъ пособіемъ вообще для трудовъ по части исторіи и статистики Россіи, и особенно для исторіи отечественнаго права.

Въ *приложеніяхъ* къ описанію г. Ивановъ помѣстилъ древнія судныя дѣла, правыя и жалованныя грамоты и другіе юридическіе акты, дополняющіе собраніе юридическихъ актовъ, изданное Археографическою Комиссіею. Въ числѣ ихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ жалованная несудимая грамота Патріарха Іова, данная на освобожденіе отъ суда десятильниковъ нижегородскому Благовѣщенскому монастырю. Далѣе, подъ названіемъ *выписки изъ нѣкоторыхъ любопытныхъ документовъ* г. Ивановъ собралъ

весьма любопытные акты, преимущественно археологическаго содержания. Въ Царской грамотѣ тобольскому архіепископу Макарію описывается, напр., слѣдующій любопытный и загадочный случай:

»Былъ намъ челомъ бояринъ нашъ, Князь Юрьи Яншеевичъ Сулешевъ, а сказалъ: въ нынѣшнемъ де во 133 году, въ Свѣтлое Воскресенье пришлоу онъ бояринъ нашъ, Князь Юрьи Яншеевичъ, съ товарищи къ заутренѣ въ соборъ къ Софїи Премудрости Божїи, и у благословенья у тебя у богомольца нашего, у архіепископа Макарья, былъ, и послѣ де того вышелъ ты, богомолецъ нашъ архіепископъ, изъ олтаря со крестомъ и съ образы, и онъ, бояринъ нашъ Князь Юрьи Яншеевичъ съ товарищи ходили къ тебѣ, къ архіепископу, ко кресту и къ образамъ прикладыватца. И послѣ де того пришли къ нему, къ боярину нашему и къ товарищамъ его цѣловатца Тобольскіе дѣти боярскіе и пныхъ всякихъ чиновъ люди. И дѣти боярскіе де и всякихъ чиновъ люди съ нимъ цѣловались по обычаю; а сынъ боярской де Данило Низовцовъ пришлоу къ нему, къ боярину, цѣловатца и принесъ къ нему яицо, и онъ бояринъ поднесъ къ нему яицо-жъ и хотѣлъ съ нимъ цѣловатца, и тотъ де Данило умысла воровски, по наученю Сибирскихъ людей, поцѣловалъ его боярина въ руку. И онъ бояринъ въ тужъ пору во церкви передъ тобою архіепископомъ Макарьемъ и передъ товарищи своими и передо всѣми людьми зашибъ того сына боярскаго за то, что онъ умысла воровски, его борина, мимо губъ его поцѣловалъ въ руку, и велѣлъ его дать за пристава до нашего указу....“
Послѣдующее содержаніе грамоты не объясняетъ этого страннаго случая. Весьма-любопытны также память тому же сибирскому архіепископу Макарію объ управленіи епархіею, и грамота объ исправленіи потребики.

Выписка изъ описей патриаршаго приказа келейнымъ патриаршимъ вещамъ 1630 года знакомитъ насъ со всѣмъ домашнимъ обиходомъ патриарха. Здѣсь кромѣ различной святыни и божьяго милосердія, т. е. иконъ, описаны: собственно казна, заключающаяся въ дорогихъ сосудахъ и матеріяхъ, бібліотека патриарха, его одежда служебная и домовая, комнатная и вообще разные предметы домашняго патриаршаго обихода. Нѣкоторые предметы святыни указываютъ на особенное благочестіе патриарха Филарета; въ его келейной казнѣ сохранялось между прочимъ: мощей святыхъ и крестовъ іерусалимскаго дѣла 74, семнадцать

свѣчь Гроба Господня; масло, что выходитъ изъ Елеонскія горы на Свѣтлое Воскресенье; вошанка, въ которой была вода изъ Ердани рѣки (а вода вытекла); древо того мѣста, гдѣ былъ Моисеевъ жезлъ и т. п. Сверхъ того въ казнѣ патріарха хранилось болѣе 1000 образовъ въ окладахъ, и безъ окладовъ. Изъ патріаршей комнатной одежды замѣтимъ: трехъ соборей подъ объярми гвоздичными, 4 шляпы, 27 манатей, двѣ жатли суконныхъ, 15 шубъ, кошуля изъ тафты двоеличной, 23 ряски, 5 рукавковъ, штаны лазоревые тафтяные, на бѣлыхъ черевахъ, 16 шапочекъ, фата шелковая, перемонатка тафтяная и пр.

Въ высшей степени также интересна Царская грамота 1648 года въ Бѣлгородъ о исправленіи нравовъ и уничтоженіи суевѣрія. По содержанию своему она такъ любопытна и важна, и столько свѣта проливаетъ на нашу старину, что мы рѣшаемся предложить ее здѣсь вполнѣ.

»Отъ Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи въ Бѣлгородъ воеводѣ нашему Тимофею Федоровичу Бутурлину. Вѣдомо намъ учинилось, что въ Бѣлгородѣ и въ иныхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ мірскіе всякихъ чиновъ люди, и жены ихъ и дѣти въ воскресные и въ господскіе дни и великихъ святыхъ во время святого пѣнія къ церквамъ Божиимъ не ходятъ, и умножилось въ людяхъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми. И отъ тѣхъ сатанинскихъ учениковъ въ православныхъ крестьянѣхъ учинилось многое неистовство: и многіа люди, забывъ Бога и православную крестьянскую вѣру, тѣмъ прелесникомъ и скоморохомъ послѣдуютъ, на безчинное ихъ предшение сходятся по вечерамъ, и во всепошныхъ позорищахъ на улищахъ и на поляхъ, и богомерскихъ и скверныхъ дѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ, мужесково и женесково полу и до сущихъ младенцовъ. И на кулашныхъ бояхъ межъ собою драку дѣлають, и на качѣляхъ колышутся вкругъ, и на веревкахъ; а иные прелесники мужесково и женесково полу въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ бывають со многимъ чародѣйствомъ и волхваніемъ, и многихъ людей тѣмъ своимъ чародѣйствомъ прелщаютъ; а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерскихъ бабъ-вдовъ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтемъ, и тѣ волхвы надъ большими и надъ младенцы чиняють всякое бѣсовское волхваніе и отъ правовѣрія православныхъ крестьянъ отлучаютъ. Да въ городѣхъ же и въ уѣздѣхъ отъ прелесниковъ и отъ малоумныхъ людей дѣлается бѣсовское сонмище: сходятся многіе люди муже-

оково и женсково полу по зорямъ, и въ ночи чародѣйствуютъ, съ солнечнаго восхода перваго дни луны омотрять, и въ громное громаженіе на рѣкахъ и въ озерахъ куплются, чаюгъ себя отъ того здравья, и съ серебра умываются, и медвѣди водять; и съ собаками пляшутъ, зернью, и карты, и шахматы и лодыгами играютъ, и безчинное скаканіе и плесаніе, и поють бѣсовскія пѣсни, и на святой недѣли жонки и дѣвки на доскахъ скачутъ; а объ Рождествѣ Христовѣ и до Богоявленьева дни сходятся мужсково и женсково полу многіе люди въ бѣсовское сонмище по дьявольской прелести, многое бѣсовское дѣйство играютъ во всякіи бѣсовскія игры; а въ навечери Рождества Христова и Васильева дни и Богоявленія Господня клички бѣсовскіе кличуть—коледу, и таусень и плугу, и многіе чедовѣцы неразуміемъ вѣрують въ сонъ, и встрѣчу, и въ полазъ, и во птичей грай и загадки загадываютъ, и сказки сказываютъ небылные, и празнословіе съ смѣхотвореніемъ и кощунаніемъ и души свои губять такими помяченными и беззаконными дѣлами, и накладывають на себя личины и платье скоморошское, и межъ себя нарядя бѣсовскую кобылаку водять: и въ такихъ позорищахъ своихъ многіе люди въ блудъ впадаютъ, и незапною смертию умирають, а въ той прелести крестьянѣ погибають, и съ качедей многіе убиваются до смерти. Да въ городонихъ же и въ уѣздныхъ людѣхъ у многихъ бывають на овадѣбахъ всякіе безчинники и сквернословцы, и скоморохи со всякими бѣсовскими игры; и укланяются православные крестьяне къ бѣсовскимъ прелестемъ и ко пьянству, а отцовъ духовныхъ и по приходомъ поповъ и учительныхъ людей наказанья не олушаютъ, и за наказаніе отцомъ своимъ духовнымъ, приходнымъ попомъ и учительнымъ людемъ наруганіе и укоризны и безчестья, и налогу дѣлають. И мы, великій Государь, желѣя о православныхъ крестьянѣхъ, велѣлъ отъхъ богомерскихъ дѣлѣхъ заказъ учинить, чтобъ православные крестьяне отъ такова отъ бѣсовскаго дѣйства отстали. И какъ къ тебѣ оя наша грамота придетъ, и выбѣ въ воскресной не въ одинъ день велѣла быть въ соборную церковь игуменомъ и чернымъ и мірскимъ попомъ, и головамъ стрѣлецкимъ и сотникомъ и дѣтемъ боярскимъ и ихъ приказнымъ, и всякимъ служилымъ и жилецкимъ и уѣзднымъ людемъ; и которые съѣдутся къ торговому промыслу для своихъ дѣлъ; и сю нашу грамоту велѣлъ имъ прочитать не по одиножды всѣмъ въ слухъ, и приказалъ имъ, чтобъ въ городѣ, и въ слободахъ и въ уѣздѣ мірскіе всякихъ чиновъ люди, и жены ихъ, и дѣти въ воскресные и въ господскіе дни и великихъ святыхъ къ церквамъ Божиимъ къ пѣнію приходили, и у церкви Божіи стояли смирно, межъ себя въ церкви Божіи въ пѣніе никакихъ рѣчей не говорили, и слушали-бъ церковнаго-бъ пѣнія со страхомъ и со великимъ благочестіемъ вшмательно, и отцовъ

своихъ духовныхъ и учительныхъ людей наказанія и ученія слушали, и отъ безмѣрнаго пьянаго питья уклонялись, и были въ твердости, и скомоороховъ съ момрами домрами, муз. INSTR.), и съ гусли и съ волянками, и со всякими игры, и ворожей мужиковъ и бабъ, къ болнымъ и ко младенцомъ въ домъ къ себѣ не призывали и въ первой день луны и въ громъ на водахъ не купались, и съ серебра по домомъ не умывались, и олова и воску не лили, и зерню и карты и шахматы, и лодыгами не играли, и медвѣдей и съ сучками не плясали, и никакихъ бѣсовскихъ дивъ не творили, и на бракахъ пѣсней бѣсовскихъ не пѣли, и никакихъ срамныхъ словъ не говорили, и по ночамъ на улицахъ и на поляхъ богомерскихъ и скверныхъ пѣсней не пѣли, и сами не плясали, и въ ладоши не били, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не слушали, и кулашныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и на качеляхъ ни на какихъ не качались, и на доскахъ мужсково и женсково полу не скакали, и личинъ на себя не накладывали, и кобылокъ бѣсовскихъ и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали. А гдѣ объявятца домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякіе гуденные бѣсовскіе сосуды, и ты-бъ тѣ бѣсовскіе велѣлъ вынимать и, изломавъ тѣ бѣсовскіе игры, велѣлъ жечь. А которые люди отъ того ото всего богомерскаго дѣла не отстануть и учнутъ впредь такова богомерскаго дѣла держаться и по нашему указу тѣмъ людямъ велѣно дѣлать наказанье: гдѣ такое безчиніе объявятца, или кто на кого такое безчиніе скажутъ, и вы-бъ тѣхъ велѣли бить батоги; а которые люди отъ такова безчинія не отстануть, а вымутъ такіе богомерскіе игры въ другіе, и вы-бъ тѣхъ ослушниковъ велѣли бить батоги; а которые люди отъ того не отстануть, а объявятся въ такой винѣ въ третіе и въ четвертые, и тѣхъ по нашему указу, велѣно ссылать въ крайные города за опалу. Однолично-бъ есте нашу грамоту всякихъ чиновъ людямъ велѣли прочесть по многіе дни, чтобъ о богомерскихъ и о чародѣйныхъ играхъ всякихъ чиновъ людямъ городскимъ и уѣзднымъ были вѣдомы, и съ сей нашей грамоты списки слово въ слово разослали въ станы и въ волости и велѣли тѣ списки по торжкомъ прочитать многижды, чтобъ сей нашъ крѣпкой заказъ вѣдомъ былъ всемъ людямъ. А какъ въ Бѣлгородѣ по сему нашему указу всякихъ чиновъ люди о богомерскихъ дѣлахъ заказъ учините, и *что вамъ противъ того духовнаго гину и мѣрскіе люди скажутъ*, и ты-бъ о томъ къ намъ отписалъ. А толко ты по сему нашему указу дѣлать не станешь, и тебѣ быть отъ насъ въ великой опалѣ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7157 года Декабря въ 5 день. Таковы Государевы грамоты въ крайные и замосковные города посланы.

Укажемъ еще на патріаршую грамоту (1648) въ Савинъ монастырь о монашескомъ благочиніи, и особенно на

выписку изъ статейнаго списка русскаго посольства въ Польшу въ 1673 году, въ которой съ большими подробностями описанъ церемоніаль погребенія польскаго короля Михаила и коронація короля Яна III.

Въ выпискѣ изъ записныхъ книгъ о царскихъ распоряженіяхъ, послѣдовавшихъ по случаю наступленія сырной и первой недѣли великаго поста, въ 1674, любопытны царскіе указы связанные на постельномъ крыльцѣ, одинъ на канунѣ масляницы, другой передъ великимъ постомъ. Первымъ указомъ запрещалось во всю масляницу ходить и ѣздить съ оружіемъ, напр., съ бердышами, рогатинами, топорами, большими ножами и т. п., вмѣсто которыхъ дозволялось ходить по улицамъ только съ палками и при томъ до назначенныхъ часовъ, потому-что: вѣдомо великому Государю учинилось, что нынѣ на Москвѣ ѣздить по улицамъ воры, всякихъ чиновъ люди и боярскіе холопы въ саняхъ, и пѣши ходятъ многолюдствомъ, съ ружьемъ и съ рогатины, и съ топорками, съ большими ножами, воруютъ, людей бьютъ и грабятъ и до смерти побиваютъ, всякое воровство отъ тѣхъ воровъ чинитца. Въ другомъ указѣ читаемъ слѣдующее: стольники и стряпчие и дворяна московскіе и жильцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди! Великій Государь (титულъ) велѣлъ вамъ сказать: нынѣ приспѣ время святого и великаго поста къ покаянію на очищеніе отъ грѣхъ всѣмъ православныхъ христіаномъ: и вы-бъ приходили къ церквѣ Божіи по вся дни, и молились Господу Богу, и у отцовъ своихъ духовныхъ исповѣдывались, а которые сподобятся святыхъ Божіихъ таинъ, и тѣ причащались; также и домочадцамъ своимъ велѣли къ церквямъ Божіимъ приходити и исповѣдыватца-жь. А въ соборѣ, и по приходцамъ церквямъ указалъ великій Государь досматривать, кто учнетъ приходити, а которые къ церквямъ Божіимъ для моленія приходити и поестися не стануть, и тѣмъ отъ великаго Государя быть въ наказаньи.»

Выписка изъ столовыхъ книгъ о кушаньяхъ, подававшихся святѣйшимъ патріархамъ россійскимъ въ нѣкоторые праздники и извѣстные дни года, содержитъ столовыя росписи патріаршаго обихода, дополняющія общія годовыя

росписи извѣстнаго Сильвестрова Домостроя (Временникъ О. М. и Д. Р. № 6.)

»1700, Декабря въ 25 день въ понедѣльникъ, на праздникъ Рождества Христова, Святѣйшему патриарху подавано въ келью столоваго кушанья: папошникъ, три пирога долгие съ кашей да съ яицы, пирогъ круглой съ телѣсы да съ яицы, пирогъ косою съ сыромъ, пироги пышки, сырники, блюдо пироговъ карасей, блюдо пряжля, оладьи путныя, стерлядь въ росолѣ, изъ живыхъ; щука колодка, изъ живыхъ; два окуна росольные изъ живыхъ; щука колодка свѣжая, присолъ стерляжей свѣжей, звѣно семожье подъ лимоны, сига да лодога бочешныя, уха окуневая, изъ живыхъ; уха карасевая изъ живыхъ, сельди свѣжія въ тестѣ, три караса на маслѣ, плескъ сомоуей на маслѣ, збитень, уха съ бѣлушей свѣжей паровой, судакъ паровой, изъ живыхъ, щука паровая свѣжая, стерлядь паровая свѣжая, лещъ паровой свѣжей, лязъ паровой свѣжей, оладья тѣльная, горлышко бѣлушке въ ухѣ, звѣно бѣлушины свѣжіе въ ухѣ, штука осетра свѣжаго въ ухѣ сладкой, сеты свѣжіе въ ухѣ, огнива бѣлушки въ ухѣ, шти съ сметаной да съ яицы, полголови бѣлуги свѣжія, полголови осетра свѣжаго, полголови бѣлуги просолной, полголови осетра просолнаго, пирожекъ тѣльной. Казначею съ начальною братіею: икра, вязига, щуки, колодки, уха окуневая, шти съ сметаной, варанчугъ, стерляди паровые, кружки тѣльные, звѣна бѣлушки, пироги, папошники. Священникомъ и братьѣ: икра, вязига, щуки колодки, уха плотичья, шти съ сметаной, варанчугъ, лязи паровые, кружки тѣльные, звѣна бѣлушки, пироги. Поддьякономъ и пѣвчимъ, дьякомъ и поддьякомъ икра арменская, вязига, щуки колодки, уха плотичья, шти съ сметаной, кавардакъ, стерляди паровыя, кружки тѣльные, пироги круглыя, колачи хомутиные, пироги пряженые. Дворяномъ и всякихъ чиновъ дворовымъ людямъ: икра, шти съ сметаной, варанчугъ, звѣна бѣлушки, пироги. Кормлены Успенскаго собору понамари и сторожи и звонари всѣ. Кормлено двѣнадцать человекъ нищихъ, да салдаты двѣсти человекъ.»

Кормленіе этихъ лицъ происходило въ каждый годовоіи праздникъ. Сверхътого патриархъ по обычаю розсылалъ также подачи, на которые изготовлено было въ этотъ день: полголови бѣлушки, семь полуголовъ осетрихъ, два уха бѣлушки, пять наростовъ осетрихъ, семь стерлядей въ росолѣ, десять блюдъ пироговъ на троицкое дѣло, девять блюдъ приказныхъ, двадцать блюдъ пряжля.

Въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста святѣйшій патриархъ не кушалъ. Казначею и братіи и на дворѣ

дворяномъ и всякихъ чиновъ дворовымъ людямъ пищи не было. Во вторникъ подавалось въ келью: хлѣбецъ ситной, калачикъ теплой, рѣпка, капуста съ хрѣномъ. Причту и дворовымъ людямъ раздали по участку хлѣба. Только въ субботу первой недѣли великопостный столъ патриарха получалъ прежнюю полноту и обыкновенное разнообразіе въ отношеніи кушанья; въ этотъ день въ келью подавали: папошникъ, три пирога долгиѣ съ грибами, пирогъ круглый съ грибами жъ, блюдо пироговъ карасей, блюдо пряжя, оладьи въ патоку, блины съ орѣховымъ масломъ, голова гороху тертаго съ масломъ, грибы холодные подъ хрѣномъ, огурцы володимерскіе, черносливъ со пшеномъ, капуста шатковая съ грибами, горохъ хлебной съ масломъ, грибы вареные съ лукомъ, каша тертая съ сокомъ, кисель холодной съ сокомъ, кисель горячей съ патокой, горохъ зобной, лапша съ гороховымъ отваромъ, галушки грибные, каша яшная съ огурцами, манты.

Вообще акты, напечатанные г. Ивановымъ въ приложеніяхъ весьма важны и любопытны въ томъ отношеніи, что раскрываютъ и объясняютъ многія стороны внутренняго быта нашихъ предковъ. Чѣмъ болѣе издано будетъ памятниковъ этаго рода, тѣмъ скорѣе мы можемъ уяснить нашу старину въ ея существенныхъ, коренныхъ основахъ. Вотъ почему нельзя не пожелать, что бы г. Ивановъ, обладающій такимъ богатствомъ матеріаловъ по этому предмету, продолжалъ свои полезныя изданія, которыя всегда обогащаютъ науку сколько новыми, столько же и любопытными свѣденіями.

Въ концѣ Описанія помѣщены: 1) Вѣдомость, сколько по переписнымъ 1700 года книгамъ состояло за монастырями и вообще духовнымъ вѣдомствомъ крестьянскихъ дворовъ, представляющая весьма любопытныя данныя. 2) Вѣдомость о числѣ хранящихся въ Государственномъ архивѣ старыхъ дѣлъ ландратскихъ книгъ и сказокъ 1, 2 и 3 ревизіи, по разнымъ городамъ и уѣздамъ, 3) Вѣдомость о числѣ документовъ въ архивѣ хранящихся, и наконецъ 25 снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ съ XV XVII столѣтіе.

148. *Окружное посланіе Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Переводъ съ Греческаго. Спб. 1850. Стр. 48. въ 8 д. л.*

Папа Пій IX, 6 Января 1848 года, издалъ окружное посланіе къ восточнымъ церквамъ, которое посланникъ его распространилъ въ Константинополь. Въ этомъ посланіи Папа убѣждаетъ восточныхъ христіанъ возвратиться къ соединенію съ Западною Церковію, какъ будто отложились отъ Православной Католической Церкви восточные, а не западные христіане. Это посланіе, естественно, не могло остаться безъ отзыва. Отвѣтъ на окружное посланіе Папы вышелъ скоро на Греческомъ языкѣ: онъ переведенъ былъ на Русскій и помѣщенъ въ прибавленія въ изданію Твореній Св. Отцевъ. Переведенное же теперь посланіе содержитъ отвѣтъ западнымъ и вмѣстѣ приличное воззваніе къ восточнымъ христіанамъ, отъ лица всего собора восточныхъ патріарховъ и епископовъ, которые и подписали это посланіе. Посланіе содержитъ краткіе, но непоколебимые по истинѣ отзывы объ извѣстныхъ основаніяхъ Латинства, и ту мысль, что соединеніе Церквей должно совершиться чрезъ возвращеніе отпадшихъ, а не чрезъ отпаденіе оставшихся вѣрными.

149. *Кругъ подвижныхъ праздниковъ Церкви. Собраніе словъ, бесѣдъ и поученій. Ч. первая. Киевъ. 1850. Стр. 399 въ 12 д. л.*

Духовная словесность наша процвѣтаетъ. Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на это новое собраніе, которое, несомнѣнно, доставитъ много утѣшенія любителямъ назидательнаго чтенія. Въ немъ заключаются *двадцать* словъ, бесѣдъ и поученій, произнесенныхъ: въ недѣлю Мытаря и Фарисея, въ недѣлю о Блудномъ сынѣ, въ недѣлю Масопустную и въ продолженіе Великаго поста.

Вообще проповѣди эти отличаются глубиною мысли, богаты многими остроумными сближеніями; авторъ очень глубоко смотритъ въ пороки человѣческаго сердца и даетъ

намъ понять самихъ себя гораздо лучше, чѣмъ понимаемъ мы. Языкъ его важенъ, выразителенъ, полонъ мыслей, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, можетъ быть, нѣсколько сухъ. *Д. К.*

149. Каталогъ дублетовъ ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной библиотеки, часть 1. Отдѣленіе книгъ историческіхъ на иностранныхъ языкахъ. С.-П.-Б. 1850.

Поздравляемъ нашихъ ученыхъ съ этимъ благодѣяніемъ Императорской публичной библиотеки. Они могутъ приобрести теперь многія драгоценныя рѣдкія изданія, кои, переставая быть мертвымъ капиталомъ, поступаютъ въ общій оборотъ. Польза безконечная! Слишкомъ шесть тысячъ дублетовъ по одной Исторіи—это почти цѣлая библиотека! Жадность, съ которою множество лицъ бросилось на этотъ каталогъ, скорость распродажи книгъ, трудность получить то или другое изданіе при множествѣ соискателей, служить утѣшительнымъ доказательствомъ, что наука пустила у насъ корень, и что есть многочисленное учебное сословіе, которое ревностно занимается своимъ дѣломъ.

150. Краткое начертаніе малой войны для всѣхъ родовъ оружія. Сост. Генералъ-Лейтенантъ А. Е. Энгельгардтъ 1-й. 4 ч. Спб. 1850. Стр. IV, 112, 140, 134 и 102 въ 16 д. л.

«Главнѣйшая причина, говоритъ авторъ въ предисловіи, побудившая меня написать эту книгу, состояла въ томъ, чтобы доставить руководство, или подробное наставленіе для тѣхъ случаевъ военнаго времени, когда всякому расторопному офицеру ввѣрится небольшая часть войска, долженствующая по назначенію своему дѣйствовать въ продолженіе извѣстнаго времени отдѣльно отъ главныхъ своихъ силъ, т. е. когда дается порученіе, для исполненія котораго необходимо знаніе правилъ малой войны. Имѣя въ виду сказанную цѣль, я не стремился придавать этому сочиненію высокое тактическое значеніе, но руководствуясь главнѣйшими тактическими основаніями и не отступая отъ нихъ, старался изложить одни правила и практическіе выводы для всѣхъ приведенныхъ мною случаевъ, относящихся къ дѣйствіямъ малой войны. При этомъ я обратилъ особенное вниманіе на развѣтленіе многихъ статей, о которыхъ во всѣхъ вышедшихъ у насъ

до сего времени сочиненіяхъ о малой войнѣ упоминается или вскользь, или слишкомъ кратко, какъ напр. о фуражировкахъ, реквизиціи, конвоированіи транспортовъ и проч.»

Къ этимъ скромнымъ замѣчаніямъ автора мы должны прибавить, что сочиненіе его обънимаетъ свой предметъ вполне и составляетъ важное приобрѣтеніе для нашей военной литературы. Вотъ краткое содержаніе его:

Первая часть содержитъ въ себѣ: вступленіе и правила для обезпеченія войскъ на мѣстѣ, т. е. порядокъ выставленія аванпостовъ. — Во *второй* части разсматриваются: а) обезпеченіе войскъ во время ихъ движенія; б) особыя мѣры обезпеченія, принимаемыя войсками въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ-то: выставленіе наблюдательныхъ постовъ, секретовъ и проч.; в) мѣры, принимаемыя для собиранія различныхъ свѣдѣній въ военное время, какъ-то: употребленіе разъѣздовъ, рекогносцировокъ и проч.; г) мѣры для скрытія отъ непріятеля своихъ распоряженій и дѣйствій, и д) правила для содержанія сообщеній въ арміи. — Въ *третьей* части говорится: а) о прикрытіяхъ, употребляемыхъ при фуражировкахъ, при слѣдованіи транспортовъ и проч.; б) о мѣрахъ для нанесенія всякаго вреда непріятелю нападеніемъ на его аванпосты, сообщенія и т. п., и г) о партизанскихъ отрядахъ. *Четвертая* часть заключаетъ въ себѣ: дѣйствія небольшихъ отрядовъ на пересѣченной и закрытой мѣстности.

151. Правила земледѣлія для простонароднаго чтенія и практическое наставленіе о заведеніи шестипольнаго земледѣлія въ Малороссійскихъ хуторахъ. Черниговъ. 1850.

Стр. 28 въ 8 д. л.

«Правила земледѣлія» — заключаютъ въ себѣ нѣсколько совѣтовъ православному люду о томъ, какъ вести свое хозяйство. Совѣты эти всѣ чрезвычайно дѣльные и изложены такимъ простымъ языкомъ, что ихъ пойметъ всякій поселенинъ. (Мы замѣтили въ нихъ только одно иностранное слово, которое, вѣрно, невзначай проскользнуло у автора: именно *моціонъ*. Прочъ *моціонъ* — у насъ есть движеніе.) Поэтому нельзя не пожалѣть, что изданы они не въ такомъ

видѣ, чтобы распространиться между простымъ народомъ, для котораго написаны они. Всѣ они болѣею частію имѣютъ примѣненіе къ Малороссіи; но слѣдующій совѣтъ не мѣшаетъ зарубить себѣ на память и Великороссіянину, и Бѣлоруссу, и всякому православному:

«Все отъ Бога. Самъ Богъ повелѣлъ, чтобы въ праздничные и воскресные дни не работали, но непременно шли въ церковь и молились. А мы въ это время.... копы возимъ! — Иной разъ придешь праздникомъ въ сельскую церковь — и что жъ? Кромѣ священника и дьячка никого нѣтъ! Священникъ предъ престоломъ Божиимъ говорить: міромъ Господу помолимся; а молиться некому — весь міръ выхалъ за копами! Стыдно! грѣшно, очень грѣшно! Вотъ за это Богъ часто и не даетъ намъ урожая, и не благословляетъ нашихъ трудовъ. — Не дѣлайте такъ, братцы; не возите копы въ праздники и воскресные дни, а лучше идите въ церковь на Божию службу. И послѣ службы Божіей не ѣздите (у автора глаголь этотъ употребленъ въ мѣстной формѣ) въ поле за копами, а лучше читайте псалтырь, кто умѣетъ читать, а прочіе пускай слушаютъ да замѣчаютъ.»

Къ «Правиламъ земледѣлія» авторъ присоединилъ «Практическое наставленіе о заведеніи шестипольнаго землепашества въ Малороссійскихъ хуторахъ» — уже не для поселянъ, а для мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ. Гоголь, Основьяненко и теперь Дріанскій нарисовали намъ много прекрасныхъ картинъ, посвященныхъ изображенію хутора: вотъ еще нѣсколько словъ объ этомъ счастливомъ нѣкогда пріютѣ мирной сельской жизни:

«Beatus, qui procul negotiis, имѣетъ въ благословенной Малороссіи собственный хуторокъ, а въ этомъ хуторкѣ, пожалуй,

И ставокъ,

И млинокъ,

И вишневый садокъ!

«Трудно вообразить себѣ человека, который былъ бы счастливей Малороссійскаго хуторянина. Чего нѣтъ у него? Все есть! И все свое собственное! свои вареники, свои пампушки, свои палицы, свой медъ, свои яблоки, свои груши — все свое! Даже собственное мѣсто для своей могилы, про случай, когда придетъ пора переселиться изъ этого великаго хутора, называемаго міромъ, въ небесный градъ Божій....

«Но, увы, теперь уже мало такихъ счастливыхъ людей между нами! Малороссійскій хуторъ теперь уже не составляетъ такого альдорадо, какимъ онъ былъ прежде!... Одинаки варениками да пампушками мы уже не довольны: надобно купить сахару, чаю и кофе. Домашнія наливки, прославившія некогда Малороссію, теперь уже почти вышли изъ употребленія, и остаются «въ преданіяхъ старины глубокой»; мы разлакомились на шато-лафить, шато-марго и на другія басурманскія «штаты» — а все это требуетъ денегъ!... Прошло то золотое время, когда благородный житель хутора *progruius bovinus* обрабатывалъ, въ потъ лица, свою полосу земли, и на этихъ же волахъ, подобно Нуми Помпилю или Камиллу, прѣзжалъ въ городъ продавать излишекъ своихъ произведеній! Теперь, чтобъ дворянину прилично показаться въ городъ, надобно имѣть какую-нибудь колясочку, гарантась, порядочную бричку и что-либо другое въ этомъ родѣ. Въмѣсто того, чтобъ улучшать свои собственные произведенія, и изъ волны собственныхъ овецъ дѣлать для себя хорошее и прочное сукно, мы сбываемъ нашу волну за такую цѣну, какую барышники въ свою пользу устанавливаютъ на ярмаркахъ, и вырученными деньгами не всегда бываемъ въ состояніи расплатиться въ лавкахъ за то сукно, которое покупаемъ для своей одежды. А съ одеждою нашею что происходитъ? Не успѣешь обнести новый фракъ или сюртукъ, — анъ смотришь, уже мода на покрой платья переѣнилась! То фалды шире, то станъ ниже, то вмѣсто одного борта ставятъ пуговицы въ два борта: бѣда да и только! Непремѣнно надобно чрезъ каждый годъ на-ново жипироваться, чтобъ не показаться чужакомъ, отставшимъ отъ вѣка. А въ старину, бывало, внукъ щегалялъ въ дядовской *кирель*, да еще и сыну своему оставить въ наслѣдство. — О платьяхъ нашихъ женъ и дочерей и говорить нечего. Онѣ, голубушки, кажутся, для того только и на свѣтъ живутъ, чтобъ ежедневно переѣнать покроя, фасоны, узоры и матеріи для своихъ платьевъ, чепчиковъ и шляпокъ.... Какой тутъ хуторъ можетъ удовлетворять всѣмъ этимъ «потребностямъ?» Какого тутъ ожидать счастья? И такъ — конецъ концовъ, какъ говоритъ Брамбеусъ — первая причина всеобщей недостаточности поземельныхъ нашихъ доходовъ къ удовлетворенію нашихъ нуждъ есть — излишество нашихъ нуждъ, *роскошь и мода!* Мы всѣ, болѣе или менѣе, живемъ выше своего состоянія, и самымъ дѣятельнымъ, успѣшнымъ образомъ приготавливаемся къ всеобщему банкротству, если не къ матеріальному, то къ нравственному, къ всеобщему оскуднѣнію любви и дружбы, гостепріимства, чести и правды.»

Вотъ до какой печальной картины дошелъ авторъ, начавъ съ идиллическаго описанія хутора! Много правды.

въ его рѣчи, но послѣднія слова кажутся намъ отчасти преувеличенными, — и мы нѣсколько съ большею, хоть и не большой снисходительностію, смотримъ на настоящее мотоватое время. — Второю причиною авторъ полагаетъ «чрезмѣрное количество, даже излишество владѣемой нами земли, или сказать яснѣе: недостаточность средствъ и рукъ обработать надлежащимъ образомъ нашу землю.» Отсюда возникаетъ задача: «какимъ образомъ изъ малаго участка земли, т. е. изъ малаго хутора, извлекать до крайней возможности великое (*т. е. наибольшее*) количество дохода?» Для разрѣшенія ея авторъ считаетъ несомнѣннымъ средствомъ — введеніе шестипольнаго земледѣлства, оговариваясь, однако, что система его годится только для мелкихъ владѣній, для *aurea mediocritas*. Слѣдуя этой системѣ, говоритъ онъ, «вы съ 12 десятинъ получите такой доходъ, какой не всегда и не вездѣ получается со 100 десятинъ.» — Дай Богъ вашими устами медъ пить! Одно лишь показало намъ странно: говоря, что «предлагаемая имъ правила шестипольнаго земледѣлства не пустая теорія, но вѣрный списокъ съ практическаго хозяйства Голландскаго, авторъ совѣтуетъ засѣвать одинъ участокъ земли *лѣтнею пополамъ съ озимую рожью*, замѣчая, что опытъ этотъ превосходно удался на нѣкоторыхъ поляхъ Сосницкаго уѣзда. Можетъ быть, тамъ удался; а въ другихъ мѣстахъ, чтобъ не вышло нѣмечины, по выраженію Г. Майера, съ которымъ мы познакомили нашихъ читателей въ послѣднемъ номерѣ.

152. Зоотеранія, или руководство къ леченію домашнихъ животныхъ, для ветеринаровъ и экономовъ. В. Зейберлинга. Спб. 1850. Стр. VIII и 232 въ 8 д. л.

Этотъ новый трудъ Г. Зейберлинга есть переводъ сочиненія Доктора Лентина. Намъ кажется, что переводчикъ не совсѣмъ основательно назвалъ его «руководствомъ для ветеринаровъ и экономовъ» (вѣроятно сельскихъ хозяевъ): для первыхъ оно недостаточно, и между прочимъ по тому, что кажется достоинствомъ переводчику, именно по отсутствію элементарныхъ подробностей; для послѣднихъ — мало-доступно по недостатку популярности въ изложеніи.

Для того, чтобы руководствоваться сочинением Д. Лентина сельскій хозяицъ, или, какъ пишетъ Г. Зейберлингъ, «законокъ», долженъ быть самъ ветеринаромъ, — иначе съ первыхъ же страницъ «Зоотерапiи» онъ будетъ поставленъ въ недоумѣнiе. Впрочемъ, сочиненiе Лентина, заключающа въ себя довольно практическихъ указанiй, можетъ быть не бесполезнымъ пособiемъ. (но не руководствомъ) для ветеринаровъ, и дѣятельность Г. Зейберлинга заслуживаетъ хвалы....

153. Сперматорея или описанiе вреднаго влiянiя потери плодотворной влаги на здоровье человека, болъзней отъ того происходящихъ, и способа леченiя оныхъ. Въ двухъ частяхъ, съ тремя таблицами. Сочиненiе Х. Иноевса, старшаго ординатора Обуховской Градской больницы. С.-Петербургъ, 1850. С. 408 и 426.

На эту важную болъзнь обращено было вниманiе, начиная съ Иннократа, многими знаменитѣйшими врачами. Между сочиненiями новѣйшими первое мѣсто занимаетъ книга Лаллемаана (desperets séminales). — Г. Иноевсъ въ своемъ сочиненiи излагаетъ исторiю ученiя объ этой болъзни, причины, припадки и послѣдствiя, и обращаетъ должное вниманiе на леченiе. Онъ оказалъ важную услугу русской медицинскон литературѣ своимъ добросовѣтнымъ трудомъ.

154. Исслѣдованiя запаса и прироста лѣсонасаждений С.-Петербургской губерни, произв. Графомъ Варгосъ де-Бедемаромъ съ 1843 по 1848 г. Спб. 1850. Стр. V и 200 въ 8 д. л.

Пятилѣтнiя исслѣдованiя трудолюбиваго автора, представляя многочисленный рядъ разнообразныхъ результатовъ, могутъ служить хорошимъ пособiемъ при таксацiи лѣсовъ. За достоинство его сочиненiя отчасти ручается уже и то, что оно издано на иждивенiи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

155. Несколько словъ по поводу статьи Современника: «Кай Валерій Катулль и его произведенія.»

Кто не знаетъ, до какой степени Русская литература бѣдна трудами по части древней, греческой и римской, словесности? Какъ-же странно было прочесть въ Современникѣ слѣдующіе строки: «Изученіе древнихъ литературъ и у насъ въ Россіи поставлялось въ обязанность литераторамъ карамзинскаго и пушкинскаго періода, чему яснымъ доказательствомъ можетъ служить огромное количество печатавшихся тогда переводовъ и подражаній древнимъ, начиная отъ Иліады Гомера, прекрасно переведенной Гнѣдичемъ, до одъ Горація, не совсѣмъ удачно переданныхъ на русскій языкъ г. Филимоновымъ. Если въ такое короткое время, Русская литература успѣла обогатиться дѣльными трудами по части древней словесности, то съ какою-же силою должно было отразиться въ европейской словесности вліяніе греческихъ трагиковъ и комиковъ, латинскихъ историковъ и лириковъ?» (Совр. 1850, № VIII, Отд. II, стр. 77). Правда, были переводы греческихъ и римскихъ классиковъ, но каковы были эти переводы? Есть у насъ почти четыре перевода Иліады, три Одиссеи, два Ватрахоміомахіи, есть переводы Софокла, Горація, Овидія, Тацита и др.; но даютъ-ли намъ они хоть маломальски вѣрное понятіе о Гомерѣ, Софоклѣ и т. д? Справедливѣе было-бы сказать, что русская литература не успѣла еще обогатиться дѣльными трудами по части древней словесности. За доказательствами ходить не далеко. Въ 1849 — 1850 году много-ли вышло дѣльныхъ трудовъ по части древней словесности, кромѣ диссертациі г. Леонтьева, Тритона г. Фатера, Одиссеи Жуковскаго, да двухъ-трехъ статей въ журналахъ.* Да и большая часть журнальныхъ статей не доказываетъ-ли того-же? Прочтите критическіе

* Это еще самый счастливый годъ: въ десять лѣтъ передъ этимъ вышло гораздо менѣе. *Ред.*

разборы Одиссеи, переведенной г. Жуковскимъ: въ однихъ замѣтите вы совершенное незнаніе предмета, объ которомъ идетъ дѣло, въ другихъ такіе выводы, которые поставятъ въ тупикъ мало знакомаго съ этимъ дѣломъ читателя, въ третьихъ спѣшную работу, компиляцію, плохое пониманіе дѣла, и только въ немногихъ истинно-ученую критику. А между-тѣмъ люди, почти вовсе незнакомые съ древней Греціей и Римомъ, считаютъ своей обязанностью проронить, съ приличной важностію, словца два-три о древней греческой и римской литературѣ. Въ критической статьѣ того-же Современника о Костровѣ читаемъ: »Во всякомъ случаѣ, какъ-бы ни устарѣли труды Кострова, онъ будетъ всегда извѣстенъ въ нашей литературѣ, какъ *первый*, познакомившій русскихъ читателей съ Гомеромъ» (Совр. № VIII, Отд. III, стр. 45). Это невярно: еще до изданія *шести* пѣсенъ въ переводѣ Кострова, вышедшихъ, какъ говорить самъ-же авторъ на 42 страницъ, въ 1787 году, *если* Илиада была переведена Якимовымъ.* Далѣе (*ibid.* стр. 45) авторъ говоритъ: »Жаль, что Костровъ переводилъ Гомера безъ комментаріевъ и объясненій, необходимыхъ для большинства читателей, неизмѣющихся требуемыхъ для чтенія Гомера познаній о жизни древняго міра. Примѣчанія эти весьма-легко было сдѣлать переводчику, какъ по тому, что онъ самъ основательно былъ знакомъ съ литературой и жизнью древнихъ, такъ и по тому, что въ его время Гомеръ былъ предметомъ изученія и споровъ иностранныхъ филологовъ. Въ 1785 году, т. е. за два года до изданія перевода Кострова, вышли въ свѣтъ извѣстные Prolegomena ad Homerum Вольфа, возбуждившія множество разнообразныхъ мнѣній, столкновеніе которыхъ имѣло слѣдствіемъ болѣе-глубокое изученіе Греческаго міра. Эта дѣятельность могла-бы принести много пользы нашему переводчику при изученіи Гомера. «и с.» Костровъ не могъ сдѣлать примѣчаній къ своему переводу потому, что 1)

* Якимовъ намѣревался перевести всего Гомера, что видно изъ заглавія изданнаго имъ перваго тома Илиады: Омировыхъ твореній часть 1-я С.-П.-Б. 1776; второй томъ изданъ въ 1778 году подъ заглавіемъ: Омировой Илиады часть 2-я.

смотрѣлъ на Гомера во все не тѣми глазами, какими смотримъ мы, и не считалъ примѣчаній важнымъ дѣломъ; 2) Вольфовы *Prolegomena ad Homerum* вышли не въ 1785, а въ 1795 году, слѣд. восемь лѣтъ спустя по выходѣ перевода Кострова; 3) по пролегоменамъ Вольфа примѣчаній онъ сдѣлать не могъ: для этого тамъ слишкомъ-мало матеріала, что замѣтилъ-бы и самъ рецензентъ, если-бъ потрудился пробѣжать ихъ; 4) ученые спорили тогда о существованіи Гомера, о томъ, какъ произошли эти пѣсни, которыя ему приписываются; а эти споры тоже не давали почти никакого матеріала для составленія комментаріевъ и объясненій къ *Илиадѣ*. Справедливо сказалъ объ нихъ Шиллеръ:

*Zimmer zerreiſet den Kranz des Homers,
Und zählet die Väter eines unsterblichen, ewigen Werks;
Doch hat es eine Mutter und die Züge der Mutter,
Deine unsterbliche Züge, Natur!*

На ту-же бѣдность въ основательныхъ познаніяхъ о греческой и римской литературѣ улазываетъ и появленіе нѣкоторыхъ критическихъ статей объ *Одиссее* и статей въ родѣ *Катулла*. Много трудились надъ Греками и Римлянами Нѣмцы и Французы, потому стоитъ взять нѣмецкія и французскія сочиненія о какомъ-нибудь писателѣ, написать по нимъ статью объ немъ, т. е. свести эти сочиненія воедино, употреблять почаще *мы, я* (мы открыли, для насъ стоило большаго труда etc.), да и въ печать. Въдѣ на русскомъ языкѣ почти ни объ одномъ классическомъ писателѣ нѣтъ хорошаго сочиненія, а между-тѣмъ статьи объ нихъ любопытны, да и составляются такъ легко: можно писать о Гомерѣ, не зная по-гречески, о Катуллѣ, не зная по-латинѣ. Это не выдумка, не преувеличеніе, а чистая истина. И замѣчательная вещь! — такіе люди говорятъ о себѣ съ необыкновенною важностію, съ ожесточеніемъ нападаютъ на труды добросовѣстные, заслуживающіе полнаго уваженія и сочувствія! Или, можетъ-быть, думаютъ они этимъ возвысить себя? И всего страннѣе встрѣтить рядомъ съ ожесточенной филиппикой противъ подражательности, противъ недостатка самобытности дословныя выписочки

изъ нѣмецкихъ книгъ, такъ, впрочемъ, что важный тонъ (мы, я) сохраняется авторомъ, и онъ какъ-бы не замѣчаетъ, что повторяетъ чужія слова. Но слѣдовъ заимствованія совершенно сгладить нельзя, напротивъ статья ясно говорить, изъ чего она образовалась. Чтобы подтвердить наши слова, укажемъ на статью 3-го № Отеч. Записокъ 1849 года (Сравненіе перевода Одиссеи Жуковскаго съ подлинникомъ).

Рецензентъ Современника (Одиссея и журнальные толки о ней) замѣтилъ между прочимъ, что въ статьѣ этой отзывается сильное нѣмецкое вліяніе. Это такъ; но отчего-же это? Отъ того, что авторъ цѣликомъ бралъ то изъ той, то изъ другой нѣмецкой книги. Онъ самъ признается, что свѣдѣнія о Гомерѣ, имъ приводимыя, заимствованы изъ глубокихъ изслѣдованій проницательнѣйшихъ ученыхъ. «Разумѣется, такъ и должно быть. Зачѣмъ же упоминать объ этомъ? А вотъ зачѣмъ: чтобъ критика не могла упрекнуть автора въ компиляціи, онъ самъ выставляетъ на видъ, самъ объясняетъ, какъ произошла первая часть его статьи. И въ самомъ дѣлѣ одно мѣсто взято изъ Шлегеля (т. 3-й), другое изъ «Исторіи греческой поэзіи Бодера», третье изъ шиллеровой исторіи греческой литературы и т. д. Изъ этихъ и другихъ сочиненій взяты всѣ разсужденія автора о Гомерѣ, изъ нихъ выбраны всѣ ссылки на писателей древнихъ и новыхъ, которыя вы видите на страницахъ 9-й, 11-й, 12-й. Мнѣніе Вольфа изложено у рецензента странно: сдѣлана ссылка на двѣ странички его пролегоменъ (148 и 149) и только! Нѣтъ! здѣсь дѣло не объ двухъ или трехъ страничкахъ, а объ основаніяхъ, на которыхъ Вольфъ утвердилъ свое мнѣніе. Надобно было показать, почему оно имѣетъ «значительную степень вѣроятія»; изъ словъ рецензента этого не видать: мнѣніе Вольфа является чѣмъ-то въ родѣ каприза ученаго, между тѣмъ-какъ оно изложено было чрезвычайно-остроумно и имѣло за себя многихъ поборниковъ. Мнѣніе свое Вольфъ основалъ на томъ, что «искусство писать, существовавшее у Грековъ, правда, съ древнихъ временъ, долго ограничивалось начертаніемъ отдѣльныхъ буквъ и словъ на камнѣ и металахъ, но нельзя предполагать, чтобъ во время

»Гомера могли писать огромныя поэмы. Объ искусствѣ
 »писать не упомянуто и въ поэмахъ гомеровыхъ, не имѣемъ
 »объ немъ и другихъ достовѣрныхъ извѣстій; если-бъ пись-
 »менность тогда существовала, мы владѣли-бы не такими
 »скудными извѣстиями о событіяхъ тѣхъ временъ. Самое
 »разнообразіе рѣченій Гомера указываетъ, по мнѣнію Вольфа,
 »на то время, когда употребленіе письменъ не уничтожило
 »еще колебаній въ языкѣ. Сохраняясь въ памяти, поэмы
 »эти не могли быть слишкомъ-длины; это согласно и съ
 »обыкновеніемъ пѣвцовъ, которые на пиршествахъ обык-
 »новенно пѣвали небольшіе рассказы, составлявшіе, впро-
 »чемъ, всегда особое цѣлое. Что поэмы Гомера были раз-
 »дѣлены, доказываетъ между прочимъ и то, что нѣкоторыя
 »мѣста поэмъ обработаны прочіе, другія вовсе не ва-
 »жутся съ цѣлымъ, многія даже противорѣчатъ другъ другу.
 »Эпизоды доказываютъ то-же самое. Впослѣдствіи уже
 »эти отдѣльныя пѣсни соединены были воедино.« Таково
 »мнѣніе Вольфа. Видно-ли все это изъ двухъ-трехъ словъ,
 какъ-бы случайно перекинутыхъ рецензентомъ? Такъ-ли
 обращаютъ »особенное вниманіе на мнѣніе, котораго нельзя
 »опустить и при краткомъ обзорѣ произведеній Го-
 »мера?« При томъ въ изложеніи мнѣнія Вольфа авторъ упу-
 »стилъ изъ виду другое положеніе, которое онъ (авторъ)
 »впослѣдствіи опровергаетъ, именно то, что *Иліада* и *О-*
диссея были мало-по-малу распространяемы, и, стало быть,
 »сначала имѣли не столь обширный объемъ. А между-тѣмъ
 это положеніе чрезвычайно-важно и могло-бы служить
 орудіемъ противъ самого Вольфа, потому-что оно, какъ
 замѣтилъ Нитцшъ (*Erklärende Anmerkungen zu Homers Odyssee*
Ld. II p. XIV) указываетъ на то, что и самъ Вольфъ »ко-
 »лебался въ изъясненіи нынѣшняго вида поэмъ между двумя
 »мнѣніями.« Заключаемъ, что мнѣніе Вольфа нужно-бы или
 »вовсе не приводить, или объяснять его подробнѣе, толко-
 »витѣе, въ полномъ видѣ, а не урывками, съ двухъ страничекъ.
 Все это показываетъ, кажется, что авторъ не слишкомъ-
 »близко знакомъ съ тѣмъ, о чемъ вознамѣрился писать.

Перейдемъ теперь прямо къ послѣдней части статьи,
 гдѣ рецензентъ сравниваетъ одну рапсодію перевода Жуков-
 скаго съ подлинникомъ, потому-что вторая часть, »мала-

гающая условіа истиннаго перевода, нейдетъ къ нашему предмету.

Не будемъ останавливать вниманія читателей на мелкихъ придиркахъ рецензента,—пропускъ какой-нибудь частицы, эпитета и пр.,—остановимся только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ особенно распространяется. Всѣ эти мѣста почти буквально переведены съ нѣмецкихъ толкованій, особенно изъ извѣстнаго словаря къ Гомеру Крузіуса (Vollständiges Wörterbuch über die Gedichte des Homeros und der Homeriden, etc. etc. von G. Ch. Crusius. Hannover 1841). Вотъ доказательства.

(Стр. 35 Отеч. Записокъ) (Стр. 136 Словаря Крузіуса).

Δίος (вм. *δῖος* * отъ *Ζεὺς*) от- *Δίος* (von *Δίος* st. *δῖος*) eigtl.
носятся или къ происхожде- vom Zeus entsprossen, warscheinl. II.
нію отъ Юпитера, или вооб- 9, 538. dann überhpt. götlich, hehr,
ще къ внутреннимъ достоин- erhaben gross, herrlich, trefflich.
ствамъ челоѣка и качествамъ
внѣшней природы.

1) Въ первомъ случаѣ онъ 1) als Beiw. der Götter, nur im
значитъ происходящій отъ Femin. *δία θεά* die hehre Göttin,
Юпитера.... въ этомъ перво- II. 10, 290. oft *δία θεῶν* die erha-
нальномъ значеніи *δῖος* упо- benste der Göttinnen.
требленъ въ Илиадѣ IX, 538.

2) Божественный, небесный,
и въ этомъ случаѣ прилагает-
ся къ богамъ и богинямъ для
выраженія отличія ихъ отъ
людей; такъ, на примѣръ (II. X,
290) *δία θεά* значитъ не болѣе,
какъ небесная богиня.

3) Эпитетъ *δῖος* прилагается 2) Von ausgezeichneten Menschen;
къ героямъ и вообще къ лю- nicht nur von Helden, sondern auch
дямъ, отличающимся своими von andern: edel, trefflich, *δῖος*,
необыкновенными качества- *ἰφορβός*, Od.
ми, и въ такомъ случаѣ зна-
читъ могущественный, доб-
лестный, великій, сильный,
славный, мужественный, воин-
ственный, благородный; такъ
въ Одиссее часто встрѣчается
δῖος ἰφορβός.

*) Въ рецензіи стоитъ *δῖος*; это опечатка: нужно *δῖος*.

4) Этотъ-же эпитетъ прилагается и къ животнымъ, отличающимся превосходными качествами, такъ Гомеръ (II. VIII, 185) изчисляетъ лошадей, etc.

3) von trefflichen Thieren: ἵππος II. 8, 185.

5) Наконецъ *δῖος* прилагается и къ предметамъ неодушевленнымъ, и впрямь, къ землѣ, городамъ, морямъ и пр., какъ скоро они или находятся подъ непосредственнымъ дѣйствию боговъ и богинь, или отъ нихъ происходят, и въ этомъ случаѣ равносильны эпитету *ἱερός* (Od. 5, 261, II. 15, 365 и пр.).

4) von leblosen Gegenständen wie Erde, Meere, Städte (vgl. *ἱερός*), in wie fern sie unter göttlicher Einwirkung stehen, oder von Göttern ihren Ursprung herleiten Od. 5, 261, II. 15, 365.

(Стр. 50 Отеч. Записокъ).

(Стр. 219 Сл. Крузіуса).

εὐχόμεαι имѣетъ слѣдующія значенія: а) громко, съ самоувѣренностью высказывать что-либо; б) съ похвалюбою говорить, объявлять о себѣ что-либо; ст. 263, 180 и др. (Worin gerade nicht der Begriff des Prahlens, sondern bloss des Aussprechens mit einem gewissen Selbstgefühl liegt; denn in jener Zeit rühmte jeglicher sich dessen was er zu sein glaubte *Nitzsch* (*).

εὐχόμεαι Grundbdgt laut Aussagen, mit Zuversicht angeben, dah. 1) rühmend von sich aussagen, sich ankündigen Od. I, 180 (worin gerade nicht der Begriff des Prahlens, sondern bloss des Aussprechens mit einem gewissen Selbstgefühl liegt; denn in jener Zeit rühmte jeglicher sich dessen, was er zu sein glaubte, s. *Nitzsch* zu Od.)

с) обѣщать, обѣтъ дать (съ увѣренностію получить желаемое).

2) geloben, versprechen; geloben vorzüglich den Göttern, weil man auf diese Art Gutes von den Göttern zu erhalten glaubte.

(*) Рецензентъ От. З. извинить насъ за то, что мы помѣстили приводимую цитату не въ выноскѣ, какъ стоитъ въ его статьѣ, а въ скобкахъ, какъ въ словарь Крузіуса. А мы посоветуемъ ему не дѣлать ссылокъ на тѣ книги, которыхъ онъ, вѣроятно, не имѣлъ подъ руками. Напр. онъ приводитъ эту цитату, какъ подлинныя слова Нитцша, а она только выписка изъ словаря

д) молить, просить (преимущественно бога, и, наконец, кого-бы-то нибыло, но всегда съ сохраненіемъ собственнаго достоинства). 3) flehen, beten. θεῶν zu einem Gott und absolut.

εὐχος значить похвальба, выставленіе собственныхъ достоинствъ, слава, честь, побѣда, и весьма, часто у Гомера соотвѣтствуетъ словамъ κλέος, νίκη etc. εὐχος der Ruhm, die Ehre, insbesondere Kriegersruhm., Sieg, oft in Verbindung mit κλέος, νίκη.

(Стр. 44 'Отеч. Записокъ). (Стр. 256 Слов. Круз.)

Ἠριγένεια собственно значить *Ἠριγένεια, ἡ (γίγνομαι)* die frührajo, утромъ рожденная, или geborne, in der Frühe entstehend (*ἄηρ γίγνομαι*) изъ утренняго тумана восходящая, въ туманѣ блистающая, die dämmernde, erzeugt (die dämmernde. Voss). какъ переводить Фоссъ.

Толкованіе эпитета *εὐδαιελος* (р. 33) взято изъ известнаго сочиненія Бутмана *Lexilogus*. Изъ этого можно видѣть, что рецензентъ во многомъ *«придерживался»* нѣмецкихъ толкованій, чтобъ не сказать болѣе; между-тѣмъ онъ довольно-рѣзко обвиняетъ Гнѣдича въ недостаткѣ самобытности. Что Гнѣдичъ искалъ опоры въ Фоссѣ, это не удивительно. Въ его время, да и теперь еще отчасти не многіе изъ Русскихъ знали основательно греческій языкъ, такъ что переводъ его не нашелъ достойнаго критика; отъ того ему не оставалось болѣе ничего дѣлать, какъ взять въ пособіе переводъ Фосса, который и донынѣ считается лучшимъ. Гораздо-удивительнѣе то, что въ наше время, когда изученіе классическихъ литературъ значительно подвинулось впередъ, *критики* повторяютъ слова Нѣмцевъ. Этого рецензентъ, видно, не замѣтилъ. Но довольно: къ мнѣнію автора

Крузіуса, который ссылался на Нитцша, а рецензентъ при- нялъ мысль, взятую Крузіусомъ у Нитцша, за подлинныя слова послѣдняго. Нитцшу принадлежит только вторая часть цитаты. См. *Erklärende Anmerk.* Bd. I, p. 34.

о Гнѣдичевомъ переводѣ *Иліады* мы еще возвратимся; перейдемъ теперь къ статьѣ «Кай Валерій Катулла.» Кстати о Гнѣдичѣ: неизвѣстный авторъ «Катулла» увѣряетъ, что *Иліада* переведена Гнѣдичемъ прекрасно (стр. 77). Странная судьба постигла *Иліаду* Гнѣдича! Одни превозносили и превозносятъ ее до небесъ, сулили ей славу въ будущемъ, другіе называютъ ее «выродкомъ современной литературы, произведеніемъ, не подходящимъ ни подъ какую критику.»

На что указываютъ эти два, діаметрально-противуположныя мнѣнія? На недостатокъ ученой критики. Критики профаны, незнавшіе греческаго языка, хвалили переводъ Гнѣдича, потому-что знали *Иліаду* только по переводу Фосса, а гнѣдичевъ не многимъ уступалъ ему; эти люди, у которыхъ, по выраженію Гоголя, есть умъ, но сейчасъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка—и въ головѣ ничего, эти люди, со словъ благосклонныхъ критиковъ, съ жаромъ увѣрили, что переводъ Гнѣдича превосходенъ. Такимъ образомъ и укоренилось убѣжденіе, что переводъ Гнѣдича образцовый. Другіе едва могли указать въ переводѣ Гнѣдича двѣ-три ошибки. Не лишнимъ потому считаемъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о переводѣ Гнѣдича.

Его никакъ нельзя назвать прекраснымъ. Начать съ того, что Гнѣдичъ вовсе не передалъ Гомера въ своемъ переводѣ: простота гомерическая у него замѣнилась высокопарностью; во многихъ мѣстахъ *εὐκατα* высокопарность смѣшивается съ гомерической простотой, которая все-таки пробивается и въ переводѣ Гнѣдича, и производитъ престранныя вещи. Иногда къ этой гомерической простотѣ примѣшивается какая-то идиллическая сантиментальность. Напр. Гекторъ говоритъ:

Нѣтъ, теперь не година съ зеленого дуба, иль съ камня,
Намъ съ нимъ (*) бесѣдовать мирно, какъ юноша съ сельскою дѣвой:

Юноша, съ сельскою дѣвою свидясь, бесѣдуетъ мирно etc.

XXII 126—128.

Странно какъ-то слышать отъ Гектора слова «сельская дѣва.» Гекторъ и сельская дѣва: не клеится что-то! Но

(*) Ахилломъ.

эгими недостатками Гвидичъ обязанъ ложнымъ взглядомъ на искусство, господствовавшимъ въ его время: онъ платилъ дань вѣку.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о стихѣ и языкѣ гвидичева перевода. Гекзаметръ его вообще какъ-то не поворотливъ, если такъ можно выразиться: живаго, изгибистаго теченія въ немъ нѣтъ; во многихъ мѣстахъ онъ просто, деретъ ухо. Напр.

Окрестъ Илезія жившихъ и Гадмы и окрестъ Ерноры.
II, 499.

Мужъ сѣй есть пространнодержавный Атридъ Агамемнонь. III, 178.

Но... и почто-же? Если оставлю щить свѣтлобляшный.
XX, 111.

Стоя тмочисленные, и млекоомъ наполня дойницы. IV, 434.

Рать поднимая на гибель *Приама* и чадамъ *Приама*. IV, 28.

Онъ; и его не напрасно копье изъ руки полетѣло. V, 18.

Гранулся въ прахъ онъ, и мѣдъ холодную стиснулъ зубами. V, 75.

Съча была бъ, совершилось-бы невозвратимое дѣло. VIII, 130.

И не смотря на то, что Гвидичъ прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ, чтобъ выдѣлать какъ-нибудь гекзаметръ, у него гекзаметръ иногда не выходитъ. Кто назоветъ гекзаметромъ слѣдующія строчки:

Ихъ обработалъ искусно, сплотилъ рогодѣлецъ знаменитый. IV 110.

Чтобъ извлечь у меня изъ рама горькую стрѣлу. V, 110.

Солнце лучами новыми зуть поразило долины. VII, 421.

Слѣдующій (V, 390) стихъ также не гекзаметръ, если читать его безъ произвольныхъ удареній:

Гермесу не дала вѣсти, Гермесъ Арѣя похитилъ.

Здѣсь первая стопа амфибрахій, вторая анапестъ. Этого въ гекзаметръ быть не должно. Этотъ стихъ тогда только будетъ гекзаметромъ, когда переставимъ естественныя ударенія въ первой и второй стокахъ и прочтемъ

Гермесу не дала вѣсти ес.

Отд. IV.

10

Частица «не» съ удареніемъ , а «дала» безъ ударенія!
Опять нельзя.

А уловки Гнѣдича , чтобъ выдѣлать какъ-нибудь гекзаметръ , именно выпускъ буквъ , насиліе ударенія , не русскіе обороты , уродливая конструкція еще болѣе портятъ его стихъ. Напр.

Осмдесятъ черныхъ судовъ подъ дружинами ихъ прине-
слось. II, 568.

Рать отъ племень обитавшихъ въ Гиріи , въ камнистой
Авлидѣ. II, 496.

Горы въ Аримахъ , въ которыхъ , *повѣствуютъ* , ложе
Тифея. II, 783.

Пандаръ-же крышу колчанную поднялъ и выволокъ *стрѣлу*
Новую , *стрѣлу* крылатую , черныхъ страданій источникъ.
IV, 116—117.

....и на каждомъ изъ оныхъ

По *стѣ* и *двадцать* воинственныхъ , юныхъ Бэотанъ
сидѣло. II, 510.

Въ оныхъ устроимъ ворота и крѣпко сплоченные створы,
Путь-бы чрезъ оныя былъ колесницамъ и конямъ простор-
ный. VII, 339.

Языкъ гнѣдичева перевода представляетъ странную смѣсь славянщины съ языкомъ русскимъ , германизмами , грецизмами. Критики , увѣряющіе , что Гнѣдичъ не вносилъ въ свой переводъ славянщины , поступаютъ слишкомъ смѣло. Славянскія слова , даже обороты , можно отыскать на каждой страницѣ. Вотъ нѣсколько особенно-замѣчательныхъ примѣровъ:

Въ толпу погрузился Троянъ горделивыхъ
Образомъ красный Парисъ , устрашаясь Атреева сына.
III, 37.

Даннымъ ему отъ мужей и отъ женъ , опоясаньемъ крас-
ныхъ. VII, 139.

Жертву

Вкругъ алтара веледѣпнаго стройно становятъ Ахейцы.
I, 448.

У Гнѣдича довольно-часто попадается и дательный самостоятельный. Напр.

И кости твои середь поля истлѣють,
Легшія въ чуждой Троянской землѣ, не свершению ли
дѣлу. IV, 175.

Имъ отходящимъ, родитель не могъ разгадать сновидѣній.
V 150.

Но возсіявшей десятой богинѣ Зарѣ розоперстой,
Гостя спрашивалъ царь етс. VI, 175.
Такъ если вѣтеръ плевы разсѣваетъ по гумнамъ священнымъ,
Жителямъ вѣющимъ хлѣбъ. V, 500.

Ср. еще V, 773—775; VI, 297; \ II, 303; XXII, 383 и пр. и пр.

Къ недостаткамъ перевода Гнѣдича принадлежитъ и то, что онъ многія греческія слова оставилъ вовсе безъ перевода, а придавъ имъ только русскія окончанія. На пр. понть I, 350, VII, 88, кнѡра, цикада, пеанъ, гекатомба и даже гекатомбный I, 447, хотъ I, 65 употребляетъ и русское слово стотельчій. Эпитетовъ, составленныхъ по образцу греческихъ, совершенно не въ духъ русскаго языка, не перечтешь; но этотъ промахъ извинителенъ, потому-что вѣрно перевести гомеровскіе эпитеты безъ насилія языку трудно, потому-что до Гнѣдича передать ихъ вѣрно не старались, а нѣтъ ничего, что-бы было вдругъ и ново и совершенно, слова, которыми Гнѣдичъ старался оправдать недостатки своего *перваго* опыта въ гекзаметрахъ (Вѣстн. Европы 1818 г.).

И въ самомъ дѣлѣ гекзаметръ вовлекъ Гнѣдича въ трудную борьбу и заставилъ его посягнуть на чистоту языка. Въ переводѣ своемъ онъ употребляетъ многія слова вовсе не въ томъ значеніи, въ какомъ ихъ должно употреблять. На пр.

Не забыла Фетида

Сына моленій: рано возникла изъ пѣннаго моря. I, 496.

Въ толпу погрузился Троянъ горделивыхъ Парисъ етс.
III, 36.

Двѣ свободы не дамъ я; она *обеспшаетъ* въ неслѣ. I, 29
Врядъ - ли можно сказать, что человекъ *петшаетъ* (*).

Гекзаметръ-же заставилъ Гнѣдича впасть въ самыя грубыя ошибки противъ грамматики. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

(*) »Въ настоящемъ употребленіи *ветхилъ* называется то, что «отъ старости истлѣло, обвалилось.» Соч. Ф. Визина, Изд. См. стр. 632.

Рекъ, и глашатай немедленно слову царя повинудся. IV, 198.

Сто на вгидѣ бахромъ развѣвалися, чистое золото,
Дивно плетенныя всѣ и цѣна иль стотельгіе каждой.
II, 449, 450.

Словно туманъ надъ вершинами горными Ночь разливаетъ,
Пастырямъ стадъ нежеланный, но вору способнѣйшій
ноги. III, 11.

Ты-жь и крушася безсиленъ имъ будешь
Помощь подать. I, 241 (Ср. I, 588).

Нѣтъ, что-бъ никто на искусство вѣды и на силу надежный. IV, 303 (Ср. IV, 325; V, 205).

Дремлють могучіе вѣтры, которые мрачныя тучи
Шумными усть ихъ дыханьями вокругъ рассыпаютъ по
небу. V, 525.

Умью на лѣво метать я
Жесткую тяжесть, и съ нею могу не усталый сражаться.
VII, 239.

Пролетѣла могучая пика
Броню насквозь, украшеньемъ изящную. VII, 252.

Наши отрывочныя замѣчанія имѣли цѣлю показать одни слабыя стороны перевода; но не должно думать, что переводъ Гнѣдича вовсе не имѣетъ никакихъ достоинствъ. Въ другое время и въ другомъ мѣствѣ мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе. Авторъ вышеупомянутой рецензіи называетъ переводъ Гнѣдича «выродкомъ современной литературы, произведеніемъ, не подходящимъ ни подъ какую критику.» Да! можетъ-быть, оно не подойдетъ подъ ту критику, которую создала не наука, а состряпало воображеніе какаго-нибудь *hominis novi*. А отчего г. рецензентъ изрекъ Гнѣдичу такой строгій приговоръ? Отъ того, что произведенія русской литературы ему вадумалось мѣрить аршиномъ нѣмецкимъ. Но, вѣдь Нѣмцы разобрали каждую строчку, каждое словечко Гомера по ниточкамъ, если можно такъ выразиться, рассмотрѣли его со всевозможныхъ сторонъ, составили сотни комментаріевъ и превосходными монографіями облегчили его пониманіе: мы только пользовались крупницами, падавшими со стола ихъ, торопливо подбирали ихъ, и начинали усердно вторить Нѣмцамъ, не замѣчая въ

своемъ простодушною невѣдѣніи, что это обезьянничество частно было совершенно не умѣстно, нелѣпо и смѣшно. Объяснимъ это примѣромъ. Нѣмецъ пишетъ греческую грамматику; малагая ученіе о греческихъ наклоненіяхъ, онъ примѣняетъ его къ нѣмецкому языку, Русскій переводитъ эту грамматику на свой языкъ; хорошо-ли онъ сдѣлаетъ, если слово въ слово, безъ всякой перемѣны внесетъ въ русской переводъ ученіе о наклоненіяхъ, примѣненное къ нѣмецкому языку? А бывали у насъ и подобныя примѣры. На пр. въ греческой грамматикѣ Бюрнуфа, изданной для Русскихъ, правила примѣняются къ французскому, а не къ русскому языку. То-же случилось и съ нашимъ рецензентомъ. Онъ не обратилъ вниманія на то, что Нѣмцы, воспитанные, такъ сказать, на Гомерѣ, болѣе и основательнѣе другихъ европейскихъ народовъ изучавшіе древнія литературы, гордятся переводомъ Фосса, а Гнѣдичевъ уступаетъ ему не многимъ, не обратилъ вниманія на то, что при всѣхъ недостаткахъ Гнѣдичева перевода, въ немъ есть много мѣстъ, прекрасно переведенныхъ. Да! Правду сказалъ Карамзинъ, что «самый легкій умъ находить несовершенства, что только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты въ сочиненіяхъ.» Не обратилъ рецензентъ вниманія на то, что переводъ Гнѣдича былъ почти первой *уменой* попыткой перевести Гомера, что онъ далеко выдался изъ колеи ничтожныхъ передѣлокъ классиковъ съ французскихъ и нѣмецкихъ переводовъ, что онъ стоилъ Гнѣдичу долгаго, мѣлочнаго изученія, упорной и безплодной борьбы противъ предрассудковъ, что Гнѣдичъ, по выраженію Пушкина, гордо посвятилъ лучшіе годы совершенію великаго подвига, когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частию устремились на блестящія бездѣлки; когда талантъ чуждается труда, и люди пренебрегаютъ образцами величавой древности; когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но только легкомысленное занятіе.» Но довольно: کنیمъ эти пересуды и возвратимся къ «Катуллъ.» Мы взяли за чтеніе этой статьи съ полнымъ сочувствіемъ къ автору, надѣясь, что онъ дастъ читателямъ вѣрное понятіе о Катуллѣ, но уже введеніе некоторымъ образомъ разочаровало насъ.

»Изъ блестящей плеяды латинскихъ поэтовъ, говоритъ авторъ, мы выбрали имя не столь громадное, но въ высшей степени симпатическое; изъ массы великихъ произведеній мы выбрали книгу самую небольшую, не дошедшую до насъ въполнѣ, оставленную безъ особеннаго вниманія учеными толковниками, но въ замѣнъ того книгу, полную стихотвореній чудной, понятной каждому, обворожительной прелести» (стр. 79). Не думаемъ, чтобы здоровое эстетическое чувство нашло какое-нибудь громадное имя въ блестящей, будто-бы, плеядѣ латинскихъ поэтовъ.

Поэзія была не въ духъ Римлянъ. Первый латинскій мость является уже спустя пять вѣковъ по построеніи Рима, да и тотъ начинается переводами съ греческаго и подражаніями. Вотъ замѣчательныя слова Цицерона: *quum apud Graecos antiquissimum sit e doctis genus poetarum, si quidem Homerus fuit et Hesiodus ante Romam conditam, Archilochus regnante Romulo; serius poeticam nos accepimus: annis enim fere DX post Romam conditam Livius fabulam dedit et Naevius.* (Tusc. disput. liber I c. 7). Черта замѣчательная: Гомеръ и Ливій Андроникъ, самобытныя гени и подражатель! И эту подражательность видимъ во всей поэзіи Римлянъ. Далѣе: Римляне отличались практическимъ характеромъ; они не любили носиться въ свѣтлыхъ мечтаніяхъ, не восторгались слишкомъ-высокими поэтическими созданіями, а требовали чего-нибудь посущественнѣе, осязательнѣе. Что у Грековъ было чувствомъ эстетически-прекраснаго, тѣмъ у Римлянъ было чувство практически-полезнаго. *Mores et instituta vitae resque domesticae ac familiares nos profecto et melius tuemur et laetius: doctrina Graecia nos et omni litterarum genere superabat,* говоритъ Цицеронъ (*ibid.*). Отъ того-то покореніе Грековъ Римлянами было торжествомъ греческаго духа: Греки побѣдили Римлянъ своею образованностію:

*Graecia capta ferum victorem cepit, et artes
Intulit agresti Latio,*

говоритъ Гораций (Epiat. l. II, 1 ep. v. 156). Но Римляне внесли въ поэзію свой элементъ, который принадлежитъ ораторской рѣчи, а отнюдь не поэзіи. И здѣсь сказался ихъ положительный, практическій характеръ. »Въ стихахъ, говоритъ одинъ ученый, они хотѣли высказать истины, которыхъ не смѣли говорить въ прозѣ:« такимъ образомъ

они, подобно оратору, задавали себѣ рѣшеніе какой-нибудь задачи, достиженіе какой-нибудь цѣли, и тѣмъ унижали достоинство искусства. Многіе изъ римскихъ поэтовъ въ произведеніяхъ своихъ только льстили самымъ наглымъ образомъ—Августамъ, восхваляли, возносили до звѣздъ—*ad sidera*—своихъ Меценатовъ. И надобно имъ отдать справедливость: льстить умѣли они чрезвычайно-тонко, «политично». Римскіе поэты уже этимъ нарушали художественность своихъ произведеній. Истинный поэтъ творитъ не по заказу, не когда хочется, а когда главу его осѣняетъ могучее вдохновеніе, когда божественный глаголь касается чуткаго его слуха.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта,
Онъ молодую погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра
Быть можетъ всѣхъ ничтожій онъ.

Взглянемъ теперь на произведенія трехъ корифеевъ римской литературы—Виргилія, Овидія и Горация. Въ своей *Энеидѣ* первый хотѣлъ польстить въ одно время и національной гордости Римлянъ и царствующему дому; все ея достоинство состоитъ во внѣшней отдѣлкѣ, и только. Овидіевы «Превращенія» можно читать развѣ для одного изученія міеологіи: въ произведеніяхъ Овидія видѣнъ эпикуреецъ, дошедшій до самой низкой степени разврата. Порча нравственная началась еще до Августа; но съ его времени начался особенно развратъ, съ его времени женщина вышла изъ тѣснаго круга семейной дѣятельности, и все чаще и чаще появляется на сценѣ общественной; съ его времени женщины пользуются самой позорной знаменитостью, и нѣтъ ни одного безславнаго происшествія, нѣтъ ни одной интриги, гдѣ-бы не замѣшалась женщина. Сенатъ нашелся принужденнымъ запретить *римскимъ гражданкамъ* торговать своей красотой. (*) Рожденный и воспитанный среди

(*) Вотъ слова Тацита: *Eodem anno gravibus Senatus decretis libido feminarum coercita, cautiusque, ne quaestum corpore faceret, cui avus, aut pater, aut maritus Eques Rom. fuisset.* Tac. Ann. I, II, c. LXXXV.

такаго нравственно-гнилаго общества, Овидій раздѣлялъ самъ его недостатки; онъ не осмѣивалъ его низкихъ пороковъ, подобно Лукіану, который безпощадной сатирой бичевалъ испорченность своихъ современниковъ. Намъ можетъ-быть, возразить на это, что можно при всемъ томъ читать его сочиненія безъ вреда, даже наслаждаться ими, и въ доказательство своего мнѣнія привести какое-нибудь тонкое различеніе нравственности отъ моральности; но дѣло не въ томъ: много-ли поэзіи можетъ быть въ изображеніи подобныхъ картинъ; можно-ли назвать Овидія громаднымъ поэтомъ? Лирическія произведенія Горация большею частію подражаніе греческимъ; другія, какъ уже сказано выше, воспѣваютъ Мецетатовъ, Августа и пр., и въ этихъ произведеніяхъ очень, очень много риторики, много мишурнаго блеска, много холодныхъ, безчувственныхъ возгласовъ, и мало живой, теплой поэзіи. Его »Ars poetica« есть простое изложеніе въ стихахъ аристотелевой теоріи, хотя нѣсколько измѣненной. Лучшую часть его сочиненій составляютъ письма и сатиры, впрочемъ и въ послѣднихъ много ложнаго. Гдѣ-же та блестящая плеяда латинскихъ поэтовъ, о которой говоритъ авторъ »Катулла.« Да! введеніе разочаровало насъ; но пойдѣмъ далѣе.

Самая статья раздѣлена на двѣ части: въ первой жизнь Катулла, во 2-й разборъ его произведеній. Для большей ясности авторъ внесъ въ статью свою много переведенныхъ имъ катуловыхъ стихотвореній. Это хорошо: духъ поэта, особенно лирика, нигдѣ не высказывается такъ ясно, какъ въ его произведеніяхъ. Но для того, что-бъ читатель самъ могъ судить по переведеннымъ отрывкамъ о характерѣ поэта, въ переводахъ долженъ быть сохраненъ колоритъ подлинника, должны быть переданы всѣ мелочныя подробности подлинника. Посмотримъ, какъ выполнилъ это требованіе нашъ авторъ; прочтемъ нѣсколько переведенныхъ имъ стихотвореній.

У Катулла умеръ братъ; онъ живетъ въ своемъ загородномъ домикѣ; въ то-же время другъ и покровитель его Мэнлій лишился супруги и просить его пріѣхать въ Римъ. Катуллъ пишетъ ему письмо, которое нашъ авторъ

переводить такъ: »Обиженный судьбою, пораженный тяжкимъ ударомъ, ты прислалъ мнѣ письмо, смоченное твоими слезами; какъ утопающій посреди пѣнистыхъ волнъ, ты протягиваешь мнѣ руку и хочешь, что-бъ я спасъ тебя. Венера, мощная богиня, не даетъ тебѣ заснуть на грустномъ и одинокомъ ложѣ; звучныя пѣсни старыхъ нашихъ поэтовъ не въ состояніи усладить для тебя часы тяжелой безсонницы. Мнѣ сладко видѣть, что ты увѣренъ въ моей дружбѣ, что ты просишь меня успокоить тебя голосомъ музъ и Афродиты« (стр. 85). Не знаемъ, что помѣшало автору передать поближе это нѣжное, исполненное тихой грусти, письмо; многія выраженія переданы даже совершенно-ошибочно. Вотъ нашъ переводъ: Приятно мнѣ твое письмо, что присылаешь ты мнѣ, смоченное твоими слезами, ты, угнетенный и судьбою и горькимъ случаемъ, прося, что-бъ оживилъ я тебя полумертваго, что-бъ выльчилъ я тебя разбитаго бурей, выброшеннаго на берегъ пѣнистыми волнами моря; тебя, покинутаго, котораго ни богиня Венера не хочетъ успокоить сладкимъ сномъ на одинокой постели; ни музы не веселятъ сладкою пѣснію старыхъ поэтовъ: и т. д. То-ли это? Забѣйте: Катумъ говорить:

Id (*) gratum est mihi, me quoniam tibi dicis amicam
Muneraque et Musarum hinc petis et Veneris,

т. е. приятно мнѣ это (письмо), потому-что ты называешь меня своимъ другомъ, и ищешь (просишь) здѣсь даровъ музъ и Венеры; а въ переводѣ нашего автора: Мнѣ сладко *видѣть*, что ты *увѣренъ* (?) въ моей дружбѣ, что ты просишь меня успокоить тебя голосомъ музъ и *Афродиты*»

»О несчастный! о братъ мой, такъ я потерялъ тебя! Ты унесъ съ собою въ могилу всѣ мои радости, весь мой родъ исчезъ для меня подъ землею; я былъ счастливъ твоею любовію, и сладость этой любви не существуетъ болѣе!« Это уже не переводъ, а передѣлка. Сличите съ подлинникомъ.

(*) Quod mittis mihi epistolium.

O misero frater adempte mihi!

Tu mea, tu moriens fregisti commoda, frater;
Tecum una tota est nostra sepulta domus;
Omnia tecum una perierunt gaudia nostra,
Quae tuus in vitâ dukcis alebat amor.

Т. е. о братъ, отнятый у меня несчастнаго! Ты, ты, братъ, сокрушилъ своею смертію мое благосостояніе; съ тобою вмѣстѣ погребенъ весь нашъ домъ; съ тобою вмѣстѣ погибли всѣ наши радости, что при жизни питала сладкая любовь твоя.»

Что доказываетъ это искаженіе? Что авторъ не довольно знакомъ съ латинскимъ языкомъ, что-бы могъ вѣрно переводить съ него, и что при переводѣ онъ пользовался какими-нибудь посторонними пособіями. Эти искаженія доходятъ до того, что стихотворенія Катулла, по милости переводчика, лишаются смысла. Вотъ примѣръ: авторъ переводитъ стихотвореніе *In annales Volusii*:

»Литературный навозъ, волюзіева книга, на тебѣ сейчасъ будетъ выполненъ объѣтъ моей милой дѣвушки. Она шепталась Купидономъ и божественною Афродитою, что, когда я помирюсь съ ней и перестану ее терзать моими жестокими ямбами, она въ знакъ благодарности возьметъ стихи самаго гадкаго изъ поэтовъ и сожжетъ ихъ на жертвенномъ кострѣ въ видѣ приношенія хромому богу (Вулкану). Вотъ они! вотъ самые позорные, самые дрянные стихи! хуже не сыщешь; ихъ должно возложить на костеръ и исполнить милое, умное обѣщаніе моей возлюбленной! Начнемъ-же. О ты, дочь Океана, счастливица своимъ присутствіемъ Идаію, ассирійскія долины, Анкону и Гинду, обильную тростникомъ, будь благосклонна къ очаровательному объѣту, а ты, литературный навозъ, жесткое и грубое сочиненіе Волюзія, отправляйся въ огонь.» Каково? Милая дѣвушка клянется сжечь стихи самаго гадкаго изъ поэтовъ въ видѣ приношенія Вулкану, и начиная сжигать стихи, призываетъ дочь Океана, счастливицу своимъ присутствіемъ Идаію и т. д.? Есть-ли тутъ смыслъ? А между-тѣмъ ларчикъ открывается довольно-просто. Авторъ перевелъ слово *vovit* (если онъ только не-

реводилъ съ латинскаго) словомъ *поклѣлась*, тогда-какъ это значить: *дала обѣтъ, общала*; вотъ и вышло у него, что милая дѣвушка поклѣлась принести стихи въ жертву Вулкану, а призываетъ *какую-то* дочь Океана. Въ самомъ же дѣлѣ она *общала* Венерѣ и Купидону предать Вулкану (т. е. огню) стихи самаго гадкаго изъ поэтовъ; отъ того-то и призываетъ она дочь Океана (большая часть миеовъ говорить, что Венера родилась изъ моря).

Остальныя стихотворенія перенедены не лучше, а потому не будемъ останавливаться на нихъ, иначе намъ пришлось-бы повторять себя. Первая часть статьи заключается довольно-оригинально:

»Поклонникъ Афродиты и лѣвивый эпикуреецъ, онъ (Катуллъ) незамѣтно прошелъ между рядомъ своихъ бурныхъ современниковъ, и жизнь его *выражается въ его знаменитомъ стихотвореніи, которое онъ взялъ съ Греческаго и посвятилъ своей Лезбіи.* Вотъ тутъ и понимай, какъ знаешь! Жизнь Катулла выражается въ стихотвореніи, которое онъ взялъ съ греческаго, въ переводѣ. Прочтемъ это знаменитое стихотвореніе:

»Тотъ равенъ богамъ, тотъ счастливѣе боговъ, — если только смертный можетъ быть счастливѣе небожителей, — кто сидитъ возлѣ тебя, слушаетъ твой голось и любитъся на твою нѣжную улыбку. Увы! я чувствую, что лишаюсь всѣхъ силъ черезъ это блаженство:

»Чуть взглянулъ на тебя, о моя Лезбія, я забываю все, пронзительный огонь пробѣгаетъ по моимъ жиламъ, я слышу звонъ въ ушахъ, глаза мои покрываются туманомъ. Твоя безпечность погубить тебя, Катуллъ, ты слишкомъ любишь ее, ты находишь наслажденіе въ своей лѣнности.... Утѣшься впрочемъ: ранѣ тебя великіе цари и царства погибали отъ наслажденій и праздности.« Опять безсмыслица по милости переводчика, которому угодно было прибавить слова: *утѣшься впрочемъ.* Какова фило-софія! Катуллъ истрачиваетъ всѣ свои драгоценныя силы, и утѣшаетъ себя тѣмъ, что и другіе *погибали*-же вѣдь отъ наслажденій и роскоши; почему же-де и мнѣ не погибнуть? Впрочемъ въ этомъ виноватъ не Катуллъ, а переводчикъ его. Катуллъ просто говорить:

Otium, Catulle, tibi molestum est,
 Otio exsultas, nimiumque gestis;
 Otium et reges prius, et beatas
 Perdidit urbes.

Во второй половинѣ статьи попадаются мысли замѣчательныя по своей *новизнѣ*. Напр. авторъ говорить: »Мы уже знаемъ, что творенія Сафо были любимымъ чтеніемъ Катуллы. Въ подражаніе знаменитой эпиталамѣ великаго поэта-женщины, онъ написалъ стихотвореніе подъ названіемъ: На бракосочетаніе Манлія и Юлія (стр. 105). И далѣе: «Какъ рядъ блестящихъ картинъ, переданныхъ отличными стихами, эпиталама на свадьбу Манлія достойна стать на ряду съ знаменитою эпиталамою Сафо, не смотря на то, что въ стихотвореніи Катуллы менѣе цѣлости и единства» (стр. 108). Въ эпиталамѣ Сафо болѣе цѣлости и единства? Странно говорить это: отъ Сафо всего дошло до насъ какихъ-нибудь пять, шесть строкъ! Что касается до какой-то *знаменитой* эпиталамы Сафо, то признаемся откровенно: мы не знаемъ, о какой это эпиталамѣ Сафо идетъ рѣчь. Въ изданіи Бергга (*Robtæ Iugici Græcogum*) подъ *ἑπιτάλαμα* приведены только тринадцать *разрозненныхъ* строчекъ. Какже это въ эпиталамѣ Сафо болѣе цѣлости и единства, чѣмъ въ катулловой? Не знаемъ.

Не обращая внимая на прочіе недостатки разбираемой статьи, скажемъ только, что промахи автора выказали незнаніе предмета его статьи, что какъ «плодъ беззаботнаго диллетантизма» статья еще, можетъ-быть, имѣть (впрочемъ не для насъ) какое-нибудь достоинство, но, какъ статья ученая, она не имѣетъ вовсе никакого значенія. Заключимъ нашу статью словами самаго автора »Катуллы»: «Не смотря на неоспоримую пользу, которую доставить современной намъ публикѣ знакомство съ древнею литературою, не слѣдуетъ думать, что-бъ это знакомство давалось легко, же требовало усилій со стороны читателя и замѣчательныхъ способностей отъ переводчика и критика.» Н. Т.

Посланіе къ Г. К...чу.

«Собственно для назиданія Г. Погодина, въ первый же послѣдній разъ, постараемся объяснить ему, откуда взялся «новый взглядъ на Русскую исторію и въ чемъ онъ заключается.» (Слова г. К. въ рецензіи разсужденія о Борисѣ Годуновѣ, г. Павлова. Отеч. Записки, N 9, с. 18 и проч.)»

Благодарю усердно добраго наставника за его намѣреніе вразумить меня, напрягаю все свое вниманіе, слушаю....

«Какую мы ни возьмемъ исторію, древняго или новаго народа, во всякой мы непременно найдемъ связность, стройность явленій. Вникая въ эту связь и стройность, мы открываемъ и ихъ причину»....

Позвольте мнѣ замѣтить вамъ, мой добрый наставникъ, что вы выразили эту *общую мысль* нѣсколько не осторожно, не точно: во всякой исторіи должна быть, и въ самомъ дѣлѣ есть, примѣчается, связность и стройность явленій, но *найти* и показать эту связность и стройность, — а еще болѣе открыть ихъ *причину*, есть дѣло, есть жизнь науки, которая далеко еще не достигла своей цѣли ни въ какой области. Передъ нашими глазами проходятъ день за ночью, лѣто за весною и зима за осенью, мы видимъ связность и стройность этихъ явленій, но законы небесной механики находятъ только Лапласъ; Римская исторія давно была извѣстна въ своей послѣдовательности и связи, но причины возвышенія и упадка Римлянъ отыскиваетъ только Монтескье, и то не безъ ошибокъ. Какая напр: связность и стройность, наружная и внутренняя, жившихъ въ глубинѣ Азии Татаръ въ 13 столѣтіи съ Русскими князьями, которые объ нихъ не имѣли никакого понятія, или между оргіями одного Женевца и бытомъ древней Руси, — *найти* не всякой вдругъ сможетъ.

«Вникая въ эту связь и стройность, мы открываемъ и ихъ причину; мы замѣчаемъ, что вся исторія приводится къ одному или нѣсколькимъ главнымъ началамъ, основа-

«нїямъ, которыми и объясняются всѣ явленія въ жизни этого народа, опредѣляется ихъ связь и послѣдовательность.»

Нѣтъ, мы заключаемъ, мы предполагаемъ, что должно-быть, пожалуй, одно или нѣсколько (одно или нѣсколько) началъ, оснований, но не только мы не открываемъ ихъ, но онѣ еще никѣмъ нигдѣ не открыты въ исторіи, ни въ древней, ни въ новой, хотя и можно указать на нѣкоторые замѣчательные частные опыты.

Было говорено нѣсколько разъ и объ этихъ началахъ, напримѣръ: есть одинъ законъ, по коему образуется человечество, — но въ каждомъ народѣ ходъ сего образованія измѣняется вслѣдствіе разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и дѣло частнаго историка показать, какимъ образомъ и по какимъ причинамъ происходитъ измѣненіе, какъ отражается въ частныхъ явленіяхъ общій законъ (въ 1836 г. и проч.)

«Стало-быть,» «продолжаетъ г. К., чтобъ понять ходъ исторіи какого-бы то ни было народа, надо подмѣтить главные начала, проходящія чрезъ жизнь этого народа»

Надо подмѣтить главные начала, и все будетъ понято! Какъ это легко, просто и ясно! Въ исторіи какого-же народа подмѣчены главные начала, спрошу я своего назидателя, и какая понята въ своемъ ходу? Если *замѣчено*, что въ Римѣ господствовало политическое, гражданское, внѣшнее начало, а въ Греціи духовное, внутреннее, то развѣ этими началами *объясненъ* ходъ ихъ исторіи? развѣ не понадобились другіе труды?

«До послѣдняго десятилѣтія объ открытіи этихъ началъ въ Русской исторіи никто не думалъ.»

Нѣтъ — думали, напримѣръ: Удивительна и поучительна Русская исторія, столько отличная отъ исторіи всѣхъ прочихъ государствъ, представляющая столько явленій безпримѣрныхъ, новыхъ. Выразумѣть всѣ сіи явленія, объяснить ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, подвести ихъ подъ параллельныя линіи прочихъ исторій, сравнить ихъ между собою, показать сходства и отличія, изслѣдовать причины тѣхъ и другихъ: какая задача можетъ быть важнѣе для мыслящаго историка? (въ 1832 году).

«Покрайней мы не видали и не знаемъ ни одной попытки.»

Это правда! ни у кого не было силы открыть такіа начала, ни у кого не было дерзости думать, что онъ открылъ ихъ! Я съ своей стороны думалъ всегда, что гораздо полезнѣе, успѣшнѣе, безопаснѣе, обрабатывать самое содержаніе исторіи, и даже вообще объ этой наукѣ выразился такъ: философъ можетъ имѣть идеаль, систему отвлеченную исторіи, (прошедшей и будущей), но сія система мертва безъ положительнаго приложенія. Въ исторіи царствовалъ доселѣ эмпиризмъ — и необходимо. Только съ эмпирическими познаніями можно строить системы. Пусть работаютъ эмпирики, собираютъ, очищаютъ, разпредѣляютъ событія: тогда изъ *самой исторіи* явится и разовьется ея система. Прикладывать исторію къ *готовой теоріи*—тоже что класть ее на Прокрустово ложе. (1827 г.)

Далѣе г. К., съ любезною снисходительностію, которая приносить ему честь, отклоняетъ обвиненіе отъ прежнихъ историковъ. «Конечно», говоритъ онъ, «въ этомъ никто не виноватъ. Всякое время имѣетъ свою задачу» и проч., и продолжаетъ:

«Въ это-то время, когда въ нашей исторической литературѣ господствовалъ хаосъ, когда разные взгляды бродили нестройно и наугадъ, и до очевидности ясно стало, что безъ строго-научнаго систематическаго воззрѣнія наука Русской исторіи не можетъ идти дальше»....

Хаоса не было въ той наукѣ, которую обрабатывалъ Шлецеръ и Карамзинъ, не говоря о прочихъ, — прерву я урокъ, и взглядовъ никакихъ не бродило, а были развѣ толки о нѣкоторыхъ частныхъ предметахъ, внѣ всякой системы. Наконецъ, позвольте мнѣ употребить противъ васъ ваше-же оружіе: въ Русской исторіи былъ Эверсъ, котораго вы сами ставите въ главу угла, и который имѣлъ уже послѣдователей и продолжателей, Неймана, Рейца! О какомъ-же хаосѣ вы говорите,—но не въ томъ дѣло. Прочтите рецензію Полеваго на исторію Карамзина, и вы найдете тамъ точно такіе-же *возгласы* о хаосѣ Русской исторіи до его нелѣпицы. Прочтите разсужденія Каченовскаго

съ школою скептической, и вы найдете опять эти возгласы также съ заключеніемъ, что мы стоимъ на прагъ великихъ преобразованій въ Русской исторіи. Это все только слова. Хаосъ былъ нуженъ г-ну К. только для того, чтобъ эффективе озарить Русскую Исторію солнцемъ родового быта, а сцена съ бродячими взглядами нужна была, чтобъ вывести триумфаторовъ съ большою славою.

«Въ это время.... нѣкоторымъ молодымъ любителямъ «Русской Исторіи,» (вотъ они, вотъ они! привѣтствуемъ, привѣтствуемъ)....

«пришла въ голову мысль взглянуть на патріархальные моменты русской жизни, на которые, вѣроятно, по ихъ общезвѣстности и близости никто еще не обращалъ надлежащаго вниманія ни пытливаго ученаго взгляда. Конечно, много разъ и прежде придавался Руси эпитетъ — патріархальная; но что собственно значитъ патріархальный, и чѣмъ именно отличается отъ непатріархальнаго, этого никто еще до того времени не потрудился объяснить.... На это названіе многіе натолкнулись инстинктомъ, чутьемъ, а не давая себѣ въ немъ асаго отчета. Между тѣмъ, если этотъ эпитетъ могъ быть приданъ быту цѣлаго народа, характеризовать его, то уже во всякомъ случаѣ онъ заслуживалъ особеннаго вниманія: то, что характеризуетъ, должно заключать въ себѣ объясненіе всѣхъ особенностей характеризуемаго предмета. И такъ въ патріархальныхъ-ли элементахъ, которые и доселѣ такъ приисущи намъ, должно искать объясненія равныхъ событий и явленій въ нашей исторіи, пока необъяснимыхъ и непонятныхъ! Не въ нихъ-ли лежитъ ключъ, съ помощью котораго раскроется внутренняя связь происшествій, эпохъ и періодовъ русской исторіи? не въ нихъ-ли затаенъ родникъ, изъ котораго текутъ многообразные источники нашей исторической жизни?»

Довольно! Позвольте послушному ученику, хоть подражая вамъ, возвысить свой голосъ. Здѣсь, Милостивые Государи, нѣкоторые молодые любители Русской Исторіи, заключается ваца капитальная ошибка. Вы подумали, что однимъ свойствомъ, какимъ бы то ни было, можно объяснить всю Исторію какого бы то ни было народа. Нѣтъ, человекъ, народъ, государство, Исторія, — сложны: они заключаютъ много свойствъ (этой категоріи), коими уславливается ихъ бытіе и развитіе. Патріархальность, или, лучше, семейность, положимъ, есть одно изъ главныхъ свойствъ и отличій Русской Исторіи и Русскаго народа, — и это, какъ вы говорите сами, замѣчено было давно многими,—

но есть еще и другія стольже коренныя свойства и отличія. Слѣдовательно искать въ одномъ свойствѣ причину всѣхъ явленій, исключать прочія коренныя условія, пропускать ихъ дѣйствія, — система, ведущая къ безпрестаннымъ заблужденіямъ, неправильностямъ, ошибкамъ, общимъ и частнымъ, какъ доказано Исторіей всѣхъ наукъ. Это почти все равно, какъ нѣкогда всѣ воздушныя явленія физики объясняли электричествомъ, или медики приписывали происхожденіе всѣхъ болѣзней, то одной причинѣ, то другой. Благоразумнѣйшіе однакоже утверждали всегда, что универсальнаго лекарства нѣтъ, какъ нѣтъ и философскаго камня.

Это вамъ одно замѣчаніе, а вотъ и другое: патріархальность или, по моему, семейность, есть одно изъ отличительныхъ явленій въ Русской Исторіи,—такъ надо же прежде всего объяснить его, откуда оно явилось, и въ чемъ именно проявляется? Далѣе—почему семейность у насъ проникла, осталась въ Исторіи такъ, а въ Германіи, Франціи, Англіи, иначе, между тѣмъ какъ, разумѣется, во всѣхъ государствахъ исторія началась одинаково этою семейностію; какое, на примѣръ, сходство или различіе между нашею семейностію и Шотландскою.

Русская жизнь отличается семейноетью, Французская общественностію, Англійская личностію — это явленія, Милостивые Государи, слѣдствія, а не причины, понцы, а не начала. Никто не думалъ объяснять Французской Исторіи общественностію или Англійской личностію, а указать присутствіе семейности, общественности или личности въ той, другой или третьей Исторіи, нужно, полезно, необходимо, какъ въ познаніи того или другаго вещества, необходимо опредѣленіе всѣхъ ингредиентовъ. Послѣ этого предоставляю судить читателямъ о вашихъ вопросахъ «не въ патріархальныхъ-ли элементахъ.... должно искать объясненія... не въ нихъ ли затаенъ *родникъ*, изъ котораго текутъ многообразные источники нашей Исторической жизни.... не въ нихъ ли лежитъ *ключъ*, съ помощію котораго раскроется внутренняя связь происшествій, эпохъ и періодовъ Русской Исторіи?» Много ключей можетъ входить въ замокъ, но не всѣ отпирають: иные только что вертятся.

Далѣ говорить Г-нъ К.

«Нѣкоторые опыты объяснить намъ древнѣйшій бытъ патриархальнымъ элементомъ были уже сдѣланы; Эверсъ возпользовался имъ и съ большимъ успѣхомъ, толкуя первыя страницы свѣтописи и Русскую Правду.»

Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, Милостивые Государи, приписывая это намѣреніе Эверсу, котораго я имѣлъ честь разбирать въ 1827 году, при первомъ появленіи его книги. Не имѣю теперь времени, прочтя вашу рецензію вчера, и пишучи отвѣтъ вамъ нынѣ, пересмотрѣть его вновь и провѣрить свое понятіе, и потому передамъ свою мысль объ Эверсѣ, какъ она есть: Эверсъ далъ намъ логическую подкладку подъ первыя страницы нашей Исторіи, но не объяснилъ ее. Прибавлю примѣръ: есть формула для Исторіи всѣхъ западныхъ государствъ: феодализмъ, монархія, хартія, — и есть отвлеченное, à priori, объясненіе, какъ эти формы должны были одна за другою слѣдовать, но развѣ это объясненіе объясняетъ Исторію Французскую, Англійскую, Нѣмецкую? Нѣтъ, это только пособіе для ума, успокоеніе, неболѣе.

«Но это были отрывочныя попытки. Нельзя-ли возвести ихъ въ цѣлое и объяснить этимъ элементомъ всю древнюю Исторію Руси? Она такъ не похожа на всѣ другія Исторіи, такъ необъяснима изъ общихъ началъ Исторіи другихъ народовъ, и какъ нарочно именно тѣхъ, въ жизни которыхъ слабы патриархальные элементы. Вотъ какія размышленія вызвали новый взглядъ, столько нелюбимый, «Богъ знаетъ почему, Г. Погодинымъ.»

Вы видѣли причины, по которымъ я не соглашаюсь съ вашими размышленіями, а почему не люблю я вашего взгляда, такъ я скажу вамъ это теперь, если угодно, или лучше вы сказываете сами, говоря:

«Остановившись на этой мысли тѣже, молодые любители русской исторіи начали послѣдовательно выискать въ между-княжескихъ отношеніяхъ, въ мѣстничествѣ, въ древней системѣ управленія — словомъ во всѣ главнѣйшія явленія древней русской народной жизни, и къ величайшей своей радости нашли, что патриархальнымъ элементомъ эти явленія объясняются очень просто и естественно, что различныя ея эпохи, періоды и явленія суть не что иное, какъ различныя видоизмѣненія одного и того же патриархальнаго элемента.»

Любители Исторіи.... стали вникать.... во всѣ явленія.... и нашли,.... что онѣ объясняются очень просто и естественно!.... Въ этихъ словахъ вашихъ заключается приговоръ вамъ! Не слишкомъ ли легко объясняется Исторія по вашей методѣ: стоитъ подмѣтить, приложить, и конечно все дѣло! Неужели вы не чувствуете, что вѣрно здѣсь есть логическій оптический обманъ? Такъ легко и скоро мудренныя задачи не рѣшаются. Вотъ почему не люблю я новаго взгляда! Взглядъ этотъ — ложной, по моему мнѣнію, выше изложенному; на этотъ взглядъ происшествія представляются въ превратномъ видѣ; вы не сказали никакой новой мысли; вы не объяснили ничего, а между тѣмъ вы закричали и во множество голосовъ: мы сбили, мы рѣшили, мы объяснили, до насъ не было ничего! Такіе крики и возгласы должны были произвести негодованіе, — множество явившихся подражателей или послѣдователей (точно такихъ, какіе были въ школахъ скептической) должно было возбудить противодѣйствіе, — особенно если еще присоединились къ тому *des circonstances aggravantes!*

Вы теперь сознаетесь, что были «увлеченія», «крайности», «неправильныя примѣненія.» Вы говорите, что «излѣдователи, трудящіеся надъ Русской Исторіей съ точки зрѣнія патріархальнаго или родоваго начала, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе излечиваются (Sic!) отъ крайности и односторонности.» Прекрасно — я ихъ поздравляю, радуюсь, и надеюсь, что излечась совершенно, они принесутъ пользу Русской Исторіи, а за что же ругать лекарства и врачей? Но я боюсь, что Г-нъ К. и здѣсь предложить мнѣ роковой вопросъ: гдѣ же лекарство? Кто же врачъ? «Неужели Г-нъ Погодинъ!»

«Мы бы повали еще негодованіе именитаго критика противъ «новыхъ трудовъ, написанныхъ подъ вліаніемъ «проказы родоваго быта,» еслибъ онъ хоть однажды сурьезно, систематически опровергъ новыя возрѣнія, показалъ ихъ ничтожность и нелѣпость, а ученые, не смотря на то, продолжали бы идти по тому же пути, не слушая ни замѣчаній, не обращая на нихъ никакого вниманія. Но Г. Погодинъ этаго не сдѣлалъ.»

Воля ваша говорить, что угодно, но мнѣ кажется, что съ самаго начала исчисливъ вамъ всѣ междоусобныя войны и показавъ собвенными словами, не только лѣтописателей, но и самыхъ дѣйствующихъ лицъ, что онѣ ведены были за волю

сти, а не за старшинство; что, напротивъ, старшіе князья говаривали младшимъ: возми себѣ Кіевъ, а мнѣ дай волость такую то; что ни объ одной не встрѣчается свидѣтельства, намена, противоположнаго, — мнѣ кажется, говорю, что я доказалъ неосновательность вашего мнѣнія, въ самомъ важномъ пунктѣ, съ междукняжескихъ отношеній. Не много нужно труда для опроверженія и прочихъ вашихъ объясненій, напримѣръ, — вмѣстичествѣ служба имѣеть высшее значеніе передъ родоу. А о дальнѣйшихъ приложеніяхъ говорить нечего, куда онѣ повели: стоитъ только вспомнить изгоевъ Г-на Калачева, (которому впрочемъ я отдаю полную справедливость за его другіе труды, добросовѣстные и благородные), и Боярскихъ дѣтей Г-на Павлова, (въ талантѣ котораго я также никогда не сомнѣвался). Вотъ и новая причина, почему нелюблю я новаго взгляда: имъ увлеклись такъ или иначе даже нѣкоторые почтенные и талантливые молодые люди, теряя даромъ много времени и силы. Что касается до новой Исторической литературы Г-на К., я, право, не знаю, какія сочиненія именно къ ней относятся. Г. Шульгинъ, напримѣръ, принимаетъ родовой бытъ совершенно въ предѣлахъ здраваго смысла.

Но, положимъ, я не разобралъ до сихъ поръ новаго мнѣнія съ должнымъ вниманіемъ и обстоятельностью; отрицая, я увлекся самъ до другой крайности — забудемъ прошлое — укажите мнѣ, прошу васъ, теперь книгу, статью, въ которой оно выражено наяснѣе, наопредѣленнѣе, и я даю вамъ слово, не смотря на совершенной недостатокъ во времени, по настоящему положенію моихъ главныхъ занятій, разобрать ее во всѣхъ подробностяхъ. Вы осуждаете мой образъ выраженія — я пришлю по адресу мой разборъ въ рукописи, предоставляя вамъ право исключать всѣ слова для васъ неприятыя (какія у меня нечаянно сорвались бы съ языка), — и напечатать, гдѣ вамъ угодно.

Вторая часть статьи г. К. относится къ Борису Годунову. По типографской необходимости я долженъ отложить ее до слѣдующей книги. Тамъ разберу я и аргументы г. К. ad hominem, какъ они не оскорбительны. *М. Поединъ.*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

156. *Абуль-Касемъ Фердауси Тусскій, творецъ Книги Царей, известной подъ названіемъ Шахъ-намъ. Съ присовокупленіемъ краткаго обзора исторіи персидской поэзіи до исхода XV столтія по Р. Х. Соч. доктора Восточной Словесности С. Назаріянца. Кн. 1-я. Казань. 1849. Стр. 104 въ 8 д. л.*

Рудеки и Дакики должны считаться самыми древними поэтами, изъ твореній которыхъ до насъ дошли немногіе отрывки. Какъ ни скуденъ запасъ матеріаловъ для составленія полныхъ, біографическихъ и литературныхъ, свѣдѣній объ этихъ древнихъ бардахъ Персіи: но трудолюбіе и ученость г. Назарьянца умѣли составить изъ этихъ отрывковъ нѣчто цѣлое.

Рудеки родился въ области, соответствующей древней Трансоксіанѣ, вѣроятно во второй половинѣ IX ст. Какъ отецъ персидской поэзіи, онъ является въ глазахъ потомства человекомъ, одареннымъ сверхъестественными способностями. Такъ говорятъ, что, слѣпорожденный, онъ на осьмомъ году былъ уже свѣдущъ въ искусствѣ краснорѣчія, сдѣлалъ значительные успѣхи въ поэзіи и повторялъ наизусть весь Коранъ. Надобно однако-же сказать, что этому знаменитому поэту приписывается гораздо-большее число твореній, нежели сколько дѣйствительно принадлежитъ ему. Одни почитаютъ его авторомъ ста томовъ, другіе творцемъ слишкомъ милліона дистиховъ, и самые умѣ-

ренные настаиваютъ на 700,000 двустушій. Но сколько-бы ни произвелъ Рудеки, до насъ дошло очень - мало его произведеній. Отрывки его поэмъ въ лирическомъ родѣ разсѣяны у новыхъ писателей; кромѣ того существуетъ диванъ или собраніе одъ подъ именемъ Рудеки. Г. Назаріянцъ приводитъ нѣсколько отрывковъ изъ его стихотвореній, въ подлинникѣ (т. е. по - персидски) и въ переводѣ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ :

Похвала вину. «Эту дивно-краснѣйшую влагу — каждый, кто видѣлъ ее, почелъ растопленнымъ рубиномъ, но оба, по природѣ своей, одинаковаго существа, въ различныхъ только видахъ. Одна есть жидкость, другой — кристаллъ. Рубинъ, даже безъ ослѣзанія, украшаетъ обѣ руки, вино, даже невкушенное, услаждаетъ сердце небесною благодатию.»

«Свѣтъ далъ мнѣ превосходное наставленіе — свѣтъ, въ которомъ все есть наставленіе для внимательнаго наблюдателя. Отнюдь не возмущайся — онъ сказалъ мнѣ — богатствомъ и величіемъ людей. Есть многіе, которые бы желали раздѣлить твой жребій»

«Когда энергія моей души оцѣпенѣла въ оковахъ ея кудрей; когда въ каждой жилкѣ онѣмѣла и жизнь отъ порыва любви, — слезы оживили мою надежду, но увы! и сей источникъ утѣшенія въ самую ночь свиданія съ нею, изсыхъ навсегда.»

Дакики считается основателемъ персидской эпопеи. При Амиръ-Нухъ II (царствовавшемъ во второй половинѣ IX ст.) онъ предпринялъ привести въ поэтическую форму пехлевійскія лѣтописи и баснословныя преданія о персидской старинѣ, хотя безвременная, насильственная смерть положила конецъ и жизни и предпріятію поэта, прежде нежели онъ могъ довести свое твореніе до значительнаго объема. Фердауси внесъ въ свою Шахъ-намэ двѣ тысячи стиховъ, написанныхъ имъ. Г. Назаріянцъ приводитъ два отрывка изъ нихъ; мы избираемъ меньшій — именно изъ отвѣта, писаннаго Куштамомъ на посланіе Аргаспа. Между-тѣмъ какъ поэтъ заставлялъ послѣдняго государя указывать на богатство его земли мускатомъ, чтобъ этимъ внушить противнику ужасающее понятіе о могуществѣ повелителя Чина, — наслѣдникъ престола Джемшида возражаетъ на этотъ гордый намекъ Аргаспа въ слѣд. надутыхъ, хваст-

ливыхъ выраженіяхъ, которыя, каково бы ни было поэтическое ихъ достоинство, съ перваго взгляда обличаютъ духъ истинно-азіатскій.

«Я наполю рѣку Джейхунъ мускатомъ—мускатомъ изсушу, до капли, воды джейхунскія.» Эти слова не заслужили моего одобренія. Я не нахожу ни причины, ни основанія этого хвастовства. Наполняй мускатомъ Джейхунъ и Сейхунъ: Чтò мнѣ за дѣло до этихъ рѣкъ, и что за важность, будутъ-ли онѣ изсушены или нѣтъ? Но, когда несмысленныхъ своихъ коней я выпшлю въ потоки воды, то солнце затмится отъ пыльныхъ облаковъ. Смертоносный мой мечъ, отражаясь въ волнахъ Джейхунскихъ, превратитъ ихъ въ кровавое море; громъ желѣзной моей дубины, отзвываясь по полямъ, заставитъ львовъ смиренно преклонять гордыя свои выи. Да будетъ тебѣ вѣдомо, что я, въ пылу моего гнѣва, безъ дальняго, поглощу за одинъ глотокъ оба Джейхуна. Въ день сраженія, если угодно богу, мой мечъ свалитъ твою голову къ моимъ ногамъ. Ужели ты не знаешь еще жестокости моихъ браней? Я иду на поле битвы, какъ на пиръ. Чтò пользы отъ твоего Джейхуна, отъ твоего Сейхуна? Къ чему послужатъ сныи твоихъ воиновъ, ковы твоихъ демоновъ, ивобиліе твоего муската?»

Династія Дилемитовъ, владычествовавшая въ одно время съ домомъ Саманидовъ, также не была бѣдна стихотворцами въ различныхъ родахъ поэзіи, хотя, къ сожалѣнію мы знаемъ этихъ поэтовъ изъ однихъ скудныхъ отрывковъ, сохраненныхъ въ твореніяхъ позднѣйшихъ авторовъ. Вотъ два отрывка изъ числа приводимыхъ Г. Назаріанцемъ. Первый принадлежитъ Масуду бенъ Сааду Сулейману, который, подъ конецъ своей жизни, промѣнилъ панегирическое направленіе своей поэзіи на религиозное.

«Съ-тѣхъ-поръ, какъ я взоромъ правды замѣтилъ, что міръ сей развращенъ, что люди подъ личиною самой привлекательной наружности скрываютъ зло внутреннее, что небо несправедливо, исполнено коварства и искушенія,—съ тѣхъ поръ я погруженъ въ глубину мысли, въ которой все разоблачается предо мною въ формахъ свѣжаго бытія. Теперь болѣзненная моя душа въ нѣгѣ покоя ищетъ сласти божественной, ищетъ цѣлебнаго питія изъ ониссовой чаши покаянія. Уста мои, нѣкогда воспѣвавшія чертоги міра, нынѣ превозносятъ владыку міровъ; нынѣ небольшая моя труба служить соловьемъ въ рощѣ избранника небесъ (пророка). Мантією и Флейтою (символы достоинства шейла дер-

вишей) возвышенъ я, но умъ дѣлается нынѣ слабѣе. Глава у меня спокойна, тѣло свободное: я превращенъ теперь какъ-бы въ шерсть и шелкъ. Нѣкогда я пѣлъ похвальные пѣсни; за это каюсь нынѣ.»

Слѣдующее четверостишіе принадлежитъ Пиндару изъ Раи, придворному поэту одного дилемитскаго князя:

«Тщетно избѣгаешь ты смерти, въ два дня: когда суждено и когда не суждено умереть тебѣ. Въ первый — ни одинъ врачъ не спасетъ твоей жизни, въ послѣдній — ты не властенъ испустить свой духъ.»

Династія Газневидовъ, поглотившая княжескіе дома Саманидовъ и Дилемитовъ, представляетъ въ Махмудѣ (первомъ повелителѣ въ новѣйшей исторіи Малой Азіи, который присвоилъ себѣ титулъ султана) государя, одушевленнаго любовью къ воздѣланію исторіи древне-персидскаго царства. Онъ предлагаетъ себѣ важную задачу продолжать и довершать то, что едва только начато было при Саманидахъ.—Четыреста ученыхъ и поэтовъ, говорятъ, жили при дворѣ султана Махмуда, который, слѣдуя восточному духу, назначилъ царя поэтовъ, для испытанія, обсуживанія и поощренія всѣхъ прочихъ къ трудамъ, сообразнымъ съ дарованіями каждаго. Это мѣсто почиталось однимъ изъ самыхъ значительныхъ въ государствѣ, и царь поэтовъ имѣлъ подъ своимъ вѣдомствомъ всѣ ученые и историко-поэтическія работы. Махмудъ раздѣлилъ семь частей книги Бастанъ-намэ* между семью придворными поэтами. Ансери, удовлетворительнѣе всѣхъ разрѣшивъ предложенную ему задачу — это было поэтическое обработаніе самаго привлекательнаго эпизода изъ исторіи Сохраба, — получилъ корону, какъ царь поэтовъ, и вмѣстѣ порученіе привести въ поэтическую форму всѣ лѣтописи Персіи. Но Ансери не исполнилъ порученія султана относительно обработанія всего Шахъ-намэ. Этотъ литературный подвигъ предстоялъ величайшему изъ поэтовъ Персіи — Фердауси.

* Буквально это значитъ «древняя книга». Она извѣстна и подъ арабскимъ названіемъ: «аръльище царей.» Происхожденіе ея относится ко временамъ Сассанида Іедждегира III, который, какъ говорятъ, первый позаботился о собраніи отдѣльныхъ лѣтописей, исторій и преданій о древней Персіи, отъ Казморса до Хозроевъ.

Абуль-Касемъ Мансуръ, проименованный въ послѣдствіи Фердауси, родился (932 г.) въ городкѣ Шадабъ, въ округѣ Тусскомъ. Отецъ его былъ садовникъ. Первоначальное образованіе Фердауси получилъ подъ руководствомъ лучшихъ наставниковъ своей родины. Память юноши была обширная, прилежаніе пламенное. Первую искру творческаго огня открылъ въ немъ поэтъ Асади, ободряя своего питомца и поощряя его склонность къ историческимъ изысканіямъ. Приобрѣтя экземпляръ Бастанъ-намэ, Фердауси посвящалъ себя изученію его, упражняя притомъ поэтическій свой талантъ. Прибывъ ко двору Махмуда въ Газнейнъ, поэтъ вдругъ получилъ самыя блестящія надежды. Говорятъ, что Махмудъ, при первомъ свиданіи съ нимъ, просилъ его сочинить тутъ-же нѣсколько стиховъ. Фердауси немедленно произнесъ слѣд. двестише: «Уста младенца, пока еще жокнутъ отъ молока материнской груди, въ колыбели, лепечуть впервые: Махмудъ». Разумѣется, эта вѣжливость чрезвычайно понравилась султану, — и когда Фердауси представилъ ему одинъ историческій эпизодъ, то Махмудъ такъ былъ доволенъ имъ, что немедленно поручилъ ему переложить въ поэтическую форму всю «Книгу царей», съ предписаніемъ своей казнѣ выдавать ему за каждое двестише по червонцу. Въ это время поэтъ получилъ названіе Фердауси, т. е. *райскаго*. Ему отвели покой во внутренней части царскихъ чертоговъ, украшенной военными доспѣхами, напоминавшими старую Персію. Здѣсь работалъ онъ четыре года, столько-же въ Тусѣ, и представилъ Махмуду четыре пѣсни, которыя приняты были съ необыкновенною благосклонностію. Но поэтъ не былъ довольно-остороженъ въ отношеніи къ придворнымъ, и это навлекло ему много непріятностей. Не смотря однако ни на что, онъ довершилъ «Книгу царей», плодъ тридцатилѣтнихъ усилій и, по общепринятому мнѣнію, объемлющую 60 тысячъ двестишій. Отдавая полную справедливость этому гениальному произведенію, Махмудъ велѣлъ нагрузить слона золотомъ, и препроводить его въ подарокъ автору. Но любимецъ султана, по враждѣ къ Фердауси, послалъ только 60 т. серебряныхъ монетъ. Фердауси находился въ банѣ, когда ему дали знать о прибытіи царскаго подарка. Оскорбленный

поэтъ тотчасъ-же раздалъ присланную сумму: 20 т. монеть получилъ содержатель бани, столько-же продавецъ сластей, а остальные достались прикащику подарка, съ замѣчаніемъ: «пусть знаетъ султанъ, что я трудился тридцать лѣтъ надъ твореніемъ, не для того, чтобы получить за то серебряныя монеты!» Разумѣется, это происшествіе послужило поэту не въ пользу, и неблагоприятное къ нему султана увеличилось еще болѣе за сатиру, написанную на Махмуда и его министра, такъ-что поэтъ для своей безопасности долженъ былъ скрыться. Спустя нѣсколько времени, султанъ открылъ всѣ происки своихъ любимцевъ противъ Фердауси, и свѣшилъ наградить его; но эта милость не застала Фердауси въ живыхъ....

Гробъ знаменитаго поэта находится въ Тусѣ (нынѣшнѣмъ Мешхедѣ) и часто посѣщается благоговѣйными путниками. Довлетъ-шахъ рассказываетъ, что шейхъ Абуль-Хасавъ-Горгани отказался совершить обычную молитву за Фердауси, потому-что послѣдній написалъ многое въ пользу древнихъ огнепоклонниковъ Индіи. Въ ту-же ночь фанатическій глава ислама увидѣлъ поэта занимающимъ высокую степень среди блаженныхъ въ раю, и спросилъ, за что досталась ему эта честь? Фердауси отвѣчалъ: «за слѣдующее двустипіе: «Ты вмѣстѣ и высота и глубина вселенной! Я не знаю, что ты? Но ты все, что ты есть!»

«Исполинское эпическое произведеніе Фердауси, говоритъ Г. Назаріянцъ, славный памятникъ восточнаго духа и образованія, по прошествіи почти уже девяти столѣтій, все еще пользуется великимъ уваженіемъ въ странахъ, гдѣ разумѣютъ и обрабатываютъ языкъ персидскій. Не ложно пророчествовалъ поэтъ, предвѣщая вѣковѣчность своему созданію:

«Проходить міръ надъ гробами нищихъ и вельможъ; зачѣмъ смущаться мудрецу непостоянствомъ земнаго бытія? Много предшествовало мнѣ въ вѣчность и младшихъ и старшихъ меня лѣтамъ. И мнѣ не быть всегда бдительнымъ, безсоннымъ! Поставивъ себя сей памятникъ славы, я создалъ царство слова на землѣ. Послѣ этого я не умру, я вѣченъ, я сѣятель сѣмевъ отечественнаго слова. Каждый, у кого достанетъ души, ума и вѣры, будетъ величать имя Фердауси и по его смерти.»

Въ заключеніе Г. Назаріянцъ исчисляетъ переводы и изданія Шахъ-намѣ. Здѣсь мы позволимъ себѣ не согла-

ситься съ нимъ во мнѣніи, будто нѣмецкій языкъ «способнѣе всѣхъ передать намъ весь міръ красогъ и прелестей персидской эпопеи.» А русскій? Конечно, авторъ, какъ оріенталистъ, не можетъ придавать высокаго значенія переведенному (7) Жуковскимъ по переводу Рюккерта отрывку изъ Шахъ-намэ: «Рустемъ и Зорабъ»; какъ оріенталистъ, онъ можетъ требовать отъ будущаго переводчика «углубленія въ непосредственное созерцаніе величественныхъ явленій подъ роскошнымъ небомъ Персіи, передачи Шахъ-намэ не какъ копіи съ копіи, но какъ результата собственнаго изученія персидскаго подлинника:» но мы относимъ это желаніе въ область *pra desideria*, — чего можно только желать, но не требовать...

Въ «введеніи» къ своему ученому труду авторъ излагаетъ нѣсколько мыслей о филологіи вообще, отличающихся обширностію взгляда. Привѣтствуемъ новаго дѣлателя на полѣ отечественной словесности. Въ этой книгѣ г. Назаріянецъ показалъ столько учености, образованія, трудолюбія, добросовѣстности, что мы вправѣ ожидать отъ него трудовъ важныхъ!

157. Ярлыкъ Хана Золотой Орды Тохтамыша къ польскому королю Ягайлу. 1392 — 1393 года. Изд. княземъ М. А. Оболенскимъ. Казань. 1850. Стр. 70 въ 8-ю д. л.

Князь М. А. Оболенскій достойно идетъ по слѣдамъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ: Миллера, Стриттера, Каменскаго, Малиновскаго, и всякій годъ историческая литература обогащается его трудами, открытіями и пожертвованіями.

Вотъ что говоритъ онъ въ предисловіи къ новой книгѣ:

„Ярлыкъ Хана Золотой Орды Тохтамыша къ Королю Польскому и Великому Князю Литовскому Владиславу-Ягайлу замѣчательнѣе, какъ любопытный остатокъ древней Монгольской и Западно-Русской графики, и заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія въ отношеніяхъ филологическомъ и историческомъ. Еще въ 1834 году этотъ драгоценный памятникъ былъ открытъ мною.... Въ то же время съ подлинника, писаннаго на старинномъ тюркскомъ языкѣ уйгурскимъ письмомъ, сдѣланъ вѣрный слѣпокъ (*fac-simile*), а съ соответствующей ему грамоты на рус-

комъ языкъ точныя копии, которыя и разосланы къ нѣсколькимъ изъ новѣйшихъ ориенталистовъ, для узнанія ихъ мнѣнія о столь важной находкѣ. Академики Френъ и Шмидтъ, профессора Ковалевскій и Каземъ-Бекъ и германскій ученый Гаммеръ дѣйствительно обратили полное вниманіе на ярлыкъ и единогласно признали его памятникомъ въ высшей степени замѣчательнымъ....

„Содержаніе ярлыка или грамоты къ Ягайду, въ краткихъ словахъ, заключается въ извѣстіяхъ объ отправленіи пословъ, о нападеніи на Орду Тимура, признаннаго нѣкоторыми измѣнниками изъ ордынскихъ Великихъ Князей и Углановъ, наконецъ о желаніи продолжать торговыя сношенія. Ярлыкъ писанъ 795 г. отъ бѣгства Магометова, слѣд. въ 1392—1393 г. отъ Р. Х., 8-го числа мѣсяца Реджеба.

„Что касается до подробностей содержанія, то подлинникъ не вполне сходенъ съ соотвѣтствующей ему грамотой на русскомъ языкѣ: въ послѣдней есть нѣсколько дополненій, которыя нельзя однако признать за самовольныя и невѣрныя вставки переводчика, почему съ достовѣрностію можно заключить, что на русскомъ языкѣ ярлыкъ также изготовленъ въ канцеляріи Тохтамыша. Русская современная грамота также драгоценна. Въ филологическомъ отношеніи она замѣчательна какъ вообще по древнему языку, такъ и въ особенности по своимъ грамматическимъ признакамъ; въ историческомъ же отношеніи она, съ одной стороны, можетъ служить для поясненія, какимъ образомъ происходили дипломатическія сношенія Русскихъ и Литовскихъ Великихъ Князей съ Ханамъ Золотой Орды, если принять въ соображеніе, какъ сей-часъ сказано, что она была изготовлена въ самой канцеляріи Тохтамыша; съ другой стороны, по замѣчанію профессора Каземъ-Бека, она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дополняетъ вѣрными фактами самый уйгурскій документъ. Вотъ почему мы нигдѣ не рѣшились дать ей названіе перевода, считая ее несомнѣнно прѣотивнемъ (дружкой) уйгурскаго подлинника, или актомъ, составленнымъ на основаніи этого подлинника и имѣющимъ свое отдѣльное, самостоятельное значеніе.

„Въ послѣднее время обратилъ свое вниманіе на ярлыкъ Тохтамышевъ профессоръ Казанскаго Университета И. Н. Березинъ.... Въмѣстѣ съ ученымъ Монголомъ г. Банзаровымъ (они) приложили свои общія познанія и труды для объясненія Тохтамышева ярлыка.«

Изданіе «Ярлыка» превосходно во всѣхъ отношеніяхъ. Сперва помѣщенъ снимокъ съ него, потомъ транскрипція его арабскими буквами, далѣе—ярлыкъ на западно-русскомъ нарѣчій и позднѣйшій переводъ его на польскій языкъ. Въ приложеніяхъ помѣщены извлеченія изъ писемъ ориен-

таллистовъ, относящихся къ «Ярлыку». Въ концѣ находятся объясненія «Ярлыка», съ его переводомъ, монгольской и арабской транскрипціею и призываніями гг. Березина и Дорджи Банзарова.

Выпишемъ послѣднюю треть «Ярлыка», для насъ особенно любопытную: «съ подданныхъ намъ волостей вручи (Ягайло) идущимъ посламъ для доставленія въ казну. Еще по прежнему правилу (мон) негоціанты и твои купцы пусть ходятъ одни къ другимъ: признавая это хорошимъ для великаго улуса, мы утвердили грамоту съ золотымъ знакомъ.»

Г. Березинъ, начавшій свое ученое поприще съ такимъ рвеніемъ и успѣхомъ, предполагаетъ издать въ непродолжительномъ времени: «Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимуръ Кутлука и Саадеть-Гирея,» и «Внутреннее устройство Золотой Орды по ханскимъ ярлыкамъ.»

158. Трехсотлѣтній показателъ (отъ 1700 до 2000 лѣтъ) христіанскихъ дней недѣли на каждое число мѣсяца ежегодно Юліанскаго времячисленія. Составилъ и издалъ В. Д. Орденевъ. Спб. 1850. Одинъ листъ.

Г. Орденевъ задалъ себѣ вопросъ: какъ проще отыскивать дни недѣли на каждое число мѣсяца въ данномъ году? и открылъ рѣшеніе этого вопроса въ зрячей пасхалии, прилагаемой при мѣсяцесловахъ, издаваемыхъ Синодомъ, и при псалтыри съ возсѣдованіемъ. Тамъ онъ нашелъ, что вруцѣлѣтняя буква показываетъ воскресные дни даннаго года; основываясь на этомъ вѣрномъ показателѣ, г. Орденевъ составилъ четыре таблички: двѣ для лѣтъ съ 1700 по 1850 годъ, и двѣ съ 1851 по 2000 годъ; расположилъ таблицы сіи по двѣ одна подъ другой, каждая изъ семи клѣтокъ, слѣва направо для показанія цифры вруцѣлѣтія, и изъ семи сверху внизъ для показанія дней недѣли; такъ-что подъ 1-ой вруцѣлѣтней клѣткой столбецъ дней недѣли начинается воскресеньемъ, подъ 2-й понедѣльникомъ, подъ 3-й вторникомъ, подъ 4-й середой, и такъ далѣе. Потомъ подъ первыми двумя таблицами выставилъ годы до 1850 г., въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они долж-

ны стоять по вращлѣтнимъ буквамъ, указаннымъ въ пасхалии; а подъ другими двумя таблицами въ такомъ-же порядкѣ выставилъ годы съ 1851 по 2000 годъ. Далѣе между верхними двумя таблицами поставилъ первые 6 мѣсяцевъ Январскаго года, а между нижними послѣдніе 6 мѣсяцевъ того-же года; при чемъ числа каждаго мѣсяца расположилъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они приходятся по указанію первой вращлѣтней цифры, или первой клѣтки въ его таблицахъ. Отъ чего и вышло, какъ и должно, что число мѣсяца, приходящееся по указанію первой вращлѣтней цифры въ понедѣльникъ, во вторникъ, по 3-й въ среду, по 4-й въ четвергъ, по 5-й въ пятницу, по 6-й въ субботу и по 7-й въ воскресенье. Все это очень-просто и очень-вѣрно, безъ малѣйшей ошибки. Правда, то-же самое каждый найдетъ въ мѣсяцесловахъ съ зрячими пасхалиями, и притомъ гораздо-удобнѣе; ибо въ зрячихъ пасхалияхъ годы стоятъ въ хронологическомъ порядкѣ, слѣдовательно не представляютъ никакихъ затрудненій въ присканіи; у г-на-же Орденова они поставлены въ порядкѣ вращлѣтій, т. е. послѣ 1706 года слѣдуетъ 1701 годъ, потомъ 1702, 1703, 1709, 1710, 1705 и такъ далѣе; отъ-чего, по указанію г. Орденова, присканіе годовъ довольно-затруднительно. Впрочемъ нельзя не поблагодарить г. Орденова за то, что онъ не мудрствовалъ высоко, не выдумывалъ своихъ теорій и вполне слѣдовалъ указаніямъ зрячей пасхалии; отъ-чего его трудъ никого не собьетъ съ толку, и конечно будетъ *не бесполезенъ для людей, не имѣющихъ мѣсяцеслова съ зрячею пасхалиею*. А у насъ, конечно, найдутся такіе люди, и мы имъ рекомендуемъ записаться трехсотлѣтнимъ показателемъ.

* Въ верху вращлѣтнихъ таблицъ у г. Орденова помѣщенъ переводъ съ стараго стила на новый; переводъ сей взять изъ календаря, издаваемаго ежегодно Академіей Наукъ. Г. Орденвъ тутъ сдѣлалъ важную ошибку, ибо пропустилъ апрѣль мѣсяць, который должно помѣстить въ одной линіи съ январемъ и февралемъ.

159. *Малая война. Сост. Гвардейскаго Генеральнаго Штаба полковн. Вуичъ. Съ чертежами. 2 части. Спб. 1850.*
Стр. 350, въ 8-ю д. л.

Книга эта составляетъ руководство для преподаванія въ Военной Академіи, и есть необходимое дополненіе къ курсу тактики. Такимъ-образомъ, вмѣстѣ съ трудомъ г. Энгельгардта, о коемъ мы говорили въ предъидущей книгѣ Москвитянина, военная литература наша вдругъ пріобрѣтаетъ два замѣчательныхъ сочиненія о такомъ важномъ предметѣ, какъ малая война. Чтобы судить, какъ полно обнимаетъ этотъ предметъ сочиненіе г. Вуича, приводимъ содержаніе его.

Въ *первой* части, кромѣ введенія, заключается: «Охраненіе войскъ отъ внезапныхъ нападеній». (Общія понятія. *Отдѣленіе I.* Расположеніе передовыхъ постовъ вблизи отъ непріятели. 1. Составъ аванпостнаго расположенія. 2. Разстановка передовыхъ постовъ. 3. Примѣненіе аванпостнаго расположенія къ мѣстности. 4. Отправленіе службы на передовыхъ постахъ: а) Служба въ цѣпи. б) Служба на пикетахъ. в) Служба на главныхъ караулахъ. г) Служба въ резервахъ аванпостовъ. д) Служба начальника передовыхъ постовъ. 5. Дѣйствія передовыхъ постовъ при тревогахъ и наступленіи непріятели. 6. Особенныя части аванпостнаго расположенія: а) Отдѣльные, наблюдательные или промежуточные пикеты. б) Секреты. 7. Содержаніе передовыхъ постовъ казаками.—*Отд. II.* Расположеніе передовыхъ постовъ вдали отъ непріятели: а) При бивуачномъ или лагерномъ расположеніи. б) При расположеніи по квартирамъ. *Отд. III.* Патрули и разъѣзды. Общія замѣчанія и правила къ охраненію войскъ.)

Вторая часть содержитъ въ себѣ правила «О дѣйствіяхъ отрядами». (1. Развѣдочныя. 2. Засады и нечаяныя нападенія вообще: а) Сопровоженіе обоза внѣ опасности отъ непріятели. б) Сопровоженіе обоза при ожиданіи нападенія. в) Нападеніе на непріятельскіе обозы. 4. Фуражировка и нападенія на фуражировъ: а) Порядокъ производства фуражировокъ. б) Обезпеченіе фуражировокъ

отъ нападенія. в) Фуражировки форсированныя. г) Нападенія на непріятельскихъ фуражировъ. 5. Партизанскія дѣйствія.)

Для бѣльшей ясности изложенія къ книгѣ приложено семь тщательно исполненныхъ чертежей.

160. *Новѣйшая поваренная книга, заключающая въ себѣ 1046 правилъ, сост. Русскимъ поваромъ Н. В. Г...мъ*
Москва. 1850.

Библиографу современной литературы, вѣроятно, скоро придется записаться въ цѣховые, надѣть колпакъ, курточку, фартукъ, и съ кастрюлею въ рукахъ оцѣнивать новѣйшія произведенія. Не проходитъ почти ни одной недѣли безъ того, чтобъ не являлись въ свѣтъ то «Поварь», то «Повариха», то «Поваренная книга», или что-нибудь въ этомъ родѣ по части гастрономіи. Какъ-же прикажете оцѣнивать ихъ и на практикѣ повѣрять то, что предлагаютъ онѣ въ теоріи? Но пока ни у одного рецензента не хватитъ для этого ни силъ, ни умѣнья, — пока по неволѣ приходится судить о поваренной литературѣ по крайнему своему разумѣнію, не дерзая проникать въ сокровенныя тайны кухни. Поэтому мы скажемъ, что «Новѣйшая поваренная книга» есть родъ венигрета изъ различныхъ изданій этого рода, начинающій отъ стариннаго «Королевскаго повара» до сочиненій г-жи Авдѣевой; составилъ ее, по нашему мнѣнію, не *русскій* поварь, а кто-нибудь изъ дѣйствователей бумагопрядильной литературы: русскій поварь назвалъ-бы свое сочиненіе прямо по-русски, напр. *хлѣбъ-соль*; русскій поварь не сталъ-бы толковать объ экономіи и системѣ, зная, что у насъ — «все, что есть въ печи, на столъ мечи»; наконецъ, русскій поварь, если онъ знаетъ грамоту, говорилъ-бы на своемъ родномъ языкѣ правильно и понятно. — Болѣе о «Поваренной книгѣ» сказать нечего.

Такъ зачѣмъ же разбирать подобныя произведенія? спросить читатель. — Затѣмъ, что они составляютъ значительную отрасль современной нашей литературы, издаются десятками и расходятся тысячами. Вѣдь это, какъ гово-

рится, *фактъ* не маловажный. — Кто знаетъ, можетъ быть, на дняхъ придется намъ разбирать *папиросную* литературу. — Это что такое? — Да ни болѣе, ни менѣе, какъ поэзія или проза, напечатанная на бумажныхъ трубочкахъ (картонахъ), въ которыя набивается табакъ. Вотъ вамъ и литература: кухня и табачная фабрика—не правда-ли, что она выбрала для себя самое приличное мѣстопробываніе!

161. *Краткое географическо - статистическое описаніе Калифорніи. Сост. по лучшимъ и достовернымъ источникамъ Г. Блокомъ. Съ картами. Спб. 1850. Стр. IV и 132 въ 8 д. л.*

Представьте себѣ молодого человѣка, одареннаго многими прекрасными качествами, но лишеннаго только того, что даетъ цѣну этимъ качествамъ, именно—богатства. Его знаютъ въ обществѣ, но не знакомятъ съ нимъ; приглашаютъ на вечера, но какъ необходимую мебель, какъ дополнительнаго кавалера для танцевъ, или партнёра для виста; прекрасный полъ глядитъ на него, но не заглядывается; не-прекрасный пожимаетъ ему руку, но не сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ; его спрашиваютъ о здороньѣ, но умри онъ — никто и слезинки не прольетъ. Вдругъ, неожиданно-негаданно, у молодого человѣка находится какой-то баснословный дядюшка, который, отдавъ послѣдній долгъ природѣ, оставляетъ своему милому племяннику баснословное наслѣдство. Это значить, что судьба-машинистъ свиснула — и декорація перемѣнилась. «Господинъ, пли, лучше, мсьё такой-то! сдѣлайте милость пріѣзжайте къ намъ запросто, для васъ мы всегда дома; безъ васъ и вечеръ не въ вечеръ и обѣдъ не въ обѣдъ.... Полина! держись прямо: на тебя смотритъ мсьё... Эме! ты слишкомъ, мало любезна съ мсьё».... Приглашенія, визитныя карточки, любезности., похвалы сыплются со всѣхъ сторонъ на прекраснаго молодого человѣка. Знакомыхъ онъ не оберется; ему планяются за версту, встрѣчаютъ у дверей. На него спекулируютъ и матушки, и дочки, и аферисты, и бѣдняки, спекулируютъ всѣ, кому хочется погрѣться лучами золотого солнца....

Это, если угодно, общее мѣсто, съ различными измѣненіями безпрестанно повторяемое въ нашей общественной жизни: но оно очень идетъ къ Калифорніи. Года за два тому объ ней знала одна географія, да и то весьма-немногое; года за два тому, она могла погибнуть отъ землетрясенія, отъ наводненія, и развѣ одни туземцы вздохнули бы объ этомъ несчастіи. Вдругъ одинъ Индіецъ, точно благодѣтельный дядюшка, открылъ.... ну да вы, вѣроятно, знаете, что онъ открылъ и что произошло потомъ. Теперь не имѣть понятія о Калифорніи — стыдно, не вернуть въ разговоръ два-три слова о ея богатствахъ — преступленіе противъ современности. Благодаря литературной промышленности, удовлетворить тому и другому не трудно: книжъ и брошюръ, статей и статейекъ о Калифорніи появилось и появляется множество, и лучшія изъ послѣднихъ переведены и безпрестанно переводятся на русскій языкъ. На что-же намъ еще „Географическо-статистическое описаніе Калифорніи?“ А что-бы ни на шагъ не отставать отъ вѣка и имѣть подъ рукою *guide de voyageur*, если вздумаете прогуляться туда, отвѣчаетъ издатель. Ну, конечно, отставать отъ вѣка нельзя. Давайте читать ваше описаніе. «О почвѣ, о климатѣ, о естественныхъ произведеніяхъ»... Извините, но намъ кажется, что это безъ разбора взято изъ какого-нибудь учебника географіи. „Исторія открытія страны“ — очень-скучный расказъ. „Нравы и обычаи туземцевъ“ — это нѣсколько полюбопытаѣ, но большею частію уже знакомо намъ. Наконецъ-то.... „Золото, золото!“ Но — увы! и здѣсь пересказывается давно извѣстное намъ изъ другихъ источниковъ, между прочимъ и изъ русскихъ журналовъ, съ которыхъ авторъ взялъ богатую дань, не опустивъ даже и вздорныхъ анекдотовъ, которые появлялись иногда у насъ въ переводѣ съ заморскихъ *утокъ*. Словомъ, ожиданія наши были обмануты самымъ непріятнымъ образомъ. «Описаніе Калифорніи» — компиляція, составленная очень-небрежно и безъ всякаго знанія предмета, которому посвящена. Составитель бралъ все, что ни попадалось ему подъ руку, и отъ этого у него безпрестанно встрѣчаются промахи и противорѣчія. (О промахахъ противъ русскаго языка уже не говоримъ: ихъ не оберешься.)

Авторъ предполагаетъ издать вскорѣ „достоверныя свидѣнія о Калифорніи, обѣщанныя ему однимъ *положительнымъ* человекомъ.“ Мы сообщимъ ему за секретъ, что для хода предполагаемой компиляціи ничего не можетъ быть *положительныя* и надежныя, какъ присоединеніе къ каждому экземпляру образчика калифорнійскаго золота: тогда дѣло будетъ въ шляпѣ и читатели не въ накладѣ.

162. *Собраніе поучительныхъ словъ, говоренныхъ Московскаго Ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря, настоятелемъ, арх. и кав. Аполлосомъ. Часть 2. Москва, въ тип. Готье. 1850. стр. 210 въ 8-ю д.*

Старѣйшій изъ архимандритовъ всей Россіи, отецъ Аполлосъ, трудившійся столько для исторіи патріарховъ, особенно Никона, предлагаетъ теперь еще собраніе словъ для своихъ читателей, которые вѣрно примутъ ихъ съ благодарностію.

163. *Размышленія на двѣ евангельскія притчи. Спб. 1850. Стр. 27 въ 8-ю д. л.*

Размышленія эти, написанныя на двѣ притчи: *о десяти дѣвахъ* и *о талантахъ*, отличаются правильнымъ изложеніемъ и во многихъ мѣстахъ проникнуты чувствомъ.

164. *Келарь Троице-Сергіевской Лавры Авраамій Палицынъ. Соч. А. С. Спб. 1850. Стр. 30 въ 8-ю д. л.*

Одинъ изъ славныхъ подвижниковъ междуцарствія заслуживаетъ болѣе подробнаго жизнеописанія, чѣмъ то, которое предлагаетъ намъ г. С., слогомъ слишкомъ-напыщеннымъ.

165. *Женитьба Царя Михаила Теодоровича Романова. Историческая повесть въ стихахъ. Ек. П.,...ой. Спб. 1850 Стр. 27 въ 8-ю д. л.*

Какъ средь роскошнаго двора,
Въ день торжества стоитъ Царица,
Предстала такъ предъ Россіи
Первопрестольная столица.
Гудятъ съ утра колокола,
Передъ дворцомъ толпа густѣетъ,

На царскомъ пирѣ, за столомъ,
Тяжелый кубокъ не пустуетъ.
Пируетъ Русь; веселый кликъ,
И пушекъ громъ не умолкаетъ:
Себѣ невѣсту Михаилъ
Между бояри(ы)въ избираетъ....

Не входя въ разсмотрѣніе достоинства этихъ стиховъ, мы обязаны похвалить г-жу Е. П., за то, что она ищетъ предметовъ для своего вдохновенія на отечественной почвѣ, не пускаясь ни въ Мексику, или *Мехику*, ни въ Индію, какъ дѣлаютъ иные наши поэты....

166. *Русскія народныя пѣсни, собранныя Петромъ Кирѣвскимъ. Часть I-я. Русскіе народные стихи. Москва. 1848.*

Вотъ, наконецъ, мы дождались одной изъ частей Сборника Русскихъ народныхъ пѣсень, и именно: *Русскихъ народныхъ стиховъ*. Мы должны съ безпристрастіемъ сказать, что ни одинъ изъ нашихъ литераторовъ не былъ-бы въ состояніи съ большею отчетливостію, знаніемъ дѣла и русскою совѣстливостію, исполнить это предпріятіе, какъ П. В. Кирѣвскій, человекъ, вполне-европейски образованный, и въ то-же время, по душѣ и сердцу, русский: достоинство, въ нашъ періодъ времени, не мало важное. Такъ какъ въ краткомъ, но зрѣло-обдуманномъ предисловіи издателя, сказано все, что только нужно, какъ въ отношеніи вообще Русскихъ народныхъ пѣсень (стр. 11 и 10.), такъ и въ частности — *Русскихъ народныхъ стиховъ* (стр. VII): то намъ и остается прибавить, или, лучше сказать, пополнить въ томъ-же духѣ воззрѣнія на этотъ близкій сердцу каждому истинно-русскаго предметъ, мысли самаго издателя. Почтенный нашъ собиратель, говоря о значеніи стиховъ *«исто-народныхъ»*, между-прочимъ выразился о нихъ такъ: «на духовныхъ предметахъ сосредоточивается коренная задушевная любовь нашего народа; мысли его почти всегда обращены къ предметамъ духовнымъ; и потому естественно, что онъ, часто воспѣвая святыя гимны, слышанныя имъ въ церкви, любитъ въ простотѣ своей, украшать предметы священныя своими полевыми цвѣтами». (стр. VII). Нельзя вѣрнѣе опредѣлить характеръ этихъ сти-

люди, но мы осмѣлимся еще пополнить мысль автора, сказавъ, что такое явленіе есть почти единственное, и элемента этой особаго рода набожности Русскаго народа, не встрѣчается нигдѣ въ Западной Европѣ: у насъ это, такъ сказать, набожное раздумье хотя и смѣшивается съ ежедневными заботами и трудами *житейскаго* незатѣйливаго нашего (древняго) быта: но за то здѣсь не встрѣтишь и слѣда жизни *гражданской*: Русскій человекъ, по простотѣ своей, не можетъ вполне отдѣлать *душевной* сферы своей дѣятельности отъ *духовныхъ* помысловъ; но онъ является только *человкомъ*... — «Отъ этихъ простодушныхъ изліяній народнаго «чувства» — продолжаетъ далѣе нашъ собиратель — «нельзя требовать ни *догматической* точности, ни *соотвѣтственности выраженія* съважностію предмета»; — и съ этимъ мы также совершенно согласны... И хотя малограмотный народъ нашъ, слѣдя лишь разумнымъ взоромъ за наружностію обрядовъ, и ловя чуткимъ слухомъ священные молитвословія въ храмѣ Господнемъ, не можетъ вполне схватить всѣхъ оттѣнковъ смысла святыхъ его сказаній, но не менѣе того, многое понятно для его сердца. Такъ какъ изъ священнодѣйствій нашей Церкви, ему болѣе всего знакома обѣдня; то и событія *Новаго Завета*, и преимущественно *Евангеліе*, млеко для младенцевъ и хлѣбъ для возмужалыхъ — наиболѣе доступно его разумѣнію; за Евангеліемъ, у него непосредственно слѣдуютъ сказанія о *житіи святыхъ* мужей, и трудные подвиги ихъ спасенія трогаютъ до души нашего простолюдина. Но что касается до преданій Ветхаго Завета, то онъ знаетъ ихъ на столько, на сколько они совпадаютъ съ главными событіями изъ жизни Христа Спасителя: такъ, напр., по поводу того, что Церковь именуетъ Христа сыномъ *Давида*, — онъ знаетъ псалмы, и ему извѣстно, что они писаны симъ мужемъ по сердцу Божію, тѣмъ болѣе, что его умиленные пѣнопѣнія такъ часто у насъ читаются; по поводу сказанія о *Преображеніи Христа Спасителя*, народъ нашъ изъ сказанія-же евангельскаго затвердилъ имя одного изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ — *Иліи*. Но что касается до *Моисея*, то его имя менѣе знакомо народу, и во многихъ мѣстахъ (какъ видимъ изъ Русскихъ народ-

ныхъ стиховъ) замѣняетъ онъ его *Онохоль*, т. е. Енохомъ, и именно потому, что тотъ и другой *не умерли, но живые взяты на небо*. Изъ пятокижія Моисея — не говоря уже о прообразовательныхъ постановленіяхъ Ветхозавѣтной Церкви и ея отношеніяхъ къ Закону »Благодати и истинны«
 Нового Завѣта — нашъ простой народъ знаетъ лишь нѣкоторые отрывистые факты, какъ то: сказаніе объ *Иосифѣ* (котораго онъ называетъ, по преимуществу, *прекраснымъ*), *Моисей*, спасенномъ дочерью *Фараона* (имя, которое считаетъ не нарицательнымъ, а собственнымъ) — и едва-ли не только; а изъ всѣхъ городовъ священной Палестины ему знакомъ одинъ *Ветхій градъ Ерусалимъ*, »пупъ земли,«
 и онъ-то служить ему узломъ соединенія Ветхозавѣтной Церкви съ Новой. Но впрочемъ, не одинъ этотъ городъ такъ рѣзко впечатлѣлся въ памяти народной, по чувству отечественныхъ родныхъ воспоминаній: *влатовергій градъ Кіевъ*, какъ купель крещенія Руси, раздѣляетъ съ нимъ наравнѣ эту честь, и нѣрѣдко событія и Библейской исторіи, и сказаній изъ житія святыхъ Отцевъ, онъ переноситъ въ него: такъ напр., по поводу разсказовъ о русскихъ богатыряхъ, онъ полагаетъ (какъ это случилось намъ самимъ слышать отъ одного простолюдина), что и судія израильскій *Самсонъ*, въ понятіи его много-много что святой богатырь — жилъ въ Кіевѣ... Но зато, если событія изъ Палестины и пустынь Оиваидскихъ онъ часто переноситъ въ Кіевъ, то никогда не дѣлаетъ этого наоборотъ.

Имя *Віоліела*, мѣсторожденія Христа Спасителя, куда къ смиреннымъ его яслямъ приходили поклоняться цари Востока, приносъ ему золото, ливанъ и смирну — также знакомо нашимъ простолюдинамъ; *звѣзда*, которою руководились волхвы, видя ее на востокѣ, съ *вертепамѣ*, въ недавнемъ еще времени играла большую роль въ религиозной мистеріи народа, когда простолюдины-мальчики ходили славить Христа, припѣвалъ:

»Я маленькій хлопчикъ
 Принесъ Богу снопчикъ,
 Христа величаю,

А васъ съ празникомъ поздравляю.« —

Кто не знаетъ, что нашъ простой народъ въ Рождественскій сочельникъ до звѣзды не вкушаетъ никакой пищи?

Что же касается до *Крещенія* Христова, то идея сего праздника, къ сожалѣнію, у нашихъ простолюдиновъ соединена съ разными суевѣрными языческими обрядами, которые всѣ обращаются на имени Св. Пророка и Предтечи Иоанна (См. Русск. простонар. праздники и суевѣрные обряды. И. Снегирева. М. 1839. Вып. I и III)... Но праздникъ *Святлаго Воскресенія* для богомольнаго нашего народа составляетъ въ полномъ смыслѣ торжество изъ торжествъ: и насъ необыкновенно всегда удивляетъ, что духовныя пѣсни, воспѣваемые нашею Церковію, преимущественно въ продолженіи Свѣтлой Седмицы и во время всенощныхъ въ продолженіи всѣхъ шести недѣль, — безграмотные наши простолюдины всѣ въ одинъ голосъ повторяютъ за клиромъ! Но не по поводу-ли одной изъ нихъ: «ятъ бысть, но не удержанъ во чревѣ *Китовомъ* Іона» и т. д., руко-руководясь темнымъ воспоминаніемъ о ветхозавѣтномъ сказаніи о семъ Пророкѣ, народъ нашъ основалъ свое понятіе о томъ, что земля стойтъ на трехъ китахъ, и всѣ баснословныя преданія о семъ млекопитающемъ животномъ, которое онъ считаетъ, по старинному повѣрью, рыбой?...

Вотъ все, что мы могли сказать вообще о духѣ *Русскихъ народныхъ стиховъ*; теперь разберемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Страшному суду посвящены здѣсь четыре стихотворенія, и еще пятое тому-же самому предмету, и подъ заглавіемъ: *О второмъ пришествіи* (отъ 51-й—62-й стр.). Въ первомъ особенно замѣчательно то, что осужденные, послѣ тщетныхъ просьбъ объ умилоствленіи, прощаются не съ радостями житейскими, но съ благодатною силой Честнаго Креста Господня:

»Прости« (говорятъ они) *знаменье, Животворщій*
 »Да уже мы грѣшныя *Крестъ!*
 »Крестнаго знаменія лишаемся,
 »И въ адъ, въ муку, въ тартарары мы отсылаемся.»

Въ третьемъ (стр. 57) очень-замѣчательно исчисленіе *разнообразныхъ мукъ* — понятіе, какъ мы догадываемся, частію составленное простонароднымъ смысломъ, частію-же заимствованное изъ сказаній житія святыхъ, выраженій псаломныхъ, и т. д. Не выписывая стиховъ, скажемъ, что нѣкимъ грѣшникамъ опредѣляются въ наказаніе *югни нег-*

симые», другимъ — *зима вла студеная*, инымъ *смола*, инымъ же наконецъ, *черви*, *тьма* и *пропасть глубокая*. Но четвертый стихъ (стр. 58 и 59) чрезвычайно-замѣчательнъ. Кромѣ того, что форма этого стихотворенія болѣе прочихъ независима отъ главной своей основы, и начинается нѣкотораго рода апоѳегмой:

»Было добро да миновалось;

»Будеть добро, того долго ждаты» —

здѣсь говорится, что Господь намъ сошлетъ на землю двухъ пророковъ: *Илію и Онофрія*: перваго, вѣроятно, потому, что онъ былъ живымъ взятъ на небо; но что касается до втораго, то никакъ не можемъ догадаться, почему благочестивая фантазія народа избрала этого святаго; и далѣе, потѣмъ, что, когда они станутъ пророкити, « то

»....Сойдетъ на землю *бездушный богъ*,

»Бездушный богъ *Антихристосъ*;

»Онъ исколетъ святое пророчество,

»Отъ той-то отъ *святой крови*

»*Загорится* матушка сыра земля....»

и послѣ —

»....Сошлетъ Господи *потопіе* :,

.....

»И вымоетъ матушку сыру землю

»Аки *харатью* бѣлую,

»Аки скорлупу личную,

»Аки *двѣщю непорожную*.» —

и такъ далѣе идетъ обыкновенное повѣствованіе; въ раю же, обители праведниковъ, *птица вся радуется*, а грѣшныя отсылаются *къ сатанѣ и дьяволу его*.

Изъ приведенныхъ нами простонародныхъ стиховъ, мы видимъ между прочимъ, что народъ, ревнуя подвигамъ святыхъ отшельниковъ, считалъ его вѣнцемъ спасенія. Этой-то идеѣ (не говоря о томъ, что она пробскользаетъ почти вездѣ), посвящены два стиха: *похвала пустыни* и *молитва пустынника* (стр. 81). Съ какимъ умиленіемъ, въ первомъ изъ нихъ благочестивый слагатель стихотворенія говоритъ:

»О прекрасная пустыня!

Отцы во пустынѣ пребывали,

И дивнымъ общіемъ питались,

И съ горъ воды испивали.

Древа въ пустыняхъ выростали,

Различными цвѣтѣи разцвѣтали;

Ко древамъ птицы прилетали
 На кудравыя вѣтви посѣдали,
 Они райскія пѣсни воспѣвали,
 Отцѣвъ въ пустыняхъ утѣшали.»

Во второмъ стихѣ, пустыльникъ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

»Не унывай душа моя!
 Уповай душа моя,
 На Господа Бога!

 Тебя я ради, Господи,
 Покинулъ я весь родъ, племя,
 Тебя я ради, Господи,
 Покинулъ я жену и чадъ....

И заключаетъ словами:

»Запиши меня, Господи,
 Въ свои книги въ животныя!
 Предѣли меня, Господи,
 Въ свое стадо избрнное!» —

Въ заключеніе скажемъ, что мы кромѣ того, что не упомянули о многихъ другихъ стихахъ, гдѣ такъ скромно, въ простотѣ теплаго сердца, высказывается чувство вѣры и святой преданности ко всему, что принимаетъ православная наша Церковь, — мы ни слова не сказали объ очень-замѣчательной *голубиной книгѣ* (стр. 43); но мы умолчали о ней съ намѣреніемъ, не надѣясь, что можемъ что-нибудь еще прибавить къ тому, что высказано объ ней въ лекціяхъ С. П. Шевырева (см. *Исторія Русской словесности, преимущественно древней*. XXXIII публ. лекц. С. Шевырева. Москв. 1846. Ч. I. стр. 237—243), и намъ остается только пожелать, чтобъ побольше было сочувствующихъ этимъ простонароднымъ и благочестивымъ пѣснямъ, которыя, право, говорятъ *нашему сердцу* болѣе, нежели привитая къ намъ блестящая и роскошная поэзія запада, потворствующая страстямъ, и много-много что говорящая *уму и фантазіи*.

М. Духонинъ.

* Русскими «стихами» украш ны Чтенія Историческаго Общества. Желаемъ, чтобъ продолженіе пѣсень напечаталось скорѣе — во *Временникѣ* или гдѣ-нибудь. *Ред.*

Посланіе къ г-ну К—ну.

(Окончаніе).

За объясненіемъ о происхожденіи родового быта вы разбираете мою рецензію разсужденія г. Павлова о Борисѣ Годуновѣ.

Г. Павловъ опредѣляетъ мѣсто Борису Годунову въ Русской исторіи по его мѣрамъ въ отношеніи къ выходу крестьянскому.

Мѣры эти отнюдь не имѣютъ того значенія, какое приписываетъ имъ г. Павловъ,

Слѣдовательно, (чистый силлогизмъ), основаніе разсужденія падаетъ само собою.

Вотъ основаніе моей рецензіи, и самъ г. К—нъ, принимая сторону автора противъ меня, принужденъ былъ однако почти согласиться со мною: «во всемъ томъ», что «говоритъ критикъ въ опроверженіе мнѣній г. Павлова объ указахъ 1592 и 1597 годовъ, причинахъ ихъ, поводахъ, значенія и послѣдствіяхъ», есть много правды. Г. Павловъ «взглянулъ на предметъ слишкомъ-отвлеченно, увлекся своимъ основнымъ взглядомъ и недостаточно взвѣсилъ всѣ обстоятельства....» «Справедливѣе всего замѣтки г. Погодина касательно указовъ Феодора и его преемниковъ о «Юрьевѣ днѣ....» «Объясненіе всѣхъ историческихъ явленій, сюда относящихся, изъ родового начала неудовлетворительно....» (26 и 27).

Въ томъ-же тонѣ говоритъ рецензентъ Современника, — а прежде *возгласы* были иные: слѣдовательно моя рецензія принесла пользу строгимъ судьямъ моимъ и взыскательнымъ наставникамъ. Сущность ея, *bon-gré, mal-gré*, принимается самими противниками. За что-же ваша брань?

Поговоримъ теперь о частностяхъ, кои старается оправдать противъ меня г-нъ К.

«Г. Павловъ говоритъ (с. 28), что родовые интересы боярскіе, сильно сокрушенные Грознымъ, не погибли окон-

счательно, и обнаружили, при вступленіи на престолъ Θεодора Алексѣевича, несомнѣнные признаки жизни и стремленіе возвратить прежнее свое значеніе. Боярскіе роды «хотѣли сдѣлаться попрежнему думцами, и, въ стремленіи къ этой цѣли, соперничали между собою, что и породило спартіи. Г. Погодинъ отвѣчаетъ на это: Грозный во вторую эпоху своего царствованія поражалъ лица, а не сословія. «Вотъ въ чемъ дѣло! А мы думаетъ, что дѣло совсѣмъ не въ томъ, что утверждаетъ г. Погодинъ. Приглашаемъ его прочесть въ «Исторіи» Карамзина т. VIII, примѣч. 182, т. IX, примѣч. 7, того-же тома стр. 75 и примѣч. 132, (по 2-му изд.), да кромѣ-того пересмотрѣть переписку Грознаго съ Курбскимъ, сочиненія Курбскаго, посланія и письма Іоанна, нѣкоторыя изъ его уставныхъ грамматъ — вотъ тогда онъ и увидитъ, кто правъ; а голословно утверждать «все можно».

Всѣ указанныя мѣста извѣстны мнѣ слишкомъ, и употреблены очень, очень давно, въ разсужденіяхъ объ Іоаннѣ Грозномъ. (См. мои Историко-критическіе отрывки, Москва, 1846). Но именно во всѣхъ этихъ мѣстахъ говорится только о лицахъ боярскихъ, хотя и многочисленныхъ, объ ихъ личныхъ винахъ или подозрѣніяхъ, но не объ сословіи. И я повторяю: вотъ въ чемъ дѣло! Іоаннъ подозрѣвалъ, обвинялъ, наказывалъ князя N, боярина M, окольниковъ S, говорилъ о нихъ во множественномъ числѣ, но огнюды не касался ни до какихъ ихъ общихъ, всего менѣ родовыхъ интересовъ, правъ, преимуществъ или отличій, какія-бы онъ ни были; онъ спокойно терпѣлъ мѣстничество; онъ, говоря вашими собственными словами, «самъ Грозный не арѣшилъ облечь Скуратова въ санъ боярина». Вотъ до какой степени онъ чтитъ общія постановленія! Слѣдовательно родовые интересы боярскіе не только не были сокрушены Грознымъ, не только не погибли-почти, но и остались неприкосновенными, и слова г. Павлова, принятые г-мъ К., не имѣютъ никакого историческаго значенія.

А онъ этой мечтою объясняетъ положеніе Россіи (!) по смерти Грознаго и говоритъ:

«Родовые интересы боярскіе, сильно имъ сокрушенныя, не погибли однакожъ окончательно: напротивъ обнаружили несомнѣнные признаки жизни, и роды, имѣя въ челѣ своемъ «потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей, снова проявили «свою дѣятельность, и проявили ее двояко: во 1-хъ, всѣ роды «въ своей совокупности явились отчаянными поборниками «своего отжившаго обычая быть думцами государя: во 2-хъ «каждый отдѣльный родъ, преслѣдуя свою частную, исклю- «чительную выгоду, стремился мимо другихъ, стать въ главѣ «управленія, овладѣть волею вѣнценосца.»

Я говорю, и теперь говорю, что этихъ отчаянныхъ поборниковъ стараго порядка вещей, (нужныхъ только для системы г-мъ П. К. и С.) не было, потому-что порядокъ не нарушался, и поборать было не по челѣ. Этого мало: главные роды, именно по распоряженію Грознаго, получили при Феодорѣ даже новое отличіе, новое преимущество—составлять высшую правительственную думу, править государствомъ, чего никогда прежде не бывало, въ лицѣ Мстиславскаго, Романова, Шуйскаго, Бѣльскаго, Годунова. Но какомъ-же отжившемъ обычаѣ и кто были поборниками?

Чѣмъ-же оправдываетъ г-нъ К. положеніе г-на П.?

Вотъ только чѣмъ: «Неужели Г. Павловъ хотѣлъ «систематизировать. въ отношеніи ко двору Феодора Иоанно- «вича, вѣчное и неизмѣнное стремленіе людей получить «вмѣняніе, власть, достигнуть первыхъ степеней? Мы не мо- «жемъ этого допустить: г. Павловъ такъ уменъ и талант- «ливъ, что ему ни когда не пришла-бы въ голову такая «плоскость. Г. Павловъ говорить, и весьма-ясно, что бо- «ярскіе роды стремились возвратить себѣ старинное право «быть думцами; и какъ при томъ между ними были не- «согласія, распри, ненависти, то образовались партіи, и «каждая изъ нихъ надѣялась возвратить утраченныя права съ отстраненіемъ соперниковъ. Ясно-ли?»

Нѣтъ, не ясно, а просто—ложно: боярскіе роды не стремились возвратить себѣ старинное право быть думцами, — (потому-что они его не только не теряли, но получили съ безпримѣрною въ прежней исторіи лихою), а образовались при дворѣ особенныя партіи, какія бываютъ вездѣ и всегда,

и потому — слѣдующія слова г-на К., принимающаго положеніе г-на П., лишаются также всякаго значенія:*

«Вотъ этимъ-то время Іоанна III, Василія, Грознаго и Феодора, отличается отъ времени Екатерины I, Петра II, Анны, Елизаветы, отъ исторіи Французской, Англійской, Итальянской.»

«Вотъ этимъ-то».... Чѣмъ-же? Ни чѣмъ. Г.К. не показалъ ничего, и я пропускаю, что здѣсь онъ уравниваетъ между собою времена Іоанна III, Василія, Грознаго и Феодора, (а это никакъ не ладится съ его системою), и умалчиваетъ совершенно выдуманное показаніе о дѣйствіяхъ боярскихъ родовъ въ *совокупности*.

Продолжаемъ разбирать обвиненія г-на К-на.

«Боярскую думу, говоритъ г. Погодинъ, составили нѣкоторые избранные, когда лицъ стало много въ старшей дружинѣ и начались подраздѣленія.» Но откуда взялъ это г. Погодинъ? Гдѣ свидѣтельства? гдѣ данныя? Пусть онъ сукажетъ ихъ намъ. А мы куда знаемъ о составѣ Боярской думы вотъ что: въ ней засѣдали не нѣкоторые избранные, а всѣ — бояре и окольничіе — всѣ!

Милостивый государь! да я-то что-же говорю? Перечтите мои слова. *Ваши всѣ бояре и окольничіе*—были лица избранныя, пожалованныя, малочисленныя. Это положеніе самымъ яснымъ образомъ и выражено въ моихъ словахъ, на кои вы нападаете, не выикнувъ въ ихъ смыслъ: Боярскую-думу составили нѣкоторые избранные, когда лицъ стало много въ старшей дружинѣ и начались подраздѣленія, пожалованія. Слѣдующими вашими объясненіями вы только развиваете и подтверждаете мои слова:

«Въ бояре же и окольничіе, по прямому свидѣтельству Котошихина, жаловались не всякаго званія и происхожденія люди, а только изъ извѣстныхъ родовъ; члены нѣ-

* А между тѣмъ о моемъ онъ отзывается вотъ какъ: «Мы не понимаемъ, почему г. Погодинъ не дастъ себѣ труда подумать, что хотѣлъ сказать г. Павловъ; еслибъ онъ подумалъ, то и увидѣлъ-бы, что, выражаясь его-же діалектомъ, сражается съ вѣтранными мельницами, мечтаетъ своего воображенія, возбужденнаго, на этотъ разъ, къ-сожалѣнію, не логикой, а отсутствіемъ логики.»

«которыхъ родовъ не бывали ниже бояръ; члены другихъ родовъ не бывали ниже бояръ и окольниковъ; наконецъ члены нѣкоторыхъ родовъ не бывали выше окольниковъ. «Сообразите это извѣстіе съ указаннымъ нами выше составомъ Думы, и вы увидите, что она—не говоря о князьяхъ, русскихъ и пріѣзжихъ, и родственникахъ царей по женской линіи — была образована изъ извѣстныхъ редищей, составлявшихъ опредѣленный, замкнутый кругъ, сквозь который пробиться и стать въ первыхъ рядахъ около царскаго престола было весьма и весьма нелегко.»

Да, да! Только избранные, нѣкоторые, немногіе, составили Боярскую Думу, и мы знаемъ ихъ наперечетъ!

«Самъ Грозный не рѣшился облечь Скуратова въ санъ «Боярина, а вы говорите, что за долго до Феодора и Грознаго Боярство стало чиномъ!»

Да не я одинъ говорю это, а говоритъ исторія, что боярами началъ жаловать Іоаннъ III, и пожаловалъ ихъ столько-то. Василій, сынъ его, пожаловалъ столько-то. Грозный, внукъ, пожаловалъ столько-то. Феодоръ, правнукъ, пожаловалъ столько-то.

И вы сами тотчасъ говорите то-же: «конечно, оно (боярство) стало чиномъ, но чинъ чину рознь.»

Да никто и не думалъ говорить, чтобъ оно было чиномъ низшимъ. Развѣ о значеніи чина въ гражданской гіерархіи была рѣчь! И потому слѣдующія ваши слова принадлежать только къ авторскимъ уклоненіемъ, не позволительнымъ въ ученыхъ статьяхъ или спорахъ этого рода:

«Чинъ, даваемый по табели о рангахъ всякому, кто-бы конь ни былъ, если онъ только заслужилъ его, и чинъ, который давался тоже за заслуги, но не всѣмъ, а только членамъ извѣстныхъ фамилій, царскимъ родственникамъ — между тѣмъ и другимъ чиномъ неизмѣримая разница.»

Но это уклоненіе не приноситъ вамъ пользы: ваши слова говорятъ только за меня, а именно, что въ Боярскую думу имѣли доступъ только нѣкоторые избранные. Ясно-ли?*

* А между-тѣмъ Г. К. говоритъ: «Опровергая г. Навлова, г. Погонинъ надѣлалъ нѣсколько ошибокъ и обличилъ замѣчательное незнаніе фактовъ, довольно-извѣстныхъ каждому, кто занимается рус-

«Потомъ Г. Погодинъ переищталъ еще двѣ вещи, «совершенно-разныя: думцевъ, о которыхъ говоритъ Берсеневъ въ слѣдственномъ дѣлѣ о Максимѣ Грекѣ, о которыхъ говоритъ Катошихинъ въ статьѣ о тайномъ приказѣ—и думцевъ, членовъ Боярской Думы. Послѣдніе имѣли пригизанія, основанныя на недавно-минувшемъ времени; первые дѣйствительно набирались независимо отъ нихъ происхожденія и званія. Но развѣ объ этихъ могла быть рѣчь? Г. Павловъ говоритъ о членахъ Боярской Думы.»

Но члены Боярской думы, бывшіе при Грозномъ, остались членами и при Феодорѣ, и я могу представить вамъ ихъ именной списокъ. Пригизаній они имѣть не могли, потому-что никакого исключенія и стѣсненія имъ не было.

Прочтите Карамзина, и вы найдете, что Боярская Иоаннова Дума дѣйствовала по принятому порядку до самой его кончины,* слѣдовательно объ исключеніяхъ и фаворитахъ говорить нечего.

«окой исторіей. «Боярскую думу, говоритъ г. Погодинъ, составили нѣкоторые избранные, когда лицъ стало много въ старшей дружинѣ и начались подраздѣленія.»

«Но откуда взялъ это г. Погодинъ? (Изъ документовъ, изъ лѣтописей, но не изъ головы.) Гдѣ свидѣтельства, гдѣ данныя! (Въ собраніи государственныхъ грамотъ, актахъ Археологической Комиссіи, въ Вивліюнкѣ, у Карамзина, у Берха).»

А между-тѣмъ Г. К-нъ говоритъ: «видно четыреста лѣтъ русской исторіи, разложенныхъ г. Погодинымъ по составамъ, по словамъ, «недостаточно вразумилъ его насчетъ нѣкоторыхъ предметовъ. Рекомендую разложить еще четыреста лѣтъ, и тоже по составамъ, по слогамъ.»

Позвольте мнѣ улыбнуться, Гнъ К! Позвольте мнѣ улыбнуться! Вы видите, какъ я сдерживаюсь, вы видите, какъ я сдерживаюсь; вы видите, что въ печати не остается ни малѣйшей квалификаціи вашимъ выходкамъ; я представляю только факта. А вы можете вообразить, сколько знаковъ восклицанія и удивленія осталось въ моей рукописи съ принадлежащими къ нимъ рѣчами, о которыхъ вы такъ остроумно замѣти, сорвали у меня пріятную улыбку: «да при сѣй вѣрной, оказіи не забудеть и другихъ *Господъ!*» Позвольте же мнѣ теперь, послѣ вашего совѣта, улыбнуться и извиниться предъ вами, что я еще пока не смѣю рекомендовать вамъ слоговъ.

«Это все на-обумъ» — продолжаетъ г. Погодинъ — «равно какъ и слѣдующее.» Тутъ приведено то, что говоритъ г. Павловъ на 22 стр. своей диссертациі, именно: «По смерти Иоанна IV, при дворѣ составились двѣ партіи: одна, къ которой принадлежали Годуновъ, князя Шуйскіе и нѣкоторые другіе, хотѣла видѣть на престолѣ того, кому завѣщала скипетръ Грозный, Феодора; другая, напротивъ, къ которой принадлежали Нагіе и Бѣльскій, защищала права младенца Дмитрія, послѣдняго удѣльнаго князя.»

Въ рецензіи моей было представлено, что сторонниковъ Феодора не было и быть не могло, а г. К-нъ, не отвѣчая на мои запросы, не разбирая обстоятельствъ, совершаетъ дѣло ссылкой на авторитетъ: «приведенныя слова г. Павлова суть не что иное, какъ сжатой выводъ того, что пространнѣе сказалъ о томъ-же предметѣ Г. Соловьевъ.»

Милостивые Государи! вы не допускаете, повторяю, авторитетовъ въ вопросахъ науки: такъ не дѣлайте-же крайней мѣрѣ исключеній, и представляйте намъ доказательства или возраженія, хоть какія-нибудь, для вашихъ мнѣній. Но послушаемъ далѣе г. К-на.

«Вы говорите, что мнѣніе г. Соловьева объ убіеніи царевича Дмитрія — *странность*. Но чтобъ доказать эту «странность» г. Соловьевъ разобралъ и *всѣ* свидѣтельства въ памятникахъ, и мнѣніе Карамзина, и ваше, по словамъ, «подробно, критически на восьмнатцати страницахъ мелкой печати. А вы и не потрудились опровергнуть хоть бы десятую долю его доводовъ. Позвольте-же не вѣрить вамъ «на слово, когда вы такъ самонадѣянно называете *странностию* добросовѣстное, тщательно выведенное изъ фактовъ мнѣніе. Опровергните его въ основаніи, тогда другое дѣло.»

Я не опровергалъ, потому-что въ системѣ моихъ изслѣдованій чередъ еще не доходилъ до этого вопроса, такъ какъ я не опровергалъ разныя — не странности, а нелѣпости и выдумки о Сильвестрѣ. А теперь вы требуете, — пришлось къ слову, — Извольте слушать:

Иоаннъ скончался.

Законнымъ наслѣдникомъ былъ старшій сынъ его Феодоръ, и вся Россія присягнула ему безпрекословно; вся

Россия была на его сторонѣ; никто не думалъ и могъ-ли думать о противодѣйствіи. Такъ должно было быть, такъ было, и такъ засвидѣтельствовано всѣми единогласно, своими и чужестранцами.

Но Феодоръ былъ слабъ душою и тѣломъ. Это засвидѣтельствовано также всѣми единогласно, своими и чужими писателями, а всего вѣрнѣе его отцемъ Иоанномъ Грознымъ.

При дворѣ, разумѣется, должны были тотчасъ образоваться партіи, кои желали управлять отъ имени Феодора точно такъ, какъ въ малолѣтство Иоанново образовались партіи, и Шуйскіе смѣняли Бѣльскихъ, Бѣльскіе Глинскихъ, Шуйскіе Оболенскихъ. (Точно такъ было всегда и вездѣ, въ Исторіи Анг., Франц., Исп. См. выше.)

Кто могъ имѣть вліяніе на Феодора, по родству, за-слугамъ или способностямъ? Именно члены пентархіи, набранные Грознымъ ему въ совѣтники:

Дядя Феодоръ по матери, бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ.

Бояринъ Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, столько прославившійся въ войну съ Баторіемъ защитою Пскова.

Бояринъ Иванъ Феодоровичъ Мстиславскій, первый по іерархіи гражданской.

Борисъ Феодоровичъ Годуновъ, братъ царицынъ.

Бѣльскій, воспитатель Дмитрія. Присоединимъ Нагихъ, какъ родственниковъ меньшаго Феодорова брата, Дмитрія. Прочіе боярскіе роды связаны были узами родства, болѣе или менѣе, съ этими пятью представителями.

И точно — всѣ они явились претендентами, одни за другими, и начали между собою борьбу, не какъ сторонники Феодора, а изъ-за него, около него, признавая его своимъ Государемъ и владыкою. Сначала у Нагихъ *можетъ-быть* мелькнула на минуту *мысль* о Дмитріѣ, какъ наследникъ, по слабости Феодоровой, какъ была мысль о Петрѣ по кончинѣ Царя Алексѣя Михайловича: *можетъ-быть* не скромно они и обнаружили ее, но *съ первую-же ночь* Дума приставила къ нимъ стражу, и тотчасъ послѣ того они были отправлены вмѣстѣ съ Дмитріемъ въ удѣлъ его Угличъ, Тѣмъ дѣло и кончилось.

Потомъ случился въ Москвѣ мятежъ противъ Бѣльскаго, котораго народъ обвинилъ въ отравленіи Грознаго и намѣреніи возвести на престолъ друга своего Годунова. Бѣльскій едва спасся въ спальнѣ Феодоровой и посланъ былъ воеводою въ Нижній. Разсказъ Одерборновъ не заслуживаетъ *пока* никакого вѣроятія.*

Въ первое время, пока прочіе не обнаруживали своихъ тайныхъ намѣреній, имѣлъ вліяніе дядя царскій бояринъ Романовъ, и это засвидѣтельствовано Англичаниномъ Баусомъ.

Годуновъ сталъ подлѣ трона — и все правительство, все боярство, весь народъ, *подъ* Феодоромъ, раздѣлился на двѣ партіи: годуновскую и антигодуновскую: Шуйскіе выступили первые, и представили послѣ другихъ опытовъ, ужасный и смѣлый планъ развестись Феодору съ Ириной Годуновой за ея неплодіемъ. Они упали, и все смирилось предъ Годуновымъ. Остальные Романовы выходятъ на сцену уже по кончинѣ Феодоровой.

Теперь спрашивается: какіе-же могли-быть сторонники Феодора. КТО, КТО, КТО? Кому могла быть нужна смерть Царевича Димитрія, кромѣ Годунова, и, *если* есть виноватый въ ней, то кто можетъ имъ быть, кромѣ Годунова и его клеветовъ? Для всѣхъ его противниковъ Димитрій былъ, напротивъ, нуженъ, какъ точка опоры, какъ надежда въ случаѣ смерти Феодоровой — что и надлежало доказать! Вы негодуете на меня, за чѣмъ я назвалъ это мнѣніе *странностію*. Я напечаталъ только такъ, а написалъ иначе, и я надѣюсь, что моего

* Позвольтъ-ли мнѣ Г. К., сослаться на авторитетъ Карамзина: «умалчиваю о несправедливыхъ сказаніяхъ Одерборна и Петрея. X, пр. 10». Еслибъ Бѣльскій имѣлъ замыслы противъ Феодора, то какъ могъ-бы онъ избавиться казни, не только найти спасеніе въ спальнѣ Феодоровой. Иностраннымъ свидѣтелямъ, безъ критики, вѣрить нельзя. А г. К., говоритъ: «г. Соловьевъ подкрѣпляетъ свои положенія, «которые такъ возмущаютъ душу г. Погодина, ссылаками на Одерборна, «Горсея и на сказаніе Авраамія Полицина. *Вы можете-быть не читали «ишь, Г. Погодинъ! Прочтите и подумайте, и потомъ уже эти господа «станутъ съ вами спорить: и увидимъ, кто правъ, кто виноватъ.»*

объясненія, какъ оно ни кратко, по существу журнальной, случайной статьи, антирецензій, достаточно для убѣжденія читателей, понимающихъ дѣло, для судей безпристрастныхъ.

«Этого мало: г. Павловъ ясно говоритъ, что послѣ смерти Грознаго явились двѣ партіи, изъ которыхъ одна «стояла за Θεодора, другая за Димитрія. О томъ, были ли друзьями и благопріятелями между собою сторонники «Θеодора и сторонники Димитрія — ни слова. Что-жъ дѣлаетъ г. Погодинъ? Онъ навязываетъ г. Павлову мнѣніе, «будтобы Годуновъ и Шуйскій, напримѣръ, были друзьями между собою, да и говоритъ: какъ! Годуновъ и Шуйскій были друзья! какъ это можно!»....

Милостивой Государь! г. Погодинъ не навязывалъ г. Павлову мнѣнія, будто-бы Годуновъ и Шуйскій были друзьями между собою.

Г. Павловъ сказалъ, что къ одной партіи принадлежали Годуновъ, князья Шуйскіе и нѣкоторые другіе, и г. Погодинъ, основываясь на этихъ словахъ, сказалъ, что г. Павловъ враговъ Годунова Шуйскихъ пожаловалъ ему въ сообщики; ибо лица, принадлежащія къ одной партіи, будутъ ли они друзья или враги между собою, по-Русски называются всегда *сообщиками*. Слѣдовательно Г. К. *возводитъ на меня здѣсь напраслину*, выдумываетъ, будто я сказалъ: Годуновъ и Шуйскій *были друзья!* какъ это можно! что вы, *съ умъ-ли вы?* и тому под.

Выдумавъ и эти факты и эти выраженія, г. К. заключаетъ: «и вотъ ученые приемы критика. Прискаты имъ соответствующій терминъ предоставляемъ самому г. Погодину.» Приписывать соответствующій терминъ къ *небывалому* акту не нужно, а какъ назвать мнѣ этотъ *предъявляемый* актъ Г-на К., я представляю не ему, потому-что онъ видно не понимаетъ значенія ни словъ, ни дѣлъ, а читателямъ.

Удерживаясь до сихъ поръ отъ всякаго лишняго, или сколько-нибудь жесткаго выраженія, не смотря на всѣ личные оскорбительные возгласы Г-на К., помѣщенные мною въ выноскахъ, я чувствую теперь, что терпѣніе меня оставляетъ, и прекращаю на этотъ разъ разборъ его ре-

цензиі, опасаясь выразаться иначе,—да чтобъ не вспомнить и другихъ „Господь.“ Можетъ-быть я кончу его, въ слѣдующей книгѣ Москвитянина. Читатели ничего не потеряютъ, ибо вопросы спора различные, и послѣдовательность не сколько не терпитъ отъ раздѣленія, можетъ-быть не кончу, ибо говорить съ такими «господами» — «тратить, кажется, время по напрасну», унижать себя. Имъ хочется только, во чтобъ ни стало, забросать грязью противника, а къ нимъ улики не пристають, какъ къ стѣнѣ горохъ, потому-что, — они анонимы.

М. Погодинъ.

Прим. Прибавлю здѣсь на случай, если разбирать болѣе не буду, что въ остальной части статьи г-нъ К—нъ справедливо замѣтилъ о крестьянскихъ отказахъ: отказываться они имѣли право только въ продолженіи двухъ недѣль, а отъѣзжать безсрочно, и я впоследствии случаѣ ошибся, хотя и теперь повторяю, что переходы были только по-сосѣдству.

АНТИКРИТИКА.

Еще о разсужденіи Г. Стасюлевича: «Аѳинская Игемонія.»

Въ 18-мъ № Москвитянина г. Стасюлевичъ помѣстилъ свой отвѣтъ на мою рецензію его магистерской диссертациі, напечатанную въ 11-мъ № этого-же журнала. Этотъ отвѣтъ начинается предположеніями, ничѣмъ не подтвержденными, и вѣжливостями, неидущими къ дѣлу, и доходитъ до тяжелыхъ обвиненій въ промахахъ и даже въ недобросовѣстности. Это принуждаетъ меня отвѣчать ему.

Еще прежде редакція М-на сочла за нужное сдѣлать мнѣ подобный упрекъ въ припискѣ, напечатанной внизу моей рецензіи. Редакція обвиняла меня въ слишкомъ-большой строгости, и утверждала, что я опустилъ изъ вида различіе между диссертациею ученою, литературною, и диссертациею обязанною. Но я просилъ-бы позволенія у редакціи, пользуясь правами отдѣла Антикритики, спросить ее, въ чемъ-же я могъ быть *слишкомъ*-строгимъ? Моя рецензія состоитъ вся изъ указаній на недостатки разсужденія г. Стасюлевича. Все мое дѣло состояло въ томъ, что я ихъ подвелъ, для легчайшаго обзора, подъ нѣсколько рубрикъ. Приговора своего я вовсе не высказывалъ, предоставляя его читателямъ и самому г. Стасюлевичу. Ежели рецензія показалась редакціи слишкомъ-неблагопріятною, то это впечатлѣніе произошло не отъ моей строгости, а отъ числа недостатковъ, мною указанныхъ. Полагала-ли редакція, что я ихъ выдумалъ? или хотѣла она отъ меня требовать, чтобъ я о нихъ умолчалъ? или, по ея мнѣнію, недостатокъ перестаетъ быть недостаткомъ и ошибка ошибкою, когда высказывается въ диссертациі, которую редакція относитъ къ обязаннымъ? На-

конецъ, ежели я упустилъ изъ виду, что диссертация г. Стасюлевича не ученая и не литературная, ежели она въ самомъ-дѣлѣ не ученое и не литературное сочиненіе, то что-же она такое? Я тщетно ищу отвѣта на эти вопросы и не могу убѣдить себя, что редакція Москвитянина, обвинивъ меня въ слишкомъ-большой строгости, имѣла какое-нибудь основаніе, и, давая мнѣ совѣтъ, высказала правило, которому я могъ-бы слѣдовать, не унижая разбираемой книги до степени упражненія.*

Приписка Редакціи послужила, кажется, темою для г. Стасюлевича въ его отвѣтъ. Въ самомъ началѣ онъ ссылается на нее и потомъ ее развиваетъ, разнообразя по мѣстамъ ея тонъ; впрочемъ совершенно отступаетъ отъ ея краткости. На десять страницъ онъ отвѣчаетъ на 26-ти страницахъ. Онъ создаетъ цѣлый лабиринтъ, чтобы защититься въ немъ отъ моихъ нападеній. Этимъ онъ меня въ самомъ дѣлѣ привелъ въ затруднительное положеніе. Какъ было не испугаться, видя передъ собою перспективу спора объ аѳинской гегемоніи, который можетъ, пожалуй, продлиться долѣе, нежели существовала сама аѳинская гегемонія? Бумага все терпитъ. На бумагѣ на все можно отвѣчать; обо всемъ можно написать такъ, что иной читатель съ вами согласится. Кто изъ читателей Москвитянина не пропустилъ моей рецензій и отвѣта на нее съ восклицаніемъ: *c'est du grec*, — изъ тѣхъ кто-нибудь, вѣроятно, уже сидитъ въ лабиринтѣ г. Стасюлевича.

Къ моему счастью, впрочемъ, споръ еще легокъ; можетъ-быть, мнѣ удастся поставить спорные вопросы такъ, что на нихъ, по большей части, можно отвѣчать только или да, или нѣтъ. Этимъ дѣло значительно уяснится.

* Отвѣчать Редакціи на эти вопросы очень легко: ей стоить только напомнить антикритику, что понятіе о строгости отнюдь не исключаетъ понятія о справедливости, и на оборотъ — можно быть справедливымъ, и вмѣстѣ не строгимъ, а что касается до понятія Редакціи объ обязанныхъ диссертацияхъ, то оно высказано было уже нѣсколько разъ въ Москвитянинѣ: обязанная диссертация есть часть экзамена, производимаго въ опредѣленный срокъ, а именно черезъ годъ послѣ послѣдняго. *Ред.*

Г. Стасюлевичъ утверждаетъ, будтобы я въ своей рецензiи косвенно защищаль автора «Аббата Сугерiя» и будто бы сущность моего защищенiя состояла въ слѣдующемъ: если авторъ «Аѳинской игемонiи» — предмета древней исторiи, гдѣ всѣ источники хорошо обработаны и приготовлены, былъ въ своей магистерской диссертации такъ неоснователенъ и ошибоченъ, то тѣмъ болѣе все это извинительно автору докторской диссертации, предметъ которой заимствованъ изъ средней исторiи.» Это утвержденiе меня не только удивило, но и оскорбило до послѣдней степени. Мнѣ не могло придти въ голову защищать Т. Н. Грановскаго, потому-что это было-бы съ моей стороны по меньшей мѣрѣ страннымъ притязанiемъ; тѣмъ менѣе я могъ его извинять и ставить себя какъ-бы его судьей. Защищенiя «Аббата Сугерiя» въ моей рецензiи «Аѳинской игемонiи» нѣтъ, и излагаемая г. Стасюлевичемъ сущность моего защищенiя есть его мечта. Этой-же мечтѣ слѣдовательно, принадлежитъ и все смѣшное, заключающееся въ этой «сущности.» Я же имѣлъ въ своей рецензiи цѣлю characterize *рецензента* «Аббата Сугерiя» по его сочиненiю объ Аѳинской игемонiи, и надѣялся, что другiе возьмутъ на себя трудъ characterize его по его рецензiи. Эта надежда, какъ извѣстно, достаточно осуществилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приглашенiе, сдѣланное редакцiею Москвитянина, исполнено.

Г. Стасюлевичъ утверждаетъ далѣе, будтобы я не читалъ его диссертации до конца, а ограничивался началомъ и притомъ первыми тремя страницами. Смѣю увѣрить г. Стасюлевича, что я никогда не позволилъ-бы себѣ написать рецензiю на сочиненiе нечитанное. Я не понимаю, какъ онъ могъ вѣсти на меня такое обвиненiе, въ истинѣ котораго онъ не могъ быть увѣренъ? * Обращаясь къ читателямъ, я покажу, что онъ не могъ не знать, что оно не основательно. Въ заключенiи моей рецензiи я упомя-

* На стр. 136 моей рецензiи было напечатано: «прибавимъ, какъ выводъ изъ *внимательнаго прочтенiя* диссертации г. Стасюлевича, что другiя основанiя его полемики противъ обыкновеннаго опредѣленiя гегемонiи также мало-основательны.»

нулъ съ похвалою о его раздѣленіи военскихъ клерухій на два разряда, а объ этомъ раздѣленіи говорится на самыхъ послѣднихъ страницахъ его разсужденія. Пусть теперь, кто захочетъ, спросить его, читалъ-ли я только одно начало или и конецъ его книжки?

Г. Стасюлевичъ соглашается вообще въ справедливости моего мнѣнія о его неловкости и неопытности, но старается показать, что это видно не въ тѣхъ мѣстахъ, которыя приводятся мною. Я согласенъ, что эти недостатки видны не въ *однихъ* тѣхъ мѣстахъ, которыя были мною приведены на удачу, что такихъ мѣстъ можно найти гораздо, гораздо больше, но стою и за свой выборъ.

Въ моей рецензій приведено нѣсколько доказательствъ того, что *г. Стасюлевичъ не всегда понимаетъ словесный смыслъ греческихъ мѣстъ, на которыя онъ ссылается*. Г. Стасюлевичъ и соглашается съ моими замѣчаніями, и опять ему не хочется согласиться. Но, дѣлать нечего, согласиться надобно, и притомъ согласиться не только съ сдѣланными мною тремя замѣчаніями (о Герод. V, 83, Эук. 1,120 и о словѣ *βουλευτήριον*), но еще и съ тѣмъ, что въ самомъ отвѣтѣ на эти замѣчанія г. Стасюлевичъ понялъ другое мѣсто, приводимое имъ противъ меня, не такъ, какъ слѣдуетъ. Начнемъ съ послѣдняго. Соглашаясь со мной въ правильности моего втораго замѣчанія, г. Стасюлевичъ прибавляетъ: «но, съ другой стороны, и г. Леонтьевъ неправъ, если онъ полагаетъ, что изъ цитованнаго нами мѣста Эукидида вовсе не видно судебной зависимости городовъ отъ игемона. Мы цитовали не полное мѣсто Эукидида, а г. Леонтьевъ, вѣроятно, не справился въ подлинникъ, гдѣ переводъ г. рецензента (т. е. мой), *превосходя нашъ переводъ своею близостью*, еще яснѣе указываетъ на право игемона вмѣшиваться и въ частныя дѣла городовъ, а слѣд. и въ судебныя. Полное мѣсто мы должны перевести такъ: «игемону нужно, пользуясь одинаковымъ правомъ въ дѣлахъ *частныхъ* (т. е. касающихся до отдѣльныхъ городовъ), первенствовать въ дѣлахъ *общихъ* (т. е. касающихся до всего союза).» И такъ игемонъ имѣлъ право вмѣшиваться и въ дѣла городовъ отдѣльныхъ.» Нѣтъ, не «и такъ»,

потому-что вы опять въ переводѣ сдѣлали ошибку. Смысль мѣста вотъ какой: »гегемону нужно, занимаясь своими частными дѣлами (т. е. касающимися до *своего* города), заботиться преимущественно о союзныхъ.« Понявъ мѣсто, вы бы не предположили, что я не справился въ подлинникѣ. Впрочемъ, уже и въ вашихъ словахъ есть противорѣчiе: вы написали, что я не справился въ подлинникѣ, *въ мой переводъ* будто бы ясно указываетъ на утверждаемое нами право гегемона. Это *contradictio in adjecto*, говоря съ вами терминомъ схоластическимъ.

Такова основательность возраженiя противъ моего замѣчанiя. Желая возразить, авторъ показалъ, что онъ и теперь, когда его диссертациа успѣла для него сдѣлаться прошлымъ, все еще въ состоянiи сдѣлать ошибки, подобныя прежнимъ. Въ томъ-же должны убѣдить всякаго, немножко знающаго по-гречески, его возраженiя противъ моего перваго замѣчанiя о его переводѣ Герод. V, 83, гдѣ онъ сдѣлалъ ошибку въ конструкци. Я не выписываю его возраженiй; скажу только, что его переводъ грѣшитъ и противъ смысла, и противъ языка. Скажите, не слѣдуетъ-ли изъ фразы: »Эгинцы имѣли въ Эпидаврѣ какъ все прочее, такъ и судъ,« что Эгинцы имѣли въ Эпидаврѣ, напр., и жилища? Г. Стасюлевичъ, конечно, знаетъ, что противоположенiе, выражаемое словомъ »прочiй«, основано на законѣ исключеннаго третьяго, и не будетъ въ состоянiи устранить сдѣланнаго мною вывода, заключающаго въ себѣ безсмыслицу. Противъ языка же его переводъ грѣшитъ, потому, что онъ не согласенъ съ общезвѣстнымъ значенiемъ греческихъ выраженiй: *ἄλλως τε καί, τὰ τε ἄλλα καί*. Это замѣтятъ и начинающiе.

Замѣтимъ то, какъ авторъ защищается противъ сдѣланнаго мною замѣчанiя, что авторъ переводитъ иногда слово *βουλευτήριον*, означающее »совѣтъ«, словомъ »судъ.« Г. Стасюлевичъ говоритъ, что по-русски словомъ »судъ« иногда означается мѣсто, гдѣ производится судъ и совѣтъ. Мудрено, но ежели и такъ, то слѣдуетъ-ли изъ существованiя въ греческомъ городѣ зданiя или мѣста, которое по-русски г. Стасюлевичъ назоветъ судомъ, по той замѣчен-

ной имъ особенности русскаго языка, о которой онъ считаетъ должнымъ мнѣ напомнить, слѣдуетъ ли изъ этого, что въ томъ зданіи производился судъ, когда оно по-гречески называется только зданіемъ совѣта? Мы продолжаемъ утверждать, что мнѣніе автора о судебной зависимости автономическихъ городовъ совершенно-ложно, и что онъ былъ въ него вовлеченъ смѣшеніемъ или, ежели угодно, игрою словъ: »судъ« и »совѣтъ.« Тѣ мѣста, которыя онъ еще приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, говорятъ объ администраціи, а не о судѣ, и имѣютъ силу только для того, кто смѣшиваетъ судебную власть съ административною.

И такъ мои три доказательства непониманія г. Стасюлевичемъ слонеснаго смысла доказательныхъ мѣстъ возстановлены, и съ приращеніемъ. Г. Стасюлевичъ сомнѣвается еще въ справедливости сдѣланнаго мною увѣренія, что я выбралъ только два-три примѣра, хотя бы могъ привести гораздо болѣе. Онъ говоритъ: »каждому извѣстно, что рецензенты, имѣя много замѣтокъ, обыкновенно выбираютъ изъ нихъ самыя-важнѣйшія, такъ что мы, рассматривая эти двѣ (не двѣ, а три) замѣтки г. Леонтьева, можемъ легко судить объ остальныхъ, слабѣйшихъ.« Принужденъ отвѣтить: нѣтъ, это не такъ-то легко. Извольте, напр., защититъ ваше пони маніе слова *πολυψηφία*, на которомъ вы также строите свои оригинальныя мнѣнія.

Далѣе въ моей рецензіи были приведены примѣры *непомтанія объясненій, предложенныхъ новѣйшими учеными*. Я утверждалъ тогда и утверждаю теперь, что г. Стасюлевичъ произвольно назвалъ обыкновеннымъ то опредѣленіе гегемоніи, противъ котораго онъ полемизируетъ, и которое вовсе не обыкновенное. Что онъ самъ его создалъ, этого я не утверждалъ и утверждать не могъ. Что я дѣйствительно утверждалъ, это я надѣюсь поддержать и могу подтвердить лучше всего словами самаго г. Стасюлевича. Онъ полемизируетъ въ своей диссертациіи противъ обыкновеннаго опредѣленія. Я утверждалъ, что его опредѣленіе не есть обыкновенное, и выставилъ свое, которое я почиталъ и почитаю обыкновеннымъ. Теперь, что-же дѣлаетъ г. Стасюлевичъ? Опровергаетъ онъ меня? Доказываетъ, что его »обык-

новенное» опредѣленіе обыкновеннаго моего? Нѣтъ; онъ говоритъ, что я выставилъ прежнее опредѣленіе самымъ яснымъ образомъ, даже почти удивляется его ясности и вѣрности (стр. 73). Ежели это дѣйствительно такъ, ежели мое опредѣленіе есть опредѣленіе прежнее, обыкновенное, то въ какомъ случаѣ можно признать обыкновеннымъ опредѣленіе, противъ котораго полемизируетъ г. Стасюлевичъ? Не въ томъ-ли одномъ случаѣ, если его обыкновенное опредѣленіе совершенно-тождественно съ моимъ обыкновеннымъ? И такъ, я спрашиваю его, гдѣ въ его книгѣ высказано обыкновенное опредѣленіе аѳинской гегемоніи такъ, какъ оно высказано у меня? Высказано-ли оно у него, да или нѣтъ?

Выставивъ обыкновенное и, какъ мнѣ кажется, истинное опредѣленіе гегемоніи Аѳинъ, я позволилъ себѣ прибавить, что полемика г. Стасюлевича не поколебала въ немъ ни одной іоты. Съ этимъ авторъ никакъ не можетъ согласиться. Но посмотримъ, какія возраженія онъ приводитъ; Какъ образецъ его умозаключеній, я приведу слѣдующее мѣсто: «Результатомъ нашихъ изысканій было слѣдующее: гегемонія Аѳинъ вовсе не была тиранніею, а потому прежнее опредѣленіе ея, какъ стратегическаго и политическаго союза (не союза, а предводительства въ союзѣ: союзъ можетъ быть и безъ гегемоніи, напр. Соединенные-Штаты? даже переписывая мое опредѣленіе, г. Стасюлевичъ его измѣняетъ), *изъ котораго необходимо вытекаетъ (?) взглядъ на аѳинскую гегемонію, какъ на тираннію, совершенно-ложно.*» Это мѣсто выписано съ дипломатическою вѣрностью; всякій видитъ значеніе возраженія, въ немъ заключающагося. Отъ формы обращаюсь къ самому дѣлу.

Г. Стасюлевичъ говоритъ, что ему представилось много трудностей, которыя онъ не могъ себѣ объяснить, принимая обыкновенное мнѣніе ученыхъ. Намъ кажется, этихъ трудностей вовсе нѣтъ. Переберемъ ихъ по порядку.

1. Почему гегемоническій союзъ, происшедшій во время персидскихъ войсъ, продолжался послѣ? Но развѣ союзъ державъ, соединившихся противъ Наполеона, прекратился послѣ его изгнанія? Продолженіе союза было условлено

обстоятельствами: когда опасность со стороны Персовъ уменьшилась, тогда увеличилась опасность со стороны Спарты; прежде союзъ имѣлъ преимущественно стратегическое значеніе, потомъ получило въ немъ перевѣсъ значеніе политическое.

2. Какъ изъ стратегическаго и политическаго предводительства произошла судебная и финансовая зависимость? Это всѣмъ извѣстно: судебная — на основаніи символовъ: финансовая — на основаніи добровольнаго согласія платить деньги, а не выставлать войско и корабли.

3. Чѣмъ объяснить, что союзники, оставшіеся по окончаніи персидскихъ войнъ свободными, не отдѣлялись отъ Аѳинъ? Конечно, обстоятельствами, и между ними болѣе всего — нежеланіемъ подчиниться Спартѣ, которая одна могла защитить отъ Аѳинъ, но требовала принятія аристократическаго устройства.

Вотъ и всѣ трудности. Теперь посмотримъ, къ какому воззрѣнію привели они автора. Не удовлетворившись обыкновеннымъ мнѣніемъ, онъ выставилъ свое, совершенно-оригинальное. «Очевидно, нацѣ опредѣленіе,» говоритъ онъ, «не только отлично, но и противоположно прежнему опредѣленію, а потому г. Леонтьевъ не совсѣмъ справедливъ, увѣряя, что наше опредѣленіе не измѣняетъ ни юты стараго опредѣленія.» Противъ перваго утвержденія никто не спорилъ, а съ заключеніемъ я попрошу позволенія не согласиться. Развѣ всякое мнѣніе противоположное прежнему измѣняетъ его? Въ моей рецензій я сказалъ только вкратцѣ объ оригинальномъ мнѣніи г. Стасюлевича относительно происхожденія аѳинской гегемоніи. Я только замѣтилъ, что ее никакъ нельзя производить *исключительно* отъ метропольныхъ отношеній. Теперь я объяснюсь подробнѣе.

Мнѣніе г. Стасюлевича не совсѣмъ противоположно общепринятому мнѣнію; очень многое изъ того, что онъ говоритъ, не находится въ противорѣчій съ обыкновеннымъ мнѣніемъ ученыхъ; потому, очень-многія его утвержденія справедливы. По моему мнѣнію, въ его взглядѣ не можетъ быть принято только то, что несомнѣнно съ общеприня-

тымъ и, какъ мнѣ кажется, истиннымъ взглядомъ. Одною стороною его мнѣніе вѣрно, другою ново; первую оно совпадаетъ съ старымъ, вторую отходить отъ истины.

Самъ г. Стасюлевичъ не совсемъ ясно высказываетъ свое мнѣніе. Мы не можемъ не видѣть сбивчивости въ его понятіяхъ о гегемоніи, сравнивъ слѣдующія два мѣста:

1. «До насъ аѳинская игемонія считалась тиранніею Аѳинъ, ибо (?) разсматривалась, какъ стратегическій и политическій союзъ подъ предводительствомъ Аѳинянъ; — по нашему мнѣнію, аѳинская игемонія была новымъ видомъ государственнаго устройства Греціи, образовавшимся изъ митрополии.» Стр. 85 «отвѣта.»

2. «Игемонія Аѳинъ была вторымъ видомъ государственнаго устройства Греціи, когда первый видъ — митропольное устройство — сталъ терять свою значимость и законность.» Стр. 80 «отвѣта.»

Въ первомъ мѣстѣ гегемонія происходитъ изъ митрополии; во второмъ она замѣняетъ собою митропольное устройство. Двѣ вещи разныя. Со вторымъ мѣстомъ гораздо-скорѣе можно согласиться, нежели съ первымъ, и мы рады замѣтить, что авторъ очевидно даетъ ему большее значеніе: оно напечатано курсивомъ. Но и со вторымъ мѣстомъ нельзя согласиться вполне.

Во 1-хъ, нельзя никакъ говорить о государственномъ устройствѣ Греціи, не давая термину «государство» значенія совершенно-необыкновеннаго. Можно говорить о единствѣ Греціи, о связи греческихъ государствъ, о ихъ стремленіи къ образованію болѣе-обширныхъ государствъ, но не о государственномъ устройствѣ цѣлой Греціи. Одно государство сдѣлать изъ Греціи старалась первая Македонія, но и то неудачно.

Во 2-хъ, взаимныхъ отношеній греческихъ городовъ времени до-персидскаго никакъ нельзя назвать исключительно метропольными. Указываю на амфиктіони, на союзъ беотійскій, на союзъ пелопоннесскій. Въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что древнѣйшія отношенія основывались на родствѣ, тогда-какъ позднѣйшія обусловлены политикой (стр. 81). Это изображеніе дѣла гораздо-справедливѣе всего другаго, сказаннаго авторомъ; но все-таки

Отд. IV:

и этого нельзя принять безусловно. Принявши племенное родство за *исключительное* основаніе всѣхъ древнихъ взаимныхъ отношеній, вы не объясните амфиктіоній. Мнѣ казалось-бы, что лучше всего можно характеризовать древнѣйшія отношенія греческихъ городовъ между собою, сказавъ, что они имѣли преимущественно религіозное значеніе, тогда-какъ въ позднѣйшихъ союзахъ господствуетъ политическое значеніе.

Метропольныя отношенія были однимъ изъ элементовъ, изъ которыхъ образовалась аѳинская гегемонія; это не подлежитъ сомнѣнію. Для доказательства этого не нужно приводить Амфиполя; достаточно обратить вниманіе на іонійскія колоніи, присоединившіяся къ Аѳинамъ *κατὰ τὸ συγγένειον*. Ошибка г. Стасюлевича состоитъ не въ томъ, что онъ признаетъ метропольныя отношенія источникомъ гегемоніи Аѳинъ, а въ томъ, что онъ ихъ признаетъ *исключительнымъ* источникомъ гегемоніи. Последнимъ онъ отличается отъ другихъ ученыхъ и вмѣстѣ удаляется отъ истины. Мы остаемся при нашемъ убѣжденіи, что онъ непоколебалъ, какъ мы сказали въ рецензій, ни одной іоты обыкновеннаго и общепринятаго опредѣленія аѳинской гегемоніи, и что все, что въ его мнѣніи несогласно съ этимъ опредѣленіемъ, дѣйствительно ново, но никакъ не истинно. Вся его полемика основана на недоразумѣніи, происшедшемъ отчасти отъ того, что онъ не вполне уяснилъ себѣ господствующее мнѣніе, отчасти отъ того, что онъ не со-сѣлъ точно представляя себѣ факты.

Теперь мы дошли по порядку до *промаха*, будто бы мною сдѣланнаго изъ какихъ-то *заднихъ мыслей*. Но, къ сожалѣнію, и здѣсь опять и то, и другое г. автору показалось. Дѣло вотъ въ чемъ. Бѣкъ въ приведенномъ мною мѣстѣ говоритъ, что *постоянные* союзники Аѳинъ, союзники, связанные съ Аѳинами неразрушимымъ договоромъ, раздѣлялись на самостоятельныхъ и подчиненныхъ. Тоже самое говорятъ и всѣ. Теперь въ опроверженіе этого неоспоримо-вѣрнаго дѣленія г. Стасюлевичъ приводитъ мѣсто Фукидида, V, 85, въ которомъ всѣ союзники, и постоянные и временные, раздѣляются:

1. На самостоятельныхъ, автономическихъ, но обязанныхъ выставлять корабли.
2. На подчиненныхъ, платящихъ трибутъ, т. е. фору.
3. На совершенно-добровольно помогающихъ Афинамъ, т. е. на союзниковъ временныхъ, не связанныхъ неразрывнымъ договоромъ.

Объ этомъ третьемъ разрядѣ ни Бёку, ни кому-либо другому изъ говорившихъ не о союзахъ вообще, а о союзѣ гегемоническомъ, упоминать было нечего, а когда вы отнимете этотъ третій разрядъ, останется раздѣленіе, въ точности соответствующее раздѣленію, сдѣланному Бёкомъ. Теперь мой *промахъ* состоитъ весь въ томъ, что я полагалъ удобнымъ, для большей точности, назвать независимыми союзниками только союзниковъ третьяго разряда, тѣхъ, которые были совершенно-свободны, и думалъ, что автономическихъ союзниковъ, тѣхъ, которые были связаны съ Афинами неразрывнымъ союзомъ и обязанностью выставлять корабли, но сохраняли однакожь полную самостоятельность въ своихъ домашнихъ городскихъ дѣлахъ, слѣдуетъ назвать не независимыми, а самостоятельными, какъ и Бёкъ называетъ ихъ не *unabhängig*, а только *selbstständig*. (У меня теперь нѣтъ подъ рукою книги Бёка, но я думаю, что на стр. 428, на которую указываетъ авторъ, должно говорить о другомъ, предшествовавшемъ времени). Спрашиваю г. Стасюлевича, *промахъ-ли, по его мнѣнію, такая точность въ выраженіяхъ?*

Защищая и восстанавливая по очереди каждое свое замѣчаніе, дохожу наконецъ до замѣчаній, показывающихъ *неопытность и неловкость автора въ ученыхъ приемахъ.*

На стр. 3 своей диссертациі авторъ противопоставляетъ прежнему взгляду на гегемонію извѣстіе Фукидида, »гдѣ сказано, что повинные города всегда являются привязанными къ своимъ притѣснителямъ.« Всякаго, нѣскольконзнакомаго съ исторіей афинской гегемоніи, конечно, удивила такая ссылка, и всякій, конечно, хотѣлъ узнать, гдѣ это находится такое извѣстіе Фукидида. Подъ текстомъ авторъ указываетъ на Фук. III, 27, и Фук. IV, 130. Въ этихъ мѣстахъ говорится о двухъ осажденныхъ городахъ, въ которыхъ, во время тяжелой осады, демоты сдались

Аѳинянамъ. Спрашиваю, сказано-ли въ этихъ мѣстахъ то, что приводитъ г. Стасюлевичъ не какъ свой выводъ изъ нихъ, а какъ извѣстіе самаго Эукидида?

Объ остальныхъ возраженіяхъ скажу въ двухъ словахъ.

Мѣсто Эукидида I, 25 допускаетъ много толкованій. Схолиастъ и Тацитъ не доказываютъ ничего.

Спарта не стала еще метрополіей всѣхъ Дорійцевъ отъ того, что Амфиполь призналъ ее за метрополию. Но положимъ, что она была метрополіей дорійскихъ колоній, будетъ-ли ихъ присоединеніе къ Аѳинамъ доказательствомъ или опроверженіемъ мнѣнія г. Стасюлевича?

Отношеніе Спарты къ Персіи мѣнялось вмѣстѣ съ временемъ. Давать ему во всѣ времена одинъ и тотъ же характеръ значить дѣлать натяжку.

Союзъ противъ Персовъ могъ юридически продолжаться, хотя Спартанцы отказались отъ предводительства на дѣлѣ.

Закрываю уврѣненіемъ, что какъ въ моей рецензій, такъ и въ теперешнемъ отвѣтѣ единственная моя цѣль — характеризовать диссертацию г. Стасюлевича, не сравнивая ее съ сочиненіями, съ которыми она не можетъ быть сравниваема. «Аббатъ Сугерій,» не боится нападеній г. Стасюлевича. Мнѣ нечего было его имѣть въ виду. Даже и рецензію «Аббата Сугерія,» написанною г. Стасюлевичемъ, я воспользовался только для того, чтобы поставить рядомъ съ его разсужденіемъ его требованіе.

П. Леонтьевъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЛѢТОПИСЬ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

ДѢЙСТВІЕ ХЛОРА НА ХЛОРИСТЫЕ МЕТАЛЛЫ ВЪ ПРИСУТСТВІИ ХЛОРИСТЫХЪ ЩЕЛОЧНЫХЪ СОЛЕЙ. — (*Изслѣдованіе гв. Собреро и Сельми*). Извѣстно, что оддохлористый марганецъ, растворенный въ водѣ, не измѣняется, если сквозь жидкость пропускать газъ хлоръ въ темнотѣ. Напротивъ при дѣйствіи солнечныхъ лучей образуется черный осадокъ перекисла марганца. Г. Мильонъ (Millon) показалъ, что это прекрасный реактивъ для того, чтобъ узнать, была-ли хлорная вода подвержена дѣйствію солнца, или нѣтъ. Отъ дѣйствія свѣта вода, насыщенная хлоромъ, разлагается такъ, что въ ней содержатся въ одно время соленая и хлорноватистая кислота. Послѣдняя, отъ прилитія нѣсколькихъ капель однохлористаго марганца, разлагается мгновенно такъ, что марганецъ окисляется на ея счетъ. Гг. Собреро и Сельми замѣтили, что въ присутствіи хлористыхъ щелочныхъ металловъ осадокъ образуется и тогда, когда жидкость не была подвержена дѣйствію солнечныхъ лучей.

Подобнымъ образомъ, по опытамъ Мильона, дѣйствуетъ однохлористый свинецъ; образуется осадокъ свинцоваго окисла. Въ присутствіи щелочныхъ хлористыхъ соединений, безъ дѣйствія свѣта, здѣсь, по опытамъ Собреро и Сельми, не является осадка. Хлористый свинецъ растворяется въ жидкости, окрашивая ее въ желтый цвѣтъ.

Растворяютъ въ холодной водѣ сколько возможно болѣе поваренной соли; прибавляютъ къ раствору небольшое количество хлористаго свинца и пропускаютъ струю промытаго хлора. Тотчасъ жидкость начинаетъ окрашиваться въ желтый цвѣтъ, отличный отъ цвѣта хлорной

воды. Хлористый свинецъ постепенно растворяется и цвѣтъ становится гуще и гуще. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока хлоръ можетъ еще поглощаться жидкостью. А онъ поглощается въ большомъ количествѣ, чего, какъ извѣстно, не бываетъ, если въ растворѣ содержатся чистыя соединенія хлора съ щелочными металлами. Жидкость процеживаютъ и хранятъ въ хорошо-закупоренныхъ стеклянкахъ. Она сильно пахнетъ хлоромъ и не измѣняется отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Въ открытыхъ сосудахъ хлоръ постепенно улетучивается и осаждается хлористый свинецъ. Наливая ея по каплѣ въ большое количество воды, получаютъ осадокъ хлористаго свинца и свинцоваго перекисла. Прибавляя къ жидкости тѣдную щелочь, получаютъ осадокъ свинцоваго перекисла. Углекислая известь даетъ тотъ-же осадокъ при сильномъ вскипаніи. Углекислое кали производитъ свѣтлобурый осадокъ, иногда безъ вскипанія. Исслѣдователи думаютъ, что здѣсь образуется углекислый свинцовый перекисль, теряющій тогъчасъ угольную кислоту. Фосфорнокислая вода производитъ осадокъ свѣтлобурый, вѣроятно фосфорнокислый свинцовый перекисль, также легко разлагающійся, потому-что при простомъ промываніи холодной водой остается чистый свинцовый перекисль. Прибавляя хлористый марганецъ, получаютъ осадокъ перекисла марганца и хлористаго свинца. Дѣйствие жидкости на металлы сходно съ дѣйствіемъ царской водки. Мѣдь, желѣзо, цинкъ, быстро превращаются въ хлористыя соединенія, въ осажденіе хлористаго свинца. Листочки золота, порошокъ платины, растворяются весьма скоро. Вещества органическія измѣняются сильно, осаждавая хлористый свинецъ и окисляясь или соединяясь съ хлоромъ. Щавельная кислота превращается въ угольную.

По мнѣнію исслѣдователей, жидкость содержитъ двухлористый свинецъ, соединеніе легко разлагающееся и потому не получаемое въ сухомъ видѣ.

ВОЛЬТОВЪ СТОЛБЪ ДЛЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ ТЕЛЕГРАФОВЪ. — Неоднократно мы имѣли случай замѣтить, что батарея Воластона во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ не

77. Газовый прибор.

можетъ дѣйствовать даже двухъ минутъ съ совершенно одинаковымъ напряженіемъ, и потому неудобна для электрическихъ телеграфовъ, гдѣ требуется, чтобы отклоненія стрѣлки мультипликаторовъ или намагничивающее дѣйствіе спиралей были совершенно-одинаковы. Причина ясная: въ Вольтовомъ столбѣ, въ Волластоновой баттарей со всѣми ея измѣненіями, какъ раздражающая жидкость, употребляется подкисленная вода. Кислота растворяетъ цинкъ или желѣзо, превращая ихъ въ соль. Понятно, что вмѣстѣ съ тѣмъ количество свободной кислоты въ жидкости уменьшается. А какъ при одинаковой поверхности соприкосновенія металла съ жидкостію растворяющая сила послѣдней пропорціональна количеству содержащейся въ ней кислоты, то понятно, что раствореніе будетъ постепенно замедляться и показатели будутъ ослабѣвать. Если въ первую минуту въ жидкости содержалось на пр. 50% кислоты и отклоненіе стрѣлки было 90%, то во вторую минуту при 49% отклоненіе будетъ неминуемо менѣе, чѣмъ 90%. Это неудобство заставило думать о замѣщеніи обыкновенныхъ баттарей, въ которыхъ вмѣсто подкисленной жидкости употреблялся смоченный кислотою песокъ, баттарейми, устроенными по идеѣ Беккереля (*pile éloisonnée*), въ которыхъ мѣдъ находится въ соприкосновеніи съ концентрированнымъ растворомъ мѣдной, а цинкъ съ растворомъ какой-нибудь другой соли. Баттарей этого устройства нѣсколько часовъ дѣйствуетъ съ совершенною правильностію, потому-что существенно дѣйствующее въ ней вещество, растворъ мѣдной соли, въ которомъ находятся кристаллы соли еще не растворенные, остается во все время въ одинаковой концентраціи.

Цилиндръ цинка въ этомъ приборѣ обыкновенно погружался въ растворъ цинковаго купороса, хлористаго натрія или какой-либо другой соли. Опыты Г. Эйзенлера показали, что лучшее вещество есть кислое виннокислое кали (*bitartrate potassique*, кремортартаръ). Г. Вартманъ, жевевскій ученый, увѣряетъ, что такая баттарей дѣйствовала у него непрерывно съ одинаковою правильностію въ продолженіи *трехъ недѣль*.

Если это правда, то для любителей Вольтова столба открывается новое поле изысканий. Отъ чего зависить дѣйствіе кремортарта? Не такъ-ли будутъ дѣйствовать и другія соли съ органическими кислотами? Не содѣйствуетъ-ли успѣху малая растворимость соли и сильное сродство виннокаменной кислоты съ щелочью? Въ послѣднемъ случаѣ значеніе соли было-бы то, что она даетъ лучшій проходъ сѣрной кислотѣ отъ мѣди къ цинку. Любопытно повѣрить наоборотъ, будетъ-ли въ подобныхъ обстоятельствахъ какое-нибудь дѣйствіе, если цинкъ будетъ погруженъ въ растворъ хлористаго кальція, свинцоваго сахара и особенно хлористаго барія?

ПОПРАВЛЕНІЕ ОКИСНАГО ВИНА. — (*Д-ра Андрю Юра*). Либихъ (Моск. Вѣд. въ прошломъ году) полагалъ, что кислота въ винѣ виннокаменная соль, и что, слѣдовательно, прибавляя къ вину среднее виннокислое кали, можно осадить ее въ видѣ кислой соли (*bitartrate potassique*). Г. Юръ извѣщаетъ, что по его изслѣдованіямъ кислый вкусъ вина происходитъ не отъ виннокаменной, а отъ уксусной кислоты, но однакожъ среднее виннокислое кали даетъ осадокъ и съ сего послѣдняго.

ДѢЙСТВІЕ ЖИВОТНАГО УГЛЯ НА ЯДЫ. — Изъ опытовъ доктора Гаро (*Garrod*) видно, что животный уголь, приготовленный черезъ перекаливаніе костей, разложеніе фосфорнокислой извести соленой кислотой и промываніе остатка, есть превосходный антидотъ противъ большой части какъ растительныхъ, такъ и минеральныхъ ядовъ. Очевидно, что самъ по себѣ онъ не вреденъ для организма, потому-что ни въ чемъ не растворяется; очевидно также, что надобно давать его вскорѣ послѣ приѣма яда.

Этимъ способомъ уничтожается дѣйствіе стрихнина, морфина и подобныхъ веществъ, тѣмъ болѣе дѣйствіе опія, бѣлены, челибухи.

ДЕГОТЬ И РЖАНОЙ ЧЕРВЬ. — Изъ опытовъ г. Каля (*Caillat*) видно, что опрыскиваніе вивъ дегтемъ совершенно и скоро истребляетъ ржаныхъ червей.

РОБЕРТЬ ПИЛЬ.

(Окончаніе.)

Въ первое время по вступленіи своемъ въ парламентъ Пиль раздѣлялъ мнѣніе отца по вопросу о денежномъ курсѣ и устройствѣ банковъ, и еще въ 1811 г. онъ, вмѣстѣ съ сэромъ Вансктортъ, подалъ голосъ въ пользу бумажныхъ денегъ. 3-го Февраля 1819 г. онъ былъ избранъ членомъ комитета, которому было поручено изслѣдовать положеніе Англійскаго Банка и обсудить вопросъ о вымѣнѣ билетовъ на звонкую монету. 24-го Мая онъ представилъ отчетъ, въ которомъ предлагалъ постепенно начать этотъ вымѣнъ и прекратить запрещеніе вывоза и плавленія монетъ: полный обмѣнъ билетовъ долженъ былъ начаться съ 1-го Мая 1823 г. Но Англійскій Банкъ приступилъ къ исполненію этой мѣры двумя годами ранѣше.

20-го Іюня 1820 г. Пиль женился (на 33 году отъ роду) на 25-лѣтней дочери генерала Джона Флойда, по имени Юліи; бракъ его былъ очень счастливъ и Пиль имѣлъ въ немъ много дѣтей.

17-го Января 1822 г. Пиль былъ сдѣланъ старшимъ статс-секретаремъ министерства внутреннихъ дѣлъ и въ этомъ званіи заслужилъ особенную благосклонность парламента тономъ кротости и уступчивости, съ какою возражалъ противникамъ.

18-го Февраля 1827 г. лордъ Ливерпуль скончался отъ удара; первымъ министромъ сдѣлался лордъ Кеннингъ, отдѣлившійся отъ партіи торіевъ вслѣдствіе своего желанія дать католикамъ равныя политическія права съ протестантами и измѣнить хлѣбные законы. Вѣрный своей партіи, Пиль вышелъ изъ министерства со вступленіемъ туда Кеннинга и былъ постояннымъ его противникомъ въ парламентѣ, хотя не ободрялъ и не принималъ участія въ ожес-

точенномъ преслѣдованіи Кеннинга торіями, котораго тотъ былъ жертвою до самой смерти. Кеннингъ умеръ 8-го Августа 1827 г. Въ министерствѣ герцога Веллингтона (8-го Янв. 1828 г.) Пиль опять занялъ мѣсто статс-секретаря внутреннихъ дѣлъ; но 26-го Февр. 1828 г. министерство претерпѣло поражение въ палатѣ, вслѣдствіе предложенія лорда Росселя въ пользу католиковъ. Въ 1829 г. на новыхъ выборахъ мѣсто Пилиа представителемъ Оксфордскаго университета былъ сдѣланъ отъявленный торій, сэръ Робертъ Инглисъ. Пиль, благодаря вліянію министерства, вступилъ въ парламентъ членомъ незначительнаго городка Вестбѣри, и 5-го Марта 1829 г. самъ предложилъ въ парламентъ законъ въ пользу католиковъ.

Въ 1830 г., вслѣдствіе смерти отца, Пиль наследовалъ достоинство баронета. Состояніе, оставленное старикомъ Пилемъ, равнялось $2\frac{1}{2}$ милліон. ф. стер. (15 мил. руб. сер.) Сэръ Робертъ, какъ старшій сынъ, получилъ всѣ помѣстья покойнаго и въ томъ числѣ Дрейтонъ-Меноръ у Тамворта въ Стаффордъ-шепъръ и значительную часть капитала; каждый изъ пяти остальныхъ сыновей получилъ по 135,000 ф. ст. (810,000 р. сер.). Однѣхъ пошлинъ съ наследства заплачено 15,000 ф. ст. (90,000 р. сер.)

Съ восшествіемъ на англійскій престолъ Вильгельма IV положеніе министерства Веллингтона и Пилиа сдѣлалось слабѣе. Виги настаивали на необходимость измѣнить законъ о выборахъ и удвоили свои нападенія на министерство, которое потеряло довѣріе своей партіи изданіемъ снисходительныхъ мѣръ въ пользу католиковъ. Пораженный въ парламентѣ, Пиль 16-го Ноября 1830 г. сложилъ свою должность. Новый законъ о выборахъ былъ принятъ въ засѣданіи 22-го Апрѣля 1831 г., не смотря на сильное сопротивленіе Пилиа и его партіи, принявшей тогда роль оппозиціи. Въ Ноябрь 1834 г. Король Вильгельмъ IV вызвалъ Пилиа изъ Рима, гдѣ онъ въ то время находился, и сдѣлалъ его первымъ министромъ, но сопротивленіе парламента было такъ сильно, что уже 8-го Апрѣля 1835 г. лордъ Медьбурнъ сдѣлался главою министерства. Въ 1836 г.

Пиль былъ выбранъ ректоромъ Глазговскаго университета.. Министерство Мельбурна существовало по 30-е Мая 1841 г. Тогда Пиль сдѣлался главою министерства и оставался ею по 29-е Юня 1846 г.; онъ въ продолженіи своего правленія отмѣнилъ хлѣбные законы противъ желанія своей партіи, чрезъ что лишился ея поддержки и долженъ былъ выйти въ отставку. Съ того времени Пиль уже не принималъ участія въ управленіи до конца своей жизни.

Сэръ Робертъ былъ красивъ собою и ростъ имѣлъ выше средняго. Не обладая увлекательнымъ краснорѣчіемъ Бурке, Фокса и Кеннинга, онъ всегда говорилъ рѣчи обдуманныя, простыя, неизысканныя, рѣдко прибѣгалъ онъ къ возбужденію страстей въ своихъ слушателяхъ; за то онъ обращался къ ихъ уму, и голосъ его въ палатѣ былъ всегда примирителемъ среди самаго сильнаго разгара политическихъ страстей.

Пиль скончался 2-го Юля нынѣшняго года, вслѣдствіе ушиба при паденіи съ лошади; онъ умеръ почти столько же богатымъ, какъ и отецъ его. Богатство свое онъ употреблялъ самымъ благороднымъ образомъ. Не было ни одного человѣколюбиваго заведенія, ни одного полезнаго предпріятія, которому-бы онъ не содѣйствовалъ охотно значительными суммами; для своихъ фермеровъ онъ былъ отцомъ и весьма заботился объ успѣхахъ сельскаго хозяйства. Искусство и наука потеряли въ немъ щедрого и просвѣщеннаго покровителя; собраніе картинъ, принадлежавшихъ сэру Роберту, есть одно изъ лучшихъ въ Англіи.

Тѣло Пила положено, согласно его воли, въiskanной шесть лѣтъ тому назадъ, въ небольшой и простой деревенской церкви Дрейтонъ-Бассета. Самыя похороны, по воли покойнаго, должны были быть какъ можно скромнѣе; впрочемъ не только помѣщики сосѣднихъ мѣстъ, но и многія значительныя лица изъ Лондона, посѣщили отдать ему послѣдній долгъ. Сэръ Джемсъ Грегемъ, лордъ Эбердинъ, лордъ Гердинъ, сэръ Френцисъ Лоудей, с. Гольборнъ, Б. Денисонъ, сэръ Джонъ Клеркъ и с. Гобгаузъ, раздѣлявшіе политическія убѣжденія покойнаго и

пользовавшіеся его пріязнью, поддерживали концы балдахина надъ его гробомъ. Томлисонъ, англиканскій епископъ Гибралтара, благословилъ могилу Пиля. Признательные соотечественники готовятся воздвигнуть ему памятникъ; лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу покойнаго служить то, что даже бѣдные вызвались жертвовать для этой цѣли по одному пени. Впрочемъ нашелся, по словамъ газеты *Globe*, въ Сюдберри одинъ богатый фермеръ, который, услышавъ о смерти сэра Роберта, велѣлъ на свой счетъ трезвонить въ колокола, празднуя такимъ образомъ смерть государственнаго мужа, уничтожившаго хлѣбные законы и лишившаго фермеровъ возможности обогащаться бѣдствіемъ своихъ соотечественниковъ.

ПОГРЕБЕНІЕ НЕАНДЕРА. — Въ то самое время, когда Англія пріобрѣла драгоцѣннѣйшій алмазъ Когинуръ, которымъ гордился Востокъ, и потеряла одного изъ лучшихъ своихъ государственныхъ мужей, Германія, не получивъ знаменитаго алмаза, лишилась отличнаго своего богослова и ученаго. 17-го Іюля въ Берлинѣ предано землѣ тѣло Августа Неандера. Берлинскій университетъ потерялъ въ немъ одного изъ лучшихъ и любимѣйшихъ профессоровъ своихъ, одного изъ добродѣтельнѣйшихъ и умнѣйшихъ своихъ членовъ. Соотечественники Неандера справедливо удивляются его безкорыстію, его безграничной преданности наукѣ и университету, среди богатой соблазнами столицы, гдѣ и богословы и ученые заняты не одною наукой. Подобно тому, какъ въ Англіи Робертъ Пиль былъ однимъ изъ главныхъ поборниковъ охранительной политики, Неандеръ въ Германіи былъ главою богослововъ, защищавшихъ истину Христіанскаго ученія отъ нападеній вольнодумцевъ. Въ опроверженіе этихъ нападеній Неандеръ написалъ подробное и обстоятельное сочиненіе о земной жизни Іисуса Христа, имѣвшее много изданій и уничтожившее дѣйствіе ложныхъ понятій на умы легковѣрныхъ. Неандеръ родомъ Еврей, его настоящее имя было *Моисей*; отецъ его, Мендель, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго

столѣтія жилъ въ Геттингенѣ и умеръ въ своей вѣрѣ. Дѣйствительно; Неандеръ былъ въ Берлинѣ вторымъ Моисеемъ Мендельсономъ. Глубокое уваженіе, какимъ онъ пользовался при жизни, проистекало болѣе изъ его прекраснаго образа жизни и обширной учености, чѣмъ изъ многотомныхъ сочиненій, обнаруживающихъ чрезвычайную начитанность и трудолюбіе болѣе, нежели искусство и способность къ изложенію.

Погребеніе Неандера было торжественно и сопровождалось такими выраженіями всеобщаго участія, что подобнаго не запомнятъ въ Берлинѣ со времени кончины Шлейермахера. На возвышеніи, нарочно устроенномъ въ кабинетѣ покойнаго, обитомъ черною тканью, было положено его тѣло. Мрачная комната была освѣщена множественномъ восковыхъ свѣчъ и роскошно убрана цвѣтами, которые окружали и тѣло. Въ день, назначенный для похоронъ, съ ранняго утра начали собираться любопытные, и число ихъ было такъ велико, что все пространство отъ университета до дома Неандера было покрыто народомъ; самый домъ былъ полонъ, лѣстницы и балконъ втораго этажа тоже заняты, такъ-что пѣвчіе должны были стоять на балконѣ перваго этажа. Затѣмъ придворный проповѣдникъ Штрауссъ произнесъ рѣчь, о добрыхъ качествахъ души усопшаго и его примѣрномъ образѣ жизни. Пѣвчіе пропѣли нѣсколько псалмовъ, и тѣмъ заключилась церемонія въ домѣ. Когда печальный поѣздъ двинулся съ мѣста, впереди пошли два распорядителя процессіи и хоръ музыкантовъ; за ними слѣдовалъ хоръ пѣвчихъ, предшествуемый двумя-же церемоніймейстерами; потомъ двое университетскихъ студентовъ несли на подушкѣ, покрытой чернымъ бархатомъ, крестъ и библию Неандера, увѣнчанныя розами, 12 студентовъ несли гробъ, украшенный цвѣточными гирляндами и вѣнками. За гробомъ шли многіе друзья покойнаго и студенты, всѣ державшіе въ рукахъ зажженные восковыя свѣчи въ желѣзныхъ подсвѣчникахъ. Сильный и утомительной зной вынудилъ студентовъ на улицѣ Липъ поставить гробъ на приготовленную для него колесницу. За гробомъ шло и все духовенство Берлина, а впереди старшій придворный про-

повѣдникъ Штрауссъ, епископы Россъ и Неандеръ, старшій совѣтникъ консисторіи и университетскій проповѣдникъ, профессоръ Ницшъ, ректоръ университета, профессоръ Бушъ, со всѣми знаками своего званія, профессоръ Тренделенбургъ, секретарь историко-философскаго отдѣленія Академіи Наукъ, профессора Гензель и Гербигъ, депутаты отъ Академіи Художествъ, многія лица, прославившіяся на поприщахъ науки и искусства и почти всѣ студенты. За тѣмъ слѣдовалъ необозримо-длинный повѣздъ экипажей, въ главѣ коего великолѣпная карета Е. В. Короля Прусскаго. Процессія двинулась чрезъ Оперную площадь къ университету, гдѣ она остановилась и пропѣтъ былъ стихъ: «Христось моя надежда» (*Jesus meine Zuversicht*); оттуда прошла по Linden и Grosse Friedrichs-Strasse въ Иерусалимскому кладбищу, находящемуся за Галльской заставою. Былъ ровно полдень, когда шествіе достигло кладбища; пѣвчіе, 12 факельщиковъ и друзья покойнаго окружили его гробъ, и проповѣдникъ Круммахеръ сказалъ рѣчь, гдѣ обратилъ болѣе всего вниманіе слушателей на заслуги, оказанныя Неандеромъ исторіи церкви, и назвалъ его *новымъ отцомъ Лютеранской церкви*, — и на общественныя и семейныя добродѣтели покойнаго. За тѣмъ произнесъ нѣсколько словъ въ похвалу усоннаго членъ депутаціи, нарочно присланной изъ Галле, отъ богословскаго факультета, для присутствованія при печальной церемоніи — Фридландеръ. Въ заключеніе Штрауссъ прочелъ молитву и благословилъ тѣло, которое и было предано землѣ. Въ 1 часъ по полудни печальная церемонія кончилась. Вечеромъ въ тотъ-же день, въ 6 часовъ по полудни, университетъ Берлинскій имѣлъ торжественное собраніе въ честь Неандера, гдѣ профессоръ Ницшъ произнесъ длинное слово о заслугахъ, оказанныхъ покойнымъ наукъ и университету.

ЭДУАРДЪ БІОТЬ.—Недавно скончался въ Парижѣ Эдуардъ Біоть, членъ Академіи Надписей и извѣстный знатокъ китайскаго языка. Незадолго до своей кончины, Біоть перевелъ китайское сочиненіе, Чеу-ли, содержащее подробное

описаніе состоянія Китая въ XII вѣкѣ до Р. X. Первый томъ этого перевода и начало втораго были отпечатаны еще при жизни переводчика, и рукопись оставлена имъ въ такомъ порядкѣ, что нѣтъ никакихъ препятствій продолжать печатаніе этого любопытнаго сочиненія. Ученая дѣятельность Біота была довольно-разнообразна: Онъ воспитывался въ Политехнической школѣ и вышелъ оттуда инженеромъ; въ этомъ званіи онъ построилъ первую желѣзную дорогу во Франціи (отъ С-ть-Этьенна къ Ліону). Слабое здоровье отняло у Біота возможность продолжать занятія по инженерной части, и онъ долженъ былъ оставить эту службу; онъ обратился къ изученію китайскаго языка, съ цѣлю узнать непосредственно изъ китайскихъ сочиненій китайскія методы изготовленія химическихъ продуктовъ. Но скоро вниманіе Біота остановилось на исторіи учреждений Китая и его государственнаго управленія, столь отличной отъ исторіи другихъ народовъ, и онъ занялся ею съ такимъ рвеніемъ, что непосильнымъ трудомъ немало ускорилъ свою кончину. Многія статьи Біота о разныхъ отдѣльныхъ вопросахъ китайской исторіи помѣщены частью въ журналъ Азіатскаго Общества, частью въ запискахъ парижской Академіи Написей. Нѣкоторыя, на пр. разсужденіе о китайскихъ колоніяхъ, еще не вышли въ свѣтъ, но, говорятъ, не замедлятъ выходомъ. Обширное сочиненіе о публичномъ воспитаніи въ Китаѣ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ трудовъ Біота и останется на-всегда почетнымъ памятникомъ его учености и трудолюбія. Потѣря, понесенная ученымъ свѣтомъ въ лицѣ Біота, тѣмъ важнѣе и чувствительнѣе, что, обладая самыми разнообразными свѣдѣніями, онъ имѣлъ возможность извлекать изъ китайскихъ сочиненій и обрабатывать такіе матеріалы, которые ученому, занимающемуся преимущественно филологіею, показались бы маловажными или вовсе бесполезными.

ВЕЧЕРЬ ВЪ ЦЕРКВИ НЕГРОВЪ-МЕТОДИСТОВЪ, ВЪ ФЛАДЕЛЬФИ. — Въ Соединенныхъ Штатахъ предубѣжденіе противъ Негровъ такъ велико, что даже въ общественномъ богослуженіи Неграмъ не дозволено участвовать

вмѣстѣ съ бѣлыми. Негры Сѣверной Америки имѣютъ свои общины, свои храмы и духовенство одного съ ними племени и цвѣта кожи.

«Разъ, въ воскресенье вечеромъ — пишетъ нѣмецкій путешественникъ изъ Филадельфіи, — одинъ мой пріятель, Американецъ, предложилъ мнѣ сходить въ негритянскую церковь. Я изъяснилъ ему предположеніе, что Негры, быть-можетъ, откажутъ намъ во входѣ въ свой храмъ, такъ-какъ имъ запрещено входить въ храмы бѣлыхъ; но мой пріятель успокоилъ меня и сказалъ, что Негры считаютъ за большую честь, когда бѣлый удостоиваетъ ихъ церковь своимъ посѣщеніемъ. По улицамъ, освѣщеннымъ гасомъ, пришли мы въ довольно-отдаленную часть города и вошли въ церковь. И она, и ведущая въ нее лѣстница, были ослѣпительно-ярко освѣщены гасомъ. Церковь была полна множествомъ молившихся чернокожихъ разныхъ впрочемъ оттѣнковъ, отъ воронаго до желтоватаго. Скамьи, стоявшія посрединѣ церкви, были заняты женщинами, которыя, несмотря на отвратительный цвѣтъ кожи, видимо заботятся о своей наружности, и на этотъ разъ принарядились всѣ самымъ тщательнымъ образомъ. Церковникъ, чернаго-же цвѣта, съ большою вѣжливостью ввелъ насъ и указалъ намъ очень удобное мѣсто. Мой спутникъ сказалъ мнѣ правду. Дѣйствительно Негры, по видимому, считали за большую честь наше посѣщеніе, особенно дамы, постоянно предпочитающія кавалеровъ бѣлыхъ кавалерамъ одинаковаго съ ними цвѣта, весьма интересовались нами въ ту минуту, и когда вошелъ проповѣдникъ или пасторъ, взоры большей части присутствовавшихъ въ церкви были обращены къ намъ, какъ-бы солнцу. Пасторъ былъ одѣтъ весь въ черное; вошедъ на кафедру, онъ прежде всего внимательно обоарѣлъ свою паству, какъ-бы стараясь по числу ея головъ сдѣлать смѣту предстоявшаго на этотъ день сбора. Потомъ, откашлявшись, пасторъ запѣлъ гимнъ, а вся паства ему вторила. Мы не понимали словъ гимна, но, судя по выраженіямъ лицъ слушателей, заключали, что онъ долженъ быть весьма наставителемъ.—По окончаніи пѣнія, на нѣсколько минутъ водворилось между слушателями совершенное молчаніе. Потомъ

пасторъ началъ молитву, тихимъ, гнусливымъ голосомъ; онъ мало-по-малу возвышалъ его, и голосъ становился все громче и торжественнѣе. Эта молитва произвела, повидимому, чрезвычайно-сильное впечатлѣніе на черныхъ; они частью склонили головы, частью совсѣмъ растянулись подъ скамьями, частью стали на колѣни. Большая часть Негровъ повторяла слова молитвы за пасторомъ, одни—голосомъ грубымъ, дикимъ и неприятнымъ, другіе—голосомъ пріятнымъ, сладкимъ и мелодическимъ. Вообще-же, въ это мгновеніе, въ присутствовавшихъ замѣтна была простая, искренняя, безъискусственная набожность. Скоро зрѣлище перемѣнилось: по окончаніи молитвы, пасторъ открылъ книгу и произносилъ изъ нея отдѣльные стихи, которые, за нимъ, повторяла хоромъ вся паства. Это было что-то въ родѣ пѣнія, продолжавшагося довольно-долго и крайне-неблагозвучнаго, такъ не ладили вообще голоса пѣвцовъ! За тѣмъ началась проповѣдь, за которую я не могъ слѣдить внимательно по одному странному обстоятельству: сидѣвшая противъ меня Негритянка, довольно-молодая и одѣтая съ большимъ кокетствомъ, удостоивала меня постоянно своимъ вниманіемъ и старалась такъ усердно бесѣдовать со мною языкомъ глазъ, что совершенно развлекла меня. Когда пасторъ кончилъ проповѣдь, отъ нея обнаружилась послѣдствія, вовсе мною неожиданныя: сначала между слушателями пронесся громкій говоръ, потомъ — отдѣльныя восклицанія, какъ-бы невольныя, далѣе, одна почтенная матрона, вскочивъ съ мѣста, начала импровизованную проповѣдь, до крайности нелѣпую, и если дурно работала языкомъ, за то ея руки и ноги были въ непрерывномъ движеніи. Это послужило знакомъ къ общему безпорядку: казалось, церковь обратилась въ домъ безумныхъ. Мы успѣли выйти. Спутникъ мой сказалъ мнѣ, что то, что видѣлъ я въ этотъ разъ у методистовъ, повторяется у нихъ во время каждаго богослуженія: начнутъ молитвою, потомъ неистовствуютъ и бѣсятся до тѣхъ поръ, пока выбьются изъ силъ; а наконецъ расходятся по домамъ.»

ЭНДЛИХЕРЪ И ИЗДАВАННЫЕ НИМЪ МАТЕРІАЛЫ ВЕНГЕРСКОЙ ИСТОРИИ. — Ученый Эндлихеръ, недавно умершій, соединялъ въ себѣ самыя разнообразныя познанія, рѣдко бывающія удѣломъ одного и того-же человѣка: онъ былъ вмѣстѣ отличнымъ филологомъ, ботаникомъ, врачомъ, историкомъ и, что всего удивительнѣе, синологомъ, т. е. знатокомъ Китайскихъ языка и древностей. При обширной учености, Эндлихеръ не чуждъ былъ недостатковъ; главные изъ нихъ были общіе недостатки характера его соотечественниковъ (Венгровъ): эгоизмъ, гордость и тщеславіе, всѣ порождаемые сознаниемъ своего мнимаго превосходства. Эти-то недостатки характера преждевременно свели въ могилу Эндлихера; между-тѣмъ-какъ онъ во цвѣтѣ лѣтъ безвременно чахъ и умиралъ въ ботаническомъ саду въ Вѣнѣ, въ С. Галленѣ у книгопродавцевъ Сангалія, Шейтлина и Цоликофера вышелъ въ свѣтъ новый ученый трудъ его, подъ заглавіемъ «*Regum Hungaricarum monumenta Agradiana*» — Матеріалы къ исторіи Венгріи въ царствованіе дома Арпадовъ.

Эта книга — собраніе вообще доселѣ мало-извѣстныхъ и неизданныхъ актовъ, грамотъ, лѣтописей и т. п., относящихся къ древнѣйшей исторіи Венгріи. Она представляетъ весьма-много любопытнаго для древнѣйшей исторіи не только самихъ Венгровъ, но и славянскихъ и нѣмецкихъ народовъ, среди которыхъ утвердились Венгры. Для прѣмѣра, изъ числа важныхъ матеріаловъ, изданныхъ Эндлихеромъ, укажемъ на дневникъ секретаря короля Бела IV (1237 г.), содержащій въ себѣ извѣстія о первомъ прибытіи Венгровъ въ среднюю Европу и поселеніи ихъ здѣсь; этотъ актъ извѣстенъ былъ и прежде, но Эндлихеромъ онъ изданъ полнѣе и исправнѣе прежняго.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВЫЙ КРЕСТНЫЙ ХОДЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. — Сѣверная столица наша ознаменовала 4 Іюля этого года духовнымъ торжествомъ — крестнымъ ходомъ, въ память избавленія своего отъ холеры. Такое торжество, по ходатайству Петербургскаго купечества, будетъ совершаться каждый годно въ этотъ день, потому-что, въ 1848 г. 4 Іюля въ Петербургѣ происходило первое соборное молебствіе съ крестнымъ ходомъ въ благодарность Господу Богу за ослабленіе эпидеміи.* Нынѣ крестный ходъ шествовалъ изъ Казанскаго собора по Невскому проспекту, мимо Гостиного двора и Большой Садовой до Свиной площади къ Успенской церкви, а обратно по Большой Садовой, мимо Жельзнаго и Москательнаго ряда, по набережной Екатерининскаго канала, до Казанской площади.

ЖЕНСКАЯ ОБЩИНА ВЪ САМАРѢ устроивается добровольными приношеніями. Нѣкоторые изъ жителей города сдѣлали посильныя пожертвованія для будущей обители; но ихъ слишкомъ-недостаточно для обезпеченія ея существованія. Усердствующіе этому дѣлу могутъ присылать свои приношенія на имя попечителей общины: Протоіерея Халколиванова, Гг. Богородицкаго и Федорова. На имѣющіяся средства будетъ положено, въ этомъ году, основаніе общины сооруженіемъ, на берегу Волги, храма во имя Иверской Божіей Матери.

* Замѣчательно, что въ этотъ день Православная Церковь совершаетъ память Св. Андрея Критскаго, написавшаго умиленный канонъ Спасителю съ припѣвомъ: «Помилуй мя Боже, помилуй мя!»

РУССКІЕ ПОКЛОННИКИ КО СВ. МѢСТАМЪ. — 25-го Іюля изъ Старого Оскола (Курской г.) двадцать человекъ тамошнихъ жителей отправились въ Іерусалимъ для поклоненія Гробу Господню, откуда намѣрены посѣтить Афонскую гору. Передъ отправленіемъ странниковъ въ монастырь отосланъ былъ иконостасъ со всеми принадлежностями для храма, стоящій болѣе 4 т. руб. сер. и сооруженный преимущественно иждивеніемъ купцовъ Коренева и Соломенцова. Отправившіеся болшею частію люди молодые (лѣтъ 25), и только трое изъ нихъ около 50 л. Изъ нихъ девяттеро изъ купческаго сословія, четверо изъ мѣщанъ, шестеро государственные крестьяне и одинъ вольноотпущенный. Многіе изъ нихъ живописцы, и сами писали иконы для посланнаго иконостааса.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВЫЙ ПОДВИГЪ. — 14-го Мая, противъ г. Чистополя (Казанской губ.) потонули двѣ коломенки, шедшія съ желѣзомъ. При этомъ съ одной изъ нихъ сорвало палубу вмѣстѣ съ находившимися на ней судорабочими въ числѣ 19 человекъ, и понесло по водѣ, захлестывая волнами. Свидѣтель этого несчастія, чистопольскій мѣщанинъ Егоръ Уткинъ, вмѣстѣ съ женою своею, кинулся на челнокъ помогать утопающимъ и спасъ ихъ всѣхъ до одного.

ДЕМИДОВСКІЙ ДОМЪ ПРИЗРѢНІЯ ТРУДЯЩИХСЯ, ВЪ 1849 Г. — Онъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ 4 отдѣленій: 1) для призрѣнія трудящихся женщинъ; 2) для воспитанія дѣвицъ; 3) для призрѣнія малолѣтнихъ дѣвицъ и 4) для снабженія бѣдныхъ пищею. — Въ первомъ отдѣленіи призрѣвалось 70 женщинъ, и кромѣ того, 40 получали работу на домъ. Дѣвицъ воспитывалось до 170, а число малолѣтнихъ, призрѣваемыхъ въ Домѣ, составляло 42. Въ шести столовыхъ Дома раздано было, въ продолженіе года, слишкомъ 320 тыс. порцій. — Общее число призрѣваемыхъ простиралось каждодневно до 1,350 чел. Доходы Дома составляли слишкомъ 70 т. р. с., а содержаніе призрѣваемыхъ, со включеніемъ расходовъ по Дому, стоило около 54 т. р. с.

МИНЦЪ КАБИНЕТЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, по числу заключающихся въ немъ предметовъ, занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду подобныхъ собраний при другихъ университетахъ. Въ немъ считается нынѣ 14,352 монеты и медалей. Только одинъ харьковскій университетъ обладаетъ болѣе-обширнымъ кабинетомъ — до 21,869 монеты и медалей, тогда-какъ всѣ остальные далеко менѣе здѣшняго. Такъ въ кабинетъ С.-петербургскаго университета только 2,775 монеты и медалей; въ Московскомъ — 740; въ Кіевскомъ — 10,308, въ Дерптскомъ—5,790, въ Ришельевскомъ лицей въ Одессѣ—1,302. И до такого состоянія Минцъ-кабинетъ Казанскаго университета достигъ въ непродолжительное время.

Основаніе ему положено въ 1819 г. Вскорѣ послѣ того, въ 1822 году, приобретена была отъ Г. Ефимовича очень значительная коллекція древнихъ греческихъ и римскихъ монетъ, рекомендованная извѣстнымъ нумизматомъ Кёлеромъ. Потомъ въ 1827 году поступили монеты, принадлежавшія г. Пото и описанныя знаменитымъ Френомъ, и монеты г. Клауса. Около того-же времени сторговано было у г. Фукса богатѣйшее собраніе монетъ Золотой Орды за 12,000 р. асс., но поступили онѣ не ранѣе 1832 года. Щедротами Государя Императора минцъ-кабинетъ обогатился значительнымъ количествомъ золотыхъ персидскихъ монетъ, на сумму 1,286 р. сер., пожалованныхъ въ 1831 году. Такимъ образомъ Минцъ-кабинетъ въ теченіе 13 лѣтъ своего существованія, увеличился до 10,000 монетъ и медалей, въ числѣ которыхъ, особенно между восточными, были чрезвычайно-замѣчательные экземпляры. Тогда-же перечислены въ Минцъ-кабинетъ изъ библіотеки болѣе 1,500 слѣпковъ съ древнихъ камеевъ (*pietres gravées*), и медалей, поступившихъ въ библіотеку вмѣстѣ съ книгами Князя Г. А. Потемкина-Гаврическаго.

Минцъ-кабинетъ помѣщался прежде въ главномъ корпусѣ университета, въ довольно-небольшой комнатѣ (нынѣ обращенной въ аудиторію), рядомъ съ профессорскою залюю. Въ 1837 году, когда отдѣланъ былъ окончательно корпусъ библіотеки, одна изъ его комнатъ предназначена

10
для помѣщенія минць-кабинета. Со времени пережѣщенія кабинета въ эту комнату, онъ постоянно обогащался различными пріобрѣтеніями, если не столь обширными по числу монетъ, какъ первыя покупки, за то очень цѣнными по значенію и качеству. Такъ въ 1843 году поступило въ него значительное количество монетъ, между которыми особеннаго вниманія заслуживаютъ азіатскія, принесенныя въ даръ отъ Штаба Корпуса Горныхъ Инженеровъ. Въ послѣднее время еще пріобрѣтена покупкою коллекція монетъ и медалей европейскихъ отъ г. Аристова и выписаны изъ Берлина 3,607 бѣлыхъ гипсовыхъ слѣпковъ съ камеями и медалями.

Число всѣхъ предметовъ, заключающихся нынѣ въ Кабинетъ, слѣдующее: 1) монетъ и медалей 14,352 (440 золотыхъ, серебряныхъ 7,537, платиновыхъ 3, мѣдныхъ 5,654, бронзовыхъ и композиціонныхъ 718) на сумму до 13,393 р. сер.; 2) слѣпковъ гипсовыхъ и красной композиціи 5,157, на сумму 512 р. сер. Кроме того въ Кабинетъ хранятся мѣдныя доски съ вырѣзанными на нихъ изображеніями замѣчательнѣйшихъ монетъ изъ собранія Фукса*, и различныя другіе предметы, имѣющіе отношеніе къ нумизматикѣ.

ДАУРСКАЯ ВЕСНА. — Г. Зензиновъ изъ Нерчинска сообщаетъ о ней слѣдующее: «Необыкновенно глубокіе снѣга, выпавшіе въ Февралѣ и въ Мартѣ, произвели здѣсь жестокій уронъ въ стадахъ, какой едва-ли кто запомнить. Многие стадоводы лишились почти всего скота, иные на половину, а нѣкоторые на треть, даже хозяева, имѣющіе 20 и 30 головъ разнаго скота, потерпѣли притомъ болѣе или менѣе. Въ Нерчинскѣ возъ сѣна доходилъ до 8 р. сер., а пудъ до 40 к. с., да и того взять было негдѣ. Кое-кто пропитывалъ скотину тальниковыми прутьями; скормлена была старая солома, служившая крышею въ сараяхъ скотскихъ. Возъ соломы продавался 1½ р. с. Словомъ, бѣдствие было невѣроятное. Дома и горы занесло глубокимъ снѣ-

* Доски эти служили для оттисковъ монетъ при сочиненіи Френа: „Монеты Хановъ улуса Чучіева.“

гомь; скота не было возможности пустить на волю, а дома кормить было нечѣмъ. Кто отдавалъ кормить на зиму коровъ въ окрестныя селенія, тому привозили коровъ обратно на санихъ; овецъ привозили со степи подъ войлоками во дворъ ихъ хозяевъ. Буряты и Тунгусы съ береговъ Онона, укочевавшіе съ осени къ степямъ Аргуна, воротились многіе безъ стадъ съ однѣми юртами; все погибло въ приграничныхъ степяхъ. Около рудника Клиньки, одинъ домохозяинъ изъ 2,000 овецъ едва сберегъ 200. Многіе богачи стадами обѣдняли. Таковы бѣдствія, постигшія Нерчинскій край въ нынѣшнюю весну.»

СТАТИСТИКА ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.—Въ 1847 г. тамъ считалось: лошадей болѣе 150 т., рогатаго скота слишкомъ 1 милл. головъ, свиней болѣе 800 т.; сверхъ того въ земледѣльческихъ работахъ было употребляемо: лошадей слишкомъ 350 т. и воловъ болѣе 450 т.; овецъ (мериносовъ, метисовъ и простыхъ) до 3,200,000 головъ.

НОВЫЙ ГОРЮЧІЙ МАТЕРІАЛЪ ВЪ РОССИИ. — Съ мѣсяцъ тому, Сѣверная Пчела извѣстила публику объ этомъ открытіи. Теперь въ газетѣ «Посредникъ» помѣщено довольно-подробное извѣстіе объ немъ, которое мы и передаемъ нашимъ читателямъ. — Новое топливо найдено нынѣшнимъ лѣтомъ, въ Эстляндской губ., между станціями Ранна-Пунгернъ и Клейнъ-Пунгернъ. Въ этомъ мѣстѣ, между слоями силурійской формаціи, открытъ пластъ очень-замѣчательнаго вещества. Оно свѣтлобураго цвѣта, тонкослоистое, легкое и ломается руками. Если его разбивать по направленію слоевъ, то выскакиваетъ изъ него множество остатковъ разныхъ животныхъ, коралловъ, раковинъ и трилобитовъ (изъ раковъ); сверхъ того, при приближеніи этого вещества къ огню, оно загорается и горитъ свѣтлымъ пламенемъ съ отдѣленіемъ значительнаго количества сажи. Профессоръ Дерптскаго университета Петцольдъ, разлагавшій это вещество, нашелъ во 100 частяхъ его 65,5 частей органическихъ веществъ, 13,6 ч. кремне-

зема и кремнекислыхъ соединеній, 2,3 желѣзной окиси и глинозема, 17,0 ч. углекислой извести, 0,2 ч. углекислой магнезии и 1,2 ч. воды. Зола получается при сгараніи этого вещества около 33%. — При сухой перегонкѣ изъ одного фунта этого вещества получается $1\frac{1}{2}$ куб. фута свѣтлѣнаго гаса съ соотвѣтственнымъ количествомъ смолы, между-тѣмъ-какъ изъ одного фунта хорошаго каменнаго угля, при обыкновенномъ способѣ обработки, получается 7 куб. футовъ гаса. Относительно къ жару 4 фунта этого вещества доставляютъ дѣйствіе, равное дѣйствию 3 фун. каменнаго угля, а въ сравненіи съ березовымъ углемъ 3 фун. послѣдняго производятъ жаръ, равный жару отъ 2 фунт. новооткрытаго вещества. Слѣд. какъ топливо, оно на $\frac{1}{2}$ хуже каменнаго угля и на $\frac{1}{3}$ лучше березоваго. — Хотя это вещество, касательно добыванія изъ него свѣтлѣнаго гаса, значительно уступаетъ каменному углю, однако за то можетъ быть употреблено вмѣсто дровъ на топливо. Сверхъ того его надобно сжигать на рѣшеткѣ, чтобы остающаяся зола не мѣшала его сгаранію, а потому оно можетъ быть употребляемо на винокуренныхъ заводахъ и въ ригахъ. Остающаяся зола можетъ употребляться съ пользою, какъ хорошее удобреніе. — До сихъ поръ распространеніе пласта этого вещества въ точности не опредѣлено, но должно полагать, что онъ простирается на всю Эстляндію, и тогда, очевидно, можетъ доставить краю огромную пользу. Означенныя станціи находятся между Дерптомъ и Нарвою. Ранна-Пунгернъ лежитъ на берегу Чудскаго озера, въ 239 верст. отъ Петербурга. — Новое вещество предполагаютъ назвать *пунгернитомъ*, по имени станцій, гдѣ оно найдено.

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ХРОНИКА.

II.

Ударъ молніи въ селѣ Измайловѣ. — Народное гулянье ^{на} Дѣвичьемъ-полѣ; прочія народныя гулянья. — Петровскій-паркъ и г. Виоль. — Маскарады 22-го Августа. — Маскарады Купеческаго-собранія.

...Въ то время, когда, въ прошлый разъ, я жалѣлъ, что не могу начать моей хроники съ *огненнаго явленія дѣвицы Флоры*, вѣрнѣе—въ тотъ-же день, т. е. 20-го Юля, верстахъ въ пяти отъ города, въ селѣ Измайловѣ, было непредвидимое огненное явленіе. Всего лучше пусть рассказываетъ о немъ К. Ф. Румье, наблюдавшій его результаты на мѣстѣ и по горячему слѣду:

«Какъ большая часть народныхъ повѣрій—говоритъ онъ—основана на дѣйствительныхъ явленіяхъ, такъ и повѣрье о дождѣ и грозѣ, бывающихъ обыкновенно въ Ильинъ день, 20-го Юля, указываетъ на дѣйствительно-существующее явленіе въ періодической метеорологіи нашихъ мѣстностей. Рѣдко пройдетъ Ильинъ день безъ грозы, не обошелся онъ безъ нея и въ нынѣшнемъ году, и сверхъ того обозначился столь-замѣчательнымъ явленіемъ, что нельзя не остановиться на немъ.

«Вечеромъ въ одиннадцать часовъ, въ селѣ Измайловѣ, на бумагопрядильнѣ г. подполковника Мертваго, управ-

ляющей фабрикой вдругъ замѣтилъ почти-сливное пламя, обнявшее весь нижній этажъ 28-аршиннаго корпуса. Созвавъ на-скоро на помощь, и открывъ двери фабрики, на которой, къ счастью, по случаю праздника, не работали, онъ увидѣлъ весь потолокъ тлѣющимъ и сильно дымящимся безъ пламени, которое уже исчезло.

«Осмотрѣвъ подробно мѣсто пожара, узнали и наиболее-вѣроятный путь прохожденія молніи. Известно, что 20-го числа шелъ незначительный дождь и только изрѣдка показывалась молнія и слышался громъ. На этотъ разъ, въ минуту начала пожара, не замѣтили близкаго удара грома, ни прежде, ни послѣ молніи; это была, по народному выраженію, *сухая* молнія, какъ обыкновенно бываетъ она, когда разряжается между облакомъ и землею: въ этомъ случаѣ, по крайней-мѣрѣ, весьма-рѣдки перекаты грома. Ударила или вошла молнія съ восточной стороны въ форточку третьяго этажа, (которая, неизвѣстно, была-ли открыта или нѣтъ, но впрочемъ не повреждена); отсюда молнія отклонилась отъ отвѣсной линіи къ югу, прошла сквозь узкую щель, которую обожгла и нѣсколько расширила, особенно въ центральной части, во второй этажъ, сквозь пустое пространство вершковъ въ 10 глубины, находящееся между поломъ третьяго и потолкомъ втораго этажа. Далѣе, все въ томъ-же направленіи, молнія прожгла полъ втораго этажа и обожгла вокругъ себя около сажени пространства: здѣсь ея разрушительное дѣйствіе ужъ замѣтнѣе. Но въ особенности остались слѣды ея прохожденія во всемъ нижнемъ этажѣ. Весь потолокъ, какъ ужъ замѣчено, обугленъ снаружи, приблизительно—на вершокъ. Полъ весь также обожженъ вдоль стоящихъ тутъ машинъ, деревянныя части конхъ обуглены вдоль металлическихъ, лампы, собранныя на сѣверномъ концѣ нижняго этажа (около 130) все распаяны; посеребренныя, отражательныя ихъ зеркала сожжены. Початки (бумажная пряжа, намотанная на веретена) обуглена снаружи; настилки (бумажные листы, подготовленные для чесальныхъ машинъ) также обож-

жепы, какъ и ремни машинъ. Всѣ машины и притомъ во всемъ нижнемъ этажѣ покрылись копотью, а мѣстами даже ржавчиной. Жаръ, стоявшій въ нижнемъ этажѣ, былъ такъ силенъ, что почти всѣ стекла перетрескались, мѣстами края ихъ сплавились и подались вовнутрь, какъ будто вдавленные стремительно-втъснѣвшимся наружнымъ воздухомъ, втекавшимъ къ почти-мгновенно родившемуся пламени, на значительномъ пространствѣ. Наконецъ, что особенно замѣчательно, въ той-же лампочной распаянъ жестяной чашъ, вмѣщавшій нѣсколько пудовъ масла, которое розлито, но не зажжено. Вышла молнія изъ нижняго этажа, также въ два окошка съ запада, стремительнымъ пламенемъ.

«По счастью, повторяемъ, день былъ праздничный и народа, поэтому, на фабрику не было.

«Въ этомъ ударѣ молніи есть обстоятельства замѣчательныя, хотя не новыя:

«1-е) Разрушительное дѣйствіе увеличивалось съ теряшеюся скоростью: въ двухъ верхнихъ этажахъ дѣйствіе почти ничтожно, потому-что скорость молніи была слишкомъ велика, по-крайней-мѣрѣ она не разливалась на значительное пространство. Во второмъ, однакожъ, дѣйствіе примѣтнѣе, нежели въ третьемъ, а особенно разлилась она въ нижнемъ, гдѣ отъ отвѣса своего прошла, какъ на сѣверный, такъ и на южный концы строения.

«2-е) Поэтому всего ближе полагать, что молнія шла сверху внизъ, а не отъ земли къ облакамъ и не возвратнымъ ударомъ.

«3-е) Молнія шла, очевидно, по хорошимъ проводникамъ, по металламъ: желѣзу и чугуну; вотъ почему полъ обожженъ, какъ уже сказано, только въ самомъ близкомъ разстояніи отъ металлическихъ частей машины, и въ томъ-же направленіи обожжены и деревяшныя ихъ части. По этому-же, кажется, и потолокъ, вдоль котораго идетъ желѣзный валъ, приводящій въ движеніе всю фабрику, обожженъ сильно, а полъ только мѣстами.

«4-е. Последнему явленію есть, кажется, и другая еще причина — различная способность масла и дерева проводить электричество и его изумительная скорость прохождения.

«Не странно-ли, на первый взгляд, что и дерево, и даже хлопок обожжены, и металлическая лигатура, употребляемая для спайки лампъ, и стекло мѣстами расплавлено или покороблено, и пламя обнимало весь нижній этажъ, а между-тѣмъ масло, одинъ изъ самыхъ горючихъ матеріаловъ, не воспламенилось? Даже полъ, сильно пропитанный масломъ, прожженъ гораздо-менше потолка, почти не-жасяго.»

Вы, вѣроятно, знаете, что Измайлово лежитъ за Преображенской заставой, версты полторы въ сторону отъ села Черкизева и вправо отъ бывшей Шуйской дороги, называемой Страмьинкой по селу Страмьини, отстоящему отъ Москвы вѣрсть на 60, и можетъ-быть въ честь явленной иконы Богоматери, находящейся въ церкви этого села, и къ которой сходятся молиться издавече.... Если вамъ случится быть въ Измайловѣ, васъ непременно поразитъ это сближеніе: на томъ самомъ полѣ, гдѣ отрокъ, въ которомъ росъ будущій преобразователь своего народа, *тышился* военными играми съ своими сподвижниками, обратившимися впоследствии въ потѣшные полки, и сѣлъ въ ихъ лицъ первая зерна настоящей русской военной силы, возвышается теперь живой памятникъ дѣлу Великаго, пріютъ для престарѣлыхъ и удрученныхъ болѣзнями воиновъ, воздвигнутый Ираправнукомъ.... Полтора вѣка разстоянія между этими двумя событіями, но какъ связываются онѣ мыслью обо всемъ, пройденномъ Россією въ это время, и какъ оживляется воспоминаніе о Петрѣ и признательность къ нему сознаниемъ о томъ, что нынѣ Россія!....

.... 28 Іюля въ день Св. Прохора и Ипканора было, какъ и всякій годъ, гулянье на Дѣвичьемъ-полѣ; прежде, и не такъ давно еще, это гулянье ни въ чемъ не отличалось отъ Повинскаго и другихъ подобныхъ: танулись рады

экипажей, были и прочія принадлежности, и та-же публика; теперь это гулянье народное.... Имѣете-ли вы понятіе о московскихъ народныхъ гуляньяхъ? Если нѣтъ, припомните любое описаніе ярмарки въ большомъ селѣ или посадѣ: общихъ чертъ очень много. Во-первыхъ и здѣсь и тамъ царство орѣховъ: орѣхи вездѣ, орѣхи на лоткахъ, орѣхи подѣ палатками, орѣхи во всѣхъ рукахъ и ртахъ, орѣхи подѣ ногами въ видѣ скорлупы.... Откуда достаютъ ихъ на этѣ тысячи тысячъ, шелкающихъ и забавляющихся орѣхами? Вторая черта—холщевой колоколь, подѣ который сходятся истые любители *русскаго гулянія*: «Руси-бо есть веселіе пити»; третья черта палатки съ незатѣйливыми произведеніями отечественной промышленности, преимущественно краснымъ товаромъ и пріличнымъ. Массу посѣтителей московскихъ народныхъ гуляній, сверхъ общихъ имѣ паравнѣ съ сельскими, составляетъ неопредѣленная смѣсь небогатаго купечества и мелкаго чиновничества. Къ прочимъ общимъ и уже исчисленнымъ принадлежностямъ надобно прибавить: поднимающіяся за-ночь качели, двѣ или три импровизованныя арены для паяца и кукольной комедіи, и иногда особую палатку—ресторантъ, для прохлажденія и отдохновенія тѣхъ, «которые починце.» Вотъ, въ немногихъ словахъ, характеристика всѣхъ московскихъ народныхъ гуляній. Не для чего говорить, что онѣ, по временамъ, довольно оживлены, и что каждый изъ посѣтителей находитъ на нихъ то, чего ищетъ.

Въ томъ видѣ, какъ оно нынѣ, гулянье 28 Іюля начинается часа съ третьяго по-полудни, послѣ крестнаго хода изъ Кремля; оно занимаетъ весьма малую часть Девичьего поля и только примыкающую къ монастырю: тутъ-то красуются и бѣлый колоколь, и палатки съ пріанниками, орѣхами, баранками и черносливомъ, и палатки съ палцомъ и куклами, и качели, стоятъ возы съ бобами, теляги, дрожки и гдѣ гдѣ коляска и даже карета,—кричатъ разношники. Подѣ колоколомъ толкотня и звонкій гомонъ; вокругъ лотковъ мальчишки ломаютъ пріанки; красныя рубахи, синіе калаты

и яркоцвѣтные сарафаны и передники ходятъ попарно, а гдѣ шеренгами : это почти все фабричныя.... Вотъ, смотрите, хороводъ, а вотъ, слышите-ли, пѣсня.... Поодадь съ полсотни трубочистовъ, во всей чернотѣ своего полного вооруженія, подвигаются двумя длинными шеренгами и то-же поютъ : впереди идетъ одинъ трубочистъ, дѣлая какія-то эволюціи метлой.... Этой процессіи не увидите вы ни на одномъ другомъ гуляньи. Передъ паяцомъ и куклами толпа зъвакъ.

— Видѣлъ ? — спрашиваетъ синій-халатъ, выходя съ товарищемъ изъ балагана.

— Видѣлъ — отвѣчаетъ товарищъ, тоже халатъ.

— Ишь оно что !... съѣлъ....

— Съѣлъ. — Халатъ чешетъ въ затылкъ, затрудняясь, какимъ образомъ объяснить себѣ, что фокусникъ съѣлъ зажженныя хлопки.

— Нѣмцы, братъ ! — замѣчаетъ товарищъ, въ отвѣтъ на размышленіе перваго халата.

— Ишь !...

— А шарикъ-отъ видѣлъ ?

— Видѣлъ.

— Какъ есть въ глазъ, да и ну....

Тотъ, къ кому обращенъ вопросъ, махнувъ рукой, говоритъ :

— Чудно и есть !... Пойдемъ-ка, братъ Митюха, вонъ въ эту.

— Али разохотился?... Ну ихъ.... всѣхъ не переглядишь!

Они, прихвативъ по дорогѣ ореховъ, проходятъ по направленію къ колоколу: не мудрено, что оттуда они выберутся не скоро....

Вотъ качели !... Все, что качается, грызетъ орѣхи и поетъ : три удовольствія за разъ. Здѣсь большею частію только молодежь, которая и веселится отъ души; между пѣснями сыплются прибаутки, восклицанія, а иногда вдругъ изъ подыавшагося къверху качельнаго ящика слышно :

— Ай ... ай!

Это значить, что молодецъ, желая пошутить съ молодой, которая сидитъ съ нимъ, открылъ дверцы ящика. Въ отвѣтъ на ея испугъ, онъ во все горло заливается смѣхомъ или говоритъ :

— Дура ты деревенская!....

Ящикъ опускается и опять поднимается, и опять пѣсня, и смѣхъ, и орѣхи.

А вотъ, посмотрите, какая-то дѣвочка въ платочкѣ, не то мѣщанская, не то крестьянская, не то дворовая. Глазенки у ней разбѣгаются во всѣ стороны: все, что ни видитъ она, такъ хорошо, такъ весело, такъ заманчиво, такъ рѣдко для нея, что не знаетъ она, на чемъ остановить свое вниманіе. Но пушая бѣда та, что мать дала ей на гулянье гривенникъ: куда дѣвать его? Пряниковъ-ли купить, въ комедию-ли сходить, или лучше взять крыжовнику? Только она было-подошла къ крыжовнику, прямо въ уши ей барабанъ и гудокъ!.... Что тутъ дѣлать? А палецъ вышелъ на подмостки, да сталъ такія штуки говорить, что хоть кому захочется посмотреть, какъ тамъ все дѣлается у него въ палаткѣ.... Дѣвочка стоитъ передъ палаткой, а сзади ея, опять-таки надъ самымъ ухомъ:

— Крыжовникъ — слива — изстоящая!.... Купите, барышня, крыжовнику!

И дѣвочка начинаетъ разматывать свернутый платокъ, гдѣ въ уголокъ завязанъ гривенникъ....

Вотъ двѣ горничныхъ и съ ними лакей, изъ хорошо-воспитанныхъ и особенно-любезныхъ. Горничныя въ шляпкахъ и пальцахъ, лакей въ пальто, завить и съ тросточкой, которой, впрочемъ, онъ плохо владѣетъ. Спросите вы у горничныхъ, отчего онъ не грызутъ орѣховъ:

— Какъ это можно! Что это за деренщина такая! Что вы объ насъ ужъ очень дурно располагаете? — скажутъ онъ на это, а ихъ спутникъ презрительно по-

жметъ плечами. Онъ ведетъ ихъ къ особенной палаткѣ, гдѣ можно получить за умѣренную цѣну и по прейсъ-куранту чай, кофе, и разные прохладительные напитки, а также и кушанья. Пойдемте за ними. Въ палаткѣ, за прилавкомъ, загроможденнымъ бутылками, рюмками, кусочками колбасы, рѣдьки, огурцовъ, хлѣба и крендельковъ, стоитъ, не то въ пальто, не то въ сертукѣ, кто-то такой съ подвязанной щекой; въ сторонѣ на стулѣ сидитъ, призадумавшись, господинъ въ усахъ и бравой наружности: онъ или ждетъ кого-нибудь, или не нашелъ на гуляньи то, за чѣмъ пришелъ.... Вотъ взглянули въ палатку цыганки: задумчивый господинъ съ видомъ покровительства отвѣчаетъ на ихъ привѣтствіе; старуха-цыганка называетъ его по имени и отчеству, но почему-то не рѣшается просить его, чтобы онъ наполнилъ ихъ чаемъ....

— Нѣтъ-ли трубочки? — говоритъ онъ слугѣ....

— Деньги пожалуйста-съ: мы не держимъ.... Взять надо у сигарочника-съ.

— Дуракъ! — возражаетъ господинъ гнѣвно, встаетъ и уходитъ.

За холщевой перегородкой той-же палатки слываются звуки нѣсколькихъ, весьма нестройныхъ голосовъ, иногда покрываемые смѣхомъ.

— Миша, а Миша, да ты его....

— Эки вы черти....

— Василий Егорычъ, бросьте....

— Вотъ я тебѣ!

— Эхъ, господа!

— Да ну, цѣлуй что-ли!....

Слыдуется звонъ падающаго стекла: подвязанная щека бросается къ холщевой занавѣси, но ее снизу придерживаетъ что-то или кто-то.

— Позвольте, господа! — говоритъ щека....

— Ну-те — отвѣчаютъ изъ-за перегородки.

Щека становится на мѣсто за своимъ брустверомъ.

Это та палатка-ресторанъ, которой не бываетъ на сельскихъ ярмаркахъ и которая на народныхъ гуляньяхъ назначается для тѣхъ, «которые почище.»

Толпа валитъ къ монастырской оградѣ. Идемте за толпой. Мы входимъ въ ворота. Тутъ на половину дѣйствующія лица уже не тѣ: на женщинахъ шляпки, бурнусы и мантильи, на мужчинахъ—пальто, сертуки и фраки. Но цвѣта тоже все яркіе. Женщины почти все купчихи; между мужчинъ купцовъ не много, потому-что все ужь тронулись къ-Макарію. Шума и пѣсень перваго плана здѣсь нѣтъ: здѣсь ходятъ чинно и плавно, или сидятъ межъ могильныхъ камней, прохладясь мороженымъ.... Вотъ цѣлуются двѣ встрѣтившіяся семьи; съ одной стороны семь человекъ, съ другой — девять; все это женщины: каждой нужно непременно поцѣловать всѣхъ; поцѣловавшись, тѣ, на которыхъ оказывается что-нибудь особенно-пріятное въ нарядѣ, обглядываются поочередно и каждую изъ любопытныхъ, для чего отходятъ отъ осматривающей на нѣсколько шаговъ, становятся къ ней лицомъ, потомъ однимъ бокомъ, потомъ задомъ, потомъ другимъ бокомъ.... Въ этомъ занятіи можно скоротать нѣсколько часовъ времени.... Разнощики здѣсь только городскіе: съ апельсинами, лимонами, всякаго рода фруктами и мороженымъ ...

Ръчи здѣсь не тѣ, такъ-же какъ и не та публика. Вотъ, напр., два молодыхъ человека, замѣчательной наружности; они одѣты франтовски, съ явнымъ притязаніемъ обратить на себя вниманіе гуляющихъ и въ особенности дамъ; на обоихъ пальто съ несчетнымъ числомъ кармановъ, и изъ боковаго торчитъ у каждаго яркаго цвѣта Фулрѣ, — галстухи повязаны съ немовѣрнымъ искусствомъ, хоть и чрезвычайно-мудрено какъ-то, шляпы надѣты нѣсколько на ухо, волосы завиты такъ, что ихъ можно принять за мраморные, набалдашники тростей съ эмблемами, жилеты застегнуты только на предпоследнюю пуговицу, на цѣпочкѣ часовъ болтается семью семь приличныхъ и столько-же неприличныхъ бездѣлушекъ, сапоги похожи на лыжи. Они, повидимому, чрезвычайно-довольны

ансамблемъ своего туалета и персоны, отважно размахиваютъ тростями и, проходя мимо дамъ, бросаютъ имъ убійственные взгляды.

— Такъ что-жь ты думаешь? — говоритъ одинъ — ударить? а?

— Какъ знаешь — отвѣчаетъ другой.

— Нѣтъ, ты скажи....

— Это все зависитъ отъ точки зрѣнія....

— До страсти, мон-шеръ, люблю купчихъ....

— Отъ обстоятельствъ....

— Есть на что посмотреть.... Не то что какая-нибудь фитюлька.

— Конечно, было-бы чѣмъ....

— Ну такъ какъ-же....

— Смотри, смотри....

Молодые люди пускаются по слѣдамъ лилового, шумящаго платья....

Пройдя поперекъ монастырскій дворъ, вы выходите въ другія ворота. Противъ васъ, нѣсколько влѣво, Воробьевы-горы. Изъ воротъ нѣкоторые поворачиваютъ направо до угла стѣны и огибаютъ его: мы пойдемъ такъ-же. Обогнувъ уголъ, надо пробираться узкой тропинкой между прудами и довольно-крутою отлогостью, на которой стоитъ монастырская ограда. Вся отлогость, поросшая зеленью, на время гулянья, покрыта сплошною массою дымящихся самоваровъ, чашекъ, лицъ мужскихъ и женскихъ, платьевъ разныхъ цвѣтовъ и видовъ: здѣсь все пьетъ чай. По-лѣвую руку отъ тропинки, за прудами, лугъ, поля, и вдали, подъ небокрасемъ, рощи, словомъ—въ полномъ смыслѣ прекрасная, сельская картина.... Мы дошли до другаго угла и поднимаемся по лѣстницѣ.... На встрѣчу намъ доносятся опять всѣ звуки гулянья: гомонъ, крикъ, барабанъ, гудокъ, пѣсня... Такъ длится до сумерекъ: тогда все, по-немногу, начинаетъ стихать, всѣ по немногу расходятся, разъѣзжаются, унося съ собою кто тяжелую голову, кто гостинецъ, кто

иногда сииакъ отъ молодецкой шутки съ пріателемъ , но всякій — воспоминаніе....

.... Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ народныхъ гуляній было 7: 1-го числа у Симонова монастыря и на Трубной площади, 8-го у Новоспасскаго монастыря, 15-го и 16-го у Андроньева, 19-го у Донскаго, 26-го, у Сухаревой башни, 29-го у Ивановскаго монастыря, съ извѣстною шерстяною бабьею ярмаркою. Самое людное подъ Симоновымъ.

.... 1-го и 6-го числа въ воксалѣ Петровскаго - парка дали два послѣднія представленія свои гг. Лудовикъ Виоль съ К°. Виоль замѣчательный клоунъ и гимнастикъ: онъ показывалъ такіа вещи, какихъ мы и не видали здѣсь прежде; ученики и товарищи его то-же мастера своего дѣла. Чего всѣ они не дѣлаютъ изъ своихъ рукъ, ногъ, головы? Какъ они не кувыркаются, не прыгаютъ! Простые смертные спотыкаются на гладкомъ и ровномъ полу, а эти господа, стоя на шарѣ, лѣзутъ въ гору, и никакой путь не скользкокъ для нихъ, такъ-же какъ нѣтъ для нихъ препятствій!.... Нельзя не замѣтить, что во всѣхъ штукахъ этой труппы очень-мало балаганнаго, иногда даже есть и своего рода грація; о ловкости говорить нечего: *ея всѣмъ имъ нужно больше, нежели силы. Виоль прекрасно распоряжается фейерверками, изверженіями Везувія и другими огненными картинами. Эти представленія, продолжавшіяся почти все лѣто, оживили гулянья Петровскаго-парка, которыя, впрочемъ, какъ уже и было замѣчено въ прошлый разъ, посѣщаемы едва-ли не больше всѣхъ другихъ загородныхъ гуляній.... Правду сказать, и есть за что: кромѣ простаго и удобнаго средства къ перемѣщенію при помощи городскихъ лицеекъ, отправляющихся изъ города въ паркъ и обратно въ дни гуляній съ утра и до поздней ночи, гулянье въ Петровскомъ соединяетъ въ себѣ всѣ удобства и должно-бы, кажется, удовлетворять всѣмъ потребностямъ, всякому вкусу. А все-таки оно въ сущности далеко не многолюдно. Чего тутъ нѣтъ? Удивительная мѣстность, прекрасный и огром-

ный паркъ, воксалъ съ постоянно-хорошею музыкой, отделение воксала и трактиръ для посѣтителей особенныхъ разрядовъ.... Какое сравненіе московскихъ загородныхъ гуляній съ петербургскими! Въ Петербургъ, вслѣдъ за иностранцами, которые, если есть только свободная минута, ни за что не засидаются въ городъ, все бѣжитъ за заставу, на дачи, на острова: это не стыдно перенять у нихъ.... Не всякій изъ моихъ читателей знаетъ, что Петровский дворецъ построенъ въ 1776 г. по указу Великой Екатерины, на землѣ, принадлежавшей Петровскому монастырю, отчего и получилъ онъ свое названіе. Съ того времени и понынѣ онъ служилъ *путевымъ*, подъѣзднымъ дворцомъ Императорской Фамиліи, которая нередко останавливалась здѣсь передъ въездомъ въ Москву, особенно во время коронацій... Въ этомъ дворцѣ жилъ и Наполеонъ въ достопамятную годину, и изъ его окна самонадѣянно поглядывалъ на сѣверъ, какъ некогда изъ Sans-Souci; но не судилъ русскій Богъ исполниться этому замыслу на ряду съ прежними, и Петровский дворецъ сдѣлался пограничнымъ камнемъ завоеваній и камнемъ преткновенія славы челоуѣка, который уже начиналъ вѣрить, что побѣда беззавѣтно и на всегда отдалась ему: отсюда былъ его первый шагъ назадъ....

....22-го числа, иллюминація и гулянье въ Александровскомъ саду и по улицамъ, прилежащимъ къ Кремлю, по случаю дождя были неудачны. Въ тотъ-же день былъ въ Большомъ-театрѣ, маскарадъ съ лоттереей-аллегри и «извѣстнымъ хоромъ цыганъ Григорья Соколова»

Если въ маскарадѣ 22-го Августа вы не выиграли какой-нибудь хорошенькой вещички, выните свою звѣзду или интересную маску, которая заняла васъ до того, что не дала вамъ возможности подойти во-время къ одному изъ колесъ Фортуны. Одинъ господинъ, взявъ два билета, получилъ прекрасный серебряный сервизъ и карманные часы: эготъ точно не ходилъ съ масками. За то его товарищъ былъ гораздо несчастнѣе. И онъ съ досады обратился къ грѣшему лицу:

— Что за несчастье!

— Счастье глюкъ, несчастье — унглякъ! — замѣтила маска, которая держала подъ-руку третье лицо.

— Ахъ, слышала ты, что случилось разъ въ Италиі?

— Мало-ли что бывало въ Италиі.

— Нѣтъ, пресмѣшная штука. Собирались давать *Gazza Ladra*, Сороку-воровку. Одинъ старикашка, маркизь Джіованни Ричитини, который покровительствовалъ главною актрисъ, и собралъ наканунѣ сорокъ сороковъ хлоपालщиковъ....

— Что-жъ изъ этого? — спросилъ собесѣдникъ.

— Такъ ты не понялъ?

— Гдѣ-жъ это случилось?

— Тебѣ все скажи! Въ *La-Scala*, въ Пармѣ....

— Ахъ это гдѣ дѣлаютъ пармезанъ — подхватила маска.

— Разумѣется — отвѣчалъ разскащикъ.

Но ихъ не переслушаешь: они пожалуй заговорятся, одному, кажется, хочется избавиться отъ своей маски, другому — заглушить чувство своего несчастія въ лоттерей.

Маскарадъ 22-го Августа первый предвѣстникъ осени.... Ласточки (деревенскія ласточки — городскихъ нынче нѣтъ;) и стрижи улетѣли, дожди начались; скоро, смотришь, осыплются и листья! Это значить: запасайтесь теплыми пальто и мантильями, полно вздуть за городъ. Еще немного, и мы затопимъ каминны, будемъ обѣдать при свѣчахъ и додѣлывать кейфъ не на балконѣ или террасѣ, а въ театрѣ.... Кстати о театрѣ: носится слухъ, что въ бенефисъ П. М. Садовскаго должна идти Шекспирова комедія «*Taming of a shrew*», въ прекрасномъ переводѣ; (не знаю, какъ для васъ перевести это заглавіе и какъ оно будетъ въ новомъ переводѣ. У г. Кетчера комедія называется *Укрощеніе строптивой*, что и не совсѣмъ вѣрно и не хорошо); этотъ слухъ долженъ преисполнить любителей искусства сладчайшихъ надеждъ въ будущемъ театральномъ сезонѣ. Поговариваютъ также о другой пьесѣ Шекспира *Measure for measure*, Мѣра

за мзру. Остается желать, чтобъ эти слухи сбылись: будетъ тогда о чемъ поговорить.... Ждутъ и Фанни Эльслеръ; такимъ образомъ осень, самое непріятное время года въ нашей полосѣ, пролетитъ незамѣтно, и мы не увидимъ, какъ пожалуетъ къ намъ вѣчно-юная красавица наша зима. Шекспиръ — для однихъ, Фанни Эльслеръ — для другихъ, для третьихъ, пожалуй, и тотъ и другой: какихъ еще щитовъ отъ скуки и отводовъ отъ вѣчнаго разговора о «погодѣ и неносномъ климатѣ»?

....Я забылъ упомянуть о маскарадахъ Купческаго-собранія: они бывають по четвергамъ и вообще не людны. Лѣтомъ это не диво: кое-кого все-таки нѣтъ въ Москвѣ, кое-кто живетъ на дачѣ, кое-кто предпочитаетъ провести время за городомъ. Зимой другое дѣло: какъ не оцѣнить прекрасное помещеніе, хорошую музыку и очень-изрядный столъ? А между-тѣмъ московская публика вообще не жалуется этихъ маскарадовъ, такъ-же какъ и всѣхъ другихъ: отчего это? Цѣна-ли за входъ кажется дорога, или вообще всѣ эти публичныя удовольствія не въ духъ русскаго человека, или не сложились мы еще для этой публичной жизни?... Но подробности объ этомъ когда-нибудь послѣ....

Н. Н—въ.

Августа 30-го.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

А. НЕАНДЕРЪ.

Одинъ изъ слушателей недавно умершаго берлинскаго профессора Неандера сообщаетъ въ газетѣ: Deutsche Zeitschrift für christliche Wissenschaft und christliches Leben извѣстіе о послѣднихъ минутахъ покойнаго. Признаки болѣзни обнаружались у него на лекціяхъ: не разъ во время чтенія голосъ его прерывался. Впрочемъ любознательный духъ не переставалъ бороться съ слабостью тѣла, и Неандеръ не смотря на болѣзнь, не хотѣлъ отказаться отъ обыкновенія заниматься послѣ обѣда диктовкою своей церковной исторіи секретарю, который служилъ у него чтецомъ, потому-что зрѣніе самаго Неандера вслѣдствіе напряженныхъ трудовъ сдѣлалось очень-слабо. Когда сестра покойнаго, постоянно съ нимъ жившая, начала дѣлать ему противъ того свои представленія, то онъ почти съ досадою сказалъ: «не можетъ-ли всякій работникъ трудиться, когда хочетъ? За чѣмъ-же ты мнѣ мѣшаешь?» Впрочемъ вечеромъ онъ долженъ былъ слечь; призванъ былъ его обыкновенный врачъ и одинъ придворный лейбъ-медикъ; они нашли болѣзнь очень-опасною. Утромъ на другой день едва только пришедши въ себя, больной воскликнулъ прискорбно: «вѣрно и сегодня мнѣ еще нельзя будетъ читать!» Онъ именно приказывалъ объявить въ университетъ, что *только* сегодня онъ не будетъ читать, а завтра явится къ

своей должности. Послѣ обѣда въ тотъ-же день онъ потребовалъ своего тѣца и приказалъ продолжать чтеніе начатаго прежде срчиненія (Риттера описаніе Палестины). Онъ съ досадою отозвался объ излишней заботливости его приближенныхъ, поспѣшившихъ отослать его секретаря. По окончаніи перваго чтенія, Неандеръ, слѣдуя своему принятому обыкновенію, слушалъ газеты, которыя ему читалъ одинъ изъ его слушателей. Съ большимъ вниманіемъ слушалъ Неандеръ то, что ему читали, дѣлалъ свои замѣчанія, выбиралъ, что ему должно было читать; но наконецъ сонъ противъ воли сомкнулъ его глаза прежде, чѣмъ кончилось это занятіе. Проснувшись уже поздно вечеромъ, и видя, что сестра его бодрствуетъ надъ нимъ, онъ поспѣшилъ просить ее съ нѣжностью идти спать.

Спокойный сонъ возвратилъ нѣсколько силъ больному, и на другой день онъ былъ повидимому бодрѣе; въ обыкновенное время ему читали газету; съ явными знаками неодобренія слушалъ онъ извѣстія, касавшіяся до состоянія церкви въ Германіи. Послѣ чтенія одинъ изъ бывшихъ слушателей Неандера, получившій мѣсто далеко отъ Берлина, пришелъ съ нимъ проститься. Неандеръ ласково и радушно простился съ нимъ и при разставаніи пожалъ ему руку. И эту ночь больной провелъ спокойно; къ утру силы его возобновились, и онъ не зажедалъ попросить у доктора позволенія встать съ постели. Онъ надѣялся, что ему и на этотъ разъ, какъ во многихъ другихъ, удастся переломить силу болѣзни силою воли. Но къ вечеру ему сдѣлалось хуже, и къ ночи обнаружились судороги, показавшія всю опасность. Страданія тѣла не имѣли никакого почти вліянія на умственные способности больного, онъ узнавалъ всѣхъ окружавшихъ, просилъ ихъ нисколько не утруждать себя изъ-за него, и несмотря на то, что ему было трудно говорить, онъ благодарилъ за всякую ему оказанную и самую ничтожную услугу. Едва только Неандеръ хотѣлъ уснуть, какъ возобновившіяся судороги не дали ему отдохнуть; голосомъ скорби, раздавшимся изъ глубины сердца покойнаго и извлекшимъ слезы сожалѣнія изъ глазъ всѣхъ присутствовавшихъ, Неандеръ воскликнулъ: «Боже! о еслибы я могъ заснуть!» Прибывшій врачъ

далъ ему лекарство, на время утишившее судороги, и больной не преминалъ и за эти немногія минуты отдохновенія воздать небу нѣсколько словъ трогательной благодарности.

Слѣдующій день суббота былъ для больного днемъ непрерывныхъ страданій, но и въ нихъ не преминалъ высказаться его возвышенный духъ. Несмотря на жестокія страданія тѣлесныя, больной непремѣнно хотѣлъ встать, чтобъ быть въ состояніи достойно приготовиться къ отходу въ вѣчность. Тщетно окружавшіе его хотѣли отклонить его отъ этого намѣренія; повелительнымъ и даже сердитымъ голосомъ больной, отъ котораго прежде никогда не было слышно ни одного повелительнаго слова, требовалъ отъ своего слуги, чтобъ тотъ принесъ ему платье и помогъ одѣться. Едва лишь сестрѣ больного удалось отклонить его отъ этого намѣренія словами: «вспомни, любезный Августъ, что ты мнѣ говорилъ, когда я не хотѣла слушаться совѣта врача; ты мнѣ сказала тогда: «отъ Бога данъ онъ, и мы должны ему повиноваться!» — «Это правда, сказала больной, вдругъ успокоившись — все намъ даруется Богомъ и мы за все должны благодарить Его премудрость.

По взаимномъ совѣщаніи врачи нашли единственное и послѣднее средство на время возвратить силы больному и поддержать угасавшую жизнь. Ванна изъ вина и разныхъ цѣлебныхъ травъ принесла сначала большую пользу больному; онъ могъ наконецъ встать и при помощи его окружавшихъ перейти изъ темной комнатки, гдѣ онъ доселѣ лежалъ, въ большую и ярко-освѣщенную солнцемъ комнату, которая въ продолженіи почти двадцати лѣтъ была его кабинетомъ. Съ особеннымъ чувствомъ больной обратился къ солнцу, которое ему суждено было видѣть въ послѣдній разъ. — Здѣсь для подкрѣпленія силъ больной не отказался принять ложку стараго крѣпкаго вина; уже это обстоятельство показывало, что конецъ его приближается; ибо прежде онъ отказывался употреблять вино какъ предметъ роскоши. Онъ не щадилъ тысячъ на дѣла богоугодныя, и потому нерѣдко бывалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; а съ другой стороны онъ постоянно былъ

скупъ для себя и опасался, чтобы не истратить на себя чего-либо лишняго. Какъбы въ дремотѣ больной произнесъ эти слова, имѣвшія для него пророческій смыслъ: «я усталъ, пора приготовиться и идти домой.» Впрочемъ видѣ комнаты, служившей ему столько времени мѣстомъ занятія, помогъ ему перемочь свою боль, и онъ, съ большимъ усиліемъ приподнявшись съ подушекъ, началъ еще диктовать сочиненіе объ эксегезѣ на книги Новаго Завѣта.

Потомъ онъ приказалъ прочесть себѣ только-что имъ оконченное разсужденіе объ матеріальномъ и формальномъ принципѣ реформаціи, и даже продиктовалъ программу чтеній, предполагаемыхъ въ слѣдующемъ семестрѣ; то были историческія примѣчанія на Евангеліе отъ Іоанна. Потомъ продолжалъ онъ диктовать свою церковную исторію и, наложивъ въ общихъ словахъ характеръ ересей XIV и XV вѣка, онъ заключилъ слѣдующими словами: «это мы сказали вообще, частныя-же ихъ особенности разсмотримъ впослѣдствіи.» Тутъ Неандеръ спросилъ: который часъ? и узнавъ, что половина 10-го, неутомимый труженникъ науки сказалъ: «я усталъ, теперь пойду спать.» Легши въ постель, онъ пожелалъ всѣмъ покойной ночи и уснулъ скоро; въ продолженіи 4 часовъ дыханіе его слышно было довольно-ясно, потомъ все слабѣе и слабѣе; наконецъ оно совершенно прервалось, и въ комнатѣ воцарилась могильная тишина, показывавшая, что душа Неандера отошла въ вѣчность.

Онъ умеръ, какъ жилъ, и былъ того достоинъ, ибо онъ жилъ такъ, чтобы быть въ готовности умереть каждую минуту. День смерти Неандера случился въ воскресенье.

ЛЮДОВИКЪ-ФИЛИППЪ. — Король Людовикъ-Филиппъ умеръ въ Клермонтѣ 26 мая, въ восемь часовъ утра. Англійскіе журналы рассказываютъ почти-одинаково обстоятельства этого событія. Вотъ подробности, которыя мы прочитали въ одной частной перепискѣ:

«Четыре мѣсяца тому назадъ, Людовикъ-Филиппъ въ первый разъ почувствовалъ важныя припадки той болѣзни, которая была причиною его смерти. Успѣхъ ея было остановился и уже начинали надѣяться на выздоровленіе, какъ вдругъ, дней десять или съ недѣлю тому назадъ, силы больнаго постепенно стали ослабѣвать. Наканунъ его смерти сдѣлался переломъ болѣзни, по которому можно было предвидѣть близкую его кончину. Королева, извѣщенная, старалась, какъ всегда, превозмочь свою горестъ, чтобы исполнить обязанность, и хотѣла сама на другой день поутру объявить ему объ угрожающей опасности. Сдѣлавши нѣсколько вопросовъ врачу, король, не смотря на его осторожные отвѣты, не могъ болѣе сомнѣваться о своей участи, и сказалъ спокойно: «хорошо, теперь я все знаю.»

«Тогда онъ распорядился нѣкоторыми дѣлами, кончилъ недописанную страницу своихъ записокъ (memoires), велѣлъ позвать аббата Гелля, духовника королевы, и сказалъ ему: «г. аббатъ, я спокоенъ и нахожусь въ полномъ сознаніи всѣхъ своихъ способностей, и могу бесѣдовать съ вами.»

«Королева, герцогиня Орлеанская, графъ Парижскій, герцогъ Шартрскій, герцогъ и герцогиня Немурскіе, принцъ и принцесса Жуанвильскіе, герцогъ и герцогиня Августъ-саксенъ-кобургскіе, стояли на колѣняхъ, когда онъ пріобщался святыхъ таинъ. Вечеромъ и на другой день поутру священникъ читалъ молитвы въ головахъ умирающаго.

«До самой смерти, король сохранилъ присутствіе духа, силу душевную и спокойствіе, кои исполнили его родныхъ умильнительнымъ благоговѣніемъ. Въ половинѣ восьмага, дыханіе больнаго стало труднѣе.... черезъ полчаса, онъ испустилъ духъ....

«Королева, въ ужасной горести, сжимала въ своихъ объятіяхъ бездыханное тѣло супруга; она поцѣловала его

въ послѣдній разъ, потомъ вставъ, преданная волѣ Божіей, и обратившись къ дѣтямъ, которые окружали смертный одръ, и теперь, слѣдуя душевному влеченію, подошли къ ней, сказала имъ: общайте мнѣ, въ память вашего отца, быть такъ-же дружны, какъ были во время его жизни.» — «Мы будемъ для васъ тѣмъ-же, чѣмъ были для него!» отвѣчали они, и эта трогательная сцена кончилась поцѣлуями и слезами.»

Людвигъ-Филиппъ родился въ Парижѣ, 6-го октября, 1773 года. Онъ былъ старшій сынъ Филиппа-Жозефа, герцога Орлеанскаго, и принцессы Маріи, дочери герцога Пентіеврскаго. Воспитаніе его поручили очень рано г-жѣ Жанлисъ.

Молодой герцогъ Шартрскій присоединился въ 1789 г. къ восторженной партіи, стоявшей въ главѣ революціоннаго движенія.

Въ августѣ 1791 г. герцогъ Шартрскій вышелъ изъ Вандома съ своимъ полкомъ и отправился въ Валенсіенъ. Въ апрѣлѣ 1792 г., онъ принялъ участіе въ первой компаніи, во время войны съ Австріею. 20 сентября того-же года, онъ сражался при Вальми, начальствуя надъ войсками, ввѣренными ему Келлерманомъ, а 6 октября дрался при Жеммапѣ, подъ предводительствомъ Дюмурье.

Между тѣмъ, какъ онъ былъ занятъ военными дѣйствіями, революція шла впередъ. Законъ объ изгнаніи всей фамиліи Бурбоновъ былъ вскорѣ обнародованъ, напугалъ герцога Шартрскаго, который тотчасъ пріѣхалъ въ Парижъ, и умолялъ отца своего искать убѣжища въ чужихъ краяхъ. Герцогъ Орлеанскій не хотѣлъ послушаться его совѣта, и онъ принужденъ былъ возвратиться къ своему посту.

Горестныя предчувствія его сбылись: герцогъ Орлеанскій былъ вскорѣ казненъ. Тогда-же почти, генераль Дюмурье и герцогъ Шартрскій получили повелѣніе предстать предъ Комитетъ общественной безопасности, что и заставило ихъ оставить войска, перейти за границу и укрыться въ Голландіи.

Австрійское правительство предложило герцогу Шартрскому вступить въ имперскую армію, но онъ отказался и отправился въ Швейцарію. Принцесса Аделаида, сестра его,

и г-жа Жанлисъ соединились съ нимъ въ Шаффгаузенъ и сопровождали его до Цюриха.

Пріѣхавши въ этотъ городъ, герцогъ Орлеанскій нашель, что французскіе эмигранты очень-дурно расположены къ его семейству, а начальство кантона, опасаясь навлечь на себя неудовольствіе французскаго правительства, отказало ему въ убѣжищѣ. Три бѣглеца, подъ чужимъ именемъ, оставили Цюрихъ, и достигли города Цуга, гдѣ наняли для себя домъ. Вскорѣ они были узнаны. Благодаря покровительству г. Монтескье, принцесса Аделаида и г-жа Жанлисъ вступили въ Сенъ-Клерской монастырь, близъ Баумгартена; что касается до герцога Орлеанскаго, то онъ, въ сопровожденіи своего вѣрнаго слуги Бодуэна, продолжалъ блуждать по разнымъ странамъ Европы, не имѣя почти никакихъ средствъ и будучи обязанъ своимъ существованіемъ единственно своей ловкости.

Наконецъ онъ дошелъ до того, что долженъ былъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, какъ вдругъ г. де-Монтескье извѣстилъ его, что онъ досталъ ему мѣсто профессора академіи въ Рейхенау. Герцогъ поспѣшилъ отправиться въ этотъ городокъ, гдѣ выдержавши экзаменъ, былъ принятъ профессоромъ, не имѣя еще 20 лѣтъ отъ роду, подъ именемъ Шабо-Латура.

Возмущеніе, вспыхнувшее въ томъ кантонѣ Гризонъ, заставило принцессу Аделаиду удалиться въ Венгрію, подъ покровительство своей тетки, княгини Конти. Въ это время, г. де-Монтескье предложилъ свой собственный домъ герцогу Шартрскому, который и скрывался тамъ до 1794 года. Тогда открыли его убѣжище, и онъ рѣшился оставить Швейцарію.

Онъ думалъ-было укрыться въ Америкѣ, и съ этимъ намѣреніемъ въ началѣ 1795 г. поѣхалъ въ Гамбургъ, чтобы тамъ сѣсть на корабль. Но пріѣхавши въ этотъ городъ, онъ, за недостаткомъ денегъ, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Имѣя вексель на одного изъ копенгагенскихъ банкировъ, онъ прошелъ пѣшкомъ Швецію и Норвегію и достигъ сѣвернаго мыса въ августѣ 1795 г.; тамъ пробылъ онъ немного времени, и пошелъ въ Торнео, оттуда въ Або, прошедши такимъ образомъ всю Финляндію.

Директорія, тщетно старавшаяся открыть убъжище молодого герцога, пригласила его переѣхать въ Соединенные-штаты, обѣщая ему, что участь герцогини улучшится и что младшимъ его братьямъ позволено будетъ съ нею соединиться. Письмо это было передано Вествудомъ герцогу Орлеанскому, который согласился на предложеніе. 24 Сентября 1796 г., сопровождаемый повсюду вѣрнымъ Бедуэномъ, онъ сѣлъ на корабль «Американъ» и прибылъ въ Филадельфію черезъ 27 дней.

Слѣдующаго ноября, герцогъ Монпансье и графъ Божоле соединились съ герцогомъ Орлеанскимъ. Всѣ трое прожили зиму въ Филадельфій. Въ Монтъ-Вернонѣ представили ихъ Вашингтону. Послѣ долгаго и утомительнаго путешествія по западу, они возвратились въ Филадельфію, оттуда въ Новый-Орлеанъ, изъ Новаго-Орлеана, на одномъ англійскомъ суднѣ, прибыли въ Гавану, гдѣ испанское начальство дурно ихъ приняло. Въ Багамѣ герцогъ Кентъ обласкалъ ихъ, но не осмѣлился позволить имъ возвратиться въ Англію на британскомъ кораблѣ. Въ Нью-Йоркѣ сѣли они на купеческій корабль, прибыли въ Фальмутъ, въ февраль 1800 г., и поселились въ Твикенгамъ.

Герцогиня Орлеанская, мать ихъ, содержалась тогда въ плѣну въ Испаніи. Три брата исходатайствовали позволеніе у лондонскаго кабинета переправиться въ Минорку, на морскомъ королевскомъ фрегатѣ.

Ихъ предпріятіе не удалось. Они возвратились въ Твикенгамъ. Тамъ герцогъ Монпансье скончался въ 1807 г.; тѣло его погребено въ Вестминстерѣ. Вскорѣ послѣ этого графъ Божоле занемогъ тою-же болѣзнію, какъ и братъ. По совѣту медиковъ, онъ отправился на Мальту, гдѣ умеръ въ 1808 г. Погребенъ онъ въ церкви Св. Іоанна въ Лавалеттѣ.

Герцогъ Орлеанскій, сопровождавшій брата своего на Мальту, оставилъ островъ, и, по приглашенію короля Фердинанда, поселился въ Мессинѣ. Тамъ онъ сочетался бракомъ съ принцессою Марією-Амалією.

Послѣ двадцатилѣтняго изгнанія, онъ возвратился въ Парижъ, 18 мая 1814 г. Въ началѣ Ста-дней, Людовикъ

XVIII поручилъ ему на время начальство надъ сѣвѣрною арміею; но 24 марта, онъ передалъ это начальство герцогу Тревизскому и возвратился въ Англію, въ Твикенгамъ.

Во время второй реставраціи, онъ снова жилъ въ Англіи и оставался тамъ до 1827 г.

Послѣдующія событія въ жизни Людовика Филиппа всѣмъ извѣстны.

ОНОРЕ-ДЕ-ВАЛЬЗАКЪ. — 22-го Августа н. ст. скончался въ Парижѣ извѣстный французскій писатель Бальзакъ. Вотъ извѣстія объ этой кончинѣ, похоронахъ Бальзака, и нѣсколько краткихъ бібліографическихъ свѣдѣній, заимствованныхъ нами изъ одного французскаго журнала.

Восемнадцатъ мѣсяцевъ тому назадъ г. де-Бальзакъ, уже больной, покинулъ Парижъ. Три мѣсяца до своей смерти онъ вернулся въ свое отечество съ зародышемъ неотразимой уже болѣзни. Во время своего путешествія, онъ, въ Россіи, женился на той, которой посвящалъ еще своего «Seraphitus». Послѣ этого ему надо было жить болѣе чѣмъ когда-нибудь, и жить счастливо. Но свыше предопредѣлено было иначе.

Путешествіе чрезвычайно растроило Бальзака. Четыре врача, въ числѣ коихъ г. Луи, по возвращеніи его въ Парижъ, приглашенные на консультацію, нашли его больнымъ гипертрофіею сердца, и уже въ сильной степени. Усилія ихъ по неволѣ были только обращены на то, чтобъ ограничить развитіе водяной нижними полостями. Продолжительная и мучительная болѣзнь по временамъ повергала всѣхъ въ отчаяніе, по временамъ однако-же подавала надежды. Не за долго до кончины на лѣвой ногѣ больного сдѣлался нарывъ, начиналось разложеніе крови. Хирургъ Ру сдѣлалъ операцію чрезвычайно-удачно, и обѣщавшую самыя благоприятныя послѣдствія. Эта надежда была обманута; по снятіи перевязки оказались признаки антонова огня. Сдѣлали новую операцію, но подъ второй перевязкой, снятой 22-го Августа, оказалась только красная горячая и сухая рана. Наука рѣшила, что ему нѣтъ спасенья. Въ 9 часовъ утра больной уже не могъ говорить. Призванный г-жею Баль-

закъ, священникъ соборовалъ больного. Въ 11 часовъ онъ еще отвѣчалъ своею рукою сестрѣ, пожавшей ему руку. Но это былъ послѣдній знакъ сознанія.

Ночью на 23 число Бальзака не стало.

Въ слѣдующую среду въ окрестностяхъ часовни du Roule на верхнемъ концѣ faubourg St-Honoré съ 8 часовъ утра съ трудомъ можно было пройти или проѣхать. Здѣсь только что пронесено тѣло Бальзака и выставлено въ улицѣ Fortunée. Въ 12 часовъ печальная процессія двинулась къ церкви. Четыре шнура балдахина держали гг. Викторъ Гюго, Александръ Дюма, Франсисъ Вей (вице-президентъ общества писателей) и министръ внутреннихъ дѣлъ. За тѣмъ слѣдовали общество писателей съ президентомъ г. Луи Деноайе; депутація отъ обществъ живописцевъ, скульптуровъ, и отъ общества драматическихъ артистовъ, въ главѣ которой г. баронъ Тэйлоръ; все, что въ Парижѣ владѣетъ перомъ, кистью или рѣзцемъ; директоры театровъ; издатели; композиторы; много дамъ, лица духовныя, военныя, и наконецъ ремесленники. Кромѣ Гг. Виктора Гюго и Сень-Бева французскую Академію представляли здѣсь гг. Тиссо, Вильмень и Сальванди. Когда процессія подошла къ церкви St. Philippe-du-Roule, которая была вся обтянута чернымъ сукномъ, нужно было остановиться, потому-что церковь была полна; часть процессіи на все время отпѣванія, должна была стоять на улицѣ. На кладбищѣ были произнесены двѣ надгробныхъ рѣчи, принадлежащія гг. Виктору Гюго и Луи Деноайе: мы не передаемъ ихъ здѣсь, потому-что онѣ не содержатъ въ себѣ ничего, кромѣ общихъ мѣстъ и возгласовъ въ честь покойнаго, не смотря на то, что каждому изъ его соотечественниковъ не трудно было сказать о немъ много хорошаго и много дѣльнаго.

Оноре-де-Бальзакъ родился въ Турѣ, 20-го Мая 1799 г. Онъ учился въ Вандомѣ и съ молодыхъ лѣтъ посвятилъ себя, вслѣдствіе природной склонности, трудамъ литературнымъ. Но замѣчательный талантъ его сдѣлался извѣстенъ не вдругъ: долго трудился онъ почти для себя одного. Въ 1821 г. онъ писалъ уже въ сотрудничествѣ съ г. Лепоатевенъ Сент-Алмъ, подъ псевдонимомъ, а въ слѣдующемъ издавъ въ свѣтъ до двадцати волюмовъ подъ

псевдонимами: лордъ Раонъ и Орасъ-Сентъ-Албень. Съ 1825 г. до 1828 онъ, въ компаніи съ г. Барбье содержалъ типографію въ улицѣ *Marais-Saint-Germain*. Въ 1829 г. Бальзакъ опять принялся за литературныя занятія и «*Послѣдній Шуанъ*», явившійся въ 1829 г., было первое его произведеніе, имѣвшее успѣхъ. Съ этого дня литературная извѣстность Бальзака все увеличивалась. Всему читающему міру извѣстны: *Сцены изъ частной жизни, Физиологія Брака, Шагреневая кожа, Слѣдшія сказки, Сцены изъ провинціальной жизни, Деревенскій лекарь, Сцены изъ Парижской жизни, Философскіе этюды, Старикъ Горіо, Лилія въ долинѣ, Цезарь Биротто, Сельскій Священникъ, Мистическая книга*, и другія его произведенія, справедливо соединенныя имъ въ одно цѣлое и названныя вмѣстѣ *la Comédie Humaine*. Но едва-ли не замѣчательнѣйшее изъ всего имъ написаннаго: *Эжени Гранде*. Кромѣ того Бальзакъ былъ сотрудникомъ журналовъ: «*Renovateur*» въ 1830 г., «*Chronique de Paris*», «*Caricature morale, politique et littéraire*», «*Revue de Paris*» и «*Revue des Deux-Mondes*.» Изъ драматическихъ его произведеній наиболѣе-замѣчательны: «*Vautrin*» и «*Les Ressources de Quinola*». Въ послѣднее время своей жизни онъ собирался, какъ слышно, обработать для сцены свои романы: «*Parents pauvres*» и «*Les Paysans*.» — Нельзя не упомянуть здѣсь о томъ, что Бальзаку принадлежитъ благодарность любителей искусства за знакомство съ другимъ даровитымъ французскимъ писателемъ, Шарлемъ Бернармъ, — какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, тоже недавно умершимъ: Бальзакъ первый обратилъ свое вниманіе на молодого Бернара и вывелъ его на литературное поприще.

Бальзакъ, глубокий мыслитель и тонкій наблюдатель, по самой натурѣ своей, какъ французъ и современный писатель, не мало замѣчателенъ и потому, что во все время своей литературной дѣятельности онъ умѣлъ избѣгать всѣхъ вредныхъ вліяній и заразныхъ примѣровъ нѣкоторыхъ прославленныхъ его соотечественниковъ. Ни спекулятивность Дюма, ни раздражительныя страсти Виктора Гюго, ни политическія вдохновенія Сю и другихъ господъ, ни неистовство феодала, ни нелѣпыя софизмы Жоржъ-

Сандъ, словомъ, ни одна изъ слабыхъ или черныхъ сторонъ современной французской литературы не нашла отголоска въ прекрасномъ дарованіи Бальзака: вся его литературная дѣятельность принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ новейшей французской словесности.

Замѣчательно, что Бальзакъ умеръ не академикомъ.

Въ одной изъ послѣдующихъ книгъ Москвитянина мы надѣемся представить читателямъ обстоятельную оцѣнку всей литературной дѣятельности Бальзака.

СЛАВЯНСКІЯ НОВОСТИ.*

По случаю изданія австрійскимъ правительствомъ закона отъ 6-го Апрѣля о правахъ Римско-Католической церкви въ Австріи, въ бѣлградской газетѣ (Сербске Новине, N 48-й) пишутъ слѣдующее:

«Въ Средніе-вѣка была долгая борьба между государствами Западной Европы и папою о томъ, можетъ-ли папа непосредственно управлять и распоряжаться церковными дѣлами во всѣхъ государствахъ, безъ сношенія со свѣтскою властію. Первоначально папы одержали верхъ, и не сообщая свѣтской власти о своихъ дѣйствіяхъ, давали предписанія іерахін, налагали подати и налоги въ пользу церкви и т. п., вслѣдствіе чего возникали частыя неудовольствія, противорѣчія въ дѣйствіяхъ и даже открытая борьба между государственною и духовною властями. Послѣ долгихъ стараній, австрійскіе императоры, по согласію съ папою, получили, во времена Іосифа II, право посредства между папою и Римско-Католическою іерархію въ Австріи. Этотъ законъ, извѣстный подъ именемъ placetum regium, утверждавшій миръ и порядокъ въ государствѣ, въ настоящее время уничтоженъ однимъ почеркомъ пера, и Римско-Католическая іерархія въ Австріи вновь получила право непосредственно сноситься съ папою, независимо отъ свѣтской власти, и налагать подати на гражданъ въ пользу церкви.

Это новое право и несправедливо съ точки зрѣнія на право, и опасно съ точки зрѣнія политической.

* Заимствуемъ эти двѣ любопытныя статьи изъ Сѣв. Пчелы (№ 185 и 193).

Во-первыхъ церковная іерархія образуетъ отдѣльное государство въ государствѣ, независимое отъ государственной общей власти, и управляемое изъ Рима. Во-вторыхъ недавно всѣ исповѣданія получили въ Австріи одинаковыя права, и вдругъ, по новому закону, Римско-Католическая церковь становится привилегированною. Наконецъ граждане ничѣмъ уже не ограждены отъ злоупотребленія власти іерархіею. Прежде защищала ихъ свѣтская власть; теперь она сама отказалась отъ этого права защиты. Но какою опасностью угрожаетъ эта мѣра Славянамъ православнымъ въ Австріи, когда Римско-Католическая церковь, вступивъ въ непосредственное сношеніе съ Римомъ, начнетъ обычное ей дѣло пропаганды?

Въ отношеніи къ Славянамъ, централизація и германизація въ политическомъ отношеніи имѣетъ то-же значеніе, что неограниченный римскій католицизмъ въ отношеніи церковномъ. Въ отношеніи-же къ намъ, Сербамъ, кто не знаетъ всѣхъ ухищреній уни и гоненій, которыя мы испытали во времена Маріи Терезіи, когда у Рима развязаны были руки? Мы отдохнули, когда при Іосифѣ II былъ утвержденъ *placetum regium*. На основаніи одинаковыхъ правъ, которыми пользуются всѣ исповѣданія въ Австріи, и мы должны получить право входить въ непосредственныя сношенія со всѣми духовными властями Православной Церкви, находящимися въ Австріи. И для того, чтобъ получить единство церковное, нужно было-бы учредить общій всей Православной Церкви Соборъ, или Синодъ, въ Петербургъ, Москвѣ, или лучше въ Кіевѣ, какъ колыбели христіанства, съ которыми всѣ власти Православной Церкви, гдѣ-бы онѣ ни были, находились-бы въ непосредственномъ сношеніи. Или мы должны получить это право, или Римско-Католическая церковь должна потерять вновь полученныя ею права.»

Въ Сербскихъ Вѣдомостяхъ напечатано слѣдующее письмо изъ Вѣны, отъ 9-го Іюля 1850. «Вчера для насъ былъ достопамятный день; вчера, въ первый разъ, увидѣли мы, на академическомъ полѣ, мысль славянскую, защищенную съ успѣхомъ на диспутѣ въ Вѣнскомъ университетѣ. Одинъ Словакъ, именемъ Свѣтиць, защищалъ диссертацию

объ историческомъ значеніи Славянъ. Описавъ земли и исчисливъ всѣ племена славянскія, онъ восхитилъ слушателей картиною огромности тѣхъ и другихъ, и мыслию о великомъ историческомъ предназначеніи сихъ земель и племенъ. Но можетъ-быть, мы не имѣемъ свойствъ и способностей, нужныхъ народу великаго значенія историческаго, и сотворены для вѣчной зависимости отъ иностранцевъ? На сіе нападеніе Нѣмцевъ и другихъ нашихъ непріятелей старался онъ отвѣчать, и отвѣчалъ съ полнымъ успѣхомъ. Рѣчь раздѣлилъ онъ на двѣ части—на историческій и политическій обзоръ.

«Исторією всѣхъ вѣтвей славянскихъ, доказалъ онъ сильную любовь къ независимости и великія жертвы, принесенныя ими за нее. Двухъ-вѣковая борьба балтійскихъ Славянъ противъ Нѣмцевъ, битвы Русскихъ на Калкѣ и на Куликовомъ-полѣ, Сербовъ на Коссовомъ-полѣ, Чеховъ на Бѣлой-горѣ, Хорватовъ на Гробнополѣ, и многія другія сраженія, въ которыхъ съ различнымъ успѣхомъ лилась кровь рѣкою за независимость славянскую, свидѣлствуютъ объ истинѣ сего утвержденія. Потомъ перешелъ онъ ко второй части, и обратилъ взглядъ на нынѣшнее состояніе и величественную будущность Славянъ. Славяне и нынѣ такъ же горячо любятъ свою народность и независимость, и готовы за нихъ на всякія жертвы; обстоятельства-же, которыя были виною нашихъ бѣдствій, нынѣ измѣнились въ нашу пользу, и обѣщаютъ намъ счастливое будущее. Въ прошедшемъ, положеніе между Востокомъ и Западомъ, Азією и Западною Европой было несчастное. Нахлынули изъ Азіи сильныя и многочисленныя Татары—Монгольскіе народы, съ коими боролись въ кровавыхъ битвахъ наши предки, въ то время, какъ западные народы развивались и просвѣщались, и стали на степени образованія выше насъ, ослабѣвшихъ и истощенныхъ Азіятцами, и лукаво готовили намъ оковы. Мы-же разлучены были другъ отъ друга, наконецъ и отчуждены. Но отъ Петра Великаго для Россіи, отъ нынѣшняго стремленія для всѣхъ Славянъ началась эпоха славная, назначенная къ новому долговѣчному просвѣщенію.

«Въ поэзіи, какъ и въ остальныхъ вѣтвяхъ литературы, мы можемъ назвать уже довольно именъ, которыя могутъ сравниться съ славнѣйшими въ Западной Европѣ.

«Кончилъ онъ предсказаніемъ о блистательномъ будущемъ на поприщѣ умствепномъ для южныхъ Славянъ, въ твердой надеждѣ, что русскіе орлы укажутъ имъ путь къ славѣ.»

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПАМЯТНИКЪ ДИМИТРИЮ ІОАННОВИЧУ ДОНСКОМУ. Открытъ 8 сентября, на Куликовомъ-полѣ (Тульск. губер. Елифанскаго у.). Надѣмся получить полное описаніе этого торжества, и не замедлимъ сообщить его нашимъ читателямъ.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ АЙВАЗОВСКАГО ВЪ ОДЕССѢ продолжалась съ 18 по 21 Августа. Знаменитый художникъ посѣтилъ Одессу проѣздомъ, на пути въ Петербургъ. Выставленныя имъ 8 картинъ написаны въ нынѣшнемъ году; онѣ назначены къ отправленію въ столицу и представляютъ слѣдующіе предметы: 1) Бурная волна въ океанѣ при освѣщеніи солнца, пробивающагося въ грозныхъ тучахъ тропическаго неба; 2) Бригъ Меркурій, подъ командою Козарскаго, въ лунную ночь; но луны не видно — она въ зенитѣ; 3) Наваринская битва; 4) Ночь подлѣ урочища «Двуякорное» близъ Феодосіи; 5) Судакъ, при захожденіи солнца, освѣщающаго прибрежныя горы, на которыхъ видны генуэзскія укрѣпленія; 6) Буря въ Черномъ морѣ, у Абхазскихъ береговъ; 7) Прибрежье Отузской долины, при восходѣ солнца, въ 25 верстахъ отъ Феодосіи; 8) С.-Петербургъ, съ Морскаго Корпуса, при захожденіи солнца и восходѣ луны.

КУРСКАЯ КОРЕННАЯ ДРМАРКА (первая) въ этомъ годѣ была не изъ самыхъ счастливыхъ. Товаровъ на нее привезено слишкомъ на 6,800,000 р. сер., а продано только

на 2,128,000 р. с., слѣд. менѣе *одной трети* привоза. Лучшій сбытъ былъ произведеніямъ первой потребности и лошадамъ, а худшій — предметамъ роскоши.* Изъ обзорѣнія торговли на этой ярмаркѣ въ 10-лѣтній періодъ (1840—1850) огазывается, что привозъ товаровъ каждагодно былъ не болѣе 8 и не менѣе 5 милл.; лучшимъ годомъ по сбыту былъ 1845, а худшимъ 1840-й; настоящій годъ въ отноше- нии продажи былъ худшимъ въ сравненіи съ предшество- вавшими 9 годами, но лучшимъ противъ 1840-го.

ПЕРВЫЯ ПЛОДОВЫЯ ДЕРЕВЬЯ ВЪ НЕРЧИНСКѢ. — Читателямъ Москвитянина извѣстно имя Г. Зензинова, страстно занимающагося садоводствомъ въ Нерчинскѣ. Теперь онъ извѣщаетъ, въ Землед. Газетѣ, о новыхъ своихъ успѣхахъ по этой части. «1-го Іюня получены мною изъ одесскаго Ботаническаго сада пять деревъ вишневыхъ и пять череш- невыхъ, отправленныхъ съ почтою 17 Марта. Всѣ они при- витыя, дошли въ совершенной цѣлости, были тотчасъ по- сажены въ кади, и теперь (30 Іюня) покрываются листь- ями. Что обыкновенная вещь въ южной Россіи, то совер- шенная рѣдкость для Нерчинска: онъ не имѣлъ, со времени своего основанія, плодовыхъ деревьевъ, исключая непри- витыхъ лимонныхъ у нѣкоторыхъ любителей, да привозив- шихся когда-то яблоней при товарахъ зимою. Разведеніе ихъ осталось безъ успѣха; доставленные сюда въ февралѣ онъ дорогою теряли свою растительность отъ морозовъ. И такъ, присылка вишенъ и черешенъ для Нерчинска со- ставляетъ свою эпоху, первое зерно въ Нерчинскомъ краѣ по садоводству. Я просилъ переслать еще яблоней, вино- градныхъ лозъ, грушъ, сливъ, абрикосовъ, персиковъ, кры- жовника, шпанской клубники.»

* Книгъ и картинъ привезено на 8½ т. р. с., продано на 4 т.; бумаги писчей и оберточной въ привозѣ слишкомъ на 30 т., продано на 14½ т.

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О ПОРЪДКОМЪ ПАМЯТНИКЪ.

Во время пребыванія Графа С. С. Уварова въ Римъ въ 1843 году, странный и счастливый случай доставилъ ему возможность приобрести изящнѣйшій памятникъ древняго искусства, извѣстный подъ именемъ *Овальной Урны* или *Саркофага Альтемсіанскаго*. Этотъ памятникъ, который по истинѣ ни урна, ни саркофагъ*, оставался, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, весьма-мало изслѣдованнымъ и болѣе по преданію хвалимымъ, чѣмъ надлежащимъ образомъ описаннымъ и объясненнымъ. Винкельманъ упоминаетъ объ немъ въ сочиненіи: *»monumenti inediti»*, но его вниманіе ограничилось, кажется, фигурою пьянаго Геркулеса, изображеннаго на памятникѣ. — Двѣ причины могли содѣйствовать къ тому, чтобы этотъ памятникъ оставался нѣкоторымъ образомъ доселѣ въ числѣ необъясненныхъ и неизданныхъ: *вопервыхъ*, предметъ рельефовъ, относящихся къ тайной религіи Грековъ и къ мистеріямъ Вакха, которыя принадлежатъ къ части древностей, весьма-мало въ то время еще обработанной; *во вторыхъ*, странные обороты, имѣвшіе мѣсто въ роду Альтем-

* Порѣдкій памятникъ не *саркофагъ*, ибо всѣ извѣстныя тѣлохранилища древнихъ имѣютъ опредѣленную продолговатую, четверугольную форму, вслѣдствіе чего одна изъ главныхъ сторонъ, коимъ монументъ упирался въ стѣну, оставалась безъ всякой обработки. — Порѣдкій-же памятникъ правильно овальный, и со всѣхъ сторонъ окруженъ барельефами. — Онъ и не *урна*, ибо урны этого размѣра и таковой формы никогда не встрѣчались, а названіе урны, какъ неопредѣлительное выраженіе, дано ему отъ Винкельмана, дабы не называть его саркофагомъ.

совъ, галерея конхъ была почти недоступна въ теченіи 30 или 40 лѣтъ, и изъ коей пропало тогда нѣсколько драгоценнѣйшихъ памятниковъ, въ томъ числѣ и Порѣцкій.— Когда Графу показанъ былъ саркофагъ, то оный находился скрытымъ между развалинъ, въ углу оставленной церкви іезуитовъ на Навонской площади; Графу предоставленъ былъ кратчайшій срокъ обозрѣть памятникъ и условиться въ цѣнѣ; съ двухъ сторонъ равно-уважительныхъ предстояло соперничество въ этомъ приобрѣтеніи, со стороны Парижскаго музея и Королевской галереи въ Берлинѣ.—Сверхъ того известно, что въ Римѣ еще труднѣе получить дозволеніе на вывозъ подобныхъ древностей, нежели приобрѣсти ихъ покупкою, ибо папское правительство имѣетъ два регистра, изъ конхъ одинъ содержитъ подробное описаніе всѣхъ древностей, имѣющихся въ Римѣ у частныхъ людей; другой, называемый узкимъ (*stretta*), означаетъ тѣ изъ памятниковъ, конхъ вывозъ безусловно запрещается, и на семъ последнемъ помѣщена и ваза Альтемская. — Правительство удалило это затрудненіе, и знаменитый памятникъ, нѣкогда украшавшій чертоги рода Альтемсовъ, благополучно достигъ цѣли своего назначенія, находясь теперъ въ селѣ Порѣчь въ 135 верстахъ отъ Москвы. Нынѣшній владѣлецъ опредѣлилъ сдѣлать съ сего памятника тщательный рисунокъ и выгравировать оный, дабы въ одно время издать полное объясненіе, долженствующее показать важность сего памятника въ отношеніи умственного и отвлеченномъ, равно какъ и превосходную красоту работы, принадлежащей къ лучшимъ временамъ греческаго искусства.— Невозможно было-бы приступить къ такому полному объясненію, не представивъ читателю вѣрный снимокъ памятника, столь богатаго и разнообразнаго, и на которомъ каждый отдѣльный предметъ имѣетъ высокое символическое значеніе. Между тѣмъ Графъ Уваровъ считаетъ удовольствіемъ открыть свой Порѣцкій музей каждому любителю древности и художества, желающему рассмотреть вблизи памятникъ, которому и въ Ватиканѣ было-бы дано почетное мѣсто. —

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВАЯ ПЛАНЕТА.

(Письмо къ редактору.)

М. Г. М. П. Спѣшу увѣдомить васъ, что отъ 20-го Сентября, (н. с.) я получилъ извѣстіе отъ г. Шумахера изъ Альтоны объ открытіи новой планеты на обсерваторію Бишопа, въ Лондонѣ. Это открытіе сдѣлалъ астрономъ Гейндъ (Hind) въ 13 д. Сентября. За краткостью времени, г. Шумахеръ не сообщилъ еще никакихъ подробностей касательно величины, вида и мѣста новой планеты въ солнечной системѣ; однакожъ можно полагать, что и она принадлежитъ къ группѣ астероидовъ, обращающихся около солнца между Марсомъ и Юпитеромъ. Ежели я не ошибаюсь въ своемъ предположеніи, то теперь эта группа состоитъ изъ *одинадцати* планетъ, и вѣроятно, тутъ-же будутъ найдены и другія имъ подобныя. Новую планету Гейндъ назвалъ *Викторією*, а г. Шумахеръ предлагаетъ изображать ее посредствомъ *звѣзды съ лавровой вѣткой*.

Честъ имѣю и проч.

Д. Перевощиковъ.

23-го Сентября 1350 года.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ ПАРИЖА. — Г. Лоттенъ де-Лаваль, отправленный министромъ народнаго просвѣщенія на Синайскій полуостровъ для снятія копій съ гіероглифическихъ надписей, которыми тамъ покрыты скалы нѣкоторыхъ долинъ, возвратился въ Парижъ и привезъ съ

Отд. V.

4

собою снимки съ 200 надписей. Письмена этихъ надписей были до нѣкоторой степени разобраны первоначально несчастнымъ докторомъ Бэромъ; а впоследствии лейпцигскимъ профессоромъ, Тухомъ. Привезенные Лавалемъ снимки, превосходящіе ясностью и отчетливостью всѣ до-сихъ-поръ сдѣланные, безъ сомнѣнія облегчатъ разборъ гіероглифовъ, которыми они писаны. Способъ, употребляемый г. Лавалемъ при снятіи копій съ надписей и барельефовъ, изобрѣтенный имъ самимъ, даетъ возможность дѣлать съ нихъ лѣпныя изображенія, которыя вполне могутъ замѣнять самый подлинникъ надписей. Матеріалъ, употребленный Лавалемъ для снимковъ, его секретъ; онъ, кажется, состоитъ изъ бумаги, приготовленной особеннымъ образомъ, такъ, что гипсъ, вылитый въ форму, изъ нея сдѣланную, не разорветъ и не измѣнитъ ея. Правительство французское купило уже года два тому назадъ этотъ секретъ, но, обнаруживая его, предоставляетъ себѣ сообщать его тѣмъ лицамъ, конхъ оно посылаетъ за границу для ученыхъ предпріятій. Конечно такимъ образомъ этотъ секретъ не замедлитъ обнаружиться; но во всякомъ случаѣ странно со стороны французскаго правительства, столь гордящагося своимъ просвѣщеніемъ, скрывать для своего исключительнаго пользованія полезное изобрѣтеніе. Иначе поступило оно съ дагерротипомъ: купивъ за большую сумму это изобрѣтеніе, оно не замедлило обнародовать его во всеобщее свѣдѣніе.

Г. Аббади, возвратившійся около года тому назадъ изъ путешествія по Абиссиніи, продолжавшагося два года, занимается теперь приведеніемъ въ порядокъ и изданіемъ въ свѣтъ собранныхъ имъ такъ съ большимъ трудомъ матеріаловъ. Прежде всего онъ намѣренъ напечатать собраніе тридцати абиссинскихъ и галаскихъ нарѣчій и языковъ; оно будетъ состоять изъ 4 томовъ и будетъ напечатано въ государственной типографіи; такъ теперь отливаются необходимый для этого изданія эіопскій шрифтъ, матрицы получены изъ типографіи пропаганды въ Римѣ. Г. Аббади вычезъ изъ Абиссиніи болѣе-двухъ сотъ рукописей: нѣкоторыя изъ нихъ чрезвычайно красивы и письма ихъ представляютъ прекрасные образцы для новаго шрифта. Аббади

въ разное время провелъ не менѣе 15 лѣтъ жизни въ Аббиссиніи и въ галаскихъ странахъ, и принадлежить къ числу тѣхъ немногихъ путешественниковъ, кои ученымъ образомъ были къ тому приготовлены. Онъ между прочимъ сдѣлалъ значительное число астрономическихъ наблюдений, дающихъ возможность съ математическою точностью опредѣлить географическое положеніе важнѣйшихъ мѣстъ страны. А свидѣнія, собранныя Аббади, относительно различныхъ племенъ аббиссинскихъ, драгоценны особенно потому, что Аббади изучилъ ихъ языкъ и жилъ долго между ними. Желательно было-бы, чтобы Аббади какъ можно скорѣе привезъ въ порядокъ и надалъ свои записки. Неизвѣстно, куда дѣвались записки двухъ другихъ французскихъ путешественниковъ по Аббиссиніи, офицеровъ штаба Галинье и Ферре. Восемь лѣтъ тому назадъ ихъ послалъ маршалъ Сультъ въ Аксумъ снять карту горной страны; по возвращеніи эти офицеры привезли записки о путешествіи и множество картъ, но февральскій переворотъ 1848 года воспрепятствовалъ какъ ихъ изданію, такъ и множеству другихъ полезныхъ предпріятій. Въ Іюнь того-же года въ междуусобной битвѣ, обогрившей Парижъ, Ферре, служившій адъютантомъ при одномъ генералѣ, былъ опасно раненъ и въ слѣдствіе того около года боленъ; желательно было-бы, чтобы и наблюденія означенныхъ офицеровъ не пропали безъ пользы для ученыхъ. Еще выходитъ въ свѣтъ любопытное сочиненіе объ Африкѣ; это исторія Берберинъ Ибнъ-Калдуна; ее издаетъ г. Сланъ, первый переводчикъ при штабѣ алжирской арміи и одинъ изъ отличныхъ знатоковъ арабскаго языка. Первый томъ вышелъ недавно въ Алжирѣ (хотя матеріалы для него были готовы уже въ 1847 году); онъ содержитъ первую половину текста. Второй томъ и французскій переводъ печатаются. Это весьма любопытное сочиненіе содержитъ въ себѣ исторію государства, возникавшихъ со времени паденія Карфагена на сѣверномъ берегу Африки, прилежащемъ къ Средиземному морю.

Уже давно поговариваютъ объ учрежденіи въ Алжирѣ университета для магометанъ; онъ будетъ состоять изъ богословскаго и медицинскаго факультетовъ; ибо наученіе

правовѣдѣнія у мусульманъ тѣсно связано съ изученіемъ богословія. Профессорами сдѣлають ученѣйшихъ моллъ сѣверной Африки, разумется, на выгодныхъ для нихъ условіяхъ; для слушателей будутъ учреждены стипендіи. Медицину будутъ преподавать европейскіе ученые, какъ то въ Египтѣ и въ Индіи, пока они не образуютъ хорошихъ докторовъ изъ туземцевъ. Правительство французское колеблется между выгодами и опасностью подобнаго учрежденія; ибо фанатики-моллы весьма-легко стануть проповѣдывать съ каедръ войну противъ невѣрныхъ. Но съ другой стороны мысль сдѣлать Алжиръ средоточіемъ мусульманской образованности, Афинами Востока, весьма привлекательна для народной гордости Французовъ.

La France au temps des croisades ou Recherches sur les moeurs et coutumes des Français aux XII et XIII siècles. Paris. Techener. 1844—47. Сочиненіе это написано виконтомъ Вобланъ, состоящимъ въ службѣ Короля Баварскаго.

Оно состоитъ изъ четырехъ томовъ, каждый изъ нихъ посвященъ особому отдѣлу предмета; въ *первомъ* излагается политическое и религіозное положеніе Франціи въ продолженіи среднихъ - вѣковъ; во *второмъ* — военное устройство того времени; тутъ подробно говорится и о рыцарствѣ; въ *третьемъ* — тогдашнее состояніе науки, литературы, искусства, и наконецъ въ *четвертомъ* — состояніе промышленности и частная жизнь во Франціи въ средніе вѣка.

УРАГАНЫ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ И АМЕРИКѢ.

Въ теченіе прошедшаго лѣта страшныя грозы и бури опустошили значительную часть Швейцаріи; обширное пространство земли плодородной долины верхняго-Аартау, въ Бернскомъ кантонѣ, обращено, въ буквальный смыслъ въ пустыню. Буря и градъ свирѣпствовали здѣсь до такой степени, что мѣстами не осталось и признаковъ травы или посѣва. Въ другихъ мѣстахъ хлѣбъ поломанъ и прибитъ къ землѣ. Сады тоже сильно пострадали. Надежда на хорошій сборъ хлѣба уничтожена въ самое короткое время, но этихъ не ограничились потери, причиненныя бурей; самыя аданія не уцѣляли отъ нея. Почти на всѣхъ домахъ сорваны крыши.

даже потолки мѣстами пробиты; множество оконъ разбито; стѣны каменныхъ зданій иервщечены такъ, какъ будто-бы онѣ вынесли бомбардированіе. Нѣкоторыя градины, или, правильнѣе, льдины, были вѣсомъ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 фунта и отъ 6 до 7 дюймовъ въ поперечникѣ. Люди, находившіеся во время грозы на полѣ, воротились набитые и окровавленные. Дѣтей находили лежавшими въ полѣ безъ чувствъ отъ ушибовъ; ихъ приносили домой за-мертво. Лошади во время грозы останавливались какъ вкопанныя, и никакіе удары не могли заставить ихъ двинуться съ мѣста. Больше другихъ пострадалъ кантонъ Люцернъ; рассказы очевидцевъ грозы, разразившейся надъ Люцерномъ и его окрестностями 23 Августа в. ст. истинно-ужасны. Вотъ что писать одинъ очевидецъ:

Ураганы, которые низвергаютъ башни, разрушаютъ дома, раскрываютъ кровли, вырываютъ съ корнемъ столѣтніе дубы и даже убиваютъ людей, суть для Европы столь рѣдкія явленія природы, что дополнительныя подробности о приближеніи и дѣйствіяхъ ужаснаго феномена 22-го Августа, не могутъ быть безъ занимательности для естествоиспытателей и даже для всякаго образованнаго читателя. Послѣдніе дни я употребилъ на точнѣйшее обзорнѣе сценны опустошенія. О силѣ урагана можно получить болѣе правильное понятіе между Зеебургомъ и Меггенномъ, вдолъ холмистаго спуска озернаго берега, гдѣ лежатъ низверженныя деревья, которыхъ корни распространились въ землѣ на 40 квадратныхъ футовъ, и которыя при своемъ паденіи подняли цѣлую массу дерну, камней и земли. Одинъ старый Люцернецъ, котораго я спросилъ, видалъ-ли онъ подобную бурю на берегахъ Фирвальдштетскаго озера; отвѣчалъ отрицательно, прибавивъ къ тому, что надобно порыться въ очень-старинныхъ лѣтописяхъ, чтобы найти повѣствованіе о такомъ разрушительномъ явленіи. Пишущій эти строки провелъ нѣсколько лѣтъ на берегахъ бурнаго Чернаго моря, въ степяхъ скиѣскихъ; борей которыхъ еще въ древнія времена былъ столь славенъ и ужасенъ, что Эсхилъ, въ своемъ «Прометей» почелъ за нужное предупредить въ его свирѣпой силѣ самаго Геркулеса: но и въ тѣхъ странахъ я никогда не видалъ такой сильной бури.

Здѣсь можно вспомнить объ Вест-Индскихъ островахъ, ихъ страшныхъ ураганахъ, которыя разрушаютъ цѣлыя деревни; но и то надо замѣтить, что жилища Негровъ строятся не на такихъ прочныхъ каменныхъ фундаментахъ, какъ дома швейцарскихъ крестьянъ на берегахъ Фирвальдштедскаго озера. Утромъ 23-го Августа атмосфера не имѣла ничего необычайнаго. На синемъ горизонтѣ, очень-высоко носились легкія кудре-образныя облака (*cirri*). Пилать и многіе отроги альпійской цѣпи большую часть дня были невидимы. Около полудня, при температурѣ въ 18 градусовъ по Реомюру, надъ ледниками Бернскою возвышенности образовались, какъ обыкновенно, такъ-называемыя облака-груды (*cumuli*), съ которыми часто соединялись облака грядообразныя (*stratus*). Температура дня оставалась замѣчательно-одинаковою до начала бури. Вездѣ царствовало почти-совершенное безвѣтріе. Сѣверный вѣтеръ, который обыкновенно дуетъ здѣсь каждое утро, и южный, которымъ около полуденъ смѣняется первый, были едва замѣтны. Въ 6 часовъ вечера потянулась облачная гора отъ города Луцерна къ сѣверо-западу, между Пилатомъ и рѣчкою Эммою, этимъ обыкновеннымъ проводникомъ бури въ наше озеро. Различныя формы облаковъ соединились въ рѣзко-очерченное бурное облако, которое Форстеръ и Говардъ вѣроятно-бы назвали *cumulogratus*. Видъ этого облака, которое я при его образованіи очень-отчетливо наблюдалъ съ береговъ озера, казалось, не предвѣщало никакого необыкновеннаго явленія природы; но оно имѣло ту особенность, что представляло очень-опредѣленный и рѣзко-обрисованный очеркъ массы темныхъ паровъ, позади которой, на сѣверо-западѣ, была замѣтна удивительная ясность, освѣщавшая края тучи. По этому я сказалъ молодому Швейцару, который, стоя подле меня на берегу, смотрѣлъ на приближеніе облаковъ, что буря пройдетъ сегодня скорѣе, нежели обыкновенно. Въ самомъ дѣлѣ, обыкновенно, при скопленіи паровъ, идущихъ въ сѣверо-западномъ направленіи, не бываетъ этой рѣзкой очерченности темнаго края тучи. Кажется, что масса облаковъ опустилась въ первый разъ между устьемъ Эммы и такъ-называемою Солнечною горою, возвышающе-

юся надъ моремъ только на 2460 футовъ, и составляющею сѣверную ступень группы Пилата. На Гютшвальдѣ, буря заслужила себѣ первые шпоры, (!) опрокинувъ около 600 деревьевъ. На сѣверной сторонѣ Эммы еще не было замѣтно никакихъ слѣдовъ опустошенія. Съ невѣроятною быстротою пронесся ураганъ черезъ Луцернъ и достигъ такъ-называемой верхней равнины, и произвелъ тамъ страшныя опустошенія; но высшую степень своей бѣшеной силы онъ выказалъ только на западной сторонѣ Луцерискаго озера. Въ противность наблюденіямъ, которыя были дѣланы надъ всѣми обыкновенными бурями, вѣтеръ принялъ самое ровное направленіе. Кажется, что нигдѣ не было вихря или неправильнаго направленія вѣтра, что обыкновенно замѣчали при сильномъ электрическомъ разряженіи облаковъ. Всѣ вырванныя деревья, которыя я видѣлъ, лежали въ одномъ и томъ-же направленіи отъ сѣверо-запада къ юго-западу. Быстрота урагана была вполнѣ необыкновенная, и кажется; значительно превосходила всѣ, въ другихъ мѣстахъ замѣченныя, бури. Извѣстно, что 70 или 90 футовъ въ секунду или отъ 12 до 14 миль въ часъ, принимается, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, за наибольшую быстроту вѣтра. Къ сожалѣнію я ни въ Луцернѣ, ни въ Кринѣ, ни въ Меггенѣ не нашелъ ни одного человѣка, который-бы могъ дать мнѣ точное извѣстіе о хронологическомъ продолженіи феномена. Въ ужасѣ при видѣ такого чрезвычайнаго явленія никто не посмотрѣлъ на часы. Мнѣ кажется сомнительнымъ, чтобы электрическій зарядъ былъ силенъ. Молніи и громъ были не сильнѣе обыкновенныхъ, а вспышки огня были даже гораздо-кратковременнѣе тѣхъ, которыя мнѣ когда-либо здѣсь случалось наблюдать. Многіе остроумные метеорологи новѣйшаго времени во все не раздѣляютъ прежде господствовавшаго мнѣнія, будто-бы электричество служитъ первою дѣйствующею причиною при образованіи бури. Электричество, свободно и въ большомъ количествѣ, образуящееся во время бури, вѣроятно есть явленіе сопровождающее силу давленія, хотя его разряженіе, какъ кажется, существенно содѣйствуетъ быстрому ходу бури и многимъ уклоненіямъ въ продолженіе ея взрыва. Съ большею основательностію можно допустить, что въ бурю 23-го августа

слишкомъ-большое количество электричества менѣе содѣйствовало свирѣпому движенію вѣтра, чѣмъ противоположное ему электрическое свойство грядообразныхъ облаковъ. Известно, что одинаково-электрическія облака производятъ, при своемъ разрѣшеніи, тихій и одинаково-падающій дождь, который долго показываетъ, то одно, то другое электричество безъ быстрыхъ переменъ, какъ это бываетъ во время бури. За нѣсколько секундъ прежде, чѣмъ буря во всей своей силѣ достигла Зеебурга, видимыя посреди темной облачной массы, бѣлыя облачка увеличились. Они какъ обыкновенно, предвѣщали градъ, который отличался болѣе плотностію своей массы, чѣмъ величиною. Большія градины вѣсили около двухъ лотовъ и имѣли дюймъ въ поперечникъ, тогда-какъ по извѣстію Шюблера, при сильнѣйшихъ градовыхъ буряхъ, у подошвы высокихъ горъ, видали градины до четырехъ дюймовъ въ поперечникъ и въ полфунта вѣсомъ. Кратковременное продолженіе и определенное ограниченіе феномена суть обстоятельства особенно замѣчательныя. Въ пять или шесть минутъ свирѣпость грозы и бури совершенно истощилась. Озеро въ продолженіи десяти минутъ было въ необыкновенномъ движеніи, и вѣды достигали такой высоты, которая мало уступала высотѣ сильнѣйшаго волненія, какое я только видалъ на Нѣмецкомъ морѣ. Потомъ наступила почти-совершеннѣйшая тишина и спокойствіе. Четверть часа спустя послѣ начала бури на поверхности озера была замѣтна только легкая рябь, которая бываетъ при самомъ ясномъ небѣ и въ тихую погоду. Обыкновенное продолженіе бурь на Фирвальдштедскомъ озерѣ восходитъ отъ двухъ до трехъ часовъ. Также какъ и кратковременность, поразительна была определенная ограниченность бури. Она началась у подошвы Пилата, пронеслась черезъ Лудернское озеро, и потомъ слѣдовала сѣверо-западнымъ берегомъ Кюсснахтскаго озера. При Мюрлишахенѣ, на четверть часа пути ниже Мергена, сила ея истощилась. У рывинистой Кюсснахтской дороги не тронуто ни одно дерево. Въ Артѣ чувствовали лишь вѣтеръ обыкновенной бури. Пространство всей полосы, которую пробѣжалъ ураганъ, будетъ съ добрую милю въ длину и болѣе четверти мили въ ширину. У Адлигеншвилъ и

Эбикона замѣтны лишь малые слѣды опустошенія. При подошвѣ Риги не повреждено ни одного дерева. Еслибы облачная масса съ часъ шла далѣе къ юго-западу, то вся сила вѣтра разразилась-бы объ Риги, и красивыя, выстроенныя на веселой вершинѣ ея гостинницы, которыя отдѣлялись очень легкимъ потрясеніемъ, вѣрно стольже-бы мало могли противиться всей ярости урагана, какъ башенка церкви босоногихъ и печныя трубы въ Луцернѣ. Изъ строеваго лѣса буки, а изъ плодовыхъ деревьевъ орѣшины сильнѣе другихъ противились силѣ бури. По дорогѣ въ Меггенъ я не видѣлъ ни одного опрокинутаго бука, хотя многіе изъ нихъ, и самыя широкоствѣтныя, стояли на краю большой дороги. Что касается до платановъ, которые, какъ извѣстно, очень-глубоко пускаютъ корни, то, по близости отъ Луцерна, были опрокинуты самыя огромныя. Дубы держались еще слабѣе: на землѣ лежатъ такіе изъ нихъ, которые по справедливости можно назвать исполинами. У Меггена я замѣтилъ, что тѣ деревья, которыя обвиты ползучими растеніями и особенно плющемъ, не были опрокинуты бурей. Таковы довольно-многіе сладкіе каштаны, большею частію необыкновенной величины и толщины въ стволѣ. Тонкій и гибкій плющъ, густо обвивавшій эти деревья, очевидно служилъ имъ защитой. Нѣкоторыя изъ обвитыхъ такимъ образомъ деревьевъ были переломлены, но стволъ, сдерживаемый плющемъ, устоялъ не согнувшись. Наибольше пострадали плодовые деревья. Въ одной небольшой меггенской общинѣ ураганъ поломалъ болѣе 6,000 деревьевъ: весь убытокъ, понесенный одной этой общиной, цѣнится въ 140,000 франковъ!

Изъ Нью-Йорка отъ 9-го сентября пишутъ: Ураганъ, свирѣпствовавшій въ Пенсильваніи, Коннектикутѣ, Мерилендѣ и окрестностяхъ самаго Нью-Йорка, произвелъ неизмовѣрныя опустошенія. Кромѣ приблизительно-вычисленнаго убѣтка, понесеннаго жителями и простирающагося до 4-хъ милл. долларовъ, было и много смертныхъ случаевъ. Чтобы понять ужасъ всякой живой твари въ продолженіе этихъ трехъ дней, нужно представить себѣ, что все пространство

отъ залива Св. Лаврентія до Мексиканскаго было сплошь покрыто водою. Телеграфы всѣ почти пострадали. Сила дождя и вѣтра и быстрота наводненія превосходятъ всякое вѣроятіе: мосты и плотинны не уцѣли ни гдѣ; экипажи, лошади, цѣлыя деревянныя дома носились по водѣ, какъ орѣховыя скорлупы; нѣкоторыя трехэтажныя кирпичныя зданія разваливались, какъ карточные; цѣлыя мѣстечки, деревни, семейства похоронены живо. Гдѣ недосчитываются 10 человекъ, гдѣ 20, 30 и болѣе. Подобнаго ужаса не только не запомнить здѣсь никто изъ старожиловъ, но, вѣроятно, и невидано со времени потопа. Когда вода начала сбывать, поверхность земли представляла ни съ чѣмъ несравнимую картину опустошенія: оказалось, что большая часть жельницъ прорвано, другихъ нѣтъ и слѣда; по желѣзнымъ дорогамъ почти нѣтъ вѣды. Въ Пенсильваніи каналы Шункиль и Легикъ почти на всемъ ихъ протяженіи разрыты: бывшія на нихъ во время урагана лодки съ грузомъ и пассажирами исчезли. Сила потока Шункила разрушала безъ исключенія все. Въ Филадельфій поломаны всѣ гасопроводы, и темнота на улицахъ, отъ этого произшедшая, была тѣмъ еще ужаснѣе, что ночи были безлунныя. До самаго города Нью-Йорка ураганъ не дошелъ.

¹⁰
Новая звѣзда. — Г. Рамбонъ де-ла-Сагга представилъ парижской Академіи Наукъ статью испанскаго журнала «Esperanza» о новой телескопической звѣздѣ, открытой однимъ ваноникомъ Севилии, г-мъ Генаро Гуиллень-и-Каломардъ. Эта звѣзда, которую покуда можно видѣть только съ помощью телескопа, находится между полярною звѣздою и Малою-Медвѣдицей, близъ начала хвоста послѣдняго созвѣздія. Г. Каломардъ утверждаетъ, что она не была видна въ октябрѣ прошлаго года. Онъ сначала предполагалъ, что эта звѣзда та самая, которую видѣлъ еще въ 1109 г. толедскій астрономъ, Арабъ Арзахель, и которая потомъ исчезла. Замѣчательно однакожь, что Арзахель опредѣлилъ положеніе своей звѣзды иначе: его звѣзда находилась дальше отъ полярной звѣзды и не у хвоста, а ме-

жду четырехъ звѣздъ тѣловища Малой-Медвѣдицы. Увеличеніе вновь-открытой звѣзды, со дня ея открытія, таково, что, если оно будетъ продолжаться по той-же прогрессіи, то, вѣроятно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлается видна для простаго глаза.

ГРУСТНАЯ КОНЧИНА ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЯ. Знаменитый воздухоплаватель Галь недавно погибъ въ Бордо жертвою своей смѣлости. Онъ поднялся въ четверть седьмого, и часъ спустя благополучно опустился на землю. Нѣсколько поселянъ подошли къ шару и отвязали лошадь. Вѣтеръ въ это время былъ очень силенъ, и шаръ облегченный вдругъ поднялся съ такой быстротой, что воздухоплаватель упалъ въ лодку. Это паденіе вмѣстѣ съ стремленіемъ газа вѣроятно и убило его. Шаръ найденъ уже въ 11-ть часовъ вечера, но безъ Галья. Уже на другой день пастухъ набрелъ на его тѣло. Оно было совершенно-изуродовано: Галь лежалъ ничькомъ; руки были сломаны, кости поломаны во многихъ мѣстахъ, голова была наполовину объѣдена дикими звѣрями. Г. Жоржъ Галь, отставной лейтенантъ англійской морской службы, имѣлъ отъ роду сорокъ-три года; онъ уроженецъ Лондона. Послѣ него остались въ нуждѣ жена и девять человѣкъ дѣтей, которыхъ онъ содержалъ ремесломъ воздухоплаванія. Шаръ даже, въ котораго онъ совершалъ свои путешествія, принадлежалъ не ему, а особенному антрепренеру. Носятся слухи, будто-бы въ Парижѣ воздухоплаванія запрещены префектомъ полиціи.

ИГОРНЫЕ ДОМА ВЪ ГЕРМАНИИ, уничтоженные національнымъ франкфуртскимъ собраніемъ, родились въ самый день смерти собранія. Они открыты въ Гамбургъ, Баденъ, Висбаденъ, Вильгельмсбаденъ и Эмсъ. Во многихъ мѣстахъ есть и не открытые игорные дома: но правительство ихъ не преслѣдуетъ. Игра будетъ продолжаться всю зиму и въ Баденъ и въ Висбаденъ.

МАГОМЕТАВСКАЯ ТЕРПИМОСТЬ. — Въ одной изъ Смирскихъ газетъ рассказываютъ о событіи, выставленномъ сыновъ пророка съ новой стороны: «на этихъ дняхъ въ Константинополь на похоронахъ принцессы Атіе присутствовалъ, по приглашенію Султана; г. Караве Дютеръ. Это первый примѣръ, чтобы христіанинъ былъ публично допущенъ въ участію въ магометанскомъ обрядѣ. Нѣкоторымъ фанатикамъ это, безъ сомнѣній, не понравилось; но нельзя не предполагать, чтобы это нововведеніе не принесло пользы.

ЕЩЕ О ГАЛЛЕРЕѢ НИДЕРЛАНДСКАГО КОРОЛЯ. — Продажа картинъ кончена. Изъ англійскихъ любителей, однимъ маркизъ Гортортъ купилъ картинъ безъ малаго на 400 т. франк. Во Францію попали между прочимъ: Мадонна Перуджино, заплаченная 53 т. франк., и портретъ барона де-Вика, посла нидерландскаго, писанный Рубенсомъ, заплаченный 15 т. франк. Эти картины выставлены въ музей Лувра съ шестью рисунками Рафаеля, тремя—Микель-Анджело, четырьмя—Андре дель-Сарто, однимъ Леонардо-де-Винчи и двумя—Фра-Бартоломео, также вывезенными изъ Голландіи. Вся галлерея продана за 2,700,000 франк.

ПРЕМИИ ПАРИЖСКОЙ ШКОЛЫ ХУДОЖЕСТВЪ, объявленных на конкурсѣ по части ваанія, по приговору скульптурнаго отдѣленія Академіи выданы: первая — г. Шарль-Алфонсу Гюмери (уроженецъ Парижа, 23 лѣтъ, ученикъ Торнема); вторая г. Жанъ-Ипполитъ-Ромаэль Серра (уроженецъ Аахена, 28 лѣтъ, ученикъ Прадье); похвальный отзывъ получилъ г. Жанъ-Батлетъ Карпо (уроженецъ Валансиеннъ 23 лѣтъ, ученикъ Руддла).

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ОСТЪ-ИИДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. Изъ Лондона пишутъ; что въ восточной. Индіи составилось нѣсколько комитетовъ для отправленія на лондонскую выставку замѣчательнѣйшихъ произведеній туземной промыш-

шленности. Въ числѣ ихъ будутъ ювелирныя и золотыя издѣлія Дели и Кутана, и слѣдующіе предметы назначенные въ подарокъ Королевѣ Викторіи: 1) большая кашемировая палатка, вышитая золотомъ и серебромъ, мачта и колья изъ золоченой стали; вся палатка укладывается въ футляры изъ матоваго золота, на верхушкѣ котораго большая звѣзда изъ рубиновъ и бриліантовъ; 2) кушетка и шесть креселъ изъ рѣзной слоновой кости; 3) подушка, вытканная изъ золотой и серебряной проволоки съ именами Викторія и Альбертъ; начальныя буквы изъ бриліантовъ, остальные изъ крупнаго жемчуга; 4) сто-двадцать фигуръ въ человѣчскій ростъ, представляющія Индейцевъ обоаго пола, занимающихся туземными работами, со всеми орудіями для разнообразныхъ производствъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПАМЯТНИКЪ В. К. ДИМИТРІЮ ІОАННОВИЧУ ДОНСКОМУ, какъ мы уже назъщали, открытъ 8 Сентября, въ самый день Куликовской битвы. Мѣсто для сооруженія его выбрано было посреди Мамаева побойща, на возвышенномъ холмѣ, не напрасно носящемъ имя *Краснаго*, откуда взоръ обнимаетъ пространство кругомъ верстъ на 20 и далѣе, по теченію рѣкъ Неправды и Дона. Онъ имѣетъ видъ колоннымъ, вылитъ изъ чугуна и увѣнчанъ вызолоченнымъ свознымъ крестомъ, которому служить подножіемъ луна. Вышина всего памятника 43 аршина. Металла пошло на него до 50 т. пудовъ. На восточной его сторонѣ поставлена икона Божіей Матери, и подъ нею бронзовыми буквами слѣд. подпись: *Побѣдителю Татарѣ, Великому Князю Дмитрію Іоанновичу Донскому признательное поклоиство, лѣта отъ Рождества Христова 1848.* Пovyше кругомъ всей колонны помѣщены начало и конецъ XIV псалма: *Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обратившихъ ны збѣло. Сего ради не убоишя: Господь съ нами.* Читая сей псаломъ, говорятъ лѣтописцы, Дмитрій полетѣлъ на бранную стѣчу.

Обрядъ освященія начался крестнымъ ходомъ изъ близъ-лежащаго села Монастырщины, гдѣ въ тотъ день былъ храмовой праздникъ. По принесеніи къ памятнику св. иконъ и церковныхъ хоругвей, въ сопровожденіи тульскаго епископа и священнаго клира, совершены водоосвященіе и благодарное молебствіе; потомъ преосвященный произнесъ слово, — и наконецъ отпѣта была панихида объ упокоеніи всѣхъ подвижавшихся здѣсь на брани. — Дворянство тульское радушно угощало, при подножій памятника, многочисленныхъ посѣтителей, привлеченныхъ этимъ торжествомъ.

КРЕСТЬЯНОЕ ДѢВЧИЦЕ УЧИЛИЩЕ ВЪ С. СТРУПИИ
(Рязанской г. Зарайскаго у.) существуетъ съ 1 Ноября 1843 года, въ домѣ священника этого села, который принялъ на себя обязанность наставника. Мысль учрежденія училища принадлежитъ владѣтельница сѣла, Е.С. Боровдиной. Дѣвочки принимаются въ училище отъ 9 до 12 лѣтъ. Въ настоящее время въ немъ находится 12 дѣвицъ и 2 мальчика. Въ училище приходятъ онѣ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ которые всѣ онѣ ходятъ въ церковь. На Іюль и Августъ мѣсацы онѣ увольняются для занятія домашними работами. Въ короткіе зимніе дни онѣ приходятъ въ училище одинъ разъ. Классы начинаютъ и оканчиваютъ онѣ обычными молитвами, которыя читаютъ всѣ единогласно. Курсъ ученія оканчиваютъ въ два или три года, смотря по способностямъ; обучаются чтенію по церковной и гражданской печати, св. исторіи, закону Божію, церковному пѣнію, а нѣкоторыя, по назначенію помѣщицы, чистописанію, ариметикѣ и грамматикѣ. Азбукѣ учатся приблизительно къ методу взаимнаго обученія, а св. исторіи съ разсказа учителя. Полученное въ училищѣ образованіе дѣвицы распространяютъ и на другихъ; каждой выученицѣ дается по два и по три ученика мальчика, которые осенью и зимою, въ свободное вечернее время, ходятъ къ своимъ учительницамъ на домъ. Это домашнее обученіе произвело то, что теперь въ селѣ Струпиѣ нѣтъ ни одного мальчика, который не умѣлъ-бы прочесть Символа Вѣры, заповѣдей Господнихъ, потребныхъ молитвъ, и не имѣлъ-бы понятія о главныхъ истинахъ христіанства. Лучшимъ доказательствомъ процвѣтанія этого училища служатъ слѣд. слова Высокопреосвященнаго Гавріила, Архіепископа рязанскаго: «При личномъ посѣщеніи моемъ струпянскаго училища, испытывая, въ присутствіи учредительницы онаго, дѣвицъ, крестьянокъ ея, въ знаніи молитвъ, закона Божія, св. исторіи и церковномъ пѣніи, я съ удовольствіемъ слушалъ ихъ дѣтскіе, простымъ языкомъ, съ понятіемъ и чувствомъ выражаемые отвѣты, и вполне остался оными удовлетвореннымъ и утѣшеннымъ. Даруй Боже, чтобы подобныя училища болѣе и болѣе распространялись въ богохранимомъ нашемъ отечествѣ».

ПОЖЕРТВОВАНІЕ КРАШЕНИННИКОВА.—Исчисленный прежде итогъ пожертвованій М. И. Крашенинникова (о которыхъ мы упоминали въ свое время), протиравшійся до 480 т. р. сер., надобно увеличить еще 30,000 р. с., завѣщанными имъ въ пользу г. Юрьева (Владим. г.) на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ сдѣланы были пожертвованія для городовъ Московской г. Такимъ-образомъ вся сумма доселѣ извѣстныхъ пожертвованій его простирается до 510,000 р. с. Москвитянинъ повторяетъ усердную просьбу ко всѣмъ, знавшимъ покойнаго, о сообщеніи какихъ-либо извѣстій о жизни этого достойнаго вѣчной памяти мужа.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВЫЙ ПОДВИГЪ СОЛДАТКИ. — Въ Дерптѣ 1 Августа, солдатка, работавшая на берегу р. Эмбаха, увидѣла незнакомаго ей парня, который, купавшись, унесенъ на глубину рѣки и неминуемо долженъ былъ погибнуть. Женщина бросилась въ рѣку, спасла его отъ смерти, но притомъ сдѣлалась жертвою своего великодушнаго поступка, ибо вблизи не было никого, кто могъ-бы подать ей помощь. Послѣ нея остались двое дѣтей, изъ коихъ одинъ шестилѣтній, которыхъ старый, хилый отецъ не въ состояніи прокормить. Желающіе помочь бѣднымъ дѣтямъ, оставшимся послѣ этой великодушной женщины, могутъ присылать свои пожертвованія въ редакцію Дерптской газеты *Inland*.*

БЕЗКОРЫСТІЕ РУССКАГО СОЛДАТА. — Приводимъ одинъ изъ многихъ примѣровъ безкорыстія русскаго солдата, представляющаго выше всего святость данной присяги — служить вѣрою и правдою. Въ Сентябрѣ 1848 г. оброну былъ слѣдовавшій изъ Бахмута въ Харьковъ чемоданъ съ корреспонденціею. Чемоданъ этотъ найденъ былъ рядовымъ Оренбургскаго уланскаго полка, Павломъ *Пръсьнымъ*, и пред-

* Вскорѣ послѣ того, какъ было напечатано это извѣстіе въ Сѣв. Пчелѣ, редакція *Inland* получила, для доставленія сиротамъ, 15 р. сер., отъ *мардейскихъ* солдатъ (неизвѣстно какого полка) въ память ласковаго приѣма въ Дерптѣ во время прохода гвардіи черезъ городъ въ 1849 г.—Дерптскіе-же любители музыки, преимущественно изъ студентовъ, дали благотворительный концертъ въ пользу сиротъ.

ставленъ имъ своему начальству. По осмотру чеходана все заключавшееся въ немъ вложеніе (слишкомъ 8 т. р. с.) оказалось въ цѣлости. По доведеніи о семъ поступкѣ до Высочайшаго свѣдѣнія, Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ: выдать рядовому, на основаніи положенія объ устройствѣ почтовой части, по 10 к. съ рубля заключавшихся въ чеходанѣ денегъ, т. е. слишкомъ 800 р. с.

ГОРОДСКІЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ С.-ПЕТЕРБУРГА НА 1850 ГОДЪ. — По С.-Петербургской городской росписи на 1850 г., исчислено: расходовъ до 2,040,000 р. с., доходовъ около 2,118,000 р. с., слѣд. въ остаткѣ до 78 м. сверхъ того расходовъ чрезвычайныхъ, на счетъ особыхъ источниковъ, слишкомъ 770 т. Общая-же сумма расходовъ простирается до 2,810,000, а средства для покрытія ихъ исчислены въ 2,888,000 р. с. — Въ то-же время состояніе городскихъ капиталовъ и долговъ было слѣд.: капиталовъ 1,788,000, долговъ болѣе 1,409,00.

ТОРГОВЛЯ ШЕРСТЬЮ НА РОМЕНСКОЙ ИЛЬИНСКОЙ ЯРМАРКѢ, въ нынѣшнемъ году, представляла слѣд. цифры: привезено шерсти разныхъ сортовъ до 57 т. пудовъ, на сумму около 525 т. р. с.; изъ этого количества продано до 51½ т. пуд. на сумму почти 450 т. р. с. шерсть *перегонка*, составлявшая главную статью привоза (до 44 т. п.) продавалась отъ 4½ до 16½ р. за пудъ — сравнительно съ прошлымъ годомъ на 26% дороже.

СТОПАТНАДЦАТИ-ЛѢТНЯЯ ПОВИВАЛЬНАЯ БАВКА И КОСТОПРАВКА. — Въ сельцѣ Рожественѣ, Подчерномъ тожъ, Мценскаго уѣзда, на Курской дорогѣ, живетъ вдова Ирина Родіонова, которой, по ревизской сказкѣ 9 ревизіи, минуло въ нынѣшнемъ году 115 лѣтъ. Примѣры столь глубокой старости, можетъ быть, не рѣдки въ свѣтѣ; но не всѣ старики въ такія лѣта сохраняютъ зрѣніе и слухъ, память и разсудокъ, и едва-ли нѣкоторые изъ нихъ бываютъ такъ полезны для ближнихъ, какъ наша старушка Ирина Родіоновна, которая до-нынѣ еще въ своемъ околоткѣ замѣняетъ повивальную бабку и костоправа. Особенная ловкость, умѣнье и удача въ

этомъ дѣлѣ столько прославили ее, что за нею привѣзжаютъ за нѣскольکو верстѣ. Въ бытность мою тамъ сего года въ началѣ Августа, мучилась родами жена у одного прихожанина въ ближнемъ селѣцѣ, въ полутора верстахъ отъ Рождествена. Въ часъ полуночи озабоченный мужъ тихонько прибѣгаетъ къ Иринѣ Родіоновнѣ; тщетно отказывается она итти за слабостію силъ и темнотою ночи: онъ поднимаетъ ее на плеча и несетъ къ своей страдавшей женѣ. Вскорѣ наша старушка благополучно приняла на руки здоровенькаго мальчика къ отрадѣ матери и къ радости отца. «Богъ съ милостью, а бабка съ руками,» говоритъ она. И дѣйствительно, Богъ благословилъ ее особеннымъ даромъ помогать и въ трудныхъ родахъ. Дѣло свое начинаетъ и оканчиваетъ она молитвою; сухія и костлявыя ея руки необыкновенно гибки и ловки въ пріемахъ. Не книга, но сама природа учила безграмотную старушку повивальному искусству; въ простыхъ, но вѣрныхъ ея пріемахъ видна природная ловкость, смѣтливость и навыкъ, замѣняющій науку.

Съ такимъ-же успѣхомъ Ирина Родіоновна занимается до сихъ поръ костоправствомъ. Вывихнетъ-ли, или переломитъ кто въ околоткѣ руку, ключицу въ плечѣ, ногу и т. д., ѣдутъ къ бабушкѣ Иринѣ, которая тотчасъ справитъ переломъ и вывихъ. Не такъ давно одна барыня свихнула себѣ ногу, выскочивъ изъ коляски, у которой сломалась ось и колесо. На большой дорогѣ она лежала безъ помощи съ ужасною болью въ ногѣ; но сосѣдніе крестьяне сказали ей про бабушку Ирину. По призыву, она явилась на помощь, справила барынѣ ногу, такъ-что барыня черезъ двое сутки могла отправиться въ дорогу. Можетъ-быть, подумаютъ, что наша костоправка и безъ вывѣски должна бы быть богатою. Нѣтъ, она христіански-безкорыстна: пятакъ и гривенна, получаемые ею за труды, идутъ въ церковь Божію на свѣчки. Данный ей барынею за лѣчение пятыалтынникъ отдала Ирина на масло въ церковь-же. Получая пріютъ и пропитаніе отъ помѣщика, она ничего лишняго не желаетъ.

* Честъ и благодарностъ г-ну Черепахину, посвятившему себя этому важному искусству съ примѣрнымъ самою жертвованіемъ и безкорыстіемъ.

Старушка благодаритъ Бога, что онъ на второмъ столѣтїи жизни ея неопустилъ ей быть въ праздности и далъ силы помогать ближнимъ.

Не лишнимъ почитаю сказать о личности бабушки Ирины. Она роста малаго, сухощава; но въ тускнѣющихъ глазахъ ея видна смѣтливость. Зубы ея, хотя частію съѣдены, но еще служатъ. При замѣтной дряхлости, она ходитъ безъ палки. Когда-же въ разговорѣ нападетъ на любимый предметъ, лице ея оживляется и рѣчь льется. Память и разумокъ не оставили ее; у ней свѣжо еще преданіе о царствованїи Елисаветы Петровны, о московскомъ морѣ, о Пугачевѣ и пр. Но о 1812 годѣ имѣетъ сбивчивыя понятїя: нашествїе Французовъ она смѣшиваетъ съ польскимъ нашествїемъ, о коемъ, вѣроятно, слыхала въ дѣтствѣ своемъ.

Пища нашей старушки весьма-умѣренная: сухарики чернаго хлѣба, размоченныя въ водѣ или квасѣ, грешневая каша, молоко. Чаю она не пьетъ, предпочитая ему чарку горѣлки; но пьяною во всю жизнь, по ея словамъ, не бывала. Нѣсколько лѣтъ томитъ ее бессонница; съ сумерекъ до зари она не спитъ, то полежитъ на своей койкѣ, то посидитъ у окна, то убаюкиваетъ своего правнука. Хотя я слышалъ отъ другихъ, но хотѣлъ самъ узнать, въ чемъ она проводитъ тяжкое время бессонной ночи. Простоявъ нѣсколько часовъ у краснаго окошечка ея избушки, я слышалъ, какъ она читала молитвы, призывала сотни именъ святыхъ, вспоминала о здравїи живыхъ ея родныхъ, своихъ господъ и благодѣтелей, объ упокоенїи усопшихъ родителей своихъ, прежнихъ господъ, духовныхъ своихъ отцевъ, которыхъ она пережила десятки. И это повторяется ею каждую ночь; предъ разсвѣтомъ засыпаетъ и проспитъ не болѣе двухъ часовъ, потомъ встаетъ и, помолясь, принимается за свое дѣло. Днемъ бабушка Ирина прядетъ ленъ или шерсть, вяжетъ чулки и пасетъ индѣекъ, коихъ никому не хочетъ поручить, хотя она давно освобождена отъ всякой работы. Я забылъ сказать, что при ней живетъ 75-лѣтняя дочь ея, которая умственными способностями не похожа на мать свою и, по видимому, одинакихъ съ нею лѣтъ. Во всѣхъ трудахъ сопутствуютъ ей молитвы, оживляющія ея земное бытїе.

(Письмо П. М. Леонтьева къ редактору).

М. Г. М. П. Въ 17-мъ № вашего журнала въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій была напечатана небольшая статья о мицц-кабинетѣ Казанскаго университета, заимствованная изъ Казанскихъ Вѣдомостей. Для сравненія въ ней приведено число монетъ и медалей другихъ нумизматическихъ собраній, находящихся при русскихъ университетахъ. Но при этомъ относительно Московскаго университета вкралась очень-большая невѣрность, которую вы, конечно, будете рады исправить. Въ московскомъ мицц-кабинетѣ находится не 740 монетъ, какъ тамъ сказано, а 14,213, следовательно въ двадцать разъ больше, и московскій университетскій мицц-кабинетъ уступаетъ одному харьковскому, съ казанскимъ почти равенъ и значительно больше кievскаго и всѣхъ прочихъ. Къ медалямъ и монетамъ, сохраняющимся въ московскомъ мицц-кабинетѣ, слѣдуетъ еще присоединить огромное собраніе сѣрныхъ оттисковъ (болѣе 10,000 шт.) съ греческихъ монетъ, составленное покойнымъ академикомъ Калеромъ и приобретенное послѣ его смерти для московскаго мицц-кабинета графомъ С. Г. Строгановымъ. Оно значительно превосходитъ извѣстное мицпетовское собраніе оттисковъ, можно даже утверждать, что такого богатаго и полнаго собранія копій нѣтъ нигдѣ. Это еще увеличиваетъ значеніе московскаго мицц-кабинета.

Статья, о которой я упомянулъ, была перепечатана и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, къ сожаленію, съ тою-же невѣрностію. Надѣюсь, что редакція Москвитянина, слѣдуя обычаю, вездѣ господствующему, обратитъ болѣе вниманіе на мое замѣчаніе. Имѣю честь быть и пр.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ТАБЛИЦА МИНИСТРОВЪ ФРАНЦІИ СЪ 9-го АВГУСТА 1830 Г. ПО 24-е ФЕВРАЛЯ 1848 ГОДА.

Число.	Фамиліи министровъ.	Какимъ управляютъ министерствомъ.	В р е м я		Сколько упр. министрет.			Общая сложность управленія.			
			Избранія.	Отставки.	лѣтъ	мѣсяц.	дней	лѣтъ	мѣсяц.	дней	
1	Гизо	Внутреннихъ Дѣлъ.									
		Торговли и Публичныхъ работъ.	11 Авг. 1830	2 Нояб. 1830	—	2	22	}	11	4	2
		Народ. Просвѣщ.	11 Окт. 32	10 Нояб. 34	2	1	—				
		idem.....	18 Нояб. 34	22 Февр. 36	1	3	4				
		idem.....	6 Сент. 36	15 Апр. 37	—	7	9				
Иностран. Дѣлъ....	29 Окт. 40	24 Февр. 8	7	3	26						
2	Дюшатель (графъ)	Торговли и землед.	4 Апр. 34	10 Нояб. 34	—	7	6	}	10	7	4
		idem.....	18 Нояб. 34	22 Февр. 36	1	3	4				
		Финансовъ.....	6 Сент. 36	15 Апр. 37	—	7	9				
3	Маршалъ Сульть (герц. Далматскій).....	Внутреннихъ Дѣлъ	12 Мая 39	1 Март. 40	—	9	18	}	8	10	24
		idem.....	29 Окт. 40	24 Февр. 48	7	5	26				
4	Мартенъ (дю-Норъ).....	Военнымъ.....	17 Нояб. 30	18 Юня 34	3	8	1	}	8	1	14
		Иностран. Дѣлъ....	12 Мая 39	1 Март. 40	—	9	18				
		Военнымъ.....	29 Окт. 40	10 Нояб. 45	5	—	12				
5	Кюень-Гриденъ.	Торговли и Публичныхъ работъ.	19 Сент. 36	31 Март. 39	2	6	12	}	7	—	1
		Юст. и Дух. Дѣлъ.	29 Окт. 40	10 Март. 47	6	4	12				
6	Лакавъ-Ланганъ.	Землед. и Торгов.	12 Мая 39	1 Март. 40	—	9	18	}	8	1	14
		idem.....	29 Окт. 40	24 Февр. 48	7	3	26				
7	Бартъ.....	Финансовъ.....	15 Апр. 37	31 Март. 39	1	11	16	}	7	—	1
		idem.....	25 Апр. 42	10 Мая 47	5	—	15				
7	Бартъ.....	Народн. Просв. и Духовныхъ Дѣлъ	27 Дек. 30	13 Март. 31	—	2	14	}	5	2	22
		Юстиціи.....	13 Март. 31	11 Окт. 32							
		Юст. и Дух. Дѣлъ.	14 Окт. 32	31 Дек. 32	3	—	22				
		Юстиціи.....	31 Дек. 32	4 Апр. 34							
		Юст. и Дух. Дѣлъ.	15 Апр. 37	31 Март. 39	1	11	16				

За сообщеніе этой любопытной таблицы Редакція обязана г. Купреянову и свидѣтельствуетъ за нее свою искреннюю благодарность.

Отд. V.

8	Сальванди (графъ)	Народнаго Просв.	15	Апр.	37	31	Март.	39	1	11	16	5
		idem.....	1	Фев.	45	24	Февр.	48	3	—	24	
9	Вильменъ.....	Народнаго Просв.	12	Мая	39	1	Март.	40	—	9	18	4
		idem.....	29	Окт.	40	30	Дек.	44	4	2	1	
10	Дюперре (баронъ адмиралъ).....	Морскихъ силъ и Коловий.....	22	Нояб.	34	6	Сент.	38	1	9	15	4
		idem.....	12	Мая	39	1	Март.	40	—	9	18	
		idem.....	29	Окт.	40	7	Февр.	43	2	3	9	
11	Гюманъ.....	Финансовъ.....	11	Окт.	32	10	Нояб.	34	2	1	—	4
		idem.....	18	Нояб.	34	18	Янв.	36	1	2	—	
		idem.....	29	Окт.	40	25	Апр.	42	1	5	27	4
12	Тьеръ.....	Внутреннихъ Дѣлъ.	11	Окт.	52	31	Дек.	32	—	2	20	
		Торг. и Пуб. Раб.	31	Дек.	32	4	Апр.	34	1	3	4	4
		Внутр. Дѣлъ и Публич. Работъ.	4	Апр.	34	10	Нояб.	34	—	7	6	
		idem.....	18	Нояб.	34	22	Февр.	36	1	3	4	
		Иностран. Дѣлъ.....	22	Февр.	36	6	Сент.	36	—	6	15	
		idem.....	1	Мар.	40	29	Окт.	40	—	7	28	4
13	Монталле (графъ-де).....	Внутр. Дѣлъ Торгов. и Пуб. Раб.	2	Нояб.	30	13	Март.	31	—	4	11	
		Народн. Просв. и Духовныхъ Дѣлъ.	18	Март.	31	27	Апр.	32	1	1	14	4
		Внутреннихъ Дѣлъ.	27	Апр.	32	11	Окт.	32	—	5	14	
		idem.....	22	Февр.	36	8	Сент.	36	—	6	15	
		idem.....	15	Апр.	37	31	Март.	39	1	11	16	
14	Дюмонъ.....	Публич. Работъ.	16	Дек.	43	10	Мая	47	3	4	25	4
		Финансовъ.....	10	Мая	47	24	Февр.	48	—	9	15	
15	Д'Аргу (графъ)....	Мор. Силъ и Колон.	17	Нояб.	30	13	Март.	31	—	3	24	4
		Торг. и Публ. Раб.	13	Мар.	31	31	Дек.	32	1	9	18	
		Внут. и Дух. Дѣлъ.	31	Дек.	32	4	Апр.	34	1	3	4	
		Финансовъ.....	18	Янв.	36	6	Сент.	36	—	7	17	
16	Равья (графъ)....	Мор. Силъ и Колон.	13	Март.	31	4	Апр.	34	3	—	22	3
		Иностран. Дѣлъ.....	4	Апр.	34	10	Нояб.	34	—	7	6	
		idem.....	18	Нояб.	34	12	Март.	35	—	3	22	3
17	Тестъ.....	Торговли и землед.	10	Нояб.	34	18	Нояб.	34	—	—	8	
		Юст. и Дух. Дѣлъ.	12	Мая	39	1	Март.	40	—	9	18	3
		Публич. Работъ..	29	Окт.	40	16	Дек.	43	3	1	17	
18	Мако (вице-адмиралъ баронъ)....	Мор. Силъ и Колон.	24	Юля	43	10	Мая	47	3	9	17	3
19	Моле (графъ).....	Иностран. Дѣлъ.....	11	Авг.	30	2	Нояб.	30	—	2	22	
		idem.....	6	Сент.	36	31	Март.	39	2	6	25	2
20	Броль (герц. de Broglie).....	Нар. Пр. и Дух. Д.	11	Авг.	30	2	Нояб.	30	—	2	22	
		Иностран. Дѣлъ.....	11	Окт.	32	4	Апр.	34	1	5	24	2
		idem.....	12	Март.	35	22	Февр.	36	—	11	10	
21	Розамель.....	Морс. Силъ и Колон.	6	Сент.	36	31	Март.	39	2	6	25	2
22	Бернаръ (баронъ).	Военныхъ.....	10	Нояб.	34	18	Нояб.	34	—	—	8	
		Idem.....	19	Сент.	36	31	Март.	39	2	6	12	2
23	Персиль.....	Юст. и Дух. Дѣлъ.	4	Апр.	34	22	Февр.	36	1	10	18	
		idem.....	6	Сент.	36	15	Апр.	37	—	7	—	2
24	Себастьяни (маршграфъ).....	Мор. Силъ и Колон.	11	Авг.	30	17	Нояб.	30	—	3	26	
		Иностран. Дѣлъ.....	17	Нояб.	30	11	Окт.	32	1	10	24	2
25	Луи (баронъ).....	Финансовъ.....	11	Авг.	30	2	Нояб.	30	—	2	22	
		idem.....	13	Март.	31	11	Окт.	32	1	6	28	1

26	Сентъ-Зояъ.....	Военнымъ.....	10	Нояб.	45	10	Мая	47	1	6	—	1	6	—
27	Мезонъ (маршалъ маркизъ).....	Иностран. Дѣль.....	2	Нояб.	50	17	Нояб.	50	—	15	—	1	4	21
28	Пасси.....	Военнымъ.....	50.	Апр.	55	6	Сент.	56	1	4	6	—	—	—
		Финансовъ.....	10	Нояб.	54	18	Нояб.	54	—	—	8	—	—	—
		Тор. Зем. и Пуб. Р.	22	Февр.	56	6	Сент.	56	—	6	15	—	1	4
		Финансовъ.....	12	Мая	59	1	Март.	40	—	9	18	—	—	11
29	Руссенъ (баронъ).	Мор. Силъ в Колон.	4	Апр.	54	19	Мая	54	—	1	15	—	—	—
		idem.....	1	Март.	40	29	Окт.	40	—	7	28	—	1	5
		idem.....	7	Февр.	43	24	Юля	43	—	5	17	—	—	—
30	Пеле-де-ла-Ль- зеръ (баронъ)..	Народнаго Просв..	22	Февр.	56	6	Сент.	56	—	6	15	—	1	2
		Финансовъ.....	1	Март.	40	29	Окт.	40	—	7	28	—	—	13
31	Перье (Казимиръ).	Внутреннихъ Дѣль.	15	Март.	51	27	Апр.	52	1	1	14	—	1	1
32	Ланъ (герц. де- Монтебелло).....	Иностранн. Дѣль.	31	Март.	59	12	Мая	59	—	1	12	—	—	14
		Мор. Силъ в Колон.	10	Мая	47	24	Февр.	48	—	9	14	—	10	26
33	Шнейдеръ.....	Военнымъ.....	12	Мая	59	1	Март.	40	—	9	18	—	—	18
34	Дюфоръ.....	Публичн. Работъ..	12	Мая	59	1	Март.	40	—	9	18	—	—	18
35	Геберъ.....	Юстиции.....	15	Март.	47	24	Февр.	48	—	11	9	—	11	9
36	Трезель.....	Военнымъ.....	10	Мая	47	24	Февр.	48	—	9	14	—	—	14
37	Жеръ.....	Публичн. Работъ..	10	Мая	47	24	Февр.	48	—	9	14	—	—	14
38	Деспанъ Кюберъ	Военнымъ.....	31	Март.	59	12	Мая	59	—	1	12	—	—	10
		idem.....	1	Март.	40	29	Окт.	40	—	7	28	—	—	9
39	Гаспаренъ (графъ)	Внутреннихъ Дѣль.	6	Сент.	56	15	Апр.	57	—	7	9	—	—	21
		idem.....	31	Март.	59	12	Мая	59	—	1	12	—	—	21
40	Кузенъ.....	Народнаго Просв..	1	Март.	40	29	Окт.	40	—	7	28	—	—	28
41	Гуэнь (Gouin)....	Торговли и Земл..	1	Март.	40	29	Окт.	40	—	7	28	—	—	28
42	Жюберъ (графъ)..	Публичн. Работъ..	1	Март.	40	29	Окт.	40	—	7	28	—	—	28
43	Ремюза.....	Внутреннихъ Дѣль.	1	Март.	40	29	Окт.	40	—	7	28	—	—	28
44	Вивьенъ.....	Юст. и Дух. Дѣль.	1	Март.	40	29	Окт.	40	—	7	28	—	—	28
45	Жиро де-л'Энь (баронъ).....	Нар. Просв. и Дух. Д.	50	Апр.	52	11	Окт.	57	—	5	11	—	—	23
		Юст. и Дух. Дѣль.	31	Март.	59	12	Мая	59	—	1	12	—	—	23
46	Жераръ (марш. графъ).....	Военнымъ.....	11	Авг.	50	17	Нояб.	50	—	3	6	—	—	17
		idem.....	18	Юля	54	29	Окт.	54	—	3	11	—	—	17
47	Созе.....	Юст. и Дух. Дѣль.	22	Февр.	56	6	Сент.	56	—	6	15	—	—	15
48	Жакобъ.....	Мор. Силъ в Колон.	19	Мая	54	10	Нояб.	54	—	5	22	—	—	22
49	Дюпонъ де-л'Эръ.	Юстиции.....	11	Авг.	50	27	Дек.	50	—	4	16	—	—	16
50	Лавиттъ.....	Финансовъ.....	2	Нояб.	50	13	Март.	51	—	4	11	—	—	11
51	Мерилью (Méril- hou).....	Нар. Пр. и Дух. Д.	2	Нояб.	50	27	Дек.	50	—	1	25	—	—	25
		Юстиции.....	27	Дек.	50	8	Март.	51	—	2	9	—	—	4
52	Мортъе (маршалъ герц. Тревизск)	Военнымъ.....	18	Нояб.	54	12	Март.	55	—	3	22	—	—	22
53	Готье.....	Финансовъ.....	31	Март.	59	12	Мая	59	—	1	12	—	—	12
54	Паранъ.....	Народнаго Просв..	31	Март.	59	12	Мая	59	—	1	12	—	—	12
55	Тюпице баронъ).	Мор. Силъ в Колон.	31	Март.	59	12	Мая	59	—	1	12	—	—	12
56	Брессонъ.....	Иностран. Дѣль.....	10	Нояб.	54	18	Нояб.	54	—	—	8	—	—	8
57	Дюпенъ.....	Мор. Силъ в Колон.	10	Нояб.	54	18	Нояб.	54	—	—	8	—	—	8
58	Маре (герц. Бас- сано).....	Вну. Д. и Пуб. Раб.	10	Нояб.	54	18	Нояб.	54	—	—	8	—	—	8

Примѣч. 1. Съ 11 Августа по 2 Ноября 1850 г. Каз. Перье, Лавиттъ, Дюпенъ и Вивьенъ были членами Совѣта Министровъ, не имѣя портфеля. Съ 21 Апрѣля по 16 Мая 1852 г. Каз. Перье былъ министромъ безъ портфеля.

Примѣч. 2. Суэльтъ, герц. Далматскій, съ 10 Ноября 1845 г. по 22 Сентября 1847 г. былъ президентомъ Совѣта; послѣ него до февральской революціи исправлялъ эту должность Гизо.

Примѣч. 3. Каз. Перье, Риньи, Гюманъ и Мартинъ дю-Норъ, умерли въ званіи министровъ, на службѣ.

ОБРАЩЕНІЕ ВЕКСЕЛЕЙ ВЪ АНГЛІИ. — Въ лондонскомъ статистическомъ обществѣ гнѣто Ньюмаршъ изложилъ вкратцѣ важнѣйшіе результаты большаго изслѣдованія, которыми онъ долго занимался, именно: о количествѣ цѣнности обращающихся въ Англіи векселей въ теченіе 20 лѣтъ отъ 1828 до 1847 г. До-сихъ-поръ сдѣланы только одинъ опытъ опредѣлить это количество банкиромъ Литемъ (Leatham). Труднѣе всего установить среднюю сумму и среднее время для каждаго разряда векселей; между тѣмъ, пока этого не сдѣлано, свѣдѣнія отъ вѣдомствъ, налагающихъ клеймы на векселя, не могутъ имѣть большой цѣны. Ньюмаршъ совѣтовался съ шестью знатнѣйшими лондонскими банкирами, и они подробно изслѣдовали 4367 векселей на сумму 1,216,884 ф. ст. Общій результатъ тотъ, что въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, среднимъ числомъ, было въ обращеніи въ Англіи 79,127,000 и въ Шотландіи 17,380,000 ф. ст. Изъ послѣдней суммы на одинъ Ливкашейръ, гдѣ сосредоточена бумагопрядильная промышленность, приходилось почти 11 мил. ф. Слѣдственно цѣнность обращающихся въ Англіи векселей постоянно въчетверо больше цѣнности билетовъ англійскаго банка. О цѣнности векселей, выданныхъ въ Англіи на чужіе края, нѣтъ свѣдѣній, хотя Ньюмаршъ занимается изслѣдованіемъ и этого предмета. Онъ даже не остановился на вышеприведенныхъ статистическихъ данныхъ, а вывелъ изъ нихъ общія заключенія, и между прочимъ, одно такое, которое совершенно противорѣчитъ доселѣ дознанному. Донынѣ самые достовѣрные авторитеты считали неоспоримымъ, что измѣненія въ обращеніи векселей совершенно соотвѣтствуютъ подобнымъ измѣненіямъ въ курсѣ банковыхъ билетовъ, такъ-что лишніе билеты пораждали лишніе векселя. Изслѣдованія Ньюмарша привели къ противоположному заключенію: что между банковыми билетами и векселями вовсе нѣтъ никакой связи, или есть очень-слабая, и что н. п. увеличеніе въ обращеніи векселей не соотвѣтствуетъ періодамъ оживленной торговли, а напротивъ доказываетъ дурное ея состояніе. Такъ н. п. 1847 годъ былъ самымъ высокімъ для обращенія векселей въ періодъ 1828—1847.

ВЫДѢЛКА ШАЛЕЙ ВЪ КАШМИРѢ. — Три англійскихъ офицера, вѣдившіе въ прошедшемъ году въ Кашмирѣ, упоминають въ описаніи своего путешествія о нѣкоторыхъ подробностяхъ по выдѣлкѣ шалей, занимательныхъ для торговли этою важною статьею. Здѣсь помѣщается отрывокъ изъ ихъ описанія.

«Какъ, бывши въ Кашмирѣ, не посмотрѣть выдѣлку шалей? Мы употребили на это большую часть короткаго нашего досуга и къ сожалѣнію услышали, что эта прекрасная отрасль мѣстной промышленности въ упадкѣ; ибо вмѣстѣ съ улучшеніемъ французскихъ и англійскихъ шалей, спросъ на кашмирскія шаши безпрерывно уменьшается. Секретъ, какъ извѣстно, заключается не въ способѣ выдѣлки, а въ отличной добротѣ и мягкости козьей шерсти въ верхнемъ Тибетѣ, съ которою никакая другая не можетъ сравниться; козы эти водятся на верхнихъ тибетскихъ площадяхъ, гдѣ господствуетъ жестокая стужа, и природа для предохраненія этихъ животныхъ отъ пронзительныхъ зимнихъ вѣтровъ надѣлила ихъ тѣмъ нѣжнымъ пухомъ, который составляетъ матеріалъ для шалей. Купцы скупаютъ эту шерсть, разъ въ году свозятъ ее въ Кашмиръ и продаютъ фабрикантамъ шалей. Тамъ она сначала тщательно очищается, потомъ окрашивается въ разные цвѣта, — для чего мѣстные красильщики имѣютъ подъ рукою всѣ нужныя вещества, какъ минеральныя, такъ и растительныя, исключая только зеленой краски. Зеленую получаютъ они вываркою изъ англійскихъ зеленыхъ бумажныхъ матерій; краска эта очень-пріятна для глазъ и прочна, а магметане считаютъ зеленый цвѣтъ за священный, и потому спросъ на зеленыя шаши значительный. Шальные узоры рисуются на бумагѣ маленькими образчиками съ возможно отчетливостію; при трудномъ узорѣ за одну рисовку платять часто 50 рупій (ок. 30 р. сер.).— Торговлю шалами производятъ агенты купцовъ, живущихъ въ Бомбей, Дели, Лагоръ и другихъ большихъ городахъ, изъ которыхъ ихъ рассылають по всей Азіи.

Эти торговцы дѣлають заказы на шаши и даютъ фабрикантамъ задатки; а потому у фабрикантовъ нельзя по-

купать шалей, — они выдѣлываютъ ихъ только по заказу торговцевъ и состоятъ отъ нихъ въ полной зависимости. Станокъ для тканья обыкновенный; строенія, въ которыхъ производится выдѣлка, низки, тѣсны и дурно провѣтриваются. Каждый ткачъ, — женщины не занимаются тканіемъ шалей, — сидитъ съ пучкомъ раскрашенныхъ шерстей, намотанныхъ на маленькія веретена, передъ исписаннымъ листомъ бумаги, и по листу подбираетъ шерстяныя нити въ надлежащемъ числѣ. Каждый работаетъ самъ по себѣ, независимо отъ сосѣда, за особеннымъ станкомъ. Какъ всѣ шали составлены изъ маленькихъ кусочковъ, длиною въ 8, шириною въ 4 дюйма, то можно исчислить выручку каждаго работника. Самые искусные зарабатываютъ около 30 к. сер. въ сутки, что, при высокой цѣнности денегъ, составляетъ довольно щедрую плату. Эти маленькіе кусочки отдають торговцамъ, и они сначала выдѣлываютъ ихъ для примѣра, чтобы удостовѣриться въ хорошемъ эффектѣ цѣлаго рисунка; потомъ ихъ моютъ на особыхъ мѣстахъ, въ водѣ, отведенной отъ рѣки, и вода, какъ удостовѣряють, имѣетъ особенное свойство сообщать шерсти мягкость и возвышать яркость красокъ. — Этимъ способомъ приготавливаются настоящія шали; ниже этихъ есть сортъ, называемый «созуни» т. е. *вышивныя*, у которыхъ гладкое полотно изъ шерсти, а шальный рисунокъ вышивается по немъ иглою. Часто эти шали очень-красивы и нарядны, но знатоки никогда не платятъ за нихъ хорошей цѣны.»

длинный овъѣздъ. — Недавно капитанъ Годфри въ 77 дней доѣхалъ изъ Англіи въ портъ Аделаиды въ южной Австраліи, тогда-какъ до сего обыкновенно этотъ перевѣздъ нужно было отъ 4 до 5 мѣсяцовъ. Это необыкновенно-быстрое плаваніе не было дѣломъ случая, а слѣдствіемъ вѣрныхъ наблюденій надъ теченіями и господствующими вѣтрами, такъ-что Годфри совершилъ гораздо-дальнѣйшій перевѣздъ въ меньшее время. За это капитану въ портъ Аделаиды сдѣланъ былъ особый почетный пріемъ.

· НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Г. Бирчъ донесъ лондонскому корол. обществу литературы о найденномъ отрывкѣ изъ сочиненія Хэремона объ іероглифахъ. Хэремонъ (Cheremon) былъ александ-

дрійскій писатель перваго вѣка по Р. Х. и по положенію своему, вѣроятно, былъ хорошо знакомъ съ іероглифическими письменами. Въ найденномъ отрывкѣ довольно-большое число іероглифическихъ знаковъ изъяснены точно такъ, какъ въ новой системѣ ихъ объясненія.

Одна американская дама сообщаетъ нью-іоркской литературной газетѣ изъ Каира отъ конца іюля: «Въ Гелиополѣ только что сдѣлано новое открытіе. Нѣсколько феллаховъ рыли землю, чтобы вести ее въ сады, покрывающіе развалины этого славнаго города, и дорылись до двухъ каменныхъ колоннъ, которыя, кажется, служили входомъ, можетъ-быть, какого-нибудь храма. (Не пилоны-ли?) Находящіяся на нихъ іероглифы вѣзаны очень-красиво и превосходно сохранились; въ обводѣ (cartouche) изображено имя Фоэмеса III, въ царствованіе котораго по мнѣнію Вилькинсона, совершился исходъ Израилтянъ. Также нашли часть стѣны, въ которой на каждомъ кирпичѣ есть такой-же обводъ. Думаютъ, что эта находка дастъ много новыхъ свѣдѣній объ исторіи города, котораго единственнымъ памятникомъ доннынъ считался обелискъ Озиртадена I., въ царствованіе котораго въ 1740 г. до Р. Х. Іосифъ прибылъ въ Египетъ. Колонны и другія древности, тамъ найденныя, ксожалѣнію, были унесены и, какъ я полагаю, перемѣщены въ новый дворецъ Аббаса-паши, этого грубаго и сластолюбиваго деспота, гдѣ онѣ будутъ недоступны и во всѣхъ отношеніяхъ не на мѣстѣ.»

Въ Лейпцигѣ вновь переводятся творенія Эленшлегера; переводъ, какъ слышно, будетъ ближе къ датскому подлиннику, чѣмъ прежній, уже вышедшій. Для начала выбрано послѣднее твореніе великаго поэта, его эпическая поэма «Регнаръ Лодброкъ», вышедшая въ Копенгагенѣ въ 1849 г.

Извѣщаютъ, что фердинандъ Верне, авторъ извѣстнаго сочиненія «Экспедиція для открытія истоковъ Бѣлаго Нила», уже переведеннаго съ нѣмецкаго на англійскій, изготавилъ новую занимательную книгу: «Походъ изъ Сеннаара въ земли Така-База и Бени-Амеръ съ подробностями о народахъ Беллетъ-Судана.»

Въ Триастѣ въ скоромъ времени выйдетъ изъ печати драма въ пяти дѣйствіяхъ, написанная на славянскомъ языкѣ черногорскимъ Владыкою.

Въ Даніи появился въ печати первый отдѣлъ «Записокъ Эленшлегера» (Oehlenschläger's Etindringer); — очень пріятно написанное изображеніе его юности. Какъ и должно ожидать, первое изданіе въ числѣ 2000 экземпляровъ раскуплено и уже готовится второе.

Въ Копенгагенѣ вышло новое сочиненіе Эрстеда: «естествознаніе и умственное образованіе.»

Джонъ Вадъ (Wade) обнародовалъ новое изданіе «Юніевыхъ писемъ», присвокупивъ письма того-же автора подъ другими именами, его конфиденціальную переписку съ Вильксомъ и письма его по личнымъ дѣламъ къ его издателю Вудфоллю. Предисловіе Вада, написанное съ большимъ трудолюбіемъ, не сомнѣваетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что авторомъ этой знаменитой книги былъ сэръ Филлипъ Франсисъ, какъ о томъ писано еще въ 1817 г., — слѣдственно не Ли, и не Глоуэръ, и не Бёркъ, и не графъ Делормъ, и не герцогъ Портландъ, и не лордъ Саквилъ, ни, тѣмъ менѣе, Макферсонъ.

Мистриссъ Троллопъ издала въ Лондонѣ новый романъ въ трехъ томахъ: «Женское правленіе» (Pettycoat government).

Пьеръ Наполеонъ Бонапартъ издалъ интересный памфлетъ, «Un mois en Afrique,» — легкіе и пріятно набросанные очерки его пребыванія въ Алжирѣ.

Жераръ де Нерваль издалъ особо свои «Femmes de Caire» и «Femmes du Liban,» сначала напечатанныя въ Revue des deux mondes. Это рядъ сценъ изъ восточной жизни, — изложенныхъ нѣсколько-изысканно и нарядно, однакожъ очень забавно и мило.

Ламартинъ началъ въ фельетонѣ «Presse» печатать свои «Новыя признанія.»

Т. Готье издалъ романъ, «Жанъ и Жанета», со всеми достоинствами и недостатками, ему свойственными. Соборъ фразъ безъ всякой нравственной основной мысли съ большимъ желаніемъ нравиться публикѣ, съ невозможной завязкою; — однакожъ онъ читается съ большимъ удоволь-

ствіемъ. Знатная барыня переодѣвается въ гризетку, чтобы внушить кому-нибудь истинную страсть, — что въ гостинныхъ ей не удавалось; она встрѣчается съ маркизомъ, который также переодѣлся для подобной-же цѣли; они влюбляются другъ въ друга, онъ женится на ней, и занавѣсь опускается.

Николай Ленау, иначе Николай Нимбчъ, происходилъ изъ благороднаго дома Стреленау и былъ послѣднею его отраслюю. Николай Ленау родился 13 августа 1802 года въ деревнѣ Чеатадъ въ Банатъ. Одаренный блестящими способностями отъ природы, чувствуя большую любознательность, Ленау съ большимъ стараніемъ занимался въ Вѣнѣ философіею, медициною и правовѣдніемъ. Въ 1831 году Ленау оставилъ свое отечество, не избравъ еще никакого опредѣленнаго образа жизни. Онъ отправился въ Виртембергъ и нѣсколько времени прожилъ у Юстіана Кернера; знакомство съ нимъ имѣло глубокое вліяніе на Ленау, дало образу его мыслей меланхолическое, даже мистическое направленіе. Кромѣ Кернера тѣснѣйшій кругъ знакомства Ленау составляли Густавъ Швабъ, оба Пфцицера и Александръ графъ Виртембергскій. Въ 1832 году Ленау отправился въ Америку; здѣсь онъ за небольшую сумму, вырученную имъ отъ продажи маленькаго наслѣдственнаго имѣнія, купилъ нѣсколько сотъ десятинъ лѣсу и отдалъ ихъ въ оброчное содержаніе одному нѣмецкому плотнику, вышедшему вмѣстѣ съ нимъ изъ Германіи. Отправляясь въ Америку, Николай Ленау оставилъ собраніе стихотвореній у своего пріятеля Густава Швабе, который не замедлил ихъ издать. И когда Ленау въ непродолжительномъ времени возвратился въ Германію и вышелъ на берегъ въ Бременъ, имя его уже повторялось съ похвалою въ разныхъ концахъ Германіи. По возвращеніи въ Германію, Ленау жилъ частью въ Штутгартѣ, гдѣ въ домѣ гофрата Рейнбека и его супруги, весьма-любезной и обходительной женщины, дочери тайнаго совѣтника Гартманна, онъ нашелъ второй домашній кровъ. Здѣсь-же ему нужно было надсматривать самому надъ исправнымъ изданіемъ его стихотвореній, которое производилось отъ фирмы И. Г. Котты. Часто ѣздилъ онъ въ Вѣну, гдѣ и живалъ для свиданій съ замужнею сестрою

и еще съ одною умною и любезною женщиною, которая, по собственному признанію Ленау, могла-бы составить его счастье, если-бы не была уже за мужемъ. Такимъ образомъ Ленау безпрестанно путешествовалъ то изъ Штутгарта въ Вьну, то изъ Вьны въ Штутгартъ. Изъ стихотвореній его Фаустъ, Савонарола и Албигойцы имѣли два изданія. Кромѣ-того въ это время Ленау издалъ два альманаха, трудился надъ двумя большими и ксожалѣнію неконченными стихотвореніями, одно о Донъ-Жуанъ, другое о Зишкѣ, написалъ нѣсколько наслѣдованій по части критики и исторіи литературы; такъ, напр., въ Галльской Литературной газетѣ была помѣщена статья Н. Ленау: Опытъ опредѣлить, что такое поэзія природы (Naturpoesie). Большою помѣхою литературнымъ занятіямъ Н. Ленау были частыя поѣздки его въ Австрію. Въ 1844 году Ленау познакомился въ Баденѣ съ одною молодою дѣвушкою изъ Франкфурта-на-Майнѣ, и женился на ней. Вслѣдствіе этого и желанія устроить лучше свои домашнія обстоятельства, Ленау въ продолженіи короткаго времени долженъ былъ нѣсколько разъ съѣздить изъ Штутгарта въ Вьну, что весьма разстроило и безъ того некрѣпкое здоровье поэта. 29 сентября Ленау впервые почувствовалъ признаки болѣзни, находясь въ домѣ гофрата Рейнбека, сидя за завтракомъ. 11-го октября обнаружались въ немъ припадки неистовства. Несчастный нѣсколько разъ пытался лишить себя жизни, но, къ счастью, его удержали.— 20 октября, съ крикомъ: «я хочу на волю», Ленау въ одной рубашкѣ выбѣжалъ изъ дому и бѣгалъ по улицамъ. Его поймали, привезли домой, но онъ въ продолженіи двухъ сутокъ не хотѣлъ принимать ни лекарствъ, ни пищи, и былъ отвезенъ въ домъ ума лишенныхъ, состоящій близъ Штутгарта, подъ управленіемъ доктора Целлера. Друзья Н. Ленау полагали, что перемѣна воздуха можетъ быть для него полезна, и потому перевезли его въ другой домъ ума лишенныхъ, находящійся въ Деблингѣ близъ Вьны. Здѣсь и оставался Ленау до смерти въ одинаковомъ состояніи, за исключеніемъ немногихъ свѣтлыхъ минутъ, когда въ нему возвращался расутокъ. Наконецъ 22 сентября н. с. въ 6 ч. утра онъ окончилъ свою страдальческую жизнь.

Тѣло покойнаго схоронено друзьями его на небольшомъ кладбищѣ въ Вейдлингѣ, недалеко отъ надгробнаго памятника, воздвигнутаго самому себѣ еще живымъ ориенталистомъ Гаммеръ-Пургсталею. На похоронахъ Ленау не было никого, кромѣ не большаго кружка его пріятелей; не было ни одного члена академіи наукъ, или художествъ, ни одного художника, ни одного депутата университета; даже поэты, находившіеся въ Вѣнѣ, не захотѣли отдать послѣдняго долга своему собрату, отшедшему въ вѣчность. Ленау, можно сказать, пережилъ свою славу.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ первыхъ числахъ іюля въ Дюссельдорфѣ выставлена была послѣдняя большая картина Фр. Лессинга «Гуссъ, идущій на костеръ», показывающая въ художникѣ рѣдкую глубину психологическаго созерцанія.

Въ Венеціи производитъ сильное впечатлѣніе привезенная изъ Брюсселя картина молодаго художника, родомъ изъ Тривеста, Чезаре - дель - Акква, образовавшагося въ бельгійскихъ школахъ. Она представляетъ Кромвеля въ то время, какъ онъ говоритъ съ пуританами.

Соборъ Кельнскій, не смотря на неблагоприятную эпоху, быстро идетъ къ окончанію. Большая арка между башнями, ограничивающая въ эту сторону средній корпусъ, перекинута на высотѣ 159 футовъ, и колонны средняго корпуса всякій день возвышаются надъ прежнею крышею. Также въ этомъ году принялись за отстройку сѣверной башни, прежде вовсе не выведенной. Изъ новыхъ частей собора больше всѣхъ отдѣланъ южный порталъ, котораго огромное среднее окно, честь кельнскаго искусства, поставлено на мѣсто нѣсколько недѣль тому назадъ. Въ три года думаютъ вывести средній корпусъ до вершины свода, а съ тѣмъ вмѣстѣ внутренность собора, исключая украшеній, была-бы готова, и можно-бы было впервые окинуть взглядомъ огромность этого исполнскаго зданія.

Въ Лондонѣ, въ Pall-Mall-Cast, не далеко отъ національной галереи, показываютъ древнюю римскую каменную плиту съ мозаическою картиною, представляющею бой

Беллерофонта съ химерою, вырытую близъ Отёна (Autun) рабочими, копавшими матеріалы для строенія. Обломокъ этотъ довольно-великъ, и въ срединѣ шириною ок. 9 фут. Рисунокъ составленъ изъ кусковъ иностраннаго мрамора на грунтъ туземнаго камня. Положеніе баснословнаго героя то, какое древніе давали обыкновенно коннымъ фигурамъ героевъ, то-есть, онъ обращенъ въ сторону отъ головы лошади и вонзаетъ копьё свое въ пасть козлу, — средней фигурѣ чудовища. Исполненіе превосходно, и эта каменная картина, въ нѣкоторомъ отдаленіи, кажется хорошо-вышитымъ ковромъ.

За нѣсколько недѣль открытая дюссельдорфская художественная выставка еще довольно-пуста. Изъ привозныхъ слѣдуетъ упомянуть объ удачной картинѣ de genre Кауфмана изъ Гамбурга, и о двухъ историческихъ картинахъ дреаденскихъ художниковъ. Между дюссельдорфскими картинами больше всего пейзажей; должно похвалить, какъ много общающія, произведенія А. Михелиса, А. Коолера, Вебера и Фишера. Изъ живописцевъ по части genre слѣдуетъ назвать Вишенбрикка, Линдо и Брейтенштейна; но еще ожидаютъ присылокъ отъ К. Гюбнера, Газенклевера, Л. Кнауца и Э. Гезельшапа. Историческая живопись и на этотъ разъ почти-ничтожна.

7 августа голова колоссальной мѣдной статуи Баварія, съ приличною церемоніей, предшествуемая украшенною колесницею съ бюстомъ Шванталера и въ сопровожденіи художниковъ и рабочихъ королевской дитейной, перевезена на Седлійскій холмъ въ «храмъ славы» и тамъ поднята на поставленное уже туловище статуи.

25 авг. въ Веймарѣ съ приличными церемоніями сняты покровы съ бронзовой статуи Гердера. Идея статуи очень-проста: великій мыслитель и поэтъ, въ одеждѣ своего времени, въ парикѣ, короткихъ штанахъ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, и обернутый въ мантию со многими складками, положилъ правую руку на грудь, а въ лѣвой держитъ нѣсколько листовъ бумаги, и на первомъ любимое изреченіе Гердера: «Licht, Liebe, Leben.» Въ чертахъ выраженіе важное, но краткое; высота статуи 11 или 12 футовъ. Отливалъ ее минхенскій скульпторъ Л. Шаллеръ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЛѢТНІЙ СЪѢЗДЪ ОБЩЕСТВА СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ РОССИИ.

Общество Сельскаго Хозяйства Юговосточной Россіи, на основаніи своего устава имѣетъ каждый годъ два постоянные съезда: одинъ зимою, другой лѣтомъ во время Петровской ярмарки.

Лѣтній съездъ нынѣшняго года начался 26 іюня. Президентъ Общества П. Т. Морозовъ открылъ первое засѣданіе чтеніемъ слѣдующей записки:

Милостивые государи!

Ровно за годъ предъ симъ мы собирались здѣсь въ первый разъ для открытія Общества Сельскаго Хозяйства.

Призвавъ на труды наши всесовершающую помощь Божию, мы сдѣлали бѣглое обозрѣніе предстоящихъ намъ занятій и составили чертежъ или порядокъ распоряженій. Гг. Директоръ Департамента Сельскаго Хозяйства А. И. Левшинъ и Непременный секретарь Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства С. А. Масловъ, укрѣпили надежды наши на счастливую будущность указаніемъ многочисленныхъ пособій, которыми обладаютъ наши губерніи, и обѣщаніемъ полного содѣйствія. Мы вступили на предстоящее намъ поприще съ молитвеннымъ возношеніемъ къ источнику силы и успѣха, съ одобреніемъ людей свѣдущихъ и мыслящихъ, съ правильнымъ раздѣленіемъ труда.

Порядокъ занятій, утвержденный при открытіи нашихъ засѣданій, исполнялся постепенно. Советъ старался не упускать изъ вида ничего, что могло вести къ цѣли, назначенной Обществомъ.

Изъ отчета, который представленъ будетъ въ нынѣшнемъ засѣданіи, вы усмотрите мѣры, принятыя въ теченіи 1849 года. Распоряженія первой половины текущаго года относились преимущественно къ первымъ 5 статьямъ программы, составленной Обществомъ при открытіи засѣданій, именно: къ составленію статистическаго описанія Пензенской губерніи, къ доставленію сельскимъ хозяевамъ средствъ приобретать хорошія сѣмена и животныхъ улучшенныхъ породъ, къ изысканію средствъ для облеченія сбыта сельскихъ произведеній, къ содѣйствію правильному распределенію хозяйственныхъ силъ, къ улучшенію сельскихъ построекъ.

Статистическое описаніе начато описаніемъ Городищенскаго уѣзда, изданнымъ въ С.-Петербургѣ. Къ этому описанію предположено присоединить описаніе прочихъ уѣздовъ. Такимъ образомъ, если будетъ угодно Богу, составитя полное изображеніе хозяйственнаго и промышленнаго положенія Пензенской губерніи. Саратовскую губернію предположено описать по той-же программѣ.

Депю сѣмень, открытое въ Пензѣ 15-го марта, получило отъ разныхъ владѣльцовъ и отъ земледѣльческихъ Обществъ овесъ замѣчательныхъ породъ какъ-то: гауптовъ, одногривный и проч., макъ, ленъ растунецъ и пшеницу гирку, приобрѣтшую съ нѣкотораго времени большую извѣстность въ Новороссійскомъ краѣ. Всѣ эти сѣмена были скоро разкуплены. Для осеннихъ посѣвовъ предположено выписать сѣмена вазы, кустовой ржи и озимой пшеницы. О выпискѣ стада романовскихъ овецъ и холмогорскихъ быковъ собираются свѣдѣнія.

Предположенный Обществомъ указатель для сближенія пронаводителей съ потребителями, составляется изъ свѣдѣній, доставляемыхъ гг. уѣздными предсѣдателями Пензенской и Саратовской губерній. Можно надѣяться, что къ концу года часть этого указателя будетъ кончена.

Мѣста для опытныхъ посѣвовъ, учрежденныя въ пензенскомъ имѣніи В. В. Сабурова и моемъ городищенскомъ имѣніи, приводятся въ устройство, сообразно съ правилами, утвержденными Обществомъ. Подробный отчетъ о всѣхъ опытахъ, какія будутъ произведены въ этихъ

мѣстахъ, представится при окончаніи года. Теперь считаю нужнымъ доложить, что въ мѣстѣ, назначенномъ для опытныхъ посѣвовъ въ моемъ городищенскомъ имѣніи, кромѣ распоряженій, назначенныхъ программой, сдѣланы нынѣшній годъ слѣдующія испытанія: 26 мая скошена рожь на сѣно; получено 208 пудъ съ шестидесятной десятины. Скошенная рожь подросла и образовала колосья, но втораго укуса я не рѣшился сдѣлать по причинѣ засухи, остановившей вообще ростъ хлѣбовъ. Я сдѣлалъ также очень-ранній посѣвъ ржи, для того, чтобы испытать кошение ея въ-теченіе лѣта и осени. Я нахожу, что мысль о замѣнѣ искусственнаго травостѣянна хлѣбными посѣвами для сѣна, заслуживаетъ вниманія. Искусственные луга у насъ мало удаются, и сопряжены съ разными неудобствами. Работы они требуютъ едва-ли не болѣе, чѣмъ хлѣбныя поля, а уборка нѣкоторыхъ кормовыхъ травъ очень-затруднительна. Нельзя не удивляться многообразію употребленія хлѣба. Недаромъ Русскій народъ называютъ его *даромъ Божиимъ по преимуществу*. Всѣ части хлѣбныхъ растений способны не только къ многочисленнымъ хозяйственнымъ и техническимъ употребленіямъ, но даже и къ употребленію врачебному.

Для опредѣленія времени опытныхъ посѣвовъ, одна десятина ржи раздѣлена на 30 частей, которыя засѣвались ежедневно, начиная съ 28-го іюля по 28-е августа. Лучшій изъ всѣхъ посѣвовъ, сколько можно судить теперь въ іюнь, по-видимости принадлежитъ къ 6 августа.

Для испытанія, въ какой мѣрѣ лѣса могутъ замѣнять недостатокъ корма, сдѣланы слѣдующіе опыты: приступлено къ заготовленію въ большомъ количествѣ вѣшниковъ осиновыхъ и липовыхъ, а также осинового корья, составляющаго весьма-выгодное прибавленіе къ хлѣбной посылкѣ. Сверхъ того, на пространствѣ 2-хъ десятинъ начаты посѣвки по линіямъ, идущимъ на сѣверо-востокъ, для образованія лѣсныхъ луговъ, заслуживающихъ вниманія. Теперь между этими линіями произрастаетъ превосходная трава, тогда-какъ на лучшихъ поемныхъ лугахъ она почти совершенно засохла.

Въ отношеніи къ улучшенію сельскихъ построекъ, собираются свѣдѣнія о постройкахъ, заслуживающихъ вниманія въ казенныхъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ Пензенской губерніи, при содѣйствіи: г. управляющаго Пензенскою Палатою Государственныхъ Имуществъ, предложившаго инженера, для снятія на планъ замѣчательныхъ построекъ.

Я вошелъ въ сношенія съ новгородскимъ помѣщикомъ Игнатьевымъ, приготовляющимъ толь для крыши. Онъ прислалъ мнѣ описаніе его способа, изложеннаго въ брошюрѣ, которую имѣю честь представить на ваше разсмотрѣніе. Я просилъ его прислать нѣсколько листовъ толя, и надѣюсь скоро получить ихъ.

Совѣтъ находился въ постоянной перепискѣ съ земледѣльческими обществами и многими членами. Г. почетный президентъ А. А. Панчулидзевъ, принимающій сердечное участіе во всемъ, что относится ко благу вѣренной ему губерніи, оказывалъ дѣламъ Общества непрестанное и полное покровительство. Его преосвященству, архіепископу пензенскому и саранскому, амвросію, не угодно было отказалъ Обществу въ принятіи званія почетнаго члена. Его преосвященство изволилъ изъявить желаніе споспѣшествовать намъ всѣми зависящими отъ него средствами. Г. губернский предводитель дворянства, П. Н. Дубенскій, также оказывалъ обществу полное содѣйствіе, и обѣщавъ снабдить депо сѣмянъ сѣменами изъ его имѣній, замѣчательныхъ своимъ устройствомъ.

Его Высочество Принцъ Ольденбургскій благосклонно принималъ званіе почетнаго члена общества. Отъ нихъ сіятельствъ гг. министровъ Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ, а также отъ его сіятельства князя Михайла Семеновича Воронцова, его сіятельства графа Арсенія Андреевича Закревскаго и А. И. Левшина, я имѣю честь получить отзѣвы, въ которыхъ они благодарятъ Общество за избраніе въ почетные члены, и обѣщаютъ свое содѣйствіе трудамъ нашимъ. Въ томъ-же смыслѣ, но съ прибавленіемъ замѣчаній о цѣли земледѣльческихъ Обществъ, недавно полученъ мною отвѣтъ отъ А. С. Стурдзы. Всѣ эти отзѣвы будутъ прочтены въ подлинникахъ.

Бібліотека наша получила въ нынѣшнемъ году значительное число книгъ. Мы имѣемъ теперь болѣе 700 томовъ.

Всякое новое дѣло сопряжено съ большими препятствіями. Вездѣ началу, по общему ходу міра, свойственна слабость. Все рождается въ немощи и болѣзни, но возрастаетъ въ силѣ и крѣпости. Отъ сѣмянъ и корней нельзя требовать свойствъ плодовъ. Такъ и наше общество, при незначительности его первыхъ распоряженій, при малости средствъ, при препятствіяхъ разнаго рода, не должно терять надежды на успѣхъ при помощи Божіей, совершающейся въ слабости. Мы начали свои занятія во время замѣчательное въ отношеніи къ умственнымъ трудамъ вообще. Ученый міръ сознаетъ необходимость въ одушевленіи, въ сліяніи въ живое цѣлое собранныхъ имъ свѣдѣній, которыя остаются по большей части разъединенными и безплодными, какъ вѣтви безъ корня. Во всѣхъ понятіяхъ происходитъ замѣчательная перемѣна: онѣ яснѣютъ, выпрямляются, по мѣрѣ удаленія тяготившаго на нихъ духа безвѣрія, словно растенія, поднимающіяся послѣ бури, пригибавшей ихъ къ землѣ. Въмѣсто науки *мертвой*, удовлетворявшей чувственному взгляду на вещи, является потребность *въ наукѣ живой*, соответственной нашимъ вѣрованіямъ въ Бога Живаго. Западъ въ послѣднее время много трудился надъ собраніемъ ученыхъ матеріаловъ, и ихъ собрано огромное количество, но они во многихъ частяхъ, какъ поле мертвыхъ костей въ видѣніи іезекииловомъ, ждуть призыва къ соединенію и воскресенію. Расколъ релігіозный выражается расколомъ науки, распадающейся на множество противорѣчащихъ ученій.

Сельское хозяйство должно испытать и испытываетъ вліяніе перемѣны, происходящей въ образѣ мыслей. Оно начинаетъ понимать, что впадало въ многочисленныя ошибки отъ обращенія слишкомъ-большаго вниманія на мелочныя подробности, отъ духа подражанія, и оставяло въ забвеніи предметы первой необходимости, дѣйствуя иногда подобно книжникамъ іерусалимскимъ, которые занимались одесятствованіемъ мяты и тмина, забывая важнѣйшія дѣла закона. Сельскіе хозяева начинаютъ чувствовать, что въ Россіи все должно имѣть особенный характеръ, соответ-

ственный ея обширности, климату и ея духовному величію, что не должно презирать преданіями святой старины относительно способо́въ въздѣлыванія, а стараться улучшать ихъ съ осторожностію. Въ-самомъ-дѣлѣ быть, доставившіи нашимъ земледѣльцамъ средства покрыть все русское царство учебными и благотворительными заведеніями, создать огромные и всеоживляющіе капиталы кредитныхъ установленій, перейти благополучно чрезъ годы неурожая, обойдтиса безъ пролетаріевъ, безъ работы, подъ гнетомъ нищеты и страхомъ голодной смерти, — этоъ быть можетъ имѣть свои недостатки, но заслуживаетъ уваженія и внимательнаго изслѣдованія.

Съ другой стороны необыкновенныя открытія въ наукахъ естественныхъ, ознаменовавшія послѣднее десятилітіе, утвержденіе тождества, гальванизма, магнитизма и электричества, и сліяніе ихъ въ одну неназванную силу, парадоксы Либиха, опыты успѣшнаго произрастенія при условіяхъ, повидимому, противныхъ развитію органической жизни (напр. произращеніе хлѣба на стеклѣ), введеніе разныхъ новыхъ растеній, изслѣдованія о трудѣ и его вознагражденіи, — все это показало недостаточность многихъ земледѣльческихъ теорій, оправдало нѣкоторыя старыя преданія, и показало необходимость во многихъ преобразованіяхъ, сообразно съ указаніями опыта и истинныхъ понятій о природѣ.

Въ такое время перелома и преобразованія земледѣльческихъ теорій, наше Общество не можетъ не найти обильной для себя пищи. Умъ человѣческой во всѣхъ наукахъ требуетъ, *опоры повѣрки и руководства*, а этѣхъ опоръ, по замѣчанію одного глубокомысленнаго христіанскаго философа, двѣ: *слово Божіе и практика*. Вънѣ ихъ-мечта и заблужденіе. Мы имѣемъ ихъ обѣ, какъ люди вѣрующіе и практическіе земледѣльцы. Съ терпѣніемъ, безъ торопливости, пересмотримъ наши главные нужды, и постараемся отыскать средства удовлетворить ихъ взаимною помощію, соединеніемъ трудовъ, обменомъ мыслей.

Подъ руководствомъ этѣхъ убѣжденій составленъ порядокъ занятій, который, если будетъ угодно Богу, мы станемъ исполнять по мѣрѣ силъ и средствъ.

По прочтеніи этой записки, Общество приступило къ разсмотрѣнію предметовъ, означенныхъ въ программѣ лѣтнихъ засѣданій. Занятія его состояли въ слѣдующемъ: 1) прочтенъ отчетъ о дѣйствіяхъ Общества въ 1849 году. 2) дѣйствительный членъ И. В. Сабуровъ представилъ черепицу, выдѣлываемую въ его пензенскомъ имѣніи. Черепица эта отличается отъ жолобковой тѣмъ, что края ея наврываются конусообразными трубками, препятствующими всякой течи. По разсмотрѣніи этой черепицы опредѣлено: а) просить И. В. Сабурова принять трудъ доставить Обществу записку о производствѣ представленной имъ черепицы, а также образцы черепицы коньковой. б) Просить г. управляющаго Пензенскою Палатою Государственныхъ Имуществъ, В. Е. Волкова, поручить инженеру, котораго ему угодно было предложить для описанія замѣчательныхъ сельскихъ построекъ, осмотрѣть постройки, сдѣланныя у него изъ теса съ каменною обкладкою и съ пустотами засыпанными золою. 3) Президентъ представилъ Обществу составленное имъ хозяйственное и статистическое описаніе Городищенскаго уѣзда. Опредѣлено: изъ числа представленныхъ экземпляровъ, два экземпляра хранить въ библіотекѣ Общества, а прочія раздать гг. членамъ и немедленно приступить къ описанію всѣхъ уѣздовъ Пензенской губерніи. 4) Прочтено письмо И. В. Сабурова о пользѣ, какая произошла-бы для Пензенской губерніи отъ опредѣленія механика и технолога, на основаніи состоявшагося о семъ положенія. Опредѣлено: поручить Совету собрать свѣдѣнія о томъ, на какомъ основаніи предположено опредѣлять въ губерніяхъ механиковъ и технологовъ, и если опредѣленіе это не потребуетъ издержекъ, то ходатайствовать объ ономъ отъ имени Общества. 5) Президентъ прочелъ письмо тайного совѣтника А. С. Стурдзы, въ которомъ онъ благодаритъ за избраніе въ почетные члены, и излагаетъ мнѣніе о цѣли земледѣльческихъ обществъ, заключающейся, по его убѣжденію, болѣе всего въ примиреніи умозрѣній новыхъ съ опытами и преданіями старины. А. С. Стурдза описываетъ также улучшеніе, сдѣланное въ бытѣ крестьянъ въ двухъ замѣчательныхъ имѣніяхъ Новороссійскаго края, изъ которыхъ одно принад-

лежить, графинъ Эдлингъ, и находится въ Бессарабіи, а другое составляетъ собственность князя Е. Г. Гагарина находится въ Херсонской губерніи. По прочтеніи сего письма, которое было выслушано съ особеннымъ вниманіемъ, Общество опредѣлило: принести А. С. Стурдзѣ совершенную благодарность за сообщеніе его мнѣнія и напечатать въ запискахъ Общества извлеченіе изъ его письма. 6) Дѣйствительный членъ Э. И. Магзигъ представилъ сѣмена крупного полевого гороха и овсовъ красного и гауптонъ. Опредѣлено: передать эти сѣмена президенту для испытанія ихъ посѣва, а также отослать въ опытное имѣніе В. В. Сабурова. 7) Избранъ въ члены-корреспонденты либавскій помѣщикъ баронъ Фелькерзамъ. 8) Дѣйствительный членъ П. И. Яшевъ прочелъ статью *О тягелѣ и времени для крестьянскихъ работъ*, написанную вслѣдствіе сдѣланнаго Обществомъ приглашенія о доставленіи свѣдѣній о количествѣ рабочей силы. Опредѣлено: статью П. И. Яшева напечатать въ запискахъ Общества. 9) Секретарь Общества В. А. Шеншинъ представилъ хозяйственный отчетъ по его городищенскому имѣнію за 7 лѣтъ. При этомъ отчетѣ приложены таблицы съ выводомъ дохода съ десятины. Опредѣлено: статью В. А. Шеншина напечатать въ запискахъ Общества, и просить гг. членовъ о доставленіи подобныхъ отчетовъ. 10) Секретарь Общества В. А. Шеншинъ представилъ на разсмотрѣніе Обществу слѣдующій вопросъ: какой сѣвооборотъ болѣе всего удобно употреблять въ чисто-хлѣбопашномъ имѣніи, въ которомъ числится не болѣе 300 десятинъ господской запашки. 11) Въ такомъ имѣніи, какія выгоды сѣять растенія согласно съ климатомъ, грунтомъ земли и торговыми потребностями нашего края? Гг. члены, говорившіе о предметахъ этихъ вопросовъ, изложили слѣдующія мнѣнія: Н. А. Всеволожскій полагаетъ, что въ большемъ имѣніи лучше всего ввести 4 поля, и въ 4-ое сѣять тимоееву траву. А. Н. Селивановъ замѣтилъ, что тимоеева трава хорошо родится только на низкихъ мѣстахъ, и должно образовать лугъ на нѣсколько лѣтъ: тогда только она можетъ быть воздѣлываема съ пользою; если тимоееву траву сѣять каждый годъ, или на несвойственномъ ей грунтѣ, то нельзя ожидать пользы. Многіе члены гово-

рили въ томъ-же смыслѣ. Президентъ заключилъ совѣщаніе слѣдующими замѣчаніями: трехпольная система, особенно съ достаточнымъ количествомъ луговъ и пастбищъ, доставляетъ для большихъ имѣній много удобствъ, и должна быть измѣняема съ большою осмотрительностію. Введеніе 4-го поля съ посѣвомъ растений на кормъ скоту, или даже на золу для поташа, безъ-сомнѣнія, очень-полезно, потому-что прерываетъ посѣвъ хлѣбныхъ растений, посѣвомъ, удобряющимъ землю. Но одинъ опытъ, много-разъ повторенный, можетъ показать, чѣмъ занимать 4-е поле. Я постараюсь сдѣлать въ моемъ имѣнии посѣвы, могущіе вести къ объясненію этого вопроса.

На сѣздѣ находились 24 члена.

Засѣданія лѣтняго сѣзда продолжались до 1 іюля. Зимній сѣздъ предполагено назначить въ концѣ декабря.

ЕЩЕ ПОЖЕРТВОВАНІЕ КРАШЕНИННИКОВА. — Щедрость великодушнаго благотворителя не прекращается: недавно городъ Зарайскъ (Рязан. г.) получилъ отъ его душеприкащиковъ, въ пользу бѣдныхъ своихъ жителей, 30,000 р. сер. — Неужели мы не дождемся жизнеописанія такого чловѣка? О равнодушіе!...

ПОЖЕРТВОВАНІЕ ВЕЛИЗАРОВА. — Помѣщикъ Тульской губ., отставной поручикъ Белизаровъ (умершій 23 августа этого года) завѣщаль Голицынской больницѣ въ Москвѣ имѣніе свое, состоящее изъ 242 душъ, въ Крапивенскомъ уѣздѣ.

ВОДОХРАНИЛИЩА ПРИ ЦЕРКВАХЪ ВЪ ОДЕССѢ. — Херсонское епархіальное начальство, имѣя въ виду положеніе и нужды прибывающихъ въ Одессу людей нисшихъ сословій, особенно во время лѣтнихъ жаровъ, предположило устроить при каждой церкви цистерну, въ которой жаждущіе во всякое время могли-бы найти для себя чистую воду. Но намѣреніе это не вдругъ могло осуществиться по ограниченности доходовъ церковныхъ. Между-тѣмъ гг. Завадскій и Бондаревскій предложили устроить на свой счетъ цистерны: первый — при кафедральномъ одесскомъ соборѣ, второй — при Срѣтенской церкви.

НОВАЯ МУЖИКЪ-ПОЛЬКА. — Читатели Москвитянина, можетъ-быть, не забыли нашихъ замѣчаній о вычурныхъ названіяхъ, какія даютъ современные композиторы своимъ произведеніямъ, заставляя полькировать даже «Мужика» и «Акулину,» имя, какъ извѣстно, никогда не имѣвшее чести принадлежать какой-либо романтической героинѣ. Мы тогда-же прибавили извѣстіе, какого рода польку танцуетъ иногда нашъ мужикъ. Вотъ еще подобный случай. 25 іюля, Тамбовскаго уѣзда, деревни Ахматовой, крестьянинъ Ефимъ Котовъ, съ товарищами, пасъ ночью лошадей въ полѣ. Во время сна товарищей, обходя табуны, Котовъ увидѣлъ что-то въ сторонѣ отъ него, и полагая, что это жеребенокъ, пошолъ туда съ намѣреніемъ погнать его къ табуну. Но вмѣсто жеребенка оказался волкъ, который вдругъ бросился на Котова, и оцарапалъ ему лицо. «Ахъ ты разбойникъ!» — подумалъ Котовъ, и схвативъ волка обѣими руками за переднія лапы къ пахамъ, крикнулъ товарищамъ, но тѣ не слышали зова. Что тутъ дѣлать? «Далъ-жъ те угомоню озарника,» говоритъ мужичокъ, и давай ходить съ волкомъ. Тотъ бѣсится, щелкаетъ зубами, рвется изо всѣхъ силъ — «шалишь!» говоритъ Котовъ, и держитъ его крѣпко. Такъ промаячилъ онъ съ волкомъ около получаса, и далеко отошолъ отъ табуна, къ оврагу, гдѣ споткнулся и упалъ, а волка все-таки изъ рукъ не выпустилъ. Сѣрый опять силлся-было оцарапать Котова задними лапами; но крестьянинъ, упираясь ногами въ землю, не поддавался. Между-тѣмъ подбѣжали къ Котову товарища; волкъ, едва увидѣлъ ихъ, рванулся такъ сильно, что Котовъ не могъ удержать его, тѣмъ болѣе, что остервенѣлый звѣрь укусилъ ему палецъ руки и прокусилъ сапогъ. Волкъ ушолъ, но вѣрно долго будетъ помнить своего танцовальнаго учителя. Раны Котова оказались неважными, и онъ, съ помощію божіею, навѣрно будетъ здравствовать еще многія лѣта, да рассказывать дѣтямъ и внукамъ, какъ плясалъ онъ съ сѣрымъ. Котовъ средняго роста и очень крѣпкаго сложенія.

СМѢСЬ.

ЧЕРВОННАЯ ДАМА.

ПОВѢСТЬ.

— Любезный дядюшка, — говорил однажды Анатолий Вердье господину Томѣ — я васъ очень люблю.

— Хорошо дѣлаешь, мой другъ.

— Очень уважаю.

— Такъ и надо.

— Но не могу я подчиниться вашей волѣ какъ-бы вашъ сынъ.

— А это отчего?

— Какъ отчего? Приказаніе отца, если и несправедливо оно, должно исполнять слѣпо. Ну, а дядя.... это совсѣмъ другое дѣло.

Г. Томѣ былъ человекъ пятидесяти шести или семи лѣтъ, свѣжій, маленькой, сухонькой, всегда отлично-завитой, не смотря на легонькую просѣдь; характеръ имѣлъ легкой, веселый, шутливый, что, однакожь, не мѣшало ему упорно держаться своихъ мнѣній. Г. Томѣ бывъ нѣкогда стряпчимъ, привыкъ издавна распорядиться чужими дѣлами, какъ своими собственными, т. е. почти такъ, какъ ему хотѣлось. Онъ справедливо могъ похвалиться, что самовластно окончилъ не одинъ процессъ свадьбой, не одинъ неровный раздѣлъ — дарственной записью, и помирилъ не мало семействъ — духовнымъ завѣщаніемъ. Въ настоящее время бога-

тый и праздный, онъ по старой привычкѣ любилъ входить въ чужія дѣла, и, такимъ образомъ, продолжать ради удовольствія ремесло, которое, двадцать лѣтъ назадъ, избралъ для того, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба. Г. Томà былъ и судья и совѣтникъ жителей улицы Сен-Луи, въ кварталъ Болота, гдѣ и жилъ въ бель-этажѣ своего прекраснаго дома. Онъ доставлялъ мѣста слугамъ, былъ сватомъ сосѣднихъ лавочниковъ и привратниковъ, давалъ совѣты всѣмъ и пользовался въ околodкѣ уваженіемъ, оказываемымъ обыкновенно мирному судья или помощнику мэра.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, онъ женился на вдовѣ, старшей его, состояніе которой не мало помогло ему достигнуть настоящаго благоденствія. Госпожа Томà была теперь самая старая мебель въ домѣ. Постоянно-больная, жена страпцаго посвящала весь день исполненію различныхъ предписаній медиковъ, а вечеромъ неизмѣнно садилась въ гостинной, всегда на одно и то-же кресло, и любезно и ласково принимала гостей, приходившихъ къ мужу. Довольно-понятно, что такой человекъ, какъ г. Томà, помышлялъ о томъ, чтобы женить своего племянника, да и женить-то на свой лады. Этотъ племянникъ, сынъ любимой сестры, былъ его единственный родственникъ, а слѣдовательно и наследникъ. Анатоль Вердье жилъ доходомъ въ тысячу вкю; столько-же давало ему мѣсто въ архивахъ. Ни мало не пренебрегая наследствомъ отъ дяди, Вердье, однакожь, хотѣлъ непременно жить совершенно-независимо, и ни за что бы не сталъ стѣснять себя въ чувствахъ. Ему было двадцать семь лѣтъ, природа одарила его привлекательной наружностью, прямой душой и веселымъ характеромъ, подобнымъ дядини.

Обѣдъ кончился.

Уже въ началѣ вышеприведеннаго разговора дяди съ племянникомъ, не было въ комнатѣ ни г-жи Томà, ни Жюли Дешанъ, молоденькой дѣвушки изъ Руана, гостившей у Томà. Жюли была дочь одной подруги г-жи Томà, вышедшей замужъ за директора одной изъ первыхъ фабрикъ Руана. Граціозная блондиночка двадцати лѣтъ, съ живыми голубыми глазками, завиднымъ цвѣтомъ лица. Жюли, не смотря на красоту и всѣ ея добрыя качества, еще не была замужемъ, потому-что отецъ ея былъ небогаты. Мать привезла ее въ Парижъ и поручила г-жѣ Томà, а сама уѣхала въ Оксёръ, по какому-то процессу. Съ тѣхъ поръ, какъ Жюли поселилась у г. Томà, онъ замѣтилъ, что племянникъ сталъ

приходить обѣдать каждый день, что прежде случалось съ нимъ очень рѣдко, и развѣ въ случаѣ приглашенія. Анатолю былъ на столько честный человекъ, что никогда-бы не рѣшился обольстить дѣвушку, которую вѣрили его теткѣ: дядя это зналъ. Стало, племянникъ имѣлъ на нее виды честные, думалъ жениться, а это приходилось старику не по сердцу. Г. Томъ давно нашелъ для племянника невѣсту дѣвушку, жившую на одной съ нимъ улицѣ, и каждый разъ, когда встрѣчалъ ее, въ душѣ называлъ племянницей, и онъ былъ увѣренъ, что женить на ней Анатоля.

Когда послѣ обѣда дамы вышли изъ столовой, г. Томъ, облокотившись, по-англійски, на столъ и наливъ себѣ и племяннику прекраснаго бордо, стоявшаго передъ нимъ, объявилъ свою волю, назвалъ невѣсту и сказалъ, что свадьба будетъ чрезъ три мѣсяца. Анатолю отказывался, увѣрялъ дядю въ почтеніи, но объяснялъ, что полагаеть нѣкоторую разницу между обязанностями сына и племянника.

— Сынъ, — говорилъ онъ, — обязанъ слушаться отца; и то есть случаи, когда онъ можетъ набѣжать этой обязанности, не подвергая себя нареканіямъ; племянникъ-же всегда имѣеть право противиться дядѣ.

— Положимъ, что это такъ, — отвѣчалъ г. Томъ тономъ оратора; — но я замѣчу тебѣ, любезный Анатолю, что со смерти твоего отца я тебѣ замѣнилъ его: я твой опекунъ.

— То-есть были, дядюшка: теперь я совершеннолѣтній.

— Я общалъ твоему отцу женить тебя.

— А придется вамъ не сдержать слова: я женюсь самъ.

— Самъ женишься! И, конечно, на Жюли Дешанъ?

— Вы угадали, дядюшка.

— Но этаго не будетъ, племянничекъ. Жюли хороша, добра, дитя честныхъ родителей, но у нея нѣтъ ни сантимы, и моему наслѣднику это не пара.

Хороша, добра, дочь честныхъ родителей, любить меня, я ее люблю, и вашъ наслѣдникъ будетъ ея мужемъ.

— Если такъ, — сказалъ дядя, доливая стаканъ и многозначительно улыбаясь, — наслѣдникъ будетъ мужемъ, а наслѣдства не будетъ.

— Вотъ прекрасно! кому-жъ достанется наслѣдство? Что вы съ нимъ станете дѣлать? Тетушка одна одишешенька на свѣтѣ, у васъ кромѣ меня нѣтъ родныхъ никого.

— Я могу прожить и проценты съ моего капитала и весь капиталъ; а богадѣльни на что?...

— Богадѣльни? Полноте, дядюшка; — когда вы увидите моихъ дѣтей, когда маленькія Вердье влѣзутъ къ вамъ на колѣна и назовутъ дѣдушкой!... Что вы!

Дѣйствіе-ли бордо или перспектива внучать, прыгавшихъ къ нему на колѣна, затронули нѣжныя струны — неизвѣстно, но г. Томà вдругъ сдѣлался снисходительнѣе къ Жюли и сказалъ:

— Еслибъ у этой дѣвочки было хоть небольшое приданное, такъ вотъ бездѣлица, сорокъ или пятьдесятъ тысячъ франковъ, или какія-нибудь надежды — все-бы ничего, а у ней вѣдь ничего нѣтъ. Хороши и надежды! долги г-на Дешанъ, которыхъ бездна: онъ и мнѣ долженъ тысячу вѣю; тоже пропація денежки, племянникъ.

— Сорокъ или пятьдесятъ тысячъ франковъ — отвѣчалъ Анатоль — бездѣлица, именно бездѣлица, какъ и вы говорите, дядюшка. Неужели-же честный человѣкъ, для того чтобъ жениться, долженъ пожертвовать своими чувствами бездѣлицѣ? Впрочемъ, счастье своенравно: оно можетъ вдругъ обогатить дѣвицу Дешанъ.

— Ха! ха! ха! противъ этаго ни слова! — замѣтилъ г. Томà смѣясь; — счастье можетъ обогатить вдругъ, конечно можетъ.... Я объ этомъ и не подумалъ! Такъ подождемъ, пока Жюли будетъ богата, а до тѣхъ поръ нечего думать о ней и надо согласиться на бракъ, который я тебѣ предлагаю.

— Ну ужъ нѣтъ, дядюшка!

— Слушай-же — сказалъ, наконецъ, г. Томà — ты любишь Жюли?

— Люблю, дядюшка.

— И она тебя любить?

— Признаюсь, думаю, что отвѣчаетъ моеѣ любви.

— Ну, дружокъ! такъ ты не будешь у насъ до тѣхъ поръ, пока мать не возьметъ ея отсюда. Эта дѣвушка вѣрена намъ, и — противъ твоеѣ любви, противъ этаго брака, слѣдовательно, не долженъ пускать тебя къ себѣ. Съ нынѣшняго дня я запираю дверь для тебя; это долгъ мой. Тебѣ остается вечеръ: наслаждайся имъ, а потомъ жди, когда своенравное счастье обогатитъ Жюли.

Бутылка была кончена; дядя и племянникъ вышли изъ столовой и пошли въ гостиную, гдѣ уже собрались обыкновенные

гости г. Томà. Образовалось нѣсколько столовъ виста, и покуда дядя былъ занятъ игрой, племянникъ, улучивъ время, подошелъ къ Жюли.

— Милая Жюли, — сказалъ онъ, — любовь наша ужъ не тайна: дядюшка все знаетъ: онъ противъ насъ.

— Господи! — воскликнула Жюли, — вы все сказали ... Г. Томà знаетъ, что я васъ люблю! я не посмѣю взглянуть на него. —

— Отчего это, милая Жюли? Зачѣмъ краснѣть, к чему стыдиться этой чистой любви, любви, которую знаетъ ваша матушка. Впрочемъ я признался только въ томъ, что уже угадалъ дядюшку.

— Который не позволяетъ вамъ жениться — договорила Жюли.

— Не то что не позволяетъ, а предлагаетъ мнѣ другую невѣсту.

Дѣвица Дешанъ слегка вскрикнула, что нѣсколько разсѣяло г. Тома, а такъ какъ разсѣянность очень опасна въ вистъ, то г. Томà проигралъ робертъ, который, иначе, непременно-бы выигралъ:

— Что у васъ тамъ, Анатолю? — спросилъ онъ.

— Ничего, дядюшка, право ничего.

— Злой человекъ! — прошептала Жюли.

— Онъ запретилъ мнѣ приходить сюда до тѣхъ поръ, куда вы не уѣдете — продолжалъ Анатолю.

Молодой человекъ умолчалъ о причинѣ, заставлявшей дядю такъ непріязненно смотрѣть на его любовь; но глубокий вздохъ дѣвушки доказалъ ему, что она поняла ее. Вечеръ пролетѣлъ не замѣтно для влюбленныхъ; партіи виста кончились; игроки разошлись, и въ одиннадцать часовъ г. и г-жа Томà, Жюли и Анатолю остались одни въ гостиной. Въ Болотъ (Magaïs) расходится рано.

Жюли видѣла, что было-бы неприлично продолжать tête-à-tête; она взяла свое вышиванье и сѣла къ карточному столу, на которомъ еще стояли двѣ свѣчки, и принялась работать, разговаривая съ г-жею Томà; Анатолю читалъ газету. Г. Томà, просидѣвъ битыхъ три часа за картами, прохаживался теперь по комнатѣ, чтобъ распрямить ноги, и потиралъ руки: онъ выигралъ.

— Дядюшка — сказалъ Анатолю, желая продлить послѣдній вечеръ, который проводилъ съ Жюли, — дядюшка, хотѣе пассіансъ?

— Пассіансъ! — отвѣчалъ г. Томà презрительнымъ тономъ игрока въ вистъ, — фи!

Онъ остановился и, подойдя къ ломберному столу, сказалъ: — Двадцать франковъ на червонную даму: хочешь, Анатолю? Г-жа Томà возвела глаза къ небу.

— Господи, двадцать франковъ! — сказала она. — Вы хотѣте разорить вашего племянника: это не дѣло, г. Томà.

Цѣна, въ самомъ дѣлѣ, была неслыханная въ Болотѣ, особенно, если подумать, что игра, которую предлагалъ г. Томà была игра азартная, что эта игра увлекательна, и такая, что въ продолженіе немногихъ минутъ нѣсколько двадцати-франковыхъ монетъ могутъ перейти изъ одного кармана въ другой.

Не играй съ дядей, — сказала г-жа Томà, обращаясь къ Анатолю.

Но г. Томà, вообще уступчивый въ отношеніи къ женѣ, очень любилъ противорѣчить ей въ бездѣлицахъ.

— А если ты не хочешь, чтобы я игралъ съ племянникомъ, я буду играть съ Жюли.

— Сказавъ это, онъ подошелъ къ дѣвушкѣ и учтиво предложилъ ей оставить работу, и сыграть съ нимъ на червонную даму. Онъ сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, желая, можетъ-быть, ласковымъ обращеніемъ заставить ее забыть объ отказѣ назвать ее своей племянницей, отказъ, котораго не могла она не знать, потому-что провела весь вечеръ съ Анатодемъ. Мадемуазель Дешанъ съ своей стороны, для того-ли, чтобы обратить на свою сторону г. Тома или просто въ досадѣ на него желая имѣть его своимъ противникомъ, воткнула въ канву свою иглоу, и вынувъ изъ кармана хорошенькій кошелекъ, достала изъ него полуимпериаль, который и положила на зеленое сукно. Г. Томà ваалъ карты, стасовалъ и просилъ Жюли снять.

— Какой ужасъ! — сказала г-жа Томà, — это изъ рукъ вонъ! что вы дѣлаете, г. Томà!

Мы, кажется, сказали, что Жюли была блондинка, но она имѣла нѣкоторыя преимущества брюнетки, какъ напр: блестящіе глаза и живое, выразительное личико. Она такъ зло и насмѣшливо

взглянула на бывшего страпачаго, что тотъ не нашель уже силы отступить.

И онъ сталъ метать.

— Сударыня, — сказалъ онъ — на вашу сторону падаютъ всѣ валеты, т. е. влюбленные: впрочемъ очень естественно, что у васъ ихъ много — прибавилъ онъ: — вы такъ хороши.

— На что много — сказала улыбаясь Жюли: — будетъ одного хорошаго.

— Что вы называете хорошимъ?

— Вѣрнаго, постояннаго и преданнаго.... Позвольте, дама червей моя.

— Точно! — воскликнулъ г. Томà, — итеть на все!

— Пожалуй.

Г-нъ Томà принялся шарить въ карманъ и нашель только три эку.

— Позвольте мнѣ играть на слово?

— О! съ удовольствіемъ.

Между-тѣмъ-какъ дама червей такъ занимала г. Томà и Жюли, Анатольт Вердье подошелъ къ теткѣ, которая часто бывала посредницей между дядей и племянникомъ.

— Тетушка, — сказалъ онъ ей, — вы знаете, что я люблю Жюли.

— Знаю, мой другъ, и съ сожалѣніемъ вижу, что и она тебя любитъ. Эта любовь принесетъ вамъ много горя, и тебѣ и ей, потому-что такой человекъ....

— Горе; отчего тетушка? Я женюсь на ней.

— Женишься на ней — сказала съ испугомъ г-жа Томà, — а дядя?

— На все! — проговорилъ г. Томà, который опять проигралъ. — Не знаю, что я сдѣлалъ червонной дамъ: она меня убѣгаетъ.

— Дядюшка — тихо отвѣчалъ Анатольт своей теткѣ, — сначала разсердится, потомъ простить. Повѣрьте: нельзя ни въ чемъ противиться Жюли: посмотрите, какъ они дружно играютъ.

— Я очень люблю Жюли, — сказала г-жа Тома, — но и дядя твой правъ, Анатольт. Подумай, что у Дешанъ одни долги; а что всего хуже....

— Что такое, тетушка?

— Ты знаешь дядю; онъ устроиваетъ свадьбы какъ покойный г. Вильямъ. Если свадьба, которую онъ задумаетъ, не устроится, онъ никогда не прощаетъ этаго. Такъ и теперь онъ положилъ женить тебя на Констанціи Бернаръ, дочери г. Бернара, который живетъ на нашей улицѣ, знаешь?

— Знаю, тетушка.

— Какъ! опять! — закричалъ въ эту минуту г. Томъ.

— Она очень недурна — продолжала г-жа Томъ;— сто ты олячъ эю приданнаго: если ты не женишься, онъ взбѣситъ.

— Что дѣлать, тетушка? не могу-же пожертвовать дядюшкѣ моими лучшими чувствами.

— Берегись однако: онъ въ состояніи лишить тебя наслѣдства.

— Онъ грозилъ мнѣ этимъ,—отвѣчалъ Анатолю,—ну что-жъ; мы будемъ бѣдны, но счастливы.

— Но знаешь-ли,—прибавила г-жа Томъ,—муж мой злопамятенъ, онъ не легко забываетъ то, что считаетъ обидой; онъ исполнитъ свои угрозы; я старше его, слабаго здоровья, и не успѣю поправить его несправедливости.

Анатолю хотѣлъ поблагодарить свою тетку за ея участіе, какъ вдругъ г. Томъ закричалъ:

— Никогда не игралъ я такъ несчастливо. Пронграть тринадцать разъ. Жена! тринадцать разъ. Анатолю! Представьте, дама червей легла тринадцать разъ на сторону Жюли! Сдѣлайте одолженіе, — сказалъ онъ, обращаясь къ дѣвушкамъ — еще разъ: послѣдній.

— Опять на все? спросила Жюли.

— Конечно, на все.

Г. Томъ снова стасовалъ, далъ Жюли снять, и игра продолжалась. Экстряпчій нисколько не заботился о томъ, что проигрывалъ: онъ былъ богатъ, Жюли бѣдна. Онъ даже былъ радъ, что тонкимъ образомъ увеличить финансы дѣвицы Дешанъ и дать ей возможность купить въ Парижѣ лишнее платье. Но крайне огорчалъ его это непонятное несчастье, его преслѣдовавшее.

— Нѣтъ, видно, мнѣ ни разу не выиграть сегодня! И опять ваша! — сказалъ онъ, бросая на столъ карты. — Представьте: проигралъ четырнадцать разъ! И то правда, въ мои лѣта нечего надѣяться на червонныхъ дамъ и ждать отъ нихъ нечего!

Жюли взглянула на часы и увидѣла, что было половина двѣнадцати часовъ. Она знала, что дальше одиннадцати часовъ г-жа Томъ

рѣдко оставалась въ гостинной. Не желая беспокоить больную, она взяла свѣчку, простилась съ ней, поклонилась дядѣ и племяннику и хотѣла идти въ свою комнату.

— Я вашъ должникъ — сказалъ ей г. Тома; — завтра я расплачусь съ вами.

— Когда вамъ угодно! — И Жюли вышла.

— Я очень рада, мой другъ, что ты такъ проигралъ, — сказала г-жа Тома; — въ другой разъ будешь умнѣе.

— Велика важность! — отвѣчалъ г. Тома. — Я радъ, что могъ сдѣлать ей этотъ подарокъ. Заплачу ей золотомъ. Анатолю, сосчитай-ко, что я проигралъ.

— Сейчасъ, дядюшка. — И Анатолю, вынувъ бумажникъ, приготовился считать.

— Почему вы играли, дядюшка?

— По двадцати франковъ.

— И проиграли....

— Четырнадцать разъ. Со втораго раза шелъ въ дублетъ.

— Все вдвое?

— Да.

— Анатолю началъ арифметическую операцію; пока онъ работалъ, дядя прохаживался по залу и придумывалъ средство незамѣтнымъ образомъ выпроводить Жюли въ Руанъ и спасти отъ нея Анатоля.

— Дядюшка.

— Что?

— Вы спрашиваете, сколько проиграли?

— Да, что проигралъ.

— Что вы проиграли Жюли?

— Конечно.

— Играя по двадцати франковъ и проигравъ четырнадцать разъ, ставя каждый разъ на карту все.

— Ну, да, да!

— Вы проиграли сто шестьдесятъ три тысячи, восемь-сотъ сорокъ франковъ.

— Что ты говоришь, несчастный? почти половину моего состоянія?....

— Считайте сами.

И племянникъ протянулъ изумленному дядѣ свой бумажникъ.

— Сто шестьдесятъ три тысячи восемь-сотъ сорокъ франковъ!—закричалъ г. Томà, даже поблѣднѣвъ;—не можетъ быть!

— Я свидѣтель,—сказалъ хладнокровно Анатолю; — вы сами вызвали Жюли и, проигравъ первый разъ, начали ставить на все, что и продолжали до конца; еслибы вы не проиграли, а выиграли, то Жюли отдала-бы вамъ сто шестьдесятъ три тысячи восемь-сотъ сор....

— Убирайся къ чорту, варваръ!—закричалъ г. Томà, хватая себя за голову.

— Вотъ затруднительное положеніе! сказала г-жа Томà.

— Затруднительное положеніе! затруднительное положеніе! Скажите — разореніе, сударыня, если ...

— Если вамъ придется заплатить?—перерывалъ Анатолю Неужели, дядюшка, вы сомнѣваетесь въ этомъ? Можетъ-быть теперь Жюли дѣлаетъ расчетъ, который мы сейчасъ сдѣлали, и знаетъ сумму, которую она выиграла. Положимъ, что она и не думаетъ о своемъ огромномъ выигрышѣ, но возвратясь въ Руанъ, она расскажетъ непременно отцу о четырнадцати выигранныхъ дамахъ и объ условіяхъ игры. Г-нъ Дешанъ считать умѣетъ, и тогда....

— Тогда, тогда—сказалъ г. Томà—я-бы желалъ всѣхъ Дешановъ, мать, отца и дочь, особенно дочь, отправить съ камнемъ въ воду.

— Дядюшка, дядюшка.

— Да вѣдь твое-же добро, несчастный, отымаешь у меня эта дѣвочка!

— Не надо было играть, дядюшка.

— Такъ ты думаешь, что я проигралъ сто шестьдесятъ три, тысячи франковъ?

— Да, дядюшка, вотъ счетъ.

Г. Томà былъ уничтоженъ; дѣло было ясно какъ день. Конечно онъ не думалъ проиграть такой суммы, но думалъ или нѣтъ, а проигралъ. Жюли играла на выигранные деньги, и поведеніе ея не только не могло быть порицаемо, но было благородно: она могла отказаться отъ игры когда хотѣла; оставалось платить или завести процессъ. Последнее было невозможно: онъ самъ назначилъ кушъ, самъ тасовалъ, самъ произносилъ несчастное: *идетъ на все*. Г. Томà рѣшительно терялъ голову.

— Дядюшка, — сказала Анатолю — вы думаете женить меня на вашей сестрѣ, Констанціи Бернаръ? Что-жь, дядюшка, она очень недурна, богата; можно помочь горю....

Анатолю не успѣлъ договорить послѣднихъ словъ, какъ г. Тома однимъ прыжкомъ очутился въ комнату Жюли и притащилъ ее полураздѣтую въ гостинную.

— Сударыня, — сказалъ онъ ей, — я вамъ проигралъ сто шестдесятъ три тысячи восемь-сотъ сорокъ франковъ.

— Мнѣ?!

— Вамъ. Хотите выдти за мужъ за моего племянника? Я вамъ даю сорокъ тысячъ въ день свадьбы, четыре тысячи ежегоднаго дохода, и дѣлаю Анатоля и васъ своими наследниками. Если только — прибавилъ онъ, зло улыбаясь, — Анатолю захочетъ отказаться отъ Констанціи Бернаръ.

Анатолю отказался отъ Бернаръ и женился на той, которую любилъ. Все устроилось, какъ хотѣлъ г. Тома: племянница дала ему квитанцію.

— Видите, дядюшка, счастье своенравно, — говорилъ Анатолю дядь.

— Не счастье — ворчалъ г. Тома, — червонная дама.... Не надо было вѣрять червонной дамѣ.

НЕСЛЫХАННОЕ СЛОЖЕНІЕ. — Испанскіе медицинскіе журналы рассказываютъ о человѣкѣ, родившемся въ Майоркѣ, достигшемъ 70-лѣтняго возраста, темперамента сангвиническаго и апоплексическаго, которому въ продолженіе пятидесяти шести лѣтъ сдѣлано было приблизительно *двѣ тысячи кровопусканій*, каждое около фунта: ему начали пускать кровь съ 15 лѣтъ, и каждый мѣсяць. Въ 20 лѣтъ удвоили число кровопусканій, съ 25-ти пускали 3 раза въ мѣсяць. Дошли до того, что въ некоторые мѣсяцы ему пускали кровь до *четырнадцати* разъ: этотъ субъектъ живъ и понынѣ, и ему дѣлаютъ не менѣе 6 кровопусканій въ мѣсяць.

КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ НИДЕРЛАНДСКАГО КОРОЛЯ, о распродажѣ которой наши читатели безъ сомнѣнія знаютъ, начала продаваться съ 12-го Августа нов. ст. Охотниковъ чрезвычайно-много и продажа идетъ успѣшно. Два Мурилло, какъ слышно, купленные для Эрмитажа, заплачены слишкомъ 75 т. ф.

Продано уже на 900 т. ф. Все собраніе стоило королю Вильгельму болѣе 15 мил. фр.; въ немъ считалось: картинъ, древнихъ 192, новыхъ 162; рисунковъ древнихъ и новыхъ 370; статуй и бюстовъ 26. Большая часть оригинальныхъ рисунковъ принадлежитъ Рафаэлю, Рубенсу, де-Винчи, Корреджіо, Микель Анджело, Себастьяну деи-Пиомбо, Андре дел-Сарто, Тинторету, Караваджіо, Ван-Дику. Картины разныхъ школъ: фламандской, голландской, нѣмецкой, испанской, итальянской, французской и англійской. Всѣхъ выше цѣнится въ этомъ собраніи картина Гобема; она еще не продана.

МЪТРЫ ПРОТИВЪ ЯСНОВИДѢНІЯ, предпринятая, въ особенности въ послѣднее время, парижскою полиціею, болѣе и болѣе роняютъ кредитъ магнетизма и снохожденія. Открыто, напримѣръ, жительство одной дамы, у которой надъ дверьми написано: «Кабинетъ новѣйшей Сивиллы». Полицейскій комиссаръ и другой чиновникъ входятъ: имъ отворяетъ какая-то старуха. Ихъ просятъ подождать и потомъ вводятъ въ комнату, гдѣ сидитъ ясновидящая и около нее магнетизеръ; сивилла уже спитъ. Чиновники показываютъ свои шарфы, и ясновидящая просыпается безъ помощи магнетизера; магнетизеръ называетъ себя лекаремъ и объявляетъ, что найденныя здѣсь снадобья прописаны имъ со словъ ясновидящей. Полиція не удовлетворяется этими резонами и, съ свойственнымъ ей скептицизмомъ, передаетъ дѣло прокурору республики, а сама продолжаетъ поиски въ другихъ мѣстахъ и находитъ еще: бузиновую палочку, съ помощью которой узнаются зарытые клады и источники живой воды; кабаллистическія карты и кодпакъ; стеклянную банку, въ которой заключенъ паукъ и лѣсенка, вся обсыпанная маленькими лоскуточками бумаги съ номерами. Лазя по лѣстницѣ, паукъ роветъ то тотъ лоскуточикъ, то другой: эти-то номера непременно должны выиграть въ одной изъ большихъ лоттерей Германіи,—наконецъ найдено сердце барана, пронзенное кинжаломъ, которое тоже знаетъ разныя тайны. Парижская полиція неумолима и хочетъ непременно доказать, что и магнетизму, и магіи, и кабалистикѣ вѣрять не должно.

СУПРУЖЕСКАЯ РАЗДѢЛКА. — Въ *Morning-Post* пишутъ, что въ Ноттингэмѣ, гдѣ женщины всѣ вообще очень большаго роста, одна дама вызвала своего мужа на ратоборство *coram populi*, и что мужъ, какъ слѣдуетъ джентельмену, принялъ это предложеніе. Они вдвоемъ отправились за городъ. За ними валила толпа любопытныхъ. Дама была въ нарочно-приспособленномъ костюмѣ. Она сняла серьги и кольцо и бросила перчатку своему супругу. Оружіе, ими употребленное, извѣстно: они дрались по-просту, на кулакахъ, что по-англійски называется хитрѣе: *bohe*. — Бой продолжался два часа; они сходились пятнадцать разъ. Сперва достойной леди были подбиты глаза, и носъ ея украсился нѣсколькими синяками, потомъ дѣло приняло другой оборотъ, и на голову супруга посыпался страшный градъ ударовъ, которые, вѣроятно, не скоро выйдутъ у него изъ памяти. При пятнадцатой схваткѣ нѣжная мать семейства, наконецъ, сшибла съ погъ свою половину искуснымъ ударомъ, заимствованнымъ ею у какого-нибудь Принца Родольфа. Дама была провозглашена *побѣдителемъ*, и воинственная чета отправилась домой. Говорятъ, что съ того дня кредитъ ноттингэмскихъ мужей значительно понизился, и акціи на повиновеніе ихъ женъ продаются дешевле первоначальной цѣны.

ДОКТОРСКИЙ ДИПЛОМЪ, ПОДНЕСЕННЫЙ МЕЙЕРБЕРУ. — Депутація изъ пяти профессоровъ, въ главѣ которыхъ находился деканъ философскаго факультета, извѣстный математикъ Карлъ Шнелль, поднесла Мейерберу отъ имени Іенскаго университета почетный дипломъ (*Ehrendiplom*) доктора музыки. — Дипломъ этотъ напечатанъ золотомъ на пергаментѣ и украшенъ изящною миниатюрною живописью; онъ вложенъ въ красный сафьянный футляръ, на которомъ изображенъ гербъ университета и слѣдующая латинская надпись: «*Jacobo Meyerbeer, musicae arti in Borussia praefecto primario, operibus eximiis et elegantissimis non modo in patria, sed etiam apud exteras gentes celeberrimo, etc, etc.... honoris causa.*»

ВЛАДѢНІЯ ЛАМАРТИНА, ПОЖАЛОВАННЫЯ ЕМУ ТУРЕЦКИМЪ СУЛТАНОМЪ, занимаютъ вмѣстѣ съ горами, ихъ окружающими, пространство въ 28 — 30 льѣ окружности; онъ чрезвы-

чайно-обильны и могут сдѣлаться самымъ разнороднымъ источникомъ богатства. На нихъ уже теперь семь селеній. Дамартинъ строить себѣ домъ на полѣ, гдѣ былъ храмъ, въ трехъ лѣ отъ Гефеса. Владѣнія эти обширнѣе герцогства Лукки и неизвѣрно плодотвы, воздухъ чистъ и здоровъ, пастбища легко накормятъ сто тысячъ головъ скота: словомъ, это — маленькое Эльдorado.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ сдѣлано недавно въ Парижѣ. — Въ древнемъ монастырѣ Saint-Martin-des-champs, есть зданіе, приписываемое Пиерру де Морирейль, архитектору XIII вѣка, и нынѣ отдѣланное для библіотеки Консерваторіи искусствъ и ремеслъ. Въ одной изъ стѣнъ работники наткнулись на мѣсто, гдѣ былъ не камень, а гипсъ: подъ гипсомъ нашлась удивительная дверь византійскаго стиля, рѣзная и позолоченная. Эту дверь намѣреваются поновить и возстановить въ прежнемъ видѣ.

СТРАШНАЯ ГРОЗА была въ департаментъ Пиреней 1-го Августа. Въ мѣстечкѣ Eaux-Bonnes все населеніе было пробуждено шумомъ потока рѣчки *la Sourde*, который, своротивъ изъ своего прежняго русла, крытаго канала англійскаго сада, пробилъ себѣ новый путь по главной улицѣ. Въ 6 часовъ утра мѣстечко представило ужасное зрѣлище. Вода проникла во всѣ нижніе этажи, поломала тротуары, крыльца, заборы, вырвала съ корнемъ деревья.

ВИЗЮГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ. — Разнообразіе и занимательность статей *Военнаго Журнала* возрастаютъ съ каждою книжкою его. Сообщаемъ содержаніе недавно полученнаго здѣсь з №: Генеральный Штабъ, практически согласованный съ арміею — Армія въ Индіи на походъ, статья Ч. Ньпира. — Разборъ Замогильныхъ Записокъ Шатобріана. — Осада Темешвара. — Сухопутныя силы Англіи въ Европѣ. — Новая система укрѣпленія границъ Южной Германіи съ запада. — Модель Ватерлооскаго сраженія.

СМѢСЬ.

ФАУСТЪ И МАРГАРИТА. — Подъ этимъ заглавіемъ сочинена въ Парижѣ драма для театра Гимназіи. Неизвѣстно, что болѣе имѣлъ цѣлью ея авторъ Карре? — изуродовать-ли произведеніе Гете, которое онъ перефразировалъ, или посмотреть, къ лицу-ли будутъ роли: Маргариты очень хорошенькой актрисѣ, Розѣ-Шери, — а Фауста, бывшему актеру петербургской французской труппы, г. Брессану. Изъ отчетовъ французскихъ журналовъ не видно, какой успѣхъ имѣла драма г. Карре, но замѣчательны, какъ неслыханные досель, комментаріи къ произведенію Гете, эти слова одного французскаго фельетониста о нѣмецкомъ Фаустѣ: «Произведеніе Гете не такъ популярно, какъ бы должно было ожидать этого. А между-тѣмъ идея этой драмы стара какъ міръ: эта идея — борьба добра и зла, добраго и злаго генія.» Не правда-ли, удивительное объясненіе идеи такого произведенія, каковъ Гетевъ Фаустъ? И добро-бы это писалось для христоматій, которыхъ въ наше благословенное время не читаютъ ужъ и дѣти! Французскій «критикъ» далѣе говоритъ, что Фаустъ не популяренъ, даже не смотря на переводы гг. Сент-Олера и Жерара де-Жерваль: это должно показаться еще удивительнѣе для тѣхъ, кто не знаетъ, какъ переводить Французы произведенія иностранныхъ литературъ. Но тѣ, кому когда-нибудь случилось сравнить хоть-бы англійскій романъ съ его французскимъ переводомъ, не спросятъ себя, почему Французы не знаютъ Фауста, почему любятъ, глядя на него изуродован-

наго, такъ-же какъ на изуродованнаго Шекспира. Кстати о метаморфозахъ Шекспира: онъ по неволѣ напомнили намъ Скриба; съ воспоминаніемъ о Скрибѣ, мы воротились мыслию къ «Бурь», путешествію Скриба въ Лондонъ, приему ему съ Галеви, и намъ ввдумалось представить нашимъ читателямъ подлинную карту завтрака, даннаго Скрибу и Галеви сэрромъ Лондонемъ: она непереводима. Вотъ она въ подлинникъ :

КАРТА СЕЛЬСКАГО ЗАВТРАКА, ДАННАГО ЛОНДОНЕМЪ ГГ. СКРИБУ И ГАЛЕВИ:

Dejeuner pour 500 personnes. Chancellar-House, 19 juin 1850.

Déjeuner Champêtre

Ving-quatre potages.

Six potages Velouté d'Asperges aux pois verts

- id. à la Colbert à l'Italienne.
- id. Nivernaise à la Régence.
- id. à la Prince Arthur.

Relevés substantielles.

Douze galantines à la Volière

Douze pâtés-froids

Trois pâtés-froids de pigeonneaux

- id. de cailles farcies aux truffes
- id. aux jeunes dindonneaux
- id. d'oisons aux foies d'agneaux

Trois pâtés-froids de canetons

- id. de Poussins aux pistaches
- id. de poulets printaniers
- id. de cailles en Canaria.

Soixante entrées chaudes.

Filets de rougets à la Halevy. { Dix rissolettes à la Pompadour
Pellis pois.
— cotelettes de moutons gallois à la réforme.
Haricots verts.
— ris de veau à la d'Aumale
Asperges.

Dix ris de veau à la d'Aumale
Asperges.
— cotelettes d'agneau à la puree de concombres.
Haricots verts
— aiguillettes de petits poussins à la Scribe.
Petits pois.

Escallopes de petites soles à la Sontag.

Buffet.

Baron of Baf à la Magna Charta.

{ Un Round of Beef à l'anglaise.
Deux roulades de veau farcis.
Deux selles de mouton Gallois.

{ Baron of beef à la Magna Charta.

Pièces de Résistance.

Deux quartiers d'agneau à la Sèvigéné.
 Pièces de boeufs étuvés à la Garrick.
 Quatre jambons de Westphalie au Madère.
 Huit langues de boeuf à l'écarlate.
 Vingt-quatre poulardes froides au cresson fin.
 Douze dindonneaux à la meunière.

Quatre-vingt seize entremets.

Croustade Shakespearien,

à la Halévy-Scribe

(TEMPESTA)

Pic-nic Tent. Entrées, Pâtisseries, Bonbons.	}	Huit salades de petits homards aux concombres.	Quatre turbans de meringuesaux champignons aux cerises.	}	Pic-nic Tent Entrée, Pâtisserie, Bonbons.
		— gelées au Dantzig et pêches	— Vol-au vent aux cerises.		
		— turbans de meringues.	— Crèmes de fruits à la Marie-Stuart.		
		Quatre côtelettes glacées aux pêches.	— jambonneaux glacés aux pêches.		
		— tartelettes pralinées à l'anas et abricôts.	— tartelettes pralinées à l'anas et abricôts.		
		— jambonneaux glacés aux pêches.	— Cotelettes glacées en surprise.		
		— crèmes de fruits à la Marie-Stuart.	Huit turbans de meringues.		
		— vol-au vent aux cerises.	— gelées au Dantzig etpêches.		
		— turbans de meringuesaux champignons en surprise.	— salades de petits homards aux concombres.		

Quatre Babas Sevarin.

Turban d'escaloppes Aspie de chevreuil a la Népaul

Dessert.

Floréal a la Watteau.

Убѣдительно просимъ читателей извинить насъ въ томъ, что мы выписали имъ эту карту, не переведа ея на русскій языкъ. Признаемся, мы не умѣли-бы ни за что сдѣлать это вполне. Это своего рода руны, которыя, можетъ-быть, и дождутся когда-нибудь русскаго Шамполіона. Насъ поразила изобрѣтательность г. Соје, этого генія новѣйшей кухни, котораго, будь они живы, можетъ-быть возвели-бы въ число, боговъ — Крассъ и Лукуллъ. Нѣтъ сомнѣнія, по-крайней-мѣрѣ, что слава обѣдовъ втихъ героевъ дрвенности значительно пострадаетъ отъ совмѣстничества.

ЖЕННИ ДЕНДЪ недавно отправилась изъ Ливерпуля въ Америку. Г. Барнумъ заключилъ съ ней условіе, въ силу котораго она будетъ получать за выходъ по 200 ф. ст. (около 1300 р. сер.); она должна участвовать въ 150 представленіяхъ, что составитъ для нея сумму около 195 т. р. сер. Г. Барнумъ надѣется выручить *втрое*. Это тотъ-же самый антрепренеръ, который выручилъ на Том-Пусъ 3 милліона франковъ.

НАДГРОВНАЯ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ. — Подъ заглавіемъ *Croquis-mort de la Presse*, въ Парижѣ напечатанъ перечень журналовъ, родившихся съ Февраля 1848 г. Изъ этого перечня видно, что изъ 100 появившихся журналовъ умерло 96. А вотъ любопытное сближеніе:

Въ 1789 г. во Франціи образовалось новыхъ журналовъ	150.
— 1790	140.
— 1791	85.
— 1792	60.
— 1794	40.

Итого 475.

Изъ этихъ 475 журналовъ къ 1796 г. остались живы 17, а къ 1800 г. — 7.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА. — *Dublin University Magazine* приводитъ замѣчательный цитатъ изъ Аддисона, написанный въ 1711 г. и доказывающій, что мысль объ электрическомъ телеграфѣ приходила и ученымъ Среднихъ-вѣковъ, которыхъ изысканія не рѣдко обращаются нынѣ въ шутки: «Страда въ своихъ *Profusiones*, говоритъ Аддисонъ, упоминаетъ о фантастической корреспонденціи двухъ друзей посредствомъ магнита, имѣшаго то свойство, что, когда имъ прикасались къ двумъ стрѣлкамъ, стоило привести въ движеніе одну изъ нихъ, и другая въ то-же время приходила въ совершенно-одинаковое движеніе. на какомъ-бы разстояніи ни находились стрѣлки одна отъ другой. Каждый изъ двухъ пріятелей прикрѣпилъ свою стрѣлку къ кругу, на которомъ были изображены буквы алфавита. Передъ разлукой они дали другъ другу обещанье въ известное время дня заператься съ своей стрѣлкой въ особенную комнату. Тотъ

которому нужно было что-нибудь сказать другому, направлялъ стрѣлку на каждую изъ буквъ того слова, которое нужно было передать; послѣ каждаго слова онъ, во избѣжаніе недоразумѣнія, останавливался на нѣсколько времени. У пріятеля стрѣлка дѣлала одинаковыя движенія и слѣд. повторяла слова перваго. Такимъ образомъ они сообщали другъ другу свои мысли, не смотря на то, что ихъ иногда раздѣляли горы, рѣки, моря, сотни и тысячи миль.»

ЦИФРЫ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ О ЛОНДОНСКИХЪ ПОЖАРАХЪ. —

Статистика лондонскихъ пожаровъ чрезвычайно-любопытна. Вотъ нѣсколько цифръ, заимствованныхъ нами изъ англійскихъ журналовъ:

Въ 1849 г. въ Лондонѣ было пожаровъ 838; изъ нихъ самыхъ сильныхъ 28; съ меньшимъ ущербомъ 228; ничтожныхъ 582; изъ трубъ выкинуло 89 разъ; въ томъ числѣ было фальшивыхъ тревогъ 76, — всѣ по ошибкѣ, отъ испуга. Къ помощи пожарныхъ прибѣгали 1003 раза. Смертныхъ случаевъ при этомъ было 26: 13 отъ загорѣвшихся постелей или платьевъ, 8 отъ неумѣнія или неловкости во время пожара, 5 отъ взрыва огнестрѣльныхъ орудій.

Выводы изъ отчетовъ о пожарахъ въ Лондонѣ съ 1833 по 1848 годъ слѣдующіе:

Горѣло:

Аптекъ и москательныхъ лавокъ.....	36	ны, остальные потерпѣли немного; изъ этихъ пожаровъ произошли: 8 отъ грѣлокъ, печныхъ бороновъ и пр., и 2 отъ молніи).	33
Хлѣбни.....	244	Магазиновъ шерстяныхъ и другихъ матерій (105 пострадали много; 239 были освѣщены гасомъ, — въ 140 случаяхъ опять-таки причина — гасъ или неосторожное обращеніе съ нимъ).....	254
Книжныхъ лавокъ и переплетныхъ заведеній (изъ послѣднихъ 6 были освѣщены гасомъ, и въ 28 причиною пожара былъ гасъ).....	187		
Столярень.....	156		
Заведеній плотничныхъ и вообще деревянныхъ издѣлій.....	434	Домъ Общества предостереженія отъ пожаровъ (гдѣ производился опытъ	
Церквей (изъ послѣднихъ 3 совершенно разрушены, 10 сильно поврежде-			

надъ особенной цѣка- туркой, будто-бы безо- пасной отъ огня, кото- рая загорѣлась такъ не- ожиданно и сильно, что одѣлала чрезвычайно- много вреда).....		Судовъ (отъ печныхъ трубъ трубокъ, воспалинн кладн и т. п.).....	82
Фейерверочныхъ заведе- ній горѣло.....	49	Конюшень (отъ свѣчей, спи- чекъ, табуку, отъ пьян- ства).....	162
Мелочныхъ лавокъ (въ 109 изъ нихъ употреблялся гасъ, и въ 26 случаяхъ причина пожара гасъ) ..	120	1 Портныхъ мастерскихъ (17 отъ гаса, 13 отъ свѣчей, и нѣкоторыя отъ табуку).	81
Лабораторій, гдѣ дѣлали гасъ (только 9 изъ нихъ потерпѣли большое по- врежденіе, но не разру- шена ни одна).....	37	Театровъ (8 отъ гаса, дру- гіе отъ табуку, занавѣса, костюмовъ).....	20
Пороховой магазинъ (слѣ- дуетъ замѣтить здѣсь всегдашнее присутствіе сознанія опасности и вы- текающую отсюда посто- янную осторожность)....	1	120 Табачныхъ лавокъ (6 отъ гаса, 6 отъ спичекъ, дру- гія отъ куренія табуку, отъ кошки и отъ крысъ).	43
Фабрикъ химическихъ спи- чекъ.....	101	Свѣстныхъ магазиновъ (21 совершенно разрушены, 167 сильно повреждены, 354 повреждены слегка; причины: 83 загорѣлись отъ трубъ, 73 отъ занавѣ- совъ, платья и т. п., 65 отъ гаса, 36 отъ ку- ренія табуку; 35 отъ свѣчей; остальные слу- чай произошли отъ спи- чекъ, пьянства, зомы, обращенія съ огнемъ дѣ- тей, искры и отъ обе- зьяны).....	542
Домовъ сумасшедшихъ....	2		
Типографій и гравирова- ленъ.....	72		
Частныхъ домовъ (1302 за- горѣлось отъ занавѣсей, платья, сушившихся пе- редъ огнемъ).....	3352		

КАКЪ ДОЛТЬ КОРОВЪ ВЪ АВСТРАЛІИ. — Иная операція, до нельзя упрощенная въ старомъ-свѣтъ, въ новомъ сопряжена съ большими затрудненіями. Вотъ, напримѣръ, какъ долть коровъ въ Австраліи: утремъ въ четыре часа коровъ загоняютъ на дворъ, гдѣ съ вечера въ особый чуланъ загнаны телята. Тогда начинаютъ ловить одну изъ коровъ, которая, съ упрямствомъ, свойственнымъ почти всѣмъ существамъ женскаго пола въ Австраліи, заставляетъ догонять себя съ криками и съ толстой дубиной, и три или четыре раза обѣжать дворъ по колѣно въ грязь

или въ выли, смотря по времени года. Послѣ этого корова отправляется къ нарочно-устроенному на этотъ предметъ станку, и позволяетъ привязать къ нему свою шею. Тутъ во всю длину вытягиваютъ одну изъ ея заднихъ ногъ и привязываютъ ее къ особому столбу, единственнымъ видомъ веревки, извѣстнымъ въ Австраліи, зеленымъ лыкомъ. Въ этомъ положеніи начинаютъ доить. Нѣкто м. Джёмсарю всегда стоялъ на томъ, чтобъ во время самой операціи непремѣнно крѣпко держали корову за хвостъ, чего, по словамъ одного колониста, не видать вообще въ колоніяхъ. «Я, однако, добросовѣстно исполнялъ эту трудную обязанность — писать колонистъ — въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, до тѣхъ поръ, пока, однажды, молодая корова, слишкомъ слабо привязанная къ станку, высвободила голову, опрокинула дойникъ и того, кто ее доилъ, и бросилась на надзирателя за фермой, выпускавшаго въ это время телятъ, къ немалому ущербу его новой пары штановъ, и не смотря на всѣ мои усилія удержать ее, выбѣжала со двора, оставивъ меня въ недоумѣніи распростертымъ на землѣ.

ЭПИТАФІЯ АНГЛІЙСКОЙ ДЕДИ. — Слѣдующая эпитафія находится на одномъ изъ памятниковъ кладбища въ Pewsey, мѣстечкѣ Дорсетшейра:

Здѣсь лежитъ тѣло
 Леди Блуя,
 впучки Бурна,
 прозваннаго Великимъ
 Она была
 кротка, страстна и глубоко-религіозна;
 она также писала
 акварелью
 и посылала нѣсколько картинъ
 на выставку.
 Она была двоюродная сестра
 Леди Джонсъ.
 Царство ей небесное!

ПАТРИАРХАЛЬНОЕ СЕМЕЙСТВО. — Въ Линнѣ живетъ теперь нѣкто Г. Лудвигъ Шепперсъ, 88-лѣтній старецъ. Онъ родня почти всѣмъ чиновнымъ лицамъ города: у него 216 племянниковъ, племянницъ, внуковъ и внучекъ.

ПРИЧУДЫ РѢКИ.—Одинъ американскій журналъ передаетъ слѣдующее любопытное происшествіе, разсказанное очевидцемъ.

18-го іюня часу въ двѣнадцатомъ утра, м. Спольддингъ вѣходилъ на берегу рѣки Двухъ-Сердцеъ близъ южнаго конца Верхняго озера, какъ вдругъ вода пришла въ движеніе, и скоро послѣ этого надъ ея поверхностью показалась масса земли. Новый островъ имѣеть въ окружности футовъ 150 и возвышается футовъ на 6 надъ уровеньъ воды; сначала онъ былъ покрытъ пескомъ и мелкими камешками, какъ и самое дно рѣки, но спустя нѣсколько времени волны омыли его и оставили глянцистую поверхность. Въ то время, когда выросталъ этотъ островъ, противоположный берегъ рѣки поднялся въ одинаковой мѣрѣ и принялъ видъ песчанаго пригорка. За этимъ возвышеніемъ почва опустилась футовъ на 20 на пространствѣ 50 туаза, вмѣстѣ съ покрывавшими ее деревьями и всей прочею растительностью. Этотъ тройной феноменъ не сопровождался никакимъ особеннымъ сотрясеніемъ, ни подземнымъ шумомъ.

МЫСЛЬ О НОВОМЪ ПРИЛОЖЕНІИ ЭЛЕКТРИЧЕСКАГО ТЕЛЕГРАФА. — Французскій инженеръ, бывшій воспитанникъ Политехнической школы, недавно составилъ въ Парижѣ проектъ новаго и замысловатаго приложенія электрическаго телеграфа. Онъ предлагаетъ устроить огромную сѣть изъ подземныхъ проволокъ, которою-бы связывались 150 конторъ, расположенныхъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ, такимъ образомъ, чтобы извѣстія могли быть передаваемы отъ одного пункта до всякаго другаго не болѣе какъ въ три минуты. При каждой конторѣ находились-бы разсылные, которымъ было-бы поручено доставлять извѣстія по адресу и приносить на нихъ отвѣты. По его расчету, можно-бы предоставить право пользоваться этимъ учрежденіемъ всемъ жителямъ Парижа съ платою 25 сантимовъ за каждое сообщенное извѣстіе и полученный на него отвѣтъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Сентября 14-го 1850 года.

Ценсоръ В. Лешковъ.

СМѢСЬ.

ПЕРВАЯ КРАСАВИЦА ВЪ МІРѢ.

РАЗСКАЗЪ

ПЕТРА ШЕВАЛЬЕ.

„.... Такъ какъ вы разсуждаете теперь о неподвижныхъ идеяхъ, помѣшательствѣ на какой-нибудь одной мысли—сказалъ полковникъ ***— я кстати разскажу вамъ случай, въ которомъ я былъ невольнымъ участникомъ.

„Я жилъ въ Неаполѣ въ гостинницѣ Кіаіа, биткомъ-набитой разноплеменными путешественниками. При гостинницѣ, по примѣру большей части хорошихъ домовъ въ Неаполѣ, былъ великолѣпный садъ, обращенный къ морю и Везувію. Всѣ обѣдавшіе за общимъ столомъ обыкновенно собирались по захожденіи солнца въ этомъ саду, толковали или гуляли до полуночи, упиваясь лучшимъ шербетомъ въ мірѣ, подъ сѣнью померанцевыхъ деревьевъ и олеандровъ.

„Въ одинъ вечеръ случилось мнѣ попасть въ общество Англичанъ и Нѣмцевъ. Мы расположились на совершенно-отдѣльной террасѣ въ глубинѣ сада. Справа, Неаполитанскій заливъ безмолвно покачивалъ сотню кораблей, стоявшихъ на якорѣ; слева, Везувій упиралъ въ небо столбъ бѣлаго дыма, усѣянный яркими огненными языками. Хотя это зрѣлище само по себѣ и не заключало ничего особенно-располагающаго къ любезности, однакожъ разговоръ шель о женщинахъ, и каждый изъ насъ, припоминая свои путевыя впечатлѣнія, сталъ исчислять разныя мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ кому удавалось встрѣчать типы совершенной красоты.

Отд. VI.

4

„Между иностранцами, принимавшими особенное участие въ разговоръ, если не словами, по-крайней-мѣрѣ, вниманіемъ, я замѣтилъ молодаго человека лѣтъ тридцати-двухъ, такой изумительно - прекрасной наружности, какой не доводилось мнѣ видѣть ни разу въ жизни. Представьте себѣ мужественное, смуглое лицо необыкновенной красоты въ полномъ ея развитіи; но мужественность смягчалась выраженіемъ кротости и неизобразимой прелестью тонкихъ и нѣжныхъ очертаній.

„Да,—подумалъ я, всматриваясь въ этаго красавца, — если мы позволимъ себѣ судить о женщинахъ въ качествѣ знатоковъ, этотъ человекъ въ правѣ обходиться съ ними, какъ султанъ!“
Мое сравненіе было тѣмъ удачнѣе, что незнакомецъ возвышалъ привлекательность своей особы восточной роскошью. Между прочимъ на указательномъ пальцѣ его лѣвой руки блестѣлъ алмазь, достойный украшать руку папы или императора.

„Разговоръ незамѣтно перешелъ въ горячій споръ, что нерѣдко бываетъ между путешественниками, когда они передаютъ другъ другу свои воспоминанія. Испанки, Итальянки и Француженки попеременно становились предметами удивленія, и большинство голосовъ, переходя то на ту, то на другую сторону, раздѣлило общество на нѣсколько частей. Каждый въ подтвержденіе своего мнѣнія рисовалъ самыя обольстительныя изображенія, кто — Андалузянки съ золотистымъ оттѣнкомъ кожи, кто Римлянки съ античными чертами лица, кто — Парижанки съ ея неизъяснимой очаровательностью.

„Молодой красавецъ жадно прислушивался, стараясь, по видимому, уловить всѣ особенности, по которымъ-бы можно было узнать ту или другую женщину, выставляемую за красоту... Послѣ очень-точного указанія одного Нѣмца на какую-то даму Кадикса, онъ вынулъ изъ кармана записную книжку богато-отдѣланную, и сталъ украдкой отмѣчать въ ней что-то, стараясь показать видъ, что снимаетъ одинъ изъ окрестныхъ пейзажей.

„Это обстоятельство заняло меня до нельзя, и я съѣлъ возлѣ незнакомаго, давъ себѣ слово не сводить съ него глазъ. Надобно прибавить, что все въ немъ становилось болѣе-и-болѣе таинственно и поразительно: и возрастающее вниманіе во время разговора, въ которомъ другіе участвовали довольно - хладнокровно, и пламенные взгляды при сильныхъ, живыхъ описаніяхъ красоты, и холодно-презрительныя улыбки, съ которыми онъ

выслушивалъ неудачныя выходки безвкусія; вы-бы сочли его за превосходнаго, но скромнаго художника, допускающаго сужденія новичковъ-любителей и пользующагося мнѣніями истинныхъ знатоковъ. И мнѣ не разъ приходило въ голову, что онъ или живописецъ какой-нибудь, или ваятель, но при внимательномъ взглядѣ на его обхожденіе и нарядъ подобныя предположенія должны были рушиться сейчасъ-же.

— Господа — сказалъ я наконецъ, обратясь къ спорившимъ, — позвольте мнѣ высказать совершенно-новое мнѣніе. Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые, подобно пастуху Парису передъ тремя олимпійскими богинями, допускаютъ къ составленію о красотѣ только Испанокъ, Итальянокъ и Француженокъ. Я знаю, что надменная Юнона нашла-бы соперницъ между Андалузлянками, что иная Римлянка поспорила-бы съ Палладой въ благородной величавости, и что не одна Парижанка, развязавъ свой поясъ, овладѣла-бы яблокомъ, какъ Венера; но съ тѣхъ поръ, какъ оба пола непрерывно постарались употребить во зло право быть безобразными, красота не принадлежитъ особенно ни одной странѣ; она является повсюду какъ исключеніе. Вчера, полное ея осуществленіе, воплощеніе, было въ Америкѣ; нынче оно въ Европѣ; завтра будетъ въ Индіи. Все это дѣло случайности, господа, — совмѣстничество непрерывно-измѣняющееся и въ которомъ одно только всевидящее солнце могло бы быть судьей. Напримѣръ, что касается до меня, я перебивалъ во столькихъ различныхъ мѣстахъ земнаго шара, на сколько это возможно человѣку, и если когда передомной явилась женщина, о которой-бы я могъ сказать: вотъ первая красавица въ мірѣ! признаюсь, это было ни въ Испаніи, ни въ Италиі, ни во Франціи...

— Гдѣ же? — спросило нѣсколько голосовъ, изъ которыхъ одинъ показался мнѣ настойчивѣе всѣхъ другихъ.

„Я быстро обернулся и встрѣтилъ прекрасныя глаза незнакомца, уставленные прямо на меня.... Они выразили такое нетерпѣніе, и такъ горѣли, что я едва могъ вынести ихъ.

— Гдѣ видѣли вы эту женщину? — спросилъ онъ, какъ-бы стараясь прочесть отвѣтъ въ моемъ взглядѣ.

— Въ Греціи, — сказалъ я — въ Кипрской деревнѣ.

— Въ Кипрской деревнѣ — повторилъ онъ медленно, какъ ребенокъ, который, чтобы лучше удержать въ памяти какое-нибудь слово, произноситъ каждый слогъ его отдѣльно.

— Въ этомъ нѣтъ ничего особенно-удивительнаго — замѣтила кто-то, — сколько въковъ Греція была классической стороной красоты, и я и прежде слыхалъ отъ многихъ, что греческія поселанки и теперь почти всё прехорошенькія.

— Рѣчь не о поселанкѣ — замѣтила я, — и вѣщеть хорошенькой слишкомъ - слабъ для женщины, которую я видѣла. Дѣло идетъ объ особѣ, званіе которой я не могу опредѣлить на-вѣрное, но, судя по всему, она должна принадлежать къ самому высшему обществу. Хотите, господа, — прибавила я, вида, что любопытство моихъ слушателей было возбуждено въ сильной степени, и съ своей стороны любопытствуя узнать изъ выраженія лица незнакомца, какое дѣйствіе произведетъ на него мой разсказъ; хотите, я разскажу вамъ обстоятельства моей встрѣчи съ этой женщиной? Приключеніе довольно - романическое, и будь мнѣ двадцать лѣтъ, я придалъ-бы ему много важности, но мои лѣта позволяютъ мнѣ быть откровеннымъ, не боюсь впасть въ нескромность, и въ точности передать вамъ все, какъ было.

«Вмѣсто отвѣта, мои собесѣдники сомкнулись около меня кружкомъ, а прекрасный молодой человекъ выбралъ себѣ такое мѣсто, гдѣ ни одно мое движеніе не могло укрыться отъ него. Я внимательно наблюдалъ за нимъ во все время слѣдующаго моего разсказа:

«Полтора года тому назадъ, фрегатъ нашъ стоялъ передъ Кипромъ. Однимъ утромъ я воспользовался тихой и ясной погодой, и вышелъ на берегъ съ намѣреніемъ погулять пѣшкомъ. Я прошелъ городъ и окружающую его равнину, обошелъ гору Пекину и направился къ Святой-дорогѣ. На той ея части, которая называется Мистической, я остановился осмотрѣть остатки храма Венеры. Этотъ памятникъ, болѣе и болѣе разрушающійся съ каждымъ днемъ, представляетъ величественныя развалины, окруженныя чуднымъ мѣстоположеніемъ, которое мнѣ вдумалось изучить въ подробности. Побродивъ между обломками камней и мрамора, я сѣлъ возлѣ уцѣлѣвшей части стѣны, отъ которой подава широкая тѣнь, въ двухъ шагахъ отъ быстрого потока, и принялся мысленно возсоздавать прекрасное произведеніе древнаго искусства. Солнце прошло еще только первую четверть своего пути и обливало равнину теплымъ свѣтомъ. Въ этотъ самый часъ за двѣ тысячи лѣтъ, Кипряне сходились сюда праздновать таинства въ честь Венеры. Воображеніе рисовало

миѣ съотечественниковъ Аликвіада и современницъ Аспазіа, отскакивающихъ, въ бѣлыхъ тунникахъ, по всѣмъ тропинкамъ Мистической дороги.

Я мысленно вошелъ съ ними въ храмъ, убранный цвѣтами и оглашавшійся священными пѣснями. Дрожа отъ волненія, я слѣдилъ за совершеніемъ страшныхъ и сладостныхъ таинствъ, и, какъ восторженный новобранецъ, только ждалъ появленія богини красоты на ея жертвенникѣ...., какъ вдругъ послышалася надъ моею головою легкій шорохъ, — я бессознательно поднахнулъ глаза, и представившееся миѣ видѣніе окончательно довершило мое очарованіе. Женщина въ бѣломъ платьѣ и шарфѣ, который развѣвался по вѣтру, легкими стопами медленно шла по вершинѣ толстой стѣны, у которой я приютился. Пройдя надо мною и не замѣчая меня, она остановилась на самомъ краю полуразрушеннаго бельведера. Не показываясь, и не дѣлая ни малѣйшаго движенія, я имѣлъ возможность созерцать ее и любоваться ею вполнѣ. Вы, господа, которые еще молоды и лѣдете въ головѣ и сердцѣ образъ совершенства идеальной красоты, припомните все лучшее, все самое чистое, что когда-нибудь создавала ваша мечта, и вы едва будете имѣть понятіе о женщинѣ, стоявшей передо мною. Все, что я могу передать вамъ о ней, не нарушая дѣвственной чистоты оставшагося во миѣ воспоминанія, это, что у нея были такіе бѣлокурые волосы и голубые глаза, какіе должна была имѣть Ева въ земномъ раю. Близина кожи, не уступавшая слововой кости, соразмѣрности бюста, дѣтскія руки и ноги, хотя представляли изящныя подробности, но несравнимо ни съ чѣмъ казалось миѣ цѣлое. Что касается до выраженія ея лица, я встрѣчу подобное... но нѣтъ, я никогда и нигдѣ такого не встрѣчу!... Обозрѣвъ нѣсколько разъ окрестности своими прекрасными глазами, какъ-будто для того, чтобы найти точку наиболее достойную остановить ихъ вниманіе, она сѣла на стѣнѣ, открыла щегольскій портфель и принялась рисовать... Крошечная ея ножка, обутая въ красный сапожокъ, спускалась съ края стѣны. Лѣтній вѣтерокъ игралъ ея волосами, которые золотилъ солнечный лучъ, а бурный потокъ издавалъ глухой, недовольный рокоть. Налюбовавшись всей этой чудной картиной, достойной вдохновить кого вамъ угодно, я сталъ, наконецъ, задавать себѣ вопросъ, кто-бы могла быть моя незнакомка; какъ вдругъ новое открытіе явилось на помощь миѣ.

У входа къ развалинамъ храма, близъ обломка колонны, я увидалъ пожилую женщину съ двумя Неграми, и четырехъ лошадей, привязанныхъ рядомъ. Подъ такимъ прикрытiемъ обыкновенно выѣзжаютъ знатныя Гречанки, и не оставалось сомнѣнiя, что прекрасная художница принадлежала къ одному изъ именитыхъ Кипрскихъ семействъ. Мнѣ хотѣлось узнать покрайней-мѣрѣ, какъ ее зовутъ, или отъ старой дуэньи, или отъ одного изъ черныхъ служителей, но происшествiе, равно и ужасное и непредвидѣнное, поставило меня въ прямыя отношенiя къ ней самой... Край стѣны, на которой она сидѣла, внезапно обрушился подъ ея ногами: она издала пронзительный крикъ, заставившiй меня вздрогнуть отъ ужаса, и исчезла въ облакахъ пыли, по направленiю къ потоку. Проводница и Негры еще не успѣли прибѣжать, какъ я уже перепрыгнулъ чрезъ стѣну. Я увидѣлъ павшую не прежде, какъ когда она вскрикнула въ другой разъ. Она висѣла на скатѣ пропасти, уцѣпившись одной рукой за сучья, совсѣмъ готовые переломиться, и касалась уже воды кончиками красныхъ сапожковъ...

— Спасите! спасите! — закричала она, увидѣвъ меня.

«Я мигомъ очутился возлѣ нея, крѣпко схватилъ ее за руку, остававшуюся свободною, и другой моею рукою цѣплялся за камни и кустарникъ, карабкался, карабкался, и поднялся во крутому обрыву пропасти. Но едва только мы было-выбрались, я поскользнулся и увлекъ-бы за собой ту, которую спасалъ, еслибъ она въ свою очередь не поддержала меня. Къ счастью одинъ изъ Негровъ догадался бросить мнѣ конецъ своего длиннаго кушака, и съ этой новой помощью намъ удалось наконецъ выйти изъ опасности. Молодая незнакомка лишилась чувствъ, но проводница скоро привела ее въ память, и моею наградою былъ ея первый взглядъ.

— Какъ отблагодарить мнѣ васъ? — съ смущенiемъ проговорила она.

— Позвольте только узнать, кому я имѣлъ счастье быть полезнымъ?—отвѣчалъ я.

«И чтобы заставить ее сказать мнѣ свое имя, я началъ говорить свое.

«Она покраснѣла и прервала меня словами:

— Завтра, завтра!... Возьмите этотъ перстень, — продолжала она съ прiятнымъ замѣшательствомъ, и сняла съ пальца

одно изъ самыхъ дорогихъ своихъ колецъ: — Это будетъ для васъ залогомъ моей благодарности и вѣрнымъ средствомъ узнать, кто я. Я принадлежу ко двору греческаго короля, и живу во дворцѣ. Завтра вы можете явиться съ этимъ перстнемъ, который я дарю вамъ: покажите его часовому, васъ проведутъ, и вы узнаете ту, которой спасли жизнь.

«Сказавъ это, она подала знакъ Неграмъ: — ей подвели ту изъ четырехъ лошадей, которая была поменьше. Легко и непринужденно вскочила она на сѣдло, проводники ея также сѣли на коней, и маленькій караванъ поскакалъ.

— До завтра! — еще разъ сказала мнѣ незнакомка, прощаясь со мной жестомъ руки.

«И управляя своею лошадыю не хуже любой Амазонки, она скрылась изъ виду по Мистической дорогѣ..»

— Ну что-жъ! воскликнулъ взволнованный незнакомецъ, — а на другой день?

«На другой день — холодно отвѣчалъ я ему — я былъ за сто миль отъ Греціи, и прекрасная Кипрянка до сихъ поръ осталась прекрасной незнакомкой.

— Какъ! — перебилъ красавецъ — и у васъ достало рѣшительности уѣхать не выдавши ея.

— Я долженъ былъ ѣхать въ тотъ-же день, черезъ часъ послѣ этого приключенія. Капитанъ фрегата, на которомъ я служилъ, получилъ во время моей прогулки предписаніе отплыть немедленно. Когда я вернулся, я узналъ, что меня только и ждали для того, чтобы сняться съ якоря. Поставленный между долгомъ и любопытствомъ, я не колебался предпочесть свои обязанности.

— И вы послѣ не съѣздили въ Грецію, чтобы увидѣть? — спросилъ незнакомецъ, и съ удивленіемъ и съ негодованіемъ.

— Признаюсь, — возразилъ я улыбаясь, — мнѣ иногда приходило это желаніе, но я давно пережилъ возрастъ романтическихъ глупостей, и теперь довольствуюсь тѣмъ, что владѣю кольцомъ Кипрянки.

— А оно еще у васъ? — страннымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Вотъ оно — сказалъ я, показывая ему палецъ.

Онъ пожиралъ его взорами, готовый, казалось, сорвать его съ пальца, и съ ревнивымъ безпокойствомъ слѣдовалъ за каждымъ изъ присутствовавшихъ, въ свою очередь его разсматривавшихъ.

«Положившись на достовѣрность моего разсказа, онъ много убѣдился, что первая красавица въ мѣръ была въ Греціи. Вскорѣ разговоръ обратился на другіе предметы, и большая часть нашего общества разбрелась по саду.

«Иностранецъ, воспользовавшись этой минутой, отвѣлъ мнѣ въ сторону и съ замѣшательствомъ сказалъ :

— Разсказъ вашъ заинтересовалъ меня болѣе, нежели вы можете вообразить себѣ, позвольте не просить васъ назначить мнѣ часъ и мѣсто, гдѣ бы я могъ подробно переговорить съ вами.

— Нынче же вечеромъ — отвѣчалъ я, и сказалъ ему номеръ, который занималъ въ гостинницѣ.

— И такъ до вечера! — сказалъ онъ и раскланявася подалъ мнѣ карточку съ золотыми арабесками, на которой я прочелъ: Лордъ Жоржъ Веллисъ.

— Лордъ Жоржъ Веллисъ! — подумалъ я, тераясь къ догадкамъ болѣе прежняго.

«И я принялся разспрашивать по гостинницѣ обо всемъ, что могло касаться господина, носившаго это имя.

«Одинъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ туристъ и неистовый любитель картинъ; другой, что это мечтатель большой сплинной; третій объявилъ, что считаетъ Веллиса за геніальнаго человѣка, между тѣмъ какъ четвертый утверждалъ, что онъ недалекаго ума. Все соглашалось только на счетъ знатности и огромнаго богатства лорда Веллиса.

— За неизвѣніемъ другихъ свѣдѣній, мнѣ достаточно было и того, чтобы безъ всякой нерѣшимости принять новаго знакомаго, и едва успѣлъ я войти въ мою комнату, слуга доложилъ мнѣ о его посѣщеніи.

«Медленно вошелъ онъ и удостовѣрился, притворена ли дверь. Лицо его было блѣдно, поступь нерѣшительна. Все въ немъ обличало человѣка, принявшаго неколебимое намѣреніе, и принужденнаго окружить себя не проникливей тайной. Это обстоятельство прибавило нѣсколько симпатій къ удивленію, которое онъ возбуждалъ во мнѣ: — я далъ ему замѣтить, что мы совершенно одни и что онъ можетъ говорить со мною безъ всякаго опасенія.

— Да, я долженъ открыться вамъ, — сказалъ онъ, запинаясь, не смотря на то, что вы, можетъ-быть, и посмѣетесь надъ моею искренностію.

«Грусть и важность, съ которыми онъ произнесъ эти слова, уничтожили во мнѣ всякую возможность расположенія къ тому чувству, котораго онъ боялся, напротивъ я показавъ ему столько участія и внимательности, что онъ рѣшился наконецъ говорить.

— Вы знаете мое имя, сказалъ онъ покраснѣвъ; имя это одно изъ самыхъ первыхъ въ Англіи, и однакожъ я считаю его послѣднимъ изъ всѣхъ моихъ достойнѣй. Отецъ мой умирая объявилъ, что оставляетъ мнѣ сто милліоновъ наслѣдства; зеркало повторяетъ мнѣ каждый день, что природа была щедра ко мнѣ, а честолюбіе мое убѣдитъ васъ, быть-можетъ, въ возвышенности моего ума. Такія похвалы самому себѣ, безъ сомнѣнія, удивляютъ васъ?

— Вы только справедливы, милордъ — отвѣчалъ я — и повѣрьте, что я съ своей стороны тоже отдаю вамъ полную справедливость.

— Я говорю такимъ образомъ для того, чтобы какъ-можно-больше возвысить себя сначала въ вашихъ глазахъ и не показаться слишкомъ смѣшнымъ въ послѣдствіи... Судите-же о важности всѣхъ качествъ и преимуществъ моихъ, высказанныхъ мной изъ того, что я имѣю твердое намѣреніе жениться на первой красавицѣ въ мірѣ.

«Не сирюю, что при этомъ неожиданномъ признаніи, изумленіе мое готово было разразиться громкимъ хохотомъ, но стоило только взглянуть на лорда Эллиса, чтобы удержаться отъ такого неумѣстнаго движенія. Онъ былъ уже не тотъ человѣкъ, который такъ красивъ и смущался въ началѣ разговора. Это былъ опять тотъ-же странный, непостижимый человѣкъ, который привлекалъ мое вниманіе въ саду, но съ примѣсю чего-то еще болѣе удивительнаго. Мужественное, благородное лицо его, надменная и пріятная осанка, выразительный взглядъ, даже необыкновенная роскошь малѣйшихъ подробностей его наряда, все соотвѣтствовало романтическимъ его притязаніямъ, и ничто въ цѣломъ не могло подать повода къ шуткѣ или недовѣрчивости. Я невольно сравнивалъ его съ тѣми князьями среднихъ вѣковъ, которые предпринимали только невозможное и всегда достигали своей цѣли. Все, что сначала казалось мнѣ загадочнымъ въ немъ,

теперь объяснилось, и я помалю эту упорную волю, стлечающую людей гениальныхъ или помѣшанныхъ. Онъ снова началъ говорить.

— Да, только эта женщина волучитъ мое сердце и руку и затмитъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ образъ сохраняется въ моей душѣ. Я хочу сдѣлать завоеваніе, какъ Цезарь и Наполеонъ. Художникъ и писатель стремится къ осуществленію своей мечты въ произведеніяхъ кисти или пера,—я стремлюсь осуществить мою мечту въ самомъ совершеннѣйшемъ созданіи Божіемъ! Я видѣлъ у монхъ ногъ столянхъ женщинъ, и знатныхъ и надменныхъ, столько разъ самъ спускался до самыхъ поворныхъ и ничтожныхъ, что не предвижу никакихъ преградъ. Цѣлыми десяти лѣтъ ѣзжу я по свѣту съ своимъ планомъ въ головѣ. Между путешествіями, которыхъ встрѣчалъ я въ Италіи, въ Франціи, въ Испаніи, въ Англіи, на Востоку, одни искали благоараствореннаго воздуха, другіе величественныхъ памятниковъ, тѣ разворонныхъ зрѣлищъ, иные разнообразныхъ удовольствій; я былъ на Востоку, проѣхалъ Англію, Испанію, Францію и Италію только для того, чтобы ваать у этихъ странъ вервую ихъ красавицу. Не утомимо отыскивалъ я ее въ парижскихъ гостиницахъ, подъ балконами Севильи, въ паланкинѣ американскихъ креолокъ! Я искалъ ее и въ хижинахъ, потому-что могу сдѣлать царией бѣдную дѣвушку, искалъ ее даже въ султанскихъ гаремахъ, рѣшившись оспаривать лучшую жемчужину у старшихъ сыновъ пророка! Вчера еще что-то говорило мнѣ, что я не нащемъ ее; нынче вечеромъ что-то сказало мнѣ, что вы ее встрѣтили!

— Я, милордъ?....

— Вы, вы! и вотъ почему я желалъ переговорить съ вами о вашемъ приключеніи. Я былъ въ Греціи, но не видалъ тамъ женщины, которая явилась вамъ въ храмѣ Венеры. Да, я не видалъ ее тамъ, потому-что все, что я вижу, глубоко врѣзывается въ моей памяти, и я узналъ-бы изображеніе, которое вы такъ ясно начертали и которое можетъ имѣть одинъ только оригиналъ, но я не встрѣчалъ его, иначе онъ давно-бы принадлежалъ мнѣ!....

«Между-тѣмъ-какъ лордъ Великъ говорилъ все это, я внимательно всматривался въ него. Величіе его прекрасной фizioноміи смѣнилось необыкновеннымъ волненіемъ. Съ живостью размахивалъ онъ руками, глаза его горѣли. Какое-то неотравимое помѣшательство овладѣло всѣмъ его существомъ.... Я предложилъ ему нѣсколько вѣжливыхъ вопросовъ, на которые онъ отвѣчалъ

довольно-безтолково, и я понялъ, что притязаніе этого страннаго человека имѣло всѣ признаки и всю силу неподвижной идеи.... Впрочемъ ничто въ немъ не обнаруживало ни малѣйшаго разстройства мозга; его скорѣе можно было назвать восторженнымъ мечтателемъ, нежели безумнымъ. Участіе, которое возбудилъ онъ во мнѣ, еще увеличилось, когда къ нему присоединилось съ моей стороны сожалѣніе, смѣшанное съ завистью; я смотрѣлъ на него какъ на одного изъ тѣхъ счастливицевъ, которые всю жизнь строгать воздушные замки и въ своихъ волшебныхъ зданіяхъ переходятъ отъ очарованія къ очарованію.

«Наблюдая его, я было совсѣмъ забылъ о предметѣ его посещенія, но онъ самъ напомнилъ о немъ, заговоривъ о кольцѣ Кипрянки.

«И только что упомянулъ онъ о немъ, какъ опять, такъ-же какъ въ саду, устремилъ на него завистливые взоры.

— Послѣ того, что я вамъ повѣрилъ,— продолжалъ онъ съ замѣшательствомъ,— вы, конечно, легко угадываете, о чемъ остается мнѣ васъ просить?

«Я притворился, что не понимаю, и какъ-будто неумышленно скрылъ перстень отъ его пристальныхъ взглядовъ....

«Онъ вздохнулъ и снова началъ говорить болѣе-твердымъ голосомъ:

— Вы не захотѣли сами узнать эту женщину и для васъ, конечно, ничего не стоитъ предоставить это право другому, потому-что вы всѣмъ рассказываете о ней?

— Милордъ, я предоставляю вамъ полную свободу быть пскателемъ этого приключенія, если вы не боитесь погнаться за призракомъ....

«Я думалъ разочаровать его этимъ, но вскорѣ увидѣлъ, что только подстрекнулъ его.

— На вашемъ пальцѣ есть средство уловить этотъ призракъ—перебилъ онъ.— Дайте мнѣ кольцо незнакомки, и въ самомъ непродолжительномъ времени я ее узнаю....

«Вотъ чего добивался лордъ Веллисъ, и онъ былъ способенъ проѣхать цѣлое полушаріе, полагаясь на вѣроятность случайнаго равнѣзья! Еслибъ и не было другихъ доказательствъ того, что онъ помѣшанъ, одна эта выходка убѣдила-бы меня въ этомъ; выраженіе голоса, съ которымъ онъ повторилъ свою просьбу, окончательно подтвердило мое убѣжденіе, и я тщетно старался

избавить его отъ непріятности отказа, стараясь отвлечь его отъ предпріятія, которое называлъ дурачествомъ....

«Но безумецъ наговорилъ мнѣ столько убѣдительныхъ доводовъ, что постепенно уничтожилъ всѣ мои возраженія, и послѣднимъ рѣшеніемъ его было, что съ кольцомъ или безъ кольца молодой Гречанки, но онъ все-таки пойдетъ.

«Я понималъ, что онъ исполнитъ свое намѣреніе, и потому надобно было наконецъ согласиться на его просьбу.

— Отправляйтесь, милордъ, — сказалъ я, подавая ему перстень, — желаю вамъ не по-пустому перепалть моря.

«Онъ бросился на перстень, какъ на добычу, и страшно поблѣднѣлъ, когда я охватилъ одернуль его.

«Чтобъ согласовать справедливое любопытство мое съ его неподвижной идеей, я объявилъ, что не иначе уступаю ему кольцо, какъ съ однимъ непремѣннымъ условіемъ.

— Съ какимъ? — спросилъ онъ, какъ человекъ готовый на всякое пожертвованіе.

— Съ тѣмъ, чтобы вы извѣщали меня о вашихъ дѣйствіяхъ и открытіяхъ, милордъ, и близко-ли, далеко-ли будете, во всякомъ случаѣ не лишали меня полной и омончательной вашей довѣренности.

— Подозрѣвая только половину намѣреніе, съ которымъ я просилъ его объ этомъ, онъ съ улыбкой восторга сжалъ мнѣ руку и ушелъ, отблагодаривъ меня за перстень самымъ трогательнымъ прощаньемъ.

— На разсвѣтѣ слѣдующаго утра я размышлялъ еще о всей этой странной исторіи, какъ вдругъ увидалъ изъ окна моей комнаты большой снаряженный корабль, стоявшій въ заливѣ, и узналъ, что лордъ Веллисъ за огромную цѣну нанялъ этотъ корабль и отправляется на немъ сейчасъ-же въ Грецію....

— Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, я ничего не зналъ о «прекрасномъ милордѣ» (такъ называли его въ Италіи). Я начиналъ терять надежду когда-нибудь узнать о прекрасной Гречанкѣ, и эгонистическое чувство оставшагося во мнѣ любопытства заставляло меня жалѣть о моемъ кольцѣ, когда, въ одно утро, я получилъ его при большомъ кувертѣ, котораго черная печать родила во мнѣ самыя грустныя предчувствія.... однакожъ я успокоился нѣсколько, увидѣвъ въ концѣ письма, подпись руки лорда

Веллиса, и съ нетерпѣніемъ, прочелъ описаніе его путешествія, и открытіе, которое оканчивалось такъ:

— Когда вы получите это письмо и кольцо, вѣсколко капель ошума прекратятъ мою жизнь, которой нѣтъ уже никакой цѣли на землѣ. Я искалъ любви какъ *Донъ-Жуанъ*; нашелъ одно только знаніе, какъ *Фаустъ*, и какъ онъ, отъ него умираю; но не смотря на это, благодарю, благодарю!!!

Лордъ Веллисъ».

— Спусти нѣсколько времени, я прочелъ въ одномъ греческомъ журналѣ подтвержденіе этого роковаго извѣстія со всеми подробностями смерти лорда Веллиса. — Этотъ-же журналъ, описывая наружность *первой красавицы въ міръ*, (описаніе это было мнѣ очень-знакомо), прибавлялъ, что число ея обожателей равняется развѣ числу бывшихъ претендентовъ на руку англійской королевы, и прописывалъ, не сокращая, полное имя одного несчастнаго вздыхателя, лишившагося разсудка, — который и остался извѣстенъ всему французскому флоту подъ названіемъ *обожателя Кипрской принцессы*.

ВОЗВАНІЕ КЪ КРЫСОИСТРЕБИТЕЛЯМЪ. — Читатели наши вѣроятно, помнятъ, что въ нынѣшнемъ году Парижъ объявилъ жестокою войну своимъ крысамъ, и въ немногихъ сраженіяхъ разбилъ ихъ на голову, получивъ въ добычу нѣсколько сотъ тысячъ непріятельскихъ труповъ, изъ которыхъ промышленность не замедлила извлечь пользу (крысы шкурки пошли на перчатки). Теперь, нежданно-негаданно, и намъ приходится разыгрывать эту драму. Прочтите слѣдующее объявленіе, напечатанное въ одномъ изъ послѣднихъ *N* С.-Петербургскихъ *Вѣдомостей*:

«Извѣстно, что въ С.-Петербургѣ, подъ Невскимъ, въ разныхъ мѣстахъ постоянно имѣются значительные склады хлѣба разныхъ сортовъ. Извѣстно и то, что на склады эти сильно нападаютъ крысы и много истребляютъ, такъ, что потери отъ этого бываютъ весьма-ощутительны, но до сего времени не было обращено полнаго вниманія и усилія къ истребленію этихъ животныхъ, между-тѣмъ-какъ въ послѣдніе годы, по случаю особеннаго скопленія въ здѣшнихъ кладовыхъ хлѣба, крысы появились въ такомъ множествѣ, что обыкновенныя мѣры къ истребленію ихъ остаются безполезными. Купецъ Овсянниковъ, имѣя въ кладовыхъ

своихъ на Мытномъ дворѣ значительный запахъ хлѣба разныхъ сортовъ, и желая испытать какое-либо особенное средство къ рѣшительной борьбѣ съ поманутыми небольшими, но злыми врагами, покорнѣе просить, если кому извѣстно такое средство, пожаловать къ нему (Рождественской части, 1 кв., по Малоохтинскому проспекту, въ д. Мордвинова). Овсянниковъ, за истребленіе крысъ въ его кладовыхъ предложить значительное вознагражденіе, и надѣется, что, если опытъ въ его кладовыхъ будетъ удаченъ, то примѣру его послѣдуютъ многіе торговцы хлѣбомъ, такъ-что истребитель крысъ отъ этого ремесла можетъ имѣть въ виду доходъ ежегодно весьма немаловажный.»

И такъ дѣло не шуточное; и практическимъ людямъ слѣдуетъ подумать о немъ съ должнымъ вниманіемъ.

ЛЮБЕЗНОСТЬ НЕПАЛЬСКАГО ПОСЛА:—Директоръ Парижскаго опернаго театра недавно вадумалъ показать Индійцу Непальскому посланнику волшебный закулисный міръ. Онъ предложилъ ему для этого сѣсть въ директорскую ложу, которая устроена за кулисами. Поклонникъ Брамъ пришелъ въ восторгъ. Забывъ важность своего сана, онъ нѣсколько разъ порывался выпрыгнуть изъ ложи. Громогласно изъяслялъ онъ свое простодушное удивленіе, и признавался, что Фенъ парижскаго балета несравненно привлекательнѣе баядерокъ его родины. Въ особенности же растрогала его настоящая царица парижскаго балета Черито. Онъ просилъ у Рокеплана, директора опернаго театра, позволенія посмотричь на нее вблизи. Г-жа Черито въ актѣ прилетѣла въ директорскую ложу, и посланникъ, въ заключеніе всѣхъ индійскихъ привѣтствій, поднесъ ей брилліантовый браслетъ, который снялъ съ своей руки. Говорятъ, Г-жа Черито очень-довольна этой любезностью и намѣрена въ своихъ будущихъ мемуарахъ помѣстить особенную статью, въ доказательство того, что колыбель Французской и слѣдовательно всемірной любезности—Индія.

Отвѣтъ П. М. Леонтьева Г-ну Стасюлевичу не могъ быть помѣщенъ здѣсь за недостаткомъ мѣста и отлагается до слѣдующей книги. Ред.

СМѢСЬ.

ЛОНДОНСКІЙ ПОЧТАМТЪ ВЪ ДЕНЬ СВ. ВАЛЕНТИНА.

Въ Лондонѣ и вообще по всей Англіи, съ незапамятныхъ временъ существуетъ между влюбленными обыкновеніе пересылать другъ другу нѣжныя посланія 14-го февраля. Въ это число февраля нынѣшняго года, далеко за полдень, одинъ господинъ, не похожій ни на счастливого, ни на несчастного, ни даже на какого-бы то ни было любовника, опустилъ въ почтовый ящикъ улицы Флитъ два письма въ цвѣтныхъ конвертахъ: одинъ былъ жолтый, другой—красный. Онъ не озирался кругомъ и не боялся, чтобы за нимъ подсмотрѣли, но очень-спокойно вошелъ въ почтовую контору съ третьимъ письмомъ въ зеленомъ конвертѣ, за которое отдалъ пенни, послѣ чего пошелъ по направленію къ Лудгэтъ-гиллю.

Онъ шолъ послѣшно, какъ-будто торопился на свиданіе, и скоро достигъ Св. Мартина. Посмотрѣвъ на стрѣлку часовъ Главнаго почтамта, онъ, казалось, успокоился, и подошелъ къ другому господину, который спросилъ его:

— Ну что, сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ.

— Прекрасно: теперь посмотримъ, что изъ этого будетъ.

Главный Національный Почтамтъ Св. Мартина раздѣленъ на двѣ части пассажемъ, по обѣимъ сторонамъ котораго подѣланы отверстія. Въ нихъ-то погружаются письма и журналы, черезъ нихъ идутъ переговоры съ конторщиками, и получается плата за не-штемпельные конверты. Южная половина назначена для Лондонскаго округа, сѣверная для такъ-называемаго Внутренняго Департамента, хотя въ настоящее время сюда-же включена переписка съ чужими краями, съ колоніями, и другими мѣстами, лежащими за моремъ. Сначала наши два джентельмена по-видимому имѣли дѣло съ Лондонскимъ округомъ.

Отд. VI.

Пробравшись черезъ лабиринтъ прилавокъ и переходовъ, болѣе или менѣе темныхъ, они, какъ странствующіе рыцари волшебныхъ сказокъ, очутились въ обширной залѣ, блестящей мириадами свѣтилъ. Обитатели этой залы, хотя и не были въ точномъ смыслѣ превращены въ истукановъ или погружены въ летаргическій сонъ, но, казалось, находились въ сладостномъ состояніи *far niente*. Посреди грудъ безпорядочно-разставленныхъ попитровъ и длинныхъ столовъ, покрытыхъ чернымъ сукномъ, они читали, разговаривали, расхаживали взадъ и впередъ, или пили кофе.

Вдругъ, безъ малѣйшаго приготовленія, на одномъ концѣ залы раздался шумъ страшной суматохи, и безсчетное сонмище почтовыхъ служителей неистово ринулось въ середину. У каждаго изъ нихъ былъ мѣшокъ на спинѣ, каждый сгибался подъ своей ношей, и въ-мигъ, будто по дѣйствию чародѣйной силы, при одномъ взглядѣ на эти мѣшки, всѣ чтецы, говоруны, праздношатавшіеся и распиватели кофе превратились въ муравейникъ.

Мѣшки эти были кожаные, огромного размѣра и до-верха набиты письмами, свезенными со всѣхъ почтовыхъ отдѣленій разныхъ кварталовъ. Мѣшки сейчасъ-же развязали, опростали и выворотили, чтобы не завалилось чего внутри.

Тайственные посѣтители внимательно наблюдали за письмами, которыя изрыгались мѣшками. Письма эти были *изъ всѣхъ частей Лондона во всѣ части Лондона*, равно какъ *во всѣ провинціи и самыя отдаленныя уголки земнаго шара*. Смѣшленный конторщикъ можетъ съ перваго взгляда угадать содержаніе ихъ. Дѣловыя письма запечатываются въ большіе, четверугольные конверты; оффиціальныя въ продолговатые, письма адвокатовъ вовсе безъ конвертовъ; конверты раскрашенные или обведенные цвѣтными коемками, заключаютъ въ себѣ письма Св. Валентина; черная сѣтка означаетъ трауръ, а веселая серебряная сѣточка — свѣтлую. Когда появилась депеша улицы Флитъ, оба пріятеля, не смигнувъ, слѣдили за ней глазами, и не потеряли даромъ даже той минуты, когда конторщикъ былъ занятъ раздѣленіемъ трехъ пакетовъ, въ ней заключавшихся. Съ нетерпѣливымъ любопытствомъ, которое только тутъ начало проглядывать на ихъ лицахъ, одинъ изъ нихъ списалъ содержаніе записки, приложенной къ письмамъ. Въ ней было сказано: астольт-

ко-то штемпельныхъ, столько-то афраншированныхъ деньгами; столько-то не-афраншированныхъ.»

Съ быстротой молніи, конторщикъ сосчиталъ штемпельныя письма, и свернувшая красноватая полоска доказала нашимъ наблюдателямъ, что одно изъ ихъ посланій внѣ опасности. Вдругъ движеніе приостановилось; контролеръ инстинктивно замѣтилъ, что одно письмо не достаточно украшено профилемъ королевы; въ одно мгновеніе ока, онъ взвѣсилъ его, и поставилъ въ двойную цѣну. Удостоверившись въ точности подведеннаго итога штемпельныхъ писемъ, онъ перешолъ къ осмотру афраншированныхъ деньгами, и, въ числѣ другихъ, прошла извѣстная намъ зеленая грамотка. Потомъ онъ принялся за не-афраншированныя письма, между которыми два пріятеля узнали свое желтое письмо. Подъ столбцами чиселъ подвели итоги, и записали ихъ въ самое короткое время, потомъ быстрый почеркъ пера, значившій «сбѣрно», спровадилъ счетъ улицы Флитъ въ составъ другихъ, назначенныхъ для болѣе-спокойнаго пересмотра въ Главную контору. Всѣ другія письма и всѣ другіе счета всѣхъ другихъ конторъ каждого квартала подверглись такой-же повѣркѣ на всѣхъ другихъ столахъ: подобная операція повторяется десять разъ въ день въ продолженіе цѣлого года, исключая воскресныхъ дней!

— Замѣтили вы — сказалъ одинъ пріятель другому, — что во время быстрой повѣрки числа писемъ, нашъ штемпельный конвертъ промелькнулъ какъ метеоръ, тогда-какъ афраншированныя деньгами и не-афраншированныя письма подвергались довольно-продолжительному осмотру, потому-что каждая надпись прочитывалась внимательно.

— Эта проволочка — отвѣчалъ одинъ изъ почтовыхъ писцовъ — происходитъ отъ того именно, что на нихъ нѣтъ штемпеля. Такія письма дѣлаютъ намъ множество разныхъ хлопотъ, отъ которыхъ совершенно избавляетъ употребленіе почтовыхъ штемпелей. Всякій employé, черезъ руки котораго тѣ проходятъ, начиная со сторожа при ящикѣ до фактора, который ихъ разноситъ, долженъ записать каждое въ книгу и вести счетъ денежнымъ сборамъ съ нихъ. Еслибы общество штемпелевало всѣ письма, оно избавило-бы насъ отъ многихъ лишнихъ счетовъ въ-теченіе года.

— А какъ опредѣлить отношеніе штемпельныхъ писемъ къ письмамъ афраншированнымъ безъ штемпеля и не-афраншированнымъ, въ-теченіе года поступающимъ во всѣ почтовыя конторы?

— Приблизительно и почти-безошибочно можно отвѣчать, что въ прошедшемъ году поступило въ почтовые конторы Соединеннаго-королевства 337,000,000 писемъ: около 50 на 100 были со штемпелями; 46 афраншировано деньгами, и только 4 не афраншированы.

Между-тѣмъ какъ одинъ изъ наблюдавшихъ собиралъ эти свѣдѣнiя, другой последовалъ за своими цвѣтными письмами въ то мѣсто, гдѣ отпечатывали красными чернилами на оборотѣ число и часъ отправленiя. Здѣсь письма раскладываются длиннымъ рядомъ, какъ колода картъ, раскинутая по столу, и рука штемпельщика дѣйствуетъ такъ скоро, что онъ можетъ помѣтить три тысячи писемъ въ часъ. Отпечатывая на другой сторонѣ черной краской изображенiе королевы, онъ считаетъ каждый ударъ до-тѣхъ-поръ, пока дойдетъ до пятидесяти: тогда отводитъ руку въ сторону, и этой-же печатью кладетъ черную мѣтку на бѣлой бумагѣ. Потомъ эти знаки считаются почтмейстеромъ, для того чтобы получить примѣрный счетъ письмамъ.

Вотъ число писемъ, поступившихъ въ эту контору изъ округъ, въ день Св. Валентина.

14 Февраля 1850.	Письма афраншированныхъ деньгами.	Письма неафраншированныхъ.		Письма афраншированныхъ штемпелями.	Итого.
		1 пенн.	1 пенс. 2 пенн.		
Сборы:					
въ 8 часовъ	6,872	52	1,216	20,082	28,222
— 10 —	6,212	19	607	3,6291	20,467
— 12 —	7,069	36	612	15,240	22,967
— 1 —	2,989	17	277	6,395	9,678
— 2 —	6,520	39	535	13,478	20,790
— 3 —	2,456	36	328	6,909	9,729
— 4 —	4,873	36	375	13,478	18,762
— 5 —	3,340	28	317	8,207	11,892
— 6 —	9,300	129	958	27,950	38,337
— 8 —	3,903	32	812	6,650	11,487
	53,624	424	6,037	126,952	192,321.

Къ этому итогу надобно прибавить 6,000 писемъ «черезъ Лондонъ» т.-е. пересылаемыхъ изъ одной деревни въ другую во внутреннихъ предѣлахъ города, или изъ Окружной конторы, и не проходящихъ черезъ центральную администрацію; болѣе 100,000 адресованныхъ въ провинціи и за-границу, которыя поступаютъ во Внутренній Департаментъ. Общій итогъ этого дня доходить почти до 300,000. Итакъ приношенія на жертвенникъ Св. Валентина, состоящія изъ сердецъ, стрѣлъ, купидоновъ, выглядывающихъ изъ-за бумажныхъ розъ, оттиснутыхъ на картонѣ гименеевъ, пастушковъ въ голубыхъ юбкахъ, нимфъ изъ частой кисеи, каррикатуръ, нѣжныхъ стихотвореній и проч., увеличили доходъ этого дня на 70,000 писемъ, потому-что въ февралѣ мѣсяцъ обыкновенное число писемъ и депешъ «черезъ Лондонъ» простирается до 123,000 въ день. Этотъ добавочный доходъ, получаемый въ особенности въ окружныхъ и транзитивныхъ конторахъ, почти не относится къ Внутреннему Департаменту, потому-что влюбленные по большей части живутъ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Сумма всей корреспонденціи Трехъ-Королевствъ въ день Св. Валентина каждый разъ превышаетъ обыкновенные дни почти на 400,000 писемъ.

— Возможно-ли, — воскликнулъ одинъ изъ двухъ пріятелей, глядя на стопы писемъ, которыми завалены были всѣ столы, — возможно-ли, чтобы всѣ эти письма могли быть приведены въ порядокъ и отправлены по назначенію въ срочное время, когда не осталось часа до нового приема писемъ?

— Безъ-сомнѣнія — отвѣчалъ ему тотъ-же писарь, — я растолкую вамъ, какъ это дѣлается: мы раздѣляемъ Лондонъ на семнадцать частей. Посмотрите, вотъ онъ. — И онъ указалъ на столы съ нумерованными ящиками, отъ одного до семнадцати; потомъ на ящикъ съ надписью: *легетко*, и на девятнадцатый подъ названіемъ: *общій*. Онъ объяснилъ, что размѣщеніе писемъ по этимъ ящикамъ составляетъ первое распредѣленіе. Потомъ онъ еще подраздѣляются по округамъ, и послѣ всего уже передаются факторамъ, которые окончательно приготавливаютъ ихъ въ другой залъ для разности.— Впродолженіе своихъ наблюденій два любопытные господина видѣли, что ихъ цвѣтные конверты, всѣ три адресованные въ Шотландію, вдругъ были извлечены изъ безпорядочной груды и помѣщены въ ящикъ, отмѣченный *общимъ*, съ такой-же магической быстротой, какую употребляетъ фоку-

сникъ, выбрасывающій изъ цѣлой колоды картъ ту, которую ему назначили.

— Такъ-какъ эти письма — замѣтилъ писецъ — пойдутъ въ провинцію, то ихъ передадутъ во Внутренній Департаментъ черезъ туннель, устроенный подъ залой. Нечеткія письма, которыхъ надписи сортировщики не могутъ разобрать, отсылаются въ особое отдѣленіе, гдѣ есть особый чиновникъ, котораго мы, за чрезвычайную тонкость его зрѣнія, называемъ разборщикомъ. Вы сами-же подивитесь могуществу его зрительныхъ органовъ.

Впродолженіе этого разговора стукъ штемпельной печати и шумъ перебираемыхъ писемъ смолкъ повсюду, и возстановилась прежняя тишина. Съ трудомъ можно было повѣрить, что 30 — 40 тысячъ писемъ было принято, штемпелевано, сосчитано, сортировано и отправлено въ такое короткое время.

— Пасъ здѣсь всѣхъ отъ 1,200 до 1,700 человекъ только для того, чтобы управляться съ окружной почтой, — сказалъ одинъ изъ конторщиковъ, — а не было и четвертой доли, когда перевели сюда контору изъ улицы Герардъ. Напримѣръ, въ то время, трехъ факторовъ доставало для Паддингтонскаго округа; а теперь туда отправлено 2,000 писемъ съ 25 факторами.

— Это увеличеніе происходитъ не оттого-ли, что установили таксу въ одинъ пенни? — спросилъ любопытный посѣтитель.

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія. — Посѣтителю показали оффиціальныя отчеты, и онъ увидѣлъ изъ нихъ исторію увеличенія почтовыхъ корреспонденцій со времени преобразованія прежней таксы, по пространствамъ. Въ 1839, по старой системѣ, почта развозила 76 милліоновъ писемъ. Въ 1840, появилась однообразная такса, и въ этомъ году число писемъ возросло до 162 милліоновъ, т.-е. прибавилось 93 милліона, что составляетъ прибыль въ 123 на 100. Тутъ послѣдовалъ переломъ: въ 1841 г. приращеніе понизилось до 36 на 100, въ 1842 и 1843, до 16 на 100. Въ 1845 и въ послѣдующіе три года прибыль была въ 39, 37 и 30 на 100. Потомъ сдѣлалась внезапная убыль; вѣроятно вышедшая точка была достигнута. Сверхъ того почта — настоящій термометръ: вовремя кризиса 1848 г., число писемъ увеличилось не болѣе 9 на 100. Но, въ прошедшемъ году, поступило на почту 37,500,000: это значитъ 8,500,000 свыше предыдущаго года, или 15 на 100 приращенія. Изъ другого оффиціаль-

наго документа видно, что хотя дѣла прибавилось теперь ровно въ четыре съ половиною раза противъ 1839 года, расходъ административный только удвоился. Въ первый годъ онъ едва доходилъ до 690,000 ф. ст.; въ 1849, онъ простирался до 1,400,000 ф. ст.

Между-тѣмъ какъ одинъ изъ наблюдателей разсматривалъ эти документы, другой не спускалъ глазъ съ своихъ цвѣтныхъ конвертовъ. Ихъ помѣстили, въ числѣ почти 2,000 другихъ писемъ общей почты, въ ящики, которые, на горизонтальной плоскости, передвигаемой колесомъ, были опущены въ туннель, для передачи во Внутренній Департаментъ. Тогда два пріятеля разстались съ Окружнымъ Департаментомъ, чтобы встрѣтиться опять съ своими посланіями, и продолжать свои наблюденія.

Было три четверти шестого, когда они прошли черезъ залу: шесть часовъ—послѣдній срокъ для пріема журналовъ безъ прибавочной платы.

Какія громады кучи журналовъ! Какой сбродъ подателей журналовъ!

Вдругъ бьетъ шесть часовъ.

— Запирайте!

Никого не осталось въ залѣ. Ни малѣйшаго слѣда бури. Ни одно существо не опоздало!

Но какой хаосъ во внутренности! Тамъ, на большихъ платформахъ, стоятъ люди по-колѣна въ журналахъ; тамъ есть люди, приходящіе и уходящіе черезъ гигантскую заднюю, цѣлая горница поднимающаяся и опускающаяся посредствомъ паровой машины: они уносятъ съ собой одни журналы, только журналы! Вся современная исторія, хроника рожденій, смерти и браковъ, пороковъ, приключеній, тщеславія, превратностей, словомъ, — всей дѣйствительности образованнаго міра, собранныя, нагроможденныя, раздѣленныя, перенесенныя, разбросанныя, смѣшанныя, разобранныя, разсыпанныя, потомъ опять собранныя и перешедшія изъ рукъ въ руки, по наружности въ нескончаемомъ и безнадежномъ беспорядкѣ, но въ сущности въ удивительно систематическомъ порядкѣ, — и въ-теченіе круглаго года этимъ занимаются шесть вечеровъ въ недѣлю!

Пріятели узнали, что 70,000,000 номеровъ журналовъ поступаетъ каждый годъ въ почтовую контору. Штемпельная контора ставитъ ежегодно болѣе 80,000,000 штемпелей для журналовъ; но

большая часть лондонскихъ журналовъ отправляются въ провинцію съ утренними транспортами. Съ другой стороны часто одинъ и тотъ-же журналъ проходитъ нѣсколько разъ черезъ почту, чѣмъ объясняется небольшой излишекъ 10,000,000 штемпелей противъ числа журналовъ, отдаваемыхъ на почту. Сто-восемьдесятъ-семь тоннъ печатной бумаги поднимаются и опускаются каждую неделю замысловатою машиною, и, оттуда, разсылаются по всѣмъ концамъ земли изъ Блэкфрiарса до Ботани-Бел, изъ Стрѣва до Чусана.

Что касается до залъ, которыя видны черезъ западную подвижной восходящей и нисходящей комнаты, какъ описать ихъ, въ обширныхъ залахъ, съ сотнями сортировщиковъ, толпящихся около тысячи тысячъ писемъ, въ мастерскія, гдѣ совершается работа, которая, кажется, должна тнуться вѣчно и никогда не отдѣлаться на-чисто? Когда сортировщикъ выходитъ оттуда, чтобы отправиться на ночлегъ, видитъ-ли онъ во снѣ письма? Когда съ нимъ сдѣлается лихорадочный бредъ (сортировщики могутъ же иногда быть въ лихорадкѣ), не представляется ли ему, что письма изъ Валлиса переходятъ въ ящикъ Шотландiи, а лондонскія письма отправляются въ Иерихонъ? Когда онъ выпьетъ лишнюю рюмку, не двоятся-ли у него въ глазахъ письма раскладывающіяся въ странномъ совокупленiи? Когда онъ тяжело боленъ, неужели призраки писемъ не встаютъ у его одра, и не смотрятъ пристально и прямо ему въ лицо? А тамъ, въ тѣни, подъ потолкомъ, этотъ таинственный, стеклянный балконъ, похожій на органъ безъ валовъ, этотъ тайникъ, откуда невидимое око бодрствуетъ надъ сортировщиками, поддающимися искушенiю — уже-ли въ кошмарѣ никогда не чудится онъ ему?

Система штемпелеванья, сортировки и раскладки писемъ совершенно-сходна съ системой раздѣленiя по округамъ, и авторъ разноцвѣтныхъ посланiй могъ слѣдить за ними изъ одного мытарства въ другое, до самой ихъ упаковки и отправки. Въ это время товарищъ его дѣлалъ слѣдующiя наблюденiя:

Въ одной комнатѣ, нарочно для того назначенной, нѣсколько писарей занимаются исправленiемъ небрежностей публики, небрежностей столь-многочисленныхъ, что трудно составить себѣ объ этомъ понятiе. Писемъ 300 въ день, въ которыя вложены другiя письма, поступаютъ въ Главный Почтамтъ безъ всякаго признака печати, что дѣлается въ особенности по случаю употребле-

ніа конвертовъ, которые картонёры называютъ липкими. На большемъ числѣ нѣтъ ни печатей, ни адресовъ, а во многихъ вложены деньги. При сэрѣ Францисѣ Фрилингѣ, нашли 5,000 ф. ст. банковыми билетами въ конвертѣ безъ адреса, и съ большимъ трудомъ отыскали хозяина, чтобы возвратить ему эту сумму. Недавно одна содержательница почты въ незначительной общинѣ Валлиса, не въ состояніи будучи разобрать адресъ письма, замѣтила, разсматривая его, складки нѣсколькихъ банковыхъ билетовъ, высывавшихся изъ прорванного уголка конверта. Она тщательно запечатала его, и переслала къ секретарю Центральной администраціи. Письмо заключало въ себѣ 1,500 ф. ст., а подпись была до-того нечетко написана, что не уступила даже гіероглифической наукѣ разборщика. Какъ-то ужь случайно сумма эта нашла своего настоящего получателя.

Полагаютъ, что мертвыхъ писемъ всегда накапливается въ конторѣ на сумму до одиннадцати тысячъ ф. ст. въ годъ, владѣльцевъ которыхъ постоянно отыскиваютъ. Напримѣръ, къ іюлю 1847 г., въ какіе-нибудь два мѣсяца набралось 4,658 писемъ, и всѣ съ деньгами, задержанныхъ по причинѣ дурно-написанныхъ адресовъ. Безполезно подвергнутыя тщательнѣйшему осмотру искуснаго разборщика, онѣ были наконецъ записаны въ особую книгу. Онѣ заключали въ себѣ 1,010 ф. ст. банковыми билетами и 407 ф. 12 шил. ходячими билетами; но въ бѣдшей части этѣхъ писемъ съ неисправными адресами вложены были небольшія суммы звонкой монеты, доходившей до 310 ф. ст. — Іюля 17-го 1847 г., въ Конторѣ Мертвыхъ Писемъ была огромная сумма въ 40,410 ф. ст.

— Увѣрю васъ — сказалъ одинъ изъ высшихъ чиновниковъ этого Департамента,—что почти-невозможно захватить пачку писемъ безъ того, чтобы между ними не попались письма съ деньгами, не-смотря на удобство постановленія о передаточныхъ векселяхъ. Это причиняетъ намъ тысячи непріятностей. Искушеніе, которому подвергаются сортировщики, факторы и другіе служащіе нисшаго разряда, такъ велико, что нѣкоторые и не могутъ устоять противъ него. Въ послѣдніе два года, 70 человекъ изъ нихъ были удалены изъ Окружной конторы за присвоеніе себѣ пересылаемыхъ денегъ.

Отд. IV.

6

Однакожь почтовое постановленіе о передаточныхъ векселяхъ въ большомъ употребленіи. Изъ оф-ціальной вѣдомости видно, что только въ Англію и въ Валлисъ, въ продолженіе года, считая за конецъ его 5-ое Января 1849, было выпущено и уплачено 6.852,911 такихъ векселей, сумма которыхъ возвышалась до огромной цифры 13,678,377 ф. ст.

— Посмотрите! — сказалъ помощникъ почтмейстера, доставая тоненькую картонную коробочку съ искусственными цвѣтами, изъ-подъ нѣсколькихъ капъ писемъ и журналовъ, подъ тяжестью которыхъ она приняла видъ неправильнаго ромба — посмотрите, какой необыкновенной довѣренностью удостоиваетъ насъ публика. Вотъ вещь, назначенная прибыть въ цѣлости въ Дублинъ; при отправкѣ не взято никакихъ предосторожностей, чтобы сохранить ее, кромѣ этого тоненького лоскутка, въ которомъ она обернута. Вотъ еще пара бѣлыхъ атласныхъ башмаковъ, которые скоро переменить цвѣтъ отъ общества сырыхъ еще журналовъ и обрѣзовъ книгъ. Недавно, въ такомъ-же пакетѣ, кончикъ башмака вырвался изъ уголка своей слпшкомъ-слабой оболочки, и штемпельщикъ, не успѣвъ во-время остановиться, украсилъ атласъ словами изъ голубыхъ чернилъ: «Йоркъ 1-го Февраля 1850» Вы увидите изъ отчета о вещахъ, найденныхъ въ конторѣ Мертвыхъ Писемъ, какіе любопытные предметы ввѣряютъ намъ.

И обязательный чиновникъ подалъ документъ, въ которомъ находилась длинная роспись безконечно-разнообразнымъ вещамъ, превышающимъ все, что воображеніе можетъ изобрѣсть самого страннаго.

— Кромѣ небрежности, мы должны еще бороться противъ невѣжества, — продолжалъ разкащикъ, подведя двоихъ пріятелей къ столу, гдѣ разборщикъ, съ глазами аргуса, сидѣлъ окруженный цѣлой библіотекой альманаховъ, адресовъ, руководителей, календарей арміи, флота, духовенства и проч. вслѣдъ вслѣчины, необходимой ему, судя по угловатымъ надписямъ и фантастическому правописанію, которыя онъ показалъ любопытствовавшимъ. Кое-которые изъ этихъ адресовъ чрезвычайно-любопытны; «но это потому — замѣтилъ какъ-то одинъ французскій путешественникъ, — что въ Англіи то, что пишется *Greenwich*, произносится

Гриптичъ, *Woolwich* называютъ Улидзъ, и я не поручусь, что, если вы напишите *Solomon*, этого не выговорятъ *Навуходоносорбъ*.*

Шумъ въ сосѣдней комнатѣ дѣлался сильнѣе и сильнѣе. Осьмой часъ былъ въ исходѣ, и конторскіе служители, которыхъ мы видѣли, когда они принесли мѣшки, теперь извлекали ихъ изъ второй неутомимой, вѣчно-движущейся мельницы. Каждый мѣшокъ, почти ужь полный журналами, тащили къ особенному столу за полученіемъ писемъ. Пріатели наши бросились къ тому мѣсту, гдѣ увидѣли на стѣнѣ надпись «Эдинбургъ»; тамъ замѣтили они свои три письма: желтое, зеленое и красное, въ разныхъ пакетахъ, не-смотря на то, что онѣ отправлялись въ одно мѣсто, точно такъ-же, какъ и явились изъ одного, улицы Флитъ. Та-же продѣлка повторилась со всѣми другими мѣшками и пакетами писемъ. Пробыло восемь часовъ: шумъ затихъ, конторщики и освѣщеніе исчезли. Вотъ еще поразительная черта этого чудного заведенія; все въ немъ дѣлается по-военному, мгновенно. Въ восемь часовъ безъ пяти минутъ обширныя конторы горѣли яркими огнями, въ нихъ толпился народъ; въ десять минутъ девятого стеклянная западня упала, и вы не увидите свѣта и не встрѣтите живого существа.

Таковы наблюденія, сдѣланныя нашими пріателями въ Центральной администраціи Лондонской-почты.

Не забудемъ упомянуть въ-заключеніе, что эти господа поручили намъ уведомить нашихъ читателей, что письма ихъ, отправляемыя единственно для опыта, не имѣли ничего общаго съ обычаемъ дня Св. Валентина.

(*Household-words, and. by Ch. Dickens.*)

* Здѣсь слѣдуетъ въ подлинникѣ нѣсколько fac-simile этихъ адресовъ; мы не передаемъ ихъ здѣсь, затѣмъ, что неправильность орфографіи можетъ занять развѣ природныхъ Англичанъ, но достойны вниманія, по своему содержанию, слѣдующіе адреса: 1) *Мистеру Митчелю Дарси, въ столицѣ Англій,* 2) *Моему дядѣ Джону, въ Лондонѣ,* 3) *Миссъ королевы Викторіи Англійской!*

ЭКЦЕНТРИЧНОСТЬ ИЗЪ ЭКЦЕНТРИЧНОСТЕЙ. На послѣднемъ выборѣ въ Парламентъ на мѣсто умершаго сэра Робинсона, въ Дорсетширѣ, произошли презабавныя сцены. Избиратели бросали другъ въ друга гнилыми яблоками, лицами и всякой дрянью. Сэръ Севачъ, одинъ изъ кандидатовъ, былъ просто сблизъ лицами, а одному любезнику вздумалось осыпать его еще мукою, которая пристала къ влагѣ, и будущій членъ Палаты представлялся точь-въ-точь батракомъ съ мѣльницы.

СТРАСТЬ КЪ ИГРѢ ПРИ ДВОРѢ ЛЮДОВИКА XIV. Г. Пьеръ Клеманъ, авторъ «Исторіи жизни и правительственной дѣятельности Кольбера», недавно издалъ въ Парижѣ сочиненіе, подъ заглавіемъ «Царствованіе Людовика XIV.» Изъ этого во всѣхъ отношеніяхъ любопытнаго произведенія, заключающаго, кромѣ замѣчательной исторической критики, много чрезвычайно-любопытныхъ и доселѣ еще неизвѣстныхъ подлинныхъ документовъ, писемъ и проч., мы извлекаемъ нѣсколько данныхъ о страсти къ игрѣ при дворѣ «Великаго монарха.»

Игра вообще во Франціи, а такъ-же и при дворѣ, была въ большой силѣ: попадалось не мало и такихъ игроковъ, которые не довѣрялись одному счастью. Пропгрыши лицъ королевскаго дома не разъ обращали на себя вниманіе Кольбера. Въ особенности подозрительнымъ казался ему Данжѣ. Данжѣ служилъ въ Испаніи, и прекрасно говорилъ по-испански. Это обстоятельство, его умъ и ловкость, съ самаго начала царствованія, сдѣлали изъ него любимца двухъ королевъ, Анны и Маріи-Терезіи австрійскихъ. Онъ принялъ его въ свою игру: тогда играли въ реверси. Данжѣ обладалъ особенной способностью разсчитывать карточные шансы; съ этимъ вмѣстѣ онъ былъ веселый и неутомимый собесѣдникъ: королевы забавлялись, и проигрывали очень-много. Это задѣвало за-живое бережливость Кольбера. Фонтенелль говорить по этому поводу: «Король однажды присутствовалъ при этой игрѣ, и, не давая себя замѣтить Данжѣ, сталъ за нимъ, и лично убѣдился въ его безукоризненной честности. Давъ ему наиграться и выиграть вдвоемъ, король взялъ его въ свою партію: разсчетливость и счастье и тутъ же измѣнили Данжо.» — И въ то время страсть къ игрѣ

все росла. Г. Клеманъ, въ числѣ доказательствъ, приводитъ слѣдующее изъ «Неизданныхъ писемъ Фекіера»: — игра г-жи де-Монтеспанъ дошла до-того, что проигрышъ въ 100,000 экю сдѣлался вещью самой-обыкновенной. Въ день рождества она проиграла 700,000 экю. Разъ ей случилось поставить на три карты 1,500,000 ливровъ, и выиграть ихъ.

ИГРА ПРИРОДЫ. — Въ звѣринецъ Парижского-музея доставленъ теленокъ обѣ двухъ головахъ. Вторая голова, соединенная съ шеей посредствомъ связки, имѣющей въ длину до 18 дюймовъ, а въ ширину около двухъ пальцевъ, и на-равнѣ со всей кожей, покрытой шерстью, имѣеть видъ довольно-безобразный. Впрочемъ очень-ясно обозначены челюсти и зубы, также небо, которое чрезвычайно-развито, и языкъ, гдѣ кровообращеніе сильно и правильно какъ въ сердцахъ.

ARTES EMOLLUNT MORES, сказалъ еще едва-ли не Гораций. А вотъ что на эту тему говоритъ одинъ алжирскій журналъ:

Поркѣ, флейтщикъ одного изъ полковъ зуавовъ, въ сообществѣ своего пріятеля, капрала, отправился 1 сентября къ мѣсту Grandes-Cimès, лежащему въ трехъ километрахъ отъ большой Бладахской дороги, для того, чтобы попробовать инструментъ, только-что имъ купленный. Мѣстность здѣсь представляетъ живописную долину, окруженную высокими горами: здѣсь, поэтому, великолѣпное эхо. Достигнувъ цѣли своей прогулки, пріятеля расположились подъ тѣнью алоэ, съ намѣреніемъ заняться сначала завтракомъ. Едва успѣвъ усѣсться, они увидѣли огромного льва, который шолъ прямо на нихъ. Оружіе ихъ было ничтожно противъ такого врага; о бѣгствѣ они и думать не смѣли, потому-что царь звѣрей нагналъ-бы ихъ въ два скачка. Въ такомъ безвыходномъ положеніи Порке сохранилъ свое присутствіе духа, вспомнилъ про свой инструментъ, быть-можетъ, и про латинскую поговорку, взялъ флейту, и принялся извлекать изъ нея одну изъ самыхъ-мелодическихъ арій своего репертуара. Левъ остановился, наострилъ уши, и весь превратился въ напряженное вниманіе. Порке продолжалъ играть, и заставлялъ отдаленное

охо горь повторять гармоническіе звуки его флейты: ахъ, видимо-тронутый, преспокойно улегся, и впасть въ музыкальный экстазъ: между-тѣмъ товарищъ Порке, удостовѣрившись въ немолчанническихъ инстинктахъ ужаснаго четвероногого, пошелъ на помощь, и воротился спустя полчаса въ сопровожденіи верднаго количества туземцевъ, имъ встрѣченныхъ. Давно было жора. Храбрый музыкантъ, изнемогая отъ усталости, едва умогъ дѣлать необходимое движеніе губами. Онъ сейчасъ-же кончилъ играть. Левъ, увидѣвъ пришедшую толпу, всталъ и грустный, исчезъ въ ущельяхъ. Порке воротился въ городъ съ канраломъ, разсказалъ свое приключеніе, и получалъ дружную овацію отъ всѣхъ своихъ товарищей. Съ-тѣхъ-поръ, говорятъ, флейтщикъ получилъ удивительно-высокое понятіе о своихъ музыкальныхъ способностяхъ, и живетъ въ счастливой увѣренности, что и для него родится когда-нибудь новый Барнумъ, который дастъ ему возможность извлечь должную пользу изъ его прекраснаго таланта.

СОВРЕМЕННОКИ ЛАПЕРУЗА И КУКА. — Въ іюнѣ нынѣшняго года умеръ въ Монтерей старый испанскій штурманъ, по имени Румондо, который зналъ Лаперуза, въ то время, когда послѣдній пріѣзжалъ на берега Калифорніи въ началѣ 1787 года. Румондо нѣсколько дней исправлялъ должность лоцмана на «Астралаби», суднѣ, на которомъ ходилъ начальникъ экспедиціи. Наканунѣ своего отъѣзда, Лаперузъ сходилъ на берегъ съ нѣсколькими изъ своихъ офицеровъ, и, осмотрѣвъ мѣстность, изъявлялъ желаніе основать здѣсь французское населеніе. Онъ подарилъ Румондо тупоръ и великолѣпный карабинъ. Этѣ вещи, по смерти Испанца, куплены съ аукціоннаго торга г. Реннеромъ, русскимъ вице-консуломъ, за весьма-дорогую цѣну.

Около Портсмута живетъ столѣтній матросъ, по имени Уадъ. Онъ дважды совершилъ путешествіе вокругъ свѣта съ капитаномъ Кукомъ, и въ то время, какъ этотъ мореплаватель былъ убитъ дикарями на островѣ Ованги, матросъ находился подлѣ него, и самъ былъ раненъ копьемъ въ руку. Старикъ еще въ полной памяти, но живетъ въ нищетѣ и проситъ милостыню. Онъ родился въ Нью-Йоркѣ, и вѣрно послѣдній въ живыхъ изъ спутниковъ Кука.

ПАМЯТНИКЪ ВОРДСВОРТУ. — На памятникъ Вордсворту, скончавшемуся 23 апрѣля, собрано слишкомъ 900 ф. ст. Еще не рѣшено, изъ чего долженъ состоять онъ, и гдѣ будетъ воздвигнутъ: въ Кумберландѣ, гдѣ родился поэтъ, или въ Вестъ-морландѣ, гдѣ онъ погребенъ. Изъ оставшихся бумагъ напечатаны 14 пѣсней, заключающихъ поэтическую автобіографію, подъ заглавіемъ «*The Recluse*».

О НОВОМЪ ПРИЛОЖЕНІИ ДАГЕРРОТИЦА. — На Парижской обсерваторіи долженъ повториться чрезвычайно-любопытный опытъ, сдѣланный еще прежде въ Англіи. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы съ помощью дагерротипа, нарочно для этого устроенного, получать изображенія съ небесныхъ тѣлъ, находящихся въ районѣ предметнаго стекла. Опыты, которые будутъ продолжаться нѣсколько дней, обнимутъ и поляризацію звѣздъ.

ЛОВЛИ САРДИНЬ. — «*Journal du Loiret*» публикуетъ цифры о статистикѣ ловли сардинь. На годовой оборотъ по этой отрасли промышленности употребляются:

2000 рыбацкихъ лодокъ, поднимающихъ грузъ въ 45,000 тоннъ и представляющихъ цѣнность въ 2,000,000 франковъ; 6,000 человекъ матросовъ, изъ самыхъ лучшихъ французскихъ моряковъ; 25,000 работниковъ: плотниковъ, парусниковъ, содельщицъ, бочаровъ, поденщиковъ, продавцовъ и проч.; 10 мил. фр. на всѣ эти заведенія и обороты по всей торговлѣ.

Результаты всѣхъ этихъ операцій слѣдующіе:

Отъ 100 до 110 тысячъ боченковъ рыбы, кругомъ въ 85 килограммовъ каждый; отъ 2000 до 2400 боченковъ масла, и цѣнность отъ 800,000 до 1,000,000 фр. рыбы, продаваемой еще свежою для потребленія, или для приготовленія сардинь въ маслѣ. (До сихъ поръ къ намъ идутъ только послѣднія.)

НОВОЕ ЗРѢЛИЩЕ ВЪ ПАРИЖѢ. — Г. Бурдье, бывшій артистъ Национальнаго театра (прежній циркъ бульвара du Temple) получилъ привилегію на открытіе новаго зрѣлища. Это учрежденіе, которое будетъ называться Champ de Foire, должно занять мѣсто, отдѣляющее улицу Samson отъ улицы Faubourg du Temple, и должно быть открыто въ будущемъ апрѣлѣ или маѣ. Предполагается воспроизвести въ немъ старую ярмарку St. Laurent, но

нынѣшнее время. Тутъ будутъ и всякого рода удобства, и всякого рода зрѣлища: сады-террасы, рестораны, кофейни, пантомимы, концерты, акробатическія представленія, жонглерскія игры и т. п. Все это будетъ открыто и въ движеніи отъ 7 часовъ утра до 11 вечера; цѣна за входъ предполагается 10 сантимовъ.

ШАЙКА РАЗБОЙНИКОВЪ,—напоминающая Картуша и Мандрена недавно завелась въ Бельвиллѣ, что въ окрестностяхъ Парижа. Шайка эта устроена чрезвычайно-правильно: въ ней есть капитанъ, поручикъ, два подпоручика, четыре старшихъ и восемь младшихъ урядниковъ. Подъ командою находилось еще 120 человекъ. Теперь вся эта шайка уже въ рукахъ полиціи, въ отчетахъ которой и сообщаются между-прочими слѣдующія свѣдѣнія: капитанъ шайки, который называетъ себя барономъ де-зъ-Арденнь, молодой человекъ, принадлежащій къ прекрасному семейству и получившій хорошее воспитаніе. Онъ былъ на своемъ вѣку солдатомъ и актеромъ. Не такъ давно онъ вмѣстѣ съ своей возлюбленной, женою французскаго настоящаго капитана, убѣжавшею отъ своего семейства, присутствовалъ при представленіи балета, въ ложѣ сосѣдней съ тою, которую должны были занимать индѣйскіе принцы. Онъ былъ намеренъ снять съ нихъ драгоценныя каменья, что, можетъ-быть, и удалось-бы ему, еслибы г. Рокланъ, директоръ Театра Оперы, не предложилъ заморскимъ гостямъ своей ложи (о чемъ уже знаютъ наши читатели изъ прошлой книги Москвитянина). Въ числѣ этихъ разбойниковъ есть и одинъ бывшій аббатъ, который въ нарядѣ индѣйскаго миссіонера забрался на этихъ дняхъ къ одной старой дамѣ предмѣстья du Roule и выпросилъ у ней 11,000 франковъ: онъ принесъ въ цѣлости эту сумму казначею шайки, которому нужно было платить жалованье за первую половину сентября; жалованье это для самыхъ мелкихъ воровъ простирается до 450 франковъ. Атаманъ шайки всегда рязъвжалъ въ блестящихъ кипажахъ, которые теперь всѣ взяты въ префектуру полиціи.

ФОРТЕПИАНО НА СЧЕТѢ РЕСТОРАНА. Предлагаемое происшествіе принадлежитъ къ самоновѣйшей исторіи Франціи. — Привычки одного изъ извѣстнѣйшихъ парижскихъ ресторановъ, недавно, были не мало удивлены шумомъ, звуками музыки, голосовъ, пѣсней и танцевъ, доносившимся до нихъ изъ самого-близкаго

разстояніа. Прислуга, спрошенная объ этомъ, отвѣчала, что всѣ эти звуки: топанье ногами, хлопанье руками, визгъ, ругань, хохотъ и все прочее, происходятъ отъ собравшагося во второмъ этажѣ ресторана общества, состоящаго изъ дюжины молодыхъ людей обоаго пола,—что веселые гости потребовали себѣ фортепіано, и распоряжаются въ своемъ отдѣленіи въ свое удовольствіе. Нѣсколько дней спустя послѣ этого событія, карта достопримѣчательнаго мелогастрономическаго и галанто-музыкальнаго вечера, по одному изъ извѣстныхъ законовъ общественнаго устройства, введенныхъ въ употребленіе французскимъ юношествомъ, — карта этого вечера, изъ рикошета въ рикошетъ, изъ каскада въ каскадъ, явилась на разсмотрѣніе и для надлежащаго исполненія передъ однимъ цѣмъ тѣмъ почтенныхъ и торжественныхъ *лицъ*, которыя могутъ принадлежать исключительно или папенькѣ, или дяденькѣ, или какому-то ни было восходящему по болѣе или менѣе прямой линіи. Достойный родственникъ, съ лорнетомъ въ одной рукѣ и перомъ въ другой, разсматривалъ одну за другой всѣ статьи этого бюджета, морщась надъ каждою, при видѣ ни на что не похожихъ цѣнъ. Съ трудомъ одолевъ антре, гор-д'евры, антремей и жаркія, только-что не подавившись десертомъ, онъ начиналъ теряться въ лѣсу бутылокъ разныхъ винъ, болѣе или менѣе высокихъ, болѣе или менѣе дорогихъ, какъ вдругъ замѣтилъ подъ нескончаемымъ рядомъ строкъ, слѣдующую :

Фортепіано..... 1,500 франковъ.

Достойный родственникъ привскочилъ на своемъ сѣдалищѣ, и воскликнулъ :

— Фортепіано!.... Что это! фортепіано! ужъ вы не хотите ли меня увѣрить, что они съѣли такой, можно-сказать, солидный инструментъ?

— Нисколько! — почтительно отвѣчалъ рестораторъ:—они его не скушали, а разбили!

— Зачѣмъ-же у васъ вездѣ валяются музыкальные инструменты.... Нельзя-же отвѣчать за....

— Позвольте: фортепіано не валялось.... То-есть, изволите видѣть, инструментъ стоялъ въ комнатѣ моей дочери, которая употребляетъ его для своей пользы и удовольствія. Обѣдъ былъ къ концу. Господамъ вадумалось поиграть, у дамъ довольно-пріятные голоса. Потребовали фортепіано, да чтобы сейчасъ, сейчасъ! У

меня под-рукой не было другого, кроме дочерины. Не я, разумеется, не предполагаю, любовь, игра дольми, редочи, пальси рин господи миди-би настолько тяжолую руку, чтобы расколоть все клавиши, и потомъ, танца и кружась, удочить дистрибуить и одомать еще въ дребезги. Уверю васъ, что остались одни осколки, которые уже давно выла что не годятся.... Я кладу здѣь самую-умѣренную, самую-настоящую цѣну. Онъ у меня служилъ всего два года и былъ какъ мовый. Мнѣ только нужно купить фортепиано для дочери, а вашихъ денегъ не надо.

— 1,500 франковъ! — воскликнулъ опять достойный родственникъ. — Вотъ оно, это значить вамъяться музыкой по ресторанамъ! Учите пока этого сыновей и насмѣликовъ свободныхъ искусствамъ!....

Слѣдомъ стороны этой грустной картинѣ та, что вместо мового фортепиано почтенный рестораторъ подарилъ своей дочери совершенно-новое, которое не стоило ему 1,500 франковъ...

Слѣдомъ въ погоду, а въсь въ ревю. Вотъ что произошло не такъ давно въ Бельгiи: фермера Монтесселя, селенiя Генсгау, вдовый уже 25 лѣтъ и имѣющiй отъ-роду 84 года, пользующiйся и здоровьемъ и оръжестью вохъ умственныхъ способностей, могущiй съ замѣчательнымъ талантомъ и памятью передать историческiя происшествiя своей юности, словомъ, одинъ изъ тѣхъ почтенныхъ старцевъ, возможности дѣствительнаго существованiя которыхъ такъ прiятно вѣрить всякому благомыслящему человеку, отправился къ одной дамѣ мѣстечка Вивизаль, имѣющей отъ-роду 93 года, заслуживающей уваженiя и по своему общественному положенiю и во всѣхъ другихъ отношенiяхъ: здоровехонькой, живехонькой и веселехонькой, какъ бывають дамы около двадцатой весны. Цѣлью этого визита было просить руки почтенной дамы. Дама не только не отказалась, но сочла себя оочастливленной вниманiемъ своего искателя. и попросила только дать ей годжъ-два подумать. Назвъ Амандисъ, ни мало не смутившись, отвѣчалъ очень-смило: — если вамъ двухъ лѣтъ недовольно, я подожду четыре года!

НОВЫЯ СЕРБСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Сербы безъ сомнѣнія самый пѣвучій народъ изъ всѣхъ Славянскихъ, а тѣмъ болѣе изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ. Что-бы ни случилось — у Серба сей часъ готова пѣсня. Была война съ Турками — они пѣли о Туркахъ, о Султанѣ Амуратѣ, о Косовскомъ полѣ. Отарылась война съ Малярами — Сербы запѣли про нее, про Шерцеля и Кошута. Я досталъ три такихъ пѣсни и перевелъ ихъ для любознательныхъ. Въ видѣ примѣка (я говорю о подлинникахъ; не знаю, досталъ-ли я того же переводѣ) — таже наивность, и простота, какъ и въ старыхъ; таже денатія, таже приемы и таже форма. Можно сказать, послѣдняя много облегчаетъ имъ составленіе пѣсень, на всякій предметъ, на всякій случай. У нихъ всегда многое готово для новой пѣсни и спѣть ее — Сербу почти ничего не стоитъ, особенно если вспомнимъ свойство Сербскаго языка, въ которомъ по произволу слова и растягиваются и сжимаются; однакожъ въ пѣсняхъ изъ войны Мадарской много и новаго; въ двухъ первыхъ даже замѣтно стремленіе автора пощеголатъ римой, иногда вовсе неуцѣта, или по крайней мѣрѣ не тамъ, гдѣ ее употребляютъ обыкновенно. Въ народныхъ героическихъ пѣсняхъ Сербовъ, изданныхъ Вукомъ Караджичемъ, рими бываютъ или на самомъ концѣ, или близко къ концу — и потому въ предлагаемомъ переводѣ я рѣшился придерживаться этой манеры. Третья пѣсня составлена лучше и можетъ идти наряду съ народными.

Сербскія народныя пѣсни до войны Сербско-Мадарской, 1848 года.

I.

Битва подъ Елемиромъ 31-го Августа.

Что ни дня еще, ни алой зорьки,
А звонцы звенять ужъ въ Елемиръ, —
На дворѣ звенять у Федригони,
Воеводы села Елемира.
На голосъ звонцовъ сбѣжался слуги,
Изъ палатъ къ нимъ вышелъ Федригони,
Говорить онъ имъ такое слово:
»Вѣрные вы слуги-домочадцы!
Запрягите мнѣ коней въ тележку¹⁾:

¹⁾ Въ подлинникѣ *итове* — Турецкое слово, которое имѣетъ неопредѣленное значеніе; здѣсь можно разумѣть и коляску.

Я поѣду къ Генералу Кишу ,
 Въ славное селенье Бечкереку ,
 Чтобъ сказать ему , что здѣсь творится !»

Побѣжала вѣрная прислуга ,
 Тотъ наказъ исполнить воеводскій ,
 Воеводы села Елемира :
 Запрягли ему коней въ тележку ,
 Воевода Федригони вышелъ ,
 Сѣлъ, пустился прямо къ Бечкереку ,
 На квартиру Генерала Киша .
 Подъѣзжаетъ и въ палаты смотреть :
 Тамъ горять у Генерала свѣчи ,
 А онъ самъ по комнатамъ все ходить ,
 На груди свои скрестивши руки .
 Тутъ вошелъ въ палаты Федригони ,
 Говорить онъ Генералу Кишу :

»Что съ тобою, шурина мой любезный ,
 Что сегодня рано такъ поднялся ,
 И лицомъ такъ пасмуренъ, не вѣсель ,
 И свою головушку повѣсилъ ?«
 Генералъ на это отвѣчаетъ :
 »Нынче въ ночь ко мнѣ письмо прислали
 Отъ проклятыхъ супостатовъ Сербовъ ,
 Что хотятъ они на насъ ударить ,
 Пограничники, злодѣи - Сербы ,
 Что придуть, вишь, нынче въ часъ обѣда ,
 Что сожгутъ нашъ Елемиръ пожаромъ ,
 И дворы бѣлые расхитятъ. —
 Жалко; жаль мнѣ дворовъ нашихъ бѣлыхъ ,
 Жалко ихъ и жалко Елемира !«

Какъ они про это говорили ,
 Прискакалъ, что было духу, вѣстникъ ,
 Конь его покрытъ горячей пѣной ,
 Что не звать ни шерсти и ни масти ,
 А самъ всадникъ что бумага блѣденъ
 Будтобы лицо ему и щоки
 Дщерицы лютыя испили .
 Кишъ на встрѣчу вѣстнику выходить ,
 Говорить ему такое слово :

»Что съ тобою, вѣстникъ, приключилось,
 Что коня ты уморилъ въ дорогѣ,
 И чего ты такъ перепугался?»

Отвѣчаетъ вѣстникъ Генералу:
 »Слушай: Сербство ²⁾ перешло чрезъ Тиссу,
 Стратимировичъ у нихъ начальникъ,
 Онъ ведетъ ихъ прямо къ Елемиру,
 И ведетъ ихъ на Арадецъ Малый.
 Какъ увидѣлъ Сербское я войско,
 Всполошился и перепугался,
 И пустился прямо въ Бечереку,
 Чтобъ сказать тебѣ объ этомъ горѣ.
 Знай еще, что Сербство раздѣлилось,
 Раздѣлилось на двѣ половины:
 Левая подходитъ къ Елемиру,
 Генераль ихъ Міо ³⁾ Іовановичъ
 Восемь пушекъ за собою тащить.
 Все на Міо плачутся Мадярки,
 Что побилъ у нихъ мужей любезныхъ,
 А иныхъ Мадерокъ взялъ съ собою
 И сестеръ ихъ горевать заставилъ.
 А другая сила лютыхъ Сербовъ
 Подступаетъ къ Малому Арадцу;
 Ужъ и много этой силы-войска,
 Все Шайкаши ⁴⁾, супостаты наши!
 Воеводой капитанъ Агичъ.
 Сохрани насъ, Боже, и помилуй!»

Какъ услышалъ Кишъ такія рѣки,
 Что змѣя раздавленная взвизгнула:
 »Господи, затѣмъ-ли я воюю,
 И за тѣмъ-ли пролилъ столько крови,
 Чтобъ сгубить мой Елемиръ любезный!
 Нѣтъ, не дамъ я Сербу Елемира,
 Пока голову мою на плечахъ!»

²⁾ Србадја.

³⁾ Михайло.

⁴⁾ Или Чайкисты. Такъ называютъ Сербовъ, которые ѣздятъ по Тиссѣ на шайкахъ, или чайкахъ — небольшихъ лодкахъ.

Тутъ онъ кликнулъ трубачей съ трубами ⁵⁾:
 »Трубачи, по улицамъ ступайте
 И трубите сборъ всему народу!
 А ты, Мишка ⁶⁾, осѣдай мнѣ лошадь,
 Я хочу на встрѣчу ѣхать Сербамъ!
 Какъ сѣдлалъ ему лошадь Мишка,
 Въ это время собралось войско,
 Кишъ предъ войскомъ на конѣ мышастомъ ⁷⁾,
 И пошли они чрезъ Бечкерекъ.
 Вышедши они изъ Бечкерекъ,
 Не пошли дорогой къ Елемиру,
 А вернули къ Малому Арадцу,
 Положивъ надежду на майора,
 На майора Павла Естергази,
 И его Ганноверскихъ гусаровъ;
 Да на корпусъ Дона-Мигуэля,
 И три роты гвардiи Мадярской,
 Что всего двѣнадцать было сотенъ,
 И при нихъ четыре было пушки.
 Кишъ подходитъ къ Малому Арадцу,
 На пути его встрѣчаютъ вѣстникъ,
 Говорить онъ Кишу Генералу:
 »Не ходи туда, отецъ нашъ милый,
 А не то головушку погубишь:
 Сербы стали подъ Арадцомъ Малымъ,
 Наше войско въ пухъ растеребили,
 Словно ястребъ голубей сизыхъ!
 Еще Кишъ той рѣчи не дослушалъ,
 Какъ пахнула буря отъ Арадца,
 Отъ Арадца и отъ Елемира,
 Загудѣли бомбы и гранаты,
 Ажно поле все зарожгало!
 Бомбы свишутъ, ~~виноватыхъ~~ ^{виноватыхъ} ~~вишутъ~~ ^{вишутъ}!
 И рѣчей о томъ послушать страшно,
 А куда ужъ поглядѣть очами!
 Мгла стоять межъ небомъ и землею!

⁵⁾ Въ подлинникѣ *бубьмаре* — барабанщикова.

⁶⁾ Такъ и въ подлинникѣ.

⁷⁾ На кулашу — Турецкое слово.

Какъ увидѣлъ Кишъ напасть такую,
 Повернулъ назадъ своихъ Мадяровъ,
 И пустился съ ними черезъ поле.
 Въ эту пору Міо Іовановичъ
 Подступилъ съ полками къ Елемиру
 И погналъ Мадяровъ предъ собою,
 Поломалъ въ обозъ ихъ телеги
 И пожегъ, что подъ селомъ поймаосъ.
 Господи, Твое свершилось чудо!
 Всякъ, кто жилъ и спиналъ, подивился:
 Какъ пошли по Елемиру Сербы;
 Прямо бросились въ палаты Киша,
 Какъ ему предсказано то было;
 Разогнали всю его прислугу,
 Бѣлые дворы поразметали,
 Разметали, но не запалили.
 Много, много полегло Мадяра,
 А изранено еще ихъ болѣею.
 Наши Сербы всё остались цѣлы,
 Всего на все лишь одинъ былъ раненъ.
 Такъ все было хорошо и шло,
 И про эта наша пѣсня спѣта!
 Сербы братья, веселитесь выице!
 Коль у Серба молодцы такіе;
 Такъ не знать ему бѣды и горя!
 Веселись нашъ Міо Іовановичъ!
 Долго будетъ гремятъ твоя слава,
 Пока въ небѣ красно солнце ходитъ,
 Красно солнышко и ясный мѣсяцъ!

II.

Битва подъ Варадиномъ ^{в)}.

Строить шанцы молодець Мамула,
 Знаменитый Сербскихъ войскъ Полковникъ;
 Полгода ведетъ Полковникъ шанцы,
 Изъ-подъ града, изъ-подъ Варадина.
 Какъ построилъ все, что надо было,

^{в)} Петервардейскъ.

Онъ высоко водрузилъ знамя,
 Чтобъ Мадяръ глядѣлъ на знамя снизу,
 Но чтобъ худа онъ ему не сдѣлалъ.
 Подлѣ знамени разставилъ пушки,
 Такъ разставилъ, какъ ему хотѣлось;
 Вкругъ насыпалъ и картечь, и ядерь,
 И гранатъ, и пороху въ патронахъ.
 Тутъ Мамула крѣпко утвердился,
 Чтобъ стоять защитой всей Серміи,
 Но Мадяръ вѣдь Хамово коленно⁹⁾,
 И куда напыщенъ и завистливъ:
 Сталъ грозить Полковнику Мамулѣ,
 Что пойдетъ и отобьетъ онъ шанцы
 И Мадарской покорить ихъ силы.
 То грозился Генераль Чуха,
 Воевода града Варадина.
 Онъ беретъ чернила и бумагу,
 И Полковнику Мамулѣ пишетъ,
 Пишетъ: »Слышишь-ли меня, Мамула,
 Австріяцкой арміи Полковникъ!
 Знать ты хочешь вспокоить Сермію
 И идти на Королевство наше,
 На Мадарскую святую землю,
 Пóлитую кровію Мадарской, —
 Что копаешь и городишь шанцы,
 По чьему-либо небось приказу!
 Но клянусь тебѣ святою вѣрой
 И святымъ Мадарскимъ нашимъ Богомъ
 Соберу я армію и силу,
 Созову къ себѣ Мадяровъ вѣрныхъ,
 Поведу свои полки и пушки
 На твою столицу каменицу,
 Тамъ постѣю и печаль, и горе,
 Похватаю твоихъ побратимовъ,
 Ихъ зарубать саблями гусары;
 А за тѣми, что уйдутъ живыми,
 Буду гнаться до рѣки до Савы;
 Что падутъ въ бою, въ кровавой битвѣ,

⁹⁾ Арпатско колѣно.

Тѣхъ не стану покрывать землею,
 Пусть ихъ клюють враны и сороки,
 И про эту памятують пору,
 Какъ на сватѣбѣ, на пиру гуляли,
 На пиру веселомъ Каменицы,
 Гдѣ Мадяръ побилъ проклятыхъ Рацовъ ¹⁰⁾!»

То письмо пошло по войску Сербовъ,
 Всѣ его глядѣли и читали;
 Наконецъ оно пришло къ Мамулѣ,
 Въ часъ, когда осматривалъ онъ шанцы.
 Закипѣлъ онъ, разгорѣлся гнѣвомъ
 И когда прочелъ письмо отъ Чуха,
 Во все горло громко засмѣялся
 И воскликнулъ къ Сербамъ побратимамъ:
 »Всякъ, кто Сербинъ чистой Сербской крови,
 Крови Сербской и юнакъ по сердцу, —
 Всѣ ко мнѣ сходитесь отовсюду:
 Отъ Мадяръ ко мнѣ письмо прислали,
 Отъ Мадяръ, изъ града Варадина!»

Загудѣли горы и долины,
 Заблистала Фрушка ¹¹⁾ отъ оружья; —
 Собралися Сербы отовсюду
 И дѣтей своихъ съ собою вали.
 Прочиталъ письмо народу Лазарь,
 И какъ всѣ письмо уразумѣли,
 Межъ собой заговорили громко.
 Кто стойтъ, крутить свой усъ кудравый,
 Кто бѣжить и по берегу вопить ¹²⁾,
 Кто сидитъ задумчивъ и печаленъ,
 Кто своей размахиваетъ саблей,
 Кто ворчитъ, а самъ винтовку чистить.
 Раздавался кличъ и голосъ съ шанцевъ:
 Сохрани намъ, Боже, и помилуй

¹⁰⁾ Т. е. Сербовъ. Собственно жителей области Россіи — Расцовъ, или Рашцовъ, которыхъ Мадяры передѣляли въ Рацовъ и у нихъ это слово обратилось въ бранное.

¹¹⁾ Имя горы.

¹²⁾ По брегамъ жука.

Воеводу Лазаря Мамулу!
 Но едва успѣли это крикнуть,
 Какъ Мадяры въ градъ всполошились
 И давай со стѣнъ метать гранаты;
 Сами вышли и пошли на нашихъ;
 Наши Сербы встрѣтили ихъ дружно,
 Изъ винтовокъ пули посылая;
 Но не долго бились и рубились:
 Побѣжали прыткіе Мадяры,
 Побѣжали берегомъ Дуная,
 И во всѣ углы они метались,
 Словно въ полѣ марево какое ¹³⁾.
 Сербы дружно за Мадяромъ слѣдомъ,
 Много, много ихъ они побили.
 Кто лежитъ, ни рукъ, ни ногъ ужъ нѣту,
 Кто вопить отъ тяжкихъ ранъ и боли,
 Кто въ полонъ, просится, чтобъ взяли,
 Только-бы оставили живова.
 Такъ-то Сербы съ Лазаремъ Мамулой
 Люто бились супротивъ Мадяровъ
 И врага отъ шанцевъ отогнали,
 Всю дружину къ граду Варадину,
 И Господнее свершилось чудо:
 Всѣ какъ есть вернулись оттуда.
 Лазарь Бога Сербскаго прославилъ
 И на шанцахъ свой барьякъ ¹⁴⁾ поставилъ,
 Чтобъ онъ вѣлся, а народъ дивился,
 Чтобъ онъ вѣлся край рѣки Дуная,
 Супостату Сербовъ поминал!

Веселись, нашъ Лазарь именитый,
 И во вѣки честь тебѣ и слава,
 Что отъ всѣхъ, отъ Сербовъ честь и слава,
 А тѣмъ паче отъ твоей Сермін,
 Что ее оборонялъ ты часто

¹³⁾ Горска лобама — горное привидѣніе. Выраженіе, употребляемое очень часто и извѣстное всему народу. Я не нашелъ для этого въ Русскомъ ничего, кромѣ марева, которое извѣстно всѣмъ.

¹⁴⁾ Знамя. Турецкое слово.

И спасалъ отъ всякаго несчастья!
 Гой еси ты Лазарь, нашъ Полковникъ!
 Честь отцу и матери спасибо,
 Что родили молодца такова!
 Оправдалъ ты выборъ нашихъ Сербовъ!
 Буди свѣтель дикъ твой на совѣтъ!
 Сербамъ всѣмъ съ тобою честь и слава!

III.

Битва подъ Вилковымъ.

Письмо пишетъ Генераль Перцель,
 Во селѣ черномъ ¹⁵⁾ Сентъ-Иванѣ,
 Шлетъ письмо Кничанинъ-Сепану:
 «Слышишь, Кничанинъ, поутру завтра
 На тебя съ полками я ударю,
 Я ударю въ день Святаго Спаса,
 Въ часъ, когда идетъ у васъ обѣдня;
 На глазахъ твоихъ село расхищу,
 Чтобъ по немъ тебѣ ужъ не шататься;
 Въ прахъ развѣю твою силу-войско,
 Разорю церковь на Марошѣ,
 Изъ нея сдѣлаю конюшню
 И коней своихъ туда поставлю;
 По полю Бачвановъ ¹⁶⁾ стану вѣшать,
 Капитановъ ихнихъ похватаю,
 Въ страшныхъ мукахъ я ихъ стану мучить,
 Повежу ихъ по землѣ Мадарской:
 Пусть надъ ними старъ и малъ смѣется,
 Пусть смѣется и въ лицо имъ плѣбеть;
 Окрещу потомъ ихъ въ нашу вѣру,
 Окрещу и посажу на коль!»

Какъ прочелъ Степанъ, что Перцель пишетъ,
 Онъ схватилъ чернилы и бумагу,
 И въ отвѣтъ Перцелю отвѣтилъ:

¹⁵⁾ У чароом селу Сент-Ивану.

¹⁶⁾ Такъ называютъ Сербовъ, живущихъ въ области Бачкѣ.

»Слышишь-ли ты, Генераль Перцель!
 Что ты хочешь на меня ударить,
 Нашу церковь разорить грозилъся,
 Хочешь биться въ день Святаго Спаса,
 Въ часъ, когда идетъ у насъ обѣдня:
 Такъ послушай — будь мнѣ Богъ свидѣтель
 И Святая истинная вѣра!
 Я всякъ часъ готовъ съ тобой сразиться,
 Изъ шатра я погляжу отсюда,
 Какъ изъ рукъ моихъ ты увернешься,
 Какъ-то поле наше будешь мѣрить,
 И твои проклятыя гонимы,
 И Бочкай-Рагонскіе ¹⁷⁾ гусары!
 Погоню тебя я до Шатора
 И до чернаго села Ивана!
 Ждутъ тебя Бачваны не дождутся,
 Вострые свои кинжалы точутъ,
 Громко пѣсни ходять-распѣвають,
 Съ дѣвками играютъ въ хороводахъ.
 Капитаны ихъ коней проводятъ
 И готовятся къ кровавой битвѣ.
 Разобьютъ они твое все войско,
 Причиняютъ тебѣ печаль-досаду;
 Хочется съ тобою имъ побиться,
 Славнымъ боемъ освятить праздникъ!»

Какъ письмо получилъ Перцель
 И прочелъ, что писано въ немъ было,
 Написалъ тотчасъ письмо другое
 И послалъ въ Варадинъ городъ,
 На колѣно Генералу Кишу:
 »Слушай, Кишъ, ты побратимъ мой вѣрный,
 Разверни ты всѣ свои знамены,
 Насади яблоки на древки,
 Подъ знамены собери войско,
 И кому солдатской плащъ, что кровля,

¹⁷⁾ Бочкай и Раго — извѣстныя магнатскія фамиліи въ Венгріи: вѣроятно они образовали одинъ или нѣсколько полковъ, которые и были названы ихъ соединеннымъ именемъ.

Пистолеты, что друзья и братья,
 А винтовка — матушка родная:
 Тотъ идетъ пускай къ селу Ивану,
 Гдѣ стоятъ лагеремъ Мадары!

Перцельевъ наказъ дошелъ до Киша¹⁾,
 Кишь прочелъ, что писано въ немъ было,
 Все, какъ надо, сдѣлалъ и устроилъ
 И пришелъ къ Перцелю на помощь;
 Оба вмѣстѣ тронулись къ Виллову
 И когда попали на дорогу,
 Стали къ битвѣ армію готовить,
 Стали пушки наводить на нашихъ,
 Но лихіе молодцы Бачваны
 Услыхали звонъ и громъ оружья,
 Услыхали топотъ по дорогѣ.
 Выстрѣлили одинъ — и сто винтовокъ
 Отвѣчали вдругъ ему на выстрѣлъ!
 Тысяча тотъ выстрѣлъ услышала!
 Тутъ все поле дрогнуло подъ нами,
 Затряслось, кабы струна на гуслѣ¹⁸⁾;
 Загудѣлъ отъ пуль и ядеръ воздухъ!
 Тотъ кричить: пропасть мнѣ и погибнуть!
 А другой бѣгомъ уходитъ съ поля!
 Это было около полудня;
 Сербы знали только что стрѣляли!
 Видитъ Перцель, что не можетъ биться,
 Что тѣмъ дальше бьется онъ, тѣмъ хуже:
 И бѣгомъ онъ по полю пустился;
 Сербы кинулись за нимъ въ погонию
 И кричали: «гой еси ты, Перцель!
 Что Виллово рано ты оставилъ?
 Что бѣжать ты по полю пустился?
 Еще пушекъ мы не разогрѣли!
 Еще сердце въ насъ не разыгралось!
 Еще пуль и пороху довольно!

¹⁸⁾ Музыкальный инструментъ, въ родѣ Малороссійской кобзы, съ одною толстою струною изъ волосъ, по которой водягъ дугообразнымъ смычкомъ, то же со струной.

Воротись и бой давай докончимъ
 И сегодняшній прославимъ праздникъ!
 Но не слышать Перцель и уходить,
 Изъ очей онъ горьки слезы ронить:
 „Богъ убей проклятое Видово!
 Погубилъ я много силы-войска,
 Вѣрныхъ подданныхъ отца Кошута
 И моихъ — Перцеля Морйца!
 Но клянуса вѣрой и Закономъ
 И Святимъ Мадярскимъ нашимъ Богомъ,
 Ужь добуду это я Видово,
 Или въ немъ свои оставлю кости!
 Онъ отеръ свои полою слезы
 И еще скорѣй бѣжать пустился,
 Видно пули мимо засвиствали!
 Сербы славятъ день Святаго Спаса.
 Пьютъ вино во здравье Генерала,
 Генерала Кничанинъ-Степана.
 Будь отъ насъ ему во вѣки слава!

Н. Березъ.

1850. Августъ.
С. Ваземы.

Для образчика мы предлагаемъ начало одной пѣсни въ Сербскомъ подлинникѣ:

Битка под Варадшином, како генерал Чуха звао Мамулу да се преда.

Шанце гради Мамула Лазаре,
 Онај Србски славни обрштаре;
 Градио је по године дана,
 Испод тврда града Варадина.
 Па када је шанце саградио,
 На шанце је барјак ударио,
 У висину да га Маджаръ види,
 Да га види, да му не науди.
 Пусте топе ту је намјестио,
 А повољи љепо разредио,
 Скупно је тешкога омова,
 А и ситна праха пушчаного.
 Ту је Лазо шанце утврдио,

На обрану свег Срема стајао.
 Но је Маджаръ Арпадско кољено,
 Пун надувен првенства пакљена,
 Те се њему Мамула не свиди,
 И јако му у том повавиди,
 Стаде претит' славном обрштару,
 Обрштару Мамули Лавару,
 Поче претит' шанце му узети,
 Маджарској га сили покорити.
 То претио Чуха денерале,
 Заповједник града Варадина,
 Па је уз'о перо и артију,
 Ситну књигу Мамули спремио:
 »Чуеш мене, Мамула Лаваре,
 Аустријанска Царства обрштаре!
 Што ти додје Срема узбуњити,
 На краљевство Маджарско дигнути,
 Свјету земљу крвљу поливену,
 Са Маджарски синци добивену:
 Земљу копаш и шанце сагради,
 Ти на славу некоме војводи:
 Ја ти ево тврду вјеру дајем,
 И Маджарским Богом се заклипѣм:
 Извучичу силу и ордију,
 Па позвачу вјерну Маджарију;
 Наперичу силу и топове,
 Пустит' с града громовне мерзере,
 Сатрчу ти село Каменицу,
 Каменицу а твою столицу,
 Растерачу јаде и чемере;
 Србијанце твоје побратиме,
 Што похватам, живота лишичу,
 Што утеку, до Саве вијачу,
 Што ли падну у боју крвавом,
 Те ти нечу ни покрити земаљом,
 Нек се туже свраке и јастреби,
 Неке знаду, кад бише на свадби,
 Та на свадби села Каменице,
 Када Маджар искорени Раце.«

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ПРИОБРѢТЕНІЯ. — Въ отечественное древлехранилище М. П. Погодина поступили въ сентябрь мѣсяцъ слѣдующія достопримѣчательности:

- 1 Аввы *Дорофея* и житіе Св. *Іоанна* Богослова, на пергаментѣ, рук. конца 14 или начала 15 вѣка, въ малую ормушку.
- 2 Апостоль *Скорининскій*, экземпляръ очень-хорошій, безъ нѣсколькихъ листовъ, впрочемъ въ началѣ.
- 3 Описаніе Пугачевского бунта, соч. *Рыжкова*, рукопись, съ присоединеніемъ дневника одного священника въ Оренбургѣ.
- 4 Собственноручныя письма: *Тихона*, еписк. Воронежского.
 — — — — — двѣ записки Задонскаго Затворника *Георгія*.
 — — — — — два письма *К. Н. Батюшкова*.
 — — — — — пять писемъ *Анпониа*, арх. Воронежского.
- 5 Портреты современные масляными красками: *Царицы Евдокіи Лукьяловны Стрѣшневой*; Императрицы *Елисаветы*; Полковника *Циглера* Стрѣлецкаго Полковника, извѣстнаго въ Исторіи заговоровъ противъ Петра I, и его *жены*.
- 6 Сочиненіе *Сыреніуша* о растеніяхъ, печатанное въ Краковѣ въ началѣ 17 столѣтія.

Во 2-й книгѣ Географическихъ извѣстій, Г. Редакторъ, помѣщая статью *Ө. А. Семенова* о солнечномъ затменіи, напечатанную въ Москвитинѣ съ картою, въ N 9, обращаетъ вниманіе читателей на собственную повѣсть *Ө. А. Семенова*, о себѣ, напечатанную въ Телескопѣ 1832 г. Статья эта написана была мною, на основаніи записки *Ө. А. Семенова*, которая у меня до сихъ поръ кажется цѣла въ моемъ архивѣ. Исправляю это извѣстіе: ибо для меня дорого то воспоминаніе, что я 20 лѣтъ назадъ старался обратить вниманіе соотечественниковъ на Курскаго Астронома. *М П.*

ПЕЧАТАТЬ ПОВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Москва, Октября 14-го 1850 года.

Ценсоръ В. *Лешковъ*.

М О Д Ы.

— Соображаясь со всеми нарядами, которые мы ежедневно видимъ въ лучшихъ модныхъ магазинахъ, должно думать, что платья будутъ носить все еще съ самыми длинными лифами и полными юбками, которыя сзади на нѣсколько вершковъ лежатъ на полу, а спереди позволяютъ видѣть совершенно всю обувь. Форма рукавовъ очень разнообразна; замѣтно, однакожь, что полу-широкіе и немного-короткіе рукава преобладаютъ надъ всѣми другими. Причиною тому, вѣроятно, красивыя подрукавники.

— Мантили разнообразны до безконечности. Много носятъ бѣлыхъ тафтяныхъ мантилій-шарфовъ, обшитыхъ самой широкой бахромой. Дѣвицы дѣлаютъ эти мантили-шарфы на флорансовомъ подбоѣ розоваго, голубаго или палеваго цвѣта, и обшиваютъ ихъ рюшемъ изъ лентъ. Замѣтимъ, что нынѣшнія мантили-шарфы совершенно отличны отъ прежнихъ. Это не что иное, какъ широкій шарфъ, на которомъ, вокругъ шеи, сдѣлано пять или шесть выточекъ, посредствомъ которыхъ образуется воротъ. Если мантилья вышита кругомъ шелками, то и на выточкахъ вышиваютъ небольшія гирляндочки, которыя постепенно уменьшаются, спускаясь на плеча. Дѣлаютъ также кружевныя мантили-шарфы, на цвѣтномъ подбоѣ.

— Бальные платья изъ тарлатана, органди и шелковой кисеи, въ большой модѣ вышивать *à l'anglaise*, т. е. сквознымъ шитьемъ. Недавно мы видѣли бальное платье, лифъ котораго былъ совершенно въ новомъ родѣ, а именно: гладкій, очень длинный и вырѣзанный городами, изъ коихъ одинъ приходится на груди, два на плечахъ, и одинъ сзади; берта къ вороту также вырѣзана

городами, обшитыми рюшемъ изъ лентъ и богатымъ кружевомъ; рукава, доходящiе только до локтя, широкiе, обшитые рюшемъ и кружевомъ; юбка отдѣлана тремя оборками, вырѣзанными городами, обложенными рюшемъ изъ лентъ.

— Вмѣстѣ съ этимъ платьемъ, мы замѣтили очень миленькiй рединготъ изъ тафты-шини суроваго и зеленого цвѣта, убранный на юбкѣ, спереди, оборкой, положенной вдоль, собранной посрединѣ и фестонированной съ обѣихъ сторонъ стрымъ шелкомъ. На сборкѣ, чтобъ скрыть ее, положенъ аграмантъ изъ сѣраго и зеленого шелку. Лицъ, вырѣзанный сердцемъ, былъ отдѣланъ также оборочкой и застегнуть внизу на четыре большiя пуговицы. Эти пуговицы, сдѣланныя изъ разноцвѣтной эмали, съ украшенiями изъ золота и каменьевъ, придавали много изящества рединготу. Рукава были широкiе и полу-длинныя, съ кружевными подрукавницами.

— Къ этому рединготу принадлежитъ прехорошенькiй чепчикъ, изъ тюлю *malines*, собраннаго буфами, который имѣлъ форму немного закинутую назадъ. Прозрачная, легкая, была лента, сотканная подъ аграмантъ, была положена въ нѣсколько рядовъ на этомъ чепчикѣ, въ видѣ полукружiй, концы которыхъ, соединяясь вмѣстѣ, исчезали, съ обѣихъ сторонъ, подъ множествомъ маленькiхъ шу изъ бархатца перламутроваго цвѣта. На длинной и широкой лопасти были опять приколоты ленты, перемѣшанныя съ бархатцемъ.

